

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

700

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1864 32
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

1864
МАРТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ОТЪ ТАИТИ ДО БУЭНОСЪ-АЙРЕСА. Магеллановъ проливъ. Монтевидео. Буэносъ-Айресь. Опять Монтевидео. А. В. ВЬШЕСЛАВЦЕВА.
- II.—ЯДВИГА И ЯГЕЛЛО. V—VIII (Окончаніе). П. К. ЩЕБАЛЬСКАГО.
- III.—О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ФРАНЦУЗСКОЙ АДВОКАТУРЫ. К. К. АРСЕНЬЕВА.
- IV.—ЧУЖОЕ ИМЯ, романъ въ 3-хъ частяхъ, часть вторая. IV—V. Н. Д. АХШАРУМОВА.
- V.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарльза Диккенса. IX—XIII.
- VI.—ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ, съ предисловіемъ.
- VII.—ОЧЕРКЪ НАЛОГОВЪ НА СПИРТОВЫЕ НАПИТКИ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. I. А. Н. КУЛОМЗИНА.
- VIII.—Стяжотвореніе. М. П. РОЗЕНГЕЙМА.
- IX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.
(См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Фремлейскій приходъ. Романъ Треллопа. Переводъ съ англійскаго.
Гл. IX—XIII.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

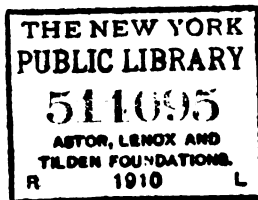
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

—
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Москва, 10-го марта 1861 года.

Цензоръ *А. Щетровъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРИДЦАТЬ-ВТОРАГО ТОМА.

МАРТЪ.

Отъ Таити до Буэносъ-Айреса. Магеллановъ проливъ. Монтевидео. Буэносъ-Айресъ. Опять Монтевидео. <i>А. В. Вышеславцева.</i>	5
Ядвига и Ягелло. V—VIII. (Окончаніе.) <i>П. К. Щобальскаго.</i>	69
О современномъ состояніи французской адвокатуры <i>К. К. Арсеньева.</i>	126
Чужое имя. Романъ въ 3-хъ частяхъ, часть вторая, главы IV—V. <i>Н. Д. Ахшарумова.</i>	152
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса Гл. IX—XIII.	221
Письма Александра Александровича Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ, съ предисловіемъ.	285
Очеркъ налоговъ на спиртовые напитки въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. I—III. <i>А. Н. Куломзина.</i>	336
«Христось, Христось воскресъ». Стихотвореніе. <i>М. П. Розенгейма.</i>	373

АПРѢЛЬ.

Административныя преобразованія Петра Великаго и первая служба В. Н. Татищева. <i>Н. А. Попова.</i>	375
Письма Александра Александровича Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ (Окончаніе.)	425
Фридрихъ Вильгельмъ I, по Карлейлю. <i>А. В. Дружинина.</i>	488
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса. Гл. XIV—XIX.	546
Чужое имя, романъ въ 3-хъ частяхъ, часть III. гл. I—III. <i>Н. Д. Ахшарумова.</i>	601
Очеркъ налоговъ на спиртовые напитки въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. (Окончаніе.) <i>А. Н. Куломзина.</i>	667
Добрая Память. Стихотвореніе <i>Я. К. Грота.</i>	701
«Опять обѣщанья». Стихотвореніе <i>М. П. Розенгейма.</i>	703
Лъвой-правой! Стихотвореніе <i>Д. Д. Минаева.</i>	704
Excelsior (изъ Longfellow). <i>Вс. Д. Костомарова.</i>	705

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

МАРТЪ.

Нашъ языкъ и что такое свистуны.	4
<i>Библиотека политическихъ и экономическихъ наукъ.</i>	
<i>Политическая экономія настоящаго и будущаго.</i>	
Соч. Бруно Гильдебранта. Пер. М. П. Щепкина. В.	
Заочнаго	38
<i>Стихотворенія А. С. Хомякова. М. Н. Ломимова.</i> . . .	61
<i>Солдатская бесѣда. М.</i>	69

АПРѢЛЬ.

<i>Изъ науки о чловѣческой душѣ П. Юркевича, Труды</i>	
<i>Кіевской духовной Академіи. 1860. книжка четвертая.</i>	97
<i>Изъ современныхъ записокъ. М. Н. Ломимова.</i>	
<i>Критическія замѣтки Я. К. Грота.</i>	145
<i>О руководствахъ къ арифметикѣ, изданныхъ въ 1860 году.</i>	
<i>Ружисля</i>	152
<i>Странное недоумѣніе. Н. Н.</i>	164

Въ приложеніи:

Френдейскій прихѣдъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XIII—XIX.

ОТЪ ТАИТИ

ДО

БУЭНОСЪ-АЙРЕСА

МАГЕЛЛАНОВЪ ПРОЛИВЪ. МОНТЕВИДЕО. БУЭНОСЪ-АЙРЕСЪ. ОПЯТЬ
МОНТЕВИДЕО.

I.

Мы оставили берега Таити 15-го февраля, и, направляясь сначала къ югу, а потомъ къ востоку, на тридцатый день достигли Магелланова пролива. Еслибъ я былъ въ состояніи передать всѣ свѣтлые и черные дни этого перехода, то, конечно, постарался бы быть точнымъ въ своемъ описаніи; день за днемъ отмѣчалъ бы я наше плаваніе, перенося ярко-выставленными картинами воображеніе читателя на палубу нашего маленькаго клипера; нарисовалъ бы его и во время «свѣжей» погоды, которую на землѣ называютъ бурей, когда судно лежитъ на боку, волны перебрасываются черезъ бортъ и снасти взмахать;—и во время хорошихъ минутъ, когда солнце обсушиваетъ намочшее вчера платье, и легкій вѣтерокъ надуваетъ и расправляетъ смятый рифами парусъ. Но если я когда сѣмалъ о своемъ безсиліи въ описательномъ родѣ, такъ это въ то утро, когда мы приближались къ Магелланову проливу

Еще съ ночи «засвѣжѣло»; по беспорядочному небу быстро неслись грозныя, черныя тучи, и съ ними находили порывы; шелъ дождь, снѣгъ и градъ. Утромъ (15 марта), сквозь густой туманъ, замѣтили неясные признаки берега: это были *Евангелисты*, отдѣльно разбросанные, высокіе камни; скоро открылся и мысъ *Пилларъ* (Пиластръ), стоящій на стражѣ пролива. Мы «спустились» и полетѣли попутнымъ штормомъ въ узкое пространство между утесистыхъ береговъ, оставляя за собою бунтующій, разгулявшійся океанъ. Временами темнѣло отъ наступавшихъ тучъ, но, какъ быстро налетали онѣ, такъ же быстро и проносились; тогда солнце ярко освѣщало гряды зеленыхъ валовъ, съ ихъ молочными, бурлящими гребнями, и мрачную, отвѣсную скалу Пилларъ, о которую разбивалась вся наступательная сила океана, высокимъ буруномъ, разлетавшимся милліонами брызгъ.

Входъ во время шторма въ проливъ производилъ странное впечатлѣніе и наводилъ на сравненіе съ другими бурями.

Вообразите себѣ площадь, на которой бушуетъ революція. Разъяренныя толпы народа въ злобѣ бросаются на другія толпы, уничтожая все встрѣчаемое, среди воплей, плача и стоновъ. И вдругъ съ этой площади вы попадаете въ мрачное подземелье, оставленное инквизиціею, гдѣ на мрачныхъ, отсырѣвшихъ стѣнахъ еще замѣтны изображенія разныхъ пытокъ, и мѣстами виднѣются бѣлѣющія кости заржавленныя орудія... Хотя вы и укрылись отъ свирѣпой толпы, но до васъ долетаютъ еще вопли ужаса и отчаянія, которымъ вторитъ эхо мрачнаго подземелья, и вы содрогаетесь въ вашемъ убѣжищѣ, которое виѣсть говоритъ и о прошедшихъ ужасахъ; никто не догадался уничтожить слѣды жившихъ здѣсь мучителей. Площадь,—это разсвирѣпѣвшій океанъ; подземелье, гдѣ еще отзываются его бури—Магеллановъ проливъ...

Прежніе мореплаватели, вѣроятно, бывали подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, входя въ этотъ мрачный проливъ, что можно заключить изъ названій, которыя они давали здѣшнимъ островамъ и бухтамъ: тутъ есть Апостолы, Евангелисты, заливъ Мерсу (*Милосердіе, God have mercy upon us!*), *Desolation*, и пр.

За то рѣдко удавалось намъ видѣть болѣе эффектную морскую сцену. Всѣ тоны Айвазовскаго или Жозефа Верне, которые брали они у бури и грознаго неба, для приданія картинамъ своимъ эффекта, разыгрывались здѣсь *fortissimo* и болѣе великимъ художникомъ. И страшно бушующія волны, и водопадъ ярнхъ

лучей солнца, хлынувшихъ нзъ-за черной тучи, низвергающей въ это время снѣгъ и градъ, и дикія скалы, подставившія вѣковую броню свою ярости океана, и передъ всѣмъ этимъ ничтожный клиперъ нашъ, исчезающій подъ массою воды, которая ежеминутно вливается на палубъ,—все это представляло безконечное множество поэтическихъ оттѣнковъ и разныхъ эффектныхъ положеній... Крѣпя парусъ за парусомъ, мы остались подъ одними снастями и шли до десяти узловъ; слѣва Евангелисты уходили отъ насъ, закутываясь въ туманныя и мрачныя ризы; справа высилась гранитная стѣна, берегъ Desolation, начинавшійся мысомъ Пилларъ; выступающіе пилластры сѣдыхъ скалъ бороздились черными трещинами; только мѣстами рѣзкіе углы камня смягчались мхомъ и прильпившимся къ нему приземистымъ растеніемъ. Брызги отъ волнъ высоко поднимались къ горамъ, какъ будто волны желали набросить на ихъ мертвыя, неподвижныя фигуры свой прозрачный саванъ. Сколько вѣковъ продолжается здѣсь эта игра или эта борьба моря съ каменнымъ великаномъ!...

Недалеко была и бухта Милосердія, которую можно было узнать по находящимся вблизи ея тремъ камнямъ. Она образована небольшимъ углубленіемъ той же стѣны; нѣсколько острововъ и выступившія впередъ скалы защищаютъ ее отъ волненія; за то вѣтеръ, достигая до бухты черезъ нѣсколько ущелій, пріобрѣтаетъ въ нихъ еще больше силы и стремительности. Мы бросили якорь, поздравивъ себя съ окончаніемъ перехода Тихимъ Океаномъ.

Скалы спускались въ бухту уступами, какъ исполинскія ступени сказочной лѣстницы; во многихъ мѣстахъ съ этихъ уступовъ падали каскады, то живописно расплываясь широкою струею, то тонкою металлическою нитью прорѣзывая себѣ путь на темномъ фонѣ чернѣющей трещины. Внизу, у самаго берега, росло нѣсколько деревьевъ; но вѣтромъ и прибоемъ такъ прижало ихъ къ скаламъ, что они какъ будто сторонились и хотѣли дать кому-нибудь дорогу. Въ ущельяхъ скалы громоздились въ дикой перспективѣ, плавая въ туманѣ темнаго облака, пробравшагося по ихъ обрывамъ; каждое такое облако, вырвавшись изъ ущелья, вихремъ летѣло по заливу, бороздя его поверхность рябью и волненіемъ, обхватывало стоявшее судно, обдавая его дождемъ и снѣгомъ, сотрясая натянутыми цѣпами, свистя Соловьемъ-разбойникомъ въ снастяхъ и облакахъ, и летѣло далѣе... Къ довершенію удовольствія, якоря наши легли

на каменную плиту, которая встрѣтила ихъ также холодно и недружелюбно, какъ бухта насъ самихъ; не было ни илу, ни песку, за что бы уцѣпиться, и потому при малѣйшемъ порывѣ вѣтра насъ дрейфовало.

Бухта Милосердія удивительно хороша какъ декорация. Если-бы нужно было представить самое дикое и ужасное мѣсто, «куда воронъ костей не заноситъ,» куда ни звѣрь, ни птица, никакое другое животное не заходило, и гдѣ случайно занесеннаго путника ожидаетъ какой-нибудь злой волшебникъ; то для такой декорации лучше Милосердія трудно найти мѣсто.

На другой день я ѣздилъ на берегъ. При устьѣ горной рѣчки лежало на боку разбитое судно; срубленные его мачты находились невдалекѣ, прибитыя волною къ камнямъ; половина палубы и бушпритъ были наружи; судя по всему, кораблекрушеніе было недавно. По близости, въ пещерахъ и у камней, видны были слѣды недавняго пребыванія людей: гдѣ стояла бочка, гдѣ замѣтны были остатки костра... Какіе краснорѣчивые комментаріи къ бухтѣ! Кто были эти бѣдняки? Переправились ли они на шлюпкахъ до Чилийской колоніи? Многіе ли изъ нихъ погибли? Отправились ли остальные внутрь острова? Последнее грозило бы тоже гибелью: кромѣ голодной смерти, нечего тамъ найти.

Судя по погодѣ, въ океанѣ все еще ревѣлъ штормъ, потому что каждые полчаса налетали къ намъ порывы; мы пользовались наступавшею тишиною, чтобы пристать къ берегу, и едва отыскали мѣсто, гдѣ можно было выйти, не рискуя разбить шлюпку; наконецъ увидѣли, что къ камню въ большомъ количествѣ прибило морской травы, за которую можно было уцѣпиться крюкомъ; упругая масса ея легла между шлюпкою и камнемъ; мы выскочили на нее, полакомъ взобрались на берегъ, и пройдя шаговъ десять, рѣшили, что дальше идти незачѣмъ, потому что, кромѣ мха и камней, ничего не увидимъ. И отсюда можно было наблюдать за процессомъ оживленія острова: по камнямъ виднѣлись мѣстами сначала сѣрые и зеленыя пятна, далѣе органическіе зачатки пріобрѣтали болѣе опредѣленную форму листьевъ мха; потомъ между камнями поднимались низенькія деревца съ крѣпкою листвою, которая въ свою очередь покрывалась мхомъ до того густымъ и твердымъ, что на него можно было становиться, и зеленая упругая масса только колебалась подъ ногами; мѣстами можно даже было проникнуть подъ этотъ покровъ мха, гдѣ было сыро

темно и холодно. По выходѣ оттуда, даже камни, пригрѣтые недавнимъ солнцемъ, казались не такими дикими.

На третью ночь нашей стоянки, порывы были очень сильны, и насъ такъ дрейфовало, что стало нужно развести пары. Къ утру (19-го марта) мы снялись, и съ попутнымъ вѣтромъ и попутнымъ теченіемъ вошли въ самое узкое мѣсто пролива. Оба берега представляли рядъ однообразныхъ, невысокихъ холмовъ, мѣстами покрытыхъ снѣгомъ. Волненія не было; порывы были несильные и попутные. Только теперь мы ощутили пріятность плаванія этимъ проливомъ, и поняли почему его предпочитаютъ огибанію мыса Горнъ. Тамъ встрѣча двухъ океановъ, постоянные свѣжіе вѣтры и неправильное волненіе часто бываютъ губельны для судовъ. Имѣя пары, нѣтъ никакого разчета огибать мысъ Горнъ. Мы были первые проходившіе на русскихъ военныхъ судахъ Магеллановъ проливъ.

Пройдя первое узкое мѣсто Лонгъ-ричъ, къ вечеру вошли мы въ бухту, называемую Плая-парда. (Playa-parda.) По мѣрѣ нашего приближенія къ ней, холмы берега становились выше, приобретаая остроконечную форму; поля видѣлись за ними, покрытыя снѣгомъ; мѣстами видны были голубые ледники, или глетчеры, которые висѣли на довольно большой высотѣ. Ущелья развѣтвлялись разнообразно, тѣнями указывая на глубину свою и иногда на ширину долинъ. Противоположный берегъ уходилъ въ даль перспективою снѣговыхъ горъ, бѣлый контуръ которыхъ рисовался на туманномъ небѣ, слабо подкрашенномъ золотистымъ свѣтомъ заходившаго солнца. Сблизившіеся берега образовали родъ озера, тихую и неподвижную воду котораго рѣзалъ нашъ клиперъ, направляясь къ бухтѣ, лежавшей на лѣвомъ берегу. Мысъ, покрытый лѣсомъ (Wooding point,— мѣсто, на которомъ можно удобно рубить лѣсъ), раздѣляетъ ее на двѣ половины: первая углубилась далеко внутрь, такъ что не видно было ея окончанія; вторая суживалась и сближалась съ берегами, на которыхъ развѣтвлявшіяся деревья картинно мѣшались съ камнями, мхами и трещинами. Миновавъ узкій проходъ, бухта снова расширялась круглымъ не подвижнымъ озеромъ, обставленнымъ со всѣхъ сторонъ гроздившимися другъ на друга горами. Мы входили въ эту дальнюю бухту; былъ вечеръ, розовая заря гуляла по снѣговымъ вершинамъ; на гладкую воду ложились ясныя отраженія живописнаго берега; по камнямъ и маленькимъ островкамъ какъ сторожа, стояли бѣлыя и черныя птицы (чайки, капекіе

голуби); тишина царствовала въ этомъ мирномъ, дикомъ ландшафтѣ, и охватывала насъ; казалось, никто не хотѣлъ проронить слова, чтобы не нарушить общаго молчанія. Вотъ узкій проходъ; на одномъ изъ острововъ виденъ деревянный крестъ; здѣсь, какъ мы узнали послѣ, погребенъ италіанскій монахъ. Судно, нагруженное выгнанными изъ Италіи монахами, въ 1848 году, шло въ Вальпорайсо и оставило здѣсь одного изъ своихъ пассажировъ. Вотъ бухта, вся темная и мрачная отъ брошенной на нее тѣни съ высокаго берега, и отраженія его въ ней. Прозвучавшая цѣпь и звукъ упавшаго якоря сняли очарованіе, и снова началась суета и шумъ.

Если бухта Милосердіа представляетъ собою дикій, страшный ландшафтъ, то Плая-парда является представительницею молчанія и тишины. Отвѣсный, ближайшій ей берегъ весь испещренъ разнаго цвѣта камнями и трещинами, со множествомъ кривыхъ и вѣтвистыхъ деревцовъ, сплетающихся красивою аркою; надъ этимъ берегомъ взгромоздились скалы; съ одной изъ нихъ падель высокой каскадъ, воды котораго прокладывали себѣ путь въ каменьяхъ и мхахъ, нѣсколькими ручьями вливаясь въ бухту; шумъ падавшей воды былъ такъ однозвученъ, что нимало не прерывалъ общей, мертвой тишины. Далѣе, скалы растутъ кверху лежащими другъ на другѣ каменными холмами, посыпанными недавнимъ снѣгомъ; еще выше стоятъ сплошныя снѣговыя горы и между ними два ледника, какъ два застывшія наверху озера, блистающія яркимъ голубымъ цвѣтомъ. Ночью взошла луна, и освѣтивъ кое-какія точки ландшафта, и набросивъ на другія непроницаемую, ровную тѣнь, придава безмолвной картинѣ еще больше таинственности. На водѣ явилась только одна свѣтлая полоса; вся же гладь водъ была мрачна и безмолвна; водопадъ смотрѣлъ женщиною, закутанною въ бѣлый саванъ и сходящею по ступенямъ скалистой лѣстницы.

Чтобъ имѣть удовольствіе вступить въ первый разъ на американскій материкъ, я вмѣстѣ, съ нѣкоторыми другими, поѣхалъ на берегъ. Вельботъ вошелъ въ рѣку, которая впадала въ глубинѣ бухты, прорывъ сначала въ горахъ глубокое ущелье. Весело было лазить съ камня на камень, по упругому ковру мховъ и приземистыхъ растений; мы взбирались къ мѣсту рожденія водопада; нѣкоторые, опередивъ насъ, являлись вдругъ надъ нашею головою альпійскими охотниками, съ ружьемъ черезъ плечо. Недоставало звука рожка, чтобы придать кар-

тѣни прелестъ болѣе живую и отрадную; но здѣшняя природа не надолго приголубитъ человѣка: едва только расположились мы на обогрѣтыхъ солнцемъ камняхъ, какъ изъ-за ближайшей горы показалась черная туча; вмѣстѣ съ нею, по нѣсколькимъ ущельямъ, какъ непріятельскіе фланкеры, быстро понеслись клячья облаковъ, тѣни отъ которыхъ бѣжали впередъ по скалистымъ неровностямъ горъ. Вѣтеръ зашумѣлъ, загудѣлъ; надо было епѣшить, чтобъ укрыться отъ вихря, налетѣвшаго съ дождемъ и снѣгомъ.

22 марта снялись съ якоря, прошли *Крукедъ-ричъ*, узкій проливъ между островами Карла III, другой *Имлишъ-ричъ*, гдѣ съ одной стороны виднѣлась *Трехъ-Вершинная* гора, а съ другой—гора *Понда*; къ вечеру мы огибаѣи мысъ *Фровардъ* (*Froward*), самую южную оконечность материка Америки (и вообще самую южную часть всѣхъ материковъ въ мѣрѣ). Направляясь къ SO, берега представляли всевозможныя видоизмѣненія холмовъ и скалъ. Иногда представлялось взору нѣсколько цѣпей горъ, по которымъ отдаленіе и солнце распространяли свои опредѣляющія тѣни; при вечерней зарѣ, красное освѣщеніе заходящаго солнца ложилось на снѣжныя вершины отдѣльныхъ острововъ; онѣ казались огненными, что по всему вѣроятію и дало первымъ путешественникамъ поводъ назвать страну, лежащую южнѣ пролива (и изобилующую покрытыми снѣгомъ холмами), *Огненною Землею*. У мыса Фроварда горы достигаютъ наибольшей высоты; мысъ отвѣсною скалою выдается впередъ; обѣ его стороны представляютъ совершенно гладкія стѣны, на которыхъ можно было бы изсѣчь надпись, а на самой скалѣ поставить монументъ, хотя бы Магеллану. Скала какъ будто просила какого-нибудь дополненія; мы огибаѣи ее вечеромъ, и намъ казалось, что еслибы надъ ней возвышалась башня, звонилъ колоколъ, и сторожевой монахъ всходилъ наверхъ по изсѣченной въ скалѣ лѣстницѣ, всматриваясь въ проходящее мимо судно; то это было бы и кстати, и очень эффектно. А теперь однѣ черныя трещины, да ущелья, которыя отдѣляютъ выступающую скалу отъ высокой шатрообразной горы. Пройденныя скалы виднѣлись сзади, въ послѣдовательномъ освѣщеніи, одна голубымъ, другая, дальнѣйшая, слабымъ лиловымъ пятномъ, а слѣдующая за нею исчезала почти совсѣмъ въ прозрачномъ, золотистомъ туманѣ.

Обогнувъ мысъ, мы взяли курсъ къ NO, и считали уже себя по сю сторону Америки. Ночью мы имѣли намѣреніе стать

на якорь въ бухтѣ Бугенвиля; отыскали ее во мракѣ, но она оказалась такою узкой, а ночное плаваніе по спокойной водѣ такимъ заманчивымъ, что мы вышли изъ нея заднимъ ходомъ и пошли далѣе. Ночью же миновали мѣсто, гдѣ былъ знаменитый портъ Голода (Famine), извѣстный своею трагическою исторіей и послѣднимъ возмущеніемъ чилийскихъ поселенцевъ.

На восточной сторонѣ Магелланова пролива мѣстность замѣтно измѣняется. Не видно ни высокихъ горъ, ни обрывистыхъ скалъ; берега не такъ высоки, выходятъ часто песчаными отлогостями, и больше покрыты растительностью; климатъ тоже замѣтно теплѣе и мягче. Тутъ уже кончается царство мховъ и лишеновъ, видны буковые деревья и высокая сочная трава. Наконецъ мы разсмотрѣли нѣсколько деревянныхъ домиковъ, церковь и высокій флагштокъ, на которомъ развѣвался чилийскій флагъ, а отъ берега уже отдѣлилась шляпка. Мѣстечко, увидѣнное нами, называется Пунта Аренасъ, *Punta Arenas* (Sandy Point); сюда, какъ въ болѣе-удобное мѣсто, переведена колонія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ порта Голода. Мы бросили якорь (23-го марта); за деревней и вдоль всей бухты виденъ былъ сплошной лѣсъ, за нимъ вдали синія горы; со стороны Огненной Земли также горы, синія и снѣжныя. Изъ шляпки, приставшей къ борту, вышелъ высокій, красивый мужчина, въ альмавивѣ съ бархатнымъ подбоемъ, закинутой такъ, что весь бархатъ ровною полосой падалъ съ лѣваго плеча внизъ; толстые шнуры съ кистями переброшены были тоже съ искусственною небрежностью. На красивомъ его лицѣ были усы, бакенбарды и испаньолетка; остальные мѣста были тщательно выбриты; на бѣлыхъ пальцахъ сіяли цѣнные кольца. Вышелъ онъ съ важностію, заставлявшей думать, что передъ нами былъ какой-нибудь обѣднѣвшій испанскій грандъ, принужденный обстоятельствами жить здѣсь. Это былъ, правда, губернаторъ колоніи, но не испанскій грандъ, а Дагчанинъ, болѣе ученый нежели государственный чловѣкъ, читавшій лекціи химіи въ Санъ-Яго и получившій мѣсто губернатора Магелланова пролива.

Послѣ обѣда мы отправились осмотрѣть колонію. На берегу чинился барказъ, подъ навѣсомъ висѣло нѣсколько шляпокъ, на бревнахъ сидѣли женщины, всѣ уже не молодыя, съ рѣзкими чертами лица, съ черными глазами и растрепанными волосамъ; на нихъ были яркія разноцвѣтныя лохмотья; взгляды

ихъ были наглы и вовсе не двусмысленны. Сюда присылають женщины дурнаго поведенія изъ Вальпарайсо и выдаютъ ихъ замужъ за поселенныхъ здѣсь солдатъ. Не соблазняясь взглядами перезрѣлыхъ красавиць, мы прошли мимо и встрѣтили двухъ ручныхъ *гуанакоевъ*, которые, подбѣжавъ къ намъ, стали ласкаться; мы гладили ихъ и долго любовались этими милыми животными, глазамъ которыхъ позавидовала бы не одна красавица. *Гуанакъ*—родъ лamy; шерсть его похожа цвѣтомъ на верблюжью, только гораздо пушистѣе и мягче. Цѣлыми стадами ходятъ они по горамъ Патагоніи, и кочующія племена Патагонцевъ слѣдуютъ за ними, потому что гуанакъ составляетъ для нихъ все. Ловятъ ихъ *болосами*, веревкой о трехъ концахъ, съ тремя шарами, обтянутыми пузырями; держа въ рукѣ одинъ, вертатъ въ воздухѣ другими двумя концами, которые, когда ихъ бросятъ, обхватываютъ ноги животного и спутываютъ его. Изъ гуанака выдѣлываютъ мѣха, удивительно мягкіе и теплые; мясо его очень вкусно и составляетъ главную пищу Патагонцевъ. Утѣшенные ласками гуанакоевъ, гораздо больше нежели вызывающими взглядами оставныхъ красавиць, мы шли дальше по лужайкѣ хорошо обдѣланною дорогой; по сторонамъ трава была скошена, и паслось нѣсколько большихъ и жирныхъ быковъ. Деревенка была на небольшомъ возвышеніи; единственная ея улица состояла изъ деревянныхъ строеній, соединенныхъ между собою; въ концѣ деревни строился домъ съ башней, для губернатора: это-то мы принимали издали за церковь. Противъ строеній была казарма и небольшое укрѣпленіе, кажется, съ двумя пушками. На улицѣ мы видѣли также женщинъ, а первый попавшійся намъ мужчина былъ Финляндецъ, говорившій по-русски. Насъ повели по квартирамъ, гдѣ предлагали вымѣнать мѣха на водку и порохъ, а такъ какъ мы были предупреждены губернаторомъ, чтобъ этихъ снадобій отнюдь не давать жителямъ, то пришлось покупать за деньги и платитъ за одѣяло изъ гуанака 11 долларовъ, когда его можно было вымѣнять за 4 бутылки плохаго рома. Кромѣ гуанакоевъ, намъ предлагали страусовыя шкуры, мѣха изъ полосатыхъ хорьковъ, львиныя ¹ шкуры и проч. Вездѣ поражала насъ бѣдность и нечистота жилищъ. На каждомъ шагу слышались жалобы на строгость губернатора: никто не имѣетъ права

¹ То-есть львовъ американскихъ безъ гривы и меньше ростомъ это, кажется, тѣ же *пума*, которые водятся въ Мексикѣ.

выпить рюмку вина безъ его позволенія, надзоръ за всѣмъ самый бдительный, но, какъ мы узнали, совершенно оправдываемый положеніемъ дѣлъ и предыдущимъ опытомъ. Предшественникъ губернатора былъ убитъ взбунтовавшимися солдатами, а бывший передъ нимъ—Индѣйцами: неприятное положеніе. Вся колонія состоитъ изъ сброда всевозможныхъ авантюристовъ, не нашедшихъ себѣ мѣста нигдѣ. Если кто рѣшился жить въ Магеллановомъ проливѣ, то это значитъ, что ему сильно не повезло въ другихъ мѣстахъ. Почти всѣ жители этого мѣстечка занимаются мѣнвою торговлей, и когда прикочевываютъ Патагонцы, принося съ собою мясо убитыхъ гуанаковъ и шкуры, все это вымѣнивается на водку и бережется до прихода какого-нибудь судна. Патагонцы же спускаютъ все, и почти голыми уходятъ домой. Этимъ торговъ занимаются здѣсь всѣ. Насъ привели къ капитану, второму лицу послѣ губернатора, природному Чилийцу. Несмотря на свой мундиръ, онъ полѣзъ въ сундукъ и сталъ вынимать изъ него мѣха, встряхивая ихъ не хуже нашего купца: но мы невнимательно смотрѣли на шкуры страусовъ и гуанаковъ: у окна сидѣла жена его съ черными большими глазами, смотрѣвшая на насъ съ любопытствомъ, сдерживаемымъ скромностью. Она была очень хороша; бѣдный костюмъ ея, не совсѣмъ опрятный, не скрывалъ граціи. Около нея, въ грязныхъ пеленкахъ, пищалъ ребенокъ, вѣроятно недавно явившійся на свѣтъ; блѣдность лица матери, бѣдность обстановки, мужъ, запрашивающій страшную цѣну,—все это было грустно.... мнѣ даже казалось, что хорошенькая Чилийка поняла мою мысль, и что въ глазахъ ея выразилось грустное сознаніе своего положенія. Она смотрѣла львицей,—а что могла она найти въ своемъ жалкомъ мужѣ? Въ состояніи ли онъ наполнить ея жизнь, вознаградить собою за эту пошлую обстановку и грязную жизнь въ поселеніи. Но можетъ-быть она ничего лучшаго и не проситъ: и красота ея, и страстью пылающіе глаза, и грустно сложенные прекрасныя губы, можетъ-быть все это фальшивая вывѣска пустой натуры? Если такъ, то пусть живетъ она всю жизнь свою здѣсь, и пусть мужъ ея не продастъ ни одной шкуры выгодно!

Вечеръ мы провели у губернатора. Несмотря на то, что онъ представляетъ собою типъ франтовъ прошлаго поколѣнія, онъ очень образованный человекъ. Живя въ совершенномъ одиночествѣ (капитанъ—плохой ресурсъ для разговоровъ, и

всѣ его посѣщенія ограничиваются вечернимъ рапортомъ), онъ много занимается, читаетъ и вытачиваетъ разныя вещи изъ дерева. Онъ долго жилъ въ Чили, и его разказы о революціяхъ въ Сантъ-Яго и Вальпарайсо очень любопытны. У него прекрасная коллекція патагонскихъ вещей, какъ-то: шпоры, *болосы*, пояса, головныя украшенія, и пр. Изъ этого мы увидѣли, что патагонскій вкусъ очень близокъ къ русскому. Видали ли вы у нашихъ кучеровъ кожаные пояса съ серебряными или мѣдными пуговками?—Въ этомъ родѣ почти всѣ патагонскія украшенія. Кончики стрѣлъ Патагонцы дѣлаютъ изъ разбитыхъ бутылокъ. Угощаль насъ губернаторъ чаемъ и свѣжимъ сливочнымъ масломъ, подобнаго которому мы не бѣли съ самой Франціи. Меня попросили посмотреть одного больного: у него болѣли глаза, легкая простуда понудила мѣстнаго доктора выдернуть ему рѣсницы, и глаза дѣйствительно разболѣлись. Если васъ будутъ посылать доктора лѣчить глаза въ Магеллановъ проливъ, то не слушайте ихъ.

На другой день мы гуляли въ лѣсу, который начинался у самой колоніи; онъ состоялъ изъ большихъ буковыхъ деревьевъ съ вѣтвистыми стволами, и прорѣзывался небольшими просѣками; чаща непроницаемая; много срубленныхъ деревьевъ лежало на землѣ; между ними вилась тропинка, по которой иногда проносился Чилиецъ, на лихомъ конѣ, въ толстомъ пончо, отбросивъ его въ красивыхъ складкахъ за плечи. Тропинка вела къ кладбищу, которое было заперто, такъ что только на немногихъ памятникахъ можно было прочесть кто окончилъ дни свои такъ далеко отъ обитаемаго міра. Погода была прекрасная. Огненная Земля дѣйствительно пылала огнемъ, охваченная пламенемъ вечерней зари; отдаленныя мысы красовались въ разнообразномъ освѣщеніи. Но хорошая погода скоро измѣнилась; на другой же день пошелъ снѣгъ, при жестокомъ вѣтрѣ отъ NO; у берега сильный прибой ломалъ шляпки. Мы не ѣздили на берегъ и съ нетерпѣніемъ ожидали времени, когда прикажутъ сняться съ якоря.

28 марта пошли дальше и скоро миновали узкій проливъ между материкомъ и островомъ Елизаветой. Вечеромъ, подходя къ *Gregory Bay*, увидѣли на берегу двѣ человѣческія фигуры и выставленный на большомъ шестѣ флагъ. Сейчасъ была спущена шляпка, снабженная всѣмъ необходимымъ для помощи, на случай если это были люди, потерпѣвшіе кораблекрушеніе; оказалось, что это были Патагонцы. Результа-

томъ эксцедиціи было пріобрѣтеніе вонючаго хорька, подареннаго Патагонцемъ К—у, и слѣды пятиминутнаго пребыванія этого звѣрка въ каютъ-компаніи были еще слышны на другой день, когда мы, развернувъ всю парусину, летѣли попутнымъ вѣтромъ, мимо *Позешонъ-беля* и мыса *Дльъ*, послѣдняго изъ мысовъ пролива въ океанъ.

Скоро скрылись за нами низкіе берега Патагоніи, и уже знакомыя намъ волны *нашего* океана стали покачивать клиперъ. Мы должны были идти на островъ Св. Елены, поднявшись до 40° ю. ш., мы уже шли по параллели, ожидая западнаго вѣтра, который бы подхватилъ насъ и гналъ до долготы Елены; но нигдѣ не рассчитываешь такъ невѣрно, какъ въ морѣ. Расшатался у клипера ахтеръ-штевень, одно изъ главныхъ крѣпленій судна, на которомъ утверждёнъ руль, а съ такимъ поврежденіемъ, безъ крайней нужды, нельзя было оставаться въ морѣ, находясь не больше 400 миль отъ берега, и вотъ клиперъ, какъ флагманское судно, поднялъ сигналъ: «*рандеву* Монтевидео», который многіе увидѣли съ радостію, многіе съ неудовольствіемъ. Радовались люди, еще неутомленные плаваньемъ, желавшіе увидѣть новую страну, очень любопытную, обогатить себя новыми знаніями, новыми наблюденіями; недовольные были люди, спѣшившіе въ Россію, закрывшіе давно сердце свое для всякой любознательности, дошедшіе въ своемъ равнодушіи до способности простоять мѣсяцъ на рейдѣ и не съѣхать ни разу на берегъ. Все это вамъ, жителямъ земли, непонятно; вы рассказываете за анекдотъ эксцентрическую выходку какого-то Англичанина, пріѣхавшаго въ Петербургъ будто бы посмотреть рѣшотку Лѣтнаго Сада и сейчасъ же вернувашагося домой, безъ всякаго желанія увидѣть что-нибудь другое; у насъ такихъ господъ пол-эскадры, и невѣдѣнію исключенія; скорѣе это общее правило; у насъ слово «путешественникъ» почти бранное слово; его употребляютъ, желая уколоть того нечестивца, который рѣшается на день или на два забыть брашкоты для непонятнаго удовольствія посмотреть новый городъ, зайти въ новую церковь, потолкаться на рынкѣ, полномъ новыхъ лицъ и предметовъ. Всѣ эти господа смотрѣли на Монтевидео какъ на лишнюю задержку; эти Самаритяне боялись оскорбить величіе своего веревочнаго царства непонятными вкусами Филистимлянъ, желавшихъ узнать что-нибудь новое. Филистимляне были до-

вольны; но, какъ грѣшники, не слишкомъ выказывали свою радость.

Остававшіяся до Монтевидео четыреста миль мы шли довольно медленно; наконецъ послѣдніе дни бывающій здѣсь часто SW пододвинулъ насъ. Мы уже были въ рѣкѣ, но береговъ еще не видѣли: такъ широко устье Ла-Платы. Лоцманъ встрѣтилъ насъ на маленькой шкутѣ, миль за шестьдесятъ отъ города. Наконецъ показались, но очень далеко, острова, маякъ и берегъ.

Лоцманъ говорилъ довольно порядочно по-французски; онъ цѣлый день занималъ насъ разговорами, выгружая намъ всевозможныя свѣдѣнія о Монтевидео; на томъ основаніи, что мы шли издалека, онъ не церемонился съ нами, пускался въ политику и пророчилъ войну. Привелъ онъ насъ на рейдъ поздно вечеромъ и поставилъ довольно далеко отъ берега.

Когда мы, на другой день, вышли на верхъ и осмотрѣлись, то увидѣли обширную подковообразную бухту; два стоявшія другъ противъ друга возвышенія находились у ея входа; слѣва, это былъ высокій зеленый холмъ, на вершинѣ котораго устроены маякъ; холмъ этотъ и называется собственно *Монтевидео*; у его подножія можно разглядѣть деревушку съ садами и длинными каменными заборами. Справа холмъ болѣе продолговатый, узкій, и выходитъ въ рѣку довольно далеко; весь онъ скрытъ зданіями города, громоздящимися другъ на друга до самой его вершины, на которой, поднявшись надъ всѣми домами, красуется соборъ съ двумя четырехугольными, высокими колокольнями и большимъ серебрянымъ куполомъ. Дома, болѣе высокіе нежели длинныя, пестрятъ окнами и балконами; два большія зданія, таможня и госпиталь, отличаются своею огромностью и количествомъ оконъ. Берегъ, соединяющій эти два холма и лежащій въ глубинѣ бухты, низменъ; онъ былъ скрытъ отъ насъ мачтами и снастями стоявшихъ на рейдѣ судовъ. Городокъ очень красивъ; освѣщенный утреннимъ солнцемъ, весь онъ, точно выдѣланный изъ одного куска, горитъ бѣлизною своихъ зданій, нагроможденныхъ правильными четырехугольниками другъ на другъ; отсутствіе крышъ и трубъ рисуется какъ будто лѣстницу, поднимающуюся до собора и снова спускающуюся.

По рейду снуютъ множество шлюпокъ; мѣстныя вооружены большимъ трехугольнымъ парусомъ, который называютъ латинскимъ; онъ очень красивъ и даетъ шлюпкѣ видъ бѣлой

птицы, летящей надъ поверхностью воды и опустившей въ воду одно крыло. На клиперъ къ намъ никого не являлось, никого изъ тѣхъ посѣтителей, которые обыкновенно ожидаютъ приходящее судно. Подобное равнодушіе удивляло насъ, особенно въ приморскомъ городѣ, гдѣ приходящіе доставляютъ одинъ изъ главныхъ доходовъ маленькимъ прожектерамъ. Въ Гонконгѣ судно берутъ приступомъ, въ Сингапурѣ и на Сандвичевыхъ островахъ тоже; здѣсь же самимъ приходится дѣлать рекогносцировки, съ цѣлью отыскать прачку, въ которой намъ была большая надобность, потому что мы съ Танти прачекъ не видали, а онѣ въ морѣ также необходимы какъ свѣжее мясо.

На рейдѣ стояло много судовъ различныхъ націй; видно было нѣсколько бриговъ, которыхъ почти нѣтъ въ Тихомъ Океанѣ: туда ходятъ громадные клипера (не имѣющіе конечно ничего общаго съ нашимъ клиперомъ; нашъ клиперъ скорѣе кононерская лодка), а маленькому бригу не такъ-то удобно хлебать волны Горна и полосы западныхъ свѣжихъ вѣтровъ. Въ 8 часовъ, при подъемѣ флаговъ, мы увидѣли много такихъ судовъ, которыхъ давно не встрѣчали: вотъ бразильскій зеленый флагъ, и самый корветъ, на которомъ развѣвается онъ, знакомъ намъ съ Шербурга; вотъ уругайскій флагъ, флагъ Буэносъ-Айреса, а вотъ желтый, съ красными полосами, испанскій. Не говорю о развѣвающихся по всѣмъ океанамъ флагахъ, французскомъ, американскомъ и англійскомъ. Къ этому пестрому букету присоединился и нашъ андреевскій крестъ, явившійся сюда не новичкомъ, а видавшійся съ другими флагами на всѣхъ океанахъ міра.

Мы повѣхали на берегъ, но шляпка подъ желтымъ флагомъ вернула насъ; въ ней сидѣлъ докторъ, который долженъ былъ сначала удостовѣриться, не привезли ли мы съ собою какой-нибудь заразительной болѣзни. Когда всѣ формальности были исполнены, какъ будто мы вдругъ отъ этого поздоровѣли, мы благополучно добрались до длинной, желѣзной пристани, гдѣ и высадились. Подъ пристанью толпилось множество шляпокъ, военныхъ и частныхъ; на берегу была толпа, въ которой ярко отличались негры своими черными головами и добродушными, невозмутимыми взглядами. Когда я смотрю на негра, мнѣ все кажется, что онъ мнѣ хочетъ добродушно напомнить, что и онъ также человекъ, а не обезьяна, и что любопытно вглядываться въ его лицо такъ же щеприлично, какъ

еслибы лицо его было блѣое. Я это вполне постигаю, и смотрю всегда на негра болѣе съ участіемъ чѣмъ съ любопытствомъ, какъ смотреть на загнанную Сандрильйону въ какомъ-нибудь «пріятномъ семействѣ». Видъ негровъ въ Монтевидео не оставляетъ тяжелаго впечатлѣнія, оттого что вы знаете, что они здѣсь всѣ свободны. Странно было бы говорить о красотѣ ихъ; но нельзя не остановиться передъ живописностію и оригинальнію фигуры негра.

Кромѣ негровъ, толпу составляли лица, надъ опредѣленіемъ происхожденія, занятій и значенія которыхъ призадумался бы всякій; здѣсь были лица смѣшанныя, неудавшіяся, выродившіяся, фізіономіи неопредѣленныя, про которыя можно было сказать только, что у нихъ есть носъ, два глаза, ротъ, нѣсколько волосъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ на ихъ корявое лицо въ видѣ бороды, усовъ и бровей, а о выраженіи ихъ, о типѣ и красотѣ не могло быть и рѣчи; это особенно бросалось въ глаза, когда къ толпѣ примѣшивался какой-нибудь англійскій матросъ, казавшійся передѣтымъ принцемъ между чернію. Кто составляетъ собственно народъ въ Монтевидео, трудно сказать; тутъ есть Баски, переселившіеся изъ Пиренейскихъ горъ въ давнее время и мѣшавшіеся съ Индѣйцами, Испанцами; есть и Нѣмцы, мѣшавшіеся съ Басками; Испанцы, мѣшавшіеся съ тѣми и другими: отыскивайте же въ этой смѣси чего-нибудь рѣзкаго и характеристическаго.

Увидѣвъ, что съ нами не было ни чемодановъ, ни мѣшковъ, которые бы нужно было перенести, толпа пропустила насъ довольно равнодушно; мы вошли въ улицу, пересекающую городъ, лежащій на холмистой косѣ, и стали подниматься въ гору. Инстинктивно попали мы, послѣ втораго поворота, на самую модную улицу, названную въ честь дня освобожденія Уругая, *Улицею 25 мая*. На ней были прекрасные дома, наполненные магазинами, въ которыхъ царствовала страшная владычица міра—французская мода. Казалось, что Palais Royal перебросилъ сюда часть своего груза шляпокъ, мантілій, вѣровъ, кринолиновъ, духовъ, бродяженовъ, муфтъ, тросточекъ, золотыхъ булавокъ, брошей, конфетъ, и т. д. Находившіеся здѣсь Французы подхватили все это и разложили по большимъ зеркальнымъ окнамъ такъ заманчиво, что Улица 25 мая стала любимымъ мѣстомъ прогулки дамъ Монтевидео. Цѣлый день, эскадронами, двигаются онѣ здѣсь вездѣ и вперёдъ, нападаютъ на магазины, тормозать, торгу-

ются, но покупаютъ очень рѣдко. Еслибъ испанская щеголиха каждый разъ, какъ входитъ въ лавку, покупала что-нибудь, то ни лавокъ, ни состоянія Ротшильда не достало бы на удовлетвореніе этой гомерической алчности. Еслибъ я писалъ все это въ первые дни своего пребыванія въ Монтевидео, то конечно не рѣшился бы такъ отнестись объ этихъ «ангелахъ», какими онѣ всѣ намъ показались сначала. Дамы приморскихъ городовъ говорятъ, что сейчасъ по глазамъ можно узнать моряка, только-что пришедшаго съ моря: всѣ они смотрятъ такъ, какъ голодный сталъ бы смотрѣть на лакомое блюдо. А я прибавлю, что эти глаза, кромѣ помянутаго выраженія, приобрѣтаютъ еще способность видѣть то, чего не увидишь, проживя на берегу подолбе. Всѣ попадавшіеся намъ навстрѣчу дамы были очень хороши собою; а попадались онѣ намъ на каждомъ шагу, или на тротуарѣ или на балконахъ, безъ которыхъ здѣсь нѣтъ ни одного окна. Еслибъ онѣ всѣ были такими, какими казались, то не было бы на свѣтѣ мѣста лучше Монтевидео, не осталось бы ни одного моряка на судахъ; сюда двинулись бы даже наши помѣщики изъ степныхъ захолустій, изъ Тамбова и Саратова, чтобы пасть къ ногамъ такихъ красавицъ. Но, увы! въ первый день у всѣхъ насъ была галлюцинація зрѣнія. Пока еще не наступило разочарованіе, мы съ наслажденіемъ смотрѣли на «милыхъ дамъ», въ шелкахъ и кринолинахъ, съ поразительно-маленькими ножками, со взглядами, въ которыхъ видѣлось цѣлое море наслажденій; мы слушали звуки испанскаго языка, вылетавшіе изъ «божественныхъ устъ», и не было гармоніи, которая могла бы сравниться съ этими звуками; иногда мы останавливались, закидывая голову вверхъ: тамъ, какъ звѣзда съ неба, сіяла съ балкона какая-нибудь синьорита Христинита или синьорита Италита, и «дивная ножка продвѣдалась сквозь чугуныя перила»... Въ томъ же настроеніи духа зашли мы въ соборъ; онъ былъ новый, въ алтаряхъ стояли, разодѣтыя въ парчу и бархатъ, выкрашенные фигуры святыхъ, и у ихъ подножій, на каменномъ полу, въ черныхъ мантияхъ, сидѣли таинственно-граціозныя фигуры; нуженъ былъ одинъ намекъ для того, чтобъ услужливое воображеніе нарисовало самую романтическую героиню подъ этими черными блондами; вездѣ, казалось, молились «донны Анны», жаль только что новые донъ-Жуаны не знали по-испански, чтобы вкрадчиво примѣшать свои лукавыя искушающія рѣчи къ непорочной молитвѣ дѣвъ. Послѣ

мы часто въ этихъ непорочныхъ существахъ узнавали перерзлыхъ дѣвъ, молившихся вѣроятно, какъ и всѣ перерзлыя дѣвы міра, о женяхахъ.

Погулавъ по улицамъ, побывавъ въ соборѣ и на небольшой четырехугольной площади, на которой посажено нѣсколько деревьевъ, мы натурально захотѣли шоколаду; потому что въ городѣ, носящемъ испанскую физиономію, и по которому ходятъ прекрасныя Испанки, всякій порядочный туристъ непременно захочетъ выпить шоколаду. По близости была кофейня, хозяинъ которой былъ Французъ, одинъ изъ самыхъ пустыхъ и безтолковыхъ Французовъ въ свѣтѣ; не было малости, которой бы онъ не раздулъ въ гору, пускаясь при этомъ въ самыя длинныя разсужденія.

Къ нашему несчастію, мы поручили ему послать за экипажемъ, и по этому случаю должны были выслушать чуть не цѣлый курсъ нравственности. Онъ началъ съ того, что извозчики здѣсь мошенники, и мы не предвидѣли конца развитію этой обильной темы. Когда же пришлось съ нимъ расплачиваться, оказалось, что онъ и двухъ сосчитать не умѣетъ. Чтобы дать сдачи съ двадцати долларовъ, вызваны были на совѣтъ жена, поваръ, извозчикъ, противъ котораго онъ самъ же возставалъ, и мы насилу освободились, закалявшись показываться на глаза этому Французу. Но вліяніе Француза не ограничилось этимъ, а отразилось еще и на нашей прогулкѣ.

Мы выѣхали за городъ, въ то мѣсто гдѣ кончалась холмистая коса и начиналось плоское, но также холмистое пространство, застроенное улицами, переулками, и пр. Мы думали, что стобитъ только выѣхать изъ Монтевидео, чтобы попасть въ *пампы*. Оказалось, что и отсюда нужно совершить порядочное путешествіе, проѣхать по крайней мѣрѣ миль сорокъ, чтобы совершенно освободиться отъ заборовъ, огороженныхъ полей, квинтъ, мельницъ, боенъ, дачъ и садовъ. Гдѣ собственно кончался городъ, трудно сказать; городъ чистый, щегольской, съ высокими многоэтажными домами и магазинами, оставался за каменнымъ рынкомъ, стариннымъ зданіемъ, однимъ изъ самыхъ характеристическихъ и живописныхъ въ Монтевидео. Двое воротъ, ведущихъ въ это квадратное укрѣпленіе, носятъ на себѣ слѣды старинной испанской архитектуры, перенесенной сюда очень давно; подобнаго стиля очень много остатковъ въ Буэносъ-Айресѣ. Рынокъ, заключающійся между этими маститыми стѣнами, которыя поросли мѣстами мхомъ,

заваленъ зеленью, плодами, кишить мелкими торговцами, отличается толкотней, шумомъ, снующими у ногъ собаками и всѣми подробностями, свойственными всѣмъ въ мѣрѣ рынкамъ; но за рынкомъ шелъ также городъ; длинная широкая улица смотрѣла недавно выстроенною; на ней было много одноэтажныхъ домовъ съ внутренними дворами, такъ часто встрѣчающихся здѣсь. Въ лавкахъ видѣлись *пончо*, разныя кожаныя издѣлія, сѣдла, стремена, длинные, сдѣланные изъ жилъ арканы, называемые здѣсь *lasso*, и т. д. Чаше другихъ попадались лица, которыя съ перваго раза можно было принять, по костюму, за Турокъ, или трипичницъ: голова повязана платкомъ, на плечахъ *пончо*; вмѣсто нижняго платья тоже *пончо*, подвязанный въ широкихъ складкахъ, не хуже шальваръ какого-нибудь мамелюка, а изъ-подъ широкихъ складокъ этой части одежды выглядываютъ двѣ бѣлыя трубы панталончиковъ, обшитыхъ оборками... Видя въ первый разъ подобную фигуру, мы въ изумленіи спрашивали, кто это такое?—и намъ отвѣчали: это *гаучо*! Какъ, восклицали мы, гаучо, этотъ прославленный типъ проворства, ловкости, гаучо, набрасывающій на барса *lasso*, какъ онъ нарисованъ путешественникомъ Араго!.. Да что онъ, переродился что ли?.. И мы не вѣрили, смотря на эту фигуру, напоминавшую скорѣе московскую салопницу нежели степнаго удалца. Но это были точно *гаучо*, и они всегда были такими. Гаучо — люди, находящіеся постоянно при скотѣ, наши прасолы, гуртовщики; они составляютъ здѣсь большинство сельскаго народонаселенія. Рѣдко между ними бываютъ охотники. Они ловко загоняютъ стадо дикихъ быковъ, отлично бьютъ скотину, еще ловче сдираютъ съ нея шкуру, и вотъ мѣръ, въ которомъ вращаются они, развивая въ себѣ, частымъ обращеніемъ съ ножомъ и кровью, кровожадность и равнодушіе къ жизни другаго. Понятно, какой страшный элементъ составляютъ они въ здѣшнихъ частыхъ революціяхъ и междоусобіяхъ. Ихъ вообще не любятъ, имъ не довѣряютъ, и они, далеко не выражая собою поэтическаго типа молодечества, напоминаютъ скорѣе отверженныя обществомъ касты, какъ напримѣръ палачей, японскихъ кожевниковъ, индѣйскихъ парій, и пр. Между ними есть много очень красивыхъ людей; часто встрѣчаешь ихъ верхомъ, и, какъ всадники, они много выигрываютъ. Чаше всего видишь ихъ при обозахъ, напоминающихъ наши южно-русскіе караваны; у нихъ тѣ же высокія оуры, на большихъ немазаныхъ колесахъ съ знакомымъ скри-

помъ, крытыя тростниковыми навѣсами, и нагруженныя кожами или мясомъ; онѣ запрягаются въ три или четыре пары сильныхъ, большерогихъ быковъ; гаучо садится на дышлѣ или ѣдетъ верхомъ, погоняя длинною палкой скотину, уселенно везущую фуру по грязной, топкой дорогѣ. Эти фуры — одно изъ главныхъ средствъ перевозки сырыхъ матеріаловъ изъ отдаленныхъ *эстанцій* (такъ называются разбросанные по безпредѣльнымъ *пампамъ* хутора). Благодаря страшному количеству скота, перевозки эти легки и удобны. Обозы останавливаются въ степяхъ, и быки пускаются пастись; гаучо разводять огонь, варять кукурузу; синій дымокъ красивою струйкой распространяется по чистому воздуху, и вотъ повторяется одна изъ тѣхъ знакомыхъ намъ картинъ степи, которая неразрывна съ воспоминаніями нашей молодости. Сцены, вдохновлявшія Кольцова, разыгрываются въ пампахъ Параны и Уругая тѣми же широкими мотивами, тѣми же безпредѣльными тонами, которые даетъ «степь широкая, степь раздольная.» Фуры эти мы уже встрѣчали за рынкомъ. Но вотъ мы поѣхали по переулкамъ, гдѣ уже не было непрерывной нити домовъ; за длинными заборами показывались небольшіе садики; колючія *гаасы* заслоняли своими твердыми остроконечными листьями разваливающійся кирпичъ ограды; за ней нѣсколько плакучихъ ивъ склонили свои вѣтви надъ небольшимъ источникомъ, близъ котораго быки и овцы наслаждались брошенною деревьями тѣнью. Появились пространства, видимо занятые съ цѣлю превратить ихъ въ паркъ; домъ затѣйливою архитектурой показываетъ желаніе хозяина устроить себѣ роскошный пріютъ, окружить его нѣсколькими аллеями грушъ, акацій, клумбами цвѣтовъ и разною зеленью, вьющеюся по трельямамъ и бесѣдкамъ. Отравившій намъ день Французъ посовѣтовалъ нашему кучеру везти насъ въ садъ какого-то господина Марда, утверждая, что это самая интересная вещь въ окрестностяхъ Монтевидео. Садъ этотъ напоминалъ одну изъ дачъ Елагина или Крестовскаго острова. Тамъ подобныя сады дѣйствительно рѣдкость, но для насъ они были какою-то насмѣшкой надъ природой. Что могли сказать мы, смотря на миниатюрное апельсинное деревцо, послѣ апельсиновыхъ лѣсовъ Таити? Французъ долженъ былъ все это сообразить, и никакъ не совѣтовать кучеру везти насъ туда. Другой садъ примирилъ насъ немного съ окрестностями Монтевидео; онъ былъ очень великъ, съ прекрасными большими деревьями, съ тѣни-

стыми рощами, съ видомъ, который отъ одной бесѣдки открывался на волнующуюся, зеленѣющую мѣстность, испещренную квадратиками садовъ, огородовъ, полей, загоновъ, съ ихъ домиками, квинтами и пестротою населеннаго мѣста; недалеко, на вершинѣ отлогаго холма, вѣтряная мельница махала своими крыльями. На другой сторонѣ, тоже испещренной деревьями и домиками, за лощиною видѣлся бѣлокаменный городъ съ своими красивыми домами, колокольными собора и полосою моря, отдѣлявшею городъ отъ ближайшей къ намъ мѣстности. Подъ ногами была густая, тѣнистая роща, потому рѣчка и за нею небольшое поле, по которому три пары быковъ тащили тяжелый плугъ, и черная масса взвѣзанной земли слѣдомъ ложилась за ярко-блестящимъ желѣзомъ. Въ саду были прекрасные скверы и аллеи. Хозяинъ, старичокъ нѣмецкаго происхожденія, показывалъ все это съ любовью, водилъ въ какое-то подземелье, изъ котораго можно было выѣхать каналомъ на лодкѣ, вѣзбирался съ нами на развѣсистое дерево, наверху котораго устроена была бесѣдка, наконецъ пригласилъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы нашли цѣлое семейство. Двѣ старушки, съ приторно-добрими лицами, сидѣли на диванѣ. на креслахъ играла черными глазами дѣвица лѣтъ двадцати восьми (впрочемъ я всегда затрудняюсь опредѣлить лѣта молодой особы—настоящій субъектъ могъ быть и моложе и гораздо старше); видно было, что она составляетъ главный центръ, вокругъ котораго сосредоточивались нѣжность старушекъ, услужливость чернобородаго Испанца, который часто наклонялся къ ней, развалился на креслѣ, и рабская преданность чернолицей негрятянки, подавшей мнѣ какой-то инструментъ, всего болѣе похожій на чернилицу, съ воткнутымъ въ нее перомъ. Я догадался, что это *мате*, парагайскій чай, который тянуть черезъ серебряную трубочку изъ небольшой травянки, также обдѣланной въ серебрѣ. Мате любимое препровожденіе времени жителей при-Лаплатскихъ областей; это первое угощеніе, какъ у насъ, на примѣръ, сигары или папиросы; за мате забываетъ Аргентинецъ свое горе, понемногу потягивая сладковатую жидкость, которая мнѣ показалась не лучше мякстуры. Двадцативосьми-лѣтняя дѣвица старалась показать намъ, что она не даромъ сосредоточиваетъ на себѣ общее вниманіе и любовь, что она дѣйствительно солнце, блистающее неподдѣльнымъ свѣтомъ, и въ силу этого она веда главный разговоръ, садилась за

фортепiano, пѣла и, еслибы мы не поспѣшили уѣхать, вѣроятно показала бы еще какой-нибудь изъ своихъ талантовъ.

Между деревьями, встрѣчаемыми по дорогѣ, было много пирамидальныхъ тополей, и многія мѣстечки можно было принять за какіе-нибудь малороссійскіе хутора, еслибы не кактусы да агавы, обильно растущіе у заборовъ, въ канавахъ и рывинахъ. Часто у калитки своихъ садовъ стояли молоденькія дѣвушки и дарили насъ, — къ сожалѣнію быстро проѣзжавшихъ мимо, — восхитительными улыбочками, отъ которыхъ молодой Л. едва усиживалъ на мѣстѣ. Завхали посмотрѣть одну бѣдную квинту, надѣясь найдти тамъ что-нибудь характеристическое. Квинта занимала не больше десятины, огороженной низенькою кирпичною стѣной; половина ея была подъ грушовыми деревьями, другая подъ тыквами. Въ небольшомъ домикѣ, снаружи почти развалившемся, встрѣтила насъ старушка, настоящая дуэнья, съ крючковатымъ носомъ, съ мѣшечками подъ глазами, и съ добродушіемъ, обильно разлитымъ по морщинамъ и ямамъ пергаменныхъ щекъ. Въ комнатахъ было чисто, по песчаному полу ходили два голубя; на комодѣ стояли святые, убранные цвѣтами. Мы посидѣли нѣсколько минутъ, стараюсь щедро-расточаемыми улыбками отблагодарить добрую старушку за то, что она впустила насъ и дала по жесткой грушѣ.

Къ пяти часамъ вернулись въ городъ; за обѣдомъ мы пили замороженное шампанское, — признакъ, что мы въ Атлантическомъ Океанѣ, почти въ Европѣ. Вечеромъ, противъ собора, который двумя четырехугольными колокольнями возвышается надъ всѣмъ городомъ, на площади было гулянье. По серединѣ оркестръ военной музыки играетъ увертюры изъ разныхъ оперъ, цѣпь часовыхъ съ ружьями окружаетъ музыкантовъ, а по пересѣкающимся крестообразно аллеямъ двигается силошная толпа. Въ числѣ гуляющихъ, очень много женщинъ въ черныхъ мантильяхъ, съ вѣерами, съ обширными кринолинами и въ шляпкахъ. Лучше музыки раздавались отрывочныя рѣчи испанскаго языка. Тутъ у дерева прислонилась высокая женщина «какъ печальная картина». Смотрите, какая хорошенькая! поминутно раздавалось въ нашей толпѣ. Что за глаза, а носъ, а нога! А по правдѣ сказать, луны не было, и столько было тѣни, что поневолѣ припоминалась пословица: *la nuit tous les chats sont gris.*

Монтевидео или San-Filippe, главный городъ Уругайской

республики, построены близъ устья Ла-Платы, на лѣвомъ ея берегу. Въ немъ около 30,000 жителей; впрочемъ цифра народонаселенія колеблется отъ 20 до 40,000; до послѣдней осады въ Монтевидео было 40,000. Чтобы имѣть понятіе о расположеніи его улицъ, возьмите бумагу, проведите нѣсколько параллельныхъ линій, которыя пересѣкните перпендикулярными къ нимъ, также параллельными линіями, и вы будете имѣть планъ Монтевидео; посерединѣ двѣ площади, на одной изъ нихъ рынокъ, а на другой соборъ. Правильныя, прямыя улицы прекрасно вымощены, очень много высокихъ домовъ, полныхъ магазинами; у каждаго окна балкончикъ. Трудно найти какую-нибудь особенность въ такомъ городѣ; подобные города надо видѣть сейчасъ послѣ Европы; тогда, можетъ-быть, многое въ нихъ покажется новымъ; послѣ же Китая и Японіи, Монтевидео простодушно принимаешь за прекрасный европейскій городъ; даже пестрый гаучо не кажется оригинальнымъ; покажется, что лучшихъ домовъ и быть не можетъ. На нашихъ красавицъ, въ которыхъ мы видѣли образцы хорошаго вкуса, въ Европѣ,—почему знать,—можетъ-быть указывали бы пальцемъ... Мы всему вѣрили, все принимали на слово, какъ принимаетъ на слово все пріѣхавшій въ Петербургъ изъ своего самарскаго имѣнія помѣщикъ, постоянно жившій въ глуши.

Монтевидео лучший портъ Ла-Платы; онъ ведетъ значительную торговлю съ Франціей, Англіей, Испаніей, Соединенными Штатами и Бразиліей. Во всѣ эти страны плетъ онъ тѣ же продукты, что и Буэносъ-Айресь, то-есть кожи, солоное и сушеное мясо, волосъ, жилы, сало, шерсть, страусовыя перья, и т. д. Французы наводняютъ его своими мануфактурными произведеніями и модными издѣліями. Нарейдъ Монтевидео, очень обширномъ и несправедливо имѣющимъ дурную репутацию, по случаю часто дующаго *Pampero*, постоянно стоятъ на станціи военныя суда: англійскія, французскія, испанскія, бразильскія и сѣверо-американскія. *Памперо*—сѣверо-западный вѣтеръ, дующій сильными порывами, иногда съ громомъ и молніей,—не разводитъ въ бухтѣ такого волненія, чтобы стоянка была невозможна; напротивъ, памперо оказываетъ здѣсь благотѣльное вліяніе; безъ этого, часто повторяющагося вѣтра, очищающаго атмосферу отъ накопившихся миазмовъ, неизбѣжныхъ при низменномъ положеніи страны, Монтевидео былъ бы нездоровымъ мѣстомъ; такъ какъ онъ находится близъ впаденія широкой рѣки въ море, прѣсныя воды

которой мѣшаются съ солеными; благодаря памперу, Монтевидео можетъ похвалиться своими благоприятными, гигиеническими условіями. Жители такъ привыкли къ памперо, что всегда знаютъ заранее, когда онъ будетъ; ему предшествуетъ мокрая, туманная погода; при тихомъ NO (сильный памперо), идетъ дождь, но вѣтеръ, отходя отъ NO, черезъ N, NW и W доходить до SW, разчищаетъ небо, и сильные порывы начинаютъ налетать, постепенно усиливаясь. Памперо можетъ продолжаться отъ 24 часовъ до 9 сутокъ. Капитанъ Хингъ, описывавшій Магеллановъ проливъ, имѣлъ памперо въ продолженіи 9 дней въ широтѣ 35°, недалеко отъ устья Ла-Платы; мы, почти въ томъ же мѣстѣ, имѣли памперо, продолжавшійся четверо сутокъ, и сила его порывовъ нисколько не уступала силѣ порывовъ японскаго тайфуна. Барометръ ниже 29°, 42' не падалъ.

Перегрузка товаровъ производится на большихъ ботахъ, вооруженныхъ такъ-называемыми латинскими парусами; они десятками снуютъ по обширному рейду. Таможенный сборъ составляетъ главный доходъ государства.

Въ Монтевидео прекрасный театръ, въ которомъ могутъ помѣститься больше 2.000 зрителей. Мы слышали въ немъ *Норму*. Это было послѣднее представленіе нашей старой знакомой Ла-Гранжъ. Она была также хороша, хотя знатоки и находили, что голосъ начинаетъ измѣнять ей. Къ ней летѣли букеты, пущено было два голубя; высадили на сцену ребенка, который, проболтавъ заученную фразу, поднявъ гввицъ какую-то картинку, за что и былъ поцѣлованъ артисткой въ лобъ. Плафонъ театра разрисованъ портретами великихъ людей, между которыми я узналъ Шекспира и Мольера.

Вечеромъ улицы наполняются какими-то таинственными фигурами, костюмъ которыхъ невозможно рассмотретьъ за темнотой; у всякаго фонарь и пика. Это *серены*, адшініе стражи, занимающіе углы каждой квадры, охликающіе проходящихъ и, по всей вѣроятности, имѣющіе право ловить подозрительныхъ людей.

Сообщеніе съ Буэносъ-Айресомъ бываетъ четыре раза въ недѣлю. Туда ходятъ три частные парохода: *Constitucion*, *Montevideo*, *Salto*. Послѣдній поднимается до Росаріо.

Дней черезъ пять послѣ нашего пребыванія въ Монтевидео, въ продолженіи которыхъ мы съѣзжали по вечерамъ на берегъ гулять по «Улицѣ 25 мая» и по площади, мы начали охла-

дѣвять къ испанскимъ красавицамъ и уже ясно различали хорошенькихъ отъ дурныхъ; можетъ-быть, вслѣдствіе этого, и рѣшились мы ѣхать въ Буэносъ-Айресъ. Обстоятельства, приведшія нашъ клиперъ на рейдъ Монтевидео, влекли за собою тысячу работъ: вынимание котловъ и машины, выгрузку рѣшительно всего трюма, суету, шумъ, и, какъ характеристически выразился одинъ Испанецъ, смотритель бота, на которомъ были устроены шпиги, страшное *barbulio*. Намъ всѣхъ попросили переселиться на квартиры, которыя были отведены на сосѣднемъ блокшифѣ, носившемъ названіе *Абагми*: было ли это собственное или нарицательное имя—не знаю. Понятно, что при всѣхъ этихъ переборкахъ и переселеніяхъ, кромѣ удовольствія видѣть новый городъ, пріятно было и удалиться на 120 миль отъ всякаго *barbulio*.

Когда мы пріѣхали, съ своими саками, на пароходъ *Монтевидео*, то пока не двинулись съ мѣста, мы смотрѣли на уродливый *Абагми* и на отягченныя стрѣлами и различными путами мачты нашего клипера; съ *Абагуна* намъ махали оставшіеся, и, на этотъ разъ, вѣроятно, завидовавшіе намъ товарищи; но мы ихъ не жалѣли: то были Самаритяне; Филистиняне же безъ стыда и совѣсти оставляли страждущее и требовавшее врачеванія судно.

Почти безъ шума загребая колесами, вышелъ пароходъ съ рейда; мачты, реи, снасти остававшихся за нами судовъ сливались вмѣстѣ съ городомъ и зеленымъ холмомъ, на которомъ возвышался маякъ, въ одну сѣро-коричневую массу. Въ рѣкѣ насъ встрѣтилъ довольно свѣжій SW, небольшой памперо. Небо то прояснялось, то заволакивалось тучами; горизонтъ за городомъ былъ черный, мрачный, и на немъ рисовался, охваченный яркимъ освѣщеніемъ солнца, ломаный контуръ холма, покрытаго зданіями и увѣнчаннаго двумя высокими колокольнями.

Скоро насъ позвали обѣдать. Сначала было тѣсно, но вотъ стали очищаться мѣста, и намъ, которымъ было бы очень стыдно, еслибы насъ укачало, стало просторно. Обѣдъ былъ превосходный. Вечеромъ пассажиры разбрелись по разнымъ угламъ: кто залегъ спать, кто смотрѣлъ за бортъ, кто пристроился къ молоденькой и хорошенькой Испанкѣ, прохладившейся на палубѣ. Я любовался ходомъ прекраснаго парохода; мы шли, съ противнымъ теченіемъ и при довольно крупномъ волненіи, четырнадцать узловъ. Машина шла ровно, безъ болѣзненныхъ сотрясеній.

II.

Нельзя не сознаться, что большая часть земель и государств Южной Америки известны намъ только по имени, а сбивчивая исторія ихъ развѣ только по газетамъ; между тѣмъ и исторія и статистика ихъ любопытны въ высшей степени; а такъ какъ изъ личныхъ впечатлѣній и разказовъ жителей узнаешь не много, то я рѣшаюсь, съ помощію одного превосходнаго нѣмецкаго сочиненія, познакомить васъ съ нѣкоторыми сторонами политическаго быта государствъ, не похожихъ ни на какія государства въ мѣрѣ. Не ждите, однако, отъ меня полной исторіи; ей не мѣсто въ легкихъ замѣткахъ кругосвѣтнаго туриста.

Рѣчная область, прилегающая къ Рио-де-ла-Плата, по величинѣ своей, занимаетъ второе мѣсто въ мѣрѣ; она меньше области Амазонской на 18,000 квадратныхъ миль и много больше области Миссиссипи. Земли, по которымъ протекаетъ Ла-Плата съ своими притоками, лежатъ частію въ тропикахъ, частію въ умѣренномъ климатѣ, и могутъ такимъ образомъ доставлять произведенія разныхъ полюсовъ земнаго шара. Ла-Плата образуется соединеніемъ Параны и Уругая; суда всѣхъ величинъ могутъ достигать до Монтевидео; а отъ Монтевидео до Параны, по измѣреніямъ капитана Соливана (1847), фарватеръ глубиною отъ 3 $\frac{1}{2}$ до 10 саженой; пароходы безъ труда поднимаются до Росарио.

Уругай, протекая сначала малозвѣстными странами Бразиліи, покрытыми дѣвственнымъ лѣсомъ, составляетъ границу Бразиліи и Аргентинской конфедераціи; а равно границу послѣдней и Уругайской республики; онъ принимаетъ въ себя богатые водой притоки, орошающіе роскошную мѣстность, на которой 30 милліоновъ жителей могли бы вести счастливую жизнь, но которая до сихъ поръ остается пустынною.

Уругай почти по всему протяженію своему судоходенъ. Лучше изслѣдованъ онъ въ своемъ низовьѣ. По Соливану до 31° южной широты фарватеръ его углубляется отъ 3 $\frac{1}{2}$ до 14 саженой, слѣдовательно суда, сидяція отъ 14 до 18 футовъ, могутъ достигать устья Рио-Негро и Галегалку.

Парана образуется соединеніемъ большой рѣки Рио-Гранде съ Паранахибо. Первая беретъ начало въ бразильской провинціи Минасъ-Гераясъ, не далѣе 20 миль отъ Атлантическаго океана и, пройдя 150 миль во всю длину роскошной провинціи, соединяется съ Паранахиба, на границѣ Монтогрессо. Отсюда величественная рѣка получаетъ названіе Параны, удерживая его до впаденія въ Ла-Плату. Пройдя болѣе 180 миль совершенно неизвѣстными областями Бразиліи, она образуетъ, далѣе, съ одной стороны, границу между Парагаемъ и Аргентинскою республикой; потомъ, принявъ въ себя еще большую рѣку Парагай, Парана направляется къ югу, принадлежа здѣсь нераздѣльно, на протяженіи 130 миль, Аргентинскимъ штатамъ. Эта часть ея извѣстна болѣе другихъ; но и здѣсь, гдѣ она составляетъ главную жилу внутренняго движенія, мало измѣнилась она въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ, со времени ея завоеванія. Несомнѣнно, что Парана судоходна; извѣстно однако, что плаваніе по ней прерывается семью водопадами, которые низвергаются со скалы на скалу на протяженіи 25 миль. О фарватерѣ ея низовья, очень важномъ въ настоящее время, извѣстно только съ тѣхъ поръ; какъ англійскіе и французскіе пароходы стали подниматься по Паранѣ и Парагаю до Асумпціонъ. Суда, сидящія 8 и 10 футовъ, совершаютъ переходъ отъ Буэносъ-Айреса въ восемь дней, и въ пять возвращаются назадъ.

Источники Парагая находятся въ богатой брилліантовыми минами бразильской провинціи, Монтогрессо. Еще Феликсъ-Асара (въ 1792) называлъ эту рѣку «лучшею въ мірѣ», и говорилъ, что по ней можно достигнуть центра Португальскихъ минъ. Въ новѣйшее время всѣ единодушно восхищаются этою великолѣпною рѣкою, которая, при равной глубинѣ, спокойно и тихо катитъ волны свои въ берегахъ, покрытыхъ роскошнымъ лѣсомъ.

Страны, орошаемыя этими рѣками, не считая принадлежащихъ Бразиліи, занимаютъ пространство въ 1,200,000 англ. квадр. миль, составляя Аргентинскую конфедерацію, и республики: Буэносъ-Айреса, Парагая и Уругая, исторія которыхъ идетъ почти нераздѣльно; отчего и называютъ ихъ часто однимъ именемъ штатовъ *Ла-Платы*. На этомъ пространствѣ живутъ едва 2,000,000 жителей, приходится по два человѣка на квадратную милю; при томъ большинство ихъ сосредото-

чено въ городахъ; въ Буэность-Айресъ 180.000 жителей, въ Монтевидео 30.000, въ Тукуманъ 10.000, и пр.

Огромнѣйшія земли заселены здѣсь бѣдно, частію совсѣмъ не заселены. Мѣстечки, приходы и мызы лежатъ другъ отъ друга на разстояніи 4 — 8 дней пути, при совершенномъ бездорожьи, и при такихъ условіяхъ, конечно, трудно развиться земледѣлію и цивилизаціи. Жизнь разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ европейскихъ семействъ мало разнится отъ жизни краснокожихъ Индѣйцевъ. Безъ средствъ къ удовлетворенію нравственныхъ потребностей, физически они надѣлены съ избыткомъ богатствомъ своихъ дикихъ странъ; имъ благоприятствуетъ разнообразный климатъ,—холодный у Кордильеровъ, и теплый, даже жаркій, въ пампахъ,—и эти легко-достающіяся средства жизни составляютъ главную причину малаго, нравственнаго развитія. Только нужда и трудъ жителей, воспитываютъ и поддерживаютъ сильную самостоятельную и здоровую жизнь, какъ въ индивидуумѣ, такъ и въ массѣ народонаселенія.

Особыя условія мѣстности и всей окружающей среды образовали здѣсь оригинальныя своеобразныя учрежденія эстанціи, и развили мѣстный типъ *гаучо*. Эстанціи и *гаучо* составляютъ характеристическія особенности страны. Эстанціями называли сначала Испанцы, а послѣ Южно-Американцы, заселенныя поля, съ фермою, занимавшія 3 или 4-мили; на этихъ фермахъ пасется огромное множество скота,—лошадей, быковъ, овецъ, ламъ и альпакъ; не рѣдко попадаются эстанціи, имѣющія болѣе 30,000 головъ различнаго скота. Въ большомъ домѣ, среди фермы, живетъ владѣтель, окруженный многочисленными рабочими, съ ихъ женами. Дѣло рабочихъ ходить за скотиной, загонять стада, бить быковъ и лошадей; ихъ-то и называютъ *гаучо*. Если не доставало мѣста на мызѣ, *гаучи* строили въ нѣкоторомъ отдаленіи деревянные домики, крытые соломой, и называемые *ранчо*. Надъ ними, и для веденія работъ, назначался главный управляющій. Первоначально *гаучами* называли людей подозрительныхъ, которые избѣгали обитаемыхъ мѣстъ и удалялись въ степи; позднѣе названіе это распространилось на всѣхъ деревенскихъ жителей. Теперь они составляютъ собственно классъ поселянъ, лишены всякой цивилизаціи, и постоянно враждуютъ съ жителями городовъ. Своер многочисленностію и влияніемъ, они постоянно давали шта-

тамъ Ла-Платы свой оригинальный характеръ, и въ ихъ столкновеніяхъ съ городскимъ сословіемъ заключается вся разгадка безпрестанныхъ междоусобій страны. Сколько разъ они одни, и надолго, рѣшали судьбу этихъ государствъ! Они же были главною поддержкой двадцатилѣтняго диктаторства донъ-Хуана Мануеля де-Росаса.

Въ 1810 году ббольшая часть испанскихъ колоній въ Южной Америкѣ отдѣлилась отъ своей метрополии. Аргентинская же конфедерація объявила себя окончательно независимою въ іюнѣ 1816 года, на конгрессѣ въ Санъ-Мигель-Тукуманскомъ, и уложеніе, объявленное 30 апрѣля 1819 года, написано было по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Не соответствуя здѣшнимъ условіямъ, оно повело къ величайшимъ затрудненіямъ: всякій хотѣлъ властвовать, никто не хотѣлъ повиноваться. Въ кровавой, дикой путаницѣ начали наконецъ выясняться двѣ враждебныя другъ другу партіи—*федералистовъ* и *унионистовъ*, и всѣ личности, на которыхъ вертится исторія Аргентинской республики, принадлежали или къ первой, или ко второй изъ этихъ партій. Ривадавіа, Пасъ, Лаваль, Варелла и Уркиса были унионисты; Лопесъ, Аирога и Росасъ были федералисты. Грустный опытъ первыхъ годовъ независимости (1816—1826) долженъ былъ убѣдить всѣхъ благомыслящихъ людей въ невозможности конфедеративнаго правленія, при противодѣйствующемъ ему стремленіи каждой провинціи къ самостоятельности. Ривадавіа, Родригесъ и многіе другіе съѣхались на совѣщаніе и рѣшили, чтобы правленіе было федеративное. Провинціи Буэносъ-Айресъ, Коріентесъ, Энтре-ріосъ и Санта-фе образовали на этомъ основаніи такъ-называемый «четверной союзъ»; Буэносъ-Айресу предоставлено было веденіе иностранныхъ дѣлъ; принятыя же имъ обязательства онъ долженъ представлять на рѣшеніе конгресса. Первымъ президентомъ былъ избранъ въ 1826 году Ривадавіа; но снова собранный конгрессъ, недовольный стремленіями президента болѣе гарантировать положеніе главы государства, принудилъ Ривадавію удалиться. Одинъ изъ аргентинскихъ писателей, Индарте, говоритъ о первомъ президентѣ: «истинный другъ отечества, онъ сдѣлалъ много улучшеній, и положилъ такіа прочныя основанія для дальнѣйшихъ улучшеній, что всѣ его преемники невольно возвращались къ нимъ; этихъ основаній не могла уничтожить двадцатилѣтняя рѣзня: такъ сильна разумность

и честность, въ сравненіи съ грубою властію. «По удаленіи Ривадави наступила страшная анархія, извѣстная подъ именемъ *аксбали*, безголовья, такъ что иностранныя державы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не знали къ кому обратиться. Подобное положеніе дѣлъ, конечно, не могло быть продолжительно. Собирались новые конгрессы (въ 29, 30 и 31 годахъ), гдѣ были представители отъ провинцій Буэносъ-Айреса, Корrientесъ, Энтре-риосъ, Санта-фе, Кордовы и Санъ-Хуана, заставлявшие молчать остальныхъ провинцій; принято было существующее понынѣ государственное уложеніе Аргентинской конфедерации: совершенная независимость отдѣльныхъ провинцій извнѣ; каждая провинція имѣетъ свое отдѣльное управленіе, губернатора и своихъ представителей; веденіе внѣшнихъ сношеній и войны предоставлено губернатору Буэносъ-Айреса; онъ же и главнокомандующій; противъ всякой внѣшней силы, провинціи находятся въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ; свобода внутренней торговли и судоходства во всѣхъ странахъ конфедерации. Для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о плаваніи по рѣкамъ, о внѣшней торговлѣ, о погашеніи государственнаго долга—долженъ быть созванъ новый конгрессъ; но конгрессъ этотъ не состоялся.

1-го декабря 1829 года Лаваль, стоявшій во главѣ войска, идетъ противъ губернатора Буэносъ-Айреса, Доррего, разбиваетъ его при Наварро, беретъ въ плѣнъ и расстрѣливаетъ. Защищавшій Доррего, Росасъ, побуждаетъ въ свою очередь Лавала, заставляетъ его удалиться въ Монтевидео, и самъ становится губернаторомъ и главнокомандующимъ въ Буэносъ-Айресе (1830). Такъ выступилъ на политическое поприще донъ-Хуанъ Мануэль де-Росасъ, человекъ чудовищный, но владѣвшій желѣзною, непреклонною волей, стремившійся безъ оглядки къ своей цѣли, и какою-то притягательною силой приковавшій къ себѣ народъ. Изъ губернатора, съ законною, но очень ограничекою властію, онъ становится неограниченнымъ деспотомъ Аргентинской республики; его воля является закономъ для всѣхъ провинцій. Этотъ новый губернаторъ, вокругъ котораго совершалась въ продолженіи многихъ лѣтъ исторія Лаплаты, который вызвалъ на бой сильнѣйшія европейскія государства и выдержалъ его съ честію, родился въ 1793 году въ Буэносъ-Айресе, въ почтен-

номъ семействѣ, переселившемся сюда изъ Астуріи. Его пра-
дѣдъ былъ губернаторомъ въ Чили; дѣдъ его былъ убитъ въ
войнѣ съ Индѣйцами: зашитый въ кожу, онъ былъ брошенъ
въ море. Въ молодости Росасъ долго жилъ между гаучами, на
эстанціяхъ своихъ родственниковъ; принималъ участіе въ ихъ
работахъ, играхъ и разныхъ увеселеніяхъ. Гаучи смотрѣли на
юношу какъ на своего, и съ гордостью поддерживали потому
домогательства своего бывшего товарища. Власть Росаса осно-
вывалась на гаучахъ, и онъ никогда не забывалъ ихъ интере-
совъ. Онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на земледѣліе; образо-
ваніе, вмѣстѣ со всякимъ свободнымъ движеніемъ, преслѣдо-
валось деспотомъ какъ самое опасное враждебное начало и
въ религіозномъ, и въ политическомъ смыслѣ.

По истеченіи законнаго срока, Росасъ сложилъ съ себя
должность, въ первый и послѣдній разъ поступивъ въ смыслѣ
конституціи. Его преемники Біамонтъ и Маса были незна-
чительные люди. Въ мартѣ 1835 г. Росасъ былъ снова выбранъ
и уже съ неограниченною властію, такъ какъ онъ иначе вы-
браннымъ быть не соглашался. По истеченіи законнаго срока,
каждый разъ возобновлялась комедія отказа: Росасъ увѣрялъ,
что его здоровье не выносить бремени правленія, что онъ
желалъ бы удалиться въ частную жизнь; депутаты были въ
отчаяніи, просили и прибавляли правъ и почестей диктатору;
даже одинъ мѣсяць въ году называли его именемъ. Наконецъ
Росасъ соглашался, и приносилъ свои наклонности въ жертву
любезному отечеству...

Между первымъ и вторымъ президентствомъ своимъ, Ро-
сасъ оказалъ республикѣ большія услуги. Жившіе на южныхъ
границахъ Буэносъ-Айреса и Чили, Индѣйцы производили
частыя набѣги на сѣверъ. Военственное племя не разъ прони-
кало во внутреннія земли, и огнемъ и мечомъ уничтожало все;
Росасъ, въ союзъ съ Чилийцами, рѣшился усмирить варваровъ.
Подъ его предводительствомъ, двинулись гаучи къ Магелла-
нову проливу, били Индѣйцевъ вездѣ, гдѣ только они осмѣли-
вались сопротивляться и освобождали тысячи плѣнныхъ хри-
стіанъ; генералъ Бургентъ, именемъ Аргентинской республики,
занималъ многія мѣста мало извѣстныхъ пампъ Патагоніи,
которымъ впрочемъ долго еще надобно ждать цивилизо-
ваннаго населенія. Росасъ долженъ былъ даже ограничивать
притязанія Чилийцевъ, основавшихъ колонію (въ 1843 году)

въ Магеллановомъ проливѣ¹. Этими трудными походами Росасъ стяжалъ себѣ уваженіе и славу, тѣмъ болѣе что къ этому же времени относится борьба за національную независимость, можно даже сказать, за самостоятельность Новаго Свѣта относительно Стараго, и самыя рѣшительныя и ожесточенныя противники тирана должны были радоваться его успѣхамъ.

Въ 1837 году, Росасъ, на основаніи давно забытаго закона, потребовалъ, чтобы все иностранцы, жившіе въ Буэносъ-Айресъ, участвовали въ національной милиціи; нѣсколько Французовъ были завербованы силою. Часто повторяемые протесты и жалобы французскаго агента оставались безъ отвѣта; наконецъ парижскій кабинетъ почувствовалъ себя обиженнымъ и принялъ свои мѣры. 28-го марта 1838 года все порты Аргентинской республики объявлены были въ блокадѣ; Французы соединились съ врагами Росаса, уніонистами, во главѣ которыхъ сталъ, пріѣхавшій изъ Монтевидео, генералъ Лаваль; въ нѣсколькихъ стычкахъ войскамъ диктатора нанесено было чувствительное пораженіе. Въ самомъ Монтевидео Франція домогалась низложить президента Мануэля Орибе, и посадить на его мѣсто главу революціоннаго движенія, генерала Фруктуосо Рифера. Французамъ очень хотѣлось возводить и низлагать правителей въ Южной Америкѣ; они по обыкновенію забыли, что этимъ страшно оскорбляли національную гордость и, вмѣсто союзниковъ, наживали себѣ въ народѣ враговъ и сильно вредили своей выгодной торговлѣ съ этою страной. Въ 1840 г. «войско освободителей», подъ командою Лавала, двинулось къ Буэносъ-Айресу, внутри котораго вспыхивали частныя мятежи; началась осада, и, занимая шагъ за шагомъ укрѣпленныя мѣста, уніонисты уже близки были къ окончательной побѣдѣ. Въ это время прибылъ изъ Франціи въ Монтевидео адмиралъ Мако (23-го сентября 1840) съ приказаніемъ все кончить и какъ можно скорѣе выпутать Францію изъ лаплатскихъ дрягъ и ссоръ. Бывшій восточный вопросъ и война вице-короля Египта съ султаномъ поглотили тогда все вниманіе Лудовика-Филиппа и его министровъ. Франція осталась тогда изолированной: договоръ 15-го іюня 1840 года былъ заключенъ европейскими державами безъ ея участія.

¹ Та самая, о которой я говорилъ выше.

Мако спѣшилъ измѣнить друзьямъ Франціи въ Южной Америкѣ, вступивъ въ переговоры съ Росасомъ и заключивъ съ нимъ трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: республика Уругай, на основаніи трактата 1828 года (по которому она отдѣлялась отъ Бразиліи), сохраняетъ свою независимость; всѣмъ, возставшимъ противъ Росаса объявлена амнистія; убытки, понесенные Французами, должны быть вознаграждены; Франція, наравнѣ съ другими державами, пользуется, предоставленными имъ правами.

Неудовольствіе уніонистовъ и обманутаго Уругая не имѣло границъ; «Мако, Франція и измѣна,» говорили они, «съ этого времени однозначашія слова! Мы всѣ проданы, намъ измѣнили! За деньги Франція продала свою честь, своихъ союзниковъ, даже свою выгоду. И она еще увѣрена, что Росасъ сдержитъ свои обѣщанія!» И все это была правда. Передъ глазами французскаго адмирала вели амнистированныхъ къ Росасу, пытали ихъ, и многихъ, въ числѣ которыхъ были и Французы, казнили. Можно найти имена этихъ несчастныхъ въ аргентинскихъ журналахъ.

Уніонисты, несмотря на измѣну союзниковъ, не успокаиваются. Лаваль и Ривера набираютъ новую партію въ Монтевидео, преимущественно изъ лицъ, бывшихъ противъ президента Орибе, друга Росаса, и торжественно объявляютъ, что договоръ, заключенный адмираломъ Мако, недействителенъ. «Измѣна, своеволие и глупость написаны у французскаго адмирала на лбу. И кто далъ Франціи право, во имя уніонистовъ и Уругая, не спрашиваясь у нихъ, заключать съ Росасомъ союзы? Они думаютъ тамъ у себя, въ Парижѣ, что гаучо Росасъ действительно допуститъ амнистію? Никогда!» И такъ вышло на дѣлѣ. Трактатъ остался мертвою буквой, хотя Гизо и говорилъ съ трибуны, что дикіе народы Лаплаты не заслуживаютъ лучшаго управленія чѣмъ управленіе Росаса.

Аргентинцы и Оріенты, какъ вообще называются жители Восточной Банды (Уругай), одни, безъ всякой помощи, продолжали упорную войну съ Росасомъ. 19-го сентября 1841 г. Лаваль былъ разбитъ въ долинѣ Фамалаа; но 8-го октября храбрый защитникъ уніонистовъ былъ убитъ, и Росасъ безъ труда разбилъ войско, оставшееся безъ вожда.

Окончательное истребленіе уніонистовъ ведено было съ настоячивою кровожадностію, на которую былъ способенъ только Росасъ. Все, что нѣбзвало его мести, искало спасенія

въ бѣгствѣ за Кордильеры, въ Чили и другія мѣста. Немногіе отбѣлались счастливо: ббольшую часть сразилъ холодъ и голодъ на высотѣ снѣжныхъ вершинъ Кордильеръ. Для оставшихся въ республикѣ противниковъ диктатора наступило страшное время. Если все правда, что разказываютъ путешественники и аргентинскіе писатели, то правленіе Перона и Тиверія покажется отечески-нѣжнымъ въ сравненіи съ Росасовымъ. Духовенство помогало тирану въ преслѣдованіи всего умственнаго и благороднаго. Епископъ Хосе-Мануель Эйераціо называлъ дикаго гаучо божественнымъ героемъ, благословлялъ его и говорилъ: «Истинная, христіанская любовь, сильная и возвышенная, ведущая ко спасенію, требуетъ уничтоженія безбожной толпы, враговъ Бога и людей: настоящая христіанская любовь требуетъ уничтоженія дикихъ унионистовъ!» Надобно помнить, что Магариньѳосъ Сервантесъ, разказывающій все это, самъ строгій католикъ.

Въ помощь себѣ, Росасъ основалъ тайное общество, и назвалъ его *Масхорко* (початокъ кукурузы), потому что члены его должны быть такъ же тѣсно связаны между собою, какъ сѣмена маиса на своемъ початкѣ. Всѣ отверженные и развратные люди принимались въ это общество, давая клятву безпреложно исполнять волю тирана. Ужасъ сковывалъ Буэносъ-Айресъ при слухѣ о злодѣйствахъ, совершавшихся каждую ночь масхорками. Каждый день, по утрамъ, находили на улицахъ изуродованные, неузнаваемые никѣмъ трупы; много было разорено домовъ, обезчещено женщинъ, расхищено имѣній. «Дикіе унионисты должны быть окончательно истреблены,» говорилъ диктаторъ, «одна мысль принадлежать къ этой ордѣ есть уже смертный грѣхъ!» Читая показанія очевидцевъ, не вѣрился, люди ли были эти испано-португальскіе Американцы, и отказываешьсѣ судить о нихъ по мѣркѣ нашихъ убѣжденій. Это люди, испорченные клерикальнымъ воспитаніемъ, дикари, увѣренные, что при всѣхъ преступленіяхъ можно примириться съ Богомъ нѣсколькими наружными обрядами. Пойманные унионисты судились сотнями, и головы ихъ выставлялись публикѣ, насаженные на шпичахъ рѣшотокъ. Кто произносилъ хоть слово состраданія къ одному изъ этихъ «безбожныхъ измѣнниковъ», подвергалъ свою жизнь тому же; гдѣ ихъ находили, тамъ и убивали. Даже трупы враговъ Росаса вырывались изъ могилъ, и бросались на съѣденіе собакамъ. Довъ Хосе Ривера Индарте, издатель журнала *El Nacional*, и Варелла,

издатель *El Comercio del Plata*, были рѣшительными врагами Росаса, и оба погибли въ борьбѣ съ тираномъ. Индарте былъ авторомъ ужасной обвинительной брошюры *Tablas de Sangre* (кровавые списки), въ которой онъ пересчитываетъ всѣ жертвы отъ тридцати девятаго до сорока третьяго года (въ этомъ году безстрашный мужъ, по повелѣнію Росаса, былъ отравленъ), день и мѣсяцъ ихъ смерти, и какимъ образомъ они были убиты. Изъ этого сочиненія видно, что лишенныхъ жизни было:

Отравленныхъ	5
Обезглавленныхъ	3.765
Разстрѣлянныхъ	1.393
Келейно убитыхъ	732
Пало въ сраженіи	14.920
Осужденныхъ, какъ дезертиры, шпіоны	1.600

Всего умерщвленныхъ 22.405, большею частью молодого, сильнаго и образованнаго народа. Болѣе 40.000 эмигрировало въ Уругай, Боливію, Перу, Чили и Бразилію. О числѣ жертвъ въ 1843 году нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Для чествованія великаго спасителя конфедерации, время отъ времени учреждались празднества, зобранія, публичные танцы, на которыхъ обыкновенно присутствовала Мануэла, единственная дочь Росаса; на праздникахъ раздавались возбуждающіе месть гимны. Въ извѣстные дни портретъ Росаса возимъ былъ на колесницѣ по улицѣ Буэносъ-Айреса первыми чиновниками города и красивѣйшими дамами; портретъ ставился въ соборѣ между изображениями Спасителя и Божіей Матери, при чемъ духовенство гадило и молилось о благоденствіи «божественнаго» мужа Росаса. Духовныхъ, не желавшихъ участвовать въ этихъ богохульныхъ процессіяхъ, разстрѣливали, казнили. Попали въ немилость и іезуиты, которыхъ вызвалъ было Росасъ и, по примѣру Санта-Анны въ Мексикѣ, возвратилъ имъ прежнія ихъ владѣнія. «Отцы іезуиты не выполнили условій,» говорилъ Росасъ въ 1842 году, на которыхъ имъ было позволено возвратиться. Они слѣдуютъ другимъ правиламъ, которыя враждебны принципамъ нашего управленія.» И они были снова изгнаны. Іезуиты рѣдко расходятся съ абсолютными правленіями, а тутъ видно нашла коса на камень: одинъ абсолютизмъ враждебно столкнулся съ другимъ!

Война съ Уругаеъ продолжалась. О трактатѣ 1840-го года и помину не было. Цѣль Росаса была подчинить это государство, также какъ и Парагай, и ввести такъ-называемую американскую систему, требующую совершеннаго исключенія иностранцевъ, особенно Европейцевъ.

Уругай, или Восточная Банда (такъ-называется она по восточному положенію, относительно Аргентинской республики), въ сравненіи съ другими государствами Южной Америки, не великъ по протяженію и бѣдно населенъ; но его выгодное положеніе близъ устья Ла-Платы, и плодородіе его почвы могутъ возвысить его до степени значительнаго государства. Онъ занимаетъ пространство въ 4.000 геогр. квадр. миль, и раздѣленъ на девять департаментовъ, называемыхъ по своимъ главнымъ городамъ, Монтевидео, Канелонесъ, Санъ-Хосе, Кодонія, Соріано, Памсанду, Сарро-Ларго, Мальдонадо и Негро; жителей только около 200.000, и двѣ трети ихъ живутъ въ городахъ. Плодородная почва орошена рѣками, богатыми водою; величественная Ріо-Негро, у устья которой могла бы быть основана превосходная гавань, принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ судоходные притоки, расположенные очень выгодно для движенія внутренней торговли.

Климатъ его—одинъ изъ благопріятнѣйшихъ въ мірѣ. Всѣ европейскіе овощи и плоды, и кромѣ того хлопчатая бумага, рисъ и нѣкоторыя другія южныя произведенія вырѣвваютъ здѣсь превосходно. Но еще не взрѣзалъ плугъ обширной степи, по которой до сихъ поръ бродятъ безчисленныя стада быковъ и табуны лошадей, все еще составляющихъ главный предметъ вывоза. Богатые травою холмы и долины дѣлаютъ страну особенно удобною для овцеводства. Животныя зиму и лѣто находятъ постоянные пастбища: трудъ сѣнокоса здѣсь неизвѣстенъ. Уругай не богатъ благородными металлами. Есть въ небольшомъ количествѣ золото и серебро (близъ Мальдонадо), мѣдь, антимоній, олово, желѣзо, сѣра и каменный уголь. Цѣнность ввоза товаровъ доходитъ до 14 милліоновъ, а вывоза до 12 милліоновъ рублей сер. Контрабанда, довольно значительная, увеличиваетъ ввозъ по крайней мѣрѣ на 25%, то-есть на 3 или 4 милліона рублей. И такой значительный торгъ ведетъ государство съ скуднымъ населеніемъ, не знающимъ ни земледѣлія, ни горнаго дѣла и не имѣющимъ мануфактуръ; все это даютъ только шкуры, рога, волость, сало и мясо дикихъ стадъ! Вообще государство это

заслуживаетъ большаго вниманія, и можно легко понять какого бы значенія достигло оно, еслибъ его земли, могущія прокормить болѣе пятнадцати милліоновъ жителей, заселились хотя двумя-тремя милліонами дѣятельнаго, рабочаго народа. Подобное заселеніе сдѣлало бы эту страну дѣйствительно независимую, и освободило бы ее отъ направленной на нее разрушительной политики Бразиліи.

Географическое положеніе Уругая всегда давало направленіе его исторіи; оно было причиною постоянныхъ споровъ, которые и замедляли развитіе страны. Уругай былъ предметомъ раздоровъ Испаніи съ Португаліей въ прошедшемъ столѣтіи; онъ и въ настоящее время постоянный предметъ раздора между Аргентинскою республикой и Бразиліей. Эти споры время отъ времени прекращаются, чтобы возобновиться съ болѣею силою, потому что причина ихъ не уничтожается. Владѣющій Уругаемъ, можетъ легко овладѣть устьемъ Ла-Платы, и подчинить себѣ всѣ близъ-лежащія страны въ сѣверо-восточной части Новаго Свѣта, и въ этомъ заключается разгадка ревнивыхъ стремленій и притязаній сосѣдей. Никто не допускаетъ другаго владѣть этою землею, боясь за собственное благосостояніе и независимость.

Въ Монтевидео, также какъ и въ другихъ испанскихъ колоніяхъ, начались движенія въ 1810 году, слѣдствіемъ которыхъ было отдѣленіе ихъ отъ метрополи. Испанскій губернаторъ де-Бигодетъ долженъ былъ наконецъ удалиться (20 іюня 1814 г.), и страна осталась предоставленною самой себѣ. Во главѣ народа стоялъ Хосе де-Артигасъ, поддерживаемый гаучами, также какъ въ послѣдствіи Розасъ, врагъ городского сословія, и вмѣстѣ всякаго высшаго умственнаго развитія. Большинство было имъ недовольно, и этимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались въ Рио-де-Жанейро; подъ предлогомъ освобожденія страны отъ участія гаучей, бразильскія войска наводнили Уругай, изгнали Артигаса и кончили тѣмъ, что присоединили всю провинцію (въ 1821 году) къ имперіи. Но скоро загорѣлась война за самостоятельность Уругая; Аргентинская республика, смотрящая на Уругай, какъ на часть прежняго вице-королевства, слѣдовательно, какъ на свою принадлежность, приняла въ войнѣ этой дѣятельное участіе. Заключенный 27 августа 1828 года миръ, при участіи Англій, прекратилъ наконецъ войну, продолжавшуюся столько лѣтъ, и Уругай былъ признанъ самостоятельнымъ государствомъ. Мирившіяся сто-

роны положили только условіемъ право подачи голоса, при начертаніи новаго уложенія, и право вѣтательства, въ случаѣ если до истеченія пяти лѣтъ по учрежденіи законнаго управления, возгорится тамъ междоусобная война. На послѣднемъ пунктѣ основывалъ Росасъ свое домогательство получить мѣсто президента Орибе, хотя упомянутыя въ трактатѣ пять лѣтъ давно уже прошли. Составленное въ Монтевидео уложеніе, съ утвержденія Бразиліи и Аргентинской республики, было наконецъ обнародовано 18 іюля 1830 года, Содержаніе его мало разнилось въ существенныхъ статьяхъ отъ уложенія Северо-Американскихъ Штатовъ. Власть дѣлилась на три части: исполнительную, законодательную и судебную. Законодательная власть сосредоточена въ двухъ камерахъ, представительной и сенатѣ. Представители непосредственно избираются, каждый отъ 3.000 душъ, на три года. Сенаторы избираются представителями, и назначаются, по одному на департаментъ, на шесть лѣтъ; треть ихъ возобновляется каждые два года. Въ случаяхъ разногласія, обѣ камеры соединяются въ общемъ собраніи, для рѣшенія спорнаго дѣла большинствомъ голосовъ. Представитель долженъ быть двадцатипяти лѣтъ отъ роду, не менѣе пяти лѣтъ считаться гражданномъ, и имѣть 4.000 долларовъ, или занимать мѣсто, стѣбщее этой цѣны. Сенаторъ долженъ быть тридцати лѣтъ, семь лѣтъ быть гражданномъ и имѣть 10.000 долларовъ. Чиновники гражданскіе, военные и духовные не могутъ засѣдать въ камерахъ. Пьяницы и люди, не умѣющіе читать и писать, не имѣютъ права подачи голоса. Исполнительная власть вручается избранному обѣими палатами президенту на четыре года; онъ главнокомандующій надъ войсками и флотомъ, и, если хочетъ, можетъ командовать ими лично. Въ случаѣ его смерти, должность исправляетъ президентъ сената. Судебная власть находится въ рукахъ у верховнаго судилища, у избираемаго обѣими камерами апелляціоннаго суда, у судей первой инстанціи и у мирныхъ судей. Чтобы быть членомъ верховнаго судилища, надо имѣть сорокъ лѣтъ, быть шесть лѣтъ адвокатомъ, четыре года служить въ магистратурѣ, и сверхъ того быть сенаторомъ. Уголовныя преступленія судятся судомъ присяжныхъ. Установлена свобода печати, и предоставлено много преимуществъ иностранцамъ, желающимъ селиться въ странѣ, въ чемъ Уругай опередилъ всѣ другія южно-американскія государства.

Первымъ президентомъ республики былъ избранъ генералъ Фруктосо Риѳера, гаучо по рожденію, отличившійся въ войнѣ съ Бразиліей. По истеченіи законнаго срока, въ 1834 году, избранъ былъ, особенно преданный интересамъ страны, генералъ донъ-Мануэль Орибе, къ величайшему прискорбію сложившаго свою власть президента. Риѳера собралъ своихъ гаучей, взялся за оружіе, и послѣ многихъ стычекъ, принудилъ новоизбраннаго президента отказаться отъ своего мѣста до истеченія срока (1838); и въ едва-начавшейся республикѣ снова начались смуты и безпорядки. Партіи Риѳеры и Орибе, красные и бѣлые, то-есть поселяне и горожане, вели непримиримую войну; наконецъ, Риѳера, какъ мы видѣли, октябрьскимъ трактатомъ 1840 года низложенъ былъ Франціей, а Орибе—Росасомъ. Риѳера однако все еще продолжалъ войну, и аргентинскія войска наводнили Уругай; одинъ Монтевидео отчаянно сопротивлялся все время войскамъ и флоту Росаса. Бразилія и Англія съ опасеніемъ слѣдили за этою неравною борьбой; уничтоженіе независимости Уругая и присоединеніе его къ Аргентинской республикѣ были бы невыгодны для Бразиліи.

При этихъ безпрестанныхъ войнахъ теряла больше всего иностранная торговля; жалобы англійскихъ купцовъ были такъ часты и такъ настойчивы, что министерство лорда Джона Россея рѣшилось на вмѣшательство (1844), въ видахъ восстановленія мира, спокойствія и свободнаго плаванія по рѣкѣ; Франція была приглашена къ участію. Отъ обѣихъ державъ посланы были въ 1845 году Оузлей и Доссоди въ Буэносъ-Айресь для предьявленія своихъ справедливыхъ требованій; въ случаѣ, еслибы Росасъ сталъ колебаться, предписано было прибѣгнуть къ силѣ. Требовали, чтобы Росасъ призналъ Уругай и Парагай самостоятельными государствами, отказавшись отъ всякаго на нихъ притязанія, чѣмъ и окончились бы всѣ смуты Лаплаты. Росасъ объявилъ посланникамъ положительно, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ повиноваться европейскимъ властямъ, которыя хотятъ предписывать Америкѣ законы, и затѣмъ объявлена была война (18 сентября 1845 года). Союзники блокировали Буэносъ-Айресь, завладѣли маленькою аргентинскою эскадрой, которая стояла у Монтевидео, осадили островокъ Мартинъ-Гарсія, и энергически приступали къ другимъ военнымъ дѣйствіямъ. Росасъ продолжалъ настойчиво сопротивляться, и терпѣливымъ выжиданіемъ, уто-

мигъ наконецъ союзниковъ, желавшихъ окончить многостѣившую войну. Съ этою цѣлію былъ посланъ въ Буэносъ-Айресь Англичанинъ Самуэль Гудъ (1846), который и заключилъ перемиріе съ Росасомъ на слѣдующихъ условіяхъ: всѣвоенныя дѣйствія въ Уругаѣ должны быть прекращены; долженъ быть выбранъ новый президентъ для этой республики; должна быть объявлена общая амнистія; съ Буэносъ-Айреса должна быть снята блокада, и островъ Мартинъ-Гарсія, съ своими маяками, долженъ быть возвращенъ. При исполненіи этихъ условій нашлись какія-то затрудненія, и посланники были отозваны; на ихъ мѣсто явились лордъ Гоуденъ и графъ Валевскій. Англія во всякомъ случаѣ хотѣла покончить съ войною, причемъ было еще желаніе мести Лудовику-Филиппу, принявшему участіе въ итальянскихъ и швейцарскихъ дѣлахъ, враждебное англійскимъ интересамъ. Лордъ Гоуденъ отозвалъ англійскую эскадру изъ Буэносъ-Айреса, заключилъ миръ съ Росасомъ, и война осталась на плечахъ одной Франціи. Герцогъ де-Броль, французскій посланникъ въ Лондонѣ, потребовалъ отъ имени своего правительства объясненій. «Мы, писалъ онъ, приняли участіе въ дѣлахъ Лаплаты только по проискамъ Англій и для ея интересовъ. Посредничество Гуда было для насъ выгодно, но оно сокрушилось о настойчивое противодѣйствіе Росаса. Росасъ не хотѣлъ согласиться на свободное плаваніе по Паранѣ и требовалъ, чтобъ Орибе былъ президентомъ Уругая. Мы не могли принять этого. Чтò же случилось? Лордъ Гоуденъ отстраняется отъ общаго дѣла съ Валевскимъ, и отзываетъ свою эскадру отъ Буэносъ-Айреса!» Джонъ Россель и Пальмерстонъ старались представить дѣло своего полномочнаго въ сомнительномъ свѣтѣ, утверждая, что посланникъ не совсѣмъ понималъ ихъ инструкціи; однако блокада съ англійской стороны Буэносъ-Айреса не возобновлялась. Въ это время во Франціи вспыхнула революція, и французскій посланникъ долженъ былъ принять трактатъ, заключенный Англійей. Только быстрымъ ходомъ обстоятельствъ Французы выведены были изъ своего непріятнаго положенія: послѣдовало неожиданное, внезапное паденіе полновластнаго диктатора, а за нимъ совершенное измѣненіе какъ внутренняго, такъ и вѣшняго положенія странъ Лаплаты.

Мысль занять въ южной Америкѣ то же положеніе, какимъ пользуются Соединенные Штаты въ сѣверной, постоянно занимаетъ какъ народъ, такъ и правительство Бразиліи. По-

этому тамъ внимательно слѣдили за событіями на Лаплатъ; наконецъ Бразиліи представился случай для раскрытія своихъ гегемоническихъ стремленій.

Росасъ повторялъ время отъ времени свою комедію отказа, наружно желая удалиться отъ дѣлъ; мы уже видѣли этотъ маневръ, который онъ всякій разъ употреблялъ съ успѣхомъ. Въ 1851 году онъ явился передъ депутатами съ слѣдующею рѣчью: «Мои тѣлесныя силы до того ослабѣли, что мнѣ невозможно вести дѣла Аргентинской республики при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ...»—«Жестоко было бы, отвѣчалъ генераль Уркиса, губернаторъ провинціи Энтре-Ріосъ, взыскать тяжесть правленія на великодушнаго президента, отчего здоровье его можетъ пострадать еще больше. Этимъ онъ и народу мало услужитъ. При болѣзненности президента, могутъ потерпѣть интересы страны и даже благосостоянію ея угрожаетъ опасность.» Провинція Энтре-Ріосъ приняла сторону Уркисы, ей послѣдовала провинція Коріентесъ, съ губернаторомъ Фирасоро. Нѣсколько недель спустя (29 мая 1851), Энтре-Ріосъ и Уругай заключаютъ съ Бразиліей наступательный и оборонительный союзъ, съ цѣлю доставить миръ раззоряемому десятилѣтнею междоусобною войною Уругаю и вытѣснить Орибе съ аргентинскими войсками навсегда изъ республики. Чтѣ дѣлать дальше, будетъ указано обстоятельствами. По всей вѣроятности, Уркиса еще прежде имѣлъ сношенія съ бразильскимъ кабинетомъ. Незадолго передъ этимъ, аргентинскій посланникъ былъ обидно отозванъ изъ Ріо-Жанейро. За трактатомъ 29 мая послѣдовали другіе, сдѣлавшіе большой шагъ въ международныхъ отношеніяхъ южно-американскихъ государствъ; назначены комиссары для проведенія демаркаціонной линіи между Бразиліей и Уругаемъ; оба государства обоюдно признавали свою независимость. Бразилія обязывалась поддерживать всякое, согласно съ конституціей избранное и дѣйствующее правительство; объявлена общая амнистія и обещано возвращеніе конфискованныхъ имѣній. Приглашены все аргентинскіе штаты къ участію въ трактатѣ, такъ же какъ и Парагай, котораго независимость обезпечивалась. Торговля объявлена на свободныхъ началахъ. Подданные обихъ государствъ могутъ свободно жить въ той или другой странѣ и вести свои дѣла, не платя никакой повинности, и не могутъ быть вербованы въ военную службу. Бразильцамъ до-

зволено плавать по Уругаю и его притокамъ; положено стараться о свободномъ плаваніи по Паравѣ и Парагаю. Обѣ стороны обязывались выдавать бѣглыхъ преступниковъ, въ число которыхъ включены и принадлежащіе бразильскимъ подданнымъ негры.

Финансы Уругая были до такой степени плохи, что тамъ не могло бы существовать никакое правительство; Бразилія еще прежде давала ему субсидіи, такъ же какъ Франція и Англія. Теперь Бразилія обязывалась помогать ему какъ одновременно, такъ и ежегодно, выдавая (съ ноября 1851 года) по 50.000 піастровъ, во все время продолженія войны.

Власть деспотовъ, не основанная на національныхъ или религіозныхъ интересахъ, всегда шатка, и часто бываетъ достаточно первого толчка, чтобы сокрушить ее,—будетъ ли этотъ толчокъ извнѣ или изнутри. Угнетенному народу, ослѣпленному лживымъ блескомъ, подъ которымъ прячутся власти-тели, и обманутому ложью, проникающею всю жизнь подавленной страны, такому народу деспотическая власть кажется гораздо болѣе прочною нежели она есть на самомъ дѣлѣ. Росасъ подтвердилъ собою эту давно извѣстную истину. Ополченіе, возставшее на него, было такъ велико, что такого не видали никогда въ Южной Америкѣ. Около 30.000 войска, вооруженнаго различнымъ оружіемъ и снабженнаго огромными запасами, двинулось на диктатора. Но такихъ большихъ средствъ и не требовалось: при первомъ толчокѣ рухнуло двадцатилѣтнее зданіе, безъ всякой надежды на возобновленіе. Англія и Франція могли бы воспользоваться обстоятельствами, но онѣ ограничились полумѣрами; имъ было все равно, останется ли Росасъ, или нѣтъ,—нужна была только свобода плаванія. Теперь же онѣ совсѣмъ отказались отъ участія въ дѣлѣ низложенія тирана, и англійскія суда защищали только интересы своихъ соотечественниковъ въ Буэносъ-Айресѣ, а французскія—въ Монтевидео, гдѣ даже нѣсколько ротъ французскихъ морскихъ солдатъ держали гарнизонъ.

Въ силу трактата 1851 года, Уркиса двинулся къ Уругаю вмѣстѣ съ графомъ де-Кахасомъ, пришедшимъ съ 12.000 войска съ сѣвера Ріо-Гранде; генералъ Евгенийъ Гарсонъ выступилъ изъ Монтевидео, а Фирасоре—изъ Коріентеса. Бразильская эскадра, подъ командою находящагося на службѣ Бразиліи англійскаго адмирала Гренселя, занимавшая Парану, мѣшала Росасу соединиться съ Орибе. При этихъ обстоятельствахъ, Орибе согла-

шался на умѣренную капитуляцію, начинавшуюся словами: «Въ Уругайской республикѣ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ.» Такъ выполненъ былъ первый пунктъ трактата; Монтевидео былъ освобожденъ, и прекратилась десятилѣтняя осада новой Трои.

Но надобно было низложить диктатора Буэносъ-Айреса. Провинція Энтре-Риосъ назначена была сборнымъ пунктомъ для войскъ Бразиліи, Парагая, Уругая и аргентинскихъ, которыя и стаянулись въ продолженіи ноября и декабря. Армія освободителей, какъ называлось это войско, двинулась 23 декабря, и 12 января 1852 года перешла границу провинціи Буэносъ-Айреса. Росасъ палъ духомъ; съ самаго начала войны онъ уже считалъ себя побѣжденнымъ. Послѣ длиннаго, утомительнаго четырехъ-недѣльнаго перехода, не выигрывая часто и двухъ миль въ сутки, по причинѣ разныхъ условій мѣстности, Уркиса двинулся къ Буэносъ-Айресу противъ войскъ Росаса, уже приведенныхъ въ смятеніе; ихъ было однако 20.000 человекъ, и они владѣли выгодною и укрѣпленною позиціей Моронъ, на возвышенности Монте-Каперосъ.

5-го февраля, Уркиса повелъ атаку на эту позицію. Войска диктатора, не дожидаясь нападенія, обратились въ бѣгство; разрозненными толпами они обратились на собственный городъ и начали грабежъ; граждане и иностранцы должны были взяться за оружіе противъ своихъ же защитниковъ. Вступивъ въ городъ, Уркиса перевѣшалъ нѣсколько сотенъ этой сволочи. Между ихъ трупами находили главныхъ помощниковъ бѣжавшаго диктатора, особенно изъ москороковъ, его палачей и исполнителей. Между тѣмъ, Росасъ спѣшилъ перебраться, съ своею дочерью Мануэлитой и съ своими сокровищами, на англійскій пароходъ. Нѣкоторымъ изъ его друзей удалось тамъ съ нимъ соединиться, другіе искали пощады у побѣдителя, многіе висѣли по деревьямъ на площади Викторіи. Двадцатилѣтнее господство самаго страшнаго тирана южной Америки было разрушено, можно сказать, безъ сопротивленія.

Паденіе диктатора Буэносъ-Айреса оставило обширныя области Лаплаты въ состояніи анархіи, слѣдующей обыкновенно за долголѣтнимъ рабствомъ. Одно время казалось, что Уркиса наследуетъ низложенному врагу. Народъ столицы, сбросившій цѣпи, привѣтствовалъ побѣдителя при Монте-Каперосѣ именемъ освободителя, и Уркиса, съ утвержденія собранныхъ де-

путатовъ, принялъ титулъ временнаго правителя Аргентинской конфедераціи. Но скоро отвсюду предводители старыхъ партій стали поднимать головы, и снова вся страна представила картину страшныхъ безпорядковъ. Впередѣ всѣхъ былъ богатый торговый городъ Буэносъ-Айресъ, который желалъ не только переимѣнить властителя, но и привести въ извѣстность и въ дѣйствіе свои прежнія свободныя учрежденія. Жестокость, съ которою велъ Уркиса легкую войну, безчисленныя казни и изгнанія, исполненныя по его повелѣнію, своевольное запрещеніе, наложенное имъ на найденное въ городѣ государственное и частное имущество, все это пугало гражданъ Буэносъ-Айреса, и они не иначе смотрѣли на него какъ на наследника Росаса. Скоро выросшая популярность его также скоро и упала; всѣ припомнили, что онъ былъ прежде страшнымъ защитникомъ падшаго тирана. Собравшаяся камера депутатовъ въ Буэносъ-Айресѣ приняла вслѣдствіе этого враждебный характеръ противъ временно-управляющаго конфедераціей, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться. Съ его удаленіемъ, весь народъ поднялся единодушно, возстановилъ прежнюю провинціальную камеру и образовалъ свое собственное правленіе, во главѣ котораго стали докторъ Альсина и смертельный врагъ Уркисы, генералъ Пинто. Такъ-называемая либеральная партія, такъ долго молчавшая при Росасѣ, имѣла власть въ рукахъ и объявила, что утомленный двадцатилѣтнею тиранніей народъ желаетъ не переимѣны властителя, а дѣйствительной гражданской свободы.

Ударъ былъ нанесенъ, и междуусобная война была неизбежна. Въ первый моментъ Уркиса, не понимая настоящаго значенія обстоятельствъ, думалъ силою оружія быстро подавить ихъ, и сейчасъ же направился съ своими войсками къ Буэносъ-Айресу. Но когда изъ его арміи осталось только 2.000 человекъ (остальные покинули его), и онъ едва успѣлъ дойти до Николо, то убѣдился, что этою силою ничего не возьмешь.

Завязались переговоры; Уркиса обѣщалъ столицѣ не мѣшать въ устроеніи новаго правительства, выдать заключенныхъ и принадлежавшіе городу припасы и военные матеріалы и удалиться съ войсками въ Санта-Фе. Послѣ этого, онъ удалился, удержавъ впрочемъ за собою титулъ правителя Аргентинской республики, и надѣясь, съ помощію другихъ провинцій, снова овладѣть върломною столицей.

Конгрессъ 1852 года не рѣшилъ ничего, и Буэносъ-Айресъ не посылалъ туда своихъ депутатовъ. Междоусобныя войны продолжались, и только 8 января 1855 года, трактатомъ, подписаннымъ въ Паранѣ, дѣла нѣсколько уладились: аргентинская конфедерация, съ своимъ президентомъ Уркисой, признала наконецъ самостоятельность Буэносъ-Айреса, какъ отдельнаго государства.

Разказавъ самый интресный эпизодъ изъ исторіи лаплатскихъ штатовъ, я думаю, что достаточно познакомилъ васъ съ ихъ запутанными и оригинальными дѣлами.

III.

На пароходѣ, который мы давно оставили, всё разбредилось по постелямъ, чему послѣдовалъ и я. Вставъ на другой день часовъ въ 7, мы узнали, что уже четыре часа стоимъ на якорѣ. Я вышелъ на верхъ. Утро было прохладное, свѣжее, съ яркимъ солнцемъ; пассажиры, также недавно вставшіе, толпились у выходовъ, бросая свои чемоданы и дорожные мешки въ лодки, которыя наперерывъ старались достать себѣ «практику». Хорошенькая Испанка, похожая на одну изъ Рафаэлевыхъ мадоннъ, стояла у дверей каютъ-компаніи и видимо хотѣла достать бисквитовъ, до которыхъ добраться было трудно, потому что нѣсколько джентльменовъ, съ чашками кофе въ рукахъ, отдѣляли ее отъ корзины съ бисквитами. Я передалъ мадоннѣ корзинку, изъ которой она взяла два небольшія сухарика своею восхитительною рукой.

Рѣка справа не имѣла границъ; пройдя 120 миль рѣкою, мы ее видали съ береговъ, хотя знали, что плывемъ по рѣкѣ, вѣря на слово капитану и видя подъ собою желтую и мутную воду. Сзади насъ стояло много судовъ, а особенно много было трехугольныхъ, латинскихъ парусовъ, подъ которыми, довольно свѣжимъ вѣтромъ, шли боты и шлюпки въ различныхъ направленіяхъ. Налѣво былъ городъ, зданія котораго покрывали немного возвышенный, но ровный берегъ. Въ городѣ множество церквей, башенъ и куполовъ, что придаетъ разнообразіе и причудливость контурамъ города. Но всё эти башни, съ почернѣвшими стѣнами, и куполы, конечно, много выигрываютъ, если въ помощъ имъ является природа, то высокою обрывистою скалою вознося часть зданій надъ другими, то садомъ, нарушающимъ своею

зеленю однообразіе стѣнъ и крышъ; здѣсь же не видно было ничего, кромѣ оконъ, шпигевъ, куполовъ, стѣнъ, оградъ, какъ на рисункѣ, на которомъ собраны различныя зданія, церкви и колокольни, для сравненія ихъ высоты. Къ серединѣ столпились болѣе крупныя постройки: таможня, родъ полукруглой массивной крѣпости, со множествомъ оконъ, соборъ, театръ, еще неоконченный, съ островерхою крышей, башни и колокольни нѣсколькихъ церквей, съ статуями святыхъ на высотѣ фронтоновъ; даже мѣсто подъ этими зданіями было нѣсколько возвышенно и приподнимало ихъ надъ всѣмъ городомъ, который распространяется на обѣ стороны и уходитъ въ даль едвавиднѣющимися рощами. Отъ города шли къ рѣкѣ двѣ длинныя пристани; но отливъ такъ великъ, что нѣтихъ пристаней не хватаетъ; шлюпки останавливаются иногда очень далеко, и къ нимъ подъѣзжаютъ телеги на высокихъ колесахъ, запряженные парю лошадей; извозчики на рысяхъ спѣшатъ встрѣтить подходящую шлюпку, перебивая другъ у друга дорогу и иногда увлекаясь такъ далеко, что лошадямъ приходится плыть; эти тритоны, съ своими колесницами, съ брызгами, летящими отъ нихъ, очень эффектны, освѣщенные утреннимъ солнцемъ. На рысяхъ бурлятъ они въ разныхъ направленіяхъ воду, нагруженные багажомъ и возница, и съдокъ стоятъ на ногахъ, и выѣзжаютъ на набережную, по особому, для нихъ устроенному спуску. Къ несчастію, мы не воспользовались удовольствіемъ проѣхать въ этомъ мѣстномъ экипажѣ; наша лодка, какъ на зло, дошла, толкаясь о песочное дно, до самой пристани, и мы очень прозаически вышли на лѣстницу, какъ выходятъ на всѣхъ пристаняхъ въ мірѣ. На концѣ длинной пристани насъ остановили таможенные; посмотрѣли на наши чемоданы, и впустили въ городъ. Гостиница, въ которой мы остановились, носившая имя вѣчнаго города Рима, напоминала вмѣстѣ и Москву; тѣ же ворота въ домъ, та же лѣстница и галлерейя внутри двора, съ которой, черезъ стеклянныя рамы, можете смотрѣть, какъ придуть на дворъ музыканты, арфа и двѣ флейты, и черезъ верхнюю форточку бросить имъ мелкую монету. Но въ лицѣ встрѣтившаго насъ на лѣстницѣ половаго была уже разниа: вмѣсто костромскаго парня съ полотенцемъ черезъ плечо, насъ встрѣтилъ Лудовикъ-Наполеонъ, въ жилеткѣ и пестрыхъ панталонахъ, впрочемъ, также съ полотенцемъ въ рукахъ. Дѣйствительно, великій человекъ нашего времени

т. XXXI. 2*

имѣеть фязіономію , которую встрѣчаешь очень часто ; какъ оригинально было лицо дядюшки, такъ обыкновенно лицо племянника. Нѣтъ города, въ которомъ носятъ бороды, гдѣ бы не встрѣтилось десятка лицъ покомивхъ на него; въ каждомъ циркѣ мастеръ своего дѣла, владѣющій бичомъ, вылитый побѣдитель при Маджентѣ; нашъ половой—былъ живой Лудовикъ-Наполеонъ. Общая зала опять перенесла насъ въ Москву. Мятая и не совсѣмъ чистыя салфетки, бѣлая, каменная горчицница безъ горчицы, картины на пестрыхъ обояхъ, представляющія красавицъ, все это повѣло давно-знакомымъ.

Буэносъ-Айресъ въ настоящее время имѣеть около 180.000 жителей, и вьстроены такъ же правильно, какъ и Монтевидео; идущія параллельно съ рѣкой улицы пересѣкаются другими перпендикулярными, одинаковой широты и на одинаковыхъ разстояніяхъ; образуемые ими квадраты, называемыя *квадратами*, опредѣляютъ мѣсто и разстояніе. По названіямъ же улицъ можно повторить географію Америки: есть улица Перу, Боливія, Флорида, Чили и т. д. Лучшая площадь—*Викторіи*, къ которой примыкаетъ «Улица 25 мая», и вокругъ которой сосредоточены монументальныя зданія города. Черезъ пять минутъ по выходѣ изъ гостиницы, мы уже были на площади. Посреди ея возвышается обелискъ, окруженный бронзовою рѣшеткой, на острыхъ копьяхъ которой жители Буэносъ-Айреса не рѣдко видали насаженные головы жертвъ политическихъ беспорядковъ и кроваваго тиранніи. Къ площади примыкаетъ соборъ, величественное зданіе, съ дорическимъ портикомъ и возвышающимся за нимъ большимъ, правильнымъ куполомъ. Соборъ еще не совсѣмъ конченъ; внутри пиластры его обтянуты шелковыми шпалерами; своды и колонны кажутся мраморными; на алтаряхъ скромныя украшенія, отличающіяся большою умѣренностію. Театръ *de Colon*, дворецъ юстиціи, отдѣльно стоящія триумфальныя ворота, постройка временъ Мендозы, строгая и поэтическая, и другія зданія, стоятъ по четыремъ сторонамъ площади, равняющейся пространству одной квадры. Подъ дворцомъ юстиціи галерея съ аркадами, гдѣ толкаются солдаты, просители, тяжущіеся, подаватели голосовъ, старухи, негры и пр. Въ растворенное въ нижнемъ этажѣ окно, можно видѣть караульню, грязную комнату съ грязною казарменною сценой; тутъ же городская тюрьма, одно изъ отвратительныхъ заведеній, нечистотой и беспорядочностію заставляющее забывать столѣтіе, въ которомъ жили Говарды и другіе

друзья человечества. Всѣ преступники, безъ различія рода преступлений, — убійца и схваченный по подозрѣнію на улицѣ, — сидятъ въ одной комнатѣ; пьянство, игра и всякая гадость гнѣздятся въ этомъ вертепѣ. Три недѣли до нашего пріѣзда въ Буэносъ-Айресъ, арестанты выломали двери, избили тщедушную стражу и разбѣжались по городу. Лося ихъ, съ ними не очень церемонились: при сопротивленіи, ихъ убивали на улицѣ, какъ существа, съ которыми нечего толковать. Эти убійства не смущали никого; къ нимъ привыкли въ двадцатилѣтнее диктаторство Росаса; еслибъ они и не исходили отъ высшей власти, то привыкшая къ крови натура гауча не нуждается въ большой побудительной причинѣ ткнуть сосѣда ножомъ. Въ утро нашего пріѣзда разстрѣливали одного гауча; онъ съ пріятелемъ пріѣхалъ на рынокъ верхомъ, чуть ли не на одной лошади; пріятель угостилъ его пивомъ, что многіе видѣли, а черезъ двѣ минуты пріятель былъ зарѣзанъ съ тѣмъ же искусствомъ, съ какимъ гаучо рѣжетъ быка. Умѣя отлично рѣзать, здѣсь однако разстрѣливаютъ плохо: послѣ восьми пуль несчастный былъ еще живъ; выстрѣлили еще тремя, и преступникъ все былъ живъ; наконецъ только двѣнадцатая пуля покончила его. Гаучей нарочно разстрѣливаютъ, а не вѣшаютъ, и они дула пистолета, хоть и незаряженнаго, боятся больше всего.

Гуляя по улицамъ города, мы не могли не удивляться общему спокойствію жителей послѣ всѣхъ тревогъ, которыя столько лѣтъ волновали городъ и всю страну. Мы знали, что на дняхъ будутъ выборы новаго президента, котораго многіе не хотятъ, и всѣ ждутъ безпорядковъ, всякій полицейскій можетъ схватить и сунуть насъ въ самую грязную тюрьму; объ общей безопасности здѣсь мало думаютъ; а между тѣмъ на улицахъ такъ спокойно и тихо. Говорите послѣ этого объ ужасахъ революціонныхъ городовъ! И здѣсь точно такъ же, какъ и у насъ въ Россіи, въ Москвѣ, играютъ дѣти; дѣвушка молодая идетъ одна, не боясь оскорбленій; купецъ открываетъ свою лавку, въ которой на нѣсколько тысячъ товаровъ, и не боится, что ее разнесутъ: что же поддерживаетъ это стройное теченіе дѣлъ? На улицахъ чисто, частная собственность нетронута: въ городѣ нѣсколько госпиталей, въ церквахъ нѣтъ недостатка, можно и покаяться и даже закупить напередъ свою совѣсть: чего не сдѣлаютъ здѣшніе капуцины! Даже ходячія деньги — больше ассигнаціи, хотя въ обезпеченіе ихъ нѣтъ никакого фонда въ банкѣ. Въ такихъ размышленіяхъ шли мы по улицамъ,

заходили въ церкви, которыя, должно сказать, одна передъ другой отличались или древностью, или тою простою, живописною архитектурой, на которой останавливается невольно глазъ и отдыхаетъ на гармоническихъ, пропорціональныхъ размѣрахъ; или наконецъ онѣ отличались количествомъ странныхъ изображеній святыхъ, стоявшихъ въ нишахъ, костюмированныхъ и некостюмированныхъ: странное олицетвореніе идеи, какъ бы ни была она религіозна! Въ монастыряхъ были крытые переходы, съ маленькими, желѣзными дверями, отворявшимися въ какія-то темныя конуры; почернѣвшія картины висѣли по стѣнамъ; а гдѣ-нибудь въ боковой комнатѣ, массивный шкафъ или столъ говорили о прожитыхъ ими столѣтіяхъ. Черезъ боковую дверь, мы входили въ церковь, поражающую безмолвіемъ и таинственностію; шаги звучно раздавались подъ высокими сводами.

Въ одной изъ церквей были похороны; гроба покойника не было видно за множествомъ обставлявшихъ его свѣчей, пять священниковъ, въ рогатыхъ шапкахъ, служили литію, и съ хоръ неслись звуки *реквіема*. Родственники умершаго, въ черныхъ платьяхъ, сидѣли отдѣльно отъ другихъ. Заслушавшись грустной музыки, я вдругъ увидалъ около себя странную фигуру, старушку монахиню-негритянку; черное лицо ея было обвязано бѣлымъ платкомъ, на который накинута была черная капишонъ. Ближайшія къ площади улицы самыя населенныя, и полны превосходными магазинами, зеркальныя окна которыхъ по вечерамъ освѣщены газомъ, а обиліе оружейныхъ лавокъ наводитъ на мысль о частой потребности въ огнестрѣльномъ оружіи. Самая модная улица называется Перу; она, подобно улицѣ «25 Мая» въ Монтевидео, между 12 и 2 часами по полудни и вечеромъ, какъ цвѣтникъ, пестрѣетъ красавицами, которыя дѣйствительно очень хороши. Такъ же какъ и въ Монтевидео, и даже въ большемъ количествѣ, наполняютъ онѣ магазины, жужжать, хлопчуть, торгуются, и я, наблюдая ровно шесть дней, только одинъ разъ видѣлъ какъ купленъ былъ пожилою барыней какой-то небольшой свертокъ. Между маленькими вещицами, выставленными въ окнахъ магазиновъ, часто можно видѣть бисерные кошельки, вывязанные кувшинчикомъ; я послѣ узналъ, что здѣшнія барышни охотницы до сувенировъ, которые онѣ могутъ купить въ любой лавкѣ; хотя должно прибавить, что, пожалуй, онѣ и сами готовы вышить бисеромъ закладку для книги, или чахоль для зубочистки

всякому, имѣвшему случай похвалить ихъ глазки или носикъ. Гдѣ живутъ Испанки, тамъ нѣтъ молчаливой сентиментальности, и для людей, охотниковъ до страстныхъ пожиманій рукъ (а кто до нихъ не охотникъ?), до коллекцій волосъ, до альбомовъ, горячихъ увѣреній въ чувствахъ, прогулокъ при лунѣ, и т. п., Испанки, и особенно здѣшнія, истинная находка! Но я, можетъ-быть, еще возвращусь къ прекраснымъ доннамъ Лаплаты; теперь же скажу о другихъ личностяхъ, встрѣчаемыхъ на улицѣ. Здѣсь чаще чѣмъ въ Монтевидео попадаются гаучи въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ; многіе изъ нихъ высоки ростомъ и очень красивы собой; но повязанный на головѣ платокъ все наводитъ на мысль, что у молодца или зубы болятъ, или ухо распухло. Пончо носить они какъ истинные артисты; пончо, то-есть плащъ его, состоитъ изъ шерстянаго, четырехугольнаго большаго платка, съ прорѣзомъ по серединѣ, въ этотъ прорѣзъ продѣваютъ голову, и платокъ въ красивыхъ складкахъ падаетъ внизъ. Настоящій пончо долженъ быть сдѣланъ изъ шерсти гуанака, и цѣнность его доходить до страшныхъ размѣровъ; у Уркисы былъ пончо, который цѣнили въ 15.000 франковъ! Въ продажѣ много простыхъ шерстяныхъ пончо, привезенныхъ изъ Англіи, гдѣ фабрики стараются подражать любимому здѣсь цвѣту и узору. Франтъ гаучо обшиваетъ свой пончо бахромой, и кое-гдѣ приставитъ бронзовую пуговку. На ногахъ гауча тотъ же пончо, только иначе надѣтый, и подъ нимъ бѣлыя, съ затѣйливою оборкой, панталончики, какъ у институтки; на ногахъ вышитыя шерстяныя туфли. Если онъ верхомъ, то стремя у него иногда серебряное; шпоры же такой величины, что вертящуюся узорчатую звѣздочку ихъ можно носить вмѣсто генеральской звѣзды. Все это однако можно видѣть только на гаучо-франтѣ; большая же часть ихъ оборванцы, и походятъ, какъ я уже сказалъ, на нашихъ салопницъ, на которыхъ навѣшена всякая дрянь.

Иногда на улицѣ попадетъ цѣлый рядъ капуциновъ, идущихъ попарно, и если по близости есть старая, высокая стѣна какого-нибудь монастыря, то, смотря на эти странныя лица, процессію можно принять за картину Гварнери. А вотъ монахи другаго ордена, въ шляпахъ, съ длинными, вздернутыми и сплюснутыми полями, точь-въ-точь та шляпа, въ которой «докторъ Бартоло» выходитъ на сцену. Лицо подъ такою шляпой почти всегда жирно, чисто, выбрито, и вмѣстѣ сонливо;

самый подрясникъ чистъ, имѣетъ даже претензію на щеголеватость. Лица же капуциновъ состоятъ изъ ломаныхъ и рѣзко вдавленныхъ линій; они обыкновенно, почему-то, сопятъ, даже съ храпомъ; небритая борода торчитъ серебристою и черною щетиной. Лица эти представляютъ странное явленіе тамъ, гдѣ порхаютъ щегольскія дамы, вносятся легкіе экипажи, гдѣ видна нынѣшняя городская суета и гдѣ современному донъ-Жуану не нужно надѣвать расы капуцина, чтобы лучше обдѣлать свои грѣшныя дѣлашки.

Кромѣ площади Викторіи, въ Буэносъ-Айресѣ есть двѣ другія обширныя площади; одна, на которой устроенъ артиллерійскій паркъ и станція желѣзной дороги; на другой самый обширный рынокъ, куда жители деревень пріѣзжаютъ на своихъ фурахъ, съ произведеніями *эстанцій*. Громадныя телѣги эти покрыты тростникомъ; снизу и съ боковъ къ нимъ привѣшены баклажки, помазки, разные подставки; спереди ярмо. Нѣсколько десятковъ ихъ стоятъ рядами, а хозлева размѣстились кучками, — кто около громадныхъ колесъ, кто подъ дышломъ, черезъ которое перекинута недавно-снятая воловья кожа, защищающая сидящихъ отъ лучей солнца. Здѣсь можно видѣть большое количество тюковъ съ шерстью и съ хлѣбомъ, кожи, хвосты лошадиные и разнаго рода мясо. Длиннорогіе быки лежатъ по близости и флегматически жуютъ, ожидая времени опять подставить шею подъ ярмо, и снова тащить до эстанціи тяжелую телѣгу; а до эстанціи можно насчитать не одинъ десятокъ миль. Здѣсь же, на этой площади, можно видѣть гауча въ его сѣерѣ, среди его жизни и занятій.

Но еще болѣе выяснится этотъ типъ, когда увидимъ *саладеро* (*Saladero*) и *матадеро*, (*Matadero*), на осмотръ которыхъ мы посвятили почти весь слѣдующій день. — «Вы еще не видали *saladero*», говорили намъ наканунѣ, и трактирный служитель принимавшій большое участіе въ нашемъ препровожденіи времени, и басъ Дидо, игравшій отца Нормы, прелюбезный и прекрасный человекъ; онъ одинъ изъ сюжетовъ странствующей оперной группы нашего соотечественника г. Станкевича, мужа Ла-Гранжъ, стоявшаго вмѣстѣ съ нами въ одной гостиницѣ. «Въ Буэносъ-Айресѣ только и стѣитъ видѣть, что *saladero*,» повторяли всѣ въ одинъ голосъ, и мы заранѣе ласкали себя надеждою увидѣть одну изъ любопытныхъ картинъ мѣстной жизни. Въ разказахъ о *саладеро* безпрестанно попадались слова: *lasso*, *гаучо*, *bolao*, а если бы хотъ одинъ изъ насъ былъ по-

этомъ, то вѣрно написалъ бы по этимъ разказамъ романсего, который могъ бы начаться хоть такимъ образомъ: «Гаучо бросаетъ лассо на бодливья рога»... и вѣроятно не затруднился бы такъ риемоу, какъ мы, которые не были въ состояннн прибрать другихъ риемъ, кромѣ пирога, утюга и т. п., что какъ-то не шло къ дѣлу.

На другой день, часовъ въ 8, въ двухъ коляскахъ, отправились мы за городъ, черезъ восточную заставу, къ мѣстечку, называемому Варраганъ. (*Barragan.*) Когда улицы съ низенькими домами въ одинъ этажъ остались за нами, начались пустыя мѣста, на которыхъ расло очень много агавъ и кактусовъ; иногда зеленѣли деревья, и даль открывалась распространявшеюся плоскостію, со множествомъ дворовъ, садовъ, домиковъ, деревьевъ; все это уходило наконецъ въ туманную синеву, густую синеву степи. Утренній свѣжій воздухъ сталъ немного сгущаться, замѣтно было прибавленіе къ нему различныхъ мязмовъ, которое, по мѣрѣ нашего приближенія къ цѣли поѣздки, все возрастало. Наконецъ мы остановились среди поля, раздѣленного неглубокимъ, развѣтвляющимся оврагомъ; здѣсь было множество разбросанныхъ остововъ, цѣлыя лужи крови зарѣзанныхъ быковъ, съ которыхъ снимали шкуры, стая собакъ, объѣдавшихъ выброшенныхъ внутренности и много всадниковъ, развѣзжавшихъ взадъ и впередъ. За оврагомъ, небольшой, холмообразный выгонъ, а на немъ нѣсколько загоновъ съ быками, длинные рога которыхъ видны были изъ-за деревянныхъ заборовъ; у загоновъ было по нѣсколку воротъ. Развѣзжавшіе на лошадяхъ были, одни, въ костюмѣ гаучо, другіе въ европейскомъ. «Вотъ *matadero*;—здѣсь бьютъ скотъ для потребленія города!» говорили намъ: «не стойте здѣсь, посторонитесь, быкъ можетъ вырваться и наскочить на васъ.»

Несмотря на повсемѣстный смрадъ, надобно было посмотреть картину, которая была дѣйствительно очень жива. Желавшій купить быка подѣзжалъ къ загону и, выбравъ одного, указывалъ гаучо, который, уловивъ минуту, набрасывалъ на рога арканъ (*lasso*), и, черезъ отворенныя ворота, во весь скокъ мчался на привычной лошади, увлекая быка въ поле на этомъ длинномъ лассо, крѣпко привязанномъ къ сѣдлу; въ то время какъ быкъ пробѣгалъ воротами, ему перерѣзывали сзади ногу, и онъ, упираясь на трехъ ногахъ, скоро падалъ; въ этотъ моментъ къ нему подкакиваютъ два или три мясника и живо превращаютъ его въ стегъ мяса, какъ обыкновенно продаютъ

его въ лавкахъ. Если не успѣютъ перерѣзать ногу, то другой верховой старается набросить *lasso* на заднюю ногу и скачетъ въ другую сторону, растягивая такимъ образомъ потерявшагося быка. Стоя въ полѣ, видишь увлекаемыхъ въ ворота быковъ, прѣхавшія за мясомъ фуры, мальчиковъ, почти дѣтей, купающихся въ проливаемой крови, точащихъ свои коротенькіе ножи, которыми они уже искусно владѣютъ, чтò имъ вѣроятно пригодится не одинъ разъ въ послѣдствіи; и смотришь на всю эту сцену почти равнодушно, потому что человѣкъ заранѣе закупленъ вкусными бифтексами, сочными ростбифами и другими хорошими вещами. Здѣсь такъ привыкли къ этому зрѣлищу, что еслибъ одинъ изъ быковъ могъ заговорить и изъявилъ претензію на свои права, на состраданіе и проч., то его претензія показала бы странную. Чтò стало бы съ Англіей, если бы не было ростбифа? Чтò было бы вообще съ людьми? И самъ восточный вопросъ разыгрался бы, по всей вѣроятности, совершенно иначе!... Однако я все еще не могъ понять: зачѣмъ намъ такъ рекомендовали это зрѣлище и чтò въ немъ интереснаго; я объяснялъ себѣ эту рекомендацію страстію испанскаго населенія къ убійству быковъ; должно-быть оно въ крови у Испанцевъ. Наконецъ мы поѣхали дальше по довольно-сносному шоссе, черезъ небольшое мѣстечко, съ низенькими домиками, лавками, и множествомъ столпившихся фуръ, запряженныхъ шестью или четырьмя водами; на мосту мы должны были остановиться, встрѣтившись опять съ быками, которыхъ стадо наполняло мѣстность, поднимая страшную пыль. Отсталыхъ быковъ подгоняли верховые гаучи, хлопая коротенькими кожаными хлыстами, въ родѣ нагаекъ; если быкъ имѣлъ намѣреніе отклониться въ сторону, то набросанное на его рога *lasso* приводило его на мѣсто. Съ дороги, по обѣимъ сторонамъ, видна ровная мѣстность, уходящая въ даль своими простенькими однообразными пейзажами; видѣлся то бѣлый домикъ, каменный заборъ, зеленый выгонъ и рѣдко холмъ, или овражекъ, или немного болѣе сгустившаяся роца. Но вотъ своротили въ сторону, по неширокой, проселочной дорогѣ. Часто охватывалъ насъ тяжелый запахъ отъ брошенной падали и заставлялъ думать, что если прежде воздухъ былъ здѣсь такъ хорошъ, что далъ названіе городу Буэносъ-Айресъ (т.-е. прекрасный воздухъ), то теперь, зараженный безчисленными *саладерами*, онъ вовсе не отвѣчаетъ своему названію, и даже окрестности его заражены страшнымъ количествомъ разбросанныхъ

повсюду гнѣущихъ труповъ. За домиками, мимо которыхъ мы проѣзжали, текла рѣка, о присутствіи которой можно было заключить по мачтамъ шкунъ и небольшихъ бриговъ, нагруженныхъ кожами и соленымъ мясомъ, приготовляемыми въ заведеніяхъ, расположенныхъ вдоль берега. Эти заведенія стали попадаться чаще; изъ ихъ высокихъ трубъ валилъ черный дымъ; близъ большихъ, крытыхъ зданій видно было нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ загоновъ, съ высокими перекладинами на воротахъ; и тамъ была та же дѣятельность, подробности которой мы рассмотрѣли на одномъ изъ самыхъ значительныхъ *saladero*.

Саладеро есть заведеніе, на которомъ солятъ кожи и мясо; тутъ же убиваемыхъ быковъ; также выдѣлываютъ и лошадиныя кожи. Здѣсь же устроены салотопни, мыловарни, свѣчные заводы, словомъ, всякое производство того, что можно выдѣлать и получить изъ убитаго животнаго. Наши матросы или солдаты непременно перевели бы *saladero* словомъ *салодерня*. Мы остановились передъ нѣсколькими, сообщающимися другъ съ другомъ загонами, гдѣ собрано было нѣсколько сотенъ молодыхъ лошадей. Человѣкъ пять, изъ которыхъ трое были въ европейскомъ платьѣ, и два гауча, пріѣхавшіе верхомъ, ходили среди табуна; одинъ господинъ, очень прилично одѣтый и съ лицомъ джентльмена, долго выбиралъ между кобылицами, безпрестанно сгоняемыми изъ одного угла загона въ другой. Мы узнали, что это былъ Англичанинъ, мистеръ Краффордъ, много путешествовавшій и желающій теперь поселиться здѣсь. А такъ какъ Англичанинъ не измѣняетъ нигдѣ ни своей природы, ни своей націи, то и мистеръ Краффордъ не составлялъ собою исключенія: онъ привезъ двухъ кровныхъ англійскихъ лошадей, съ намѣреніемъ заняться улучшеніемъ мѣстной породы. Теперь онъ выбиралъ себѣ лучшихъ изъ назначенныхъ на убіеніе кобылицъ, и дѣйствительно, долго разсматривая, онъ наконецъ остановился на двухъ, на которыя гаучо сейчасъ же набросилъ свой *лассо*; избавленные судьбою отъ молотка, двѣ молодыя лошади выведены были на свободу.

Богатая природа пампъ Ла-Платы и привольная свободная жизнь на ихъ тучныхъ пастбищахъ до такой степени благоприятны для лошадей и всякаго скота, что лошади размножились здѣсь въ угрожающемъ количествѣ. Весною, молодые кобылы доходили иногда до того, что нападали на обозы какъ хищныя звѣри и били встрѣчавшихся верховыхъ лошадей

и всадниковъ; страшное размноженіе ихъ грозило совершенно наводнить страну. Всѣ эти причины приводятся въ оправданіе избіенія этихъ животныхъ, къ насильственной смерти которыхъ никто какъ-то не привыкъ; главная же причина избіенія ихъ, конечно, разчетъ, выгода. Никому не принадлежащіе табуны превращаются въ соленыя кожи, сухія жилы, изъ которыхъ дѣлаютъ *lasso*, въ хвосты, сало, свѣчи, мыло, и пр. Все это идетъ въ Англію, Испанію, Францію, Бразилію, и пр. Лошадей скупаютъ у промышленниковъ, занимающихся ихъ ловлею, платя имъ по-головно за лошадь около десяти франковъ; купленная же на *saladero* лошадь стѣитъ 25 франковъ; за эту цѣну можно выбрать прекрасную лошадку, на которой впрочемъ нельзя тотчасъ ѣхать верхомъ. На *saladero* убиваютъ только кобылъ, и если кто-нибудь поѣдетъ по городу на кобылѣ, его осмѣютъ, и, пожалуй, закидаютъ грязью.

При насъ часть находившихся въ загонѣ лошадей перегнали въ другой, узенькій корридорчикъ, который наполнялся ими совершенно; спущенная доска отдѣлила ихъ отъ оставшихся въ первомъ загонѣ; отсюда ихъ перегнали въ послѣдній загонъ, снова отдѣливъ опущенною доской отъ вновь-наполненнаго корридора. На сузившемся концѣ послѣдняго загона устроена была перекадина, съ ходившимъ въ ней горизонтальнымъ блокомъ, въ *шкивъ* котораго продернуть былъ толстый и длинный *lasso*; конецъ его, обращенный къ лошадямъ, набирался въ нѣсколько *бухтъ* и набрасывался главнымъ истребителемъ лошадиного племени на шею жертвъ; другой конецъ выходилъ на свободное мѣсто, гдѣ онъ былъ привязанъ къ сѣдлу сидѣвшаго на конѣ гауча; по крику истребителя, конецъ быстро выбирался, натягивался, и двѣ или три захваченныя петлями кобылицы притягивались головами къ перекадинѣ, игравшей роль плахи; притянутыя вдругъ, онѣ были уже на телѣжкѣ, и когда дѣло оканчивалось однократнымъ ударомъ молотка по лбу, телѣга вывозила трупы по желѣзнымъ рельсамъ; ихъ мгновенно сбрасывали и съ удивительнымъ проворствомъ превращали въ скелеты. Картина больше нежели не пріятная!... Тѣсно-стоящія, испуганныя лошади, дико озираются, бьютъ другъ друга, вскакиваютъ на дыбы и падаютъ; раскрытые глаза оживлены испугомъ и налиты кровью; въ раздутыхъ ноздрахъ малиновыя пятна; волнуясь развѣвается грива, уши наострены, и подъ всѣмъ этимъ облитый кровью гаучо, вѣрною рукой и совершенно равнодушно набрасывающій роковую

петлю и выматривающій выгоднѣе другихъ поставленныя головы. Петля летитъ, и три головы, стянутыя вмѣстѣ, готовы подъ ударъ; лошади упираются, бьются, падаютъ, ломаютъ себѣ ноги.... Бросавшій лассо, небольшимъ молоткомъ ударяетъ по разу въ лобъ каждой; слышенъ трескъ, но нѣтъ ни капли крови, и жизнь, пылавшая въ воспаленныхъ глазахъ, мгновенно гаснетъ, какъ затушенное пламя! Работа идетъ, не прерываясь; бывають дни, въ которые убивають до 800 лошадей на одномъ *saladero*, и подъ навѣсами кровь льется потоками. Дыша нѣсколько времени этою атмосферой, напитанною кровью, я вспомнилъ что-то знакомое; мнѣ представился длинный корридоръ съ каменнымъ сводомъ, часто появляющіяся у входа носилки, блескъ ампутаціоннаго ножа и тотъ же тяжелый, раздражающій нервы запахъ крови; я вспомнилъ перевязочный пунктъ въ Севастополѣ....

Здѣсь, на этомъ *saladero*, было очень тяжело, потому что нравственно убійство ничѣмъ не оправдывалось, и совѣсть не была закуплена ни ростбифомъ, ни чѣмъ-нибудь другимъ. Корысть и спекуляція, утѣшавшія хозяевъ, не утѣшали насъ, любопытныхъ зрителей.

Въ заведеніи солились кожи, складываемыя въ цѣлыя горы, вываривался клей, топилося сало всевозможныхъ достоинствъ и консистенціи, варилося мыло и выливались свѣчи.

На другомъ *saladero* били быковъ. Процессъ тотъ же, только ихъ не бьютъ молоткомъ, а перерѣзають ножомъ станковую жилу. Этотъ ударъ ножа такъ искусенъ, что съ ужасомъ воображаешь, какое страшное употребленіе можетъ сдѣлать изъ него владыющій имъ гаучо. Кожу сдирають одни рабочіе, мясо срѣзають съ костей другіе; третьи распластываютъ и бросаютъ стягъ въ бассейнъ съ водою, откуда его достаютъ крючьями, уже обмытымъ, и укладываютъ въ колоссальныхъ складахъ, пересыпавъ солью. Когда сокъ весь стечетъ, мясо вывѣшиваютъ на солнцѣ и сушатъ. Въ этомъ видѣ оно вывозится въ огромномъ количествѣ на Антильскіе острова и особенно въ Бразилію. Соль привозится сюда изъ Испаніи. Глядя на эти обширныя заведенія, невольно вспомнишь о нашей Россіи, которая могла бы имѣть ихъ въ меньшемъ количествѣ, владыи и скотомъ, и пастбищами, и, наконецъ, солеными озерами и коями.

Видъ крови и убійства, съ восьми часовъ до двухъ, порядочно измучилъ насъ; мы поспѣшили домой, и на возвратномъ пути

заѣхали къ Краффордъ. Онъ еще не совсѣмъ устроился; домикъ его стоялъ среди хорошенькаго парка; два кровные жеребца помѣщались чуть не въ спальнѣ хозяина; на нихъ были намордники, чтобы драгоцѣнные лошади не съѣли чего-нибудь непоказаннаго и не лизали стѣнъ. Въ библиотекѣ были всѣ классическія сочиненія, какія только есть въ Англіи, о воспитаніи лошади, объ овцеводствѣ, о породахъ скота, и много книгъ съ прекрасными рисунками. Краффордъ, кажется, былъ поклонникомъ новой системы укрощенія лошадей, съ помощію хлороформа. На лужайкѣ, въ небольшомъ, огороженномъ мѣстѣ, ходили три племенные барана, мериносы, необыкновенной красоты; каждый изъ нихъ былъ заплаченъ по 15.000 фр. Отъ Краффорда мы поѣхали черезъ весь городъ въ *Палермо*, садъ, находящійся съ западной стороны города. Прѣхавъ всѣ продольныя улицы города, мы не могли не остановиться у воротъ обнесеннаго высокою стѣною монастыря, довольно стараго. На его обширномъ дворѣ было кладбище, и я въ первый разъ видѣлъ склепы, обдѣланные камнемъ, въ которыхъ гроба стояли на виду. Надъ нѣкоторыми склепами были изящные мавзолеи; гроба какъ будто щеголяли другъ передъ другомъ отдѣлкою, — и въ свѣтлыхъ и чистыхъ погребкахъ было такъ хорошо, что мрачная мысль о «сырой» могилѣ не имѣла здѣсь мѣста. Дюльетта вѣроятно была поставлена въ подобномъ склепѣ. Между гробницами были обсаженные цвѣтами аллеи; у одного камня молилась женская фигура, можетъ-быть, и красивая; по крайней мѣрѣ испанская мантилья придаетъ женщинѣ много граціи. Въ церкви мы нашли все то же, чтѣ и въ другихъ церквяхъ; насъ водилъ монахъ, въ коричневомъ капишонѣ и съ такою характеристическою фізіономіей, что, казалось, онъ только что сошелъ съ картины Рубенса. Товарищъ мой нашелъ его грязнымъ, а я живописнымъ. Онъ все время чистилъ свой носъ грязнымъ пальцемъ и такъ громко сопѣлъ, что становилось за него совѣстно; нельзя было не согласиться, что на картинѣ онъ былъ бы гораздо лучше.

Отъ монастыря мы спустились съ небольшой горы и поѣхали прекраснымъ шоссе, обсаженнымъ плакучими ивами, вдоль по берегу Ла-Платы. Слѣва возвышенная мѣстность сходила къ лугу густо-разросшимися садами, красивыми виллами затѣйливой архитектуры, отдѣльными рощами и правильными огородами. Вплоть до берега рѣки простирался зеленый лугъ, съ небогатою раститель-

ностию; по лугу нѣсколько гаучей скакали на лошадяхъ, обгоняя другъ друга. Насъ все время догоняла блестящая коляска, запряженная парой отличныхъ лошадей; въ ней сидѣла очень хорошенькая, но и очень важная дама. Шоссе ведетъ до Палермо, обширнаго сада, похожаго больше на лѣсъ. У его начала находится низенькое одноэтажное зданіе, обнесенное со всѣхъ сторонъ каменными галлереями съ полукруглыми арками; это дворецъ Росаса. Онъ заброшенъ; разбитыя стекла и разломанныя двери говорятъ о запустѣннн, въ которомъ находится строеніе, когда-то страшное и роковое для жителей Буэносъ-Айреса. Намъ даже не совѣтовали входить туда, если мы боимся блохъ, которыя будто бы въ страшномъ количествѣ развелись тамъ. Но отчего и не быть укушеннымъ блохой, обитательницею дворца Росаса? Мы смѣло вошли, и долго ходили по галлереямъ и комнатамъ. Еслибы всякій камень зданія могъ говорить, онъ разказалъ бы такія вещи, отъ которыхъ у насъ волосы стали бы дыбомъ. Увлеченные ображеніемъ и ненавистью, сочинители легендъ о бывшемъ диктаторѣ въ своихъ разказахъ достигаютъ до ужасныхъ размѣровъ. Говорятъ, будто послѣ его бѣгства, въ подвалахъ дворца наши посоленныя головы всѣхъ имъ казненныхъ!... Въ его диктаторство Буэносъ-Айресъ уподоблялся обширному *саладеру*, а самъ Росасъ облитому кровью гаучу, набрасывающему свое *лассо* на избранныя головы. Но, прошло шесть лѣтъ, и, кромѣ разказовъ, осталась одна «мерзость и запустѣніе» дворца, съ надписями на стѣнахъ, въ которыхъ краснорѣчиво выражены чувства къ тирану.

Чтобы познакомиться съ окрестностями Буэносъ-Айреса, мы поѣхали въ Фернандо, мѣстечко, находящееся не далеко отъ впаденія Параны въ Ла-Плату, гдѣ начинаются низменные острова, между которыми верхняя рѣка безчисленными протоками прокладываетъ себѣ путь. Эта поѣздка заняла цѣлый день. По дорогѣ мы были въ двухъ городкахъ, Бельграно и Исидоре. Дорога много напоминала наши проселочные пути, среди сухаго, теплаго лѣта, когда пыль ложится на зелень виднѣющихся по невысокимъ холмамъ рощей, и отдыхающіе обозы рядами стоятъ около постоянныхъ дворовъ, пустивъ быковъ своихъ на ближайшее пастбище. Попадавшіеся венты не уступали въ грязи и нечистотѣ нашимъ трактирамъ; почти въ каждой изъ нихъ былъ бильярдъ, и двое гаучей, въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, дѣлавшіе карамболи, пригова-

ривали при удачномъ ударѣ слово «*saramba*», безъ котораго житель аргентинской республики шагу не ступить. *Saramba* употребляется для выраженія радости и досады, удачи и неудачи и всякаго другаго чувства; равнища его отъ другихъ, ему подобныхъ выраженій, та, что его можно употребить въ какомъ угодно обществѣ. Въ городахъ та же постройка домовъ, какъ и во всякъхъ улицахъ Буэносъ-Айреса; они одноэтажны и выходятъ на улицу двумя, тремя окнами, съ желѣзными рѣшотками; за то смотрятъ весело на внутренніе дворики, чисто вымощенные бѣлымъ камнемъ и отличающіеся роскошью домашняго комфорта. Прѣзжавъ веротъ двадцать, мы увидѣли наконецъ буэносъ-айресскія пампы, далеко уходящія въ даль и сливающіяся густою синевой съ синевой неба. По степи разбросаны *кемиты*, одинокіе домики, съ выросшимъ вблизи деревомъ, и небольшія бойни; сначала видныя ясно, они казались вдали пятнами и наконецъ совершенно исчезали. Санъ-Фернандо былъ похожъ и на Бельграно и на Исидоре. Улицы были правильны, не вымощены, дорога съ выбоинами, такъ что одинъ разъ наша коляска едва не повалилась на бокъ; часто мы попадали подъ густую тѣнь нависшихъ деревьевъ; сельскихъ жителей и гаучей встрѣчали много. Въ садахъ красовались плоды; агавы и кактусы закрывали собою полуразвалившіеся заборы.

Въ гостиницѣ, гдѣ мы заказали обѣдъ, оказался сумашедшій поваръ; онъ принялъ насъ за знатныхъ иностранцевъ и, во что бы ни стало, захотѣлъ похвастать своимъ искусствомъ и угостить насъ на славу. А намъ нельзя было оставаться здѣсь больше двухъ часовъ, потому что вечеромъ надобно было поспѣть въ оперу, между тѣмъ какъ отъ Санъ-Фернандо до Буэносъ-Айреса было добрыхъ сорокъ верстъ. Пока сумашедшій готовилъ, мы пошли посмотреть на острова; они были видны съ возвышенія, на которомъ стоялъ городъ. Возвышеніе кончалось обрывомъ, поросшимъ деревьями и зеленью, переходившею въ луга и низовья, распространявшіеся до самой рѣки. Острова были низменны и лѣсисты; по близости текла небольшая рѣчка, вся скрытая нависшими вѣтвями плакучихъ ивъ; между ними стояли домики, а при рѣкѣ строились небольшіе боты и лодки; эта дѣятельность, среди деревьевъ, мостиковъ, придавала прекрасной картинѣ самый оживленный видъ. У домовъ играли дѣти, между которыми были черныя головки негровъ; попадались красивыя крестьянки, скакалъ гаучо, съ арканомъ, нагоняющій вырвавшуюся лошадь, и непремѣнно быки,

или пасущіеся, или готовые къ запряжкѣ. День былъ прекрасный; прогулка сильно раздражила нашъ аппетитъ, и мы спѣшили въ гостиницу, еще не подозревая какой великолѣпный банкетъ ожидалъ насъ тамъ. Сумашедшій дѣйствительно подержалъ свою репутацію, — не какъ сумашедшаго, но какъ повара. Супъ былъ изъ устрицъ, пирожки тоже; соусы и разные *соме* разнообразились такъ же какъ и жаркое: была и телятина, и баранина, и двѣ индѣйки, и дичь; пастеты представляли изъ себя чуть не модели готическихъ соборовъ; всякое блюдо краснорѣчиво выхваляло артиста. Но обѣдъ длился ужасно долго; не желая упустить *Травіату*, мы съ безпокойствомъ старались кончить обѣдъ, но напрасно; съ сумашедшимъ не легко было сладить. Уже коляска была запряжена, и осѣданные лошади нашихъ компаньоновъ нетерпѣливо грызли удила и били копытомъ, но поваръ выдерживалъ роль, методически отпуская блюдо за блюдомъ, и обѣдъ едва не превратился въ сцену Демьяновой ухи. При отъѣздѣ нашемъ, сумашедшій былъ приглашенъ въ залу, и долженъ былъ выслушать спичъ въ похвалу его умѣнья и вкуса.

Въ этотъ день, проведенный нами въ степи, въ Буэносъ-Айресѣ избранъ былъ новый президентъ, генералъ Бартоломео Митре. Ждали безпорядковъ; представители округовъ подавали свои голоса, записываясь во дворцѣ юстиціи; на площади стояло, на всякій случай, тщедушное, оборванное войско. По угламъ являлись афиши, возвѣщавшія, что новый президентъ будетъ завтра въ маломъ театрѣ. Въ большомъ театрѣ, гдѣ даются оперы, публика состоитъ большею частью изъ иностранцевъ, живущихъ въ городѣ. Гаучо, конечно, не пойдеть слушать Лагранжъ. Президенту надобно было польстить главной, самой многочисленной публикѣ, хотя отъ нея и пахнетъ свѣжимъ мясомъ и кровью; публикѣ съ нечистыми лицами, но съ чисто-выточенными ножами. Приглашеніе новаго президента въ театръ равносильно здѣсь празднествамъ, которыя сопутствуютъ нашимъ европейскимъ коронаціямъ. Нанята была музыка, которая играла передъ театромъ, на улицѣ; весь народъ желалъ встрѣтить президента у входа, и представленіе не начиналось. Наконецъ заиграли маршъ, толпа раздвинулась, и явился ново-избранный, въ генеральскомъ мундирѣ, съ перевязью черезъ плечо, голубаго и бѣлаго цвѣта, національныхъ цвѣтовъ Буэносъ-Айреса. За нимъ шли двое съдовласыхъ господъ, также въ генеральскихъ мундирахъ; съ ними

вошла въ театръ и публика. Поднялся занавѣсъ, актеры пропѣли народный гимнъ. При Росасѣ же всякое представленіе начиналось слѣдующею сценой: актеры, пропѣвъ гимнъ, восклицали, «да здравствуютъ федералисты!» и публика единодушно отвѣчала, съ страшными угрожающими жестами: «смерть уніонистамъ!» Теперь этого не было: публика прокричала «bravo!» чѣмъ и кончилось вниманіе къ президенту. Интересно было смотрѣть по ломамъ и кресламъ. Мы видѣли здѣсь людей, составляющихъ ядро Буэносъ-Айреса, его правительство, людей, бывшихъ нѣкогда членами общества Маскорко, носившихъ розовые цвѣта, цвѣта Росаса... «А что, спросилъ я бывшаго въ залѣ г. Станкевича, хозяина всѣхъ южно-американскихъ театровъ:—можно ли оставить свое пальто на креслѣ, выходя въ коридоръ?»—«Не совѣтую,» отвѣчалъ онъ, глядя на нашихъ сосѣдей...

Верхній ярусъ, въ которомъ сидѣли однѣ дамы, смотрѣлъ выставкою картинъ, семейныхъ портретовъ Ванъ-Дейка или Рубенса. Дамы, желающія идти въ театръ безъ проводника или кавалера, имѣютъ отведенное, особенное мѣсто, *casuela*, куда мужчина, *подъ страхомъ смерти*, не можетъ войти. По окончаніи театра, молодые люди толпятся у входа *casuela*, и дамы, находя между ними знакомыхъ, берутъ ихъ руки и идутъ домой. Въ бельэтажѣ мнѣ показывали разныя замѣчательныя личности, между которыми былъ племянникъ Росаса; но всего интереснѣе, конечно, былъ президентъ. У него самое серьезное, холодное, желѣзное лицо, украшенное черными, пронизательными глазами и черною бородой. Онъ ни разу не улыбнулся, когда какой-то ребенокъ, посланный своею матерью, поднесъ ему букетъ цвѣтовъ; онъ поцѣловалъ ребенка совершенно официально и форменно, хотя въ эту торжественную минуту и могъ бы показать признаки нѣкотораго чувства. Смотри на его лицо, мы сами себя рисовали его характеръ, и какъ же мы ошиблись! Митре оказался поэтомъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ аргентинской литературѣ, музыкантомъ и очень плохимъ генераломъ. Онъ командовалъ войсками въ двухъ сраженіяхъ, и оба раза праздновалъ побѣду, въ то же время, какъ праздновали побѣду и непріатели. Своего настоящаго мѣста онъ добился разными происками; а на другой день своего избранія онъ высказалъ убѣжденія, совершенно противныя той партіи, которая помогла ему. Назначеніе министрами людей, не пользующихся хорошою репутаціей, не понравилось всѣмъ. «Опять

приходится браться за оружіе,» говорили недовольные,—а недовольныхъ много!

Въ Буэносъ-Айресѣ есть желѣзная дорога, сдѣланная безъ всякой видимой цѣли; она не соединяетъ города съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ мѣстомъ; а выстроена вѣроятно для того, чтобы сказали, что въ Буэносъ-Айресѣ есть желѣзная дорога. Она идетъ на югъ въ пампы верстѣ на пятьдесятъ. Проходя городомъ и предмѣстіями, вагоны часто останавливаются, и здѣсь высаживается главная часть пассажировъ; на дальнія станціи завозятъ какихъ-нибудь старухъ, да такихъ туристовъ какъ мы, которымъ рѣшительно все равно гдѣ бы ни высадиться. Верстѣ десять шли предмѣстья; тутъ были сады, дачи, фабрики; дальше рельсы прорѣзывали степи, терявшіяся въ отдаленіи. Тѣ же квинты, тѣ же деревья и соперничающія съ желѣзною дорогой средства перевозки—визжащія колеса фуръ, съ быками, гаучами, кожами и мясомъ. Много еще пройдетъ времени, пока это простое средство перевозки и сообщенія смѣнится здѣсь желѣзными дорогами.

Мы прожили въ Буэносъ-Айресѣ шесть дней. Вечера проводили или дома, передъ каминомъ, потому что было довольно холодно, или гуляя по улицѣ «Перу», освѣщенной газомъ, или въ театрѣ, или въ клубѣ иностранцевъ. Въ послѣднемъ приходилось встрѣчать людей съ самыми разнообразными взглядами на дѣла Буэносъ-Айреса. Еще до сихъ поръ, едва начавшійся разговоръ незамѣтно переходитъ на живое воспоминаніе диктаторства Росаса, и, среди обвиненій и преувеличенныхъ разказовъ, иногда приходилось слышать и слова оправданія тирану. Такъ нашли мы сильнаго защитника его въ лицѣ голландскаго консула, у котораго провели цѣлый вечеръ. Онъ давно живетъ здѣсь, торгуетъ кожами и саломъ, и ему часто приходится вести дѣла съ владѣльцами отдаленныхъ станціи. «При Росасѣ былъ по крайней мѣрѣ порядокъ,» говорилъ онъ, «а вы не знаете этого народа, не имѣющаго никакихъ нравственныхъ началъ! Характеръ Росаса воспитался обстоятельствами, и люди сдѣлали его такимъ, потому что человѣческія средства убѣжденія, исправительныя мѣры, все это здѣсь недействительно! Чтобы понять здѣшній народъ, надо забыть всѣ ваши европейскіе взгляды. Возьмите здѣшнія войны. Въ нынѣшнемъ году Уркиса осаждалъ Буэносъ-Айресъ; мы съ нимъ пріятели. Живя въ осажденномъ имъ городѣ, я часто ѣздилъ къ нему въ лагерь, велъ тамъ свои дѣла открыто, и, конечно, отлично велъ ихъ.

Мяса у насъ не было, вотъ и возьмешь съ собою (продолжалъ онъ уже въ анекдотическомъ духѣ) нѣсколько бутылокъ вина, и не даешь откупорить до тѣхъ поръ, пока не позволятъ первому отрѣзать отъ висящаго среди палатки зажареннаго мяса; а то, не успѣешь отвернуться, какъ ничего не останется. А я ужь это знаю, ножомъ откramsаю себѣ порядочный кусъ, такъ что Уркиса разсмѣется, и скажетъ: «вотъ молодець! это по нашему, видно, что знакомъ съ гаучами!» Послѣ этого я ужь и даю имъ вино, и, прокутивъ весь вечеръ, возвращаюсь домой. А сама война какъ идетъ? кто изъ генераловъ терпѣливѣе, тотъ и побѣдитель. Надоѣстъ кому стоять, и кто первый уйдетъ, тотъ проигрываетъ сраженіе. Вотъ теперешній президентъ Митре: какъ онъ славно улепетнулъ, потерялъ почти всю кавалерію въ сраженіи съ Индѣйцами, а также считался побѣдителемъ!»

Нашъ хозяинъ, долго живя здѣсь, дѣйствительно приобрѣлъ кое-что изъ манеръ гауча, и рѣчь его, отрывочная и пересыпанная удачными выраженіями, была очень оживлена и интересна. Онъ даже разъ увлекся до того, что, разказывая о нападеніяхъ Индѣйцевъ, свисталъ, подражая летящимъ стрѣламъ, и въ жару разказа какъ-то особенно гикалъ, почувствовавъ себя совершеннымъ Индѣйцемъ.

Мы возвращались въ Монтевидео на пароходъ *Constitucion*; пароходъ этотъ передѣланъ изъ купческаго паруснаго судна, вслѣдствіе чего онъ очень некрасивъ и неудобенъ. Сколько комфортабельнѣе и приличнѣе былъ *Montevideo*, какъ стѣнами, такъ и публикой, столько *Constitucion* былъ некомфортабельнѣе, и публика его вѣроятно была та самая, которую мы видѣли въ театрѣ, когда тамъ былъ президентъ. Я даже какъ будто узнавалъ нѣкоторыхъ. Только капитанъ парохода своею предупредительностію и удивительно ласковымъ вниманіемъ сглаживалъ общія угловатости и неудобства. Тутъ царствовалъ какой-то патриархальный тонъ. За обѣдомъ капитанъ, словно отецъ семейства, сѣлъ на главное мѣсто и началъ раздавать кушанье, припасая самые вкусные куски для избранныхъ. Избранными были, къ счастью, мы, и я внутренно жалѣлъ сидящихъ далѣе, до которыхъ доходили косточки и остатки. Намъ откупоривалась особенная бутылка вина, что видимо оскорбляло одного очень морщинистаго старичка, съ сатирическимъ, ѣдкимъ выраженіемъ лица, которое бываетъ у злыхъ и старыхъ профессоровъ-экзаменаторовъ; онъ даже нѣсколько разъ пытался завести мирные переговоры, но мы важно отмалчивались, не желая сойдти съ пьедестала нашего временнаго величія. Видя, что

всѣ усилія его тщетны, онъ напалъ на своего сосѣда, какого-то рябаго, съ рѣдкою бородой и свинными глазками, господина, и такъ раскричался на него, что закашлялся, покраснѣлъ и долго и злобно потрясалъ головой! Подали шампанскаго; его достало и старичку, что такъ его обрадовало и такъ ему польстило, что онъ изъ злаго превратился въ веселаго стараго кутиду.

Когда я забрался въ койку, находившуюся около дамской каюты, такъ что всѣ пассажиры проходили мимо меня, я еще больше возненавидѣлъ старичка, который, съ своей стороны, видимо желалъ мнѣ надѣлать всевозможныхъ непріятностей. Койка была похожа на гробъ, повернуться было трудно; а старичокъ расположился около меня, разказывать какой-то дамѣ что-то такое, что повело къ нескончаемымъ поясненіямъ, упрекамъ, увѣреніямъ, и всѣ эти рѣчи, произносимыя сильнымъ разбитымъ голосомъ, съ кашлемъ и одышкой, продолжались далеко за полночь. Это было похоже на пытку, и горько я расканвался, что не заискалъ у старичка во время обѣда: я бы могъ деликатно напомнить ему, что время спать, а теперь я не могъ сдѣлать этого, обидѣвъ его своимъ невниманіемъ во время обѣда; я пожиналъ плоды своей гордости...

Въ Монтевидео мы прожили еще двѣ недѣли. Познакомившись во многихъ домахъ, мы нѣсколько присмотрѣлись и къ обществу. Во всякомъ домѣ было почему-то много дѣвицъ, и молодыхъ и старыхъ. Дѣтей не впускали въ гостиную, и дочки входили только тогда уже, когда являлась маменька. Про маменекъ можно было сказать, что онѣ были когда-то красавицами, и что въ нихъ въ сильной степени развито стремленіе собирать вокругъ себя молодыхъ людей, давая однако при этомъ разныя мудрыя наставленія дочкамъ. Дѣвушка смѣло идетъ на встрѣчу желающему проводить съ нею время; въ сентиментальныхъ разговорахъ она будетъ разыгрывать роль Инесы, говорить о любви, вышивать на память закладки, съ нимъ однимъ танцовать, открыто показывать, кѣмъ занята, и при этомъ останется такою же цѣломудренною, какъ и наша дѣвица, путающаяся одного смѣлаго взгляда и самаго далекаго намека. Дѣвицы здѣшнія очень живы, сильно жестикулируютъ, хватаютъ за руки, глазами дѣлаютъ телеграфическіе знаки, которые приводятъ однихъ въ отчаяніе, другихъ возносятъ на седьмое небо; говорятъ громко, конфеты ѣдятъ безъ совѣсти, пьютъ вино, и все-таки остаются милыми, а главное хорошенькими. Если есть на вечерѣ танцы, то на подносѣ, полнымъ конфетъ,

воткнуть флагъ той націи, которая въ настоящемъ случаѣ фигурируетъ. Кто попроворнѣе, тотъ завладѣваетъ этимъ флагомъ и передаетъ его или своей царицѣ, или царицѣ бала. Изъ-за флага бывають даже *сцены*, а такъ какъ испанская барышня за словомъ въ карманъ не пойдетъ, то сцены бывають шумныя. Половина конфетъ бываетъ непременно съ хлопучками, такъ что по всѣмъ угламъ раздается трескотня, и этими хлопучками бомбардируютъ дѣвицъ, которыя иногда сдаются вслѣдъ за бомбардировкой, не дожидаясь и штурма; всякое бываетъ! На домашнихъ вечерахъ играютъ въ колечко, передають другъ другу зажженную бумагу, короче сказать, дѣлають все то, что происходитъ въ семействѣ какого-нибудь Сквозника-Дмухановскаго, когда у него соберутся дочери судьи, и Земляники, и Добчинскіе съ Бобчинскими.

На этихъ вечерахъ мы проводили время очень весело. Женская прислуга смотрѣла въ двери, и потомъ разносила угощенія; тоже ситцевое, неловко сшитое, платье на служанкѣ, но только вмѣсто бѣлаго лица и прически, намазанной масломъ, передъ нами были черныя, доснящіяся физиономіи негрятенокъ, съ выраженіемъ добраго, ласковаго котенка, съ шершавою, войлокообразною подушкой на головѣ вмѣсто волосъ. Мнѣ очень хотѣлось сойтись поближе съ одною служанкой, послѣ того какъ одинъ разъ, стоя у двери и любясь на летавшія мимо меня пары полькирующихъ, я вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня гладитъ по спинѣ тихо, ровно, вкрадчиво; оборачиваюсь — негрятинка! Она засмѣялась, показала мнѣ языкъ и закрылась рукавомъ. Съ тѣхъ поръ, мы сдѣлались пріятелями. *Vous faites la cour à ma negresse*, иронически добродушно говорилъ мнѣ хозяинъ, между прочимъ забравшій себя почему-то въ голову, что я великій знатокъ въ винахъ, и непрочъ выпить; въ силу этого онъ отзывалъ меня регулярно, каждыя пять минутъ, чего-нибудь отвѣдать, или рейнвейну, или какого-то допотопнаго хересу. Наливъ съ осторожностію двѣ рюмки, становились мы другъ противъ друга, отпивали по глотку, и, давая губамъ видъ оника, втягивали въ себя и тихо выпускали воздухъ; этому маневру онъ меня выучилъ, для вѣрнѣйшей оцѣнки достоинства вина.

«*Faites comme ça: ou!*..» говорилъ онъ: «*encore une fois: ou!*..» «*Excellent! Excellent, ou!*..» повторялъ я за нимъ, стараясь не засмѣяться. Вино у него, дѣйствительно, было превосходно.

А. Вышеславцевъ.

Корветъ Новикъ. Атлантическій океанъ.

ЯДВИГА И ЯГЕЛЛО¹

(Окончаніе.)

V.

Вражда противъ Домарата изъ рода Гжималовъ была результатомъ борьбы двухъ партій, имѣвшихъ политической характеръ. Гжималиты состояли изъ родичей герба Гжималы, отдаленныхъ, даже чрезвычайно отдаленныхъ между собою родственниковъ, соединенныхъ только единствомъ герба; къ нимъ, конечно, примыкали и посторонніе, чѣмъ-либо съ ними связанные люди. Это была партія придворная; она любила иностранцевъ, и благопріятствовала имъ. Въ настоящее время она держала сторону Сигизмунда. Гжималиты, Малопольяне по своему происхожденію, приобрѣли обширныя имѣнія въ Великой Польшѣ и составили тамъ обширныя связи, а при Лудовикѣ Венгерскомъ они получили и большое политическое значеніе. Одинъ изъ нихъ Янушъ, знакомый уже намъ Сухой-Волкъ, былъ гнѣзенскимъ архіепископомъ; каштеляномъ же въ Гнѣзнѣ былъ Дзѣржко; Петрошъ изъ Малахова правилъ Куявіею, и наконецъ Домаратъ былъ генеральнымъ старостой всей Великой Польши. Противники Гжималовъ были Наленчи, родъ несравненно болѣе древній, и главное совершенно туземный, игравшій роль въ судьбахъ Великой Польши со времени первыхъ ея князей, иногда *захудлавшій* чрезъ сопротивленіе этимъ князьямъ, но окончательнo возвысившійся при Казимірѣ Великомъ. Въ описываемое время значительнѣйшими людьми въ этомъ родѣ были: Янъ, судья познань-

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 2.

скій, получившій отъ своей маестности Венетіа, прозваніе или фамилію Вѣнецкаго, Сендзивой Свидва, Дзѣржко Остро-рогъ Грохоля, Янко изъ Чарикова и Бартошъ изъ Вейсбурга, который нѣкогда управлялъ Куявами, и былъ смѣненъ при королѣ Лудовикѣ; при томъ же королѣ и Янко, бывшій архидіакономъ гнѣзенскимъ и подканцлеромъ королевства, былъ удаленъ, а потому они оба сдѣлались личными врагами венгерскаго дома, двора и Гжималитовъ, и увлекли всѣхъ своихъ однопородцевъ и друзей въ оппозицію противъ Сигизмунда.

Соперничество этихъ партій обнаружилось не задолго до смерти Лудовика по случаю упраздненія мѣста гнѣзенскаго архіепископа,—перваго прелата и важнѣйшаго сановника въ государствѣ, значеніе котораго еще увеличивалось при настоящихъ обстоятельствахъ, когда вистѣлъ надъ Польшей вопросъ о престолонаслѣдіи. Наленчи употребляли величайшія усилія, чтобъ отстранить возможность возведенія женщины на престолъ Пястовъ, и понимая, что вліяніе въ этомъ дѣлѣ главы польскаго духовенства будетъ очень важно, сильно интриговали за одного изъ своихъ, Доброгоста, кантора познаньскаго, чтобъ онъ получилъ архіепископскій престолъ въ Гнѣзнѣ. Съ этою цѣлю они сблизились съ Земовитомъ, княземъ Мазовецкимъ, который происходилъ отъ Пястова дома и которому непріятно было видѣть утверженіе на престолѣ Лудовикова потомства. Наленчи успѣли склонить избраніе на сторону своего кандидата, но, по совѣту Домарата Гжималы, король не утвердилъ этого избранія. Доброгостъ, оскорбленный этимъ, отправился было въ Римъ жаловаться, но былъ задержанъ въ сѣверной Италіи стараніями Лудовика, а между тѣмъ, по ходатайству того же Лудовика, папа назначилъ архіепископомъ Бадванта, котораго мы уже знаемъ.

Вотъ крупныя и мелкія причины вражды Наленчей противъ Гжималовъ, и эта-то фамилія возбудила всю Великую Польшу противъ Домарата, какъ это мы видѣли, когда рѣчь шла о пребываніи Сигизмунда въ Гнѣзно и Познани. Неудовлетворенные въ своихъ челобитьяхъ, Великополяне съѣхались въ Мирославъ и положили здѣсь войти въ сношенія съ Малополянами и пригласить ихъ на съѣздъ въ Радомъ. Этотъ общій съѣздъ не состоялся; Малополяне не пріѣзжали. Но день этого съѣзда все-таки имѣетъ большое значеніе въ исторіи Польши, потому что онъ убѣдилъ Великополянъ въ необходимости побѣдить антагонизмъ, долго раздѣлявшій ихъ съ Малополянами,

замѣчательнѣйшими людьми были архіепископъ Бадзанта и Домаратъ, оба партизаны двора, и Сендзивой изъ *Шубина*, котораго мы видѣли совѣтникомъ Сигизмунда въ то время, когда умеръ его тесть, а теперь видимъ сторонникомъ народной партіи; партія эта здѣсь имѣла огромнѣйшее большинство. Поэтому почти единогласно было признано, что Сигизмундъ, пристрастный къ *нѣмечинъ*, не способенъ царствовать въ Польшѣ; но кому же затѣмъ отдать корону? Одни предлагали, уничтоживъ Кошицкій договоръ, пригласить Земовита Мазовецкаго; другіе представляли, что Малополяне ни за что не согласятся отстранить отъ наслѣдства дочь Лудовика. Спорили долго, и наконецъ положили предоставить вдовствующей королевѣ назначить самой, согласно Кошицкому договору, одну изъ принцессъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы королева жила непременно въ Польшѣ. Это рѣшеніе, повидимому уклончивое, тѣмъ не менѣе радикально измѣняло положеніе вопроса, потому что Венгерцы между тѣмъ провозгласили своею королевой не Ядвигу, какъ предполагалъ покойный король, а Марію, и слѣдовательно нельзя было ожидать, чтобъ и мужъ ея былъ предложенъ вдовствующею королевой въ корони польскіе. На это рѣшеніе согласились всѣ, кромѣ гнѣзенскаго архіепископа и Домарата, которые объявили, что они уже присягали Сигизмунду и не измѣнять ему. Чтобы противодействовать этимъ двумъ весьма-могущественнымъ сановникамъ, радомскій съѣздъ провозгласилъ *конфедерацію*, и актъ этотъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ: «Мы, *такіе-то* и *такіе-то* и вся остальная шляхта, рыцарство и все великопольское общество (*Spółeczność*) общаемъ преосвященному Яну, епископу Краковскому, равно и знаменитымъ панамъ *такимъ-то* и всѣмъ остальнымъ рыцарямъ земель: Краковской, Сендомірской, Сѣрадзской и Ленчицкой, подъ клятвою, открыто и чистосердечно, что желаемъ хранить вѣрность той изъ дочерей блаженной памяти короля Лудовика, которая назначена будетъ для жительства въ нашемъ королевствѣ, согласно прежнимъ условіямъ и постановленіямъ, отъ каковыхъ условій и постановленій мы не отступимся; и еслибы кто хотѣлъ противъ нихъ возстать, то мы противъ таковыхъ всѣ единодушно и согласно общаемъ вооружиться, и ихъ какъ нарушителей правъ нашихъ будемъ преслѣдовать и помогать въ этомъ другъ другу. Наконецъ еслибы кто во время междуцарствія хотѣлъ занять и сблизиться съ ними. Изъ числа находившихся въ Радомѣ,

церковныя имѣнія или пограничныя наши земли, то всё мы обязуемся, по мѣрѣ силъ своихъ, защищать оныя.»

Актъ этотъ былъ отправленъ къ Малополянамъ. Вдовствующая королева, не очень горячо принимавшая къ сердцу интересы своихъ зятьевъ и благодарная за вѣрность Поляковъ къ дочерямъ ея, отправила въ Польшу двухъ епископовъ послами. Въ это время въ Малой Польшѣ происходилъ отдѣльный сѣздъ, въ Вислицяхъ. Тамъ тоже находились архіепископъ Бодзанта, Домарать и самъ Сигизмундъ съ своею нѣмецкою свитой, туда же пріѣхало много Великополянъ по окончаніи радомскихъ совѣщаній. Посольство вдовствующей королевы прибыло въ Вислицы и, представленное собранію, объявило ему, что королева благодаритъ за вѣрность, проситъ еще нѣсколько времени обождать рѣшенія ея, которой изъ дочерей царствовать въ Польшѣ, и надѣется, что до этого времени Поляки не войдутъ ни съ кѣмъ ни въ какія обязательства, не исключая и самого Сигизмунда. Довольная этимъ, шляхта вислицкаго сѣзда единодушно утвердила радомское постановленіе, отступилась отъ Сигизмунда и разослала универсалы, чтобы ни Краковъ, ни другой какой-либо городъ не принималъ его. Въслѣдствіе такого энергическаго приговора рѣшились оставить австрійскаго принца и преданнѣйшіе его приверженцы. Покинутый всѣми, онъ увидѣлъ себя принужденнымъ возвратиться въ Венгрію, при чемъ путевыя издержки шляхта приняла на свой счетъ.

Старая Великая Польша восторжествовала; побѣда ея надъ Сигизмундомъ была побѣдою польской національности надъ нѣмецкимъ элементомъ, который сильно проникъ было въ нее. Нахлынувшіе въ нее нѣмецкіе колонисты вносили привычки и обычаи, учрежденія и уставы, противные старо-польскимъ; въ городахъ исключительно господствовало магдебургское право; вездѣ завелись монополіи и привилегіи; въ судопроизводство вторглись судебные поединки; установились нѣмецкаго происхожденія подати и налоги; самые нравы подверглись вліянію необузданнаго своеволія, царствовавшаго въ феодалной Германіи; наконецъ многія мѣстности стали утрачивать свои древнія наименованія ради новыхъ, онѣмеченныхъ; такъ Вышгородъ сталъ называться Гогенбургомъ, Оджиконь (Odrzykoń) Эренберггомъ и т. п. Со времени радомскаго и вислицкаго сѣздовъ это непріязненное народу и народности вліяніе стало ослабѣвать.

Не обошлось однакожь и при этомъ безъ недовольныхъ. Тѣ изъ Великополянъ, которые желали возведенія на престолъ Земовита Мазовецкаго, не вполне раздѣляли общую радость. Главою ихъ былъ Бартошъ изъ *Вейсбурга*, человекъ, пріобрѣтшій большое вліяніе своими военными заслугами, столько же сколько и богатствами; рассорившись по личнымъ неудовольствіямъ съ королемъ и королевой-правительницей, Бартошъ началъ ссориться съ вѣрнѣйшимъ приверженцемъ венгерской династіи, Владиславомъ Опольскимъ, и окончательно разладилъ съ королевскимъ дворомъ. Питая и съ своей стороны къ венгерской династіи глубокое нерасположеніе, онъ былъ недоволенъ признаніемъ престола за одною изъ дочерей Лудовика и, выставивъ сильное войско, занялъ нѣсколько городовъ Великои Польши во имя Земовита.

Между тѣмъ члены радомской конфедераціи потребовали чтобы Домарать отказался отъ управленія Великою Польшею. Они объявили всей тамошней шляхтѣ, чтобы никто не осмѣливался признавать его въ этой должности подъ опасеніемъ потери «чести и горла» (*czci i gardla*). Но Домарать, вмѣсто исполненія этого требованія, вызвалъ изъ Бранденбурга Сигизмундово войско; такимъ образомъ одновременно явились три партіи, три вооруженныя силы: во имя королевны Ядвиги, князя Земовита и Сигизмунда. Но скоро двѣ первыя соединились въ одну народную партію, и здѣсь одни, по большей части Малополяне, имѣли въ виду только права королевны, а другіе думали примирить взаимные интересы бракосочетаніемъ ея съ Земовитомъ. Мы сейчасъ увидимъ однакожь, какія причины и какимъ образомъ измѣнили это предложеніе.

Замѣчательное различіе между составомъ партій въ Великой и Малой Польшѣ заключается въ томъ, что въ первой онѣ были дѣломъ многочисленныхъ родовъ шляхетскихъ, управлявшихся извѣстными политическими мнѣніями, тогда какъ въ Малой Польшѣ лишь нѣсколько сильныхъ домовъ управляли мнѣніями. Прибытіе Ядвиги льстило ихъ честолюбію; они надѣялись, что при ней вліяніе ихъ усилится. Между ними родилась мысль о ея бракѣ съ великимъ княземъ литовскимъ, потому что въ случаѣ соединенія Литвы съ Польшею, русскія земли, принадлежавшія въ это время первой изъ нихъ, перешли бы къ Польшѣ, Малополяне же еще во времена Казимира получили тамъ бо-

гатыя имѣнія, во владѣніе которыми имъ было очень пріятно вступить опять.

Главными двигателями этого предложенія были слѣдующія малопольскія фамиліи: вопервыхъ, Куражвенки, которые, впрочемъ, со смерти канцлера Завиши, значительно ослабѣли; потомъ слѣдуетъ назвать Корчаковъ, Кмитовъ, и въ особенности фамилія герба *Топоръ* и герба *Леливы*. Эти послѣднія фамиліи отличались своею многочисленностію. Одногербовниковъ *Топора* выходило при Лудовикѣ Венгерскомъ семь отрядовъ, и всѣ эти отряды состояли исключительно изъ лицъ, носившихъ этотъ гербъ, хотя уже и различавшихся разнообразными прозваніями или фамиліями: между ними наиболѣе извѣстны существующія и понынѣ фамиліи Тенчинскихъ и Оссолинскихъ и фамилія Шубинскихъ, или какъ тогда называли изъ *Шубина*, изъ которыхъ намъ уже извѣстенъ Сендзивой, нѣкогда державшій сторону Лудовика, а на радомскомъ сѣздѣ оказавшій сильную поддержку народной партіи; но изъ *Топорчиковъ* громче всѣхъ была фамилія Пилецкихъ, представитель которой, Оттонъ изъ *Пильцы*, обладалъ колоссальнымъ богатствомъ. Что касается герба *Леливы*, то хотя онъ былъ не такъ многочисленъ какъ предшествующій и менѣе его древенъ, но со времени Казимира постоянно занималъ высшія въ государствѣ должности и прибрѣлъ огромныя богатства. Эти-то сильныя и богатыя фамиліи управляли въ описываемое время судьбой и умами всей Малой Польши. Оказавъ на вислоцкомъ сѣздѣ пріятливый пріемъ посольству вдовствующей королевы, Малополяне отложили однакожь свое рѣшеніе до сѣзда всей польской шляхты, а между тѣмъ употребили стараніе къ прекращенію междуусобія, открывшагося въ Великой Польшѣ. Они отправили туда депутацію, имѣвшую во главѣ своей краковскаго воеводу Спытка (герба *Леливы*) и Сендзивоя; прибывъ къ Калишу, осажденному тогда Наленчами, они пригласили воюющихъ заключить перемиріе и предоставить споръ посредничеству, а между тѣмъ послѣдовало и рѣшеніе вдовствующей королевы по дѣлу, предоставленному ей на радомскомъ сѣздѣ: она предлагала польскому народу меньшую свою дочь, Ядвигу, которую обѣщала вскорѣ прислать въ Краковъ для коронаціи, но просила за малолѣтствомъ ея, по окончаніи этой церемоніи, отпустить ее снова въ Венгрію на три года.

Чтобы выслушать эти предложенія, назначенъ былъ новый сѣздъ (на 28 марта 1383 года). На немъ долженъ былъ окон-

чательно рѣшиться вопросъ о престолонаслѣдіи. Важность этого, такъ долго колебавшагося, вопроса привлекла множество шляхты со всѣхъ концовъ государства: это былъ можно сказать настоящій *избирательный сеймъ*. Положеніе партій въ это время нѣсколько измѣнилось: Бадзанта, напримѣръ, сблизился съ Земовитомъ и Наленчами, то-есть съ Великополянами вообще; Домарать оставался преданнымъ двору и послѣдней волѣ короля Лудовика; Малополяне, отказавшіеся на вслицикомъ съѣздѣ отъ Сигизмунда, не болѣе были расположены и къ Семку Мазовецкому, который, въ качествѣ Пяста и союзника Великополянъ, былъ представителемъ старопольскихъ понятій и обычаевъ, а потому они никакъ не хотѣли допустить бракъ его съ Ядвигой.

Таково было положеніе партій. Сеймъ открылся. Явились венгерскіе послы, и сказали, что королева-мать разрѣшаетъ Польшу отъ присяги старшей своей дочери Маріи и назначаетъ королевой Ядвигу; объявивъ это, они удалились, предоставивъ шляхтѣ заняться обсужденіемъ рѣшенія. Начались пренія; при этомъ естественно возникъ вопросъ о томъ, кто будетъ молодой королевѣ супругомъ. Большинство было въ этомъ отношеніи на сторонѣ Земовита; Владиславъ Опольскій и часть Малополянъ были противнаго мнѣнія, и была минута, когда казалось, что эти послѣдніе одолютъ. Бадзанта, сдѣлавшійся горячимъ партизаномъ, какъ сказано, Земовита, и въ качествѣ примаеса, предсѣдательствовавшій въ собраніи, въ минуту, когда расположеніе умовъ было на сторонѣ его партіи, потребовалъ рѣшительнаго мнѣнія: «Итакъ, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ:—желаете ли имѣть королемъ князя Мазовецкаго?» На это отвѣчали оглушительные крики: «желаемъ, желаемъ!» Эти крики и извѣстная рѣшительность Великополянъ могли дать окончательный поворотъ дѣлу; но оно было, однакожь, приостановлено однимъ изъ *Топорчиковъ*, Яською изъ *Тенчина*: «Благородная братія (*szlachetna bracia*), сказалъ онъ; элекція не должна быть поспѣшна. Мы обязаны сохранить слово, данное Ядвигѣ, если она прибудетъ къ намъ къ Троицыну дню и пожелаетъ жить съ своимъ мужемъ въ Польшѣ; если же къ тому времени она не прибудетъ, тогда приступимъ къ избранію себѣ короля, на основаніи нашихъ условій съ Лудовикомъ¹»

¹ Ораторъ намекалъ на договоръ 1355 года, которымъ женская линія устранилась отъ престолонаслѣдія.

Эти разумныя слова были приняты во вниманіе, и венгерскимъ посламъ данъ слѣдующій отвѣтъ: 1) королева Ядвига признается королевою польскою съ условіемъ прибыть въ Краковъ къ Троицыну дню; 2) королева должна жить въ Польшѣ съ своимъ супругомъ; 3) королева-мать возвратитъ Польшѣ землю русскую (Червонную Русь, бывшую область Галицкую); 4) она же королева-мать возвратитъ Польшѣ земли, отторгнутыя покойнымъ королемъ, ея супругомъ, и отданныя имъ Владиславу, князю Опольскому, а именно: Добжинскую (о которой будетъ много говорено въ послѣдствіи), Куявскую и другія. На этихъ условіяхъ Поляки дали слово оставаться вѣрными Ядвигѣ, въ противномъ же случаѣ предоставили себѣ право, не взирая на прежнія условія, избрать себѣ другаго короля. Это, замѣчаетъ Шайноха, было началомъ такъ-называемыхъ *раста сопвента*, или договорныхъ грамотъ, заключаемыхъ народомъ польскимъ съ своими королями даже тогда, когда они вступали на престолъ по порядку наследія.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ, восторжествовала сторона Малой Польши. За то предводители мазовецкой партіи, именно архіепископъ гнѣзенскій, еще тѣснѣе сблизились съ Земовитомъ и потерявъ надежду на успѣхъ законнымъ путемъ, условились, при слѣдованіи Ядвиги изъ Венгріи въ Краковъ, захватить ее и обвинять съ княземъ Мазовецкимъ. Подобное насиліе было нерѣдкостью въ то время, да оно было нечуждо и нравамъ Великополянъ, между которыми велся обычай, чтобы женихъ похищалъ свою невѣсту.

Нетерпѣливо былъ ожидаемъ Троицынъ день. За нѣсколько дней передъ тѣмъ отправились къ ожидаемой королевнѣ на встрѣчу значительнѣйшіе паны Малой и даже Великой Польши. Между ними были архіепископъ и Бартошъ съ 500 мазовецкихъ копейщиковъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ князь Семко. Молодой королевнѣ грозила дѣйствительная опасность похищенія, но замысль этотъ былъ открытъ, и мазовецкіе всадники, Бадзанта, Бартошъ и Семашко, не были впущены въ Краковъ самими жителями. Это, впрочемъ, не остановило Бадзанту и его друзей, которые поселились въ Корчинѣ, и тамъ рѣшились ожидать королевну. Она не пріѣхала къ Троицыну дню за разлитіемъ рѣкъ. Послы, бывшіе въ Венгріи, привезли польскимъ вельможамъ приглашеніе на свиданіе съ нею въ Кошицахъ. Въ это время Ядвига было уже 12 лѣтъ; по договору, заключенному Лудовикомъ съ австрій-

скимъ домою о бракосочетаніи Ядвиги съ Вильгельмомъ габсбургскимъ, обвѣмъ договаривавшимся сторонамъ слѣдовало внести по 200.000 червонцевъ въ приданое и затѣмъ совершить бракъ. Но договоры эти потеряли свое значеніе послѣ времени ихъ написанія. Польскою королевою доводилось быть уже не Маріи, какъ предполагалъ Лудовикъ, а Ядвигъ; Поляки непремѣнно требовали, чтобъ она жила съ мужемъ въ Польшѣ, а принцу Вильгельму было неудобно жить такъ далеко отъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній (тогдашняя Австрія еще не простиралась до Карпатовъ); при томъ вдовствующая королева не очень была расположена къ этому браку, и была бы готова уклониться отъ него. Поэтому она желала, а послы охотно согласились, чтобы прибытіе Ядвиги было отложено. Для успокоенія же Великополянъ былъ удаленъ Домарать; съ другой стороны многіе сомнительные въ преданности къ дѣлу Ядвиги старосты и каштеляны замѣнены благонадежными. За то и Поляки настояли на томъ, чтобы супруга своей королевы они выбрали сами, и чтобъ она непремѣнно жила въ Польшѣ.

Между тѣмъ Земовитъ, узнавъ, что пріѣздъ королевы отложенъ, рѣшился силою оружія овладѣть польскимъ престоломъ. Онъ устремился на земли краковского воеводы Спытка, и обратилъ въ пепель одинъ изъ его городовъ; вступилъ въ Ленчицкую землю, склонилъ на свою сторону тамошнихъ жителей и разослалъ приглашеніе ко всей польской шляхтѣ на съѣздъ въ Сѣрадзь. Съѣздъ этотъ состоялся и даже былъ многочисленъ; но онъ былъ почти исключительно составленъ изъ *ходачковой* шляхты великопольской и мазовецкой, да изъ нѣсколькихъ духовныхъ сановниковъ, между которыми былъ архіепископъ Бадванта; этотъ послѣдній, однакожь, будучи по своему положенію первенствующимъ лицомъ всего собранія, оказался и теперь, какъ былъ всегда, человекомъ безхарактернымъ и нерѣшительнымъ: собраніе провозгласило Земовита королемъ, и хотѣло возложить на него корону въ Сѣрадзскомъ доминиканскомъ монастырѣ; но Бадванта отъ совершенія этого обряда отказался. Тѣмъ не менѣе, однакожь, Земовитъ не думалъ отступаться отъ своихъ претензій, и обратилъ свои силы на занятіе королевскихъ замковъ, но съ первыхъ же шаговъ встрѣтилъ неудачу подъ стѣнами калишскаго замка. Жители этого города, не расположенные къ нему, какъ и вообще всѣ горожане, дали сильный отпоръ, а между тѣмъ потребовали помощи отъ Малополянъ; эти послѣдніе всту-

пили въ переговоры съ Земовитомъ и склонили его на двухмѣсячное перемиріе, вопреки настоянію Бартоша, который съ досады оставилъ своего союзника; а такъ какъ между тѣмъ приблизилось венгерское войско въ защиту правъ молодой королевы, то Земовитъ принужденъ былъ просить дальнѣйшаго перемирія.

Пока все это происходило, приблизился срокъ, предположенный для прибытія Ядвиги; на встрѣчу ей отправилось богатое и многочисленное посольство, во главѣ котораго былъ Сендзивой изъ *Шубина*. Но вдовствующая королева и теперь объявила, что еще не можетъ отпустить свою дочь. Сендзивой, оскорбленный такими отсрочками, сказалъ напрямикъ, что при подобномъ образѣ дѣйствій будетъ невозможно поддерживать въ Польшѣ сторону молодой королевы, но вдовствующая королева нашла себѣ союзниковъ въ нѣкоторыхъ членахъ посольства, задержала Сендзивоя съ людьми, раздѣлявшими его мнѣніе, а сама послала въ Краковъ занять тамошній замокъ. Дѣло это, однакожъ, не удалось; Сендзивой нашелъ средство освободиться; на разставленныхъ лошадяхъ ускакалъ онъ изъ Венгріи и привезъ въ Польшу такія извѣстія, которыя сильно поколебали дѣло ни въ чемъ, впрочемъ, невинной Ядвиги.

Надо, однакожъ, признаться, что вдовствующая королева имѣла основательныя причины откладывать прибытіе въ Польшу Ядвиги. Договоры съ Австріей не были еще расторгнуты, а Поляки настойчиво хотѣли сами располагать ея рукою; это могло вовлечь Венгрію въ непріязненныя отношенія къ Габсбургскому дому, который былъ во всякое время въ состояніи вредить Венгріи. Тѣмъ не менѣе Поляки не отступались отъ своихъ правъ. Въ началѣ марта 1384 года, на новомъ сѣздѣ рѣшено было еще разъ отправить посольство ко вдовствующей королевѣ и положительно объявить ей, что если Ядвига не придетъ къ 8 мая, то Польша приступитъ къ избранію новаго короля, и за тѣмъ болѣе не входитъ ни въ какіе переговоры съ венгерскою династіей и не дѣлать никакихъ уступокъ, — въ чемъ присутствующіе обязались другъ передъ другомъ честнымъ словомъ. Вполнѣ увѣренные послѣ этого, что дальнѣйшее промедленіе невозможно, знатнѣйшіе малопольскіе паны отправились, около назначеннаго времени, на встрѣчу своей королевѣ; но каково было ихъ удивленіе, когда вмѣсто Ядвиги прибылъ Сигизмундъ Люксамбургскій съ титуломъ намѣстника (gubernatora) и съ отрядомъ венгерскаго войска! Дѣло въ томъ,

что въ рукахъ вдовствующей королевы оставались всё тѣ участники предшествующаго посольства, которымъ не удалось, какъ Сендзивою, освободиться изъ заключенія. Нечего было дѣлать, пришлось вступить въ переговоры и дать новую отсрочку, на три недѣли; но при этомъ Поляки обязались между собой, въ случаѣ если и въ 29 мая не прибудетъ королева, «сѣвъ на коней, не возвращаться въ дома свои до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ новаго короля». По счастью для королевы венгерской, она имѣла безусловныхъ приверженцевъ въ сильномъ малопольскомъ родѣ герба *Леливы*, благодаря вліянію которыхъ, она получила на двухъ бывшихъ потомъ сеймахъ двѣ новыя отсрочки, и только въ октябрѣ прибыла наконецъ молодая королева въ нетерпѣливо-ожидавшее ее королевство.

Время было ей прибыть, какъ въ собственномъ интересѣ, такъ и въ интересѣ страны. Въ продолжительный періодъ междуцарствія, Польша подверглась безпорядкамъ всякаго рода, раздорамъ партій, разбоямъ и грабежамъ. Сначала Земовитъ Мазовецкій былъ причиною междуусобной войны, а въ послѣднее время появился новый претендентъ, могшій произвести въ странѣ общее смущеніе: это былъ одинъ изъ Пястовъ, долго находившійся въ монастырѣ; антипапа Климентъ VII, котораго венгерскій домъ не признавалъ въ папскомъ санѣ, разрѣшилъ не добровольные обѣты монаха, и недовольная шляхта могла весьма легко воспользоваться его именемъ для новыхъ смуть и можетъ-быть междуусобій, — когда наконецъ Ядвига переступила польскую границу.

По крутымъ ребрамъ Карпатовъ тянулся поѣздъ, превосходившій великолѣпіемъ все доселѣ извѣстное въ Польшѣ. Имущество молодой королевы, ея драгоценности составляли цѣлый обозъ; свита ея состояла изъ большаго числа благородныхъ дамъ и дѣвицъ, ѣхавшихъ на богато-убранныхъ коняхъ; сама Ядвига совершала путешествіе частію верхомъ же, окруженная пажамъ, частію въ раззолоченномъ экипажѣ и притомъ, большая рѣдкость въ то время, со стеклами. Королева-мать не сопровождала ее, по причинѣ бывшихъ въ то время въ Венгріи безпорядковъ. По мѣрѣ приближенія этого поѣзда къ Кракову, онъ увеличивался польскими панами, которые непрерывъ спѣшили навстрѣчу столь долго жданной ими королевы своей. Когда она была уже въ виду столицы, на Кжеменкахъ, встрѣтилась торжественная процессія, состоявшая изъ духовенства, мѣщанства и *народа* краковского, съ церков-

ными хоругвями и значками городскихъ цеховъ, которые сложились, по мѣрѣ того какъ юная королева къ нимъ приближалась; отъ различныхъ сословій предложены ей были дары; звуки трубъ и флейтъ и громкія восклицанія народа, покрывавшаго крыши домовъ, наполняли воздухъ; шуты и скоморохи поддерживали пріятное расположеніе толпы. У городскихъ воротъ Ядвига встрѣтила ряды дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ зажженными свѣчами и пѣніемъ, которому вторилъ торжественный гулъ колоколовъ. Проѣхавъ мало еще застроенную тогда часть города, Казимержъ (Kazimierz), королева направилась къ замку, и наконецъ, помолившись въ кафедральномъ соборѣ, вступила въ приготовленные для нея палаты.... Радостная или печальная жизнь ожидала ее, говорить нашъ авторъ, — угадать было нельзя; да и некогда было объ этомъ думать: вслѣдъ за торжествомъ вступленія ея въ Краковъ назначено было торжество коронаціи.

Еще не такъ давно короли краковскіе не всегда были вмѣстѣ съ тѣмъ королями Польши; другія области, другіе города выставляли имъ соперниковъ; но въ то время, о которомъ говорится, первенство Кракова надъ всѣми прочими городами Польши утвердилось несомнѣннымъ образомъ, и Ядвига была уже не краковскою королевою, но королевою Польши. Коронація назначена была на 15 октября. Съ утра все, что было именитаго и знатнаго, собралось въ замокъ, откуда торжественная процессія пошла въ соборъ. Тамъ королева остановилась у ступеней трона; передъ прочтеніемъ же Евангелія, архіепископъ, обратясь къ ней, спросилъ ее, на мѣрена ли она сохранить права, вольность и привилегіи народа? «Желаю, отвѣчала она, и да поможетъ мнѣ въ томъ Господь!» Послѣ этихъ словъ, замѣнявшихъ присягу, архіепископъ помазалъ ее миромъ и возложилъ на нее корону. Въ эту минуту раздались звуки флейтъ и трубъ и радостныя восклицанія присутствующихъ.

Обрядъ коронаванія въ Польшѣ былъ вообще тотъ же, какъ и въ другихъ западныхъ государствахъ, а потому распространяться о немъ мы не станемъ; но замѣтимъ, что въ Польшѣ, въ противность повсемѣстному западному обычаю, къ церемоніалу коронаціи не были допускаемы городскія сословія. За то на другой день короли сами отправлялись къ городской ратушѣ, и тамъ передъ нею на площади, сидя на тронѣ, принимали присягу бургомистра, другихъ городскихъ властей и

всего городского общества, при чемъ торжественно подтверж-
дались права, которыми городъ пользовался.

Кстати здѣсь будетъ познакомиться съ Краковомъ XIV вѣка. Въ отношеніи построекъ различіе между тѣмъ, что было тогда и что сохранилось донинѣ, неслишкомъ поразительно. На той же самой площади, которая существуетъ и теперь, были тѣ же строенія, общая принадлежность всѣхъ городовъ съ магдебургскимъ правомъ: ратуша съ судною *избою*, или палатою, гдѣ хранились акты городскихъ правъ и привилегій, съ подземельями, гдѣ находились орудія пытокъ; возлѣ ратуши двухэтажное строеніе съ мѣстомъ для складовъ внизу, и съ рядомъ лавокъ вверху; нѣсколько подалѣе—огромные вѣсы, не маловажный источникъ городскихъ доходовъ. Потомъ двѣ церкви: Св. Войцѣха и Св. Дѣвы Маріи, изъ коихъ послѣдняя замѣчательна тѣмъ, что въ стѣну ея были вѣданы желѣзные обручи, за которые ставили пѣяницъ, буяновъ и т. п. Нѣкоторые изъ существующихъ и теперь на этой площади домовъ построены еще во времена Казимира, при которомъ Краковъ уже насчитывалъ 24 церкви и множество каменныхъ строеній. Многія улицы съ его же времени носятъ и донинѣ свои названія. Но Краковъ того времени отличался отъ другихъ польскихъ городовъ, управляемыхъ по магдебургскому праву, тѣмъ что онъ находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ королевскихъ воеводъ и подъ вліяніемъ верховной власти, тогда какъ другіе города имѣли совершенно самостоятельное городское управленіе. Жители его были большею частію иноземцы; господствующій тамъ языкъ былъ нѣмецкій, на которомъ провозносились даже проповѣди въ главномъ кафедральномъ соборѣ и совершались дѣловые акты: такъ сильно проникъ нѣмецкій элементъ въ Польшу и особенно въ польскіе города. Но въ болѣе-отдаленныя времена на Краковѣ лежалъ яркій славянскій отпечатокъ; жители въ немъ селились широко, усадьбами; вездѣ зеленѣли сады и огороды, развертывались широкія площади, и городъ справедливо удивлялъ обширностію занимаемаго имъ пространства. Тогда жители его говорили на польскомъ языкѣ, и названія, которыя они давали строеніямъ и улицамъ, не поражали еще чуждыми звуками. Но все это было *встарину*; уже вскорѣ послѣ татарскаго нашествія одинъ изъ жителей Кракова, будучи спрошенъ за границей о томъ, на какомъ языкѣ говорятъ тамъ, отвѣчалъ: «Могу тебя увѣрить, что хотя въ Краковѣ говорятъ и по-

польски и по-нѣмецки, но Нѣмцы въ немъ преобладаютъ: нѣмецкіе проповѣдники говорятъ въ соборѣ, а польскіе въ боковой каплицѣ и на кладбищѣ.»

При этомъ перевѣсѣ чужестраннаго народонаселенія, при огромности цѣлаго народонаселенія, собраннаго здѣсь общему тогда небезопасностию края, народонаселенія, состоявшаго изъ пестрой смѣси Венгерцевъ, Русскихъ, Татаръ и Евреевъ, — не мудрено, что Кракову короли не предоставляли тѣхъ льготъ самоуправленія, какимъ пользовались другіе города. Это однакожь не препятствовало ему богатѣть и распространять свою торговлю. Черезъ него проходили нѣкоторые изъ торговыхъ путей. Что касается до этихъ путей, то сходясь въ Торнѣ, какъ въ узлѣ, они направлялись отсюда въ южную Русь и къ Карпатамъ, черезъ Сендоміръ и Львовъ къ западу, черезъ Калишъ въ Германію и Богемію на сѣверъ, къ Лейпцигу и Балтійскому морю и наконецъ къ востоку на Владиміръ-Волынской. Вообще, коснувшись торговли того времени, нельзя не замѣтить, что она была довольно сильна столько же отпускомъ и привозомъ, сколько и транзитомъ; главною статью были металлы и особенно мѣдь; въ XVI вѣкѣ, когда ея уже сдѣлалось меньше, одинъ купеческій домъ въ Гданскѣ отправилъ мѣди 68 кораблей. Кромѣ металловъ, изъ числа главныхъ предметовъ польской торговли были: соль, хлѣбъ, свинина, мѣха, холстъ и сукно, изъ которыхъ послѣднее соперничало съ лучшими сукнами Европы. Весьма важенъ былъ транзитъ, направлявшійся черезъ Польшу изъ Крыма и Царьграда къ Балтійскому морю и въ Германію; при Казимірѣ Великомъ польское, и особенно краковское купечество, приобрѣло выгодныя для себя привилегіи и монополіи, касательно перевозныхъ товаровъ; но при Лудовикѣ, когда Владиславъ Опольскій занялъ Червонную Русь, а Торнѣ получилъ право свободной торговли съ южною Русью, торговля Кракова ослабѣла. Впрочемъ ей еще вредило другое обстоятельство, ростовщичество; тогдашніе проценты были такъ огромны, что вислицкимъ статутомъ опредѣлено было брать при отдачѣ денегъ взаймы не болѣе 25 грошей процентовъ на 48 грошей отдаваемого капитала, и хотя черезъ тридцать лѣтъ потомъ процентъ этотъ былъ уменьшенъ до 12 грошей въ годъ, но все же по этимъ ограничивающимъ узаконеніямъ должно заключить о страшныхъ размѣрахъ тогдашняго ростовщичества. Даваніемъ денегъ взаймы занимались главнѣйше Евреи, не отличавшіеся тогда отъ осталь-

наго народонаселенія ни костюмомъ, ни степенью образованія, и жившіе въ близкихъ сношеніяхъ съ христіанами; замѣчательно, что они давали простымъ людямъ деньги подь обыкновенныя росписки, знатымъ же и богатымъ не иначе какъ подь залогъ; это объясняется тѣмъ, что съ первыхъ не трудно было кредиторамъ взыскать, и власти оказывали имъ въ этомъ содѣйствіе, съ богатыхъ же и знатныхъ людей взыскать было невозможно. Это было впрочемъ и не въ одной Польшѣ; драгоценныя вещи вельможей и даже государей не рѣдко попадали въ руки ростовщиковъ; такъ тиара папы Урбана VI не разъ бывала въ закладѣ, а Казиміръ Ягеллонъ закладывавалъ свое столовое серебро и даже атласныя плагья королевы.

VI.

Съ прибытіемъ Ядвиги, вельможи польскіе захватили въ свои руки всю власть, и уже не думали о предположенномъ бракѣ королевы съ Вильгельмомъ Габсбургскимъ, а старались только продлить выгодное для нихъ малолѣтство Ядвиги. Но тѣмъ сильнѣе интересовалъ ея бракъ простую шляхту, чѣмъ болѣе давало себя чувствовать самовластіе магнатовъ; только относительно выбора жениха своей королевѣ было, какъ мы уже видѣли, разногласіе. По причинамъ, которыя ускользаютъ отъ изслѣдованій исторіи, Ягелло съ нѣкотораго времени дѣлается союзникомъ малопольскихъ вельможъ; во время междуусобія, возникшаго вслѣдствіе претензій Семки Мазовецкаго, Литва вторгается въ его владѣнія, и дѣйствуетъ слѣдовательно въ интересахъ малопольской партіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, увезенная изъ одного малопольскаго монастыря часть Св. Креста, теперь Ягелломъ возвращена; мы замѣчаемъ также, что молодой Спытко, и другіе изъ главныхъ приверженцевъ Ядвиги, получаютъ въ послѣдствіи обширныя маетности, цѣлыя провинціи въ Литвѣ, награды, которымъ не соответствуютъ извѣстныя ихъ заслуги, и которыя наводятъ на подозрѣніе отайныхъ одолженіяхъ, оказанныхъ ими Ягеллу, тѣмъ болѣе что никто въ Польшѣ не протестовалъ, когда литовскіе князья въ публичныхъ актахъ объявляли, что они *приглашены* на престолъ польскій. Достоверно притомъ извѣстно, что Ягелло началъ дѣлать приготовленіе къ сватовству, когда воцареніе Ядвиги уже перестало быть сомнительнымъ.

Намъ уже извѣстно, что согласно заключенному съ рыцарями договору, Ягелло долженъ былъ креститься въ теченіе четырехлѣтняго срока; но ни рыцари не желали лишиться повода къ войнѣ съ Литвою, ни великій князь не спѣшилъ исполнить принятое на себя обязательство. Такъ въ маѣ 1383 года, когда слѣдовательно воцареніе Ядвиги было еще дѣломъ несовершенно вѣрнымъ, рыцари пригласили Ягелло на новое свиданіе въ Дубиссѣ для совершенія надъ нимъ, согласно договору, св. крещенія; Ягелло отправился съ матерью Іудіаной (тверскою княжною), князьями и цѣлымъ дворомъ; съ другой стороны, выѣхалъ великій магистръ, Конрадъ Польнеръ съ маршаломъ ордена, Конрадомъ Валленродомъ, множествомъ рыцарей и двумя епископами; но съѣздъ этотъ не состоялся подъ ничтожными предлогами, такъ что обѣ стороны взаимно укоряли другъ друга въ недостатокъ доброй воли; Ягелло притомъ упрекалъ рыцарей за укрывательство Витовта, а рыцари упрекали его за то, что онъ вопреки договору, безъ вѣдома ихъ воевалъ Польшу; отъ упрековъ дошло до дѣла, и Литва подверглась новому, жестокому вторженію: орденское войско, вспомошествоваемое приверженцами Витовта, преимущественно изъ Жмудиновъ, проникло до самой Вильны и сожгло ее; оно приводило Литовцевъ къ присягѣ на вѣрность Витовту, и бралъ заложниковъ. При этомъ Витовтъ обязался уступить своимъ союзникамъ всю Жмудь, остальную Литвою управлять на правѣ зависимаго отъ нихъ владѣльца, а въ случаѣ бездѣтной смерти, и совершенно передать всю Литву въ непосредственное ихъ владѣніе.

Между тѣмъ Поляки, убѣдившись наконецъ въ непремѣнномъ прибытіи Ядвиги, старались примирить Ягелло съ Витовтомъ, дабы дать ему возможность съ полнымъ вниманіемъ заняться сватовствомъ. Старанія эти не остались безуспѣшны; двоюродные братья протянули другъ другу руку, съ тѣмъ чтобы сынъ Кейстута получилъ родовую свою отчину Троки, и чтобы онъ съ своей стороны не только отсталъ отъ рыцарей, но даже обратилъ оружіе противъ нихъ. Витовтъ не замедлилъ исполнить касавшуюся до него часть уговора, а именно обманомъ истребилъ отрядъ рыцарей и сжегъ ихъ замокъ Юрбургъ. Это случилось вслѣдъ за коронаціей Ядвиги.

Теперь надо намъ ближе познакомиться съ «счастливецемъ Ягелломъ». Не будучи старшимъ между сыновьями Ольгерда, онъ наследуетъ его престолъ; Кейстутъ не только не препятствуетъ этому, но напротивъ помогаетъ; мать его, княгиня

Луціана, съ самаго младенчества нѣжить его, печется о немъ, очевидно любя его больше всѣхъ другихъ сыновей своихъ. Между тѣмъ, онъ былъ человекъ очень обыкновенный, понятій довольно тупыхъ, по наружности же нерадивый и неряшливый. Обыкновенный его костюмъ былъ простой тулупъ (kożuch), хотя княжескій его гардеробъ былъ богатъ. Только въ праздники надѣвалъ онъ бархатную сѣрую шубу, безъ всякихъ впрочемъ украшеній. Наружность его, не представляя ничего особеннаго, была не лишена пріятности; онъ былъ очень хорошо сложенъ, ростъ его былъ средній; на довольно длинной шеѣ красиво поставлена была небольшая голова, съ продолговатымъ лицомъ, съ обнаженнымъ лбомъ, съ небольшими черными, очень беспокойными, бѣгающими глазами; съ усть его, отбѣенныхъ тонкими длинными усами, срывались скорыя, грубо-выговариваемыя слова. Такимъ образомъ его взглядъ и рѣчь обнаруживали въ немъ живую натуру, которая при другихъ обстоятельствахъ могла бы сдѣлаться непреклонною и дикою; но материнская нѣжность смягчила ее, и довела даже до изнѣженности. Ягелло любилъ до полудня нѣжиться въ постели, вообще даромъ терять время, и долго сидѣть за столомъ, къ которому подавалось ему до 60 блюдъ. Баловство матери было также причиною, что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, и умъ его былъ такъ тупъ, что если ему случалось составить себѣ неправильное понятіе, то очень трудно бывало растолковать ему его заблужденіе, хотя по природѣ своей онъ вовсе не былъ ни упрямъ, ни безтолковъ. Противорѣчія легко его раздражали, а когда кровь въ немъ разыгрывалась, и страсти закипали, онъ былъ способенъ на всѣ крайности, и дѣлался тогда истиннымъ дикаремъ. Поэтому его приближенные старались постоянно отстранять отъ него всѣ случаи, которые могли бы доводить его до раздраженія: такъ они не допустили его, какъ увидимъ далѣе, имѣть личное свиданіе съ великимъ магистромъ, потому что предвидѣли возможность при этомъ свиданіи щекотливыхъ вопросовъ. Кромѣ того, Ягелло былъ страшно подозрителенъ: изъ опасенія быть отравленнымъ въ винѣ, онъ, подобно Ольтерду и Кейстуту, не пилъ его вовсе; такъ какъ ядъ подносился въ то время и въ плодахъ, въ одеждѣ и т. п., то онъ позволялъ себѣ ѣсть только сорванные имъ самимъ груши, любимый его плодъ, и не принималъ одежды иначе, какъ отъ особоназначенныхъ для этого и близко ему знакомыхъ людей. При

этой подозрительности и при необузданности своихъ страстей, Ягелло легко могъ сдѣлаться тираномъ; однакожь онъ совершенно свободенъ отъ этого упрека, благодаря доброму отъ природы сердцу, и это одно качество перевѣшивало все его недостатки; откровенный и врагъ притворства, онъ скоро забывалъ оскорбленіе, а если ему случалось оскорбить кого, то просилъ прощенія на колѣняхъ; онъ былъ добръ, челоуѣколюбивъ и снисходителенъ. Онъ думалъ, что отъ него никто не долженъ отходить съ лицомъ недовольнымъ, и потому давалъ всякому, кто имѣлъ къ нему доступъ, хоть небольшой подарокъ, дарилъ какую-нибудь одежду или головной уборъ, кусокъ сукна или нѣсколько соли; вдовы же и сироты получали отъ него вдвое; за то онъ и самъ любилъ получать подарки, щедро ихъ отдаривая; всякому, у кого онъ бывалъ въ гостяхъ, онъ дарилъ что-нибудь. Послѣ каждой охоты, онъ рассыпалъ дичину своимъ придворнымъ. Всякій благородный поступокъ пріятно отражался на его сердце, и вызывалъ съ его стороны щедрую награду, а кто разъ пріобрѣталъ его расположение, пользовался имъ навсегда. Поэтому онъ могъ пріобрѣтать вліяніе на массы, особенно на войско: даже наименѣе храбрые дѣлались въ его глазахъ мужественными; притомъ,—качество немаловажное для пріобрѣтенія вліянія,—онъ былъ вѣренъ своему слову, и твердъ въ достиженіи задуманной цѣли. Глубоко проникнутый любовью къ своей родинѣ, онъ до самой старости тосковалъ по ней: все, что могло напомнить о его бѣдной, дикой Литвѣ,—убогая хижина, пѣніе соловья,—глубоко его трогало. Блескомъ онъ не дорожилъ, и среди своего продажнаго вѣка, былъ не подкупенъ; даже польская корона не прельщала его, онъ всегда былъ готовъ отъ нея отказаться, и только просьбы его новыхъ подданныхъ удерживали его. При этомъ Ягелло былъ очень религиозенъ; будучи язычникомъ, онъ строго соблюдалъ народныя суевѣрія. Старался всегда встать съ постели прежде правою нежели лѣвою ногою; выходя изъ дома трижды оборачивался и бросалъ позади себя изломанную соломенку, и т. п.; сдѣлавшись же христіаниномъ, усердно молился, и не разъ совершалъ путешествія съ священной цѣлю.

Таковъ портретъ Ягелла въ книгѣ Шайнохи. Я старался передать здѣсь его черты сколь возможно близко подлиннику и во всякомъ случаѣ безъ малѣйшаго измѣненія въ характеристическихъ особенностяхъ; но вѣренъ ли этотъ портретъ

съ натурой, можно сомнѣваться. Не такимъ изображаютъ Ягелла русскіе источники, да не совсѣмъ такимъ представляютъ его и самые факты. Припомнимъ смерть Кейстута и преслѣдованіе его семейства: все это не говоритъ за доброе сердце Ягелла. Припомнимъ его тайныя связи съ орденомъ, имѣвшія слѣдствіемъ опустошенія Литвы: онѣ не подтверждаютъ его любви къ Литвѣ. А одинаково строгое исполненіе суевѣрнѣхъ языческихъ и обрядовъ христіанскихъ едвали не скорѣе должно быть приписано его слабоумію чѣмъ религіозности. Въ отношеніи Ягелла, Шайноха раздѣляетъ общее всѣмъ польскимъ историкамъ увлеченіе, — увлеченіе, весьма впрочемъ естественное, ибо присоединеніе Литвы удвоило силу и значеніе польскаго государства, но если извинительно это пристрастіе польскихъ историковъ, то по крайней мѣрѣ на столько же извинительно и намъ, Русскимъ, строже смотрѣть на него.

Сдѣлавъ эту небольшую оговорку, возвращаемся къ нашему автору, котораго мы уважаемъ, не взирая на это пристрастіе: пусть каждый любитъ свою родину и все, что содѣйствовало ея славѣ и благоденствію.

Примирившись, какъ сказано, съ Витовтомъ, Ягелло отправилъ въ 1385 году блистательное посольство, членами котораго были его братья, Скригелла, князь полоцкій, уже исповѣдывавшій христіанство по восточному обряду, и Борисъ (тоже бывшій православнымъ, а потомъ перешедшій въ латинство), дядя его Ольгимундъ и наконецъ одинъ изъ главныхъ литовскихъ сановниковъ, Ганка, который вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ, долго бывшимъ въ Германіи, и былъ главнымъ дипломатическимъ двигателемъ посольства. Посольство это сопровождалось многочисленною свитой и везло богатые дары какъ самой королевѣ, такъ и ея вельможамъ.

По прибытіи въ Краковъ въ половинѣ января (1385), имъ была назначена торжественная аудіенція. Ядвига приняла посольство, сидя на тронѣ и окруженная дворомъ. Она считала это сватовство совершенно несбыточнымъ дѣломъ и не болѣе какъ дипломатическою формальностію, будучи вполне увѣрена, что неразрывный союзъ связываетъ ее съ принцемъ Вильгельмомъ. Между тѣмъ предложенія Ягелла были очень положительны: онъ предлагалъ свою руку, общалъ креститься и привести всѣхъ своихъ подданныхъ въ католическую вѣру, содѣйствовать къ возвращенію потерянныхъ въ разное время Польшею областей, уплатить 200 т. золотыхъ, по обязатель-

ству венгерскаго двора съ австрійскимъ, освободить всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ обоюго пола, уведенныхъ Литовцами изъ Польши, и наконецъ соединить Литву и русскія земли съ Польшей.

Всѣ эти предложенія пріятно звучали для совѣтниковъ молодой королевы; но Ядвига отвѣчала, что, будучи обвиняна съ принцемъ габсбургскимъ, она должна быть ему вѣрна, и что еслибы даже она сама и согласилась на предложеніе литовскаго государя, то ея мать, вдовствующая королева, не можетъ на него согласиться, будучи связана договоромъ съ габсбургскимъ домомъ, почему она и совѣтуетъ обратиться къ королевѣ-матери. Литовскіе послы согласились ѣхать въ Венгрію, куда и отправились князь Борисъ и Ганка; вмѣстѣ съ ними поѣхали нѣкоторые изъ краковскихъ вельможъ, для удостовѣренія вдовствующей королевы въ томъ, что польскій народъ дѣйствительно желаетъ этого брака.

Между тѣмъ венгерская королева, давно желавшая освободиться отъ обязательствъ, сдѣланныхъ ея мужемъ, по совѣту своего любимца и главы національной партіи въ Венгріи, Николая Гара, уже вела переговоры о бракосочетаніи королевы Маріи съ братомъ французскаго короля Карла VI. Теперь представлялся ей случай развязаться и съ другимъ предположеннымъ зятемъ, а потому она объявила польскимъ и литовскимъ посламъ, что согласна на все, что можетъ служить къ пользѣ религіи и благу государства, и, для большаго удостовѣренія въ этомъ, присоединила двухъ особыхъ пословъ, изъ Венгерцевъ, къ посольству литовско-польскому, которое за тѣмъ и поспѣшило въ Краковъ.

По возвращеніи его, былъ созванъ сеймъ, на который впрочемъ по большей части съѣхались только приверженцы союза съ Литвою, а потому малопольскіе вельможи, болѣе всѣхъ этого желавшіе, могли быть увѣрены въ побѣдѣ на сеймовыхъ преніяхъ; но гораздо труднѣе было имъ одолѣть сопротивленіе Ядвиги. Если она и не была влюблена въ Вильгельма, то дѣтская привязанность, святость соединявшаго ихъ обряда и наконецъ обязательство, данное ея отцомъ, сильно говорили противъ Ягелла, этого язычника, оклеветаннаго молвою. Но въ этомъ отношеніи патріотическому дѣлу сильное содѣйствіе оказало духовенство, представляя набожной королевѣ, какъ велика будетъ заслуга ея передъ Богомъ, если посредствомъ ея обратятся послѣдніе язычники, а также какъ важенъ для

блага народа союзъ, который избавитъ Польшу отъ литовскихъ набѣговъ и разореній. Эти представленія, за одно съ долгимъ непробытїемъ въ Краковъ Вильгельма, мало-по-малу поколебали Ядвигу, а между тѣмъ собрался сеймъ, и на немъ обнаружилось больше разномыслія, нежели, казалось, можно было ожидать. Была партія за Земовита; другая, именно состоявшая изъ придворныхъ, отстаивала права Вильгельма,—и обѣ онѣ твердили о малыхъ способностяхъ Ягелла, представляя, что ужъ лучше рѣшиться на бракъ съ Витовтомъ. Но приверженцы Ягелла не дѣлали ни малѣйшей уступки; они говорили, что Семко Мазовецкій бѣдѣнъ, и что вообще отъ Пастовъ добраго ожидать нечего, что лучший изъ нихъ, Владиславъ Опольскій, измѣнилъ народности; что союзъ съ Вильгельмомъ не представляетъ никакихъ выгодъ, потому что его владѣнія далеки; а тѣмъ, кто возражалъ, что Ягелло имѣетъ слишкомъ посредственныя способности, они отвѣчали, что именно въ этомъ и состоитъ его большое преимущество передъ Витовтомъ, и что только при королѣ, подобномъ ему, шляхта можетъ увеличить свои права и преимущества. Всѣ эти, особенно послѣднія соображенія были убѣдительны, и, послѣ нѣкоторыхъ споровъ, сторона Ягелла восторжествовала. Оставалось получить согласіе Ядвиги. Увлекаемая желаніемъ матери, внушеніями духовенства, мыслию спасти души цѣлыхъ милліоновъ людей и наконецъ побуждаемая приговоромъ воли народной, она согласилась отдать свою руку литовскому великому князю. Съ отвѣтомъ объ этомъ возвратились литовскіе послы вмѣстѣ съ польскими и посломъ королевы-матери. Ягелло былъ тогда въ Краковѣ, гдѣ и утвердилъ формальнымъ актомъ 14 августа 1385 года всѣ условія, выраженныя его посломъ передъ польскимъ сеймомъ.

Между тѣмъ въ Краковъ прибылъ наконецъ прежній женихъ Ядвиги, Вильгельмъ Габсбургскій.

Когда сватовство Ягелла сдѣлалось извѣстно въ Вѣнѣ, Леопольдъ, отецъ Вильгельма, поспѣшилъ самъ въ Буду. Онъ прибылъ туда вскорѣ по отъѣздѣ литовскихъ пословъ; это было въ іюль (1385). Положеніе королевы-матери было затруднительно; но она не усомнилась заключить новое условіе, которымъ подтверждала обѣщаніе о брачномъ союзѣ своей дочери съ габсбургскимъ принцемъ и притомъ не позже наступающаго августа. Сомнительно, чтобъ она придавала этому обязательству серьезное значеніе, но, узнавши о немъ, Ядвига

встревожилась, сомнѣнія ея возвратились, и она отправила за Вильгельмомъ преданнаго себѣ Гнѣвоша изъ *Далевичъ*. Въ Вѣнѣ, не понимая хорошенько польскихъ дѣлъ, приняли это посольство за выраженіе воли всего народа, и Вильгельмъ былъ немедленно снаряженъ въ путь. Но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Краковскій кастеллянтъ, знакомый намъ Добѣславъ, не впустилъ ни его свиты, ни его самого въ замокъ; такъ что онъ долженъ былъ расположиться въ предмѣстіи.

Австрійскому принцу въ это время было пятнадцать лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Современники придавали къ его имени эпитеты: *ambitny, segeonialny, dworski*, что заставляетъ предполагать въ немъ важный, степенный характеръ; любя спокойствіе и порядокъ, онъ былъ врагъ войны; не любилъ обычныхъ тогда бранныхъ словъ, которыя въ его присутствіи никто не смѣлъ произносить. Всегда неизмѣнно-спокойный, онъ и въ дѣлѣ сердечномъ хотѣлъ достигать цѣли не иначе какъ спокойными и «церемоніальными средствами». Впрочемъ, ища руки Ядвиги, онъ думалъ не столько о ней, сколько о польской коронѣ, на которую не приминулъ предъявить свои права и въ послѣдствіи, когда умерла Ядвига. Не взирая однакожь на это, онъ правился молодой Ядвигѣ своимъ стройнымъ, высокимъ станомъ, величавыми и изящными манерами, пріятною фізіономіей, и потому, не имѣя возможности видѣть его у себя въ замкѣ, она рѣшилась видѣться съ нимъ въ одномъ изъ краковскихъ монастырей... Это можетъ показаться страннымъ теперь, а особенно со стороны благочестивой Ядвиги; но надо вспомнить, что монастыри въ прежнее время были убѣжищемъ и какъ бы сборнымъ мѣстомъ, гдѣ тѣснились, куда собирались отовсюду люди разныхъ состояній, званій и половъ, пилигримы и путешественники, люди, привлекаемые туда надеждою найти отдохновеніе и пріютъ, укрыться отъ житейскихъ бурь или встрѣтиться съ знакомыми, услышать новости и даже позабавиться. Монастырь былъ богатый; всѣмъ было мѣсто и угощеніе; а если какой-нибудь суровый настоятель задумывалъ иногда ограничить слишкомъ большую свободу монастыря, онъ дѣлался врагомъ не только всей братіи, но и всего околотка. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что францисканскій краковскій монастырь былъ избранъ Ядвигою для свиданія съ своимъ нареченнымъ супругомъ. Она отправилась туда въ сопровожденіи своихъ при-

дворныхъ женщинъ, онъ—въ сопровожденіи рыцарей, составившихъ его свиту. Трубачи и флейтисты играли веселые марши во время слѣдованія къ мѣсту свиданія; придворные кавалеры и дамы готовились къ танцамъ и веселію, влюбленные—къ тихой сердечной бесѣдѣ. Монастырь тоже приготовился къ достойной встрѣчѣ своихъ почитателей; залы были украшены коврами; припасены были вина и конфеты. И вотъ, длинные корридоры огласились звономъ шпоръ и шорохомъ женскихъ платьевъ; загремѣла музыка, начались танцы, которые въ то время сопровождались припѣвами самихъ танцующихъ. Кавалеры были туго затянуты въ короткія полукафтанья (jaki) съ широкими длинными рукавами, въ высокихъ цвѣтныхъ чулкахъ, подвязанныхъ лентами и цвѣтныхъ же сапожкахъ съ загнутыми носками; завитые или съ косами, переплетенными лентою, съ золотыми цѣпами на шеѣ, съ маленькими кинжалами за поясомъ, съ бубенчиками на поясѣ, на сапожкахъ и на воротникѣ, они имѣли очень щеголеватый видъ, но, должно признаться, уступали какъ относительно наряда, такъ и въ развязности, женщинамъ, которыя были и болѣе смѣлы и болѣе свободны тогда чѣмъ теперь. Женскій нарядъ того времени состоялъ изъ золотаго вѣнчика или ленточнаго головнаго убора, концы котораго спускались до плечъ; на шею надѣвалось ожерелье или нитки жемчуга; платье разшивалось золотомъ и жемчугомъ; золотомъ же вышивались башмаки, перчатки и даже носовой платокъ, а пальцы украшались множествомъ перстней; яркій цвѣтъ лица считался принадлежностію красоты; блѣдность казалась свойствомъ бѣдности или низкаго происхожденія, и поэтому употребленіе румянъ было очень обыкновеннымъ дѣломъ, да и вообще средневѣковыя женщины употребляли много косметическихъ средствъ, и на туалетѣ щеголихи можно было насчитать нѣсколько сотъ флаконовъ, баночекъ и скляночекъ съ порошками, мазями, красками и притираніями.

Мы увѣрены, что всѣ дамы, сопровождавшія Ядвигу, были прекрасны, но увѣрены также, что всѣ уступали въ этомъ отношеніи молодой королевѣ. О красотѣ ея знала вся Европа; отсюду стекались рыцари, чтобы взглянуть на нее; и вотъ эта-то красавица жаждала отдать свое сердце Вильгельму Габсбургскому; съ своей стороны и она ему нравилась... Жаль, что мы не можемъ подслушать ихъ разговора, говорить Шайноха, тѣмъ болѣе что они разговаривали на нѣмецкомъ языкѣ,

неизвѣстномъ многимъ изъ присутствовавшихъ, и что слѣдовательно они свободно могли передавать другъ другу свои тайны, а это было время сердечныхъ тайнъ и вѣжныхъ разговоровъ! Въ порядкѣ вещей было, чтобы каждая замужняя женщина имѣла любовника, и мужа это очень хорошо знали. «Пока мой мужъ не будетъ просить за тебя и не скажетъ, чтобъ я тебя полюбила, не буду тебя слушать,» говорила самая строгая моралистка своему обожателю. За то счастливый любовникъ получалъ отъ своей красавицы какой-нибудь бантъ или ленточку, которые торжественно прищипливалъ у себя на груди. Конечно, не всѣ женщины того времени безъ изъятія выводили свои романы за предѣлы скромности, и Ядвига служить тому примѣромъ; но свобода нравовъ была совершенно въ понятіяхъ того времени: мы имѣемъ книжку о воспитаніи, писанную въ 1371 году, гдѣ, въ предупрежденіе молодыхъ дѣвицъ отъ грѣхопаденія, описываются всѣ извѣстныя грѣшницы Ветхаго и Новаго Завѣта, и при томъ въ такихъ соблазнительныхъ чертахъ, что въ нынѣшній вѣкъ самая свободная женщина не рѣшится читать подобныя вещи. Вотъ какимъ образомъ представлена тамъ оцѣнка разныхъ грѣховъ и грѣшковъ: «Когда одинъ рыцарь, овдовѣвъ въ третій разъ, и желая узнать объ участи своихъ покойныхъ женъ, спрашивалъ о томъ одного святаго пустынника, то получилъ въ отвѣтъ, что двѣ изъ нихъ въ аду, а одна въ раю. За что же именно? спросилъ рыцарь.—За то, что тѣ обѣлились и румянились; а эта хоть и виновна въ одномъ грѣхѣ, который здѣсь описать нельзя, падала десять или двѣнадцать разъ, и предавалась кромѣ того инымъ незначительнымъ искушеніямъ, но на смертномъ одрѣ она исповѣдалась, а потому наказана лишь нѣсколькими годами чистилища.»

При такихъ понятіяхъ, разумѣется, разговоры между женщинами и мужчинами были тривиальны; обыкновенными любезностями были пожатіе руки, объятія и толканіе ногами подъ столomъ... А между тѣмъ это было то самое время, которое прославлено романическою любовію короля Эдуарда III къ графинѣ Салисбери и поэтическими воздыханіями Петrarки!

За первымъ свиданіемъ Ядвиги съ своимъ женихомъ послѣдовало второе, потомъ третье; а любовь ея дѣлала быстрые успѣхи. Съ цѣлю уладить дѣло о своемъ бракѣ съ нимъ, она повела тайные переговоры съ Земовитомъ и купила его союзъ цѣною большихъ пожертвованій, при чемъ замѣчательно,

что договоръ между ними не скрѣпленъ ни однимъ изъ польскихъ сановниковъ. Вслѣдствіе этого договора, князь Мазовецкій сблизился съ орденомъ, который держалъ сторону Вильгельма. Но за то и партія Ягелла не дремала. Она успѣла привлечь на свою сторону Владислава Опольчика, который былъ свидѣтелемъ и поручителемъ гаймбургскаго условія (съ австрійскимъ дворомъ). Замѣчая дѣятельность между повѣренными Ядвига, союзники литовскаго князя послали къ нему звать его самого въ Краковъ, а сами удвоили наблюдніе за Ядвигой и ея возлюбленнымъ. Но бдительность ихъ едва не была обманута самымъ оригинальнымъ образомъ. Придворные, и во главѣ ихъ Гнѣвошъ, изъ *Далешиць*, который недавно ѣздилъ въ Вѣну, совѣтовали королевѣ ввести тайнымъ образомъ Вильгельма въ замокъ, продержатъ его тамъ нѣсколько дней и потомъ объявить государству и иностраннымъ дворамъ, что заключенное въ Гаймбургѣ брачное условіе вступило въ свою законную силу. Этотъ смѣлый планъ начался уже исполненіемъ. Вильгельмъ былъ благополучно введенъ въ замокъ и провелъ тамъ нѣсколько дней; но наканунѣ того, когда думали совершить брачный обрядъ въ домовою замковою церкви, краковскіе вельможи обо всемъ этомъ узнали, сдѣлали формальное нападеніе на королевскій замокъ и принудили австрійскаго принца спастись черезъ окно.

Случай этотъ указалъ партизанамъ Ягелла на необходимость еще болѣе усиленной бдительности и поспѣшнаго заключенія желаемаго ими брака. Они послали новыхъ гонцовъ въ Литву съ деклараціей, «что они, уполномоченные отъ польскаго народа, избираютъ и берутъ себѣ паномъ и королемъ Польши великаго князя Ягелла, которому даютъ, даруютъ и нарекаютъ наизнаменитѣйшую (*najprzejacniejszą*) Ядвигу, природную польскую королеву, для соединенія съ нимъ брачнымъ союзомъ». Посольство это встрѣтило Ягелла уже близъ польской границы. Но между тѣмъ Ядвига не хотѣла покориться требованію Поляковъ. Она рѣшилась еще разъ видѣться съ Вильгельмомъ, идти къ нему, въ занимаемый имъ на предмѣстьи домъ, съ тѣмъ чтобы показать всему свѣту, что однажды заключенный бракъ воспріялъ дѣйствительное значеніе. Съ небольшою свитой вышла она къ воротамъ замка, безпрепятственно прошла ихъ, но подойдя къ внѣшней оградѣ была остановлена стражею. Ядвига приказала отворить ворота. «Не велѣно», отвѣчали на ея приказаніе: «паны *радные* (члены со-

вѣта) не приказали.»—«Мнѣ запрещаютъ! воскликнула, вспыхнувъ, молодая королева: «дайте топоръ!» И схвативъ топоръ, дать ей который не было запрещено панами радными, она начала отбивать висячіе замки тяжелыхъ воротъ... Одинъ древній слуга ея отца и дѣда, коронный подскарбій, Дмитрій изъ *Горая*, успѣлъ однакожь удержать ее отъ этого слишкомъ энергическаго поступка, убѣдилъ ее возвратиться, и съ этой минуты она уже не видала Вильгельма, котораго дальнѣйшее пребываніе въ Краковѣ сдѣлалось небезопаснымъ. Онъ еще нѣсколько времени продолжалъ оставаться тамъ, скрываясь и переодѣваясь, но, получивъ предостереженіе отъ Ядвиги, которая умоляла его не подвергаться болѣе опасности, онъ рѣшился наконецъ уѣхать, тѣмъ болѣе что его соперникъ уже приближался къ Кракову. Такимъ образомъ и корона польская, и рука прекрасной Ядвиги были на вѣки потеряны для Вильгельма Габсбургскаго!

VII.

Кромѣ весьма естественной скорби о разлукѣ съ человѣкомъ, къ которому привязалось ея сердце, Ядвига еще терзалась мыслию, что расторженіе однажды заключеннаго брака будетъ съ ея стороны преступленіемъ. Можетъ-быть она и не ошибалась, но преданное литовскому союзу духовенство услужливо облегчало ея совѣсть. Оно внушало ей, что по постановленію папы Григорія IX брачные союзы, заключенные въ дѣтствѣ и изъ политическихъ видовъ, признавались дѣйствительными только тогда, когда супруги по достиженіи возраста отъ 12 до 14 лѣтъ, добровольно соглашались на бракъ, совершали вторичный обрядъ бракосочетанія и утверждали его самымъ дѣломъ. Притомъ духовенство представляло ей, какъ великую заслугу передъ церковью, если ея содѣйствіемъ обращенъ будетъ въ христіанство цѣлый народъ язычниковъ, надъ обращеніемъ котораго тщетно трудился полтора вѣка славный Тевтонскій орденъ. Глубоко набожная Ядвига чувствовала всю силу этихъ доводовъ, но ея приближенные успѣли внушить ей непобѣдимое отвращеніе къ Ягеллѣ, котораго они представляли ей чудовищемъ по наружности и по чувствамъ, убійцею своего дяди и благодѣтеля. Разумѣется, что находились люди, которые представляли ей жениха ея и въ совершенно иномъ видѣ. Ко-

лебясь между этими разнорѣчивыми извѣстіями, она отправилась на встрѣчу къ нему, подъ предлогомъ привѣтствія, Завишу изъ Олесницы, которому поручила лично удостовѣриться насчетъ Ягелло и разсѣять ея сомнѣнія. Завиша встрѣтилъ литовскаго князя не далеко отъ Сендомира, видѣлъ его, былъ даже съ нимъ въ банѣ, и изъ этого свѣдѣнія не вынесъ ничего кромѣ весьма лестныхъ для жениха Ядвиги понятій.

Новый «панъ королевства Польскаго» ѣхалъ съ большою свитой князей и вельможъ литовскихъ; по мѣрѣ приближенія его къ Кракову свита эта увеличивалась польскими панями, которые одинъ за другимъ спѣшили къ нему на встрѣчу. Привѣтствуя его, они однакожь не забывали и интересовъ страны: Ягелло общалъ, какъ мы знаемъ, возвратитъ Польшѣ отнятыя у нея владѣнія, соединитъ съ нею Литву неразрывнымъ образомъ, но для большаго удостовѣренія они настояли, чтобы князья Гедиминовичи, его родные и двоюродные братья, были выданы заложниками въ точномъ исполненіи этихъ обязательствъ. Между тѣмъ поѣздъ приблизился къ Кракову, и 12 февраля (1386) Ягелло вступилъ торжественно въ этотъ городъ, и представился своей невѣстѣ.

Обрядъ св. крещенія долженъ былъ предшествовать бракосочетанію; поэтому онъ былъ назначенъ въ самомъ безотлагательномъ времени, именно черезъ три дня по прибытіи Ягелло. 15 февраля, пять внуковъ Гедимины получили христіанскія имена: Ягелло названъ Владиславомъ, Вигундъ—Александромъ, Коригелло—Казиміромъ, Свидригайло—Болеславомъ, наконецъ Витовтъ, принимавшій уже христіанство дважды, одинъ разъ латинскаго, другой восточнаго исповѣданія, названъ Александромъ. На третій день послѣ этого въ кафедральномъ краковскомъ соборѣ провозглашено о недействительности брака Ядвиги съ Вильгедьмомъ Габсбургскимъ, и совершенъ обрядъ вѣнчанія ея съ Владиславомъ Литовскимъ. Вслѣдъ затѣмъ новый панъ королевства обнародовалъ манифестъ, которымъ опредѣлялось, что 1) всѣ достоинства и должности будутъ раздаваемы не иначе, какъ шляхтѣ той страны, гдѣ находится упразднившаяся должность или достоинство, и притомъ не иначе, какъ съ согласія мѣстной шляхты; 2) всѣ королевскіе замки и староства, большіе и малые, будутъ отдаваемы въ управленіе только польской шляхтѣ, рожденной въ королевствѣ; 3) издержки по службѣ внѣ предѣловъ Польши, относятся насчетъ короля, а за службу внутри

этихъ предѣловъ онъ обязывается вознаграждать только важнѣйшіе убытки, и выкупать плѣнныхъ; но плѣнные, взятые у непріятеля, принадлежать королю; 4) кромѣ военной службы, каждый кметъ земель шляхетскихъ или монастырскихъ обязанъ платить королю по два гроша съ лана земли; 5) королевскіе судьи уголовныхъ дѣлъ, и вообще королевскіе администраторы (orgawcy) навсегда уничтожаются.

Если сравнить эти привилегіи съ тѣми, которыя шляхта выговорила себѣ на кошицкомъ съѣздѣ, то мы замѣтимъ очень важныя и характеристическія различія. Лудовикъ обязывался раздавать извѣстныя должности, и притомъ только въ двадцати трехъ городахъ туземцамъ, безъ означенія сословій и безъ согласія земства; Владиславъ — однимъ шляхтичамъ, и притомъ съ согласія шляхты. Кошицкое условіе обязывало шляхту къ военной службѣ внутри польскихъ предѣловъ, безъ всякаго вознагражденія; теперь издержки не только заграничныхъ походовъ, но и внутренней службы, снимались съ шляхты. Тамъ опредѣлена была двухгрошовая подать со всѣхъ земель безразлично, тутъ только съ земель обрабатываемыхъ кметами шляхетскихъ и духовныхъ земель. Такимъ образомъ шляхта приобрѣтала огромнѣйшія права. Кромѣ того, и можетъ-быть важнѣе всего предшествующаго, было то, что актомъ, возводившимъ Ягелла на престоль, полагалось начало избирательной формѣ правленія. Въ этомъ актѣ предлагалась корона ему лично, о потомствѣ его не говорилось ни слова.

Вслѣдъ за объявленіемъ этого акта, именно 8 марта совершено коронованіе, а черезъ три дня послѣ того и бракосочетаніе Ягелла съ Ядвигой, сопровождавшіяся большими пирами и угощеніями. Въ день этого послѣдняго торжества, за столъ сѣло однѣхъ дѣвицъ пятьсотъ: можно поэтому вообразить, какъ велико было число всѣхъ приглашенныхъ. Во время стола пѣсенники пѣли, плясуны плясали, фокусники показывали фокусы, маски расхаживали по заламъ; послѣ обѣда были танцы, прерываемые турнирами и конскими скачками, и все это продолжалось нѣсколько дней. Между тѣмъ на пановъ, особенно на тѣхъ, которые способствовали соединенію Ягелла съ королевой польскою, сыпались милости. Въ то же время заключено нѣсколько браковъ между польскими и литовскими знатнѣйшими фамиліями: дочь Опольскаго князя Владислава выдана за брата Ягелла, Вигунда-Александра; сестра короля, Алексан-

дра, за Мазовецкаго князя Земовита, а одна изъ его племянницъ за Якуша, князя Рагибскаго.

Великая Польша принимала одинакожь во время этого восстания мало участія. Тамошняя шляхта не была доволана вступленіемъ на престолъ ни Ядвиги, ни Ягелла. Бартошъ, некогда приверженецъ Земовита, во время смутъ оставившій оубо его вѣрныя писемько королевскія заповѣди, тебѣрь, по призываніи Мазовецкаго князя съ короной, не сдавалъ ихъ; въ то же время судья познанскій Янъ изъ Венечии (*Wenecia*), прозванный *ослеплымъ дьяволомъ*, производилъ грабежи и безпорядки всякаго рода. Для усмиренія этого края Ягелло съ супругой своею и съ внушительнымъ ууженіемъ отрядомъ войска отправился въ Великую Польшу. Въ Гнѣзно уже обнаружилось ео противленіе. На основаніи стародавнихъ обычаевъ, король потребовалъ для своего стола приносы отъ окрестныхъ жителей, а какъ отъ исполненія этого началъ удаляться, то оубо, по совету своихъ приближенныхъ, приказалъ забрать емотъ силой. Тогда въ городъ нахлынули крестьяне умолять о возвращеніи забраннаго скота, а одинъ изъ тамошнихъ священниковъ—человѣкъ, не давно выпущенный изъ тюрьмы за кражу,—*наложилъ* на гнѣзенскіе костелы *запрещеніе*. Это случилось передъ наступленіемъ Пасхи, и произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Ягелло принужденъ былъ уступать: по ходатайству Ядвиги, скотъ былъ возвращенъ поселянамъ, и храмы отворились.

Въ Познани былъ открытъ король судъ, для прекращенія вражды между Наленчами и Гжималами, что ешу и удалось удовлетвореніемъ честолюбія главнѣйшихъ членовъ той и другой партіи: Домаратъ былъ оставленъ познанскимъ каштеляномъ, а Бартошъ—тамошнимъ воеводою. Успокоивъ и примиривъ эти два долго враждовавшіе лагеря, Ягелло могъ уже дѣйствовать съ большею свободой: Янъ изъ Венечии былъ удаленъ отъ должности судьи познанскаго, заключенъ въ тюрьму, и имѣнія его отписаны въ казну, а какъ *ослепный дьяволъ* былъ вообще ненавидимъ въ той сторонѣ, то строгость, обнаруженная въ отношеніи къ нему, произвела весьма благоприятное впечатлѣніе, и спокойствіе жало-по-малу водворилось.

Между тѣмъ въ Корчинѣ (въ Малой Польшѣ) собрался сеймъ; здѣсь король долженъ былъ въ первый разъ увидѣть всю свою шляхту, а собранная шляхта—въ первый разъ увидѣть своего

короля. Ягелло подтвердилъ здѣсь, уже въ качествѣ короля, права, данныя имъ до коронаціи, когда онъ назывался только «паномъ и опекуномъ короны польской.»

Но пока все это происходило, Нѣмецкій орденъ, весьма недовольный союзомъ Литвы съ Польшей, началъ вредить имъ. Горячовступаясь за оскорбленіе принца габсбургскаго, онъ разослалъ о томъ протесты ко всѣмъ дворамъ, внушая имъ въ то же время, что крещеніе Ягелла было только внѣшнимъ обрядомъ; не довольствуясь этимъ, орденъ вошелъ въ сношеніе съ Андреемъ Вингольтомъ и съ Святославомъ, княземъ смоленскимъ, которые вмѣстѣ съ ливонскими рыцарями, вторглись въ Литву и овладѣли Лукомлемъ и Полоцкомъ. Но на помощь изнемогавшей Литвы явились польскіе полки, прискакавъ Витовтъ, и Святославъ потерпѣлъ жестокое пораженіе, а Полоцкъ и Лукомль были возвращены. Этимъ впрочемъ не ограничилась вражда ордена; но и Ягелло съ своей стороны старался оградить себя, заключилъ союзъ съ Венгріей и снискалъ благоволеніе римскаго папы, воспользовавшись его неудовольствіемъ противъ епископа двора за сношенія его съ антипапою авиньонскимъ.

Краковскимъ договоромъ, заключеннымъ, какъ мы видѣли, при самомъ началѣ дѣла объ избраніи Ягелла, между прочимъ было условлено крещеніе Литвы и присоединеніе ея, вмѣстѣ съ завоеванными ею русскими землями, къ Польшѣ. Русскія земли эти были Бѣлоруссія, Волынь и часть нынѣшней Подоліи; югозападную часть бывшаго Галицкаго княжества, какъ сказано выше, Лудовикъ прирѣзалъ къ Венгріи. Польскіе политики не теряли изъ виду присоединить къ Польшѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, эту страну. Но это надо было пока отложить всторону, потому что всеобщее вниманіе было обращено на крещеніе литовскаго народа.

Чтобы совершить это святое дѣло съ полною свободой, Ягелло открылъ переговоры съ орденомъ, и по первымъ осеннимъ морозамъ (1386) выѣхалъ съ многочисленною свитой въ свою наследственную отчину. Его сопровождалъ архіепископъ гнѣзненскій и большое число ксендзовъ, а особенно францисканскихъ монаховъ. Въ концѣ октября король прибылъ въ Луцкъ, а оттуда, въ половинѣ ноября, направился на

сѣверъ, къ Нѣману. Наступила уже зима. Литва малолюдная, лѣсистая и болотистая, имѣла въ это время еще болѣе печальный видъ нежели обыкновенно; великолѣпный повѣздъ королевскій слѣдовалъ по замерзшимъ болотамъ, обнаженными лѣсами, безъ дорогъ, держа направленіе по звѣздамъ. Но эти лѣса, эти холмы, эти равнины весьма часто носили священный характеръ, будучи посвящены божествамъ литовскимъ или служа для нихъ любимымъ мѣстопребываніемъ... Все это должны были уничтожить и измѣнить крестъ и кропило латинскаго духовенства.

Литовцы въ это время отдыхали послѣ продолжительныхъ осеннихъ пиршествъ, которыя предписывались ихъ религіей, и прибытіе католическихъ миссіонеровъ не пробудило въ нихъ, какъ можно бы ожидать, непріязненнаго чувства; напротивъ, пышность королевскаго повѣзда привлекала толпы людей, провожавшихъ его съ дѣтскимъ любопытствомъ. Притомъ, по примѣру перваго проповѣдника въ западно-славянскихъ земляхъ, Св. Оттона, и его послѣдователей, приносившихъ вмѣстѣ съ проповѣдью запасъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, суконъ, головныхъ уборовъ и т. ц., вслѣдъ за королемъ двигался обозъ съ различными подарками и особенно сукнами, что было и здѣсь не малою приманкой. Притомъ въ Литвѣ существовало преданіе, пророчившее паденіе язычества именно около времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Когда въ Вильнѣ строилось капище, строитель его, какой-то князь, спрашивалъ славное въ Жмуди прорицалище: долго ли простоятъ оно? и получилъ отвѣтъ, что оно простоятъ столько же времени, сколько и самое язычество; вмѣстѣ съ тѣмъ князь получилъ извѣстное чело кирпичей съ мистическими на нихъ знаками, съ тѣмъ чтобъ изъ нихъ по одному ежегодно вкладывать въ стѣну. Въ теченіе ста двадцати одного года это строго соблюдалось, и въ настоящемъ году слѣдовало положить послѣдній кирпичъ, на которомъ притомъ было изображено два креста.

Въ началѣ 1387 года Ягелло прибылъ въ Вильно. Городъ этотъ представлялъ рѣзкую противоположность съ остальною страной, особенно та часть его, которая называлась княжескимъ Вильномъ, и была прекрасно застроена и защищена двумя замками,—однимъ на вершинѣ Турьей горы, и другимъ у ея подошвы. Здѣсь же находились княжескія палаты, башня, съ которой жрецы говорили народу, колоссальная статуя Перкуна, а на такъ-называемомъ лугу Святогора горѣлъ неугаса-

ващій огонь Янчича, — величайшая святость литовской религии. На берегу Вилии зеленѣла свидѣнная роща, а на противоположной сторонѣ, на Антоколяхъ (одно изъ предвѣснѣйшихъ мѣстъ Вильны), возвышалась каменная, посреди котораго находились каты Литовцевъ. Это была каменная часть города. На другой сторонѣ рѣки безъ всякаго порядка были разбросаны на огромномъ пространствѣ бѣдные хижины посреди садовъ, луговъ и огородовъ — жилища Русскихъ, Нѣмцевъ, Татаръ и Евреевъ, изъ которыхъ какъ первые, такъ и вторые шли по церкви и по монастырю; тамъ же находился и обширный дворъ, въ которомъ велась дѣятельная торговля, бывшая главнымъ образомъ въ рукахъ Литвиандцевъ и Прусаконъ.

Приступая къ обращенію своего народа, говоритъ Шайноха, Ягелло дѣйствовалъ по неукротимому убѣжденію; принявъ святое крещеніе, онъ сдѣлался весьма набоженъ; частица св. креста, некогда покинутая изъ Польши во время одного изъ нашествій литовскихъ, стала предметомъ его усерднаго поклоненія; передъ рѣшениемъ на какое-нибудь важное дѣло, онъ не рѣдко совершалъ принятые путешествія съ благочестивою цѣлью; во время сраженій молился на колѣняхъ, и куда бы ни шалъ, бралъ съ собою походную церковь. Поэтому онъ горяче принялся за дѣло. Въ концѣ поста былъ имъ собранъ советъ изъ первѣйшихъ польскихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и изъ литовскихъ князей, на которомъ были утверждены начала и основанія обращенія Литвы. Положено было вѣрствовать не только однимъ язычникамъ, но и тѣмъ схизматикамъ, которые держались такъ-называемой ереси Маннеленза. Эта ересь была сильно распространена въ Литвѣ, проникла туда изъ Боснии и поддерживалась бѣглыми русскими священниками, такъ что, говоритъ Шайноха, мудрено опредѣлить, что въ этой ереси преобладало: язычество или христіанство. Впрочемъ истреблять ее было предположено только между собственно литовскимъ народонаселеніемъ, не трогая русскихъ подданныхъ литовскаго государя. Постановленіе по этому предмету было выражено слѣдующимъ образомъ: «...мы постановили: всѣхъ природныхъ жителей Литвы обоого пола, всѣхъ состояній, званій и степеней, которые живутъ въ нашихъ литовскихъ и русскихъ областяхъ, склонить и привлечь къ католической вѣрѣ и повиновенію святой римской церкви, къ какому бы кто исповѣданію предъ симъ ни принадлежалъ.»

Для «привлечения же и склонения» Литварцевъ было принято самое действительнымъ средствомъ — возвращеніе къ мирскимъ выгодамъ. Объявлено было, 1) что всѣ привившіе сея привиліи получаютъ полное право владѣть недвижимою собственностью, на правахъ коронной (польской) шляхты; 2) что она будетъ получать скорый и правый судъ; 3) что имъ предоставляется свобода выдать за себя хотѣть ересь дочерей, племянницъ и родственницъ, чего въ прежнія времена литовскіе князья и бояре не могли дѣлать безъ согласія великаго князя; жекъ католичекъ дозволялось, по смерти мужа, владѣть его имѣніемъ, которое, въ случаѣ вторичнаго ея брака, должно переходить къ дѣтямъ покойнаго; 4) всѣ бояре (bojarcowie) удаляются отъ всякихъ работъ, кромѣ постройки королевскихъ замковъ; ¹ 5) отступникъ римско-католической вѣры торгуетъ всѣ вышеизложенныя права.

Совокупно съ мѣрами предъизвѣщенія были приняты и мѣры принудительныя. Черезъ два дня послѣ акта, одобренія котораго сейчасъ помолано, объявлено было, что тотъ, кто осмѣлится сопротивляться велико-княжескому повелѣнію, будетъ подвергаться тѣлесному наказанію, которое въ дошедшемъ и прилагалось, и при томъ съ такою щедростію, что иногда обращалось въ смертную казнь. Запрещалось новообращеннымъ вступать въ браки съ ересьниками, а еслибы это случилось, то мужъ или жена, зараженные ересью, имѣли быть обращены, хотя бы и посредствомъ насилія, на истинный путь, ибо — сказано въ актѣ: «если до сего времени злые имѣли возможность принуждать добрыхъ во зло, то тѣмъ болѣе теперь добрые должны имѣть возможность и должны являть злыхъ къ добру.»

Отъ слова ясно направлены, говоритъ Шайноха, противъ греховодочныхъ проповѣдниковъ, изъ чего должно заключить, что между ними и католическими существовало въ Литвѣ издавна соперничество; въ прежнія времена преобладаніе было на сторонѣ первыхъ, — теперь наступало время торжества вторыхъ. Францисканскіе монахи были здѣсь уже изстари, а потому одинъ изъ нихъ, Андрей Васило (Wasilo) былъ возведенъ въ санъ виленскаго архіепископа. Какъ виленскій капитулъ, такъ и четыре устроенные при немъ прихода были щедро ода-

¹ Равенство передъ волей великаго князя было такъ велико въ прежней Литвѣ, говоритъ Шайноха, что относительно исполненія личныя повинностей не было различія между боярами и простолюдинами.

рены Ягелломъ. Наконецъ приступлено было къ фактическому истребленію язычества и его святилищ: ближайшіе къ Вильнѣ жители были потребованы въ назначенный день, и въ ихъ присутствіи, при глубокомъ, но безмолвномъ ихъ ужасѣ, залитъ былъ священный огонь Жнича, срублены священные дубы, истреблены обожаемые ужи и ящерицы.... и какъ гнѣвъ боговъ не обнаружился никакимъ грознымъ явленіемъ, какъ «боги безмолвствовали», то бѣдные Литовцы усомнились въ ихъ силѣ и объявили готовность креститься. Тогда католическое духовенство занялось преподаваніемъ имъ догматовъ христіанства, въ чемъ помогала ему и самъ новообращенный король. Разумѣется, некогда было много съ ними распространяться; адепты были скоро признаны достаточно проникнутыми благодатію, и обрядъ крещенія надъ ними былъ совершенъ, причемъ каждому новообращенному было выдано по новой бѣлой суконной одеждѣ; а такъ какъ вѣсть объ этомъ не замедлила распространиться по всей странѣ, то скоро нахлынули въ Вильню толпы охотниковъ креститься. Духовенству уже не доставало времени заниматься съ каждымъ изъ нихъ особо, а потому ихъ крестили массами, отдѣляя только мужчинъ отъ женщинъ; окрещенные сегодня получали имя Ивановъ, завтра Петровъ и т. д. Ревность къ обращенію была такъ велика, что многіе приходили по нѣскольکو разъ, и черезъ нѣскольکو времени приготовленныхъ одеждъ оказалось уже недостаточно.

Почти то же самое повторилось по всему пространству Литвы, которую неутомимый Ягелло извѣздилъ по всѣмъ направлениямъ. Когда такимъ образомъ дѣло обращенія Литвы было совершено; Ягелло поспѣшилъ увѣдомить о томъ свѣтѣйшаго папу, а самъ сталъ собираться въ обратный путь, наименовавъ великимъ княземъ своей отчины брата своего Скригеллу, а себя предоставивъ званіе верховнаго князя (*książe państwyszy*).

Не болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ передъ почти тѣльною Ядвигаго были заперты врата враковскаго замка, а многое измѣнилось и вокругъ нея, и въ ней самой. «Увяли цвѣты молодости, веселость и жажда удовольствій»; мѣсто ихъ заняло постоянное религиозное настроеніе, хотя ей было только шестнадцать лѣтъ. Насильственный бракъ съ Ягелломъ, насильственная разлука съ Вильгельмомъ и наконецъ несчастія, постигшія ея мать, которая вслѣдствіе переворо-

товъ въ Венгріи подверглась заключенію, а потомъ и смерти, преждевременно состарил Ядвигу и сосредоточила ея душу.

Но эти же самыя смуты, которыя происходили въ Венгріи и которыя горько оплакивала Ядвига, радовали польскихъ патриотовъ, видѣвшихъ въ нихъ благоприятный случай возвратить Червонную Русь, несправедливо присвоенную Лудовикомъ. Возвращеніе этой страны подъ скипетръ польскій, говорить Шайноха, было согласно съ желаніемъ самихъ Галичанъ, и генеральный ихъ староста, Эмерикъ Бубекъ, Венгерецъ, имѣвшій родственныя связи въ Малой Польшѣ, былъ вѣрнымъ органомъ ихъ воли. Поэтому въ то время, какъ Ягелло крестилъ Литву, королева вступила въ предѣлы Червонной Руси, и безъ всякаго сопротивленія заняла Львовъ. Оттуда она, какъ законная обладательница всей страны, разослала манифестъ, объявлявшій даруемая жителямъ льготы. Въ Львовѣ, напри- мѣръ, процвѣтавшемъ торговлею, были отмѣнены всѣ пошлины и налоги, установленныя венгерскимъ правительствомъ, возвращены всѣ городскія земли, отобранныя управлявшимъ страню Владиславомъ Опольчикомъ, и приняты мѣры, чтобы купцы, производившіе транзитную торговлю, не могли миновать городъ. Во всей странѣ одинъ только Галичъ оказалъ было сопротивленіе, но и онъ скоро отворилъ ворота прибывшему между тѣмъ Ягеллоу.

Такимъ образомъ совершилось мирное присоединеніе Червонной Руси; но это было только началомъ присоединеній. Подолія, «эта прекраснѣйшая страна Европы», была тогда совершенною пустыней. Посреди обнаженныхъ полей стояли одинокіе замки: Каменецъ, Брацлавъ и др., находившіеся въ рукахъ литовскихъ князей Коріатовичей, подверженныя безпре- станнымъ набѣгамъ Татаръ. Эта плодоносная пустыня тре- бояла прежде всего заселенія и болѣе дѣйствительной обороны отъ Татаръ, и потому, говорить Шайноха, охотно приняла По- ляковъ, которые могли скорѣе доставить ей защиту нежели Литовцы. Ягелло отдалъ ее нѣсколькимъ малопольскимъ вельмо- жамъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ соединенію его съ Ядви- гой, и множество народа стало переселяться изъ Мазовіи и Волини, какъ туда, такъ и въ Червонную Русь, надъ кото- рыми общее управленіе было поручено зятю бывшаго гене- рального старосты Бубека, Яську изъ *Тарнова*.

Занятіе Червонной Руси Польшею произвело было нѣкоторыя

подразумѣнія между Идэной и ея сестрою, Маріей, утвердившееся между тѣмъ на венгерскомъ престолѣ; но оне не имѣло серьезныхъ послѣдствій. Эти приобретения сопровождались гораздо болѣе серьезными послѣдствіями для знаменитаго сына Кёбютутова, Витовта.

Витовтъ возвратился изъ Пруссіи за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и получалъ въ удѣлъ Гродненское княжество, съ тѣмъ чтобъ отказаться отъ всякихъ притязаній на наследственную свою отчину, Троки; Ягелло же съ своей стороны обещалъ дать ему современнѣе Либартевъ удѣлъ, Вольшь. Это обещаніе однакожь не только не было исполнено, а въ Лудкій замокъ, гдѣ было дозволено Витовту жить, присланъ былъ польскій канцелярь. Витовтъ жаловался на это, но возбудилъ только неудовольствіе противъ себя и даже подозрѣніе Ягелла, который приказалъ бдительно наблюдать за нимъ и стѣсняялъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Жалуясь на это, Витовтъ писалъ: «Даже дитя мое, мою дочь, не позволили мнѣ выдать за кого я хотѣлъ, изъ опасенія, чтобъ я черезъ этотъ бракъ не приобрѣлъ друзей и союзниковъ... Однимъ словомъ, заключалъ онъ, я былъ совершенный невольникъ Ягелла, а братъ его, Скригелло, владѣтель моихъ наследственныхъ Трокъ, покушался на мою жизнь.»

Первая половина этой жалобы отнеслась къ тому сопротивленію, которое встрѣтилъ Витовтъ желанію своему выдать за великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича, свою дочь, Софію; и это было для него тѣмъ чувствительнѣе, что онъ имѣлъ, говорить Шайноха, возвышенный умъ и благородную душу, полную довѣрія и дружбы, былъ впечатлительнѣе какъ женщина; вообще въ немъ было много женскаго: онъ былъ малъ ростомъ, нѣжнаго сложенія и не имѣлъ волосъ на подбородкѣ; «этотъ великій человекъ, мудрый, полный творческихъ силъ и предусмотрительности», принужденъ былъ какъ рабъ исполнять волю такого обыкновеннаго человека какъ Ягелло. Онъ долженъ былъ кромѣ того подчиняться грубому, пьяному, жестокому Скригеллу, который умѣлъ снискать неограниченное довѣріе своего брата. Поддерживаемый народонаселеніемъ восточнаго исповѣданія, своими единовѣрцами, онъ мало радѣлъ о благосостояніи собственно Литовцевъ. Все это глубоко чувствовалъ этотъ «литовскій Локѣтекъ», оскорбляемый и какъ человекъ, и какъ патріотъ, и наконецъ какъ отецъ семейства,

который видѣлъ, что маленькое его Гродненское княжество не обезпечивалъ его дѣтей. Онъ, волею небожеца, въ тайнѣ парегелору съ Нѣмецкимъ орденомъ, и покажъ только случая сброситъ съ себя тяжкую зависимость ¹. Этотъ случай предсказался. Спригалло былъ къ оспутствію въ Полоцкѣ; въ Вильнѣ оставался его братъ Кербута, у котораго Витовтъ выпросилъ позволеніе отпраздновать такой-то семейный праздникъ въ вилненскомъ замкѣ. Подъ этимъ предлогомъ надѣялся онъ ввести туда достаточное количество вооруженныхъ людей и съ помощію ихъ овладѣть замкомъ, а ведая за тѣмъ и городомъ. Этой послѣдней цѣли онъ надѣялся достигнуть, разчитывая на многочисленность предавшихся ему вилненскихъ жителей; но расчетъ его оказался невѣрнымъ; Вилненцы были довольны соединеніемъ Литвы съ Польшею, и отказавшись содѣйствовать Витовту, а одинъ нѣмецкій рыцарь, провадая о его замыслахъ, извѣстилъ о нихъ Корбута, который устоялъ принять свои мѣры.

Послѣ этого положенію Витовта стало еще хуже, и ему не оставалось ничего болѣе, какъ кинуться въ объятія прусскаго ордена, которому онъ принужденъ былъ отдать, въ видѣ ручательства за искренность своего союза, двухъ родныхъ братьевъ, сестру, жену съ дѣтьми и болѣе ста бояръ своихъ: такъ недовѣрчивы были въ отношеніи къ нему рыцари со времени его измѣны ордену, предшествовавшей примиренію его съ Ягелломъ. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, орденъ обзавая покорить для Витовта всю Литву, но съ тѣмъ однако, что онъ будетъ владѣть ею какъ вассалъ ордена. Съ своей стороны Жмудъ пожелала соединиться съ нимъ и поддержать его, подъ условіемъ, чтобъ ее оставили въ дѣлѣствѣ. Обдѣлавъ все это тайнѣ, Витовтъ съ нѣмецкими дружинами раннею вес-

¹ Въ отношеніи къ Витовту, какъ и къ Ягеллу, едва ли справедливъ нашъ авторъ. Нельзя конечно отрицать ума, способностей и геройскаго духа въ сынѣ Кейстута, несправедливо было бы также слишкомъ строго судить его, прилагая къ его дѣйствіямъ масштабъ вышшихъ понятій; но предполагать «благородную душу, полную довѣрія и дружбы» въ челоуѣкѣ, который столько разъ измѣнялъ, что ему безъ заложниковъ уже не вѣрили, какъ мы ниже увидимъ, который мѣняетъ союзниковъ какъ одежду, и котораго, что бы ни говорилъ Шайноха, мудрено не заподозрить въ намѣреніи измѣнить послѣ другихъ и Ягеллу, — предпологать, говорю, довѣрчивую и готовую къ дружбѣ душу въ такомъ челоуѣкѣ, кажется, очень мудрено.

ной 1390 года, вторгся въ Литву; но счастье ему не благоприятствовало, Ягелло вездѣ одолевалъ его, и занялъ принадлежавшій ему Брестъ и самое Гродно. Впрочемъ это было только началомъ войны; лѣтомъ она разгорѣлась, прусскіе и ливонскіе рыцари сильно потѣснили Скригелла, и осадили виленскіе замки, изъ которыхъ одинъ былъ взятъ, а одинъ удержался, благодаря мужеству Поляна-каштеляна и польскаго же гарнизона.

Между тѣмъ умеръ великій магистръ Цольнеръ, и его мѣсто занялъ Конрадъ Валленродъ, который съ наступленіемъ 1391 года самымъ энергическимъ образомъ принялъ сторону Витовта. Изъ всѣхъ странъ Европы подъ его знамена стеклись именитые рыцари; на «почетный столъ», которымъ онъ угощалъ своихъ гостей близъ Ковно, издержано до полумилліона гривенъ; походъ открылся, и до 70.000 воиновъ вторглось въ предѣлы Литвы. Эта несчастная страна, раззоренная прошлогоднею войною, не успѣла обрѣсти полей, и въ ней открылся повсемѣстный голодъ. Ягелло въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ очень благо разумно; онъ отправилъ въ Литву цѣлыя транспорты пищи и одежды; не любимаго въ Вильнѣ Скригелла перевелъ въ Кіевъ, и посадилъ на его мѣсто Александра-Вигунта, единственнаго способнаго человека между своими братьями; оборона же собственно виленскаго замка была поручена Малополянину, Яську изъ Олесницы. Этотъ чужеземецъ прибѣгъ къ мѣрѣ жестокой, но которая однакожъ остановила непріятеля: онъ опустошилъ всю страну около Вильно и Трокъ. Рыцари, не находя средствъ для прокормленія какъ себя такъ и коней своихъ, принуждены были отступить, но за то Витовтъ овладѣлъ нѣсколькими литовскими городами и замками; онъ ожидалъ помощи отъ своего зятя, Василія Дмитріевича, а между тѣмъ умеръ Вигунтъ, на котораго возлагались большія надежды, и умеръ, какъ полагали отъ яда. Ягелло открылъ тогда переговоры съ своимъ двоюроднымъ братомъ, обѣщая возвратитъ ему не только наследственный удѣлъ, но и сдѣлать его великимъ княземъ Литвы. Витовтъ примирился на этихъ условіяхъ, но это соглашеніе было содержимо до времени втайнѣ, чтобы дать возможность Витовту выручить мало-по-малу своихъ аманатовъ и тѣмъ вѣрнѣе обмануть рыцарей. Въ самомъ дѣлѣ Витовту удалось захватить вскорѣ послѣ этого одинъ изъ замковъ, который онъ до основанія сжегъ, а гарнизонъ его и прочихъ обитателей взялъ въ плѣнъ;

другіе замки и города, бывшіе во власти ордена, были взяты открытою силой, и въ короткое время Витовтъ очистилъ все Польсье, вступилъ въ Вильно, гдѣ польскій комендантъ встрѣтилъ его съ почестями, а потомъ отправился на встрѣчу къ Ягеллу, который, вмѣстѣ съ супругой, находился въ предѣлахъ литовскихъ. Здѣсь, въ городѣ Островѣ, оба брата встрѣтились и протянули другъ другу руку; пріѣхалъ и Скригелло. Витовтъ отказался отъ своихъ правъ на нѣкоторую часть Волыни, обѣщанной ему послѣ смерти Любарта, которая была присоединена къ удѣлу Скригелла; за то онъ былъ сдѣланъ наследственнымъ княземъ Троицкимъ и намѣстникомъ короля въ Литвѣ, съ титуломъ великаго князя. Примиреніе это произошло при дѣятельномъ посредничествѣ Ядвиги, къ которому и на будущее время, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, постановлено было обращаться. Витовтъ признавалъ ее верховною покровительницей, чести и славы которой обѣщался содѣйствовать; обаявался находиться въ постоянномъ союзѣ съ Польшей и жить въ единодушій съ Скригелломъ, и поддерживать его противъ всѣхъ его враговъ, развѣ только еслибъ онъ возсталъ противъ Польши. Изъ Острова оба примирившіеся двора отправились въ Вильно, гдѣ епископъ Андрей короновалъ Витовта и съ той поры до самой смерти новаго великаго князя онъ жилъ въ величайшемъ согласіи съ своимъ двоюроднымъ братомъ.

Такимъ образомъ пострадали только интересы нѣмецкихъ рыцарей. Не оставляя еще своихъ притязаній на Литву, они дѣлали въ нее нѣсколько вторженій, но убѣдивъ въ невозможности утвердиться въ ней, заключили съ Витовтомъ въ 1398 году вѣчный миръ, который послѣ долгаго періода тревогъ и страданій возвратилъ Литвѣ возможность обратиться къ развитію внутренняго своего благосостоянія. Не имѣя прямыхъ наследниковъ, великій князь сдѣлался и былъ до самой своей смерти отцомъ Литовцевъ.

Умиротвореніемъ Литвы, связанной политически съ Польшей, и присоединеніемъ Червонной Руси, Ягелло исполнилъ часть обязательствъ, данныхъ при своемъ избраніи; оставалось еще присоединить тѣ обширныя земли, которыми владѣлъ Владиславъ Опольскій, отчасти по милости короля Лудовика.

Въ первыхъ числахъ июля 1302 года, въ то самое время, когда Ягелла съ Ядвигаюй явилъ для свиданія и окончательнаго примиренія съ Витязомъ, прекращавшаго черезъ Польшу границу и проселками, съ нѣю на сѣверъ, какой-то купецъ. Прибывъ въ Мариенбургъ, онъ сбросилъ съ себя дорожную одежду и тогда оказалъ, что это бѣгъ на нѣю иной, назъ Владиславъ, свѣдѣйщій князь Опольскій, Велюжскій, Добжинскій и Куявскій. Очевидно, важными причины побудили его къ подобнаго рода нелепости: действительно онъ прибылъ туда для свиданія съ великимъ магистромъ не для серьезнаго. Блаженной памяти Лудовикъ Венгерскій выманилъ у него Червоною Русь, выдано которой далъ ему землю Добжинскую; поэтому, объясняя онъ магистру, земля эта не могла принадлежать королю польскому, и если отъ кого-нибудь должна зависѣть, то единственно отъ новаго короля венгерскаго или его супруги, Марии, наследницы дарителя. Магистръ одобрятельно слушалъ его, но оба собесѣдника опять хероше знали, что Лудовикъ, отдавая Добжинскую землю Опольчику, обязалъ его присягою въ вѣрности королю польскому и корою. Не считая нужнымъ показывать магистру актъ, въ которомъ значилось, что король венгерскій Сигизмундъ дозволяетъ ему подарить, продать или заложить Добжинское княжество, но усмотрѣнню его, а особенно славнаму ордену Пречистой Дѣвы Марии. Валленродъ нашель, что ничто не пренятствуеъ ордену принять предлагаемое, и что ему не безвыгодно будетъ выдать, подъ залогъ Добжинской земли, 30.000 венгерскихъ злотыхъ.

Послѣ этой сделки новые союзники перешли къ другимъ соображеніямъ и начали обдумывать средства лишить престола Ягелла, а Польшу разобратъ между собою. Опольчикъ сказалъ: «Мой панъ, король Сигизмундъ, маркиграфъ моравскій и князь Горлицкій, Вильгельмъ Габсбургскій и я, мы положили между собою вторгнуться въ Польшу; въ этомъ намъ поможетъ и король римскій.» Когда же Валленродъ сказалъ, что не знаетъ какъ отвѣчать на это предложеніе, Владиславъ возразилъ: «Действительно, подумайте прежде херошеньше; тѣмъ болѣе, что вы не знаете еще въ чемъ дѣло. Мы рѣшили между собою, чтобы не было ни короля, ни королевства Польскаго; но чтобы земля отъ Калиша на сѣверъ со всею Мазовіей отошла къ Пруссіи; земли на югъ отъ Калиша: Сендоміръ, Кра-

востъ и Чарошная Русь были присоединены къ Венгрии, а земли на западъ отъ Варшавы къ римскому королю и князю горлицкому.» Обдумавъ это предложеніе, магистръ сказалъ, что хотя между орденомъ и Польшею существуетъ вѣчный миръ, но что если святой отецъ и римскій императоръ поднимутъ противъ нея оружіе, тогда, конечно, ему, ордену, земля будетъ не погосподать нѣтъ, лишь бы она была о томъ заблаговременно уведомлена.

Разговоръ Владислава съ магистромъ остался до времени тайной, но добжинскіе жители получили приказаніе присягнуть на вѣрность ордену. Государи ихъ, Великопольше, считая эту присягу доказательствомъ полного отчужденія Добжинскаго княжества, протестовали. Что касалось короля, то онъ потребовалъ, чтобъ Опельчинъ уважилъ свое условіе съ великимъ магистромъ, обнадѣживая его, что поминутное владѣніе Добжинскою областію будетъ охранено за нимъ. Но царь накъ Владиславъ на это не согласился, а Ягелло желалъ избѣжать войны; то онъ одѣлалъ уступку и потребовалъ отъ Опельчина только, чтобъ онъ присягнулъ въ вѣрности, хотя бы и не возвращая заложной области. Владиславъ отказалъ и въ этомъ, и объявилъ, что присяги не дастъ, а Добжинская земля, какъ его полная собственность, перейдетъ послѣ его смерти къ родственникамъ его, силезскимъ князямъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ приказалъ проводить границу между своими и коронными землями. Не оставалось, слѣдовательно, другаго средства кромѣ войны; она открылась. Военныя дѣйствія не отличались, впрочемъ, особою живостію; за то тѣмъ дѣятельнѣе велись обѣими враждующими сторонами переговоры и война дипломатическая. Ягеллу удалось склонить на свою сторону дворянъ, помощію которыхъ хвалился передъ магистромъ Опельчинъ, а этотъ послѣдній, напротивъ, лишился содѣйствія даже и ордена, глава котораго, Валленродъ, умеръ, уступивъ мѣсто миролюбивому Конраду Юнгингену. Тогда Ягелло сдѣлалъ сильный напоръ на своего противника, занявъ большую часть его польскихъ земель, которымъ даровалъ полное всепрощеніе, перенесъ оружіе въ его наследственные силезскія земли и осадилъ главную его резиденцію Опелье.

Владиславъ и его два брата оказали было сопротивленіе; но скоро эти послѣдніе принуждены были просить мира, который и былъ имъ дарованъ, съ тѣмъ чтобъ они обязались не поддерживать своего брата, а дабы раздвоить ихъ интересы, имъ была

родана большая часть его ополескихъ земель. Ополчику не оставалось другой надежды, какъ на магистра; но Юнигенъ не былъ расположенъ сообразиться съ польскимъ королемъ, а напротивъ, искалъ съ нимъ сближенія. Между ними даже назначенъ былъ съездъ, и если Ягелло не участвовалъ въ немъ, то это потому, что польскіе вельможи, боясь его вспыльчиваго нрава, уговорили его послать вмѣсто себя Ядвигу. Казалось, что это ручалось за успѣхъ переговоровъ; но рыцари оказались менѣе уступчивыми, нежели въ Польшѣ надвѣялись; магистръ никакъ не соглашался признать недѣйствительность заключеннаго съ Ополчикомъ условія, а обѣщалъ только наполнить ему о скорѣйшемъ выкупѣ заложенныхъ земель. По счастью, однакожъ, скоро затѣмъ послѣдовавшая смерть Владислава положила конецъ несогласію: орденъ отказался отъ правъ своихъ на Добжинскую землю, съ тѣмъ чтобы Польша выплатила ему занятые 50.000 злотыхъ.

Но казна не имѣла средствъ для уплаты такой суммы. Поэтому Ягелло разрѣшилъ собраться частнымъ сеймикамъ, на которыхъ былъ предложенъ экстраординарный налогъ и единодушно принять; затѣмъ послѣдовалъ общій съездъ, постановившій собрать по 12 грошей съ лана земли. Это былъ очень замѣчательный съездъ, на которомъ въ первый разъ, кромѣ пановъ и духовенства, появляются мысли отъ земства, первый съездъ, заслуживающій названіе сейма.

VIII.

Съ тѣхъ поръ какъ Ядвига, во имя самыхъ возвышенныхъ побужденій, заставляла молчать свое молодое сердце, мы ее видѣли только въ политической сферѣ дѣйствія, но всегда и вездѣ проливающею на дѣло насидія и вражды свое кроткое, благотворное вліяніе, примирающею своего мужа съ Витовтомъ, прелекающею Червонную Русь къ коронѣ, старающеюся утвердить согласіе между Польшей и Орденомъ. Но въ то время какъ вся Польша видѣла ее въ сіяніи величія и власти, и притомъ достойную величія и власти, а еще болѣе достойною счастья, Ядвига тяжко страдала и проливала горькія слезы. Выше было уже сказано нѣсколько словъ о смерти ея матери и смутахъ, бывшихъ въ Венгріи; мы и не будемъ распространяться о нихъ, но скажемъ только, что сердце Ядвиги не

даромъ обливалось кровью за оставленное ею въ Венгріи се-
мейство. Оно попало въ плѣнъ возмущившимся Хорватамъ, а
когда приверженцы королевской фамиліи осадили замокъ, въ
которомъ оно было заключено, и грозили его истребленіемъ;
осажденные, умертвивъ вдовствующую королеву въ глазахъ ея
дочери, повѣсили ея трупъ на стѣнѣ, объявляя, что если оса-
да не будетъ немедленно снята, то они такъ же поступятъ и
съ молодою королевою.

Но это не все. Семейная жизнь Ядвиги была полна тай-
ныхъ, но ядовитыхъ страданій; она съ трудомъ преодолевала
свое отвращеніе къ Ягеллу и избѣгала супружескихъ съ нимъ
сношеній. Однажды ея духовникъ, во время исповѣди, суро-
во сталъ ей за то выговаривать; Ядвига, всегда набожная и
покорная, гордо выпрямилась и приказала священнику замол-
чать; это показываетъ мѣру раздраженія, которое существовало
между супругами. Оно конечно не могло оставаться тайною
для краковскихъ вельможъ, которые искренно о томъ скорбѣ-
ли и убѣдили наконецъ какъ Ягелла, такъ и Ядвигу открыть
причину ихъ семейныхъ неудовольствій. Вотъ что при этомъ
оказалось. Слухъ о красотѣ Ядвиги и сказки о безобразіи ея му-
жа привлекали въ Краковъ множество князей и рыцарей. Они
мало занимали задумчивую королеву, но за то сильно беспо-
коили Ягеллу, подозрительнаго и ревниваго отъ природы; ме-
жду тѣмъ одинъ изъ придворныхъ, Гнѣвошъ изъ *Далемичъ*,
желая безъ сомнѣнія овладѣть умомъ короля, извѣстилъ его,
что во время пребыванія его въ Литвѣ, въ Краковѣ былъ
Вильгельмъ Габсбургскій, переодѣтый купцомъ, и имѣлъ сви-
данія съ Ядвигою. Этого было конечно достаточно подозри-
тельному и вспыльчивому Ягеллу, чтобъ отравлять жизнь своей
супруги. Когда же все это разъяснилось, когда козни Гнѣвоша
и несправедливость подозрѣній Ягелла были обнаружены,
цаны радные убѣдили какъ короля, такъ и королеву дать это-
му дѣлу громкую огласку, въ предупрежденіе всякихъ могу-
щихъ возникнуть въ народѣ невыгодныхъ слуховъ, и пре-
дать это дѣло обыкновенному, публичному суду.

Такимъ образомъ начался одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ
процессовъ, представляемыхъ исторіей. На основаніи Вислиц-
каго статута, Ядвига, пользуясь правомъ всякой благородной
шляхтянки, формально обвинила Гнѣвоша въ клеветѣ и не-
справедливомъ безчестіи; въ Вислицѣ собрался обыкновенный
трибуналъ, и потребовалъ, чтобъ обвиненный явился лично.

Что касается до королевы, то она, по праву, предоставленному женщинам вольностямъ статутомъ не присутствовать лично, а ставить вместо себя уполномоченнаго, избрала для этого престарѣлаго каштеляна Войницкаго, Ясько изъ Гунчина, издавна ей искривно преданнаго, и вообще уважавшагося за прямой умъ, безукорывленную жизнь, почтенную старость и краснорѣчіе. Этотъ старецъ не прежде однакожь принялъ на себя защиту королевы, какъ потребовать отъ нея присяги въ томъ, что она не имѣла никакой незаконной связи; но за то, убѣдившись въ ея невинности, сѣло всталъ за дѣло. Законъ требовалъ, чтобы лицо, принимающее на себя подобную защиту, присягнуло само, и съ нимъ шесть, а въ важныхъ случаяхъ, двѣнадцать достойныхъ вѣры людей. Ясько не усомнился присягнуть, и съ нимъ присягнуло въ невинности королевы не только двѣнадцать знатнѣйшихъ вельможъ, но и самъ король; крѣвъ того, энергическій защитникъ Ядвига, руководясь въ этомъ случаѣ западными законодательствомъ, представилъ трибуналу двѣнадцать благородныхъ шляхтичей, готовыхъ доказывать «судомъ Божиимъ» честь оклеветанной женщины. Ставъ впередъ ними, Ясько громкимъ голосомъ, обращаясь къ трибуналу, обвинилъ Гиввоша въ томъ, что онъ «ничтожнымъ своимъ умомъ и живыми словами обезчестилъ предъ королемъ чистое ложе и совершенную невинность супруги его; что если судъ потребуетъ, то онъ, Яська, представить доказательства ея невинности, а потому требуетъ, чтобы клеветникъ публично покаялся во лжи.» Гиввошъ смутился; напрасно судьи нѣсколько разъ предлагали ему объясниться; онъ не могъ вымолвить ни слова и только умолялъ о пощады. Тогда трибуналъ произнесъ приговоръ: признавъ Гиввоша виновнымъ въ оклеветаніи женской чести и присудилъ его, на основаніи законовъ, уплатить 60 гривенъ и публично отречься отъ своихъ словъ по установленной формулѣ, которая оканчивалась словами: «я солгалъ какъ песь», что и долженъ былъ представить на дѣлѣ, а именно трижды пролзать песобачьи нѣзъ-подъ судейской лавки.

Разумѣется, что этотъ процессъ, хоть и блистательно оправдавшій Ядвигу, глубоко огорчилъ ее; по счастью, по окончаніи его, между супругами установились лучшія прежняго отношенія, вслѣдствіе чего обнародованъ былъ въ 1387 году актъ, которымъ Ядвига требовала отъ Польши присяги на вѣрность Ягеллу и назначала его, въ случаѣ бездѣтной своей смерти, своимъ преемникомъ.

Затѣмъ у нея оставалась еще одна причина душевной скорби: неизбѣгнѣ дѣтей. Известно, что безплодіе женщины въ тѣ времена, о которыхъ здѣсь говорится, считалось не только несчастіемъ, но какъ бы наказаніемъ небеснымъ за какое-нибудь тайное беззаконіе, и нерѣдко подвергало ее не только равнодушію, но даже пренебреженію мужа. Ядвига смущалась мыслию: за какую же тяжкую вину она обречена безплодію? Она искала утѣшенія въ молитвѣ и усердной набожности, постилась, налагала на себя обѣты, и доходяща, говорить Шайноха, до мистической экзальтаціи и до проричанія. Такъ, современныя извѣстія утверждаютъ, что она предсказала ордену тяжкую для него пагубную войну, которая черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно и случилась. Польскій народъ, всегда любившій свою королеву, начиналъ передъ нею благоговѣть; ея предсказанія удержали Польшу отъ войны съ Татарами, о которой скоро будетъ говориться. И вотъ, въ это-то самое время величайшей религіозной настроенности своей, Ядвига почувствовала себя беременною. Это было торжествомъ для нея и для всей націи. Немедленно было сообщено объ этомъ радостномъ обстоятельстве всѣмъ дружественнымъ дворамъ и, конечно прежде всѣхъ, папѣ, который изъявилъ готовность быть крестнымъ отцомъ ожидаемаго младенца. Наступила наконецъ желанная минута. Ядвига разрѣшилась, но дочерью: это уже поначало до нѣкоторой степени ея радость, которая превратилась въ страшное горе, когда ребенокъ черезъ нѣсколько недѣль скончался. Скоро всеобщій трауръ покрылъ Польшу: вслѣдъ за младенцемъ сошла въ могилу и его мать (1399). «Мы молились, пишетъ одинъ современникъ, проливали слезы, давали обѣты, и все понапрасну!» Эти мольбы, слезы и обѣты, эта скорбь могли быть искренни, потому что Ядвига посвятила всю свою жизнь благу народа, пожертвовала для него всѣмъ, что было для нея драгоценнѣйшаго, и наконецъ думала о немъ и въ послѣднія свои минуты. Духовнымъ ея завѣщаніемъ всѣ принадлежавшія ей драгоценности были предназначены на раздачу бѣднымъ или на возобновленіе Краковской академіи, основанной ея славнымъ дѣдомъ, Казиміромъ, но послѣ его смерти пришедшей въ совершенное забвеніе.

Польша, взирающая на свою королеву, еще при жизни ея, съ особымъ благоговѣніемъ, стала свято чтить ея память; нача-

лась даже переписка съ римскимъ дворомъ о причтеніи ея къ лику святыхъ; но переписка эта затянулась и ни чѣмъ не кончилась.

Никогда Литва не достигала такого развитія силъ и величія, какъ въ управленіе Витовта; въ его лицѣ какъ будто соединились величайшіе изъ Литвиновъ, Ольгердъ и Кейстуть; эти славные два брата съ одной стороны сдерживали напоръ рыцарей, съ другой распространяли границы Литвы насчетъ Россіи и отвоевывали у Татаръ южныя степи; теперь Витовтъ, опираясь на союзъ съ Польшей, дѣлалъ все это одинъ, управлялся на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Повелѣвая непосредственно въ собственно-литовскихъ земляхъ — въ Вильнѣ, Трокахъ и Гроднѣ, онъ былъ въ то же время верховнымъ повелителемъ многихъ удѣловъ, изъ коихъ большая часть либо перешли въ прямую отъ него зависимость, послѣ смерти господствовавшихъ тамъ князей, — какъ Кіевское и Кревское, либо присоединены оружіемъ — какъ Полоцкое, Витебское, Смоленское, Сѣверское, Новгородское и Каменецъ-Подольское. Наконецъ тѣ удѣльные князья, которые оставались въ своихъ удѣлахъ, сидѣли смиренно и были осторожны.

Съ Нѣмецкимъ орденомъ Витовтъ тщательно сохранялъ миръ, который утвержденъ былъ на цѣломъ рядѣ договоровъ. Однимъ изъ нихъ, заключеннымъ въ 1398 году, была ордену уступлена Жмудь. Рыцари построили въ ней замки, ввели въ нихъ свои гарнизоны и призвали монаховъ, чтобы крестить упрямыхъ Жмудинцовъ, доселѣ не принимавшихъ крещенія. Но Жмудины были въ самомъ дѣлѣ упрямы: толпами выселялись изъ своего отечества, преимущественно въ Литву, а когда, по требованію ордена, они были высланы оттуда обратно, то вся масса народонаселенія возстала противъ своихъ притѣснителей и, какъ при этомъ всегда бываетъ, предалась страшнымъ жестокостямъ. Разумеетсяъ, они были скоро усмирены, и самъ Витовтъ помогалъ въ этомъ ордену. За то, когда жена Витовта ѣздила въ Пруссію на поклоненіе тамошнимъ святымъ мѣстамъ, она была принята самымъ великолѣпнымъ образомъ и даже угощаема за «почетнымъ столомъ».

Итакъ, великому князю литовскому были развязаны руки на востокѣ и югѣ, и онъ этимъ воспользовался. Дитвиръ, еще

недавно бывший пограничною рѣкой Литвы, потокъ теперь посреди ея владѣній: Витовтова Литва простиралась отъ Буга до Оки и отъ Пскова до Молдавіи; она была по крайней мѣрѣ вдвое болѣе Польши. Русскіе князья охотно признавали надъ собою верховную власть Витовта, надѣясь на его сильную оборону въ случаѣ нашествія Татаръ; великій князь Василій, зять Витовтовъ, умирая поручилъ его покровительству своего сына и наследника московскаго престола, и безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Шайноха, лучше было Россіи подчиниться Литвѣ нежели Татарамъ. А подчиненіе это повидимому легко могло совершиться. Вотъ какъ излагаетъ это событіе польскій историкъ:

Тохтамышъ, разбитый и выгнанный изъ Золотой Орды Тимуромъ, прикочевалъ съ своими улусами къ Кіеву и просилъ помощи литовскаго великаго князя, общая ему, если успѣетъ при его содѣйствіи овладѣть Сараемъ и зависящими отъ него землями, уступить ему свои права на всю Русскую землю. Витовтъ принялъ это предложеніе и въ теченіе зимы съ 1398 на 1399 годъ дѣлалъ обширныя приготовленія къ войнѣ противъ Тимура. Ягелло въ этомъ содѣйствовалъ ему и выхлопоталъ благословеніе папы Бонифація IX, который, желая придать этому предпріятію значеніе крестоваго похода, разрѣшилъ участвующимъ въ немъ нашивать кресты на свои одежды.

Значеніе, которое такимъ образомъ было дано предполагаемой войнѣ, привлекло подъ знамена Витовта рыцарей со всѣхъ концовъ Европы; изъ Польши пришло къ нему до 400 и изъ Пруссіи 100 копій; пріѣхали многіе именитые люди: Спытко, о которомъ неоднократно было упомянуто въ этой статьѣ, краковскій воевода, и большое число князей литовскихъ и русскихъ. Ихъ набралось бы, безъ сомнѣнія, гораздо больше, еслибы предполагаемая война съ Татарами не встрѣтила сопротивленія со стороны Ядвиги, которая въ то время находилась въ пароксизмѣ прорицанія и предсказывала плачевный исходъ этой войны. Въ іюль многочисленная рать Витовта и Тохтамышева орда двинулись, направляясь къ Дону и Волгѣ, и въ началѣ августа достигли Ворсклы. Здѣсь ожидалъ ихъ Тимуръ. Онъ послалъ сказать Витовту: «За что ты вооружился противъ меня? вѣдь я не нападалъ на твои земли!» — «Богъ далъ мнѣ господство надъ свѣтомъ, гордо отвѣчалъ Витовтъ; будь моимъ сыномъ и данникомъ, иначе будешь моимъ рабомъ.» Татарскій ханъ, который между

тѣмъ выжидалъ прибытія къ себѣ новыхъ силъ, началъ тянуть переговоры и щедро снабжалъ христіанъ дичью, охотомъ и всякимъ продовольствіемъ, чтобъ удержать ихъ на мѣстѣ; но пока они шировали, ожидаемое подкрѣпленіе подоспѣло. Тогда Тимуръ переѣхавъ тѣмъ, потребовалъ отъ Витовта покорности и получивъ, разумѣется, отказъ, рѣшительно на него ударилъ. Сначала христіане имѣли перевѣсъ, но вдругъ на нихъ кинулось съ боку новое, свѣжее войско, только-что передъ тѣмъ прибывшее, о прибытіи котораго они вовсе не знали; и они сѣмшались и побѣжали. Первый укачалъ Тохтамышъ съ своими Татарами и, бѣжа, хваталъ и грабилъ другихъ бѣглецовъ и опустошалъ земли, бывшія на пути. Витовтъ долго держался, бился лично и силою былъ выведенъ изъ боя; Спытко былъ убитъ; однихъ князей пало въ этотъ кровавый день 74, а панашъ и боярамъ не было счету, не говоря о простыхъ ратникахъ; весь обозъ, многочисленная артиллерія литовская, все имущество, бывшее въ походѣ, достались Татарами, которые двинулись въ погоню двумя путями: къ Кіеву и на Подолію. Но на Днѣпрѣ Витовтъ успѣлъ собрать достаточныя силы и принудилъ Эдигея, стремившагося на Подолію, остановиться и повернуть назадъ. Что касается до орды, направлявшейся на Кіевъ, то она, взявъ съ этого города окупъ, тоже поворотила въ степь и скрылась.

Такимъ образомъ, пораженіе, понесенное Витовтомъ, не имѣло слишкомъ тяжелыхъ послѣдствій для края; напротивъ, съ разрѣшенія папы, наложена была *десятина* на всѣ церковныя имущества для новаго похода. Онъ, впрочемъ, не состоялся, но Витовтъ, продолжая покровительствовать Тохтамышу, составилъ себѣ сильную партію въ Сараѣ и приобрѣлъ тамъ большее вліяніе, которымъ пользовался до самой смерти своей. Скажемъ здѣсь же, чтобы не возвращаться болѣе къ Литвѣ, что Витовтъ включилъ въ ея границу Подолію, за которую заплатилъ Ягеллу 20.000 копъ грошей польскихъ.

Выше было говорено о множествѣ дружественныхъ трактатовъ, соединявшихъ Литву съ орденомъ; Польша была то же съ нимъ въ мирѣ; но нельзя было ожидать, чтобъ онъ былъ продолжителенъ. Орденъ постоянно имѣлъ въ виду—одолѣть отдѣльно каждую изъ двухъ соединившихся между собою странъ, и рѣшительная между ними и имъ война, называемая *великою войною*, вспыхнула.

На границѣ орденскихъ земель находилась крѣпость Дрез-

денко; владѣтель ея, Ульрихъ фонъ-дэръ-Остъ, обязался формальнымъ актомъ находиться въ повиновеніи Польши и ея короля, а въ случаѣ бездѣтной своей смерти передать ее въ непосредственную зависимость короны. Спустя три года онъ обязался промѣнять ее на какое-нибудь владѣніе внутри королевства, но вслѣдъ за тѣмъ онъ заложилъ и обещалъ продать ее ордену. Умавъ объ этомъ, вспыльчивый Ягелло закричалъ: «Не будь я королемъ польскимъ, воскликнулъ онъ, если рыцари не возвратятъ мнѣ Дрезденко!» Въ это время великимъ магистромъ былъ уже не миролюбивый Конрадъ Юнгингенъ, а его братъ Ульрихъ, человекъ смѣлый и рѣшительный. По поводу Дрезденка, онъ имѣлъ свиданіе въ Ковно съ Ягелломъ и Витовтомъ и предложилъ послѣднему быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Витовтъ рѣшилъ споръ въ пользу Польши. Тогда магистръ, раздраженный, уѣхалъ изъ Ковно, купилъ Дрезденко, какъ будто вызывая Ягелло, и захватилъ 20 польскихъ барокъ съ хлѣбомъ. Ягелло на это отвѣтилъ не оружіемъ, не походомъ въ Пруссію, а поднялъ Жмудь, которая немедленно поддалась Литвѣ. Съ своей стороны орденъ, вторгнувшись въ Добжинскую землю, захватилъ Ягелла врасплохъ и принудилъ его просить перемирія съ тѣмъ, чтобы споръ о Дрезденкѣ былъ переданъ на третейскій судъ богемскаго короля. Судъ этотъ былъ не въ пользу Ягелла; было присуждено, чтобы онъ возвратилъ ордену какъ Дрезденко, такъ и Жмудь, а до исполненія этого рѣшенія, чтобы занятая рыцарями Добжинская земля оставалась за ними; притомъ постановлено было, что король польскій не имѣетъ права писаться «дѣдицею и паномъ» поморскимъ, и что со смертію Ягелла Литва должна отдѣлиться отъ Польши, которой избирать своихъ королей въ западныхъ владѣтельныхъ домахъ. Такое рѣшеніе странно было бы принять. Находившіеся въ Прагѣ польскіе послы протестовали противъ него тѣмъ смѣлѣе, что во время перемирія Ягелло успѣлъ наготовиться къ войнѣ; приготовления эти были велики; онъ заключилъ или возобновилъ союзы съ своими со-сѣдами, ходатайствовалъ, хоть и не всегда успѣшно, передъ дружественными дворами, чтобы они не дозволяли своимъ подданнымъ поступать къ ордену на службу; при содѣйствіи Витовта выговорилъ себѣ помощь въ 30.000 всадниковъ отъ его союзника, Тохтамышева сына, и, вопреки польскимъ обычаямъ, нанялъ 10.000 иностраннаго войска. Это послѣднее нововведеніе встрѣчено было въ совѣтѣ короля большимъ сопротивле-

ніемъ; но его побѣдилъ коронный маршалъ, Збигнѣвъ, слѣдующимъ разсужденіемъ: «что касается меня, сказалъ онъ, я нахожу, что наемное войско есть самое лучшее: въ случаѣ побѣды ему платить непріятельская земля, въ случаѣ пораженія — никто не платитъ». Витовтъ былъ душою всего, что дѣлалось для предстоявшей войны, предполагалось произвести наступленіе на орденскія земли, и для этого былъ въ большой тайнѣ приготовленъ пловучій мостъ — нововведеніе въ военномъ искусствѣ того времени. Король, страстный охотникъ, какъ сказано, всю зиму охотился съ особенною дѣятельностію и всю добычу свою отправлялъ въ Плоцкъ, предназначая ее для продовольствія войска.

Съ своей стороны и орденъ дѣлалъ дѣятельныя приготовленія; пожертвованіемъ значительныхъ суммъ, онъ купилъ союзъ чешскаго и венгерскаго королей, изъ коихъ послѣдній обязался объявить Польшѣ войну, какъ только у нея начнутся военныя дѣйствія съ рыцарями. Во всѣ страны Европы были разсланы приглашенія къ благороднымъ рыцарямъ принять участіе въ предстоящемъ походѣ, и охотники обмѣняться ударомъ копья, съ кѣмъ бы то ни было и за чтѣ бы то ни было, стекались многочисленными толпами. Войска ордена заняли границу литовско-польскую; Мариенбургъ былъ укрѣпленъ и снабженъ большимъ количествомъ продовольствія; въ Гданскѣ припасались запасы оружія; всѣ замки приводились въ оборонительное состояніе, а между тѣмъ срокъ окончанію перемирія приближался, и съ обѣихъ сторонъ войска сдвигались къ границѣ. Великій магистръ разчитывалъ, что Поляки вторгнутся со стороны Быдгоща (Бромберга) и ожидалъ ихъ на берегу Вислы съ арміей, которая простиралась до 400 т. человекъ; но Ягелло взялъ направленіе на сѣверо-востокъ, навстрѣчу Витовту, переправился на правую сторону Вислы по приготовленному зимою мосту, соединился съ мазовецкимъ княземъ, а потомъ и съ литовскимъ, за которымъ слѣдовали союзные Татары. Тогда онъ повернулъ на сѣверъ, въ направленія къ Мариенбургу. Магистръ успѣшилъ прикрыть свою столицу, сдѣлалъ быстрый переходъ и занялъ позицію на рѣкѣ Дрвенцѣ, черезъ которую польское войско должно было переправляться, и обѣ непріятельскія арміи встрѣтились. Ягелло съ своими союзниками занималъ опушку небольшого перелѣска, передъ которымъ разстидалось широкое поле съ деревьями Грюнвальдомъ и Таненбергомъ; мѣстность эта была

низменна и примыкала какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны къ озерамъ; рыцари подвигались по открытой мѣстности, и всѣ движенія ихъ были видны очень ясно, тогда какъ союзныя войска были замаскированы кустарникомъ. На военномъ совѣтѣ, который созвалъ Ягелло, позиція эта была признана выгодною, и на ней рѣшились ожидать нападенія. Затѣмъ Ягелло, набожный, какъ вообще бываютъ искренніе неопиты, отправился въ свою походную церковь, а Витовтъ занялся приготовлениями къ бою. На лѣвомъ крылѣ арміи находились Поляки, наемные иностранцы и войска нѣкоторыхъ русскихъ областей; командовалъ ими коронный мечникъ, Зындрамъ; правѣ ихъ стояли Литовцы, Русскіе изъ литовскихъ провинцій и Татары; здѣсь начальствовалъ Витовтъ. Все войско простиралось до 90 тысячъ человекъ. Непрiателя было почти равное число. Онъ занялъ открытую возвышенность противъ позиціи польско-литовской, и немедленно изготавился къ бою. Поляки однакожъ не начинали его; рыцари тоже ждали, и обремененные тяжестью своего вооруженія, начинали уже утомляться; тогда они послали къ Полякамъ двухъ герольдовъ съ обнаженными мечами, вызывая ихъ сразиться. «Именемъ великаго магистра и великаго маршала орденскаго братства приносимъ тебѣ, король Ягелло, и тебѣ, князь Витовтъ, эти два обнаженные меча, какъ помощь и побужденіе къ бою. Рыцари предоставляютъ вамъ выбрать мѣсто битвы; поэтому не теряйте времени и не укрывайтесь въ лѣсу, и не уклоняйтесь малодушно отъ битвы, которой избѣгнуть не можете.» На это Ягелло отвѣчалъ: «Мы ждемъ помощи только отъ Бога; во имя Его принимаемъ эти мечи и желаемъ немедленно раздѣлаться съ вами оружіемъ; но мѣста для битвы не избираемъ, потому что оно уже указано вамъ и намъ самимъ Господомъ.»

Не успѣвъ выманить Ягелла на чистое мѣсто, рыцари открыли битву; первые встрѣтили ихъ Литовцы. Рукопашная схватка продолжалась около часа; наконецъ Литовцы начали подаваться назадъ и вправо къ озеру, а рыцари врѣзались въ промежутокъ, который такимъ образомъ произошелъ въ боевой линіи и, сильнѣе потѣснивъ бывшаго противъ нихъ непрiателя, опрокинули его, обратили въ бѣгство и часть загнали въ озеро. Но въ то самое время, когда они уже были готовы торжествовать побѣду, скрытые отъ нихъ кустарникомъ и пылью, Поляки лѣваго крыла стремительно ударили на нихъ. Рыцари смутились, но скоро оправились, а между тѣмъ магистръ, съ

высоты наблюдавшій за ходомъ сраженія, поддержалъ ихъ свѣжими силами, которыя онъ умѣлъ сохранить до рѣшительной минуты. Но и у Ягелла оставались еще не тронутыми наемные полки; онъ двинулъ ихъ, и рыцари, измученные трижды возобновлявшимися боемъ, ударами, сыпавшимися со всѣхъ сторонъ (потому что Витовту удалось наконецъ возвратитъ къ бою свои бѣжавшія войска), начали явно изнемогать. Прусская и хельмская милиція бросила оружіе и бѣжали; рыцари еще держались, стараясь плотнѣе сомкнуться, и гибли, не уступая ни шагу; палъ великій магистръ, палъ и маршалъ, пали почти всѣ нѣмецкіе рыцари: изъ 700 «бѣлыхъ плащей» уцѣлѣло только 15. Наконецъ то, что еще было живо, побѣжало. Полки кинулись за ними, завладѣли непріятельскимъ обозомъ, частнымъ имуществомъ, провіантомъ, винами и боевыми снарядами.

Когда уже не было сомнѣнія въ судьбѣ боя, на одной изъ возвышенностей окровавленнаго поля встрѣтились Витовтъ и Ягелло, оба утомленные боемъ: подъ Витовтомъ было убито нѣсколько лошадей, а Ягелло почти лишился голоса. Здѣсь они обмѣнялись взаимными радостными поздравленіями, сюда же приводили ихъ плѣнныхъ, которыхъ забирали толпами: шесть королевскихъ нотаріусовъ занимались записываніемъ ихъ именъ; оказалось, что въ непріятельскомъ войскѣ были представители 22-хъ народовъ и странъ. Нѣкоторымъ Ягелло тутъ же даровалъ свободу; но болышую часть разослалъ по своимъ замкамъ; число ихъ простиралось до 40.000; число взятыхъ знаменъ до 51; что же касается до числа убитыхъ непріятелей, то его опредѣляютъ отъ 18 до 50 тысячъ. «Одинъ грюнвальдскій день, говоритъ лѣтописецъ ордена, уничтожилъ всю его славу и все его могущество. Никогда не бились они съ такимъ геройскимъ мужествомъ какъ въ этотъ день, который однакоже сталъ послѣднимъ днемъ ихъ процвѣтанія; послѣ него началась година несчастій, униженія и безвозвратнаго упадка».

По обычаю того времени, побѣдитель долженъ былъ оставаться три дня на полѣ сраженія, въ доказательство, что онъ готовъ принять отъ кого бы то ни было новый вызовъ. Ягелло такъ и поступилъ, проводя это время въ угощеніи главныхъ участниковъ побѣды и знатнѣйшихъ плѣнныхъ и въ сообщеніи о ней извѣстій разнымъ мѣстамъ королевства и иностраннымъ дворамъ. Наконецъ 17 іюля онъ двинулся впередъ къ Мариенбургу и осадилъ его. Между тѣмъ ливонскіе рыцари

успѣли внушить Витовту мысль, что если Ягелло овладѣетъ Пруссіей, то Польша пріобрѣтетъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ Литвой и легко будетъ въ состояніи обратить ее въ свою провинцію; поэтому, нѣсколько недѣль спустя послѣ начала осады, Литовцы снялись и направилась во свояси; за ними и мазовецкія войска покинули Ягелла, который наконецъ и самъ былъ принужденъ снять осаду и заключить миръ. Условіями этого мира, подписаннаго 1 февраля 1401 года въ Торгъ, были со стороны ордена уступка Добжинской земли и Жмуди и уплата 100 тысячъ грошей; но тяжкія условія эта были не единственнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ орденъ: жители Пруссіи, которые вообще его ненавидѣли, а при началѣ войны были еще возбуждены польскими агентами, переставши бояться его, явно восстали противъ своихъ притѣснителей и сдавали польскому королю города и замки. И не только народъ, подвластный ордену, поднималъ руку на него, сами рыцари ему измѣнили. Генрихъ Плауэнъ, оборонявшій противъ Ягелла Мариенбургъ, бывъ сдѣланъ великимъ магистромъ, вошелъ съ Поляками въ тайныя сношенія и замышлялъ доставить имъ господство надъ всею Пруссіей. Замыселъ его не удался на этотъ разъ, но черезъ 44 года послѣ грюнвальдской битвы, лучшая часть орденскихъ владѣній, Поморье, присоединилось къ Польшѣ.

Со времени окончательнаго сближенія между Ягелломъ и Витовтомъ прошло 27 лѣтъ, а узы, сближавшія Литву съ Польшей, не только не ослабѣли, но укрѣпились. Послѣ смерти Ядвиги, которую слѣдуетъ считать истиннымъ *дѣдичомъ* (dziedzicem), т. е. обладателемъ королевства, Ягелло былъ признанъ королемъ; съ своей стороны и Литва въ лицѣ великаго князя, князей и бояръ дала обѣщаніе (1401) признать его послѣ смерти Витовта своимъ государемъ и во всякое время и во всемъ находиться въ тѣсномъ союзѣ съ Польшей, такъ чтобъ у обоихъ народовъ были одни друзья и одни враги. Польша же обязалась не избирать себѣ короля безъ согласія Литвы. Грюнвальдская побѣда показала выгоду подобнаго соединенія, почему оно и было скрѣплено новыми узами; а именно: въ Литвѣ было предложено образовать шляхту, на подобіе польской и съ такими же точно правами.

Въ этомъ случаѣ польская шляхта дѣйствовала какъ западно-европейское рыцарство. Какъ рыцари Франціи, Германіи, Англіи и другихъ странъ были въ нѣкотораго рода братствѣ между собою, признавая единые, общіе имъ всѣмъ права и уставы; такъ и Польша думала связать съ собою Литву единствомъ условій жизни шляхетства обѣихъ странъ. Не ограничиваясь распространеніемъ на Литву правъ шляхетства, Поляки старались привлечь Литвиновъ въ среду своихъ родовъ, въ свои гербовые союзы, родниться съ ними. Въ 1413 году Ягелло съ многочисленною польскою свитой, и Витовтъ, съ знаменитѣйшими Литовцами, принявшими католическую вѣру, съѣхались въ Городло. Съ Ягелломъ пріѣхали два архіепископа—гнѣзненскій и галицкій, семь епископовъ, восемь воеводъ, двадцать четыре каштеляна, десять судей и множество другихъ коронныхъ сановниковъ: собраніе было величественное и получило названіе *вольнаго*, или великаго сейма. Витовтъ назначилъ изъ числа прибывшихъ съ нимъ сорокъ семь знатнѣйшихъ бояръ, которые были признаны шляхтичами и приняты въ гербы такого же количества польскихъ дворянъ, кто въ гербъ Леливы, кто въ гербъ Топора и проч.

Этотъ чрезвычайно важный шагъ въ жизни польско-литовскаго государства былъ сдѣланъ обоими народами не съ одинаковымъ чувствомъ. Поляки, говоритъ Шайноха, понимая значеніе даваемого, давали съ истинно-братскимъ чувствомъ; Литовцы же принимали довольно холодно, и въ этомъ нашъ авторъ основывается какъ на польскихъ, такъ и литовскихъ документахъ. Поляки писали: «Не испытать тому благодати, кого не осѣнить чувство любви! Она одна не знаетъ тщеты, но свята по свойству своему; прекращаетъ несогласія, умирляетъ вражду и ненависть, соединяетъ разьединенное, возвышаетъ павшее, сглаживаетъ всякія неровности, выпрямляетъ кривизны, всѣмъ помогаетъ, никого не обижаетъ, cadaго любить, и кто прибѣгаетъ подъ ея покровъ, тотъ находитъ безопасность и не страшится угрозъ. Любовь создаетъ законы, управляетъ государствами.... Поэтому мы, духовенство, рыцарство и шляхта короны польской, желая отдохнуть подъ щитомъ любви, и дыша къ ней набожнымъ чувствомъ, сдѣлали общими и соединили, и настоящимъ документомъ дѣлаемъ общими и соединяемъ, наши дома, потомства, роды, гербы и преимущество гербовъ нашихъ со всею шляхтой и боярствомъ литовскихъ земель и особенно съ тѣми, которымъ наискрѣй-

ный князь и панъ Владиславъ, Божію милостію король польскій, а также свѣтлѣйшій князь и панъ Александръ Витольдъ, великій князь литовскій, по нашей просьбѣ дали и документами утвердили право свободы и вольности и привилегій. Соединивши же ихъ мы для того, чтобъ они могли пользоваться на вѣчныя времена нашими гербами и привилегіями, которые мы получили отъ отцовъ и предковъ нашихъ, въ доказательство истинной любви, какъ бы они получили ихъ сами наследственно отъ предковъ своихъ. Да соединятся же они съ нами любовію и братствомъ и сдѣлаются намъ равными, какъ уже соединились и сравнились единствомъ вѣры, правъ и преимуществъ. Мы же обѣщаемъ имъ честнымъ словомъ и присягою не оставлять ихъ ни въ какихъ опасностяхъ, но, напротивъ, помогать имъ въ нуждѣ, совѣтовать имъ противъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, и стараться передъ панами нашими, Владиславомъ и Александромъ, чтобъ они были вновь и вновь къ нимъ щедрѣе, надѣляли ихъ новыми вольностями и не преставали расточать имъ пользы и милости, что съ своей стороны и паны литовской земли обязались словомъ и присягою дѣлать для насъ взаимно». Литовскіе паны составили съ своей стороны актъ о принятіи польскихъ привилегій, но въ выраженіяхъ болѣе холодныхъ, а Ягелло и Витовтъ—третій актъ, которымъ признавалось равенство шляхетскихъ правъ въ Польшѣ и Литвѣ, подтверждалось неразрывное соединеніе этихъ странъ и обязанность избирать преемниковъ на польскій и литовскій престолы, въ случаѣ ихъ упраздненія, не иначе какъ въ семействахъ Ягелла или Витовта. Сверхъ того устанавливались съѣзды представителей обоихъ народовъ на общіе сеймы, и въ Литвѣ, какъ въ странѣ, имѣющей самостоятельную администрацію, учреждались особыя, но совершенно тождественныя съ польскими, должности: гетмановъ, канцлеровъ, маршаловъ, воеводъ и другихъ.

На съѣздѣ или сеймѣ, бывшемъ въ Городло, участвовали изъ Литовцевъ, какъ сказано, только тѣ, которые приняли католическую вѣру; русское православное народонаселеніе Литвы не имѣло на немъ представителя и исключалось отъ преимуществъ, имъ установленныхъ. Такое неравенство правъ не могло, конечно, входить въ виды обоихъ государей; но они не нашли иного средства привлечь все народонаселеніе къ пользованію этими правами, какъ распространяя на всѣхъ католичество, безъ котораго казалось невозможнымъ дарованіе

и политическихъ, и гражданскихъ правъ. Поэтому начались дѣятельныя многолѣтнія отношенія между Ягеллоу, Римомъ и Литвой; религиозное возбужденіе, сообщенное Европѣ Константинопольскимъ соборомъ, не миновало и Ягелла и Витовта, и оба они начали пришеволивать оевнть православныхъ подданныхъ къ обращенію въ латинскую вѣру. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ геродальскаго сейма, въ теченіе зимы 1413—14 года олатынена вся Жмудь; такъ какъ эта маленькая область была въ послѣднее время истиннымъ убѣжищемъ язычества и литовской народности, то ея обращеніе произошло не безъ затрудненій: Жмудины взбунтовались, прогнали монаховъ, но были усмирены Витовтомъ, который принесть въ жертву католической пропагандѣ шестьдесятъ головъ своихъ подданныхъ и послалъ туда большое число миссіонеровъ, такъ что едва ли въ послѣдствіи можно было найти провинцію, болѣе Самогитіи наполненную костелами, часовнями, распятіями по перекресткамъ и т. п. Не менѣе дѣятельны были старанія польскаго и литовскаго государей къ обращенію жителей русскихъ областей: Витовтъ послалъ православныхъ епископовъ на Константинопольскій соборъ, на которомъ были положены первыя основанія Уніи, а Ягелло, несравненно болѣе его ревностный католикъ, извѣщаясь передъ этимъ соборомъ въ недостаточной успѣшности обращенія, присовокувала, что еслибы не военныя его занятія, онъ давно подчинилъ бы святѣйшему отцу русскіе народы и постарался бы обратить самихъ Грековъ. Впрочемъ и Витовтъ обѣщавъ привести въ лоно католической церкви Татаръ. Всему этому не суждено было однакожъ осуществиться: задуманная на Константинопольскомъ соборѣ реформа римскаго духовенства не имѣла полного успѣха; отправленные туда православные епископы не согласились на присоединеніе къ паствѣ римскаго первосвященника; обширныя надежды, возбужденныя этимъ соборомъ, не принесли никакихъ результатовъ ни въ западной Европѣ, ни во вновь образовавшемся польско-литовскомъ государствѣ, въ которомъ религиозное разномысліе между католиками и православными оказалось глубже нежели думали. А если къ этому присоединить поразительные контрасты между основными условіями жизни обонхъ народовъ, между польскою свободою и литовскимъ рабствомъ, между демократическимъ братствомъ шляхты польской и могущественною аристократіей, образовавшеюся въ Литвѣ изъ князей литовскаго и русскаго происхожденія, глубокое различіе между нравами, понятіями и

языкомъ обонхъ соединившихся народовъ, то нельзя не удивляться, говорить Шайноха, тому, что эта совершенно повидному искусственная связь не разорвалась...

Этимъ, можно сказать, и оканчивается любопытное сочинение блестящаго польскаго писателя; онъ присоединяетъ къ нему, впрочемъ какъ будто въ видѣ эпилога, еще одну главу, которую называетъ «возвращеніе орленка», и содержаніе которой составляетъ бракъ Ягелла съ внучкою Казимира Великаго, дочерью его дочери, Анны, выданной, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, Людовикомъ венгерскимъ за графа Циллейнскаго. Супругъ королевы Анны скоро умеръ; и она вышла во второй разъ за какого-то графа Дека, а дочь ея отъ перваго брака, внука славнаго Казимира, жила въ забвеніи и настоящемъ сиротой, при дворѣ новаго владѣтеля Циллейнскаго. Къ этой-то дѣвушкѣ, преданной забвенію въ глуши маленькаго граства, далеке отъ родной Польши, явилось однажды, въ концѣ 1400 года, великолѣпное посольство и предложило, вмѣстѣ съ рукою Владислава Ягелла, корону ея дѣда.

Новая королева жила не долго; Ягелло былъ женатъ послѣ нея еще два раза, но бракъ его, хотя и кратковременный, съ птенцомъ изъ Казимірова гнѣзда, придалъ ему новое, прочнѣйшее значеніе на престолахъ польскомъ.

II. ЩЕВАЛЬСКІЙ.

ПИСЬМО БЕРРЬЕ

О

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

ФРАНЦУЗСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Незадолго до императорскихъ декретовъ ²⁴/₁₁ ноября въ Парижѣ появилось письмо Беррье о правахъ и привилегіяхъ французской адвокатуры. Письмо это, служащее предисловіемъ къ болѣе обширному сочиненію о томъ же предметѣ, показалось намъ интереснымъ не для однихъ французскихъ читателей. Мы изложимъ здѣсь только главнѣйшія мысли Беррье, руководствуясь парижскою корреспонденціей газеты *Times* (5 ноября 1860.)

Изложеніе правъ и привилегій французской адвокатуры, говоритъ Беррье, представляется въ настоящую минуту не только своевременнымъ, но и необходимымъ, въ виду тѣхъ рѣчей и рѣшеній, которыми недавно ознаменовались засѣданія нѣсколькихъ трибуналовъ.¹ Совершается попытка ввести

¹ Беррье безъ сомнѣнія намекаетъ здѣсь преимущественно на извѣстное осужденіе Эмиля Оливье за нѣсколько словъ, направленныхъ имъ противъ прокурора, во время процесса Вашеро, автора «*De la démocratie pacifique.*»

новые принципы въ уголовное судопроизводство, съ цѣлью опредѣлить условія судебныхъ преній и даже самую форму обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей. Отъ адвокатовъ требуютъ чрезвычайнаго уваженія къ ихъ противникамъ; адвокаты ставятся какъ бы въ подчиненіе прокурорамъ; авторитетъ послѣднихъ получаетъ преобладающее значеніе. Эти нововведенія колеблютъ права судебной защиты, угрожаютъ независимости и достоинству адвокатуры, этимъ необходимымъ гарантіямъ честнаго отправленія правосудія. Стѣснить свободу слова значитъ насиловать свободу мысли, заглушать справедливыя жалобы, обрекать на молчаніе самую совѣсть. Для общественнаго блага чрезвычайно опасно всякое отступленіе отъ обычаевъ и принциповъ, которыми издавна опредѣлялись во Франціи отношенія адвокатовъ къ магистратурѣ. Даже въ революціонныя эпохи сословіе адвокатовъ претерпѣвало лишь временное измѣненіе въ своей внутренней жизни. Адвокатура удерживала за собой свои права и сохраняла свои древніе обычаи... Тѣмъ горестнѣе было бы видѣть въ настоящихъ попыткахъ намѣреніе возвратиться къ системѣ первой имперіи. Наполеону I-му ненавистна была благородная независимость сословія адвокатовъ. До чего не доходила злоба этого деспота противъ привилегій адвокатуры? Любопытный обращикъ этой злобы сообщенъ намъ генеральнымъ прокуроромъ Дюпеномъ, заимствовавшимъ его изъ собственноручнаго письма императора. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, еще болѣе смѣшныхъ, нежели гнусныхъ, говоритъ Наполеонъ I объ адвокатахъ: «Адвокаты — матаежники, виновники преступленій и измѣны. Я желалъ бы, чтобы мы имѣли право вырѣзывать языкъ у всякаго адвоката, сдѣлавшаго изъ него употребленіе противъ правительства.»

Уваженіе къ магистратурѣ—вотъ обыкновенный предлогъ тѣхъ опасныхъ привилегій, которыхъ требуютъ прокуроры. Но обязанность адвоката, возлагаемая на него свободнымъ выборомъ его согражданъ, есть также общественная обязанность. Адвокатъ принимаетъ ее на свою совѣсть и отвѣтствуетъ за нее только предъ своею совѣстью. Права, достоинство защитника не менѣе правъ и достоинства обвинителя. Защищать обвиненныхъ отъ ошибокъ и предрассудковъ судьи; открывать истину среди покрововъ, часто затемняющихъ ее; изобличать клевету, бороться съ незаконными притязаніями власти; поддерживать правую сторону вопреки всѣмъ и каждому: развѣ это не значитъ отправлять высокую должность въ государствѣ?

Отъ насъ безпрестанно требуютъ уваженія къ предметамъ, которые по самой сущности своей заслуживаютъ его. Но уваженіе, искреннее уваженіе не входитъ въ сердца по приказанію, по командѣ: оно естественно и свободно вызывается характеромъ и поведеніемъ тѣхъ, кто имѣетъ на него право. Ройе-Колларъ, замѣчая, что недостатокъ уваженія—причина многихъ бѣдствій нашего времени, обвинялъ гораздо болѣе тѣхъ, кто не умѣлъ заслужить уваженія, нежели тѣхъ, кто отказывалъ въ немъ.

Омеръ Талонъ сказалъ Лудовику XIV-му: «для славы короля необходимо, чтобы мы были свободны; величіе правительства зависитъ отъ достоинства тѣхъ, кто повинуются ему.» Точно также мы можемъ сказать магистратурѣ, что авторитетъ ея измѣряется независимостью тѣхъ, кто пледируетъ передъ нею.

Въ концѣ прошедшаго вѣка, и въ худшіе дни нашего столѣтія, французскіе адвокаты постоянно являлись готовыми къ защитѣ жизни, свободы, чести своихъ согражданъ. Общественное мнѣніе прославило имена этихъ храбрыхъ защитниковъ, и въ будущемъ они найдутъ себѣ безъ сомнѣнія много достойныхъ преемниковъ.

Правда, мы недавно слышали оратора, столь же, къ несчастію, невѣрнаго этимъ благороднымъ преданіямъ, сколько и своему собственному примѣру, * оратора, который возставалъ противъ подобныхъ воспоминаній и находилъ, что незачѣмъ уже болѣе обращаться къ нимъ. Онъ утверждалъ, что настоящее состояніе нашихъ политическихъ учрежденій не допускаетъ того живаго участія къ дѣлу, той рѣзкости выраженій, которою отличались другія, прошлыя времена. Но изъ того, что мы потеряли столь дорого пріобрѣтенную нами свободу, слѣдуетъ ли, что мы должны унижать ее и въ послѣднемъ убѣжищѣ, гдѣ она еще сохранилась? Слишкомъ покорнымъ стремленію высшаго правительства оказался бы тотъ, кто сталъ бы думать или дѣйствовать такимъ образомъ въ отношенія къ адвокатурѣ.

* Здѣсь Беррье вѣроятно имѣлъ въ виду Шексъ-д'Есть-Анжа, бывшаго республиканскаго адвоката, а теперь ультра-имперіалистскаго генеральнаго прокурора. Впрочемъ, изъ числа высшихъ сановниковъ имперіи такъ многіе были въ свое время либеральными адвокатами (Барошъ, Руэ, Бильйо), что трудно сказать опредѣлительно, на кого именно намекаетъ Беррье.

Когда парламент безмолвствует, или пренія его доходятъ до насъ лишь въ слабыхъ отголоскахъ; когда печать подчинена цензурѣ, скрытой въ прозрачной формѣ предостереженій, официальныхъ или неофициальныхъ; когда журналы издаются подѣ постояннымъ страхомъ временнаго или совершеннаго запрещенія, безъ суда; когда право петицій поставлено подѣ покровительство сената, точно также какъ во времена первой имперіи личная свобода и свобода книгопечатанія ввѣрены были попеченію сенаторіальныхъ комиссій; когда не существуетъ ответственности министровъ, и обсужденіе правительственныхъ дѣйствій всегда можетъ быть признано оскорбленіемъ государя, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается; когда надежда на повышение уничтожаетъ благотворное дѣйствіе судейской несмѣняемости; когда нетерпѣливое ожиданіе обвинительнаго приговора заставляетъ видѣть въ умѣренности или снисходительности судей разрушеніе общественнаго порядка и общественной нравственности: при такомъ положеніи дѣлъ, независимость адвокатуры есть единственный оплотъ противъ насилія и произвола, единственная защита гражданъ отъ нарушенія правъ и несправедливыхъ преслѣдованій. Должно опасаться всего, если эта независимость будетъ ограничена; не должно отчаиваться ни въ чемъ, если она будетъ сохранена и уважаема. Черезъ нея, должно надѣяться, восторжествуютъ, рано или поздно, постоянныя усилія разума, справедливости и общественной нравственности. Въ противномъ случаѣ, на скамьѣ адвокатовъ раздастся по крайней мѣрѣ, по выраженію д'Агессо, «последній крикъ умирающей свободы.»

Для меня, такъ заключаетъ Беррье свое письмо, уже настало время удалиться съ поля сраженія; я предоставляю мою тогу болѣе крѣпкимъ плечамъ, способнымъ выдержать борьбу со всеми ея трудами и усиліями. Удаляясь, я говорю моимъ молодымъ сотоварищамъ: «Оставляйтесь вѣрны великимъ преданіямъ и прерогативамъ нашего сословія. Среди всеобщаго безпорядка умовъ, служите непоколебимо дѣлу истины, справедливости, чести и свободы. Защищайте вашихъ довѣрителей всею силою вашей воли, вашей души. Не слушайте внушеній личнаго интереса; сопротивляйтесь произволу. Не падайте духомъ передъ триумфомъ лжи, не подчиняйтесь торжествующему обману. И если въ стремленіяхъ къ этой благородной цѣли вы напрасно истощите всю вашу жизнь, то въ послед-

ній часъ ея не послужить ли вамъ достаточною за то наградою, величайшее изъ благъ, уваженіе къ самому себѣ?»

Черезъ два дня послѣ появленія въ *Times* упомянутой нами парижской корреспонденціи, эта же газета посвятила письму Беррье замѣчательную руководящую статью, содержаніе которой мы также сообщаемъ въ сокращенномъ переводѣ.

«Грустно и тяжело, говоритъ *Times*, встрѣчать въ современныхъ событіяхъ признаки упадка той или другой страны, того или другаго народа. Общество не вездѣ находится въ состояніи прогресса. Въ одномъ мѣстѣ мы видимъ значительныя перемѣны къ лучшему, но въ другомъ замѣчаемъ не менѣе сильное движеніе назадъ. Изъ всѣхъ мрачныхъ картинъ такого рода, самая печальная, это постепенное разрушеніе свободныхъ учрежденій, одно за другимъ уступающихъ гнетущему вліянію деспотизма. Птица, поставленная подъ колоколъ воздушнаго насоса, погибаетъ безъ всякой видимой, осязаемой причины; ей недостаетъ воздуха, дыханія, необходимаго для жизни. Точно также и свободныя учрежденія, застигнутыя деспотизмомъ, удерживаютъ на время свой цвѣтъ, свою форму; но они поражаются безплодіемъ, и быстро идутъ къ своему паденію. Иногда ихъ ожидаетъ еще болѣе горестная участь; они переживаютъ свободу, которой были обязаны своимъ существованіемъ, но переживаютъ ее только для того, чтобы сдѣлаться орудіемъ деспотизма. Такимъ образомъ римскіе цезари соединили въ своемъ лицѣ власть трибуна и цензора, и сумѣли употребить въ свою пользу вліяніе сената. Франція поставила надъ собою господина, и напрасно было бы отрицать, что она увеличила этимъ свое вліяніе въ Европѣ. Ея политика болѣе предприимчива, ея арміи лучше организованы и предводительствуемы, ея имя чаще встрѣчается на устахъ каждаго ¹. Пускай же Франція какъ можно болѣе извлекаетъ для себя выгоду изъ этой перемѣны, потому что она дорого стоила ей. Умолкъ голосъ ея законодательныхъ палатъ, въ которыхъ Европа искала и находила такъ много для себя поучительнаго. Газеты доведены до такого положенія, которое ничѣмъ не лучше, напротивъ того, можетъ быть хуже совершеннаго молчанія. Литература падаетъ все болѣе и болѣе, и безплодіе,

¹ Такъ ли это? Мы не думаемъ, чтобы Франція меньше теперешняго обращала на себя вниманіе Европы въ промежутокъ времени между 1830 и 1851 г.

составлявшее позоръ первоначальной имперіи, становится удѣломъ имперіи возобновленной. Превосходное письмо г. Беррье выставляетъ на видъ новые признаки этого пригупляющаго, парализирующаго вліянія. Въ исторіи французской цивилизаціи судебныя учрежденія всегда занимали почетное мѣсто. Въ нихъ часто засѣдали люди, имена которыхъ для каждаго Француза должны составлять предметъ гордости и удивленія. Не меньшею славю пользовалось съ давняго времени сословіе французскихъ адвокатовъ. Г. Беррье, недостигшій еще крайняго предѣла человѣческой жизни, былъ свидѣтелемъ значительнаго числа политическихъ переворотовъ. Партія, въ пользу которой онъ постоянно дѣйствовалъ, менѣе всѣхъ другихъ благоприятствовала такъ-называемому народному дѣлу; и если онъ теперь возвышаетъ свой голосъ, то конечно не изъ преувеличенной любви къ полной, безграничной свободѣ слова и къ злоупотребленіямъ ея. Но г. Беррье, хотя и легитимистъ, не принадлежитъ къ числу приверженцевъ абсолютизма. На закатѣ своей жизни и своей славы, онъ служитъ сословію адвокатовъ авторитетомъ своего совѣта и своего протеста. Протестъ этотъ замѣчателенъ независимо отъ своей высоко-художественной формы. Онъ служитъ живымъ доказательствомъ того, что самостоятельность французскихъ адвокатовъ потрясена и ограничена; что защитникамъ вмѣняется въ обязанность такое уваженіе къ обвинителямъ, которое уменьшаетъ дѣйствительность самой защиты; что чиновники, назначаемые и смѣняемые по произволу правительства, получаютъ преобладаніе надъ адвокатами и пользуются этимъ преобладаніемъ, чтобы притѣснять ихъ. Всякій согласится съ г. Беррье, что при настоящемъ положеніи Франціи единственною оградой жизни и собственности частныхъ лицъ, можетъ служить независимая адвокатура; но не менѣе ясно и то, что при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ существованіе независимой адвокатуры скоро сдѣлается невозможнымъ, а этого повидимому не сознаетъ г. Беррье. Адвокаты въ самыя тяжелыя времена часто исполняли свою обязанность мужественно и непоколебимо; но кто же рѣшится воспитывать своихъ дѣтей для профессіи, отправленіе которой есть добровольное мученичество? Когда, для охраненія своей собственной безопасности, адвокаты вынуждены будутъ выдавать своихъ кліентовъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, на произволъ

всемогущаго правительства, тогда въ сословіе адвокатовъ не много будетъ поступать людей честныхъ и благородныхъ. Г. Беррье конечно правъ, когда онъ утверждаетъ, что въ те-перешней Франціи адвокатъ—единственное приближеніе для жертвъ правительства, но изъ словъ его также несомнѣнно можно вывести и то заключеніе, что адвокатура не можетъ устоять одна посреди колѣнопреклоненнаго общества, и что неотразимая сила центральной власти неминуемо сокрушить это слабое препятствіе, подобно тому, какъ она устранила съ своего пути всѣ другія преграды. Борку позволительно было мечтать объ учрежденіяхъ, которыя и посреди рабства сохраняли бы духъ самой пламенной свободы; но простой здравый смыслъ исторіи не допускаетъ подобныхъ аномалій, и научаетъ насъ, что если свобода не одержитъ верхъ надъ деспотизмомъ, деспотизмъ всегда уничтожитъ послѣдніе слѣды, послѣдніе остатки свободы.»

Этими многознаменательными словами оканчиваетъ *Times* свою статью, которая быть-можетъ не осталась безъ вліянія на преобразовательныя мѣры Наполеона III. Реформы 24/12 ноября послужили какъ бы отвѣтомъ на краснорѣчивый обвинительный актъ свободной страны противъ ненасытнаго властолюбія союзника. Французское правительство упрекали въ ретроградныхъ стремленіяхъ, въ противодѣйствіи свободѣ, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась: оно протестуетъ противъ этого упрека, добровольно, по собственному побужденію расширяя политическія права націи. Какъ согласить это противорѣчіе, какъ объяснить внезапный, неожиданный переходъ съ одного пути на другой, противоположный? Разрѣшеніе этого вопроса не входитъ въ предѣлы нашей статьи. Для насъ важно только то, уничтожаютъ ли послѣднія реформы значеніе, современность мнѣній Беррье и *Times*, о французской адвокатурѣ? Можно ли ожидать, что правительство, обновленное вступленіемъ Г. де-Персины и просвѣщенное его циркулярами, откажется отъ тѣхъ попытокъ, о которыхъ говоритъ Беррье, и оставитъ неприкосновенными права судебной защиты? Или грозный вопросъ, поставленный въ статьѣ *Times*, сохраняетъ всю свою силу, и въ сферѣ адвокатской дѣятельности, какъ и во всѣхъ другихъ, все еще продолжается борьба между свободою и деспотизмомъ?

Беррье и *Times* согласны между собою въ томъ, что французская адвокатура подвергалась въ послѣднее время система-

тическому преслѣдованію со стороны правительства. Прокуроры принимали вызывающее положеніе, президенты громили адвокатовъ не случайно, а по заранѣ обдуманному плану, по лозунгу, данному свыше. Жертвами этого заговора дѣлались преимущественно адвокаты, принадлежащіе къ одной изъ оппозиціонныхъ партій; но желаніе утрашить политическихъ враговъ своихъ не было единственною, не было даже главною цѣлью правительства. Оно направляло свои удары, не столько противъ отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ цѣлаго сословія. Это стремленіе возникло не вслѣдствіе излишней смѣлости того или другаго адвоката, не въ слѣдствіе мгновеннаго раздраженія правительства. Нерасположеніе Наполеона III къ адвокатурѣ началось безъ сомнѣнія вмѣстѣ съ самымъ царствованіемъ его, или лучше сказать, перешло къ нему по наслѣдству отъ Наполеона I. Мы видѣли изъ письма Беррье, что думалъ и какъ выражался объ адвокатахъ основатель французской имперіи: никогда можетъ быть не проявлялось такъ сильно и такъ грубо старинное соперничество меча и тоги. Варварская пытка казалась Наполеону I едва достаточнымъ средствомъ для обузданія мятежныхъ адвокатовъ. Наполеонъ III слишкомъ остороженъ, скажемъ болѣе, слишкомъ благоразуменъ, чтобы увлечься смѣлымъ полетомъ мысли своего дяди. Онъ согласенъ оставить адвокатамъ пользованіе языкомъ, и желалъ бы только подчинить это пользованіе нѣкоторымъ условіямъ. Но отъ такой перемѣны адвокатура выигрываетъ не много; условія—понятіе относительное, которое часто граничитъ съ запрещеніемъ. Старая вражда облеклась только въ новую, можетъ-быть болѣе опасную форму. Гдѣ же источникъ этого антагонизма? Чѣмъ возбудили адвокаты непріязнь своихъ могущественныхъ противниковъ? Становились ли они во главѣ вооруженныхъ предпріятій противъ правительства, участвовали ли въ тайныхъ противъ него заговорахъ, проповѣдывали ли въ своихъ рѣчахъ возстаніе и неповиновеніе, являлись ли они, однимъ словомъ, мятежниками и измѣнниками, какъ называлъ ихъ Наполеонъ I? Нѣтъ, мы не видимъ ничего подобнаго. Инициатива нападенія, за самими немногими исключеніями, принадлежитъ правительству, а не адвокатамъ; и если среди случайностей судебной борьбы проявлялась затаенная мысль, нарушавшая безпристрастіе и равенство спорящихъ сторонъ, то мысль эта возникала не на скамьѣ адвокатовъ и даже не въ стѣнахъ трибунала.

Французская революція 1789 года, такъ вѣрно во многихъ

отношеніяхъ характеризуемая Токвилемъ, началась, по его словамъ, стремленіемъ къ свободѣ, но окончилась созданіемъ или, лучше сказать, восстановленіемъ центральной власти, болѣе нежели когда-либо сосредоточенной и сильной. Это двойное значеніе французской революціи чрезвычайно важно для объясненія ея послѣдствій,— послѣдствій, продолжающихся до нашего времени. Побѣда, одержанная центральною властью, не была и не могла быть полною; идеи, вызванныя къ жизни вѣковыми развитіемъ общества, были только побѣждены, но не уничтожены. И вотъ, въ моментъ самаго безграничнаго, по видимому, торжества своего, центральная власть, блистательно воплощенная въ лицѣ Наполеона I, испытываетъ какое-то смутное безпокойство; она не видитъ предъ собою противниковъ, но чувствуетъ ихъ; она инстинктивно пеняетъ, что безмолвіе, господствующее подъ нею, одинаково легко можетъ служить выраженіемъ и покорности, и порицанія. Въ послѣднихъ отголоскахъ парламентскихъ и журнальныхъ преній, въ салонныхъ разговорахъ, даже въ шопотѣ задушевной бесѣды, ей слышится что-то враждебное, или по крайней мѣрѣ что-то чуждое, что-то отдѣльное отъ нея и потому самому противоположное ей. Законы, приказанія административной власти, исполняются безпрекословно; но одно подчиненіе воли недостаточно для правительства: оно хотѣло бы подчинить себѣ и умы, замѣнить повиновеніе вѣрою, уничтожить всякій протестъ не только въ словахъ, но и въ мысляхъ. Мы не говоримъ, что императорское правительство отдавало себѣ ясный отчетъ въ этой цѣли: но что къ ней, хотя и не вполне сознательно, стремился Наполеонъ I, въ этомъ не можетъ, кажется, быть никакого сомнѣнія. Припомнимъ его ненависть къ идеологамъ, такъ ярко выразившуюся въ мелочномъ преслѣдованіи Шатобріана и Г-жи Сталь. Какъ обширна и затруднительна была задача, такъ разнообразны и многочисленны были и средства къ ея осуществленію. Самый источникъ императорской власти, всеобщее избирательство, давалъ Наполеону I, если не право, то поводъ считать себя представителемъ народа и слѣдовательно полновластнымъ распорядителемъ судебъ его. Такъ понималось въ то время избраніе монарха народомъ, такъ понимается оно и теперь въ современной (правительственной) Франціи. Кромѣ императора, въ государствѣ была еще другая власть, исходившая изъ народа—законодательный корпусъ; но во всемъ и всегда послушный Наполеону, онъ служилъ только для того, что-

бы придавать новую санкцію, новую непогрѣшимость всѣмъ проявленіямъ императорской власти. И воплощеніе народа въ государь не было однимъ пустымъ словомъ; съ помощью огромной, превосходно организованной бюрократической арміи, Наполеонъ дѣйствительно старался поставить себя на мѣсто народа и сосредоточить въ себѣ всю народную жизнь. Сенатъ и государственный совѣтъ были только первыми помощниками его въ этомъ противоестественномъ дѣлѣ; не даромъ Беррье отзывается съ горечью и насмѣшкой о сенаторіальныхъ комиссіяхъ, которыя ввѣрено было охраненіе индивидуальной свободы и свободы книгопечатанія. Но не въ этомъ, какъ мы уже сказали, заключалась характеристическая черта императорской системы. Бюрократія, опираясь на войско и на жандармовъ, могла по давить всякое сопротивленіе, установить вездѣ покорность, стѣснить всякую самостоятельную дѣятельность; но она не могла совершенно иссушить тѣхъ источниковъ, откуда исходитъ самостоятельность, откуда черпаются силы для сопротивленія. Конечно, фиктивная конституція VIII года, исправленная и дополненная въ 1802 и 1804 г., не могла не извратить отчасти понятія народа; конечно, развитіе централизаціи не могло не повредить народной инициативѣ, безъ того слишкомъ слабой во Франціи. Но этого было мало: Наполеонъ I хотѣлъ взять челоуѣка съ самаго дѣтства, внушить ему извѣстныя понятія и чувства, и потомъ поддерживать ихъ во все время его жизни, тщательно устраняя все то, что могло бы поколебать или измѣнить ихъ. Для дѣтей и юношей созданы были, въ этихъ видахъ, лицеи, и вообще все университетское устройство; для взрослыхъ людей на первый случай достаточно была война, отдѣлявшая однихъ отъ остальнаго общества предрасудками привилегированнаго сословія, ослѣплявшая другихъ блескомъ побѣдъ и славы. Вотъ этому-то идеалу благовоспитанныхъ дѣтей, обращающихся въ пылкихъ воиновъ или скромныхъ гражданъ, противорѣчили нѣкоторые элементы французскаго общества, отчасти порожденные революціей, отчасти существовавшіе до нея: литература, судебное сословіе, институтъ присяжныхъ, адвокатура. Понятно, какъ непріятны должны были быть для Наполеона I эти плевелы среди хорошо засѣяннаго поля, плевелы тѣмъ болѣе несносныя, что ихъ не могла вырвать съ корнемъ и всемогущая рука, одинаково легко побивавшая Австрійцевъ и разгонявшая трибунатъ и совѣтъ Пятисотъ. Всѣ усилія Наполеона были направлены

къ тому, чтобы парализовать вредное дѣйствіе этихъ элементовъ, чтобы поставить ихъ въ зависимость отъ благонамѣренной администраціи. Только въ 1810 году рѣшился онъ дать правильную организацію адвокатурѣ. Декретъ 14-го декабря этого года, по выраженію одного изъ умѣреннѣйшихъ французскихъ юристовъ (Боннье), дышитъ оскорбительнымъ недоувѣріемъ къ сословію адвокатовъ; при всемъ томъ, императоръ находилъ его недостаточно строгимъ и долго не хотѣлъ подписать его. Если исторія первой имперіи не представляетъ намъ отдѣльныхъ случаевъ столкновенія адвокатовъ съ правительствомъ, то это объясняется безграничною властью послѣдняго и пассивнымъ состояніемъ общества, въ которомъ по видимому замерла всякая мысль объ оппозиціи. Но при отсутствіи борьбы между адвокатами и императорскимъ правительствомъ, чѣмъ же объясняется ненависть послѣдняго къ первымъ? Почему именно Наполеонъ I признавалъ адвокатуру, или по крайней мѣрѣ свободное устройство ея, несомнѣннымъ съ своею политическою системою? Считая себя, какъ мы уже сказали, представителемъ всей народной жизни, всего государственнаго порядка, Наполеонъ не могъ не возмущаться до глубины души всякимъ нарушеніемъ закона, общественнаго спокойствія, общественной безопасности; потому что оно казалось ему направленнымъ непосредственно противъ его лица, противъ его власти. Съ такимъ взглядомъ на дѣло, онъ не могъ вносить въ преслѣдованіе преступленій то хладнокровное безпристрастіе, которое служитъ лучшею гарантіею правосудія. Вся уголовная процедура, созданная по его указаніямъ, направлена была преимущественно къ изобличенію и обвиненію подсудимыхъ; предположеніе невинности ихъ оставалось на второмъ планѣ. На этомъ пути адвокатура представлялась Наполеону докучною преградой, тѣмъ болѣе неурядною, чѣмъ живѣе адвокаты принимали къ сердцу свои обязанности. Если бы адвокатская защита была пустою формальностью, необходимымъ дополненіемъ прокурорской рѣчи, изложеніемъ *ex officio* фактовъ, говорящихъ въ пользу обвиненнаго, то Наполеонъ можетъ-быть примирился бы съ нею; но для адвоката оправданіе подсудимыхъ въ большой части случаевъ было также дорого, также желанно, какъ для правительства—обвиненіе ихъ. Въ этомъ естественномъ и священномъ стремленіи адвокатовъ Наполеонъ видѣлъ неуваженіе къ правительству, почти сопротивленіе ему. Изъ одного ложнаго понятія происходило, по обыкновенію,

множество вредных послѣдствій. Когда правительство выступает на судебную арену въ качествѣ заинтересованной стороны, то равновѣсіе между обвиненіемъ и защитой, необходимое условіе справедливости, падаетъ само собою.

Представителями императора въ судахъ были въ то время, какъ и теперь, прокуроры. Вѣрные отголоски высшаго правительства, они преслѣдовали подсудимыхъ съ тою же горячностью, еще усиливаемомъ личнымъ самолюбіемъ. Столкновенія между ними и адвокатами, при живости французскаго характера, были неизбежны; борьба за дѣло не могла иногда не обратиться въ борьбу между лицами. Но при правительственной системѣ того времени, всякое рѣзкое слово, направленное противъ прокурора, казалось оскорбительнымъ для самого императора, отъ котораго, по выраженію Беррье, все исходило и къ которому возвращалось. Всякій чиновникъ считался какъ бы принадлеженностію, частію верховной власти, и вмѣстѣ съ нею пользовался преимуществомъ неприкосновенности и непогрѣшимости. Вотъ новый источникъ непріязни императора къ адвокатамъ. Наполеонъ забывалъ, что если прокуроры защищаютъ правительство, то адвокаты охраняютъ интересы подданныхъ, которые также имѣютъ право на прекровительство монарха, особенно монарха, поставленнаго на престолъ волей народа. Съ тою одностороннею логикой, которой мы видимъ столько примѣровъ въ исторіи, онъ извлекалъ изъ идеи всеобщаго избирательства одинъ только рядъ заключеній, и оставлялъ безъ вниманія другую цѣпь выводовъ, не менѣе естественно вытекающихъ изъ той же идеи.

Но сказанное нами составляетъ только внѣшнюю, и можетъ быть не самую важную сторону дѣла. Начало дѣятельности Наполеона относится ко второму періоду французской революціи, когда вниманіе Франціи и Европы раздѣлено было между національнымъ конвентомъ и войсками, сражавшимися по его указанію. Первые воспоминанія Наполеона были связаны съ преобладаніемъ гражданскаго управленія надъ военнымъ, съ полновластіемъ комиссаровъ и комитетовъ конвента, которые по своему усмотрѣнію назначали, отрѣшали и даже казнили генераловъ. Воинъ по призванію и по характеру, Наполеонъ не могъ не питать непріязни къ такому порядку вещей, хорошія стороны котораго для него совершенно затмѣвались дурными. Несправедливость комиссаровъ, отдѣльныя ошибки ихъ, поражали его гораздо сильнѣе нежели общіе результаты

энергической дѣятельности конвента. Исключенный изъ дѣйствительной службы по вліянію Обри, члена національнаго конвента, Наполеонъ былъ вновь призванъ къ ней Баррасомъ, также членомъ конвента, для отраженія роялистовъ, 13 вандеміера. Первое обстоятельство раздражило Наполеона противъ народныхъ собраній, второе убѣдило его въ безсиліи ихъ безъ помощи войска. Итальянская кампанія показала ему что можетъ сдѣлать онъ во главѣ войска. Въ адресахъ, посланныхъ директоріи итальянскою арміею въ 1797 году, по случаю несогласія большинства директоровъ съ реакціоннымъ большинствомъ совѣтовъ, дышать уже горделивое презрѣніе къ законодательнымъ собраніямъ, презрѣніе матеріальной силы къ нравственному вліянію. Неудачи 1799 года довершаютъ начатое дѣло. Разбитые полководцы обвиняютъ во всемъ гражданскую власть директоріи. Наполеонъ, возвратясь изъ Египта, требуетъ у нея отчета въ положеніи Франціи. За нѣсколько дней до 18 брюмера, Наполеонъ спрашиваетъ одного изъ своихъ сподвижниковъ, Леевра, согласенъ ли онъ обречь республику на гибель, оставляя ее въ рукахъ адвокатовъ, то-есть членовъ директоріи и совѣтовъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ Леевръ, адвокатовъ нужно бросить въ воду. И вслѣдъ за тѣмъ гренадеры штыками разгоняютъ совѣтъ Пятисотъ. Конституція VIII года до крайности ограничиваетъ роль законодательныхъ собраній; но и она вскорѣ оказывается недостаточною. Мирная оппозиція Шенье и Б. Констана даетъ поводъ сначала обезобразить, потомъ уничтожить трибуналь. А почему? Потому что въ одномъ трибуналь сохранились ненавистныя Наполеону черты прежняго порядка вещей—ораторская кафедра, парламентскія пренія, свободное, живое слово. Название адвокатовъ, данное Наполеономъ, въ минуту откровенности, членамъ законодательныхъ собраній, чрезвычайно характеристично и многозначительно. Законодательное собраніе—это какъ бы обширный, верховный трибуналь, въ которомъ обсуждается *pro* и *contra* каждаго вопроса, въ которомъ правительство имѣетъ своихъ прокуроровъ, оппозиція — своихъ адвокатовъ, а большинство представляетъ собою судей. Вотъ это гласное обсужденіе, этотъ анализъ предлагаемыхъ мѣръ, это взвѣшиваніе аргументовъ и свободное принятіе или непринятіе ихъ казались Наполеону лишнимъ колесомъ въ правительственной машинѣ, напрасно замедляющимъ ея движеніе. Привыкнувъ среди лагерья готовить свои планы въ глубокой тайнѣ и исполнять ихъ, не

спрося ни у кого совѣта, Наполеонъ хотѣлъ точно также править государствомъ. Онъ достигъ своей цѣли; но всякое воспоминаніе о прошедшемъ было для него несносно, и отсутствіе адвокатовъ въ сенатѣ, въ нѣмомъ законодательномъ корпусѣ, не могло примирить его съ присутствіемъ ихъ въ судахъ. Онъ видѣлъ въ нихъ представителей той же силы слева, той же силы убѣжденія, которую онъ изгналъ изъ другихъ сферъ государственной жизни. Ему не нравились критическіе приемы, неразрывно связанные съ адвокатскою профессіей; ему не нравилось наконецъ то сочувствіе, которое адвокаты возбуждали въ своихъ слушателяхъ. Война была единственнымъ источникомъ интереса, который всегда былъ открытъ для подданныхъ Наполеона I; онъ не хотѣлъ, чтобы вниманіе публики отвлекалось отъ этой великой трагедіи домашними, судебными драмами. Среди единообразной, безразличной толпы, которую ему такъ пріятно было видѣть подъ собою, адвокаты выступали впередъ слишкомъ ярко, какъ позволительно было выступать только генераламъ или префектамъ. Мы уже говорили, что общественное мнѣніе во время первой имперіи гораздо менѣе принимало участія въ адвокатахъ нежели въ послѣдствіяхъ; но и слабая доля участія была слишкомъ значительна въ глазахъ Наполеона.

Итакъ, съ одной стороны, прямое противодѣйствіе правительственнымъ органамъ, съ другой—косвенное уклоненіе отъ правительственной системы, вотъ главныя причины нерасположенія Наполеона I къ адвокатамъ. Любопытно было бы знать, измѣнилось ли это чувство, когда до острова Св. Елены дошелъ слухъ о блистательной защитѣ Нея и Камбронна? Краснорѣчье Беррье и Дюпена, направленное въ пользу приверженцевъ павшей имперіи, и препятствія, съ которыми оно должно было бороться, убѣдили ли Наполеона I въ необходимости свободныхъ судебныхъ преній? Можетъ-быть; но во всякомъ случаѣ они не убѣдили въ томъ Наполеона III.

Реставрація, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не заслуживаетъ того упрека, который такъ тяжело падаетъ на правленіе Наполеона I. Она старалась ограничить свободныя учрежденія, данныя ею странѣ, старалась стѣснить примѣненіе нѣкоторыхъ идей 1789 г.; но не подкапывалась, во мракѣ и тайнѣ, подъ самыя основанія народной жизни. Если Карлъ X и покровительствовалъ іезуитамъ, то болѣе по религіозному убѣжденію нежели изъ политическихъ видовъ. Наука и литература

развились въ давно-неслыханныхъ размѣрахъ; трибуна и журналистика пользовались довольно значительною свободой; вездѣ замѣтно было движеніе впередъ. Адвокатура также вздохнула свободнѣе и выставила цѣлый рядъ знаменитостей. Во время іюльской монархіи, при большемъ развитіи свободныхъ учрежденій, опять появляются признаки подземной борьбы противъ самаго источника ихъ; но борьба эта, предпринятая во имя преобладанія матеріальныхъ интересовъ, ограничилась тѣсною сферою *легалной страны*¹ и не предупредила, а ускорила февральскую революцію. Республика быстро уступила мѣсто имперіи; 18 брюмера повторилось 2 декабря 1851 года; но при всемъ видимомъ сходствѣ этихъ переворотовъ, положеніе дѣлъ въ 1851 или 1852 г. существенно отличалось отъ положенія дѣлъ въ концѣ 1799 года. Сходства было достаточно на то, чтобы побудить Наполеона III продолжать во многихъ отношеніяхъ политику Наполеона I; но различіе заключалось въ препятствіяхъ, съ которыми должна была бороться эта возобновленная политика, въ условіяхъ, среди которыхъ она должна была дѣйствовать, въ средствахъ, которыя должна была употреблять.

Послѣднее десятилѣтіе прошедшаго вѣка было временемъ политическихъ опытовъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь многочисленныхъ и разнообразныхъ. Отвлеченныя теоріи быстро переходили въ факты и столь же быстро замѣнялись одна другою. Всѣ партіи, по очереди, достигали верховной власти, и всѣ пользовались ею для осуществленія своихъ любимыхъ плановъ. Планы эти по большей части оставались безъ успѣха; одни уступали силѣ, другіе падали подъ бременемъ внутреннихъ недостатковъ. Послѣдствіемъ этого была всеобщая усталость, недовѣріе народа къ партіямъ, даже болѣе: недовѣріе партій къ самимъ себѣ. Вотъ почему консульство такъ легко и такъ охотно было принято всѣми; вотъ почему переворотъ 18 брюмера ни въ комъ почти не возбудилъ ни сопротивленія, ни протеста. Совершенно иначе сложились событія 1848 и послѣдующихъ годовъ. Изъ числа партій, возставшихъ общими силами противъ іюльскаго престола, нѣкоторыя вовсе не достигли власти, другія преждевременно и бесплодно истощили свои силы въ междуусобныхъ распряхъ, третьи были задав-

¹ Та часть общества, которая пользовалась политическими правами.

лены въ то самое время, когда всего болѣе разчитывали на успѣхъ. Эпоха революціонная въ полномъ смыслѣ слова, то-есть эпоха переворотовъ, нововведеній продолжалась не болѣе четырехъ мѣсяцевъ и окончилась въ іюнѣ, можетъ-быть даже въ маѣ 1848 года. Противоположныя мнѣнія успѣли только заявить себя, но не высказались вполнѣ, не пришли къ окончательнымъ результатамъ, и главное въ большей части случаевъ остались безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Народной волѣ, даже народной мысли, весьма скоро было сказано: ты не пойдешь далѣе. Грубая сила, конечно, играла важную роль и въ первой французской революціи; но тамъ она переходила съ одной стороны на другую, а въ 1848 году очень рано осталась безраздѣльно въ рукахъ консервативной партіи. Понятно, что переворотъ 2 декабря не могъ быть равнодушно принятъ партіями, почти ничего не имѣвшими въ прошедшемъ и всего ожидавшими отъ будущаго. 1799 годъ былъ годомъ всеобщей апатіи, 1851—годомъ всеобщаго броженія умовъ, взволнованныхъ предстоящими выборами 1852 года. Въ 1799 году Людовикъ XVIII былъ забытъ всѣми, даже своими приверженцами; республиканскія идеи лишены были всякой жизненной силы. Въ 1851 году на сторонѣ герцога бордосскаго и графа парижскаго были многочисленныя партіи, сильныя въ особенности тѣмъ, что для нихъ лицо претендента выражало собою идею; не менѣе могущественна и числомъ, и духомъ была, при всей своей разрозненности, республиканская партія. Съ другой стороны, Наполеонъ I принялъ консульскую власть въ полномъ блескѣ своей воинской славы, обожаемый Франціей и предметъ удивленія для всей Европы; Наполеонъ III, кромѣ своего имени, ничѣмъ особенно не привлекалъ къ себѣ народа. Наполеонъ I былъ деспотъ не столько по расчету, сколько по страсти, по увлеченію; безграничная власть была необходима для осуществленія его безумныхъ, но гигантскихъ плановъ. Для Наполеона III, хладнокровнаго и безстрастнаго, абсолютная власть—цѣль, а не средство, и если Наполеонъ I, упоенный успѣхомъ, чистосердечно вѣрилъ въ свое призваніе, то Наполеонъ III едва ли считаетъ себя избранникомъ Провидѣнія, едва ли ошибается насчетъ истиннаго значенія плебисцитовъ 1851 и 1852 годовъ. Итакъ препятствія, которыхъ не имѣлъ передъ собою Наполеонъ I; отсутствіе того обаянія, которое составляло главную силу первой имперіи; болѣе сознательное, болѣе холодное стремленіе къ власти: вотъ, по

нашему мнѣнію, отличительныя черты второй имперіи. Не трудно предугадать послѣдствія ихъ. Наполеонъ III возобновилъ борьбу съ живыми силами народа, но возобновилъ ее въ большихъ размѣрахъ, съ большею обдуманностію, со всѣмъ тѣмъ превосходствомъ, которое дается опытомъ и временемъ. Главное орудіе Наполеона I, какъ мы уже сказали, была война. Наполеонъ III также не пренебрегаетъ этимъ средствомъ, и извлекаетъ изъ него тѣмъ болѣе пользы, чѣмъ сильнѣе политика Лудовика-Филиппа раздражила національную гордость, оскорбила народное чувство. Правда, война съ Россіей ни мало не согласовалась съ истинными интересами Франціи; война съ Австріей заключала въ себѣ вопиющее противорѣчіе; войны съ Китаемъ и Кохинхиной едва ли даже понятны для народа: но онѣ открывали войску путь къ отличію и наградамъ, доставляли націи дорого купленную славу побѣдъ, удовлетворяли неизлѣчимое тщеславіе Французовъ. Что же послѣ того значить страшная потеря людей, страшное увеличеніе долга, и, что можетъ быть еще важнѣе, чрезмѣрное усиленіе войска, преобладаніе военнаго духа, извращеніе народныхъ чувствъ и понятій? Въ дѣлѣ воспитанія Наполеонъ III также является усовершенствованнымъ послѣдователемъ Наполеона I. Здѣсь ему много и ревностно помогаетъ католическая церковь, съ ея извѣстными монашескими орденами. Покоренная Наполеономъ I, но въ сущности враждебная ему, она всею душой предалась Наполеону III, и разрывъ, недавно происшедшій между ними по одному вопросу, едва ли повредилъ дружному стремленію ихъ къ другимъ цѣлямъ. Но кромѣ этихъ двухъ средствъ, заимствованныхъ у Наполеона I, Наполеонъ III пользуется еще третьимъ, можетъ-быть самымъ могущественнымъ, и почти неизвѣстнымъ во времена первой имперіи. Это всеобщее поклоненіе богатству, служеніе матеріальнымъ интересамъ, со всѣми его прямыми и косвенными послѣдствіями. Оно возникло прежде Наполеона III; но при немъ дошло оно до крайнихъ предѣловъ, и онъ удивительно умѣлъ согласовать его съ своими собственными видами. Предметъ этотъ слишкомъ извѣстенъ; мы не будемъ распространяться о немъ, и укажемъ только на превосходныя страницы, посвященныя ему Токвилемъ въ предисловіи къ *l'Ancien Régime et la Révolution*. Господство бюрократіи, безвредно переносящей громкіе возгласы высоко поставленныхъ лицъ противъ централизаціи, покорность магистратуры, гибкость кассационнаго суда съ его

болѣе нежели гибкимъ генеральнымъ прокуроромъ Дюпеномъ, раболѣпство генеральныхъ совѣтовъ, безгласность муниципалитетовъ, стѣсненіе журналистики,—вотъ черты, довершающія картину.

Такое положеніе дѣлъ, продолжающееся около десяти лѣтъ, не могло остаться безъ послѣдствій. Если во Франціи и чувствуется еще по временамъ движеніе политической жизни, то представители этого движенія почти всѣ принадлежатъ временамъ прошедшимъ. Партіи, если можно такъ выразиться, кристаллизировались, остались въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ застѣгла имперія; онѣ не пополняются новыми, свѣжими людьми, которые могли бы составлять надежду будущимъ поколѣніямъ. Не говоримъ о легитимистской партіи: она приближалась къ своему паденію еще во времена іюльской монархіи. Беррье и Монталамберъ не имѣютъ преемниковъ; Ларошжакленъ засѣдаетъ въ императорскомъ сенатѣ. Партія орлеанистовъ по прежнему воплощена въ Гизо, Тьеръ, Вильменъ, Кузенъ, редакція *Journal des Débats*; но и изъ этихъ дѣятелей многіе пережили свое дарованіе и сдѣлались неспособными къ плодотворной борьбѣ; другіе готовы подать руку существующему порядку вещей. Смерть похитила Токвиля: Вильменъ и Гизо защищаютъ свѣтскую власть папы. Прево-Парадолъ, Тенъ, Джонъ Лемуанъ и нѣсколько другихъ молодыхъ, даровитыхъ писателей, едва ли въ состояніи замѣнить своихъ славныхъ предшественниковъ. Республиканскую партію внѣ Франціи представляютъ Л. Бланъ, Ледрю-Ролленъ, В. Гюго; внутри Франціи — Ж. Фавръ, помощникъ Ледрю-Роллена въ 1848 г., Э. Оливье, одинъ изъ комиссаровъ временнаго правительства, Карно, Гудшо, Мари, Кремье Гарнье-Пажесь, также дѣятели февральской революціи. Молодое поколѣніе устремляется въ военную службу, на биржу, въ спекуляціи, и если не становится въ ряды администраціи, то остается чуждымъ всякому политическому мнѣнію. Литература, по выраженію *Times* впадаетъ въ то безплодіе, которое составляло позоръ первой имперіи. Въ самой адвокатурѣ, всѣ почти громкія имена принадлежатъ прошедшему. Тѣмъ не менѣе, сословіе адвокатовъ не пользуется и не можетъ пользоваться расположеніемъ правительства. Въ свободномъ устройствѣ адвокатуры, Наполеонъ III, какъ и Наполеонъ I, видитъ и положительное, и отрицательное противодѣйствіе своей системѣ, своимъ цѣлямъ. Къ тому же, въ рядахъ адвока-

товъ, нашли себѣ убѣжище многіе изъ парламентарныхъ бойцовъ прежняго времени. На скамьѣ адвокатовъ часто сидятъ бывшіе министры іюльской монархіи или республики, бывшіе президенты законодательныхъ собраній, бывшіе члены временнаго правительства. Подъ вліяніемъ тѣхъ воспоминаній, о которыхъ говоритъ Беррье, они иногда мѣняютъ роль адвоката на роль политическаго оратора, и рѣчи Жюля Фавра по дѣлу Орени, Беррье и Дюфора по дѣлу Монталамбера, Беррье по дѣлу Дюпанлу, не кстати переносятъ правительство и общество въ другую, минувшую эпоху. Эти же дѣятели другаго времени поддерживаютъ въ молодыхъ адвокатахъ духъ благородной независимости, сознаніе собственнаго достоинства; они научаютъ ихъ дорожить правами адвокатуры и подражать великимъ примѣрамъ, которыми такъ богата ея исторія. Усилія Ж. Фавра и его достойныхъ сотрудниковъ находятъ для себя благопріятную почву въ самомъ призваніи адвокатуры, въ самыхъ существенныхъ чертахъ ея организациі: въ корпоративномъ элементѣ, въ преобладаніи нравственнаго интереса надъ матеріальнымъ, въ критическихъ приѣмахъ, приучающихъ къ самостоятельности мышленія. Конечно, общее направленіе воспитанія оказываетъ свое вліяніе и на будущихъ адвокатовъ; принципы общества, въ которое они вступаютъ, иногда одерживаютъ верхъ надъ преданіями адвокатуры. Правительство соблазняетъ однихъ мѣстами прокуроровъ или судей, устрашаетъ другихъ всегда висащею надъ ними угрозою преслѣдованія, запрещенія; наконецъ, встрѣчаетъ во многихъ ту инерцію, ту апатію, которая составляетъ характеристическую черту современной Франціи. Но при всемъ томъ, усилія правительства искоренить прежній духъ и уничтожить прежнюю независимость адвокатуры еще не увѣнчались успѣхомъ; доказательство этому—тѣ самыя событія, которыя подали поводъ къ письму Беррье.

Итакъ, наполеоновской династіи принадлежитъ изобрѣтеніе или по крайней мѣрѣ усовершенствованіе новой политической системы, которую мы назвали бы *системою предупрежденія*, еслибы только это названіе вполнѣ выражало нашу мысль. Предупрежденіе существовало и прежде, но подъ другою формою—подъ формою *устрашенія*. Не отказываясь вполнѣ отъ этой формы, оно появляется теперь въ новомъ видѣ, и старается предупредить не только самое зло, но и мысль о немъ. Въ этой системѣ, политическія учрежденія, конечно, играютъ

важную роль, но не всегда имѣютъ преобладающее значеніе. Самыя либеральныя учрежденія могутъ быть парализованы въ примѣненіи ихъ къ дѣлу, и наоборотъ движеніе и жизнь могутъ существовать среди стѣснительныхъ формъ и суровыхъ законовъ. Г. де-Персинья указываетъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, какъ строги, даже жестоки англійскіе законы о книгопечатаніи; но эти законы не препятствуютъ безграничной свободѣ журналистики. Наоборотъ, существуетъ ли свобода слова и книгопечатанія въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки? Измѣненіе учреждений не всегда предполагаетъ, не всегда влечетъ за собою измѣненіе правительственной системы. Правительство Наполеона III девять лѣтъ шло по одному пути, къ одной ясно-сознанной цѣли. Декреты 24/1, ноября не указываютъ съ полною ясностью ни другаго пути, ни другой цѣли. Они даютъ законодательнымъ собраніямъ право обсуждать политику правительства; но даютъ ли они имъ къ тому возможность? Не говоримъ уже о теперешнемъ законодательномъ корпусѣ и о томъ, на сколько можно ожидать отъ него свободы и самостоятельности въ отношеніи къ правительству. Положимъ, что онъ будетъ распущенъ и произойдутъ новыя выборы: какой результатъ дадутъ они при всеобщей апатіи народа, при отсутствіи свѣжихъ дѣятелей, при стѣсненіи политическихъ партій, при фальшивомъ положеніи журналистики? Обсужденіе адреса само по себѣ не даетъ еще законодательному корпусу той живой силы, которая одна можетъ имѣть вліяніе на общую политику правительства. Громадная власть послѣдняго позволяетъ ему и послѣ декретовъ 24/1, ноября продолжать ту подземную борьбу, о которой мы такъ много говорили. Весь вопросъ въ томъ, захочетъ ли оно продолжать ее? Разрѣшеніе этого вопроса въ будущемъ; но если судить по прошедшему, по тѣмъ удобствамъ, которыя представляетъ для правительства эта борьба, по тѣмъ выгодамъ, которыя оно изъ нея извлекало, то исходъ дѣла становится довольно ясенъ. Убѣдить насъ въ противномъ могли бы только сильныя, несомнѣнныя доказательства, изъ которыхъ первымъ, хотя и весьма недостаточнымъ, было бы распущеніе законодательнаго корпуса. Вотъ почему мы думаемъ, что стѣсненіе адвокатуры въ пользу прокуроровъ будетъ продолжаться по прежнему, что письмо Беррье и статья *Times* сохранили всю свою силу, всю свою современность, и что мы въ правѣ гово-

рять о нихъ и теперь, какъ говорили бы прежде изданія декретовъ 24/11 ноября.

Беррье и *Times*, какъ мы уже сказали, согласны между собою въ оцѣнкѣ современнаго состоянія французской адвокатуры: но изъ общей посылки они извлекаютъ различныя заключенія. Беррье не теряетъ надежды на будущее; онъ думаетъ, что независимость адвокатуры можетъ устоять противъ враждебныхъ попытокъ; онъ увѣренъ, что съ помощью ея равно или поздно восторжествуетъ дѣло разума и справедливости. Вотъ почему онъ оканчиваетъ свое письмо воззваніемъ къ молодому поколѣнію адвокатовъ. Имъ завѣщаетъ онъ святыню преданій и правъ адвокатуры, въ томъ убѣжденіи, что они сумѣютъ сохранить этотъ драгоценный залогъ. Онъ вѣритъ, что ни сила, ни обманъ не преодолѣютъ безкорыстную твердость адвокатуры, и что девизомъ ея всегда останется: *potius mori quam foedari*. Тою же мужественною увѣренностью въ собственныхъ силахъ дышитъ и рѣчь Жюля Фавра, произнесенная имъ при вступленіи въ должность *batonnier*, 3 декабря прошедшаго года. И увѣренность эта основана, конечно, не на декретахъ 24 ноября, о которыхъ въ рѣчи не упомянуто ни однимъ словомъ. Совершенно иначе смотритъ на дѣло *Times*. Онъ утверждаетъ, что при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя указаны въ письмѣ Беррье, существованіе независимой адвокатуры скоро сдѣлается невозможнымъ, что адвокатура не можетъ устоять одна среди колѣнопреклоненнаго общества, и что если свобода не одержитъ верхъ надъ деспотизмомъ, то деспотизмъ непременно уничтожитъ послѣдніе слѣды, послѣдніе остатки свободы. На чьей же сторонѣ истина? На сторонѣ ли непосредственныхъ участниковъ дѣла, горячо заинтересованныхъ въ его исходѣ, и потому самому склонныхъ къ самообольщенію? Или на сторонѣ хладнокровнаго, безпристрастнаго наблюдателя, сочувствующаго, конечно, одному изъ борющихся началъ, но стоящаго внѣ самаго разгара борьбы? Можетъ-быть, Беррье и Ж. Фавръ слишкомъ близоручко судятъ о будущемъ на основаніи прошедшаго, о молодомъ поколѣніи по своимъ современникамъ, по самимъ себѣ? Или можетъ-быть *Times* слишкомъ мало вѣритъ въ нравственную энергію своихъ континентальныхъ сосѣдей? Въ защиту мнѣнія Беррье можно было бы сослаться на всю исторію Франціи, указать на оппозиціонный духъ Гугенотовъ и лиги, созрѣвающій среди деспотизма Франциска I и Генриха II, на фронду, отдѣлен-

ую не многими годами отъ самовластиа кардинала Ришелье, на реакцію регентава противъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Лудовика XIV, на философское движеніе XVIII вѣка, совершающееся въ виду абсолютной власти Лудовика XV. Но ни Валуа, ни Бурбоны не знали той политической системы, которою руководствуется Наполеонъ III. Въ дѣятельность французскаго правительства, въ жизнь французскаго народа введенъ новый элементъ, нарушающій аналогію между прошедшимъ и настоящимъ. Вліяніе этого элемента огромно; успѣхи, сдѣланные имъ, очевидны. Возможна ли при немъ прежняя живучесть преслѣдуемыхъ началъ, прежній контрастъ между цѣлью правительственной системы и результатами ея?

Мы уже говорили о политическомъ виднѣ-ферентизмѣ, составляющемъ отличительную черту современной Франціи. Одинъ изъ источниковъ этого явленія, конечно, правительственная система Наполеона III; но нельзя не вознаться, что оно предшествовало ей и даже содѣйствовало ея успѣху. Усилія Наполеона направлены къ подавленію политической жизни въ народѣ; но при широкомъ ея развитіи, при горячемъ ея стремленіи впередъ, эти усилія были бы не мыслимы. Они предполагаютъ въ народѣ извѣстную степень инерціи и апатіи, безъ которой они прекратились бы въ самомъ началѣ. Декабрьское правительство застало во Франціи нѣсколько могущественныхъ партій; но большинство народа было одинаково чуждо всѣмъ этимъ партіямъ, одинаково равнодушно къ ихъ идеямъ и стремленіямъ. При этой благопріятной обстановкѣ, политика предупрежденія можетъ идти къ своей цѣли безъ поспѣшности, медленнымъ, но тѣмъ болѣе вѣрнымъ шагомъ. Съ измѣненіемъ обстановки измѣнилась бы, по необходимости, и самая политика. Обходить препятствія, нейтрализовать ихъ, устранять ихъ мало-по-малу легче, нежели сталкиваться съ ними открыто, при дневномъ свѣтѣ. Крутыя мѣры всегда опаснѣе мягкихъ, то-есть опаснѣе для того, кто принимаетъ ихъ. Твердая оборона вызвала бы, можетъ-быть, насильственное нападеніе, которое, какъ ударъ грома, очистило бы сгустившійся воздухъ. Такой обороны не встрѣчала еще политика предупрежденія: куда ни направлялись ея усилія, они видѣ не встрѣчали единодушнаго, дѣятельнаго отпора. Судьи не протестовали противъ униженія магистратуры, газеты робко, и только по временамъ, возвышали голосъ противъ декрета 1852 г., университетъ не возставалъ открыто противъ вліянія

духовенства въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Но къ чему, могутъ возразить намъ, повело бы безсильное сопротивленіе, какую пользу принесъ бы бесплодный протестъ? По нашему мнѣнію, весьма большую. Какъ ни могущественно французское правительство, оно боится общественнаго мнѣнія, если не въ самой Франціи, то по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Общественное мнѣніе можетъ быть не внимательно, слишкомъ не внимательно къ мелкимъ притѣсненіямъ, къ скрытымъ злоупотребленіямъ власти; оно можетъ быть равнодушно, даже снисходительно къ тираниіи, если она прикрывается законными формами и идетъ окольными путями; но оно не осталось бы безглазнымъ передъ открытымъ проявленіемъ грубой силы и произвола. Настоящій правитель Франціи болѣе чѣмъ кто-либо другой дорожитъ такъ называемыми *apparences*. Онъ знаетъ, что времена Лудовика XV прошли безвозвратно, и что императорская власть до тѣхъ только поръ сильнѣе королевской, пока осторожнѣе ея. Еслибы кассационный судъ воспротивился его волѣ, онъ не рѣшился бы выслать его изъ Парижа; еслибы журналистика вышла изъ повиновенія, онъ не отважился бы разомъ запретить всѣ неправительственныя газеты; еслибы университетъ возсталъ противъ іезуитовъ, онъ не рѣшился бы поставить послѣднихъ на мѣсто перваго. Положимъ однако, что онъ не отступилъ бы и передъ такими крайними мѣрами; тогда всеобщее негодованіе принудило бы его или къ уступкамъ, или къ такимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, послѣ которыхъ неизбѣжна реакція. Повторяемъ, твердое, единодушное сопротивленіе не могло бы не измѣнить, такъ или иначе, политику французскаго правительства. Во Франціи вообще мало задатковъ для такого сопротивленія: но нельзя сказать того же самаго о французской адвокатурѣ. Не имѣя средствъ къ наступленію, она соединяетъ въ себѣ всѣ условія для успѣшной обороны. Доказывать эту мысль, значило бы повторять все сказанное нами выше. Какъ всякая корпорація, адвокатура доставляетъ своимъ членамъ нравственную поддержку, соединяетъ ихъ общими интересами, общими цѣлями, одушевляетъ ихъ однимъ общимъ духомъ. Съ другой стороны, она доступна для всякаго, свободна отъ исключительности и замкнутости, этихъ обыкновенныхъ недостатковъ корпоративнаго устройства. *Times* сомнѣвается въ будущности адвокатуры, говоря, что честный человѣкъ не захочетъ брать на себя званіе, представляющее выборъ только между мученичествомъ

или раболѣпствомъ. Мы думаемъ, что адвокатура никогда не перестанетъ привлекать къ себѣ честныхъ людей: обязанность адвоката высока и завидна, какъ бы ни было стѣснено отправленіе ея. Весь вопросъ въ томъ, выдержитъ ли честный человѣкъ, принявшій на себя должность адвоката, всѣ трудности своей профессіи, останется ли онъ вѣренъ своему призванію, устоитъ ли противъ соблазна и устрашенія? И на этотъ вопросъ мы готовы отвѣчать утвердительно. Нравственная солидарность французскихъ адвокатовъ, преданія, которыми они такъ дорожатъ, чувство сословной чести, заставляющее ихъ такъ высоко цѣнить свою независимость, все это вмѣстѣ взятое поддерживаетъ или даже укрѣпляетъ тотъ взглядъ на вещи, съ которымъ поступаетъ въ адвокаты всякій честный человѣкъ. Пока во главѣ адвокатуры будутъ стоять такіе люди, какъ Ж. Фавръ, Э. Оливье, Кремье, Беррье, до тѣхъ поръ сословіе адвокатовъ останется вѣрнымъ своему прошедшему; вновь вступающіе члены по большей части будутъ подчиняться вліянію своихъ знаменитыхъ старѣйшинъ. Когда эти представители другой эпохи сойдутъ со сцены, то мѣсто ихъ, должно надѣяться, займутъ достойные преемники, образовавшіеся подъ ихъ руководствомъ и усвоившіе себѣ ихъ принципы. Не можетъ быть, чтобы притомъ постоянномъ общеніи, которое существуетъ между адвокатами, безслѣдно пропалъ примѣръ Ж. Фавра, безслѣдно прошла память о Бетмонѣ и Лиувиллѣ¹. Вотъ почему мы думаемъ, что адвокатура можетъ устоять противъ гоненій, предметомъ которыхъ она сдѣлалась въ последнее время. Императорскіе суды произнесли обвинительный приговоръ надъ Э. Оливье и надъ нѣкоторыми другими адвокатами; но такіе приговоры не могутъ быть умножаемы до безконечности. Еслибы всѣ парижскіе адвокаты, или по крайней мѣрѣ болѣшая часть ихъ, одинъ за другимъ повторили одни и тѣ же слова противъ злоупотребленій публичнаго министерства, то парижскій императорскій судъ не могъ бы удалить ихъ всѣхъ на три мѣсяца отъ исправленія адвокатскихъ обязанностей. Отправленіе правосудія могло быть пріостановлено, и то не надолго, при Лудовикѣ XV; но Наполеонъ III, какъ мы уже сказали, не можетъ возвратиться къ временамъ Лудовика XV. Въ рукахъ правительства цѣлый

¹ См. упомянутую нами рѣчь Ж. Фавра 3-го декабря 1860 года.

арсеналъ стѣснительныхъ мѣръ противъ адвокатовъ; но всѣ эти мѣры такого рода, что онѣ притупляются отъ частаго употребленія. Конечно, правительство можетъ измѣнить устройство адвокатуры, однимъ ударомъ сломить ея самостоятельность, наводнить ее своими кліентами; но это значило бы вступить на тотъ путь, на которомъ, какъ мы уже говорили, неизбежна реакція. Вотъ почему мы думаемъ, что процальные совѣты Беррье не останутся безъ вліянія на молодое поколѣніе адвокатовъ, что Беррье не даромъ вѣрять въ будущность адвокатуры, и что она окажется прочнѣе всѣхъ тѣхъ преградъ, которыя уже устранило съ своего пути французское правительство. Мы согласны, что продолжительное господство системы предупрежденія можетъ сокрушить наконецъ и эту послѣднюю преграду; но мы увѣрены, что для этого нужно много, очень много времени, и что эпоха испытанія, которую теперь переживаетъ Франція, окончится прежде нежели истощится жизненная сила французской адвокатуры.

Мы старались доказать, что Беррье не ошибся въ своемъ взглядѣ на настоящее и будущее французской адвокатуры. Но есть еще другая причина, по которой мы ставимъ этотъ взглядъ выше мнѣнія *Times*. Беррье и Ж. Фавръ побуждаютъ молодыхъ адвокатовъ къ труду, къ дѣятельности, къ борьбѣ, стараются поддержать въ нихъ увѣренность въ собственной силѣ, это необходимое условіе успѣха. *Times* утверждаетъ, что усилія адвокатовъ, отдѣльно взятая, не поведутъ къ желанной цѣли, и что адвокатура не устоитъ одной среди колѣнопреклоненнаго общества. Мы понимаемъ мысль англійскаго журнала; мы знаемъ, что онъ вовсе не думаетъ преповѣдывать адвокатамъ увныіе, апатію, безмолвную покорность своей судьбѣ. Тѣмъ не менѣе мысль, выраженная въ руководящей статьѣ *Times*, легко можетъ повести и къ унынію, и къ апатіи. «Усилія наши тщетны, могутъ слезать адвокаты; мы обречены на паденіе; мы можемъ только отсрочить, но не предупредить его. Намъ можетъ спасти одна только перемѣна общей правительственной системы; но эта перемѣна не зависитъ отъ насъ, мы не имѣемъ средствъ ея достигнуть. Оставимъ же неравную борьбу, покоримся нашей участи, сложимъ съ себя обязанности адвоката или подчинимся въ исполненіи ихъ всѣмъ требованіямъ власти.» Повторяемъ, изъ мысли *Times* можно извлечь и совершенно противоположное заключеніе; но мы думаемъ, что къ нему пришли бы весьма немногіе. Большинство остановилось бы на

успокоительныхъ софизмахъ, только что приведенныхъ нами. Образъ мыслей Беррье не даетъ мѣста подобной двойственности выводовъ; онъ требуетъ отъ адвокатовъ прежде всего непреклонной твердости въ отправленіи своихъ обязанностей, и не позволяетъ имъ оправдывать свою собственную слабость слабостью окружающаго общества. Онъ отвергаетъ эту общую ссылку однихъ на другихъ, которая уничтожаетъ личную инициативу, личную отвѣтственность, которая заставляетъ забывать, что безъ добросовѣстной дѣятельности каждаго въ своей собственной, хотя бы и тѣсной сферѣ, не возможно плодотворное стремленіе къ общимъ цѣлямъ, къ общественному благу.

К. Арсеньевъ.

ЧУЖОЕ ИМЯ¹

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV. ЛАБИРИНТЬ.

Итакъ, Лукинъ наконецъ прибылъ счастливо на первую станцію своей новой дороги. Онъ принятъ былъ въ домѣ Маевскихъ, и этотъ пріемъ открывалъ ему доступъ въ другіе дома.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, думалъ онъ, можно пожить, не заботясь о завтрашнемъ днѣ; потому что спѣшить теперь некуда. Надо оправиться, осмотрѣться, выждать пока положеніе само-собой обрисуетъ и укажетъ на что-нибудь впереди.

.... Такъ онъ и сдѣлалъ. Разъ выбившись на просторъ, онъ бросилъ поводья и далъ себѣ полную волю во всемя. Первое, въ чемъ это выказалось, было: немедленная отставка всѣмъ лишнимъ знакомымъ, три четверти изъ которыхъ оказывались теперь не нужными. Онъ тотчасъ же пересталъ посѣщать ихъ, и

См.¹ *Рускій Вѣстникъ* № 1 и 2.

время, у нихъ конфискованное, раздѣлилъ между тѣми, отъ которыхъ могъ ждать какой-нибудь пользы или удовольствія. Въ числѣ этихъ избранныхъ, кромѣ Маевскихъ и ихъ кружка, конечно стоявшихъ на первомъ планѣ, были двѣ женщины, нѣсколько эксцентрическаго характера. Одна изъ нихъ, нѣкто Эмилія Г**, была именно та хорошенькая, но взыскательная блондинка, съ которой онъ познакомился у Находкина. Съ этой особой, въ тотъ вечеръ, случилось маленькое несчастіе, довольно печальное въ ея положеніи. Она влюбилась по уши, что было замѣчено предметомъ любви и разработано самымъ эгоистическимъ образомъ. Черезъ нѣсколько дней, они встрѣтились снова у одной доброй пріятельницы, послѣ чего она принимала его такъ часто, что это успѣло дойти до ушей ея попечителя и, разумѣется, повело къ непріятной развязкѣ....

Другая была та пріятельница, о которой сейчасъ упомянуто, нѣкто Шарлотта Сальи, француженка, нѣсколько лѣтъ уже поселившаяся въ Россіи. Эта милая дама долго жила въ Москвѣ, гдѣ занимаясь различными промыслами, успѣла нажить себѣ маленькій капиталецъ, но частыя ссоры съ полиціей, по поводу связей съ какими-то лицами сомнительной репутаціи, принудили ее наконецъ оставить свое мѣсто жительства. Сальи переѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она долго блуждала, не зная куда пріютиться, потомъ обжилаась и пользуется опытомъ прошлыхъ годовъ, стала вести себя осторожнѣе. Въ эпоху знакомства ея съ Лукинымъ, она занимала на Мойкѣ, у Синяго моста, въ 3-мъ этажѣ какого-то виднаго дома, квартиру въ 5-тъ комнатъ, убранную со вкусомъ, держала прислугу, повара, экипажъ и принимала открыто. Расходы на все это, само-собой разумѣется очень не малые, по мнѣнію многихъ, должны были истекать изъ кармана какого-нибудь зажиточнаго лица; но кто было это лицо, гдѣ оно проживало и въ какихъ отношеніяхъ находилось къ немного поблекшей уже красавицѣ, никто не могъ разрѣшить. Впрочемъ, если хозяйка въ домѣ никто не видала, то хозяйка была на лицо и принимала гостей такъ любезно, что смѣшно было затрудняться какими-нибудь маленькими неформенностями общественнаго ея положенія. Множество лицъ посѣщало ее. Одни пріѣзжали по утру, то просто съ визитомъ, то съ просьбами и подарками. Другіе съѣзжались къ ней вечеромъ, ѣли и пили, плясали, болтали и волочились, разумѣется на правахъ холостой компаніи, то-есть безъ всякихъ излишнихъ стѣсненій. Играли въ карты почти

каждый разъ, сначала въ вистъ или въ преферансъ, послѣ которыхъ обыкновенно кто-нибудь изъ присутствующихъ закладывалъ маленькій банкъ или штоссъ; такъ, больше для шутки, *pour la bonne bouche*, какъ говорила хозяйка смѣясь. Сама она нѣ всегда принимала участіе въ игрѣ, но всегда была тутъ, любезна, внимательна, весела,—всегда готова поздравить счастливаго побѣдителя или утѣшить проигрывающаго, или занять разговоромъ того, кто оставилъ игру. Слухи ходили будто она была въ части съ банкометами и будто бы банкъ приносилъ ей доходъ и будто бы..... но очень немногіе этому вѣрили; потому что о комъ въ Петербургѣ не ходитъ слуховъ, и можно ли вѣрить всемъ сплетнямъ, имъ же числа нѣсть въ подсолнечномъ м'рѣ!..... Да и что жъ наконецъ? — Ну, положимъ, и игорный домъ; конечно оно очень северно; да вѣдь мало ли чего сквернаго попадаетъ въ жизни на каждомъ шагѣ? Всего не минуешь..... А разъ допустивъ азартную игру, какъ неизбежное зло, лучше чтобы она была правильно организована; потому что тогда постоянный, открытый барышъ на сторонѣ банкмета съ достаточнымъ капиталомъ можетъ избавить его отъ нужды плутовать и будетъ служить прямымъ обезпеченіемъ для понтера..... Незнаю вѣрны ли эти выводы; но такъ думалъ Лукинъ, который съ тѣхъ поръ, какъ началъ играть, въ короткое время успѣлъ втянуться по уши въ это удовольствіе. Слухъ о побѣдѣ его у Находкина быстро разнесся въ извѣстномъ кругу. На другой же день, вечеромъ, онъ получилъ нѣсколько приглашеній съ разныхъ сторонъ, принялъ ихъ все и смѣло пошелъ на встрѣчу своей судьбѣ.... Чего тутъ трусить!—Недавній успѣхъ покрылъ почти вдвое всю сумму издержекъ его за цѣлыхъ два мѣсяца по прибытіи въ Петербургъ. Бумажникъ въ карманѣ съ трудомъ вмѣщалъ въ себя деньги, напиханныя туда безъ счета, на скорую руку, прямо съ зеленаго стола и съ тѣхъ поръ даже не считанныя. Ему незачѣмъ было даже трогать своего собственнаго, запаснаго капитала; можно было вести игру на выигрышныя, а тамъ—что будетъ, то будетъ; забастовать всегда въ его волѣ. Первымъ послѣдствіемъ этой рѣшимости было нѣсколько новыхъ знакомствъ, исключительно по картежной части; вторымъ, длинный рядъ новыхъ побѣдъ. Онъ сталъ играть часто и очень удачно. Какое-то особенное, сѣвное, почти безошибочное чутье руководило его игрой. Иной разъ, среди самой счастливой полосы, онъ вдругъ останавливался на первой проигранной картѣ и тотчасъ же басто-

валъ; другой разъ гнуть на проломъ, несмотря на потери, гнуть неоглядываясь и не отступая ни шагу назадъ до тѣхъ поръ покуда его не возьметъ. Сидѣлъ онъ нерѣдко вплоть до утра и возвращался въ проигрышъ; но проигрышъ рѣдко бывалъ великъ и послѣ нѣсколькихъ неудачъ, ему достаточно бывало одного счастливаго вечера, чтобы вернуть себе, вурое и впа-теро. Средства его росли съ неожиданной быстротой, вмѣстѣ съ средствами росли, безъ сомнѣнiя, и затѣи. Онъ завелъ повара, завелъ себя сани и пару лихихъ рысаковъ, нанялъ еще одного лакея и кучера, сшилъ шубу цѣлновыхъ въ триста, купилъ дорогiе часы. Впрочемъ, онъ былъ не такой человекъ чтобы заботиться только о собственномъ своемъ, личномъ комфорта. Узнавъ, что одна особа изъ числа новыхъ его друзей находится на шели и въ затруднительныхъ отношенiяхъ къ своимъ кредиторамъ, онъ тотчасъ же выплатилъ все долги ея до послѣдней копѣйки; мало того, онъ нанялъ для нея квартиру и эту квартиру меблировалъ на собственный счетъ. Все это стоило ему (даже и въ ту пору, когда деньги считали еще на ассигнаци и все было дешево) очень не малую цифру; но онъ былъ такъ счастливъ, что, за всѣми издержками, въ шкатулкѣ его оставалось еще тысячь двадцать наличными, чистыми деньгами, сверхъ капитала, который лежалъ въ билетахъ нетронутый. Мало того, упомянутые 20.000, несмотря на значительныя и почти ежедневныя колебанiя, въ общемъ счетѣ не думали убывать. Напротивъ, въ началѣ зимы, за всѣми расходами и потерями, онъ принесла ему ровно сто на сто..... Счастье рѣшительно повернулось къ нему лицомъ и дарило улыбками, да какими еще? во всю щеку, до самыхъ ушей!..... Надолго-ли? надъ этимъ онъ не ломалъ себя головы. Ему некогда было: онъ спѣшилъ жить, покуда живется легко и весело. Съ этимъ взглядомъ на жизнь, никакъ не могъ согласиться прiятель его, Павелъ Петровичъ Левель, который видѣлъ конечно одну только сторону его жизни и не имѣя ключа къ ея объясненiю, не разъ удивлялся, какъ можно существовать такимъ образомъ, со дня на день, не имѣя передъ собою въ виду ничего ясно-опредѣленнаго и неразсчитывая, что выйдетъ изъ всего этого современемъ.

— Куда вы? — спросилъ онъ разъ вечеромъ, выходя вмѣстѣ съ нимъ отъ Маевскихъ, у которыхъ они обѣдали въ этотъ день и которые собирались на балъ, а потому отпустили ихъ раньше обыкновеннаго. Вечеръ былъ ясный и тихий; только

что выпавшій снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами. Они вели своими вучерамъ ѣхать сюда, а сами пошли пѣшкомъ.

— Куда вы? спросилъ капитанъ. — Пойдемте ко мнѣ чай пить.

— Нельзя, я далъ слово Салли.

— Опять къ Салли? Да бросьте вы эту старую..... Капитанъ выразился не слишкомъ учтиво.

— Зачѣмъ бросать? У ней весело.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы у ней часто бываете?

— Да какъ вамъ сказать? не то чтобы слишкомъ часто, а такъ, случается иногда.

— Что жъ вы тамъ дѣлаете?

— То же, что и другіе. У ней бываютъ хорошенькія женщины и хорошій столъ..... Волочимся, ужинаемъ, а послѣ играемъ въ карты....

— Хмъ; говорятъ тамъ игра главное, а остальное все такъ, для приманки....

— Можетъ быть.

— Я думаю, съ васъ успѣли уже содрать порядкомъ за всѣ ваши посѣщенія?

— Нѣтъ; всего какихъ-нибудь рублей триста. А впрочемъ я тамъ недавно началъ играть.

— Берегитесь, слухи ходятъ, что у ней мечутъ какіе-то старые пріатели изъ Москвы, которые того..... очень ловко... онъ сдѣлалъ маленькій жестъ рукой.

Лукинъ улыбнулся.

— Едва-ли? онъ отвѣчалъ. — Штуки этого рода сходятъ съ рукъ изрѣдка съ какимъ-нибудь близорукимъ, который позволить себя провеста; а вообще говоря, это дѣло рискованное. Разъ что-нибудь замѣтатъ, все кончено; да еще пожалуй и зубовъ не дочтешься. Къ чему ей это? Она и безъ этого можетъ имѣть постоянный барышъ.

— Да; можетъ быть, отвѣчалъ Левель подумавъ. — Съ ея стороны на это можно пожалуй смотрѣть какъ на правильное ремесло; да вамъ-то что за охота ввязаться съ такими людьми?

— Ввязаться нѣтъ надобности. Я съ ними знакомъ, покуда сижу за картами; а карты подъ столъ — и знакомство туда же.

— Конечно, васъ занимаетъ игра, а не игроки; но этого-то я и не могу понять. Со стороны кого-нибудь, кто имѣетъ въ виду нажиться; оно хоть и грязно, да крайнейней мѣрѣ послѣ-

довательно; а съ вашей—что васъ влечетъ? Чего вы тамъ ищете?

— Приятнаго ощущенія, болѣе ничего. Игра дѣйствуетъ наркотически, какъ кофе или вино, только гораздо сильнѣе.

— Но это ощущеніе разрушительно.

— Да, можетъ-быть.

— Къ тому же, вы можете проигратъся.

— Такъ что жь?

— Да только то, что тутъ смыслу нѣтъ, извините. Къ чему жь это все? Какой изъ этого результатъ?

— Какой-нибудь выйдетъ; это не мое дѣло; пускай выводятъ тѣ, для кого оно интересно; а я итогами не люблю заниматься.

— Хмъ; все это хорошо покуда расплачиваться не пришлось, замѣтилъ Левель.

— Ну, отвѣчалъ Лукинъ, — по этой мѣркѣ будетъ все скверно; потому что за все придется когда-нибудь платить.

— Тѣмъ болѣе причины тратить время и силы съ разчетомъ, чтобы не пришлось платить дорого за какую-нибудь дрянъ, которая гроша не стоитъ, возразилъ Левель.

— Эхъ, Павелъ Петровичъ! Если есть что-нибудь, на что силы и время тратятся самымъ отвратительнымъ образомъ и что дѣйствительно гроша не стоитъ, такъ это именно ваши расчеты. Всю жизнь будете разчитывать, а такой формулы все-таки не высчитаете, которая бы годилась хоть на одинъ непредвидѣнный случай.

— Ба! Что такое непредвидѣнный случай?... Непредвидѣнныхъ случаевъ не должно быть!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну а если теперь, въ эту самую минуту, вашъ на голову упадетъ кирпичъ или кусокъ штукатурки съ карниза, какого рода это будетъ случай?

— Будетъ случай скоропостижной смерти, возможность котораго всякій долженъ предвидѣть.

— Положимъ; но этого рода предусмотрительность не имѣетъ никакого практическаго значенія. Что же изъ этого слѣдуетъ? Какое правило вы выведете изъ этого для жизни?

— Такое, что всякій долженъ быть готовъ умереть въ любую минуту.

— Но что жь изъ этого? Готовъ или не готовъ, кто это спрашиваетъ? Да и что такое значить *готовъ умереть*?

— О! это значитъ очень и очень много!.... Когда-нибудь я выскажу вамъ подробно, какъ я это понимаю.

— Зачѣмъ подробно, скажите въ короткихъ словахъ.

— Хорошо, сказалъ Левель, останавливаясь у своего подъѣзда въ Большой Конюшенной. Готовъ умереть тотъ, кто можетъ разстаться съ жизнію, не жалѣя, что онъ жилъ такъ, а не иначе

— А! фатализмъ!... Ну, это длинный заворотъ въ сторону.... Не по дорогѣ; прощайте.

— Совѣтъ не фатализмъ; а кое-что другое..... Да куда вы спѣшите? Зайдите ко мнѣ посидѣть; ночь длинна; успѣете еще къ Салли.

— Я хотѣлъ заѣхать домой на минутку; а впрочемъ все равно; послѣ успѣю. Они вошли вмѣстѣ.

— Ба! Да у васъ тутъ цѣлая библіотека! Какъ это я до сихъ поръ не замѣтилъ? сказалъ Лукинъ, входя въ кабинетъ и съ любопытствомъ посматривая на рядъ шкаповъ, открытыя полки которыхъ съ самого низу до потолка уставлены были книгами.

— Очень просто, «отаѣчалъ, Левель. — Вы не были еще въ этой комнатѣ, потому что ни разу не заставали меня одного, а я никогда не вожу сюда шумное общество. Я въ этой комнатѣ занимаюсь, и потому люблю, чтобы тутъ было тихо и чисто во всякую пору дня. Для меня даже одно простое воспоминаніе какой-нибудь суматохи или шумнаго, вздорнаго разговора, связанное съ известнымъ мѣстомъ, дѣлаетъ это мѣсто негоднымъ для дѣльныхъ занятій. Гадиматъ очень ѣдка вещь. Она имѣетъ какой-то особенный, возмутительный запахъ, который вѣздается въ мебель, обои, гардины.... во всю матеріальную обстановку.

— Да... это правда;... вы чѣмъ занимаетесь?

— Какъ вамъ сказать? У меня есть нѣсколько разныхъ вещей, которыя я люблю; но эта проклятая, столичная жизнь, съ ея безчисленными условіями и требованіями, не позволяетъ мнѣ ни въ одну изъ нихъ углубиться серьезно. Я очень люблю, напримѣръ, математику; это старинная пассія; я бредилъ дифференціалами еще въ школѣ. Мнѣ кажется, еслибы жизнь иначе сложилась, а главное, еслибы смолоду меня повели толковѣе, изъ меня вышелъ бы недурной астрономъ, или инженеръ-механикъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ,

что именно я теперь не могу сказать, потому что, я долженъ признаться, меня иногда тянетъ въ разныя стороны.

Лукинъ улыбнулся.

— Можетъ-быть оттого, продолжалъ Левель,—что ни въ одну изъ нихъ я не имѣю возможности направить свое вниманіе постоянно... физика, химія, зоологія, медицина, все это сильно меня интересуесть...

— Да, это все интересныя вещи, замѣтилъ Лукинъ.—Жаль только что за всѣмъ не угонишься.

— О! никакимъ образомъ! И теперь, Боже мой! Какъ припомнишь сколько времени потрачено даромъ и что можно было бы сдѣлать въ продолженіе столькихъ лѣтъ, такая досада беретъ, что руки отваливаются! Бросишь все и иногда цѣлый мѣсяцъ до книгъ не дотрогиваешься...

— Что же вы дѣлаете въ такіе дни?

— Да что? То же, что дѣлаетъ весь этотъ рой трутней, которымъ нацоднены наши гостинныя... театры, рауты, клубы и служба тоже, хоть впрочемъ на службу немного уходитъ времени; но одна уже эта мысль, что тогда-то, вамъ нужно быть тамъ-то и дѣлать то-то, или часто не дѣлать даже рѣшительно ничего, а такъ просто присутствовать или позировать въ видѣ декорационной мебели, одна уже эта мысль отбиваетъ охоту отъ всякаго путнаго дѣла. Впрочемъ, у меня есть нѣсколько маленькихъ утѣшеній на эти случаи... Музыка, живопись...

— О! въ самомъ дѣлѣ! Вы пишете?..

— Да, немножко. У меня есть небольшой талантъ и большая охота; техники только недостаетъ, да и времени тоже. Въ музыкѣ, я гораздо дальше ушелъ, но музыкѣ я учился... давно впрочемъ...

— Я вамъ удивляюсь, замѣтилъ Лукинъ.

— А что?

— Да то, зачѣмъ вы идете наперекоръ естественному влеченію? Еслибы вы были бѣдный чиновникъ, который бьется изъ-за куска хлѣба или какой-нибудь ротный командиръ, что всѣми правдами и неправдами едва успѣваетъ кормить шесть челоуѣкъ дѣтей, я бы ни слова не сказалъ. Но имѣя всѣ средства жить такъ какъ хочется...

— О! неужели вы думаете, перебилъ Левель,—что я отказался совсѣмъ отъ надежды жить такъ какъ хочется? Могу васъ увѣрить, я думаю объ этомъ серьезно. У меня даже есть

подробно-обдуманнѣе планы на этотъ счетъ, и если до сихъ поръ я ихъ не исполнилъ, то это только отъ того, что всѣхъ нужныхъ элементовъ не было еще подъ рукой... Я, вотъ видите ли, такъ созданъ, что меня никакая блестящая односторонность не можетъ удовлетворить. Я требую отъ жизни полнаго существованія; а въ рамкѣ такого существованія и вся прошедшая жизнь должна найти себѣ мѣсто. Я не могу вычеркнуть изъ нея десять лѣтъ, не по слабости характера, нѣтъ; еслибы я считалъ это нужнымъ, я бы давно это сдѣлалъ. Но я глубоко убѣжденъ, что всякій изъ насъ, прежде чѣмъ жить такъ какъ хочется, долженъ пожить такъ какъ свѣтъ этого требуетъ. Нельзя оттолкнуться совсѣмъ отъ той середины, въ которой мы родились, и съ самаго начала оборвать съ него всѣ связи и отношенія. Съ этихъ связей и отношеній, съ подчиненія имъ надо начать и послѣ уже обдуманно, осторожно, прокладывать собственный путь. Всякому отъ природы даны конечно свои природныя склонности. Я, на примѣръ, имѣю склонность къ наукѣ, но я не родился въ сферѣ людей, посвятившихъ себя наукѣ, и потому не могъ шагнуть въ нее прямо, помимо всѣхъ переходныхъ ступеней, которыя насъ отдѣляютъ. Это досадно, разумѣется, но и это имѣетъ свою хорошую сторону, потому что наука, конечно, отличная вещь, но наука, сама по себѣ, не выучитъ жить. Кабинетъ ученаго, вѣдь это въ своемъ родѣ келья, и если начать съ того, что запереться въ эту келью, то много чего существеннаго отъ насъ ускользнетъ.

— О! да еще какъ много! сказалъ Лукинъ.

— Я думаю, продолжалъ Левель, что представители науки не потеряли бы ничего, еслибы они начинали свою карьеру не съ дѣтскихъ лѣтъ, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда они успѣютъ уже достаточно ознакомиться съ жизнью, чтобы не быть совершенными невѣждами въ дѣлахъ міра сего.

— Конечно,—сказалъ Лукинъ.

— Потеря времени, продолжалъ Левель,—щедро была бы вознаграждена извѣстной долей свѣтской мудрости, которая изощряетъ умъ не хуже любого теоретическаго анализа. Но я не примѣняю этого къ себѣ, потому что ученымъ, въ собственномъ смыслѣ слова, я, разумѣется, никогда не буду.

— Отчего жь?

— Да такъ, вотъ видите ли, прочнаго основанія не достаетъ. Слишкомъ много чего пришлось бы съ азбуки начинать

а это въ мои лета трудно. Несмотря на то, я имѣю въ виду соорудить себѣ позанятые серіозно, чѣмъ это мнѣ удавалось доселѣ. Когда-нибудь, брошу службу и брошу столицу, переселюсь на просторъ... займусь хозяйствомъ и книгамъ..

— И женитесь, разумеется?

— Да, надо когда-нибудь этимъ кончить. Это даетъ жизни осѣдлый характеръ, который для прочнаго счастья необходимо. Въ деревнѣ, въ семействѣ, человекъ меньше подверженъ вліянію всѣхъ этихъ маленькихъ, неустойчивыхъ, раздражительныхъ элементовъ, которые вырабатываются въ большихъ муравейникахъ человеческой жизни... Въ деревнѣ!.. повторялъ онъ задумчиво. — Знаете-ли вы, Григорій Алексѣевичъ, что это такое?

— Немного имѣю понятіе.

— Вы жили когда-нибудь въ деревнѣ?

— Жилъ... одно время, отвѣчалъ Лукинъ, — въ гостяхъ, прибавилъ онъ, отворачиваясь и грустно уставивъ глаза на ручку горящихъ угольевъ въ каминѣ. — Они сидѣли въ углу, на мягкой софѣ, за круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ фарфоровый чайный сервизъ. Синій дымокъ отъ сигаръ ихъ вился, улетая въ трубу. Но мысли обоихъ, въ эту минуту, блуждали далеко отъ настоящей ихъ обстановки... Лѣто и земля... смолистый запахъ деревьевъ, сосновая роща, Двина и удочка воскресли въ памяти Лукина, а за ними, одно за другимъ, воскресало все старое, невозвратное. Еще въ первые дни ихъ знакомства, догадка его насчетъ Левелъ оправдалась вполне. Павелъ Петровичъ былъ сынъ одного изъ старинныхъ сосѣдей его отца. Павелъ Петровичъ имѣлъ село въ пяти верстахъ отъ Двины, село, въ которое онъ поѣдетъ, когда ему вздумается и увидитъ опять его родину, его милую родину, этотъ рай, который закрытъ для него навсегда. Сердце сжалось въ груди Лукина. Зависть и злая тоска давили его.

— Помните? продолжалъ Левель, увлеченный воспоминаніями. — Помните эти ощущенія, которыя здѣсь ни съ чѣмъ сравнить и ничѣмъ замѣнить невозможно?.. Эту тишину, эту свѣжесть, просторъ, это постоянное присутствіе чего-то несвязаннаго съ мелочами вашей будничной жизни, чего-то могучаго и свободнаго, что живетъ вѣчною жизнью, чуждою волненія и страстей, идетъ своимъ вѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ къ какой-то далекой цѣли, которая вездѣ и нигдѣ!... Синяя даль, холмы съ кудрявымъ кустарникомъ, пустынное

озеро, старый лѣсъ... какъ все это мирно ласкаетъ душу!.. Совсѣмъ другія мысли приходятъ въ голову... какъ-то иначе смотришь на жизнь!.. сны даже снятся другіе!..

Лукинъ тяжело вздохнулъ.

— Правда, сказалъ онъ;—но странное дѣло, надо разстаться со всѣмъ этимъ и можетъ-быть потерять это все, чтобы исполнѣ оцѣнить. Такъ, какъ вы говорите о сельской жизни, такъ говорятъ о ней только въ городѣ, да пожалуй еще въ большомъ... На мѣстѣ, или даже по близости, вы не услышите ничего подобнаго.

— Да, это старый грѣхъ: сытый голоднаго не понимаетъ.

— Правда, но лучше ли понимаетъ голодный сытаго, это еще вопросъ.

— А вы какъ полагаете?

— Я полагаю, что нѣтъ. Мы всѣ понимаемъ вещь въ томъ видѣ, какъ она кажется намъ съ нашей сегодняшней точки зрѣнія, а какъ она будетъ казаться намъ завтра, когда наше относительное положеніе къ ней переменится, это загадка неразрѣшимая. Какъ знать? современемъ, когда вы устроитесь такъ, какъ вы теперь желаете, можетъ-быть вы пожалѣете о столицѣ и службѣ.

— Не думаю. Такія иллюзіи случаются только въ первой молодости, покуда опытъ еще не пришелъ. Теперь я знаю чего мнѣ нужно.

— То-естъ его вамъ нужно теперь, а почему вы знаете чего вамъ завтра захочется? Человѣкъ мѣняется, понятія, взгляды и вкусы и страсти его мѣняются.

— Да, пока все это не сложилось въ строго-обдуманную, ясно опредѣленную рамку.

— А вы думаете, что такая рамка возможна, что вы осуществите ее когда-нибудь?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Смотрите, не ошибитесь. Будете всю свою жизнь прилаживаться, да усаживаться, а тамъ, какъ придетъ время съѣсть, какой-нибудь случайный толчокъ, чортъ знаетъ откуда, опрокинетъ вверхъ дномъ всѣ ваши мудрые планы и замыслы, смететъ все долой какъ пыльную паутину и унесетъ васъ куда-нибудь въ тартарары, куда воронъ костей не заносилъ!.. Эхъ! Павелъ Петровичъ! Повѣрьте: жизнь не подходитъ ни подъ какія формулы, жизнь—это игра, азартная, самая азартная, какая когда-нибудь существовала!..

Левель задумался.

— Конечно, отвѣчалъ онъ, минуту спустя,—бываютъ случаи, отъ которыхъ ничто не спасетъ, но они менѣе вѣроятны для того, кто ихъ избѣгаетъ, чѣмъ для того, кто идетъ имъ на встрѣчу. Мы любимъ сваливать всю отвѣтственность на судьбу, между тѣмъ какъ почти всегда сами бываемъ главными виновниками во всемъ.

— Мы сами? Да развѣ мы съ вами одни живемъ въ цѣломъ свѣтѣ?.. *Насъ самихъ* много!.. Вы говорите, что вы отвѣчаете за себя, положимъ; я спорить объ этомъ не стану. Можетъ-быть вы не промотаетесь, не зарѣжетесь, не будете сосланы въ рудники или застрѣлены на дуели, да за другихъ-то развѣ вы можете отвѣчать?

— Не связывайтесь съ такими, за которыхъ вы не можете отвѣчать.

— Легко сказать: *не связывайтесь!*.. Да развѣ это отъ васъ зависитъ? Развѣ связи устроиваются по выбору?.. Отца, на примѣръ, мать, брата, родню, развѣ мы выбираемъ?

— Отца? Левель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну, оставимъ пожалуй отцовъ и родню въ покоѣ... Вы можете, на примѣръ, влюбиться въ женщину безъ всякаго выбора, такъ, Богъ знаетъ съ чего, совершенно случайно...

— Такъ что жъ?

— И можете жениться на ней.

— Никогда.

Лукинъ въ свою очередь поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Какъ никогда? сказалъ онъ, я васъ не понимаю.

— Сію минуту поймете. Это, вотъ видите ли, вопросъ, который я разъ навсегда рѣшилъ отрицательнымъ образомъ. Жениться на женщинѣ, въ которую вы влюбились сами не зная какъ, это безумство! Это значитъ поставить на карту все! Если есть страсть, которая въ состояніи обмануть хуже всякой другой, такъ это любовь... Сказать—что влюбленный не видитъ рѣшительно ничего—мало. Сказать—что онъ никогда ничего не увидитъ и не узнаетъ, куда онъ будетъ влюбленъ, опять таки мало. Нѣтъ, онъ видитъ и будетъ видѣть всегда совершенно наизуотъ, вверхъ ногами. Глупость будетъ казаться ему невинностью или наивною простотой, кокетство живостью, упрямство характеромъ, и такъ далѣе... Это такая галлюцинація, хуже которой не можетъ быть. Завяжите глаза и заткните уши здоровому, онъ никогда не будетъ тамъ слыш

и глухъ какъ влюбленный... Что? Вы смѣтаете?.. Вы думаете я утрирую? Ну, желаю вамъ испробовать, и тогда посмотрю, что вы скажете!..

— Не знаю, но вѣдь и вы не знаете что вамъ будемъ вѣздаться и на что вы рѣшитесь, если разъ влюбитесь по уши. Теперь вы думаете такъ, а тогда будете думать иначе, совершенно иначе, и будете твердо убѣждены, что никогда не видѣли вещи яснѣе, не были ближе къ истинѣ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ вѣдь не девятнадцать лѣтъ! Въ мою пору жизни, сердечная лихорадка не такъ опасно дѣйствуетъ на больной мозгъ. Я буду видѣть конечно навыворотъ, какъ и всякой другой, но буду самъ знать, что вижу навыворотъ.

— Ну, это будетъ такой фокусъ...

— Почему жъ фокусъ? развѣ во снѣ не случается видѣть нелѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать, что это нелѣпо, что это не болѣе какъ сонъ? Привычка критическаго анализа великая вещь! Разъ составленная, она никогда васъ не покидаетъ вполнѣ, будетъ служить вамъ вѣрой и правдой всю жизнь.

— И помѣшаетъ быть счастливымъ?

— Нисколько и ни въ какомъ отношеніи. Неужели счастье должно выходить изъ болѣзненнаго, лихорадочнаго, антинормальнаго состоянія души и тѣла и проходить вмѣстѣ съ нимъ? Если когда-нибудь я женюсь, то сдѣлаю это самымъ обдуманнѣйшимъ образомъ. Выберу дѣвушку, которую я буду знать какъ свои пять пальцевъ, въ которой буду увѣренъ болѣе чѣмъ въ себѣ самомъ.

— Мудрено что-то!

— Не такъ мудрено какъ кажется... Сыщите дѣвушку, которая не жила еще, не видала ничего, въ душѣ которой ничего не успѣло еще сложиться, и сумѣйте овладѣть ею вполнѣ, привязать ее къ себѣ тагъ, чтобы вы стали для нея все на свѣтѣ, чтобы она видѣла вашими глазами, слышала вашими ушами, думала вашимъ умомъ, чтобы малѣйшее ваше желаніе было для ней законъ, малѣйшая ваша радость—счастье. Для этого даже нѣтъ надобности, чтобы она была влюблена въ васъ сначала. Любовь—это капризный, измѣнчивый элементъ, который можетъ остыть или перейти на другой предметъ. Достаточно, чтобы она была предана вамъ вся до конца ногтей, а къ этому женщина очень способна, тѣмъ болѣе если она не отвѣдала еще свѣтской жизни, тѣмъ болѣе

если ваше появленіе было первое, что пробудило въ ней новыя чувства, тѣмъ болѣе если вы стали мужемъ ея и отцомъ ея дѣтей. Она сразу попадетъ въ свою естественную колею и останется въ ней навсегда.

— Мудрено что-то, повторилъ Дукинъ. — Вы возьмете къ себѣ въ домъ ребенка вдвое моложе себя, дитя, которое надо еще нанять и которое вамъ надоѣсть черезъ годъ, потому что вы будете слышать отъ него, какъ отъ попугая, только то, чему вы сами успѣете его выучить. Это все равно, что смотрѣться въ зеркале всю свою жизнь; безопасно, но скучно.

— Э! полноте, не все ли равно что вы будете слышать отъ женщины, лишь бы она васъ любила? На что вамъ самостоятельный умъ? У васъ и своего довольно... Женщина съ самостоятельнымъ умомъ всегда не въ мѣру самолюбива. Это снѣгій чулокъ; а снѣгій чулокъ ставитъ себя высоко и любитъ, чтобъ ему удивлялись.

— Зачѣмъ же снѣгій чулокъ? Развѣ не можетъ быть умъ другого рода? Да вотъ, напримѣръ, Елена Осиповна, которая, между прочимъ сказать, къ вамъ очень не равнодушна...

Капитанъ улыбнулся.

— Шалить, отвѣчалъ онъ,—а впрочемъ мнѣ все равно; на такой дѣвушкѣ, какъ Елена Осиповна, я никогда не женюсь. Она мила, умна, все что вамъ угодно; но она уже на столько отвѣдала сладкаго яда лести и свѣтскаго блеска, что не въ состояніи обойтись безъ него. Елена Осиповна никогда не согласится жить съ мужемъ въ деревнѣ безвыѣздно и прилежно возаняться съ дѣтьми; а если и согласится, то будетъ считать себя жертвой. Къ тому же, Елена Осиповна во все не такъ умна, чтобъ ее приводить въ примѣръ. Это слабая копія старшей сестры съ обѣихъ сторонъ: и съ хорошей, и съ дурной.

— А вамъ хорошо извѣстна дурная?

— Да, я вотъ видите, присмотрѣлся къ женщинамъ и знаю немножко толкъ, къ тому же кузинъ моихъ я успѣлъ изучить особенно близко. Онѣ передо мной не стѣсняются; да и я съ ними тоже. Впрочемъ не думайте, что бы я имѣлъ о нихъ вообще какое-нибудь невыгодное понятіе. Я ихъ люблю и уважаю отъ всей души за разныя добродѣтели. Впервыиъ, вы съ ними никогда не соскучитесь; а это рѣдко о комъ можно сказать. Это какой-то неистощимый запасъ жизни евѣей, игривой, перекипающей черезъ край. Онѣ развяжутъ языкъ самому молчаливому, разгонятъ самый неизлѣчимый сплинъ.

Вовторыхъ... но мы будемъ говорить о старшей сестрѣ, потому что у ней типъ гораздо яснѣе опредѣленъ... Это свѣтская женщина въ полномъ смыслѣ слова, ей не достаетъ только поля довольно просторнаго, чтобы развернуться во всей полнотѣ. Поставьте ее въ какую угодно сферу и смѣло держите десять противъ одного, что она будетъ играть тамъ первую роль и всѣхъ повернетъ по своему. Ума у ней хватить на пять обыкновенныхъ мужскихъ умовъ... у! это бойкая голова! и властолюбивая голова!... Посмотрите, какая изъ нея выйдетъ губернаторша!.. Она имъ покажетъ, кто у нихъ господинъ!... Конечно, всѣ эти качества имѣютъ свою обратную сторону. Не дай Богъ попасться ей въ руки.., влюбиться въ нее, напри- мѣръ, или обидѣть ее чѣмъ-нибудь... просто шею свернетъ! Кокетка, вспыльчива, прихотлива, языкъ острый какъ бритва... двумя словами дорѣжетъ васъ до крови, деспотъ такой, какого рѣдко удастся найти даже и между женщинами, а между тѣмъ сердце доброе; но доброта лежитъ у него на самомъ днѣ, и покуда вы доберетесь до этого дна, вы переколете себѣ руки въ кровь... такая бездна шитовъ у этой махровой розы!.. Смотрите, Григорій Алексѣичъ, я васъ предостерегаю...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но въ эту минуту раздался звонокъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ! проворчалъ Левель вполголоса.

— Дмитрій Васильчъ Свѣчинъ, сказалъ слуга. Вошелъ молодой студентъ, въ мундирѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Павелъ Петровичъ, сказалъ онъ входя,—поѣдемъ къ Сѣвскимъ, я обѣщалъ тебя привести. Левель собирался ему отвѣчать, но Лукинъ его перебилъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, вставая.

— Куда вы? Я не пойду, останьтесь еще посидѣть.

— Нельзя, я далъ слово. Онъ наскоро пожалъ руку хозяину и тотчасъ ушелъ.

— Кто это? спросилъ студентъ.

— Это? Да развѣ ты не узналъ?.. Это изъ вашихъ... Помнишь, я просилъ тебя справиться объ одномъ кандидатѣ?

— Помню, такъ что жь?

— Ну, это онъ.

— Кто такой онъ?

— Алексѣевъ.

Свѣчинъ покачалъ головой.

— Не тотъ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ такъ не тотъ?

— Такъ, онъ можетъ-быть и Алексѣевъ, только не тотъ, котораго я зналъ. Тотъ кончилъ курсъ по нашему факультету, по филологическому, я помню его хорошо.

— Но ты говорилъ, что знаешь еще одного или двухъ?

— Да, но не этого. А впрочемъ, если не ошибаюсь, гдѣ-то я видѣлъ эту смуглую, лихую фигуру.

— Можетъ-быть въ университетѣ?

— Да, кажется, должно быть въ университетѣ, только именно его не помню.

— Я тебѣ говорю, что это Алексѣевъ. Я это положительно знаю, да и не я одинъ, у него знакомыхъ съ три короба.

— Можетъ-быть... что жь, ѣдемъ къ Свѣскимъ?

— А что у нихъ тамъ такое: балъ что ли?

— Да, балъ.

— Скучно, а впрочемъ, пожалуй, заѣду на полчаса.

Покуда они говорили, старый гость вышелъ поспѣшно на улицу и сѣлъ въ сани.

— Домой! сказалъ онъ. Озябшій конь помчалъ быстро.

Лукницъ былъ не въ духѣ. Не въ первый разъ ему случалось бѣжать при появленіи кого-нибудь изъ студентовъ, но прежде это случалось на улицѣ, въ театрахъ, воксалахъ, собраніяхъ, въ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ ожидать такой встрѣчи и гдѣ, поэтому, она не захватывала его врасплохъ, какъ теперь, и при свидѣтеляхъ, да еще при какихъ!.. Лицо Свѣчина показалось ему знакомо, но по имени онъ его не помнилъ, и потому, разумѣется, вѣроятности были въ ту сторону, что и онъ не былъ узнавъ; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о своей головѣ, однихъ вѣроятностей мало... Онъ былъ не дитя; онъ понималъ хорошо всю шаткость своего положенія, но никогда еще она не бросалась ему въ глаза такъ ярко, какъ въ эту минуту. На какомъ волосѣ висѣла его судьба!.. Попадись на мѣсто этого господина какой-нибудь другой; знакомый... разомъ все кончено, все надо бросить и ѣхать чортъ знаетъ куда... все бросить въ такую минуту, когда счастье только-что начало улыбаться, оставить столько заманчивыхъ плановъ, столько людей, съ которыми онъ успѣлъ сойдтись и всю эту теплую, обогрѣтую сферу жизни, все что добыто съ такимъ трудомъ, терпѣніемъ и опасностями, скакать опять на телѣгѣ, скитаться опять по большой дорогѣ, опять отыскивать уголь, устраиваться, усаживаться, знакомиться, строить планы... зачѣмъ? Чтобы, полгода спустя, опять

оборваться гдѣ-нибудь самымъ подлѣйшимъ образомъ!.. Если ужъ этой развязки не избежать, такъ ужъ пусть бы она пришла разомъ, открыто, рѣшиительно, безъ всякихъ этикъ, недвѣдъ намековъ и подлыхъ угрозъ, которыя шуршатъ въ жизнь безъ всякой необходимости. Размышляя объ этомъ, онъ чувствовалъ то же, что чувствуетъ часовая, стоящая на мнѣ, которая можетъ быть взорвана въ ту же минуту... Какъ снять?.. Можетъ-статься зажженный фитиль ужъ приложенъ... и можетъ-быть онъ догоритъ... можетъ-быть догоритъ?.. Онъ былъ подъ ударомъ, и это его бѣсило, и онъ радъ бы былъ выйдти изъ этого положенія, да время еще не пришло; глубоко не допитъ, расчеты не кончены, цѣль не достигнута; а бросить ее не хочется; слишкомъ большія надежды надо оставить, слишкомъ заманчивый выитрышекъ ускользаетъ изъ рукъ; мягкость, гибкости нѣтъ въ характерѣ; хочется на своемъ посидѣть, кочется банкъ сервать... Нечего дѣлать! Идетъ на са-банкъ!..

Самъ остановившись на набережной Фонтанки, возлѣ его подвѣзда. Онъ вышелъ и побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, а за нимъ побѣжалъ еще кто-то.

— Григорій Алексѣичъ! Григорій Алексѣичъ! кричалъ чей-то знакомый голосъ.

— Кто тамъ?.. А! это ты, Матюшкинъ? Заравескуй, что, ты ко мнѣ?

— Къ тебѣ, Григорій Алексѣичъ.

— Пойдемъ. Она входи видѣть.

Не успѣвъ Душинъ сбросить шубу, какъ встрѣчу ему объявила остроконная, ловкая, прелестно-одѣтая женщина. Радость свѣтилась у ней на лицѣ. Не глядясь, не останавливаясь, она бросилась прямо къ нему на шею.

— А! Эмилія! Давно ли ты адѣсь? спросилъ онъ, цѣлуя и глядя ее по головѣ.

— Я.. давно... Я пріѣхала къ тебѣ, *mon gros*, посидѣть, и ждала| тебя цѣлый вечеръ. Tu m'oublies gri-gri! Tu commences à me négliger!.. Она остановилась, замѣтивъ въ прихожей другое, совсѣмъ незнакомое ей лицо.

— Эмилія Павловна, вотъ я привелъ тебѣ гостя... Борисъ Петровичъ Матюшкинъ, артистъ, прошу любить и жаловать, это мой старый товарищъ.

Эмилія выпрямилась и поклонилась слегка. Краска стыда и досады мелькнула у ней на лицѣ; но тотчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, она усмѣхнулась при видѣ гораздо сильнѣе слоноужемъ.

ной и въ аэропей стоечки удивленной, комической мины Матюшкина. Она не ожидала увидѣть такого гостя; но онъ еще не могъ ожидать найдти у пріятеля своего такую компанію. Модный, богатый костюмъ, французскія орамы и немного ошесный видъ, сблизил его совершенно съ толку. Въ первую минуту, онъ не зналъ что подумать объ этомъ явленіи. Мысль, что это какая-нибудь знатная барыня, графиня или княгиня, съ которою Лукинъ свелъ связь и которая навѣщаетъ его тайно, была единственная, на которой онъ могъ остановиться. Правда, Лукинъ не привелъ бы его къ себѣ, еслибы зналъ, что она тутъ; но онъ, очевидно, не ждалъ ея посѣщенія и конечно тамъ же надобенъ, можетъ-быть желалъ бы, чтобъ онъ ушелъ, но совѣстится сказать при ней; а можетъ-быть думалъ, что бѣда небольшая, потону, вѣдь онъ знаетъ, что онъ Матюшкинъ надежный человекъ, на котораго можно положиться во всякомъ случаѣ, который не выдастъ. Сомнѣнія и догадки подобнаго рода сдѣлали то, что онъ еще больше озабочился, такъ что, когда Эмилия попросила его войти, онъ отправился вслѣдъ за нею на цыпочкахъ, скромно держа свою шляпу въ рукахъ, опасаясь ступить слишкомъ громко или сдѣлать какую-нибудь другую неаппетитную вещь, которая можетъ быть принята съ ея стороны за признакъ неуваженія.

— Матюшкинъ! Что ты, братецъ? Что съ тобой?... Ты жмешься какъ котъ, котораго облили холодною водою. Полно дурачиться, брось свою шляпу, садись, будь какъ дома. Кстати, что тебя такъ давно не видать? Отчего никогда не зайдешь?...

— Да я былъ у тебя, Григорій Алексѣичъ, три раза: ни одного разу дома не засталъ.

— А, ну, можетъ-быть...

Лукинъ задумался и, засунувъ руки въ карманъ, началъ ходить по комнатѣ, не обращая вниманія на присутствующихъ. Его тревожили черныя мысли. Матюшкинъ тѣмъ временемъ усялся на кресла, прямо противъ Эмилии, и сидѣлъ какъ обвороченный. Ни разу въ жизни еще не видалъ онъ, такъ близко возлѣ себя, такой красавицы и одѣтой съ такимъ вкусомъ. Онъ поглядывалъ на нее украдкой и молчалъ; а она закрывала лицо платкомъ и отворачивала глаза въ сторону, чтобы не расхохотаться. Надо было начать говорить, чтобы выйти изъ этого натянутаго положенія.

— На чемъ вы играете? спросила она, припомнивъ что геть представленъ былъ ей какъ артистъ.

Матюшкинъ вытаращилъ свои большіе, выпуклые, удивленные зрачки.

— Я-съ? отвѣчалъ онъ, слегка запинаясь, — играю на гитарѣ-съ... давно только, гитара такая старая, свѣрная... всѣ струны повыскочили...

— На гитарѣ? повторила она усмѣхаясь, — вы стало быть поете?

— Да-съ, каждое воскресенье, на клиросѣ...

— На клиросѣ? повторила она съ возрастающимъ удивленіемъ и сильно краснѣя отъ сдавленнаго желанія хохотать, — вы стало быть, пѣвчій?

— Да, пѣвчій, если угодно, только не по обязанности, а по собственному желанію.

— Пѣвчій! вмѣшался Лукинъ, прислушиваясь къ ихъ разговору. — Что за вадоръ! Какой онъ пѣвчій!... Онъ живописецъ, художникъ...

— Ба! Вотъ какъ! А я думала...

— Вы вѣрно любите музыку, Эмилія Павловна? спросилъ Матюшкинъ, немного оправившись.

— Люблю.

— Бываете въ оперѣ?

— Бываю; а вы?

— Я тамъ постоянно, каждое представленіе. Безъ меня увертюра не начинается; всѣ капельдинеры меня знаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? У васъ стало-быть кресло абонировано?

— Нѣтъ-съ, не кресло, а въ парадизѣ билетъ.

— А! знаю... Это тамъ спереди, на самомъ верху, откуда кричать и букеты бросаютъ?

— Да-съ.

— Тамъ, кажется, тѣсно немножко?

— Да-съ, точно-съ; на пустоту пожаловаться нельзя. Иной разъ чуть не верхомъ сидятъ другъ на другѣ: второй рядъ на первомъ, а третій рядъ на второмъ.

— Какъ же это они выдерживаютъ?

— Кто-съ?

— Да тѣ, что въ первомъ ряду.

— А имъ что дѣлается? Народъ все больше молодой, здоровый и всѣ другъ съ другомъ пріятели. Жарконько, правда, немного; ну, да пословица говорить: «паръ костей не ломить». Приходятъ въ чемъ-нибудь легонькомъ... имъ видно за то хо-

рошо. А насчетъ того, чтобы силу особенную имѣть, такъ вѣдь это, я вамъ доложу, не кули на себѣ таскать. Свалиться некуда; спереди балюстрада подъ самое горло, съ боку сосѣдъ, съ другаго сосѣдъ, сидитъ себѣ все-равно, какъ въ футлярѣ... зависть даже иной разъ возьметъ, по той причинѣ, что онъ тамъ сидитъ, ни о чемъ не заботясь, и наслаждается звѣрски, а ты тутъ, надъ нимъ, гимнастику такую выдѣлываешь весь вечеръ!... Ногами стоишь у него на фалдахъ, колѣнками обопреешься въ перила... вотъ такъ (Матюшкинъ вскочилъ на кресла, чтобы нагляднѣе объяснить это трудное положеніе), а для того, чтобы не свалиться въ партеръ, рукой уцѣпишься за желѣзную перекладину сзади, а другую въ спину ему упрешь, или такъ просто, на воздухѣ, маневрируешь.

Опираясь на столъ, онъ вытанулся черезъ спинку кресель, всѣмъ тѣломъ впередъ, въ положеніи человѣка, который силится что-то увидѣть вдали.

Эмилія хохотала, Лукинъ подошелъ къ нему, тоже смѣясь.

— Смотри не свались, сказалъ онъ, поддерживая его рукой.

— Ничего, здѣсь вѣдь не съ пятаго этажа, отвѣчалъ онъ, соскакивая,—а вотъ только кресла тебѣ перепачкалъ.

Онъ смахнулъ пылъ платкомъ и потомъ вытеръ начисто фалдой.

— Ты пилъ чай?

— Пылъ, отвѣчалъ Матюшкинъ.

— Тѣмъ лучше, чай, стало-быть, намъ не будетъ мѣшать... Эй! Васька!... Вина!

— Не хорошо! Не нужно! шепталъ Матюшкинъ, толкая его ногой подъ столъ,—Эмилія Павловна, можетъ-быть, не любить, прибавилъ онъ громче.

— Не безпокойся, перебилъ Лукинъ, — Эмилія Павловна женщина безъ претензій, она не любитъ, чтобы при ней стѣснялись. Не правда ли, Эмилія?

— О! разумѣется! отвѣчала она насмѣшливо.—Я не люблю портить другимъ удовольствіе, но я не знаю еще что думаетъ объ этомъ нашъ гость? Можетъ-быть онъ привыкъ пить шампанское только за имениннымъ обѣдомъ или на крестинахъ, а такъ просто, безъ всякаго торжественнаго случая, найдетъ неприличнымъ?

— Кто? Матюшкинъ?... Матюшкинъ найдетъ неприличнымъ?... Ха, ха, ха! Ну, плохо же ты его знаешь! Вотъ посмотри, онъ покажетъ тебѣ сейчасъ, какъ онъ на это смотреть...

Борисъ Петровичъ, слышавшъ въ немъ тебя обманяютъ? Оправдывайся какъ самъ знаешь, это, братъ, до меня не касается.

Матюшкинъ смѣялся. Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ не полѣзъ бы за словомъ въ карманъ, но красота Эмилии Павловны и мнимое значеніе ея въ свѣгѣ лишили его обыкновенной смѣлости. Онъ чувствовалъ себя передъ ней въ какомъ-то смѣломъ и неустойчивомъ положеніи, которое при всякомъ усилии его выпутаться и поправиться, какъ будто на зло становилось еще неустойчивѣе, еще затруднительнѣе. Вотъ, онъ хотѣлъ себѣ вѣжливости и готовъ былъ для этого пожертвовать даже шампанскимъ, а вышло, что онъ сказалъ какую-то недовкоость, и надъ нимъ же еще посмѣялись.

— Бѣда попасть на зубокъ свѣтской барыни! сказала онъ, собравшись съ духомъ и машинально потчывая въ голову. — Не знаешь съ чего начать и какъ держать себя!... Захочешь спроста... скажутъ: грубо! мужикъ! невѣжа! плебей!... А начнешь тонкимъ манеромъ, поведешь себя деликатнѣе, скажутъ: вишь какъ онъ жметоя, ломается, видно, что въ обществѣ не умѣетъ жить!

Лукинъ и Эмилиа перемигнулись, кушая губы.

— Вы что-то имѣете противъ свѣтскихъ дамъ, сказала она, толкая локтемъ сосѣда, чтобы онъ не мѣшалъ, — иначе вы вѣрно не стали бы ихъ обвинять въ такихъ совершенно несправедливыхъ претензіяхъ.

— Я, сударыня? Божусь вамъ, рѣшительно ничего! отвѣчалъ онъ краснѣя. «Ну, впутался!» подумалъ онъ про себя.

— Выпей, Борисъ Петровичъ, ты что-то робѣешь, сказалъ Лукинъ, наливая ему бокалъ. Матюшкинъ хлебнулъ, и это его ободрило.

— Я?... Эмилиа Павловна, продолжалъ онъ, — я противъ нихъ ничего-съ... Мнѣ только нашего брата жаль, по той причинѣ, что онъ какъ себѣ тамъ не вертись, а все ужъ не угодить.

— Почему жъ вы такъ думаете? Вы развѣ пробовали угождать?

— Ужъ гдѣ тамъ пробовать! отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой. — Куда намъ, дуракамъ, чай пить!... У насъ и платье-то не такъ шито, и по-французски-то мы не смыслимъ, и тонкостей всѣхъ этикъ, обычаевъ всѣхъ не знаемъ... Одно слово — плебей, хамъ, то-есть, человекъ необтесанный, вотъ оно значитъ и знай свое мѣсто, выше себя не суйся.

— О! это все вздор! Это вамъ только такъ кажется... Вы, какъ артисты, имѣете право держать голову такъ же высоко, какъ всякій другой. Артистъ... это аристократія таланта, которая не уступаетъ рѣшительно никакой, а слышала это часто отъ ванныхъ собраний.

— Что слышали-то, это еще не диво, языкъ безъ костей... мало ли что нашъ братъ совретъ... особенно еще если французски, такъ оно можетъ-быть и похоже на дѣло, по той причинѣ, что у нихъ тамъ во Франціи все не по нашему, а по-русски переведи, такъ и выйдетъ чужь... Извините, Эмилія Павловна, я не на вашъ счетъ.

— Сдѣлайте милость, безъ навинченій! Говорите мнѣ прямо все, что вамъ въ голову придетъ; она будетъ проще и веселѣе. Вы слишкомъ скромны, это хуже всего можетъ вамъ помѣшать въ большомъ свѣтѣ. Скромность—самый дурной тонъ... Дѣлайте что угодно, и говорите что задумается, только смѣйте, все съ рукъ сойдетъ... Вотъ, напримеръ, теперь: бысъ объ закладъ, вы бы выпили вчетверо бока, еслибы маца здѣсь не было... Не правда ли?

— Что правда, то правда, не отопрусь.

— Ну, вотъ видите ли! Вотъ и не хорошо, глупо!... за чѣмъ стѣсняться?... Смотрите, я вамъ подамъ примѣръ... За здоровье артистовъ! сказала она, протянувъ къ нему рюмку. Матюшкинъ чокнулся.

— Стой! перебилъ Луккичъ. — Выпьема-ка дучше за здоровье плебеевъ; это здоровье будетъ покрѣпче и помужичѣе для насъ!... Артисты! Знать!... Ветошь все это! Старо!... Плебен другое дѣло; плебен имѣютъ будущность впереди... Ура! за здоровье плебеевъ!

— Ура! заревѣлъ Матюшкинъ.

Всѣ трое чокнулись и допили рюмки до дна. Матюшкинъ повеселѣлъ. Глаза его искрились, встрѣчаясь съ глазами Эмиліи, въ груди становилось тепло. «Ну,» думалъ онъ, «это штука такая, что просто мое почтение! Вотъ оно что значитъ барыня-то! Вотъ оно что! Краевница, умница, прелесть! Просто отдай все!...» Согрѣтый шампанскимъ, онъ скоро раздѣлялся съ своимъ замѣнательствомъ окончательно и развернулся во всю ширину. Онъ началъ пѣть пѣсни, рассказывать все, что въ голову попадетъ, смѣшивъ Эмилію до того, что она хохотала, держась за бока. Съ своей стороны и она не осталась въ долгу. Съ полнымъ бокаломъ въ рукахъ, она пѣла

ему куплеты изъ водевилей и пѣсенки Беранже, въ которыхъ онъ, правда, ни слова не понималъ, но которые приводили его въ восторгъ неописанный. Покуда они хохотали, болтали и пѣли вдвоемъ, Лукинъ, который сначала смѣлся и вралъ не менѣе ихъ, мало-по-малу замолкъ. Минуть пять ужь прошло, какъ онъ ни слова не говорилъ, а только сидѣлъ, да пилъ рюмку за рюмкой. Мысли его бродили далеко отъ того, что происходило въ эту минуту у него въ комнатѣ; на сердцѣ лежала тоска, которую ни шампанское, ни рассказы Матюшкина, ни глазки Эмилии, ни пѣсни ея не въ состояніи были разсѣять. Чтобы приподнять ея полновѣсный гнетъ, надо было вызвать на помощь другаго бѣса, крупнѣе, могущественнѣе, ближе сродни настоящему настроенію его души.

— Эй! Васька! крикнулъ онъ, стукнувъ рукой такъ сильно, что доньшко откололось у бокала и звонкіе черепки стекла посыпались на полъ.

— Что, кучеръ ужиналъ?

— Ужиналъ, Григорій Алексѣвичъ.

— Скажи, чтобы выѣзжалъ.

— Куда ты? спросила Эмилиа.

— Къ Сальи.

Усмѣшка исчезла съ ея лица.

— Развѣ тебѣ такъ скучно съ нами? спросила она.

— Нѣтъ, но я общалъ.

— Общалъ?... Ну въ такомъ случаѣ и я съ тобой ѣду.

— Пожалуй, поѣдемъ.

— А! тебѣ теперь все равно! Прежде ты этого не любилъ.

— Я и теперь не люблю, но я не хочу удерживать тебя, если тебѣ тамъ весело.

— Мнѣ весело тамъ, гдѣ тебѣ весело, ты это знаешь, ты знаешь, что я Сальи ненавижу.

— Но ты любишь общество, которое у нея собирается.

— Не правда! Ты знаешь это самъ очень хорошо, а говоришь только мнѣ на зло... Развѣ я не бросила въ угоду тебѣ всѣхъ старыхъ знакомыхъ?... Развѣ я уѣзжала отъ тебя когда-нибудь такъ, какъ ты теперь хочешь уѣхать?... Не могу же я наконецъ сидѣть одна у себя на квартирѣ, по цѣлымъ недѣлямъ?

— Я этого не требую.

— То-то мнѣ и обидно, что ты этого не требуешь, возрала она утирая слезы.—Еслибы ты этого дѣйствительно же-

даль, дорожилъ этимъ хоть на грошъ, еслибъ это нужно было для кого-нибудь въ мѣрѣ, я бы могла помириться съ необходимостію и сдѣлала бы это охотно... Но тебѣ все равно, гдѣ я и что я дѣлаю!...

— Довольно, послѣ объ этомъ поговоримъ, сказалъ Лукинъ, взглянувъ на Матюшкина, который стоялъ въ неопisanномъ удивленіи, посматривая на нихъ обоихъ. Этотъ жестъ и эти слова заставили опомниться Эмилию Павловну; она вдругъ замолчала и бросила быстрый взоръ въ ту же сторону; но вмѣсто холодной насмѣшки, которую она ожидала увидѣть на лицѣ посторонняго человѣка, свѣтлосъ такое искреннее участіе и наивное изумленіе, что ей незачѣмъ было опускать глаза. Она подошла къ нему, улыбаясь сквозь слезы, и крѣпко пожала руку.

— Что же ты, ѣдешь? спросилъ Лукинъ.

— Нѣтъ, я поѣду домой.

— Не хочешь ли я тебя довезу?

— Ненужно.

— Ну, какъ угодно; прощай... Матюшкинъ, поѣдемъ, намъ по дорогѣ.

— А какъ же Эмилиа Павловна-то, одна отсюда поѣдетъ въ такую пору?

— А, тебѣ хочется ее проводить? Ну, провожай себя съ Богомъ... прощай; заходи когда-нибудь по утру... до двѣнадцати я всегда дома... у меня еще деньги твои остались... Последнія слова сказаны были за дверями, въ передней. Когда онъ ушелъ, Эмилиа бросилась на диванъ и прислонясь, лицомъ въ уголокъ, къ подушкѣ, принялась горько плакать.

Матюшкинъ стоялъ передъ нею какъ вкопанный, вертя свою шляпу въ рукахъ. Ему хотѣлось сказать что-нибудь, чтобъ ее утѣшить, но что именно, онъ не зналъ. Онъ былъ подъ вліяніемъ какого-то особеннаго, неиспытаннаго до сихъ поръ ощущенія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ помнилъ себя, ему въ первые не хотѣлось шутить, невозможно было расхохотаться. Личность Эмилии Павловны обзорожила его, а случайная обстановка и тѣ исключительныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ образовалось это впечатлѣніе, еще удвоили его силу. Узнай онъ съ перваго слова ея настоящее положеніе, она никогда не заняла бы его воображенія до такой степени; останься онъ до конца при томъ убѣжденіи, что Эмилиа — барыня, положеніе это никогда не тронуло бы его такъ глубоко, не

пробудило бы въ немъ такого искренняго, сердечнаго состраданія. Первая, ошибочная догадка произошла отъ того, что Эмилія Павловна действительно не похожа была на всѣхъ такъ Лизочекъ, Сашъ и Пашъ, которыхъ онъ зналъ. На ней стражались, хотя и косвенными путями, лучи того свѣта, бодшаго свѣта, на который онъ часто посматривалъ изъ райка, какъ на какой-то завѣтный, недостижимый міръ. Въ этихъ лучахъ, она явилась ему сначала, и впечатлѣніе это не исчезло вмѣстѣ съ ошибкой; исчезло только то мнимое разстояніе, которое отдѣляло его отъ ней. Матюшкинъ чувствовалъ это всеми порами своего существа, но чувствовалъ безотчетно. Онъ долго стоялъ и молчалъ, не сводя глазъ съ Эмиліи; она долго сидѣла и плакала, не думая вовсе о немъ, не смотря на него, не замѣчая его.

— Эмилія Павловна! произнесъ онъ наконецъ, подходя къ ней на цыпочкахъ.

Она встала, откинула волосы съ разгорѣвшихся щекъ и отерла глаза.

— Поѣдемте, сказала она, отыскивая мантилью и шляпку. Онъ кинулся со всѣхъ ногъ помогать, подалъ ей шубу, свелъ внизъ, по лѣстницѣ, нанялъ извозчика и отвезъ домой.

Возвращаясь на Островъ пѣшкомъ, онъ такъ былъ возбужденъ, такъ занятъ своими мыслями, что не слышалъ земли подъ ногами; у Александровскаго театра чуть не попалъ подъ дышло, у Полицейскаго моста наткнулся на двухъ прохожихъ, которые его обругали, и противъ обыкновенія, не отвѣчали имъ ни слова. Дома, у себя, закутавшись въ старыи халатъ и загасивъ свѣчку, онъ долго ворочался съ боку на бокъ, напрасно стараясь уснуть: виски горѣли, сердце стучало внятно, страшныя картины проносились передъ закрытыми глазами, страшныя чувства тѣснились въ груди. Къ утру ему приснилось, что онъ женится на Эмиліи и что ихъ вѣнчаютъ на сценѣ Большаго театра, въ какихъ-то оперныхъ костюмахъ, при звукахъ какой-то знакомой музыки, а весь партеръ хохочетъ, указывая на нихъ пальцами.

Около этого времени, въ три часа по полуночи, на Мойкѣ, у Синяго моста, на квартирѣ мадамъ Садыи, человекъ пять записныхъ игроковъ еще рѣзались въ банкъ. Все остальные гости давно разѣхались и даже огни погашены были вездѣ, за исключеніемъ одной комнаты, въ которой, сквозь облако табачнаго дыма, мерцали яркими пятнами свѣчи на игорномъ огѣ. За этимъ столомъ присутствовала сама хозяйка. Въ

взятомъ бальномъ нарядѣ, съ открытыми, блѣдными плечами, по которымъ видись, какъ змѣи, полуразвитыя кольца черныхъ волосъ, она сидѣла въ углу, на софѣ и несмотря на усталость, замѣтно написанную во всѣхъ чертахъ, слѣдила внимательно за игрой. Возлѣ нея, сидѣлъ господинъ среднихъ лѣтъ и довольно почтенной наружности. Онъ былъ въ усахъ и въ очкахъ, во фракѣ и въ черномъ военномъ галстухѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, изъ-за которой торчали тесемки отъ щегольской, тончайшаго голландскаго полотна, манишки. У него былъ орденъ въ петличкѣ и большой красный носъ, короткіе волосы съ просѣдью и маленькая, едва примѣтная лысина на затылкѣ. Алмазный перстень горѣлъ на указательномъ пальцѣ правой руки, на брюхѣ висѣла толстая золотая цѣпочка съ брелоками; изъ-подъ сѣрыхъ бровей, изъ-за стеколъ очковъ, выглядывали маленькіе, зеленые, масляные, добродушно веселые глазки. Это былъ банкиетъ, Осипъ Осипычъ Хоботовъ. Ломберный столъ, за которымъ онъ предсѣдательствовалъ и вокругъ котораго оставалось всего три понтера, исписанъ былъ весь запутанными рядами цифръ, крестиковъ, знаковъ, засыпанъ пепломъ, окурками отъ сигаръ и страшно запачканъ мѣломъ. На одномъ изъ краевъ его, лежали кипы измятыхъ бумажекъ, наваленныхъ одна на другую горкою, возлѣ которой блестяла другая горка монеты. Груда изломанныхъ картъ и разорванные обертки колоды разсыпаны были по полу, подъ столомъ и вокругъ. Другой столъ съ закуской и съ рядомъ порожнихъ бутылокъ стоялъ поодаль отъ карточного. За нимъ, дремало въ потемкахъ, облокотясь надъ стаканомъ, какое-то толстое, неуклюжее существо, лѣтъ 50-ти, въ широкомъ гороховомъ сюртукѣ, съ лоснящимся краснымъ лицомъ и съ густою рыжею шерстью на головѣ. Жесткіе клочья такой же шерсти торчали у него изъ всѣхъ мѣстъ, недоступныхъ для бритвы, изъ ушей, изъ носу, изъ-за галстуха, изъ подъ рукавовъ. Этотъ Силенъ былъ одинъ изъ самыхъ прилежныхъ посѣтителей Салы. Онъ вѣчно торчалъ возлѣ ломбернаго стола и самъ понтеровалъ иногда, но чаще откупоривалъ бутылки или распорядился закуской, при чемъ на долю его всегда доставалась львиная часть.

— Опять надула проклятая! сказалъ ротмистръ Карцевъ, вымаравъ только что записанные на его сторонѣ двѣ отмѣтки и перекидывая нѣсколько а ссигнацій. Восклипаніе это относилось къ двойкѣ, которая безъ сомнѣнія уже не разъ повторила съ гуса-

ромъ свои предательскіе поступки, потому что, въ этотъ день, ротмистръ успѣлъ проиграть тысячу десять. Несмотря на то, онъ повидимому еще не намѣренъ былъ бастовать. Ротмистръ былъ средняго роста мужчина съ простымъ, солдатскимъ покроемъ лица и съ парой лихо-закрученныхъ къ верху усовъ.

— Что жъ вы пасуете? спросилъ онъ у Лукина, который сидѣлъ уже нѣсколько минутъ, сложа руки.

— Не везетъ, отвѣчалъ тотъ сквозь зубы. Онъ былъ не въ духѣ, потому что дѣйствительно ему не везло: въ этотъ день. Началось съ этой неловкой встрѣчи у Лелева; потомъ онъ поссорился съ Эмилией, а вечеромъ, никогда еще ему не случилось продуться такъ сильно какъ въ этотъ разъ. Семь тысячъ слишкомъ перешло въ его кармана въ банкъ; въ бумажникѣ оставалась мелочь.

— Подите, сядьте сюда, я васъ утѣшу, сказала Салли по-французски, очищая ему небольшое мѣстечко съ края. Лукинъ всталъ и сѣлъ возлѣ нея. Она прислонилась къ нему плечомъ, взяла его руку въ свои и начала гладить.

— Что дѣлаетъ ваша Эмилиа? спросила она.

— Все, что ей вздумается, отвѣчалъ онъ разсѣянно.

— Отчего она перестала ѣздить сюда?

— Не знаю; я звалъ ее не далѣе какъ сегодня.

— Не правда; вы ревнивы какъ Турокъ; вы вѣрно держите ее подъ замкомъ.

— Къ чему? Замкомъ развѣ можно кого-нибудь удержать?

— Ah! j'espère que non!.. Скажите, она не жалѣетъ о прежнемъ своемъ положеніи?

— Надѣюсь, что нѣтъ.

— Si j'étais à sa place! Oh! si j'y étais! продолжала Француженка, кокетливо поднимая въ потолокъ свои большіе усталые глаза.

— Вы бы, конечно, причесали меня по своему.

— Ehl Allez! Barbe-Bleue que vous êtes! Vous l'avez bien mérité!.. Croyez moi, quelques petits rameaux dans les cheveux vous iраient à ravir.

— Ну, съ вами дѣло не остановилось бы на маленькихъ вѣточкахъ; вы бы поставили рогатину пуда въ два.

Салли ударила его по рукамъ вѣеромъ и захохотала такъ звонко, что рыжій Иванъ Петровичъ проснулся. Потягиваясь легонько на стулѣ, онъ чуть не выломилъ спинки, которая очень явственно треснула подъ гнетомъ его массивной спины.

— Prenez donc garde, bonhomme! закричала ему Сальи. — Попадите мой стулъ; а не то я вею приносить вамъ желѣзную скамейку съ бульвара... Замѣтите, шепнула она Лукину; только что рѣчь зашла о рогахъ, какъ старый козелъ проснулся. У него въ головѣ чешется; я пари держу, что онъ видѣлъ во снѣ жену, которая бросила его два года тому назадъ и теперь рыскаетъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ.

— Супружескія отношенія вѣрно стали невыносимо-тяжелы, замѣтилъ Лукинъ, насмѣшливо посматривая на квадратную массу жира и мускуловъ, которая въ эту минуту медленно поднялась со стула и зѣвая приблизилась къ нимъ. Добродушная улыбка мелькала на заспанномъ, розовомъ лицѣ Ивана Петровича.

— Ну что, братъ, Ильша, какъ тебя Богъ милуетъ? спросилъ онъ, дружески потрепавъ по плечу одного изъ понтеровъ, худого, маленькаго, вертляваго господина, который сидѣлъ у стола спиной къ Лукину.

— Ничего, отыгрался немножко, отвѣчалъ тотъ оглядываясь съ двусмысленною улыбкою. Взглядъ, который онъ бросилъ при этомъ въ лицо товарища, случайно остановилъ на себѣ вниманіе Лукина. Руководимый какимъ-то инстинктомъ, онъ въ ту же минуту оглянулся на Хоботова и поймалъ другой взглядъ, косвенный, быстрый, окончательно убѣдившій его, что между этими тремя лицами существуетъ какое-то особенное, загадочное единство безмолвнаго пониманія. Онъ сидѣлъ съ края дивана и на такомъ разстояніи отъ стола, что никто изъ присутствующихъ, кромѣ Карцева, не въ состояніи былъ слѣдить за направлениемъ его взора, иначе какъ оглянувшись нарочно съ этою цѣлью. Кромѣ того, его положеніе имѣло еще и другую особенность. Онъ видѣлъ какъ карты ложились и какъ двигались пальцы, ихъ открывающіе, не съ той стороны, съ которой глядитъ на нихъ обыкновенно понтеръ, а сзади.

Съ этого наблюдательнаго пункта, только началъ онъ всматриваться, какъ замѣтилъ одинъ пріемъ, довольно невинный на взглядъ, но который его удивилъ. Вскрывая новую карту, банкометъ иной разъ дѣлалъ пальцами лѣвой руки какую-то сложную эволюцію, подробности которой были такъ быстро исполнены, что въ общемъ ихъ можно было скорѣе принять за нервное, судорожное подергиваніе усталыхъ мускуловъ, чѣмъ за какое-нибудь сознательное движеніе руки. Лукинъ удвоилъ вниманіе, но цѣлая талія успѣла сойдти прежде чѣмъ

ему удалось опять замѣтить подобный маневръ. По первому абцугу слѣдующей, Карцевъ взялъ на семерку и загнулъ уголь. Минуту спустя, семерка опять взяла.

— *Пароли-Пе* и треста рублей мазу, сказалъ онъ запальчиво, надписывая эту сумму мелкомъ надъ загнутою и перегнутою вдвое картой. Лукинъ глядѣлъ въ оба, заслоня глаза рукой, но покуда семерка не выходила, онъ не замѣтилъ рѣшительно ничего: работа шла чисто и ровно. Вдругъ, снова какое-то быстрое движеніе въ пальцахъ и въ ту же минуту, карта легла направо. Ротмистръ ударилъ по столу кулакомъ, бормоча про себя что-то очень сердито; и еще одна пачка бумажекъ отправилась въ банкъ.

— А! вотъ оно что! подумалъ Лукинъ. Онъ всталъ, обошелъ столъ кругомъ и сѣлъ съ другой стороны на диванъ, возлѣ Хоботова. Талія между тѣмъ сошла и началась новая.

— *Аттанде!* сказалъ онъ, поставивъ карту на столъ.... идетъ на восемь тысячъ. Выговаривая эти слова, онъ наступилъ ногой на ногу своему сосѣду; тотъ вадрогнулъ и покраснѣвъ до ушей, обернулся къ нему лицомъ. Съ минуту они глядѣли другъ другу въ глаза ни слова не говоря. Злая улыбка мелькнула у Лукина на губахъ, онъ нажалъ крѣпче. *Бысте что ли?* спросилъ онъ грубо.

— Бью-съ, отвѣчалъ Хоботовъ едва слышно; руки у него тряслись, краска съ лица исчезла. Лукинъ отнял ногу и ждалъ съ любопытствомъ чтò будетъ.

— Иванъ Петровичъ, батюшка, сказалъ банкометъ;—дайте стаканчикъ чего-нибудь. Рыжій понтеръ налилъ ему стаканъ хересу, который тотъ выпилъ залпомъ. При этомъ взоры ихъ встрѣтились, и въ ту же минуту какой-то безмолвный сигналъ тревоги промелькнулъ быстро на лицѣ всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ Карцева. Ротмистръ глядѣлъ съ любопытствомъ на Лукина, не понимая чтò такое онъ дѣлаетъ. Только-что Хоботовъ началъ опять метать, какъ карта была дана; Лукинъ, который смотрѣлъ въ упоръ на руки банкомета, замѣтилъ при этомъ опять судорожный толчокъ въ пальцахъ лѣвой руки.

— Потрудитесь заплатить деньги, произнесъ онъ. Требованіе было исполнено въ ту же минуту.

— Баста! сказалъ банкометъ торопливо, сгребая оставшіяся бумажки.—Пора по домамъ.

— Позвольте, остановилъ Лукинъ.—Вы заплатили не все.

— Какъ не все? Восемь тысячъ сполна, потрудитесь пересчитать.

— Знаю, считалъ; я вамъ не объ нихъ говорю. Извольте отдать назадъ ротмистру все, что вы у него выиграли сегодня.

— Это что значитъ? спросилъ Карцевъ вспыхнувъ.

— Значить, что этотъ господинъ шулеръ, я смотрѣлъ на него долго сзади и видѣлъ своими глазами какъ онъ передергиваетъ.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ звонкая оплеуха раздалась въ комнату, и Хоботовъ, пошатнувшись, упалъ на софу. Въ ту же минуту кипа бумажекъ вырвана была у него рукой Лукина и отдана Карцеву.

— Messieurs! De grâce! Какъ вы смѣете? Что это вы дѣлаете у меня въ домѣ, закричала Салли, видаясь между взбѣшеннымъ ротмистромъ, который стоялъ со сжатыми кулаками, и блѣднымъ, испуганнымъ банкометомъ.

— Mon Dieu! Mon Dieu! Что вы дѣлаете, мосьё Карцевъ! Мосьё Алексѣевъ! Я васъ умоляю, выслушайте меня.... вы ошиблись, мосьё Алексѣевъ, вамъ показалось. Я вамъ отвѣчаю, что ничего безчестнаго не было.

— А вы почему знаете, сударыня? спросилъ Лукинъ.—Что вы его любовница что ли?

— Клянусь вамъ, продолжала она въ слезахъ, не обращая вниманія на обиду,—я знаю давно мосьё Хоботова, я отвѣчаю вамъ за него.... Это честнѣйшій, почтеннѣйшій человекъ! Отецъ семейства, заслуженный старый офицеръ. Какъ вамъ не совѣстно было его такъ обидѣть! Смотрите, смотрите, что вы надѣлали, мосьё Карцевъ! прибавила она, трагически указывая пальцемъ на Хоботова, у котораго капала изъ носу кровь. Отдайте сейчасъ деньги, я васъ прошу, я этого требую!

— Отдайте деньги, господа! громко повторили за ней Иванъ Петровичъ и третій понтеръ, становясь возлѣ Хоботова.

— А, какъ вамъ это нравится! Какова дерзость-то! Дерзость-то какова!... Все одна шайка мерзавцевъ и шулеровъ! говорилъ ротмистръ, подходя къ нимъ со сжатыми кулаками. Банкометъ и другой товарищъ его попятались отъ него назадъ; Иванъ Петровичъ одинъ стоялъ твердо на мѣстѣ и твердо смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Что тебѣ деньги мои нужны, мерзавецъ! А! Денги!

мои нужны? говорилъ Карцевъ гвардейскимъ теноромъ, запальчиво поднося ему къ носу кулакъ.

— Да, деньги нужны, отвѣчалъ рыжій понтеръ, свирѣпо нахмуривъ брови.

— А вотъ я тебѣ покажу деньги!

— Бросьте, Василій Трофимычъ, охота вамъ руки марать, сказалъ Лукинъ,—поѣдемъ, чортъ ихъ возьми! Тотъ повернулся и они сдѣлали шагъ къ дверямъ; но Сальи догнала ихъ.

— Куда это, господа? Вы не уйдете отсюда такъ! Отдайте деньги, которые вы проиграли.... это... низко то, что вы хотите дѣлать! Это грабежъ, разбой.... разбой! Помогите! закричала она по-русски. Къ этому времени, какая-то заспанная, бородастая фигура, въ пуху, выдѣла неизвестно откуда; ихъ окружили. Въ сосѣдней комнатѣ было темно, Сальи побѣжала туда и замкнула двери въ переднюю на замокъ.

— Ну, дѣло идетъ на *са-банкъ*, шепнулъ Лукинъ, услыхавъ звукъ повернутаго два раза ключа.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ вся шайка накинулась на нихъ съ разныхъ сторонъ. Началась драка. Двоихъ онъ въ одну минуту сбиль съ ногъ; но съ третьимъ, который бросился на него, какъ звѣрь, съ растопыренными, волосатыми лапами и сверкающими зрачками, дѣло окончилось не такъ-то легко.—Постой, голубчикъ, молодъ еще! говорилъ рыжій Иванъ Петровичъ, ухвативъ Лукина за грудь и съ размаху прижавъ къ стѣнѣ.—Нѣтъ, шутишь, меня не свернешь, я, братъ, ломаль и не такихъ молодцовъ!

— А вотъ, посмотримъ, отвѣчалъ Лукинъ бѣшено. Онъ уперся ногами въ стѣну и въ свою очередь оттолкнулъ его отъ себя съ такою силой, что тотъ пошатнулся, хотѣлъ ухватиться за стулъ, но стулъ не выдержалъ, и рыжій понтеръ полетѣлъ навзничъ. Не успѣлъ онъ привстать, какъ жестокий ударъ ногой отправилъ его опять съ размаху на полъ. На этотъ разъ, онъ ударился головою объ уголъ софы и съ минуту сидѣлъ безъ движенія, дико осматриваясь вокругъ. Этою минутой Лукинъ воспользовался, чтобы выручить Карцева, которому приходилось плохо. Блѣдный, растрепанный, въ изорванномъ платьѣ, но съ грозно-сверкающими глазами и съ табуретомъ въ рукѣ, онъ отбивался съ трудомъ отъ трехъ непріятелей, одинъ изъ которыхъ былъ рослый мужчина полголовомъ выше его. Этотъ послѣдній успѣлъ уже выхватить у него изъ рукъ табуретъ, когда Лукинъ подоспѣлъ на вы-

ручку. Однимъ ударомъ онъ повалилъ его на полъ; двое другихъ кинулись вонъ изъ комнаты. Сраженіе было выиграно; они оглянулись: Салли исчезла, Хоботовъ и одинъ изъ товарищей его то же; другой лежалъ на полу безъ чувствъ; рыжій понтеръ одинъ стоялъ на ногахъ шатаясь и дико посматривая на нихъ изъ-подлобья.

Ни слова не говоря, они отыскиали шляпы въ гостиной; Лукинъ ногой вышибъ дверь. Въ передней не было ни души; они накинули шубы и вышли на лѣстницу, захвативъ съ собою свѣчку.

— Ъдемте прямо къ оберъ-полицеймейстеру, сказалъ Карцевъ.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Надо сейчасъ же всю шайку переловить.

— Ба! Не поспѣете. Я вамъ отвѣчаю, что черезъ четверть часа, вы не отыщите здѣсь ни души. Неужели вы думаете, что они станутъ ждать?... Къ тому же оберъ-полицеймейстера въ 4 часа дня васъ не разбудятъ, да еслибъ и разбудили, то какъ вы побѣдете къ нему въ этомъ видѣ?

— А что?

— Какъ что? Посмотрите, у васъ рукавъ въ лохмотьяхъ подъ лѣвымъ глазомъ фонарь, щека вся опухла.

— Ахъ они!... Ахъ чтобъ ихъ...! Можно себѣ представить какъ началъ ругаться гусаръ, ощупывая себѣ лицо.—Скажите! говорилъ онъ,—а я до сихъ поръ и не чувствовалъ! Только теперь начинаетъ болѣть... Такъ нѣтъ же, я этого такъ не спущу, я имъ всѣ кости переломая! сказалъ онъ вдругъ оставиваясь. Вернемся.

— Куда вы? Что вы? Чего тамъ еще искать? сказалъ Лукинъ, удерживая его за руку. — Слава Богу, что мы ушли да деньги свои унесли.... двадцать тысячъ на улицѣ не валяются! Не поскользлись этотъ рыжій разбойникъ, мы бы съ ними не справились, насъ бы ограбили до чиста, да вдобавокъ избивали бы до полусмерти.

— Однакожъ, вамъ удалось свернуть его.

— Случай, отвѣчалъ Лукинъ.—Богъ знаетъ какъ бы я справился съ этимъ слономъ, еслибъ онъ былъ хоть немного половче. Дѣло могло дурно кончиться.

— А что, онъ васъ крѣпко помялъ?

— Не успѣлъ, отвѣчалъ Лукинъ.

— Какъ не успѣлъ? Вонъ у васъ вся рубашка изорвана на груди, а это что? Посмотрите-ка, кровь!

Лукинъ разстегнулъ рубашку. На смуглой, широкой груди его темнѣло семь маленькихъ ранокъ.

— Ногти! сказалъ засмѣявшись ротмистръ,—ну, это еще небольшая бѣда. Меня они лучше отбѣлали.

Спустившись по лѣстницѣ, они бросили свѣчку на полъ и вышли изъ дома. У подъезда стояли парные сани Карцева; разбудивъ кучера, который спалъ крѣпкимъ сномъ, они поехали домой. Лукинъ скоро развеселился. Рядъ потрясающихъ ощущений, съ сознаниемъ крупной опасности и удачной развязки въ концѣ, произвелъ въ немъ реакцію. Слушая Карцева, который ругался какъ пьяный сапожникъ, и припоминая вдвоемъ всѣ маленькія подробности ихъ приключенія, онъ хотѣлъ всю дорогу.

V. АРІАДНА.

Зимніе праздники наступили и прошли быстро; крещенскіе морозы тоже прошли; но зима стояла еще во всей своей силѣ. Натѣшившись, наvertѣвшись до сыта въ самый шумномъ кругу столичныхъ любителей блеска и шума, Софья Осиповна и сестрица ея стали подумывать объ отъѣздѣ; Федоръ Леонтьевичъ ихъ торопилъ. Съ большимъ трудомъ онъ выхлопоталъ себѣ отсрочку на мѣсяць, нарочно чтобъ ѣхать съ семействомъ, и на первой недѣлѣ поста рѣшено было выѣхать, а до этого времени оставалось ужъ очень не долго; между тѣмъ дамы не кончили еще и половины своихъ безчисленныхъ сборовъ. Множество платья не было еще и заказано, много вещей еще надо было купить и отправить. Когда онъ успѣютъ все это сдѣлать, никто не зналъ; но разговоры объ этомъ шли часто; причѣмъ сестры, по старой привычкѣ, спорили иногда до слезъ. Споръ начинался обыкновенно съ какой-нибудь шляпки или мантильи, съ цвѣта матеріи или узора ковра, а потомъ переходилъ не замѣтно на вещи совершенно инаго рода.

— Все вздоръ! сказала однажды Софи, когда на всѣ ея убѣжденія ѣхать куда-то, чтобы купить что-то, сестра отвѣчала различными отговорками.

— Все вздоръ, Hélène, я знаю отчего нельзя.

— Отчего это?

— Ты кого-нибудь ждешь.

— Это что еще? Кого мнѣ ждать?

— Не знаю; можетъ-быть Павла Петровича.

— Оставь меня въ покоѣ съ этими глупостями, Софя! Ты мнѣ надоѣла... Ты выведешь меня изъ терпѣнья! отвѣчала меньшая сестра очень живо. Бросивъ работу на столъ, она вскочила и начала бѣгать по комнатѣ.

— Чтѣ съ тобою, Нелѣне? Съ нѣкоторыхъ поръ ты стала такая сердитая и обидчивая, что тебѣ нельзя слова сказать, не рискуя съ тобой поссориться.

Нелѣне остановилась на мигъ, посмотрѣла на нее пристально и не отвѣчая ни слова, продолжала ходить. Буря собиралась у ней на лицѣ. Предвѣстниками этого явленія природы были мало-надутыя губки, забавно-нахмуренныя брови, гнѣвно-свѣркающіе глаза и какое-то электрическое, судорожное подергиванье въ плечахъ.

— Ты, кажется, сердисься на меня нешути?

— Нѣтъ; я ничего... не бѣси меня...

— Какъ ничего? Я ужъ давно замѣчаю. Скажи пожалуста, что такое я сдѣлала?.. Я сказала, что ты ожидаешь Павла Петровича... но ты сама это мнѣ говорила такъ часто... и прежде, когда мы съ тобой вспоминали о немъ, тебѣ это нравилось... а теперь?...

— А теперь я не хочу, чтобы мнѣ о немъ говорили... потому что мнѣ это надоѣло, потому что я теперь понимаю чтѣ все это значить... Меня никто не любитъ!.. О моемъ счастьи, о моей будущности никто не думаетъ!.. Вы съ Федоръ Леонтьичемъ торопитесь отсюда уѣхать, потому что вамъ все равно... а я не хочу въ Сольскъ! Чтѣ я тамъ буду дѣлать? Какую роль играть?.. Какой-нибудь мерзкій губернской городишка, въ которой нѣтъ человѣка порядочнаго... все какіе-нибудь старые крысы—взятчики или мальчишки, чиновники въ ошипанныхъ вицъ-мундиришкахъ, которые дурно по-французски выговариваютъ! Я тамъ задохнусь отъ скуки! У меня тамъ ничего впереди не будетъ... рѣшительно ничего!..

— Какъ знать, Нелѣне? Можетъ быть тамъ счастье твое скорѣе устроится. А здѣсь... ты сама подумай: что же ты здѣсь такое нашла? Еслибы что-нибудь ясно опредѣленное было въ виду; мы бы остались здѣсь долѣе; Федоръ Леонтьичъ ни слова бы не сказалъ... онъ могъ бы уѣхать одинъ...

Слезы сверкнули на длинныхъ рѣсницахъ Елены.

— Вы мнѣ всего какихъ-нибудь четыре мѣсяца дали! отвѣчала она.—У меня времени не было... Я ничего не знала, не понимала... вы меня съ толку сбили!

— Какой вздоръ, та *chère*! Кто тебя съ толку сбивалъ?

— Ты, ты меня сбила, Софи! Я никогда тебѣ этого не прощу! Ты мнѣ нашептывала на счетъ Поля всякіе вздоры, а я имѣла глупость повѣрить тебѣ... я чуть не влюбилась въ него не шутя...

— Ну, такъ что жъ?

— О! тебѣ разумѣется все равно; а для меня это было время, потерянное напрасно.

— Какъ знать? можетъ быть и не напрасно.

— Совершенно напрасно. Поль не любитъ меня ни на грошъ; онъ совсѣмъ и не думаетъ обо мнѣ. Отъ только компрометируетъ меня въ глазахъ другихъ, которые безъ этого, можетъ быть, смотрѣли бы иначе на меня.

— Кто жъ эти другіе?

— Все равно кто... Я знаю кто... нашлись бы... еслибы ты не была такая эгоистка, еслибы ты заботилась обо мнѣ хоть сколько-нибудь. Но ты думаешь только о своемъ удовольствіи, Софи; ты всегда всѣхъ на свою сторону успѣешь переманить, а меня оставить ни съ чѣмъ!

— Я право не понимаю тебя, та *chère*...

— О! Пустяки, не правда, очень хорошо понимаешь.

— Скажи пожалуйста на кого это ты намекаешь?.. Не уже ли на... Григорія Алексѣича? спросила Софи краснѣя.

— Можетъ-быть. Почему жъ бы и не на него? Развѣ это такой священный предметъ, что о немъ и говорить нельзя при извѣстныхъ особахъ?

— Чтò за вздоръ! Говори себѣ сколько хочешь, только я не люблю, когда ты начинаешь говорить глупости.

— Почему жъ глупости? Развѣ это не правда, что ты имъ завладѣла одна, что ты ухаживаешь за нимъ, кокетничаешь съ нимъ и...

— Это еще чтò за новости? перебила Софи, въ свою очередь сильно разгнѣванная.

— Новости, можетъ-быть, только не для насъ съ тобой, та *chère*. *Cela date de puis bien longtemps!* Еще въ дорогъ, на станціи, помнишь?.. Съ тѣхъ поръ еще все это началось. А

потомъ—кто видѣлъ его во снѣ и бредилъ о немъ на яву?.. Кто отыскивалъ его здѣсь?.. Кто надѣдалъ Полю просьбами?.. Кто красилъ и блѣдилъ, ожидая его звонка, и обѣгалъ къ окошку по десяти разъ въ минуту и приглашалъ его къ намъ каждый день, приглашалъ къ себѣ въ ложу, съ собою на балъ...

Софи вскочила съ огнемъ на щекахъ и съ гнѣвно-сверкающими глазами...

— Это ложь!.. выдумки! возразила она проворно, съ рѣзкими, энергическими удареніями на словахъ.—За кого ты меня принимаешь, чтобъ я позволила себѣ дѣлать выговоры подобнаго рода? Ты, Hé!ène, ты!.. ты!.. ребенокъ, которому только-что перестали дарить по праздникамъ куклы... дѣвчонка, ничего не знающая, ничего не понимающая... ты берешься судить о подобныхъ вещахъ? Чтò я дѣлала, то я имѣла право дѣлать; а толковать мои поступки навыворотъ, не понимая ихъ вовсе, этого я не позволю ни тебѣ и никому въ мірѣ! Я не обязана давать отчетъ никому... никому! понимаешь ли ты это, ребенокъ?.. Я не монахиня и не гаремная невольница, чтобы запирацца отъ свѣта! Мнѣ можетъ нравиться кто угодно, я могу звать къ себѣ кого угодно и такъ часто какъ мнѣ угодно, и говорить съ нимъ о чемъ вздумается, и одна только дура такая, какъ ты, можетъ находить въ этомъ что-нибудь дурное!.. А мнѣ чтò?.. Тѣбу! Я плюю на то, что ты обо мнѣ думаешь! Я подъ ногами топчу всѣ глупыя замѣчанія и догадки!.. Я... я запрещаю!.. я не позволю!.. и она топала ногами въ неудержимомъ припадкѣ бѣшенства, плевала, рвала платокъ, у нея духъ захватывало, ея лица нельзя было узнать въ эту минуту.

— Софи! Софи! Чтò съ тобой! говорила меньшая сестра въ слезахъ. Собственный гнѣвъ ея вдругъ упалъ въ присутствіи другаго, гораздо сильнѣйшаго. Она знала свою сестру, знала ея непреклонный, рѣшительный, огненный нравъ и немножко боялась ея.—Софи, продолжала она смягченнымъ голосомъ:—ты кричишь такъ, что насъ могутъ услышать изъ дѣвичьей или изъ кабинета.

Замѣчаніе это подѣйствовало.

— Софи, выслушай, чтò я тебѣ скажу, продолжала Елена, подходя къ Софѣ Осиповнѣ и взявъ ее за руку.—Я ничего дурнаго о тебѣ не думала, je vous jure!.. Мнѣ все это пришло въ голову такъ, случайно; потому что оно могло и другимъ придти; но другіе не сказали бы тебѣ конечно ни слова, а

вывели бы, и можетъ-быть выводитьъ ужъ за глаза, самыя невыгодныя заключенія.

— Кто выводитьъ? Все это вздоръ! выдумки, сплетни, которыя другая на твоёмъ мѣстѣ стыдилась бы повторить!..

— Софи, я ничего не повторяю, потому что не слышала ничего, потому что мнѣ, разумеется, никто ничего не скажетъ... но... я слышала совершенно другія вещи.. слышала про Григорія Алексѣевича...

— Чтò такое? проворно спросила Софи.

— Такъ, ничего... то-есть кое-что... можетъ-быть пустяки... Я только-что собиралась тебѣ разказать, но ты вдругъ вышла изъ себя.

Софи улыбнулась.

— *Hélène*, viens mon amie, pas de querelle entre nous, говорила она, обнявъ сестру и цѣлуя ее нѣжно въ лобъ.—Мы объ немножко погорячились, но все это вздоръ... Пойдемъ, сядемъ, поговоримъ...

— А! вотъ видишь ли ты какая! отвѣчала сестра, смѣясь и грозя ей пальцемъ.—Вотъ, ты теперь стала тиха какъ овечка, потому что тебѣ захотѣлось узнать... ну, а что если я не скажу?

— *Hélène!* Мой ангелъ! продолжала та, обхвативъ ее руками за шею и притягивая къ себѣ.

— Ну, что тебѣ?

— *Hélène!* продолжала сестра, цѣлуя ее.

— Да что такое?

Плутовская улыбка мелькнула на лицѣ старшей сестры.

— Скажи! шепнула она едва слышно.

Объ расхохотались.

— Да ну же, скорѣй... отъ кого ты слышала?

— Отъ Павла Петровича... онъ говорилъ... про *meso*... не me pincez pas, madame!... говорилъ, что *онъ* сильно кутить.

— Кутить? повторила сестра открывая большіе глаза.

— Да; онъ составилъ себѣ очень дурную репутацію въ городѣ... и я право боюсь, чтобъ это намъ какъ-нибудь не повредило; я отъ этого и рѣшилась тебѣ сказать.

— О! какой вздоръ! Кто жъ не кутить? Всѣ молодые люди кутать; на это не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ строго. Молодой человѣкъ, въ двадцать пять лѣтъ, не можетъ вести себя какъ монахъ.

— Конечно; но Поль говоритъ, всему есть мѣра.

— Твой Поль педантъ.

Елена опять вспыхнула.—Сдѣлай милость не называй его *момми*, я этого терпѣть не могу. Какой онъ *мом*? Онъ обо мнѣ и не думаетъ, а я о немъ еще менѣе.—

Ну, ну, *laissons cela*, я такъ пошутила. Итакъ, Поль—не твой Поль, а просто Поль, говорить?

— Софи! перебила дѣвушка, пытаюсь вырваться изъ рукъ старшей сестры, но та удержала ее цѣлуя.

— *Allons, allons*, что же онъ говорить? Вѣрно какая-нибудь шалость, интрижка, лишній стаканъ вина или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— О! Еслибы только это!

— А что же еще?

— Страсть къ игрѣ, *ma chère!* шепнула Елена, поднимая брови: — цѣлыя ночи, проведенныя за картами.... Богъ знаетъ гдѣ... *dans des tripots horribles!*... и какія-то гадкія исторіи, которыя ходятъ теперь по городу....*orgin!* драки!

— Не можетъ быть!

— Положительно такъ. Поль давно это мнѣ сообщилъ подъ секретомъ.... Еще одно, прибавила она шепотомъ.... кажется онъ имѣетъ... Она наклонилась къ самому уху сестры и сказала ей что-то шепотомъ. Улыбка мелькнула на лицѣ у Софи, и тотчасъ же снова исчезла; она задумалась.

— Вотъ оно что, шепнула она минуту спустя, сама про себя.—Но отчего Поль сказалъ все это не мнѣ, а тебѣ. — да еще подъ секретомъ?

— Не знаю, Софи.

— Это дурно съ его стороны; дурно въ отношеніи къ Алексѣеву. Вмѣсто того, чтобы распускать невыгодные слухи, ему бы слѣдовало дать хорошій совѣтъ, отклонить, убѣдить... Кто жь это сдѣлаетъ для человѣка, если его друзья захотятъ только сплетничать про него за глаза?

— Поль не сплетничалъ; онъ только предостерегъ.

— Кого предостерегъ? Прежде всего онъ долженъ былъ предостеречь того, кто падаетъ, а не того кто возлѣ стоитъ.... *Hélène* если онъ этого не сдѣлалъ, то мы должны сдѣлать;... этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ другихъ друзей кромѣ насъ.

— Да, можетъ-быть.

— Когда будетъ Поль? Я должна съ нимъ поговорить.

— Ахъ, Софи! сдѣлай милость, не выдай меня!

— Ба! что за вздоръ! какія у васъ могутъ быть тайны, кото-

рыхъ я не должна знать? Ты можешь просто ему сказать, что между тобой и мной секретовъ не существуетъ.... А впрочемъ, я сдѣлаю такъ что онъ самъ мнѣ разкажетъ все.

На другой день, Левель обѣдалъ у нихъ. Послѣ обѣда, только что Федоръ Леонтычъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, Елена тоже вышла изъ комнаты. Съ полчаса, Софья Осиповна разпрашивала его о разныхъ знакомыхъ.

— А что дѣлаетъ Алексѣевъ? спросила она наконецъ. Онъ что-то давно уже не былъ у насъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Левель; — я тоже давно его не видалъ.

— Развѣ надо непременно видѣть человѣка, чтобы знать что онъ дѣлаетъ?

— Иногда въ этомъ нѣтъ надобности; но если рѣчь идетъ о комъ-нибудь, кто живетъ въ совершенно другой сферѣ жизни...

— Въ какой же это другой?

— Незнаю. Трудно опредѣлить ту сферу, въ которой живетъ Алексѣевъ. Это какой-то цыганскій, кочевой бытъ, въ которомъ нѣтъ ничего постоянного кромѣ раз... Кромѣ развѣ одной прихоти, договорилъ онъ поправляясь.

— Можетъ быть, но все-таки этотъ бытъ, я думаю, извѣстенъ вамъ лучше чѣмъ мнѣ.

— О, разумѣется.

— Что же это такое? Скажите мнѣ откровенно, Поль, какого рода жизнь онъ ведетъ?

Поль замаялся.

— Я не люблю объ отсутствующихъ говорить дурно, отвѣчалъ онъ.

— А! вотъ какъ? И этого правила вы держитесь во всякомъ случаѣ, *comme que colle*?

— Нѣтъ, я, разумѣется, допускаю исключенія.

— Допустите же и на этотъ разъ. Я вижу, вы знаете болѣе чѣмъ хотите сказать; но это не хорошо... То есть не хорошо секретничать тамъ, гдѣ полная откровенность могла бы послужить въ пользу ближнему; потому что, вы знаете, на этого ближняго мы съ сестрой имѣемъ маленькое вліяніе, которое мы можемъ употребить въ дѣло, если есть какая-нибудь возможность поправить дѣло... Вы какъ думаете?

— Не знаю, Софья Осиповна; попробуйте вы; можетъ-быть вамъ лучше удастся; а я пробовалъ уже нѣсколько разъ

совершенно напрасно. Мнѣ самому жаль этого молодого человѣка, потому что въ немъ много хорошаго... много силы, огня, которые еслибы были направлены на что-нибудь путное, могли бы современемъ дать хорошіе результаты... Къ несчастію, онъ пошелъ по такой дорогѣ.

— Да по какой же, Поль?

— О! не воображайте чего-нибудь особенно гадкаго или злаго. Въ суммѣ, онъ благородный человѣкъ, и я не считаю его способнымъ ни на какую сознательную низость... Дорога, по которой онъ идетъ, самая обыкновенная, самая торная, битая... Попойки, игра, постоянное общество женщинъ извѣстнаго рода: все это дурно, разумѣется; но все это еще небольшая бѣда до тѣхъ поръ, покуда оно не выходитъ изъ мѣры, и если помимо этого въ жизни есть что-нибудь другое, серьезное, путное, какая-нибудь твердая точка опоры, на которой человѣкъ можетъ остановиться во время, и которая окончательно въ состояніи выкупить все остальное. Но если этого нѣтъ, тогда плохо дѣло!

— А у него развѣ нѣтъ? спросила Софи.

— Не знаю; его мудрено разгадать; но судя по тому какъ глупо онъ тратитъ время и силы, съ какимъ порывомъ вдаетъ по уши въ эту жизнь, по которой другіе скользятъ такъ легко, можно догадываться, что точка опоры не существуетъ.

Софья Осиповна вздохнула.—Можетъ быть и была, да потеряна, вслѣдствіе какого нибудь большаго несчастія? сказала она.

— Да, можетъ быть, отвѣчалъ Левель подумавъ.

— Онъ часто играетъ? спросила она.

— Да, о немъ начали говорить какъ о записномъ игрокѣ.

— И много проигрываетъ?

— Не знаю. Сначала, какъ это часто случается, ему сильно везло; но въ последнее время онъ что-то повѣсилъ голову; вѣрно въ проигрышѣ.

— Ну а то... Эти связи, о которыхъ вы сейчасъ говорили. Левель улыбнулся.

— Чего вы смѣтаетесь? Надо жалѣть о немъ, потому что это очень нехорошо... Онъ можетъ разориться, можетъ...

— Да, можетъ все быть при случаѣ, если человѣкъ не сумѣетъ поставить себѣ границы; если онъ...

— Я удивляюсь мужчинамъ, перебила Софи. — Какое удовольствие можетъ доставить связь безъ любви? Это что-то до такой степени грязное, до такой степени низко-животное.

Левель пожалъ плечами. — Въ женщинѣ это не кажется ей удивительно, подумалъ онъ самъ про себя.

— Къ тому же этого рода отношенія, продолжала она, должны вести къ ссорамъ, къ исторіямъ самого непріятнаго рода.

— Да, можетъ случиться.

— А съ нимъ случилось?

— Не знаю; я слышала объ одномъ случаѣ; но это было не изъ-за женщины.

— А что такое было?

— Была какая-то драка въ игорномъ домѣ, въ которой и онъ игралъ роль; это было не далѣе какъ съ мѣсяцъ тому назадъ, на квартирѣ у одной барыни, которая держала у себя шулеровъ.

— Чѣмъ же это кончилось?

— Кончилось счастливо.

— Безъ поединка?

— Какой поединокъ! На другой день, ни одного изъ этихъ господъ въ городѣ не нашли.

— Ну, а другихъ ссоръ не было?

— Кажется нѣтъ. Его боялся и ему уступаютъ, потому что онъ смѣлъ до дерзости и золь на языкъ донельзя. Мнѣ самому случилось видать какъ записные буяны выслушивали отъ него такія вещи, за которыя всякій другой навѣрно получилъ бы пощечину... Впрочемъ, все это сходитъ съ рукъ до поры до времени, а когда-нибудь не сойдетъ. Когда-нибудь ему влѣпятъ пулю въ лобъ, или онъ самъ попадетъ подъ судъ за дуэль; я ему ужъ давно твержу, что безъ этого дѣло не кончится.

Онъ замолчалъ; Софья Осиповна тоже долго молчала. Какія мысли бродили въ ея головѣ — одному Богу извѣстно.

Минутъ пять спустя, она сказала опуская глаза: — Поль, вы кажется мнѣ говорили, что вы любите Алексѣева?

— Да, я люблю съ нимъ поспорить подчасъ; потому что онъ мило спорить, и люблю подразнить его, посмѣяться съ нимъ за стаканомъ вина.

— И только? договорила Софи.

— Чего жъ вы хотите болѣе? я разумѣется не влюбленъ въ него.

— О, разумѣется. Но вы конечно желаете ему добра?

— Конечно желаю.

— Миѣ жаль его, Поль. Онъ слишкомъ молодъ и пылокъ; онъ пропадетъ, если мы его бросимъ на собственный произволъ. Подумайте: что бы намъ сдѣлать, чтобы спасти его? Что еслиъ вы, напримѣръ, рѣшились серьезно за него вѣяться и направить его на путь истинный?.. Съ вашимъ умомъ и характеромъ, вамъ можетъ-быть удалось бы это лучше нежели кому-нибудь другому.

— Едва ли. Я вамъ говорилъ, кажется, что я ужъ это пробовалъ.

— И не добились успѣха?

— Нѣтъ. У меня нѣтъ ключа къ характеру этого человѣка.

— О! понщите. Попробуйте еще разъ; попробуйте еще пять разъ, десять разъ прежде чѣмъ бросить. Какъ знать? то, что сегодня не удалось, и завтра не удалось, послѣ-завтра можетъ подѣйствовать.

— Трудно на это разчитывать, Софья Осиповна. Дѣло вотъ видите въ чемъ. На человѣка такого, какъ онъ, скорѣе можетъ имѣть вліяніе постоянное общество извѣстнаго рода людей, которыхъ онъ уважаетъ, чѣмъ какіе бы то ни были совѣты и наставленія... Ваше общество, напримѣръ; онъ очень любитъ его; я знаю это навѣрно... Но вы увѣжаете черезъ нѣсколько недѣль; а я... Я тоже можетъ-быть скоро уѣду.

— Куда это?

— Богъ знаетъ куда. Это покуда еще однѣ догадки; но къ сожалѣнію онъ могутъ сбыться, и даже по всей вѣроятности сбудутся. Тетка Варвара Павловна очень больна, вчера ударъ былъ, сегодня безъ памяти... едва ли старушка переживетъ все это, ей 78 лѣтъ...

— Но если она умретъ, что жъ будетъ тогда?

— Тогда я долженъ буду взять отпускъ по крайней мѣрѣ на годъ, и заняться своими дѣлами.

— Ахъ, да; я и забыла, что вы наследникъ... Скажите, что она вамъ оставляетъ? если только это не секретъ.

— Нѣтъ, это многимъ извѣстно; она завѣщала мнѣ все свое недвижимое имущество; около тысячи душъ.

— Гдѣ жъ это?

— Въ разныхъ губерніяхъ... въ Тверской, Новгородской, Пековской... разбросано страшно... Варварѣ Павловнѣ все это досталось въ разную пору, изъ разныхъ рукъ...

Этимъ путемъ разговоръ перешелъ на другіе предметы. Дожо послѣ того, какъ онъ кончился, Софья Осиповна ходила

по комнатѣ, обдумывая одинъ темный вопросъ, который впрочемъ съ одной стороны былъ ясенъ какъ день, и потому разрѣшенъ окончательно. Надо спасти Алексѣева, надо избавить его отъ разоренія, отъ разврата, отъ ложной дороги, на которой онъ долженъ пропасть. Надо это сдѣлать во что бы то ни стало, это долгъ ближняго, святой христіанскій долгъ!.. Но...

— Что тамъ такое? нетерпѣливо спросилъ капельмейстеръ, маленькій іезуитъ въ красной шапочкѣ, который усердно билъ тактъ у нея въ груди. Кто тамъ шумить? Кто осмѣливается перебивать мотивъ? Подайте его, покажите его сюда! Кто вы, сударь?

— Но, г-нъ капельмейстеръ...

— Чего вамъ угодно? Зачѣмъ вы перерываете музыку?

— Я протестую, г-нъ капельмейстеръ.

— Какъ вы смѣете? Знаете ли вы, милостивый государь, кто я такой?.. Я *сердце*, верховный судья надъ всѣмъ, что дѣлается въ этой капеллѣ... А вы кто такой? Вы здѣсь пришлецъ, вы не понимаете высокаго смысла того, что здѣсь происходитъ! Здѣсь, сударь, въ эту минуту, разыгрывается соната, импровизированная на тему, *Долгъ сердца*... Это мой долгъ, мой собственный долгъ! Я люблю его, я намѣренъ всѣмъ жертвовать для его исполненія!..

— Прекрасно, г-нъ капельмейстеръ, но... вотъ неуждно ли вамъ посмотреть на это маленькое созданище.

— Фи! Что это у васъ такое въ рукахъ? Изъ какой грязи выкопали вы эту гадость?

— Это ваша задняя мысль, г-нъ іезуитъ.

— Вы лжете, она не моя! Вонъ ее, вонъ эту мерзость! Я знать ее не хочу; я знаю только свой долгъ; а долгъ это цѣль; а цѣль—это все! Цѣль, сударь мой, намѣреніе, вотъ что важно, и т. д... Громче вы, скрипки! Громче, большой барабанъ! Разомъ, дружитѣ! Forte! Forte! Разъ-два! Разъ-два!.. и маленький іезуитъ капельмейстеръ, на минуту сконфуженный, снова забылъ все на свѣтѣ, старательно исполняя свой долгъ, и темная сторона осталась попрежнему темною, потому что зачѣмъ ее освѣщать? Зачѣмъ выводить на сцену безсвязныя грезы, которыя вовсе не созданы для сознанія, которыя зарождаются въ сумеркахъ, на границѣ дѣйствительности съ міромъ неуловимыхъ фантазій и въ эмбрионическомъ ихъ состояніи не терпятъ свѣта? Въ природѣ, и въ лучшемъ ея оправленіи, человѣкѣ, и въ лучшей особенноти. человѣчества,

женщинѣ, есть вещи загадочныя, стихія которыхъ есть мракъ. Недосозданныя, недосознанныя, онѣ требуютъ покрывала, котораго ихъ невозможно лишить, также какъ невозможно лишить живаго человѣка кожи, чтобы обнаружить сосуды и нервы, которые скрыты подъ нею отъ глазъ, и скрыты конечно не даромъ. Природа не любитъ пускаться къ себѣ за кулисы досужныхъ зѣвакъ.

— Что будетъ, то будетъ! рѣшила наконецъ Софья Осиповна.— Всего заранѣе не обдумашь!.. Хорошо, если можно сдѣлать кому-нибудь добро; даже еслибъ изъ этого, съ другой стороны, и вышло что-нибудь нехорошее, то все же это останется хоть съ одной стороны хорошо; а прожить весь свой вѣкъ и состарѣться, такъ какъ я до сихъ поръ жила, не имѣя ни въ будущемъ, ни въ прошедшемъ рѣшительно ничего, ни хорошаго, ни дурнаго, ничего кромѣ будничной мелочи, это глупо, это невыносимо, отвратительно, скучно, это подло наконецъ, если уже на то пошло!

Дня черезъ два послѣ этого вечера, она увидѣла Лукина. Сестры не было дома, мужъ сидѣлъ за бумагами въ кабинетѣ.

— Подите-ка, подите-ка сюда, сказала она, встрѣчая его съ веселымъ лицомъ...—Садитесь сюда; я сердита на васъ, я хочу съ вами ссориться. Отчего вы не были у насъ такъ давно?

— Такъ, не случилось.

— Нѣтъ, это увертки; вы мнѣ извольте сказать положительно, отчего не случилось?

— Я почему знаю.

— О! Вы это очень хорошо знаете; вы должны знать!.. Что вы дѣлали въ это время?

— Не стоить разказывать.

— Стоить, если я этого хочу.

— Вы хотите услышать что-нибудь любопытное; ничего не было.

— Неправда; посмотрите-ка мнѣ въ глаза... и вы не краснѣете?

— Съ чего краснѣть?

— О, есть съ чего; та жизнь, которую вы вели, написана у васъ на лицѣ.

— Какая жизнь?

— О! Не прикидывайтесь такимъ ягненкомъ. Я знаю про

васъ кое-что. Я знаю, что вы въ картишки дуетесь по ночамъ, и нѣкоторыя другія шалости дѣлаете... Что? правда?

— Правда; а далѣе?

— Далѣе, это дурно, очень дурно и стыдно!

— Знаю.

— И это меня огорчаетъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Не за что. Вотъ еслибы мои выговоры какую-нибудь пользу вамъ дѣлали, тогда было бы за что благодарить; а то больно подумать: сколько я ни спорила съ вами, сколько я ни просила, ни убѣждала васъ, все было, простите, какъ въ стѣну горохъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Хорошо, если бѣ такъ!

— Да, нѣтъ, не *еслибы*, а именно такъ; и хорошаго тутъ нѣтъ ничего; напротивъ, это печально, жалко!.. Но согласитесь по крайней мѣрѣ хоть теперь, что я была права...

— Кто жь сомнѣвается? Вы всегда правы... это безспорная истина, на которой основаны всѣ ваши доказательства.

— Шутки въ сторону; я говорю съ вами очень серьезно. Согласитесь по крайней мѣрѣ, что я имѣла причину за васъ опасаться. Хороши или дурны были ваши убѣжденія, объ этомъ прежде еще можно было спорить; теперь нельзя. Теперь вы сами видите, къ чему они васъ ведутъ. Посмотрите, какъ все это вяжется; съ одной стороны циническое презрѣніе къ тому, что всѣми принято и всѣми уважаемо; а съ другой что? Игра, попойки, оргіи, открытыя связи съ женщинами, которыхъ не знаешь какъ и назвать... драки, Богъ знаетъ съ кѣмъ, и Богъ знаетъ за что!..

Лукинъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— О! не думайте, отъ меня что-нибудь скрыть! продолжала она; — я знаю все... Да, Григорій Алексѣичъ... игра, оргіи, драки! вотъ великолѣпный результатъ вашего образа мыслей! Что жь, развѣ это лучше того, надъ чѣмъ вы смѣтаетесь, и что вы себѣ позволяете топтать въ грязь?

— Я вамъ и не говорилъ, чтобы лучше; я знаю, что это дурно.

— Знаете, и все-таки не хотите оставить?

— Что жь дѣлать?.. Добродѣтели не хватаетъ.

— Да отчего жь это такъ, не хватаетъ?

— А Богъ знаетъ: трудно рѣшить. Можетъ-быть отъ того, что у другихъ ея слишкомъ много.

— Какъ такъ слишкомъ много?

— Такъ; одинъ заберетъ лишнее, а другому не хватитъ. Да, вотъ у васъ напримѣръ, навѣрное есть избытокъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— Оттого, что вы слишкомъ добры. Вамъ мало, что вы сами не дѣлаете дурнаго; вы хотите еще, чтобъ и другіе его не дѣлали.

— Чтò жь, развѣ я не должна этого хотѣть?

— О, нѣтъ, почему жь? Такое желаніе совершенно безвредно, до тѣхъ поръ, покуда оно остается желаніемъ.

— Вы думаете стало-быть, что его невозможно исполнить именно потому, что оно слишкомъ сильно; такъ, что ли?

— Нѣтъ, потому что для этого надо утратить частичку своей добродѣтели. Надо сойти съ заоблачныхъ вершинъ, на которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ, и стать въ уровень съ падшимъ братомъ, котораго вы хотите поднять. Надо понять его положеніе и пережить его въ собственномъ сердцѣ; а этого вы не можете сдѣлать.

— Отчего немогу?

— Оттого что для этого надо сильно любить, а я считаю васъ къ этому неспособною.

— Вы думаете?..

— Да, я думаю, что вы для этого слишкомъ добродѣтельны.

— Я васъ не понимаю, возразила она, потупивъ глаза... Про какую любовь говорите вы?

— Про ту, которая не знаетъ границъ. Это такое же зло, какъ и всякое другое; разумѣется не сама по себѣ, а по своимъ опаснымъ послѣдствіямъ.

Софи вспыхнула.—Я могу любить сильно, отвѣчала она, но только одно хорошее... Я ненавижу зло.

— Да, продолжалъ онъ,—вы можете любить какого-нибудь ангела съ крыльями, безплотное существо, идею; вѣрнѣе сказать, вы любите вашу собственную добродѣтель; а между людьми, нѣтъ достойнаго...

— Неправда, перебила она горячо.—Я могу любить человѣка, и могу любить его чистымъ сердцемъ, не краснѣя ни передъ кѣмъ за такую любовь; но тотъ, кто ищетъ ее, тотъ долженъ ее заслужить... Я не могу... я не должна любить человѣка безъ правилъ... развратнаго...

— А! вотъ видите ли? перебилъ онъ опять;—вотъ и выходитъ, что я былъ правъ. Вы слишкомъ чисты, слишкомъ добродѣтельны, чтобъ исполнить дѣло сестры милосердія. Зло васъ пугаетъ; вы не можете даже понять злаго человѣка, не говорю ужь, любить его.

— Нѣтъ, я могу понять...

— Не можете, Софья Осиповна! Еслибы могли, вы бы поняли, что зло привлекательно, что оно имѣетъ въ себѣ бѣсовскую красоту, отъ которой нельзя оторваться во имя однихъ безплотныхъ, теоретическихъ убѣжденій!.. То слѣдуетъ, другое не слѣдуетъ дѣлать, это также легко сказать, какъ противъ этого трудно спорить; но чтобъ исполнить свой долгъ, надо любить его; а любить простой, книжный законъ невозможно!.. Любить можно только живое... только то, что само любить васъ, любить сердцемъ, въ которомъ течетъ живая, горячая кровь!

— Но вы имѣли такое сердце...

— Да, я имѣла.

— Что жь, развѣ этого недостаточно? Развѣ образъ вашей *Marie* не является передъ вами съ упрекомъ въ минуту безумства и преступленія?.. Вспомните, Григорій Алексѣичъ! Вообразите себѣ ее здѣсь, вмѣсто меня. Подумайте, что бы она сдѣлала, чтобъ она сказала, еслибъ она была жива, и сидѣла тутъ, возлѣ васъ?.. О! Я увѣрена: она сказала бы то же, что я говорю... Она взяла бы васъ за руку, вотъ такъ, и посмотрѣла бы вамъ въ глаза, такъ, и сказала бы: Гриша! Что ты со мною дѣлаешь?.. Развѣ тебѣ не жаль меня? Развѣ ты не знаешь, какъ мнѣ это больно, и какъ дорого для меня твое честное имя... твоя судьба, твоя будущность?..

Лукинъ былъ тронутъ глубоко. Ни слова не говоря, онъ схватилъ руки, къ нему протянутыя, и осыпалъ ихъ страстными поцѣлуями. Кому были назначены эти поцѣлуи? присутствующей или отсутствующей? это онъ самъ едва зналъ. Знакомое чувство во всей своей чудной прелести, со всею своею увлекательною силой, прозвучало въ ея словахъ, промелькнуло въ движеніяхъ и во взорѣ. Время и разстояніе, имя, лице и всѣ маленькія, но безчисленные различія, съ ними связанныя, все исчезло на мигъ. Передъ нимъ была женщина, любящая и любимая; она просила его о чемъ-то, а онъ держалъ ея руки и цѣловалъ.

— Моссьё Алексѣевъ! De grâce!... Чтѣ вы дѣлаете! оставьте! сказала она вырываясь; — лицо и руки и шея у ней пылали.

— Простите, шепнулъ онъ опомнившись; — я забылъ.

— Я понимаю, перебила она; — вы забыли, что я не *Marie*?

— Нѣтъ; — я, напротивъ, забылъ, что вы не отъ собственнаго лица говорите... Я принялъ за искренній голосъ сердца игру, роль, мастерски исполненную.

— Григорій Алексѣичъ! возразила она въ сильномъ волненіи; — вы меня обижаете! Вы могли убѣдиться... вы имѣли достаточныя доказательства, что я желаю вамъ добра также искренно какъ *Marie*... отъ имени которой я рѣшилась просить васъ не для того, чтобы разыгрывать ея роль; а потому что другаго средства не видѣла... *Моя* просьбы, *мой* желанія не значуть для васъ рѣшительно ничего!

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.

— О, нѣтъ! Я въ этомъ твердо убѣждена, испытала достаточно... Не жмите мнѣ пальцы; все это вздоръ; этимъ вы не докажете ничего.

— Чѣмъ же вы хотите, чтобъ я вамъ доказалъ?... Я готовъ на все.

— Oh! C'est trop vague ваше все!... Это пустыя фразы! Сдѣлайте что-нибудь; это будетъ гораздо лучше чѣмъ обѣщать все... Бросьте эту отвратительную игру!

— Брошу.

Радость освѣтила ея лицо.

— О! въ самомъ дѣлѣ? И вы сдѣлаете это для меня? Скажите, что вы это сдѣлаете для меня.

— Да; я сдѣлаю это для васъ.

— И вы это сдѣлаете теперь же? Дайте мнѣ честное слово, что вы не будете больше играть.

— Даю слово, что не буду болѣе играть, только что отыграюсь.

— Какъ отыграетесь? Вы стало быть въ проигрышѣ?

— Въ большомъ.

— Мнѣ васъ жаль... очень жаль! Но все таки лучше остаться при томъ, чтѣ есть, чѣмъ проиграть еще можетъ быть гораздо болѣе, можетъ быть все.

— Если я проиграю все, тогда вы можете быть совершенно увѣрены, что я брошу игру.

— Конечно; потому что играть будетъ не на что; но что жъ

туть хорошаго? Не лучше ли имѣть твердость остановиться во время?

Лукинъ покачалъ головой, и она тоже покачала головой.

— Не хорошо, Григорій Алексѣичъ, право не хорошо, продолжала она. — Смѣшно сказать: вы взрослый человекъ, а ведете себя, и думаете, и говорите какъ ребенокъ! Я вижу теперь, что на ваши обѣщанія положиться нельзя; что вамъ нужно няньку!... Да-съ; за вами надо слѣдить и присматривать каждую минуту, чтобы бѣды не случилось; а кто будетъ о васъ заботиться, когда мы уѣдемъ въ Сольскъ?

Онъ сидѣлъ, облокотась руками на столъ, и смотрѣлъ на нее, ни слова не говоря; но взглядъ его былъ въ эту минуту особенно выразителенъ?

— Я не могу васъ оставить такъ, продолжала она. — Я бы хотѣла уѣхать съ увѣренностію, что вы на чемъ-нибудь остановились, имѣете что-нибудь путное, дѣльное впереди; а если нельзя, то по крайней мѣрѣ, чтобы и вы отсюда уѣхали.

— Куда? спросилъ онъ.

— Куда нибудь, все равно, отвѣчала Софя, опуская глаза. — Петербургъ для такихъ молодыхъ людей какъ вы — гибель. Вамъ нужно другое общество, менѣ шумное и менѣ испорченное, небольшой кругъ людей занятыхъ дѣломъ.

— И служба? договорилъ онъ.

— Да, служба. Не смѣйтесь, что я каждый разъ возвращаюсь къ тому же; вѣрьте, что я вамъ желаю добра.

— Вѣрю, отвѣчалъ Лукинъ, цѣлуя у нея руку.

— *Laissez donc!* перестаньте ребячиться, слушайте — я вамъ дѣло говорю. Вамъ надо искать себѣ мѣста въ губерніи.

— Можетъ-быть.

— Нѣтъ, не можетъ быть, а положительно надо. Я васъ прошу это сдѣлать; я даже сама готова искать и стараться для васъ, если вы только этого желаете.

— Желаю, Софья Осиповна; но съ однимъ условіемъ; угадайте съ какимъ.

Она взглянула на него мелькомъ и засмѣялась; но не отвѣчала ни слова.

— Съ условіемъ, чтобы искомое было въ Сольской губерніи и не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, а въ самой середкѣ ея, возлѣ васъ, въ Сольскѣ.

— Что жъ, это я думаю можно сдѣлать, отвѣчала она

серіозно. — Поговорите съ Федоръ Леонтьичемъ.. Или хотите, я ему объ этомъ скажу?

— Я хочу служить воедѣ васъ, служить вамъ это мое единственное условіе; остальное пусть будетъ какъ вамъ угодно. Приказывайте, я готовъ дѣлать все что вы захотите.

На этомъ пунктѣ ихъ спора, сраженіе было выиграно; но, какъ часто случается, каждый приписывалъ втайнѣ побѣду себѣ. Кто одержалъ ее въ самомъ дѣлѣ? Кто достигъ своего и кто уступилъ? Чтобъ это рѣшить надо знать цѣли съ обѣихъ сторонъ? а цѣль бываетъ верѣдко загадкою для разсудка тѣхъ самыхъ людей, которые къ ней стремятся, и только на днѣ ихъ сердець, въ потаенныхъ извилинахъ совѣсти, мерцаетъ порой кое-что похожее на слабую искру сознанія. Что освѣщала она въ этотъ день на днѣ двухъ сердець — неизвѣстно; но весь этотъ день Софья Осиповна была въ отличномъ расположеніи духа и Лукинъ тоже. Послѣдній, впрочемъ, имѣлъ достаточную причину радоваться. Онъ увидѣлъ наконецъ близко передъ собою давно-искомый выходъ къ рѣшенію одного вопроса первѣйшей важности. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ былъ выѣхать изъ столицы какъ можно скорѣй; но куда? Онъ не зналъ до сихъ поръ, и это жестоко его останавливало, связывало самымъ неприятнымъ образомъ въ такую минуту, когда его положеніе, само по себѣ невыгодное, становилось еще невыгоднѣе и опаснѣе съ каждымъ днемъ. Послѣдствія неожиданной встрѣчи у Левеля остались ему неизвѣстны; но, по разнымъ примѣтамъ, онъ могъ догадаться, что о немъ было сказано нѣсколько словъ. Такъ напримѣръ, Левель, съ которымъ онъ видѣлся на другой же день, спросилъ у него между прочимъ: по какому факультету онъ кончилъ курсъ, и онъ отвѣчалъ: по филологическому. Съ одной стороны это казалось успокоительно; потому что конечно такого вопроса не сдѣлалъ бы человѣкъ, узнавшій о немъ что-нибудь положительное; но съ другой — это грозило случайнымъ противорѣчіемъ данныхъ въ головѣ капитана, котораго просто одно любопытство могло побудить къ новымъ справкамъ при встрѣчѣ съ Свѣчинымъ; а изъ этого угрожали возникнуть сомнѣнія, могущія разрешиться самымъ невыгоднымъ образомъ. Онъ впрочемъ видѣлся послѣ этого съ Левелемъ еще нѣсколько разъ, и тотъ уже не спрашивалъ болѣе ни о чемъ, что опять служило хорошимъ знакомъ; но могъ ли онъ быть увѣренъ, что дѣло на этомъ кончится, и что въ умѣ капитана не оставалось какой-нибудь тѣни,

похожей на подозрѣніе, которое могло усилиться отъ какихъ-нибудь новыхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ? и это еще не все. Послѣ встрѣчи съ Свѣчинымъ, былъ еще новый случай. Онъ встрѣтилъ опять одного изъ товарищей, и встрѣтилъ на этотъ разъ въ театрѣ, въ партерѣ, и, разумѣется, тотчасъ ушелъ, мысленно проклиная свое положеніе, но уходя видѣлъ съ какимъ любопытствомъ тотъ посматрѣлъ на него. Узналъ или не узналъ, Богъ его знаетъ; а между тѣмъ опять новая угроза надъ головой и новый источникъ тревоги. «Нѣтъ,» думалъ онъ, — «надо покончить съ этимъ когда-нибудь; такъ нельзя жить.» Но кромѣ этой, были еще и другія причины неудовольствія. Послѣ сраженія у Сальи, прежнее счастье въ игрѣ совершенно его оставило. Онъ началъ проигрывать часто и крупно. Въ одинъ январь, онъ успѣлъ спустить съ рукъ почти все, что было имъ завоевано. Чтобъ еще играть, надо было взять деньги изъ банка, и онъ ужъ рѣшился на этотъ шагъ; но рѣшаясь, раздумывалъ, съ тайнымъ страхомъ заглядывая впередъ. Что будетъ, если онъ спуститъ все остальное? Куда онъ дѣнется? За что онъ возьмется?... Съ тяжелою заботой на сердцѣ возвращался онъ часто къ себѣ и иногда заставлялъ Эмилию, которая встрѣчала его ревнивымъ упрекомъ или докучливыми разпросами. Онъ хорошо понималъ чего ей недостаетъ; но этого-то именно онъ и не могъ ей дать; а безъ этого она не могла быть довольна. Положеніе ея было безвыходно; она сама это чувствовала она догадывалась, что она ему надоѣла, но съ отчаяніемъ утопающаго хваталась за все, чтобъ удержать хоть что-нибудь, чтобы хоть на мигъ отдалить роковой, неизбежный конецъ. Въ послѣднее время, она похудѣла и постарѣла съ лица, платье стало на ней широко, густая коса стала рѣдѣть; а онъ ничего не замѣчалъ или ни о чемъ не заботился, ему было не до нея, у него было много другихъ заботъ.

— Ты меня бросишь, я это знаю, говорила она иногда, — потому что ты взялъ меня какъ игрушку, на нѣсколько дней. Я тебѣ не мила, давно надоѣла; ты думаешь какъ бы со мной раздѣлаться. Если тебѣ завтра скажутъ, что я утопилась или зарѣзалась, ты не будешь жалѣть, а махнувши рукой, сядешь въ карты играть или поѣдешь обѣдать къ Сен-Жоржу; а на мѣсто меня, завтра найдешь другую, можетъ быть и теперь ужъ нашелъ; я знаю къ кому ты ѣздилъ вчера: ты былъ у Матильды. Матильда не любитъ тебя и не требуетъ отъ тебя любви, отъ этого тебѣ съ ней веселѣе чѣмъ здѣсь со мной,

а я, вотъ видишь ли, была хороша и мила прежде, покуда мнѣ все равно было у кого на шеѣ висѣть; а теперь, когда я тебя одного полюбила, за тебя одного рада душу отдать, я стала скучная, стала несносная!.. Мнѣ это не къ лицу, неправда ли? Я изъ своей роли вышла?... А моя роль какая? Моя роль вонъ этотъ коверъ съ цвѣтами, на который охотно наступать ногой, но на который никто головы не прислонить.

Въ послѣднемъ она ошибалась немножко и могла бы сама это знать, но одно обстоятельство, изъ котораго она въ правѣ была бы сдѣлать противный выводъ, ускользало отъ ея вниманія, совершенно въ минуту отчаяннаго хватанія за соломинку. Обстоятельство это было такого рода: Матюшкинъ сталъ частымъ гостемъ у ней въ послѣднее время. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, онъ бѣгалъ съ Васильевскаго на Фонтанку и торчалъ иногда по цѣлымъ часамъ у ней въ комнатѣ, выжидая минуты, когда она удостоитъ съ нимъ слово сказать или бросить ему одинъ ласковый взглядъ, а когда ея дома не было, ходилъ по цѣлымъ часамъ подъ окошкомъ, дожидаясь приѣзда. Короче сказать, маленькій человекъ влюбился безъ памяти, и за такую фантазію платилъ дорого. Не говоря ужъ о *сладкомъ мученіи*, въ которомъ меду на этотъ разъ было безъ всякой пропорціи менѣе чѣмъ полыни; не говоря объ отсутствіи всякой надежды, написанномъ ясно въ ея глазахъ и въ спокойной усмѣшкѣ, съ которою она его слушала, и въ равнодушномъ поклонѣ, которымъ она встрѣчала его у себя, были другіе, болѣе положительные, хоть можетъ быть и гораздо менѣе тяжкіе для души его результаты. Онъ бросилъ классы, началъ манкировать на урокахъ такъ часто, что всѣ ему отказали. Онъ тратилъ послѣдній грошъ на покупку дрянныхъ подарковъ, которые были ей не нужны и которые она принимала безъ всякаго удовольствія только за тѣмъ, чтобы не обидѣть его отказомъ. Онъ ломалъ голову по цѣлымъ часамъ, чтобы занять ее въ разговорѣ, и отъ этого неестественнаго усилія поглупѣлъ страшно, а то что дѣйствительно могло бы занять ее и понравиться ей мимоходомъ: звонкій хохотъ и бойкая шутка и острый, юмористическій анекдотъ, все это замолкло, исчезло куда-то, все было сковано, сдавлено гнетомъ, упавшимъ на сердце, и рѣдко имѣло случай блеснуть своимъ старымъ огнемъ. Онъ началъ ходить къ ней сначала довольно часто, часу въ двѣнадцатомъ поутру или въ первомъ, и подходя къ дверямъ, издали вглядывался, высматривая два

знакомыхъ окна наверху. Если сторы на нихъ были подняты, то онъ зналъ, что она проснулась и встала, и шелъ къ ней наверхъ; если жь нѣтъ, то ходилъ терпѣливо по набережной, потопывая и похлопывая въ ладоши и потирая себѣ рукавомъ носъ, который жестоко краснѣлъ на морозѣ. Говорилъ онъ на первыхъ порахъ очень мало. Она, встрѣтивъ его съ холодною усмѣшкой и пожавъ руку, усаживала, послѣ чего поила кофе-емъ или чаемъ и каждый разъ спрашивала: не былъ ли онъ у Григорія Алексѣича, на что онъ каждый разъ отвѣчалъ нѣтъ. Но разъ какъ-то случилось ему вечеромъ навѣстить Лукина, и на другой день поутру онъ могъ ей сообщить кое-что, и замѣтилъ какъ вдругъ вниманіе ея пробудилось. Она стала любезнѣе, веселѣе, сама повела разговоръ и стала разспрашивать его о разныхъ вещахъ, относившихся правда къ тому же предмету; но какъ бы то ни было, все же пріятнѣе говорить и видѣть, что слушаютъ съ любопытствомъ, чѣмъ стоять въ комнатѣ какъ бревно, какъ лишняя мебель, незная зачѣмъ пришелъ и чего тебѣ нужно. Это заставило его въ тотъ же день вечеромъ повторить свое посѣщеніе къ Лукину, и на другой день онъ былъ награжденъ за такую догадливость щедро, гораздо щедрѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Вмѣсто того чтобъ отпустить его равнодушно, тотчасъ какъ только онъ взялся за шляпу, она попросила его остаться и даже оставила у себя обѣдать въ этотъ день. Вечеромъ, онъ опять пошелъ къ Лукину, не засталъ его дома, ходилъ у подѣзда вплоть до ночи, озаябъ страшно и, на обратномъ пути забѣжавъ въ трактиръ, съ горя напился пьянъ. Этого съ нимъ не случалось давно, и онъ былъ удивленъ неожиданнымъ результатомъ. Ему вдругъ отдало, точно какъ послѣ тяжелой болѣзни, вдругъ стало легче и веселѣй. Грузъ непривычной заботы какою-то могучею рукой былъ сдвинуть съ души, не на долго конечно: на другой же день утромъ онъ снова почувствовалъ себя очень скверно, но два или три часа забытья и крѣпкій сонъ ночью показали ему такую отрадой, такимъ успокоительнымъ отдыхомъ послѣ всѣхъ адскихъ тревогъ и мученій, что онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, къ вечеру взяться опять за то же. Результатъ былъ довольно обыкновенный, почти неминуемый. Несчастный запилъ, какъ говорятъ, *горькую*. Утромъ, проспавшись, онъ заходилъ еще иногда къ Эмилии, къ Лукину (классы пошли совершенно въ отставку); но вечеромъ аккуратно былъ пьянъ и часто до такой степени, которую русскій народъ называетъ:

до положенія ризъ. Въ такомъ положеніи или, вѣрнѣе, прежде чѣмъ оно успѣвало исполнѣ наступить, онъ бродилъ по знакомымъ, заходя то къ тому, то къ другому, покида ноги таскали, а тамъ ночевалъ гдѣ-нибудь, гдѣ случится: въ части или у товарища на диванѣ. Новое платье его и шляпа, вслѣдствіе этого образа жизни, скоро приняли такой видъ, что ему стало совѣстно показаться на глаза къ людямъ чисто одѣтымъ. Мало-помалу, онъ пересталъ посѣщать Эмилию и только украдкой, въ сумерки или вечеромъ, полупьяный, бродилъ у нея подъ окошками, не смѣя войти. Это лишеніе было очень тяжело, онъ не могъ его выносить долго и сталъ думать какъ бы поправить дѣло.

Съ этою цѣлю, разъ поутру, очень рано, онъ зашелъ къ старому своему пріятелю портному въ Пятой Линіи, на дворѣ, и показалъ ему свой сюртукъ, спросилъ можно ли его поправить, то-есть мѣстами зашить и всѣ пятна вычистить? Тотъ покачалъ головой, осматривая его сзади, спереди, повертывая у окна, разглядывая въ упоръ сквозь очки и наконецъ объявилъ, что не стоить труда, что сюртукъ его ganz beschmutzt und verdorben! Капуть! надо новый шить... Матюшкинъ сначала пришелъ въ отчаяніе, и поплелся домой съ твердымъ намѣреніемъ нарѣзаться такъ, чтобы цѣлый день ни одной мысли въ голову не залѣзло; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе этотъ хитрый планъ, одна догадка мелькнула въ его умѣ. «Что еслибы сходить къ Лукину, попросить опять въ долгъ сколько-нибудь, хоть сорокъ рублей ассигнаціями, можно бы на Апраксиномъ готовое платье купить!.. Совѣстно; чортъ возьми! и такъ долженъ Богъ знаетъ какую сумму, а тутъ прилѣзешь опять съ просьбой!.. Скажетъ пожалуй: отдай сперва старый долгъ... Нѣтъ, не скажетъ, я знаю его, а можетъ быть только поморщится, если онъ не при деньгахъ, да нѣтъ, дастъ!.. Я его знаю, онъ-то дастъ, да я-то съ какой рожей возьму?.. Вотъ оно что!»

Размышляя объ этомъ послѣднемъ вопросѣ, Матюшкинъ вернулся домой, выбралъ тщательно изъ своего гардероба, что было получше, цѣлый часъ чистилъ, скоблилъ, теръ водкой, прихлебывая порой изъ того же стакана, и наконецъ приободрившись, одѣлся, пошелъ къ Лукину. Тотъ ахнулъ, увидѣвъ стараго товарища и съ минуту глядѣлъ на него ни слова не говоря. Маленькій человѣкъ покраснѣлъ до ушей; ему казалось, что цѣль его посѣщенія написана у него на лицѣ, но Лукинъ

смотрѣлъ на него съ другой стороны и увидѣлъ не цѣль, а причину. Догадка о томъ, что пріятель его запилъ горькую, съ перваго взгляда мелькнула у него въ головѣ.

— Матюшкинъ! Чтѣ съ тобой? Чтѣ это ты съ собой сдѣлалъ? спросилъ онъ, осматривая его съ головы до ногъ.

Тотъ сначала замаялся, стыдясь сказать правду и не зная, чтѣ отвѣчать, но нѣсколько рѣзкихъ, прамыхъ вопросовъ и искреннее участіе на лицѣ товарища обезоружили его скоро.

Слово за словомъ, онъ высказалъ все. Лукинъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія. Сперва ему стало смѣшно, потомъ жалко, потомъ и смѣшно и жалко вмѣстѣ.

— Ты часто бывалъ у нея? спросилъ онъ.

— Виноватъ, душа Григорій Алексѣичъ, бывалъ часто.

— Ба, чтѣ тамъ за виноватъ! Чтѣ за вздоръ! По мнѣ пожалуй себѣ хоть женись на ней.

Матюшкинъ очнулся, глаза у него засверкали.

— А ты думаешь, что она пойдетъ за меня? спросилъ онъ проворно.

Лукинъ саркастически улыбнулся.

— На врядъ ли, отвѣчалъ онъ,—а впрочемъ нельзя отвѣчать, на вкусъ правила нѣтъ, въ шальную минуту все можетъ сбыться. Но если ты это имѣешь въ виду, то я бы тебѣ совѣтовалъ одѣваться получше и держать себя не много почище, а то всѣ вѣроятности будутъ не въ твою пользу. Шутки въ сторону, я не хочу тебя обижать, Борисъ Петровичъ, но право, такъ, какъ ты теперь выглядишь, никакая торговка съ Толкучаго за тебя не пойдетъ. Женщины, братецъ, любятъ товаръ лицомъ покупать; это не то, что нашъ братъ; имъ нужно изящество, а такъ какъ изящество недается безъ денегъ, то главное деньги нужны. Вотъ, еслибы ты жилъ какъ порядочный человекъ, добылъ бы себѣ, напримѣръ, какое-нибудь мѣсто съ жалованьемъ или другой постоянный доходъ, тогда можетъ быть...

— Григорій Алексѣичъ! Голубчикъ! Ты не шутя это говоришь?

— Не шутя скажу, я тебѣ не совѣтую этого затѣвать.

— Отчего жъ такъ?

— А такъ; положимъ, тебѣ и удастся какимъ-нибудь чудомъ; положимъ, ты тамъ уроками или иначе какъ-нибудь успѣешь устроить свои дѣла, а она къ тому времени будетъ за штатомъ, въ нуждѣ, будетъ бѣдствовать, и польстится на-

твой предложенія, или придетъ охота имѣть семейство, дѣтей, вести тихую жизнь... ну, словомъ, по какимъ бы то ни было поводамъ, согласишься пойти за тебя. Что ты думаешь, ты будешь съ ней жить какъ съ другой женщиной?.. Нѣтъ, братецъ, помани мое слово, будешь носить рога.

— Отчего такъ?

— А отъ того, что оно въ порядкѣ вещей. У ней, видишь, вкусы такіе, что ей нужно въ годъ, по меньшей мѣрѣ, тысячь пятнадцать; а не найдетъ она ихъ у тебя, будетъ искать у другихъ, и найдетъ у кого-нибудь, знакомыхъ-то у ней много...

Матюшкинъ опять понурилъ голову и опустилъ глаза въ полъ.

— Я не совѣтую, продолжалъ Лукинъ.—Если ты дорожишь своимъ счастьемъ хоть на водосъ, брось эти мысли, выкинь ихъ вонъ изъ головы совершенно и не ходи больше къ ней, забудь ее.

— Не могу, глухо выговорилъ Матюшкинъ.

— Стыдись, Борисъ Петровичъ, что за бабство!.. Подумай, ну еслибъ это еще была другая какая-нибудь, а то вѣдь ты знаешь черезъ какія мытарства она прошла!.. Смотри, я тебѣ говорю серьезно: остерегись во время, а не то будешь послѣ жалѣть!..

— Никогда! Еслибы только она согласилась, я былъ бы счастливѣйшій человекъ!

— На двѣ недѣли?

— Хоть на день!

— Глупо, замѣтилъ Лукинъ. Оба молчали съ минуту. Лукинъ барабанилъ по столу, углубленный въ какую-то мысль, а Матюшкинъ сидѣлъ, уныло повѣсивъ голову; короткія ноги болтались, не доставая до полу, длинныя пряди нечесанныхъ русыхъ волосъ спускались ему на глаза.—Послушай, Борисъ Петровичъ, сказала Лукинъ,—ты не ребенокъ, и потому я не намѣренъ тебя уговаривать долѣе. Хочешь надѣлать глупостей, дѣлай себѣ пожалуй: ищи, добивайся, жди, теряй время даромъ. Ты можетъ-быть думаешь, что это легко, что стѣбить свистнуть, и дѣло въ шляпѣ? Если такъ, то ты крѣпко ошибаешься. Я тебѣ говорю: тебѣ надо выбиться изъ нужды, прежде чѣмъ что-нибудь затѣвать; надо стать человекомъ и перестать быть школьникомъ... и надо начать съ того, что бросить водку, да одѣваться почище, иначе, я тебѣ говорю,

тебѣ не видать ее, какъ своихъ ушей!.. Она, какая бы тамъ ни была, а за тебя не пойдетъ въ томъ видѣ, какъ ты теперь... Посмотри, на кого ты похожъ! Вѣдь тебя никто и въ прихожую-то къ себѣ не пустить...

— Знаю, Григорій Алексѣичъ, самъ знаю; да ты меня выручи какъ-нибудь, помоги, скажи Христа ради, что дѣлать?

— Вѣдь я жъ тебѣ говорю... Я не прочь тебѣ помогать, если уже на то пошло, и можетъ-быть могъ бы сдѣлать что-нибудь, чтобы вывести тебя въ люди, еслибы ты былъ хоть сколько-нибудь на человѣка похожъ. А то вѣдь ей-Богу, на тебя взглянуть гадко! Что за тряпье на тебѣ! что за шляпа! Волосы нечесаны, руки не вымыты, рожа не выбрита!.. платье... куда ты дѣваль свое новое платье? Неужели пропиля?

— Нѣтъ, затаскала.

— А деньги есть?

— Нѣтъ.

— Хмъ, вотъ то-то же!.. Впрочемъ, я не для того это говорю, чтобы тебя попрекать, я бы готовъ съ удовольствіемъ дать тебѣ еще въ долгъ, еслибы я могъ быть увѣренъ, что тебѣ это въ прокъ пойдетъ.

— Пошло бы въ прокъ, Григорій Алексѣичъ, еслибы не этотъ случай. Все шло хорошо, пока съ нею не встрѣтился. Было и платье чистое, были и деньги; заказы, уроки были...

— А теперь, небось, все растерялъ?

— Все.

— Ахъ ты, горе-богатырь! Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать?.

Денегъ на руки тебѣ дать нельзя, а бросать такъ, жалко... Поѣдемъ, надо мнѣ самому купить тебѣ кое-что, надо одѣть тебя какъ-нибудь; это первое, а тамъ послѣ посмотримъ.

Они отправились прямо въ Гостиный Дворъ, а оттуда въ большой магазинъ готоваго платья, въ Морскую. Закупивъ все, что нужно, Лукинъ далъ ему десять рублей и велѣлъ приходить къ себѣ вечеромъ въ новомъ костюмѣ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ все и потомъ посоветоваться, что дѣлать.

Едва успѣлъ Матюшкинъ вернуться къ себѣ на Васильевскій, какъ тотчасъ же началъ мыться и бриться, потомъ причесался, одѣлся старательно и поглядѣлъ на себя съ торжествомъ въ маленькое, разбитое зеркальце, висѣвшее у него на стѣнѣ. Желаніе его сбылось неожиданно скоро. Вотъ онъ опять одѣтъ щеголемъ, и въ новомъ костюмѣ имѣеть, такъ-себѣ, кажется, очень порядочный видъ... Теперь можно къ

ней; онъ ужь дней десять ея не видалъ, и въ послѣдній разъ она приняла его какъ-то сухо; можетъ-быть оттого, что онъ былъ одѣтъ скверно, а можетъ-быть такъ, просто не въ духъ была. Она, бѣдная, влюблена въ Лукина; ну, да онъ скоро уѣдетъ отсюда, онъ ему это положительно говорилъ; тогда ему будетъ просторъ, свободное поле!.. Чтò жь? Онъ художникъ, имѣеть 14-й классъ, можетъ, пожалуй, на службу куда-нибудь поступить, или уроки пойдутъ хорошо, можетъ мѣсто учителя рисованія въ какой-нибудь школѣ достать, тогда дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ, и она будетъ другими глазами смотрѣть на него...

Такъ думалъ Матюшкинъ, на всѣхъ парусахъ направляя свой бѣгъ къ Эмилии, на Фонтанку. Было уже довольно поздно, почти четыре часа, а она обѣдала часто въ гостяхъ и около этого времени уѣзжала. Боясь опоздать, онъ нанялъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ извозчика и всю дорогу его погонялъ.

— Дома? спросилъ онъ у горничной, которая ему отворила двери.

— Дома, только онъ сейчасъ уѣзжаютъ.

Матюшкинъ остановился въ раздумьи.

— Войдите, войдите! сказала хозяйка, которая узнала его по голосу и вышла къ нему на встрѣчу въ перчаткахъ и въ шляпѣ, совершенно-готовая ѣхать куда-то.

Художникъ вошелъ сконфуженный, съ сильнымъ біеніемъ сердца.

— Я васъ задержалъ... простите, Эмилиа Павловна.

— Ничего, посидите минуточку... я успѣю еще... О! да какими же вы франтомъ одѣты сегодня! продолжала она съ улыбкой, осматривая его костюмъ. — Все хорошо, вотъ только галстукъ не такъ повязанъ; дайте я васъ поучу.

Она проворно сняла перчатки и начала поправлять. Матюшкинъ растаялъ, почувствовавъ у себя на лицѣ ея теплое дыханіе, а на шеѣ двѣ маленькія, мягкія, какъ бархатъ, руки, которыя проворно развязывали и снова завязывали черный атласный шарфъ, только что купленный въ лавкѣ на счетъ Лукина. Съ минуту, пока операція продолжалась, онъ не слышалъ подъ собою земли.

— Ну, вотъ теперь по всѣмъ правиламъ! Теперь хоть сейчасъ на балъ! сказала она, окончивъ и подводя его къ зеркалу.

— Теперь хоть сейчасъ умереть! сказалъ онъ, отвѣчая ей страстнымъ взглядомъ.

Онъ не владѣлъ собою въ эту минуту и самъ едва помнилъ потомъ, что такое онъ съ нею говорилъ.

— Какъ такъ умереть? Зачѣмъ? спросила она съ участіемъ, заглядывая ему въ глаза и положивъ на плечо руку. Никогда еще она не была такъ ласкова и не казалась ему такъ мила, какъ въ этотъ день, послѣ того какъ онъ долго ея не видалъ. Отъ привѣтливыхъ словъ и шутокъ, отъ прикосновенія ея руки, у него голова закружилась.

— Эмилія Павловна, я самый несчастный человекъ, какой только есть на свѣтѣ!.. Я... я въ васъ влюбленъ ужасъ какъ! отвѣчалъ онъ вполголоса, смотря на нее умоляющимъ взоромъ.

Она глядѣла съ минуту, ни слова не говоря. Сначала ее это удивило, она не вдругъ поняла значеніе его словъ и взгляда; но когда поняла, они сдѣлали на нее очень странное впечатлѣніе. Ей стало смѣшно до того, что она отскочила, прижимая къ лицу платокъ; сдержанный хохотъ душилъ ее, она отворачивалась, чтобы не видѣть его лица; но одинъ взглядъ, случайно брошенный, сдѣлалъ напраснымъ всякое дальнѣйшее усиліе. Она фыркнула, бросила платокъ на полъ и, опрокинувшись со всѣхъ ногъ на софу, покатила со смѣху.

Несчастный Матюшкинъ стоялъ передъ ней, пораженный какъ громомъ, съ разинутымъ ртомъ, съ растопыренными руками, съ своими большими, выпуклыми, вытаращенными глазами, полными слезъ. Горничная, услыжавъ шумъ, вбѣжала въ комнату, и увидѣвъ его въ такомъ положеніи, а свою госпожу на диванѣ, въ припадкахъ судорожнаго хохота, сама начала хохотать. Этотъ дуэтъ заставилъ опомниться маленькаго человека; онъ торопливо схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ вонъ. Эмилія догнала его въ прихожей и чуть не насильно вернула назадъ. Ей было досадно и совѣстно за себя; а между тѣмъ сумашедшій смѣхъ забиралъ снова и снова всякій разъ, какъ она вспоминала случившееся.

— Полноте! что за бѣда! Это все вздоръ!.. Не сердитесь, пожалуйста... я была такъ глупа... я не знаю сама, что со мной сдѣлалось... Это такъ, отъ того, что вы вдругъ... Ха, ха, ха! Ради Бога! я васъ прошу, простите меня!

Она втащила его за фалды и посадила насильно на стулъ.

— Вамъ пора ѣхать, Эмилія Павловна, отвѣчалъ онъ застѣнчиво, не рѣшаясь поднять глаза.

— Ничего, подождите минуту; скажите хоть что-нибудь!.. Давно ли вы видѣли Григорія Алексѣевича?

— Сегодня поутру; а вы?

— Онъ не былъ у меня дней пять...

Говоря это, она вдругъ измѣнила тонъ голоса, и замѣтная тѣнь промелькнула у ней на лицѣ. Она вспомнила что-то, потому что тотчасъ же вспомнила все случившееся. Ей стало вдругъ жаль Матюшкина, сильно жаль.

— Простите меня; я была такъ глупа! такъ виновата передъ вами!

Несчастный не зналъ, что сказать; искры мелькали у него передъ глазами, въ головѣ шло вверхъ дномъ; но музыка ея словъ начинала опять производить на него свое могущественное, чарующее вліяніе; онъ снова поднялъ глаза, не рѣшительно, робко, и опять она встрѣтила тотъ же умильный взоръ. Эмилія была нервная женщина; смѣхъ и слезы у ней выбивались изъ власти и длились какою-то судорожною, спазматическою полосой. Опять она приложила платокъ къ губамъ и опять напрасно; новый припадокъ, сильнѣе и долѣе перваго, заставилъ ее прислониться къ стѣнѣ и схватиться обѣими руками за лѣвый бокъ. На этотъ разъ, горничная не вѣждала въ комнату, но за дверьми слышны были бѣшеные раскаты смѣха. Матюшкинъ вскочилъ въ какомъ-то безпамятствѣ, какъ помѣшанный, и со всѣхъ ногъ кинулся вонъ изъ комнаты; его не успѣли на этотъ разъ удержать. Не останавливаясь, чтобы надѣть пальто, онъ схватилъ его просто въ охапку и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, прыгая какъ испуганный котъ, на котораго брызнули кипяткомъ. Отмахавъ по улицѣ, на морозѣ, шаговъ полтараста, въ одномъ сюртукѣ, онъ опомнился, набросилъ пальто на плеча и пошелъ шагомъ.

Камень лежалъ у него на сердцѣ. Всѣ маленькія надежды, только-что вылупившіяся изъ яйца послѣ недавняго объясненія съ Лукинымъ и такъ неожиданно сладко согрѣтыя ласковою встрѣчей, всѣ были вдругъ уничтожены однимъ страшнымъ ударомъ. Она, за которую онъ готовъ былъ душу продать, она осмѣяла его какъ какого-нибудь площаднаго шута, и она была права. Чортъ его дернулъ шепнуть ей прямо, ни съ того ни съ сего, это глупое объясненіе: онъ поступилъ какъ безумецъ, какъ пошлый дуракъ. Еслибы не это, она привыкла бы понемногу видѣть его у себя, подружилась бы съ нимъ можетъ быть и современемъ, постепенно, когда бы узнать всю истину. А теперь, десять дней не бывавъ у нея и едва познакомившись, не узнавъ, не развѣдавъ, такъ прямо, съ

бухты-барахты хватъ на отръзъ!.. Чего онъ могъ ожидать отъ нея теперь, теперь именно?.. развѣ не зналъ онъ въ кого она влюблена и какъ сильно? развѣ она не при немъ рыдала цѣлые полчаса оттого, что Лукинъ обошелся съ ней круто?.. Она, которая привыкла видѣть вокругъ себя каждый день всѣхъ этихъ франтовъ и львовъ, что стоятъ между толстыми эполетами въ первомъ ряду партера, она, разумется, не могла утерпѣть, чтобы не покатиться со смѣху, когда онъ какъ теленокъ разнѣжился и разнюнился передъ нею Богъ знаетъ съ чего!.. О глупости! глупость неизреченная! О скотъ! мерзавецъ! осель! Все разомъ испортилъ,—все!.. Въ припадкѣ отчаянія, Матюшкинъ схватилъ себя за волосы и чуть не ударилъ съ размаху лбомъ объ стѣну. Шляпа съ него свалилась и вѣтеръ осыпавъ лицо мелкимъ снѣгомъ, разметалъ его длинные волосы. Начинаясь мятель. Жиденькое пальтишко съ однимъ листомъ ваты худо спасало его отъ мороза. Добѣжавъ до Аничкова моста, онъ такъ продрогъ, что зубъ на зубъ не приходился и пальцы окостенѣли... Куда онъ идетъ?.. Онъ вечеромъ общалъ къ Лукину... Не ужели же до тѣхъ поръ бѣжать еще разъ на Васильевскій?.. Нѣтъ, надо зайти погрѣться куда-нибудь и поѣсть... вѣдь онъ не обѣдалъ сегодня. Онъ вошелъ въ какой-то трактиръ на углу и спросилъ себѣ водки. Нѣсколько рюмокъ, выпитыхъ на скоро одна за другой, живо согрѣли его. Онъ сѣлъ за обѣдъ и началъ ѣсть съ жадностію, машинально хватаясь опять за рюмку, каждый разъ, какъ тоска, возвращаясь, грозила испортить ему аппетитъ. Къ концу обѣда, графинчикъ, поставленный противъ него на столѣ, очутился пустой, а Матюшкинъ повидимому повеселѣлъ или лучше сказать успокоился. Бѣдное чувство досады затихло; заботы и страсти, и горе, и рядъ непріятныхъ мыслей въ умѣ—все покрылось густымъ, мягкимъ слоемъ чего-то такого, что было сильнѣе ихъ количествомъ матеріальной силы и какъ увѣсистый пуховикъ, уминая ихъ подъ собой, смягчало ихъ рѣзкія очертанія. Онъ впрочемъ сталъ осторожнѣе послѣ совѣтовъ, данныхъ ему поутру и успѣлъ удержаться въ время, чтобы припомнить еще разъ, хотя и неясно, что онъ въ этотъ вечеръ долженъ увидѣться снова съ своимъ пріателемъ и долженъ явиться въ приличномъ видѣ. Онъ посмотрѣлъ на стѣнные часы... «Четверть седьмаго; раненко еще... ну, да пока доберешься пѣшкомъ; онъ же часу не назначилъ; а не застанешь, такъ можно и подождать... или, ужъ тѣмъ и быть, выну-

рять здесь сигару, да выпить еще одну рюмочку чего-нибудь?.. На вѣтру холодно, успеешь еще освѣжиться... Эхъ ма! Была не была! Половой! Подай-ка сюда братецъ рому, да принеси мнѣ сигарочку»...

Въ семь часовъ ровно, Матюшкинъ сидѣлъ въ гостиной у Лукина, не то чтобы совсѣмъ пьяный, но и нельзя сказать, чтобы въ трезвомъ видѣ. Онъ то улыбался, то хмурился, болталъ ногами, которыя не хватали до полу, бормоталъ себѣ подъ носъ въ полголоса, кивалъ головой неизвѣстно кому и порой саркастически щурился глаза.

— Эй, Васька! крикнулъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ. Голова Васьки высунулась изъ дверей.—Васька, поди сюда! Мальчикъ подошелъ къ нему улыбаясь.

— Чего ты смѣешься?.. Смотри на меня... что, видишь что-нибудь?

— Вижу-сь.

— А ну, говори, что ты видишь? Да смотри у меня, не лги, подлець...

— Никакъ нѣтъ-сь.

— Чего это нѣтъ?.. ты не отвиливай братъ... ты говори по совѣсти... правду-матушку рѣжь... хмъ!.. Вотъ оно что!.. Такъ-сь... да ты чего на меня глазенки-то вылупилъ, ты что тамъ?.. ты... ты смотри у меня. Я знаю, что ты обо мнѣ думаешь... ты думаешь, бестія, что я пьянъ?.. Васька фыркнулъ и повернулся, чтобы уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, постой; ты такъ отъ меня не отдѣлаешься... ты стой, ты стой, ты всмотрись хорошенько... Я ничего, братецъ; хочешь сейчасъ по дощечкѣ пройду?

— Пройдите-сь.

— А что жъ ты думаешь, не пройду? Ей Богу пройду!.. смотри.

Матюшкинъ всталъ и нетвердою поступью сдѣлалъ шагъ... Въ эту минуту звонокъ раздался въ прихожей; Васька выбѣжалъ отворять; Матюшкинъ пошелъ за нимъ, думая, что это пріятель его вернулся; но вмѣсто Григорія Алексѣича, онъ увидѣлъ военнаго: важнаго, статнаго офицера въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ и въ шинели съ отличнымъ бобровымъ воротникомъ. Онъ весь былъ засыпанъ снѣгомъ.

— Дома? спросилъ онъ входя.

— Никакъ нѣтъ-сь, отвѣчалъ Васька.

— Онъ сейчасъ будетъ, прибавилъ Матюшкинъ; сію ми-

нуточку; я самъ его жду; войдите.—Васька, сними шинель; дай-ка сюда, я страхну, а то ты по полу ее станешь таскать; недоросъ, братъ, еще.

Офицеръ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ, бросилъ шляпу на столъ и вошелъ въ гостиную. Минуту спустя, маленькій человѣкъ вернулся тоже туда. Онъ сѣлъ въ кресла, съ большимъ вниманіемъ осматривая костюмъ и наружность совершенно ему незнакомаго человѣка, который стоялъ у зеркала, старательно вытирая платкомъ свои завидѣваемые усы. Ему и въ голову не могло придти, что это тотъ самый Левель, котораго ровно четыре мѣсяца тому назадъ онъ отыскивалъ съ Лукинымъ. Левель съ своей стороны не могъ себѣ вообразить, чтó это за лицо онъ видитъ у Алексѣева? Не лакей, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что лакей не сѣлъ бы при немъ, а между тѣмъ, думалъ онъ, это такая фигура, которую дальше передней я право бы не пустилъ... Что онъ дѣлаетъ тутъ? Неужели пришелъ въ гости? Пожалуй и такъ; но странно! Все, чтó касается Алексѣева, все какъ-то странно!..

Любопытство заставило его посмотрѣть пристальнѣе на Матюшкина; но смотрѣть прямо въ лицо человѣку, съ которымъ сидишь одинъ въ комнатѣ, и при этомъ ни слова ему не сказать, оно хоть и дѣлается иногда въ порядочномъ обществѣ, а все жъ какъ-то дико. Левель былъ въ затрудненіи, онъ не зналъ въ какомъ тонѣ начать ему разговоръ съ этимъ... Богъ его знаетъ съ кѣмъ; но Матюшкинъ, не долго задумываясь, самъ началъ.

— Вы первый разъ тутъ? спросилъ онъ, стараясь принять чинный видъ.

— Нѣтъ, я бывалъ у Григорія Алексѣвича и прежде, хоть впрочемъ я съ нимъ недавно знакомъ.

— А позвольте спросить: какъ васъ... то-есть я хочу сказать какъ ваша фамилія?

— Моя фамилія Левель.

— Левель... Левель... твердилъ Матюшкинъ, стараясь припомнить что-то.—Имя я разъ слышалъ, но хоть убей не помню когда... не отъ того, чтобъ я... хи, хи!.. о! нѣтъ, вы не думайте... я только такъ того... просто забылъ.

— Онъ пьянъ, подумалъ про себя Левель. Вѣрно какой-нибудь кредиторъ изъ картежной шайки... Странно, что Алексѣевъ пускаетъ къ себѣ такихъ господъ!..

Онъ отвернулся съ замѣтнымъ пренебреженіемъ и началъ

ходить. Но какимъ образомъ мое имя ему извѣстно? Вѣрно гдѣ-нибудь за зеленымъ столомъ вспоминали пріатели....

— Ахъ, да, совсѣмъ было изъ головы вонъ! перебилъ Матюшкинъ. Вы тоже, конечно, интересуетесь знать кто я?.. Я, сударь, художникъ, классный художникъ Борисъ Петровичъ Матюшкинъ, молодой человекъ, подающій большія надежды... у меня маленькая серебряная, теперь на большую пишу съ Никиты. У насъ въ академіи есть тоже одинъ офицеръ, Васильковъ—господинъ, славный малый!.. Вы съ нимъ не знакомы?

— Незнакомъ, отвѣчалъ Левель сухо.

— Жаль!.. А Лукинъ его знаетъ... Лукинъ познакомился съ нимъ въ ту пору, когда мы отыскивали... ба, ба, ба!.. вѣдь отыскивали-то мы васъ... Левель, капитанъ Левель!.. помню, чортъ побери, какъ не помнить!.. Гвардеецъ... артиллеристъ... капитанъ... ну, такъ и есть, онъ самъ! То-то мы посмѣемся сегодня, когда онъ придетъ!

Левель остановился и поглядѣлъ на него съ большимъ удивленіемъ.— Пьянъ; безъ малѣйшаго сомнѣнія пьянъ! Да только откуда онъ взялъ все это? Какимъ образомъ онъ, Матюшкинъ, могъ знать его, Левеля и даже отыскивать съ Алексѣевымъ или съ кѣмъ-то другимъ, прежде еще чѣмъ онъ самъ успѣлъ познакомиться съ Алексѣевымъ у Находкина?.. И какой тутъ Лукинъ замѣшался, который знакомъ былъ съ какимъ-то третьимъ въ ту пору, когда они и т. д... что за дичь! рядъ догадокъ и подозрѣній быстро мелькнулъ у него въ головѣ.

— Съ кѣмъ это вы отыскивали меня? Я худо разслушалъ, спросилъ онъ.

— Съ Григорій Алексѣичемъ.

— Хмъ, да, я такъ и думалъ, но мнѣ показалось, что вы о другомъ говорите. Левель началъ допрашивать осторожно, желая узнать все, что можно было узнать, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ понять, что онъ сказалъ лишнее. А кто это познакомился съ Васильковымъ въ ту пору? спросилъ онъ, дѣлая видъ какъ-будто отвѣтъ его вовсе не интересуетъ.

— Кто познакомился? Я самъ познакомился и Григорій Алексѣичъ познакомился.

— Григорій Алексѣичъ Алексѣевъ?

Матюшкинъ вытаращилъ глаза, посматривая на него въ замѣшательствѣ и какъ будто старааясь припомнить что-то. Продолжая ходить, Левель замѣтилъ въ зеркало какъ онъ вдругъ встрепенулся и хлопнулъ себя рукой по лбу.

— Хмъ! Алексѣевъ... произнесъ онъ; куда, Алексѣевъ... конечно, какой же еще другой!

— А Лукинъ?

Матюшкинъ сильно смѣшался, не взирая на то, что былъ пьянъ. Лукинъ? пробормоталъ онъ.

— Какой Лукинъ? Развѣ я вамъ сказалъ: *Лукинъ?*..

— Да, кажется, впрочемъ, не помню навѣрно; можетъ-быть мнѣ такъ послышалось, съ удвоенною осторожностію отвѣчалъ Левель. Онъ не хотѣлъ встревожить своего собесѣдника безъ надобности, надѣясь вывѣдать еще что-нибудь. Я даже увѣренъ теперь, что послышалось, прибавилъ онъ равнодушно.

Эти слова и тонъ голоса успокоили совершенно Матюшкина, умственные способности котораго находились въ такомъ неустойчивомъ положеніи, что не прошло и минуты, какъ содержаніе предъидущаго разговора исчезло изъ его памяти, и опять то же безпечное, разсѣянное выраженіе появилось у него на лицѣ. Онъ началъ опять говорить, и на этотъ разъ Левель слушалъ внимательно, ожидая, что онъ, какимъ-нибудь образомъ, снова вернется къ старому; но тотъ обходилъ интересное мѣсто съ такою же безотчетною осторожностію, съ какой пьяный, на улицѣ, дѣлаетъ длинный кругъ всторону, чтобъ обойти фонарь или уголъ дома. Замѣтивъ это, тотъ пробовалъ его навести. Вы кажется говорили о какомъ-то военномъ, который у васъ въ академіи занимается? спросилъ Левель.

— Хмъ, да... Васильковъ?.. знаю... Онъ въ *миссовыхъ фигурахъ*... къ новому году думалъ въ *натурный* перейти; *отчеканилъ* Германика такъ, что изъ всѣхъ классовъ ходили смотрѣть; а на экзаменѣ забраковали... *слѣдки* не понравились! Такъ вотъ оно что, искусство-то!.. Будь себѣ тамъ офицеръ, капитанъ... шляпа съ перомъ, эполеты, темлякъ... на улицѣ кадетъ честь отдаетъ и всякій городской подъ козырекъ сдѣлаетъ... а тутъ—разночинецъ какой-нибудь изъ дьячковъ или мѣщанскій сынъ въ прорванныхъ сапогахъ, съ неумытою рожей, на шею тебѣ садится и первый нумеръ беретъ, а ты нищя себѣ мѣста сзади, по той причинѣ рисунка не чувствуешь... вотъ оно что!

— А Григорій Алексѣичъ его хорошо знаетъ?

— Кого это?

— Василькова.

— Знаетъ... какъ не знать! Онъ всѣхъ знаетъ.

— Онъ съ нимъ когда познакомился?

— Въ сентябрѣ.

— Вы, кажется, говорили, что около этого времени, вы съ нимъ отыскивали...

— Да, перебилъ Матюшкинъ;—отыскивали, это точно; артиллерійскаго офицера ему нужно было, какого-нибудь все равно; ну, я ему и нашелъ Василькова... Извини, братецъ, птица не велика... ну, да ему и не нужно было большую, по той причинѣ... На этомъ мѣстѣ Матюшкинъ опять далъ крикъ... Я его хорошо знаю; онъ не сбѣсивъ... Онъ теперь бариномъ сталъ и свой экипажъ держать и съ генералами знается; а нашему брату, гдѣ бы не встрѣтилъ, руку подаетъ!.. Золотая душа!.. Во всякой нуждѣ готовъ тебѣ пособить; все, что ни есть, всѣмъ подѣлится и на стулъ тебя рядомъ съ собою посадить, даромъ, что у тебя воротнички изъ-за галстука не выскакиваютъ или локоть прорванъ!..

— Но на чтѣ жь ему былъ офицеръ, да еще именно артиллерійскій?

Матюшкинъ взглянулъ на него прищуря глаза.

— Вишь ты какой гусь! подумалъ онъ самъ про себя;—вишь ты куда наровишь!.. Хмъ, нѣтъ братъ, шалишь! дудки!.. Слишкомъ много узнать захотѣлъ! Онъ пожалъ плечами и не отвѣчалъ ничего.

— Вы Алексѣева давно знаете? продолжалъ Левель смѣясь.

— Хе, хе! Давненько будетъ; почитай что еще въ гимназiи на одной скамейкѣ сидѣли...

— О! въ самомъ дѣлѣ? Вы можете быть и семейство его знавали?

— Нѣтъ, семейства не зналъ. Семейство въ Псковской губернiи, возлѣ Торопца, тамъ гдѣ-то... помѣщики... сюда незаѣзжали; онъ тутъ былъ одинъ.

— А послѣ, въ университетѣ, вы съ нимъ то же вмѣстѣ?

— Нѣтъ, мы въ гимназiи еще разошлись. Онъ кончилъ курсъ, а меня попросили, чтобъ я сдѣлалъ милость его не оканчивалъ!

Левель опять усмѣхнулся и посмотрѣлъ на часы.

— Григорiй Алексѣичъ не ѣдетъ, сказалъ онъ;— а я не могу его дольше ждать. Если увидите, скажите, что прiѣзжалъ проститься.

— Чтѣ жь такъ? Развѣ вы...

— Я уѣзжаю отсюда завтра, въ мальпостьъ; по утру, часу въ двѣнадцатомъ заѣду къ нему еще разъ.

— Хмъ, уѣзжаете?.. Это жаль!..

— Вы не забудете ему передать?

— О, будьте спокойны; какъ можно!.. Вы можетъ-быть думаете, что я пьянъ?..

— Нѣтъ, прощайте.

Проводивъ капитана, Матюшкинъ вернулся зѣвая въ гостиную, залегъ на диванъ и уснулъ крѣпкимъ сномъ. Лукинъ разбудилъ его въ десять часовъ. Онъ зналъ уже отъ Васьки, что Левель къ нему прѣзжалъ, и могъ догадаться зачѣмъ, потому что Маевскіе, у которыхъ онъ былъ въ этотъ день, сообщили ему объ отъѣздѣ ихъ родственника. Но его занимала другая мысль. Онъ узналъ отъ Софи одну вещь гораздо болѣе интересную для него. Ему обѣщано было мѣсто въ Сольскѣ и завтра по утру онъ долженъ былъ говорить объ этомъ съ самимъ губернаторомъ. Отъ губернаторши онъ вернулся сегодня въ отличномъ расположеніи духа. У нихъ рѣшено было ѣхать на первой недѣлѣ поста всѣмъ вмѣстѣ.

— Ну, братъ, Борисъ Петровичъ, сказалъ онъ Матюшкину;— я тебя долго заставилъ ждать; но за то я скажу тебѣ новость.

Матюшкинъ смотрѣлъ на него, протирая глаза и съ похмѣльемъ едва понимая чтò онъ говорить.

— Радуйся, я уѣзжаю отсюда на дняхъ, прибавилъ Лукинъ.

— Какъ, и ты то же? Тутъ былъ этотъ баринъ, военный, какъ бишь его? Велѣлъ передать, что онъ ѣдетъ куда-то.

— Я знаю, Левель...

— Ну да, вотъ именно, Левель... помнишь искали осенью?

— Помню, онъ долго сидѣлъ у меня?

— Нѣтъ, съ четверть часа!

Матюшкинъ теръ лобъ, стараясь припомнить что-то, какое-то странное обстоятельство своего разговора съ гостемъ, послѣ котораго въ немъ осталось какое-то смутное подозрѣніе на счетъ этой особы... Нѣтъ, не одно подозрѣніе, было еще кое-что, какая-то сильная непріятность, досада... Вдругъ, сердце его болѣзненно сжалось; онъ вспомнилъ теперь, вспомнилъ все!.. Несчастное приключеніе у Эмилиіи пришло ему вдругъ на память и вытѣснило изъ его головы всѣ смутныя впечатлѣнія хмѣля. Все остальное, послѣдующее, всѣ подозрѣнія и догадки, все разомъ исчезло, забыто было какъ сонъ.

— Что же ты такъ повѣсилъ голову? продолжалъ Лукинъ.

Радуйся, я тебѣ говорю!.. Твое положеніе тоже должно улучшиться скоро, если ты самъ не испортишь его въ конецъ. Тебѣ обѣщали достать уроки и мѣсто; я нашелъ добрыхъ людей; я оставляю тебѣ ихъ адресъ и свой. Пиши, если что понадобится. Пиши тоже и о ней, я поручаю ее тебѣ, на твое попеченіе. Покуда у ней всего довольно и будетъ довольно еще на годъ. Я оставляю ей мебель на этой квартирѣ, дрова, экипажъ. Если деньги понадобятся, она можетъ продать это все и будетъ имѣть довольно покуда; а послѣ посмотримъ... Она мнѣ давно дала слово, что никогда не возьмется за старое; смотри, чтобъ она сдержала его, навѣщай ее, береги какъ умѣешь; а если начнетъ опять вести себя дурно, уведомя меня, я ей напишу. Затѣмъ, я еще разъ совѣтую: не женись, подожди, по крайней мѣрѣ, можетъ-быть дурь-то пройдетъ; ну, а если никакъ ужъ нельзя иначе и если она согласится, тогда напиши, я пришлю вамъ на свадьбу. По правдѣ сказать, я радъ буду за нее, мнѣ за тебя только страшно»...

Они сидѣли вдвоемъ до поздней ночи и говорили о разныхъ вещахъ. Въ два часа, послѣ сытнаго ужина и бутылки вина, Матюшкинъ ушелъ домой.

Дня черезъ три наступила масляница: Лукинъ и Маевскіе провели ее въ разнаго рода дорожныхъ сборахъ. Лукинъ подалъ просьбу о поступленіи на службу и купилъ крытыя сани; этимъ ограничились всѣ заботы его о себѣ; но сверхъ этого Софья Осиповна съ сестрой навязали ему такую пропасть покупокъ и справокъ и разнаго рода хлопотъ, что онъ не имѣлъ ни минуты свободной. На первой недѣлѣ поста, однако, все кончилось. Вторникъ, счастливый день, назначенъ былъ для отъѣзда. Эмилія выслушала извѣстіе объ этомъ отъѣздѣ гораздо спокойнѣе чѣмъ онъ думалъ; потому что давно ожидала такой развязки; но когда наступила минута прощанья, Лукинъ не зналъ что дѣлать съ несчастною. Она повисла ему на шею рыдая и долго, долго ее не могли оторвать. Оставивъ ее на рукахъ у Матюшкина въ горькихъ слезахъ, Лукинъ уѣхалъ къ Маевскимъ. Его возокъ совершенно готовый и возлѣ знакомый дормезъ стояли уже у подъѣзда. Дамы въ дорожныхъ костюмахъ встрѣтили его очень весело на верху. Широкія, темныя платья, надѣтыя безъ корсета, и двѣ хорошенькія головки въ чепцахъ напомнили ему живо одинъ достопамятный день. На столахъ и на стульяхъ, лежали капоры, шали, боа, муфты, мѣшки и мѣшочки. Все остальное было уложено.

— Садитесь, кушайте, сказала Софи.— Да кушайте больше; потому что до вечера я вамъ не дамъ ничего. Я не люблю останавливаться на скверныхъ станціяхъ.

— Исключая одной, замѣтила Елена Осиповна.

— Молчи, *Hélène*, ты мѣшаешь ему; намъ пора ѣхать.

— А гдѣ же Федоръ Леонтьичъ? спросилъ Лукинъ, оглядываясь.

— Онъ уѣхалъ впередъ рано утромъ, чтобъ не задерживать насъ въ дорогѣ, сказала Елена. — У него есть какое-то дѣло въ Новгородѣ.

— Онъ велѣлъ вамъ сказать, что поручаетъ насъ вашему вниманію подъ самую строжайшую ответственностію по службѣ... Съ этой минуты вы служите намъ. *Czy Pan gozumię?* сказала Софи!

— *Rani* не нужно ни слова говорить, чтобы быть понятою; ей довольно взглянуть, шутя отвѣчалъ Лукинъ.

— О! какой льстецъ! Я не вѣрю вамъ ни на грошъ. Вы подличаете передъ новою начальницей, чтобы выиграть у нея по службѣ.

Лукинъ покраснѣлъ чуть примѣтно; но она это тотчасъ замѣтила.

— Фя! какое ребячество! Я не ожидала этого отъ васъ, сказала она сама краснѣя. — *Pas de cette susceptibilité avec moi, monsieur*; а не то вы заставите меня думать, что я сказала глупость.

Они окончили завтракъ втроемъ, радуясь, что имъ не съ кѣмъ прощаться. Дѣйствительно, ни одного посторонняго лица не видать было вокругъ нихъ. Время отъѣзда нарочно съ этою цѣлію не было никому объявлено. Ровно въ два, поѣздъ тронулся. За Московскою заставой, Лукинъ оглянувшись увидѣлъ извозчичьи пошевни тройкою, которые догоняли его на всемъ скаку.

— Прощай, братъ, Григорій Алексѣичъ! раздался знакомый голосъ, когда они поровнялись. Матюшкинъ высунулся и протянулъ ему руку. Возлѣ него сидѣла Эмилія съ глазами красными и опухшими отъ слезъ.

— Стой! закричалъ Лукинъ ямщику. Онъ вышелъ и обнялъ своихъ друзей еще разъ. Минуту спустя, возокъ его мчался далеко, одѣтый облакомъ снѣжной пыли: а сани стояли на мѣстѣ еще минутъ пять. Въ нихъ лежала Эмилія, блѣдная какъ тотъ снѣгъ, которымъ Матюшкинъ заботливо теръ ей виски.

Н. Ахшарумовъ.

БОЛЬШАЯ ОЖИДАНИЯ¹

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

Домъ мистера Пембльчука, находившійся въ большой улицѣ базарнаго города, отличался крупичатымъ и мучнистымъ характеромъ, какъ и подобало дому лабазника и сѣменнаго торговца. Мнѣ казалось, что мистеръ Пембльчукъ былъ совершенно счастливый человѣкъ, потому что у него въ лавкѣ было такое множество выдвижныхъ ящиковъ; и заглянувъ въ одинъ или два изъ нижнихъ ящиковъ, гдѣ находились аккуратно завязанные свертки сѣрой бумаги, заключавшіе въ себя сѣмена, я раздумывалъ, не придетъ ли вдругъ охота этимъ сѣменамъ и луковичкамъ въ одинъ прекрасный день вырваться на волю изъ своего заключенія, и зацвѣсти.

Мысль эта занимала меня поутру на другой день по моему прѣздѣ. Наканунѣ, вечеромъ, меня отправили прямо спать, въ мезонинъ, подъ самую крышу, которая такъ низко спускалась въ углу, гдѣ стояла моя кровать, что черепица ея едва ли была въ разстояніи фута отъ моего лба. Въ то же раннее утро, я открылъ удивительное средство между сѣменами

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

и кардероемъ ¹. Мистеръ Пемблчукъ былъ одѣтъ въ кардерой точно также, какъ и его сидѣлецъ: и какимъ-то образомъ кардерой былъ проникнуть запахомъ сѣменъ, отъ которыхъ въ свою очередь вѣяло кардероемъ, такъ что я едва могъ провести границу между этими запахами. При этомъ же случаѣ я замѣтилъ также, что вся торговая дѣятельность мистера Пемблчука повидимому ограничивалась однимъ глазѣніемъ черезъ улицу на сѣдельника, котораго главнымъ дѣломъ было смотрѣть на каретника; этотъ же скалчивалъ себѣ копѣйку, запустивъ руки въ карманъ и наблюдая хлѣбника, глазѣвшаго сложа руки на овощнаго торговца, который, стоя у дверей, позѣвывалъ на аптекаря.

Часовыхъ дѣлъ мастеръ, не спускавшій глаза, вооруженнаго луною, съ своего столика и привлекавшій постоянно группу рабочаго люда, который наблюдалъ его снаружи, черезъ окошко, повидимому было единственное лицо въ большой улицѣ, занимавшееся своимъ дѣломъ.

Мы съ мистеромъ Пемблчукомъ завтракали въ восемь часовъ утра, въ гостиной, находившейся позади лавки; сидѣлецъ же расправлялся съ кружкою чаю и краюхою хлѣба, намазаннаго масломъ, въ лавкѣ, сидя на мѣшкѣ съ горохомъ. Мистеръ Пемблчукъ, въ моихъ глазахъ, былъ горькій собесѣдникъ. Во-первыхъ онъ слѣдовалъ мнѣнію моей сестры, что моей пиццѣ необходимо было придать характеръ исправительно-постный, и давалъ мнѣ какъ можно болѣе горбушекъ и корокъ съ возможно наименьшимъ количествомъ масла, разбавляя топленое молоко горячею водою въ такой степени, что ужъ лучше было бы вовсе его не подливать. Потомъ весь разговоръ его состоялъ изъ одной ариеметики.

Я пожелалъ ему вѣжливо добраго утра, онъ гордо мнѣ отвѣтилъ на это:

— Ну, мальчикъ, семью-девять?

Могъ ли я отвѣтить ему, когда онъ меня спрашивалъ въ разбивку, въ незнакомомъ мѣстѣ, и еще на голодный желудокъ! Я былъ очень голоденъ; но едва я успѣлъ проглотить первый кусокъ, какъ онъ принялся за таблицу сложения, продолжавшуюся цѣлый завтракъ.

— Семь и четыре?

¹ Толстый рубчатый плісъ, изъ котораго рабочіе въ Англiи обыкновенно шьютъ себѣ платье.

— И восемь?

— И шесть?

— И два?

— И десять?

Итакъ далѣе. За каждую суммой я едва успѣвалъ проглотить кусокъ или отпить молока, а онъ между тѣмъ сидѣлъ себѣ спокойно, ни о чемъ не думая, и набивалъ себѣ брюхо вечной и теплою булкой, съ удивительнымъ обжорствомъ.

По этимъ причинамъ, я былъ очень радъ, когда пробило десять часовъ, и мы отправились къ миссъ Гевишамъ, хотя внутренно я не былъ совершенно спокоенъ насчетъ того, что я буду дѣлать подъ кровлею этой леди. Черезъ четверть часа мы подошли къ дому миссъ Гевишамъ. Это было старое кирпичное печальное здание со множествомъ желѣзныхъ запоровъ. Нѣкоторыя окна были заложены кирпичами; всѣ нижнія окна были закрыты ставнями и замкнуты поржавѣвшими засовами. Передъ домомъ былъ дворъ, и калитка въ него была также на запорѣ: позвонивъ въ колокольчикъ, мы должны были еще ждать, чтобы пришелъ кто-нибудь отпереть, и пока мы оставались тутъ, я заглянулъ въ калитку,—даже и здѣсь мистеръ Пемблѣчукъ сказалъ мнѣ: «и четырнадцать?» но я притворился, будто его не слышу,—и увидѣлъ, что возлѣ дома находилась большая пивоварня; въ ней не работали, и повидимому она давно уже не была въ дѣйстви.

Окошко поднялось, и звонкій голосъ спросилъ:

— Какъ имя?

На это мой путеводитель объявилъ: Пемблѣчукъ.

Голосъ отвѣтилъ.

— Хорошо.

Окошко опустилось, и молодая барышня вышла къ намъ черезъ дворъ, съ ключами въ рукахъ.

— Это, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ,—это Пицъ.

— Итакъ, это Пицъ? отвѣчала молодая барышня, которая была очень хороша собой и повидимому очень горда:—пожалуй-те сюда, Пицъ.

Мистеръ Пемблѣчукъ также было вошелъ; но она остановила его у калитки.

— О! сказала она.—Развѣ вы хотите видѣть миссъ Гевишамъ?

— Если миссъ Гевишамъ желаетъ видѣть меня, отвѣчалъ озадаченный мистеръ Пемблѣчукъ.

— А! сказала дѣвочка:—но она этого не желаетъ.

Она сказала это такъ рѣшительно и такъ положительно, что мистеръ Пемблчукъ, какъ ни было оскорблено его достоинство, не могъ протестовать. Но онъ строго взглянулъ на меня, какъ будто я что-нибудь ему сдѣлалъ, и ушелъ, обращаясь ко мнѣ съ послѣдними словами упрека:

— Мальчикъ, смотри, чтобы поведение твое здѣсь сдѣлало честь тѣмъ, кто выкормилъ тебя рукой!

Я боялся, что онъ еще вернется и крикнетъ мнѣ черезъ калитку:

— И шестнадцать?

Но онъ этого однакоже не сдѣлалъ.

Моя юная путеводительница заперла на ключъ калитку, и мы пошли съ нею черезъ дворъ. Дворъ былъ вымощенъ и чистъ; но трава пробивалась черезъ каждую трещинку между камнями. Небольшой переулочекъ велъ въ пивоварню, и деревянные ворота въ него были настежь; пивоварня была также открыта и совершенно пуста. Холодный вѣтеръ, казалось, дулъ здѣсь еще сильнѣйшимъ холодомъ нежеле на улицѣ, и подымалъ страшный вой въ этой пивоварнѣ, будто между снастями корабля въ открытомъ морѣ.

Она замѣтила, что я засмотрѣлся на пивоварню, и сказала.

— Могли бы вы выпить все крѣпкое пиво, которое теперь варится здѣсь, а?

— Да, я полагаю, миссъ, сказалъ я застѣнчиво.

— Лучше теперь и не пытаться варить здѣсь пиво, оно прокиснетъ; какъ вы думаете, мальчикъ?

— Да, на то похоже, миссъ.

— Да и въ голову никому не придетъ пытаться, прибавила она.—Это уже конченное дѣло; и пивоварня такъ останется какъ она есть, пока не развалится. А крѣпкаго пива вдоволь въ погребахъ, довольно по крайней мѣрѣ, чтобы потопить Помѣщичій домъ.

— Такъ домъ и называется, миссъ?

— Это одно изъ его именъ, мальчикъ.

— Такъ у него не одно имя, миссъ?

— Есть еще одно: *Satis*. По-латыни, по-гречески, по-еврейски, а можетъ-быть и на всѣхъ этихъ трехъ языкахъ, это начитъ довольно.

— Довольно, сказалъ я:—странное имя, миссъ.

— Да, сказала она,—но оно имѣло болѣе глубокое значеніе.

Оно значило, въ то время, когда его дали, что хозяинъ этого дома ни въ чемъ не могъ нуждаться. Я полагаю въ прежнее время легче бывало удовлетворять людей. Но нечего останавливаться, мальчикъ.

Хотя она называла меня часто мальчикомъ и обращалась со мною съ небрежностью, далеко для меня не лестною; но она была моихъ лѣтъ или не многимъ старше. Конечно, какъ дѣвочка, при своей еще самоувѣренности, она казалась гораздо старше меня, но она пренебрегала мною, какъ будто ей минуло двадцать одинъ годъ и она была королева.

Мы вошли въ домъ черезъ боковую дверь; парадный входъ былъ запертъ снаружи цѣпями, и прежде всего поразило меня то, что всѣ переходы были темны и что здѣсь была оставлена вѣроятно горѣвшая свѣча: она взяла ее теперь, и мы пошли черезъ другіе переходы, вверхъ по лѣстницѣ. Все было темно; только одна свѣчка свѣтила намъ.

Наконецъ мы подошли къ одной двери, и она сказала мнѣ:
— Войдите.

— За вами, миссъ, отвѣтилъ я болѣе отъ застѣнчивости нежели отъ вѣжливости.

— Полно дурачиться, мальчикъ, возразила она на это, — я туда не пойду.

И съ пренебреженіемъ она ушла прочь, и что еще было хуже, взяла съ собою свѣчу.

Это было очень непріятно, и я начиналъ трусить. Мнѣ оставалось однакоже только одно: постучать въ дверь; я постучалъ, и мнѣ сказали изнутри, чтобъ я вошелъ. Я вошелъ, и очутился въ довольно большой комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами. Въ ней не видать было ни луча дневнаго свѣта; это была уборная комната, какъ я заключилъ по мебели, хотя многое тутъ по своему назначенію или формѣ было для меня тогда совершенно ново и неизвѣстно. Первое мѣсто занималъ драпированный столъ съ вызолоченнымъ зеркаломъ, который съ перваго взгляда показался мнѣ тузлетомъ барыни-франтихи.

Понялъ ли бы я значеніе этого предмета также скоро, еслибы такая барыня не сидѣла за нимъ, и этого не могу теперь сказать. Опершись локтемъ на столъ и склонивъ голову на руку, сидѣла въ креслахъ необыкновенно странная леди; ей подобной я никогда еще не видалъ, да и едва ли увижу.

Она была одѣта очень богато въ шелкъ, атласъ и кружево, все бѣлаго цвѣта. Башмаки у ней были также бѣлые. Съ го-

ловы ея падала бѣлая вуаль; въ волосахъ у нея были бѣлые цвѣты какъ у невѣсты; и волосы ея были совершенно бѣлые. Драгоценные камни сверкали у нея на шеѣ и на рукахъ; и блестящія драгоценности лежали также на туалетѣ. Платья, такія же великолѣпныя какъ и надѣтое на ней, и вполонину уложенные чемоданы были разбросаны вокругъ. Она не совсѣмъ кончила свой туалетъ: у нея надѣтъ былъ только одинъ башмакъ, другой лежалъ на столѣ возлѣ ея руки, вуаль была не совсѣмъ убрана, часы съ цѣпочкою не надѣты, и бѣрта кружевная лежала вмѣстѣ съ драгоценностями, платкомъ, перчатками, молитвенникомъ, въ беспорядочной кучѣ, около зеркала.

Я разглядѣлъ всѣ эти вещи не въ первую минуту, хотя и увидѣлъ съ перваго же раза болѣе чѣмъ можно бы ожидать. Но я замѣтилъ, что все, представлявшееся моимъ глазамъ, давно утратило свой прежній бѣлый цвѣтъ и совершенно пожелтѣло. Я замѣтилъ, что сама невѣста въ подвѣнчномъ платьѣ засохла подобно этому платью и цвѣтамъ; въ ней не было свѣжести; только впалые глаза горѣли. Я замѣтилъ, что это платье когда-то было надѣто на круглый станъ молодой женщины, и что этотъ станъ, на которомъ оно висѣло, высохъ до костей и кожи. Разъ меня взяли посмотрѣть восковыя фигуры, привезенныя на ярмарку, изъ которыхъ одна представляла не помню какое-то баснословное лицо, выставленное на парадной катафалкѣ. Разъ меня повели въ одну старинную церковь, на нашемъ болотѣ, взглянуть на скелетъ въ богатомъ одѣяніи, вырытый изъ склепа подъ церковнымъ помостомъ. Теперь я видѣлъ эту восковую фигуру и скелетъ, только съ черными глазами, которые двигались и смотрѣли на меня. Я готовъ былъ закричать, еслибы только у меня достало духу.

— Кто это? сказала леди у стола.

— Пипъ, сударыня.

— Пипъ?

— Мальчикъ отъ мистера Пембльчука, сударыня, пришелъ играть.

— Подойди поближе, дай мнѣ посмотрѣть на тебя. Подойди совсѣмъ ко мнѣ.

Я именно въ то время разглядѣлъ окружающіе предметы, когда я стоялъ возлѣ нея, стараясь по возможности избѣгать ея глазъ, и я увидѣлъ тутъ, что часы ея остановились на половинѣ девятаго.

— Посмотри на меня, сказала миссъ Гевишамъ:—ты не боишься женщины, которая не видала солнца съ тѣхъ поръ, какъ ты родился?

Мнѣ совѣстно, но я не побоялся ей сказать страшную ложь, отвѣчая:

— Нѣтъ.

— Знаешь ты, что у меня здѣсь? сказала она, прикладывая объ руки къ лѣвому боку.

— Да, сударыня (мнѣ пришелъ теперь въ голову малецъ моего каторжника).

— Что это такое?

— Ваше сердце.

— Разбитое!

Она произнесла это слово съ жаднымъ взглядомъ, сильнымъ выраженіемъ и сатанинскою улыбкой, въ которой была своего рода похвальба. Она продержала руки нѣсколько времени у своего сердца, потомъ медленно опустила ихъ, какъ будто онѣ были слишкомъ тяжелы.

— Я устала, сказала миссъ Гевишамъ,—мнѣ нужно развлеченіе, съ мужчинами и женщинами я покончила. Играй.

Читатель самый сварливый, я полагаю, согласится, что она едва ли могла задать бѣдному мальчику задачу труднѣе при окружающихъ обстоятельствахъ.

— Иногда на меня находить блажь, продолжала она,—теперь именно у меня такая блажь, мнѣ хочется посмотреть, какъ играютъ. Ну, ну! и пальцы на правой рукѣ заходили у ней отъ нетерпѣнія:—играй, играй; играй!

На минуту мнѣ представились всѣ угрозы моей сестры, и пришла отчаянная мысль запрыгать кругомъ комнаты подобно кобылѣ мистера Пембльчука. Но я чувствовалъ, эта штука была мнѣ не посядамъ; я отказался отъ моего намѣренія и продолжалъ стоять, глядя на миссъ Гевишамъ съ упрямствомъ, какъ вѣроятно показалось ей, потому что она сказала, когда мы обмѣнялись довольно продолжительными взглядами:

— Ты дикарь и упрямецъ!

— Нѣтъ, сударыня, я жалѣю васъ, и очень жалѣю, что не могу теперь играть. Если вы пожалеуетесь на меня, мнѣ достанется отъ сестры; съ охотою бы я сталъ играть, еслибъ я только могъ, но здѣсь все такъ ново для меня, такъ страшно, такъ великолѣпно и такъ печально....—Я остановился опасаясь,

что скажу или сказалъ уже слишкомъ много, и мы еще разъ взглянули другъ на друга.

Она свела глаза съ меня и посмотрѣла на свое платье, потомъ на туалетъ, и въ заключеніе на самое себя, въ зеркало.

— Такъ ново для него, прошептала она, — такъ старо для меня, такъ странно для него, такъ знакомо мнѣ, и такъ печально для насъ обоихъ! Позови Эстеллу.

И она продолжала смотрѣть на меня въ размышленіи; мнѣ казалось, она еще разговаривала съ собою; и я не двигался.

— Позови Эстеллу, повторила она, бросая на меня сверкающій взглядъ. — Это ты можешь сдѣлать. Позови Эстеллу. Выйди за дверь.

Перейти въ темный, таинственный корридоръ незнакомаго дома и начать ревѣть во все горло: Эстелла, обращаясь къ гордой молодой леди, которая не показывалась и не отвѣчала, и въ то же время чувствуя, что это была страшная вольность, было для меня почти такъ же трудно, какъ и играть по заказу. Но наконецъ она отвѣтила, и свѣчка ея засіяла какъ звѣзда вдоль темнаго перехода.

Миссъ Гевишамъ сдѣлала ей знакъ, чтобъ она подошла ближе; взяла брошку со стола и приложила ее сначала къ ея юной снѣжной груди, потомъ къ ея великолѣпнымъ темнымъ волосамъ, какъ бы пробуя ея эффектъ.

— Когда-нибудь она будетъ ваша, моя милая, сказала она, — и вы изъ нея сдѣлаете хорошее употребленіе. Дайте-ка я посмотрю, какъ вы станете играть въ карты съ этимъ мальчикомъ.

— Съ этимъ мальчикомъ! Да это простой мужицкій мальчишка!

Мнѣ казалось, я расслышалъ отвѣтъ миссъ Гевишамъ, только онъ былъ такой странный:

— Ну? сказала она, — разбейте его сердце.

— Во чтѣ ты умѣешь играть мальчикъ? спросила меня Эстелла съ совершеннымъ презрѣніемъ.

— Только въ нищіе, миссъ.

— Пусти же его по шіру, сказала миссъ Гевишамъ Эстеллѣ.

И мы принялись за карты.

Теперь только я началъ понимать, что въ этой комнатѣ все давно уже остановилось подобно часамъ. Я замѣтилъ, что миссъ Гевишамъ положила брошку совершенно на то же самое мѣсто, откуда она ее взяла. Пока Эстелла сдавала, я взглянулъ на

туалетъ, и увидѣлъ, что башмакъ, на немъ лежавшій, когда-то бѣлый и теперь совершенно пожелтѣвшій, ни разу не былъ надѣванъ. Я взглянулъ на ногу безъ башмака и увидѣлъ, что шелковый чулокъ, также нѣкогда бѣлый, теперь совсѣмъ желтый, былъ стоптанъ и изорванъ. При этой остановкѣ и замيرانіи всѣхъ увядавшихъ предметовъ, заглухлое подвѣнечное платье, на этой ссохшейся фигурѣ, казалось погребальной одеждой; и длинный вуаль смотрѣлъ совершеннымъ саваномъ.

Итакъ сидѣла она подобно трупу, пока мы играли въ карты; оборки и отдѣлка ея платья были словно вырѣзаны изъ бумаги землистаго цвѣта. Я въ то время еще ничего не зналъ о случайныхъ открытіяхъ тѣлъ, погребенныхъ въ древнее время, которыя распадались въ прахъ въ ту же минуту, какъ представлялись они человѣческому взгляду; но потомъ мнѣ часто приходило въ голову, что она точно также обратилась бы въ прахъ, при первомъ проблескѣ дневнаго свѣта.

— Этотъ мальчикъ зоветъ ваетовъ хлапами! сказала Эстелла съ презрѣніемъ, прежде нежели кончилась первая игра. — И какія у него грубыя руки! И что за толстые сапоги!

Никогда я и не думалъ прежде стыдиться моихъ рукъ, но теперь я начиналъ думать, что это были далеко не красивыя руки. Презрѣніе ея было такъ сильно, что оно становилось заразительнымъ, и я заразился имъ.

Она выиграла; я сдавалъ и засадался, что было совершенно естественно, потому что я видѣлъ, какъ она съ жадностію выжидала каждой моей ошибки, и она назвала меня глупымъ, косолапымъ, мужицкимъ мальчишкой.

— Ты ничего про нее не говоришь, замѣтила мнѣ миссъ Гевишамъ.—Она тебя такъ честить, а ты про нее ни слова не скажешь. Что ты о ней думаешь?

— Говорить не хочется, пробормоталъ я.

— Ну скажи мнѣ на ухо, сказала миссъ Гевишамъ, наклоняясь ко мнѣ.

— Мнѣ кажется, она очень горда, отвѣтилъ я шепотомъ.

— А еще что?

— Мнѣ, кажется, она очень хороша.

— А еще что?

— Мнѣ кажется, она очень обижаетъ меня. (Эстелла глядѣла на меня теперь съ видомъ совершеннаго отвращенія.)

— Еще что?

— Мнѣ кажется, я бы хотѣлъ идти домой.

— И не видать ея никогда болѣе, а вѣдь она хороша.

— Не знаю, но я хотѣлъ бы теперь пойти домой.

— Ты скоро пойдешь, сказала миссъ Гевшамъ вслухъ.—

Донграй игру.

Еслибы не первая сатанинская улыбка, которою она меня встрѣтила, то я былъ бы почти убѣжденъ, что лицо миссъ Гевшамъ никогда не улыбалось. Она приняла прежнее наблюдательное, задумчивое выраженіе—совершенно естественное, при томъ окаменѣломъ видѣ, въ какомъ находились всѣ окружающіе предметы—и казалось, ничто не могло согнать его. Грудь ея впала, и станъ ея былъ совершенно согнутъ; голосъ ея былъ надорванъ и она говорила очень тихо, какъ изъ могилы.

Я донгралъ игру съ Эстеллой, и она оставила меня мнѣшимъ. Она бросила карты на столъ, когда онѣ всѣ ей достались, какъ будто она презирала ихъ, потому что выиграла ихъ отъ меня.

— Когда тебѣ придти опять? сказала миссъ Гевшамъ.—
Дай мнѣ подумать.

Я было напомнилъ ей, что сегодня среда, но она вдругъ остановила меня прежнимъ нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ своей правой руки.

— Ну, ну! Я не знаю, какіе тамъ у васъ дни на недѣлѣ и какія недѣли въ году. Приходи опять черезъ шесть дней. Слышишь?

— Слышу, сударыня.

— Эстелла, проводи его внизъ. Дай ему чего-нибудь поѣсть, и пусть онъ погуляетъ и посмотритъ кругомъ. Ступай себѣ, Пипъ.

Я послѣдовалъ внизъ за свѣчкой, какъ прежде я поднялся вверхъ за нею; и Эстелла поставила ее на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы ее нашли. Пока она не отворила двери, я воображалъ себѣ, не думая объ этомъ, что уже была ночь. Дневной свѣтъ совершенно смутилъ меня, и я чувствовалъ, какъ будто я провелъ цѣлые часы, при свѣчахъ, въ незнакомой комнатѣ.

— Подожди здѣсь, мальчикъ, сказала Эстелла и исчезла, хлопнувъ за собой дверь.

Оставшись одинъ на дворѣ, я воспользовался случаемъ, чтобы посмотреть на мои грубые руки и простые сапоги. Я вывелъ мнѣніе очень неблагоприятное объ этихъ принадлеж-

постяхъ. До сихъ поръ онъ еще ни разу меня не смущали; но теперь онъ поразилъ меня своею мужиковатостію. Я рѣшился спросить Джо, зачѣмъ выучилъ онъ меня называть эти фигуры хлапами, когда настоящее ихъ имя было ваяльцъ. Вообще я жалѣлъ теперь, отчего Джо не получилъ болѣе нѣжнаго воспитанія: тогда и я былъ бы также нѣжнѣе воспитанъ.

Она вернулась и принесла съ собою хлѣба, говядины и маленькую кружку пива. Она поставила кружку на каменные плиты, которыми былъ вымощенъ дворъ, и подала мнѣ хлѣбъ и говядину, не глядя на меня, какъ будто я былъ какаля-нибудь дворняжка. Я былъ такъ униженъ, уколотъ, обиженъ, оскорбленъ, разсерженъ и огорченъ, я не могу прибрать настоящаго слова для моей боли,—Богу одному известно, какъ назвать ее,—что слезы показались у меня на глазахъ. Но въ ту же минуту, какъ онъ выступали, дѣвочка посмотрѣла на меня съ наслажденіемъ, какъ бы сознавая, что она была причиной ихъ. Это помогло мнѣ удержаться и посмотрѣть ей прямо въ глаза: она презрительно встряхнула головой, съ совершеннымъ убѣжденіемъ, какъ мнѣ казалось, что я былъ уколотъ, и оставила меня.

Но когда она ушла, я сталъ высматривать мѣсто, куда бы скрыть мое лицо; я зашелъ въ уголъ, за одну изъ половинокъ воротъ пивоварни, уперся рукою въ стѣну, и положивъ на нее голову, принялся плакать. Я плакалъ, билъ ногами о стѣну, вырывалъ изъ головы клочки волосъ,—такъ горьки были мои чувства, такъ сильна была эта боль безъ имени, требовавшая такого противодействія.

Воспитаніе, которое я получилъ отъ сестры, сдѣлало меня чувствительнымъ. Посреди этого маленькаго міра, въ которомъ живутъ дѣти, кто бы ни воспитывалъ ихъ, несправедливость особенно рѣзко поражаетъ, особенно рѣзко чувствуется. Положимъ такъ: несправедливость, которой подвергается ребенокъ, дѣло малое; но ребенокъ также очень малъ, міръ, гдѣ онъ живетъ, тоже малъ, и деревянная лошадка на столько же верхковъ выше его, на сколько рослая скаковая лошадь выше взрослога человѣка. Во мнѣ самомъ, отъ самаго моего младенчества, происходила постоянная борьба съ несправедливостію. Я сознавалъ съ того самаго времени, какъ начиналъ дѣпетать, что моя сестра, съ своимъ капризнымъ, своевольнымъ деспотизмомъ, была несправедлива ко мнѣ. Я чувствовалъ глубокое убѣжденіе, что выкармливая меня отъ руки, она не видѣла

права постоянно кормить меня тумакми. Я воспиталъ въ себѣ это убѣжденіе, посреди всѣхъ полученныхъ мною наказаній, немилостей, поста, бдѣній и другихъ исправительныхъ мѣръ, и я приписываю мою застѣнчивость и особенную чувствительность уединенному размышленію надъ этимъ убѣжденіемъ.

Колота ногами въ стѣну и вырывая волосы клочками, я успѣлъ наконецъ успокоить мои оскорбленные чувства, и тогда я пригладилъ рукавомъ мое лицо и вышелъ изъ моего угла. Хлѣбъ и говядина были теперь кстати, а пиво пріятно согрѣло мнѣ внутренность, и я скоро собрался съ духомъ, чтобы посмотреть вокругъ себя.

Да, конечно, это было запустѣлое мѣсто, которому была подѣсть и эта голубятня, на дворѣ пивоварни, которая отъѣтра скривилась на своемъ шестѣ, такъ что голуби, еслибъ еще они водились здѣсь, пожалуй вообразили бы себѣ, среди качки, что они въ открытомъ морѣ. Но въ голубятнѣ не было голубей, точно такъ же, какъ не было лошадей въ конюшнѣ, не было свиней въ хлѣву, не было солоду въ закромахъ, а въ чанахъ и котлахъ даже и не пахло ни хлѣбомъ, ни пивомъ. Съ послѣднею струйкой дыма исчезли запахи и назначеніе пивоварни. Въ сосѣднемъ дворикѣ стояло множество пустыхъ боченковъ, еще сохранившихъ въ себѣ кислое воспоминаніе лучшаго времени, но оно было слишкомъ кисло, нельзя было принять его за обращикъ прежняго пива: въ этомъ отношеніи, боченки вообще были похожи на многихъ несчастныхъ, сидѣвшихъ дома въ заключеніи.

За пивоварней былъ садъ, отгороженный старою стѣною, не слишкомъ высокою, черезъ которую я могъ смотрѣть, и я видѣлъ теперь, что этотъ садъ принадлежалъ къ дому, что онъ весь поросъ негодною травой; но на зеленой муравѣ, была тропинка и были желтыя дорожки, какъ будто кто-нибудь иногда здѣсь гулялъ: мнѣ казалось, что даже и теперь Эстелла уходила по нимъ отъ меня. Но она представлялась мнѣ вездѣ. Когда я уступилъ искушенію и принялся прохаживаться по боченкамъ, я видѣлъ, что она также прохаживалась по нимъ на другомъ концѣ двора. Она была спиною ко мнѣ и держала въ рукахъ свои чудные распущенные волосы, и ни разу не посмотрѣла назадъ, и сейчасъ же исчезла изъ моихъ глазъ. Точно также въ самой пивоварнѣ, гдѣ оставались еще всѣ приборы для варенія пива, когда я вошелъ въ нее и остановился у дверей, пораженный ея мрачностію, оглядываясь кругомъ, я увидѣлъ, Эстелла прошла между потухшими очагами и

поднялась по легкой чугунной лестницѣ и вышла вонъ черезъ верхнюю галерею, какъ будто она отправлялась на небо.

Въ эту минуту и въ этомъ мѣстѣ странное видѣніе поразило мое воображеніе, которое потомъ казалось мнѣ еще страннѣе. Я обратилъ мои глаза, слегка ослѣпленные морознымъ свѣтомъ, на готическую деревянную балку, находившуюся въ углу, недалеко отъ меня, и увидѣлъ на ней повѣшенную фигуру. Эта фигура была вся въ пожелтѣломъ бѣломъ, съ одною ногою въ башмакѣ, и она такъ висѣла, что я могъ различить поблекшія оборки и отдѣлку платья, словно вырѣзанныя изъ бумаги землястаго цвѣта, и лицо какъ у миссъ Гевисамъ, и въ физиономіи ея было замѣтно движеніе, какъ будто она звала меня. Я боялся смотрѣть на эту фигуру, которой за минуту передъ этимъ, я положительно зналъ, не было тутъ, и сначала я побѣжалъ отъ нея; но потомъ я подбѣжалъ къ ней, и ужасъ мой еще болѣе увеличился, когда я послѣ не нашелъ никакой фигуры.

Только морозный свѣтъ яснаго неба, видъ людей, проходившихъ мимо запертой засовами калитки, и подкрѣпляющее вліяніе остатковъ хлѣба и говядины привели меня въ себя. Даже и съ этою помощію я еще не совершенно пришелъ бы въ себя, но вотъ показалась Эстелла съ ключами, чтобы меня выпустить. Еслибъ она подглядѣла, какъ я былъ напуганъ, то она имѣла бы достаточный поводъ смотрѣть на меня свысока.

Проходя мимо, она взглянула на меня съ торжествомъ, какъ будто она радовалась, что у меня были такія грубыя руки и толстыя сапоги, и отворила мнѣ калитку. Я выходилъ, не глядя на нее, но она тронула меня своею рукою.

— Чтò жъ ты не плачешь?

— Не хочу.

— Лжешь, хочешь, сказала она,—ты все плакалъ здѣсь, да и теперь вотъ такъ и распустишь свои нюни.

Она захохотала съ презрѣніемъ, вытолкала меня и заперла за мною калитку. Я отправился прямо къ мистеру Пембльчуку и былъ очень радъ, не найдя его дома. Сказавъ сидѣльцу, въ какой день меня потребуетъ опять миссъ Гевисамъ, я пошелъ пѣшкомъ, за четыре мили, на нашу кузницу, размышляя дорогою обо всемъ, чтò я видѣлъ, и особенно думая глубокую думу о томъ, что я былъ простой мужицкій мальчишка, что руки у меня были грубыя, сапоги толстыя, что у меня

была срамная привычка называть галетовъ хлапами, что я былъ гораздо невѣжественнѣе нежели полагаю еще вчера, и что вообще вся жизнь моя была постыдная.

IX.

Когда я воротился домой, моей сестрѣ было очень любопытно все разузнать про миссъ Гевишамъ, и она закидала меня вопросами. Тяжелые туманы скоро обрушились на мою шею и спину, и меня постыдно повернули носомъ въ стѣну, потому что я не отвѣчалъ съ достаточною подробностію на все вопросы. Причиной моей скрытности прежде всего заключалась въ опасеніи быть непонятымъ, и это опасеніе волновало мое сердце. Я былъ убѣжденъ, что меня бы не поняли, еслибъ я сталъ описывать миссъ Гевишамъ, какъ она представлялась моимъ глазамъ, и хотя она была для меня совершенною загадкой, я вполне вѣрилъ, что съ моей стороны было бы грубою измѣной и предательствомъ выставять ее такъ, какъ она есть, напоказъ передъ мистриссъ Джо. Я не говорю уже про миссъ Эстеллу. Поэтому я разказывалъ какъ можно меньше, и меня повернули лицомъ къ стѣнѣ.

Но хуже всего, что мой старый преслѣдователь Пемблѣчукъ, мучимый любопытствомъ узнать все, что я видѣлъ и слышалъ, пріѣхалъ съ своею одышкой въ кабриолетѣ, чтобы выпытать отъ меня всю подноготную. И одинъ видъ этого страшилища съ его рыбьими глазами, разинутую пастью, песочнаго цвѣта волосами, вопросительно торчавшими, и жилетомъ, раздувшимся отъ арифметическихъ суммъ, еще придавалъ болѣе упрямства моей скрытности.

— Ну, мальчикъ, началъ дядя Пемблѣчукъ, усѣвшись на почетномъ мѣстѣ у огня.—Какъ ты гостилъ тамъ въ городѣ?

— Ничего, такъ себѣ, сэръ, отвѣтилъ я, и сестра моя погрозила мнѣ кулакомъ.

— Ничего, такъ себѣ, повторилъ мистеръ Пемблѣчукъ.— *Ничего такъ себѣ*—не отвѣтъ. Скажи намъ, мальчикъ, что ты разумѣешь, подъ этимъ *ничего такъ себѣ*?

Можетъ-быть известка на лбу закаливаетъ мозгъ до упрямства. Какъ бы то ни было, но съ моимъ выбѣленнымъ лбомъ мое упрямство затвердѣло, какъ камень. Я подумалъ нѣ-

сколько времени и потомъ отвѣтилъ, какъ будто я напалъ на новую мысль.

— Я говорю: такъ себѣ ничего.

Сестра моя вскрикнула отъ нетерпѣнія и готова была накинуться на меня, а обратится мнѣ было некъ кому за защитою: Джо работалъ на кузницѣ; но мистеръ Пембльчукъ вступился на этотъ разъ, говоря:

— Нѣтъ, сударыня, не выходите изъ себя. Дайте мнѣ этого мальчика, дайте его мнѣ.

Мистеръ Пембльчукъ потомъ обратился ко мнѣ съ такимъ уваженіемъ, какъ будто онъ намѣревался остричь мои волосы, и сказалъ:

— Впередъ, чтобы привести наши мысли въ порядокъ, изволь мнѣ отвѣтить, что составитъ сорокъ три пенса?

У меня на языкѣ вертѣлось сказать—четыреста фунтовъ, но я сообразилъ послѣдствія, и увидя, что они были противъ меня, далъ отвѣтъ, по возможности, подходящій, но который разнился, однакоже, пенсовъ на восемь отъ настоящей суммы. Мистеръ Пембльчукъ тогда повторилъ со мною всю пенсовую таблицу, начиная отъ двѣнадцати пенсовъ, составляющихъ шиллингъ, и до сорока пенсовъ, составляющихъ три шиллинга четыре пенса, и потомъ торжественно спросилъ меня, какъ будто онъ вывелъ меня на дорогу:

— Теперь, любезный, что же составитъ сорокъ три пенса?

Послѣ продолжительнаго размышленія, я ему отвѣтилъ: «не знаю.» И я былъ до того раздосадованъ, что я, право, сомнѣваюсь, зналъ ли я точно.

Мистеръ Пембльчукъ принялся работать своею головою словно буравъ, стараясь высверлить изъ меня толковый отвѣтъ, и сказалъ:

— Не составитъ ли сорокъ три пенса, на примѣръ, семи шиллинговъ шести пенсовъ и три фартинга?

— Да, сказалъ я. Сестра дала мнѣ сейчасъ же треуха, но я былъ все-таки очень доволенъ, что его острога не вышла, и онъ принужденъ былъ бросить ариметику.

— Мальчикъ! Какова собою миссъ Гевшамъ? началъ снова мистеръ Пембльчукъ, сложивъ руки плотно на груди, и опять принимаясь пытаться меня.

— Очень высока и смугла, сказалъ я.

— Правда, дядя? спросила моя сестра.

Мистеръ Пембльчукъ кивнулъ головою въ знакъ согласія;

я заключилъ отсюда сейчасъ же, что онъ никогда не видалъ миссъ Гевисамъ, потому что она была вовсе не такая.

— Хорошо! сказалъ мистеръ Пемблчукъ, съ гордостью. — Вотъ, такъ мы съ нимъ справимся! Теперь, я полагаю, сударыня, онъ отъ насъ не отвертится?

— Право, дядюшка, отвѣчала мистриссъ Джо, — желала бы я, чтобъ онъ оставался жить у васъ: вы такъ умѣете обращаться съ нимъ.

— Ну, мальчикъ, что же она дѣлала, когда ты пришелъ къ ней? спросилъ мистеръ Пемблчукъ.

— Она сидѣла, отвѣчала я, — въ черной бархатной каретѣ.

Мистеръ Пемблчукъ и мистриссъ Джо вытаращили глаза другъ на друга, и повторяли:

— Въ черной бархатной каретѣ?

— Да, сказалъ я, — а миссъ Эстелла, ея племянница, какъ я полагаю, подавала ей въ окно кекъ¹ и вино на золотомъ подносѣ. И мы всѣ ѣли кекъ на золотыхъ тарелкахъ. И мнѣ было приказано вѣсть, стоя за каретою.

— Былъ еще кто-нибудь тамъ? спросилъ мистеръ Пемблчукъ.

— Четыре собаки, сказалъ я.

— Большія или маленькія?

— Огромныя, сказалъ я, — и онѣ дрались между собою за телячьи котлеты, которыя имъ бросали изъ серебряной корзинки.

Мистеръ Пемблчукъ и мистриссъ Джо опять посмотрѣли другъ на друга въ совершенномъ удивленіи. Отчаянное безуміе овладѣло мною: я былъ отчаяннѣйшій изъ свидѣтелей, который подъ пыткой готовъ былъ на какое угодно показаніе.

— Но, Боже ты мой, гдѣ же была карета? спросила сестра моя.

— Въ комнатѣ миссъ Гевисамъ.

Тутъ она еще болѣе вытаращила свои глаза.

— Но въ ней не было лошадей, прибавилъ я, для нѣкотораго правдоподобія, отказавшись отъ четверки богато-убранныхъ лошадей, которыхъ было впрягло мое воображеніе.

— Возможно ли это, дядя? спросила мистриссъ Джо. — О чемъ это толкуетъ мальчакъ?

— Я вамъ растолкую, сударыня, сказалъ мистеръ Пемблчукъ. — Я полагаю, это былъ портъ-шазъ. Вы знаете, она не-

¹ Сдобный хлѣбъ, въ родѣ кулича.

шножко тронута, очей тронута, довольно тронута, чтобы целый день проводить въ шортъ-шэвъ.

— Видѣли вы ее когда-нибудь въ немъ? спросила моя сестра.

— Какъ же это возможно? возразилъ онъ, вынужденный къ признанію:—когда я въ жизнь мою ни разу не видалъ ея. Ни разу хоть однимъ глазомъ не взглянулъ на нее!

— Божеская милость, дядя! Да вѣдь вы говорили съ нею?

— Не знаете вы развѣ, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ нетерпѣливо,—что когда я былъ тамъ, она продержала меня у двери: дверь оставалась открытою; она такъ и разговаривала со мной. И не говорите мнѣ, что вы этого не знали, сударыня. Но мальчикъ ходилъ туда играть. Во что же вы играли, мальчикъ?

— Мы играли съ флагами, сказалъ я. (Замѣьте, прошу васъ, читатель, что я и самъ удивляюсь себѣ, припоминая всѣ небывлицы, которыя разказывалъ при этомъ случаѣ.)

— Съ флагами? повторила мнѣ сестра.

— Да, сказалъ я, — Эстелла махала голубымъ флагомъ, я размахивалъ краснымъ, а миссъ Гевишамъ развѣвала изъ окошка флагъ, весь покрытый золотыми звѣздочками. Потомъ мы размахивали саблями и кричали ура.

— Саблями? повторила моя сестра:—да откуда же вы достали сабли?

— Изъ шкафа, сказалъ я,—я видѣлъ въ немъ и пистолеты, и также варенье, пилули. И дневной свѣтъ не проходилъ въ комнату, она была вся освѣщена свѣчами.

— Это справедливо, сударыня, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, важно покачивая головой.—Такъ оно именно есть; я это самъ видѣлъ.

И тутъ они оба вытаращили на меня глаза; но я какъ ни въ чемъ не бывало, съ самымъ невиннымъ выраженіемъ на лицѣ, смотрѣлъ на нихъ и перебиралъ между пальцами правую штанину.

Еслибъ они стали меня еще болѣе спрашивать, то нѣтъ сомнѣнія, я нѣмнилъ бы себѣ. Я готовъ былъ еще сказать имъ, что на дворѣ находился воздушный шаръ; но моя изобрѣтательность не рѣшила окончательно выбора между этою диковиной и медвѣдемъ въ пивоварнѣ. Они были такъ заняты чудесами, которыя я передалъ имъ, что я успѣлъ отдѣлаться. Предметъ этотъ еще занималъ ихъ, когда Джо пришелъ къ чаю, отъ своей работы. Моя сестра, болѣе для того чтобъ об-

легчить свой умъ нежели для его собственнаго удовольствія, разказала ему мои вымышленныя похождения.

Теперь, когда я увидѣлъ, какъ Джо выпучилъ свои голубые глаза, и оглядывалъ кругомъ всю кухню, въ совершенномъ изумленіи, раскаяніе овладѣло мною; мнѣ было совѣстно передъ нимъ, но никакъ не передъ тѣми двумя. Въ отношеніи къ Джо, только къ одному Джо, я считалъ себя чудовищемъ, пока они толковали, какія могутъ быть для меня послѣдствія отъ знакомства и милостей миссъ Гевишамъ. Они не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія, что миссъ Гевишамъ сдѣлаетъ для меня что-нибудь; они раздумывали только, чтò это будетъ такое. Сестра утверждала «что это будетъ капиталъ». Мистеръ Пембльчукъ настаивалъ, что это будетъ щедрая премія для обученія меня какому-нибудь порядочному ремеслу, хоть на примѣръ хлѣбной и сѣменной торговлѣ. Джо возбудилъ страшное негодованіе обоихъ, предложивъ какъ свое мнѣніе, что можетъ-быть мнѣ подарить одну изъ собакъ, которыя дрались за телячьи котлеты.

— Если твоя дурацкая башка умнѣе ничего не придумаетъ, сказала моя сестра,—такъ ступай лучше работать.

И онъ отправился.

Когда мистеръ Пембльчукъ уѣхалъ и моя сестра принялась за стирку, я прокрался въ кузницу къ Джо, и остался съ нимъ, пока онъ не кончилъ работы. Тогда я сказалъ ему:

— Прежде чѣмъ потухнетъ огонь, мнѣ хотѣлось бы вамъ разказать кое-что, Джо.

— Право, такъ? сказалъ Джо, пододвигая свой табуретъ къ горну.—Ну разказывай. Чтò такое, Пипъ?

— Джо, сказалъ я, схватывая его засученный рукавъ рубашки и свертывая его между пальцами,—помните вы все, чтò я говорилъ про миссъ Гевишамъ?

— Помню ли? сказалъ Джо.—Какъ забыть такія чудеса!

— Джо, это ужасно; но все это неправда.

— Чтò ты это говоришь? закричалъ Джо, откидываясь назадъ въ необыкновенномъ изумленіи.—Не хочешь ли ты сказать, что это...

— Да, Джо, все это ложь.

— Но не все же? Помилуй, Пипъ, не станешь же ты увѣрять, что тамъ не было черной бархатной ка...?—Я остановилъ его покачиваніемъ головы.—Но по крайней мѣрѣ, тамъ были собаки, Пипъ, сказалъ Джо убѣдительно.—Положимъ, тамъ не

было телячьи котлеты; но по крайней мѣрѣ, тамъ были собаки?

— Нѣтъ, Джо?

— Ну одна собака? сказалъ Джо.—Одна собачка?

— Нѣтъ, Джо, ничего похожего не было.

Безнадежно я устремилъ мои глаза на Джо; Джо смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, старый дружище! Нѣтъ, это не ходитъ, старый товарищъ! Я тебѣ говорю это! Куда же это ты норовишь?

— Это ужасно, Джо, не такъ ли?

— Да просто, ужасты! закричалъ Джо, — Чтò это на тебя напало?

— И самъ не понимаю, Джо, сказалъ я, выпуская рукавъ его рубашки и садясь въ отчаяніи у его ногъ на золъ, повѣся голову:—но хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы не учили меня называть валетовъ хлапами, чтобы сапоги у меня не были такіе толстые и руки такіа грубыя.

И я разказалъ тутъ Джо, какъ я былъ жалокъ и какъ я не могъ всего объяснить мистриссъ Джо и мистеру Пемблчуку, которые были такъ жестоки со мной, что тамъ была прекрасная молодая барышня, такая гордая; и какъ она сказала, что я простой, обыкновенный мальчишка, и я зналъ это и желалъ быть не такимъ обыкновеннымъ мальчишкой, и какъ ложь ввернулась сама собой, я вовсе этого не понималъ.

Да, это была задача метафизическая, которую было также трудно разрѣшить для Джо, какъ и для меня самого. Но Джо разомъ выдвинулъ ее изъ области метафизической и побѣдилъ такимъ образомъ всѣ трудности.

— Положительно одно, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, Пипъ, сказалъ Джо, послѣ нѣкотораго размышленія, — что ложь есть ложь. Какъ бы ни ввертывалась она, но ей не слѣдъ ввертываться, и напускаетъ ее самъ отецъ джи. И не говори мнѣ про это болѣе, Пипъ. Такъ ты не сдѣлаешься необыкновеннымъ, старый дружище. Да и потомъ, чтò это значитъ быть обыкновеннымъ, право мнѣ это не въ домекъ. Ты и такъ необыкновенный. Ты необыкновенно какъ малъ. Потомъ ты необыкновенный у меня ученый.

— Нѣтъ, я невѣжа, я во всемъ отсталъ, Джо.

— Помилуй, посмотри, какое ты мнѣ вчера письмо настроилъ. Славно отвѣчалъ. Я видѣлъ письма, да еще джентльменскія: побожиться готовъ, далеко имъ отъ печатнаго, сказалъ Джо.

— Я почти ничему не учился, Джо. Вы думаете обо мнѣ много, вотъ и все.

— Пожалуй, Пипъ, сказалъ Джо,—какъ бы тамъ ни было, только сначала ты долженъ быть обыкновеннымъ ученымъ, а потомъ ты можешь сдѣлаться необыкновеннымъ, я полагаю такъ! Король на тронѣ и съ короною на головѣ не можетъ себѣ сидѣть и писать законовъ по печатному, если онъ не началъ съ азбуки, когда былъ еще простымъ принцемъ... А, прибавилъ Джо, покачивая головой очень значительно.—И начиналъ онъ также съ А и добирался потихоньку до Z. Смѣяю я это дѣло, не могу только сказать, какъ оно точно дѣлается.

Въ этомъ мудрствованіи была своего рода надежда, и она ободрила меня.

— Не лучше ли для людей обыкновенныхъ и по ремеслу, и по кошелю, продолжалъ Джо въ раздумьи,—водиться съ такими же обыкновенными людьми нежели ходить играть съ необыкновенными; кстати это напомнило мнѣ спросить тебя про флаги, которые, надѣюсь, были тамъ!

— Нѣтъ, Джо.

— Жаль мнѣ, что тамъ даже не было ни одного флага, Пипъ. Такъ лучше ли это будетъ или нѣтъ, рѣшить теперь не возможно,—не то твоя сестра на стѣну ползетъ, а этого должно избѣгать. Но смотри сюда, вотъ что говоритъ тебѣ твой вѣрный другъ. Это говоритъ тебѣ твой искренній другъ. Если ты не сдѣлаешься необыкновеннымъ человѣкомъ, иди прямою дорогою, такъ не быть тебѣ имъ, если ты пойдешь и кривымъ путемъ. Не будемъ же говорить объ этомъ, Пипъ, поживи хорошо и умрешь хорошо.

— Вы не сердитесь на меня, Джо?

— Нѣтъ, старый дружище. Но я долженъ сказать, это была изумительная, отчаянная небывица—я разумѣю собачью драку и телячьи котлеты, и искренній доброжелатель посовѣтуетъ тебѣ, Пипъ, пораздумать объ этомъ, когда ты пойдешь на верхъ спать. Вотъ что, добрый дружище, и никогда ты этого не дѣлай болѣе.

Когда я отправился въ свою комнатку и читалъ молитвы, я не забылъ совѣта Джо; но мой молодой умъ пребывалъ въ этомъ беспокойномъ и неблагодарномъ состояніи, и въ постелѣ я долго думалъ, какимъ простымъ мужикомъ покажется Джо Эстеллъ. Какіе толстые у него сапоги, какія у него грубыя руки! Я думалъ, что Джо и моя сестра сидѣла теперь

въ кухнѣ, и что я пришелъ сейчасъ также изъ кухни, и что миссъ Гевшамъ и Эстелла никогда не бывали въ кухнѣ, и стояли гораздо выше насъ. Я заснулъ, припоминая, что я дѣлалъ у миссъ Гевшамъ, какъ будто все это случилось нѣсколько недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ будто это былъ предметъ давнихъ воспоминаній, а не сѣгодня только случившееся происшествіе.

Для меня это былъ достопамятный день, который сдѣлалъ во мнѣ большія перемѣны; но то же самое бываетъ со всякою жизнью. Выбросьте изъ нея одинъ какой-нибудь избранный день и потомъ представьте себѣ, какъ бы развилась она иначе: остановитесь, читатель, и подумайте на минуту, какая длинная цѣпь, желѣзная или золотая, какая гирлянда цвѣтовъ или терніевъ не вплелась бы въ вашу жизнь, еслибы не ввернулось въ нее первое звено, въ одинъ какой-нибудь достопамятный день.

Х.

День или два спустя, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, что первымъ средствомъ для выхода изъ моего *обыкновеннаго* состоянія я долженъ былъ перенять у Биди все, что она знала. Преслѣдуя эту блистательную мысль, я объявилъ Биди въ тотъ же вечеръ, когда пришелъ къ бабкѣ мистера Вопсла, что имѣю особенный поводъ желать подвинуться въ жизни и что я буду ей очень обязанъ, если она передастъ мнѣ всю свою ученость. Биди была необыкновенно обязательная дѣвочка, сейчасъ же сказала, что она это сдѣлаетъ, и въ самомъ дѣлѣ черезъ пять минутъ принялась за исполненіе своего обѣщанія.

Программа воспитанія, принятая бабкою мистера Вопсла, можетъ быть передана въ немногихъ словахъ. Ученики ѣли яблоки и совали другъ другу за спину солому, пока, бывало бабка мистера Вопсла не соберетъ всей своей энергіи и не примется хлестать розгами всѣхъ безъ разбора. Получивъ порцію, ученики выстраивались въ рядъ и съ шумомъ передавали изъ рукъ въ руки взорванную книгу. Въ этой книгѣ когда-то была азбука, цифры, табличка умноженія и сложенія и склады; тутъ старуха впадала снова въ усыпленіе, и ученики принимались испытывать сапоги другъ у друга съ цѣлью опредѣ-

лить, чей сапогъ больнѣ давилъ пальцы своего товарища. Это умственное упражненіе продолжалось, пока на нихъ не накидывалась Биди, которая приносила теперь три истертыхъ библіи (неуклюжаго формата, на подобіе какихъ-то обрубковъ), неразборчиво напечатанныя, какъ самая рѣдкая инкунабула, покрытыя плѣсенью, съ обрѣзками различныхъ насѣкомыхъ, раздавленныхъ между страницами. Эта часть курса обыкновенно разнообразилась схватками Биди, съ мятежными учениками. Когда драки оканчивались, Биди называла страницу, и тогда мы читали страшнымъ хоромъ все что могли и чего даже не разбирали. Звонкій, однообразный голосъ Биди слышался первый, и ни одинъ изъ насъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ читалъ. Послѣ нѣкотораго времени этотъ страшный трезвонъ пробуждалъ бабу мистера Вопсля, которая, шатаясь, подходила къ ближайшему мальчику и драла его за уши; это было знакомъ къ окончанію вечернихъ занятій, и мы выходили на улицу, оглашая воздухъ криками умственной побѣды. Должно отдать справедливость, что ни одному ученику не запрещалось забавляться съ аспидною доской или даже съ чернилами (если попадались они подъ руку); только не было возможности заниматься этою отраслью знанія въ зимнее время, потому что маленькая лавка, служившая класною комнатою и также гостиною и спальнею бабу мистера Вопсля, едва освѣщалась грустною сальной свѣчкой, къ которой никогда не приближались щипцы.

Я видѣлъ, что при такихъ обстоятельствахъ скоро не попадешь въ необыкновенные люди, но я рѣшился попытаться; и въ тотъ же самый вечеръ Биди принялась за исполненіе заключеннаго нами условія; она сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ своего маленькаго прейсъ-куранта, именно о сахарномъ пескѣ, и дала мнѣ также домой для копированья очень фигурную букву Д, которую она списала съ заглавія газеты и которую я принялъ было сначала за рисунокъ пряжки.

Въ нашей деревнѣ, разумѣется, былъ кабачокъ, и разумѣется Джо охотно покуривалъ тамъ иногда свою трубку. Въ этотъ вечеръ сестра настрого приказала мнѣ зайти за нимъ къ *Тремъ Веселымъ Лодочникамъ*, какъ называлось заведеніе, когда я буду возвращаться изъ школы, и привести его домой. Итакъ я направилъ мои шаги къ *Тремъ Веселымъ Лодочникамъ*.

Въ кабакъ была стойка; и на стѣнѣ возлѣ двери находились безконечныя ряды счетовъ, записанныхъ мѣломъ, кото-

рые, мнѣ казалось, никогда не уплачивались. Здѣсь они были съ тѣхъ поръ какъ я запомню и росли гораздо скорѣе меня. Но въ нашей сторонѣ было также вдоволь мѣлу, и можетъ-быть люди не упускали случая дѣлать изъ него при-быльное употребленіе.

Это было въ субботу вечеромъ; я замѣтилъ, хозяинъ посматривалъ довольно сурово на эти записи; но у меня было дѣло до Джо, а не до него, и поэтому пожелавъ ему только добраго вечера, я прошелъ въ общую комнату, находившуюся на другомъ концѣ корридора, гдѣ горѣлъ свѣтлый огонь, и Джо курилъ трубку въ обществѣ мистера Воесла и какого-то незнакомца. Джо привѣтствовалъ меня по обыкновенію словами: —А! Пишъ, старый дружище! и въ ту же минуту какъ онъ сказалъ это, незнакомецъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на меня.

Это былъ человѣкъ съ таинственнымъ взглядомъ, котораго я никогда прежде не видалъ. Голова его совершенно свѣсилась на одну сторону, одинъ глазъ его былъ на половину закрытъ, какъ будто онъ во что-нибудь прицѣливался не видимымъ ружьемъ. Онъ держалъ трубку въ зубахъ и вынулъ ее изъ рта, медленно выпустилъ весь дымъ; потомъ онъ все продолжалъ смотрѣть на меня, и кивнулъ мнѣ головой. Я ему также поклонился, онъ еще разъ кивнулъ мнѣ, и очистилъ для меня мѣсто на скамейкѣ возлѣ себя.

Но я обыкновенно садился около Джо, когда я заходилъ въ это заведеніе, и сказавъ: «нѣтъ, благодарю васъ, сэръ», усѣлся на противоположной скамейкѣ возлѣ Джо. Незнакомецъ взглянулъ на него и замѣтивъ, что тотъ не обращалъ на него вниманія, кивнулъ мнѣ опять головой, когда я занялъ мое мѣсто, и потомъ потеръ свою ногу, мнѣ показалось, какъ-то очень странно.

— Такъ, вы говорили, сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ Джо,—что вы кузнецъ.

— Да, вы знаете, я говорилъ это, сказалъ Джо.

— Чего бы намъ такого выпить, мистеръ..? Вы не назвали вашего имени, между прочимъ.

Джо объявилъ его теперь, и незнакомецъ назвалъ его по имени.

— Чего вамъ будетъ угодно выпить въ заключеніе, мистеръ Гарджери? На мой счетъ, разумѣется.

— Сказать, по правдѣ, отвѣчалъ Джо,—у меня нѣтъ въ обыкновеніи пить на чей-нибудь счетъ.

— Въ обыкновеніи? Пожалуй, возразилъ незнакомецъ,—на одинъ разъ, какъ исключеніе, куда не шло для субботняго вечера. Полно упираться, мистеръ Гарджери! Назовите вещь по имени.

— Не хочу быть несговорчивымъ собесѣдникомъ, сказалъ Джо,—такъ и быть—рому.

— Рому, повторилъ незнакомецъ,—а не угодно ли другому джентльмену объявить свое желаніе?

— Рому, сказалъ мистеръ Вопсль.

— Три рома! закричалъ незнакомецъ хозяину.

— Этотъ джентльменъ, замѣтилъ Джо, какъ бы рекомендуя мистера Вопсля, — этотъ джентльменъ, котораго желаніе вы хотѣли также знать, дьячокъ нашей церкви.

— А! сказалъ незнакомецъ, поспѣшно прицѣливаясь глазомъ на меня,—въ той церкви, чтѣ подымается одиноко, у болота между могилъ!

— Именно такъ, сказалъ Джо.

Незнакомецъ крякнулъ предовольно надъ своею трубкой, и протянулъ ноги на скамьѣ, которой онъ былъ теперь полнымъ хозяиномъ. На немъ была широкополая дорожная шляпа, и голова его была повязана платкомъ, такъ что волосъ было вовсе не видно. Когда онъ посматривалъ на огонь, мнѣ казалось, я замѣчалъ на его лицѣ хитрое выраженіе, сопровождавшееся улыбкой.

— Мнѣ эта сторона незнакома, джентльмены; но тамъ къ рѣкѣ, я полагаю, совершенная пустыня.

— Да, на болотѣ, почти совершенная дичь, сказалъ Джо.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія. Попадаются у васъ тамъ цыгане и всякіе бродяги?

— Нѣтъ, сказалъ Джо,—иногда только зайдетъ туда какой-нибудь бѣглый каторжникъ и не легко бываетъ найти его. Не такъ ли, мистеръ Вопсль?

Мистеръ Вопсль, припоминая наше давнишнее похождение, великодушно согласился, но довольно холодно.

— А вы кажется охотились за такою дичью? спросилъ незнакомецъ.

— Да, разъ, отвѣчалъ Джо.—Не то, чтобы мы хотѣли изловить ихъ, понимаете, но мы ходили только какъ зрители: я, мистеръ Вопсль и Пипъ. Помнишь, Пипъ?

— Да, Джо.

Незнакомецъ посмотрѣлъ на меня снова, прищуривая глазъ, какъ будто онъ прицѣливался въ меня своимъ невидимымъ ружьемъ, и сказалъ:

— Изъ этого сухопараго мальчугана будетъ прокъ. Какъ его зовутъ?

— Пипъ, сказалъ Джо.

— Такъ его и окрестили?

— Нѣтъ.

— Что же, это его прозвище?

— Нѣтъ, сказалъ Джо, — мы такъ зовемъ его въ семьѣ; онъ самъ себѣ далъ это имя, когда еще былъ малюткой; такъ оно за нимъ и осталось.

— Онъ вашъ сынъ?

— Ну, сказалъ Джо, въ размышленіи, хотя тутъ не было ни какой необходимости размышлять, но въ *Трехъ Веселыхъ Лодочникахъ* было принято глубоко обдумывать каждую матерію, которая обсуждалась за трубкою. — Ну, нѣтъ. Онъ мнѣ не сынъ.

— Племянникъ, сказалъ незнакомецъ.

— Ну, сказалъ Джо, погрузившись, повидимому, опять въ глубокую думу. — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу васъ обманывать: онъ мнѣ и не племянникъ.

— Громъ и молнія! такъ что же онъ такое? спросилъ незнакомецъ.

Мнѣ показалось, это былъ уже слишкомъ энергическій вопросъ.

Мистеръ Веспель вмѣшался тутъ, какъ человекъ, знавшій родство цѣлаго прихода, и обязанный помнить, въ какихъ степеняхъ родства дозволяется бракъ, объяснилъ узы, связывающія меня и Джо. Мистеръ Веспель заключилъ необыкновенно шипящимъ пассажемъ изъ Ричарда III, прибавивъ отъ себя, въ видѣ оправданія своей цитациі: «Какъ выражается поэтъ.»

И здѣсь я могу замѣтить также, что мистеръ Веспель, всякій разъ относясь ко мнѣ, ерошилъ мои волосы и тыкалъ мнѣ въ глаза. Не могу понять, почему всѣ люди его положенія, бывавшіе у насъ въ домѣ, подвергали меня тому же раздражительному процессу при подобныхъ обстоятельствахъ; но я припоминаю себѣ, что при каждомъ случаѣ, когда въ нашемъ

сѣмейномъ кругу разговоръ обращался на меня, какой-нибудь широколапый мужчина подвергалъ меня въ видѣ поощренія такой операци.

Все это время незнакомецъ смотрѣлъ на меня и смотрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ рѣшился наконецъ меня подстрѣлить. Но послѣ своего энергическаго воззванія къ молніи и грому, онъ не говорилъ ни слова, пока не принесли рома и воды, и тогда онъ далъ по мнѣ одинъ необыкновенный выстрѣлъ.

Это не было словесное замѣчаніе; это была мимика, обратившаяся прямо ко мнѣ. Онъ размѣшивалъ ромъ съ водою прямо на мой счетъ и на мой счетъ отвѣдывалъ именно эту смѣсь; онъ и мѣшалъ и отвѣдывалъ не ложкою, которою ему подали, а *напилкомъ*.

Онъ это сдѣлалъ такъ, что никто кромѣ меня не замѣтилъ напилка; потомъ онъ вытеръ его и спряталъ въ боковой карманъ. Я узналъ, что это былъ напилкъ Джо; и я видѣлъ, что незнакомецъ догадался сейчасъ, что я призналъ разомъ моего каторжника по этому инструменту. Я сидѣлъ, уставя на него глаза, словно обойденный, но онъ развалился на своей скамьѣ, не обращая на меня вниманія и толкуя преимущественно про рѣку.

Каждую субботу вечеромъ въ нашей деревнѣ происходила всеобщая чистка и мытье, и Джо поэтому осмѣливался по субботамъ оставаться полчаса долѣе обыкновеннаго. Полчаса прошли, и ромъ съ водою былъ поконченъ; Джо всталъ, чтобы уйдти, и взялъ меня за руку.

— Пойдите на секунду, мистеръ Гарджер, сказалъ незнакомецъ.— Кажется, у меня есть въ карманѣ новенькій шиллингъ; я его дамъ мальчику, если найду.

Онъ выбралъ его изъ горсти мелочи, завернулъ его въ какую-то скомканную бумажку, и подаль мнѣ его.

— Это твой, сказалъ онъ,— помни же, твой собственный.

Я его поблагодарилъ, уставя на него глаза до неприличія, и держась крѣпко за Джо. Онъ пожелалъ Джо доброй ночи, пожелалъ также доброй ночи мистеру Вопсю (который вышелъ съ нами) и бросилъ на меня одинъ взглядъ своимъ вѣчно-цѣлящимся глазомъ; пожалуй не взглядъ, потому что глазъ былъ закрытъ; но какое выраженіе можно придать глазу, закрывая его?

Возвращаясь домой, еслибъ у меня и была охота поболтать,

то мнѣ пришлось бы ораторствовать одному, потому что мистеръ Воцель разстался съ нами у дверей «Веселыхъ Лодочниковъ», а Джо всю дорогу шелъ съ открытымъ ртомъ, чтобы по возможности освѣжить свое дыханіе послѣ рома. Но я былъ такъ ошеломленъ появленіемъ стараго знакомаго, что не могъ ни о чемъ другомъ думать.

Сестра моя была не въ слишкомъ дурномъ расположеніи духа, когда мы явились въ кухню. Джо еще былъ ободренъ этимъ необыкновеннымъ обстоятельствомъ и разказалъ ей исторію про новенькій шиллингъ.

— Фальшивый, навѣрное, отвѣчаю, сказала мистриссъ Джо торжественно, — иначе онъ не далъ бы его мальчику!.. Дай-ка мнѣ взглянуть на него.

Я вынулъ его изъ бумаги; оказалось, что это былъ не фальшивый шиллингъ.

— Но, что это? сказала мистриссъ Джо, бросая шиллингъ и схватывая бумажку. — Два фунтовые билета?

Да это были два жирные, замасленные, одно фунтовые билеты, которые, повидимому, прежде были въ самой горячей дружбѣ со всѣми скотными рынками въ графствѣ. Джо схватился за шляпу и побѣжалъ съ ними къ «Веселымъ Лодочникамъ», чтобы возвратить ихъ хозяину. Пока онъ ходилъ, я съѣлъ на мое обыкновенное мѣсто и смотрѣлъ безсмысленно на мою сестру, въ полной увѣренности, что этого человѣка уже не застанутъ тамъ.

Джо вскорѣ вернулся, говоря, что человѣкъ ушелъ, но что онъ повѣстилъ у «Трехъ Веселыхъ Лодочникахъ» про эти билеты. Сестра моя запечатала ихъ въ бумагу и положила въ чайницу подъ сушеные розовыя листья, которая стояла въ парадной гостиной. Здѣсь оставались они, преслѣдуя меня, какъ привидѣніе, многіе дни и ночи.

Я не могъ спать, когда я легъ въ постель, постоянно думая о незнакомцѣ, цѣлившемся въ меня изъ невидимаго ружья, и размышляя, какое я былъ преступное, низкое созданіе, находившееся въ тайныхъ сношеніяхъ съ каторжниками. Я почти было позабылъ этотъ случай изъ моей презрѣнной жизни. Меня также преслѣдовалъ напилоть. Я боялся, что онъ вотъ такъ и явится, когда я могъ всего менѣе ожидать этого. Я убаюкивалъ себя мечтаніями о миссъ Гевишамъ, о наступающей середѣ; но во снѣ мнѣ чудилось, что напилоть показывался въ двери; я не видалъ, кто держалъ его, — и заревѣлъ такъ, что проснулся.

XI.

Въ назначенное время я явился къ миссъ Гевисамъ, и на мой трепещущій звонокъ вышла къ калиткѣ Эстелла. Она заперла ее, впустивъ меня, какъ въ послѣдній разъ, и опять повела меня въ темный корридоръ, гдѣ стояла ея свѣча. Она не обратила на меня никакого вниманія, пока не взяла свѣчки въ руку; тутъ она взглянула на меня изъ-за плеча, и сказала надменно: «Сегодня я проведу тебя другою дорогой», и я послѣдовалъ за нею въ совершенно-другую часть дома.

Мы отправились черезъ длинный корридоръ, который, по-видимому, проходилъ кругомъ всего подвального этажа «Помѣщичьяго Дома». Мы прошли однакоже только часть его; Эстелла остановилась, поставила на полъ свѣчу и отворила дверь. Мы вышли теперь на свѣтъ и очутились на маленькомъ вымощенномъ дворикѣ, на противоположной сторонѣ котораго находилось отдѣльное жильѣ, которое по-видимому было нѣкогда занимаемо главнымъ управляющимъ прежней пивоварни. На наружной стѣнѣ этого дома находились часы. Подобно часамъ, въ комнатѣ миссъ Гевисамъ, они также стояли на половинѣ десятиаго.

Мы вошли черезъ открытую дверь въ мрачную комнату, съ низкимъ потолкомъ, находившуюся въ нижнемъ этажѣ. Въ комнатѣ были гости, и Эстелла присоединилась къ нимъ, сказавъ мнѣ:

— Ступай туда, мальчикъ, и дождайся тамъ, пока тебя не позовутъ.

Она указала мнѣ на окно, и къ окну я отправился и сталъ у него, посматривая наружу, въ очень неспокойномъ расположеніи духа.

Окно открывалось до самаго пола и выходило въ самый жалкій уголъ запущеннаго сада; изъ него была видна разоренная гряда капустныхъ кочерыжекъ и одинокое буксовое дерево, много лѣтъ тому назадъ обстриженное въ формѣ пуддинга, которое разрослось на верху, пустивъ вѣтки совершенно другаго цвѣта, обезобразившія первоначальную фор-

му, какъ будто эта часть пуддинга вылезла изъ костря и подгорѣла. Таковы были мои смиренныя мысли, когда я смотрѣлъ на это буксовое дерево. Ночью выпалъ снѣжокъ; онъ вездѣ успѣлъ сойти, сколько я помню; но онъ не растаялъ еще въ холодной тѣни этого садика, и вѣтеръ игралъ имъ, подбрасывая его къ окошку, какъ будто въ неудовольствіи на меня, зачѣмъ я пришелъ сюда.

Я догадался, что мой приходъ помѣшалъ разговору, и что присутствующіе въ комнатѣ смотрѣли на меня. Я только могъ видѣть въ комнатѣ отраженіе огня камина въ стекла окна; но всѣ мои суставы напряглись отъ совершенной увѣренности, что на мнѣ было сосредоточено вниманіе всѣхъ.

Въ комнатѣ были три леди и одинъ джентльменъ. Послѣ первыхъ же пяти минутъ, которыя я простоялъ у окна, не знаю почему мнѣ пришло въ голову, что всѣ они были подлипали и надували; но что каждый изъ нихъ прикидывался, будто онъ этого не замѣчаетъ въ другихъ, потому что такое предположеніе заставило бы его самого сознаться, что онъ самъ также подлипало и надувало.

Всѣ они какъ будто ожидали тоскливо чьихъ-то приказаній; и самая разговорчивая леди принуждена была говорить, поджавъ губы, чтобы скрыть зѣвокъ. Эта леди, по имени Камилла, очень напоминала мнѣ мою сестру, съ тою только разницею, что она была старше, и черты ея (какъ я успѣлъ подсмотреть) были аляповатѣе. Когда я разсмотрѣлъ её лучше, я думалъ про себя: еще славу Богу, что были какія-нибудь черты на ея лицѣ, совершенно-гладкомъ какъ ровная доска.

— Бѣдное твореніе! сказала эта леди отрывисто, совершенно какъ моя сестра.—Само себѣ врагъ!

— Ужъ лучше быть чѣмъ-нибудь врагомъ, сказалъ джентльменъ,—это по крайней мѣрѣ естественнѣе.

— Братецъ Джонъ, замѣтила другая леди,—мы должны любить нашихъ ближнихъ.

— Сара Покетъ, отвѣтилъ братецъ Джонъ,—кто же всего ближе къ человѣку, какъ не самъ онъ?

Миссъ Покетъ засмѣялась. Камилла также засмѣялась, и сказала, задерживая зѣвокъ:

— Вотъ идея!

Но мнѣ казалось, что эта идея пришла имъ также по вкусу. Другая леди, не выговорившая еще ни одного слова, сказала важно и особенно выразительно:

— *Очень справедливо!*

— Бѣдное твореніе! продолжала Камила (я чувствовалъ, что все это время она смотрѣла на меня):— онъ такой странный! Повѣрить ли кто-нибудь, когда умерла жена Тома, его невозможно было убѣдить, что дѣти непременно должны носить широкія плерезы? Боже мой, говорилъ онъ,—ну большая важность, Камила, были бы сироты только въ черномъ. Какъ это похоже на Матью! Вотъ идея!

— Въ немъ есть хорошія черты, хорошія черты, сказалъ братецъ Джонъ.—Упаси Богъ, чтобъ я не признавалъ въ немъ добрыхъ качествъ. Но онъ никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія о приличіяхъ.

— Вы знаете, я была принуждена, сказала Камила,—я была принуждена настоять. Я объявила, что это невозможно для чести цѣлой фамиліи; я сказала ему, что безъ широкихъ плерезовъ, фамилія будетъ обезславлена; я плакала отъ завтрака до обѣда, я испортила мое пищевареніе. И наконецъ онъ вышелъ изъ себя и сказалъ съ проклятіемъ: такъ дѣлайте, какъ хотите. И я отправилась сейчасъ же, въ проливной дождь, и закупила все. Это будетъ по крайней мѣрѣ для меня утѣшеніемъ, благодареніе Богу.

— А заплатилъ онъ? спросила Эстелла.

— Не объ этомъ дѣло, милое дитя, кто бы ни заплатилъ, отвѣчала Камила.—Я купила, и часто я буду спокойно объ этомъ думать, просыпаясь ночью.

Звонъ отдаленнаго колокольчика и крикъ или зовъ, доходившій вдоль корридора, прервалъ бесѣду, и Эстелла сказала мнѣ:

— Ну, мальчикъ, это за тобой.

Я обернулся и увидалъ, что онъ всѣ смотрѣли на меня съ необыкновеннымъ презрѣніемъ; и когда я уходилъ, я слышалъ, Сара Покетъ сказала:

— Ну, право! Только что еще будетъ дальше?

И Камила прибавила съ негодованіемъ:

— Ну виданъ ли такой капризъ? Вотъ и д-е-я!

Когда мы шли по корридору, Эстелла вдругъ остановилась, и, обернувшись, сказала мнѣ своимъ надменнымъ тономъ:

— Ну?

— Ну, миссъ? отвѣчалъ я, почти падая на нее и едва удерживаясь.

Она стояла, глядя на меня, и конечно я стоялъ, также глядя на нее.

— Хороша я?

— Да; я нахожу, вы очень хороши.

— Дерзка я?

— Не такъ, какъ въ послѣдній разъ, сказалъ я.

— Не такъ?

— Нѣтъ.

Она вспыхнула, дѣлая мнѣ послѣдній вопросъ, и ударила меня по щекѣ изо всей силы, когда я отвѣтилъ ей.

— Ну, грубиянъ, уродъ, сказала она,—теперь что ты думаешь обо мнѣ?

— Я не скажу вамъ.

— Потому что ты расскажешь наверху, не такъ ли?

— Нѣтъ, сказалъ я,—не потому.

— Отчего ты опять не плачешь, эдакая тварь?

— Отъ васъ-то ужъ я никогда не стану плакать, сказалъ я.

Я полагаю, это была самая безстыдная ложь съ моей стороны, потому что я и тогда внутренно плакалъ отъ нея, и хорошо знаю, сколько слезъ она мнѣ стоила потомъ.

Послѣ этого эпизода, мы пошли нашею дорогою наверхъ; и, подымаясь по лѣстницѣ, встрѣтили одного джентльмена, ощупью пробирававшегося внизъ.

— Кто это съ вами? спросилъ джентльменъ, останавливаясь и смотря на меня.

— Мальчикъ, сказала Эстелла.

Это былъ рослый мужчина, чрезвычайно-смуглый, съ чрезвычайно-большою головою и руками соответствующей величины; онъ взялъ меня своею огромною рукою за подбородокъ и повернулъ мое лицо, чтобы рассмотреть его при свѣчкѣ. Онъ былъ преждевременно плѣшивъ на маковкѣ, и его густыя черныя брови не прилегали гладко, но стояли торчкомъ, щетиною. Глаза его сидѣли глубоко въ своихъ впадинахъ и имѣли непріятное, недовѣрчивое выраженіе. У него была массивная часовая цѣпь, и черныя пятна на бородѣ и щекахъ обозначали мѣсто, гдѣ слѣдовало расти волосамъ. Онъ мнѣ былъ совершенно чужой, и тогда я не могъ еще предвидѣть, что судьба сведетъ насъ; но я имѣлъ случай теперь хорошо рассмотреть его.

— Мальчикъ изъ здѣшняго околотка? Э? сказалъ онъ.

— Точно такъ, сэръ, сказалъ я.

— Какъ ты сюда попалъ?

— Миссъ Гевичамъ прислала за мною, отвѣчалъ я.

— Хорошо. Веди же себя порядочно. Я знаю хорошо мальчишекъ, всѣ вы негодяи. Смотри у меня, сказалъ онъ, кусая большой палецъ съ боку и наморщивая брови:—веди себя порядочно!

Съ этими словами, онъ меня отпустилъ, и я былъ этому очень доволенъ, потому что его рука пахла душистымъ мыломъ, и отправился своею дорогою внизъ. Я подумалъ, не былъ ли онъ докторъ? Но нѣтъ, это не могъ быть докторъ; у доктора манеры спокойнѣе и убѣдительнѣе. Мнѣ не было, однакоже, времени размышлять объ этомъ предметѣ, потому что мы сейчасъ же вошли въ комнату миссъ Гевишамъ, гдѣ я нашелъ ее и всѣ вещи въ совершенно томъ же положеніи, какъ я оставилъ ихъ. Эстелла оставила меня у дверей, и тутъ я стоялъ, пока миссъ Гевишамъ не взглянула на меня.

— Такъ! сказала она безъ малѣйшаго изумленія:—дни проходятъ, не правда ли.

— Да, сударыня, сегодня...

— Опять, опять, опять, сказала она съ нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ.—Я не хочу знать. Что сегодня готовъ ты играть?

Я принужденъ былъ отвѣтить съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Не думаю, сударыня.

— Ну въ карты? спросила она, съ испытующимъ взглядомъ.

— Да, сударыня, это я могу, если прикажете.

— Если этотъ домъ тебѣ кажется слишкомъ старъ и печаленъ, сказала миссъ Гевишамъ нетерпѣливо, — а ты мальчишкѣ не хочешь здѣсь играть, то не согласишься ли ты лучше работать?

На этотъ вопросъ мнѣ было легче отвѣтить, и я сказалъ, что совершенно готовъ.

— Поди же въ комнату напротивъ, сказала она, указывая своею изсохшею рукою на дверь, находившуюся позади меня,— и жди тамъ меня.

Я прошелъ, черезъ площадку, въ указанную мнѣ комнату. Дневной свѣтъ также въ нее не проходилъ, и она была проникнута безвоздушнымъ запахомъ, который давилъ меня. Въ сыромъ, старинномъ каминѣ, былъ только-что разведенъ огонь, который казалось былъ болѣе расположенъ потухнуть нежели горѣть; и упрямый дымъ, висѣвшій въ комнатѣ, вѣялъ еще сильнѣйшимъ холодомъ нежели чистый воздухъ, подобно нашему

болотному туману. Свѣчи, стоявшія на высокомъ каминѣ, слабо освѣщали комнату, или справедливѣе было бы сказать, что онѣ слабо возмущали наполнявшій ее мракъ. Это была обширная комната, и нѣкогда очень великолѣпная, я полагаю; но всѣ видимые въ ней предметы были покрыты пылью, плѣсенью, разваливались. Самымъ виднымъ предметомъ представлялся длинный столъ, покрытый скатертью, какъ будто готовился пиръ, когда все въ домѣ остановилось. По серединѣ скатерти стоялъ подносъ; онъ былъ такъ тяжело завѣшенъ паутиною, что невозможно было совершенно различить его формы. Онъ подымался, я помню, словно черный фунгусъ, посреди желтой поверхности, и я видѣлъ огромные пятноватые пауки бѣгали по немъ съ необыкновенною живостью, какъ будто случилось какое-нибудь чрезвычайное происшествіе въ ихъ общинѣ.

Я слышалъ также, какъ мыши скреблись за панелями, какъ будто происходило что-нибудь особенно важное для ихъ интересовъ. Но тараканы не обращали вниманія на всю эту суматоху и пробирались около камина старческою тяжелой походкой, какъ будто они были близоруки, глухи, и жили въ несовершенно хорошихъ отношеніяхъ между собою.

Эти ползающія твари увлекали мое вниманіе; и я наблюдалъ ихъ издали, когда миссъ Гевисамъ положила свою руку мнѣ на плечо. Въ другой рукѣ она держала костыль, на который она опиралась. Она смотрѣла коздуней.

— Вотъ, сказала она, указывая костылемъ на длинный столъ, —гдѣ меня положить, когда я умру. Они всѣ придутъ сюда взглянуть на меня.

У меня было неясное сознаніе, что вотъ она такъ и ляжетъ на столъ и сейчасъ же умретъ, окончательно осуществляя восковую фигуру, мною видѣнную на ярмаркѣ; и я сжался отъ ея прикосновенія.

— Чтѣ это такое, ты думаешь? спросила она меня, опять указывая своимъ костылемъ:—это, завѣшенное все паутиною?

— Не могу угадать, чтѣ это такое, сударыня.

— Это большой куличъ; свадебный куличъ мой ¹!

Она окинула сердитымъ взглядомъ комнату и потомъ сказала опираясь на меня и защищая рукою мое плечо.

— Ступай, ступай, ступай! Веди меня, веди!

¹ *Сакс*, куличъ, залитый сахаромъ, составляетъ въ Англии необходимую принадлежность и украшеніе свадебнаго завтрака.

Я заключилъ отсюда, что моя работа должна заключаться въ томъ, что я буду водить миссъ Гевишамъ вокругъ комнаты. И я разомъ принялся за новое дѣло; она опиралась на мое плечо, и мы полетѣли рысью, какъ кобыла мистера Пемблчука.

Миссъ Гевишамъ была вовсе не сильна, и послѣ нѣкотораго времени она сказала: «тише». Но мы все продолжали двигаться съ нетерпѣливою, порывистою быстротой. Она вертѣла рукой мое плечо и шевелила губами, и мнѣ казалось, что мы шли скоро, потому, что ея мысли работали скоро.

Минуту спустя, она сказала: «позови Эстеллу!» Я вышелъ на площадку и прокричалъ это имя, какъ я это сдѣлалъ въ прежній разъ. Когда свѣтъ показался, я вернулся къ миссъ Гевишамъ, и мы снова пустились кругомъ комнаты.

Будь только одна Эстелла свидѣтелемъ нашихъ штукъ, я и тогда былъ бы достаточно сконфуженъ; но она еще привела съ собою трехъ дамъ и джентльмена, которыхъ я видѣлъ внизу, и я рѣшительно не зналъ что дѣлать. Чувство вѣжливости говорило мнѣ, чтобъ я остановился; но миссъ Гевишамъ завертѣла мое плечо и мы полетѣли какъ на почтовыхъ. Я вполне сознавалъ съ моей стороны, что они подумаютъ, будто это все мое дѣло.

— Милая миссъ Гевишамъ, сказала миссъ Сара Покетъ, — какъ вы поправились!

— Не правда, отвѣтила миссъ Гевишамъ, — я вся желтая, у меня кожа да кости.

Камилла повеселѣла, когда оборвали миссъ Покетъ, и она прошептала жадостливо, смотря на миссъ Гевишамъ.

— Бѣдная добрая душа! Конечно, и ожидать нельзя, чтобъ она поправилась, бѣдная моя, бѣдная. Вотъ идея!

— Какъ вы поживаете? сказала миссъ Гевишамъ Камиллѣ. — Мы были тогда возлѣ нея, и разумѣется, я хотѣлъ остановиться; но миссъ Гевишамъ вовсе этого не желала. Мы пронеслись мимо; и я чувствовалъ, что я былъ въ высшей степени непріятель Камиллѣ.

— Благодарю васъ, миссъ Гевишамъ, отвѣтила она. — Я здорова, на сколько это возможно.

— Что же съ вами? спросила миссъ Гевишамъ, съ чрезвычайною жесткостью.

— Ничего особеннаго, о чемъ бы стоило много распространяться, отвѣчала Камилла. — Я не хочу показывать моихъ

чувствъ, но я обыкновенно слишкомъ много думаю о васъ ночью; мнѣ это не подь силу.

— Такъ не думайте обо мнѣ, возразила миссъ Гевшамъ.

— Это легко говорить, замѣтила Камила, любезно задерживая свои рыданія, между тѣмъ какъ верхняя губа ея оттопыривалась, и слезы текли.—Раймондъ свидѣтель, какое огромное количество инбирю и спирта я принуждена принимать каждый вечеръ. Раймондъ свидѣтель, какія у меня въ ногахъ нервныя судороги. Спазмы и судороги, однакоже, для меня не новость, когда я заботливо думаю о тѣхъ, кого я люблю. Не будь у меня такое любящее и чувствительное сердце, у меня было бы пищевареніе лучше и желѣзные нервы. Конечно я желала бы, чтобъ я была не такова. Но не думать о васъ ночью! Вотъ идея!

И она залилась слезами.

Раймондъ, къ которому она относилась, я заключилъ, былъ присутствующій джентльменъ, и я заключилъ также, что это былъ мистеръ Камила. Онъ явился теперь на выручку и сказалъ утѣшительнымъ тономъ:

— Милая Камила, всѣ очень хорошо знаютъ, какъ ваши родственныя чувства до того подтачиваютъ васъ, что у васъ даже одна нога короче другой.

— Я не подозрѣвала, милая, замѣтила важная леди, которой голосъ я слышала только разъ,—что думая о человѣкѣ, мы объявляемъ на него особенныя права.

Миссъ Сара Покетъ, которая теперь, я видѣлъ, была маленькая, сухая, смуглая, вся искривленная старушонка, съ маленькимъ лицомъ, словно вырѣзаннымъ изъ орѣховой скорлупы, и огромнымъ ртомъ, какъ у кошки, только безъ усомъ, поддерживала это предложеніе, говоря:

— Разумѣется, нѣтъ, моя милая. Гмъ!

— Думать легко, сказала важная леди.

— Конечно, вы знаете, что можетъ-быть легче? подтвердила миссъ Сара Покетъ.

— О, да, да! говорила всхлипывая Камила, которой разстроенныя чувства повидимому подымались отъ ногъ къ груди.—Все это совершенно справедливо! Горячее сердце есть слабость; но что же мнѣ дѣлать? Нѣтъ сомнѣнія, мое здоровье было бы гораздо лучше, еслибъ я чувствовала иначе; но я все-таки не измѣнила бы моего характера, еслибъ я и

могла. Я страдаю, но меня также утѣшаетъ, когда я просыпаюсь, что у меня такія чувства.

И затѣмъ послѣдовалъ новый взрывъ чувствъ.

Миссъ Гевишамъ и я все это время ни разу не останавливались, но все ходили кругомъ и кругомъ комнаты, то задѣвая подола посѣтительницъ, то оставляя ихъ на разстояніи цѣлой длины этого мрачнаго покоя.

— Вотъ Матью, сказала Камила, — забываетъ о самыхъ близкихъ связяхъ, никогда не приходитъ сюда посмотрѣть какова миссъ Гевишамъ! Мнѣ разрѣзали корсетъ, меня положили на софу, я три часа лежала безъ чувствъ, свѣсивъ голову, волосы мои всё распустились, ноги ужъ не знаю, гдѣ были.

— Они были гораздо выше головы, моя милая, сказалъ мистеръ Камила.

— Я цѣлые часы оставалась въ этомъ положеніи, все по милости страннаго и непонятнаго поведенія Матью, и никто мнѣ за это спасибо не сказалъ.

— Я полагаю, нѣтъ! ввернула важная леди.

— Видите, моя милая, прибавила миссъ Сара Покетъ (такая масляная злая тварь):—тутъ важный вопросъ, отъ кого ожидали вы себѣ благодарности?

— Я не ожидала себѣ никакой благодарности, продолжала Камила.—Цѣлые часы я оставалась въ этомъ положеніи; Раймондъ свидѣтель, какъ я задыхалась, какъ инбирь вовсе на меня не дѣйствовалъ; меня слышали черезъ улицу, у фортепьяннаго настройщика; бѣдные дѣти его думали, что это гелуби ворковали вдали,—и теперь мнѣ говорятъ...

Тутъ Камила приложила руку къ горлу, въ которомъ, какъ въ ретортѣ, начали образовываться новыя химическія соединенія.

Когда имя того же Матью было упомянуто, миссъ Гевишамъ остановилась и пристально посмотрѣла на говорившую. Эта перемена вдругъ приостановила химическій процессъ, совершавшійся въ горлѣ Камиллы.

— Матью придетъ наконецъ посмотрѣть на меня, сказала миссъ Гевишамъ сурово, — когда меня положить на этотъ столъ. Вотъ гдѣ ему мѣсто,—и она ударила костью по столу,—въ головахъ у меня! А ваше мѣсто—тамъ! вашего мужа—тамъ! Сары Покетъ—тамъ! Джорджіаны—тамъ! Теперь вы всё знаете, гдѣ ваши мѣста, когда вы придете въ послѣдній разъ пировать надо мною. Убирайтесь же!

Произнося каждое имя, она ударяла клюкою по столу, каж-

дый разъ на новомъ мѣстѣ. Потому она сказала. — «Веди меня, веди же!» и мы снова пустились.

— Я полагаю, намъ ничего не остается болѣе, воскликнула Камилла, — какъ повиноваться и уйти. Отрадно, по крайней мѣрѣ хоть на такое короткое время, увидѣть предметъ своей любви и уваженія. Я буду думать объ этомъ съ печальнымъ удовольствіемъ, просыпаясь по ночамъ. Я бы желала, чтобъ и Матью имѣлъ такое же утѣшеніе; но онъ пренебрегаетъ имъ. Я рѣшилась не показывать моихъ чувствъ; но тяжело слышать, когда вамъ говорятъ, что вы хотите пировать надъ трупами вашихъ родственниковъ, какъ будто вы людовѣ, и потому вамъ приказываютъ убираться! Вотъ идея!

Мистеръ Камилла вѣшался тутъ; мистрисъ Камилла приложила руку къ своей взволнованной груди, и съ несвойственною твердостью, которая, я полагаю, выражала ея рѣшительное намереніе упасть въ обморокъ по выходѣ и задохнуться, послала рукою поцѣлуй миссъ Гевишамъ и вышла вонъ. Сара Покетъ и Джорджіана начали было переминоваться, кому выйдти первой; но Сара была хитра, она не поддавалась на штуки и обошла съ необыкновенною ловкостью вокругъ Джорджіаны, которая принуждена была идти впередъ. Сара Покетъ успѣла произвести отдѣльное впечатлѣніе своимъ уходомъ, сказать, съ улыбкой умиительнаго сожалѣнія на своей орѣховой фізіономіи, о слабостяхъ человѣчества.

— Господь благословитъ васъ, милая миссъ Гевишамъ.

Пока Эстелла свѣтила имъ, миссъ Гевишамъ продолжала ходить, опершись на мое плечо, но только медленно. Наконецъ она остановилась у огня и сказала, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ.

— Пипъ, сегодня день моего рожденія.

Я было хотѣлъ принести ей мои поздравленія и благожеланія; но она подняла свою палку, говоря:

— Я терпѣть не могу, чтобы мнѣ про него говорили. Я не позволяю ни одному изъ тѣхъ, кто были здѣсь сейчасъ, да и никому, говорить про него. Они сюда приходятъ только въ этотъ день; но они не смѣютъ и заикнуться о немъ.

Разумѣется, я болѣе и не говорилъ о немъ.

— Въ этотъ день въ году, гораздо прежде нежели ты родился, принесли сюда всю эту ветошь, сказала она, тыкая своею клюкою въ сѣти паутины. — Мы обветшала вмѣстѣ; мыши

источили ее, и зубы, поострѣе чѣмъ у мышей, источили меня.

Приложивъ набадашникъ своей палки къ сердцу, она стояла и смотрѣла на столъ. Ея платье, когда-то бѣлое, а теперь совершенно пожелтѣлое и истлѣвшее, какъ нельзя болѣе согласовалось съ нѣкогда бѣлою скатертью, также пожелтѣлою и истлѣвшею; и все вокругъ готово было распасться въ прахъ отъ одного прикосновенія.

— Когда совершится разрушеніе, сказала она съ мертвеннымъ взглядомъ,—когда они положатъ меня въ моему подвѣнечномъ платьѣ на свадебный столъ, проклятіе исполнится надъ *нами*. О, еслибъ это случилось въ этотъ самый день!

Она стояла и смотрѣла на столъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ на немъ лежала ея собственная фигура. Я не двигался. Эстелла возвратилась и оставалась также хладнокровною. Это оцѣпенѣніе было довольно продолжительно. Въ тяжелой атмосферѣ комнаты, среди тяжелаго мрака, наполнявшаго отдаленные углы, мнѣ пришла больная мысль, что вотъ сейчасъ и мы съ Эстеллой также начнемъ разрушаться.

Наконецъ миссъ Гевишамъ вдругъ вышла изъ своей разсѣянности и сказала.

— Дайте мнѣ посмотрѣть, какъ вы играете въ карты; чтѣ же вы не начинаете?

Мы вернулись послѣ этого въ ея комнату, и усѣлись какъ прежде. Какъ и прежде я остался *мишиломъ*; какъ прежде, миссъ Гевишамъ слѣдила за нами все время, и обращала мое вниманіе на красоту Эстеллы, стараясь еще болѣе выказать ее и убиравая ея волосы и грудь драгоценностями.

Эстелла съ своей стороны обращалась со мной какъ прежде, только она не удостоивала меня своего разговора. Когда мы сыграли съ поддужины игоръ, мнѣ было назначено когда приходитъ опять, и меня вывели на дворъ накормить какъ собаку; здѣсь я былъ оставленъ гулять на свободѣ.

Я не помню, была ли прежде отворена, или затворена калитка въ садовой стѣнѣ, на которую я вскарабкался въ послѣдній разъ: помню только, что тогда я не замѣтилъ этой калитки, а теперь я ее видѣлъ. Она была отворена, и я зашелъ въ садъ погулять. Это была совершенная пустошь; въ немъ были старые парники для дынь и огурцовъ, которые теперь, процессомъ добровольнаго зарожденія, пытались произвести,

въ своемъ разрушеніи, обрывки старыхъ шляпъ, старыхъ сапогъ и слабое подобіе разбитаго горшка:

Я обошелъ весь садъ и оранжерею, въ которой ничего не было, кромѣ обвалившейся виноградной лозы и нѣсколькихъ бутылокъ, и попалъ наконецъ въ жалкій уголъ, видѣнный мною въ окошко. Не сомнѣваясь нисколько, что въ домѣ никого не было, я взглянулъ въ другое окошко, и къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ блѣднаго молодаго джентльмена, съ свѣтлыми волосами и красными вѣками, который выпучилъ на меня глаза.

Блѣдный молодой человѣкъ быстро исчезъ и очутился возлѣ меня. Онъ сидѣлъ за книгами, когда я увидѣлъ его въ первый разъ — и теперь я замѣтилъ, что онъ былъ весь въ чернилахъ.

— Ого любезный! сказалъ онъ.

Ого—выраженіе общее, на которое, я обыкновенно замѣчалъ, лучшимъ отвѣтомъ было повтореніе его, и я также сказалъ: «ого», не прибавляя только, изъ вѣжливости, *любезный*.

— Кто тебя впустилъ сюда? сказалъ онъ.

— Миссъ Эстелла.

— Кто тебѣ позволилъ шататься здѣсь?

— Миссъ Эстелла.

— Давай драться, сказалъ блѣдный молодой человѣкъ.

Что мнѣ было дѣлать?—часто я задавалъ себѣ этотъ вопросъ: Что оставалось мнѣ дѣлать, какъ не слѣдовать за нимъ? Его манеры были рѣшительны; и я такъ былъ удивленъ, что послѣдовалъ за нимъ, будто привороженный.

— Постой, однакоже, на минутку, сказалъ онъ, когда мы прошли нѣсколько шаговъ.—Я долженъ подать тебѣ поводъ къ дракѣ. Вотъ онъ!

Онъ хлопнулъ въ ладоши самымъ раздражительнымъ образомъ, ловко откинулъ одну ногу назадъ и потянулъ меня за вихорь, потомъ опять ударилъ въ ладоши и пырнулъ меня головою въ брюхо.

Это послѣднее бычачье движеніе, кромѣ того что оно показалось мнѣ особенною вольностью, было еще очень непріятно послѣ плотнаго завтрака. Я хватилъ его и былъ готовъ хватить еще разъ, когда онъ сказалъ:

— Ага, не отказываешься! и принялся танцовать взадъ и впередъ, какъ я еще ни разу не видывалъ.

— Это законы игры! сказалъ онъ, и перепрыгнулъ съ лѣвой ноги на правую.—Настоящія правила!—и онъ перепрыгнулъ съ правой ноги на лѣвую.—Пожалуйте на арену, извольте

пройти черезъ всѣ предварительныя перемоніи!—И онъ увертывался, то взадъ то впередъ, дѣлая самыя странныя тѣлодвиженія, между тѣмъ какъ я смотрѣлъ на него въ совершенномъ недоумѣніи.

Я внутренно боялся его, видя какъ онъ былъ ловокъ. Но физически и нравственно я былъ убѣжденъ, что его свѣтлой головѣ не слѣдовало пырять меня въ брюхо, и что я имѣлъ право дать ей тумака, когда она привлекала такимъ образомъ мое вниманіе. Не говоря ни слова, я послѣдовалъ за нимъ въ удаленный уголокъ сада, между двумя стѣнами, прикрытый кучею мусора. Онъ спросилъ меня, доволенъ-ли я этимъ мѣстомъ; я ему отвѣчалъ да, и онъ попросилъ позволенія удалиться на минуту: онъ вернулся вскорѣ, съ графиномъ воды и губкою, намоченною уксусомъ.

— Это къ общимъ услугамъ, сказалъ онъ, поставивъ эти препараты къ стѣнѣ, и потомъ принялся раздѣваться и снялъ съ себя не только куртку и жилетку, но даже и рубашку.

Хотя наружность его была неособенно здоровая,—на лицѣ у него были прыщи и сыпь около рта,—но эти страшныя приготовления меня пугали. На мой взглядъ онъ былъ моихъ лѣтъ, но онъ былъ выше меня, и его гимнастическія тѣлодвиженія казались очень грозными.

Сердце мое кнуло, когда я увидѣлъ, какъ онъ примѣрлся, и съ видомъ особенной механической точности оглядывалъ мою анатомію, какъ будто, выбирая въ ней свою косточку. Какъ же я былъ удивленъ, когда онъ послѣ перваго моего удара, растянулся на землѣ, обращая ко мнѣ свое лицо съ окровавленнымъ носомъ, въ поразительномъ ракурсѣ.

Онъ тотчасъ же поднялся на ноги и вытершись губкою, началъ опять приловчаться, показывая большое искусство. Но къ моему величайшему удивленію, онъ вторично растянулся, смотря на меня подбитымъ глазомъ.

Его отважность внушала мнѣ большое уваженіе; повидимому у него вовсе не было силы, онъ ни разу не ударилъ меня порядочно; но онъ вскакивалъ на ноги сію же минуту, отирался губкою, пилъ воду, исполняя самъ съ величайшимъ удовольствіемъ должность своего секунданта, согласно со всеми правилами; и потомъ выходилъ на меня съ такимъ форсомъ, что я думалъ: «вотъ теперь наконецъ онъ меня въ самомъ дѣлѣ дождетъ.» Онъ былъ страшно избитъ; потому что, должно сознаться, я тузилъ его все больнѣе и больнѣе; но онъ поды-

мался каждый разъ, пока наконецъ, падая, не ударился головою о стѣну. Даже и послѣ этого кризиса, онъ было поднялся и повернулся нѣсколько разъ кругомъ, не видя меня; но въ заключеніе онъ подползъ на колѣнахъ къ своей губкѣ и подбросилъ ее, едва переговоривая.

— Значить, вы выиграли.

Онъ былъ такъ храбръ и ни въ чемъ невиновенъ, что хотя и не я предложилъ борьбу, но моя побѣда доставила мнѣ грустное удовлетвореніе. Право, одѣваясь, я думалъ о себѣ, какъ о дикомъ волчонкѣ. Я одѣлся однакоже, вытеръ въ промежуткахъ мое окровавленное лицо, и сказалъ ему:

— Не могу ли я вамъ помочь?

— Нѣтъ, благодарю, отвѣтилъ онъ.

— Добрый вечеръ, сказалъ я.

— Добрый вечеръ, отвѣтилъ онъ.

Когда я вышелъ на дворъ, я нашелъ Эстеллу, ожидавшую меня съ ключами. Но она меня не спросила, ни гдѣ я былъ ни отъ чего я заставилъ ее ждать; на лицѣ ея блистала румянецъ, какъ будто случилось что-нибудь очень пріятное для нея. Въместо того чтобы пойти прямо къ калиткѣ, она оставилась въ корридорѣ и поманила меня къ себѣ.

— Поди сюда; если хочешь, можешь меня поцѣловать.

Она повернула мнѣ щеку, которую я поцѣловалъ. Я думаю, я рѣшился бы на многое, чтобы поцѣловать ее. Но я чувствовалъ, этотъ поцѣлуй былъ данъ простому мужицкому мальчишкѣ,—такъ она дала бы мелкую монету,—и самъ по себѣ ничего не стоилъ.

По милости гостей, карточной игры и наконецъ драки, мое посѣщеніе на этотъ разъ было продолжительнѣе обыкновеннаго, и когда я возвращался домой, маякъ на песчаной косѣ за болотомъ свѣтился на почернѣломъ ночномъ небѣ, и горнъ Джо бросалъ огненную полосу поперекъ дороги.

XII.

Я былъ не совсѣмъ спокоенъ насчетъ блѣднаго молодого джентльмена. Чѣмъ болѣе я думалъ про драку, припоминая его распухлую и окровавленную физиономію; тѣмъ очевиднѣе для меня становилось, что это не пройдетъ мнѣ даромъ. Я чув-

ствоваѣ, что кровь блѣднаго молодого джентльмена была на мнѣ и что законъ отомстить за нее. Не имѣя опредѣленной идеи, какого рода наказанію я подвергался, я видѣлъ ясно только то, что деревенскіе мальчишки не могли же безнаказанно разгуливать кругомъ, грабить джентльменскіе дома и валять учащееся юношество Англій. Нѣсколько дней я даже не выходилъ изъ дому, и съ большою осторожностію и боязнію выглядывалъ въ двери кухни, когда меня посылали за чѣмъ-нибудь, ожидая, что сторожа градской тюрьмы вотъ такъ и наскочатъ на меня. Носъ блѣднаго молодого джентльмена выпачкалъ кровью мои панталоны, и въ глубокую ночь я старался вымыть это свидѣтельство моей вины; я исцарапалъ мои суставы о зубы блѣднаго молодого джентльмена, и ломалъ свою голову, придумывая самыя невѣроятныя объясненія для этого обвинительнаго факта, когда меня притянуть къ суду.

Наконецъ наступилъ день, въ который мнѣ назначено было возвратиться на сцену моего преступнаго насилія; ужась мой теперь достигъ высшаго градуса. Мнѣ казалось, что блюстители правосудія, нарочно присланные изъ Лондона, выжидаютъ меня въ засадѣ за калиткою: потомъ я думалъ, что миссъ Гевшамъ, предпочитая сама лично отмстить за обиду, нанесенную ея дому, подыметса въ своей погребальной одеждѣ, вынетъ пистолеть и застрѣлитъ меня; приходило мнѣ также въ голову, что можетъ быть подкуплена шайка мальчишекъ, которые нападуть на меня въ пивоварнѣ и оттаскають на смерть. Я былъ однакоже такъ увѣренъ въ благородствѣ блѣднаго молодого джентльмена, что никакъ не воображалъ, чтобъ онъ былъ участникомъ въ этихъ планахъ: они всегда представлялись моему уму, какъ дѣйствія его безразсудныхъ родственниковъ, раздраженныхъ состояніемъ его фізіономіи.

Но какъ бы то ни было, я долженъ былъ идти къ миссъ Гевшамъ, и пошелъ. И, вообразите, мое ратоборство не имѣло никакихъ послѣдствій. Никто даже не намекнулъ на него, и блѣднаго молодого джентльмена не оказалось въ домѣ. Та же калитка была отворена; я обошелъ садъ и даже заглянулъ въ окошки особеннаго домика, но мои любопытные взгляды вдругъ остановились на запертыхъ ставняхъ, за которыми не было признака жизни. Только въ углу, гдѣ происходила борьба, я могъ открыть еще доказательство существованія блѣднаго молодого джентльмена. Здѣсь оставались еще слѣды его крови; я скрылъ ихъ землею отъ человѣческаго глаза.

На широкой площадкѣ, отдѣлявшей комнату миссъ Гевিশамъ отъ другой комнаты, гдѣ былъ накрытъ длинный столъ, я увидѣлъ легкое кресло на колесахъ, которое можно было двигать, подталкивая его сзади. Оно было поставлено послѣ моего предыдущаго посѣщенія, и съ этого же дня моимъ обычнымъ занятіемъ стало катать миссъ Гевিশамъ въ этомъ креслѣ (когда она уставала ходить, опершись на мое плечо) вокругъ ея комнаты, черезъ площадку, и кругомъ другой комнаты. Сколько и сколько разъ мы повторяли эти путешествія! Иногда они длились цѣлые три часа безъ остановки. Я невольно выразился здѣсь объ этихъ путешествіяхъ во множественномъ числѣ; потому что было положено, чтобъ я приходилъ черезъ день для этой цѣли, и также потому что я намѣренъ теперь обнять періодъ по крайней мѣрѣ восьми или десяти мѣсяцевъ.

Мы свыкались болѣе другъ съ другомъ; миссъ Гевিশамъ говорила со мною болѣе, и разспрашивала меня чему я учился и къ чему готовился? Я сказалъ ей, что, я полагаю, я поступлю въ ученіе къ Джо, и особенно распространялся о моемъ невѣжествѣ и о моемъ желаніи все знать, въ надеждѣ что она мнѣ въ этомъ поможетъ. Но она не поддавалась; напротивъ, повидимому, ей нравилось мое невѣжество. Она мнѣ не давала также денегъ,—ничего кромѣ обѣда,—и ни разу не говорила, что мнѣ будетъ заплачено за мою службу.

Эстелла была всегда съ нами, всегда впускала меня и выпроваживала; но ни разу она потомъ не приглашала меня поцѣловать ее: иногда она только терпѣла меня; иногда она бывала благосклонна ко мнѣ; иногда она обходилась со мною совершенно подружески; иногда она энергически объявляла мнѣ, что я былъ ей ненавистенъ. Миссъ Гевিশамъ часто спрашивала меня шепотомъ или когда мы бывали одни:

— Не правда ли, Пигъ, вѣдь съ каждымъ днемъ она становится все лучше и лучше?

И ей бывало очень пріятно, когда я говорилъ, да,—а это была совершенная правда. Также когда мы играли въ карты, миссъ Гевিশамъ смотрѣла на насъ, жадно наслаждаясь капризами Эстеллы. И по временамъ, когда у нея особенно много бывало этихъ капризовъ, и капризы такъ противорѣчили одинъ другому, что я рѣшительно сбивался съ толку, миссъ Гевিশамъ вдругъ обнимала ее съ нѣжностью, что-то нашептывая ей на ухо, и мнѣ слышалось будто это было:

«Сокрушай ихъ сердца, моя гордость, моя надежда, сокрушай безъ милосердія.»

У Джо была любимая пѣсня про стараго Клима, которую онъ обыкновенно напѣвалъ отрывками за работой. Это была звукоподражательная пѣсня, передававшая удары молота о желѣзо, и почтенное имя стараго Клима было введено только, какъ поэтическая вольность.

Куйте такъ ребята вокругъ—
 Старый Климъ!
 Сыпьте такъ удары вдругъ—
 Старый Климъ!
 Бейте, бейте, други въ ладъ—
 Старый Климъ!
 Чтобъ ясный звенѣлъ булатъ—
 Старый Климъ!
 Поддавай-ка жару другъ—
 Старый Климъ!
 Злое пламя вейся вокругъ—
 Старый Климъ!

Въ одинъ день, вскорѣ по появленіи кресла, миссъ Гевшамъ вдругъ сказала мнѣ, съ нетерпѣливымъ движеніемъ пальца:

— Ну, ну! пой!

И я затянулъ эту пѣсню, продолжая двигать ея кресла; пѣсня понравилась ей, и она подхватила ее тихимъ томнымъ голосомъ, какъ будто пѣла во снѣ. Послѣ того мы обыкновенно пѣвали ее въ нашихъ путешествіяхъ вокругъ комнатъ. Эстелла часто подтягивала намъ; но пѣніе было такъ тихо, даже когда мы пѣли всѣ трое, что оно раздавалось въ этомъ печальномъ старомъ домѣ слабѣе едва замѣтнаго дуновенія вѣтра.

Что могло изъ меня выйти въ такомъ кругу? Могъ ли онъ остаться безъ вліянія на мой характеръ? Удивительно ли, что мои мысли бывали ослѣплены, подобно моимъ глазамъ, когда я выходилъ на свѣтъ изъ этихъ сырыхъ, пожелтѣвшихъ комнатъ?

Я могъ бы разказать Джо про блѣднаго молодого человѣка, еслибы прежде я не вдался въ такіа чудовищныя выдумки, въ которыхъ я ему повинился. Теперь я чувствовалъ, что Джо принялъ бы блѣднаго молодого джентльмена за приличнаго пассажира черной бархатной кареты; и поэтому я ничего не сказалъ про него. Кромѣ того, мнѣ не хотѣлось, чтобы миссъ Гевшамъ и Эстелла сдѣлались предметомъ толковъ; и это

чувство, обнаружившееся во мнѣ съ самаго начала, съ теченіемъ времени становилось сильнѣе. Я совершенно довѣрялся только одной Биди; бѣдной Биди я все разказывалъ. Почему это мнѣ казалось естественнымъ и почему Биди глубоко интересовалась всѣмъ, что я говорилъ ей, я не зналъ тогда этого, хотя теперь я очень хорошо знаю.

Между тѣмъ въ нашей кузницѣ происходили совѣщанія, которыя приводили меня въ отчаяніе. Этотъ ослина Пембльчукъ обыкновенно прѣзжалъ каждый вечеръ, чтобы толковать съ моею сестрою объ ожидавшей меня будущности; и я право думаю до сихъ поръ, и безъ малѣйшаго чувства раскаянія, что еслибъ эти руки могли только вынуть шкворень изъ его однокодки, то онъ бы это сдѣлалъ. У этого жалкаго человѣка былъ такой упорно-ограниченный умъ, что онъ не могъ иначе разсуждать о моей будущности, какъ держа меня передъ собою, какъ будто онъ меня оперировалъ. И вотъ бывало потащить онъ меня зашиворотъ съ моего табурета, на которомъ я сидѣлъ въ углу, и поставить передъ огнемъ, съ явнымъ намѣреніемъ зажарить меня, и начать говорить.

— Вотъ вамъ мальчикъ, сударыня! Вотъ этотъ мальчикъ, котораго вы вскормили рукою... Подыми голову мальчикъ, и будь вѣчно благодаренъ людямъ, которые воспитали тебя. Теперь, сударыня, въ разсужденіи этого мальчика...

И онъ принимался ерошить мои волосы, — а я объявилъ уже, что внутренно, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я никому на это не давалъ права, — и держалъ меня передъ собою за рукавъ, какъ образецъ глупости, съ которымъ развѣ только онъ самъ могъ сравниться.

Потомъ онъ пускался съ моею сестрою въ такія безсмысленныя разсужденія о миссъ Гевишамъ и о томъ, что она сдѣлаетъ со мною и для меня, что слезы досады выступали у меня, и мнѣ приходила страшная охота напустить на мистера Пембльчука и отвалить его на обѣ корки. Въ этихъ разговорахъ сестра моя относилась обо мнѣ какъ будто она морально вырывала у меня зубъ при каждой фразѣ; между тѣмъ какъ Пембльчукъ, корча изъ себя моего патрона, смотрѣлъ на меня презрительнымъ взглядомъ, какъ строитель моего счастья, принимавшійся, по своему мнѣнію, за очень невыгодную спекуляцію.

Джо не принималъ участія въ этихъ совѣщаніяхъ. Но съ нимъ часто заговаривали, пока они продолжались, потому что

мистриссъ Джозамътила, что ему несовсѣмъ нравилось мое отсутствіе изъ кузницы. Теперь, по моимъ лѣтамъ, уже была пора мнѣ поступить къ нему въ ученье, и когда Джо, бывало, сидѣлъ, съ кочергою въ рукахъ, и расчищалъ золу между нпжними полосами рѣшетки камина, моя сестра видѣла въ этомъ невинномъ дѣйствіи явную оппозицію съ его стороны, и накидывалась на него, вырывала у него изъ рукъ кочергу и трясла его. Всѣ эти пренія всегда имѣли непріятный конецъ. Сестра моя вдругъ, безъ всякаго повода, останавливалась на своемъ зѣвкѣ и, завидѣвъ меня будто случайно, напускалась на меня, какъ хищная птица, съ словами:

— Пошелъ! Довольно рѣчей про тебя, убирайся! Довольно было съ тобою хлопотъ на эту ночь!

Какъ будто я у нихъ молилъ этой милости, чтобъ они учили меня на смерть!

Это длилось уже долгое время, и казалось протянется еще долѣе, но однажды миссъ Гевшамъ, гуляя опершись на мое плечо, вдругъ остановилась и сказала съ неудовольствіемъ:

— Пипъ, какъ ты растешь!

Я думалъ лучше всего выразить ей моимъ задумчивымъ взглядомъ, что причиною этому могли быть обстоятельства, не зависѣвшія отъ меня.

На этотъ разъ она не сказала ничего болѣе, но потомъ она остановилась и снова взглянула на меня, недовольно хмури брови.

На слѣдующій день, когда я пришелъ, и наша обычная прогулка кончилась, и я подвелъ ее къ туалету, она остановила меня нетерпѣливымъ движеніемъ своихъ пальцевъ.

— Скажи мнѣ опять какъ зовутъ вашего кузнеца?

— Джо Гарджери, сударыня.

— Это именно хозяинъ, къ которому ты поступишь въ ученье.

— Да, миссъ Гевшамъ.

— Такъ ужъ лучше тебѣ поступить къ нему въ ученье, не откладывая долго. Какъ ты думаешь, Гарджери можетъ сюда придти и принести съ собою документы?

Я замѣтилъ, что, безъ сомнѣнія, онъ сочтетъ это за честь.

— Такъ пусть онъ придетъ.

— Въ какое время прикажете, миссъ Гевшамъ?

— Ну, вотъ опять! Я ничего не знаю про время; пусть онъ придетъ скорѣе и придетъ одинъ съ тобою.

Возвратясь вечеромъ домой, я передаѣ это Джо, и моя сестра распѣтушилась какъ никогда прежде. Она спросила у меня и Джо, что она развѣ тряпка какая-нибудь досталась намъ, и какъ смѣли мы обращаться такъ съ нею и съ какими людьми, мы думали, ей водиться? Послѣ цѣлаго потока вопросовъ въ этомъ родѣ, она пустила подсвѣчникомъ въ Джо, залилась горькими слезами, достала сорный ящикъ,—это былъ очень худой знакъ,—надѣла толстый передникъ и подняла страшную чистку. Не довольствуясь однимъ подметаніемъ, она принесла ведро, мочалку, и выгнала насъ изъ дому на дворъ, гдѣ мы оставались весь вечеръ дрожа отъ холода. Не ранѣ десяти часовъ, мы осмѣлились пробраться въ комнату, и тогда она спросила у Джо, зачѣмъ онъ лучше не женился на какой-нибудь негритянкѣ? Джо, бѣдный малый, не далъ никакого отвѣта, но стоялъ, ощупывая свои бакенбарды и смотрѣлъ печально на меня, какъ будто онъ думалъ, что дѣйствительно это была бы не худая спекуляція.

XIII.

Досадно было мнѣ видѣть на слѣдующее утро, какъ Джо одѣвался въ свое праздничное платье, чтобы сопровождать меня къ миссъ Гевишамъ. Онъ думалъ, его выѣздной костюмъ былъ необходимъ для торжественности случая, и не мое было дѣло говорить ему, что къ нему лучше шла его рабочая одежда; я очень хорошо зналъ, что ради меня онъ мучилъ себя, ради меня выдергивалъ вверхъ воротникъ своей рубашки на такую высоту, что его волосы на маковкѣ стояли торчмя, какъ пучокъ перьевъ.

За завтракомъ моя сестра объявила, что она намѣрена идти вмѣстѣ съ нами въ городъ и остаться у дяди Пемблѣчука, куда мы за нею зайдемъ, послѣ свиданія съ знатными господами. Эти слова, думалъ Джо, не предвѣщали ничего добраго. Кузница была заперта на день, и Джо написалъ на двери мѣломъ (какъ онъ это обыкновенно дѣлывалъ, когда не работалъ): *Вышелъ*, съ прибавленіемъ стрѣлы, указывавшей въ какое направленіе онъ ушелъ.

Мы отправились пѣшкомъ въ городъ; сестра моя шла впереди; она была въ огромной пуховой шляпѣ и несла въ плете-

ной корзинкѣ, какъ государственную печать Великобританіи, калоши, шаль и зонтикъ, хотя погода стояла совершенно ясная. Мнѣ было не совершенно ясно, несла ли она эти предметы, какъ наказаніе себѣ или ради бахвальства, но я скорѣе думаю, что она выставляла ихъ на показъ, какъ часть своего достоинства, подобно Клеопатрѣ или какой-нибудь другой распѣтушившейся царицѣ, которая выставляетъ свои богатства въ торжественной процессіи.

Когда мы подошли къ дому Пембльчука, моя сестра влетѣла въ него, и оставила насъ. Былъ уже полдень, и мы съ Джо отправились прямо къ миссъ Гевишамъ. Эстелла по обыкновению отворила калитку, и Джо, при ея появленіи, снялъ свою шляпу, и остановился, держа ее обѣими руками за поля, какъ будто онъ хотѣлъ опредѣлить ея вѣсъ съ совершенною точностью.

Эстелла не обратила на насъ никакого вниманія, но повела насъ хорошо извѣстною мнѣ дорогою. Я послѣдовалъ за нею, Джо шелъ за мною. Я оглянулся на Джо, когда мы были въ длинномъ корридорѣ: онъ все еще продолжалъ звѣшивать свою шляпу, съ необыкновенною осторожностью, и шелъ большими шагами на цыпочкахъ.

Эстелла мнѣ сказала, чтобы мы оба вошли въ комнату; я взялъ Джо за обшлагъ и подвелъ его къ миссъ Гевишамъ; она сѣдла у туалета и тотчасъ же оглянулась на насъ.

— О! сказала она Джо: — вы мужъ сестры этого мальчика.

Я себѣ не могъ представить, чтобы милый Джо могъ такъ мало походить на самого себя и такъ сильно походить на птицу, съ своими взъерошенными волосами и разинутымъ ртомъ, какъ будто онъ готовился проглотить червяка.

— Вы мужъ сестры этого мальчика? повторила миссъ Гевишамъ.

Мнѣ было очень досадно, но въ продолженіи всего разговора Джо постоянно обращался ко мнѣ, а не къ миссъ Гевишамъ.

— То-есть, какъ я понимаю, Пипъ, замѣтилъ теперь Джо тономъ, выражавшимъ сильное убѣжденіе, глубокую тайну и большую вѣжливость, — я взялъ да и женился на твоей сестрѣ, а въ то время я былъ совсѣмъ человекъ одинокій.

— Ну! сказала миссъ Гевишамъ: — и вы воспитали этого мальчика, съ намѣреніемъ потомъ взять его въ ученье, не такъ ли мистеръ Гарджери?

— Ты знаешь, Пипъ, отвѣчалъ Джо, — мы всегда были друзьями, и промежь себя мы думали, что это будетъ дѣло хорошее и веселое. Но, Пипъ, если ты это дѣло находишь себѣ не по вкусу, въ разсужденіе грязи, сажи и то-есть прочаго, все это примется въ уваженіе, смѣкаешь?

— Былъ ли мальчикъ противъ этого? сказала миссъ Гевишамъ.—Есть-ли у него охота къ ремеслу?

— Самъ ты знаешь, Пипъ, отвѣчалъ Джо, усиливая свой прежній тонъ.—Это было желаніе твоего сердца, и ты не былъ противъ желанія твоего собственного сердца!

Напрасно я старался ему показать, что онъ долженъ говорить миссъ Гевишамъ; чѣмъ болѣе я дѣлалъ ему знаковъ лицомъ и руками, тѣмъ убѣдительнѣе, таинственнѣе и вѣжливѣе онъ обращался ко мнѣ.

— Принесли вы съ собою его документы? спросила миссъ Гевишамъ.

— Ну, Пипъ, ты самъ знаешь, отвѣчалъ Джо, какъ будто это былъ не совсѣмъ разсудительный вопросъ.—Ты самъ видѣлъ, какъ я положилъ ихъ въ мою шляпу, и поэтому ты долженъ знать, что они тамъ.

Съ этими словами онъ вынулъ ихъ и подаль не миссъ Гевишамъ, а мнѣ. Совѣстно сознаться, но я начиналъ стыдиться за моего добраго товарища. Да, я стыдился его, когда я замѣтилъ, что Эстелла стояла за стуломъ миссъ Гевишамъ, и глаза ея лукаво улыбались. Я взялъ документы изъ его рукъ и подаль ихъ миссъ Гевишамъ.

— Вы не надѣетесь получить за мальчика никакой преміи, сказала миссъ Гевишамъ, просмотрѣвъ бумаги.

— Джо! замѣтилъ я, видя его молчаніе: — отчего вы не отвѣчаете?

— Пипъ, сказалъ Джо, вдругъ оборвавъ меня, какъ будто онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ.—Я такъ понимаю, что промежь насъ съ тобою этотъ вопросъ не требуетъ отвѣта, да и отвѣтъ, ты знаешь очень хорошо, можетъ быть только: нѣтъ. Ты знаешь это; къ чему же тутъ еще разговаривать?

Миссъ Гевишамъ посмотрѣла на него, какъ будто она поняла что это былъ за человѣкъ, и взяла со стола кошелекъ, лежавшій воадѣ.

— Пипъ заслужилъ свою премію, сказала она, — вотъ эта премія. Въ этомъ кошелькѣ двадцать пять гиней. Отдай ихъ твоему хозяину, Пипъ.

Джо былъ рѣшительно ошеломленъ этимъ чудомъ, и обратился ко мнѣ:

— Пипъ, это очень великодушно съ твоей стороны, скажаль Джо,—съ благодарностію принимается такая щедрость, хотя со всѣмъ не ожиданная. Теперь, старый дружище, продолжаль Джо (меня такъ и бросило въ жаръ, а потомъ обдало холодомъ; я чувствовалъ, будто это дружеское воззваніе относилось къ миссъ Гевишамъ), теперь, старый товарищъ, Богъ да поможетъ намъ исполнить нашу обязанность! Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашу обязанность другъ передъ другомъ и передъ людьми, отъ которыхъ твой щедрый подарокъ достался намъ, во утѣшеніе души ихъ, и... и... и.

Здѣсь Джо очевидно впалъ въ страшныя затрудненія, изъ которыхъ онъ никакъ не могъ выпутаться, и заключилъ торжественно словами: «И мнѣ ужъ не приходится говорить!» Эти слова казались ему такъ убѣдительны, что онъ повторилъ ихъ.

— Прощай, Пипъ! сказала миссъ Гевишамъ.—Выпусти ихъ Эстелла.

— Прикажете мнѣ опять придти, миссъ Гевишамъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, Гарджери теперь твой хозяинъ. Гарджери! Одно слово!

Я былъ уже за дверью; но я слышалъ, какъ она сказала Джо выразительнымъ голосомъ:

— Мальчикъ хорошо себя велъ здѣсь, и это дано ему въ награду. Конечно, какъ человѣкъ честный, вы ничего болѣе не ожидаете.

Какъ Джо вышелъ изъ комнаты, я этого себѣ никогда не могъ объяснить; но я знаю только, что когда онъ вышелъ, онъ съ упорнымъ упрямствомъ непремѣнно хотѣлъ идти вверхъ вмѣсто того чтобы спуститься внизъ, и не внималъ моимъ убѣжденіямъ, пока я не потащилъ его за рукавъ. Черезъ минуту мы были за калиткой, которая заперлась за нами, и Эстелла исчезла.

Когда мы остались одни при дневномъ свѣтѣ, Джо прислонился къ стѣнѣ и сказалъ: «Удивительно!» И въ этомъ положеніи онъ оставался довольно долго, повторяя съ раздыхомъ: «удивительно», такъ часто, что я начиналъ опасаться за его голову. Наконецъ онъ вытянулъ длинную фразу: «Пипъ, увѣряю тебя это уди-ви-тель-но!» и мало-по-малу сдѣлался по-

прежнему разговорчивъ, и мы спокойно пошли своею дорогой.

Я полагаю однакоже, что это необыкновенное свиданіе просвѣтило умъ Джо и, идя къ Пембльчуку, онъ успѣлъ придумать очень ловкую и хитрую увертку. Мои догадки совершенно оправдались слѣдующею сценой въ гостиной мистера Пембльчука, гдѣ мы нашли мою сестру въ совѣщаніи съ этимъ отвратительнымъ лабазникомъ.

— Ну, закричала моя сестра, обращаясь вдругъ къ намъ обѣимъ,—разказывайте, что случилось съ вами. Удивляюсь еще, какъ вы удостоиваете придти къ намъ бѣднымъ людямъ, право!

— Миссъ Гевишамъ, сказалъ Джо, смотря на меня пристально, какъ бы сляясь все запомнить,—безпремѣнно наказала, чтобы мы засвидѣтельствовали ея любовь или почтеніе,—такъ Пипъ?

— Почтеніе, сказалъ я.

— Я самъ такъ думаю, отвѣчалъ Джо,—ея почтеніе мистриссъ Джо Гарджери.

— Много мнѣ пользы отъ ея почтенія! замѣтила моя сестра, съ нѣкоторымъ однакоже удовольствіемъ.

— И жалѣеть, продолжалъ Джо, все поглядывая на меня,—что ея здоровье не позволяетъ... такъ, Пипъ?

— Лишаетъ ея удовольствія, прибавилъ я.

— Дамскаго общества, сказалъ Джо и тяжело вздохнулъ.

— Ну, закричала моя сестра, бросая смягченный взглядъ на мистера Пембльчука: — она могла бы изъ вѣжливости сообщить мнѣ это прежде; но лучше поздно чѣмъ никогда. А что она дала этому сорванцу?

— Она ему ничего не дала, сказалъ Джо.

Мистриссъ Джо готова была разразиться, но Джо продолжалъ:

— Что она дала, сказалъ Джо,—то дала его друзьямъ; а подъ друзьями его, она говорила, я разумѣю его сестру, мистриссъ Джо Гарджери; это были ея самыя слова, мистриссъ Джо Гарджери...

Моя сестра взглянула на Пембльчука, который гладилъ ручки своего кресла и кивалъ головой, какъ будто онъ все зналъ напередъ.

— А сколько получали вы? спросила моя сестра смѣясь. (Да, положительно говорю: смѣясь.)

— Ну, что скажетъ почтенная компанія, на десять фунтовъ? спросилъ Джо.

— Не худо, отвѣтила моя сестра, отрывисто, — не слишкомъ много, а такъ не худо.

— Ну, такъ подымай выше, сказалъ Джо.

Этотъ безстыдный надувало, Пембльчукъ, сейчасъ же кивнулъ головой и сказалъ, потирая ручки кресла:

— Да, подымайте выше, сударыня.

— Ужь не думаете ли вы... начала моя сестра.

— Да, я думаю, сударыня, сказалъ Пембльчукъ, — подождите только. Ну, продолжайте, Джозефъ. Начало доброе! продолжайте!

— Ну, что скажетъ честная компанія, продолжалъ Джо, — на двадцать фунтовъ?

— Это, все скажутъ, хорошо, отвѣчала моя сестра.

— Ну, такъ, сказалъ Джо, — болѣе чѣмъ двадцать фунтовъ.

Этотъ презрѣнный лицемеръ, Пембльчукъ, еще разъ кивнулъ головой и сказалъ съ хохотомъ:

— Да подымайте выше, сударыня. Хорошо, хорошо! Доканай ее, Джозефъ!

— Ну, такъ, чтобы покончить, сказалъ Джо, передавая моей сестрѣ кошелекъ съ особеннымъ наслажденіемъ, — двадцать пять фунтовъ.

— Да, двадцать пять фунтовъ, сударыня, повторилъ этотъ подлый мошенникъ, Пембльчукъ, подымаясь, чтобы пожать ей руку, — а это совершенно по вашимъ заслугамъ (какъ я и говорилъ, когда спросили моего мнѣнія), и желаю вамъ употребить эти деньги въ свое удовольствіе.

Еслибы этотъ мерзавецъ остановился на этомъ, то и тогда его поведеніе было бы достаточно черно, но онъ еще увеличилъ свое преступленіе, объявляя прямо свои права на меня; послѣ этого все его прежнія злодѣянія уже казались ничтожными.

— Теперь слушайте меня, Джозефъ, и его достойная супруга, сказалъ Пембльчукъ, взявъ меня за руку, выше локтя, — я одинъ изъ такихъ людей, которые всегда любятъ доканчивать начатое дѣло. Этотъ мальчикъ долженъ быть разомъ записанъ. Такъ веду я мои дѣла. Записанъ разомъ.

— Богу одному извѣстно, дядя Пембльчукъ, сказала моя сестра, схватывая деньги, — какъ мы обязаны вамъ.

— Обо мнѣ и не упоминайте, сударыня, отвѣчалъ этотъ дьявольскій лабазникъ. — Привѣтъ привѣтомъ, такъ бываетъ въ

миръ. Но вы знаете, этотъ мальчикъ долженъ быть записанъ. Сказать правду, я обѣщался присмотрѣть за этимъ.

Судья засѣдали въ ратушѣ, и мы отправились туда сейчасъ же, чтобы въ присутствіи ихъ записать меня ученикомъ Джо. Я говорю, мы отправились; но меня Пембльчукъ пихалъ впередъ, какъ будто я очистилъ чей-нибудь карманъ, или поджегъ скирду; право, всѣ думали въ судѣ, что я былъ сквачень на мѣстѣ преступленія: я слышалъ какъ говорили, когда Пембльчукъ протискивалъ меня сквозь толпу: «Что онъ сдѣлалъ? Молодой такой, а смотреть мерзавцемъ, не правда ли?» Одинъ господинъ, съ кроткою и доброю наружностію, подаль мнѣ нравоучительную книжечку, на которой былъ изображенъ юный преступникъ въ оковахъ, очень похожихъ на нитку со-сисекъ, и написано: *Прочти въ твооемъ заключеніи.*

Ратуша показалась мнѣ чуднымъ мѣстомъ, скамьи въ ней были выше чѣмъ въ церкви; народъ смотрѣлъ, свѣсившійся съ нахъ; великолѣпные судьи, развалившіеся на креслахъ, или сидѣли сложа руки, или дремали, или набивали себѣ носъ табакомъ, или писали, или, наконецъ, читали газеты; на стѣнахъ висѣли блестящіе черные портреты, казавшіеся моему не художественному глазу смѣсью леденца и пластыря. Здѣсь, въ углу, мои документы были записаны и засвидѣтельствованы, и я былъ завербованъ. Мистеръ Пембльчукъ все это время держалъ меня какъ будто былъ приговоренъ къ эшафоту, и только нужно было покончить эти предварительныя церемоніи.

Когда мы вышли на улицу и отдѣлились отъ мальчишекъ, которые съ большимъ удовольствіемъ ожидали, что меня станутъ публично мучить и теперь видѣли съ сожалѣніемъ, что, вмѣсто того, меня окружили теперь мои друзья, мы отправились къ Пембльчуку. И здѣсь моя сестра такъ раззадорилась, благодаря двадцати пяти гинеймъ, что непременно хотѣла послѣ такого нежданнаго счастья задать обѣдъ въ тавернѣ *Голубаго Кабана*, и Пембльчукъ долженъ былъ ѣхать въ своей одноколкѣ за Гебльсами и Вопслемъ.

Дѣло было рѣшено. Какой же горькій день я провелъ! Очевидно всѣ присутствующіе гости считали меня какою-то чучелой на этомъ пирѣ. И что было всего хуже, всѣ они спрашивали меня отъ времени до времени, именно когда имъ нечего было сказать, отчего я не веселился? И я принужденъ былъ отвѣчать, что мнѣ было очень весело, когда я не зналъ что дѣлать отъ тоски.

Но они были не дѣти, могли дѣлать что хотѣли, и вполне пользовались этимъ правомъ. Мошенникъ Пемблчукъ, котораго все считали благодѣтельнымъ виновникомъ торжества, дѣйствительно занялъ первое мѣсто и, поставивъ меня возлѣ себя на стулѣ, произнесъ рѣчь, которой я былъ главнымъ сюжетомъ, и въ которой онъ объяснялъ всей компаніи съ особенною злобой, что я подвергался тюремному заключенію, еслибы сталъ играть въ карты, пьянствовать, поздно возвращаться домой, или заводить худыя знакомства, какъ значилось въ моихъ бумагахъ.

Еще одно воспоминаніе осталось у меня отъ этого праздника: они не давали мнѣ спать и всякій разъ, какъ я начну бывало клевать носомъ, они меня будили и приказывали веселиться. Поздно вечеромъ мистеръ Воепль прочелъ намъ оду Коллинса и бросилъ окровавленную шпагу съ такимъ громомъ и эффектомъ, что слуга пришелъ и объявилъ: «купеческіе прикащики внизу свидѣлствуютъ свое почтеніе и просятъ напомнить, что здѣсь не комедія.» На возвратномъ пути, они были въ отличномъ расположеніи духа и пѣли: «О дѣва прекрасная!» и мистеръ Воепль пѣлъ баса.

Наконецъ, я помню, я чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ, когда я наконецъ попалъ въ мою спальню; я рѣшительно былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ у меня охоты къ ремеслу Джо, хотя оно когда-то и нравилось мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА

къ Н. А. и К. А. Полевымъ,

ПИСАННЫЯ ВЪ 1831—1837 ГОДАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ числу пріятнѣйшихъ эпизодовъ моей жизни принадлежитъ заочное сближеніе, перешедшее наконецъ въ истинную дружбу, съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ. Его необыкновенная судьба и не менѣе необыкновенное дарованіе, какъ писателя, дѣлаютъ его лицомъ чрезвычайно любопытнымъ, столько же для современниковъ, сколько для потомства, и потому я почитаю счастьемъ, что могу познакомить русскую публику съ послѣдними годами жизни этого достопамятнаго челоука, изданіемъ писемъ его, писанныхъ къ брату моему Николаю Алексѣевичу и ко мнѣ, съ 1831-го года почти по день его смерти.

Прежде нежели объясню, какъ началась наша переписка, я долженъ сказать, въ какихъ отношеніяхъ находились мы съ нимъ до 1831 года. Братъ мой очень близко познакомился съ Александромъ Бестужевымъ въ 1823 и 1824 годахъ. Во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, онъ бывалъ у него, проводилъ вечера въ обществѣ его и близкихъ его друзей, и былъ всегда радушно встрѣчаемъ въ этомъ об-

разованномъ кружкѣ. Не только самъ Бестужевъ, но и друзья его, оказывали ему пріязнь и уваженіе. Въ доказательство упомяну, что товарищъ Бестужева по изданію *Поллярной Звѣзды*, проѣзжая черезъ Москву въ декабрѣ 1824 года, каждодневно бывалъ у Николая Алексѣевича, и разстался съ нимъ какъ искренній пріятель. Тѣмъ удивительнѣе было намъ, когда Бестужевъ, въ обзорѣнн *Русской Литературы*, напечатанномъ въ *Поллярной Звѣздѣ* 1825 года (вышедшей въ концѣ марта), отозвался насмѣшливо и не уважительно о *Московскомъ Телеграфѣ*, съ явнымъ желаніемъ колынуть издателя. Мы приписывали такую перемѣну въ мнѣніи Бестужева, во первыхъ тому, что онъ вообще принадлежалъ къ литературной партіи, открывшей войну противъ *Телеграфа*, и ввторыхъ, что въ послѣднихъ книжкахъ журнала *Литературные Листки* за 1824 годъ было напечатано мое возраженіе на разборъ Бауринговыхъ переводовъ съ русскаго, тамъ же напечатанный Бестужевымъ. Лѣтомъ 1825 года Бестужевъ былъ въ Москвѣ, жилъ у С. Д. Нечаева, и затѣжалъ къ намъ. Тутъ я въ первый разъ видѣлъ его. Въ разговорѣ какъ-то рѣчь коснулась нашихъ литературныхъ несогласій, и Бестужевъ, говоря о моей статьѣ, сказалъ, что не должно писать возраженій такъ, что бы ихъ нельзя было опровергать въ свою очередь, разумѣя конечно мою защиту вліянія, какое имѣли Пѣтцы на образованность Русскихъ. Онъ отвергалъ это вліяніе. Мы съ братомъ отплатили ему визитъ, но въ этотъ разъ пробыли у него не долго, потому что онъ спѣшилъ въ итальянскую оперу, существовавшую тогда въ Москвѣ. Тѣмъ и кончились наши личныя сношенія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ужасное несчастіе поразило Бестужева. Душевно скорбя о немъ, мы даже не знали, гдѣ онъ находился до 1831 года. Между тѣмъ *Московский Телеграфъ* существовалъ уже шесть лѣтъ, и были изданы первые томы *Исторіи Русскаго Народа*. Въ это время Н. А. получилъ по почтѣ первое письмо отъ Бестужева изъ Дербента. Къ величайшему моему сожалѣнію, именно это письмо, которое могло бы служить ключомъ ко всѣмъ слѣдующимъ, затерялось, и я долженъ изложить здѣсь главное содержаніе его, очень памятное мнѣ. Бестужевъ начиналъ его, говоря, что почталъ бы себя недостойнымъ имени Русскаго, еслибы не отдавалъ справедливости издателю *Московскаго Телеграфа*, распространяющаго такъ много новыхъ свѣтлыхъ и полезныхъ идей и свѣдѣній, и не сочувствовалъ автору *Исторіи Русскаго Народа*, первой попытки создать истинную русскую исторію. Распространившись по своему о достоинствѣ трудовъ и сочиненій Ник. Ал.—ча, Бестужевъ прибавлялъ, что похвалы его безпристрастны, потому что онъ, въ своемъ положеніи, «непоранимъ» (именно его выраженіе) для критики, и его мнѣніе не есть корыстное задобриваніе журналиста въ пользу своихъ сочиненій. Примите выраженіе его какъ долгъ съ моей стороны, говорилъ онъ, тѣмъ болѣе обязательный, что по послѣднимъ литературнымъ сношеніямъ вы могли почтять меня непріязненнымъ къ себѣ. Будьте же увѣрены въ моемъ искреннемъ уваженіи къ вамъ и утѣшьте въ отвѣтъ, что я такъ же не потерялъ вашего уваженія и сочувствія. Въ заключеніе онъ вызывался прислать нѣсколько своихъ сочиненій для напечатанія въ *Телеграфѣ* и упоминалъ, что писать къ нему можно прямо, въ Дербентъ, на его имя.

Братъ мой былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ письмомъ и выразилъ Бестужеву всю благодарность и все сочувствіе свое въ отвѣтъ на его благородный привѣтъ. Слѣдовавшее за тѣмъ второе письмо Бестужева къ Н. А. открываетъ рядъ писемъ его, нынѣ издаваемыхъ мною. Они хранились у меня, и во все время я отдавалъ ихъ для прочтенія только сестрѣ Александра Александровича, Еленѣ Александровнѣ, и брату его Павлу, когда онъ жилъ въ Москвѣ. Вѣроятно, этотъ вѣтренникъ давалъ ихъ кому-нибудь изъ своихъ друзей и не возвратилъ мнѣ нѣкоторыхъ писемъ, хотя, принимая ихъ, ручался хранить какъ святыню. Кто не пожалѣетъ, что эти дорогія для нашей литературы письма потеряны! Два изъ нихъ выужены любителями рѣдкостей изъ забвенія и напечатаны въ *Отечественныхъ Запискахъ*, вмѣстѣ съ письмами Бестужева къ его роднымъ. Желаю, чтобы хоть такимъ путемъ явились на свѣтъ другія письма его, писанныя ко мнѣ и къ моему брату. Въ каждомъ изъ нихъ было что-нибудь замѣчательное, или какъ подробность его жизни, или какъ сужденіе, впечатлѣніе современное, или, наконецъ, какъ образчикъ оригинальнаго его слога. Помню, что въ одномъ онъ описывалъ несчастное событіе, какъ въ комнатѣ его застрѣлилась дѣвушка и какъ пристрастно вели слѣдствіе о томъ. Между прочимъ тутъ онъ говорилъ: Пусть потомки наши узнаютъ, что въ числѣ моихъ злѣйшихъ враговъ были подполковникъ В. и особенно поручикъ Р—ъ, производившій слѣдствіе. Сохраните ихъ имена какъ имена злобныхъ моихъ гонителей. Разумѣется, все это было сказано рѣзче и лучше нежели я передаю здѣсь. Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на извѣстіе мое, что я незадолго воротился изъ Петербурга, онъ съ какою-то простосердечною, дѣтскою радостью восклицалъ: «Вы были въ Петербургѣ! Разкажите, что онъ, мой голубчикъ, каковъ? такъ ли хорошъ какъ былъ прежде?» Этому письма нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ еще того, гдѣ была одна замѣчательная *бестужевская* фраза, которую смѣясь любилъ повторять братъ мой: «Надобно чтобы событіе отдалилось на *историческій выстрѣлъ*—тогда можемъ судить о немъ.» Еще нѣтъ письма, присланнаго имъ съ портретомъ своимъ. Можетъ-быть недостаетъ другихъ нѣсколькихъ писемъ, которыхъ вовсе не помню. Но, къ утѣшенію себя, думаю, что всѣхъ потерянныхъ писемъ не больше десяти. Это показываютъ означенныя на издаваемыхъ нынѣ числа. Въ послѣдніе годы онъ писалъ рѣже, конечно отъ того, что, какъ выразился въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, не задолго до своей смерти: «Мнѣ все и всѣ надоѣли... я устаю!» Сильная, но восприимчивая его природа не могла перенести мысли о безнадежности, и онъ тяготился жизнію, питалъ въ душѣ мрачныя мысли, и наконецъ искалъ смерти. Въ такомъ расположеніи духа онъ не охотно брался за перо. Это понятно.

Я долженъ пояснить, отчего переписка, начатая имъ съ братомъ моимъ, продолжалась наконецъ исключительно со мною. Братъ мой Н. А., этотъ неутомимый писатель, былъ дѣливѣйшій человекъ отвѣчать на письма. Изъ многихъ мѣстъ въ письмахъ Бестужева можно видѣть, что почти съ самаго начала Н. А. медлилъ въ отвѣтахъ ему и приводилъ его въ недоумѣніе. Дорожа перепиской съ этимъ достопамятнымъ человекомъ, я наконецъ вызвался быть его корреспондентомъ и

по возможности замѣнить моего брата, слишкомъ занятого и вѣчно лѣниваго на письма. Меня побуждало къ перепискѣ съ Бестужевымъ и понятное участіе душевное, и удовольствіе переписываться съ такимъ человѣкомъ, и наконецъ желаніе быть ему полезнымъ или по крайней мѣрѣ облегчить хоть малыми услугами грустную его судьбу. Такія побужденія заставляли меня исполнять безчисленные его порученія касательно заказовъ и покупокъ (что можно видѣть въ письмахъ его) и наконецъ вызваться на изданіе трехъ томовъ его сочиненій. Все это было не безъ хлопотъ, и даже не обошлось безъ неудовольствій для меня. Онъ самъ пишетъ, что петербургскіе пріатели клеветали ему на меня, какъ только могли, а одинъ общій знакомый, въ Ставрополѣ, увѣрялъ, что мы съ братомъ совершенно раззорены. По милости почты и частыхъ своихъ переселеній, онъ не получалъ нѣсколько мѣсяцевъ моихъ писемъ, въ то самое время, когда я хлопоталъ о выручкѣ денегъ за его сочиненія, и въ одномъ письмѣ, минутно, въ припадкѣ прилива желчи (какъ онъ объяснялъ потомъ), онъ даже выразилъ мнѣ нѣкоторое сомнѣніе... Можно видѣть изъ слѣдующаго за тѣмъ письма, какъ онъ раскаивался въ этомъ оскорбленіи меня! Можетъ ли назвать иначе подозрѣніе его тотъ, кто безкорыстно служилъ ему, исполнялъ всѣ его желанія, даже прихоти, и наконецъ составилъ для него капиталъ въ 20,000 рублей ассигнаціями изданіемъ его сочиненій и безмезднымъ трудомъ своимъ при томъ. Въ истинѣ этого ссылаюсь на собственные его письма ко мнѣ, и на достопочтенную сестру его, Елену Александровну, которой выплатилъ я остальные деньги его сполна, уже послѣ его смерти. Вознагражденіемъ меня за все, что дѣлалъ я для Бестужева, служило единственно собственное сознаніе, что я исполнилъ долгъ вѣрнаго друга его, какъ онъ называлъ меня много разъ.

Объ историческомъ и литературномъ значеніи писемъ его—предоставляю судить читателямъ. Мнѣ кажется, что нигдѣ лучше и сильнѣе не выразилъ онъ себя, потому что въ этихъ письмахъ находилъ отраду высказывать самыя душевные свои мысли и ощущенія. Изъ нихъ можно составить лучшую его биографію. Множество любопытныхъ подробностей разсѣяно въ нихъ и о немъ самомъ въ разныя эпохи его жизни, и о людяхъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ, и о событіяхъ, въ которыхъ былъ участникомъ. Литературныя его сужденія чрезвычайно оригинальны, иногда мѣтки и вѣрны. Не говорю о своеобразномъ его языкѣ, противъ котораго многіе разсыпались порицаніями, но не многіе замѣтили, что едва ли кто лучше Бестужева владѣлъ русскимъ языкомъ, едва ли кто больше постигалъ богатства этого великолѣпнаго, роскошнаго языка. Не надобно подражать Бестужеву въ способѣ его выраженія, потому что, не имѣя склада его ума, смѣшно было бы такое подражаніе; но можно поучиться у него знанію духа языка, вѣрности и точности въ употребленіи каждаго слова, каждаго выраженія, такъ что несмотря на завитки и вычуры многихъ фразъ, языкъ его—образецъ отчетливости и ясности въ изложеніи мыслей.

К. Полевой.

I.

Дербентъ, января 29 дня 1831 г.

Надобно любить людей, и людей извѣдать какъ я, почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ, чтобы понять отрадное чувство рѣдкой встрѣчи съ душой благородною, съ такою, какая видна въ письмѣ вашемъ. Въ доказательство какъ цѣню я мнѣнiемъ достойнаго человека... отступимъ въ минувшее, чтобы пояснить причину охлажденiя, которое вы могли замѣтить во мнѣ при началѣ 1825 года. Въ чистой памяти мнѣ хочется плавать бѣлымъ какъ лебедь, по крайней мѣрѣ въ отношенiи къ святому чувству приязни—одной приязни, для которой нѣтъ у меня упрека. Знакомство наше было коротко, но полно: никогда не забуду вечера, проведеннаго вмѣстѣ на Невскомъ Проспектѣ; я былъ тогда въ воспикнiи несчастной любви, вы въ струѣ довѣрiя—мы сердцемъ понимали другъ друга! Я не изъ числа людей, плѣняемыхъ одною искренностiю, на которую столь расточительны юноши; нѣтъ, надо было, чтобы другiя достоинства увлекли чашку вѣсовъ моихъ вверхъ, и она увлеклась вами не даромъ. Еще меньше могло на меня дѣйствовать забвенiе отъ заочности, отъ встренности; но я былъ доступенъ со стороны довѣрчивости. Ф—въ (вы угадаете имя), на сказавъ мнѣ о васъ съ три короба худаго, поколебалъ новую дружбу¹. Я былъ Донъ-Кихотъ безкорыстiя, правдивости, и навѣтъ о лицемѣрiи легъ холодною тѣнью между нами. Это самое отразилось и въ сужденiи Пол. Звѣзды—сознаюсь въ чловѣчествѣ. Впрочемъ, еслибъ я сталъ пересчитывать свои литературные промахи—долга была бы моя исповѣдь. Я не оправдываюсь, извиняюсь только тѣмъ, что я ошибался простодушно. Много говорилъ я смѣло, но тамъ, гдѣ еще сомнѣвался, старина подсказывала на ухо похвалы вмѣсто заслуженныхъ насмѣшекъ; душа роптала, но языкомъ новымъ, и я не всегда понималъ ее: уста, еще влажныя французскимъ молокомъ, ле-

¹ Ф—въ—Филимоновъ (Владимиръ Сергѣевичъ), не такъ давно умершiй, съ которымъ Н. А. Полевой былъ въ дружескихъ сношенiяхъ до 1824 года. *Ж. П.*

пелаи заученныя пѣсни. Я довольно жилъ послѣ того, чтобъ увидѣть чужіе и свои недостатки, убѣдиться въ собственныхъ несправедливостяхъ; вычеркните же изъ числа ихъ сомнѣніе о вашей нравственности. Еслибъ и не разсудилъ я послѣ, что Ф. былъ пристрастный судья въ своемъ дѣлѣ, еслибъ и не узналъ я, что разказы его были вздорны, то послѣднее твореніе ваше доказало бы мнѣ истину. Безнравственникъ можетъ написать прекрасную статью объ электричествѣ, о хозяйствѣ, но поэма, но высокій романъ, но исторія не знаютъ личнѣ. Я вѣрю, что авторъ есть книга и наоборотъ; она не всегда мѣрило его способностей, но едва ль не всегда обращикъ его нрава: одно выраженіе обличаетъ самаго опытнаго приторщика.

Такъ, въ пошломъ нашемъ времени, немногіе поймутъ васъ, еще менѣе оцѣнятъ; но что эти немногіе *суть*, въ этомъ я вамъ поручаю: въ глуши ощущенія самороднѣе, независимѣе отъ наитій журнальныхъ, и эти ощущенія говорятъ въ вашу пользу. Насчетъ пустынничества, не знаю, поздравлять ли или пожалѣть васъ: общество безъ людей—пески Пальмиры: они засыпаютъ душу безплодіемъ; но какъ не пожалѣть, что нѣтъ людей, съ которыми бы лестно было встрѣтиться и полезно жить! Я думалъ лучше о настоящей Москвѣ; но, видно, она все еще Нащокинскій шутъ съ разрумяненными щеками на дряхломъ лицѣ, шутъ, который въ одно и то же время поетъ «Ужъ не будутъ орды Крыма», и «Halte là, halte là»...

Вы жалуетесь на безхарактерность нашей настоящей словесности; но можетъ ли быть иначе, когда Булгаринъ знаменщикъ прозы, а Пушкинъ *ut-re-mi-fa* поэзіи? Второй изъ нихъ человекъ съ гениемъ, первый съ дарованіемъ, и если между ними есть линія сравненія, такъ это шаткость обоихъ; оба они будто заблудились изъ XVIII вѣка, несмотря на то, что вдохновеніе увлекаетъ Пушкина въ новый міръ, а смѣтливость заставляетъ Булгарина толковать объ усовершенствованности и прочемъ условномъ новаго ученія; но первый не постигъ его умомъ, второй не проникнулся его чувствомъ. Чтò такое поэма Пушкина?—Прелестныя китайскія тѣни.—Чтò такое романы Булгарина?—Остроумный подборъ и заданныя рифмы. Вы видите какъ онъ все за волосы тащитъ къ одному припѣву и забавно какъ влагаетъ онъ рѣчи, изобрѣтенныя въ позднѣйшіе годы, въ уста монаха и боярина, стрѣльца и мужика, безъ различія. Изъ книгопродавческаго объявленія о Далай-Ламѣ, безконеч-

номъ Выжигинѣ, вижу, что онъ торопится плыть по вѣтру. Наполеонъ, обманутый разказами своихъ агентовъ, идетъ на Россію—какая нелѣпая мысль! Еслибы Россія была въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ она была, Наполеонъ пошелъ бы на нее тѣмъ охотнѣе: онъ не терпѣлъ совѣстничества, и чѣмъ труднѣе успѣхъ, тѣмъ лестнѣе была для него побѣда. Еслибъ онъ вѣрилъ, что Россію можно завоевать своими свѣтлыми очами, онъ не двинулъ бы на нее всей Европы. Я увѣренъ, что Булгаринъ не пожалѣетъ ладону русскому дворянству, хотя оно, право, не такъ было безкорыстно и великодушно, и я многихъ видѣлъ вздыхающихъ въ 12 году о своихъ жертвахъ. Что до меня, я считаю нашествіе Наполеона на Россію однимъ изъ благодѣтельныхъ золъ, посылаемыхъ Провидѣніемъ. Громъ Бородинскій пробудилъ спящаго великана Сѣвера.

О литературныхъ сплетняхъ прошу извѣщать меня очень и очень: «*homo sum, humani nihil a me alienum puto*». Когда-то и я жилъ въ печатномъ свѣтѣ; теперь вовсе чуждъ ему. Я, какъ проснувшійся Рипъ-Ванъ-Винкль Ирвинга, вижу ту же вывѣску на трактирѣ, но уже новыхъ гостей за кружкою. Разгадайте мнѣ одну загадку: отчего, при такой сильной жадѣ къ чтенію, такая засуха на дѣльные вещи? Журналовъ, журналовъ смѣты нѣтъ; а разкусить—свищъ. Кинулись въ писательство романовъ какъ въ изданіе альманаховъ, совѣтуясь больше съ барышемъ, чѣмъ съ дарованіемъ; но долго ли подержится этотъ снѣжный валтеризмъ?

Теперь слово о себѣ. Надобно вамъ сказать, что великодушіе государя извлекло меня, въ концѣ 1827 года, изъ башни, воздвигнутой на одной изъ скалъ Балтики, и наканунѣ 1828 г. я прибылъ въ мѣсто вамъ знакомое—въ Якутскъ¹, въ мѣсто, назначенное для моего жительства. Тамъ я отдохнулъ душой, ожилъ новою жизнію. Все краткое лѣто прбвелъ я на воздухѣ, рыща на конѣ по полю, скитаясь съ ружьемъ по горамъ. Бывало, по цѣлымъ часамъ лежалъ я надъ какимъ-нибудь озеромъ, въ сладкомъ забытьѣ, *вкушая* свѣжій воздухъ — отрада, неизвѣстная для другихъ. Я ничего не дѣлалъ тамъ: такъ я былъ занятъ свободою; только выучился хорошенько по-нѣмецки, изучалъ Шекспира, и сталъ-было разбирать Данта въ подлинникъ; но съ силами загорѣлось опять желаніе боевой жизни; я просился

¹ Н. А. Полевой никогда не бывалъ въ Якутскѣ. Онъ родился въ Иркутскѣ и въ юные годы выѣхалъ оттуда въ Россію. *К. П.*

въ ряды—мой голосъ былъ услышанъ. Въ два мѣсяца я отъ полюса перенесся къ Арзеруму, и видѣлъ всѣ прелести войны въ Байбуртскомъ сраженіи; потомъ топталъ развалины царства Армянскаго, проѣхалъ завоеванную часть Персіи, и наконецъ очутился здѣсь сторожемъ Желѣзныхъ воротъ, за которыя напрасно рвется мое сердце. Богъ одинъ знаетъ, что перенесъ я въ эти пять лѣтъ; строгое испытаніе ждало меня и здѣсь, но крыло Провидѣнія вѣяло надо мною, и я не упалъ духомъ: казалось, онъ закалился въ тучѣ страданій. Я совлекся многихъ заблужденій, развилъ и нашелъ много новыхъ идей, укрѣпился опытомъ, и вѣра въ Провидѣніе, зиждущее изъ частныхъ бѣдъ общее благо человѣчества, и любовь къ этому слѣпому человѣчеству грѣютъ, одушевляють меня посреди зимы моей участи. Даже воображеніе мое, пажъ-чародѣй, порою приподнимаетъ цѣпь судьбы какъ хвостъ знатной дамы, и я не слышу тогда ея тяжести. Что будетъ впередъ, не знаю, но умѣю жить и безъ надежды. Всего болѣе досаденъ недостатокъ книгъ; кочевая жизнь лишаетъ возможности запастись ими, а неувѣренность въ завтра отнимаетъ охоту писать. Да, признаюсь, и самому совѣстно разказывать побасенки въ нашъ вѣкъ, когда чувствуешь, что не совсѣмъ бездаренъ на дальнѣйшее; но что сдѣлаешь безъ книгъ? Онѣ необходимы и для освѣженія ума и для справокъ памяти. О, какъ бы жаждалъ я укромнаго уголка подлѣ васъ: я бы предался совершенно ученію, въ которомъ чувствую необходимость. Сюда же долетаютъ только блестящія, падающія съ платя новой литературы. Посылаю, что случилось готовое: не осудите. Тетрадку и стихи подлѣ литерою а прошу не ставить въ счетъ. Пожалуста не думайте, чтобъ я считалъ посылаемые бездѣлки за что-нибудь достойное; я чуждъ мелочнаго самолюбія, и если рѣшаюсь печатать ихъ, такъ это потому, что смѣялся самъ писавъ ихъ, и можетъ-быть разсмѣшу читателей, а смѣхъ, право, находка ¹. За предложеніе насчетъ комиссіей словесныхъ благодарю братски: постарайтесь же купить въ счетъ *Исторію Римскую* Нибура и еще какой-нибудь дѣльный увражъ по своему выбору. Скоро надѣюсь прислать что-нибудь получше, хоть и въ

¹ Въ упоминаемой здѣсь тетрадкѣ находятся: «Объявленіе Общества приспособленія точныхъ наукъ къ словесности», «Рекомендательное письмо» и стихотвореніе: «Къ облаку». Подлинная рукопись сохранилась у меня. К. П.

журнальномъ родѣ. Неохотно расстаюсь съ проводникомъ умственнаго электричества, съ перомъ: такъ многое имѣлъ бы сказать, но отложимъ до другаго раза. Берегите здоровье для пользы общей, для которой вы его разрушаете, и будьте счастливы, сколько можно имъ быть въ нашемъ вѣкѣ и въ нашемъ мѣрѣ. Этого желаетъ душевно уважающій васъ

Александръ Бестужевъ.

II.

Дербентъ, 12 февраля 1831 года.

Охотно, но неожиданно, пишу къ вамъ, почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ. Тому виной 2-я глава *Андрея Переяславскаго*, напечатанная безъ воли моей. Въ предлагаемомъ оправданіи ¹ прочтете искреннее мое признаніе, какимъ образомъ я написалъ ее; но кто ее напечаталъ—до сихъ поръ не только не могу дознаться, но даже догадаться. Если можете, поясните мнѣ дѣло. Онъ написанъ былъ въ 1827 году, въ Финляндіи, гдѣ у меня не было ни одной книги; написанъ былъ жестянымъ обломкомъ, на которомъ я зубами сдѣлалъ разщепъ, и на табачной оберткѣ, по ночамъ. Чернилами служилъ толченый уголь. Можете судить объ отдѣлкѣ и вдохновеніи! Апелляцію мою напечатайте поскорѣе, и не въ счетъ абонемента—это мое, не ваше дѣло. Если найдете лишній уголокъ, приклейте два предлагаемые отрывка изъ *Андрея*; лучше ранѣе послужить ими добродушному человѣку, чѣмъ видѣть ихъ въ чужомъ журналѣ какъ переметчиковъ. Письма къ Эрману надо бы поглядить, но, право, нѣкогда. Я надѣюсь, вы получили уже за двѣ недѣли предъ симъ посланныя піесы? Ни отъ васъ, ни изъ Петербурга мы не получили еще журналовъ; трудно представить себѣ, какъ неисправны здѣсь почты. Иногда нѣтъ писемъ два мѣсяца, и потомъ вдругъ поддюжины. У меня пропали даже деньги и посылка: надобно быть здѣсь, чтобы повѣрить, въ какомъ хаосѣ находится этотъ край.

¹ Подъ заглавіемъ. «Нѣсколько словъ отъ сочинителя повѣсти: Андрей, князь Переяславскій». Рукопись его сохранилась. Это и другія упоминаемая здѣсь сочиненія Бестужева постепенно были печатаемы въ *Московскомъ Телеграфѣ*. К. П.

Перечитываю письмо ваше. Такъ, вы правы: мы не можемъ быть долговѣчны литературною жизнію; мы мыслимъ и говоримъ языкомъ перелома; нашъ періодъ есть куколка хризалиды, обертка необходимая, но пустая, и будущее сбросить ее въ забвеніе. Мы—летучія рыбки: хотимъ летѣть къ солнцу и падаемъ опять въ океанъ; со всѣмъ тѣмъ; наше призваніе жить этою двойственною жизнію; покоримся ему. Если нельзя намъ ни именами, ни мыслию пробиться въ будущее, постараемся по крайней мѣрѣ разгадать что было, и быть ровесниками настоящаго. Вы избрали прекрасную стезю для перваго: историкъ—пророкъ минувшаго, сказала М^{ме} Сталь, и справедливо. Для человѣчества желаю вамъ успѣха.

Я читалъ въ *Галатей* критику на вашу исторію: какъ это жалко написано! Кстати о ней: вы гдѣ-то сказали, что у насъ считались за грѣхъ лѣпныя изображенія святыхъ; хорошо ли вы это изслѣдовали? Въ 1823 году я шарилъ по Софійскому собору въ Новгородѣ, и тамъ, на чердакѣ одного купола, нашелъ цѣлыя поколѣнія рѣзныхъ святыхъ изъ дерева, величїною аршина по два и болѣе. Помнится, мнѣ разказывалъ монахъ, что они стояли въ церкви, и лишь во времена Никона, если не позднѣе, ихъ заточили въ кладовыя.... Спросите о томъ преосвященнаго Евгенія. Еще статуи многихъ святыхъ, какъ напримѣръ Симеона Столпника и иркутскаго чудотворца Иннокентія, до сихъ поръ стоятъ по церквамъ, изъ воску, хотя небольшого размѣра (NB. есть и въ Казани ликъ св. Николая такой же), и вообще я полагаю, что если и было гоненіе на истуканныя изображенія угодниковъ, то не повсемѣстно и не одновременно. Предоставляю себѣ удовольствіе сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ о мелочахъ русской исторіи, когда получу ее отъ васъ. Я не имѣлъ ни досуга, ни терпѣнія, во время оно, философически разложить оную, но романтическую и матеріальную часть изслѣдовалъ порядочно. Изученіе одеждъ и оружія всѣхъ народовъ было моею любимою главою, и потому позвольте вамъ сказать, что вы напрасно дивились, что мои Половцы въ *Андрѣ Переласкскомъ* выѣхали на разбой въ туфляхъ; обувь Черкесъ и доселѣ не что иное какъ туфли, и даже турецкіе всадники, когда намѣреваются дѣйствовать пѣшкомъ, то выѣзжаютъ въ туфляхъ. Напрасно, напримѣръ, и Булгаринъ вывелъ своего русскаго Хлопка съ двухствольнымъ ружьемъ: я бьюсь объ закладъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ двухствольнаго ружья старѣе 130 лѣтъ.

Это мой конекъ, Николай Алексѣевичъ, и самый невинный: не сбиваетъ и не брыкается. Когда-то замышляя я съѣсть на борзаго.... писать исторію Новгородъ, моей родины.... но и тогда я не иначе бы принялся за трудъ, какъ повѣривъ на мѣстѣ всѣ подробности, и долго, пристально погружаясь во тьму лѣтописей, съ фонаремъ критики. Видно, это не моя судьба, и можетъ быть для моей же пользы. Теперь я чувствую въ себѣ какой-то окисель англійскаго юмору, излишки во всемъ для меня смѣшны; но если я чего не прощаю людямъ, которые пишутъ у насъ взапуски, такъ это недостатка мыслей, даже способности мыслить. Страница, которая не заставитъ меня подумать о чемъ-либо, въ какомъ бы родѣ ни была, для меня хуже воровства. Мошенникъ крадетъ деньги, но деньги вещь наживная, а время кто мнѣ отдастъ? Я лучше буду стровить замки въ дыму трубки моей, чѣмъ молотить пустую солому.

Вы великодушно вывзались быть моимъ комиссіонеромъ по словесности, я вамъ наскучу по *вещественности*.... Впрочемъ, въ этой статьѣ обращаюсь къ братцу вашему Петру Алексѣевичу: ему вѣрно, болѣе досуга, и я такъ увѣренъ въ фамильной добротѣ вашей, что не сомнѣваюсь въ его расположеніи одолжить челоуѣка, не имѣющаго средствъ сдѣлать *этого* иначе. Онъ критиковалъ меня когда-то ¹, но я никогда не имѣлъ слабости сердиться за критику. Я подагаю, что мы ударили съ нимъ по рукамъ, и потому предлагаю списочекъ нужныхъ предметовъ. Здѣсь вовсе ничего нѣтъ.

По рубленому слогу этого письма угадать можете, что я не въ своей тарелкѣ, а скорѣе въ чужомъ котлѣ: это отъ неприязни пріятныхъ вѣстей отъ родныхъ и полученія здѣсь неприятныхъ. Дай Боже, чтобы въ нѣдрѣ своего семейства вы были недоступны имъ. Въ ожиданіи разказовъ о новыхъ литераторахъ, съ нетерпѣніемъ пребываю, искренно уважающій васъ

А. Б.

Р. С. Иванъ Петровичъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

¹ Петромъ Алексѣевичемъ называлъ онъ, по незнанію настоящаго имени, Ксенофонта Алексѣевича, и очень мило упоминаетъ объ этомъ самъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. О критикѣ на его статью въ 1824 году, можно найти поясненіе въ предисловіи къ этимъ письмамъ. К. П.

III.

Дербентъ, 23 апрѣля 1831 года.

Христосъ воскрес!

Въ праздникъ обновленія природы, мыслию обнимаю васъ, почитаемый Николай Алексѣевичъ, обнимаю и брата вашего: поцѣлуй этотъ не цѣлованіе Іуды. На второй день, я, вмѣсто краснаго яичка, получилъ отъ васъ книги и письмо; благодаренъ за первыя, за другое четверо: теперь свѣтлая недѣля будетъ настоящій праздникъ для моего ума и сердца. Поговоримъ о послѣднемъ.

Зналъ я, что грустно вамъ будетъ открытіе злословія въ ближнихъ, въ близкихъ, но мы уже не дѣти, и я принялъ за правило говорить людямъ, которыхъ уважаю, правду безъ за-вѣта: польнь горька, но крѣпительна, и лишняя цифра, отнятая у пріятнаго заблужденія, множить сумму положительныхъ познаній. Не въ другихъ, въ самихъ себѣ должны мы искать точку опоры, если хотимъ сохранить свою независимость въ мнѣніяхъ, въ поступкахъ, и скорѣе остаться одному въ пустынѣ, чѣмъ плясать около золотого тельца съ толпою. Вы дѣлаете чтò я говорю.

Человѣчество есть великая мысль, принадлежащая собственно нашему вѣку; она утѣшительна! Быть убѣждену, что если одинъ народъ коснѣетъ въ варварствѣ, если другой отброшенъ въ невѣжество, за то десять другихъ идутъ впередъ по пути просвѣщенія, и что масса благоденствія растетъ съ каждымъ днемъ, (это) льетъ бальзамъ въ растерзанную душу частнаго человѣка, утѣшаетъ гражданина, обиженнаго обществомъ. Но все это, лишь въ отношеніи къ будущему, которое не должно и не можетъ уничтожать настоящихъ обязанностей человѣка. И вотъ почему я былъ горячимъ ненавистникомъ нѣмецкаго космополитизма, убивающаго всякое благородное чувство отечественности, народности. «Lassen sie es gehen und untergehen»,—преlestное правило: оно во сто разъ хуже турецкаго фатализма! «Провидѣніе знаетъ когда и какъ лучше сдѣлать хорошее или истребить дурное», говорятъ они,

«слѣдственно все когда-нибудь и безъ насъ будетъ лучше, или не улучшится, несмотря на насъ.» Это совершенный pendant къ Омарову изреченію при сожженіи библіотеки Александрійской. Мы видѣли, до какого униженія довело это безстрастіе Германію во время Наполеона!

Но я зналъ людей и прежде, я не разлюбилъ челоувѣчества и теперь; отношенія мои къ нимъ были не шапочныя: я былъ обязанъ разсѣкать сердца многихъ, какъ насѣкомое, для изслѣдованія; видѣлъ его ничтожность, и оттого мало ошибался, что мало отъ людей ожидалъ. Я убѣдился, что нельзя полагаться на правила, но можно вычислить страсти ихъ, обращать на пользу общую не добродѣтели, а слабости. Одна бѣда: я слишкомъ вѣрилъ силѣ разума, убѣжденію очевидности въ той и другой сторонѣ, и рѣшеніе задачи не оправдало данныхъ. Это измѣнило образъ моего воззрѣнія на пороки и доблести, на злобу и доброту.... Миѣ кажется и вѣрится, что все благое, изящное, великодушное есть умъ, есть просвѣщеніе. Все злое, порочное, мстительное—глупость въ разныхъ видахъ, близорукое умничанье и самый плохой разчетъ. Я готовъ математически доказать свое мнѣніе, практика давно меня оправдала.

Вы говорите, что положеніе мое поэтическое; не сказать ли вамъ стихъ Дмитріева: «Для проходящихъ!» Вся жизнь моя была исполнена если не положеній, то впечатлѣній сильныхъ, странныхъ,—остальныя шесть лѣтъ особенно; однакожь пользоваться ими надо послѣ: въ бурю нельзя писать картины, и вихорь несчастія возмущаетъ душу, слѣпить на время умъ. Дайте всему этому отстояться, и тогда... тогда!!! а въ ожиданіи зари, читайте каракульки, писанныя въ проблески. Безнадежность сдвигаетъ около меня горизонтъ, и отлученный отъ всѣхъ приманокъ извѣстности, отъ всѣхъ подстреканій разбитаго конька-дарованія, я не рѣдко впадаю въ какую-то безпокойную дремоту. Лѣнь писать, лѣнь говорить, даже думать. Дремота эта тѣмъ несноснѣе для меня, что она не разлучна съ упрекомъ за бездѣйствіе. Чувствую, что я получилъ душу для работы ей свойственной, что она Богомъ отдана миѣ на воспитаніе, что ей необходимо движеніе впередъ для здравія, для счастья внутренняго. Но съ этимъ соединяется желаніе освѣжить душу дружескою бесѣдою, черпать, чтобъ не истощиться, и желаніе напрасное, жажда неутомимая. Скажу ли? сердце мое просить любви... послѣдніе годы, въ которые я

могъ бы ожидать ее взаимно, вянуть! Зачѣмъ, зачѣмъ шишы переживаютъ цвѣтокъ, зачѣмъ не гаснетъ огонь, когда онъ не можетъ свѣтить другимъ!

Очень благодаренъ за предложеніе присылать книги на прочтеніе, но принять его невозможно. Я сегодня здѣсь, завтра Богъ вѣсть гдѣ, и завися отъ каждаго, не властенъ даже имѣть съ собою что-нибудь. Та же причина заставляетъ меня со вздохомъ сердечнымъ отказаться отъ жемчужинъ слова и ума. Я и безъ того бросаю много книгъ въ Якутскѣ, много въ Тифлисѣ. Въ первомъ жилъ я съ бывшимъ графомъ Чернышевымъ, и отъ него пользовался всеми классиками въ оригиналахъ... Теперь со мною нѣсколько томовъ Гёте, Шиллера, Байрона, отрывки изъ литературы англійской, Муръ и нѣсколько книгъ натуральной исторіи. Французскими пользуюсь отъ Ивана Петровича, между коими много дѣльныхъ, но вовсе нѣтъ историческихъ. Если найдете Байрона въ одномъ томиѣ, прицѣнитесь: изданіе это ноское и полное. Нѣмецкихъ книгъ жду изъ Питера. Хочу учиться по-арабски, и уже порядочно понимаю по-татарски. Въ послѣдствіи буду просить объ Итальянцахъ, коихъ бросаю за неимѣніемъ и книгъ и лексиконовъ; надо примолвить: и досуга. Впередъ прошу васъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, присылать, что особенно дѣльно... отъ соусовъ по необходимости долженъ удержаться. Годуновъ однакожъ не въ числѣ ихъ, и потому пришлите... Впрочемъ, зная ваши занятія, не разсержусь, если вы забудете мои коммисіи, только, ради Бога, не забывайте искренно любящаго и уважающаго васъ

А. Бестужева.

IV.

Дербентъ, 28 мая, 1831:

Жду не дождусь возвѣщеннаго вами письма, почтенный Николай Алексѣевичъ! Получилъ табакъ, получилъ книги, получилъ сафьянъ, а то, чего желаю всего болѣе, медитъ. Васъ не виню, но досаду на почту тѣмъ не менѣе: она у насъ, упаси Богъ, какая причудница! И то сказать: Кавказъ теперь въ такомъ волненіи, какъ не бывало лѣтъ двадцать. Даже самая мирная дорога между Кизляромъ и Дербентомъ запала: не-

дѣлю назадъ разграбили почту и убили одного казака, слѣдственно письма наши, которыя ходили прямо, теперь стануть колесить черезъ Тифлисъ, то-есть продутешествуютъ, можетъ-быть, лишній мѣсяць: немного отрады!

Мы получили № 5 *Телеграфа* и старый за ноябрь. Скажите пожалуйста: кто таковъ Вельтманъ? Спрашиваю, разумеется, не о человѣкѣ, не объ авторѣ, а просто объ особѣ его... Съ первыми двумя качествами я уже знакомъ, могу сказать друженъ, хочется знать быть его. По замашкѣ угадываю въ немъ военнаго; даръ его уже никому не загадка. Это развязное, легкое перо, эта шутовскость истинно-русская и вмѣстѣ европейская, эта глубина мысли въ вещахъ дѣльныхъ, какъ двѣ силы центральныя, то влекутъ васъ къ думѣ, то выбрасываютъ изъ угрюмости: онъ мнѣ очень нравится. Прошу включить *Страничку* въ число гостянцева. Еще вопросъ: кто пишетъ юмористическія статьи *Живописца*? Въ немъ различаю двухъ: одного, который взялъ за образецъ аллегорію *Спектатора*, родъ, немножко поизношенный. Другаго кисть оригинальнѣе, бойче, новѣе. Г. Ушаковъ, по мнѣнію моему, лучшій писатель нежели критикъ. Въ разборѣ его *Самозванца*, впрочемъ, есть много мыслей вовсе ложныхъ, особенно насчетъ мнѣній русскаго народа. Ничто такъ не вредитъ наблюденіямъ, какъ заготовленное напередъ понятіе о вещахъ и людяхъ: это сито для сортировки жемчужинъ пропускаетъ только извѣстной величины и круглоты перлы. Я читалъ изъ *Киримъ-Кайсакъ* только двѣ главы: очень, очень милы; нельзя ли и его послать попотѣть въ Дербентъ?.. У насъ уже начались слитные жары, милліоны розъ клонятъ уже свои головки, и зеленый мундиръ весны линяетъ какъ сукно русскаго крашенья. Хвалынь наша немножко оживилась судами, которыя построены по модели корабля Язонава и ходятъ едва ли не съ такими же способами: удивительное постоянство! Въ газетахъ, правда, два года назадъ возвѣстили, что здѣсь будетъ прогуливаться пароходъ; но такъ какъ это уже напечатано, никто о немъ не заботится, и необходимаго этого парохода слыхомъ не слышать. Грозится какое-то общество устроить по каспійскому побережью свои факторіи для торга съ Персіей: пора бы давно за умъ взяться! Все это однакожь черезъ пень колодой валится. Мудрено ли, что здѣсь дороги русскія издѣлія, когда каждая арба платитъ, на разстояніи 275 верстъ отъ Кизляра до Дербента, 20 р. серебромъ пошрины, берутъ въ городахъ за ввозъ и вывозъ, бе-

ругъ и частные владѣльцы за провозъ (transit) черезъ ихъ земли: Дагестанъ въ XIX вѣкѣ еще не ушелъ отъ библейскаго устройства мытарей!... Я готовъ головой ручаться, что государь объ этомъ не знаетъ; это слишкомъ рѣзко, чтобы могло быть терпимо подъ европейскимъ правленіемъ.

Про себя не смѣю, по крайней мѣрѣ краснѣю говорить: какая-то летаргія умственная какъ жерновъ лежитъ на мнѣ, и я почти ничего не писалъ. Хочется мнѣ написать что-нибудь подѣльнѣе для посвященія вамъ. Въ началѣ года я думалъ, что буду имѣть болѣе досуга, сильнѣе стремленіе къ труду; вышло наоборотъ: ни того, ни другаго. Во всякомъ случаѣ я сдержу свое слово и не уклонюсь отъ вашего; не сегодня-завтра, а все-таки своихъ рекрутъ выставлю; я надѣюсь, что вы примете, если попадутся безпалые и безъ зубовъ. Здоровье мое плоховато: порой я чувствую себя и гляжу молодцомъ, но это не надолго; не купленные хворости кабалятъ меня понемногу; особенно весна и осень для меня трудны бываютъ; видно, и разрушеніе, такъ же какъ развитіе человѣка, имѣетъ свои цвѣты и плоды ежегодные. Скажите, какъ идетъ ваше здоровье? Спрашиваю объ этомъ какъ человѣкъ, искренно васъ любящій, и какъ эгоистъ, желающій отъ васъ щечиться долго и часто читательнымъ чтеніемъ. Не знаю какъ вы, Николай Алексѣевичъ, а я въ недугъ никуда не гожусь для письма; воображеніе мое тогда запираетъ назапоръ двери, какъ московская дама отъ холеры. Можетъ-статься, съ лѣтами я и свыкнусь съ такими гостями какъ Гофманъ, но до сихъ поръ они для меня хуже злаго Татарина. Кстати о Татарахъ: со всѣмъ моимъ желаніемъ выучиться языкамъ восточнымъ, вижу, что не здѣсь гнѣздо ихъ, и не у меня средства. Вообразите себѣ, что арабскій словарь въ Петербургѣ стоитъ 350 рублей... а дербиджано-татарскаго не нашли нигдѣ, а невѣжество ученыхъ Татаръ насчетъ и своего, и фарсійскаго, и арабскаго—невообразимо: никакой идеи о грамматикѣ, просто никакой идеи ни о чемъ; я не могу понять, какъ столько вѣковъ не расширили этихъ пустыхъ мозговъ! Болтая по-татарски, я нашелъ однакожъ кучу словъ ихъ, запавшихъ въ нашъ языкъ такъ глубоко, что никто не сомнѣвается объ ихъ некрещеномъ происхожденіи. Но полно на этотъ разъ. Поклонъ и благодарность братцу вашему. Будьте счастливы.

Много уважающій васъ А. Б.

V.

Дербентъ. 9 іюня 1831.

Вѣроятно вы ждете моихъ, а я не получаю вашихъ писемъ, почтенный Николай Алексѣевичъ! Богъ судья нашей почтѣ. Не знаю, что бы случилось и со всѣмъ Закавказскимъ краемъ, еслибы эриванскій герой еще года два здѣсь остался. Кто пріѣдетъ сюда управлять Грузіей, будетъ ему хлопотъ вдоволь, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніяхъ. Дошло до того, что деревнюшки, которыя уже 50 лѣтъ въ грязи ползали, теперь возмущились и нападаютъ врасплохъ на разсѣянныхъ солдатъ. Казимулла, побитый нашими въ Таркахъ, поднялъ Чечню и теперь держитъ въ осадѣ Грозную и Внезапную. Кажется, миновало то время, когда съ одною ротой кавказскіе Русаки творили чудеса. Горцы какъ ни глупы, но ихъ не побьешь какъ Турокъ. Много бы, много могъ я сказать вамъ о подвигахъ нашихъ въ Персіи и въ Турціи, но ограничусь только замѣчаніемъ, что Пушкина напрасно упрекаютъ за безчувствіе къ славѣ Русскихъ. Самое жаркое дѣло, какое я видѣлъ въ 1829 году, сказалъ онъ, «происходило между русскими казаками и егерями, которые подрались за брошенныя пушки». Откуда же взять вдохновенія? Грустно, любезный Николай Алексѣевичъ, когда и въ военномъ мірѣ найдешь разочарованіе, когда въ баловняхъ славы увидишь глину горшечную, и слѣпую фортуна, безъ умысла производящую слѣдствія изумительныя! Здѣсь-то оправдалась пословица, что не родись умень, родись счастливъ... Трудную, многотрудную взяли вы на себя обязанность писать современную исторію. Для того, кто видалъ какъ сочиняются реляціи, не пойдетъ въ руки ни одно описаніе сраженій: про другое нечего и говорить; надо пѣть только: *За горами, за долами!*

Вотъ уже два мѣсяца не получаетъ здѣсь никто *Телеграфа*, и это заставляетъ насъ беспокоиться насчетъ вашего здоровья, даже болѣе чѣмъ здоровья. Дай Богъ, чтобъ опасенія добрыхъ людей и добрыхъ знакомцевъ вашихъ остались одними опасеніями. Я бы молился за васъ, еслибы былъ вашимъ врагомъ—польза общая впереди всего; можете повѣрить, что

желаніе знать васъ здоровымъ и счастливымъ тѣмъ искреннѣе, чѣмъ болѣе васъ люблю. Я получилъ *Годунова*, получилъ *Петра Ивановича*; проглотилъ перваго и не съѣлъ; грызу втораго и не варится въ желудкѣ. На дняхъ ожидаю *Рославлева*—поглядимъ, каковы московскіе рысаки!.. Самъ я пораженъ спячкою душевною... Нѣсколько разъ спрашивалъ себя, не слѣдствіе ли она сознанія въ собственномъ ничтожествѣ?.. Всѣ колеблются: умъ говорить почти да, но въ душѣ что-то шевелится похожее на *velo*. Этотъ горькій укоръ въ лѣни не можетъ происходить отъ одного самолюбія:

Блаженъ, кто свѣтлою надеждой обладаемъ
Безвредно всплыть надъ океаномъ тьмы:
Чего не знаемъ мы — употребляемъ,
И невозможно то, что знаемъ мы! (подр. Гёте.)

Признаюсь, я съ нетерпѣніемъ ждалъ совѣта вашего для какого-нибудь основательнаго труда. Во мнѣ главный порокъ—нерѣшительность выбора: хочется и того, манить и другое, да и вообще я мало изобрѣтателенъ; лучше могу схватить и развить чужое начало, чѣмъ свое. Теперь пишу для васъ повѣсть: *Аммалатъ-Бекъ*; кончилъ четыре главы, но мало досуга. Какова выльется, не знаю; рамы впрочемъ довольно свѣжія, изъ горнаго дерева. Въ *Сынъ Отечества* повременамъ печатаются мои стиховные грѣхи, но отъ опечатокъ, и въ прозѣ и въ виршахъ, житія нѣтъ. Въ одной піесѣ, напримѣръ, въ 22-мъ №, вмѣсто. «Въ небѣ свить тумановъ хоръ,» поставлено: Въ небѣ *свистъ*, тумановъ хоръ. Ник. Ив., кажется, вѣруеть, что въ поэзіи не должно быть смыслу, и потому какую бы чепуху ни навралъ корректоръ, онъ не заглянетъ въ рукопись. Какими шагами идетъ ваша *Исторія* въ письмѣ и въ печати? Вы насъ разлакомили—душа еще просить. Перебирая старыя *Телеграфы*, я нашелъ многія очень европейскія критики В. У. (Василія Ушакова), и потому каюсь, что я, судя по нѣкоторымъ изъ новыхъ его же, сказалъ, что онъ лучшій авторъ чѣмъ критикъ. Si je l'ai dit, je m'en dédis. Говоря о журналахъ: *С.-Петербургскій Меркурій* знаете ли кѣмъ издавался въ сущности? Отцомъ моимъ, и насчетъ покойнаго императора. Вотъ что подало къ тому поводъ. Отецъ мой составилъ *Опытъ Военнаго Воспитанія* и поднесъ его (тогда великому князю) Александру. Александръ не зналъ какъ приметъ государь-отецъ, и просилъ, чтобы сочиненіе это раздробить въ

повременное изданіе. Такъ и сдѣлано. Отецъ мой былъ дру-
жень, даже жилъ вѣсть съ *Пановыми*, и они объявили изда-
ніе подъ именемъ Панова, ибо въ тѣ времена пишущій офи-
церъ (отецъ мой былъ майоръ главной артиллеріи) показало
бы едва ли не чудовищемъ¹. Я очень помню, что у насъ весь
чердакъ заваленъ былъ бракованными рукописями, между ко-
ими особенно отличался плодovitостію Александръ Ефимо-
вичъ: я не одинъ картонъ слѣпилъ изъ его сказокъ. За *Испо-
вѣдь* Фонъ-Визина отца моего вызывали на дуэль; переписка
о томъ была бы очень занимательна теперь, но я какъ Вандагъ
все переклеилъ, хотя и все перечиталъ: ребичество не хуже
Омара. Въ послѣдствіи государь обратилъ въ пенсіонъ деньги,
выдаваемые на изданіе, который отецъ мой и получалъ до
смерти. Отецъ мой былъ рѣдкой нравственности, доброты
безграничной и веселаго нрава. Всѣ лучшіе художники и сочи-
нители тогдашняго времени были его пріятелями: я ребёнкомъ
съ благоговѣніемъ терся между ними. Но объ этомъ до дру-
гаго случая. Теперь я радъ, что вамъ, современнику моему,
дружески могу сказать: будьте счастливы.

Вамъ сердцемъ преданный А. Б.

VI.

Дербентъ, 1831. года, августа 13 дня.

Не приложу ума, почтенный Николай Алексѣвичъ, что зна-
чить молчаніе ваше? Не постигаю причины, почему бы вамъ
запретили писать ко мнѣ о словесности; а кромѣ этой случай-
ности, другой вѣроятной не вижу. Во всякомъ случаѣ я жа-
лѣю душевно, что лишенъ бесѣды съ человѣкомъ столь про-
свѣщеннымъ, столь полезнымъ.

Получилъ на прошлой почтѣ III томъ вашей *Исторіи Рус-*

¹ Здѣсь, не имѣвъ подъ рукою справочныхъ книгъ, А. А. Бесту-
жовъ ошибся въ именахъ: не *С.-Петербургскій Меркурій*, а *С.-Пе-
тербургскій Журналъ* издавалъ, и не *Пановъ*, а *Пнинъ*, извѣстный въ
свое время образованный и смѣлый литераторъ, побочный сынъ *Рпл-
мина*. Событія конечно были таковы, какъ излагаетъ авторъ. Далѣе упо-
мянутое объ *Исповѣди* Фонъ-Визина доказываетъ, что онъ разумѣлъ
журналъ Пнина, гдѣ въ первый разъ она была напечатана. *К. II.*

скаю *Народа*. Я не жанъ-полисть и не большой руки плакса, но желалъ бы, чтобы вы видѣли слезы умиленія, уроненныя неслышно на многія страницы ваша. Вы одушевились, кажется, духомъ Мстислава Удалаго, отомщевая память его, закиданную вѣками и очерненную историками... Чтò можетъ быть святѣе, утѣшительнѣе долга дѣписателя: воздавать каждому свое, «не умствуя лукаво»—и вы исполнили этотъ долгъ. Поздравляю васъ!.. Я убѣжденъ, что въ тиши своего кабинета, наединѣ съ душой своею, вы счастливы откровениями ея, озаряющими какъ молніи тьму вѣковъ; вы заплачены ими за брань и лай нашей критической псарни.

Полученъ и 7 № *Телеграфа*—очень милъ. Если не ошибаюсь, сцена изъ обыкновенной жизни—ваша? Прикидываю себя къ разнымъ лицамъ ея и нахожу въ себѣ грань каждого—не знаю, чего во мнѣ нѣтъ? Я настоящій микрокосмъ. Одно только во мнѣ постоянно—это любовь къ человечеству, по крайней мѣрѣ зерно ея, потому что стебель носилъ цвѣты разнородные, начиная отъ чертополоха до лиліи. Въ библиографіи вы не перестаете разстрѣлывать бездарность, несмотря на то, что запрещено бить *дичь* въ маѣ мѣсяцѣ. По дѣломъ имъ! Никогда еще не бывало въ печати такой тьмы нелѣпостей! Это доказываетъ вмѣстѣ и жадность читать и чешотку писать ихъ, то-есть растущую массу посредственности... Черепашьимъ, чтобъ не сказать рачьимъ, ходомъ идетъ у насъ просвѣщеніе... Но объ этомъ послѣ.

О *Годуновѣ* долго не могъ я дать самъ себѣ отчета—такое не ясное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Я ожидалъ большаго, я ожидалъ *чего-то*, а прочелъ *нѣчто*. Тѣфу ты пропасть, думалъ я, неужели ли я оконченъ въ Якутскѣ и зачертвѣлъ здѣсь чувствомъ къ изящному; но, хоть убей, я не нахожу тутъ ничего кромѣ прекрасныхъ отдѣльныхъ картинъ, но безъ связи, безъ послѣдствія; ихъ соединила, кажется, всемогущая игла переплетчика, а не мысль поэта... Впрочемъ, я доселѣ еще не совсѣмъ доверяю себѣ... Избалованный *Поэмами* и *Теллями* и *Ричардами III*, я, можетъ-быть, потерялъ простоту вкуса и не нахожу прелести въ вязигѣ. Разрѣшите мое сомнѣніе о піесѣ, про которую самъ Пушкинъ, въ 1825 году еще, писалъ ко мнѣ: «Впрочемъ, это все игрушки (онъ разумѣлъ о мелкихъ своихъ поэмахъ), я занимаюсь теперь трудомъ важнымъ: пишу трагедію *Борисъ Годуновъ*.» Слѣдственно онъ отдѣлывалъ его *con amore*, и въ нѣко-

торомъ отношеніи она можетъ служить мѣрою его творческаго духа!

Въ другихъ стихотворцахъ не вижу ничего хорошаго особенно. Гладкіе стихи, извѣдка чужая мысль, и та причесана, завита такъ, что Боже упаси!

Литература наша—сѣтка
 На ловлю иноморскихъ рыбъ;
 Чужихъ лицъ она насѣдка,
 То ранній цвѣтъ, то поздній грибъ,
 Чужой хандры, чужаго смѣха
 Всеповторяющее эхо.

Та бѣда еще, что не выбираютъ хорошаго для подражанія. Далісь имъ Уланды, Ламартины, какъ-будто на свѣтъ не существуетъ ни Шекспира, ни Шиллера, ни Данте, ни Байрона. Отчего происходитъ это? Отъ малознанія ли языковъ, или оттого, что не по силамъ поднять исполинское бремя геніальной мысли? Кстати: кто таковъ Шевыревъ, который пальнулъ въ васъ съ холма Капитолія?.. Его похваляютъ иные журналы; я ищу его стиховъ и не нахожу. Вельтманъ будетъ милый стихотворецъ; но ежели пойдетъ столбовою дорогою нашихъ поэтовъ, то не выбѣтся изъ милыхъ. Стихотворныя повѣсти плѣнительны у Байрона и Вальтеръ-Скотта: у перваго глубокими чувствами, у втораго подробностями, но безъ того и другаго онѣ могутъ тѣшить одно любопытство. Вообще, мнѣ проза Вельмана и шуточные стихи больше нравятся чѣмъ долгия его стихотворенія. Не включаю въ то число *Искандера*: тотъ очень поэтиченъ, хоть и въ прозѣ.

При семь писемъ получите пять главъ повѣсти: *Аммалатъ Бекъ*. Остальныя непременно черезъ двѣ недѣли пришлю. Это истинное происшествіе, и я отъ себя прибавилъ только подробности; дѣло кончится тѣмъ, что Аммалатъ убьетъ своего благодѣтеля... какъ и за что? позвольте васъ помистифицировать до поры до времени. Если найдете, что повѣсть эта слишкомъ длинна для вашего журнала (въ ней будетъ не менѣе 12 печатныхъ листовъ), прошу васъ отослать къ Гречу, приписавъ, что она à parte, то-есть не въ счетъ года. Издатели альманаховъ подвѣзжаютъ съ предложеніями—да Богъ съ ними: не подь лѣта дѣдушкѣ плясать съ внучками. Притомъ же г. Аладьинъ отучилъ меня отъ излишняго довѣрія къ литераторамъ. Насчетъ моихъ статей, въ стихахъ ли, въ прозѣ ли, пожалуйте не церемоньтесь: чуть плохи, чуть не соотвѣтствуютъ

цѣли и составу журнала—въ сторону ихъ. Я не изъ числа тѣхъ мелочныхъ людей, которые со всякою строкой своей носятя какъ съ писаною торбой. Объ одномъ просьба: увѣдомляйте о пѣсахъ, которыя выпускаются, онѣ могутъ уйти у меня какъ товаръ. Я живу въ такой сторонѣ, гдѣ деньги послѣ Бога первая вещь, да въ какой сторонѣ это иначе?

Кавказъ мятется, дорога западаетъ, и Кази-Мулла, неутомимый фанатикъ, какъ гидра машеть новыми головами изъ всѣхъ ущелій. Поэтому прошу васъ, если будете что посылать, цѣните по цѣнности, чтобы не остаться въ накладѣ. У насъ въ Дербентѣ почтмейстеръ промоталъ разныхъ денегъ и посылокъ тысячъ на двадцать; въ томъ числѣ я потерялъ на 800 рублей—и нѣтъ никакой расправы. Это обстоятельство заставляетъ меня думать, не попались ли ваши письма въ его печь алхимическую... очень бы желалъ хоть слово услышать о томъ. Мнѣ порой даже въпадаетъ на мысль: «ужь не рассердился ли Николай Алексѣевичъ, что я замучилъ его порученіями!» но потомъ мысль эта таетъ снѣгомъ передъ увѣренностію, что человекъ, который такъ радушно вызвался и такъ скоро исполнилъ мою первую просьбу, (не) могъ измѣниться въ два мѣсяца. Ставлю себя на ваше мѣсто—и успокоиваюсь. Иванъ Петровичъ, душевно уважающій васъ и свидѣтельствующій вновь свое уваженіе, проситъ по прилагаемому списку искупать вещи, требующія и вкуса и глаза при выборѣ, и потомъ приказать бережно запаковать въ ящикъ для отсылки. Цѣну покорнѣйше прошу выставить въ счетъ, который ожидаю. Любезному братцу Петру Алексѣевичу привѣтъ душевный—вамъ обоимъ желаніе счастья! Дай, Богъ, скоро его залучить къ себѣ и долго, всегда владѣть имъ!

Преданный вамъ А. Б.

VII.

Дербентъ. 1831 года, сентября 26 дня.

Пишу къ вамъ налету, почтенный Николай Алексѣевичъ; собираюсь на Горцевъ и ожидаю для разрѣшенія на походъ генераль-адъютанта Панкратьева, управляющаго нынѣ Закавказьемъ. Онъ приехалъ сюда на Самбуръ и занемогъ крѣпко со всѣмъ штабомъ

и домогъ своимъ отъ мала до велика—доказательство благороднаго здѣшняго климата. Не браните меня, что долго не слагъ окончанія Амалата (при семъ прилагаемаго). Казимулла держалъ насъ 8 дней въ осадѣ и дѣло тогда было не до перьевъ. Почти каждый день подъ стѣнами города у насъ были гомеровскія стычки съ неприятелями, при коихъ и вашъ покорнѣйшій не упустилъ случая порыскать. Горцы готовились штурмовать городъ, настроили огромныхъ лѣстницъ, навязали фашинь, и бѣжали, заслышавъ приближеніе генерала Коханова съ отрядомъ. Досуга и потомъ было мало, да, кромѣ того, почта не ходитъ сюда отъ Кубы уже 7 недѣль, ибо казакіе посты сняты, и я отправляю это письмо съ нарочнымъ въ Кубу, откуда уже оно приметъ ходъ по мытарствамъ обычною стезею. Боюсь, что мой Дагестанецъ слишкомъ дороденъ для *Телеграфа*? Въ такомъ случаѣ отдаю на вашу волю и попеченіе: печатать ли его у себя или особо, или отослать къ Гречу, передъ которымъ, за хлопотами службы, я виноватъ заэтотъ годъ—послать одну бездѣлку.... Не знаю, какъ покажется онъ вамъ?... Сдается мнѣ, что характеръ Амалата выдержанъ съ первой главы, гдѣ онъ застрѣливаетъ коня, не хотѣвшаго прыгать, до послѣднихъ, въ которыхъ онъ совершаетъ злодѣйское убійство друга. Правда, что рамы не позволили мнѣ развернуть его, но что жъ дѣлать? Мало-по малу я чувствую, что мнѣ надобно писать романъ, ибо предметы мои разрастаются не путемъ, и, подрѣзывая вѣтки у нихъ, я безобразую цѣлое. Передаю въ вашу руку всѣ запятая и мелочныя ошибки: право, нѣкогда ни переписать хорошенько, ни просмотрѣть и того, что написано. Военная служба составлена изъ сѣтки мелочей, въ которой много бесполезныхъ дыръ досуга, но еще болѣе обязанностей, связывающихъ васъ на каждомъ часу: «Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай»—вотъ ея девизъ. Чтобы не выбочить (?) съ дороги порученій: скажу вамъ откровенно, что я въ это время обезденежалъ.... Если можете, пришлите сколько будете въ состояніи, адресуя на мое имя, ибо Иванъ Петровичъ идетъ въ походъ и Богъ-вѣсть когда воротится въ Дербентъ. Адресъ дѣлайте слѣдующій: Александру Александровичу Бестужеву, въ грузинскій линейный № 10 батальионъ, въ Дербентъ. Для вѣрности требуйте, чтобы при семъ посылалась росписка, должная возвратиться къ вамъ отъ получителя. Эти предосторожности необходимы въ здѣшнемъ краю, ибо я въ теченіе полутора года имѣю уже на здѣшнюю почту на 1.100 рублей

претензій за растроченныя и украденныя разными почтмейстерами деньги. Между прочимъ покойникъ дербентскій расхитилъ на двадцать двѣ тысячи.... Насъ увѣряютъ, что мы будемъ удовлетворены.... я только пожимаю плечами.

Что сказать вамъ о состояніи здѣшняго края? Паскевичъ, отдавъ свою довѣренность людямъ, которые всего менѣе ее заслуживали, довелъ Кавказъ до высшей степени разстройства. Прошлый 1830 годъ былъ гибеленъ для Русскихъ не одною холерою. Побоище подъ Закаталами не имѣло примѣра въ лѣтописяхъ военныхъ, и придадо дерзости Лезгинамъ, какъ нельзя болѣе. Походъ графа за Кубань, безъ цѣли, какъ и безъ пользы, кончился важнымъ для насъ урономъ, когда мы не видали Кабардинцевъ въ глаза. Разбои по линіи и по военной дорогѣ возросли. Наконецъ мятежъ всего Дагестана довершилъ картину. Кази-Мулла осаждалъ и едва не взялъ Бурную, и дернулъ явиться подъ Дербентъ, не выдавшій непріятеля подъ стѣнами 27 лѣтъ. Къ счастью, что государь ввѣрилъ управленіе сего края генералу Панкратьеву, человѣку, соединяющему въ себѣ всѣ познанія гражданской службы съ рѣшимостію и взоромъ военнымъ. Надѣмся, что онъ поправитъ дѣла. Теперь думаемъ идти въ горы: непріятель наблюдаетъ въ 15-ти верстахъ отъ Дербента, укрѣпляясь главными силами въ мѣстахъ, всего менѣе приступныхъ, и кажется, много крови прольется на землю, прежде чѣмъ снѣгъ ее покроетъ. Дожди льютъ ливня.

Недавно я читалъ *Телескопъ*; въ немъ есть дѣльныя статьи, но этотъ грязный духъ партій, въ немъ первенствующій, несносенъ. Онъ, кажется, хочетъ строиться изъ вашихъ развалинъ?... Не высоко же ему подняться. Я думаю, публика не поддастся на слово г. Надеждина. Журналовъ и газетъ не читалъ уже девять недѣль, и потому о текущей словесности ничего не знаю.

Я замучилъ васъ порученіями, наскучилъ вамъ письмами, и все-таки увѣренъ, что вы не досадуете ни на то, ни на другое. Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи, какъ къ человѣку и какъ автору. Давайте скорѣе четвертую часть исторіи, и не забывайте человѣка, который пересталъ уже быть и баснею.

Преданный вамъ А. Б.

VIII.

Г. Дербентъ. 1831 г. декабря 16 дня.

Вы живы, для меня живы, добрый, почтенный мой Николай Алексѣвичъ!... Слава Богу! Нѣтъ, какъ вы хотите, не погружайте меня впередъ въ подобное безпокойство. Не надо мнѣ частыхъ писемъ, но разъ въ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, необходимо. Три строчки, два слова, но чтобъ я зналъ, что вы, какъ вы.

Сколько давно уснувшихъ думъ и чувствъ очнулось во мнѣ на письмо ваше отъ 25-го сентября! Сколько черныхъ и свѣтлыхъ часовъ встали передо мною, отряхнувъ съ крыльевъ могильную пыль!... Они ожили, будто отъ живой воды, отъ многихъ слезъ, пролитыхъ на ваши строки... Труженикъ, труженикъ, утѣшься! Не ты одинъ носишь неутолимую жажду въ груди своей... огонь Прометея свѣтитъ и жжетъ вмѣстѣ, или, лучше сказать, пожигаетъ быстрѣе чѣмъ озаряетъ. Одинъ только не повитый глупецъ можетъ быть доволенъ самъ собою... Утѣшься, если отрадно знать, что и другіе страдаютъ наравнѣ съ нами. «На людяхъ и смерть красна», говорятъ Русскіе; но *на людяхъ*, не значить съ людьми. Я бы презрѣлъ самолюбца, который бы пожелалъ, чтобы съ нимъ умирали товарищи для компаніи... Счастье, счастье!... Будь я Манихей, я бы сказалъ, что какой-нибудь Эблисъ подбросилъ эту таинственную каракулю подъ ноги звѣакъ-человѣчеству вмѣсто камня преткновенія. Цѣлый вѣкъ осуждены мы цѣдить это вѣчносуществующее ничто сквозь Данаядину бочку, сквозь душу нашу, и чѣмъ больше труда, тѣмъ менѣе утоленія. Гдѣ-то въ Писаніи сказано: «бездна призываетъ бездну»; я скажу: бездна пожираетъ бездну, и можетъ ли она упитаться, уснуть отъ пресыщенія?... Вы говорите: счастье должно быть отдохомъ... Мысль новая, можетъ-статься, справедливая, то-есть прекрасная, но я не вѣрюсь ей, даже не приступаю къ ней... Звукъ этотъ не пробуждаетъ во мнѣ никакой мысли. Въ лѣта юности, я былъ слишкомъ вѣтренъ и не отдавалъ себѣ отчета въ цѣли моихъ желаній. Далѣе, былъ я обрече-

нець, который не перелеталъ надеждоу краткихъ дней впередъ... а теперь, теперь иное дѣло. Я отрубилъ канать, который держалъ ковчегъ мой хоть одною якорною лапой за землю обѣтованную... Я выбросилъ въ море весь грузъ надеждъ, уморилъ съ голоду желанія счастья и теперь ношусь безъ цѣли по безбрежному пространству, полному стадами животныхъ, между коихъ едва замѣтна семья человѣка, семья созданій разумныхъ. Со всѣмъ тѣмъ, любезный мой Николай Алексѣевичъ, въ очеркѣ вашемъ себя, взглядыя я въ собственные черты мои: разница (и вѣрьте, что это не игра) едва ли въ мою пользу. Какъ завидна мнѣ въ васъ ничѣмъ не отклонимая воля образовать себя и трудолюбіе не утомимое. Вы говорите, что это спасеніе отъ бездны души (такъ толкую то, чтѣ называете пустотою), что въ трудъ прячетесь вы отъ самого себя... Неужели не видите въ этомъ перста Провидѣнія, которое разными подстреканіями, разными бичами заставляетъ людей творить или разрушать на пользу общую?... Будете ли роптать на Него, что за работу египетскую ѣдите вы чеснокъ, омоченный слезами, оглянитесь: за вами лежитъ Меридово озеро, спасающее, плодотворяющее цѣлую страну, и вы, вы тоже копали его! Трудъ есть первый завѣтъ между небомъ и землею; польза есть первый долгъ, воздаваемый Богу, черезъ руки человѣчества, и счастье въ тотъ, кто выплатилъ его болѣе, прямѣе; стало-быть вы счастливѣе меня, котораго гнететъ какая-то свинцовая дѣнь. Въмѣсто гармоніи нахожу я въ себѣ вѣтеръ пустынный, шепчущій въ развалинахъ. Подъ крестомъ моимъ, тѣмъ крестомъ (и болѣе нравственно чѣмъ вещественно), падалъ я хоть на часъ, но не однажды. Духъ мой окрѣпъ; но это больше огаментѣніе чѣмъ твердость. Двѣ только драгоценности вынесъ я изъ потопа: это гордость души и умиленіе передъ всѣмъ, чтѣ прекрасно. Чуденъ сталъ внутренний міръ мой: прочтите *The Darkness* Байрона, и вы схватите что-то похожее на него; это океанъ, «задавленный тяжелой мглой, недвижный, мрачный и нѣмой», надъ которымъ мелькаютъ какіе-то неясные образы. Зима судьбы погрузила меня въ спячку... о, ежелибъ эта зима сохранила въ свѣжести чувства мои для красныхъ дней! Напрасная мольба... холодъ сохраняетъ только мертвецовъ въ своемъ лонѣ, онъ убійца жизни. Слышу упрекъ совѣсти: «ты погребаешь талантъ свой», и на мнѣ хватаюсь за перо. Вотъ почему не написалъ я доселѣ ничего полнаго, развитаго до послѣдней складки. Мои

повѣсти, разорванныя звенья электрической цѣпи, вязавшей умъ мой съ сердцемъ; но я самъ не разберу концовъ, не сцѣплю обрывковъ. Впрочемъ, съ неохотой принимаюсь за дѣло, я съ любовью веду его. Только въ чтеніи, только въ сочиненіи оживаю... Правда, я живу тогда не своею жизнью: плавкое мое воображеніе принимаетъ всѣ виды. Оборотень, оно влѣзаетъ въ кожу, оно, какъ рукавицу, надѣваетъ понятія лицъ, созданныхъ мною или другими; я смѣюсь и плачу надъ листкомъ... но это мигъ... я скоро простываю: слова мнѣ кажутся такъ узки, перо такъ медленно, и потому читатели такъ далеки, путь къ ихъ сердцамъ нравственно и физически такъ невѣренъ... и потому, когда задумаю, что эта игра или страданіе души все-таки поденщина для улучшенія своего быта, кисну, холодѣю, тяну, вяжу узы какъ-нибудь. Нѣтъ, нѣтъ: для полнаго разлива, для вольнаго разгула дарованія надо просторъ; нѣтъ, я не доволенъ своими созданіями! Это дѣти, иногда забавныя, иногда милыя, порой даже умненькія, но дѣти, но карлы, а я живу въ сторонѣ исполинскихъ горъ, въ мірѣ исполиновъ, мечтаній... Ради Бога, не поминайте мнѣ про мои сказки!

Вы говорите о моемъ перерожденіи, о разницѣ меня прежняго со мною настоящимъ: я думаю, это болѣе видимое чѣмъ точное... Вѣтхій Адамъ проносился на мнѣ, правда, до дыръ, но еще съ плечъ не падаетъ. Вѣтреность моя была доминно для свѣтскаго карнавала, съ которымъ вертѣлся я для биржевыхъ сдѣлокъ. Свѣтъ забавлялъ меня очень рѣдко, но не плѣнялъ никогда. Въ кругу своихъ, я былъ собою, но вполне разоблаченную душу видѣлъ только одинъ, и этотъ одинъ уже въ лонѣ Бога. Ребенкомъ бываю, порой, и до сихъ поръ... и какъ бы желалъ быть имъ чаще, быть имъ долѣе... съ игрушками вѣетъ мнѣ невинность ребячества... Кратки, кратки эти минуты! Ахъ, я слишкомъ хорошо знаю людей, чтобы долго обманываться. «Отдай мой рай, отдай мой адъ, отдай мнѣ молодость назадъ!» восклицаю я съ Гёте. Какъ рѣдки во мнѣ нынѣ свѣтлыя восторги любви и святаго негодованія, которые могли хоть на минуту возвышать меня до геройства, до увлекающаго краснорѣчія! Безстрастная судьба словно облила мою душу своимъ холодомъ, своею ночью, не украшенною ни звѣздочкой познанія: для чего преданы люди на сѣденіе злобъ и силъ? Я сталъ почти равнодушенъ къ страданіямъ человечества, которому не могу помочь словомъ. Сперва я былъ

ребенокъ, стражъ запертаго льва, теперь часовой у гроба... я цвѣлъ прежде по крайней мѣрѣ какъ цвѣтокъ теплицы—нынѣ цвѣту какъ стоячая вода... Куда жь перетянетъ сравненіе?... Такъ или сякъ, но скажу вамъ откровенно, что въ былое время словесность считалъ я побочною своею дорогой; мнѣ казалось и кажется, что я рожденъ лучше чувствовать нежели говорить, и болѣе дѣйствовать чѣмъ думать. Я изувѣченный гренадеръ, который неловко берется за берды.

Теперь очередь за людьми; вы жалуетесь на ихъ злость, на ихъ безпричинныя преслѣдованія... да когда же звѣри любили человекъ?... Впрочемъ мое мнѣніе, что напрасно жалуются на злобу людей: надобно бы обвинять ихъ глупость; слишкомъ много чести называть этихъ копѣчныхъ Геростратовъ злодѣями: они просто дураки. Они или ослы съ тигровыми лапами, или хищные орлы съ поросычьимъ рыльцемъ, и вотъ почему я никогда не принималъ близко къ сердцу ни обмановъ, ни коварства ихъ. «Больше разницы между человекѣмъ и человекѣмъ, сказала Монтанъ, чѣмъ между человекѣмъ и скотомъ»: можетъ ли же крайнее существо обидѣть меня, будь оно хоть съ рогомъ, хоть съ зубомъ, хоть съ жаломъ? Ей-Богу, нѣтъ! Оно можетъ уязвить, измучить, истерзать меня, но огорчить развѣ на минуту. Вспомните, любезный Н. А., что свѣтъ есть огромный желтый домъ, въ которомъ и лѣкаря, по несчастію, если не безумные, то едва ли не глупѣе прочихъ. Послѣдуйте мнѣ, и вы увидите, какъ цѣлѣбно подѣйствуетъ на васъ это убѣжденіе. Это не гордость, не презрѣніе; сохрани Богъ, нѣтъ, это сожалѣніе, участіе къ злему мальчишкѣ-человѣчеству; ибо съ мыслию о ребячествѣ связано желаніе дѣлать ему добро, даже долгъ дѣлать его, несмотря на отплату зломъ: дѣти всегда бранятся и плачутъ, когда ихъ моютъ. Но всѣ ли таковы люди?... Одинъ лукавый могъ бы отвѣчать: *есль*. Несчастливы вы, что судьбой брошены въ такой огромный кругъ мерзавцевъ. Я былъ счастливѣе васъ живучи въ свѣтѣ; я зналъ многихъ, у которыхъ самый большой порокъ былъ лишь то, что они считали себя героями. Я счастливѣе васъ и въ этомъ преддверіи ада, въ которомъ маюсь, ибо знаю людей, для коихъ паденіе стало вознесеніемъ. О, какія высокія души, какое ангельское терпѣніе, какая чистота мыслей и поступковъ!... Самая злая, низкая клевета не могла въ шесть лѣтъ искушенія найти ни въ одномъ патушка, и въ какое бы болото ни бывали они брошены, при-

казное презрѣніе превращалось въ невольное уваженіе. Безупречное поведеніе творить около нихъ очарованную атмосферу, въ которую не смѣетъ вползти никакая гадина... Сколько познаній, дарованій погребено вживѣ!... Вы помирились бы съ человѣчествомъ, еслибы познакомились съ моимъ братомъ Николаемъ... Такія души испускаютъ тысячи навѣтовъ на человека.

Но, я говорю: *знаю*, а это не значить *живу* съ ними. Я разлученъ даже съ меньшимъ братомъ Петромъ, который въ полномъ смыслѣ слова мученикъ. Сто верстъ между нами, и мы врознь: такъ близко и такъ неизмѣримо далеко! Незаслуженныя обиды отъ мерзавцевъ врѣзали въ его сердце глубокую мизантропію, въ умъ глубокую меланхолію. Подобно вамъ, онъ горячо принималъ все, принимая двуногихъ животныхъ за людей... Его положеніе печалитъ меня всего болѣе. Онъ израненъ, изувѣченъ, и никакого покоя, никакихъ средствъ къ улучшенію его жизни, ни одного дружескаго лица около... это ужасно! Данте помѣстилъ бы крѣпость Бурную въ своей *Divina Comedia*, и эта глава была бы сильнѣйшая.

Я недавно возвратился изъ похода въ горы. Былъ не разъ въ дѣлахъ, и скажу вамъ, что Горцы достойныя дѣти Кавказа... Это не Персіане, не Турки. Сами бѣсы не могли бы драться отважнѣе, стрѣлять цѣльнѣе. Намъ дороги стали такъ-называемыя побѣды. Въ послѣднемъ дѣлѣ мы имѣли несчастіе потерять товарища, по несчастію, знаменитаго храбростію полковника Миклашевскаго: это былъ настоящій Аяксъ, и палъ героемъ. И такихъ-то товарищей теряемъ мы съ каждымъ годомъ, оплакивая каждый день... Число несчастливцевъ стѣсняется видимо... передніе падаютъ; а мы всегда впереди... скоро дойдетъ ¹... и до меня. По таблицѣ вѣроятностей, даже прежнія удачи суть уже залогомъ къ будущему проигрышу. А климатъ, климатъ? Между прочими, онъ недавно поглотилъ отличнаго свитскаго офицера Искритскаго... это жертва Выжигина.

Благодарю за присылку книгъ; *Notre-Dame* совершенно въ моемъ вкусѣ. Я, впрочемъ, прочелъ только первую часть ея. *Странникъ* черезчуръ колобродитъ. Насчетъ моихъ отношеній съ Гречемъ скажу: я плачу старый долгъ. Гречь пер-

¹ Написаннаго здѣсь слова невозможно разобрать. К. П.

вый ободрилъ и оцѣнилъ меня; когда цѣлый комитетъ цензуры рѣшилъ, что я не умѣю написать строчки по-русски, онъ первый предложилъ мнѣ и въ несчастіи быть его сотрудникомъ. Въ немъ много барства, но много и благородства. Что я сказалъ, если повѣсть велика для *Теллграфа*, то отошлите въ *С. О.*—я не разумѣлъ тутъ, что она негодна для васъ... Журналъ имѣетъ свои рамы, въ которыя и воля журналиста не можетъ втѣснить книги. Деньги посылаются ко мнѣ отъ многихъ прямо, и доселѣ, кромѣ воровства на почтѣ, никакихъ препонъ не было. Впрочемъ, я не считаю васъ должникомъ, ибо вы не печатали ничего моего кромѣ *Гаданья*. Я очень совъщусь обремененіемъ покупками. Кстати о печати: если вы хотите чаще имѣть отъ меня повѣсти, тискайте ихъ скорѣе... Увидя въ печати свое, я подстрекаюсь писать вновь: ахъ, думаю, вѣдь у Полеваго ничего моего не осталось, и давай чертить... Да, да, еще: я просилъ отъ васъ зерна для чегонибудь дѣльнаго... пошевелите своею житницей историческою. Если что-нибудь изберу, то займу у васъ необходимыхъ подробностей, а безъ того придется писать: à-la madame Genlis—«*historique*».

Душою обнимаю васъ, дорогой мой Николай Алексѣевичъ; почта уже подтягиваетъ подпруги... нехотя надобно разстаться. Нѣкогда перечешть письма... Это настоящій персидскій ситецъ; хочется обо всемъ сказать, и оттого ничего не доскажешь, не выскажешь. Притомъ, если вы забыли, о чемъ сами писали по порядку, прощай смыслъ: средній лоскутъ нашего купона потерянъ. Объ одномъ прошу васъ: не предавайтесь поглощающей мысли безконечности и совершенства въ отношеніи къ себѣ, ибо человекъ не можетъ вмѣстить въ себѣ разума всего человѣчества, еще менѣе вынести на себѣ судьбу, предназначенную всему человѣчеству. Покоряйтесь призванію, но не переходите его границъ въ лихорадочномъ порывѣ души. Жалѣть позволено намъ, что мы не гении, но отчаяваться отъ этого — есть роптать на Бога, котораго должны благодарить вы, что Онъ далъ вамъ средство, далъ вамъ отряду быть полезнымъ, отраду, которой лишены тысячи людей, которые тлѣютъ какъ отверженные богами жертвы. Не говорю вамъ о людяхъ: около васъ, и вдали васъ, и въ собственномъ сердцѣ снуется узелъ примиренія ихъ съ вами, по крайней мѣрѣ васъ съ ними. Скажите съ Байрономъ: за злобу,

за преслѣдованіе воздамъ я местию и клятвами, и эта клятва будетъ забвеніе.

Но меня, столь много полюбившаго васъ, вы не забудете; я увѣренъ въ этомъ. Поцѣлуйте руку у супруги вашей за меня: это благодарность за то, что она улаживаетъ бытіе ваше. Поцѣлуйте еще сто разъ, чтобъ она сохранила васъ, если не для васъ, то для себя, для

Александра Бестужева.

Въ этомъ же письмѣ, занимающемъ всего восемь страницъ, написано:

«Вы такъ добры, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, что извиняете меня и безъ эпиграфа: «милостивый государь», за перекрещеніе васъ, по незнанію, въ Петры. Снимая однакоже имя, я оставляю при васъ ключи, конечно не отъ рая; по крайней мѣрѣ, отъ замка, замыкающаго дружество мое съ братцемъ вашимъ. Я увѣренъ, что эти ключи не будутъ похожи на камергерскіе, которые ничего не отпираютъ. Напрасно совѣститесь вы старинныхъ критикъ своихъ—ни природа, ни умъ не дѣлаютъ скачковъ: это было, стало—должно было быть, и единственнымъ раскаяніемъ человека въ дѣлахъ неумышленныхъ должно, какъ мнѣ кажется, быть улучшеніе, исправленіе себя. Это пахнетъ магистральнымъ наставленіемъ; но опытъ и несчастіе, если не дали мнѣ права давать совѣты, то извиняютъ, по крайней мѣрѣ, мою говорливость. Притомъ же, ради самаго графа Хвостова, какъ выдумать средство, найдти что-нибудь въ нашихъ произведеніяхъ словесности? Это кокосъ безъ молока: поневолѣ станешь грызть скорлупу. Моихъ критикъ тоже не выкинешь изъ этого десятка—многихъ критикъ. Были иныя, въ которыхъ пробивался и разумъ: но это былъ разумъ въ академическихъ пеленкахъ. Съ тѣхъ поръ много уплыло воды, много наплыло и дразгу... Полно объ этомъ!

«Обстоятельства военныя въ Дагестанѣ, въ этомъ «Land of mountains and floods», весьма плохи для Русскихъ... Полковъ мало, и тѣ слабы. Климатъ и мѣткія пули враговъ просквозили ряды ихъ. Кази-Мулла, воспламенивъ фанатизмомъ вѣчную ненависть Горцевъ къ Русскимъ, дѣйствуетъ отлично, и съ своими летучими отрядами ходитъ у насъ не только подъ носомъ, но и по самому носу. Мѣры кротости или, луч-

ше сказать; *manie de rallier*, сдѣлали то, что мы окружены и прощипкованы врагами—подъ именемъ мирныхъ, лазутчиками—подъ видомъ союзниковъ. Сообщенія прерваны, кони мрутъ съ голоду, солдатамъ ничего не продаютъ, и Кази-Мулла, ободренный разграбленіемъ Кизляра, откуда увезъ онъ добычи на 4 милліона и 200 пѣвннхъ, грозитъ всѣмъ городамъ новою осадой... Говорятъ, къ нему присоединяются и Аварцы, самое воинственное племя, сердечники Кавказа, а край обнаженъ. Дѣло подъ Агачь-Кале стоило намъ 400 человекъ, павшихъ подъ стѣной деревянной башни на скалѣ, въ которой сидѣло не болѣе 200 человекъ. Русскіе оказали чудеса храбрости—и даромъ. Тутъ легло 8 офицеровъ самыхъ отличныхъ, въ томъ числѣ 3 штабовъ и съ ними начальникъ отряда Миклашевскій. Дѣло подъ Чирикеемъ, за Сулакомъ, кончилось удачнѣе, ибо мы взяли назадъ пушку, отбитую у Эммануэля, но потеряли 80 человекъ. Чудо что за мѣстоположеніе въ томъ мѣстѣ (подъ Чирикеемъ), а картина канонады была очаровательна. Тамъ вызвался я ночью осмотрѣть мостъ, разрушенный нарочно... десятки заваловъ опоясывали скалу противоположнаго берега, и всякій, кто выставялъ носъ только, былъ поражаемъ; но темнота мѣшала цѣлиться, я подползъ къ обрыву, внизу бушевалъ Сулакъ, 10 сажени ввызъ, за 12 шаговъ бѣлѣлись ворота предмѣстія; я слышалъ, какъ говорили непріатели, какъ заваливали камнями входъ, и вдругъ залаяла собака, и меня поподчивали свинцовымъ градомъ. Но я послѣ отомстилъ имъ, ибо мнѣ поручили выстроить крыло батареи прямо противъ того мѣста; цѣлое утро мы громили ихъ; въ 3 часа дня они покорились. Братецъ вашъ проситъ меня, чтобы я берегъ свою жизнь: это довольно трудная вещь для солдата. Природа не обдѣлила меня животною дерзостію, которую величаютъ храбростію; но я уже не запальчивъ, какъ бывало. Слава не заслоняетъ мнѣ опасностей своими лазоревыми крылышками, и надежда не золотитъ пороховаго дыма. Я кидаясь впередъ, но это болѣе по долгу, чѣмъ по вдохновенію. Труды и усталость и непогоду сношу терпѣливо: никто не слышалъ, чтобъ я ропталъ на что-нибудь: потерявъ голову, по бородѣ не плачуть.

«За аккуратность посылокъ я много, много благодаренъ, но не вовсе за счеты. О прежнихъ посылакахъ ни слова; о книгахъ и альманахахъ тоже. Сдѣлайте одолженіе, упомяните о омъ. Покуда есть у меня перо, не дарите меня; иначе я

ни о чемъ не буду просить васъ: это капризъ, но онъ мнѣ родной. Не сердитесь на мой крутой слогъ: я считаю васъ въ числѣ друзей, а съ друзьями привѣты и околичности не терпимы. По прилагаемому кружку, постарайтесь, любезный К. А., выслать мнѣ поскорѣе стекло къ часамъ. На сей разъ только.

«Братъ васъ такъ любить, Ксенофонтъ Алексѣевичъ—подкрѣпите же вы его своею заботливостью, осѣжайте духъ его своею бесѣдой... Я бы горячо желалъ раздѣлить съ вами этотъ священный долгъ, какъ дѣлю съ вами къ нему уваженіе и съ нимъ привязанность къ вамъ. Будьте счастливы.

«Вашъ Александръ Б.»

IX.

Г. Дербентъ, 1832 г. 4 января ¹.

Вотъ и звѣзда новаго года взошла на небосклонъ нашего бурнаго вѣка, любезный, почтенный Николай Алексѣевич! Поздравляю, впрочемъ, только съ мирнымъ окончаніемъ минувшаго. Только. Занимать у будущаго слезы или радости было бы слишкомъ не расчетливо. Одни газетчики могутъ смѣло увѣрять насъ въ благоденствіи несомнѣнномъ, и могутъ потому, что имъ, какъ несостоятельнымъ должникамъ, никто не вѣрять. Для себя собственно я ничего не жду, ничего не страшусь: въ этомъ отношеніи я наслаждаюсь безстрастіемъ покойниковъ. Желалъ бы очень, чтобы съ моими чувствами стало то же, чтó съ моими надеждами, а то сердце живуче слишкомъ: шевелится и раздавленное колесомъ счастья; бьется въ когтяхъ судьбы, точить кровь, и такъ долго не исходитъ ею! Нѣтъ худа безъ добра, однакоже: лучше пусть клюетъ его орелъ Зевеса, чѣмъ ему быть источену червями житейскими. Духъ человѣка питается собственнымъ потомъ, своими слезами и кровью; но за то на этой пищѣ онъ вырастаетъ исполиномъ.

¹ На этомъ письмѣ, вверху, выставленъ № '1-й: видно, писавшій хотѣлъ нумеровать свои письма; но такая аккуратность ограничилась однимъ этимъ письмомъ.

Отведемъ душу: поговоримъ о словесности. Денежная удача Булгарина разманила писакъ нашихъ. Желаніе выгоды притянуло ихъ за вдохновеніе, и давай изъ иностранныхъ лоскутковъ сшивать русскіе романы. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ очень замѣтны швы этихъ ветшинныхъ выставокъ. Я нѣкогда пренесчастную память—память квартальнаго, которому не попадайся плутъ на глаза дважды, и отъ этого я рѣдкое русское произведеніе читаю съ удовольствіемъ. Даже театральные разборы игры актеровъ, не только журнальныя критики, такъ пахнутъ *Журналомъ Преній*, что я, кажется, могъ бы указать нумеръ, изъ котораго они выкрадены. Жаль, право, что газетные листки не клеймятся, а то рѣдкій бы изъ нихъ избѣжалъ величественныхъ заглавныхъ буквъ В, О и Р: и подломъ бы—не шаръ по чужимъ карманамъ. Въ романахъ еще болѣе безсовѣстности. Нарядятъ какого-нибудь лорда въ нагольный тулупъ, и думаютъ, что въ этомъ нарядѣ можно сдать его хоть не въ зачетъ въ рекруты. Вездѣ у нихъ является какая-нибудь Діана Вернонь, съ косою по пятамъ, вездѣ Гуртъ, вверхъ ногами, а безъ дуры или сумашедшей не смѣютъ они и показаться. Это ихъ родная сестра, или муза. Презабѣтливые сны видятся ихъ героямъ и героинямъ чуть не наяву, и эта греза—завязка всего происшествія. За милость еще, если обойдется безъ колдуньи, а то, пожалуй, по примѣру *Ө. В.*, заставить васъ присутствовать при анатомической проэкціи свиньи, изъ брюха которой вынуть змѣю и лягушку, и все это въ январѣ мѣсяцѣ. (Зри *Димитрія Самозванца.*) Господи, твоя воля! да неужели на святой Руси не найдемъ мы ни одной оригинальной дуры, ни одной вѣдьмы, за которой бы тащился не шлейфъ, а хвостъ, самородный, кievскій?.. Нѣтъ, господа, какъ вы хотите, а голландской селедки не слѣдъ являться съ квашеною капустою, русскую ворону не скроютъ перья попугаевъ американскихъ, и англійскій фразъ волочится у васъ самихъ по пятамъ. На бѣду вашу, вы не успѣете даже читать живую грамоту оригиналовъ, и русскій *Нашъ* отзывается у васъ какъ *N* французскій. Не говорю уже о *доблѣи* Шекспира, о Кальдероновскомъ *сагапо*, о *неповзвальяхъ* Поляковъ, а изъ италіанскаго міра поэзии вы достойны знать только:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!

Я говорю это болѣе въ отношеніи смысла, въ отношеніи характера народнаго, чѣмъ познанія языка. Да и кто у насъ пи-

шеть? Или жители гостинныхъ, которые разъ въ годъ прислушиваются къ языку народа въ балаганахъ, и рады-рады, что выудятъ какое-нибудь пошлое выраженіе, съ которымъ носятя словно съ писаною торбой. Это у нихъ родимое патнышко на маокъ. Весь прочій языкъ—сметана съ разныхъ горшковъ: что-то кисло-сладкое, плавающее въ сывороткѣ бездарности, и все это посыпано свинцовымъ сахаромъ личности или солодковымъ корнемъ лести: прекрасное дѣларство отъ ванама, не отъ скуки. Или такіе люди, которымъ конечно нечего дѣлать въ карманъ за *харчевными* выраженіями, за то напрасно и трудъ дать этимъ рѣчамъ занимательность. Чтобъ узнать добрый, смышленный народъ нашъ, надо жизнью пожить съ нимъ, надо его языкомъ заставить его разговориться... быть съ нимъ въ розхмѣль на престольномъ праздникѣ, ѣдить съ нимъ въ лѣсъ на медвѣдя, въ озеро за рыбой, тянуться съ нимъ въ обозъ, драться вмѣстѣ стѣна на стѣну. А солдатъ нашъ? какое оригинальное существо, какое святое существо, и какой чудный, дикій звѣрь съ этимъ вмѣстѣ! Какъ многогранна его дѣятельность, но какъ отличны его понятія отъ тѣхъ, подъ которыми по фѣрмѣ привыкли его рисовать! Этотъ газетный мундиръ вовсе ему не впору... Солдатъ нашъ не Тримъ, не гренадеръ Старой гвардіи, но и не Храбровъ драма Федорова, не то какъ описываютъ его старинныя пѣсни, всего менѣе пѣвунъ Федора Глинки. Кто видѣлъ солдатъ только на разводѣ, тотъ ихъ не знаетъ; кто видѣлъ ихъ съ фухтелемъ въ рукѣ, тотъ ихъ и не узнаетъ никогда, хоть бы вѣкъ прослужилъ съ ними. Надо спать съ ними на одной доскѣ въ караулѣ, лежать въ морозную ночь въ секретѣ, идти грудъ съ грудью на заваль, на батарею, лежать подъ пулями въ траншеѣ, подъ перевязкой въ лазаретѣ; да, бездѣлица: ко всему этому надо гениальный взоръ, чтобы отличить перлы въ кучахъ всякаго хламу, и потомъ даръ, чтобы снизить изъ этихъ перлъ ожерелье! О, сколько разъ проклиналъ я бесплодное мое воображеніе за то, что изъ столькихъ матеріаловъ, подъ рукою моею разсыпанныхъ, не могъ я сооронить ничего досель! Дай Богъ, чтобы время починило дырявые мои карманы, а то все занимательное высыпается изъ нихъ, словно орѣхи у школьника. Я былъ такъ счастливъ (или, пожалуй, такъ несчастливъ), что вблизи разглядѣлъ народъ нашъ, и, кажегся, многое угадать въ немъ; вопросъ: удастся ли мнѣ извлечь когда-нибудь изъ этихъ дробей знаменателя?.. Хочу, и сомнѣваюсь.

Но мы бродимъ по сторонамъ. Зерно верхнихъ строкъ упало изъ № 18 *Телеграфа*. *Стрѣльцы!* гми! Эпоха великихъ характеровъ: это великаны старинной Руси, которые отстаиваютъ не однѣ свои бороды въ борьбѣ съ великаномъ новаго вѣка. Это бой на смерть. *Стрѣльцы!*.. громкое имя, привлекательное не для однихъ книгопродавцевъ. Пусть не сравниваютъ ихъ съ янычарами: это старѣ пудры. Напротивъ, въ нихъ замерла послѣдняя народность. Съ Петра, солдатъ уже пересталъ быть человѣкомъ; мундиръ и кастанъ разлучились надолго. Эра, болѣе значущая въ домашнемъ быту Россіи, чѣмъ въ политическихъ вѣсахъ, въ которые Великій бросилъ огромный мечъ свой. Ничего не вижу изъ отрывковъ журнальныхъ. Конечно, романъ нельзя составить по двумъ позвонкамъ, подобно костяку какого-нибудь мамонта, но птицу можно узнать не только по полету, да и по перелету. *Украденная Невеста!* ба, ба, ба! да это I promessi Sposi: та же канва, тѣ же bravi, только съ окладистыми бородами à la Husschka! Ну, съ Богомъ: «проваливай, дядюшка!» Надо бы подарить сережки и сестрицѣ, нашей поэзии (она же, бѣдняжка, право, дура бевсережная), да та бѣда, что для ея испанскихъ титуловъ, С Шевыревъ, Е Кугушевъ, Е Трилунный, etc. etc. etc., нѣтъ у меня мѣста: это совершенно Крысій Архипелагъ нелѣпостей въ морѣ пустозвучія. Какъ читаешь раздирающія жизнь (а не рѣдко и ухо) ихъ стихотворенія, такъ и хочется сказать:

Печальной музы кавалеры!
 Признайтесь: только стопы вы
 Обули въ новые размѣры,
 Не убирая головы!
 И рады, что нашли возможность,
 На разумъ вѣка не смотря,
 Свою распухлую ничтожность
 Прикрыть цвѣтами словаря!..

Впрочемъ, въ Шевыревъ водятся иногда мысли, въ Трилунномъ—чувства, но это такъ рѣдко или такъ ветхо! Прочихъ поэтовъ не помню даже именъ; они всѣ, кажется, берутъ на прокатъ стоптанныя туфли Пушкина. Кстати: онъ, слышится, издаетъ альманахъ? Дай Богъ, чтобы то былъ альфа и омега этого Агамемноновскаго племени. Надѣвай, какъ пруссаки!

Я шагнулъ въ новый годъ довольно здоровою ногой. Храните въ свѣжести свое сердце вы, дорогой мой Николай Алексѣевичъ, и это оздоровитъ весь составъ вашъ. Желаю спокой-

ствія вамъ, счастья всей милой семьѣ вашей, а Ксенофонту Алексѣевичу, безмолвно, братски пожмите руку: черезъ васъ онъ, конечно, пойметъ

Александра Бестужева.

PS. Двѣ недѣли назадъ, я писалъ къ вамъ: извѣстите, получили ли то не совсѣмъ зимнее, хоть въ декабрѣ писанное письмо? При семь шесть книгъ *Revue française*, задержанныя потому, что ранѣе почта не принимала посылокъ.

X.

Дербентъ, 1832 г. февраля 4.

Пишу къ вамъ, любезный и почтенный Николай Алексѣевичъ, съ мусульманиномъ Аграимомъ, добрымъ дербентскимъ жителемъ, коего прошу васъ усердно приласкать, помочь ему въ пріискъ товаровъ совѣтомъ и выборомъ, и, словомъ, совершить долгъ гостепріимства по-русски. Онъ разкажетъ вамъ, что я теперь, благодаря прекраснѣйшему семейству майора Шнитникова, провожу время у нихъ какъ съ умными и добрыми родными; но это только теперь, и вѣроятно не надолго ¹.

Грибоѣдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя. Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку... благороднѣйшая душа! Свѣтъ не стоялъ тебя... по крайней мѣрѣ я стоялъ его дружбы и горжусь этимъ. Съ N N знакомы и связаны мы издавна... но мы не друзья, какъ вы полагаете, ибо отъ этого имени я требую болѣе чѣмъ онъ можетъ дать. Живу одинъ. Лѣнюсь... частію виноваты въ томъ и сердечныя проказы... Каюсь, и все-таки лѣнюсь. Но что вы, вы, мой добрый, сердцемъ любимый Н. А—чъ!.. Какъ жаль, что я не зналъ объ отъѣздѣ Аграима ранѣе, я бы написалъ вамъ кучу любо-

¹ Слѣдующія за симъ строки не могутъ быть напечатаны, потому что относятся къ разнымъ лицамъ, и могли быть написаны только въ дружескомъ письмѣ. Съ сожалѣніемъ, ограничиваемся началомъ и окончаніемъ этого письма, гдѣ особенно важна подростость о Грибоѣдовѣ.

К. II.

пытнаго... но теперь едва успѣваю, ночью, на постелѣ кончить эти несвязныя строки. Пишите по крайней мѣрѣ вы съ нимъ. Пишите и по почтѣ; я ужь послѣ отраднаго большаго письма давно не имѣю о васъ вѣсти. Обнимите за меня Ксенофонта. Боже мой, какая досада! я еще не началъ, и долженъ кончить—свѣтаетъ, а со свѣтомъ, Аграимъ ѣдетъ въ свѣтъ изъ кромѣщной тьмы, гдѣ влачится вашъ

Александръ ¹.

XI.

Дербентъ. 15 марта 1832 года.

Крайне дивлюсь, любезный и почтенный Ксенофонтъ Алексѣевичъ, кому вздумалось сочинить въ Москвѣ, будто я убитъ! Вѣстовщики рано меня отпѣли; на зло имъ ², я живу себѣ

¹ Аграимъ явился съ этимъ письмомъ ко мнѣ, въ сопровожденіи переводчика, Армянина или Грузина, потому что вовсе не зналъ по-русски. Разговоръ черезъ переводчика, не извѣстнаго мнѣ человѣка, не могъ быть ни свободнымъ, ни искреннимъ; однако я старался узнать разныя подробности о Бестужевѣ, о его житьѣ-бытьѣ, и когда спросилъ у Аграима, любитъ ли онъ его, Татаринъ съ жаромъ заговорилъ, прикладывая руку къ сердцу, такъ что по виду его и выраженію голоса можно было догадаться, и безъ перевода словъ его, что онъ дорожить и гордится пріязнью Бестужева. «Хорошо ли онъ говорить по-татарски?» спросилъ я.—«Такъ же хорошо, какъ я!» воскликнулъ Аграимъ. Эта подробность любопытна, свидѣтельствуя о необыкновенныхъ способностяхъ Бестужева къ изученію языковъ.

Аграимъ оставался въ Москвѣ долго, кажется загулялся въ новомъ для него мѣрѣ, но по-русски не выучился, и хотя приходилъ ко мнѣ прощаться уже безъ переводчика, однако едва могъ кой-какъ связать нѣсколько словъ. Онъ былъ, повидимому, человѣкъ достаточный, съ умнымъ азіятскимъ лицомъ, но остался вполне мусульманиномъ по понятіямъ. *К. II.*

² У меня нѣтъ подлинника этого письма: оно напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1860 г. май), но несомнѣнно, что издатели не вѣрно прочитали здѣсь слова, и напечатали: *изъко имѣ*, вмѣсто *на зло имѣ*. Ручаюсь, что это должно быть такъ: пусть справятся. Я съ полною увѣренностію восстанавливаю здѣсь смыслъ, зная, что хотя Бестужевъ иногда ошибался противъ языка и правописанія, особенно писавши наскоро, не перечитывая написаннаго, однако онъ не могъ написать безсмыслицы. *К. II.*

до сихъ поръ, и какое-то увѣреніе таится въ груди, что буду живъ еще сколько-нибудь времени. Такъ по крайней мѣрѣ сдается мнѣ всякой разъ, когда иду въ дѣло. Очень вѣрю, что вамъ была не радость подобная вѣсть, ибо вѣрю, что семейство Подесыкъ меня любитъ: изъ чего бы вы стали меня обольщать! Благодаря Бога, я въ такомъ теперь кругу, что могу безошибочно ввѣряться немногимъ лицамъ, ко мнѣ обращеннымъ. Насчетъ русскихъ солдатъ вы не совсемъ вѣрное имѣете мнѣніе, хотя оно и близко къ правдѣ. Солдатъ нашъ очень неохотно идетъ въ огонь; но хорошо стоять въ немъ и, какъ вы думаете, отчего? Онъ не умѣетъ уйти, и лѣзетъ на вѣрную смерть оттого, что не смѣетъ послушаться. Впрочемъ, русскій солдатъ доступенъ всѣмъ высокимъ чувствамъ, еслибъ умѣли ихъ возбуждать заранѣе... Примѣръ и красное слово увлекаютъ ихъ, и чудная вещь: имя полка, имя роты, извѣстной искони крабростію, какъ будто перерождаетъ трусовъ въ безстрашныхъ. Впрочемъ, я зналъ многихъ солдатъ, которые такъ же радостно идутъ въ дѣло, какъ въ кружало. Дениса Давыдова судите (вы) по его словамъ; но, между нами будь сказано, онъ болѣе выписалъ, чѣмъ вырубилъ себѣ славу храбреца. Въ 1812 году, быть партизаномъ значило быть наименѣе въ опасности, нападая ночью на усталыхъ, или врасплохъ. Притомъ Французы, безъ пушекъ, и внѣ строя, не страшные ратники. Это не Черкесъ и не дели-башъ, который не задумается вступить въ борьбу съ пятерыми врагами. Между прочимъ, я былъ друженъ съ Николаемъ Бедрягою, который служилъ съ Денисомъ въ 1812 году. Онъ говоритъ, что они могли бы въ тысячу разъ быть полезнѣе, еслибы Бахусъ не ѣзжалъ Марсу. Въ 1826 году, хотъ онъ ¹ и пронесся въ горахъ около Арарата съ шайкою Грузинъ, но тамъ не было сборищъ Куртинцевъ, и потому они не имѣли даже ни одной стычки. Я не отнимаю впрочемъ ни славы, ни пользы у Давыдова: онъ очень хорошо постигъ свое ремесло; однако я бы желалъ видѣть и сравнить его съ здѣшними наѣздниками. Я думаю, что онъ показался бы школьникомъ въ сравненіи съ ними. Въ мірѣ все относительно. Я очень люблю его, но онъ принадлежитъ исторіи, а исторія есть нагая истина...

Но я заболтался, и забылъ благодарить за всѣ ваши хлопоты. Стекло, на бѣду, слишкомъ плоско и придавливаетъ

¹ То-есть Д. В. Давыдовъ. К. II.

стрѣлки. Надо будетъ снова ждать три мѣсяца. Вѣстей и сплетней жду отъ васъ (по литературѣ, разумеется). Дома теперь отдыхаю одинъ, ибо сожителъ мой уѣхалъ, слава Богу! Предобрый, но пренесносный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что влюбленъ; а я не знаю въ свѣтѣ скучнѣе людей, какъ влюбленные. Здоровье мое не дурно; дѣтню подобенъ я богамъ гомеровскимъ. Вотъ все, что на этотъ разъ попало подъ расколотое перо, желающаго вамъ всего лучшаго,

Александра Бестужева.

XII.

Дербентъ. 19 мая 1832 года.

Рады вы или не рады, любезный, почтенный мой Николай Алексѣевичъ, а вы для меня что-то въ родѣ громоваго отвода: когда мнѣ вѣрѣкко сгрустнется, когда сердце переполнено горечью, мнѣ сейчасъ приходитъ въ умъ: дай напишу къ Полевому—пишу, и мнѣ становится легче. Противоположна моя жизнь съ вашею: этотъ тихій мѣръ домашній, посреди враждующаго, пустозвоннаго, задорнаго міра словесности, въ которомъ вы воинствуете; эта судьба, съ которою вы боролись такъ долго и наконецъ, кажется, наступили на ртутный хвостъ ея; эта дѣятельность часовой стрѣлки, вѣчно движущейся и вѣчно неудалимой отъ среды, и съ другой стороны я, тѣлесно дѣятельный поневолѣ и поневолѣ бездѣйственный умственно; уже не въ борьбѣ, но подъ пятомъ судьбы; безъ родныхъ, безъ друзей, нося отечество только въ сердцѣ, радость зная только по памяти, разорвавшій помочи надежды когда-нибудь обнять все это снова!.. Рука моя поражена на полувзмахъ, тяжкіе путы оковали ногу, занесенную впередъ: неразстворимыя врата сгрянули передо мною. Болѣзненная дрема держитъ меня въ своихъ объятіяхъ; если я что дѣлаю, если я что говорю, это просонки, это полугрезы!.. Порой чувствую въ себѣ, будто въ магнетическомъ снѣ, сильную душу, и не могу поднять головы... Лиллипуты-обстоятельства, мелкія страстишки путаютъ меня какъ Гулливера, тащатъ, заставляютъ на себя работать. Прочтите, пожалуйста, въ англійскомъ оригиналѣ приказъ выколоть Гулливеру глаза: это образчикъ нынѣшней реторики; есть сходство и со мною.

Странная вещь: отчего человекъ печальный любить говорить о себѣ, между тѣмъ какъ веселый о другихъ толкуеть?.. Это должно бы быть напротивъ, ибо разказы о себѣ наводятъ скуку, вмѣсто того чтобъ возбуждать участіе!

Но дошла и до васъ очередь, любезный Николай Алексѣевичъ: я хочу побранить васъ. Горячо принявшись за пріязнь, вы, какъ всѣ люди, скоро остываете въ ней, а вы не должны быть какъ всѣ. Я бы не сказалъ этого, еслибъ вы сами не вызвались на откровенность, и еслибъ я не дорожилъ ею. Не виню васъ, что вы не пишете часто—это физически невозможно при вашихъ занятіяхъ; но не черкнуть восемь мѣсяцевъ ни строки—хоть не московецъ будь я, а все-таки сочтешь время.

24-го. Не успѣвъ на почту, я прервалъ письмо; прерываю, оканчиваю и выговоръ, любезный Николай Алексѣевичъ. Это была игра желчи, хоть вліяніе оной не вовсе безвинно (то-есть безпричинно, хотѣлъ я сказать).

Помните ли, когда заѣзжалъ я къ вамъ изъ Марьиной рощи съ С. Нечаевымъ 1 мая¹. Онъ сказалъ вамъ на ваши упреки мнѣ объ отзывѣ *Полярной Звѣзды*: Вы чудакъ, Н. А., вообразили, что А. Б. безпогрѣшительнъ: онъ такой же человекъ какъ и мы. Онъ сказалъ очень пошлую, но очень мѣткую правду: я человекъ. Въ этомъ словѣ заключается все: одного больше во мнѣ, другаго менѣе тѣмъ въ толпѣ, составленной изъ дюжинъ, но все же то и другое есть. Я посвятилъ себя изученію людей, но себя постичь не могу доселѣ: настоящій микрокосмъ! Вотъ почему прошу не гнѣваться, если случится встрѣтить въ письмахъ моихъ колкія неровности; это оттого, что я подаю вамъ руку безъ перчатки. Правила мои неизмѣнны, но духъ... волна его зыблетъ порой, и вѣтеръ вѣшній, и рыбка прихоти, и минутное вскипѣніе страсти. Лира моего бытія составлена черезъ струну, изъ металлическихъ (души), и жильныхъ (тѣла), и признаюсь, нерѣдко послѣднія становятся первыми, заглушаютъ ихъ на время. Вы простите мнѣ страсть къ сравненіямъ: жилецъ

¹ Въ Москвѣ, въ 1825 году, гѣтомъ, но конечно не 1-го мая, когда не бываетъ гулянья въ Марьиной рощѣ; а онъ точно заѣхалъ оттуда, возвращаясь съ гулянья вмѣстѣ съ С. Д. Нечаевымъ, у котораго и жилъ гостемъ. Мнѣ памятно это посѣщеніе: тутъ я въ первый разъ увидѣлъ А. Вестужева. *К. Ш.*

Европы, я уже любилъ ихъ—теперь употребляю по праву азіатскаго гражданства.

Статья ваша за романтизмъ—преlestь; я бы набросалъ болѣе цвѣтовъ, но никогда не собралъ бы такой жатвы убѣжденій, какъ вы. Меня беретъ досада, что я такъ удаленъ отъ европейской образованности: она едва долетаетъ сюда по каплѣ, а я жажду выпить Сѣну, и Темзу, и Рейнъ... О, какъ много души надо на терпѣніе! Не забывайте

Александра Бестужева.

XIII.

24 мая.

Помните ли вы, любезный Ксенофонтъ Алексѣевичъ, единственно-писанныя рукою Спасителя слова?.. Они были писаны на прахѣ земли, но перстомъ небеснымъ: «Брось камень тотъ, кто чувствуетъ себя безгрѣшнымъ!» Вотъ какая мысль мелькнула во мнѣ при чтеніи начала вашего послѣдняго письма. Вы смягчили укоръ, сказавъ: «Б., человекъ испытанный судьбою, выражается какъ мальчикъ!» Вы бы должны были сказать: *чувствуетъ*, и все еще это была бы правда, но правда, отъ которой я не покраснѣю, или, лучше сказать, не поблѣднѣю, какъ отъ обвиненія. Подумайте, что мнѣ хоть и тридцать четыре года, но я еще свѣжъ, еще силенъ. Заключение, во льду своемъ, сохранило въ прокъ мое сердце... Прибавьте къ этому пылкую кровь, которую нерѣдко пѣнить крыльями воображеніе, прибавьте къ этому привычку, если не любить, такъ влюбляться (это дрожжи большаго свѣта), и вы благословите судьбу, что она обстоятельствами устранила васъ отъ этого круга, но не осудите меня. Съ другой стороны, не возвышайте этого на жертвенникъ Весты. Зачѣмъ? Всякій огонь (кромя мышьяго, разумѣется) не довольно ли чистъ, чтобы очищать золото? Онъ молодитъ мою душу, онъ даетъ броженіе засыпающимъ ея стихіямъ. Еслибы не враждебныя обстоятельства, я бы давно былъ супругъ, отецъ, и добрый супругъ, добрый отецъ, но я ль виноватъ, что выкинуть волканомъ изъ лона этого счастья? Правда, я обманываю себя, закрываю очи, оступаюсь, но это мнѣ полезно, какъ говорить, полезно изрѣдка упиваться, чтобы сдѣлать пере-

воротъ въ организмъ. Любовь въ человѣкѣ, что буря въ воздухѣ... вредна въ частности, но вообще спасительна. То же было и со мной. Теперь нить порвана чуждыми обстоятельствами, но за тоской слѣдуетъ грусть, а тамъ и отдыхъ.

Итакъ знаменитый Бѣлкинъ—Пушкинъ! Никогда бы не ждалъ я этого, хотя повѣсти эти знаю лишь по слуху. Впрочемъ, и не мудрено: въ Пушкинѣ нѣтъ одного поэтическаго, это души, а безъ ней плохо удастся и смиренная проза. Розенъ мямлитъ, мямлитъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ. Вельтману не вѣрю, что онъ ничего не читаетъ для оригинальности, потому что самъ именно для того люблю читать. Я не хочу встрѣчаться, по крайней мѣрѣ повторять. Но если онъ ничего не читаетъ, зачѣмъ же ничего не пишетъ? То же для оригинальности? Это просто лѣнь.

Паньки не читалъ; Отрѣшкова и не хочу читать; благодарю Бога, что другіе романисты, Сиговоподобная сволочь ¹, и на глаза не попадаются... Но какъ вы ни оправдываетесь въ похвалахъ своихъ Марлинскому, А. Б. отъ нихъ отрицается. Онъ чувствуетъ, какъ ни дурень самъ, но во сто разъ лучше своихъ повѣстей. Перо мое (какъ и вы намекали) торгуютъ въ Петербургѣ: хотятъ меня выдать, словно бѣдную невѣсту, за богатаго дурака. Не знаю какъ быть: невольникомъ стать не хочется, а пять тысячъ въ годъ—деньги. Я имѣю братьевъ, которымъ лишнее не лишнее. Скоро напечатаютъ мои старые грѣхи: разойдется ли, нѣтъ ли, а ужъ тысячи три на изданіе истратилъ.

XIV.

Дербентъ. 1832 года іюня 25 дня.

Любезный и почтенный Николай Алексѣевичъ! Я получилъ, я поглотилъ ваше новое сочиненіе *Клмзу*. Въ ней русскій духъ въ очью совершается и наши дѣды распоясываютъ душу;

¹ Для современныхъ читателей надобно замѣтить, что былъ писатель *Сиговъ*, романистъ низшаго разряда. К. П.

однимъ словомъ, прежняя Русь живетъ тамъ снова—но по старому. Видишь, кажется, быть среднихъ вѣковъ во всей его полнотѣ и пестротѣ. Это не Геркуланумъ, отрытый изъ-подъ вѣковаго пепла; въ томъ однѣ утвари, однѣ стѣны, жизнь истреблена: это городъ-могила. У васъ театръ кипитъ жизнью, былою, но дѣйствительною. Пусть другіе роются въ лѣтописяхъ, пытая ихъ, *было ли такъ, могло ли быть такъ* во времена Шемяки? Я увѣренъ, я убѣжденъ, что оно такъ было... въ этомъ порукой мое русское сердце, мое воображеніе, въ которомъ старина наша давно жила такою, какъ ожила у васъ. Къ чему жь послужила бы поэзія, еслибъ она не воссоздавала минувшаго, не угадывала будущаго, еслибъ она не творила, но всегда по образу и по подобію истины! Послушайте, Николай Алексѣевичъ: у васъ много завистниковъ, и на святой Руси глупцовъ не оберешься, но еслибъ тѣхъ и другихъ считали по послѣдней ревизіи, мнѣніе десяти, много мнѣніе трехъ человѣкъ истинныхъ цѣнителей (и не по уму, нѣтъ, по сердцу) предпочтительнѣе всей этой громады. Такъ всегда думалъ я для себя, такъ совѣтую вамъ примѣнить это правило къ себѣ... и читайте это тщеславіемъ, самолюбіемъ, заносчивостью, чѣмъ угодно, но я ставлю себя въ число трехъ цѣнителей и говорю: *Клятва хороша! Слѣдуютъ подробности, почему, слѣдуютъ замѣчанія, какъ иныя мѣста могли бы быть лучше, но объ вещахъ столь новыхъ не напишешь на розовомъ листочкѣ.* Я бы желалъ прочесть это произведеніе при васъ, вслухъ и остановиться на каждомъ выраженіи, которое разногласитъ съ сосѣдами (а это индѣ встрѣчается); я бы сказалъ: въ этомъ положеніи языкъ такого-то лица долженъ быть возвышеннѣе, ибо каково бы ни было состояніе человѣка, критическія минуты, сильныя страсти надмеваютъ душу и нарѣчіе; это говорю я не назъ книгъ, а по собственному опыту: я самъ бывалъ въ подобныхъ случаяхъ, я сотни разъ наблюдалъ въ такія минуты другихъ, особенно людей, одаренныхъ сильными характерами. Гомеръ и Шекспиръ, два сердце-вѣдца, постигли эту тайну въ высшей степени, и у обоихъ вы найдете, что самыя высокія выраженія душъ, обуреваемыхъ страстью, перемѣшаны съ самыми низкими словами, съ укорами, съ бранью площадною: это чистая природа! Это—бунтующее море, которое извергаетъ на берегъ и янтарь, и грязную пѣну. Страсть не умѣетъ ходить на ходуляхъ: на нихъ взмощается разчетъ; но, съ другой стороны, мнѣніе—

будто простые люди могли не иначе выражаться как поденщики за работой—ошибочно. Простые люди не простаки, и, право, въ сорахъ нашихъ мужиковъ мнѣ случилось находить болѣе поэзіи въ браняхъ, чѣмъ въ поэмахъ нашихъ стихотворцевъ. Русскій слова не скажетъ безъ фигуръ, безъ сравненій; дѣло въ томъ, что сила ихъ сарыта въ выраженіи: надобно раскунить скорлупу. Впрочемъ, когда кончите былъ эту, то-есть когда мы ее кончимъ, я поговорю о ней попросторнѣе; теперь еще не видно общности, а романъ не помятъ. Вотъ что имѣетъ подобное свойство, такъ это главы Вельтманова *Странника*. Идея брошена, кажется, отдѣльно, отрѣзана отъ прежнихъ и прочихъ, но взгляните: отдѣльная жизнь начинается въ ней биться, цѣлое образуется, неровности округлены. Его надобно читать пристально, и очень жаль, что онъ скрываетъ часто новыя мысли въ хрустальные обломочки и въ мишурныя блестки. Притомъ, эта Ариостовская манера вводить и выводить въ главы и изъ нихъ—черезчуръ стара. Tours de passe-passe могутъ въ свою очередь забавлять на разъ, а онъ ихъ повторяетъ черезчуръ часто. Впрочемъ, все это дядя Тоби и Тристамъ, не связанные, по несчастію (какъ у Стерна), никакимъ характеромъ. Поблагодарите Вельтмана и за сочиненіе, и за присылку *Странника*, но скажите, что я ожидаю отъ него болѣе послѣдовательности впередъ. Человѣкъ, который такъ удачно мыслить, долженъ и размышлять хорошо. Онъ написалъ на заглавномъ листкѣ: *Не глаза знакомятъ людей, а души*. Жаль, если онъ знакомъ только съ душою Марлинскаго: это даже не ножны, а наконечникъ сабли.

Мы не знаемъ, чему приписать задержку вашей *Исторіи Русскаго Народа*; а ждемъ не дождемся, какъ вашихъ писемъ. Впрочемъ, отвѣчайте мнѣ томами своими, и это будетъ лучшею отвѣдью; будьте для насъ здоровы, а для себя счастливы.

Неизмѣнный вашъ Александръ Бестужевъ.

XV.

Дербентъ 1832 года 28 іюля.

Давно уже не получалъ я отъ васъ вѣсти, давно не писалъ и къ вамъ, любезный Ксенофонтъ Алексѣевичъ, да и не мудрено: у васъ *Телеграфъ* съѣдаетъ время, а лѣнь самого

меня. Жары юга неизмѣнно какъ скоро изсушаютъ чернильницу, впрочемъ не сердце и не душу. Я оживляю, право, когда со святой Руси повѣтъ съверокъ, а послѣдняя былъ вашего брата освѣжила меня словно дождь въ степи безводной. Пускай пишеть онъ въ этомъ родѣ и болѣе и чаще: это будетъ тайница грядущимъ романистамъ нашимъ, не тѣмъ, которые, черпая изъ источника ведрами, хулятъ его прохожимъ. Знаю я эту братію-краснобаевъ: у васъ же воруютъ, и вранеными конями хотять обскакать васъ же. Когда-нибудь я напишу статью о русскихъ романахъ и повѣстяхъ, и въ ней подарю всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Признаться сказать, въ моемъ положеніи безъ бѣды бѣда писать критики, а писать похвальныя рѣчи перо не подымется, еслибъ я былъ довольно бездушентъ, чтобъ на это рѣшиться. Вотъ почему наиболѣе бросилъ я желѣзный стиль рецензента, хотя теперь, думается, я бы владѣлъ имъ немножко подтверже тѣмъ въ первинки моего словеснаго поприща, когда одна страсть посмѣяться была моимъ менторомъ. Чешется, правда, крѣпко порой чешется рука схватить за вихоръ иного врага, но вспомнишь золотое правило, что во многоглаголаніи вѣсть спасенія, и давай стрѣлять въ пустыя бутылки изъ пистолета: хоть на нихъ сбить досаду. Кстати о критикѣ: Вельтманъ говорить, что съверное сіяніе есть сѣдъ земли... Мнѣ досадно, когда умный человекъ даже шутя роняеть такіе вздоры. Что же по его мнѣнію южное сіяніе?.. А оно ничѣмъ не хуже и ни сколько не менѣе съвернаго: пусть онъ прочтеть Кука и Беллинсгаузена и тысячу другихъ моряковъ, чертившихъ Ледовитый Южный океанъ. Парротъ, кажется, сгромоздилъ еще хитрѣйшую гипотезу: по его, азотъ скатывается отъ экватора къ полюсамъ, ибо сила вращенія при немъ въ максимумѣ, такъ что еслибъ этотъ газъ не сгаралъ, то мы въ нѣсколько лѣтъ должны бы были прорубить къ полярнымъ кругамъ дорожку топорами. Жаль только, что это сгараніе не натопляеть полюсовъ. Ужь если вѣрить гипотезамъ, то Велланскій, послѣдователь Шеллинга, всѣхъ правдоподобнѣе, хотя закутанъ въ шубу едва понятныхъ эпитетовъ. Давно бы пора бросить матеріализмъ силъ природы, но привычка, не хуже зеленавина, такъ и тянетъ къ матушкѣ-грязи.

У меня есть братъ Петръ, который за раной и увѣчемъ выпущенъ теперь въ отставку въ унтеръ-офицерскомъ своемъ чинѣ... Кромѣ здоровья физическаго, онъ потерялъ здѣсь

драгоценнѣйшее для человѣка—свѣтъ разума, и тому виной было безчеловѣчное обхожденіе съ нимъ двухъ его начальниковъ (ихъ уже обонхъ нѣтъ на свѣтѣ). Не можете представить, какъ терзался я, видя его временное помраченіе. Онъ жилъ у меня здѣсь два мѣсяца, и въ это время я не могъ написать дѣльной строки. Хуже всего, что имъ завладѣло челоѣконенавиднѣіе, и ко всемъ къ нему близкимъ наиболѣе, не исключая даже меня. Отправляю его одного, ибо нѣтъ попутчиковъ, покуда на кораблѣ въ Астрахань, а тамъ колесомъ дагѣ; но при его разсѣянности крѣпко боюсь, что онъ растеряется. Въ Москву ему заѣхать нельзя, и потому къ вамъ не адресую.

Съ Кази-Муллою было мѣсяць назадъ опять дѣло кровавое, но туманъ помѣшалъ его поймать: онъ утекъ какъ вода между пальцевъ. На линіи самъ Розенъ; хотатъ впасть въ Чечню... Сюда, впрочемъ, нужно бочку золота и сто тысячъ солдатъ, чтобы вдругъ подавить Кавказъ, иначе, мы терять будемъ вдвое по розницѣ, и ничего путнаго не совершимъ.

Я послалъ къ вамъ 100 руб. для покупокъ дамскихъ. Получили ли вы?

Нравится ли публикѣ *Аммалатъ*? Каково принята *Клятва*?

Супругъ вашей поцѣлуйте за меня ручку. Вы говорили, что порой держите съ нею корректуру моихъ піесъ: какъ бы жаль я, чтобы также могли вы держать корректуру моего нрава. До встрѣчи. Уважающій васъ А. Бестужевъ.

XVI.

Дербентъ, 22 сентября 1832 года.

Я чай, у васъ сжимается сердце, почтенный другъ мой, Кеенофонтъ Алексѣевичъ, завидя мое письмо въ злоѣщней оберткѣ порученій! Это должно быть очень скучно для человѣка, не знающаго, гдѣ взять времени и на дѣльныя занятія. Какъ быть однакожъ — къ вамъ опять съ поклономъ! Правду-истину сказать, мнѣ и самому это наскучиваетъ; да ужъ люби въ саночкахъ кататься, люби саночки возить. Въслѣдствіе такой велемудрой пословицы, прилагаю при семъ цѣлую страницу требованій. Если благодарность здѣшнихъ дамъ можетъ хоть капелькой утѣшить вашу супругу за ея

нисходительность и хлопоты ¹, я могу засвидѣтельствовать ея цѣлую вязку, всю унизанную привѣтами, какъ бурмицкими зернами. Про себя ужь и помянуть нечего: я просто записываюсь въ кабальные за такую добрую барыню.

Выговариваете мнѣ, что я посылаю къ вамъ деньги: это деньги не мои. Мнѣ даютъ порученія съ деньгами, и я, радъ не радъ, такъ же ихъ и отсылаю. Впрочемъ, скажу вамъ правду: я не люблю себя безсребренныхъ комиссій, и совѣщусь ихъ дѣлать кому-либо. Первое, потому что я не рѣдко оставался безъ гроша для прихотей другихъ, и добро бы пріятныхъ мнѣ людей, а то хоть бы вѣкъ не видать; второе, что столица хоть и столица, но деньги въ ней не падаютъ съ неба, ровно у насъ грѣшныхъ. Положимъ, что у васъ и лѣсъ; но въ лѣсъ бразильскій изъ красныхъ деревъ, назначенный на столярную работу, можно для топки привезти и валежнику. Это мимоходомъ; это едва ли стѣнитъ исписанныхъ о томъ чернилъ.

Le Roy меня увлекъ, тѣмъ скорѣе, что я самъ съ роду своего не принималъ иныхъ лѣкарствъ кромѣ очистительныхъ ². Добрый мой геній вложилъ въ меня какой-то предугадательный даръ отъ всего вреднаго и дурнаго въ мнѣніяхъ, по литературѣ, по политикѣ, по художествамъ, по всему. Такъ, я всегда былъ противу пивидцъ (всѣхъ родовъ) и кровопусканія, противу заплаточнаго лѣченія и сложныхъ способовъ. Медицина мнѣ не чужда, а потому зная, что она идетъ ощупью, я не вѣрилъ докторамъ нисколько. Очень радъ, что могу свое невѣрованіе обратить теперь въ свою вѣру. Выписываю изъ Тифлиса препараты, и при болѣзни примусь пользоваться самъ. Впрочемъ, я никакъ не считаю Le Roy всеобщимъ излѣчителемъ, и приѣмлю его методу съ ограниченіями. Надо вамъ сказать, что я страдаю одною болѣзнію—это tenia. Каждогодно я выбрасываю его отъ трехъ до четырехъ саженой, но это безпрочно. Думаю даже, что онъ причиною моей частой тоски и самой апатіи, которую назы-

¹ Я писалъ ему, что она радушно принимаетъ на себя выборъ предметовъ вкуса и дамскихъ нарядовъ, которыхъ Бестужевъ выписывалъ множество. *К. II.*

² Здѣсь рѣчь объ извѣстномъ героическомъ лѣкарствѣ Le Roy, которое не разъ освобождало меня отъ тяжкихъ болѣзней. По какому-то случаю, я писалъ о томъ Бестужеву; онъ просилъ прислать ему книгу Le Roy, Méthode curative, и выражаетъ свое мнѣніе объ этой методѣ. *К. II.*

ваемъ мы гнѣью. Недавно со мной былъ переломъ, и теперь я, очисти желудокъ, чувствую себя свѣжѣе, готовѣе къ работѣ; но хотѣлось бы выжить совсѣмъ этого порожденца Форт-славы, гдѣ я четырнадцать мѣсяцевъ питался гнилою пищею, пилъ солончаковую воду, дышалъ известью и плѣсенью, не видѣлъ свѣта.

Я у васъ въ долгу и безъ денегъ, по душѣ—не журите, если запоздаю оплатою, то навѣрно напишу вамъ повѣсть и посвящу вамъ же. Для этого, по новому условію съ книгопродавцемъ Смирдинымъ и перебрдавцемъ мною, придется вильнуть и сказать, что я еще въ этомъ году прислалъ вамъ ее, а вы ее припрятали для казоваго конца. Аминь ¹.

Я зналъ Карамзина хорошо, и, несмотря на заботы его поклонниковъ, рѣшительно отказался отъ знакомства съ нимъ. Двуличность въ писателѣ его достоинства казалась мнѣ отвратительною ². Съ Гречемъ и Булгаринымъ я былъ пріятелемъ; но еслибы вы знали, какъ я рѣзалъ ихъ!.. Это былъ вѣчный припѣвъ моихъ шутокъ, особенно надъ Булгаринымъ — и онъ точно былъ съ этой стороны смѣшонъ до комическаго! Когда-нибудь я опишу нѣсколько сценъ. Про Пушкина пожимаю плечами... ужели и за его душу пора пѣть паннихиду? Я всегда зналъ его за безхарактернаго человѣка, едва ли не за безнравственнаго—*mais c'est plus qu'un délit, c'est une faute* ³. До другаго раза, vale. Братца Николая объеблю душой.

Александръ Бестужевъ.

¹ Богъ избавилъ его отъ грѣха: онъ не написалъ обѣщанной повѣсти. Впрочемъ, я не понимаю, о какомъ условіи съ Смирдинымъ упоминаетъ онъ. Мы увидимъ, что черезъ годъ онъ самъ торжественно отвѣргаетъ даже мысль о подобномъ условіи. К. II.

² Мнѣніе совершенно несправедливое: Карамзинъ былъ противоположныхъ мнѣній съ Бестужевымъ, но никто не упрекаетъ его въ двуличности. К. II.

³ Вотъ какъ онъ самъ выражался: досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Не знаю, что вызвало такія рѣзкія сужденія. Не болѣзненное ли состояніе духа? или неизлѣчимая вѣтренность, которая часто заставляла Бестужева противорѣчить самому себѣ? Замѣтите, что въ нѣсколько лѣтъ этой переписки онъ судить совершенно противоположно объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. А между тѣмъ я вѣрю его искренности. К. II.

XVII.

Дербентъ, 14 декабря 1832 г.

Ужь не оттого ли я рѣдко пишу къ вамъ, почтенный, добрый мой другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, что часто васъ вспоминаю? Письмо и разговоры, которые не рѣдко вожу съ вами умственно, сливаются въ одно, и мнѣ кажется, я ужь передалъ то бумагѣ, что было только въ головѣ.

И то сказать: не рѣдко бросаешь перо, именно потому, что сердце любить писать размашисто, а бумага такая тѣсная! А иногда и листъ широкъ, да досугу ни капли—какъ быть! И въ этотъ разъ та же пѣсня: успѣю ль, нѣтъ ли, поблагодарить васъ и милую супругу вашу за всѣ ваши хлопоты, за доброту, за вкусъ, за все, все! Покупками довольны какъ нельзя болѣе... Ив. Петровичъ тоже поручилъ зашить въ клеенку нѣсколько благодарностей. Просить только переменить посылаемые башмаки: узки въ подъемахъ. Комендантъ нашъ ¹ поручалъ многимъ купить себѣ коляску въ Москвѣ; но Татары извѣстные обманщики: лучший изъ нихъ не стѣбитъ выѣденнаго яйца. Тотъ не успѣлъ, другой не доѣхалъ. Пришлось вамъ челомъ ударить: по приложенной рацеѣ приторговать коляску, а деньги вышлются въ январь. Прочія распоряженія сдѣланы будутъ при деньгахъ.

Радуюсь умноженію книжнаго племени. Сказки Луганскаго стѣбать благодарности, хотя ихъ достоинство все въ памяти издателя, но всякій ли умѣетъ схватить народность? Всякій ли слѣпить изъ этого цѣлое? Собственные вымыслы Луганскаго не очень удачны: эти похвалы Русакамъ, да насмѣшки надъ Французами—куда больно извѣздились! Солдатскихъ сказокъ невообразимое множество, и не рѣдко онѣ замысловаты очень. Дай-то Богъ, чтобы кто-нибудь ихъ собралъ: въ нихъ

¹ Майоръ Шнитниковъ, довольно долго бывший дербентскимъ комендантомъ, благороднѣйшій человекъ. Онъ одинъ облегчалъ судьбу Бестужева въ Дербентѣ. Умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ горцами. *К. Ш.*

драгоценный, первобытный материал русского языка и отпечаток неподдельный русского духа.

С. Глинка берется за все—даже за Армению. Но если бы знали, как съдвинулось переселение Армянъ изъ Азербиджана—содрогнулись бы камни. Лазареву поручено было вызвать тридцать тысячъ солдатиковъ, нашлось до девяноста тысячъ, и графъ разрѣшилъ звать сколько можетъ. Сулили золотыя горы—и они покинули цветущій край, богатая деревни Урмійской долины; пришли—и не нашли зерна жѣба, крова для головы, сучка для храненія жизни. Ничего не было приготовлено. Имъ отвели губельный климатъ, бесплодную почву, и съ этимъ ничтожною денежною помощью, и то одной части. Половина ихъ перемерла, четверть разбѣжалась, послѣдняя четверть влечить бѣдственную участь въ чужбинѣ. А Глинка, а чай, разлился въ возгласахъ... Вотъ наша колонія! Посмотрите, что теперь Эривань, что Ахалцыхъ подъ нашимъ знаменемъ—это жалкія груды развалинъ, обитаемая шакалами. Все бѣжить, все сохнетъ. Да что говорить о дальности: на Каспій до сихъ поръ нѣтъ парохода, хотя по газетамъ у насъ давнымъ-давно они крестятъ моря. А компанія закавказская? а проекты объ усмиреніи Кавказа торговлей? Право, стыдно и смѣшно говорить о томъ ¹.

Третій томъ *Клятвы* не такъ занимателенъ какъ первые два. Куда дѣвался гудочникъ? Онъ долженъ быть пружиною всего, а онъ и глазъ не кажется. Поцѣлуйте однакожь за меня автора, какъ русскаго и какъ человѣка, котораго я люблю.

Сегодня день моей смерти. Въ молчаніи и сокрушеніи правлю я тризну за упокой своей души, и когда найду я этотъ упокой? Воспоминанія лежатъ въ моемъ сердцѣ какъ трупы—но какъ трупы-мощи...

Я не могу болѣе писать...

Будьте довольны—счастье не намъ, не людямъ; не знаю, есть ли оно гдѣ-нибудь, но что оно не здѣсь, это знаю.

Вашъ Александръ Бестужевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

¹ Если въ этой мрачной картинѣ была правда тридцать лѣтъ назадъ, то въ настоящее время все измѣнилось къ лучшему. К. П.

ОЧЕРКЪ НАЛОГОВЪ
НА
СПИРТОВЫЕ НАПИТКИ
ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

I.

Прямые подати занимаютъ въ исторіи первое по времени мѣсто, но нигдѣ онѣ не оставались долго однѣ, а къ нимъ присоединяемы были съ теченіемъ времени косвенные налоги. Причина такого явленія лежитъ въ сознаніи всѣхъ законодательствъ, что какъ бы справедливо и обдуманно ни были распределены прямые подати, никогда нельзя достигнуть полного уравненія и соотвѣтственности податной тяжести, и что тѣмъ чувствительнѣе будетъ это неравенство, тѣмъ значительнѣе сумма, собираемая этимъ путемъ. Но система косвенныхъ налоговъ, при общемъ недостаткѣ политико-экономическихъ соображеній, развилась вскорѣ въ отяготительный для народа сбродъ всякихъ сборовъ съ самыхъ необходимыхъ предметовъ народнаго потребленія. Эти налоги большею частію соединялись со множествомъ недостаточныхъ и бесполезныхъ, но тѣмъ не менѣе отяготительныхъ и неисполнимыхъ контрольныхъ

иѣръ, причинявшихъ стѣсненіе земледѣлю, мануфактурной промышленности и торговлѣ, распространяя неудовольствіе и даже безнравственность и не доставляя казнѣ дохода, сколько-нибудь соответствующаго высотѣ налоговъ.

Въ послѣднее время однако развилося убѣжденіе, что косвенные налоги должны падать на незначительное число главнѣйшихъ предметовъ потребления, не столь полезныхъ и необходимыхъ для пищи и здоровья народонаселенія, а даже нѣсколько и вредныхъ. Таковы: спиртовые напитки, виноградное вино, пиво, табакъ и такъ-называемые колоніальные товары.

При обложеніи такихъ предметовъ налогами, главнѣйшими условіями должны быть ясность, опредѣленность и цѣлесообразность законоположеній, касающихся способа взиманія и долженствующихъ ограничить какъ можно болѣе контрабанду. Умѣренность самыхъ налоговъ и точность контроля служатъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ ихъ доходности для правительства.

Горячительные напитки, а въ особенности спиртовые, удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ удобнаго и доходнаго предмета для косвенныхъ налоговъ, а потому издавна были облагаемы почти во всѣхъ государствахъ западной Европы. Между тѣмъ, нѣтъ производства и нѣтъ предмета потребления, которыхъ обсужденіе было бы такъ трудно и гдѣ бы такъ рѣзко противорѣчили другъ другу два интереса народнаго хозяйства: интересъ матеріальный, требующій наивыгоднѣйшаго употребленія экономическихъ силъ народа; и интересъ народной нравственности, требующій ограниченія производства, продукты котораго дѣйствуютъ вреднымъ и разрушительнымъ образомъ на народное здоровье и нравственность.

Потребленіе спиртовыхъ напитковъ сдѣлалось въ послѣднее время столь важнымъ вопросомъ, что онъ оттѣснилъ другой— о производствѣ ихъ и о выгодахъ этого производства для сельскаго хозяйства; многіе весьма разсудительные люди требуютъ уничтоженія винокурения, какъ вины тѣхъ явленій, которыя бываютъ причиняемы чрезмѣрнымъ и даже просто постояннымъ потребленіемъ хлѣбнаго вина. Но къ несчастію, чувственность, побуждающая человека къ безмѣрному употребленію горячительныхъ напитковъ, зависитъ болѣе отъ степени цивилизаціи народа чѣмъ отъ средствъ, представляющихся къ ея удовлетворенію. Потребленіе спиртовыхъ напитковъ или водки, какъ средства къ опьяненію, въ отношеніи къ населенію, значи-

тельно менѣе въ настоящее время, чѣмъ напримѣръ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда, въ большей части западныхъ государствъ, они потреблялись въ громадныхъ размѣрахъ всеми сословіями и классами народа. Пиво Германцевъ, медъ Славянъ, вино на югъ Европы, опиумъ восточныхъ народовъ служили той же цѣли задолго до изобрѣтенія винокурения. Древніе народы не имѣли другаго напитка кромѣ вина, содержащаго въ данномъ количествѣ гораздо менѣе алкоголя, чѣмъ содержитъ водка. Чтобы исполнѣе напиться пьянымъ, нужно было въ Римѣ, во времена Діоклетіана, истратить около 3 руб. сер. Теперь, въ большей части западныхъ государствъ, половина или цѣлый литръ водки совершенно достаточны для того, чтобы повергнуть человѣка въ глубокое опьяненіе, что будетъ ему стоить до 10 коп. сер., слѣдовательно заработной платы нѣсколькихъ часовъ. На что требовалось даже значительное время (чтобы выпить 3 или 4 штофа), теперь возможно въ одну минуту. Такимъ образомъ, ясно, что съ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія и экономической жизни народа необходимо также, чтобы и нравственныя силы его были значительнѣе и могли противостоять усиливающемуся соблазну и чувственнымъ наклонностямъ.

Въ особенности въ сѣверныхъ странахъ Европы водка, какъ возбуждающее средство, занимаетъ мѣсто между предметами постоянного потребленія народа, на ряду съ пивомъ и виномъ, и каждый изъ этихъ напитковъ производитъ особенное, ему свойственное, дѣйствіе на человѣческій организмъ и имѣетъ могущественное вліяніе на духовную жизнь. «Уже при первомъ взглядѣ на народъ, говоритъ извѣстный экономистъ и финансистъ Германіи, Морицъ Мольте, въ сѣверныхъ частяхъ Германіи, гдѣ водка служитъ обычнымъ напиткомъ рабочихъ классовъ, въ сравненіи съ внѣшнимъ видомъ народа въ южныхъ частяхъ Германіи, гдѣ употребляютъ большею частію вино, пиво и фруктовое вино (Obstmost) нельзя не замѣтить, что на югѣ въ рабочемъ классѣ сохранился типъ населенія гораздо болѣе здороваго и сильнаго.»

«Пиво и вино, выразился другой, не менѣе извѣстный германскій статистикъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, свою родину въ самой странѣ, но водка имѣетъ характеръ космополитическій; она походитъ на Евреевъ, которые вездѣ сродняются съ мѣстностью, но тамъ въ особенности, гдѣ имъ противостоятъ наименѣе просвѣщенное населеніе, и гдѣ они изъ нужды извѣстныхъ классовъ народонаселенія могутъ извлечь наиболѣе выгодъ.» Вино воз-

буждаетъ умственныя способности, не дѣйствуя неблагопріятно на организмъ чловѣка, разумѣется, при умѣренномъ употребленіи; пиво всѣхъ сортовъ, при умѣренномъ употребленіи, не оказываетъ почти никакого дѣйствія на тѣло и духовныя силы чловѣка; оно служитъ питательнымъ и прохладительнымъ средствомъ, а потому заслуживаетъ возможно-большаго распространенія. Лишь когда его потребляютъ чрезмѣрно и постоянно, оно производитъ физическую лѣнь и умственное отяжелѣніе, которое обнаруживается въ равнодушіи ко всѣмъ высшимъ интересамъ и въ тѣлоотлученіи. На низшей степени, по своимъ дѣйствіямъ, находится водка. Водка содѣйствуетъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой напитокъ, къ быстрому возстановленію силъ чловѣка, изнуреннаго трудною работою; но употребленіе водки развиваетъ привычку и склонность пить даже и тогда, когда не существуетъ къ тому повода въ истощающей силы работѣ. А какъ предметъ обычнаго потребленія, водка уже производитъ умственное отупѣніе и огрубѣніе, уничтожаетъ тѣлесныя силы и здоровье, и совершенное безсиліе характеризуетъ тощія фигуры людей, чрезмѣрно потребляющихъ водку.

«Водка, говоритъ Либихъ, дѣйствуя на нервы, позволяетъ рабочему, въ ущербъ своему здоровью, возстановить недостающія силы и сегодня потратить тѣ силы, которыя по естественному теченію природы должны были бы потратиться лишь на слѣдующій день; это вексель, взятый на будущее здоровье, который долженъ быть постоянно отсрочиваемъ, ибо, по недостатку средствъ, онъ не можетъ никогда быть уплаченъ; работникъ потребляетъ свой капиталъ вмѣсто однихъ процентовъ и потому неминуемымъ слѣдствіемъ является банкротство тѣла.»

Къ сожалѣнію, наблюденія надъ послѣдствіями потребленія спиртуозныхъ напитковъ, смотря по количеству самаго потребленія и по лицамъ, предававшимся ему, не были еще произведены по опредѣленному плану, такъ что бы можно было постановить для различныхъ государствъ опредѣленные правила и вывести неопровержимыя заключенія. Мы можемъ лишь привести результаты нѣкоторыхъ наблюденій, произведенныхъ въ Англіи и уже цитированныхъ г. Энгелемъ въ его статистическомъ сборникѣ.

Изъ числа 6111 индивидуумовъ, чрезмѣрно потреблявшихъ крепкіе напитки, подвергнутыхъ наблюденіямъ отъ 16-лѣтняго до 90-лѣтняго возраста, 357 умерло въ теченіи года, вслѣдствіе пьянства, и отношеніе ихъ смертности къ возрасту, въ кото-

ромъ постигла ихъ смерть, и къ общей смертности въ странѣ было слѣдующее:

	Возрастъ наблюдаемыхъ. Число ихъ въ каждой категоріи.	Смертность наблюденныхъ.		Общая смертность въ Англіи и Валліи на 100 жителей.	Общая смертность къ смертности между пьяницами относится какъ
		Число умершихъ	На 100 приходится		
Отъ 16—20 лѣтъ	74	1	1,34	0,73	1 : 1,8
— 20—30	949	47	4,95	0,97	1 : 5,
— 30—40	1861	86	4,62	1,11	1 : 4,2
— 40—50	1636	98	5,99	1,45	1 : 4,1
— 50—60	966	62	6,42	2,25	1 : 2,9
— 60—70	500	40	7,99	21,26	1 : 1,9
— 70—80	111	20	18,18	9,10	1 : 2
— 80—90	15	3	20,00	19,90	1 : 1
Итого	6111	357	5,84		

Итакъ изъ 6111 пьяницъ умерло 357 въ продолженіи года, между тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ изъ такого же числа людей умѣренно живущихъ должно было бы умереть не болѣе 110; слѣдовательно, смертность пьяницъ вообще почти въ $3\frac{1}{4}$ раза превышаетъ смертность умѣренно-живущихъ; самое опасное время между 20 и 30 годами, когда огромное число молодыхъ людей умираютъ при первыхъ опытахъ неумѣренности. Изъ этихъ данныхъ выведены довольно замѣчательныя заключенія объ отношеніи вѣроятности продолженія жизни пьяницы къ такой же вѣроятности продолженія жизни умѣренноживущихъ.

Года, уже достигнутые живущими. Число лѣтъ, которыя они могутъ прожить. Вѣроятность жизни для пьяницъ въ соотношеніи къ возрастамъ между вѣроятности для всего населенія на:

	Для всего населенія	Для пьяницъ	
20	44,21	15,56	35%
30	36,43	13,80	38%
40	28,79	11,63	40%
50	21,25	10,86	51%
60	14,28	8,95	63%

Между тѣмъ какъ для нормально-живущаго двадцати-лѣтняго человѣка вѣроятность жизни простирается еще на 44 года, она для человѣка, начавшаго пить въ эти лѣта, не болѣе 15 лѣтъ; для тридцати-лѣтняго мужчины—36 и 13 лѣтъ, и такъ далѣе. Это доказываетъ, что неумѣренные люди не что иное какъ самоубійцы на девъ трети того числа лѣтъ, которое могли бы они

прожить. Еще интереснѣе было бы узнать среднюю вѣроятность жизни людей, никогда не употреблявшихъ горячительныхъ напитковъ или воздерживавшихся въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ; но къ несчастію, общества трезвости, существующія на Западѣ съ давнихъ лѣтъ, не публиковали до сихъ поръ своихъ таблицъ смертности, да и вообще члены ихъ большею частью вербуются изъ числа бывшихъ пьяницъ, или вообще лицъ, потреблявшихъ постоянно горячительные напитки.

Раздѣляя вышеприведенное число нетрезвыхъ людей по любимому ихъ напитку на три категоріи безъ различія возрастовъ, получимъ, что послѣ перваго проявленія въ человѣкѣ этого порока ему по вѣроятности остается жить:

Опивающемуся пивомъ.	21 годъ
— — — — водкой.	16,7 —
— — — — тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.	16,1 —.

Ежегодная же смертность для этихъ трехъ категорій равняется: для первой 4%, для второй 6%, для третьей 6,20% въ годъ. Различая людей по занятіямъ, но безъ различія возрастовъ и напитковъ, получимъ вѣроятность продолженія жизни послѣ начала пьянства:

Для механическихъ работниковъ.	18 лѣтъ
— купцовъ, лавочниковъ и торговцевъ.	17 лѣтъ
— занятыхъ научнымъ образомъ.	15 лѣтъ
— женщинъ вообще.	14 лѣтъ

Притомъ, изъ означенныхъ 357 смертныхъ случаевъ, 97 умерли отъ головныхъ болѣзней и расстройства нервной системы, а изъ нихъ 57 отъ delirium tremens; 85 отъ болѣзней печени и желудка, и изъ нихъ половина отъ водяной; 82 отъ поврежденія органовъ дыханія, и изъ нихъ половина въ чахоткѣ. Вообще статистикою, съ довольно-значительною вѣроятностью, доказано, что, напримѣръ въ Англіи, въ пять разъ болѣе пьяницъ между мужчинами чѣмъ между женщинами. Вообще приходится:

1 пьяница на 74 мужчинъ
1 пьяница на 434 женщины
1 — на 145 жителей обоихъ половъ.

Отношеніе, замѣчательно совпадающее съ отношеніемъ, существующимъ между преступниками обоихъ половъ, по которому *мужскихъ преступниковъ ровно въ пять разъ больше женскихъ*.

Водки потребляется въ настоящее время:

Въ Австріи	1½	литръ на человѣка	(литръ=0,651 кружки)
во Франціи	4,60	литр.	» »
въ Англии	4,75	литр.	» »
въ Пруссіи	7	»	» »
въ Бельгіи	15	»	» »
въ Даніи	18	»	» »

Мы видимъ, такимъ образомъ, какой удобный предметъ для налога представляютъ спиртовые напитки. Неумѣренное потребление его такъ вредно для народнаго здоровья, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, слѣдуетъ ли подвергнуть его налогу. Кромѣ прямой патентной или промысловой подати на его производителей, наравнѣ со всѣми другими промышленниками, мы говоримъ здѣсь о косвенномъ налогѣ, который, въ какой бы формѣ онъ ни взимался, всегда будетъ падать на потребителей, а не на производителей. Этотъ налогъ, безъ ущерба народной промышленности и съ большою выгодой для казны, можетъ быть въ отношеніи къ цѣнности самаго предмета потребления довольно значителенъ, а между тѣмъ онъ будетъ все-таки нечувствителенъ для потребителя. Это зависитъ отъ того, что, въ сравненіи съ другими предметами потребления: чаемъ, кофеемъ, сахаромъ и даже виномъ и пивомъ, водка потребляется въ весьма-небольшомъ количествѣ, рѣдко болѣе $\frac{1}{100}$ ведра, а на такія маленькія мѣры довольно значительный налогъ будетъ едва чувствителенъ, какъ мы увидимъ это ниже.

Но спрашивается, въ моментъ ли производства спиртовыхъ напитковъ или въ моментъ потребления слѣдуетъ порази́ть ихъ налогомъ? Этотъ вопросъ очень важенъ въ дѣлѣ финансовомъ, и различныя рѣшенія его имѣли такое вліяніе на производство и потребление этихъ напитковъ, и на самое сельское хозяйство, что для насъ важно рассмотреть каждый изъ этихъ видовъ налога въ отдѣльности, какъ они существовали въ различныхъ государствахъ западной Европы, и указать съ тѣмъ вмѣстѣ на вліяніе, которое они имѣли, и на явленія, которыя ихъ сопровождали.

II.

Первая система есть обложеніе *потребленія* вина въ томъ моментъ, когда оно переходитъ изъ рукъ производителя, оптоваго торговца или мелочнаго, въ руки потребляющей публики.

Эта система осуществлена во Франціи въ налогъ на *алкоголь*, *содержащійся въ какой-либо перекипанной водѣ* (*droit général de consommation sur l'alcool*), рядомъ съ которыми существуетъ еще другой, также казенный налогъ, въ формѣ впускнаго налога на хлѣбное вино, *свозимое во всѣ города*, имѣющіе болѣе 4000 жителей (*droit d'entrée*), кромѣ *октруа*, взимаемаго при воротахъ городовъ для покрытія мѣстныхъ общинныхъ расходовъ, съ чистой прибыли котораго государство все-таки обращаетъ $\frac{1}{10}$ часть въ свою пользу.

Принципъ этого налога, тѣсно связаннаго со всѣмъ устройствомъ налоговъ на горячительные напитки вообще во Франціи, выраженъ въ слѣдующихъ словахъ статьи 87-ой закона 28 апрѣля 1816, положившаго основаніе настоящему устройству этого налога во Франціи:

«Общій налогъ на потребление будетъ собираться со всякаго количества водки, спирта или ликера, составленнаго изъ спирта или водки, адресованныхъ какому-либо лицу кромѣ тѣхъ, которыя подвержены контролю акцизныхъ чиновниковъ. Этотъ налогъ не будетъ взиматься съ водокъ, спирта и ликеровъ, вывозимыхъ за границу.» Цѣлю правительства, слѣдовательно, было, чтобы налогъ поражалъ предметъ потребления лишь тогда, когда онъ перейдетъ въ руки самого потребителя. Смотра по тому, черезъ кого пройдутъ эти напитки, чтобы отъ заводчика перейти къ потребителю, приняты различныя контрольныя мѣры для повѣрки самаго перехода спиртовыхъ напитковъ изъ рукъ въ руки. Съ этою цѣлью учрежденъ цѣлый рядъ контрольныхъ мѣръ надъ заводчиками, надъ отпускомъ спирта изъ ихъ заводовъ, надъ оптовыми и розничными торговцами, что породило цѣлый кодексъ довольно запутанныхъ законоположеній, которыя мы постараемся разсмотрѣть возможно кратко и ясно.

Итакъ заводчикъ не платитъ, кромѣ патентнаго сбора, никакого налога, пока спиртъ не выйдетъ изъ его рукъ. Его домашнее потребление совершенно свободно. Всѣ винныя заводчики раздѣляются на два разряда: 1) перегонщиковъ собственныхъ своихъ произведеній (*bouilleurs du crû*), освобожденныхъ отъ уплаты патентнаго сбора и отъ контроля надъ ихъ заведеніями, и 2) на дистиллаторовъ и перегонщиковъ по ремеслу (*distillateurs et bouilleurs de profession*). Первыми называются перегонщики водокъ изъ плодовъ своихъ садовъ или остатковъ отъ винограднаго или фруктоваго вина; вторыми—

всѣ перегонщики спирта изъ патоки или другихъ остатковъ сахарнаго производства и всѣ дистилляторы, хотя бы и своихъ мучныхъ предметовъ (жита, картофеля и т. д.) и всякаго рода купленныхъ предметовъ. Первые хотя и должны уплачивать налогъ при продажѣ своего спирта, но не уплачиваютъ патентнаго сбора и не подвергаются контролю со стороны акцизнаго управления. Сверхъ того, и между заводчиками, подвергнутыми контролю, законъ различаетъ перегонщиковъ (*bouilleurs*) немучныхъ веществъ, и дистилляторовъ (*distillateurs*) мучныхъ веществъ; тѣ и другіе платятъ патентный сборъ въ 10 франковъ по частямъ, въ каждые четверть года, за то время, когда ихъ заводы въ ходу.

Дистилляторы обязаны предъявить акцизному управленію какъ свое производство, такъ и мѣсто его нахождения; должны письменно сдѣлать объявленіе о вмѣстимости своихъ чановъ, кадокъ и котловъ, и доставлять работниковъ и достаточное количество воды для ихъ измѣренія. Затѣмъ каждый сосудъ снабжается нумеромъ и означается его емкость, и тогда заводчикъ уже не смѣетъ ни измѣнять величину какого-либо сосуда, ни заводить новаго, не предупредивъ о томъ акцизное управленіе за 24 часа, и не можетъ употреблять его прежде оффиціальнаго его измѣренія. Весь заводъ, складочные магазины, погреба и жилые дома, находящіеся въ одной оградѣ съ заводомъ (*enceinte*), подвержены посѣщеніямъ и обыскамъ акцизныхъ чиновниковъ (*visites et vérifications*) и должны быть всегда отпираемы по требованію послѣднихъ. Сообщенія заводовъ съ сосѣдними домами или съ собственными жилыми домами заводчиковъ должны быть запираемы чиновниками (*faire sceller*). Что до самаго производства, то какъ перегонщики, такъ и дистилляторы обязаны, въ городахъ по крайней мѣрѣ за 4 часа, а въ селеніяхъ за 12 часовъ передъ началомъ производства, «подать письменное объявленіе о всемъ производствѣ, дабы акцизные чиновники могли надзирать за производствомъ, опредѣлить результаты и записать количество выкуреннаго алкоголя въ дебетъ заводчику.» Засвидѣтельствованная копія съ объявленія выдается въ руки заводчику, который въ случаѣ запроса можетъ ею оправдываться. Это объявленіе должно по закону 1816 года содержать показанія: 1) нумера и емкости бродильныхъ чановъ, 2) число дней, въ продолженія которыхъ должно совершаться производство, 3) времени, когда ежедневно огонь подъ котломъ долженъ быть заведенъ и опять погашенъ,

4) часа, когда бродильные чаны исполняются для брожения, 5) количества сырого продукта, употребляемого въ каждый приемъ, 6) приблизительнаго количества и крѣпости добываемаго спирта. Законъ 1837 года требуетъ еще точнѣйшихъ показаній количества вещества, назначеннаго къ выкуркѣ, считывая его въ $\frac{1}{2}$ вѣстности бродильныхъ чановъ, оставляя $\frac{1}{2}$ пространства для брожения (что на прусскомъ офиціальномъ языкѣ называется *Steigmaß*). Количество выкуриваемаго вина не можетъ быть показано менѣе чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ литра алкоголя на 100 литровъ затора (*matière maségée*); но дѣйствительность давно уже превосходить эту пропорцію. Перегонщикъ немучныхъ веществъ обязанъ объявлять: 1) о числѣ рабочихъ дней, 2) о количествѣ назначенныхъ къ перегонкѣ веществъ, какъ-то: фруктоваго сока, гущи, дрожжей, плодовъ или сиропа сахарнаго, 3) приблизительно о количествѣ и крѣпости добываемаго вина. Къ этому законъ 1837 года прибавилъ требованіе, чтобы заводчики показывали количество содержащагося въ употребляемыхъ ими для перегонки веществахъ алкоголя, постановляя притомъ, что это можетъ быть определено опытами чиновниковъ и самого заводчика (*par des expériences faites, contradictoirement*). Всякое нарушеніе требованій своихъ законъ наказываетъ штрафами отъ 200 до 600 франковъ и конфискаціей незаконно выкуренаго вина, или посуды, употребленной незаконнымъ образомъ.

Какъ мы уже выше сказали, производство спирта не подлежитъ во Франціи никакому налогу, пока онъ не продается съ завода; всѣ описанныя мѣры приняты лишь для облегченія контроля надъ отпускомъ спирта съ завода и дальнѣйшимъ его переходомъ изъ рукъ въ руки. Но мы не можемъ не указать уже теперь, какъ шатко это основаніе контроля, ибо перегонщики изъ собственныхъ плодовъ, гущи, дрожжей и выжимковъ послѣ винограднаго вина, оставляются совершенно безъ всякаго контроля, а это производство, по особеннымъ условіямъ Франціи, по словамъ одного изъ главнѣйшихъ знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, Мориса Моля, равняется болѣе чѣмъ половинѣ всего производства спирта; съ другой стороны, разчетъ, по которому записывается заводчику въ его дебетъ выкуренное вино, составленъ весьма неосновательно и далеко отстоитъ отъ дѣйствительно-выкуриваемаго количества, слѣдовательно, не можетъ служить вѣрнымъ средствомъ контроля

честности заводчика, а напротивъ служить лишь преміей безчестному, не показывающему дѣйствительнаго выхода сверхъ законнаго minimum.

Но и въ рукахъ оптовыхъ и розничныхъ продавцовъ спиртовое вино еще не подлежитъ налогу, а подвергается ему лишь тогда, когда изъ нихъ погребовъ посылается къ потребителю, внѣ контроля стоящему, или когда розничный торговецъ назначаетъ известное количество вина въ продажу, словомъ, въ самый моментъ оптовой или розничной продажи потребителю; но здѣсь уже не дѣлается различія между виномъ, производимымъ на заводахъ *des bouilleurs du crû*, и на заводахъ винокуровъ и перегонщиковъ-промышленниковъ: всякая продажа вина подлежитъ налогу. Допускаются однако слѣдующія исключенія: 1) отъ налога свободны водки, спиртовые напитки и ликеры, отправляемые за границу, и 2) спиртъ, примѣшиваемый къ вину въ департаментахъ Восточныхъ-Пиренеевъ, Оды, Тарны, Эры (*l'Herault*), Гари, Устьеъ Роны, и Варны. Но примѣшиваемое количество не должно превышать 5 метровъ на гектолитръ вина, а крѣпость вина послѣ смѣшенія не должна превышать 18°/о алкоголя; въ этомъ случаѣ, и притомъ, если эта операція совершена при членовннхъ акцизнаго управленія, примѣшенный спиртъ освобождается отъ налога, а смѣшанное вино подвергается налогу наравнѣ съ виноградными винами, по высотѣ своей значительно стоящему ниже налога на спиртовые напитки. Но если такимъ образомъ смѣшанное вино будетъ въ себѣ содержать отъ 18°/о до 21°/о алкоголя, то оно платитъ акцизъ какъ виноградное вино, а за алкоголь отъ 18 до 21 градуса, те-есть смотря по крѣпости, за 1 до 3°/о алкоголя, оно уплачиваетъ двойной спиртовый налогъ; вина же, имѣющія болѣе 21°/о алкоголя, уплачиваютъ налогъ наравнѣ съ чистымъ алкоголемъ. 3) Наконецъ къ винамъ, отправляемымъ за границу, позволяется примѣшивать спиртъ и сверхъ означенной пропорціи, но не иначе, какъ въ портовомъ городѣ и притомъ въ самый моментъ отправленія; тогда примѣшиваемый алкоголь не уплачиваетъ налога. 4) Не совершенною свободою, а лишь уменьшеніемъ налога пользуется спиртъ, употребляемый для приготовления благовонныхъ водъ, лаковъ, для шляпнаго производства, освѣщенія и т. д., смѣшиваемый по законамъ 1844 и 45 годовъ для этой цѣли съ разными веществами,

дѣлающими его неудобнымъ для человѣческаго потребленія, какъ-то розмаринное масло, деготь и т. д., но до сихъ поръ акцизнымъ управленіемъ не открыто ни одного такого вещества, которое бы въ послѣдствіи нельзя было опять выдѣлать изъ спирта и сдѣлать послѣдній снова годнымъ къ употребленію.

Что до исключенія въ пользу винъ южной Франціи, то оно признано необходимымъ, ибо, по общему приговору комиссіи 1850 года, вина южной Франціи немогутъ перенести не только перевоза водою, но и сушей, и потому нуждаются въ примѣся спирта; съ другой стороны, въ южной же Франціи (въ Монпелье, Сеттѣ) приготовляются изъ французскихъ винъ, смѣшанныхъ съ спиртомъ, подражанія испанскимъ и португальскимъ винамъ (*vins d'imitation*) и подъ ихъ именами вывозятся въ другія страны Европы.

Для контроля надъ продажей вина существуетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя мы постараемся рассмотреть, раздѣляя ихъ на общія для движенія спиртовыхъ напитковъ, а также и винъ; на мѣры при продажѣ винъ съ заводовъ прямо въ руки потребителей, при пересылкѣ ихъ оптовымъ торговцамъ, и наконецъ на мѣры для контроля надъ розничными продавцами. Кроме того особыя мѣры имѣютъ силу при ввозѣ напитковъ въ города, имѣющіе оверхъ 4000 жителей; далѣе существуютъ особыя установленія для октрыа, или заставной пошлины, собираемой въ пользу городовъ, и наконецъ допускается замѣна разныхъ налоговъ на спиртъ единичнымъ налогомъ при ввозѣ въ тѣ или другіе большіе города, какъ напримѣръ въ Парижъ.

1. Никто не можетъ ни отсылать, ни перевозить (*enlever, déplacer, transporter*) водку, спиртъ или лимаръ безъ контроля крѣпости перевозимаго и не имѣя законнаго вида или пропуска. Винокуръ, торговецъ или потребитель, самъ долженъ взять этотъ пропускъ въ ближайшемъ къ мѣсту отправленія акцизномъ бюро, открытомъ отъ восхода до захода солнца. Каждый чиновникъ акцизнаго управленія, или внутренній стражъ, или жандармъ можетъ потребовать у везущаго вино видъ; при малѣйшей остановкѣ на дорогѣ послѣдній долженъ уведомлять ближайшее бюро; переливка дорогою, исправленіе посуды дѣлаются не иначе, какъ въ присутствіи чиновника, который призывается также и при всякомъ иномъ случаѣ и свѣряетъ количество и качество вина съ тѣмъ, что значится въ пропускѣ. Всякое нарушеніе закона наказывается штрафами отъ 100 до 600 франковъ и конфис-

спеціями лошадей, посуды и товара. Самый пропускъ различается по назначенію напитка.

2. Когда частное лицо покупаетъ вино прямо съ завода, то беретъ пропускъ и тутъ же уплачиваетъ налогъ, въ чемъ тогда и удостовѣряетъ пропускъ, называемый *congé*. Тотъ же пропускъ можетъ взять и торговецъ, покупающій вино съ завода, если тотчасъ же уплатитъ налогъ; наконецъ частное лицо, покупая у оптоваго продавца вино и желая перевезти это вино, беретъ такой же пропускъ.

3. Оптовой или розничный торговецъ, берущій вино съ завода, можетъ и не уплачивать тотчасъ же акциза; въ такомъ случаѣ ему выдаютъ другого рода пропускъ подъ названіемъ *acquit à caution*. Въ послѣднемъ прописывается мѣсто назначенія напитка, срокъ для проѣзда, опредѣляемый акцизнымъ чиновникомъ, и лицо, которому напитокъ посылается; за будущую уплату налога и за вѣрное доставленіе напитка посылатель представляетъ порукою состоятельное лицо, живущее въ мѣстности отправленія, умѣющее подписаться и, въ случаѣ неуплаты акциза, обязывающееся внести двойную цѣнность его.

Оптовымъ торговцемъ называется всякій, кто будетъ получать и отправлять (*gesevta et expedira*) спиртовое вино количествомъ болѣе 25 литровъ; кто же продаетъ количествомъ менѣе 25 литровъ, тотъ считается розничнымъ продавцомъ. Всякій негоціантъ, маклеръ, факторъ, комиссіонеръ, содержатель магазина, дистилляторъ или другой промышленникъ, который захотѣлъ бы завести оптовую торговлю выкуреннымъ виномъ или спиртомъ, долженъ: предъявить находящіяся во владѣніи его спиртуозные напитки, совершать всѣ свои приемы и отпуски съ предъявленіемъ законныхъ пропусковъ, и весь свой товаръ поставить подъ контроль акцизнаго управленія, которое должно удостовѣряться въ крѣпости напитковъ и вести счетъ принимаемыхъ и отпускаемыхъ имъ напитковъ по числу содержащихся въ нихъ гектолитровъ алкоголя. Переливать, подбавлять воды торговецъ можетъ сколько угодно и въ отсутствіи акцизныхъ чиновниковъ. Если онъ продаетъ свое вино потребителю, то уплачиваетъ акцизъ; если же перепродаетъ вино такому же оптовому или розничному торговцу, то опять получаетъ пропускъ. Каждую четверть года счетъ торговца сводится, онъ представляетъ пропуски за вино, проданное имъ лицамъ, состоящимъ подъ контролемъ, квитанціи объ уплатѣ налога за количество вина, проданнаго въ частныя руки,

и если, по повѣртію, оказывается недостача, то, за вычетомъ законныхъ 7 или 6%, смотря по соображеніямъ акцизнаго управленія и продолжительности нахождения вина въ рукахъ торговца, онъ уплачиваетъ акцизъ за остальное. Но и въ остальное время года чиновники акцизнаго управленія должны дѣлать у него осмотры и имѣютъ право требовать, чтобы онъ впускалъ ихъ къ себѣ во всякое время дня отъ восхожденія до заходенія солнца. Всякій, торгующій оптомъ безъ вѣдома акцизнаго управленія, присуждается къ штрафу отъ 500 до 2000 франковъ и конфискаціи товара, у него найденнаго. Всякій оптовой торговецъ за неисполненіе предписанныхъ закономъ правилъ присуждается къ штрафу отъ 50 до 500 франковъ.

4. Всякій, кто желаетъ вести розничную продажу виномъ спиртовымъ, будетъ ли онъ трактирщикъ, рестораторъ, содержатель кофейни или ликерной лавки, или поваръ, или содержатель кабака, открываетъ свое заведеніе, если продаетъ спиртовые напитки только на емкость, безъ особаго дозволенія полиціи, если же съ распиской на мѣстѣ, то съ особаго дозволенія, но, во всякомъ случаѣ, предупреждая акцизное начальство о своихъ запасахъ, выставляя вывѣску или обозначая кабакъ вывѣшиваніемъ изображенія пробки и подчиняя тѣмъ емкимъ свой домъ или квартиру визитаціямъ и обыскамъ акцизныхъ чиновниковъ. Объявленные напитки помѣщаются въ дебетъ продавцу по реестру, открываемому для каждаго торговца. Затѣмъ посуда его извѣрчается и помѣчается, и крѣпость водокъ повѣряется; такъ же поступаютъ и со всеми напитками, принимаемыми продавцомъ. Каждый бочонокъ контролируется особо и при назначеніи его въ расписку; чиновники при своихъ визитаціяхъ контролируютъ каждый разъ убыль въ каждомъ бочонкѣ и помѣчаютъ ее на немъ же. Розничные продавцы не могутъ ни получать, ни имѣть у себя напитковъ въ бочонкахъ менѣе 1 гектолитра (8 ведръ) и не имѣютъ права держать бочонки болѣе 5 гектолитровъ (40 ведръ) и починать для расписки за одинъ разъ болѣе 3 бочонковъ каждаго сорта спиртуозныхъ напитковъ (*avoir en regce*). Далѣе, имъ запрещено безъ чиновника дополнять бочонки, переливать изъ одного бочонка въ другой или прибавлять воды. Они не могутъ сохранять свои напитки иначе какъ въ магазинахъ, подвалахъ и погребахъ, законнымъ образомъ нанимаемыхъ ими, и наконецъ не могутъ ни переставлять съ мѣста на мѣсто, ни выносить бочонки опростанные, до засвидѣтельствованія ихъ чиновникомъ.

Разлива въ бутылки можетъ быть производима по иначо, какъ въ присутствіи акцизнаго чиновника, который ихъ тутъ же запечатываетъ казенною печатью. Налогъ уплачивается торговцемъ по счету, составляемому акцизнымъ управленіемъ каждую четверть года; изъ этого счета 3% всего количества спирта владутся на личное потребленіе продавца и въ счетъ законной убыли. Всякая розничная торговля спиртуозными напитками безъ предувдомленія акцизнаго управленія наказывается конфискаціей найденнаго товара и штрафомъ отъ 300 до 1000 франковъ, а неисполненіе законныхъ предписаній со стороны розничнаго продавца наказывается также штрафомъ отъ 50 до 500 франковъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что розничная продажа подвергается гораздо болѣе строгому контролю, нежели оптовая; причина въ томъ, что оптовый торговецъ или продаетъ продавцамъ, стоящимъ подъ контролемъ акцизнаго управленія, или частнымъ лицамъ, цѣлыми партіями, уплачивая или самъ налогъ и сопровождая тогда свою партію отпускнымъ пропускомъ (*congé*), или черезъ *aequit à caution*, и тогда налогъ уплачивается потребителемъ при полученіи вина; слѣдовательно, утайка здѣсь гораздо труднѣе; кромѣ того оптовые торговцы люди гораздо болѣе почтенные и состоятельные, чѣмъ содержатели разныхъ распивочныхъ заведеній.

5. Наконецъ для пропуска спиртовыхъ напитковъ или спирта, назначаемыхъ къ вывозу за границу, выдается или заводчику или оптовому торговцу особый пропускъ, называемый подъ именемъ *razzavané*.

6. До сихъ поръ мы говорили о мѣрахъ, служащихъ главнымъ образомъ къ обезпеченію вниманія правительствомъ акциза, какъ общаго налога на потребленіе (*droit de consommation*); но въ тѣсной связи съ этимъ общимъ налогомъ находится еще другой, безъ котораго вниманіе общаго налога на потребленіе спиртовыхъ напитковъ было бы врядъ ли возможнымъ дѣломъ; мы разумемъ государственный же налогъ на спиртовые напитки, потребляемые въ городахъ, насчитывающихъ болѣе 4000 жителей, взимаемый при ввозѣ ихъ въ города (*droit d'entrée*). Этому налогу, который можно назвать по-русски впускнымъ налогомъ, подвергаются всѣ спиртовые напитки по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя, а закупоренные въ бутылкѣ—считая бутылку за литръ и все ея содержаніе за чистый алкоголь. Всякій ввозящій такіе

напитки въ подлежащія налогу мѣстности долженъ подать о нихъ декларацию при въѣздѣ и подвергнуть свой товаръ поѣздкѣ чиновниковъ, удостоверяющихся въ истиннѣ показанія относительно крепости и количества напитковъ. Для ввоза опредѣлены часы дня:

Въ январѣ, февралѣ, ноябрѣ и декабрѣ	отъ 7 часовъ утра до 6 вечера
— мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ	— 6 — — — 7 —
— маѣ, июнѣ, июлѣ и августѣ	— 5 — — — 8 —

Ввозъ безъ деклараціи называется конфискаціей товара, а обманъ, какъ-то перелѣзаніе черезъ стѣны, подкопъ подъ стѣны, устройство тайнаго прохода, — 6-ти-мѣсячнымъ заключеніемъ и штрафомъ отъ 100 до 200 фр. Налогъ долженъ быть уплаченъ при самомъ ввозѣ товара, но и здѣсь допускается отсрочка: всякій, ввозящій до 4 гектолитровъ спирта и представляющій акцизному управленію состоятельнаго поручителя, можетъ просить о предоставленіи ему складочнаго права, то-есть права уплатить впускной налогъ лишь при потребленіи; но этимъ самымъ онъ подвергаетъ себя праву осмотра и визитаціи со стороны акцизныхъ чиновниковъ наравнѣ съ оптовыми торговцами. Это же складочное право могутъ получить и оптовые и розничные торговцы для своихъ запасовъ (*entrepôt à domicile*), и тогда уплачиваютъ впускной налогъ вмѣстѣ съ общимъ налогомъ. Наконецъ правительство, съ цѣлю облегчить уплату налога, устраиваетъ въ большихъ городахъ свои публичные складочные магазины, куда продавцы и частныя лица могутъ ставить свои запасы подъ надзоромъ акцизнаго управленія и уплачивать налогъ лишь при продажѣ, или получать ихъ обратно для отправки за черту города. Наконецъ для напитковъ, лишь *провозимыхъ черезъ города и слѣдующихъ по отпускному билету (congé)*, или пропуску (*acquit à caution*), или пропуску заграничному (*passavant*), выдается при въѣздѣ въ городъ особый видъ, называемый *passé debout*, съ которымъ они должны проѣхать городъ въ 24 часа; для полученія такого вида хозяинъ или извозчикъ долженъ при въѣздѣ или заплатить въ видѣ залога всю сумму впускнаго налога, или представить поручителя; безъ вида онъ провозитъ свой товаръ въ сопровожденіи акцизнаго чиновника. Въ первомъ случаѣ онъ конечно получаетъ при выѣздѣ свой залогъ обратно, а во второмъ, поручитель освобождается отъ ответственности.

7. Въ городахъ, гдѣ существуетъ впускной налогъ, правительство, по просьбѣ городского управленія, соединяетъ иногда общій и впускной налоги съ сборомъ съ торговцевъ за право продажи вина и устанавливаетъ такъ-называемый *единственный налогъ*, *taxe unіque*, платимый при ввозѣ напитковъ въ городъ, учреждая при этомъ казенный складочный магазинъ. Въ Парижѣ этотъ налогъ введенъ по распоряженію правительства подъ названіемъ *taxe de remplacement*. Всякое производство спирта внутри городовъ, находящихся на такомъ положеніи, запрещено; однако такихъ городовъ (*villes redimées*) весьма немного ¹.

8. Наконецъ, мелкіе продавцы спирта могутъ согласиться, для избавленія себя отъ контроля, уплачивать какъ общій налогъ на потребленіе спиртовыхъ напитковъ, такъ и впускной налогъ, *при ввозѣ* напитковъ въ города, на заставѣ, и тогда избавляются отъ контрольных стѣсненій.

9. Октруа есть налогъ въ пользу городовъ, на спиртъ и другіе напитки, не долженствующій превышать впускной правительственный налогъ и взимаемый вмѣстѣ съ послѣднимъ; $\frac{1}{10}$ часть чистаго съ него дохода поступаетъ въ пользу казны.

Что до высоты описанныхъ налоговъ, то общій налогъ на потребленіе спиртовыхъ напитковъ равняется 50 франкамъ на гектолитръ чистаго алкоголя; для узнанія крѣпости напитковъ употребляется алькометръ, при чемъ принимается нормальною температурой напитковъ 15°, а при другихъ температурахъ дѣлается расчетъ по утвержденной акцизнымъ управленіемъ таблицѣ. Впускной налогъ различается по числу населенія городовъ и равняется:

Въ городахъ отъ	4.000	до	6.000	жит.	4	франк.	на	гектол.	чист.	алк.
— — —	6.000	—	10.000	—	6	—	—	—	—	—
— — —	10.000	—	15.000	—	8	—	—	—	—	—
— — —	15.000	—	20.000	—	10	—	—	—	—	—
— — —	20.000	—	30.000	—	12	—	—	—	—	—
— — —	30.000	—	50.000	—	14	—	—	—	—	—
— — —	выше 50.000	жителей	—	—	16	—	—	—	—	—

¹ *Тaxe unіque* опредѣляется не только для спиртуозныхъ напитковъ, но и для винъ виноградныхъ, впрочемъ разчитывается для тѣхъ и другихъ особо. Въ отношеніи къ винограднымъ винамъ, цѣлые города могутъ замѣнить косвенные налоги прямымъ налогомъ, или корпорація винныхъ негоціантовъ и розничныхъ продавцовъ можетъ замѣнить взиманіе косвенныхъ налоговъ абонементомъ, выплачиваемымъ помѣсячно, но эти права не существуютъ для налоговъ на спиртовые напитки.

Въ Парижѣ единственный налогъ равняется 66 франкамъ за гектолитръ чистаго алкоголя, кромѣ октруа.

Мы старались возможно кратко и ясно положить систему косвенныхъ налоговъ на спиртовые напитки во Франціи и принятыя для взиманія ихъ контрольныя мѣры. Последнія тѣсно связаны одна съ другой; взиманіе общаго налога, по мнѣнію комитета 1850 года, невозможно было бы безъ надзора за фабрикантами и безъ существованія впускнаго налога въ города, служащаго отличнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ контроля для перваго. Но спрашивается, достигается ли всѣми этими контрольными мѣрами цѣль—подвергнуть все потребленіе спиртовыхъ напитковъ налогу? Постараемся рассмотреть этотъ вопросъ на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ комиссіей 1850 года.

Главнѣйшимъ продуктомъ, служащимъ для выкурки спирта во Франціи, служатъ виноградныя вина южной Франціи низшихъ сортовъ, частію приготавлиаемыя лишь для этой цѣли, частію не находяція себѣ, въ хорошіе года, другаго сбыта (*vins de chaudière*). Среднимъ числомъ принимаютъ, что во Франціи, главнымъ образомъ въ южной, выкуривается ежегодно до 11 и 12 милліон. гектолитровъ винограднаго вина, что даетъ спиртовыхъ напитковъ съ содержаніемъ до 1.200.000 гектол. чистаго алкоголя¹. Въ средней и сѣверной Франціи спиртъ выкуриваютъ изъ виноградныхъ выжимковъ, въ какомъ количествѣ неизвѣстно, но около 20.000 гектол. алкоголя изъ ихъ числа оплачиваютъ налогъ. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ средней Франціи выкуриваютъ спиртъ изъ вишенъ и другихъ плодовъ, въ сѣверной изъ яблочнаго и грушеваго вина (въ Нормандіи и Бретани), во французской Фландріи преимущественно изъ хлѣба, картофеля, крахмальной патоки и т. д. Количество чистаго алкоголя, выкуриваемаго изъ всѣхъ этихъ веществъ, кромѣ произведеній виноградной лозы, принимаютъ въ 80.000 до 100.000 гектолитровъ. Следовательно, всего производится во Франціи до 1.320.000 гектол. чистаго алкоголя. Обстоятельство, что ббльшая часть его выкуривается на югѣ Франціи, и даетъ возможность существованію французской системы косвеннаго налога. Такъ какъ на югѣ потребляютъ болѣе вино, а на сѣверѣ водку, то послѣдняя изъ южныхъ департаментовъ должна или

¹ *Enquête Legislative de 1850* tome II, page 26, 27 и 28.

железъ врезаться въ порты сѣверной Франціи, или долгимъ внутреннимъ сухимъ либо воднымъ путемъ слѣдовать черезъ всю Францію. Такимъ образомъ, спиртовые напитки, при нагрузкѣ и выгрузкѣ и при слѣдованіи черезъ внутренніе города, неизбежно попадаютъ подъ контроль акцизнаго управленія. Но еслибы выкурка спирта производилась во всей Франціи, и еслибы Франція была страна небольшая, то контрольные мѣры, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ въ ней, оказались бы совершенно недействительными.

Между тѣмъ, изъ рапорта г. Боше.¹, докладчика комиссіи 1850 года, мы видимъ, что

въ 1831 году	уплатили налогъ	356.173 гектол.
— 1832 —	—	367.369 —
— 1836 —	—	385.732 —
— 1839 —	—	502.433 —
— 1842 —	—	552.269 —
— 1844 —	—	608.067 —
— 1847 —	—	607.462 —

Слѣдовательно количество спирта, подвергнувшагося акцизу, увеличилось за это время на 70%, между тѣмъ какъ населеніе Франціи между 1827 и 1850 годами увеличилось лишь на 12%. Это количество чистаго алкоголя возрасло въ послѣдствіи:

Въ 1855 году	до 714.815 гектол. ²
— 1856 —	— 766.395 —

Количество, уплатившее налоги въ 1847 году, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

362.926 гектол. чист. альког. упл. общій налогъ у розничныхъ торговцевъ	
189.826 — — — — тотъ же — у прочихъ продавцовъ	
54.710 — — — — единств. — Въ Парижѣ.	

Изъ этихъ 607.462 гектолитровъ около 180.406 уплатили, кромѣ общаго налога на потребленіе, еще впускные налоги.

Между тѣмъ, вывозъ за границу спиртовыхъ напитковъ, приготовленныхъ изъ винъ, возросъ отъ 188.389 гектолитровъ алкоголя въ 1837 году лишь до 206.074 гектол. въ 1847 году, а вывозъ спирта изъ другихъ веществъ упалъ за эти десять лѣтъ отъ 18.299 гектол. алкоголя до 6.180 гектол. Около 25.000 гект. алкоголя употреб-

¹ *Rapport de Bocher* p. 26.

² *Compte définitif de l'exercice*, de 1856, page 227.

дятся ежегодно на привъшиваніе къ винамъ вывозимымъ. Итого въ 1847 году:

Потреблено населеніемъ	607.462	гектол.
Вывезено.	212.254	—
Привъшено къ вину.	25.000	—

Слѣдовательно подъ контролемъ акцизнаго управленія находилось всего 844.716 гектолитровъ, изъ числа которыхъ около 340.000 гект. выходятъ изъ заводовъ перегонщиковъ собственныхъ произведеній (*bouilleurs du crû*) ¹.

А такъ какъ, согласно сказанному выше, общее количество алкоголя, производимаго во Франціи, простирается до 1.320.000 гектолитровъ, то около 470.000 гектолитровъ чистаго алкоголя совершенно избѣгли контроля! Спрашивается, что стало съ этимъ количествомъ? Часть его конечно уходитъ на домашнее потребленіе винокуровъ; но центръ винокурения на югъ, гдѣ потребленіе спиртовыхъ напитковъ весьма ограничено; слѣдовательно значительная часть этого количества избѣгаетъ правительственнаго налога и контроля. На югъ Франціи перегонщики вина и винокуры изъ собственныхъ произведеній въ значительной мѣрѣ занимаются контрабандою, такъ какъ они при фабрикаціи спирта не подлежатъ никакому контролю. Они устраиваютъ тайные склады и ввозятъ напитки въ города, чѣмъ въ особенности занимаются женщины, какъ это видно изъ документовъ, приложенныхъ къ работамъ комиссіи 1850 года ². Въ другихъ департаментахъ этимъ занимаются разнощики (*fraude de colportage*). Наконецъ и винокуры по ремеслу прибѣгаютъ къ тому же средству. По словамъ г. Делескюза, знатока въ этомъ дѣлѣ, и котораго приводитъ и Моль въ своемъ трудѣ ³, винокурные заводы такъ малы во Франціи, что имъ часто невозможно производить съ выгодой, не утаивая значительной части своихъ произведеній; значительная ихъ часть производитъ едва 6¼ гектолитровъ 50-градусной можжевелевой водки въ сутки; при цѣнѣ 12 франк. за гектолитръ ржи, гектолитръ водки становится имъ самимъ въ

¹ Морицъ Моль. *Репортъ суртмбергской палаты* стр. 32.

² *Enquête* tome I, page 61. Tome II, page. 29—39.

³ Delescluze. *De l'Impôt sur les boissons*. Valenciennes. 1845.

295 франк., а они выручаютъ за него не болѣе 290 фр. 30 сент., и слѣдовательно должны были бы оставаться въ убыткѣ на 4 франк. 70 сент. съ каждаго гектолитра. На сѣверѣ Франціи ежедневное производство многихъ винокурень, по ихъ декларациамъ, не превосходитъ 1 гектолитра водки въ сутки, расходы же въ винокурениі, какъ извѣстно, увеличиваются при незначительномъ размѣрѣ производства. Ясно, что винокуры выкуриваютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе и ведутъ контрабандную торговлю своими произведеніями, ибо производить въ убытокъ никто не станетъ. Это впрочемъ и естественно, ибо, по закону, они не обязаны показывать болѣе 2¹/₂ литровъ алкоголя на 100 литровъ затора, между тѣмъ какъ получаютъ значительно болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, по статистическимъ даннымъ, въ 1852 году во Франціи всего числилось винокуренныхъ и перегонныхъ заводовъ до 1.438, слѣдовательно приходилось на каждый среднимъ числомъ не болѣе 917 гектол. алкоголя въ годъ¹. Но не честнѣе и винокуры, курящіе водку изъ сахарной патоки: при обыкновенныхъ снарядахъ добывается изъ 100 литровъ сахарной патоки въ 40% отъ 23—25 литровъ алкоголя; между тѣмъ показанія заводчиковъ рѣдко превышаютъ 14 и 15 литровъ. По показанію того же автора, въ Валансьенѣ убѣдились опытомъ, что какъ скоро акцизное управленіе подвергается строгому присмотру того или другаго заводчика, онъ тотчасъ приостанавливаетъ свое производство, пока управленіе не возвратитъ ему свободы тайно выдѣлывать часть своихъ продуктовъ. Наши разчеты основаны на данныхъ, сообщенныхъ комиссіей и относящихся къ 1847 году; мы взяли ихъ за основаніе, какъ наиболѣе достовѣрныя; но положеніе дѣлъ весьма мало измѣнилось съ тѣхъ поръ: потребленіе офиціальное увеличилось, но за то увеличилось и производство, въ особенности съ 1852 г., когда стали въ значительномъ количествѣ выкуривать спиртъ изъ свеклы; вывозъ за границу остался на той же высотѣ, слѣдовательно, отношеніе чиселъ остается почти то же.

Результатомъ такого положенія главнымъ образомъ представляется значительный ущербъ казнѣ, безразвѣтность

¹ *Statistique de la France*, par Maurice Block, tome II, page 202. Paris, 1860.

почти всего соавленія винокуровъ и низкое состояніе этой промышленности въ техническомъ отношеніи, ибо старанія винокуровъ направлены не къ возвышенію продуктивности своего труда, а къ изысканію средствъ избѣжать акцизнаго контроля и скрыть свою контрабанду. Но всего вреднѣе то, что контрабанда внутри страны охватываетъ все населеніе и развращаетъ его постояннымъ соблазномъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что французская система налога на спиртовые и вообще крѣпкіе напитки и поощряетъ вывозъ за границу, облегчая его значительно; несмотря на то, что она даетъ возможность отдалить уплату налога до самаго момента потребления, не только не взимаемая налога съ производителя или продавца до сбыта произведенія, но и оставляя налогъ въ его рукахъ на нѣкоторое время послѣ уплаты его потребителями, и тѣмъ доставляетъ населенію значительное облегченіе; однако эти выгоды перевѣшиваются значительными недостатками: налогъ съ большою тяжестью падаетъ на жителей городовъ чѣмъ на жителей селеній, однихъ заводчиковъ подвергаетъ контролю, а другихъ освобождаетъ отъ него, распространяетъ на всю страну, испещренную внутренними заставами и преградами свободному движенію, зло и безнравственность контрабанды, не ограждаетъ выгоды казны, и поощряя винокура къ контрабандѣ, даетъ ему возможность взимать съ потребителей въ свою пользу налогъ, долженствовавшій попасть въ казну, и пользуясь этимъ, совершенно пренебрегать техническими усовершенствованіями своего производства. Все это недостатки, далеко превышающіе выгоды французской системы налоговъ на спиртовые напитки, которая однако занимаетъ, вмѣстѣ съ налогами на другіе горячительные напитки, до 8.000 чиновниковъ, стоющихъ правительству до 21.000.000 франк., то-есть до 14% общаго дохода отъ этихъ налоговъ (въ 1856 году эти налоги равнялись 142.000.000 фр., а въ 1857—152.000.000 франковъ).

III.

Большая часть государствъ западной Европы предпочли поразить спиртовые напитки налогомъ при самомъ производствѣ, подвергая его тщательному контролю, а за тѣмъ оставя торговлѣ спиртомъ возможную свободу.

Такъ образовались три системы обложенія спиртовыхъ напитковъ, во время ихъ производства, по тѣмъ моментамъ ея, которые принимаются въ основаніе налога.

1) Основаніемъ налога принимается количество выкуриваемаго на заводахъ спирта, и вниманіе акцизнаго управленія преимущественно обращается на контроль этого количества.

2) Налогъ взимается съ выстижности перегонныхъ кубовъ, съ каждой перегонки, принимая известное пространство времени необходимымъ для одной перегонки (*Blasenzeit*).

3) Налогъ взимается съ емкости затерныхъ чановъ, то-есть съ количества сырыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ на винокурение.

Первая изъ этихъ формъ налога существуетъ въ настоящее время въ Англіи; въ вѣхъ трехъ, она представляетъ съ теоретической стороны наиболѣе совершенствъ тѣмъ, что здѣсь моментъ, когда предметъ потребления подвергается налогу, ближе къ самому потребленію чѣмъ въ двухъ другихъ, и еще тѣмъ, что винокуры подвергаются равному налогу, по количеству полученныхъ продуктовъ своего производства. Поэтому интересно прослѣдить, какимъ образомъ осуществленіе этой системы было признано возможнымъ въ Англіи, и какия для контроля государственнаго налога потребовались мѣры и средства.

Нынѣшняя система налога на спиртовые напитки введена была въ Англію въ 1825 году, послѣ предварительнаго ея испытанія въ Шотландіи, актомъ 6-го года царствованія Георга IV (глава 80), и послужила къ ограниченію и почти совершенному уничтоженію незаконнаго винокурения, но за то сосредоточила все винокурение въ рукахъ небольшого числа промышленниковъ, двигающихъ громадными капиталами.

Все винокурение и торговля спиртовыми напитками разделены этимъ закономъ на нѣсколько отдѣльныхъ производствъ и промысловъ, рѣзко другъ отъ друга разграниченныхъ; никто не можетъ заниматься двумя изъ нихъ въ одно и то же время; таковы: 1) дистилляторы или производители спирта или алкоголя; 2) ректификаторы или составители водокъ; 3) оптовые торговцы спиртомъ или водками, 4) розничные торговцы.

Для каждаго изъ этихъ производствъ требуется особое повелительное свидѣтельство отъ акцизнаго управленія и упла-

те особаго патентнаго налога или лицензія (license); первые три платятъ по 10 е. стер. 10 шилл., послѣдніе отъ 2 е. 4 ш. 1 пенни до 11 е. 6 пенсовъ, смотря по размѣру цѣтъ занимаемаго или помещенія.

Наконецъ спиртовые напитки поражаются и налогомъ на союды, взимаемымъ въ солодовняхъ.

Получивши лицензію, винокуръ, рентакаторъ или оптовый торговецъ, долженъ выставить *выпиську* съ надписью, выражающею родъ его заведенія; одинъ отъ другаго они непременно должны отстоять на $\frac{1}{4}$ англійской мили ($\frac{3}{8}$ версты); такъ напримѣръ винокуръ долженъ находиться отъ рентакатора не менше, какъ на такомъ разстояніи; также и оптовой торговецъ не въ правѣ открывать свое заведеніе въ разстояніи ближайшемъ отъ двухъ предыдущихъ промышленниковъ; нарушеніе этого послѣдняго правила наказывается штрафомъ въ 500 е. стерл. за каждую погрѣбу, въ продолженіи которой такія заведенія будутъ въ дѣйствіи (считаемъ 3000 р. с.), за производство безъ выписки полагается штрафъ 20 е. стер., а за совокупное производство двухъ видовъ этой промышленности—200 е. стерл.

Таковы общія правила, но кромѣ того каждое изъ производствъ подвергнуто строгому и постоянному контролю и точнымъ правиламъ, опредѣляющимъ каждое дѣйствіе промышленника.

Личный производящій винокурение безъ правительственнаго дозволенія, и не взявъ на то дозволительнаго свидѣтельства, подвергается штрафу въ 500 е. стерл.

Никто не можетъ завести винокурню иначе, какъ внутри города или въ разстояніи не болѣе четверти мили города, вѣнющаго не менше 500 жилыхъ домовъ. Каждый изъ перегонныхъ кубовъ винокурни долженъ имѣть не менше 400 галлоновъ вместимости (148 ведръ); если винокуръ имѣеть кубы, вмѣщающіе болѣе 3000 галлоновъ, то не имѣеть права имѣть болѣе двухъ кубовъ для первой гонки и двухъ для второй, и за каждый куб сверхъ этого числа платитъ 100 е. стерл. штрафъ за каждый разъ, когда онъ будетъ употребленъ.

Затѣмъ, законъ предписываетъ подробно число различныхъ сосудовъ, которые винокуръ долженъ имѣть въ своемъ заводѣ, величину и названіе каждаго и самый порядокъ производства. Въ винокурнѣ не должно быть болѣе одного сосуда для сохраненія бродившаго уже затора; сосудъ этотъ названъ

wash charger; онъ долженъ быть отовсюду закрытъ и быть не менѣе самаго большаго перегоннаго куба; сообщаться съ квасильными чанами и перегонными кубами онъ долженъ посредствомъ металлическихъ трубъ, видныхъ извнѣ, нѣвѣщихъ краны за замками, ключи отъ которыхъ должны всегда находиться у акцизнаго чиновника. Также предписано устройство всѣхъ другихъ сосудовъ, какъ-то: приемниковъ для спирта первой перегонки, тазовъ и т. д.; этихъ сосудовъ должно быть не болѣе двухъ каждаго сотра, у всѣхъ въ крышкѣ должно быть сдѣлано отверстіе для опусканія пробныхъ снарядовъ и въ боку отверстіе за ключомъ чиновника, для того чтобъ онъ удобно могъ брать пробы; за каждый лишній сосудъ, или за сосудъ, по устройству не соответствующій предписаніямъ, платится штрафа до 200 ф. стерл. и по 20 ф. стерл. за каждый день, въ продолженіи котораго такой сосудъ будетъ находиться на заводѣ. Трубы, служащія сообщеніемъ между различными сосудами, должны быть снабжены кранами, а послѣдніе замками; эти краны должны быть отпираемы и запираемы самими чиновниками, а замки и къ нимъ ключи должны быть припасаемы фабрикантами или покупаемы акцизнымъ управленіемъ на ихъ счетъ, и отъ времени до времени замѣняемы новыми; всякій взломъ замка или порча его наказывается штрафомъ въ 200 ф. стерл. Акцизный надсмотрщикъ можетъ требовать во всякое время, чтобы развинтили для чистки тотъ или другой сосудъ или трубу.

Всѣ сосуды, чаны, кубы и пр., находящіеся въ употребленіи на заводѣ, должны быть помѣчены, нумерованы, и на каждомъ изъ нихъ должно быть ясно написано его названіе и видѣстимость, а равно и имя заводчика; трубы всѣ должны быть видны на всемъ ихъ протяженіи, и тѣ изъ нихъ, которыя служатъ для провода затора, должны быть окрашены красною краскою, служащія для первой перегонки—голубою, служащія для спирта—бѣлою, и наконецъ, служащія для провода воды—черною краскою. За нарушеніе каждаго изъ этихъ правилъ полагается отъ 50 до 200 ф. стерл. штрафа.

Наконецъ, до начала работы на заводѣ, заводчикъ долженъ представить въ акцизное управленіе полное описаніе всѣхъ своихъ помѣщеній, сосудовъ, чановъ, кубовъ и т. д., а равно представить рисунки каждаго и рисунки, изображающіе ихъ относительное другъ къ другу положеніе.

Для огражденія казеннаго дохода, акцизные надзиратели получили огромныя права; употреблять эти права во зло они не могутъ, потому что каждый заводчикъ легко можетъ судебнымъ путемъ преслѣдовать всякаго злоупотребляющаго своею властью чиновника, и преслѣдовать съ полнымъ успѣхомъ. Если акцизный чиновникъ имѣетъ подозрѣнiе, что въ какомъ-либо частномъ домѣ производится винокурение, или укрыты какъ сосуды, такъ и запасы, то, давъ объ основательности своего подозрѣнiя присягу предъ мировымъ судьей или нѣсколькими мировыми судьями, онъ получаетъ позволенiе силою войти въ такой домъ, и, конфисковать все сосуды и запасы, за каждую ими занятую комнату и за каждый сосудъ заставить хозяина ихъ или стѣнщика квартиры заплатить по 200 е. стерл. штрафа. Въ винокуренные же заводы онъ имѣетъ право входить въ всякое время, и, въ случаѣ препятствiя со стороны заводчика, разламывать двери, окна и сосуды, а также, въ случаѣ подозрѣнiя, взламывать полы для отысканiя тайныхъ трубъ и проводниковъ изъ сосудовъ и чановъ, и даже, въ случаѣ, если найдена будетъ такая труба, слѣдуя по ея направленiю, взламывать дома или зданiя, черезъ которые она будетъ проведена.

Что касается до самаго производства, то законъ, требуя такого ограниченiя въ формѣ, величинѣ и постановкѣ необходимыхъ сосудовъ, также ограничиваетъ винокурень и въ употребленiи ихъ.

Винокуры не имѣютъ права въ одно и то же время выкуривать спиртъ изъ зерноваго хлѣба и изъ сахара, картофеля или свеклы, или другихъ какихъ-либо веществъ. Имъ позволяется заранѣе объявлять, желаютъ ли они выкуривать изъ одного хлѣба, или также и изъ всѣхъ другихъ названныхъ веществъ, переходя постепенно отъ одного къ другому; въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ промежуткахъ должно оставить заведенiе пустымъ на цѣлый мѣсяць. Для удобства надзора за каждымъ актомъ производства, англiйскiй законъ раздѣляетъ все винокуренное производство на два періода: первый періодъ, когда производится наполненiе заторныхъ чановъ, броженiе затора и скопленiе его въ общемъ сосудѣ—wash charger (brewing period), и другой—періодъ производства самой дистилляціи (distilling period). Въ одно и то же время запрещается заводчику готовить заторъ и заниматься перегонкой его, и между обоими періодами производства долженъ быть извѣстный промежу-

токъ; пока въ употребленіи снаряды и сосуды одного періода, другіе запираются на ключъ акцизнымъ чиновникомъ; нарушение этого правила наказывается штрафомъ въ 500 ф. стерл.

До начала приготовления затора, каждый разъ, за шесть часовъ, заводчикъ предваряетъ акцизнаго надзирателя, и назначаетъ часъ начала производства и количество назначаемого къ выкуркѣ матеріала. Когда заторъ спущенъ въ квасильные чаны, заводчикъ дѣлаетъ особую декларацию о количествѣ затора, о пространствѣ, оставленномъ въ каждомъ чанѣ для броженія, и не можетъ примѣшивать дрожжей, пока акцизный чиновникъ не удостоитъ его показаній и не поверитъ затора, подѣ страхомъ штрафа въ 200 ф. стерл. Во время броженія, заводчикъ не имѣетъ права увеличивать заторъ подѣ страхомъ того же штрафа; самое приготовленіе дрожжей не можетъ заводчикъ совершать безъ предварительной деклараціи предполагаемаго ихъ количества и по скольку предполагается положить ихъ въ каждый квасильный чанъ. Когда заторъ достаточно готовъ, заводчикъ собираетъ его въ особый резервуаръ, wash charger, предвѣщая о томъ за 8 часовъ и ожидая прибытія чиновника, который отворяетъ краны трубъ, ведущихъ изъ квасильныхъ чановъ въ этотъ резервуаръ. Акцизный чиновникъ можетъ взять себѣ пробу и дистиллировать ее въ правительственной лабораторіи. Затѣмъ чиновникъ запираетъ всѣ трубы, ведущія къ резервуару, отпираетъ трубы, ведущія въ перегонные кубы. Этими начинается второй періодъ производства, во время котораго заторные чаны не могутъ быть вновь занимаемы. Чиновникъ отпираетъ и печку, которая затопляется заводчикомъ. Далѣе, заводчикъ за четыре часа долженъ заявить о времени, когда онъ желаетъ выпустить изъ сборныхъ сосудовъ какъ водку первой перегонки, такъ и спиртъ и гущу (feints), и для каждаго изъ этихъ дѣйствій чиновникъ отпираетъ краны въ трубахъ, предварительно измѣривъ количество каждаго изъ этихъ продуктовъ. Когда окончены всѣ операціи производства, заводчикъ можетъ снова приготовить заторъ, каждый разъ следуя той же процедурѣ.

Такимъ образомъ, акцизное управленіе слѣдуетъ неусыпно за каждымъ шагомъ производства, и какъ выразился въ парламентской комиссіи Г. О. Смитъ, одинъ изъ богатѣйшихъ винокуренныхъ заводчиковъ Англіи, «заводчики никогда не вы-

ходить изъ рукъ акцизнаго управленія.» Самое исчисленіе налога производится на *тройномъ основаніи*: акцизный чиновникъ удостовѣряется, во первыхъ, въ количествѣ и крѣпости затора, и разчитываетъ количество должнствующаго оказаться въ послѣдствіи спирта, *по одному галлону съ каждыя ста галлоновъ затора и съ каждыя пяти градусовъ крѣпости послѣднѣю*; во вторыхъ, онъ измѣряетъ количество и крѣпость первой перегонки (*law wines*), и опять дѣлаетъ разчетъ количества должнствующаго оказаться спирта и, третьихъ, удостовѣряется въ количествѣ спирта, который вытекаетъ въ резервуаръ, находящійся подъ его замкомъ; налогъ взимается такимъ образомъ не всегда съ количества дѣйствительно оказавшагося спирта, а иногда съ того количества, которое должно было оказаться по которому-либо изъ двухъ разчетовъ, а именно въ томъ случаѣ, когда въ резервуарѣ окажется менѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать; если же спирта окажется болѣе, то налогъ взимается съ дѣйствительнаго его количества.

Въ концѣ cadaго дистилляціоннаго періода, акцизный чиновникъ составляетъ разчетъ, и заводчикъ долженъ тотчасъ же уплатить налогъ сполна, если не имѣетъ особаго магазина (*warehouse*); каждую четверть года заводчикъ доставляетъ высшему акцизному начальству полный отчетъ о своемъ производствѣ и о количествѣ уплаченнаго имъ налога, подъ страхомъ за неисполненіе сего или за фальшивое показаніе, а равно за каждое упущеніе или даже ошибку, уплатить штрафъ въ 200 ф. стерл.

Но производствомъ спирта не оканчивается контроль надъ заводчикомъ, а еще менѣе надъ его фабрикомъ.

Заводчикъ не имѣетъ права держать у себя другой какой-либо спиртъ, кромѣ спирта своего производства. Акцизный надзиратель ведетъ счетъ количеству производимаго спирта, и если заводчикъ желаетъ получить право имѣть у себя спиртъ, не оплачивая налога до его отправления съ завода, то заводскій магазинъ запирается надзирателемъ; вообще заводчикъ уплачиваетъ налогъ сполна, а за убыль, превышающую 2%, даже штрафъ въ 20 шиллинговъ съ cadaго галлона; спиртъ можетъ быть вывозимъ съ завода лишь въ боченкахъ, содержащихъ въ себѣ не менѣе 80 галлоновъ, съ билетомъ акцизнаго надзирателя о количествѣ и крѣпости выпускаемаго спирта, и при накладной, выдаваемой самимъ заводчикомъ.

Винокуренный заводчикъ не можетъ въ то же самое время выкуривать спиртъ для внутренняго потребленія и для вывоза за границу, но если онъ производитъ для вывоза за границу, то подвергается особымъ правиламъ: онъ складываетъ свой спиртъ, до отправленія его, въ особые магазины, запираемые тремя замками, отъ которыхъ ключи хрѣнятся, одинъ у заводчика, другой у акцизнаго надзирателя, третій у особаго чиновника, назначаемаго высшимъ акцизнымъ начальствомъ; на каждомъ боченкѣ помѣчается количество и крѣпость спирта; магазинъ имѣетъ только одну дверь на улицу; всѣ манипуляціи, отправка спирта изъ магазина, пріемка его съ завода, переливка, производятся въ присутствіи двухъ чиновниковъ, и они же выдаютъ пропускъ на отправленіе спирта за границу, взимаютъ налогъ за всякую убыль и слѣдятъ за исполненіемъ всѣхъ закономъ предписанныхъ правилъ, за нарушеніе которыхъ заводчикъ наказывается штрафомъ въ 500 ф. стерл.

Спиртъ, назначаемый для внутренняго потребленія, отправляется съ винокуреннаго завода или прямо къ негоціанту, или на заводъ ректификатора или водочный заводъ. Эти послѣдніе заводчики хотя и не платятъ акциза, но подвергаются контролю для предотвращенія выкурки на нихъ спирта; за такую выкурку они въ первый разъ подвергаются штрафу въ 500 ф. стерл., во второй—отнятію права имѣть свой заводъ. На водочномъ заводѣ положено заводчику имѣть перегонный кубъ вмѣстимостью не менѣе 120 галлоновъ, съ соответствующими трубами, отворяемыми каждый разъ для производства перегонки и запираемыми акцизнымъ надзирателемъ; и каждая перегонка должна продолжаться не менѣе 16-ти часовъ и не болѣе; для этой цѣли перегонный кубъ наполняется спиртомъ не болѣе какъ на $\frac{7}{10}$ всей своей емкости, что и повѣряется каждый разъ акцизнымъ чиновникомъ, ведущимъ приходорасходную книгу запасамъ и фабрикатамъ водочнаго завода.

Контроль правительства распространяется и на оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ спиртомъ и водками. Всѣ они, при полученіи лиценціи на производство своей торговли, должны представить полное описаніе своего помѣщенія, означить число боченковъ, подвижныхъ и постоянно прикрѣпленныхъ къ одному мѣсту, число другихъ сосудовъ и количество своихъ запасовъ; на каждомъ боченкѣ должно быть означено число содержащихся въ немъ галлоновъ водки или спирта и крѣпость того и другаго напитка. Торговцы могутъ получать свои запасы

лишь отъ винокуровъ и водочныхъ заводчиковъ, имѣющихъ на производство законное дозволеніе и вывѣску надъ своимъ заведеніемъ; за покупку спирта или водки у людей, которымъ это производство не дозволено, покупатели подвергаются штрафу въ 500 ф. стерл. Оптовымъ торговцемъ называется тотъ, кто продаетъ и отправляетъ изъ своего дома спиртъ и водки количествомъ болѣе двухъ галлоновъ ($\frac{3}{4}$ ведра), но такой оптовый торговецъ можетъ взять лиценцію и на розничную распродажу.

Каждый, какъ оптовый, такъ и розничный торговецъ обязанъ имѣть у себя приходо расходную книгу своимъ запасамъ (спирту и водкамъ) и вносить въ нее полученіе, отправленіе каждой бочки или назначеніе каждой бочки въ распивку.

Какъ торговцы, такъ и винокуренные и водочные заводчики отпускаютъ отъ себя спиртъ и водку не иначе, какъ съ ярлыкомъ. Для этой цѣли, акцизное управленіе выдаетъ имъ книги съ такими ярлыками по отпечатанной формѣ; торговецъ вырѣзываетъ ярлыки, оставляя у себя другую половину и обозначая на ней содержаніе выданнаго ярлыка (conunterpart, talon). Всякій транспортъ спиртовыхъ напитковъ количествомъ болѣе 1 галлона долженъ быть сопровождаемъ такимъ ярлыкомъ. Адресать транспорта (т. е. лицо, къ которому онъ посылается), при приемѣ, отбираетъ ярлыкъ и, надписавъ поперекъ его красными чернилами «получено», записываетъ въ свою приходо-расходную книгу лицо, отъ котораго полученъ транспортъ и къмъ выданъ ярлыкъ, и, при первомъ посѣщеніи акцизнаго надзирателя, отдаетъ ему ярлыкъ; также и частное лицо не имѣетъ права получать спиртовыхъ напитковъ количествомъ болѣе галлона, если они не сопровождаемы ярлыкомъ. Каждый получатель ярлыка обязанъ доставить его въ акцизное управленіе съ другой стороны, торговецъ или заводчикъ, выдающіе ярлыки, должны остающіяся отъ нихъ половинки представлять въ акцизное управленіе, которое такимъ образомъ въ состояніи контролировать все движеніе спиртовыхъ напитковъ. Съ этою цѣлію акцизные чиновники обязаны отъ времени до времени навѣщать торговцевъ и удостовѣряться въ количествѣ находящихся у нихъ запасовъ и въ томъ, согласно ли это количество и крѣпость напитковъ съ показаніями ихъ приходорасходной книги и съ находящимися у нихъ ярлыками.

Всякое нарушеніе этихъ правилъ наказывается штрафами

отъ 50 до 500 ф. стерл., а провозъ или полученіе напитковъ безъ ярыка тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ.

Мы старались въ возможно-краткомъ очеркѣ представить систему, принятую въ Англіи для контролированія налога, взимаемаго съ спирта, выкуриваемаго на винокуренныхъ заводахъ. Ясно, что такой порядокъ долженъ былъ повести къ постоянному пребыванію акцизныхъ надзирателей на винокуренныхъ заводахъ. Акцизные чиновники постоянно совершаютъ на заводахъ свои поиски. «Первая визитація начинается въ 6 часовъ утра, говоритъ Юръ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи ¹, когда чиновники начинаютъ свои измѣренія сосудовъ. Въ 10 часовъ они опять предпринимаютъ визитацію, при которой они проходятъ все заведеніе и которая продолжается часто до прихода слѣдующаго чиновника; въ 2 часа по полудни еще разъ визитація, хотя и другаго чиновника; въ 6 часовъ вечера визитація еще разъ возобновляется; въ 10 часовъ вечера снова визитація совершается еще другимъ чиновникомъ, не бывшимъ при утреннихъ визитаціяхъ, и этотъ послѣдній смѣняется лишь на слѣдующее утро въ 6 часовъ. Кроме того винокурни посѣщаются часто и въ непредвидѣнное время оберъ-инспекторомъ акциза и генеральнымъ инспекторомъ.

Съ другой стороны, законъ велъ къ постепенному сосредоточенію всего производства въ немногихъ рукахъ, конечно, во вредъ земледѣлію.

Въ 1825 году въ Великобританіи было ²:

	Винокуровъ.	Ректификаторовъ.	Продавцовъ спиртовыхъ напитковъ.		Добываемое галлоновъ, облаченныхъ налогами.	Класса получила дохода (кроме лицензій)
			Оптовыхъ.	Розничныхъ.		
Въ Англіи.	9	54	1.911	38.472	3.684.049	2.055.027
— Шотландіи.	329	7	74	14.733	5.981.549	717.977
— Ирландіи.	84	12	122	14.108	9,262.744	1.111.825
Итого.	422	73	2.107	67.313	18.928.342	3.884.829

Въ 1835 году:

Въ Англіи.	11	101	3.043	48.628	7.315.053	2.743.144
— Шотландіи.	230	7	539	16.429	6.013.932	1.002.322
— Ирландіи.	83	20	381	19.041	11.381.223	1.327.809
Итого.	324	128	3.963	84.098	24.710.208	5.073.275

¹ *Ure Dictionary of arts.* London 1839. p. 403.

² *First Report of the commissioners of Inland Revenue.* London 1857 Appendix. Таблицы 32-ая а, b, c; 19-ая, 29-ая

Въ 1845 году:

Въ Англiи.	9	81	2.749	53.104	9.076.381	3.554.915
— Шотландiи.	170	8	412	15.657	6.441.011	1.180.852
— Ирландiи.	57	40	330	14.726	7.605.196	1.014.026
Итого.	236	129	3.461	83.487	23.122.588	5.749.793

Въ 1855 году:

Въ Англiи.	10	78	2.808	58.358	10.384.100	4.090.530
— Шотландiи.	137	7	372	12.591	5.344.319	1.898.636
— Ирландiи.	39	34	458	16.104	6.228.856	1.633.382
Итого.	186	119	3.638	87.053	21.957.275	7.617.548

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ 1825 году 18.928.342 галлона выкуривалось на 422 винокурняхъ, а въ 1859 году 21.957.275 галлоновъ выкуривалось лишь на 186 заводахъ; слѣдовательно на каждую винокурню въ 1825 году приходилось среднимъ числомъ не болѣе 44.854 галлоновъ, а въ 1855 году 118.049, а включая вывозъ за границу, около 140.000 галлоновъ. Увеличенiе же числа оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ, между 1845 — 1855 годами, замѣтное по приведенной таблицѣ, безъ сомнѣнiя находится въ связи съ закономъ 1848 года, значительно облегчившимъ контроль надъ ними; это доказывается и тѣмъ, что потребление спирта за это время значительно уменьшилось, и слѣдовательно на каждого торговца приходится значительно меньшее число галлоновъ. Та же система, распространенная и на приготовленiе солода, произвела подобные же результаты. Солодовень въ Великобританiи было:

Въ 1825 году	12.192
— 1835 —	12.808
— 1845 —	9.511
— 1855 —	7.239

между тѣмъ, какъ количество производимаго солода оставалось за это время безъ увеличенiя.

Какъ громадны размѣры англiйскихъ винокуренъ, можно судить по одной изъ нихъ, принадлежащей г-ну Октавиусу Смитту, находящейся въ самомъ Лондонѣ на берегу Темзы и подробно нами осмотрѣнной. 16 заторныхъ чашовъ имѣютъ совокупную емкость въ 500.000 галлоновъ, т.-е. 185.000 ве-

¹ Кромѣ того на вывозъ за границу добыто около 4.000.000 галлоновъ.

деръ; резервуаръ для затора (wash charger) имѣеть емкость въ 30.000 галлоновъ, т.-е. до 11.100 ведеръ, и каждый изъ двухъ перегонныхъ кубовъ до 20.000 галлоновъ, то-есть 7.400 ведеръ; заводъ имѣеть особую пристань на Темзѣ и паровую мельницу въ 6 поставовъ, занятую исключительно обмалываніемъ необходимаго для него хлѣба, и уплачиваетъ ежегодно до 300.000 ф. стерл. налога (Почти 2 милліона руб. сер.).

Для химическихъ приготовленій и для разныхъ отраслей мануфактурной промышленности, въ Англіи производится въ особыхъ заводахъ особенный спиртъ съ примѣсью нефти, котораго въ настоящее время на 30 заводахъ вырабатывается до 350.000 галлоновъ; къ употребленію его получили позволеніе до 40 публичныхъ заведеній и до 560 частныхъ лицъ. Этотъ спиртъ освобождается отъ налога.

Что до высоты самаго налога, то съ 1858 года онъ равняется 8 шилл. для всѣхъ частей Великобританіи, на галлонъ. Въ 1855 году 90.996 лицъ, подлежащихъ контролю акцизнаго управленія, уплатили:

Налого акцизнаго	7.617.548 ф. стерл.
За лиценціи	554.094 — —

Итого. . 8.171.642

Сюда должно присоединить около 2.000.000 таможенныхъ налоговъ на привозный спиртъ. Въ настоящее же время этотъ доходъ равняется болѣе 11.000.000 ф. стерл.

Чтобы получить полную картину результатовъ англійской системы налога на спиртовые напитки, слѣдовало бы точно опредѣлить *стоимость сбора его и многосложнаго контроля*, но къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши старанія, мы не можемъ сдѣлать этого: даже и въ подробныхъ счетахъ, служащихъ основаніемъ бюджета, мы не могли отдѣлать стоимость акцизнаго управленія отъ другихъ отраслей расходовъ департамента внутреннихъ сборовъ. До 1849 года акцизное управленіе составляло особый департаментъ. Вся страна была раздѣлена на особые акцизные округа, во главѣ которыхъ находились коллекторы съ жалованьемъ отъ 400 до 500 ф. ст., подъ ними находились инспекторы (supervisors) съ жалованьемъ въ 200—300 ф. ст., и наконецъ надзиратели (officers), раздѣляемые на пѣшихъ и вер-

ховыхъ, съ жалованіемъ въ 100 ф. ст.; низшую ступень составляли ассистенты послѣднихъ (жалованье 85 ф. ст.), письмоводители коллекторовъ съ жалованьемъ до 150 ф. ст. и экспектанты (жалов. 50 ф. ст.). Всего въ Соединенномъ Королевствѣ было до 3.816 чиновниковъ акцизныхъ (55 коллекторовъ, 61 письмоводитель, 316 инспекторовъ, 1.023 пѣшихъ и 1.499 верховыхъ надзирателей), изъ числа которыхъ въ одномъ Лондонѣ было занято 545 чиновниковъ, въ Шотландіи 875, въ Ирландіи 618 чиновниковъ и кромѣ того въ послѣдней 1.000 вооруженныхъ акцизныхъ стражей (Revenue Police) для подавленія тайнаго винокурения. Акцизное управленіе, завѣдывавшее тогда, налогомъ какъ на спиртъ, такъ и на пиво и множество другихъ предметовъ (бумагу, мыло, стекло и т. д.), стоило казнѣ въ 1835 году 1.061.152 ф. ст. Въ настоящее время внѣшнее устройство сохранилось почти въ томъ же видѣ, но, какъ уже сказано, въ 1849 году оно соединено съ управленіемъ прямыхъ податей подъ названіемъ Board of Inland Revenue Commissioners. Хотя при этомъ соединеніи сдѣлано было экономіи почти на цѣлыхъ 200.000 ф. ст. и притомъ въ одномъ акцизномъ управленіи болѣе чѣмъ на 40.000 ф. ст., и хотя съ 30-хъ годовъ множество предметовъ освобождены отъ налога, однако бюджетъ 1860—61 годовъ представляетъ въ департаментъ внутреннихъ сборовъ со всеми коллекторами и подвѣдомственными имъ лицами до 5.439 чиновниковъ, занятыхъ собираніемъ прямыхъ податей и косвенныхъ налоговъ, и чиновники эти стоятъ казнѣ около 1.500.000 ф. ст. Жалованье уменьшено не было, ибо хорошее жалованье признается въ Англіи необходимымъ средствомъ имѣть честныхъ, неподкупныхъ и бдительныхъ къ своимъ обязанностямъ акцизныхъ чиновниковъ. Притомъ, въ Англіи господствуетъ самый строгій надзоръ и справедливость при повышеніи. Каждое высшее должностное лицо лично отвѣчаетъ передъ казною за своихъ подчиненныхъ и, въ свою очередь, находится подъ контролемъ своего начальника. Каждый чиновникъ ведетъ ежедневный служебный журналъ и повѣряетъ журналы своихъ подчиненныхъ. Надзиратель контролируется инспекторомъ, послѣдній коллекторомъ,—все они генераль-инспекторомъ и экзаменаторомъ. Для каждой должности назначено извѣстное число годовъ, въ продолженіи которыхъ чиновникъ долженъ оставаться въ ней, чтобы быть повышеннымъ. Повышеніе же зависитъ отъ подробнаго разсмотрѣнія дневныхъ журналовъ чиновника и его подчиненныхъ, отъ

его честности и осмотрительности въ дѣйствіяхъ. Это разсмотрѣніе совершается экзаменаторами и занимаетъ два мѣсяца времени. Высшее начальство не узнаетъ имени представленныхъ, а лишь результатъ разсмотрѣнія дѣятельности ихъ, и назначаетъ на открывшіяся вакансіи лучшихъ на основаніи докладовъ. Никто не можетъ рекомендовать себя лично или быть рекомендованнымъ; то и другое служить чиновнику во вредъ; если же онъ утверждаетъ, что его рекомендовали безъ его вѣдома, то это строго разыскивается. Коллекторы по 8 разъ въ годъ объѣзжаютъ свои округи; малѣйшее упущеніе наказывается штрафомъ, отрѣшеніемъ отъ должности, а лихоимство, кромѣ отрѣшенія, штрафомъ въ 500 ф. ст. Надзиратели и всѣ чиновники, въ рукахъ которыхъ бываютъ казенныя деньги, до поступленія на службу представляютъ залогомъ.

Но несмотря на высокіе штрафы, сопровождающіе незаконное винокуреніе въ Англіи, несмотря на строгіе законы и на ослабное ихъ исполненіе, подавленіе внутренней контрабанды и незаконнаго винокуренія, которыя были распространены по всей Великобританіи въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ ужасающихъ размѣрахъ, было дѣломъ весьма труднымъ и находится отчасти въ связи къ пониженіемъ налога въ первое время, а затѣмъ уже съ усиленіемъ контрольных мѣръ.

Въ Шотландіи въ 1823 году было однихъ судебныхъ преслѣдованій за незаконное винокуреніе до 14.000, а въ 1830 году лишь 392 (налогъ уменьшенъ съ 6 шилл. съ галлона до 2-хъ) въ 1840—245 (несмотря на повышеніе налога до 3 шилл.) въ 1845—148, въ 1850—142, въ 1856 только 48. По нимъ тюремному заключенію были подвергнуты: въ 1830 15 человекъ въ 1840 23, въ 1845 12, въ 1850 21 и въ 1856 5. Въ Англіи было въ 1830 году 170 случаевъ обнаруженія акцизными чиновниками незаконнаго винокуренія, въ 1840 121, въ 1845 183, въ 1850 531, но уже въ 1854 лишь 333, въ 1855 321 и въ 1856 194. (Тюремному заключенію подвергнуты въ 1830 75 человекъ, въ 1840 86, въ 1845 139, въ 1850 443, въ 1854 258, въ 1856 223 и въ 1856 126.) Мы видимъ изъ этихъ цифръ, какъ осмотрительно дѣйствовали чиновники акцизнаго управленія, не заводя процессовъ безъ полныхъ шансовъ осужденія подсудимыхъ. Однако акцизное управленіе сознается, что совершенно уничтожить незаконное винокуреніе не возможно потому, что патока составляетъ слишкомъ удобное для него вещество по

простотѣ процесса ея выкурки ¹. Въ 1850 году акцизное управленіе должно было организовать въ Лондонѣ особый небольшой отрядъ, исключительно занятый преслѣдованіемъ этого рода преступленій; въ особенности потребность мануфактурной промышленности въ спиртѣ была причиною увеличенія незаконнаго винокурения, въ 1850 году, но этому помогъ законъ, дозволившій производство спирта съ примѣсью нефти и освободившій этотъ спиртъ отъ налога (въ 1855 году).

Далеко не столь отрадное явленіе представляетъ Ирландія, гдѣ, несмотря на низкіе налоги, незаконное винокурение производилось и отчасти еще производится въ громаднѣхъ раамѣрахъ: такъ въ 1833 году незаконное винокурение было открываемо въ 8.223 случаяхъ: въ 1840—въ 1.004, въ 1845—въ 2.150 (возвышеніе налога), въ 1850 число дошло до 3.451, но вслѣдъ за тѣмъ начало понижаться, и въ 1853 году упало до 2.293. Закономъ 1854 года была возложена на обыкновенную полицію обязанность дѣйствовать въ Ирландіи вмѣстѣ съ акцизною полиціей, и въ 1856 году было сдѣлано до 2.287 открытій, изъ которыхъ до 1.011 были произведены обыкновенною полиціей. Слѣдовательно, не всегда увеличивающееся число поимокъ можно считать признакомъ увеличенія числа преступленій, не рѣдко оно бываетъ послѣдствіемъ усилившагося надзора и увеличившейся бдительности контроля.

Что до преслѣдованій патентованныхъ винокуровъ за противозаконныя дѣйствія или упущенія, то число такихъ преслѣдованій весьма незначительно, и это, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ въ пользу дѣйствительности англійскихъ контрольных мѣръ и высоты назначенныхъ штрафовъ. Въ 1835 году такихъ преслѣдованій было во всей Великобританіи 230, въ 1840 г.—159, въ 1845 г.—80, въ 1850 г.—43 (изъ нихъ въ Англии ни одного), въ 1855 г.—28 (въ Англии ни одного).

Мы имѣемъ передъ собою послѣдніе результаты англійской системы косвенныхъ налоговъ на спиртовые напитки, системы, глубоко-обдуманной и приведенной въ исполненіе съ удивительною энергіей. Они вполне показываютъ, при какихъ условіяхъ возможно взиманіе налога съ фабrikата, въ моментъ выхода его изъ заведенія. Эта форма налога достигаетъ самаго уравнительнаго взиманія его со всѣхъ фабrikатовъ; посредствомъ

¹ *First Report of Inland Revenue Commisioners page 8 and 9.*

ея, всякая капля, производимая на заводѣ, подвергается налогу, но такія преимущества покупаются самыми стѣснительными правилами для всего производства; все оно сосредоточивается въ немногихъ гигантскихъ заведеніяхъ; налогъ оставляетъ мало поощренія фабриканту для улучшенія способовъ производства, напротивъ, фабрикантъ стѣсненъ и въ способѣ производства и во времени самыми положительными предписаніями, онъ даже не можетъ въ одно и то же время пользоваться всѣмъ своимъ заведеніемъ; имѣя подъ рукой новое вещество для производства, онъ долженъ дожидаться выхода перваго затора. Наконецъ, самое исполненіе всѣхъ контрольных мѣръ требуетъ, чтобы въ руки акцизнаго чиновника была вложена чрезвычайная власть, могущая легко подать поводъ къ произволу и другимъ злоупотребленіямъ, и потому могущая существовать лишь тамъ, гдѣ эти чиновники получаютъ богатое вознагражденіе, гдѣ быстрота и публичность судопроизводства и отвѣтственность передъ обыкновеннымъ независимымъ судомъ всякаго чиновника администраціи ограждаютъ промышленника отъ незаконныхъ притѣсненій, — условія, существующія далеко не во всѣхъ государствахъ Европы. Наконецъ и страшно-высокая стоимость акцизнаго управленія, при необходимости содержать до 3-хъ чиновниковъ для каждой винокурни, можетъ быть вознаграждаема лишь столь же высокимъ налогомъ, какъ существующій нынѣ въ Англіи, гдѣ, кромѣ платы за лиценціи, спиртъ оплачивается до 8 шилл. на галлонъ, то-есть около 6 р. 48 к. сер. съ русскаго ведра. Поэтому мы можемъ утвердительно сказать, что совершенно ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто при этой формѣ налога заводчику или торговцу облегчается ихъ ремесло и соблюдается для государства экономія въ контрольных средствахъ; напротивъ того, эта форма налога на спиртовые напитки требуетъ самаго строгаго контроля, и съ нею не совмѣстимы ни распространеніе винокурения, ни его свобода отъ стѣснительныхъ ограниченій, ни увеличеніе его вліянія на земледѣліе, ни даже самое усовершенствованіе его способовъ и приемовъ.

А. Куломзинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

**Христось, Христось воскресь! Воистину воскресь!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ, —
Осанна! Вайями усыплемте дорогу.**

**Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣковаго,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы;
Прощенье прошлому! Забвеніе былаго!**

**Оплоть коснѣнія и порчи сокрушень;
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ,
Богъ помочь, братья, вамъ, Богъ помочь въ новомъ бытѣ.**

**Не стойте, прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ, живымъ работы много.
Впередъ! васъ братья ждуть, впередъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одна, всѣмъ общая дорога!**

**Вы, чуждые досель, сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь наконецъ другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.**

Но рабство сломано; давайте жь руку намъ,
Давайте, и пойдѣмъ, пойдѣмъ, насъ ждетъ работа.
И радость и печаль—все вмѣстѣ, пополамъ,
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ, свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
Христось, Христось воскресъ! Воистину воскресъ,
И стала наша Русь землей людей свободныхъ.

Христось, Христось воскресъ! Хвала и честь тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, Евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій вуть къ землѣ обѣтованной!

М. Розенгеймъ.

НАШЪ ЯЗЫКЪ И ЧТО ТАКОЕ СВИСТУНЫ.

Одно слово, мимоходомъ сказанное въ *Современной Лѣтописи* нашего журнала, вызвало отвѣтъ въ *Основы*. Мы еще не имѣли случая привѣтствовать появленіе этого журнала, долженствующаго служить органомъ южной Руси и отчасти малороссійской литературы. Вышли двѣ книжки этого журнала, которыя во многомъ оправдываютъ то сочувствіе, съ которымъ мы готовы были встрѣтить его. Тѣмъ не пріятнѣе было намъ узнать, что мимоходомъ сказанное нами замѣчаніе могло показаться за выраженіе какого-то недоброжелательства къ малороссійской литературѣ и за укоръ ея дѣателямъ. Вотъ мѣсто изъ нашей статьи, которое вызвало отвѣтъ *Основы* и цитовано въ этомъ журналѣ:

«Языкъ, употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи гораздо ближе къ нашему литературному языку чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ нарѣчій, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.»

Слова эти, повторимъ, были сказаны мимоходомъ, и словомъ: *передразниваютъ*, мы хотѣли только рѣзче обозначить нашу мысль, но не соединяли съ нимъ оскорбительнаго для украинскихъ литераторовъ значенія, и охотно беремъ его назадъ. Точно также не желали мы укорять ихъ за то, что они любятъ свой родной говоръ, во всѣхъ его оттѣнкахъ и тонахъ. Но что мы сказали, то сказали не безъ основанія. Мы не считаемъ себя знатоками малороссійской литературы и не хотѣли быть пророками будущихъ явленій въ ней; но мы заявили фактъ, и фактъ этотъ остается и теперь, послѣ объясненій *Основы*. Фактъ этотъ — алфавиты, которыя успѣла уже породить малороссійская литература въ своихъ попыткахъ уловить всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора. Мы говоримъ объ этомъ теперь не для осужденія, и мы уже взяли назадъ то слово, которое можетъ казаться за выраженіе порицанія. Тѣмъ не менѣе мы видѣли такіе малороссійскіе алфавиты, какихъ вѣроятно нѣтъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, не алфавиты, а ноты, которыми улавляются не только оттѣнки и тоны говора, но чуть ли не модуляціи голоса. Впрочемъ, и въ самой *Основѣ* мы видимъ

алфавитъ, который имѣеть своею и главнѣйшую цѣлю уловлять оттѣнки звука, съ полнымъ забвеніемъ этимологій и всѣхъ преданій языка. Украинскіе литераторы пишутъ теперь: *перейметця, кинетця, разсердиця*; но слѣдуя этой системѣ, и мы должны писать, *кинетца, разсердитца или разсердиця*; слѣдуя этой системѣ, Рязанецъ долженъ потребовать особаго начертанія для звука *з*, который у него болѣе подходитъ къ малороссійскому нежели къ общепринятому. Московскій житель, а еще болѣе житель смоленскій, потребуеъ буквы *а*, тамъ гдѣ пишется *о*. Костромичъ и Вологжанинъ пожелають возстановить фонетическую силу буквы *з*, тамъ гдѣ у насъ ставится *о*, а у него слышится особый звукъ, который вѣроятно встарину и обозначался этою безгласною буквою (какъ напримѣръ въ словѣ *болъна* и т. п.). Украинскіе литераторы не хотятъ писать *хльбъ*, а пишутъ *хлѣбъ*; но и въ новгородскомъ краю говорятъ также *хлѣбъ*, а не *хльбъ*. Намъ кажется, что такая заботливость объ уловленіи звуковъ, въ ущербъ этимологій и преданію, есть дѣло излишнее. Живой говоръ сумѣеть самъ произнести свое слово какъ бы ни было оно написано; а если онъ съ теченіемъ времени, благодаря книгѣ, сдѣлаеъ какую-нибудь уступку этимологій и преданію, то въ этомъ, намъ кажется, нѣтъ большой бѣды, и тщательно предупреждать такую случайность нѣтъ надобности. Но, повторяемъ, мы не считаемъ себя въ правѣ давать какіе-нибудь совѣты украинскимъ литераторамъ; они лучше нашего должны знать что слѣдуеъ и чего не слѣдуеъ въ ихъ дѣлѣ.

Говоря о стараніи галицкихъ писателей сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ языкомъ, мы дѣйствительно подъ литературнымъ языкомъ разумѣли, какъ толкуеъ наши слова *Осмоса*, литературный «великорусскій» языкъ, но считали излишнимъ называть его великорусскимъ. Мы думали, что на свѣтѣ существуетъ только одинъ русскій языкъ, и что этотъ языкъ не составляетъ исключительной принадлежности какой-нибудь части Россіи или какой-нибудь вѣтви русскаго народа, южной или сѣверной, великой или малой. Такъ думали не мы одни, такъ думалъ цѣлый міръ, не подозревая существованія многихъ русскихъ языковъ, хотя въ каждой странѣ, въ каждой народности, а равно и въ русской, существуетъ множество оттѣнковъ народнаго говора и множество народныхъ особенностей. Мы говоримъ: русскій языкъ, и не имѣемъ надобности говорить о языкѣ великорусскомъ. Этотъ русскій языкъ не естъ племенное нарѣчіе; онъ выработанъ исторіей, и въ немъ органически сложились многія стихіи. Онъ давно уже получилъ значеніе языка литературнаго; онъ казался намъ дѣломъ безспорнымъ; мы (и одни ли мы?) соединяли съ нимъ много надеждъ. Увы! можетъ-быть все это однѣ мечты, и въ одно прекрас-

но́е утро неумолима дѣйствительность развѣетъ ихъ. Но дѣйствительность, какова бы она ни была, лучше мечтаній. Пожалѣть о нихъ можно, но стоять за нихъ нельзя. Что будетъ, то будетъ, а что будетъ, то Богъ дастъ: такъ, кажется, говорилъ Богданъ Хмѣльницкій, такъ скажемъ и мы. Оглядываясь на нашу исторію, обозрѣвая нашу литературу въ прошедшемъ и настоящемъ, допрашивая нашу цивилизацію, мы, къ сожалѣнію, не видимъ абсолютной невозможности, чтобы вмѣсто того русскаго языка, которымъ мы теперь говоримъ и пишемъ, не явился, рано или поздно, при новыхъ историческихъ условіяхъ, какой-нибудь другой русскій языкъ.

Мы жалѣемъ, что редакція *Основы*, обративъ вниманіе на выписанное мѣсто въ нашей статьѣ, не приняла къ свѣдѣнію всего прочаго, что въ ней сказано, того духа, въ которомъ она написана, тѣхъ поводовъ, какими она вызвана. Мы давали нашимъ читателямъ отчетъ въ томъ вопросѣ о національностяхъ, который поднять въ настоящее время въ цѣлой Европѣ; мы говорили о томъ хаотическомъ броженіи, которое представляетъ теперь славянскій міръ. Жаль также, что редакція *Основы* не приняла къ свѣдѣнію другой статьи нашей, которая появилась почти въ то самое время, въ первой книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи.» Если все это не извинило бы насъ въ ея глазахъ за приведенныя строки, то по крайней мѣрѣ ей были бы ясны побужденія, невольны вызвавшія у насъ тѣ слова, на которыя обратила вниманіе редакція *Основы*, и изъ которыхъ, повторимъ, мы охотно беремъ назадъ все, что слишкомъ отзывается настроеніемъ минуты.

Не только не желаемъ мы, чтобы украинскіе литераторы встрѣчали какое-нибудь, хоть малѣйшее, внѣшнее препятствіе въ литературной разработкѣ своего роднаго нарѣчія; но мы стѣовали бы не менѣе ихъ, еслибы такіа препятствія оказались. Мы желаемъ имъ въ этомъ отношеніи самой полной свободы и самаго полнаго успѣха. Всякая попытка внѣшнимъ образомъ стѣснять или навязывать языкъ есть историческое безуміе, недостойное насиліе, отъ котораго нельзя ждать добра. Усвоеніе языка должно быть дѣломъ жизни и свободы. Никакая принудительная сила не должна простираться ни на творческія стремленія жизни, ни на совѣсть и вѣрованія людей. Офиціальныи языкъ для выраженія живаго чувства и живой мысли будетъ то же, что и офиціальная нравственность, офиціальная любовь, офиціальныи энтузіазмъ. Редакція *Основы* говоритъ: «крайняя централизація въ языкъ была бы губительною помѣхой общему благосостоянію и образованію; единоображеніе производитъ у насъ уродство или идиотство...»

Совершенно вѣрная мысль, которой мы вполне сочувствуемъ и которую мы всегда высказывали. Хуже всего достается именно тому самому, что, вопреки своей натурѣ, принимаетъ характеръ вынудительный или ошціальный; чтобъ убить живую силу слова, мысли, вѣрованія, лучшее средство дать имъ обязательное значеніе и одѣть ихъ въ мундиръ. Объ этомъ между нами спора нѣтъ, и быть не можетъ. Но этого мало: мы считаемъ грѣхомъ противъ жизни не только насильственное распоряженіе ею, но и апатическую небрежность со стороны тѣхъ, кто хранитъ въ себѣ ея инстинкты. Если въ этихъ инстинктахъ есть влекущая сила, то грѣхъ насильственно подавлять въ себѣ ея влеченія, если они сами собою не исчезаютъ передъ другимъ, высшимъ влеченіемъ. Проба жизни есть великая, единственно-вѣрная проба. Только она можетъ рѣшить, что состоятельно и что несостоятельно, чему расти и укрѣпляться и чему умирать. Всякое предосужденіе, изъ какой бы теоріи ни было оно взято, должно умолкнуть передъ судомъ и рѣшеніемъ жизни. Мы не знатоки малороссійскаго языка; но понимаемъ какъ можно любить его звуки. Мы еще болѣе любимъ тотъ духъ, который въ нихъ вѣетъ, ту свѣжесть, тотъ юморъ, ту неистощимую поэзію и тотъ крѣпкій характеръ, которыми отличается природа Украинца. Но въ этихъ существенныхъ качествахъ желали бы мы видѣть элементы общей русской народности; Малороссъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, есть такая же живая часть русскаго народа, какъ и Велико-руссы; они взаимно пополняютъ другъ друга, и противоположность между ними есть противоположность одной и той же гармоніи. Сколько благодатныхъ элементовъ могла бы внести Украина въ русскую жизнь, въ русскую мысль, при благоприятныхъ условіяхъ! Но Украина имѣетъ свое нарѣчіе, которое довольно сильно и рѣзко обозначилось съ теченіемъ времени и почти готово само стать особымъ языкомъ; никакія внѣшнія препятствія не должны стѣснять это стремленіе; всякія вышательства могутъ только раздражить и болѣзненно усилить жизненность тамъ, гдѣ она есть; но, спрашивается, нѣтъ ли какихъ-нибудь внутреннихъ причинъ, которыя могли бы помѣшать этому стремленію?

Русскій языкъ, какъ онъ теперь образовался вслѣдствіе долгой исторіи, не исключаетъ разнообразныхъ народныхъ говоровъ на этомъ огромномъ протяженіи, гдѣ онъ служитъ для всѣхъ общимъ выраженіемъ жизни и мысли. Мы говоримъ иногда великорусское племя, но великорусское племя есть фикція, выдуманная въ противоположность малорусскому. Великорусское племя не существуетъ и никогда не существовало. Исторія застала нѣсколько славянскихъ племенъ, изъ которыхъ каждое, безъ сомнѣнія, отличалось какими-либо особенностями быта и нѣбло

своей говорѣ. Языкъ, которымъ эти племена говорили въ свою доисторическую пору, безъ всякаго сомнѣнія, былъ очень близокъ къ своему первобытному корню, къ общей славянской основѣ. Это не былъ языкъ исторической народности, это былъ языкъ доисторическаго племени. Разнорѣчія, существовавшія въ немъ, могли быть лишь отгѣнками одного и того же говора. Какъ всѣ эти племена, сидѣвшія въ разныхъ мѣстахъ той земли, которая стала въ послѣдствіи русскою землею, такъ и разнорѣчія между ними могли сложиться въ одну цѣльную народность; но, безъ сомнѣнія, каждая могла также стать порознь зародышемъ особой народности. Никакая теорія, кромѣ пророческаго ясновидѣнія, не могла бы угадать въ тѣ времена что выйдетъ изъ этихъ племенъ. Вопросъ о томъ, сложится ли изъ нихъ одна общая народность, или между ними образуется нѣсколько разныхъ центровъ, этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ только исторіей. Исторія рѣшала его продолжительно и трудно. Русь и русскій языкъ зародились почти въ одно и то же время, въ двухъ пунктахъ нашей земли, на сѣверѣ и югѣ, въ Новгородѣ и Кіевѣ. Первые памятники русскаго языка, первыя выраженія русской народности, явились тамъ и тутъ. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ, малороссійскомъ или великороссійскомъ, писана Несторова лѣтопись, есть вопросъ совершенно праздный; тогда не было ни великороссійскаго, ни малороссійскаго языка; былъ одинъ племенной языкъ, со многими разнорѣчіями, и этотъ языкъ, съ появленіемъ христіанства, подъ вліяніемъ установившагося церковнаго языка, сталъ общимъ выраженіемъ русской жизни, общимъ органомъ ея сознанія. На этомъ языкѣ писалъ Несторъ, на этомъ языкѣ давали правду Ярославъ и Изяславъ. Въ сѣверныхъ и южныхъ памятникахъ есть нѣкоторыя особенности и отгѣнки, интересные для филолога; но все это памятники одного и того же языка, одной и той же народности. Они лежатъ во главѣ угла, отъ нихъ идетъ тысячелѣтная исторія, къ нимъ восходятъ всѣ преданія этой исторіи. Много столѣтій отдѣляетъ ихъ отъ нашей нынѣшней рѣчи, и отдѣляетъ не даромъ: наша нынѣшняя рѣчь на многія столѣтія разнится отъ слова Несторовой лѣтописи, отъ языка Русской Правды. Но кому изъ русскихъ, гдѣ бы онъ ни родился, на сѣверѣ или на югѣ, будетъ чужда эта рѣчь, звучащая намъ почти изъ-за тысячи лѣтъ? Кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, затемненныхъ временемъ и требующихъ пособія науки для своего разъясненія, рѣчь эта намъ понятна и легка, несравнено понятнѣе и легче чѣмъ языкъ старинныхъ французскихъ памятниковъ для Француза нашего времени. Русская земля изъ Кіева пошла на сѣверъ, изъ Кіева пришла во Владимиръ и въ Москву. Москвѣ суждено было сдѣлаться главнымъ центромъ

собрания русской земли, собрания, исполненнаго темныхъ и тяжкихъ дѣлъ, но бывшаго историческою необходимостью, которая родилась не изъ какой-нибудь празднои теоріи, сочиненной на досугѣ какимъ-нибудь литераторомъ или ученымъ въ своемъ кабинетѣ; она родилась и развивалась во мракѣ дѣйствительности, она была не мыслию, а предупредившимъ всякую мысль, темнымъ фактомъ. Но что такое эта Московская область, ставшая центромъ русской жизни? Какое славянское племя обитало въ ней, великорусское или малорусское? Вопросъ этотъ будетъ еще болѣе празденъ чѣмъ вопросъ о языкѣ Русской Правды или Несторовой лѣтописи. Область эта для всѣхъ славяно-русскихъ племенъ была мѣстомъ самымъ нейтральнымъ; туземцами въ ней были не Славяне, а Чудь, и самое слово *Москва*, равно какъ и множество урочищъ, ее окружающихъ, — слѣдъ Чуди, сидѣвшей здѣсь испоконъ вѣка. Славяне являются здѣсь элементомъ пришлымъ, пионерами зародившейся исторической народности, колонизаторами, если не завоевателями. Какія именно отрасли славяно-русскихъ племенъ пришли сюда, потѣснили Чудь, извели ее или превратили въ Славянъ, — Вятичи ли, или безразличная смѣсь изъ всѣхъ славяно-русскихъ племенъ — это вопросъ второстепенный, а главная сила въ томъ, что всѣ эти племена, отъ сѣвера до юга, были тогда, какъ и прежде, частями одной слагавшейся народности, тяготѣніе которой было сильнѣе чѣмъ влеченіе племенныхъ особенностей и разнорѣчій. Москва, при новыхъ условіяхъ, продолжала дѣло Кіева и Новгорода. Въ ней совершалось дальнѣйшее развитіе русской исторіи, и въ ней также совершалось дальнѣйшее развитіе русскаго языка. Языкъ лѣтописей, *Русской Правды*, *Слова о Полку Игоревѣ*, подъ продолжавшимся вліяніемъ церковнаго языка, переходилъ здѣсь новыя фазы и пріобрѣталъ новый характеръ, не столько вслѣдствіе какой-либо новой племенной примѣси, сколько вслѣдствіе хода времени и новыхъ историческихъ условій. Языкъ московскихъ грамотъ, или юридическихъ памятниковъ XVI или XVII вѣка, совсѣмъ не то, конечно, что языкъ *Несторовой Лѣтописи* или *Слова о Полку Игоревѣ*, но онъ и не то, что языкъ *Русской Правды* или *Мстиславова договора съ Гочкимъ Берегомъ*. Онъ столько же разнится отъ стараго южнаго русскаго, сколько и отъ стараго сѣвернаго русскаго языка, — разнится не племенными особенностями, а силою многихъ протекшихъ столѣтій. Точно также разнится онъ съ другой стороны отъ Ломоносовской рѣчи, какъ въ свою очередь эта послѣдняя разнится отъ нашей. И вотъ почему языкъ, на которомъ мы говоримъ и пишемъ, не есть языкъ какого-нибудь небывалаго великороссійскаго племени, а языкъ русскій,

каковъ бы онъ ни былъ, служащій органомъ всей русской народности, какова бы она ни была и изъ какихъ бы элементовъ ни состояла. Каждая мѣстность можетъ имѣть, и дѣйствительно имѣеть, свои особенности въ языкѣ; эти особенности могутъ быть значительны и незначительны; но надъ всѣми этими особенностями господствуетъ одинъ языкъ. Жителю Нормандіи не легко будетъ понимать мѣстную рѣчь Француза изъ Прованса, но тотъ и другой — Французъ, и у того и другаго есть одинъ общій языкъ, не мертвый, не книжный, или составленный какимъ-нибудь ученымъ въ кабинетѣ, но живой, созданный исторіей, органъ цѣлой французской народности. Вотъ это истинно-національный языкъ, — а оставшіяся внѣ его мѣстныя особенности имѣютъ значеніе лишь племенныхъ разнорѣчій. Каждое изъ этихъ разнорѣчій могло бы само стать зародышемъ особаго народнаго языка, или другими словами, каждая изъ существующихъ въ мірѣ народностей: французская, итальянская, англійская, германская, а также и русская, могли бы выработать себѣ другой языкъ изъ своихъ племенныхъ элементовъ. Нѣтъ ни малѣйшихъ логическихъ препятствій для такого предположенія. Но дѣло не въ предположеніи, а въ фактѣ, и такъ какъ надобно было для одной цѣльной національности выработаться одному языку, то въ каждой національности выработался одинъ какой-нибудь языкъ, и исторія разъ навсегда утвердила такое или другое сочетаніе элементовъ, составляющихъ его натуру.

Мы сказали, что русская исторія создала *одинъ* русскій языкъ, — тотъ, на которомъ мы теперь говоримъ и пишемъ. Нѣтъ, возражать начъ, не одинъ, а два. Такъ, дѣйствительно, были двѣ Руси, двѣ русскія земли, а не одна. Кромѣ Руси, сосредоточившейся въ Москвѣ, была еще другая Русь, которая подпала Литвѣ и имѣла другія судьбы. Къ этой Руси принадлежалъ весь юго-западный край. Вотъ гдѣ пунктъ колебанія нашей исторіи, и вотъ гдѣ начало розни. Исторія Руси заколебалась, и Русь размножилась. Появилась разноцвѣтная Русь, Бѣлая, Червонная, появилась и Малая Русь въ отличіе отъ Великой. Литовская и Московская Русь были двумя половинами одного цѣлаго; оба великія княжества явились соперниками въ одномъ дѣлѣ. Литва — начало иноплеменное. и литовское племя, какъ оказалось, не было призвано къ исторической жизни; оно могло послужить только цементомъ въ чужихъ созиданіяхъ. Еслибы Литва не соединилась потомъ съ Польшей и не отказалась отъ своего запоздалаго язычества въ пользу католической церкви, то она навѣрное подчинилась бы въ послѣдствіи русской народности, надъ которою властвовала рука ея князей, и приняла бы отъ нея христіанство. Тогда дѣйствительно образовались бы два русскія государства, изъ которыхъ

одно должно было бы исчезнуть въ другомъ, точно такимъ же образомъ какъ въ нихъ самихъ исчезали тѣ многія удѣльныя княженія, на которыя дробилась русская земля. Но Литва соединилась съ Польшей, и юго-западная половина Руси очутилась подъ вліяніемъ сильной исторической народности,—одноплеменной, но тѣмъ не менѣе другой. Старыя вотчины русскихъ князей, и самъ златоверхій Кіевъ, колыбель русской земли, подпали подъ чужой законъ и подъ чужой языкъ, и отдѣлились на время отъ своей исторіи. Польскія стихіи влились въ этотъ край широкою струей, и только крѣпкій инстинктъ своей народности, поддержанный церковью, сохранилъ за Русью эти оторванные отъ нея части. Но и самая церковь начинала уступать: между ею и католицизмомъ возникла сдѣлка, подъ именемъ уніи. И дѣйствительно, въ этихъ оторванныхъ отъ Руси частяхъ, образовался особый языкъ, подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго, какъ настоящій русскій языкъ образовался подъ вліяніемъ церковнаго. Но вліяніе польскаго языка было тутъ еще сильнѣе чѣмъ тамъ вліяніе церковнаго. Оно было такъ сильно, что подъ нимъ почти исчезали собственно русскія стихіи. Памятники письменнаго языка литовской Руси часто представляютъ не что иное какъ чистый польскій языкъ, лишь съ нѣкоторыми уступками произношенію или кирилловскому алфавиту. Этотъ языкъ не могъ имѣть будущности; онъ былъ простымъ переходомъ къ польскому, и клонился къ тому, чтобъ окончательно водворить въ этихъ краяхъ польскую народность. Но старыя корни были крѣпки, особенно на югѣ. Тяжело было Польшѣ держать подъ своею властью это ничѣмъ неукротимое казачество, въ которомъ сосредоточилась вся жизнь южной Руси въ періодъ ея отчужденія. Наконецъ Русь соединилась съ Русью; но этотъ періодъ отчужденія не прошелъ даромъ; въ теченіе его образовалось много такого въ южной Руси, что, при всей крѣпости ея политическаго соединенія съ остальною Русью, даетъ ей значеніе почти особой народности, почти особаго языка. Эти различія, которыя оказываются теперь въ малорусской и великорусской стихіяхъ, вовсе не восходятъ къ началамъ исторіи; они фактъ позднѣйшій, они результатъ того временнаго отчужденія, о которомъ говорили мы сейчасъ. Вдѣлъ языка и народности одинъ мигъ отчужденія производитъ уже разнь. Возьмите какую хотите часть страны, возьмите, напримѣръ, хоть Архангельскую губернію, разобщите ее съ остальною Россіей и для этого подчините ее сильному вліянію другой племенной народности: всѣ особенности мѣстнаго говора, которыя теперь не имѣютъ никакой силы, вдругъ получаютъ эту силу, почувствуютъ въ себѣ жизнь и не преминутъ стать зародышемъ особаго нарѣчія. За то, съ другой стороны, какъ бы ни былъ

рѣзко обозначены мѣстныя нарѣчія, какъ бы сильно ни чувствовались въ нихъ жизнь, они или вовсе умолкнуть, или теряютъ всякую охоту къ развитію, всякій инстинктъ особой жизни, когда закипятъ жизнь въ цѣлой странѣ, когда единство народности будетъ выражаться не въ одной внѣшней силѣ, а въ неисчислимымъ и разнообразнымъ интересамъ жизни. Ослабѣетъ это единство, и тотчасъ же завяжутся новыя развитія, которыя могутъ быть или дѣломъ разложенія, или, почему знать? новой, лучшей организаціи, смотря по тому, что лежитъ у судьбы на колѣняхъ. Посмотрите, какое странное и смутное явленіе представляетъ теперь славянскій міръ, пробуждающійся повидимому къ жизни. Эти племена большею частью представляютъ лишь начатки народностей, изъ которыхъ почти ни одна не есть безспорный фактъ, почти ни одна не имѣетъ силы исторической индивидуальности. Мы говоримъ преимущественно объ этихъ фальшивыхъ народностяхъ на югѣ Австріи, которыя не смогутъ возвыситься до одного общаго имени и дробятся на отдѣльные центры, не имѣющіе ни силы, ни смысла. Что такое Хорватъ, Далматъ, Славонъ? Не всѣ ли они отпрыски одного сербскаго корня? А между тѣмъ каждый изъ нихъ издавна захотѣлъ быть особымъ корнемъ, захотѣлъ имѣть свою особую литературу, и быть самъ историческою индивидуальностью. Эти вѣтви сербскаго корня могутъ жить своею народною жизнію и получить то значеніе, котораго ищутъ, только какъ одно цѣлое; ихъ разногласія, ихъ разнорѣчія, не имѣютъ никакой цѣны передъ этимъ цѣлымъ, еслибы только было суждено ему осуществиться; но, къ сожалѣнію, исторія не дала ему ни въ чемъ выразиться, и оно остается лишь простымъ племеннымъ средствомъ. Было бы нелѣпо винить эти тяготящіе врознь элементы. Правда, они шли врознь, мельчали, хирѣли, уничтожались и даже теряли свою племенную основу, всякую силу народности, всякую надежду на историческую самостоятельность. Но почему? Потому что ни въ чемъ не выразилась сила цѣлаго, потому что между ними не завязалось ни одного великаго историческаго дѣла, которое стало бы жизненнымъ, внутреннимъ, всепобѣждающимъ, безспорнымъ центромъ одного цѣлаго. Эти Славяне преищраются между собою о буквѣ ютъ, и изъ-за этого теряютъ свою почву, свой корень, свой языкъ, свою народность. Они не хотятъ или не могутъ быть между собою чѣмъ-нибудь однимъ, и они становятся данниками чужихъ народностей, и вотъ Хорватъ стяжалъ себѣ честь быть солдатомъ австрійскихъ арій, а Далматъ матросомъ австрійскихъ кораблей. Они имѣютъ свои особые преданія, свои особыя литературы, исключительныя и ревнивыя относительно другъ друга, заботливо проводящія предѣлы между собою,

ограждающія свою самостоятельность всѣми оттѣнками и тонами дико-растущей племенной молвы: ничего живаго, ничего сильнаго изъ этого не вышло и не выходитъ; вышло только то, что эти племена, эти фальшивыя народности, должны мыслить по-мадьярски и обсуждать свои дѣла по-нѣмецки. Они безсильны составить одинъ общій сеймъ, они не имѣютъ *своего общаго* языка, въ нихъ нѣтъ другаго болѣе могущественнаго влеченія чѣмъ тѣ мелкія и бесплодныя подобія силъ, которыми держатся ихъ разнорѣчія и разногласія, и вотъ всѣ они должны учиться по-мадьярски или по-нѣмецки, чтобъ объясняться между собою, и должны ходить на чужіе сеймы, чтобъ изъ чужихъ центровъ управлять своими провинціальными и разрозненными дѣлами. Чтобы выйти изъ этого нестерпимаго въ жизни противорѣчія, имъ остается превратиться или въ Мадыаровъ или въ Нѣмцевъ, что было бы неизбежно, еслибы не надежда, что наступаетъ пора исторической жизни для славянскаго міра, что посреди этого хаотическаго броженія элементовъ родится наконецъ связующее дѣло и явятся живыя, органически раздѣляющія и органически соединяющія начала. Но что будетъ, то будетъ; будущее принадлежитъ къ области надеждъ и мечтаній. Геній исторіи давно коснулся этихъ племенъ своимъ крыломъ и произвелъ въ нихъ то броженіе и хаосъ, которые теперь раскрываются передъ нами; подождемъ, что будетъ, когда онъ въ нихъ вселится.

Посмотримъ теперь въ другую сторону. Германія обладает однимъ великимъ, всемірнымъ языкомъ; но она вовсе не сплошная и безразличная этнографическая масса; въ ней множество различій и противоположностей, глубокихъ и рѣзкихъ, болѣе глубокихъ и болѣе рѣзкихъ, чѣмъ различія и противоположности въ какой бы то ни было славянской народности. Сколько тамъ мѣстныхъ говоровъ, оттѣнковъ и тоновъ! Путешественникъ, обладающій самымъ основательнымъ знаніемъ нѣмецкаго языка, и даже самъ Нѣмецъ, наталкивается въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи на такія разнорѣчія, къ которымъ нужно долго и тщательно прислушиваться, чтобы понимать ихъ, на такія формы, реченія, обороты, которыя было бы совершенно невозможно употребить въ общепринятомъ нѣмецкомъ языкѣ. Но благодаря тому, что этотъ языкъ сталъ словомъ великой народности, органомъ исторіи, онъ упразднилъ всѣ мелкіе мѣстные говоры; и онъ не есть только языкъ книжный; онъ еще болѣе языкъ жизни, языкъ народа, несравненно болѣе чѣмъ всѣ мѣстные, простонародные говоры, ибо въ языкѣ, который сталъ органомъ исторической жизни народа, сосредоточивается съ тѣмъ вмѣстѣ и тайна его собственной жизни. Но кромѣ множества мѣстныхъ простонародныхъ говоровъ, въ Германіи

существовали отъ начала двѣ главныя вѣтви языка, верхне-нѣмецкій и ниже-нѣмецкій, *hochdeutsch* и *plattdeutsch*. Различія между этими двумя языками гораздо глубже чѣмъ между русскимъ, или пожалуй великорусскимъ, и малороссійскимъ. Но исторія рѣшила, чтобы нѣмецкимъ языкомъ, который пріобрѣлъ теперь такое значеніе, что полное общечеловѣческое образованіе не можетъ обходиться безъ знакомства съ нимъ, сталъ не *plattdeutsch*, а *hochdeutsch*. Почему такъ, почему не наоборотъ? А еслибъ было наоборотъ, то мы спросили бы опять: почему не наоборотъ? Надобно было какъ-нибудь рѣшить, и исторія рѣшила. Люди ниже-нѣмецкаго нарѣчія ничего отъ этого не потеряли; напротивъ, они выиграли все, они остались тѣмъ, чѣмъ были,—истыми Нѣмцами безъ ущерба, и сверхъ того пріобрѣли то значеніе, которое соединяется теперь съ германскимъ народомъ. Всѣ силы народности пошли нераздѣльно на одно общее историческое дѣло. А минута колебанія дѣйствительно была: когда Лютеръ предпринималъ свой переводъ Библии на нѣмецкій языкъ, онъ колебался какое избрать нарѣчіе, верхне-нѣмецкое или ниже-нѣмецкое; онъ избралъ первое, и съ тѣхъ поръ закипѣло дѣло. Событіе, которымъ ознаменовалось на западѣ освобожденіе человѣческой совѣсти, избрало своимъ орудіемъ этотъ языкъ и дало ему безсмертное значеніе. Чтò потомъ произошло изъ этого начала свободы, какія развитія умственныхъ силъ были его послѣдствіемъ, это извѣстно всѣмъ. Благодаря этому развитію, благодаря тому, чтò было сдѣлано на этомъ языкѣ, онъ дѣйствительно пріобрѣлъ безсмертное значеніе, онъ теперь не просто языкъ какой-нибудь народности, онъ сталъ однимъ изъ всемірныхъ языковъ. Никакое развитіе не возможно теперь на ниже-нѣмецкомъ языкѣ, и въ этомъ нѣтъ никакой потери, ибо все, чтò могло быть на немъ сказано, сказано на верхне-нѣмецкомъ. Тотъ Нѣмецъ, который захотѣлъ бы теперь внести литературную жизнь въ ниже-нѣмецкій языкъ, показался бы только чудакомъ и эксцентрикомъ. Но тамъ, гдѣ народность еще далеко не пріобрѣла всемірнаго значенія, гдѣ жизнь обнаруживается лишь немногими слабыми признаками, понятными и дорогими только для ея дѣтей,—гдѣ все сомнительно, тамъ все возможно. Мы никакъ не назовемъ чудаками тѣхъ, кто будетъ стараться возводить на степень литературнаго языка малороссійское нарѣчіе. Самое существованіе малороссійской литературы, какова бы она ни была, живой инстинктъ этого нарѣчія, его обаяніе, его позывы, все это свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ о томъ, что русскій языкъ еще не обладаетъ достаточною силою, и что наша народность, какъ бы глубоко мы ни чувствовали ее въ себѣ и какъ бы горячо ни вѣрили въ ея будущность, есть еще

только вѣрованіе, чаяніе, надежда, а совѣсьмъ не такая положительная дѣйствительность, которая бы исключала всякое сомнѣніе. Давно ли были у насъ горячіе споры о нашей народности, — что мы говоримъ давно ли? — они продолжаются и теперь, съ безнадежною рѣшимостью никогда не кончатся. Безконечные, утомительные споры, на которые было изведено такое великое множество словъ! Развѣ спорять о томъ, что въ очію совершается, что несомнѣнно, что дѣйствительно, что обрѣтается въ настоящемъ, а не во мглѣ будущаго? Наше общество, наша цивилизація, наша жизнь, наша литература, все подвергалось сомнѣнію. Одни говорили, что мы оторваны отъ народной основы, что народъ насъ не знаетъ и мы не знаемъ народа, что мы живемъ въ мірѣ призраковъ, что мысли наши не имѣютъ корней, рѣчи наши не имѣютъ значенія, что мы блѣдное отраженіе чужой дѣйствительности; что потерянная нами почва живетъ непонятною намъ жизнью, что тайна этой жизни въ забытомъ нами прошедшемъ, и что тайна эта раскроется въ невѣдомомъ намъ будущемъ. Наше прошедшее, говорили другіе, не имѣетъ никакого значенія для настоящаго и будущаго: это шелуха, изъ которой мы, слава Богу, вылушились, и которую бросили отъ себя далеко; мы не нуждаемся въ народности, намъ не нужна завѣщанная почва для нашего развитія; мы тѣмъ легче можемъ предаться дѣлу развитія, безостановочному движенію впередъ; не имѣя ничего за собою, мы тѣмъ легче будемъ переходить отъ одного отрицанія къ другому, — а не въ отрицаніи ли, заключали они, состоитъ вся сила движенія и прогресса? Народность же наша осуждена на безплодіе, въ нашемъ народѣ нѣтъ толку, наша раса проклятая раса. — Вотъ что было говорено еще вчера. Гдѣ же, кромѣ насъ, возникаютъ эти вопросы, въ какой же народности, кромѣ нашей, поднимается вопросъ объ ея существованіи? Значитъ, есть дѣйствительно что-то нерѣшенное, что-то не готовое, что-то еще не досказанное исторіей. Мы отреклись отъ прошедшаго; почти отрекаемся отъ настоящаго, и если живемъ, то живемъ болѣе въ чаяніи будущаго.

Нѣтъ возможности сомнѣваться въ крѣпости и величій Россіи, какъ государственной силы. Надобно имѣть слишкомъ возбужденную и эксцентрическую фантазію, чтобы подвергать какому-нибудь вопросу существованіе этой силы. Вопросъ объ этомъ былъ бы праздною рѣчью. Это фактъ небывалыхъ размѣровъ, но вопросъ не въ размѣрахъ факта и не въ этомъ фактѣ. Фактъ этотъ существуетъ давно, но русскаго слова до сихъ поръ еще не было слышно въ мірѣ; русская народность еще сама сомнѣвается въ себѣ, ищетъ себя и не обрѣтаетъ. Гдѣ на народ-

ность большой спрость, гдѣ о ней слишкомъ много толкують, тамъ значить ея мало или тамъ ея нѣтъ въ наличности.

Въ Европѣ, намъ извѣстно, поднять теперь вопросъ о національностяхъ; особенно въ Германіи свирѣпствуетъ теперь этотъ вопросъ, и всякаго рода агитаціи въ этомъ смыслѣ выступаютъ изъ всякой мѣры. Мечась изъ стороны въ сторону и прибѣгая ко всевозможнымъ ухищреніямъ, нѣмецкіе агитаторы прибѣгаютъ и къ тому орудію, которое особенно свойственно нѣмецкимъ агитаторамъ. Они прибѣгаютъ къ «философіи исторіи», и поучаютъ Славянъ, какъ мы недавно читали въ рѣчи, похожей на прокламацію, одного изъ извѣстныхъ политическихъ людей Пруссіи, что движеніе народовъ идетъ теперь отъ запада къ востоку, что тѣснимая сложными германороманскими организаціями на западѣ, нѣмецкая народность должна поневолѣ подаваться на востокъ и тамъ вознаграждать себя за утраченный Эльзасъ, Лотарингію и Бургундію, и что западнымъ Славянамъ въ свою очередь представляется обширное поприще на Востокѣ. Мы хотимъ понимать это поприще въ духовномъ значеніи, потому что другое, при всѣхъ усиліяхъ воображенія, мы представить себѣ затрудняемся. Мы полагаемъ, что нашимъ соплеменникамъ, въ вознагражденіе за ихъ реальныя утраты на западѣ, указываютъ пріятную перспективу духовнаго и нравственнаго преобладанія на востокъ, гдѣ, по мнѣнію Европы, только гладь и ширь, ничего не производящая.

Также недавно, одинъ нѣмецкій ученый, знающій русскій языкъ и даже преподающій его въ Берлинской военной академіи, сказалъ рѣчь въ одномъ ученomъ обществѣ въ Берлинѣ о значеніи Шиллера въ русской литературѣ, и напечаталъ ее послѣ въ *Vossische Zeitung*. Онъ сравнивалъ условія, при которыхъ развилась нѣмецкая литература, съ условіями нашего развитія, «для того, говоритъ онъ, чтобы рѣзче опредѣлить сущность русской литературы.» Онъ коснулся памятниковъ древней нѣмецкой поэзіи—этихъ народныхъ эпосовъ, богатыхъ содержаніемъ, исполненныхъ величія и силы. Онъ упомянулъ о рыцарствѣ, о школахъ мастерзэнгеровъ, о тѣхъ стремленіяхъ къ идеалу, которыя выразились въ этихъ соборахъ, въ этихъ исполинскихъ созданіяхъ готическаго зодчества, украшенныхъ всіми дарами искусства, «этого всеукрашающаго воплощенія духа». «Богато развитая жизнь городовъ, продолжаетъ онъ, рано создала правильно развитую общественность; но сильнѣе всего реформація вызвала умы къ титаническому движенію, и переводами Библии положила первое основаніе не только языку нашему, но и нашей поэзіи. Если мы къ этому прибавимъ трудо-

любіе нашихъ монаховъ и ученыхъ, богатые результаты ихъ изслѣдованій, которые немедленно перешли въ достояніе поэзіи, учрежденіе университетовъ и самостоятельное развитіе живописи въ своеобразномъ нѣмецкомъ вкусѣ, богатство народнаго эпоса и множество важныхъ открытій въ области промышленности, наконецъ книгопечатаніе, то увидимъ ясно что процвѣтаніе народной стихіи въ средніе вѣка коренится въ незыблемыхъ основахъ правильнаго прогресса. Но тридцатилѣтняя война пресѣкла этотъ своеземный прогрессъ, и по окончаніи ея потребовалось новое сильное возбужденіе, которое нашла Германія въ изученіи классическихъ литературъ, въ знакомствѣ съ Шекспиромъ, съ италіянскими и испанскими поэтами: въ Германіи являются Клопштокъ, Виландъ, Гердеръ, Лессингъ, которые пролагаютъ дорогу Шиллеру, Гете. Сближеніе нѣмецкой литературы съ иностранными расширило ея область. «Всѣ литературы міра, говоритъ г. Больцъ, принесли намъ силы, которыя послужили вспомогательными средствами для нашего развитія, сообщили нѣмецкой литературѣ ея универсальность и самыя разнообразныя формы.»

Выставивъ такимъ образомъ свои богатства, хитрый Нѣмецъ обращается къ намъ. Но гдѣ же ему, Нѣмцу, судить о насъ? Стоитъ ли выписывать его слова, которыми онъ характеризуетъ наше развитіе! Мы возьмемъ лишь немногое и только для того, чтобы видѣть, какою пустыней представляется русская жизнь иноземцу, хотя и знающему ея языкъ, но не носящему въ себѣ ея надеждъ. «Едвали возможно составить себѣ понятіе объ этой тупой, прозябательной жизни, которая должна была господствовать въ обширныхъ и хлѣбородныхъ равнинахъ Россіи..... Мы съ трудомъ постигаемъ ее и теперь при ближайшемъ ознакомленіи съ этою, еще неподвижною въ цѣломъ, жизнію народа,—даже теперь; послѣ столькихъ преобразовательныхъ вѣяній, пронесшихся по этимъ нивамъ, послѣ того какъ столько избранныхъ умовъ нагрѣвали ихъ своимъ дыханіемъ. Надъ массою тяготѣетъ еще летаргія равнодушія, весьма близкая къ фатализму, который прерывается только заботами объ оброкѣ и наживѣ. Иначе и быть не можетъ въ странѣ, преданія которой идутъ отъ татарскаго гнета, маетежей, жестокаго произвола, въ странѣ, гдѣ отдѣльная личность почти не имѣетъ никакой цѣны и которая коснѣетъ въ умственныхъ условіяхъ, препятствующихъ всякому политическому и философскому полету, и которая едва ли еще перестаетъ вѣрить, что эти мертвящія условія когда-нибудь потеряютъ свою силу.»

Но Нѣмецъ не знаетъ, что съ нынѣшняго года издается у насъ ежемѣсячный журналъ *Время*, въ которомъ половина книги бывасть

занята прекрасными критическими статьями, писанными пріятнымъ слогомъ, гдѣ тономъ самаго счастливаго самодовольства разбираются всѣ фазы нашей духовной жизни, объясняется какъ прежде была у насъ гладь и ширь необъятная, какъ потомъ господствовалъ у насъ французскій классицизмъ, и какъ мы шалили романтизмомъ въ балладахъ Жуковского, и какъ Полевой подстѣкъ классицизмъ, и какъ явился великій Бѣлинскій, и что такое Пушкинъ, и что такое Лермонтовъ, и какъ пріѣзжала къ намъ Рашель воскресить классицизмъ, и какъ все замыкается великимъ Островскимъ. Да не подумаютъ впрочемъ читатели, что мы хотимъ издѣваться надъ этими критическими статьями и надъ журналомъ *Время*. Мы напротивъ отъ души приветствуемъ этотъ журналъ, въ которомъ встрѣчаемъ очень много сочувственнаго. Мы пожелали бы ему только поменьше этой *suffisance* и немножко побольше кое-чего другаго. Критическія статьи во *Времени*, особенно если взять ихъ отвлеченно, то-есть безъ всякаго отношенія къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ онѣ толкуютъ, очень хороши. Большое удовольствіе доставила намъ напримѣръ критическая статья, напечатанная въ № I *Времени*, подъ заглавіемъ *Г.—богъ и вопросъ объ искусствѣ*; здѣсь пересказываются весьма сочувственныя намъ воззрѣнія на искусство, слогомъ очень легкимъ и безъ «нахмуренныхъ фразъ». Кромѣ этихъ достоинствъ, статья эта особенно важна въ томъ отношеніи, что указываетъ самую высшую точку, которой достигла «наша русская поэзія». Въ примѣръ того великаго дѣйствія, которое истинная художественность производитъ на душу человѣческую, критикъ беретъ изъ русской поэзіи одно маленькое стихотвореніе, которое либо по нашему невѣжеству вовсе было неизвѣстно намъ, либо по безчувствію было нами забыто. Мы и теперь не знаемъ въ точности, чье это стихотвореніе,— г. Полонскаго, г. Фета, или кого другаго. Стихотвореніе это называется *Диана*, и оно дѣйствительно очень мило. Поэтъ разказываетъ, какъ онъ видѣлъ «межъ деревъ надъ ясными водами» статую Дианы, «во всемъ величій блестящей наготы». Онъ видѣлъ эту каменную богиню, какъ она внимала «дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева».

Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ.

Поэтъ ждалъ, что она пойдетъ,

Молочною бѣлзною мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ.
На стогны длинныя... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

Вся сила заключается въ двухъ послѣднихъ строчкахъ, какъ объяснилъ намъ критикъ, и кто послѣ такого объясненія не запечатлѣветъ ихъ глубоко въ своей памяти? Вотъ что онъ говоритъ:

-Послѣднія двѣ строки этого стихотворенія, полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значенія, что мы ничего не знаемъ болѣе сильного, болѣе жизненнаго во всей русской поэзи. Это отжившее прежде, воскресающее черезъ двѣ тысячи лѣтъ въ душѣ поэта, воскресающее съ такою силой, что онъ ждетъ и вѣрить, въ моленіи и энтузіазмѣ, что богиня сейчасъ сойдетъ съ пьедестала и пойдетъ передъ нимъ, - молочной бѣлизной мелькая межъ древами...

-Но богиня не воскресаетъ и ей не надо воскресать, ей не надо жить; она уже дошла до высочайшаго момента жизни; она уже въ вѣчности; для нея время остановилось; это высшій моментъ жизни, послѣ котораго она прекращается,—настаетъ олимпійское спокойствіе. Безконечно только одно будущее, вѣчно зовущее, вѣчно новое, и тамъ тоже есть свой высшій моментъ, котораго нужно исцать и вѣчно исцать, и это вѣчное исцаніе и называется жизнью, и сколько мучительной грусти скрывается въ энтузіазмѣ поэта! Какой безконечный зовъ, какая тоска о настоящемъ въ этомъ энтузіазмѣ къ прошедшему!

Какое прелестное мѣсто! Возьмите эти слова отдѣльно, что найдете вы сказать противъ нихъ? Ихъ нельзя прочесть иначе какъ съ наслажденіемъ, они такъ наркотически шевелятъ нашъ мозгъ, и приводятъ въ такую пріятную игру цѣлую вереницу представлений! Но слышите эти прелестныя слова, «эту страстную жизненность», это «ждетъ и вѣрить», это «моленіе», эту «тоску о настоящемъ въ этомъ энтузіазмѣ къ прошедшему», слышите все это съ предметомъ словъ, слышите слово съ смысломъ, возьмите еще разъ двѣ послѣднія строчки:

..... Но мраморъ недвижимый
Блѣзъ передо мной красой непостижимой,

и вы поймете вполне что хотѣли мы сказать, говоря о статьяхъ, которыя могутъ быть очень хороши, если взять ихъ отвлеченно, то-есть независимо отъ предмета. Не слышайте мыслей съ ихъ предметомъ и словъ съ ихъ смысломъ, и вамъ будетъ легко жить на свѣтѣ, и пріятно читать критическія статьи. Это тотъ журчащій потокъ полупонятій, полубразовъ и полутоновъ, который такъ непробудно усыпляетъ нашу маленькую русскую мысль, такъ одуряетъ наши невинныя умственныя движенія и такъ неотразимо затопляетъ нашу скромную литературу.

Какъ бы то ни было, мы можемъ указать всѣмъ сомнѣвающимся въ нашей цивилизаціи, въ нашей народности и въ нашей

литературѣ, на критическія статьи нашихъ журналовъ. Въ дѣлѣ критики, какъ утверждаетъ журналъ *Время*, мы стоимъ такъ высоко, что европейскіе литературы стоятъ или ниже насъ, или только въ уровень съ нами. Что же касается до поэзіи, то этимъ сумасброднымъ Нѣмцамъ, которые агитируютъ противъ насъ, мы скажемъ «два послѣдніе стиха», прибавивъ, что ничего болѣе-жизненнаго не произвела наша поэзія:

..... Но мраморъ недвижный
Бѣгъ передо мной красой неопостижимой.

Намъ очень пріятно, что *Время* горячо отстаиваетъ Пушкина отъ гг. —бова, Дудышкина и другихъ. Пушкинъ дѣйствительно дорогой для насъ поэтъ. Онъ принесъ намъ даръ истинной поэзіи, онъ оживилъ звуки нашего языка, онъ открылъ нашъ слухъ для мотивовъ нашей жизни, онъ открылъ нашъ взоръ для ея явленій. Онъ безконечно дорогъ для насъ, —но, къ сожалѣнію только для насъ и ни для кого болѣе. Да и кромѣ Пушкина, въ нашемъ прошедшемъ, а также и въ нашемъ настоящемъ, есть много крѣпкихъ залоговъ, есть много твердыхъ основаній для надеждъ; но еслибы ничего у насъ не было, еслибы не было никакихъ основаній для надеждъ, то не было бы также и никакихъ основаній для сомнѣній: дѣло было бы несомнѣнно, просто и ясно, какъ Киргизская степь. Вся эти залоговѣ и внутреннія основанія надеждъ; все это наша домашняя тайна, до которой никому еще нѣтъ дѣла; все это еще требуетъ окончательной пробы жизни, для того, чтобы явиться съ полными правами дѣйствительности. Зачѣмъ спорить, когда дѣло передъ глазами и стѣмтъ лишь взглянуть на него? Пушкинъ великій поэтъ, и мы чувствуемъ, что по силѣ творчества онъ не уступитъ никому; но пусть скажутъ, соответствуетъ ли все имъ сдѣланное тѣмъ силамъ, которыя въ немъ чувствуются, и пусть также скажутъ что значить Пушкинъ для остальнаго міра, между тѣмъ какъ вездѣ, а равно и у насъ, видимъ мы могущественное вліаніе Байроновъ и Шиллеровъ? Дѣло не въ личныхъ силахъ того или другаго писателя, а въ той жизни, которой онъ служитъ органомъ, въ той идеѣ, которую онъ носитъ, въ томъ значеніи, которое имѣетъ его слово для человечества. Пушкинъ дѣйствительно выразилъ моментъ жизни нашего общества, и мы чувствуемъ понятныя намъ указанія этой жизни; онъ можетъ-быть коснулся и болѣе глубокихъ основъ ея, которыя могли бы имѣть всемірное значеніе, но эти намеки не ясны для насъ самихъ, не только для кого-нибудь со стороны; мы сами сомнѣваемся и споримъ объ ихъ значеніи. Мы еще продолжаемъ поднимать вопросъ, не глупо ли поступила Татьяна

Пушкина, что поставила долгъ выше влеченія страсти и не бросилась на шею къ притупленному франту, который воспыдалъ къ ней страстью, когда она стала ему недоступна. Самое зрѣлое и самое лучшее въ его поэзи мы мѣряемъ дряннымъ мертворожденнымъ либерализмомъ, вычитаннымъ и нагланнымъ, и кромѣ тѣннїя ничего не производящимъ; мы съ особаго рода тупоумнымъ пурризмомъ отбрасываемъ въ Пушкинѣ все, что въ немъ есть самаго глубокаго и самаго основнаго, съ тѣмъ чтобы потомъ кинуть и остальное какъ негодную шелуху. Чѣмъ зрѣлѣе становился талантъ Пушкина, чѣмъ глубже проникалъ онъ въ жизнь, тѣмъ менѣе онъ былъ понятенъ для окружающей среды; ему неистово рукоплескали, когда онъ пѣлъ свои лицейскія пѣсни, о немъ почти забыли, его почти возненавидѣли, когда геній его вступалъ въ пору своей зрѣлости и давалъ знать о своихъ глубинахъ въ отрывочныхъ, но исполненныхъ величїя проблескахъ. Давно ужъ замѣчено о странной судьбѣ нашихъ талантовъ: они исчезали со сцены въ ту самую минуту, когда только что можно было ожидать отъ нихъ зрѣлаго слова; они являлись проблесками и исчезали въ ту самую пору, когда начинали становиться дѣйствительною силой. Какъ будто судьба колебалась, дать ли ходъ тѣмъ развитїямъ, которыя могли бы запечатлѣть наше русское слово безсмертнымъ значенїемъ; какъ будто не было еще рѣшено, наступила ли пора заявить въ нашей жизни истинныя начала, которыя таятся въ нашемъ призванїи. Дѣйствительно, пора эта еще не наступала, и жизнь лучшихъ умовъ въ нашей средѣ была и остается жизнїю однихъ надеждъ и чаянїй.

Журналъ *Время* выпустилъ противъ насъ ѣдкую статейку на наши «Нѣсколько словъ вмѣсто Современной Автописи», напечатанныя въ № I *Русскаго Вѣстника*. Собралъ всѣ средства своей иронїи и сарказма, *Время* казнитъ насъ безпощадно. По всѣмъ признакамъ, оно обидѣлось тѣмъ, что мы слишкомъ неуважительно отзывались о нашихъ литературныхъ критикахъ и журнальныхъ самообозрѣнїяхъ; можетъ-быть тоже, оно приняло на свой счетъ что было сказано нами о балаганихъ отдѣлахъ въ журналахъ, полагая, что прямо или косвенно это обозначенїе можетъ быть отнесено къ той половинѣ его книжекъ, которыя заняты критическими статьями. Но мы не имѣли въ виду *Времени*, и даже не знали о немъ, когда писали наши строки. Мы говорили вообще о положенїи нашей литературы; мы не исключали и не могли исключать самихъ себя изъ-подъ общаго закона; мы спрашивали, долго ли намъ всѣмъ оставаться мальчишками-свиस्तунами. Мы только разъ, и то въ кон-то вѣки, упомянули о томъ отдѣлѣ въ журналѣ *Современникъ*, который носитъ специальное

названіе *Свистка*. Мы воспользовались этимъ словомъ, которое подала намъ сама наша литература: *Современникъ* былъ въ этомъ случаѣ органомъ ея самосознанія. Это слово очень выразительно, и мы тѣмъ болѣе должны были воспользоваться имъ, что оно не выдуманно, а родилось само-собою. Чтобы чувствительнѣе покарать насъ, *Время* ставитъ насъ въ комическое положеніе такого страха и трепета передъ свисткомъ *Современника*, что изъ-за него мы будто бы опасаемся за существованіе русской народности, русской литературы и чуть ли не цѣлаго міра. Это очень остроумно, очень ловко, очень правдиво, и дѣлаетъ честь критической прозорливости новаго журнала, который еще въ программѣ своей заявилъ себя строгимъ судьей и карателемъ своихъ собратій въ литературѣ. Онъ дѣйствительно высыпаетъ противъ насъ цѣлую бездну накопившихся намековъ, строгихъ уроковъ, отеческихъ поученій, которыя мы съ благодарностью принимаемъ къ свѣдѣнію. Но орудіе кары выбрано неудачно; упрекая насъ въ чрезмерномъ раздраженіи противъ свистка *Современника*, свистокъ журнала *Время* исполненъ самъ такого раздраженія, что забываетъ все и не хочетъ знать предмета, о которомъ свиститъ. Мы видѣли выше, что тайна литературныхъ критикъ именно и состоитъ въ томъ, чтобы не слышать ихъ съ предметомъ.

Свистокъ при *Современникѣ* издается два или три года, и ни разу не было у насъ помину о немъ, хотя выходы противъ *Русскаго Вѣстника*, противъ лицъ и предметовъ, которыми дорожитъ онъ, встрѣчались въ свисткѣ чуть ли не на каждой страницѣ. Намъ посвящались цѣлыя статьи и стихотворенія. Къ тому же между *Свисткомъ* и другими отдѣлами *Современника* не было разницы. Свистокъ иногда даже принадлежалъ къ лучшимъ отдѣламъ въ этомъ журналѣ, и мы не безъ удовольствія читали иногда его пѣсни, которыя не лишены были нѣкоторой соли, между тѣмъ какъ простое литературное толченіе воды ничѣмъ не выкупаетъ своего ничтожества и пустоты. Конечно, свистъ безъ смысла или съ дурнымъ смысломъ не могъ намъ нравиться, къ кому бы онъ ни относился. Комизмъ и юморъ составляютъ неотъемлемую принадлежность всякой живой литературы и всякой сознательной жизни; комическій элементъ необходимъ въ общей экономіи; гдѣ онъ исключенъ, тамъ нѣтъ свободы въ жизни, ни жизни въ воззрѣніяхъ; та среда, которая боится и дичится этого элемента, обнаруживаетъ тѣмъ только свою незрѣлость и непрочность. Но если живая мысль не должна и не можетъ обходиться безъ юмора, то съ другой стороны юморъ только тогда можетъ заслуживать это названіе, когда онъ

связанъ съ серьезными интересами, когда онъ есть явленіе честное. Кому, напримѣръ, изъ людей мыслящихъ могъ нравиться такъ часто раздававшійся у насъ свистъ противъ нѣкоторыхъ лицъ, появившихся въ литературѣ, лицъ, которыя еще недостаточно ознаменовали себя, чтобы стать предметомъ всестороннихъ сужденій и оцѣнокъ, а съ другой стороны достаточно ясно заявили свое направленіе, чтобы не заслуживать глупыхъ поруганій? Чтò напримѣръ сдѣлалъ дурнаго г. Громека чтобы возбудить противъ себя стихоплетныя и прозаическія глумленія въ литературѣ? (*Время* тоже успѣло уже зацѣпить его имя). Г. Громека сказалъ нѣсколько горячо почувствованныхъ словъ о дѣлѣ ему знакомомъ. Кому было угодно, тотъ могъ оспаривать его слова; но ничего неблагонамѣреннаго въ нихъ не было, и публика встрѣтила ихъ съ сочувствіемъ. Откуда же эти попытки сдѣлать его скромное и почтенное имя какимъ-то прозвищемъ, *собрикетомъ*? Онъ могъ встрѣтить на своемъ пути разныя неудобства; но литературѣ ли было изъявлять въ этомъ случаѣ злорадованіе? У него завязалась полемика, въ которой онъ отстаивалъ права общественнаго слова. Онъ встрѣтилъ сильныхъ противниковъ, которые не лезли въ карманъ за словомъ. Мы не рѣшаемъ, на чьей сторонѣ долженъ былъ находиться *Современникъ* или другіе органы нашей литературы, но мы знаемъ только то, что они не *смѣли*, еслибъ и хотѣли, *освистать* противниковъ г. Громеки. И что же? Въ то самое время, когда г. Громека выдерживалъ свою полемику, начался свистъ противъ него, и съ того времени наши литературные свистуны не перестаютъ помыкать его именемъ. Мы привели одинъ примѣръ; но въ немъ достаточно обнаруживается истиннѣе этихъ свистуновъ. А главное то, что эти истиннѣе не возбуждаютъ никакой реакціи въ нашей литературѣ; мы миримся съ ними, и готовы даже хвастаться ими. Въ нашемъ образованіи нѣтъ твердыхъ началъ, и это чувствуется сильнѣе теперь, когда число голосовъ въ нашей литературѣ умножилось. У насъ нѣтъ науки; но наука, говоритъ намъ *Время*, придетъ послѣ, съ практическими интересами, а теперь оно предлагаетъ намъ довольствоваться литературными, критиками, вѣроятно въ надеждѣ, что отъ нихъ-то именно и разовьются спасительныя практическіе интересы.

Въ нашей статейкѣ мы не ограничивались заявленіемъ однихъ симптомовъ; мы, сколько могли, указывали на самую сущность болѣзни вслѣдствіе которой мы всѣ болѣе или менѣе свистуны. Но милый свистунъ, нашъ критикъ, не хотѣлъ понять намековъ собрата свистуна. Какъ сорока Якова, онъ наладилъ только: Пушкинъ и Лермонтовъ, Лермонтовъ и Пушкинъ. Вотъ Нѣмецъ, ко-

торого мы выше цитовали, хоть и вчужь судить и вздоръ говорить, а все-таки пошелъ подальше.

Бѣдная, жалкая литература! Но что виною ея положенія? Неужели въ самомъ дѣлѣ мы такъ сотворены, что не можемъ мыслить и вести себя какъ слѣдуетъ людямъ зрѣлымъ? Нѣтъ, не думаемъ. Дѣло въ томъ, что мы находимся на школьномъ положеніи, и потому ведемъ себя подобно школьникамъ. Дѣловъ томъ что мысль наша не имѣетъ къ себѣ уваженія, и что ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки, она теряетъ вѣру и въ себя и во все окружающее; въ ней притупляются всѣ лучшіе инстинкты и роскошно разрастается всякая дрянь; она теряетъ способность различать возможное и невозможное, истинное и ложное; въ ней развиваются всѣ рабскія свойства, и она становится способною служить орудіемъ для легкихъ цѣлей и для всякаго шарлатанства. У насъ всегда были и есть люди, которые, несмотря ни на какія обстоятельства, умѣли спасать свою мысль, сохранять ея достоинство и не терять ея положительныхъ основъ, люди таланта и знанія; но они остаются одинокими явленіями, дѣятельности ихъ обращена на малое или задержана, и они не производятъ того вліянія, которое могло бы давать тонъ нашей литературѣ и нашему общественному мнѣнію. Даже у лучшихъ людей между нами нѣтъ ни въ чемъ чувства общаго дѣла. Поднимется ли глупѣйшій гамъ и скандалъ на нашихъ литературныхъ площадяхъ, они брезгливо спѣшатъ пробраться мимо и запереться у себя въ домѣ, оставляя свистуновъ *господами положенія*. Люди мыслящіе разрознены между собою; отъ недостаточнаго употребленія естественныхъ силъ развивается мелюзга личныхъ перекоровъ и самолюбій, образуются кружки съ искусственною, спертою атмосферою, и мысль мелѣетъ, не находя въ себѣ достаточной силы для преодоленія мелкихъ несогласій, даже ради самыхъ дорогихъ, самыхъ существенныхъ, самыхъ общихъ интересовъ: точь-въ-точь какъ у славянскихъ племенъ сила общей народности недостаточна для преобладанія надъ тяготѣніями врознь. Вотъ отчего общій видъ нашей литературы представляетъ такое печальное зрѣлище; вотъ почему общій тонъ ея приводитъ въ отчаяніе, и отчего ея площади такъ непроходимо грязны.

Что за возмутительный гамъ происходилъ недавно на этихъ площадяхъ! На всю Русь раздавались эти крики и теперь еще раздаются. Дѣло было вотъ въ чемъ: Какой-то туристъ прислалъ изъ Перми корреспонденцію въ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, гдѣ разказывалъ подробности о музыкально-литературномъ вечерѣ, данномъ въ пользу воскресной школы этого города. Одною изъ піесъ, выбранныхъ для чтенія, былъ всѣмъ извѣстный, очаровательный капризъ

Пушкина, *Египетскія ночи*, а особа, которая избрала эту піесу для прочтенія передъ публикой, была дама. Но изумительнѣе, несмысленнѣе всего, были тѣ характеристическія подробности, которыя сообщалъ корреспондентъ о самомъ исполненіи. Въ еженедѣльной газетѣ *Вѣкъ* нѣкто г. Камень-Виногородъ поднялъ насмѣхъ корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, всю описанную имъ исторію и эту даму, которую корреспондентъ изобразилъ симпатическою, но до ужаса размахистою кистью. Г. Камень-Виногородъ не пощадилъ благородной артистки, и затѣмъ наступили страшныя сцены. Г. Михайловъ, по чувству долга какъ рыцарь эманципаціи женщинъ, открылъ атаку противъ Камня-Виногорова. Если преступленіе было велико, то и наказаніе было ужасно. Письмо г. Михайлова, помѣщенное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, подъ заглавіемъ: *Безобразный поступокъ Вѣка*, есть такой образчикъ гнѣвнаго краснорѣчія, какого не встрѣтишь; такъ Цицеронъ не громилъ Катлины, такъ Демосеенъ не гремѣлъ противъ Филиппа. Но громъ прогремѣлъ, и можно было надѣяться, что небо очистится. Редакція *Вѣка* объявила, что уже приняла мѣры для извиненія передъ оскорбленною дамой, и вѣроятно отправила письмо къ ней съ этимъ извиненіемъ. Мы упоминаемъ объ этомъ, ибо это заставило насъ думать, что во всей этой исторіи рѣчь шла о дѣйствительномъ лицѣ, а не о вымыслѣ фантазіи туриста *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Вслѣдъ за оговоркой редакціи, принесъ публичное покааніе г. Камень-Виногородъ; дѣло повидимому кончилось; нѣтъ, оно только разыгрывалось. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, подъ тѣмъ же выразительнымъ заглавіемъ, которымъ г. Михайловъ обозначилъ свое громоносное письмо, открылся постоянный отдѣлъ, грозившій увѣковѣчиться въ этой газетѣ. Письма одно лучше другаго, на разные лады, все о томъ же предметѣ, появлялись подъ этою рубрикой. Кто знаетъ? Можетъ-быть и теперь запасъ ихъ еще не истощился... Но, увы! дѣло не осталось локализованнымъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*; оно распространилось повсюду. Въ одной газетѣ было даже воззваніе ко всѣмъ редакціямъ, чтобы каждая послала экземпляръ своего изданія оскорбленной дамѣ для изъясненія ей почтенія и преданности и для выраженія сочувствія къ ея великому подвигу и къ ея мученичеству. Посреди всего этого гама, только одна *Искра* пропѣла пѣсенку съ тактомъ. Наконецъ, по видимому, гроза миновалась, да казалось бы и не надъ кѣмъ было уже гремѣть ей; несчастный Камень-Виногородъ исчезъ безъ вѣсти; онъ былъ истребленъ и уничтоженъ. Начали появляться толстыя журналы за мартъ мѣсяцъ. Вотъ все гово-

рять на *Современникъ* и все тычуть въ него пальцемъ, когда рѣчь зайдетъ о скандалахъ: *Современникъ* не сказалъ ни слова, не издалъ ни мадѣйшаго свиста. Значитъ, дѣйствительно все утихло, и Россія, наше возлюбленное отечество, неожиданно встревоженная этою грозою посреди великихъ реформъ, которыя въ ней теперь совершаются, можетъ спокойно снаряжать мировыхъ посредниковъ и писать уставныя грамоты. Такъ нѣтъ же; развертываемъ журналъ *Время*, и съ ужасомъ встречаемъ ту же исторію. Страсти не только не утихли, но прорываются съ новымъ ожесточеніемъ, какого даже не было въ самый разгаръ бѣтвы. Журналъ *Время* дважды бросается на Камня-Виногорова. Поразивъ его въ одномъ мѣстѣ, онъ снова, черезъ нѣсколько статей, еще разъ бросается на него, и еще разъ терзаетъ его обезображенный трупъ. Нельзя безъ содроганія слѣдить за этимъ двукратнымъ терзаніемъ поруганнаго трупа. Горькая судьбина привела и насъ на мѣсто позорища.... Увы! и намъ приходится свистать!

Спросимъ себя однако, что было виною этихъ громовъ, этихъ взрывовъ негодованія, поразившихъ злополучнаго юмориста? Онъ легкомысленно отозвался о женщинѣ; труня надъ публичнымъ чтеніемъ *Кинетскіихъ ночей*, исполненнымъ женщиной, онъ позволилъ себѣ слишкомъ вольно выразиться. Дама, по описанію корреспондента, не просто читала, а разыгрывала стихотвореніе Пушкина передъ публичкой. Она обращалась къ публикѣ,—и юмористъ спрашивалъ, зачѣмъ это она обращалась къ публикѣ, какое отношеніе публичка имѣла къ поклонникамъ Клеопатры, къ которымъ эта страшная царица обращала свой неслыханный вызовъ,—и цѣль ли тутъ какихъ-нибудь пермскихъ тайнъ?

Итакъ уваженіе къ женщинѣ, къ ея нравственной чистотѣ, вотъ что вызвало бурю негодованія на фельетониста, который не умѣлъ осмыслить нелѣпой эцентричности такъ, чтобы не задѣтъ никакимъ намекомъ нравственнаго характера женщины. Въ самомъ дѣлѣ, возможны самыя нелѣпыя и даже самыя безнравственныя доктрины въ соединеніи съ весьма-безукоризненною жизнью, а равно и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, отъ одного къ другому не слѣдуетъ дѣлать заключенія. Но вѣдь дѣло шло объ эманципаціи женщины. Г. Михайловъ, открывшій походъ противъ злополучнаго юмориста, являлся въ нашей литературѣ проповѣдникомъ этой идеи. Свистунъ журнала *Время*, добывая преступника, исповѣдуетъ то же ученіе о правахъ женщины, видя въ его осуществленіи идеаль будущаго, идеаль, къ которому должно стремиться и теперь, но только съ нѣкоторою осторожностью, съ любовью и лаской. Въ этой бата-

ли эманципация женщины стояла на всѣхъ знаменахъ; права женщины были въ устахъ всѣхъ этихъ грозныхъ витязей нравственной чистоты. Въ лицѣ означенной дамы чувствовалась всего болѣе ея умственная эманципированность, и не ради чего, а ради этого, приглашались всѣ редакторы послать ей въ честь по экземпляру повременныхъ изданій. Итакъ эманципация женщины даетъ всему тонъ, и дѣло должно быть судимо съ точки зрѣнія эманципации. Права женщины! Но кто же отнималъ у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужицѣ, она не подлежитъ опеку и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ, если между министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что полъ женщины не лишаетъ ея правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ воссѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почетомъ; вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нѣчто неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Приятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если приятно, такъ чтó жъ мѣшаетъ и женщинѣ пользоваться тѣми же правами? Увы, какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципации и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственного или нравственного, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ какъ мужчину, такъ и женщину отъ этой даровой и всѣмъ легко доступной эманципации. Можетъ-быть женщинѣ не достаетъ нѣкоторыхъ удобствъ эманципации, которыми пользуется мужчина? Но стоить ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ

мушшиной положеіемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мушшины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, вышемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспариваетъ, которымъ напротивъ всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками.

Эманципаторы не понимаютъ того, что ихъ ученія не даютъ никакихъ новыхъ правъ женщинѣ, а ведутъ только къ тому чтобы снять съ мушшины его обязанности относительно женщины.

Пермская дама подверглась грубымъ нападкамъ; но кто знаетъ, не была ли эта грубость плодомъ эманципаціонныхъ ученій? Не отозвалась ли здѣсь эта идея о новыхъ правахъ женщины, только выраженная не въ фразахъ, а фактически? Съ мушшиной не церемонятся, какъ съ существомъ полноправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: зачѣмъ же церемониться и съ женщиной, которая должна быть также существомъ полноправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Фельетонистъ не сообразилъ только того, что такого рода эманципація женщины есть пока еще идеалъ будущаго; онъ принялъ ее за настоящее дѣло и, наслушавшись идеаловъ, невольно повѣрилъ имъ. Грубость не извинительная; но поражать ее надобно въ корнѣ, а не въ случайномъ проявленіи. Корень ея въ томъ взглядѣ на вещи, который ничего не хочетъ знать о самыхъ существенныхъ началахъ человѣческой жизни. Кто хочетъ построить отношенія между людьми, безъ помощи идеи долга, принимаемаго въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, кто своею мыслию легко скользнуть по этой идеѣ, не останавливаясь на ней, кто не ею ориентируется, а чѣмъ-нибудь другимъ, тотъ отбрось въ сторону, какъ хламъ негодныхъ фразъ, всѣ толки о взаимномъ уваженіи людей другъ къ другу и о достоинствѣ женщины. Такъ точно, кто видитъ въ человѣкѣ не болѣе какъ химическія щелочи, кислоты и соли, въ томъ самомъ смыслѣ и силѣ, какъ онѣ открываются намъ въ ретортѣ, тотъ не говори о правахъ человѣка, объ его пользѣ, объ улучшеніи его быта; тотъ засмѣйся, взглянувъ въ глаза своему единомышленнику другу; тотъ перестань бессмысленно выходить изъ себя и щеголять паэосомъ, который не можетъ имѣть другаго смысла, кромѣ авгурскаго шарлатанства; тотъ оставь попеченія объ этихъ ничтожныхъ эмереридахъ и знай живи какъ случилось по волѣ всемогущихъ обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, заботимся ли мы о червякахъ и думаемъ ли задавать себѣ серьезный вопросъ: сыты ли они или голодны, когда давимъ ихъ ногою нечаянно или чайнно? Но,—и мы просимъ читателей извинить насъ за отступленіе,—въ воздушномъ про-

страсть мечтаній мы можемъ все полагать и отрицать, все создавать и разрушать, и съ высоты нашихъ теорій презрительно смотрѣть на дольний міръ съ его глупцами, которые не признаютъ нашей мудрости и смѣются надъ нею. Тѣмъ не менѣе, въ закладованной оферѣ нашихъ мечтаній и нашихъ теорій, мы можемъ оставаться обыкновенными добрыми малыми, которые живутъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ какъ всѣ на свѣтѣ. Психологическій опытъ показываетъ, что человѣкъ можетъ жечь въ разныхъ углахъ своей души совершенно различнымъ образомъ, самъ того не зная, и что онъ самъ же можетъ уничтожать въ одномъ углу то, что хранитъ и лелѣетъ въ другомъ. Это сплошь и рядомъ бываетъ съ человѣкомъ, и кто доберется до такого сознанія, тотъ самъ либо захочетъ надъ собою божественнымъ смѣхомъ одишійцевъ, либо примется хлестать себя инквизиторскою плеткой, смотря по своему складу и сущности дѣла.

Но отсюда прежде всего слѣдуетъ то для нашего свѣдѣнія, что мы никакъ не должны увлекаться въ нашихъ сужденіяхъ о другихъ людяхъ, что мы должны приучать себя къ самообладанію, къ терпимости, къ воздержности, и не терять такта и мѣры. Какое бы негодованіе ни вспыхнуло въ насъ, когда мы слышимъ недѣльную мысль, мы не должны переносить это негодованіе на всего человѣка; мы должны ясно видѣть и различать именно то, что вызываетъ негодованіе, и только на одномъ этомъ сосредоточивать наши удары. Вотъ въ чемъ состоитъ истинная гуманность. Чѣмъ болѣе развить человѣкъ умственно и нравственно, тѣмъ онъ способнѣе различать вещи и тѣмъ разборчивѣе онъ во всемъ. Бывало, въ варварскія времена, грозные властители казнили невинныхъ гонцовъ, которые приносили имъ непріятныя вѣсти съ поля битвы, или изъ дальнихъ провинцій, или отъ другихъ государей. Не то же ли самое дѣлаемъ и мы, когда распространяемъ наши осужденія за предѣлы того, что должно подвергаться имъ? Чужакомъ, проповѣдующимъ самую эксцентрическую теорію, чувствуетъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть совершенно наперекоръ ей; зачѣмъ же мы будемъ осуждать его всего, когда существенная часть его можетъ-быть говорить то же самое, въ чемъ и мы убѣждены? Но этого мало: даже относительно преступника требуется терпимость, справедливость, гуманность; осуждайте поступокъ и подвергайте за него человѣка заслуженной казни, но будьте воздержны, и помните, что не весь человѣкъ состоитъ изъ этого поступка; самый страшный преступникъ передъ благоустроеннымъ судомъ окруженъ священными гарантіями, и гарантіи эти простираются даже до того, что судья строго взвѣшиваетъ тѣ вопросы, которые предлагаются ему или о немъ для раскрытія дѣла, и за-

препачаетъ все, что не имѣетъ примаго отношенія къ дѣлу. Приговоренный преступникъ предается казни, но безъ поруганій, безъ раздраженія мести, въ сопутствіи религіи, которая до послѣдней минуты благословляетъ его, что въ немъ священное начало человѣка.

Въ большомъ и маломъ, въ великомъ и ничтожномъ, законъ одинъ и тотъ же. Сооратся между собою грубые люди, и вотъ, вмѣсто того чтобы прямо указать, чѣмъ каждый изъ нихъ недоволенъ, даютъ другъ другу равныя прозвища, высовываютъ другъ другу языкъ и перекоряются какими-нибудь физическимъ уродствомъ, которое ничѣмъ не замѣшано въ дѣлѣ и ничѣмъ не причинно въ возникшей ссорѣ. Мы, свистуны, и изобличать-то не умѣемъ какъ слѣдуетъ. Мы не ограничиваемся поступкомъ или рядомъ поступковъ, нѣтъ, мы пойдемъ дальше, мы заберемся во всѣ трущобы домашняго быта человѣка, мы оглядимъ внимательно всѣ пятна на его халатѣ, справимся о томъ, что онъ ѣсть и что пьетъ, и потомъ, потерявъ всякую почву и всякій смыслъ для нашего гнѣва, свистомъ и хлещемъ по чѣмъ ни попало, и предаемся глупѣйшему изъ всѣхъ искусствъ ради искусства.

Г. Камень-Виногородъ былъ цинически грубъ въ своихъ нападкахъ на даму. Но зачѣмъ же на немъ одномъ вымѣщать то, въ чѣмъ виновата вся литература, въ чѣмъ онъ могъ невольно подчиниться господствующему тону? Впрочемъ; и относительно его надобно соблюсти справедливость. Онъ не выдумалъ какихъ-нибудь фальшивыхъ фактовъ, не сообщилъ за шетину какихъ-нибудь меркихъ сплетенъ; онъ былъ только грубъ и неводерженъ въ своихъ выраженіяхъ и слишкомъ далъ волю разгуляться своему перу, покорствуя въ этомъ случаѣ, можетъ-быть безсознательно, гению светопляски и нѣкоторымъ преданіямъ нашей литературы.

Да, преданіямъ. Г. Михайловъ вышелъ грознымъ мстителемъ за два грубые слова, которыя пикнулъ несчастный юмористъ противъ г-жи Толмачевой. А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципаціонныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая приобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ являлись въ *Современникѣ* по поводу сочиненій графини Ростопчиной. Далѣе поруганіе идти не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто,—каменки, брошенные г. Камнемъ-Виногородвымъ,—каменки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, еслибы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-мъ Михайловымъ. Пусть эти менады, растерзавшія Камня-

Виногорова, припомнятъ тѣ статьи, и пусть также поищутъ они въ собственной совѣсти, на что они и сами въ случаѣ могутъ быть способны при такихъ преданіяхъ и въ такой средѣ, и пусть затѣмъ попросятъ извиненія у тѣхъ растерзаннаго фельетониста.

Но вотъ что еще кажется намъ страннымъ: намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ эти дѣйственные силы нравственнаго негодованія, которыя такъ могущественно пробудились на зовъ г. Михайлова противъ г. Камня Виногорова, противъ газеты *Вѣкъ*, противъ ея редакціи, разобранной при этомъ случаѣ до гла и осужденной во всѣхъ отношеніяхъ,—какимъ образомъ эти свѣжія силы не пришли въ движеніе, когда въ фельетонѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* появилась корреспонденція изъ Перми о музыкально-литературномъ вечерѣ? Какъ случилось, что высокообразованные ревнители достоинства женщины не были тотчасъ возмущены этимъ характеристическимъ описаніемъ спектакля, даннаго на музыкально-литературномъ вечерѣ въ Перми, не были возмущены до такой степени, что, не дожидаясь появленія г. Камня-Виногорова, не бросились еще съ вѣющимъ ожесточеніемъ на эту возмутительную пошлость, которая гораздо болѣе оскорбляетъ достоинство женщины чѣмъ всякая грубость? Скажутъ (это и говорили), что корреспонденція написана не только не съ намѣреніемъ оскорбить г-жу Толмачеву, но напротивъ съ выраженіемъ полнаго сочувствія къ ней, для ея восхваленія, тогда какъ Камень-Виногоровъ грубо и дичицки порицалъ ее. Но оставляя въ сторонѣ грубость и дичицкизмъ, не правда ли, что для всякой женщины, а въ томъ числѣ, по всему вѣроятію, и для г-жи Толмачевой, должно быть пріятнѣе самое рѣшительное и самое рѣзкое порицаніе всего того, что описывалъ корреспондентъ съ восторгомъ, нежели этотъ восторгъ его?

Теперь кажется несомнѣнно, что г-жа Толмачева есть лицо дѣйствительное; но сначала мному пожалуй могла придти въ голову мысль, что вся эта исторія есть не болѣе какъ выдумка проѣзжаго который отъ нечего-дѣлать, въ утомительномъ путешествіи по вятскимъ и пермскимъ дорогамъ, далъ волю своей фантазіи, и представилъ себѣ какъ было бы хорошо, еслибы въ этой глуши разыгралась та сцена, которую онъ описалъ съ такою тщательностію и умиленіемъ для читающей публики. Мы и теперь желали бы думать, что тотъ колоритъ, который онъ далъ картинѣ, и всѣ ея подробности принадлежать болѣе къ фантазіи нежели къ дѣйствительности. Впрочемъ, мы не знаемъ, что и думать: сказать, что онъ выдумалъ всѣ эти подробности, значило бы взвести на него тяжкое обвиненіе въ самой недостойной клеветѣ на женщину

подъ видомъ комплиментовъ, болѣ оскорбительныхъ чѣмъ всякія порицанія. Но какъ безъ положительныхъ основаній рѣшиться на такое обвиненіе? Тѣмъ не менѣ пламенные блюстители нравственности, благородные рыцари женщины, предводимые г. Михайловымъ, должны были бы немедленно потребовать къ отвѣту корреспондента и предать его казни за оскорбленіе достоинства г-жи Толмачевой, еслибъ оказалось, что онъ выдумалъ всѣ сообщенныя имъ подробности, или же казнить нещадно г-жу Толмачеву за скорбленіе женскаго достоинства, нравственнаго чувства и здраваго смысла.

Въ началѣ, самъ этотъ корреспондентъ, по его собственнымъ словамъ, недоумѣвалъ какъ рѣшилась эта, взошедшая на кафедру, эффектная дама, которой костюмъ описалъ онъ со всѣми подробностями, читать передъ публикой *Египетскія ночи*? «Выбрать, восклицаетъ онъ, для публичнаго чтенія *Египетскія ночи*,—c'est par trop fort, какъ выражаются благовоспитанные кавалеры и дамы.» Итакъ, даже этому восторженному цѣнителю выборъ ея показался сначала дѣломъ страннымъ. «C'est par trop fort, какъ выражаются благовоспитанные кавалеры и дамы.» Въ самомъ дѣлѣ, что могло побудить г-жу Толмачеву идти въ этомъ случаѣ наперекоръ мнѣнію *благовоспитанныхъ кавалеровъ и дамъ*? Корреспондентъ довольно легко разрѣшилъ свое недоумѣніе; онъ сообразилъ, что благовоспитанные кавалеры и дамы «продѣлываютъ въ жизни штучки почище штучекъ всевозможныхъ Клеопатръ и ихъ страстныхъ поклонниковъ», и что «nous sommes bien plus chastes par les oreilles, que par le reste du corps.» Изъ этого онъ вывелъ слѣдующее заключеніе: «Нужно не мало и силы душевной, и любви къ правдѣ, и презрѣнія къ qu'en diga-t-on своего муравейника, чтобы рѣшиться открыто дѣлать то, чего не перевариваетъ этотъ муравейникъ, по поводу *мушки на рыльцѣ*. На это не часто хватаетъ и нашего брата—героя per excellentia (sic); а тутъ вотъ женщина.. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.» Какій тонъ и какая логика! Итакъ, еще разъ, выборъ *Египетскихъ ночей* казался и корреспонденту подвигомъ, дѣломъ необыкновеннымъ, требовавшимъ «не мало силы душевной.» Спрашивается, что же было побужденіемъ къ такому великому подвигу, зачѣмъ онъ понадобился, зачѣмъ потрачены на него душевныя силы? Побужденіемъ къ нему, говорить намъ, была любовь къ правдѣ и презрѣніе къ мнѣнію этой самой публики, которая была приглашена на чтеніе. Но какая правда, къ чему презрѣніе? Хотѣла ли г-жа Толмачева сорвать маску съ этихъ людей, изобличить ихъ пороки, гнѣвнымъ словомъ проповѣди бросить имъ въ глаза строгую правду, безтронетно, хотя бы за это ожидала ее месть раз-

драженнаго общества? Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Она вошла на каеэдру для того чтобы прочесть пушкинскій фрагментъ, гдѣ рѣчь идетъ о царицѣ Клеопатрѣ, которая, среди пышнаго пира, рѣшилась принести неслышанную жертву властительной Кипридѣ. Какое отношеніе къ предложенной цѣли имѣетъ этотъ міръ, эта жертва и эта страшная красота, окруженная своими поклонниками, между которыми восстанавливаетъ она равенство, обнявшее всѣхъ ужасомъ и въ то же время заставившее дрогнуть страстью всѣ сердца?

Рекла. И ужась всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца.

Впрочемъ корреспондентъ не ограничивается своими толкованіями; онъ послѣ чтенія подслушалъ разговоръ, который вела г-жа Толмачева съ однимъ офицеромъ, и передалъ его публикѣ, ругаясь за подлинность смысла. Молодой офицеръ говорилъ г-жѣ Толмачевой о впечатлѣніи, произведенномъ на публику чтеніемъ *Египетскихъ ночей*, «напирая преимущественно, прибавляетъ корреспондентъ тономъ самаго пошлаго цинизма, — на чувство оскорбленнаго достоинства и потревоженной добродѣтели, вызванное (sic) этимъ чтеніемъ на нѣкоторыхъ маменекъ и дочекъ.» — «Это немножко странно,» отвѣчала офицеру г-жа Толмачева, и объяснила, почему она считаетъ это «немножко страннымъ.» Она находитъ, что было бы «смѣшно и дико» не прочесть этого произведенія передъ публикой, когда «мы всѣ» читаемъ безнравственныя французскія романы и смотримъ грязныя водевили. Но кто же эти «мы всѣ»? Можно думать, что въ этой залѣ не всѣ были охотники до безнравственныхъ романовъ и грязныхъ водевилей. Неужели всѣ эти дамы и молодыя дѣвушки, бывшія въ залѣ, непременно принадлежать къ этому ряду? Къ чему же дѣлать такое предположеніе, которое могло оскорбить многихъ изъ этихъ дамъ, еще болѣе чѣмъ сарказмъ Камня-Виногорова могли оскорбить г-жу Толмачеву? Но положимъ, что она считала себя въ правѣ сдѣлать такое предположеніе: мы все-таки не видимъ, почему она должна была выбрать *Египетскія ночи*. Стихотвореніе, дѣйствительно, прекрасное; но ничего не было бы «смѣшнаго и дикаго», еслибы пермская благородная артистка выбрала что-нибудь другое изъ Пушкина, который такъ обилень превосходными стихотвореніями, выбрала что-нибудь такое, что могло бы гораздо успѣшнѣе сдѣйствовать благотворительной цѣли очищенія вкуса и исправленія нравственности пермской публики. Г-жа Толмачева ищетъ въ этомъ стихотвореніи нескромныхъ, какъ она говоритъ, выражений, и не находитъ. «Не это ли?» спрашиваетъ она, цитую одинъ

стихъ, и не находить въ немъ ничего нескромнаго, — не находить, какъ вы думаете, почему? — потому что многія дѣвушки выходятъ замужъ за стариковъ. Какая странная логика въ Перми! Чтò ни возьмешь, ничто не вѣжется.

Развивая далѣе свои воззрѣнія, г-жа Толмачева говоритъ о какомъ-то «аскетически-растлѣнномъ» воспитаніи нашихъ дѣвицъ, о томъ, что нѣтъ соблазна видѣть на сценѣ великихъ актрисъ, исполняющихъ страстныя роли, и о томъ еще, что въ Англіи молодыя дѣвушки будто бы смѣло вступаютъ въ вертепы разврата, для того чтобъ узнать печальную сторону жизни.

Увы, чѣмъ-то знакомымъ вѣетъ отъ этихъ мифовъ, которыя развивала г-жа Толмачева, послѣ своего чтенія *Египетскихъ ночей*! Нѣтъ, это не евангелие, она не виновата въ нихъ; это тѣ пошлыя фразы, непровѣренныя ни мыслию ни чувствомъ, которыя, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчаются у насъ вездѣ. Тутъ все фальшь; тутъ нѣтъ ни искры чувства и мысли. Аскетизмъ въ нашемъ воспитаніи! Молодыя дѣвушки въ Англіи, будто бы проникающія въ вертепы разврата для того чтобы видѣть печальныя стороны жизни!

Какое понятіе о жизни, Еслибы гдѣ-нибудь, въ Англіи или въ Россіи, молодая дѣвушка рѣшилась вступить въ вертепъ разврата съ цѣломудріемъ и благостью ангела, для того чтобъ извлечь изъ бездны и освятить погибшія созданія, то такая дѣвушка, еслибы гдѣ-нибудь явилась она, была бы не простая смертная, была бы существо необыкновенное; во всякомъ случаѣ, она спустилась бы въ эти бездны не съ хладнокровнымъ намѣреніемъ видѣть разныя стороны жизни и тѣмъ довершить свое образованіе; такое дѣло могло бы быть только необыкновеннымъ порывомъ, священною жертвою, энтузіазмомъ религіи, возвышеннымъ самоотреченіемъ; во всякомъ случаѣ это не имѣло бы ничего общаго съ чтеніемъ стиховъ на музыкально-литературномъ вечерѣ въ Перми.

И всѣ эти пошлости, вложенныя корреспондентомъ въ уста г-жи Толмачевой, выписывались въ нашихъ журналахъ съ умиленіемъ, въ поученіе нашему коснѣющему въ предрасудкахъ и невѣжествѣ обществу, — и того, кто первый поглумился, хотя бы грубо и неловко, надъ этою пошlostью искусства, истерзали и сжили со свѣта.

Итакъ, вотъ мотивы, которые заставили пермскую любительницу художественныхъ стихотвореній выбрать *Египетскія ночи* для прочтенія передъ публикой. Посмотримъ теперь, какъ она читала. По описанію корреспондента, она не читала, а разыгрывала стихотвореніе. Пусть бы она только прочла его, если ей непремѣнно было нужно выбрать его по всѣмъ вышеприведеннымъ причинамъ! Нѣтъ! Она не даромъ сослалась на сце-

ническихъ артистокъ; она хотѣла явиться сценическою артисткой передъ публикой. Характеристика, представленная корреспондентомъ, есть верхъ самой возмутительной пошлости, какая не могла бы быть терпима ни въ какой зрѣлой литературѣ. Вотъ эти сло ва:

„Она читала просто и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектно, съ полнымъ пониманіемъ внутренняго смысла стиховъ, съ умѣньемъ придать надлежащее значеніе каждой мысли и каждой картинѣ поэта. Большіе глаза ея то загорались, то меркли и погасали; все лицо ея измѣнялось безпрестанно, принимая то нѣжно-страстное, то жгучее, то неумолимо-суровое, то горделиво-вызывающее выраженіе. Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры—купить ея ночь цѣною жизни—известный стихъ: „И взоръ презрительный обводитъ Вокругъ поклонниковъ своихъ,“ прочитанъ былъ, дѣйствительно, съ такимъ выраженіемъ обиднаго презрѣнія и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмелвную толпу, что будь это въ театрѣ, зала навѣрное потряслась бы отъ аплодисментовъ.“

Что это такое? Безпощадная насмѣшка, послѣ которой всѣ воспитательные знаки и колкости фельетониста *Вѣлика* ничтожны какъ укушеніе комара послѣ удара оухомъ, или это въ самомъ дѣлѣ энтузіазмъ и восторженное удивленіе? Тонъ, какимъ писана вся эта пошлая корреспонденція, не даетъ права видѣть въ этомъ мѣстѣ никакой ироніи, никакой насмѣшки. Это, по всѣмъ признакамъ, откровенное, чистосердечное изліяніе души, переполненной наслажденіемъ.

Скажите, за что же вы разозлились на Камня-Виногорова, когда онъ спросилъ послѣ этихъ словъ, въ какомъ отношеніи находилась пермская публика къ поклонникамъ Клеопатры, и за что артистка смотрѣла на нихъ съ обиднымъ презрѣніемъ? Скажите еще, что должны были дѣлать пермскія матроны съ своими дочерьми, видя, какъ «загорались и меркли» глаза артистки, обращенные на нихъ, слыша, какъ искусно отгѣняла она «значеніе каждой мысли и каждой картины поэта»? Кто не знаетъ *Египетскихъ ночей* Пушкина? Кто не знаетъ, какіе есть въ этой піесѣ стихи, исполненные прелести, но съ которыми нельзя шутить и которые нельзя бросать въ лицо публики съ мимикою страсти?

Г-жа Толмачева ссылалась на актрисъ и проводила въ примѣръ Рашель; но никакая актриса, сколько-нибудь уважающая себя, не будетъ обращаться съ своихъ подмостокъ къ публикѣ и не будетъ играть съ зрителями; сцена—міръ идеальный; тутъ актеры и актрисы исчезаютъ; передъ публикой только образы, созданные поэтомъ, которые не замѣшиваютъ се въ свою игру; все очарованіе исчезнетъ и сцена потеряетъ все свое значеніе, когда зрители превращаются въ дѣлателей. На сценѣ могутъ разыгрываться страстные роли, но и на сценѣ не водится выбирать

изъ піесы одно какое-нибудь эффектное въ известномъ смыслѣ мѣсто, какой-нибудь монологъ въ родѣ словъ Клеопатры, обращенныхъ къ ея поклонникамъ, не говоря уже о томъ, что никакой актрисѣ не позволительно обращаться съ ними къ публикѣ.

Мы согласны, что въ фрагментѣ Пушкина нѣтъ ничего безнравственнаго. Но это только фрагментъ, и о немъ можно сказать то же, что и вообще о Пушкинѣ: это только намекъ, это только мотивъ, это нѣсколько чудныхъ аккордовъ, въ которыхъ что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается для яснаго и полнаго созерцанія; надобно слишкомъ много условія, чтобы, кромѣ прелести стиховъ и очарованія образовъ, уловить въ этой піесѣ намеки ея внутренняго смысла, который раскрылся бы въ ней для всѣхъ доступно, еслибы художникъ совершилъ свое произведеніе вполне. Передъ художественнымъ созданіемъ, дѣйствительно, не могутъ держаться мелкіе соблазны, но не прежде какъ идея цѣлаго покорить себя и одухотворить всѣ частности. Эту демонскій культъ, требующій драгоцѣннѣйшихъ человѣческихъ жертвъ, эта царица, поникшая головою надъ чашей, подъ обаяніемъ охватившей ее силы, Клеопатра, призывающая подземныхъ боговъ въ свидѣтели своей клятвы, все это, облеченное въ плоть и кровь чарующихъ подробностей, могло бы быть откровеніемъ далекаго и мрачнаго міра, и тогда идея цѣлаго уравнила бы и смягчила бы все, что теперь выступаетъ слишкомъ рельефно. Еслибы изъ этихъ мотивовъ вышла трагедія, она могла бы быть созданіемъ гениальнымъ, которое потребовало бы всѣхъ силъ великой артистки. Но теперь ничего этого нѣтъ, все это только въ одномъ предчувствіи, въ одномъ намекѣ. Мало знакомая съ тѣмъ разрядомъ идей, которыя даютъ художественный смыслъ отрывку Пушкина, разнообразная публика обоого пола и всякихъ возрастовъ что могла видѣть въ этихъ очаровательныхъ стихахъ, кромѣ того, что прямо бросается въ глаза? Чѣмъ должна была явиться ей Клеопатра съ своимъ чудовищнымъ вызовомъ, и что должно было отозваться въ присутствующихъ при видѣ исполнительницы, которая взяла на себя роль Клеопатры, и своимъ голосомъ, игрою своего лица передавала, обращаясь къ публикѣ, всѣ отѣнки и понятной, и непонятной ей рѣчи?

Пошлая pruderie, безъ сомнѣнія, не признакъ хорошаго тона, нравственнаго воспитанія и внутренняго благородства. Можно все и прочесть, и сказать, и сдѣлать; но надобно чтобы все вытекало изъ уважительныхъ побужденій, надобно чтобы все имѣло достаточное основаніе. Это азбука здраваго смысла. Мы

видѣли, какой смыслъ имѣютъ тѣ основанія, которыя представлялись на видъ для оправданія выбора пьесы. Г-жа Толмачева, какъ видно изъ ея словъ, переданныхъ корреспондентомъ, сама видѣла въ избранной ею пьесѣ не что иное, какъ выраженіе страстности; она и оправдывалась тѣмъ, что допускается же выраженіе страстности на сценѣ. Г-жа Толмачева взялась быть выразительницей чудовищной страстности; въ которой ничего другаго и не могли видѣть эти собравшіяся лица, превращенныя неожиданно-негаданно изъ зрителей, изъ слушателей, въ участники сценическаго представленія.

Можетъ-быть мужчинамъ трудно судить объ этомъ случаѣ съ полною трезвостію. Но этому можно помочь, если намъ будетъ позволено прибѣгнуть къ гипотезѣ. Что еслибы кто-нибудь, напримѣръ г. Михайловъ, вздумалъ явиться выразителемъ мужской страстности тоже передъ публикой? Могутъ найдтись прекрасныя стихотворенія, восхитительныя эпизоды изъ поэмъ и монологи изъ трагедій, въ которыхъ изливается страсть мужчины. Какъ-то случилось намъ читать одно нѣмецкое стихотвореніе, не лишенное поэзіи, въ которомъ обладатель Востока, обозрѣвая сонмъ своихъ гурій, держитъ къ нимъ страстную рѣчь и кончаетъ тѣмъ, что одной изъ нихъ отдаетъ предпочтеніе. Что, еслибы г. Михайловъ, собравъ на литературный вечеръ петербургскую публику обоюго пола и всѣхъ возрастовъ, началъ читать что-нибудь подобное, представляя свою фигуру царя Сарданапала, и въ очаровательныхъ стихахъ передалъ весь пылъ ассирійской страсти; то загараясь, то померкая глазами, обводя ими собраніе и останавливая ихъ на разныхъ лицахъ? Что бы, вы думаете, должны были сдѣлать «маменьки и дочки»? Какая порядочная женщина осталась бы въ залѣ? Во всякомъ случаѣ съ мужчиной-было бы поступлено несравненно хуже чѣмъ съ женщиной. Мы далеки отъ мысли оскорбить г. Михайлова нашимъ шутивымъ предположеніемъ, да и прибѣгли къ нему лишь потому, что оно невоиможно. Вообще мы хорошо цѣнимъ умъ и дарованія г. Михайлова и несмѣшиваемъ еогъ съ толпою бессмысленныхъ эманципаторовъ.)

Сколько требуется фальши, сколько нужно фразъ, чтобы такое простое дѣло не чувствовалось само собою, безъ помощи анализовъ и объясненій! Уничтоживъ Камня-Виногорова, критикъ журнала *Время* обращается въ заключеніе къ г-жѣ Толмачевой съ вѣществомъ франта, надушеннаго пачулей. Послѣ многихъ комплиментовъ и обращеній къ идеаламъ будущаго, онъ говоритъ:

.... Мнѣнія старыхъ маменьекъ должно тоже уважить. Что же дѣлать, если онѣ смотрятъ еще на это своими глазами; онѣ опасаются за своихъ дочерей? Дѣйствительно, — для *отроческаго* возраста такое чтеніе *можетъ быть*

даже опасно. Въ отроческомъ возрастѣ человекъ не сформированъ ни эстетически, ни нравственно, и на него *Венера Медицеская* можетъ не производить полнаго художественнаго впечатлѣнія. Съ отроческимъ возрастомъ действительно надо нѣсколько *погодить*, однимъ словомъ, надо имѣть къ нему уваженіе. И потому мамёнки въ этомъ случаѣ отчасти правы, но только въ этомъ случаѣ...

Высказавъ эти любезныя и назидательныя вещи, онъ заключаетъ, охорашиваясь съ чувствомъ полнаго самодовольства:

«Вотъ все, что я осмѣлюсь замѣтить по поводу чтенія г-жи Толмачевой. Надѣюсь, что я говорилъ не о персикскихъ тайнахъ и не о выравнивательныхъ жестахъ. На все есть свое слово и своя манера. Только одни гг. Виногоровы этого не понимаютъ. Но вѣдь они юмористы.

«Вотъ все, что я осмѣлюсь замѣтить.» Какъ это мило! Онъ думаетъ, что подвить г-жи Толмачевой есть даже *опасное дѣло*; и онъ говоритъ объ этомъ, ухмыляясь и расшаркиваясь, какъ о пустякахъ, не заслуживающихъ вниманія, и презрительно отзываясь о *старыхъ мамёнкахъ*: онъ находитъ, что онъ только отчасти правъ, и значить отчасти не правъ, протестуя противъ того, что можетъ быть опасно для ихъ дочекъ. Съ чувствомъ возвышеннаго самодовольства онъ выставляетъ на видъ изащесство своихъ манеръ и сличаетъ свою особу съ распостѣртымъ фельетонистомъ, который грубо заявилъ неприличіе факта, любезно признаннаго опаснымъ.

Итакъ, кромѣ этихъ пошлостей, не нашлось ничего сказать въ защиту этого *отроческаго* возраста, этихъ молодыхъ дѣвушекъ, приглашенныхъ на *опасный* спектакль, разыгранный безъ всякой надобности, безъ всякой понятной цѣли и смысла? Мы не знаемъ, изъ какихъ внутреннихъ побужденій взяли обличительныя замѣтки Камня-Виногорова; но не совсемъ опрятный тонъ этихъ замѣтокъ много ли хуже этого опрятнаго легкомыслія, которое слышится въ словахъ элегантнаго критика, поднесшаго свой букетъ артисткѣ, съ любезнымъ замѣчаніемъ, что настоящее слишкомъ грязно и пошло для нея, что она съ своими воззрѣніями и мимическими чтеніями *Египетскихъ ночей* принадлежитъ лучшему будущему? Фельетонистъ газеты *Вѣкъ* повинулся въ своемъ легкомысленномъ тонѣ; но честь протеста противъ того, что самими защитниками считается опаснымъ, и что во всякомъ случаѣ должно быть названо *неприличнымъ*, остается за редакціей *Вѣка*, а еѣ за это самое обвиняють въ обскурантизмъ тѣ самыя *С.-Петербургскія Вѣдомости*, которыя дали у себя мѣсто знаменитому письму изъ Перми.

Обскурантизмъ! Эманципация! А знаете ли, что препятствуетъ у насъ женщины пользоваться тою долей свободы, которою она могла бы

законно пользоваться, и которою дѣйствительно пользуется она въ другихъ странахъ? У насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ: почему это? — не потому ли, что у насъ слишкомъ много эманципированныхъ кавалеровъ и слишкомъ много особаго рода эманципаторовъ женщины? — не потому ли, что мы склонны видѣть во всемъ пустыя предрасудки, не обязательныя для людей мыслящихъ, какими мы слишкомъ склонны считать себя, безъ всякихъ впрочемъ оснований?

Нечего поучать людей страстямъ и утверждать ихъ въ жадѣ наслажденій; этому учить нечего, это развивается само собою, и какъ еще! Учите ихъ напротивъ отказываться и воздерживаться: это дѣло трудное, это требуетъ напряженія воли, нравственнаго чувства, умственнаго развитія, которое уничтожаетъ фразу и даетъ простоту и ясность нашей мысли. Общественными приличіями нельзя пренебрегать, имъ слѣдуетъ покоряться, до тѣхъ поръ пока они не должны сами уступить и покориться какимъ-нибудь дѣйствительно высшимъ требованіямъ, а не фантазіи, капризу или пожалуй еще чему-нибудь хуже. Великіе умы возставали противъ предрасудковъ, но не затѣмъ чтобы подчинять людей другимъ, быть-можетъ еще худшимъ предрасудкамъ, а затѣмъ чтобы вести ихъ къ лучшему, болѣе ясному, болѣе чистому разумѣнію того, чего они не понимали, или что понимали дурно.

Общественныя приличія! Но что даетъ намъ право ставить себя выше ихъ? Можно ли допустить, чтобы общественныя приличія нарушались во имя пошлыхъ фразъ, выраженій ничтожества и пустоты? Что должно сказать при видѣ этого ничтожества, которое подъ прикрытіемъ громкихъ словъ: прогресса, просвѣщенія, свободы, топорщится со свистомъ въ головѣ стать выше цѣлаго общества, выше убѣжденій цѣлаго міра, клеймя ихъ названіемъ предрасудковъ? Общественныя приличія имѣютъ всегда какое-нибудь основаніе; вырабатываясь изъ жизни, они содержатъ въ себѣ ея разумъ, и для того чтобы судить о нихъ, надо прежде понимать ихъ. Общественное приличіе окружаетъ стыдомъ и тайною послѣднія выраженія страсти, и въ этомъ великая правда, въ этомъ истинный разумъ. Покровъ тайны и стыда здѣсь не что-нибудь случайное, не модная шляпа, не парижскіе перчатки; стыдъ и тайна составляютъ сущность послѣднихъ выраженій человѣческой страстности. Совеяте съ нихъ этотъ покровъ, и они превратятся въ скотское дѣло, они потеряютъ свое человѣческое значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ нимъ потеряетъ всякій доступъ поэзія. Въ тонкой стихіи стыдливости заключается вся прелесть поэтическихъ воспроизведеній мужской и женской страсти. Въ нелѣпомъ спорѣ по поводу

пермсаго чтенія *Египетскихъ ночей*, была упомянута Венера Медицейская. «На неразвитое порочное сердце,» сказано въ журналѣ *Время*, «и Венера Медицейская произведетъ только сладострастное впечатлѣніе. Нужно быть довольно высоко очищеннымъ нравственно, чтобы смотрѣть на эту божественную красоту не смущаясь. Слава Богу, такихъ людей уже встрѣчаешь довольно.» Какъ вездѣ и во всемъ забли насъ фразы! Но развѣ Венера Медицейская или Венера Милоская представляютъ собою тѣ выраженія страстности, которыя звучатъ въ словахъ Клеопатры? Развѣ эти олимпійскіе типы не представляютъ собою самыхъ цѣломудренныхъ образовъ, проникнутыхъ тѣмъ чистымъ изяществомъ, которое составляетъ живую душу приличія? Не являются ли эти образы сами олицетвореніемъ этой тонкой стыдливости, этой чарующей тайны? Развѣ рѣзецъ, не только Фидія и Праксителя, но даже ваятелей эпохъ упадка, доходилъ когда-нибудь до *последнихъ выраженій* страстности? Развѣ сатиры и фавны, въ которыхъ воплощено именно то самое, что прикрывается стыдомъ въ жизни человеческой, развѣ они созданы искусствомъ въ формѣ *последнихъ выраженій*, а не съ печатью дивной скромности въ своихъ полувѣрныхъ формахъ? Развѣ Рашель, на которую ссылалась г-жа Толмачева, доходила когда-нибудь на сценѣ до чего-нибудь похожаго на клятву Клеопатры? Развѣ гдѣ-нибудь въ мірѣ, въ Европѣ ли въ Америкѣ ли, могла бы артистка произнести передъ публикой этотъ фрагментъ, поневолѣ выдавая рельефно только то, что прямо указываетъ на послѣднія выраженія страсти, не будучи въ силахъ олухотворить ихъ тѣмъ намекомъ идеи, которая въ неоконченномъ фрагментѣ не могла высказаться съ полною силой, не могла бросить свой покровъ на то, что никогда не должно быть открытою тайной?

Вы хотите возвыситься надъ общественными приличіями: остерегитесь, чтобы не упасть не только ниже ихъ, но и ниже обнаженныхъ отравленій скотской жизни. Вы домогаетесь благодати выше долга; но помните, благодатные люди, что она не исключаетъ долга, а, возвышаясь надъ нимъ, даетъ только больше чѣмъ можетъ дать онъ. Вы дѣзете въ геніи, но не думайте, что для достиженія этой чести надобно только отказаться отъ здраваго смысла.

Сохрани насъ Богъ бросить какую-нибудь тѣнь на нравственный характеръ той особы, самаго имени которой не стали бы мы упоминать въ публичныхъ спорахъ, еслибъ о немъ уже вездѣ не прокричали. Напротивъ, изо всего, равно какъ и изъ собственныхъ словъ ея, записанныхъ услужливымъ цѣнителемъ, мы видимъ, что она не отдала себѣ точнаго отчета въ своемъ рѣше-

ніи, и что она дѣйствительно считала себя органомъ высшихъ и лучшихъ убѣжденій. Она случайно усвоила себѣ тѣ фразы, которыя предлагаются нашей публикѣ какъ самыя новѣйшіе результаты науки и жизни, и вступила на кафедру съ вдохновеннымъ чувствомъ подвига. Но мы позволяемъ себѣ вѣрить, что, несмотря на этотъ чадъ куреній, которымъ почтили ее свистуны нашей литературы, благородное женское чувство скажетъ ей, что эти куренія гораздо оскорбительнѣе для нея чѣмъ слово осужденія, какъ бы ни было оно рѣшительно и строго.

Мы убѣждены, и каждый день убѣждаемся все болѣе, что нѣтъ на свѣтѣ двухъ вещей, менѣе соответствующихъ одна другой какъ наша печать и наше общество. По нашей печати не только нельзя судить о глубинѣ народныхъ силъ, глубинѣ таинственной и неизвѣданной,—наша печать не можетъ служить мѣркою даже того, что мы знаемъ,—нашего образованнаго общества. Что совершенно возможно у насъ въ печати, то было бы совершенно невозможно въ обществѣ. Глубокая образованность, зрѣлый умъ, всесторонняя мысль, богатый опытъ жизни, встрѣчаются у насъ часто въ различныхъ сферахъ общества, но все это рѣдко является или вовсе не является въ печати и по многимъ причинамъ не чувствуетъ къ тому охоты. Будущее покажетъ какъ много разныя постороннія условія препятствуютъ нашей печати принять болѣе достойный видъ и быть дѣйствительнымъ выраженіемъ общества и органомъ народнаго генія. Все что разчитано на незрѣлую, неумѣющую владѣть собою мысль, все то по необходимости должно ослаблять и умалять дѣйствіе зрѣлой мысли, которая невольно сторонится, говорить полутономъ и лишь кое-о-чемъ, либо остается въ дали отъ литературы, преданная въ глуши какому-нибудь безвѣстному, уединенному труду.

Библиотека политическихъ и экономическихъ наукъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Соч. Бруно Гильдебранда, переводъ М. П. Щепкина. Спб. 1860 года.

Нѣмецкая книга, переведенная г. Щепкинымъ, написана въ 1848 году, въ то время, когда теоріи такъ-называемой социальнѣй науки составляли еще новость, когда онѣ не сказали еще своего послѣдняго слова, и главное, когда онѣ еще не прошли черезъ попытку практическихъ примѣненій.

Въ то давно прошедшее время многіе думали, что политическая экономія можетъ быть пересоздана на какихъ-нибудь но-

выхъ началахъ, что Адамъ Смитъ, его предшественники и его послѣдователи предписали одни начала, и что могутъ явиться другіе гениальные люди (весьма многіе почитали себя способными занять эту лестную роль), которые предпишутъ нѣмыя начала и на этихъ новыхъ началахъ создадутъ новую политическую экономію. Люди, незнакомые съ дѣломъ, увлекались этими фразами; не мало было и такихъ, которые увлекали фразами другихъ для постороннихъ цѣлей. Авторъ разбираемой нами книги хотя и не принадлежитъ къ числу бессмысленно-увлекающихся и недобросовѣстно увлекающихъ, но онъ тоже вѣритъ въ возможность новой политической экономіи, и тоже смѣшиваетъ развитие науки съ выдумкою новыхъ, неслыханныхъ прежде началъ. Туманный нѣмецкій умъ всего болѣе хлопочетъ о томъ, чтобы подняться превыше всего, прискаты себѣ такой *Standpunkt*, съ высоты котораго все казалось бы и низкимъ и мелкимъ. Бѣда только въ томъ, что съ высоты этихъ *soi-disant* философскихъ штандпунктовъ живая дѣйствительность становится неразличимою. Такъ напримѣръ, самое существенное начало въ экономической наукѣ—начало экономической свободы—почти вовсе не обратило на себя вниманія почтеннаго автора *Политической экономіи настоящаго и будущаго*. Не будь этого маленькаго недосмотра, г. Гильдебрандъ, конечно, не почувствовалъ бы въ себѣ столько отваги, чтобы противопологать «политическую экономію будущаго» «политической экономіи настоящаго». Тогда онъ обнаружилъ бы немного поменьше способности къ той «высокой справедливости» кабинетныхъ людей ученой Германіи, которая состоитъ въ томъ, чтобы вздоръ признавать отчасти за дѣло, а дѣло отчасти за вздоръ,—къ этой справедливости, которая въ сущности не что иное какъ фальшь мысли, возможная лишь въ человѣкѣ, становящемся на ходули въ глуши своего кабинета, потихоньку отъ цѣлаго міра. Кто притаясь въ своемъ кабинетѣ, тому легко дойти до привычки смотрѣть свысока не только на Адама Смита, но и на великое начало экономической науки, на начало экономической свободы, и ставить выше всего на свѣтѣ какую-нибудь свою неясную, несозрѣвшую мысль, которой можетъ-быть и вовсе не суждено выйдти на свѣтъ Божій, какъ не было суждено выйдти на Божій свѣтъ экономической теоріи г. Гильдебранда. Книга, переведенная г. Щепкинымъ, есть только первая часть; изъ второй части міръ долженъ былъ узнать ту формулу, въ которой бы примирились всѣ противоположности, которая обняла бы собою и всякое дѣло и всякій вздоръ, подобно тому, какъ солнце свѣтитъ и злымъ и добрымъ, и мудрымъ и глупцамъ. Но эта вторая часть труда г. Гильдебранда почему-то осталась подъ спудомъ.

Изъ перваго томика, переведеннаго на русскій языкъ г. Щеп-

кинымъ, любознательному читателю открываются только слабые просвѣты въ туманное святилище мысли г. Гильдебранда.

Какъ Нѣмецъ, г. Гильдебрандъ не могъ обойтись безъ новой системы, или, по крайней мѣрѣ, безъ новой классификаціи. Не мало какъ кажется, потрудившись надъ классификаціей политико-экономическихъ воззрѣній, онъ достигъ своей цѣли въ слѣдующей чрезвычайно мало говорящей трилогіи:

Хозяйство естественное.
Хозяйство денежное и
Хозяйство кредитное.

Всѣ теоріи, предшествовавшія Адаму Смиту, онъ относитъ, не извѣстно почему, къ системѣ хозяйства естественнаго, предшествовавшего хозяйству денежному. Когда же совершилась побѣда денежнаго хозяйства, говоритъ онъ, Адамъ Смитъ впервые создалъ обширную науку—политическую экономію, которая однако была выраженіемъ одного лишь денежнаго хозяйства.

Мы выпишемъ продолженіе этихъ словъ, потому что въ немъ заключается вся основная мысль разбираемой нами книги.

-Реакціи, выступившія противъ этой системы, образовали три послѣдовательныя группы. Первая изъ нихъ ратовала еще за послѣдніе остатки стараго и побѣжденнаго естественнаго хозяйства средних вѣковъ; рѣзкими красками изображала она темныя стороны новаго господства и съ жаромъ и любовью идеализировала побѣжденное достояніе человѣчества¹. Тогда послѣдовало обоготвореніе результатовъ новой системы: вызванную денежнымъ хозяйствомъ фабричную промышленность стали считать занятіемъ, которое только одно приноситъ счастье, и упрекали Смитову теорію только за то, что она стремилась въ своихъ практическихъ ученіяхъ сдѣлаться исключительнымъ достояніемъ Англіи. Наконецъ, односторонне выработавшееся денежное хозяйство вызвало своими темными сторонами ученія, которыя противопоставили Смитову ученію планы совершенно новаго устройства чело-вѣческаго хозяйства.

-Хотя эти различныя реакціи не представили никакихъ новыхъ основаній для будущаго зданія нашей науки, однако за ними нельзя не признать той заслуги, что онѣ выставили (?) въ настоящемъ свѣтѣ недостатки и односторонность Смитова ученія и указали (?) на необходимость совершеннаго(?) преобразованія экономической науки.

-Сверхъ того, каждая изъ этихъ реакцій вызвала на свѣтъ отдѣльныя истины, и тѣмъ доставила основаніе для созданія будущей науки (?). А. Мюллеръ указалъ политической экономіи на нравственное средоточіе государства и доказалъ необходимость считать ее нераздѣльною частью совокупной науки о чело-вѣческомъ обществѣ. Ему слѣдовали въ этомъ послѣднемъ пунктѣ социалісты. Листъ, вѣстѣ съ А. Мюллеромъ, возвѣстилъ начало національности и призналъ различныя ступени чело-вѣческаго развитія. Социалісты

¹ Въ подлинникѣ: untergegangenes Besitzthum.

разоблачили темныя стороны денежной системы и доказали (?) несостоятельность человѣческаго эгоизма, какъ основанія политической экономіи. Наконецъ, Прудонъ указалъ на относительное достоинство всѣхъ экономическихъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно противъ воли своей, на несостоятельность всякой абстрактной теоріи. Все это отрывочные, важные результаты; имъ не достаетъ только общаго средоточія, изъ котораго они выходили бы, какъ послѣдствія одного начала, господствующаго надъ совокупнымъ содержаніемъ политической экономіи.

Вотъ въ томъ-то все и дѣло, что противники Смитовской школы не могутъ найти этого *одного господствующаго начала*, потому что *отвергаютъ* и не хотятъ уразумѣть *то истинное начало*, которое признаетъ наука политической экономіи. Начало это есть свобода экономической дѣятельности, свобода труда, свобода мѣны и всѣ ея послѣдствія. Все содержаніе политической экономіи есть только подробное указаніе тѣхъ аномалій, которыя простекаютъ отъ стѣсненія этой свободы, объясненіе, почему всѣ мѣры, самыя повидимому благодѣтельныя, приносятъ вредъ, если нарушаютъ это основное начало и прямо или косвенно ему противодействуютъ. Положительная сторона науки заключается въ отысканіи тѣхъ способовъ содѣйствія развитію экономической свободы, которые возможны безъ стѣсненія и нарушенія этой самой свободы. Всѣ противники политической экономіи, всѣ изобрѣтатели такъ называемой новой экономической науки, не рѣшаясь прямо и откровенно высказаться противъ этого принципа, предлагаютъ различныя приемы къ его ограниченію и впадаютъ не только въ противорѣчіе съ принципомъ, которому они иногда отвѣченно, пожалуй, и поклоняются, но и въ безчисленныя противорѣчія другъ съ другомъ. Такое явленіе совершенно необходимо, ибо начало свободы можетъ быть только одно, какъ и истина, а противоположныя ей начала—разнообразны до безконечности, какъ разнообразны всѣ заблужденія и все то, что не совпадаетъ съ истиной.

Книга г. Гильдебранда поучительна въ томъ отношеніи, что въ ней добросовѣстно изложены системы противниковъ Смитовской школы и всѣ ихъ выводы прослѣжены человѣкомъ, который не только не заявляетъ себя ихъ противникомъ, но который болѣе расположенъ сочувствовать имъ, ибо вмѣстѣ съ ними вѣритъ въ возможность отысканія новыхъ началъ для политической экономіи. Если ему приходится часто поправлять ихъ очевидныя ошибки, указывать на явныя ихъ заблужденія, то онъ дѣлаетъ это не изъ желанія опровергнуть ихъ или унижить, но вслѣдствіе необходимости фактическихъ данныхъ и логическихъ заключеній.

По тѣмъ выпискамъ, которыя мы сдѣлаемъ далѣе изъ книги Гильдебранда, читатели сами выведутъ заключеніе о его методѣ,

но мы прежде скажемъ нѣсколько словъ о двухъ нѣмецкихъ экономистахъ, Адамѣ Мюллерѣ и Листѣ, которыхъ имена были известны прежде.

Адамъ Мюллеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, которые, движимые общимъ тогда въ Германіи духомъ ненависти къ порабощателямъ своего отечества, отрицали все иностранное, старались возвысить германскія доблести, превозносили все отечественное, восхищались Тацитовыми дикими Германцами, и, пожалуй, были не прочь возстановить древне-германскіе нравы. Слова *Деутшумъ* и *Тестомы* были у нихъ постоянно на языкѣ, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей святая Русь и Славяне. Они отыскивали отечественное во всемъ: въ нравахъ, въ одеждѣ, въ поэзіи, и требовали національности въ наукѣ. Поклоненіе старому времени увлекло нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ далеко, что они начали возвращаться даже къ старому католицизму. Если не всѣ, подобно Шлегелямъ, открыто принимали католическое вѣроисповѣданіе, то большая часть изъ самыхъ ярыхъ послѣдователей этого направленія увлекались клерикальными стремленіями. Къ этому разряду относится и Адамъ Мюллеръ. Избравъ своимъ занятіемъ политику и политическую экономію, онъ вооружается противъ всего того, что онъ называетъ рационализмомъ, абстрактными теоріями, и такъ далѣе. Онъ говоритъ напримѣръ, что Смитово ученіе о раздѣленіи труда надо пополнить другимъ ученіемъ—о соединеніи труда, безъ котораго это раздѣленіе истребляетъ послѣдніе остатки народнаго капитала, а подъ соединеніемъ труда разумѣть насильственные государственныя мѣры, раздробляющія народъ на средневѣковыя сословія. Онъ сѣтуетъ на то, что Смитъ признаетъ только одинъ родъ капитала—капиталъ вещественный, тогда какъ, говоритъ онъ, на ряду съ нимъ существуетъ другой, по крайней мѣрѣ столь же важный, или еще важнѣйшій, капиталъ духовный; онъ сѣтуетъ, что политическая экономія упускаетъ изъ виду этотъ духовный капиталъ, и вы готовы, пожалуй, согласиться съ нимъ, пока у него самого не доберетесь до того, что все это обвиненіе есть чистѣйшая нелѣпость. Вещественный капиталъ, говоритъ онъ, развивается въ деньгахъ, духовный капиталъ—въ языкѣ. Политическая экономія, только и знаетъ, что толкуетъ о деньгахъ, и это крайне безнравственно: какъ это въ самомъ дѣлѣ Адамъ Смитъ не догадался, что ему слѣдовало бы родиться не Адамомъ Смитомъ, а Боппомъ, или Гриммомъ, или Вильгельмомъ Гумбольдтомъ? Наконецъ! Адамъ Мюллеръ, повидимому, смягчается: Смитова теорія, говоритъ онъ, можетъ-быть справедлива (?) для Англіи, но государства твердой земли нуждаются въ совершенно-иной, гораздо обширнѣйшей системѣ хозяйства, и въ та-

комъ ученіи, гдѣ бы всякая односторонность была уничтожена или пополнена, и въ которомъ, вмѣсто мѣнливой дѣятельности хозяйственныхъ предметовъ, выступалъ бы *впередъ ихъ гражданскій и національный характеръ*; вмѣсто односторонняго производства—*гармоническое развитіе національнаго производства и національныхъ стремленій*; вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ производствъ—*дѣйствительное національное богатство и развитіе національныхъ силъ*. Государства материка Европы, заключалъ Ад. Мюллеръ, нуждаются въ такомъ ученіи, которое вмѣстѣ съ раздѣленіемъ обнимало бы собою и *національное сосредоточеніе труда*, вмѣстѣ съ *вещественнымъ и духовнымъ капиталъ народа*.

Въ этихъ словахъ читатели замѣтили уже знакомые нашей литературѣ звуки, мотивы, которые иногда напѣваются и у насъ. Мы приведемъ еще нѣсколько словъ, чтобы характеризовать ученіе Адама Мюллера. Владычество вещественнаго капитала, говоритъ онъ, унизило трудъ до степени простаго механизма (по нашему, наоборотъ), а *землю, которая, по самой природѣ своей, должна всегда нераздѣльно переходить отъ одного семейства къ другому*, оно стало дробить на части, какъ простой оборотный капиталъ, и, такимъ образомъ, лишило міръ его прежней необходимой связи. По мнѣнію Адама Мюллера, задача новой науки народнаго хозяйства заключается въ томъ, чтобы возстановить естественное равновѣсіе между четырьмя элементами національнаго и гражданскаго богатства (земля, трудъ, капиталъ вещественный и капиталъ духовный) и соотвѣтствующими четырьмя сословіями (дворянство, мѣщанство, купечество и духовенство), возвратитъ каждому чело-вѣку его естественныя права, а особенно, утвержденіемъ прежняго преобладанія духовенства въ Европѣ, возстановитъ духовный капиталъ въ новомъ, еще большемъ блескѣ, и такимъ образомъ создать новые средніе вѣка, еще въ болѣе-совершенномъ видѣ чѣмъ они были прежде. Нельзя неупомянуть, что для окончательнаго осуществленія своей теоріи Адамъ Мюллеръ предъявилъ между прочимъ слѣдующія требованія: возстановленіе помѣщичьяго права, барщинны и строгаго цеховаго устройства.

Фридрихъ Листъ въ началѣ сороковыхъ годовъ обратилъ на себя вниманіе ученыхъ экономистовъ своею національною системою политической экономіи.

• Между отдѣльнымъ чело-вѣкомъ и чело-вѣчествомъ, говоритъ онъ, стоитъ народъ, съ своимъ особымъ языкомъ и литературой, съ своимъ особымъ происхожденіемъ и исторіей, съ своими особыми правами ¹ и обычаями, законами, и учрежденіями, съ собственными правами на жизнь, самостоятельность и совер-

¹ Въ переводѣ: правами.

шенствованіе; онъ выступаетъ какъ цѣлый организмъ, который тысячею духовныхъ связей и интересовъ сплоченъ въ одно цѣлое, для себя самого существующее и полное жизни. Человѣкъ можетъ достигнуть духовнаго образованія и производительной силы, безопасности и благосостоянія, только въ народѣ и черезъ народъ; а потому для отдѣльныхъ лицъ національный союзъ есть самое могущественное средство достигнуть благоденствія. Самая цивилизація человѣческаго рода возможна только при цивилизаціи и образованіи націй, которыя, подобно отдѣльнымъ лицамъ въ государствѣ, должны, съ помощью всѣмъ имъ общаго права и законовъ, постепенно соединяться въ универсальный союзъ, указываемый разумомъ и религіею и подготовляемый самою природой. Слѣдовательно, главная цѣль человѣческихъ стремленій должна состоять въ сохраненіи, образованіи и совершенствованіи національности, а вся экономическая жизнь народа и всѣ его частныя экономическіе интересы должны быть подчинены одной политической національной цѣли.»

«Национальное богатство, замѣчаетъ Листъ, состоитъ не въ количествѣ мѣновыхъ цѣнностей, а въ многосторонности, силѣ и равновѣсіи производительныхъ силъ, и для національной цѣли гораздо важнѣе развивать эти производительныя силы, нежели производить новыя мѣновыя цѣнности. Какъ отдѣльный человѣкъ долженъ жертвовать своими частными интересами въ пользу общей цѣли народа, такъ точно всякое поколѣніе должно часто жертвовать мѣновыми цѣнностями для того, чтобы укрѣпить производительныя силы народа для его будущей дѣятельности. Изъ этого слѣдуетъ, что для науки о народномъ хозяйствѣ нужна самостоятельная теорія производительныхъ силъ, которая дополнила бы господствующую доселѣ одностороннюю теорію мѣновыхъ цѣнностей.»

Читатели уже замѣтили, что подъ этими краснорѣчивыми словами и въ этомъ ловкомъ противопоставленіи интересовъ народа интересамъ лицъ, составляющихъ народъ, скрывается оправданіе всѣхъ насилій, всѣхъ уклоненій положительнаго законодательства отъ линіи строгой справедливости. Что касается до мнимои новой теоріи производительныхъ силъ, то весь этотъ фейерверкъ оканчивается предложеніемъ запретительной системы и высокихъ ввозныхъ пошлинъ.

Весьма любопытно видѣть, какимъ путемъ софизмовъ Листъ подходитъ къ этой задушевной своей мысли.

«Всѣ народы умѣреннаго пояса, говоритъ онъ, прежде чѣмъ достигнуть нормальнаго экономическаго состоянія, проходятъ четыре ступени развитія:

«1) Періодъ пастушеской жизни, который непосредственно примыкаетъ къ состоянію естественной дикости.

«2) Періодъ земледѣлія.

«3) Періодъ земледѣльческо-мануфактурный и

«4) Періодъ земледѣльческо-мануфактурно-торговый.

«Въ началѣ земледѣліе поднимается ввозомъ иностранныхъ товаровъ и вывозомъ туземныхъ земледѣльческихъ произведеній и суровья. Потомъ поднимаются внутреннія мануфактуры, а съ ними вмѣстѣ увеличивается и ввозъ заграничныхъ товаровъ. Въ слѣдующій періодъ внутренній рынокъ снабжается уже произведеніями внутреннихъ мануфактуръ, а въ четвертый періодъ начинаютъ вывозить за границу большіе запасы внутреннихъ мануфактурныхъ товаровъ и привозить оттуда иностранныя сырыя и земледѣльческія произведенія.

«Чѣмъ болѣе развивается хозяйство народа, тѣмъ болѣе должны выступать съ своимъ вліяніемъ законная ¹ власть и администрація. Наука о народномъ хозяйствѣ должна доставить средства, которыми довершается воспитаніе народа, и въ этомъ случаѣ она есть экономическая педагогія (!).»

«Эта наука учитъ, по словамъ Листа, что каждый народъ долженъ начинать съ свободы торговли, и посредствомъ сношеній съ богатыми, образованными и промышленными народами долженъ стремиться къ водворенію у себя внутренней мануфактурной силы. Какъ скоро, вслѣдствіе свободной торговли, народъ уже на столько разовьется въ умственномъ и политическомъ отношеніи, что можетъ самостоятельно заниматься фабричною промышленностію, то должна быть введена охранительная система, съ помощію которой мануфактурная сила достигаетъ (будто бы?) полного своего развитія. Наконецъ, когда эта послѣдняя разовьется до того, что превзойдетъ силы другихъ народовъ, тогда опять *надо возвратиться къ свободной торговлѣ.*»

Изъ этихъ словъ видно, что Листъ не рѣшается опровергать принципъ свободной торговли, но что онъ проситъ только повременить, отсрочить его примѣненіе, и даже предлагаетъ въ настоящее время усилить мнимую охранительную систему, то-есть систему раззоренія однихъ въ пользу другихъ, хотя и признаетъ пользу свободной торговли—въ прошедшемъ и будущемъ. Это напоминаетъ намъ салонныя сужденія разныхъ господъ о пользѣ открытаго судопроизводства и печатной гласности: они не отрицаютъ, что судъ открытый былъ въ обы-

¹ То-есть законодательная; въ подлинникѣ *gesetzgebende Gewalt*.

чаяхъ народа въ древнее время, что канцелярская тайна есть нововведение нѣмецкое, что современемъ необходимо ввести судопроизводство гласное, все это они допускаютъ, какъ Листъ допускаетъ свободную торговлю, но только имъ кажется, что мы вышли изъ того періода, когда этотъ судъ былъ удобенъ, и не вступимъ еще въ тотъ, когда онъ будетъ дѣйствительно полезенъ, и что въ настоящее время не должно торопиться, а необходимо повременить, отсрочить и такъ далѣе. То же самое говорили объ отчуждѣннѣ крѣпостнаго права, то же самое говорятъ и о свободѣ печатнаго слова: она полезна, даже необходима, но доросли ли мы до нея? то-есть, дайте намъ полежать въ грязи; а послѣ, когда насъ не будетъ, пожалуй, вводите чистоту и опрятность.

Листова теорія очень удовлетворительно разбрана и опровергнута въ книгѣ Гильдебранда; и мы, конечно, утомили бы вниманіе читателей *Русскаго Вѣстника*, если бы вздумали разбирать ее по ниточкѣ: начало свободной торговли такъ часто и такъ полно излагалось и защищалось на страницахъ этого журнала, что возвращаться къ нему въ небольшой критической статьѣ мы считаемъ совершенно лишнимъ. Но мы крайне сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ выписать изъ книги Гильдебранда прекрасное изображеніе внутреннихъ причинъ преуспѣянія англійской промышленности (стр. 75—78). Туманный и несносный, когда мысль его ширлетъ въ міръ общихъ началъ, нашъ авторъ становится совсемъ другимъ человекомъ, лишь только соблаговолитъ опуститься на землю: Онъ трудолюбивъ и добросовѣстенъ и ловко подбираетъ факты. Онъ очень удачно преслѣдуетъ проповѣдниковъ «политической экономіи будущаго» за искаженіе фактовъ и экономическихъ понятій, на которыхъ они основываютъ хрупкіе замки своихъ грезъ.

Мы можемъ рекомендовать читателямъ четвертый отдѣлъ книги Гильдебранда, гдѣ они найдутъ сжатое изложеніе теоріи социалистовъ и основательное ихъ опроверженіе, найискусное не противникомъ ихъ во что бы то ни стало, а человекомъ, раздѣляющимъ ихъ убѣжденіе или скорѣе предубѣжденіе о недостаткахъ ученія Адама Смита и возможности, даже необходимости новой политической экономіи.

Теоріи французскихъ социалистовъ изъ школы Бабѣфа, какъ-то Сенъ-Симона, Фурье, Луи-Влани и имъ подобныхъ, слишкомъ общезвѣстны. Намъ нѣтъ надобности утомлять эту старую рухлядью вниманіе нашихъ читателей, но для нихъ вероятно будетъ любопытно ознакомиться съ организационными планами нѣмецкихъ социалистовъ, какъ весьма мало извѣстными въ нашей

литературѣ, привыкшей почерпать свои данныя изъ французскихъ журналовъ и французскихъ книжекъ:

Начало централизаціи теперешней Франціи, говоритъ Гильдебрандъ, перенесено здѣсь (то-есть въ коммунистическихъ теоріяхъ) на искусственно-востроенный организмъ хозяйства, при которомъ каждое отдѣльное лицо съ своимъ трудомъ, съ своими наслажденіями и съ своими страстями, во всемъ проявленіи жизни, втиснуто въ узкую, бѣдливо-предписанную сферу дѣятельности и подчинено полицейской общинной власти. Эта школа счастливо принимаетъ къ пробудившемуся во Франціи стремленію къ религиозному единству (намъ кажется, вѣрнѣе было бы сказать къ пробуждаемому во Франціи католическою пропагандой клерикальному направленію) и къ возсозданію католической церкви; а потому нѣкоторыя сочиненія писателей этой школы; какъ напримеръ: С.-Симона, Аноэнталя, Пьера Леру, Ла-Менне и другихъ, написаны съ религиознымъ; часто фанатическимъ напоромъ и обильными являюнь.

Совсѣмъ къ другимъ цѣлямъ стремится нѣмецкая школа. Она выросла подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, приводитъ свои организаціонныя планы въ тѣсную связь съ Фейрбаховыми отрядательнымъ и антропологическимъ воззрѣніемъ на религію и стремится не столько къ равному распрѣдѣленію матеріальныхъ благъ въ обществѣ, сколько къ такому состоянію, въ которомъ каждое отдѣльное лицо имѣло бы одинаковую возможность развить въ свои духовныя способности до сознанія высшихъ цѣлей человечества и до полнаго совершенства личности. Въ этой школѣ все еще прѣлгдывается древнее германское начало личной свободы; она не отвергаетъ индивидуальной духовной жизни и свободы отдѣльныхъ лицъ, но, напротивъ, освобождаетъ ее отъ всехъ матеріальныхъ преградъ.

Основателями этой школы были нѣмецкіе политическіе изгнанники, которые кишатъ вокругъ предѣловъ Германіи. Изгнанные изъ отчизны, надѣленные почти всею богатомъ запасомъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, но лишены всякихъ средствъ, они никогда не выходили изъ борьбы за свое существованіе и, такимъ образомъ, были всегда истинными пролетаріями, какихъ только знаетъ новое время. Большинство ихъ училось въ университетахъ, развилось въ мірѣ отвлеченныхъ понятій, и принесло съ собою природное расположеніе къ спекулятивнымъ занятіямъ. Въ новую область идей, которыхъ они были представителями за границею, ринулись они тѣмъ съ большею энергіей, что въ нѣкоторой стѣпени пострадали сами отъ тогдашней политики и на опытѣ убѣдились въ неспособности нѣмецкаго народа къ воспріятію ихъ политическихъ грезъ, и уже отчаялись въ возможность улучшить политическую жизнь Германіи. Такъ какъ ихъ политическіе идеалы выросли болѣе на почвѣ философіи, нежели дѣйствительной жизни, то она скоро натянулась на недостатки и темныя стороны другихъ странъ, видѣли страданія Ирландцевъ, въ противоположность англійской земледѣльческой и денежной аристократіи, видѣли полицейскую централизацію Франціи, іезуитскія стремленія въ республкавской Швейцаріи. Вслѣдствіе этихъ уроковъ, ихъ патриотическія стремленія и идеалы приняли космополитическій характеръ, и они объявили войну основнымъ началамъ европейскаго общества. Однимъ словомъ, члены тѣхъ обществъ нѣмецкихъ буршей, изъ которыхъ вышло такъ много представителей нынѣшней консервативной политики и государственныхъ администраторовъ, они сдѣлались за границею изъ патриотовъ-мечтателей проповѣдниками и представителями социальныхъ теорій.

• Это превращеніе имѣло по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что,

благодаря этимъ людямъ, уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, единственное достоинствѣ, вынесенное ими изъ отечества, перешло на новое движеніе.

- Чисто духовное назначеніе человѣка, различіе и разнообразіе человѣческихъ силъ, нравственныхъ и духовныхъ способностей, оставались для нихъ началомъ, неподлежащимъ сомнѣнію. Равенство, къ которому стремятся Французы пересозданіемъ общества, ограничивается у нихъ только обладаніемъ средствами къ существованію; матеріальный трудъ и раздѣленіе труда являются у нихъ только средствомъ для достиженія духовныхъ цѣлей, а не для однихъ житейскихъ наслажденій. Коммунистическое устройство должно, съ одной стороны, замѣнить собой рабство древняго міра, а съ другой, доставить каждому человѣку за совершенно-ничтожное количество труда столько средствъ къ существованію, чтобы онъ могъ, подобно древнимъ свободнымъ Аѳинянамъ, по преимуществу заниматься наукою, искусствомъ и общественнымъ благомъ. Аѳины, говоритъ Августъ Беккеръ, пали потому, что они не знали коммунизма, а Спарта потому, что презирала науку.

- Хотя по этому ученію, въ противоположность классической древности, не человѣкъ исчезаетъ въ гражданина, а гражданинъ поглщается человѣкомъ, и, слѣдовательно, совершенно отрицаются понятія о государствѣ и національности, не тѣмъ не менѣе на этомъ ученіи ясно видно вліяніе классической науки, а именно—Платонова міросозерцанія. Французскіе социалисты-теоретики — матеріалисты; напротивъ нѣмецкіе—гуманисты. Первые требуютъ владычества промышленности, а вторые—освобожденія отъ промышленности. Первые признаютъ духовныя способности человѣка только средствомъ для наслажденія матеріальными благами жизни; а вторые смотрятъ на нихъ, какъ на цѣль всѣхъ наслажденій. Общины, какія хотятъ устроить французскіе социалисты, представляютъ собою рабочія казармы, въ которыхъ господствуетъ только законъ равенства; напротивъ того, нѣмецкія общины суть въ то же время академіи, гдѣ господствуетъ наука.

Между нѣмецкими социалистами, или точнѣе коммунистами, г. Гильдебрандъ даетъ видное мѣсто Фридриху Энгельсу и его книгѣ о положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи. Извѣстно, что всѣ социалисты во взглядѣ своемъ на современность сходятся между собой въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) въ томъ, что современность страдаетъ общественнымъ недугомъ, и 2) въ томъ, что недугъ этотъ надо лѣчить въ самомъ корнѣ его. Недугъ этотъ называютъ они *пролетариатомъ*. Энгельсъ почитаетъ Англію классическою страной пролетаріата, и въ названномъ сочиненіи разоблачаетъ англійскій пролетаріатъ такъ, что онъ является у него классическою формою пролетаріата вообще, и вмѣстѣ съ нею необходимымъ слѣдствіемъ новѣйшей цивилизаціи, великимъ, всемірно-историческимъ предостереженіемъ, какъ онъ выражается. Хотя при сравненіи прошлаго съ настоящимъ Энгельсъ самъ приписываетъ прежнему населенію *низшую степень умственную развитія и животную безсознательность*, тѣмъ не менѣе онъ отдаетъ прошлому времени безусловное преимущество ради его большей нравственности и того матеріальнаго довольства, которое, по мнѣнію его, было въ то время удѣломъ каждаго человѣка. Мало того, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ даже серьезно доказываетъ, что положеніе англійскихъ свободныхъ ра-

ботниковъ въ 1845 году было гораздо печальнѣе, чѣмъ положеніе несвободныхъ Саксовъ подъ игомъ норманскихъ бароновъ въ 1145 году.

Г. Гильдебрандъ не только блистательно опровергаетъ Энгельса, шагъ за шагомъ, но и доказываетъ совершенно противное, именно, что положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи съ каждымъ годомъ улучшается и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи.

-Мы имѣемъ, говоритъ Гильдебрандъ, достаточно историческихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ приближаться къ среднимъ вѣкамъ, нищета и страданія рабочихъ классовъ становятся все сильнѣе и ужаснѣе.

-Мы не станемъ указывать здѣсь на то, что во всѣхъ современныхъ образованныхъ государствахъ средняя продолжительность жизни постоянно увеличивалась, потому что это увеличеніе могутъ приписать однимъ только успѣхамъ медицины (*всяма забавное предположеніе!*), хотя оно зависитъ болѣе всего отъ физическаго благосостоянія, то-есть отъ жизни и жилища большинства населенія, состоящаго изъ рабочихъ; не ставемъ также указывать на то, что въ Англіи число нищихъ, содержимыхъ на общественный счетъ, относительно населенія уменьшилось, такъ что, напримѣръ, въ 1813 году оно составляло 14% всего населенія, а въ 1841 году только 8%, потому что его могутъ приписать исключительно вліянію новаго закона о нищихъ, изданнаго въ 1834 году. Но противъ Энгельса достаточно привести только слѣдующіе два факта: во первыхъ, постоянное увеличеніе заработной платы въ Англіи въ послѣднія три столѣтія, и вторыхъ, упоминаемое почти во всѣхъ хроникахъ такое (?) частое возвращеніе голода и его неразлучныхъ спутниковъ, чумы или какой-нибудь другой опустошительной болѣзни.

Далѣе Гильдебрандъ доказываетъ цифрами цѣнъ на работу и на пшеницу, что рабочій для покупки одного квартера пшеницы долженъ былъ работать:

Въ царствованіе Елисаветы.	48 дней.
— XVII столѣтія.	43 —
— двѣ первыя трети XVIII столѣтія.	32 —
— настоящее время (отъ 1835 до 1845)	
при самой низкой платѣ.	28¼ —
при обыкновенной вѣ.	19 —
или, среднимъ числомъ.	24 —

-Такимъ образомъ, говоритъ онъ, можно почти безошибочно принять, что заработная плата въ Англіи, съ половины XVI столѣтія, среднимъ числомъ, увеличилась вдвое.

-Другой фактъ, опровергающій Энгельса, извѣстенъ всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ старинными лѣтописями. При недостаткѣ капиталовъ, люди жили отъ одной жатвы до другой и никогда не имѣли никакихъ запасовъ отъ предыдущихъ лѣтъ. Недостатокъ сообщенія между различными областями и странами препятствовалъ взаимной поддержкѣ, такъ что физическое существованіе человѣка находилось совершенно во власти переменчивыхъ условій природы. Въ хорошіе годы, избытокъ произведеній сбывалъ цѣну несравненно ниже ея обыкновеннаго уровня, въ плохіе же годы являлся голодъ, а за нимъ убійственная болѣзнь.»

Изъ приведенныхъ Гильдебрандомъ цифръ видно, что высшая цѣна квартера пшеницы въ Англіи превосходила низшую:

Въ XVI столѣтін въ.	10 ³ / ₄	раза.
— XV.	16	—
— XIV.	25	—
а въ XIII даже.	192	—

Между тѣмъ какъ недавно (въ сороковыхъ годахъ), въ самый тяжелый годъ за послѣднее время, цѣна на хлѣбъ не поднималась въ Европѣ выше чѣмъ четверо противъ низшей цѣны, а въ Англіи даже и не удавалась.

Сравненіе заработной платы въ Англіи и въ Германіи, которое представляетъ Гильдебрандъ въ опроверженіе Энгельса, чрезвычайно интересно, и мы просимъ читателей обратить вниманіе на § 38 этой книжки, гдѣ авторъ дѣлаетъ сравненіе промышленнаго пролетаріата въ Англіи съ нѣмецкимъ ремесленнымъ пролетаріатомъ въ областяхъ, не развитыхъ въ промышленномъ отношеніи. Въ то время какъ напримѣръ простой матросъ въ Англіи получаетъ каждый день по два фунта говядины ¹ и 5 талеровъ еженедѣльной платы (англійскіе матросы обыкновенно держатъ свой сахаръ, кофе и чай), ежедневная пища семействъ ремесленниковъ въ этихъ нѣмецкихъ областяхъ состоитъ большею частію изъ хлѣба, сала, кофе и картофеля, и только въ добрую пору они могутъ, въ два или три дня въ недѣлю, тратить по ³/₄ фунта мяса на двоихъ. Если въ этихъ семействахъ есть еще дѣти, то о мясной пищѣ почти нечего и думать, а во время дороговизны, какая была напримѣръ въ зиму съ 1846 на 1847 годъ, нужда ихъ доходила до крайней степени и могла бы составить эпоху даже въ исторіи ирландской нищеты. Въ подобныхъ мѣстностяхъ число совершенно нищихъ полагалось въ ¹/₃ всего народонаселенія ² (то-есть въ 33%, а не въ 8%, какъ въ Англіи), и въ одномъ изъ городовъ мѣстное начальство составило настоящіе отряды нищихъ, которые ежедневно дѣлали установленные обходы и собирали милостыню въ отдѣльныхъ частяхъ города и по

¹ Въ переводѣ г. Щепкина ошибочно сказано: „три раза въ день по два фунта“. Это значило бы, что англійскимъ матросамъ дается въ сутки по 6 фунтовъ говядины. Въ подлинникѣ сказано вѣрно: „по два фунта въ день въ три приема“, то-есть въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Вообще въ переводѣ встрѣчается не мало небрежностей. Прусскіе талеры и зильбергроши, а равно прусская мѣра и прусскій вѣсъ не переведены въ русскія, что непримѣнно требуется для русскихъ читателей. Очень странны англійскія собственныя имена: Юнгъ вм. Йонгъ, Уре вм. Юръ, Уэльскуръ вм. Вальскортъ и т. д.

² У г. Щепкина сказано ²/₃; переводчикъ не обратилъ вниманія на поправку, сдѣланную авторомъ въ указателѣ опечатокъ.

ближайшимъ къ нему деревнямъ. Между тѣмъ часть Германіи, о которой здѣсь говорится, не знаетъ ничего такого, что обыкновенно считается причиною пауперизма и пролетаріата: она не знаетъ ни фабрикъ, ни фабричныхъ, ни прядильныхъ, ни паровыхъ и никакихъ другихъ машинъ; она не знаетъ ни ремесленной свободы, ни безграничнаго соперничества отдельныхъ лицъ; къ тому же эта область не обижена природою: почва ея способна ко всякой обработкѣ, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ земли многихъ другихъ областей. Не заключая въ себѣ ничего такого, что могло бы быть причиною особеннаго обѣднѣнія жителей, эта область осталась чуждою всѣхъ тѣхъ великихъ двигателей новѣйшей промышленности, которые такъ часто выставляются социалистами за причину пауперизма, и стоитъ до сихъ еще поръ на той степени развитія, на какой стояла большая часть Европы въ хваленое «доброе старое время» прошлаго столѣтія. Она до сихъ поръ не видала еще ни одной желѣзной дороги, и рядомъ съ земледѣіемъ въ патриархальной формѣ, въ ней господствуютъ еще цехи, если не такъ замкнутые, какъ прежде, то все-таки пользующіеся привилегіями на извѣстныхъ отрасляхъ труда; для занятія промыслами нужно записаться напередъ позволеніемъ отъ полиціи, которая даетъ свои разрѣшенія не далѣе какъ на три года, а весьма часто даже и на одинъ годъ, такъ что промышленникъ, по прошествіи срока полицейскаго разрѣшенія, становится опять въ зависимость отъ произвола и всякаго рода соображеній начальства, и слѣдовательно, никогда не можетъ затратить въ свое предпріятіе большихъ капиталовъ. Эти стѣсненія не касаются повидимому низшихъ классовъ, но они препятствуютъ всего болѣе размаху большой промышленности, которая одна могла бы оживить народную дѣятельность, и которую социалисты ошибочно почитаютъ причиною пролетаріата въ другихъ странахъ.

Сравнивая рабочую плату въ Англіи и въ Германіи, г. Гильдебрандъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

Въ большей части ремеслъ, гдѣ существуетъ еще ручная работа, англійскіе подмастерья получаютъ больше чѣмъ втрое противъ нѣмецкихъ.

Такое же различіе существуетъ и въ отношеніи къ мужской прислугѣ, и только женская прислуга въ Англіи поставлена относительно хуже: плата ей среднимъ числомъ *только вдвое больше чѣмъ въ Германіи.*

«Послѣ довольно многочисленныхъ и обширныхъ изслѣдованій, я пришелъ, говоритъ авторъ, къ тому убѣжденію, что за среднюю плату обыкновенной поденной работы въ Англіи, въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ (1844, 1845 и 1846) можно принять 3

шиллинга въ день или 300 талер. въ годъ, между тѣмъ какъ въ Германіи самая высокая плата равнялась 100 талер., такъ что англійскій работникъ, при отношеніи мѣнковой цѣнности денегъ въ обихъ странахъ, можетъ удовлетворять вдвое болѣе потребностей, противъ нѣмецкаго работника.»

Цифры, на которыхъ основываетъ свои выводы Гильдебрандъ, въ настоящее время, уже устарѣли, и читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ, если мы приведемъ свѣдѣнія о заработной платѣ въ Англій въ настоящее время, заимствуя ихъ изъ другаго источника ¹.

Среднее возвышеніе заработной платы въ Англій въ послѣднія 20 лѣтъ обходится кругомъ отъ 12 до 40 процентовъ.

Особенное возвышеніе замѣтно въ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ (до 30 шилл. въ недѣлю, съ уменьшеніемъ времени работы до 9 часовъ въ недѣлю), въ шелковыхъ фабрикахъ (до 22 шилл. въ недѣлю съ уменьшеніемъ времени работы до 6 часовъ въ недѣлю) и въ механическихъ заведеніяхъ.

Женская и дѣтская работа платится въ настоящее время по 20 процентовъ дороже, нежели въ 1839 году.

Особенно возвысилась плата на желѣзныхъ заводахъ. Есть примѣры рабочихъ, которые получаютъ поденную плату, равняющуюся жалованью подполковника въ гвардейской пѣхотѣ. Заработокъ въ 200 и 300 фунтовъ стерлинговъ (1200 и 1800 рублей) весьма доступенъ для большинства семействъ рабочихъ на этихъ заводахъ, а заработокъ въ 500 и 600 ф. стерлинговъ (3000 и 3600 р. сер.) не составляетъ необыкновеннаго явленія, если увеличивается требованіе на рельсы.

Такимъ образомъ заработки рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно превышаютъ доходы лицъ средняго сословія, живущихъ не механическою работою, какъ напримѣръ учителей, пасторовъ, лѣкарей, можетъ-быть вообще доходъ средняго класса въ Соединенномъ Королевствѣ. «Пусть г. Брайтъ, говоритъ авторъ статьи, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, совѣтуетъ ремесленному классу эмиграцію, и пусть правительство перевозитъ переселенцевъ въ Австралію бесплатно, на счетъ колоніальныхъ капиталовъ, но дѣйствительная надобность представляется не въ эмиграціи изъ Англій, а въ иммиграціи въ эти самые мануфактурные округи.»

Сверхъ того должно замѣтить, что одно числовое опредѣленіе количества денегъ, получаемыхъ рабочими, не можетъ вполне указать намъ степень возвышенія платы за трудъ, если мы не

¹ *Quarterly Review*. July 1860.

примемъ въ разчетъ увеличеніе того количества предметовъ потребленія, которое они могутъ купить за эти деньги. Известно, что англійское законодательство, въ продолженіи двадцати лѣтъ, постоянно клонилось къ уменьшенію налоговъ на первыя потребности. Въ этотъ періодъ средніе и высшіе классы принесли на себя уплату не менѣе 124 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 850 милліоновъ руб. сер.), въ видѣ различныхъ налоговъ, которые исключительно падаютъ на землевладѣльческій, торговый и ученые классы общества, между тѣмъ какъ налоги на сахаръ, патоку, кофе, какао, чай, коринку, изюмъ, масло и сыръ, ялицы и кожу уменьшены, а налоги на стекло, дерево, кирпичъ и другіе строительные матеріалы отменены вовсе и дозволенъ свободный ввозъ иностраннаго хлѣба, скота и сѣстныхъ припасовъ изъ всѣхъ частей свѣта. Слѣдствіемъ этого было дѣйствительное перемѣщеніе значительной половины налоговъ съ людей, получающихъ еженедѣльную плату, на лица, принадлежащія къ ученому, коммерческому, среднему и высшему классамъ; итакъ въ то самое время, когда снежная плата за трудъ (какъ мы показали) постоянно возвышалась, цѣны почти на всѣ предметы потребленія низшихъ классовъ упали.

Приведенныя нами свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, показываютъ, какъ заблуждаются всѣ, особенно французскіе социаллисты, полагающіе или по крайней мѣрѣ утверждающіе, будто положеніе рабочихъ классовъ въ Англии становятся все хуже и хуже по мѣрѣ успѣховъ, дѣлаемыхъ раздѣленіемъ труда и расширеніемъ производства. Данныя, приведенныя нами, удостоверяютъ въ истинѣ того положенія экономической науки, что накопленіе капиталовъ должно всегда вести къ уменьшенію процента, приносимаго капиталомъ, и слѣдовательно къ увеличенію того процента изъ общей прибыли производства, который достается на долю труда. Чѣмъ больше капиталовъ приливало въ Англии къ фабричному производству, тѣмъ болѣе возрастала заработная плата. Но съ другой стороны возрастаніе заработной платы еще не всегда совпадаетъ съ возрастаніемъ благосостоянія рабочихъ классовъ, которое отнюдь не зависитъ *единственно и исключительно* отъ возвышенія заработной платы. Опытъ Англии убѣдительно показываетъ, что есть еще другой элементъ, не выражаемый цифрами и не зависящій отъ денегъ, но который имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на судьбу этихъ классовъ. Элементъ этотъ есть бережливость, такъ-сказать домовитость, которая или сохраняется при первобытной неспорченности нравовъ, или сознательно развиваются вслѣдствіе просвѣщенія. Оба эти случая подтверждаются слѣдующимъ: во-первыхъ отчеты англійскихъ сберегательныхъ кассъ показываютъ, что вклады быс-

тѣе увеличиваются въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ промышленныхъ центровъ и гдѣ заработная плата значительно ниже, и напротивъ того вклады очень мало увеличиваются или даже уменьшаются при возвышеніи этой платы; въ вторыхъ, сравнивая положеніе лицъ и семействъ, принадлежащихъ къ такъ-называемымъ профессиональнымъ классамъ (professional classes), какъ-то медиковъ, учителей, священниковъ, конторщиковъ, писарей и проч., получающихъ жалованья гораздо менѣе нежели сколько получаютъ нѣкоторые рабочіе, мы находимъ, что первые изъ нихъ пользуются несравненно высшею степенью благосостоянія въ сравненіи со вторыми, и что этимъ они обязаны единственно высшей степени умственного и нравственного развитія, или вліянію того, что вообще называется просвѣщеніемъ.

Статистическими данными, собранными въ различныхъ фабричныхъ мѣстностяхъ, доказано, что пятая часть рабочей платы переходитъ къ продавцамъ крѣпкихъ напитковъ, и что и это отношеніе увеличивается по мѣрѣ возвышенія заработной платы. Уже одна бесполезная для семействъ трата этой пятой части платы составляетъ сама по себѣ значительную потерю, но если вспомнить всѣ послѣдствія нетрезвой жизни, все разстройство, которое она причиняетъ въ домашнемъ хозяйствѣ, то истинная причина неудовлетворительности быта рабочихъ ясно передъ нами откроется,—это невѣжество, грубость нравовъ, тотъ дикій разгулъ, который всегда сопровождаетъ одно матеріальное возвышеніе заработка, какъ и у насъ на сибирскихъ золотыхъ приискахъ, словомъ—отсутствіе благотѣльнаго вліянія просвѣщенія. Вотъ пунктъ, на который должны обратить вниманіе всѣ дѣятельные друзья низшихъ классовъ. Не борьба съ капиталистами, не социалистическія попытки перестраивать по отвлеченной теоріи распределеніе богатства и увеличивать искусственными мѣрами заработную плату, не эти стремленія, возникающія лишь изъ разобщенія съ жизнью, могутъ вести къ улучшенію быта низшихъ классовъ; для этой цѣли нужно прибѣгать къ другимъ средствамъ, и достигается она не нарушеніемъ экономической свободы, не вмѣшательствомъ власти въ экономическія отношенія, а мѣрами, относящимися къ общественнымъ явленіямъ высшаго порядка. Частная инициатива филантроповъ и законодательная инициатива государства имѣютъ обширное поприще для дѣятельности, имѣющей въ виду благо низшихъ классовъ общества. Облегчать бережливость посредствомъ размноженія сберегательныхъ кассъ, распространять вкусъ къ бережливости посредствомъ распространенія просвѣщенія, вотъ заботы, которыя принесутъ рабочимъ классамъ гораздо болѣе пользы нежели не-

сбыточныя попытки давать труду искусственную организацію и законодательными мѣрами ограждать его отъ « алчности » капитала.

Занимаемъ изъ названной нами статьи англійскаго журнала два-три факта, подтверждающіе эту истину. Капитанъ Уиліамсъ, отвѣчая на вопросы, предложенныя ему комитетомъ палаты общинъ, привелъ примѣръ одного рабочаго въ Лондонѣ, который, получая отъ 50 до 60 шилл. въ недѣлю, слѣдовательно выше средняго жалованья банкирскихъ конторщиковъ, жилъ въ самой дурной мѣстности города и занималъ одну каморку, въ которой помѣщалось все его семейство, состоявшее изъ жены, четырехъ сыновей, двухъ кошекъ и одной собаки. На вопросъ: « полагаете ли вы, что это семейство было не въ состояніи занять лучшее помѣщеніе, или что оно не дѣлало этого только по безопасности? » капитанъ отвѣчалъ: « Я полагаю, что они были слишкомъ безопасны, какъ и въ большей части подобныхъ случаевъ. Кажется, подобные люди и не чувствуютъ желанія выйти изъ того жалкаго положенія, въ которомъ они находятся. » Вотъ еще другой примѣръ, сообщаемый другимъ изслѣдователемъ положенія рабочихъ классовъ: « Невоздержность господствуетъ между ними въ сильной степени; хорошая плата тратится на самыя низкія потребности; мало заботы о завтрашнемъ днѣ, и рабочій домъ служитъ для нихъ послѣднимъ убѣжищемъ. Одинъ изъ мастеровъ литейнаго завода получалъ ежедневной платы гинею, или шесть гиней въ недѣлю (на наши деньги около 40 руб. сер.); онъ тратилъ всѣ деньги преимущественно на крѣпкіе напитки, и подъ старость долженъ былъ работать за одинъ фунтъ стерлинга въ недѣлю. »

Чтобы показать значеніе бережливости, мы приведемъ еще послѣдній примѣръ. Знаменитый Джорджъ Стивенсонъ, будучи помощникомъ прикащика въ лавкѣ близъ Ньюкасса, чрезвычайно радовался, когда его жалованье было возвышено до 12 шиллинговъ въ недѣлю. « Теперь-то я обезпеченъ на всю жизнь! » воскликнулъ онъ. Онъ не только содержалъ себя изъ этой суммы, но помогалъ своимъ бѣднымъ родителямъ, и тратился на свое образованіе. Когда онъ достигъ жалованья 20 шилл. въ недѣлю, то, какъ разумный работникъ, онъ началъ дѣлать сбереженія, и накопивъ первую гинею, съ гордостью объявилъ одному изъ своихъ товарищей: « теперь я богатый человекъ! » Какая противоположность между бережливостію Джорджа Стивенсона и расточительностію многихъ людей изъ его класса въ той же мѣстности! Кузнецы, получающіе въ хорошую пору въ годъ 200 и 300 ф. ст. (1300—2000 р. сер.), за весьма малыя исключенія, не дѣлаютъ сбереженій. Въ хорошую пору они предаются расточительности, и нѣсколькихъ недѣль праздности достаточно для того, чтобы повергнуть ихъ въ крайнюю нищету.

Англійское законодательство сдѣлало уже много для улучшенія быта рабочихъ классовъ въ этомъ отношеніи. Законъ объ ограниченіи числа рабочихъ часовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, законъ о фабричныхъ школахъ и многіе другіе менѣе важные законы обезпечиваютъ подрастающему поколѣнію лучшее образованіе, между тѣмъ какъ законы, содѣйствующіе бережливости, открывающіе новые пути для нея, должны оказывать полезное вліяніе на взрослыхъ фабричныхъ; легкость добиться парламентской льготы побуждаетъ къ бережливости тѣхъ изъ нихъ, которые дорожатъ политическими правами; парламентская реформа, которая не замедлитъ послѣдовать въ непродолжительномъ времени, еще болѣе облегчитъ рабочимъ возможность дѣлаться избирателями. Но законодательство Англій не считаетъ себя всемогущимъ, и еще болѣе чѣмъ законодательство дѣйствуетъ въ Англій въ томъ же направленіи само общество. Безчисленныя учрежденія, имѣющія цѣлью распространять образованіе, покрываютъ всю Англій. Многія изъ этихъ учреждений содержатся пожертвованіями среднихъ и высшихъ классовъ, но не мало и такихъ, которыя заведены самими фабричными, лишь при нѣкоторомъ пособіи со стороны высшихъ классовъ. Всемъ извѣстно наконецъ, какъ успѣшно дѣйствуетъ въ Англій религіозная проповѣдь, и какъ обширенъ кругъ дѣйствія обществъ умеренности. Вотъ на какомъ пути и во всѣхъ другихъ странахъ слѣдуетъ трудиться для улучшенія быта низшихъ классовъ.

Что касается до заработной платы, то опредѣленіе ея въ Англій вполне предоставлено свободному движенію жизни. Противники экономической свободы стараются всячески оклеветать Англій, чтобы показать въ мрачномъ видѣ тѣ результаты, къ которымъ ведетъ начало свободы. Мы видѣли, какъ неосновательны эти показанія. Самъ даже Гильдебрандъ, вѣрящій въ какую-то туманную политическую экономію будущаго, блистательно опровергаетъ ихъ. Заработная плата въ Англій возрастаетъ, и, что особенно замѣчательно, она быстрѣе возрастаетъ въ фабричныхъ округахъ, гдѣ господствуетъ раздѣленіе занятій и существуютъ колоссальныя мануфактуры, нежели въ округахъ земледѣльческихъ, куда еще мало проникло раздѣленіе занятій, гдѣ еще мало накопилось эгихъ будто бы враждебныхъ труду капиталовъ, и быть еще носить на себѣ явные слѣды «старого добраго времени». Сельскій работникъ получаетъ въ Англій гораздо меньше жалованья чѣмъ фабричный. Это самымъ краснорѣчивымъ образомъ опровергаетъ теорію о враждебности, существующей будто между капиталомъ и трудомъ, развивающимися свободно.

Англій словно спитъ въ глазу у всѣхъ социалистовъ и регламентаторовъ именно потому, что она самымъ существованіемъ

своимъ, всею совокупностію своего быта разсвѣаетъ въ прахъ ихъ теоріи и служитъ доказательствомъ вѣрности начала экономической свободы. Между тѣмъ какъ регламентаторы хлопочуть по своимъ кабинетамъ и канцеляріямъ объ обезпеченіи быта рабочихъ людей, Англія показываетъ всѣмъ, кто хочетъ внимать голосу опыта, что экономическая свобода и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ успѣшнѣе всѣхъ возможныхъ регламентацій. Высота заработной платы зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ количества капиталовъ; она можетъ повышаться лишь по мѣрѣ накопленія капиталовъ, а потому она можетъ повышаться лишь медленно. Но это повышение, уже само по себѣ медленное, обыкновенно замедляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что предложеніе труда и спросъ его обставлены условіями болѣе выгодными для хозяина нежели для рабочаго. Хозяинъ, имѣя въ рукахъ капиталъ, можетъ выжидать, крѣпиться; рабочій, напротивъ, нуждается въ работѣ для пропитанія себя и своего семейства, и потому принужденъ соглашаться на предлагаемыя ему условія. Лишь конкуренція между хозяевами возвышаетъ заработную плату: не будь этой конкуренціи, рабочіе вовсе не могли бы торговаться съ своими хозяевами. Повидимому, какъ тутъ не вмѣшаться доброжелательному законодательству! Вѣдь рабочій, торгуясь съ хозяевами, не стоитъ на равной ногѣ съ ними; для хозяина рѣчь идетъ о большемъ или меньшемъ барышѣ; для рабочаго о кускѣ хлѣба. Но и тутъ экономическая свобода дѣтъ самое вѣрное цѣлебное средство, и средство это уже приноситъ блистательные плоды въ Англіи. Каждый рабочій, взятый отдѣльно, дѣйствительно не можетъ торговаться съ своимъ хозяиномъ на совершенно-равной ногѣ. Но въ Англіи соединяются тысячи и десятки тысячъ рабочихъ и составляютъ тѣ общества или товарищества, которыя извѣстны подъ именемъ *Trade's Unions*. Эти товарищества собираютъ складчиной громадныя капиталы и получили теперь такое могущество, что въ аристократической Англіи, въ Англіи, не допускающей еще своихъ рабочихъ къ парламентской льготѣ, теперь уже не хозяева прижимаютъ рабочихъ, а наоборотъ. Нужно ли упоминать объ этихъ, такъ часто повторяющихся, стачкахъ, въ которыхъ рабочіе какой-нибудь фабрики, переставшіе работать, живутъ насчетъ своихъ собратьевъ-рабочихъ, разбросанныхъ по всей Англіи, объ этихъ стачкахъ, которыя обходятся, правда, очень дорого англійскимъ рабочимъ, но которыхъ за то трепещутъ и хозяева? Но и среди этихъ кажущихся уклоненій отъ правильнаго теченія жизни начало экономической свободы само собой приводитъ къ тому, что справедливо. Законъ не препятствуетъ рабочимъ дѣлать стачки, лишь бы они не пробѣгали къ насилію или устрашенію. Равно и хозяевамъ предоставлена полная свобода дѣйствовать, какъ имъ

заблагоразсудится. Тутъ, стало-быть, дѣло идетъ на то, кто кого пересилить, кто покажетъ больше энергіи, больше готовности рисковать и жертвовать. Тѣмъ не менѣе однакоже заработная плата зависитъ отъ общаго экономическаго положенія дѣла въ данномъ промыслѣ, а потому, какъ бы ни велика была настойчивость со стороны рабочихъ, заработная плата никакъ не возвысится, если не изъ чего возвыситъ ее. Въ этихъ случаяхъ, стало-быть, рабочіе ничего не выиграютъ отъ своей стачки, и только потерпятъ убытки и лишенія, а это большой урокъ для будущаго. Экономическая свобода возлагаетъ на каждого ответственность за его дѣйствія; она тяжело наказываетъ рабочихъ за неразумныя стачки и лучше всякихъ административныхъ мѣръ обезпечиваетъ общество отъ неразумныхъ стачекъ. Наоборотъ, когда стачка имѣетъ разумное основаніе, англійскія *Trade's Unions* имѣютъ все средства добиться успѣха, и въ этомъ случаѣ хозяева принуждены бывають уступить. Теперь спрашивается, когда же стачки бывають разумны? Очевидно, только тогда, когда хозяйскій барышъ по чему-либо начинаетъ возрастать, и хозяева не прибавляютъ жалованья рабочимъ, не потому что не могутъ, а потому что не хотятъ. Итакъ, не достигается ли этими англійскими стачками, происходящими среди полнаго признанія экономической свободы, именно та цѣль, ради которой люди, не понимающіе начала свободы, хотятъ стѣснить свободу и наставить своихъ регламентовъ,—не достигается ли этими англійскими стачками участіе рабочаго въ барышахъ предпріятія? Въ стачкахъ или, что то же, въ страхѣ, что можетъ послѣдовать стачка, рабочіе получаютъ средство поступать такъ-сказать въ компаньоны своему хозяину, дѣлить съ нимъ его барыши. Эти компанейскія отношенія, *partnership*, какъ говорятъ Англичане, возникаютъ теперь сами собой, именно вслѣдствіе того, что англійскіе фабричные показали свою способность организоваться для правильнаго и энергическаго устройства стачекъ. Многіе хозяева находятъ выгоднымъ для себя выйти изъ враждебнаго положенія относительно рабочихъ и привязать ихъ къ себѣ единствомъ интересовъ; рабочіе прямо допускаются къ участію въ прибыляхъ производства. Вотъ какимъ путемъ вырабатываетъ свобода новыя формы экономическихъ отношеній! Конечно, стачки не обошлись безъ большихъ и очень тяжкихъ жертвъ. Но видно уже таковъ законъ жизни, что великія дѣла не совершаются безъ энергической борьбы и серьезныхъ пожертвованій.

Возвращаясь къ сдѣланному Гильдебрандомъ разбору книги Энгельса, книги, изъ которой лѣтъ десять тому назадъ социаллисты нерѣдко заимствовали цифры и факты, стараюсь доказать имъ бѣдственное положеніе рабочаго класса въ Англій и упадокъ зара-

ботной платы, происходящій, по ихъ мнѣнію, отъ избытка капиталовъ, конкуренціи и свободы промышленной дѣятельности, мы приведемъ его окончательное заключеніе объ этой книгѣ:

«Энгельсъ привелъ изъ быта англійскихъ работниковъ только то, что подтверждаетъ его собственный взглядъ, и притомъ отдѣльные и вырванные изъ ихъ взаимной связи факты онъ обобщилъ въ одной ложной картинѣ. Всѣ частности вѣрны, а общее ложно. Изображеніе Энгельса представляетъ одну лишь темную сторону британской промышленности и британскаго рабочаго міра, и потому также не доказательно, какъ было бы недоказательно изображеніе человѣческой нравственности, еслибъ оно было составлено по біографіямъ однихъ преступниковъ, или какъ статистика человѣческаго здоровья, еслибы въ основаніи ея лежали одни наблюденія въ больницахъ и госпиталяхъ.»

Мы желали бы еще показать читателямъ, какъ хорошо опровергаетъ Гильдебрандъ ложный фактъ, принимавшійся социалистами за непреодолимую истину, будто бы въ Англии вслѣдствіе развитія промышленности, число преступленій увеличивается, фактъ, который также можетъ быть заимствованъ изъ пристрастныхъ выводовъ Энгельса; но мы принуждены окончить наше обозрѣніе, и потому советуемъ имъ самимъ ознакомиться съ книгой Гильдебранда. Не можемъ однакоже не сказать въ заключеніе, что книжка Энгельса вовсе не заслуживала такого серьезнаго разбора, какой счелъ нужнымъ сдѣлать г. Гильдебрандъ, очевидно преувеличивавшій ея значеніе. Сочиненія Энгельса совсѣмъ забыты въ Германіи и намъ, конечно, никогда не привелось бы и упоминать о нихъ, не переведи г. Щепкинъ сочиненія Гильдебранда.

Послѣдній отдѣлъ книги, переведенной г. Щепкинѣмъ, посвященъ Прудону. Мы не станемъ говорить о немъ, потому что книга Гильдебранда написана, какъ мы уже сказали, до происшествій 1848 года, то-есть п; ежде нежели Прудонъ успѣлъ вполне сказать, написать и сдѣлать всѣ эксцентричности, которыми онъ такъ отличился, и въ словахъ Гильдебранда замѣтно къ нему особенное расположеніе. Чтобы вполне оцѣнить этого французскаго мыслителя, всего лучше прочесть его переписку и диспутъ съ Бастіа, которые были напечатаны въ Прудоновомъ журналѣ *Représentant du peuple* и перепечатаны въ собраніи сочиненій Бастіа. Не будучи въ силахъ опровергнуть ясныя доводы науки, Прудонъ перестаетъ быть вѣренъ себѣ, прибѣгаетъ къ шарлатанству учеными терминами и наконецъ просто къ браннымъ словамъ, сильна напоминающимъ по своему тону нашихъ журнальныхъ гаеровъ.

Оканчивая наше обозрѣніе книги Гильдебранда, мы повторимъ сказанное нами въ началѣ, что книга эта, не отличаясь ясно-

стию мыслей, есть трудъ добросовѣстный и потому можетъ составить полезное явленіе въ нашей литературѣ, несмотря на коренное заблужденіе автора о возможности новыхъ основаній для новой политической экономіи. Заблужденіе это можетъ найти себѣ извиненіе въ томъ, что книга эта вышла до 1848 года, и что авторъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей сороковыхъ годовъ, когда подобное заблужденіе еще не такъ поражало своею ошибочностію и находило себѣ оправданіе въ новыхъ еще тогда социальныхъ теоріяхъ. Другое дѣло повторять эту старую пѣсню въ наше время и думать, что стѣбитъ только постоянно кричать о новой политической экономіи, громко бранить Адама Смита, Сея и всѣхъ ихъ продолжателей отсталыми, такъ и можно выдать себя за передоваго челоуѣка, увѣрить простодушныхъ людей въ своемъ превосходствѣ и сконфузить тѣхъ, кто побойтся прозвища отсталыхъ экономистовъ. Если слѣдовать этой системѣ, то пожалуй можно назвать Эйлера, Лапласа, Коши, Араго, Леверрье и другихъ отсталыми математиками, потому что они не опровергаютъ Эвклида. Книга Адама Смита занимаетъ въ политической экономіи совершенно то же мѣсто, какъ Эвклидъ въ математикѣ, и начало основанной имъ политической экономіи останется въ наукѣ неизгладимымъ, ибо это начало есть та несомнѣнная истина, что свобода экономическихъ отношеній, свобода труда, свобода мѣны, свобода промышленной дѣятельности во всѣхъ ея видахъ есть единственный рычагъ, которымъ создается матеріальное богатство и развивается благосостояніе народовъ. Политическая экономія будетъ развиваться и разрабатываться, но это развитіе и эта разработка будутъ успѣшны лишь въ той мѣрѣ, въ которой будетъ положено въ ихъ основаніе великое начало экономической свободы. А туманныя грезы о какой-то новой политической экономіи будущаго обречены на совершенное безплодіе и могутъ вести развѣ только къ такимъ комическимъ явленіямъ, къ какому подало поводъ появленіе книжки Гильдебранда въ русскомъ переводѣ. Одинъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ видитъ въ Гильдебрандѣ своего врага, а другой своего лучшаго друга, и оба отправляются притомъ отъ одной и той же анти-экономической точки зрѣнія. Не правда ли, что съ авторомъ, имѣющимъ опредѣленный образъ мыслей, не могло бы случиться такой куріозной бѣды?

Василій Злочный.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва, въ типографіи Бахметева. 1861
ін.8. Стр. II. 148 и III. Цѣна 75 коп. сер.

Со всѣми литературными почестями, съ глубокимъ сочувствіемъ къ памяти поэта, должна быть встрѣчена эта книга, заключающая въ себѣ вдохновенныя пѣсни его, прерванныя безвременною смертію.

Странна была судьба поэта! Въ порѣ первой юности, когда онъ только пробовалъ силы своего таланта, лишь нарядка напоминая о себѣ читателямъ, Хомяковъ былъ вскорѣ причисленъ, послѣднимъ по времени, къ поэтамъ Пушкинскои плеяды, въ которой назывались имена Баратынскаго, Веневитинова, Дельвига, Языкова. Вслѣдъ за этою раннею славой, когда дарованіе его стало мужать, мысли его начали становиться глубже и своеобразнѣе, стихъ выработался до удивительной силы и красоты, насталъ періодъ реакціи противъ господства въ нашей литературѣ стихотворной формы, и Хомякову, такъ же какъ и нѣкоторымъ другимъ лучшимъ поэтамъ, пришлось видѣть себя цѣннымъ только въ небольшомъ кружкѣ избранныхъ: Несправедливость пошла еще далѣе именно относительно къ нему. Борьба, завязавшаяся тогда въ литературѣ между такъ называемыми славянофилами, къ кругу которыхъ принадлежалъ Хомяковъ, и западниками, заставила послѣднихъ нападать безъ различія на все, что писалось первыми. Стрѣлы посыпались не на одни политическія, социальныя, историческія воззрѣнія противниковъ, но и на поэгическія созданія, порожденныя во враждебномъ станѣ. Увлеченіе бойцовъ въ самомъ разгарѣ битвы не только мѣшало отличать то, что было безусловно прекраснаго у противниковъ, но заставляло нападающихъ отыскивать недостатки даже и тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, или были неоспоримыя достоинства. Голоса, пользовавшіеся тогда безусловнымъ авторитетомъ, провозгласили, что у Хомякова нѣтъ ни искры поэгического дарованія. Точно будто бы тотъ или другой взглядъ на вещи, то или другое убѣжденіе исключаютъ возможность поэзіи, точно будто бы нельзя проповѣдывать и воспѣвать искреннія и благородныя стремленія, если они не подходятъ вполнѣ подъ извѣстную мѣрку, не выполняютъ по статьямъ заданной программы.

А между тѣмъ, конечно, никто не заподозритъ Хомякова, никто, даже злѣйшій его врагъ, въ томъ, что онъ воспѣвалъ что бы то ни было изъ разчета и другихъ тому подобныхъ побужденій. Высокая честность его, какъ гражданина и челоуѣка, извѣстна всякому. Онъ никому не могъ льстить, никого не могъ обманывать по самой своей натурѣ. Имя его не запяталось никогда даже тѣнью какого-либо укора. Неужели же этотъ челоуѣкъ лгалъ именно въ заветнѣйшей сферѣ своей дѣятельности, въ святынѣ своего поэтическаго міра? Лучшимъ отвѣтомъ на это могутъ послужить не только его стихотворенія,—но даже эпохи, когда онъ писалъ ихъ. Въ жизни Хомякова есть длинныя пробѣлы, когда поэтъ смолкалъ на нѣсколько лѣтъ. Это происходило не отъ чего иного, какъ отъ того, что онъ писалъ свои стихотворенія не по капризу, не по тому, что ему легко давался стихъ, а создавалъ ихъ только тогда, когда внутренняя потребность сказать свое слово пробуждалась въ его душѣ, преисполненной чувства, въ его умѣ, гдѣ созрѣла новая мысль. Послѣ смерти Пушкина, Хомяковъ почти въ три года не написалъ ни одного стихотворенія. Затѣмъ лира его пробуждается только изрѣдка, что не мѣшаетъ ему слагать превосходныя пѣсни. Промшества конца сороковыхъ годовъ пробуждаютъ ее. Послѣ новаго молчанія, изрѣдка прерываемаго по поводу особыхъ обстоятельствъ и знаменательныхъ моментовъ въ жизни челоуѣчества, Хомяковъ опять является на поэтическомъ поприщѣ въ началѣ послѣдней войны. Съ тѣхъ поръ голосъ его раздается, среди общаго всесторонняго оживленія родины, уже непрерывно до самаго конца жизни поэта. Послѣдняя пѣснь его есть поэтическое пророчество, можетъ быть лучшее изъ его стихотвореній (стр. 147):

Помнишь, по стезѣ нагорной
 Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
 А полнеба тучей черной
 Съ полуденъ заволокло;
 По стезѣ песокъ горячій
 Ноги путниковъ сжигалъ,
 А изъ тучи, вихрь летучій
 Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ и быть ударамъ!
 Быть сверканью въ облакахъ,
 И ручьямъ по крутоярмъ,
 И потокамъ на лугахъ!
 Быть грозѣ! Но буря злая
 Скоро силы истощитъ,
 И сіяя, золотая
 Зорька въ небѣ погоритъ.

И въ объятія кроткой ночи
 Передастъ покой земли,
 Чтобы зорко звѣздны очи
 Сонъ усталой стерегли,
 Чтобы съ востока утромъ рано,
 Загараясь въ небесахъ,
 Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны
 Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь съ полудня темной
 Тучей кроетъ небеса:
 И за тишь вѣроломной
 Притаилась гроза.
 Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
 Передъ бурей роковой;
 Вскорѣ, вскорѣ въ бранномъ спорѣ
 Закипятъ весь міръ земной:

Чтобъ страданьями—свободы
 Покупалась благодать,
 Чтобъ готовились народы
 Слову истины внимать;
 Чтобы гласъ ея пророка
 Могъ проникнуть въ духъ людей,
 Какъ глубоко лучъ съ востока
 Грѣетъ влажный тукъ полей.

Въ послѣднія пять или шесть лѣтъ своей жизни написалъ Хомяковъ рядъ тѣхъ своихъ произведеній, которыя особенно прославили его въ публикѣ; до того времени онъ нѣсколько смутно представлялся строгія черты его цѣломудренной музы. Поэтическое наслѣдіе Хомякова не велико по количеству, но состоитъ изъ чистаго золота. Онъ самъ мало напечаталъ изъ первыхъ своихъ поэтическихъ опытовъ, которые восходятъ до 1821 года, и не сохранилъ даже ихъ рукописей. Принимая участіе въ разысканіи и собраніи стихотвореній Хомякова послѣ его смерти, я былъ изумленъ, какъ мало по числу осталось его стихотвореній. Друзья его, которымъ было близко извѣстно все, что имъ было написано и даже оставалось въ рукописи, при всѣхъ стараніяхъ своихъ собрали доселѣ не болѣе какъ сто стихотвореній, обнимающихъ собою сорокалѣтній періодъ времени. Не лучший ли это признакъ того, что Хомяковъ писалъ только по неотступному вдохновенію? Онъ вдохновлялся только отъ прикосновенія жизненнаго духа, вѣявшаго на него въ минуты, возвѣщавшія ему оживленіе надеждъ челоѣчества и внушавшія ему высокіе помыслы о судьбахъ родины и страждущихъ братьевъ, которыхъ онъ такъ горячо, такъ беззаѣтно любилъ. Поэзія Хомякова въ этомъ отношеніи можетъ по справедливости назваться подвигомъ гражданскимъ. Онъ былъ всегда на сторонѣ слабыхъ и угне-

тенныхъ, и пѣсни его оживляли надеждой и утѣшеніемъ даже тѣхъ единоплеменниковъ, которые далеко отъ насъ много вѣковъ страдаютъ подъ игомъ иноземцевъ, и у которыхъ стихи его едва ли не болѣе популярны чѣмъ между нами. Подвигъ—вотъ къ чему стремились постоянно помыслы поэта; въ совершеніи его видѣлъ онъ призваніе человѣка и лучшую его отраду. Стремленіе эго разлито по всѣмъ его стихотвореніямъ и особенно ярко высказано въ слѣдующей піесѣ (стр. 142):

Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Лучшій подвигъ въ терпѣннѣ,
Любви и молебъ.

Если сердце заняло,
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной,
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилія,
Выше мраковъ земныхъ;
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

Такое сознаніе условій, дѣлающихъ подвигъ полезнымъ и святымъ, простекало у Хомякова изъ того высоко-христіанскаго чувства братолюбія, которое присуще ему всегда, вездѣ, даже когда онъ казнить гордыню и обращается къ тѣмъ враждебнымъ силамъ, которыя гнетомъ своимъ подавляютъ развитіе чело-вѣчества. Сила бичеванія такихъ явленій у Хомякова поразительна. Но въ ней никогда не слышится голосъ непримиримой ненависти. Вы видите, что лучшимъ средствомъ для побѣды надъ врагами истины и свободы, онъ считаетъ, какъ воспѣтый имъ Давидъ, не грубую силу, но слово правды и сознаніе ея въ сердцахъ. Вы чувствуете, что, въ случаѣ побѣды, крикъ его будетъ не «горе побѣжденнымъ», а «прощеніе обидѣ». Въ самомъ пылу боя онъ произноситъ «слово на примиреніи», обращаясь къ противникамъ съ напоминовеніемъ о средствахъ для нихъ примирить себя съ Богомъ и людьми, возненавидѣвъ свои преступленія и чистосердечно въ нихъ покаившись. Въ подтвержденіе этихъ словъ, можно привести многое изъ его

стихотвореній. Для примѣра приводится здѣсь одно превосходное стихотвореніе его, написанное въ 1851 году (стр. 106)

„Мы родъ избранный, говорили
Сіона дѣти встарину,
Намъ Божья сила осушила
Морей волнистыхъ глубину.

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ, и огонь, какъ Божье знамя,
Въ вустыняхъ намъ казали путь.

„Намъ камень лилъ воды потока,
Дождями манной небеса;
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса.“

Не терпѣть Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говорить:
„Мы соль земли, мы столбъ святыни,
Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ.“

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечеть рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спать умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробуждала
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не ридилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Къ нему возносить оуміамъ;

Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!

Стихотвореніе, сейчасъ приведенное, дышетъ глубоко усвоеннымъ библейскимъ духомъ, которымъ проникнуты въ высокой степени многія изъ позднѣйшихъ и лучшихъ произведеній Хомякова. Прочтите пѣсы: «Видѣніе» (стр. 72), «Давидъ», (стр. 89), «Навуходоносоръ» (стр. 102), «По прочтеніи псалма» (стр. 130), «Широка, необозрима» (стр. 133), «Поле мертвыми костями» (стр. 143) и др., и васъ поразитъ вѣяніе этого духа, который соединился однако съ полною самобытностію дарованія поэта.

Истинное призваніе Хомякова заключалось именно въ этомъ родѣ поэзіи. Въ такихъ пѣсахъ главное право его на самое почетное мѣсто между русскими поэтами, жившими въ теченіи послѣдняго

двадцатилѣтія, во время котораго онъ, по выраженію одного цѣнителя его произведеній, не написал *ни одного вразумнаго стиха*.

Такое направленіе обнаружилось въ Хомяковѣ уже въ началѣ его поэтическаго поприща. Его причисляли тогда къ плеядѣ Пушкина, но это вѣрно только относительно его стиха, а сущность его поэзій уже и въ то время отличалась отъ господствовавшаго въ литературѣ духа. Сочувствіе къ народной независимости живо овладѣло имъ, когда онъ былъ еще шестнадцатилѣтнимъ юношей; онъ воспѣлъ греческое возстаніе и даже самъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, чтобы сражаться за святое для него дѣло. Конечно, событія въ Греціи были привѣтствованы всѣми благородными и пылкими сердцами, но едва ли встрѣчалось много примѣровъ подобнаго энтузіазма, особенно въ юношахъ, только что выходившихъ изъ отрочества. Хомяковъ всю жизнь былъ вѣренъ, такъ-сказать, прирожденной ему идеѣ. Онъ относился къ великимъ событіямъ исторіи совершенно иначе чѣмъ остальные представители нашей поэзій; не увлекался только, какъ художникъ, красотой или величіемъ того или другаго явленія; но даромъ какого-то поэтическаго прозрѣнія проникалъ въ его глубь, въ его сущность, раскрывая въ немъ подъ его блестящею обстановкой сокрытый смыслъ, затемненный минутою, и сѣмя иныхъ событій въ далекомъ будущемъ. Онъ былъ какъ бы «vates», какъ называли поэтовъ древніе. Сравните его «Оду» (стр. 30), написанную въ 1831 году, съ современными стихотвореніями даже благороднѣйшихъ тогдашнихъ поэтовъ, Жуковскаго и Пушкина, и вы увидите разницу воззрѣній и вдохновенія Хомякова отъ общаго потока, увлекашаго его собратьевъ, упоенныхъ успѣхами, за которыми они не видѣли другой стороны явленія, составлявшей настоящую его сущность, въ глазахъ Хомякова. Эта оригинальность его дарованія развивалась болѣе и болѣе съ лѣтами.

Стихъ Хомякова сложился преимущественно въ форму строгую, вполне согласную съ строемъ работавшихъ въ немъ мыслей. Но не должно думать, что лира его не умѣла звучать иными струнами. Она воспѣвала когда-то и любовь, и красоту, и природу, и умѣла плѣнять прелестію и роскошью другаго рода поэзій. Таковы напр. стихотворенія его: «Сонетъ» (стр. 11), «Изола-Белла» (стр. 21), «Къ *» (стр. 45); таковы поэтическія описанія въ «Ключѣ» (стр. 53), въ «Островѣ» (стр. 56) и другихъ пѣсняхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Хомяковъ сознавалъ цѣнну своего поэтическаго таланта, но едва ли былъ на свѣтѣ поэтъ, который бы заботился менѣе его о своей славѣ. Онъ читалъ свои стихи немногимъ близкимъ, по большей части только вслѣдствіе ихъ просьбъ, и почти никогда не говорилъ о своихъ произведеніяхъ, хотя лю-

близъ страстно поэзію, забывался отъ восхищенія, читая гармоническія строфы Жуковскаго, Пушкина, и отставая отъ несправедливыхъ нападокъ стихи друга своего Языкова, котораго любилъ равно и какъ человѣка, и какъ поэта. Даже въ молодыхъ лѣтахъ Хомяковъ не терся непрерывно на глазахъ у публики. Стихотворенія его уже въ 1827 или 1828 годахъ являются въ печати группами, между которыми проходили долгіе промежутки времени. Кажется, будто эти стихотворенія вырывались у поэта издателями журналовъ почти насильно, безъ чего имъ еще долго было бы суждено лежать подъ спудомъ. Такая особенность замѣтна и позднѣе. Что касается до собранія своихъ стихотвореній въ особую книгу, то Хомяковъ никогда о томъ не заботился. Онъ не принималъ никакого участія въ изданіи вышедшей въ 1844 году въ Москвѣ книжки in-12: «*къ стихотворенію А. С. Хомякова*». Ее издалъ родственникъ его, покойный Валуевъ, и помѣстилъ въ ней нѣкоторыя его стихотворенія по своему вкусу, точно такъ же какъ онъ сдѣлалъ это тогда при напечатаніи подобной же книжки подъ заглавіемъ «*из стихотвореній Н. М. Языкова*». Наконецъ, если не ошибаюсь, въ 1852 году, заботливые друзья уговорили его согласиться на изданіе его стихотвореній, но разныя обстоятельства мѣшали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ исполненію этого предпріятія, къ которому у Хомякова какъ-то не лежало сердце. Около года тому назадъ, я говорилъ Хомякову о томъ, какими подаркомъ для любителей поэзіи была бы такая книга, которой изданіе притомъ не стоило бы ему никакихъ хлопотъ, потому что друзья его съ радостію избавили бы его отъ собиранія матеріала, типографскихъ, корректурныхъ и прочихъ докукъ. Онъ далъ мнѣ полуобѣщаніе заняться этимъ осенью, по возвращеніи изъ деревни. Но пришла осень и не возвратила намъ его, а принесла горестную вѣсть о его кончинѣ. Ровно черезъ полгода послѣ нея, день въ день, вышла въ свѣтъ эта столь многими долго ожидавшаяся книга, и извѣстіе о ея появленіи отравлено грустнымъ чувствомъ потери, которую понесла наша поэзія со смертію Хомякова.

Изданіе стихотвореній Хомякова обличаетъ заботливую руку дружбы и признаки почтительной любви къ памяти поэта. Оно исполнено съ замѣтнымъ уваженіемъ къ этой славѣ, чистой и своеобразной. Внѣшняя роскошь изданія не помѣшала назначенію за экземпляръ баснословно-дешевой цѣны, дѣлающей доступною всякому эту книгу. Текстъ стихотвореній тщательно пересмотрѣнъ. Онъ состоитъ изъ 75 пѣсень, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и выбранныхъ изъ числа тѣхъ ста стихотвореній, о которыхъ говорено выше. Издатели сочли справедливымъ не печатать тѣхъ въ произведеній юности поэта,

которыя не прибавятъ ничего къ его славѣ, и имѣя интересъ чисто-библіографическій, будутъ помѣщены въ своемъ мѣстѣ, въ полномъ собраніи сочиненій Хомякова. Въ нынѣшнемъ изданіи читатели найдутъ 64 пьесы, напечатанныя при его жизни, съ 1826 по 1859 годъ; 3 стихотворенія, напечатанныя послѣ его смерти во 2 книгѣ *Русской Бесѣды* 1860: «Въ альбомѣ В. В. Ганяѣ» (стр. 93), «Къ Россіи» (стр. 122) и «Раскалявшейся Россіи» (стр. 124); наконецъ 8 пьесъ, никогда еще не бывшихъ въ печати: «Зима» (стр. 23), «Ода» (стр. 30), «Лампада поздняя горѣла» (стр. 61), «Не говорите: то былое» (стр. 90.), «Надпись къ картинѣ» (стр. 97), «Навуходоносоръ» (стр. 102), «Воскресеніе Лазаря» (стр. 111) и «Вставайте, оковы распались» (стр. 113), читанное М. П. Погодинымъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 26 февраля 1861 года.

Поэтъ теперь весь передъ судомъ публики и критики. Какъ будетъ этотъ судъ? Можно почти безошибочно предсказать, что голосъ предубѣжденныхъ и несправедливыхъ замолкнетъ въ нихъ самихъ передъ этою чистою поэзіей, передъ невозвратностью утраты поэта. Не будутъ ли вѣщія пѣсни его знаменемъ примиренія борющихся партій, тѣмъ «словомъ на миръ», которое, какъ сказано было, слышалось въ стихахъ Хомякова? Не хочется вѣрить, чтобы мы были неспособны къ такому безпристрастію, о какомъ разказалъ намъ, на дняхъ извѣстный французскій писатель, г. де-Бомонъ, говоря объ умершемъ другѣ своемъ, благородномъ, славномъ Таквилѣ, описывая беззапятную дружбу его къ графу Керголе, и уваженіе его къ уму, познаніямъ и совѣтамъ челоуѣка, политическія и социальныя убѣжденія котораго отдѣлялись цѣлою бездною отъ мнѣній и воззрѣній знаменитаго автора *Демократіи въ Америкѣ*, (*Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville*, Paris, 1861, tome 1, page 98.) Нѣтъ, можно быть убѣжденнымъ, что поэзію Хомякова не встрѣтатъ уже враждебные голоса, и что чудные стихи его безспорно займутъ законное свое мѣсто въ числѣ избранныхъ произведеній нашей литературы.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.

25-го марта 1861.

Солдатская Бесѣда, 1860 года. А. Погосскаго.

Издатель и въ то же время авторъ небольшихъ книжечекъ, которыхъ заглавіе здѣсь выписано, предпринялъ весьма полезное дѣло: занимать досугъ русскаго солдата чтеніемъ, способнымъ развивать его умственно и нравственно. Но сколько дѣло это полезно, столько же оно и трудно. Для него необходимы талантъ самостоятельный, подробное знаніе солдатскаго быта, умѣнье понимать духъ читателей и выражаться языкомъ, для нихъ доступнымъ. Всѣ эти качества неходимъ мы въ *Бесѣдѣ* г. Погосскаго. Уже ихъ однихъ было бы достаточно, чтобы дать ему право на почетное мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Въ разказахъ даровитаго автора, русскій солдатъ не представляется уже тѣмъ существомъ особаго рода, какимъ нѣкогда старались изображать его наши военные историки и моралисты. Его герои—не богатыри, выкрененные по сказочнымъ типамъ, не гиганты, созданные фантазією подъ вліяніемъ фальшиваго патріотизма. Его «Назарычи, Савельичи, Кулики да Калинины—народъ все больше невзрачный, тихій, не хвастливый»; это все люди, которые «тутъ же, о-бокъ насъ живутъ», люди, большею частію остающіеся незамѣченными съ ихъ внутренней стороны даже тѣми, кто, по своимъ обязанностямъ, находится въ близкихъ, постоянныхъ сношеніяхъ съ ними. Это люди, которые если и обращаютъ на себя вниманіе, то больше какъ фельдфебели и ефрейторы, какъ портные и сапожники, какъ фланговые и ординарцы; которые пріобрѣтаютъ свое особенное значеніе только въ итогахъ, вовсе не имѣя его какъ единицы; люди, внутри души которыхъ дано проникать только тѣмъ, для кого названіе человѣка—не пустое слово. Г. Погосскому пришла именно счастливая и благая мысль заглянуть въ душу нашего солдата и извлечь изъ нея тѣ свойства, которыя, подъ вліяніемъ всей обстановки солдатской жизни, служатъ причиною поступковъ, темныхъ, проявляющихся въ средѣ весьма тѣсной, но тѣмъ не менѣе связанной съ общею жизнію всего народа. «Пять лѣтъ мно проходишь съ нимъ (съ солдатомъ), объ локоть, пишетъ г. Погосскій: ну, видишь, что хорошій человѣкъ, а больше ничего не замѣчаешь. А придетъ случай—глядишь: онъ и встанетъ передъ тобой въ такой красотѣ душевной, такую добродѣтель окажетъ, ни передъ какимъ зломъ невреклонную, что подивившись ты невзрачному человѣку этому, и за большое счастье сочтешь называть его равней, товарищемъ своимъ. И въ отставку уйдешь, и состарѣешься, какъ хрѣнъ подъ снѣгомъ,

и не разъ разкажешь любопытнымъ людямъ: «вотъ, молъ, скажу я вамъ, былъ у насъ въ полку, въ тысяча-восемь-сотъ-такомъ-то году, солдатикъ немудренькой, а сдѣлалъ вотъ какое дѣло!... И таково будетъ это дѣло, что и ты помрешь, и кто тебя слушалъ, и тѣ въ землѣ будутъ, и могилы ваши бльемъ поростутъ, а разказанное дѣло твоего товарища немудренькаго будетъ жить-жить, и еще праправнуки твои будутъ слушать о хорошемъ дѣлѣ этомъ. И будетъ это хорошее дѣло на поконъ вѣка наукой и старому и малому.» Не пропадаетъ дѣло человѣческое—вотъ какую простую, но въ то же время плодотворную мысль хочеть г. Погосскій укоренить въ убѣжденіи своихъ простыхъ читателей, для того чтобы заставить ихъ повѣрить въ необходимость доброй нравственности. И онъ убѣждаетъ ихъ не пустозвонными наставленіями, а разказами, такъ ловко и удачно рисующими жизнь, что они запечатлѣны характеромъ не вымысла, а чистой были. Опираясь на почву правды, талантливый авторъ отбросилъ въ сторону «волшебныхъ князей да героевъ», а беретъ «богатырей» своихъ «въ мелкихъ чиновъ, въ людей совсемъ неважныхъ», объясняя такое предпочтеніе весьма справедливо тѣмъ, что «въ добрѣ, въ краснѣ, да въ почестяхъ богатырствовать—дѣло не мудрое: всякій потрафитъ. А вотъ поди-ко попробуй самъ-на-самъ съ бѣдой потягаться, безъ всякой помощи! Коли голыми руками бѣду одолѣешь, ну такъ прямой ты богатырь! Это вѣрно.»

Въ шести книжкахъ *Солдатской Бесѣды* на 1860 годъ помѣщены, между прочимъ, два разказа: *Господинъ Колодникъ* и *Пасестра Тамька*, содержаніе которыхъ мы передадимъ читателямъ, еще не успѣвшимъ познакомиться съ талантомъ почтеннаго автора. Мы увѣрены, что эти разказы могутъ занять не однихъ простыхъ людей, для которыхъ написаны: такъ много общечеловѣческаго въ изображенныхъ авторомъ личностяхъ. Предлагаемыя выписки покажутъ, какъ оригиналенъ бойкій, картинный языкъ *Бесѣды*, далеко не похожій на поддѣлки подъ говоръ простаго народа, въ которыхъ такъ напрасно хотѣли видѣть русскую народность.

Содержаніе обѣихъ повѣстей взято изъ солдатскаго быта. Въ *Господинъ Колодникъ* разказывается, какъ съ виду очень не мудреный рядовой солдатъ Аѳанасій Куликъ спасъ отъ конечнаго раззоренія крестьянскую семью, гдѣ долгое время стоялъ онъ на квартирахъ, какъ помогалъ онъ эгой семьѣ въ ея нуждахъ, удѣляя свою послѣднюю трудовую копѣйку, какъ, защищая ее отъ злыхъ людей, даже рисковалъ своимъ добрымъ именемъ и честною службой.

Семь лѣтъ кряду стоялъ карабинеръ Аѳанасій Куликъ въ

избѣ у небогатаго крестьянина Симоха Кочерыжки, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ. Честный и почтенный былъ человекъ этотъ Аеанасій Куликъ.

-Привыкъ онъ къ семьѣ своего хозяина, и всѣ семьѣ привыкла къ нему, какъ къ родному. Уйдетъ, бывало, на учебы—такъ ребятишки ждуть его, да по часу дрогнуть, въ конопляхъ притаившися, и какъ зайцы поглядываютъ на тропинку, которая спускалась въ оврагъ и терлась тамъ въ густомъ поростникѣ. И вдругъ, дружно вскрикнуть: «идеть, идетъ!» бросаются со всѣхъ ногъ къ оврагу, а изъ-за крутой окраины этого оврага, какъ шило, торчатъ да поколыхиваются свѣтлый штыкъ.

— Дядя Фанасъ, дядя Фанасъ идетъ! вопять ребятишки, и въ самомъ дѣлѣ, за штыкомъ показывается фуражка, голова, и весь дядя Фанасъ носатый. Ласковымъ голосомъ встрѣчаетъ онъ маленькую толпу: «здорово, цыплата!» И какъ коршунъ въ стаѣ чиликающихъ кругомъ него ласточекъ, возвращается нашъ Куликъ, въ толпѣ ребятишекъ, къ своей избѣ.

-Почти каждый день отбывалась все одна и та же встрѣчная церемонія, но ни ему, ни дѣтямъ она не надѣдала: всегда и всѣ были очень ради. Чему бы тутъ и радоваться, кажется? Но у добрыхъ и дѣтскихъ душъ уже такая привычка: изъ каждыхъ пустяковъ сочинять себѣ радость ¹.

Деревня, гдѣ жилъ крестьянинъ Симоха, находилась въ Бѣлоруссіи, часто страдающей голодомъ. Не рѣдко случалось, что съ весны большая часть ея населенія, не имѣя возможности прокормиться на родинѣ и не желая умереть голодною смертію, отправлялась съ котомкой на плечахъ по разнымъ странамъ, питаться *Христовымъ именемъ*. Куликъ былъ тоже Бѣлоруссъ и сильно любилъ свою родину, «свою бѣдную красавицу, свои пески теплые, боры шепчущіе, рѣчки звонкія...» Голодъ, посѣтившій Бѣлоруссію во время стоянки въ ней Гренадерской дивизіи, сильно отозвался въ Симохиномъ семействѣ, въ которомъ настоящимъ рабочимъ былъ только самъ хозяинъ. Куликъ помогалъ ему сколько позволяли его служебныя обязанности и отлучки на ротный дворъ и въ караулы. Но непосильные труды, постоянное голоданье, хлѣбъ изъ макины и папортника одолѣли бѣднаго труженика Симоху и дали просторъ разгуляться злему недугу. Онъ сталъ западать здоровьемъ.

-Разъ къ ночи, вернувшись съ возомъ дровъ изъ лѣсу, похрапѣлъ, похрапѣлъ на печи, да и слегъ съ перетуги. Сосеть, говорить, подъ сердцемъ у меня, да ногъ и спины не слышу! и растянулся какъ пласть; по ногамъ у него прошла пухлина ².

-И вотъ однимъ вечеромъ, только что Куликъ присѣлъ къ лавкѣ,—сапожонки рекрутскіе давно надо было починить,—какъ въ избу вошла хозяйка, подошла къ нему, наклонила свое заплаканное лицо и шепнула ему что-то на ухо.

¹ Ж I, стр. 9—10.

² Ж I, стр. 51.

-Куликъ всталъ и ушелъ въ комору. Тамъ было почти совсѣмъ темно; въ углу на тапчанѣ лежалъ подъ кожухомъ хозяинъ и стоналъ. Куликъ отозвался, но хозяинъ продолжалъ стонать; черезъ нѣсколько минутъ онъ кашлянулъ трудно и спросилъ слабымъ голосомъ:

— Ты, Селиверстычъ?

— Я, братъ Симоха!

— Охъ-ти мнѣ, тяжело! и опять Симоха долго стоналъ, какъ будто собирающись съ силами. Куликъ стоялъ сложа руки и молчалъ; въ темнотѣ нельзя было разглядѣть больного.

Наконецъ хозяинъ повернулся маленько, откашлянулъ, и заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Часъ мой надходить, рѣднѣй ты нашъ, Афанась Селиверстычъ! Почти за каждымъ словомъ онъ стоналъ, но говорилъ внятно. — Малышей оставляю, жонку болѣзную, и большіе не въ полной силѣ... и опять приостановился Симоха.

— Никто какъ Богъ, братъ ты мой, промолвилъ Куликъ.

— А только жъ и надежи! Господи, Господи! бормоталъ больной: — а ужъ не оставъ же ты ихъ, кормилецъ нашъ!..

— Будь спокоенъ, Данилычъ, это ужъ извѣстно!.. — Больной въ это время закопошился стоная, и Куликъ замѣтилъ въ темнотѣ протянутую къ нему руку. Онъ взялъ ее и пожалъ слегка: рука была холодна и суха.

— Не тревожься, Семенъ! промолвилъ Куликъ, но хозяинъ еще усиливался привстать и не могъ. Опустившись, опять заговорилъ онъ замирающимъ голосомъ:

— А и помереть мнѣ легче таперя: обнадежилъ ты меня за нихъ-то... Крѣпко сжалъ Куликъ высохшую руку больного и сказалъ: — Вотъ тебѣ слово, — видать Богъ, чтѣ могу — сдѣлаю!

«За этимъ послышался только слабый, протяжный вздохъ Симохи и тихій шепотъ молитвы. Онъ замолкъ. Прислушался Куликъ — Семенъ дышалъ протяжно, какъ будто сонный.

-Перекрестился солдатъ, потяхоньку вышелъ за дверь и притворилъ ее.

— А чтѣ? шепотомъ спросила хозяйка, встрѣтивъ его въ сѣняхъ.

— Ничего, уснулъ!

-Куликъ сдѣлалъ шага два по избѣ и остановился. Подперся онъ руками подъ боки, свѣсилъ голову, призадумался съ минутою и обвелъ медленнымъ взоромъ всѣхъ будущихъ сиротъ. Насуплены были брови солдата, наморщилось его черствое лицо, — но во взглядѣ былъ тотъ привѣтливый свѣтъ, котораго не замѣчаютъ озабоченные люди, но на который дѣти всегда отвѣчаютъ ясной улыбкой.

«Самый меньшой мальчишка весело подбѣжалъ къ Кулику съ поднятыми ручонками: солдатъ положилъ ему на голову свою жилистую руку.

-Поздно вечеромъ приходила сестра хозяина, хотѣла попрощаться съ братомъ. Больной не просыпался. Приходилъ еще сродникъ, погоревалъ и о немъ и о своей больной женѣ

-Передъ ночью, всѣхъ дѣтей водила хозяйка въ комору; Симоха былъ въ памяти, благословилъ ихъ. А передъ самымъ свѣтомъ, плачущая хозяйка разбудила Кулика:

— Хрипота подходить, ужъ приди, рѣднѣй! Куликъ накинулъ шинель, пришелъ въ комору и засталъ только послѣдній вздохъ умирающаго. Хозяйка голосила глухимъ голосомъ, прижавъ лицомъ къ груди мужа. Орника и Степка плакали горько тутъ же. Ребятишки спали.

-Въ трудную годину оставилъ Симоха сиротъ; чувствовалъ онъ это хорошо

передъ смертью: какъ лотребъ шеть горячую кровь и рвотъ трепещущаго голубя, такъ эта думка клевала ему мезгъ, терзала сердце ¹.

Жить вдовѣ стало еще тяжелѣе, когда, вскорѣ послѣ смерти Симохи, рота Куликова вышла изъ деревни въ полковой штабъ для занятія карауловъ и для смотра. Горю и страданіямъ не было разсвѣта... Несчастье слѣдовало за несчастьемъ: Оришу, семнадцати лѣтнюю пригожую дочь покойнаго Симохи, задумалъ обезчестить сынъ цѣловальника сосѣдняго кабака, разгульный и бойкій дѣтина, обезславившій на селѣ не одну дѣвицу и молодуху. Дѣло съ Оришей однакоже не удавалось ему, несмотря на всѣ его проски и хитрости. Вдова черезъ пріятеля Кулика, рядоваго Михеича, стоявшаго въ семействѣ отца Сеньки, молодаго парня, милаго Оринки, знала о намѣреніяхъ цѣловальникова сына. Несмотря на то, что Хлыстиха, правая рука цѣловальника и его сына, баба гадкая, готовая на всевозможныя мерзости, постоянно подѣзжала къ матери Ориши, съ тѣмъ чтобъ она отпустила дочь свою съ ней погулять и повеселиться вмѣстѣ съ дѣвчонками изъ Замошья, послѣдняя не соглашалась на это. Тогда Хлыстиха научила сына Куклы (такъ звали цѣловальника) прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Съ помощію дряннаго мужичонка, пьянчужки Тараса Сыча, крестьянина той же деревни, гдѣ жила и вдова Симохи, подкинули цѣловальниковы вещи брату Ориши, Степкѣ, и обвинили его въ воровствѣ. Бѣдная вдова, и безъ того убитая горемъ, впала въ совершенное разстройство и потеряла окончательно свои послѣднія нравственныя силы, когда узнала, что сынъ ея воръ, и что его подъ карауломъ повели къ допросу, а скоро засадятъ и въ тюрьму. Разобрать дѣло въ настоящемъ его видѣ было некому: Куликъ, какъ извѣстно, находился въ полковомъ штабѣ и ничего не зналъ объ этомъ происшествіи. А Хлыстиха, пользуясь суматохой и разстройствомъ бѣдной женщины, обезпамятѣвшей отъ такой неожиданности, подступила къ ней съ ласковыми, утѣшительными рѣчами, и просила отпустить съ собой Оринку, для того чтобы вмѣстѣ съ ней пасть въ ноги Куклѣ и просить его помилованія Степкѣ. Вдова согласилась. Злое намѣреніе подходило къ концу. Но Куликъ, отпросившись у фельдфебеля на день по очень-нужному дѣлу, явился въ квартиру становаго и, объявивъ себя укравшимъ цѣловальниковы вещи, требовалъ освобожденія Степки. Кулику набили на ноги колодки, и въ этомъ видѣ отправили какъ арестанта, съ позоромъ... Дѣло однакоже разъяснилось скоро, и Куликъ за свой поступокъ приобрѣлъ у товари-

¹ № I, стр. 53—57.

ней и у крестьянъ деревни, гдѣ жила вдова, еще большее къ себѣ уваженіе и большій почетъ.

Содержаніе втораго разказа составляетъ жизнь пасестры Таньки, которая красоту и молодость, горячее сердце и добрую душу принесла въ жертву разгуду и разврату, и сдѣлалась неизмѣнною спутницей солдатскихъ попоекъ и ночлеговъ.

Въ этомъ разказѣ проведена самая христіанская мысль о тепломъ участіи къ людямъ, о помощи и состраданіи къ падшимъ,—мысль, что какъ бы, на первый взглядъ, ни былъ развратенъ и грязенъ человѣкъ, все-таки презирать его не слѣдуетъ, потому что жизнь слагается подъ вліяніемъ неумолимыхъ обстоятельствъ, не такъ, какъ бы хотѣлось иногда самому человѣку.

Прижитая вдовою съ постояльцемъ-солдатомъ, бравымъ Калыничемъ, выростала Танька подъ гнетомъ бѣдности; домишко вдовы валялся, подчасъ не водилось въ немъ даже корки хлѣба, а къ этому прибавлялись еще презрѣніе и насмѣшки сосѣдей надъ *солдатскимъ племенемъ*, какъ называли они Таньку, пересуды злыхъ языковъ, не дававшихъ житья бѣдной вдовѣ, которая напрасно стала бы просить у зажиточныхъ крестьянъ помощи и заступничества въ своемъ одинокомъ положеніи. Между тѣмъ Танька съ каждымъ годомъ расцвѣтала и хорошѣла больше и больше. «И не замѣтно, изъ тоненькой, стройной, какъ хворостинка лѣсная, дѣвчонки, она стала выростать и складываться въ такую красоту, что ужъ начали зариться люди; округлились и пополнились ея тонкія плечи; шире и растрюбиствѣ падали изъ-подъ пояса складки сарафанишка худого, и повыше вздувалась на груди сорочка складочками, а коса—и куда ушла ниже пояса¹.» Пришла и пора любви. Но гордый отецъ милаго Таньки силою женилъ сына на другой, а сама она стала подвергаться не заслуженному позору и безчестью: то тысяцкій, дядя ея любезнаго, грубо, съ бранью выталкиваетъ ее съ церковной паперти, гдѣ она, скрываясь за толпой во время вѣнчанія своего желаннаго, хотѣла взглянуть на него въ послѣдній разъ; то самъ отецъ его, уже послѣ свадьбы сына, пьяный, отправляется къ взбушкѣ Таньки и срамить ее на все село.

Со смертію матери жизнь сироты стала еще хуже. Кривая и злая тетка продала ее на безчестье, съ помощію какой-то деревенской бабуси. Усатый господинъ, въ бухарскомъ халатѣ и въ ермолкѣ съ кисточкой, насильно и обманомъ напоилъ Таню до безпамятства, первый открылъ ей дорогу къ разврату. Четыре дня держалъ у себя Таньку усачъ. Наконецъ вернулась она домой.

¹ № IV, стр. 253.

— Прямо къ постели своей подошла она, уткнулась лицомъ въ подушку — и полилась рѣкой безполезныя слезы!.. Обняла она, смочила ими пухъ своей подушки дѣвчечь; стоны, рыданья спирались у нея въ горлѣ, отбивались горечью жолочно; больно горѣли глаза, словно они кровью плакали; надрывалась грудь, точно камень холодный всталъ поперегъ тамъ и не давалъдохнуть. И привидилось ей, что надъ самую голову ея рѣветъ и колыхается самъ *смылъ* грозный, беспощадный, и молвитъ беззвучныя рѣчи:

— Я ль не делалъ въ чистотѣ красоту твою дѣвчью; я ль не берегъ тебя отъ глазу чернаго, отъ лихаго изуроченья!

— Румянцемъ, алге заря небесной, окрывалъ я дѣтскій ликъ твой; темнѣе ночи темной рѣсницами заслѣнялъ отъ соблазна невинный взглядъ твой! И былъ восторожѣ, вѣрный, ни на шагъ неотступный, всегда и вездѣ съ тобой!...

— Трепетала дѣвка, свою же лютую думу слушая, и каждое слово этой думы такъ и впадалось въ ея памяти:

— Продада, пропала, прогнала ты меня, безстыжая; прощай же! Все будетъ у тебя безъ меня: и деньги, и радости, и забавы веселыя, только не будетъ *стыда женскаго, чести дѣвчечьей*, и имя тебѣ—дрянь!..¹

Годъ еще крѣпилась послѣ этого Танька, отгоняя отъ себя разныхъ деревенскихъ бабусь, снова подъѣзжавшихъ къ ней съ предложеніями прогуляться и повеселиться гдѣ-нибудь на праздникѣ. Но нужда, сиротское, беззащитное положеніе доѣли таки ее въ-конецъ и заставили еще глубже опуститься въ тотъ омутъ, въ которомъ толпа, не размышляя ни о чемъ, не допуская никакихъ облегчительныхъ обстоятельствъ, клеймитъ падшую одними позорными именами. Въ повѣсти, напротивъ, мы встречаемъ сожалѣніе, состраданіе къ виновной, но въ то же время несчастной дѣвушкѣ; вездѣ выдается мысль, что не слѣдуетъ обвинять человека безусловно, не доскаввшись до его отдаленнаго прошлаго и не узнавъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ росъ и дѣйствовалъ.

... Никому нельзя было слишкомъ строго осудить свихнувшуюся сироту. Не эти ли сама богатія осуждающіе проходили мимо убожества, мимо вистѣвшей, какъ капля на листья, лачуги нищей вдовы, только дивясь, какъ это она держится да въ обрывъ не падаетъ? Не они ли, сытые и безбѣдные, глядѣли и какъ будто не понимали, что тутъ живутъ люди голодные и холодные; что кромѣ Бога да слабыхъ рукъ голыхъ никого и ничего у нихъ нѣтъ? Да не они ли же, наконецъ, позорно оттолкнули ничего не просящую дѣвушку за то только, что она пригожа, какъ цвѣтокъ полевой, какъ свѣжая ягодка?

„Грѣхъ насестрѣ Танькѣ, большой грѣхъ! слова нѣтъ; ну да и никому же этотъ грѣхъ не во спасенье.

„Не на то тебѣ, богачъ гордый, Богъ добро даетъ, чтобы забылъ ты всѣ потребности бѣдности. Не на то тебя люди убажуютъ, чтобы ты ахалъ да головой качалъ надъ безпутствомъ чужимъ, тобой на путь не постановленнымъ, а иногда тобою же и съ пути сбитымъ. Не пришлось бы тебѣ, богачѣй, каждый грѣхъ бѣдняка ближняго пополамъ съ нимъ на себя дѣлить!..

¹ Ж IV, стр. 299—300.

- Много васъ, люди замомные! Безъ числа насъ, братцы, люди сытые— а и нѣтъ-какъ-нѣтъ промежъ насъ сиротъ горькой проходу безобиднаго. Чтѣ жъ тутъ толковать о честной помощи? ужъ куда намъ людей спасать—хоть бы не топили-го тонущихъ!

«Была бы человѣкомъ Танька, и можетъ-быть въ любукъ семю принесла бы покой и счастье: имѣла она добрую, дружественную душу. Даже и теперь, при всемъ безудствѣ ея, многие честные люди ею не брезгали, любили ее. и почему знать, сколько добра не замѣтнаго дѣлала бѣднымъ людямъ не хвастливою и добродушною грѣшница?»

- Разъ, напримѣръ, было вотъ что: полки стояли въ лагеряхъ; изъ села Высокаго лѣтъ Танька туда на лхой тройкѣ шмагскаго ямщика Давылыча, лихача, который безъ *золота* и дуги не поднималъ. Махалъ *колямо* за колямоцею ямщикъ, видно спѣшить было велѣно; въ придорожной деревушкѣ привернулъ онъ тройку прямо къ желобу, къ колодцу—наповѣт коней надо было. А Танька тѣмъ часомъ встала, захотѣлось ей пройтись пѣшкомъ.

- Старые гренадеры помнятъ чай деревушку Заполяны: почти на пол-пути отъ Новгорода къ лагерямъ стоять на самой дорогѣ дворовъ съ десятокъ; избы не важныя, прислѣвовать, въ одну улицу. Въ концѣ улицы—ворота, и при нихъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, всегда бывало сиживалъ, поджавши подъ себя ноги, *Федя-дурачокъ*; такъ всѣ и звали его: *заполянской Федя-дурачокъ*. Былъ онъ лѣтъ двадцати пяти, глухо-нѣмой и совсѣмъ какой-то безсмысленный; даже лицо его мало походило на человѣческое. Безъ шапки, босой, въ одной рубахѣ посконной и всегда безъ пояса, садѣлъ онъ у воротъ, отворялъ и затворялъ ихъ для каждаго проезжаго и прохожаго, и питался людскимъ подаваніемъ.

- Завидя идущую Таньку, Федя всталъ, отворилъ передъ ней ворота и заготовалъ своимъ нечеловѣческимъ, жалобнымъ голосомъ. Остановилась и изумилась Танька: глядѣла она на дурака, слушала его странное гоготанье, увидѣла его потрескавшіяся ноги босыя, грудь его черную, заскорузлую на немъ рубаху изъ пачесей— и всплеснула руками: «Рѣднѣй же ты мой!» вскрикнула она, «это жъ заѣсть тебя бѣда твоя!» И сдернула дѣвка съ себя платокъ, повязала дурачку черную шею его, стала ласкать его, гладить по головѣ косматой, по лицу жесткому, словно корой порослому, и притиснула къ теплой груди своей его безобразную голову.

- И другимъ голосомъ заготовалъ дуракъ, хватаячи ея бѣлыя руки; загорѣлись радостью глупою его тусклые глаза; не какъ человѣкъ, а какъ предаанный пѣсь вглядывался онъ безумнымъ взоромъ своимъ въ лицо ласкающей его женщины; весь извивался, то обвинялъ ея шею, то ползалъ въ ногамъ ея, и засмѣялся громкимъ, порывистымъ и неправичнымъ хохотомъ.

«Добрая женщина прослезилась, не отнимая у него рукъ своихъ, и глядѣла жалостно, милостиво, съ любовью, на бѣднаго урода.

«Видно, проняло насъвозъ овѣтѣлую душу его-этимъ взглядомъ свѣтлымъ: востепенулась, ожила она, заглохшая, и можетъ-быть въ первый разъ въ жизни стало ему такъ хорошо и тепло на сердцѣ; въ первый разъ почувствовалъ онъ человѣческое счастье—жить.

«Подѣхалъ ямщикъ; поглядѣлъ на нихъ черезъ плечо:—Брось, Калиновна, ѣхать надо! сказалъ онъ дѣвкѣ. Таня вывязала изъ узелка всю *молочъ*, кака была при ней, положила въ руку Феде, стала прощаться съ нимъ: онъ порывался устами къ ея лицу—Таня поцѣловала его въ уста, съѣла въ тѣлжку—коня помчалась.

«И громко заплакалъ дуракъ; высоко поднялъ онъ свои шерсткія брови, удивленно глядѣлъ на уносящуюся тройку, растопырилъ вслѣдъ за ней черныя свои руки—серебро высыпалось изъ горсти. Еще разъ оглянулась

Танька и кивнула ему головой; кони мчались как вѣтеръ: побѣжалъ за ними и дурачокъ, оглашая воздухъ неутѣшнымъ рыданьемъ и воемъ.

„Разумѣется, не важно все это; но кто же знаетъ, какъ у Бога-то счѣтается такое, по нашему ничтожное, доброе дѣло милостивой души? А можетъ-быть эта добродушная ласка, кинутая какъ подачка, всѣми оставленному уроду—выкупила предъ Богомъ хоть тотъ грѣхъ, на который, очерта голову, летѣла распутная дѣвка!

„Вѣдь не такъ же какъ камень живетъ и уродъ на свѣтѣ: слышитъ онъ сердцемъ, надо быть, все, и хорошее и худое. И вотъ теперь въ его головѣ темной, и во снѣ и наяву, будетъ бродить этотъ свѣтокъ, эта минуточка счастья,—и ужъ навсегда украситъ безотрадную, безумную жизнь. А ни единой минуты счастья такого не можетъ дать никому и никто въ мѣрѣ, кромѣ истинно-добраго человѣка.

„Что же бы это было за сокровище, сколько бы слезъ осушила на свѣтѣ Танька, сколько бы добра натворила кругомъ себя такая душа, еслибы не толкнула ее въ омутъ распутства? Но летѣла на ослѣплъ бѣдовою дорогою разгульная жизнь Таньки; зря проживалась безвозвратная молодость; дни за днями уходили въ шумъ безобразной потѣхи, какъ будто справлялся для нея безконечный пьяный праздникъ.

„И не видать было конца разгулу. Изрѣдка, натолкнувшись на тихое горе людское, пробуждалась на минутку добрая душа ея; и тогда вспомнить она свое горе прошлое, сиротство свое беззащитное—всплакнетъ надъ чужою неждолей. А не разъ пробуждалась душа эта и надъ чужимъ тихимъ счастьемъ: вчастую видѣла она, какъ въ чистой избѣ хлопочетъ около печи своей молодлица румяная, на веселыхъ дѣтокъ своихъ ласково покрикиваетъ, сама обрягается и въ окошечко поглядываетъ: «сустрѣчайте, дѣтки, батюшка идетъ!» И бжгать въ избы шумящая орда; а молодлица, улыбаючися, ставитъ на столъ горячую миску... Глядитъ на все это и задумывается нарядная Таня: утекаютъ деньки ея красные, безъ пути прогулянные, далеко улетаютъ, какъ на крыльяхъ, и мерещется что-то недоброе, а неминуемое, впереди... Отвернется дѣвка, вздохнетъ и проклянетъ словомъ худымъ свою нечестную долю ¹..

Этотъ взглядъ на явленія жизни, кроткій, милующій, съ братскимъ участіемъ останавливающейся на личностяхъ мелкихъ и незамѣтныхъ, составляетъ лучшую сторону въ разказахъ *Солдатской Беседы*.

Кутила и неселлась Танька до тѣхъ норъ, пока не ушли гренадеры въ походъ, и не сгорѣла ея вновь выстроенная избушка. Оставшись безъ пристанища, она стала ходить на богомолье по монастырямъ и церквямъ, питаясь подаяніемъ добрыхъ людей.

Между тѣмъ, солдатъ Калининъ, на попеченіи котораго оставалась покойная мать Таньки, по уходѣ на родину ея постояльца и сожителя Захарыча, возвратился изъ-подъ Севастополя раненный, безъ ноги. Танька встрѣтилась съ нимъ въ одномъ селѣ на церковной паперти, гдѣ она стояла въ толпѣ съ нищими. Калининъ, несмотря на образъ жизни, который вела Танька,

¹ № 5, стр. 356—364.

любилъ ее искренно и не забылъ во время разлуки.. Послѣ встрѣчи онъ объявилъ ей о своемъ желаніи быть ея мужемъ. Затѣмъ слѣдуетъ вѣнчаніе, и чета заживаетъ припѣваючи.

Оставляя въ сторонѣ нѣсколько похожую на идиллію развязку разказа, поспѣшимъ извинить ее нравственною цѣлью изданія и желаніемъ упрочить въ читателяхъ-солдатахъ добрыя чувства къ ближнему, вдохнуть въ нихъ честныя и благородныя помыслы объ исполненіи долга и обязанностей, какъ бы подчасъ ни приходилась человѣку жизнь тяжелою и утомительною. Мы не хотимъ упрекать автора въ нѣкоторой склонности къ идеализированію изображаемыхъ имъ людей, да и не знаемъ, слѣдуетъ ли еще за это упрекать. Во всякомъ случаѣ это происходитъ отъ живой любви къ образу человѣка въ лицѣ солдата и крестьянина, и вполне вознаграждается другими достоинствами автора: мастерствомъ изложенія, вѣрностью основной идеи разказовъ и теплотою проникающаго ихъ чувства.

Въ заключеніе, мы не можемъ не пожалѣть, что въ нѣкоторыхъ полкахъ выписывается слишкомъ ограниченное число экземпляровъ *Бесѣды*: по два и по три, какъ видно изъ приложеннаго къ ней списка подписчиковъ. Позволительно усомниться, что это происходитъ отъ недостатка полковыхъ средствъ: цѣна *Бесѣды* такъ мала, что полки могли бы получать сотни экземпляровъ, и конечно, этотъ расходъ вознаграждался бы пользою, которую чтеніе разказовъ г. Погосскаго можетъ принести нравственности солдатъ.

N.

Поправки къ статьѣ «Нѣсколько словъ объ уголовныхъ слѣдствіяхъ», напечатанной во 2 книгѣ *Русскаго Вѣстника* 1860 года.

На страницѣ 716, въ строкахъ 21 и 22, пропущено слово: можетъ ли. Должно читать: улучшение въ личномъ составѣ слѣдователей можетъ ли содѣйствовать улучшенію нашего судопроизводства?

На страницѣ 717, въ предпоследней строкѣ, передъ словомъ: оставляемыхъ, пропущена цифра 10; должно читать: изъ 10 оставляемыхъ

На стр. 720, въ стр. 31, вм. ст. 119—4132, должно читать: ст. 4119—41. 132.

На страницѣ 723, въ строкѣ 25, вмѣсто: а другая съ поднятымъ топоромъ, — слѣдуетъ читать: а другой стоялъ съ поднятымъ топоромъ.

На страницѣ 726, въ строкѣ 12, вмѣсто: за все полагается, слѣдуетъ читать: за все это полагается.

На стран. 734, въ посл. ст. вм. не придетъ, слѣдуетъ читать: кому придетъ.

На стран. 744, въ стр. 25, вмѣсто: 8 за рублей, должно читать: 8 рублей.

На страницѣ 752, въ строкѣ 29, послѣ слова: у насъ, пропущено: да и повсюду должно читать: у насъ, да и повсюду.

каки только изрѣдка, когда, чѣмъ-нибудь пораженная, удивленная, она на минуту раскроетъ свои губы. Мистриссъ Поль непременно упомянула бы также объ ея зубахъ, еслибы только ей удалось когда-либо увидѣть ихъ.

— Но, говорятъ, что она всѣхъ ихъ умнѣе, прибавила мистриссъ Поль. Жители Экзетера произнесли этотъ приговоръ, и не даромъ. Не знаю, какимъ образомъ это дѣлается, но въ маленькомъ городкѣ всегда всѣмъ извѣстно, кто въ какомъ семействѣ лучше всѣхъ одаренъ.

Въ этомъ отношеніи мистриссъ Поль передала общее мнѣніе, и общее мнѣніе не ошибалось. Люси Робартсъ получила отъ Бога умъ болѣе тонкій и живой чѣмъ всѣ ея братья и сестры.

«Признаться тебѣ, Маркъ, мнѣ Люси нравится гораздо больше чѣмъ Бленчъ.» Это сказала мистриссъ Робартсъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ она получила право носить это имя. «Она не красавица, я это знаю, но для меня она лучше красавицы.»

— Милая моя Фанни! съ удивленіемъ произнесъ Маркъ.

— Я знаю, что немногіе согласятся со мной. Но правильныя красавицы никогда очень не привлекали меня. Быть-можетъ это потому, что я завистлива.

Нечего говорить какимъ образомъ отвѣчалъ на это Маркъ; каждый можетъ себѣ представить, что онъ отвѣчалъ чѣмъ-нибудь очень нѣжнымъ и лестнымъ для молодой его жены. Но онъ не забылъ ея словъ, и всегда послѣ этого называлъ Люси любимицей Фанни. Ни одна изъ его сестеръ не была съ тѣхъ поръ у него въ Фремлей, и хотя Фанни провела недѣлю въ Экзетерѣ по случаю свадьбы Бленчъ, но нельзя было сказать, чтобъ она очень сблизилась съ ними. Но когда, по обстоятельствамъ, стало необходимо, чтобъ одна изъ нихъ поѣхала съ нимъ въ Фремлей, онъ вспомнилъ отзывъ жены и предложилъ это Люси; а Дженъ, душа которой сочувствовала душѣ Бланчи, была очень рада ѣхать въ Криклотидъ-Галлъ. Плодородныя земли Гевибедъ-Гауса примыкали къ владѣніямъ ея зятя, а въ Гевибедъ-Гаусѣ еще не было занято мѣсто хозяйки.

Фанни была въ восторгѣ, когда эти вѣсти дошли до нея. Необходимо было, чтобы при ихъ теперешнихъ обстоятельствахъ одна изъ сестеръ Марка жила съ нимъ, и она была рада, что подъ однимъ кровомъ съ ней будетъ жить это маленькое, тихое существо съ большими блестящими глазами. Она заставитъ дѣтей полюбить ее, но лишь бы не столько, сколько они любятъ свою мамашу; она приготовитъ для нея уютную комнатку съ окномъ надъ параднымъ крыльцомъ и съ каминномъ, никогда не дымящимъ; она будетъ ей давать править пони, что со стороны

Фанни было большою жертвой; она подружить ее съ леди Лоттонъ. Дѣйствительно, не дурная доля выпала для Люси.

Леди Лоттонъ, разумѣется, тотчасъ же узнала о смерти доктора; она выказала большое участіе, и поручила Фанни сказать отъ ней мужу много ласковаго и добраго, совѣтовала ему не спѣшить домой, и оставаться въ Экзетеръ, пока не будетъ все улажено. Тогда Фанни разказала ей о гостьѣ, которую она ожидаетъ къ себѣ. Когда она узнала, что то будетъ меньшая Люси, она тоже была довольна; прелести Бленчи, хотя онѣ были неоспоримы, не пришлись ей по вкусу. Еслибы теперь явилась вторая Бленчъ, мало ли какимъ опасностямъ могъ бы подвергнуться молодой лордъ Лоттонъ!

— Безподобно, сказала она, — иначе поступить онъ не могъ. Я, кажется, помню эту дѣвицу; она мала ростомъ, не правда ли? и очень застѣнчива.

— Мала ростомъ и очень застѣнчива... Чтò за описаніе! ска- залъ лордъ Лоттонъ.

— Чтò жъ такое, Лудовикъ? Небольшой ростъ не бѣда, а за- стѣнчивость вовсе не порокъ въ молодой дѣвушкѣ. Мы будемъ очень рады познакомиться съ ней.

— Я другую сестру вашего мужа помню очень хорошо, продол- жалъ лордъ Лоттонъ. — Она была необыкновенно хороша собой.

— Я не думаю, чтобы Люси показалась вамъ хорошенькою, сказала мистрисъ Робартсъ.

— Маленькая ростомъ, застѣнчивая, и... — лордъ Лоттонъ оста- новился, и мистрисъ Робартсъ добавила: — и некрасивая собой. Ей нравилось лицо Люси, но она думала, что другимъ она вѣ- роятно не покажется хорошенькою.

— Вы рѣшительно несправедливы, сказала леди Лоттонъ. — Я очень хорошо помню ее, и положительно говорю, что она да- леко не дурна. Она очень мило держалась на вашей свадьбѣ, и сдѣлала на меня гораздо больше впечатлѣнія чѣмъ ваша кра- савица.

— Признаюсь, я ее вовсе не помню, сказалъ лордъ Лоттонъ, и этимъ кончился разговоръ о Люси.

По прошествіи двухъ недѣль, Маркъ возвратился домой съ се- строй. Они прибыли въ Фремлей въ седьмомъ часу, когда уже совершенно стемнѣло: то было въ декабрѣ. На землѣ лежалъ снѣгъ, въ воздухѣ былъ морозъ, луны не было; осторожные люди, пускаясь въ путь, заботились о томъ, чтобы лошади были хорошенько подкованы. Въ кабриолетъ Марка, отправленный его женою въ Сильвербриджъ, было положено не малое ко- личество теплыхъ платковъ и плащей. Телѣга была отпра- влена за вещами Люси, и были сдѣланы все приготовленія.

Фанни три раза сама всходила наверхъ, чтобы посмотрѣть, ярко ли пылаетъ огонь въ каминѣ маленькой комнаты надъ крыльцомъ, и въ ту минуту, когда послышался стукъ колесъ, она старалась объяснить сыну, что такое тета. Де тѣхъ поръ онъ, кромѣ папы, мамы и леди Лофтонъ, не зналъ ничего и никого, за исключеніемъ, конечно, нянекъ.

Черезъ три минуты Люси уже стояла у огня. Эти три минуты Фанни провела въ объятіяхъ мужа. Пріѣзжай къ ней кто хочеть, но послѣ двухъ-недѣльной разлуки, она поцѣлуетъ мужа прежде чѣмъ будетъ привѣтствовать гостя. Но потомъ она обратилась къ Люси и принялась помогать ей снимать платки и салопъ.

— Благодарю васъ, сказала Люси,—я не озябла, по крайней мѣрѣ, не очень озябла. Не беспокойтесь, я все это могу сдѣлать сама.

Но сказавъ это, она похвасталась; пальцы ея такъ оцепенѣли, что не могли ничего ни развязать, ни завязать.

Всѣ, разумѣется, были въ траурѣ. Но мрачность одежды Люси поразила Фанни гораздо болѣе своей собственной. Черное ея платье какъ бы превратило ее въ какую-то эмблему смерти. Она не поднимала глазъ, но смотрѣла въ огонь, и, казалось, ей было неловко и страшно.

— Пусть она себѣ говоритъ что хочеть, Фанни, сказала Маркъ,—но она очень озябла, и я также порядкомъ прозябъ. Не худо бы ее теперь отвести въ ея комнату. О туалетъ нашемъ намъ нечего еще сегодня думать, не такъ ли, Люси?

Въ спальнѣ своей Люси немного обогрѣлась, и Фанни, глядя на нее, сказала себѣ, что слово «некрасивая» вовсе не приходитъ къ ней. Люси была очень недурна собой.

— Вы скоро привыкнете къ намъ, сказала Фанни,—и тогда, я надѣюсь, вамъ хорошо будетъ у насъ.—И она избрала руку Люси и нѣжно пожала ее.

Люси взглянула на нее, и въ глазахъ ея не свѣтилось уже ничего, кромѣ нѣжности.

— Я увѣрена, что буду счастлива здѣсь, у васъ, сказала она.— Но... но... милый мой папа!

И тогда онѣ упали другъ къ другу въ объятія, и поцѣлун и слезы скрѣпили ихъ дружбу.

«Некрасива,» повторила про себя Фанни, когда наконецъ волосы гостьи ея были приведены въ порядокъ, слѣды слезъ смыты съ ея глазъ: «некрасива! Да, я рѣдко видала такое очаровательное лицо.»

— Твоя сестра прелесть какъ хороша, сказала она Марку, когда они вечеромъ остались одни.

— Нѣтъ, она не хороша собой; но она добрая дѣвочка, и преумненькая также, въ своемъ родѣ.

— По моему, она очаровательна. Я въ жизнь свою не видала такихъ глазъ.

— Поручаю ее въ такомъ случаѣ тебѣ; ты ей найдешь мужа.

— Не думаю, чтобъ это было очень легко. Она будетъ разборчива.

— И прекрасно. Но на мой взглядъ ей на роду написано быть старою дѣвой, тетужкой Люси твоихъ малютокъ до конца своей жизни.

— Я и на это согласна. Но я сомнѣваюсь, чтобъ ей долго пришлось играть роль тетки. Она будетъ разборчива, это такъ; но еслибъ я была мущина, я бы тотчасъ же въ нея влюбилась. Замѣтилъ ли ты, Маркъ, какіе у нея зубы?

— Не могу сказать, чтобы замѣтилъ.

— Ты, пожалуй, не замѣтишь если у кого-нибудь ни одного не будетъ во рту.

— Если этотъ кто-нибудь будетъ ты, душа моя, такъ замѣчу; твои зубки я знаю всѣ наперечеть.

— Молчи.

— Повинуюсь, тѣмъ болѣе, что мнѣ страшно хочется спать.

Итакъ, въ этотъ разъ ничего больше не было сказано о красотѣ Люси.

Въ первые два дня мистриссъ Робартсъ не знала, съ какой стороны ей приступить къ золовкѣ. Люси, нужно замѣтить, была очень сдержана и мало высказывалась; къ тому же она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ людей, которые спокойно и скромно идутъ своею дорогой, не стараясь сдѣлать изъ себя центръ болѣе или менѣе обширнаго круга. Большинство людей подвержено этой слабости. Обѣдъ мой дѣло такое важное для меня самого, что я и вѣрить не хочу, чтобывсякій другой былъ совершенно равнодушенъ къ нему. Для молодой дамы запасъ ея дѣтскаго тряпья, а для пожилой запасы ея столоваго и другаго бѣлья такъ интересны, что, по ихъ убѣжденію, всякому должно быть пріятно видѣть ихъ сокровища. Да не вообразить впрочемъ, читатель, чтобъ я смотрѣлъ на это убѣжденіе какъ на зло. Оно даетъ пищу разговорамъ, и до нѣкоторой степени сближаетъ людей. Мистриссъ Джонсъ осмотритъ комоды мистриссъ Уайтъ въ надеждѣ, что и мистриссъ Уайтъ оплатитъ ей тѣмъ же. Мы можемъ вылить изъ кувшина только то, что въ немъ содержится. Люди по большей части умѣютъ говорить только о себѣ или по крайней мѣрѣ о тѣхъ индивидуальных кругахъ, которымъ они служатъ центромъ. Я не могу согласиться съ тѣми, которые ратуютъ противъ такъ-называемой пустой

болтовни людей; а что касается до меня самого, то я всегда съ удовольствіемъ и участіемъ осматриваю бѣлье мистриссъ Джонсъ, и никогда не упускаю случая сообщить ей подробности о моемъ обѣдѣ.

Но Люси Робартсъ не имѣла этого дара. Она почти не знала свой невѣстки, и явившись къ ней въ домъ, совершенно, казалось, удовольствовалась тѣмъ, что нашла себѣ пріютъ и теплый уголокъ у камина. Она, казалось, не нуждалась въ сердечныхъ изліяніяхъ, въ соболѣзнованіи другихъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ она была угрюма, не отвѣчала, когда съ нею разговаривали, не обращала вниманія на дѣтей; но она ни сразу сблизилась съ Фанни, не успѣшила вліять въ ея сердце всѣ свои надежды и горе, какъ бы желала того Фанни.

Мистриссъ Робартсъ сама, въ этомъ отношеніи, вовсе не походила на Люси. Когда она сердилась на леди Лофтонъ, она это показывала. И теперь, когда восторженная ея любовь къ леди Лофтонъ стала еще сильнѣе, она показывала также и это. Когда она въ чемъ-нибудь была недовольна мужемъ, она не могла этого скрыть, хотя и старалась и воображала, что это удастся ей; также точно не могла она скрыть свою горячую, безпредѣльную женскую любовь. Она не могла пройтись по комнатамъ, опираясь на руку мужу и выражая въ каждомъ своемъ взглядѣ и движеніи, что для нея онъ лучше и краше всѣхъ на свѣтѣ. Всѣ чувства ея были наружи, и тѣмъ грустнѣе ей было видѣть, что Люси не спѣшитъ высказать ей все, что у нея на душѣ.

— Она такъ тиха, говорила Фанни мужу.

— Она такая отъ природы, отвѣчалъ Маркъ. — Она и ребенкомъ всегда была тиха. Мы всѣ ломали и били въ дребезги что ни попадалось намъ въ руки, а она никогда чашки не разбила.

— Я бы желала, чтобъ она теперь что-нибудь разбила, сказала Фанни;—быть-можетъ это бы подало поводъ къ разговору.

Но несмотря на все это, любовь ея къ золовкѣ не ослабѣвала. Не отдавая себѣ самой отчета въ томъ, она вѣроятно еще болѣе цѣнила ее за то, что она такъ мало была похожа на нее.

Два дня спустя, навѣстила ее леди Лофтонъ. Фанни, разумѣется, успѣла много разказать о ней новому члену своего семейства. Подобное сосѣдство въ деревнѣ имѣетъ такое вліаніе на весь складъ жизни, что нельзя не думать и не говорить о немъ. Мистриссъ Робартсъ была почти воспитана подъ крыломъ вдовствующей леди, и, разумѣется, не могла не говорить о ней. Да не заключить изъ этого читатель, чтобы мистриссъ Робартсъ была падка до знати, до сильныхъ міра сего. Мало же онъ знаетъ сердце человеческое, если не понялъ этой разницы.

Люси была нѣма почти во все время посѣщенія леди Лофтонъ.

Фанни очень желала, чтобы ея первое впечатлѣніе на старуху было благопріятное, и чтобы этому способствовать—всячески старалась выставить Люси и втянуть-ее въ разговоръ. Лучше было бы этого не дѣлать. Но леди Лофтонъ была одарена достаточно-женскимъ тактомъ, чтобы не вывести какихъ-нибудь ошибочныхъ заключеній изъ молчанія Люси.

— А когда же вы будете обѣдать у насъ, сказала леди Лофтонъ, съ намѣреніемъ обращаясь къ старой своей пріятельницѣ, Фанни.

— Назначьте намъ сами день. Вы знаете, что намъ никогда не предстоитъ много выѣздовъ.

— Что скажете вы о четвергѣ, миссъ Робартсъ? Вы никого не встрѣтите у меня кромѣ сына, такъ что это никакъ нельзя будетъ назвать выѣздомъ. Фанни скажетъ вамъ, что отправиться въ Фремле-Кортъ такой же выѣздъ какъ перейти изъ одной комнаты въ другую. Не такъ ли, Фанни?

Фанни засмѣялась и отвѣтила, что ей такъ часто случалось совершать это мутешествіе, что быть-можетъ она стала находить его уже черезчуръ легкимъ.

— Мы всѣ здѣсь составляемъ одно дружное и счастливое семейство, миссъ Робартсъ, и будемъ очень рады включить въ него васъ.

Люси улыбнулась леди Лофтонъ самую милую своею улыбкой, и сказала что-то, но такъ тихо, что словъ ея нельзя было расслышать. Ясно было впрочемъ то, что она не могла еще заставить себя отправиться въ гости обѣдать, хотя бы даже въ Фремле-Кортъ.

— Я очень благодарна леди Лофтонъ, сказала она, обращаясь къ Фанни:—но прошло еще такъ мало времени.... и.... и я была бы такъ счастлива, еслибы вы отправились безъ меня.

Но такъ какъ главною цѣлью было именно ввести ее въ Фремле-Кортъ, то обѣдъ былъ отложенъ на время—*in die*.

ГЛАВА XI.

Люси познакомилась съ лордомъ Лофтономъ только мѣсяцъ спустя, и то это произошло совершенно случайно. Въ продолженіе этого времени леди Лофтонъ нѣсколько разъ была у Робартсовъ и до нѣкоторой степени сблизилась съ Люси; но молодая дѣвушка еще ни разу не рѣшилась воспользоваться ея часто-повторенными приглашеніями. Мистеръ Робартсъ и его жена часто бывали въ Фремле-Кортъ, но страшный для Люси день, когда ей придется имъ сопутствовать, еще не насталъ.

Она видѣла лорда Лофтона разъ въ церкви, но мелькомъ, такъ что вѣроятно не узнала бы его при встрѣчѣ, а съ тѣхъ поръ и вовсе не видала его. Въ одинъ прекрасный день, однако, или скорѣе вечеръ, потому что уже начинало смеркаться, онъ догналъ на дорогѣ ее и Фанни, когда онъ возвращались домой. На плечѣ его лежало ружье, три лагавны собаки и лѣсничій слѣдовали за нимъ.

— Какъ вы поживаете, мистриссъ Робартсъ? сказалъ онъ, еще прежде чѣмъ поравнялся съ ними.—Я уже съ полмиги гонюсь за вами по дорогѣ. Никогда не встрѣчалъ я дамъ, которыя бы такъ скоро ходили.

— Мы бы замерзли, еслибы мѣшкали по дорогѣ какъ вы, господа; сказала Фанни, останавливаясь, чтобы протянуть ему руку. Она забыла въ эту минуту, что Люси еще не знала его и не представила его ей.

— Не познакомите ли вы меня съ вашею сестрой, сказалъ онъ, снимая шляпу и кланаясь Люси.—Вотъ уже съ мѣсяцъ и больше какъ мы сосѣди, а я еще не имѣлъ удовольствія встрѣтить ее.

Фанни извинилась въ своей разсѣянности и представила его Люси; онъ пошелъ съ ними рядомъ, обращаясь къ нимъ объимъ, но получая отвѣты отъ одной Фанни. Дойдя до воротъ Фремле-Корта, они остановились на минуту.

— Меня удивляетъ, что вы одни, сказала ему мистриссъ Робартсъ;—я думала, что капитанъ Колпеперъ съ вами.

— Капитанъ покинулъ меня на одинъ день. Если вамъ угодно, я шепну вамъ на ухо, куда онъ поѣхалъ. Даже здѣсь въ лѣсу я не смѣю громко выговорить это слово.

— Въ какое же это такое ужасное мѣсто онъ могъ отправиться? Если это что-нибудь очень страшное, то ужъ лучше не говорите.

— Онъ поѣхалъ въ.... въ.... Но вы общаете мнѣ не говорить матушкѣ?

— Не говорить вашей матушкѣ? Вы теперь возбудили мое любопытство. Куда же это онъ могъ поѣхать?

— Такъ вы общаетесь мнѣ не говорить?

— Да, да! Я увѣрена, что леди Лофтонъ не станетъ меня допрашивать, гдѣ капитанъ Колпеперъ и что онъ дѣлаетъ. Мы ни слова никому не скажемъ; не такъ ли Люси?

— Онъ поѣхалъ на одинъ день въ Гадеромъ-Кассль стрѣлять фазановъ. Но Бога ради не выдавайте насъ. Мама воображаетъ, что у Колпепера болятъ зубы, и что онъ сидитъ въ своей комнатѣ. Мы не посмѣли произнести при ней это имя.

Оказалось, что мистриссъ Робартсъ было нужно зайти за чѣмъ-то къ леди Лофтонъ, а Люси между тѣмъ должна была одна возвратиться домой.

— Я обѣщался вашему мужу побывать у него, или скорѣе у его собаки Понто, сказалъ лордъ Лофтонъ.—А кромѣ того я сбѣлаю еще два хорошія дѣла: я отнесу къ вамъ пару фазановъ и защиту миссъ Робартсъ отъ злыхъ духовъ фремлейскаго лѣса.

Итакъ мистриссъ Робартсъ вошла въ ворота, а Люси и лордъ Лофтонъ отправились своею дорогою.

Лордъ Лофтонъ, хотя ему еще никогда не доводилось говорить съ Люси, уже давно успѣлъ убѣдиться въ томъ, что она вовсе недурна собой. Правда, онъ видѣлъ ее только мелькомъ, въ церкви, но онъ тѣмъ не менѣе пришелъ къ заключенію, что съ обладательницей этого личика стоитъ познакомиться поближе, и былъ очень радъ случаю поговорить съ ней. «Итакъ вы въ замкѣ своемъ скрываете никому неизвѣстную дѣвицу,» сказалъ онъ однажды мистриссъ Робартсъ. «Если плѣнь ея продолжится еще не много, я почти своимъ долгомъ явится ей на помощь, и силой освободить ее.» Онъ два раза былъ въ пасторскомъ домѣ съ тѣмъ чтобъ увидать ее, но оба раза Люси умѣла скрыться отъ него. За то теперь она попалась, и лордъ Лофтонъ, перекинувъ черезъ плечо пару фазановъ, пустился въ путь съ своею добычей.

— Вы уже такъ давно здѣсь, сказалъ лордъ Лофтонъ,—а мы еще не имѣли удовольствія васъ видѣть.

— Да, милордъ, сказала Люси. (Лорды не слишкомъ часто встрѣчались до тѣхъ поръ въ ея знакомствѣ.)

— Я говорилъ мистриссъ Робартсъ, что она во зло употребляетъ свою власть надъ вами, держитъ васъ въ заключеніи, и что мы будемъ принуждены силой или хитростью освободить васъ.

— Меня.... меня постигло недавно большое горе.

— Да, миссъ Робартсъ; я это знаю и только пошутить. Но я надѣюсь, что теперь вы уже въ состояніи бывать у насъ. Матушка такъ будетъ рада этому.

— Она очень добра, и вы также... милордъ.

— Я не помню моего отца, сказалъ лордъ Лофтонъ тономъ серьезнымъ:—но я могу себя представить, какъ тяжела для васъ должна быть эта потеря.—И потомъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ:—я хорошо помню доктора Робартса.

— Въ самый дѣль? сказала Люси быстро, оборачиваясь къ нему и впервые проявляя нѣкоторое оживленіе. Съ тѣхъ поръ какъ она была въ Фремлеѣ, никто еще не говорилъ съ ней объ отцѣ. Всѣ боялись коснуться этого предмета. И какъ часто бываетъ это! Когда умираетъ человѣкъ, дорогой нашему сердцу, друзья наши боятся упомянуть о немъ, хотя для насъ, осиротѣвшихъ, ничего не можетъ быть отраднѣе, какъ услышать его имя

Но мы рѣдко умѣемъ обращаться должнымъ образомъ какъ съ своимъ, такъ и чужимъ горемъ.

Нѣкогда, въ какой-то странѣ, существовалъ народъ (быть-можетъ онъ и теперь существуетъ), который почиталъ грѣхомъ и святотатствомъ класть преграды всепожиряющему пламени. Если горѣлъ домъ, онъ долженъ былъ сгорѣть до тла, хотя бы и были средства спасти его. Кто рѣшится идти наперекоръ Божьей воли? Наше понятіе о горѣ много имѣетъ общаго съ этимъ. Мы почитаемъ грѣхомъ, или во всякомъ случаѣ жестокостью, стараться заглушить его. Если человѣкъ лишился жены, онъ долженъ всюду являться съ мрачнымъ отчаяніемъ на лицѣ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ, съ тѣмъ чтобы во время первыхъ восемнадцати мѣсяцевъ уныніе его проявлялось во всей своей силѣ, и мало-по-малу исчезало къ концу втораго года. Если онъ способенъ въ болѣе-короткое время подавить свое горе, потушить это пламя, то пусть онъ по крайней мѣрѣ скрываетъ эту силу свою.

— Да, я помню его, продолжалъ лордъ Лофтонъ.—Онъ два раза призжалъ въ Фремлей, когда я былъ еще мальчикомъ, на совѣщаніе съ моею матерью обо мнѣ и Маркѣ, чтобы рѣшить: не полезнѣ ли намъ будутъ розги Итона чѣмъ розги Гарроу. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и всегда предсказывалъ насчетъ меня много хорошаго.

— Онъ ко всѣмъ былъ добръ, сказала Люси.

— Онъ именно производилъ такое впечатлѣніе—добраго, ласковаго, привѣтливаго человѣка,—человѣка, который долженъ быть обожаемъ своимъ семействомъ.

— Совершенно такъ. Я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь сказалъ хоть одно неласковое слово. Въ голосѣ его не было ни одного рѣзкаго тона. Онъ былъ теплъ и привѣтливъ, какъ ясный день.

Люси, какъ мы уже сказали, имѣла нравъ сосредоточенный и мало высказывалась; но теперь, коснувшись этого предмета, она забыла, что говорить съ человѣкомъ совершенно ей незнакомымъ, и стала почти краснорѣчива.

— Я не удивляюсь, что вамъ такъ горько было лишиться его, миссъ Робертсъ.

— Да, мнѣ было очень горько. Маркъ отличнѣйшій изъ братьевъ; я и сказать не умѣю, какъ Фанни добра и ласкова ко мнѣ. Но я всегда какъ-то особенно была дружна съ моимъ отцомъ. Я такъ сжилась съ нимъ въ послѣдніе два года.

— Лѣта его уже были очень преклонныя, когда онъ умеръ, не такъ ли?

— Ему ровно было семьдесятъ лѣтъ, милордъ.

— Да, онъ былъ старъ. Матери моей только пятьдесятъ лѣтъ, а мы иногда называемъ ее старушкой. Не находите ли вы, что она

на видъ старѣе своихъ лѣтъ? Мы всё говоримъ, что она нарочно хочетъ казаться старѣе своихъ лѣтъ.

— Леди Лофтонъ одѣвается старухой.

— То-то и есть. Съ тѣхъ поръ какъ я ее помню, она всегда такъ одѣвалась, всегда ходила въ черномъ. Теперь она трауръ сбросила, но все же общее впечатлѣніе ея одежды очень мрачно, не такъ ли?

— Я не люблю слишкомъ молодежавый нарядъ на дамахъ... дамахъ....

— Скажемъ, на дамахъ пятидесяти лѣтъ.

— Хорошо; на дамахъ пятидесяти лѣтъ, если вы этого хотите.

— Въ такомъ случаѣ, я увѣренъ, что вамъ понравится моя мать.

Они вошли теперь въ калитку пасторскаго сада, открывающуюся на дорогу ближе главныхъ воротъ.

— Я полагаю, что найду Марка дома, спросилъ онъ.

— Да, я думаю, милордъ.

— Въ такомъ случаѣ, я пройду этою дорожкой, потому что собственно мнѣ нужно быть въ конюшнѣ. Вы видите, что я здѣсь, какъ свой, хотя вы никогда еще меня не встрѣчали. Но теперь, миссъ Робертсъ, первый шагъ сдѣланъ, и я надѣюсь, что мы будемъ друзьями.—И съ этими словами онъ протянулъ ей руку, и когда она подала ему свою, онъ пожалъ ее такъ, какъ бы могъ сдѣлать это старый другъ.

И въ самомъ дѣлѣ Люси разговорила съ нимъ, какъ съ старымъ другомъ. Она на минуту забыла, что онъ знатная особа и что видѣть она его въ первый разъ, забыла свою обычную осторожность и несообщительность. Лордъ Лофтонъ говорилъ съ ней такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ знакомство съ нею доставило ему большое удовольствіе, и она безотчетно поддавалась этой тонкой лести. Лордъ Лофтонъ, вѣроятно, также безотчетно показалъ ей это участіе, какъ показалъ бы и всякій другой молодой человекъ. Онъ радъ былъ добиться взгляда этихъ большихъ блестящихъ глазъ. Въ этотъ вечеръ впрочемъ уже было такъ темно, что онъ почти не видалъ глазъ Люси.

— Что, Люси остались вы довольны своимъ спутникомъ? спросила Фанни, когда вся ихъ семейка собралась у каминна передъ обѣдомъ.

— Да, ничего, отвѣтила Люси.

— Не очень же это любезно и лестно для нашего молодого лорда.

— Я и не думала сказать что-нибудь любезное, Фанни.

— Люси у насъ положительный человекъ и не мастерица говорить любезности, сказалъ Маркъ.

— Я хотѣла только сказать, что не могу еще судить о лордѣ Лофтонѣ, потому что провела съ нимъ всего десять минутъ.

— Дорого бы дали многія мнѣ извѣстныя барышни, чтобы провести десять минутъ съ глазу на глазъ съ лордомъ Лофтономъ. Вы не знаете какъ высоко его здѣсь цѣнятъ. Онъ слыветъ за любезнѣйшаго изъ молодыхъ людей.

— Вотъ какъ! Я этого и не подозрѣвала, сказала Люси.

Притворщица!

— Бѣдная Люси! сказалъ ей братъ:—онъ приходилъ за тѣмъ, чтобъ осмотрѣть плечо Понто, и вѣроятно больше думалъ объ этой собакѣ чѣмъ о ней.

— Очень вѣроятно, сказала Люси, и за тѣмъ они пошли обѣдать.

Люси говорила неправду: пока она одѣвалась, она рѣшила въ своемъ умѣ, что лордъ Лофтонъ очень милъ и любезенъ; но нѣкоторое притворство дозвоительно молодой дѣвушкѣ, когда рѣчь идетъ о молодомъ человѣкѣ.

Вскорѣ послѣ этого Люси обѣдала въ Фремле-Кортѣ. Капитанъ Колпеперь все еще пребывалъ тамъ, несмотря на его преступную поѣздку въ Гадеромъ-Кассль. Другой гость леди Лофтонъ былъ духовный сановникъ изъ окрестностей Барчестера, пріѣхавшій къ ней съ женой и дочерью. То былъ архидіаконъ Грантли, о которомъ мы уже упоминали прежде; онъ пользовался во всей епархіи такою же извѣстностью какъ и самъ епископъ, и въ глазахъ большей части духовенства былъ даже болѣе важнымъ лицомъ.¹

Миссъ Грантли была не много старше Люси Робартсъ, и тоже была тиха и не очень разговорчива въ обществѣ. Красота ея была признана всѣми; она была похожа, быть-можетъ, слишкомъ похожа, на прекрасную статую. Лобъ ея былъ высокъ и бѣлъ какъ мраморъ. Глаза ея были великолѣпны, но чувство рѣдко выражалось въ нихъ. Да и вообще она сама рѣдко обнаруживала какое-нибудь волненіе. Носъ ея былъ почти греческій, составлялъ съ ея лбомъ линію именно на столько прямую, чтобы профиль ея можно было назвать классическимъ. Ротъ ея также, по приговору художниковъ и знатоковъ въ красотѣ, былъ прелестенъ; но я всегда находилъ, что губы ея слишкомъ тонки. Никто однако не нашелъ бы сказать слова противъ очертаній нижней части ея лица и ея нѣжныхъ щекъ. Волосы ея были свѣтлы, и она съ такимъ искусствомъ умѣла причесывать ихъ, что они не мѣшали общему впечатлѣнію ея красоты; но въ нихъ не было

¹ Архидіаконъ есть важный санъ въ англиканской церкви. Онъ помощникъ епископа по дѣламъ церковной юрисдикціи и администраціи.

того изобилія и блеска, которые придаютъ такую пышность женской красотѣ. Она была высока и стройна, и всѣ движенія ея были граціозны; но многіе находили, что въ ней нѣтъ той непринужденности, того *abandon*, которые придаютъ такую прелесть молодости. Говорили также, что ей не достаетъ оживленія, и что кромѣ красоты своей она обществу ничего дать не можетъ.

Тѣмъ не менѣе она всѣми была признана красавицей Барсетшира, и молодые люди изъ сосѣднихъ графствъ прїѣзжали издалека, по самымъ сквернымъ дорогамъ, ради того только чтобъ имѣть случай видѣть ее и потанцевать съ ней. Каковы бы не были ея недостатки, она составила себѣ громкую извѣстность. Прошлою весной она провела два мѣсяца въ Лондонѣ, и даже тамъ была замѣчена; шелъ слухъ, что она совершенно очаровала лорда Домбелло, старшаго сына леди Гартелтопъ.

Легко себѣ представить, что архидіаконъ и жена его гордились ею; мистриссъ Грантли даже, быть-можетъ, больше гордилась красотой дочери чѣмъ бы подобало такой примѣрной женщинѣ. Гризельда—такъ звали ее—была единственная дочь. У нея была одна сестра, но сестра эта умерла. Въ живыхъ остались еще два ея брата, изъ которыхъ одинъ пошелъ по духовной части, другой вступилъ въ военную службу. Больше дѣтей у архидіакона не было; и такъ какъ онъ былъ очень богатый человекъ (отецъ его въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ епископомъ барчестерскимъ, а онъ былъ единственнымъ его сыномъ, а въ то время положеніе епископа барчестерскаго было завидное); всѣ предполагали, что у миссъ Грантли будетъ большое состояніе. Мистриссъ Грантли впрочемъ не разъ повторяла, что она не намѣрена спѣшить устроить свою дочь. Обыкновенныхъ молодыхъ дѣвушекъ выдаютъ замужъ, но дѣвушекъ, выступающихъ чѣмъ-нибудь изъ ряда, устраиваютъ. Матери иногда сами портятъ цѣну своему товару, слишкомъ ясно выказывая свое желаніе сбыть его съ рукъ.

Но чтобы разомъ и прямо высказать всю истину—добродѣтель, къ которой не любятъ поощрять романиста, — я долженъ сказать, что рука миссъ Грантли, до нѣкоторой степени, уже больше не принадлежала ей. Не то чтобъ она, Гризельда, знала что-нибудь объ этомъ, или чтобы тотъ счастливый смертный имѣлъ понятіе объ ожидавшемъ его благополучіи. Но между мистриссъ Грантли и леди Лофтонъ не разъ происходили тайныя совѣщанія, и условія были заключены, подписаны и скрѣплены печатью, не такою подписью и не такою печатью, какъ договоры между королями и дипломатами, нарушаемые почти въ то самое время, какъ составляются, но нѣсколькими, отъ сердца сказанными словами, значительнымъ пожатіемъ

руки, достаточнымъ залогомъ вѣрности для такихъ союзниковъ. И по условіямъ этого договора Гризельда Грантли должна была превратиться въ леди Лофтонъ.

Леди Лофтонъ до тѣхъ поръ была счастлива въ своихъ matrimonіальныхъ предпріятіяхъ. Она избрала сэръ-Джорджа для дочери, и сэръ-Джорджъ самымъ добродушнымъ образомъ поддался ея желанію. Она избрала Фанни Монсель для Марка Робарта, и Фанни не оказала ей ни малѣйшаго сопротивленія. Удаче эти придали ей вѣру въ свое всемогущество, и она почти не сомнѣвалась, что милый сынъ ея, Лудовикъ, влюбится въ Гризельду.

Лучше этой партіи, говорила себѣ леди Лофтонъ, нельзя было ей пожелать для сына. Леди Лофтонъ, уже это говорю я, имѣла твердыя релігіозныя убѣжденія, а архидіаконъ былъ представителемъ именно того ученія, которое она признавала. Грантли, конечно не знатная фамилія; но леди Лофтонъ понимала, что нельзя же требовать всего. Умѣренность ея желанія ручалась ей за успѣхъ ея предпріятія. Она желала, чтобы жена ея сына была хороша собой; зная какъ мужчины цѣнятъ красоту, она хотѣла, чтобы онъ могъ гордиться ею. Но она страшилась слишкомъ живой, выразительной красоты этихъ сладкихъ, блестящихъ женскихъ прелестей, способныхъ опутать всѣхъ и каждого; она боялась этихъ смѣющихся глазъ, выразительныхъ улыбокъ, свободныхъ рѣчей. Что если сынъ ея введетъ къ ней въ домъ какую-нибудь болтливую, вертлявую, кокетливую Еввину дочь? Какой бы это былъ для нея ударъ, хотя бы кровь нѣсколькихъ дюжинъ англійскихъ перовъ текла въ жилахъ этого существа!

Да къ тому же и деньги Гризельды будутъ не лишнія. Леди Лофтонъ, со всѣми своими романтическими идеями, была женщина осторожная. Она знала, что сынъ ея немного кутилъ хотя не думала, чтобы онъ надѣлалъ серьезныхъ глупостей; и ей было пріятно думать, что бальзамъ, накопленный старымъ епископомъ, дѣдушкой Гризельды, поможетъ залѣчить раны, нанесенныя Лудовикомъ родовому имѣнію. И вотъ какимъ образомъ и по какимъ причинамъ выборъ леди Лофтонъ палъ на Гризельду Грантли.

Лордъ Лофтонъ не разъ встрѣчалъ Гризельду; встрѣчалъ ее до заключенія знаменитаго договора, и всегда восхищался ея красотой. Лордъ Домбелло мрачно промолчалъ цѣлый вечеръ въ Лондонѣ, потому что лордъ Лофтонъ ужъ очень разлюбезничался съ предметомъ его страсти; но нужно сказать, что молчаніе лорда Домбелло было у него самымъ краснорѣчивымъ способомъ выражаться. Леди Гартелтопъ и мистриссъ Грантли обѣ знали, что оно означаетъ. Но партія эта не совсѣмъ бы пришлась мистриссъ

Грантли. Она не сходилась въ понятіяхъ съ семействомъ Гартелтоповъ. Они принадлежали къ совершенно другому кружку, они были связаны съ Омніумскими интересами, — «съ этимъ ужаснымъ гадеромскимъ людомъ», какъ сказала бы леди Лофтонъ, возводя очи къ небу и покачивая головой. Леди Лофтонъ вѣроятно, воображала, что на полночныхъ пирахъ въ Гадеромъ-Касслѣ съѣдались младенцы; что въ подземельяхъ содержались несчастныя дѣвы и вдовы, и что ихъ иногда колесовали для удовольствія гостей герцога.

Когда семейство Робартсовъ вошло въ гостиную, архидіаконъ, его жена и дочь уже находились тамъ, и голосъ его, громкій и торжественный, поразилъ слухъ Люси еще прежде чѣмъ она переступила порогъ комнаты.

— Милая моя леди Лофтонъ, что бы вы мнѣ про нея ни рассказали, я ничему не удивлюсь. Эта женщина на все способна. Странно только то, что она не облачилась въ епископскую ризу.

Робартсы тотчасъ же поняли, что онъ говоритъ о мистриссъ Проуди: онъ эту даму терпѣть не могъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, леди Лофтонъ познакомила Люси съ Гризельдой Грантли. Миссъ Грантли милостиво улыбнулась, слегка наклонила голову, и тихимъ голосомъ замѣтила, что на дворѣ очень холодно. Тихій голосъ, какъ извѣстно, большое достоинство въ женщинѣ.

Люси, думавшая, что и она обязана сказать что-нибудь, отвѣтила, что въ самомъ дѣлѣ очень холодно, но что она не боится холода при ходьбѣ пѣшкомъ. И тогда Гризельда опять улыбнулась, но уже не такъ милостиво какъ въ первый разъ, и разговоръ этимъ кончился. Миссъ Грантли могла бы легко поддерживать его; она была старше Люси и болѣе привыкла къ свѣту; но должно-быть она не имѣла особеннаго желанія вести разговоръ съ миссъ Робартсъ.

— Такъ вотъ какъ, Робартсъ! До меня дошли слухи, что вы говорили проповѣдь въ Чальджикотсѣ, попрежнему громко сказалъ архидіаконъ.—Я на дняхъ видѣлъ Соверби, и онъ мнѣ сказалъ что вы избрали себѣ лучшую часть, а имъ предоставили самую черную работу.

— Напрасно онъ это говоритъ. Мы весь матеріалъ раздѣлили на три части. Гарольдъ Смитъ взялъ первую, я послѣднюю....

— А жена нашего почтеннаго епископа среднюю. Вы втроемъ воспламенили все графство. Но всѣхъ больше, говорить, отличилась она.

— Мнѣ очень непріятно, что мистеръ Робартсъ былъ тамъ, сказала леди Лофтонъ, когда архидіаконъ повелъ ее къ обѣду.

— Я полагаю, что онъ иначе сдѣлать не могъ, сказалъ архидіаконъ, не имѣвшій обыкновенія слишкомъ строго нападать на

собрата, развѣ только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ окончательно перешелъ въ непріятельскій станъ и пропалъ для него безвозвратно.

— Вы думаете, архидіаконъ?

— Да, если принять въ соображеніе, что Соверби другъ Лотона.....

— Какой же онъ ему другъ? сказала бедная леди Лотонъ, какъ бы моля о пощадѣ.

— Во всякомъ случаѣ они были очень коротки, и Робартсу не ловко было бы отказаться, когда его просили сказать проповѣдь въ Чальдинотсѣ.

— А оттуда онъ отправился въ Гадеромъ-Кассль. Я не хочу сказать, чтобъ я сердилась на него за это, но вы понимаете, это такое опасное мѣсто.

— Это такъ. Но будемъ надѣяться, что желаніе герцога видѣть у себя здравомыслящее духовное лицо есть хорошій знакъ. Атмосфера тамъ конечно нечистая; но безъ Робарта она была бы хуже чѣмъ при немъ. Но, Боже милосердый, какое кошунство произнесли мои уста! Я говорю о нечистой атмосферѣ и забываю, что самъ епископъ былъ тамъ.

— Да, епископъ былъ тамъ, сказала леди Лотонъ, и они не-регладились и совершенно поняли другъ друга.

Лордъ Лотонъ повелъ мистриссъ Грантли къ обѣду, и мѣры были приняты такія, что по другую его сторону пришлось сидѣть Гривельдѣ. Случилось это какъ бы совершенно нечаянно; и та же судьба назначила капитана Колпепера и Марка сосѣдями Люси. Капитанъ Колпеперъ былъ человѣкъ одаренный отъ природы огромными усами и большими охотничьими способностями; но такъ какъ другихъ способностей за нимъ не водилось, то нельзя было надѣяться, чтобы сосѣдство его было очень пріятно для бедной Люси.

Она видѣла лорда Лотона только одинъ разъ послѣ той вечерней прогулки съ нимъ, и тогда онъ заговорилъ съ ней какъ съ старою знакомой. Встрѣтились они въ гостиной пасторскаго дома, въ присутствіи Фанни. Для Фанни ничего не значили его ласковыя слова, но для Люси они были очень пріятны. Онъ былъ такъ добродушенъ, милъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтителенъ, что Люси не могла не сознаться себѣ, что онъ ей нравится.

Въ этотъ же вечеръ онъ почти не говорилъ съ ней; но она понимала, что есть другія лица въ обществѣ, съ которыми онъ обязанъ говорить. Люси не была смиренна въ обыкновенномъ значеніи этого слова, но она сознавала, что здѣсь въ этой гостиной, она по своему положенію должна имѣть менѣе другихъ значенія, и что поэтому ей вѣроятно придется играть второ-

степенную роль. Но тѣмъ не менѣе, ей было бы пріятно сидѣть на томъ мѣстѣ, которое заняла миссъ Грантли. Она не желала, чтобы лордъ Лофтонъ ухаживалъ за ней; она была слишкомъ разсудительна для этого; но ей пріятно было бы слышать его голосъ, вмѣсто стука ножа и вилки капитана Колпепера.

Въ этотъ день, она въ первый разъ послѣ смерти отца занялась своимъ туалетомъ; и хотя ея траурное платье все еще было очень мрачно, однако она была одѣта къ лицу.

— Въ ея лицѣ есть что-то необыкновенно поэтическое, сказала однажды Фанни своему мужу.

— Не вскружи ты ей голову, Фанни, и не увѣрь ее, что она красавица, отвѣтилъ Маркъ.

— Я не думаю, чтобы было очень легко вскружить ей голову, Маркъ. Люси тиха, но въ ней кроется много всего, и ты въ этомъ самъ скоро убѣдишься.

Таковы были предсказанія мистриссъ Робартсъ насчетъ своей золовки. Еслибъ ее стали спрашивать, она, можетъ-быть, призналась бы въ своемъ опасеніи, что присутствіе Люси не подвинетъ дѣла Гривельды Грантли.

Голосъ лорда Лофтона раздавался явственно, когда онъ говорилъ съ миссъ Грантли, но ни одного слова нельзя было разобрать со стороны. Онъ умѣлъ говорить такимъ образомъ, что хотя не было ничего похожаго на шептанье, никто кромѣ его собесѣдника не могъ слѣдить за его рѣчью. Мистриссъ Грантли въ то же время непрерывно разговаривала съ мистеромъ Робартсомъ, сидѣвшимъ по лѣвую руку Люси. Она всегда находила о чемъ говорить съ здравомыслящимъ сельскимъ пасторомъ, и такимъ образомъ ничто не мѣшало Гривельдѣ.

Но леди Робартсъ не могла не замѣтить, что Гривельда сама, казалось, не чувствовала потребности говорить много, и большею частью молчала. Отъ времени до времени она раскрывала губы, и одно или два слова вылетали изъ ея устъ. Ей казалось было совершенно достаточно того, что лордъ Лофтонъ сидѣлъ подлѣ нея и любезничалъ съ ней. Она ни на минуту не оживилась, и все время сидѣла спокойная и величественная какъ всегда. Люси не была виновата въ томъ, что глаза ея видятъ и уши ея слышатъ, и думала про себя, что еслибъ она была на ея мѣстѣ, то она бы приняла болѣе дѣятельное участіе въ разговорѣ. Но потомъ она подумала, что вѣроятно Гривельда Грантли лучше ея знаетъ какъ вести и держать себя въ такомъ случаѣ, и что, быть-можетъ, такіе молодые люди какъ лордъ Лофтонъ любятъ звукъ собственнаго голоса.

— Какое множество дичи въ этихъ краяхъ, сказалъ ей капитанъ Колпеперъ къ концу обѣда. Это была вторая его попытка

вести съ ней разговоръ; въ первую онъ спросилъ у нея, не знаетъ ли она кого-нибудь изъ офицеровъ 9-го полка.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Люси.—Да, я на дняхъ видѣла, что лордъ Лофтонтъ несъ нѣсколько фазановъ.

— Нѣсколько! Намедни, мы въ Гадеромъ-Касслѣ привезли домой семь телѣгъ, до верху нагруженныхъ фазанами.

— Семь телѣгъ! въ удивленіи произнесла Люси.

— Это не много. У насъ было восемь ружей, а восемь ружей могутъ сдѣлать много, когда дичь содержится въ порядкѣ. Вся эта часть въ большомъ порядкѣ въ Гадеромъ-Касслѣ. Вамъ случилось быть у герцога?

Люси наслышалась въ Фремлей отзвонъ о Гадеромъ Касслѣ, и почти съ ужасомъ отвѣчала, что никогда не была тамъ. Этимъ и прекратился ихъ разговоръ.

Когда дамы возвратились въ гостиную, положеніе Люси немногимъ улучшилось. Леди Лофтонтъ и мистриссъ Грантли усѣлись на диванѣ, и между ними завязался дружелюбный разговоръ въ полголоса. Хозяйка дома познакомила Люси съ Гризельдой; она, конечно, воображала, что молодыя дѣвушки могутъ какъ нельзя лучше занять другъ друга. Мистриссъ Робартсъ сдѣлала попытку завести между ними разговоръ, и въ продолженіи десяти минутъ работала усердно. Но это ни къ чему не повело. Миссъ Грантли отвѣчала только: да и нѣтъ, конечно съ очень милою улыбкой; Люси также была въ молчаливомъ расположеніи духа. Она сидѣла въ своемъ креслѣ, и боялась пошевелиться чтобы взять книгу, и думала о томъ какъ бы ей было пріятно сидѣть теперь дома. Она не была создана для общества, она въ этомъ совершенно была увѣрена; въ другой разъ она отправитъ Фанни и Марка однихъ въ Фремле-Кортъ.

Когда къ дамамъ присоединились мужчины, въ комнатѣ произошло общее перемѣщеніе. Леди Лофтонтъ встала съ своего мѣста и засуетилась: поправила огонь въ каминѣ, передвинула свѣчи, сказала нѣсколько словъ доктору Грантли, шепнула что-то на ухо сыну, потрепала Люси по щекѣ, сказала Фанни, что будетъ очень рада послушать немного музыки, и окончила тѣмъ, что положила обѣ руки на плеча Гризельды и объявила ей, что платье ея очаровательно сидитъ на ней. Леди Лофтонтъ, хотя она сама, какъ замѣтила Люси, и одѣвалась старухой, любила, однако что-бы всѣ окружающіе ее были нарядны и изящны.

— Милая леди Лофтонтъ! сказала Гризельда, поднимая руку, чтобы пожать кончики пальцевъ старой леди. Это было первое проявленіе въ ней жизни, и оно не ускользнуло отъ Люси.

Тутъ занялись музыкой. Люси не играла и не пѣла. Фанни же и то и другое умѣла очень изрядно. Гризельда не пѣла,

но играла; и было видимо по ея игрѣ, что она не жалѣла трудовъ, а отецъ ея не жалѣлъ денегъ для ея музыкальнаго образованія. Лордъ Лофтонъ пѣлъ немного; пѣлъ и капитанъ Колпеперъ, но еще меньше; всѣ вмѣстѣ они кой-какъ составили маленькій концертъ. Архидіаконъ и Маркъ между тѣмъ разговаривали стоя у каминна; обѣ маменьки сидѣли вполнѣ довольныя, онѣ слѣдили за движеніями и прислушивались къ воркованью своихъ птенцовъ. Люси сидѣла одна и перелистывала какой-то альбомъ, окончательно убѣдившись, что она здѣсь вовсе не на своемъ мѣстѣ. Ей здѣсь не было нужды ни до кого, и никому не было нужды до нея. Нечего дѣлать, надобно какъ-нибудь высидѣть этотъ вечеръ; но въ другой разъ она не будетъ такъ глупа. Дома, у каминна, съ книгой въ рукахъ, ей никогда бы не могло быть такъ горько.

Она отвернулась отъ фортепьяно, и усѣлась въ самомъ отдаленномъ отъ него углу комнаты: ей надоѣло видѣть съ какимъ вниманіемъ лордъ Лофтонъ слѣдилъ за быстрыми движеніями пальцевъ миссъ Грантли; но вдругъ ея довольно унылыя размышленія были прерваны звукомъ голоса, раздавшимся почти у самаго ея уха. «Миссъ Робартсъ,» говорилъ этотъ голосъ, «отчего вы насъ всѣхъ покинули?» И Люси чувствовала, что хотя она явственно слышала эти слова, никто другой не могъ бы слышать ихъ. Лордъ Лофтонъ говорилъ съ ней теперь такъ, какъ передъ тѣмъ говорилъ съ миссъ Грантли.

— Я не пою, милордъ, сказала Люси, — и не играю.

— Тѣмъ пріятнѣе было бы намъ ваше общество: у насъ большая бѣдность на слушателей. Но, быть-можетъ, вы не любите музыки.

— Нѣтъ я ее люблю..... а иногда и очень.

— Въ какихъ же это случаяхъ? Но мы все это узнаемъ со временемъ. Мы разгадаемъ всѣ ваши тайны къ..... какой бы намъ себѣ положить срокъ?... хоть къ концу этой зимы. Не такъ ли?

— У меня нѣтъ никакихъ тайнъ.

— О, не отпирайтесь! Вы очень таинственны. Развѣ не таинственно сидѣть въ сторонѣ, отвернувшись отъ всѣхъ...

— О, лордъ Лофтонъ! можетъ-быть я сдѣлала дурно!...—И бѣдная Люси почти вскочила съ своего мѣста, и покраснѣла до ушей.

— Нѣтъ, нѣтъ; вы ничего дурнаго не сдѣлали. Я вѣдь только пошутилъ. Съ нашей стороны было дурно допустить, чтобы вы остались одни, тогда какъ вы у насъ еще только въ первый разъ.

— Благодарю васъ. Но вы объ этомъ не беспокойтесь. Быть одной для меня вовсе не тяжело. Я къ этому привыкла.

— Да, но мы должны отучить васъ отъ этой привычки. Мы не дозволимъ вамъ вести жизнь затворницы. Вся бѣда въ томъ, миссъ Робартсъ, что вы еще не привыкли къ намъ, и вѣроятно чувствуете себя не совсѣмъ счастливою между нами.

— О, нѣтъ! Всѣ вы очень добры ко мнѣ.

— Давайте же намъ чаще случай быть добрыми къ вамъ. Смотрите на насъ какъ на друзей; смотрите въ особенности на меня какъ на друга. Вы знаете, вѣроятно, что мы съ Маркомъ дружны съ дѣтства, что жена его, почти съ тѣхъ же поръ, лучший другъ моей сестры; поэтому и вы должны быть нашимъ добрымъ другомъ. Согласны ли вы на это?

— Ахъ, да! почти шепотомъ проговорила она; ей страшно было говорить громче; она чувствовала, что слезы готовы хлынуть изъ ея глазъ.

— Докторъ Грантли и его жена скоро уѣдутъ отъ насъ, и тогда мы будемъ всячески завлекать васъ сюда. Миссъ Грантли пробудетъ у насъ всѣ святки, и я надѣюсь, что вы подружитесь съ ней.

Люси улыбнулась и старалась принять довольный видъ, но она чувствовала, что никогда не подружится съ Гризельдой Грантли, что никогда между ними ничего не будетъ общаго. Она говорила себѣ, что она неловка, некрасива, ничтожна, что миссъ Грантли, безъ сомнѣнія, презираетъ ее. Она не могла отплатить ей тѣмъ же: она съ нѣкоторымъ благоговѣниемъ смотрѣла на ея величественную красоту; но она чувствовала, что полюбить ее не можетъ. Гордые сердцемъ не въ состояніи полюбить тѣхъ, кто презираетъ ихъ; а сердце у Люси Робартсъ было очень гордое.

— Какъ она хороша собой, не правда ли?

— О, очень! сказала Люси.—Объ этомъ и спора не можетъ быть.

— Лудовикъ, сказала леди Лофтонъ, не совсѣмъ довольная тѣмъ, что сынъ ея такъ долго не отходитъ отъ кресла Люси,— не споете ли вы намъ еще чего-нибудь? Мистриссъ Робартсъ и миссъ Грантли еще не отошли отъ фортепьяно.

— Я уже спѣлъ все что знаю, мама. Теперь очередь за Колпеперомъ. Пусть онъ разкажетъ намъ свой сонъ, какъ ему приснилось, что живетъ онъ въ мраморныхъ чертогахъ.

— Я уже пѣлъ это часъ тому назадъ, сказалъ капитанъ съ нѣкоторою досадою.

— Такъ спойте намъ о томъ, какъ женихъ любилъ свою невѣсту.

Но капитанъ заупрямился и не хотѣлъ больше пѣть. Затѣмъ вскорѣ общество начало расходиться, и Робартсы возвращались къ себѣ домой.

ГЛАВА XII.

Последнія десять минутъ, проведенныя Люси въ Фремле-Кортѣ, нѣсколько измѣнили первоначальное мнѣніе ея о томъ, что она не создана для такого общества. Приятно было сидѣть въ этомъ мягкомъ креслѣ, между тѣмъ какъ лордъ Лофтонъ стоялъ облокотившись на его спинку, и говорилъ съ ней ласково и дружелюбно. Она чувствовала, что могла бы подружиться съ нимъ въ самое короткое время, и что, при этомъ, она не подвергалась бы ни малѣйшей опасности влюбиться въ него. Но тутъ же ей неясно представилось, что такого рода дружба подавала бы поводъ ко всевозможнымъ толкамъ и пересудамъ, и врядъ ли могла бы поладить съ общепринятыми условіями свѣта. Во всякомъ случаѣ, ей будетъ очень весело бывать въ Фремле-Кортѣ, если лордъ Лофтонъ иногда будетъ подходить къ ней и разговаривать съ ней. Но она не признавалась себѣ, что посѣщенія эти были бы невыносимы, еслибы онъ исключительно занимался Гривельдой Грантли. Она не призналась себѣ въ этомъ, не подумала этого; но, тѣмъ не менѣе, какимъ-то страннымъ, бессознательнымъ образомъ, чувство это прокралось въ ея душу.

Святки прошли для нея быстро. Сколько этихъ наслажденій, сколько этого страданія выпало на ея долю, мы не беремся въ точности рѣшить. Миссъ Грантли пробыла въ Фремле-Кортѣ до Крещенія, и Робартсы также большую часть праздниковъ провели въ домѣ леди Лофтонъ. Она, быть-можетъ, питала сначала надежду, что въ это посѣщеніе Гривельды все устроится соотвѣтственно ея желаніямъ; но она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Лордъ Лофтонъ былъ любезенъ съ миссъ Грантли, и не разъ съ восторгомъ говорилъ матери о ея красотѣ; но все удовольствіе, доставленное этимъ его матери, было уничтожено высказаннымъ имъ однажды мнѣніемъ, что Гривельдѣ Грантли не достаетъ того огня, который искрится въ глазахъ Люси Робартсъ.

— Неужели, Лудовикъ, ты можешь сравнивать этихъ двухъ дѣвушекъ? сказала леди Лофтонъ.

— Конечно, нѣтъ. Нельзя быть менѣе похожими чѣмъ онѣ. Миссъ Грантли вѣроятно пришлась бы мнѣ болѣе по вкусу; но не ручаюсь, чтобы вкусъ мой былъ хорошъ.

— Я не знаю человека съ болѣе тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ, сказала леди Лофтонъ.

Далѣе она не осмѣливалась идти. Она была убѣждена, что всѣ ея искусные маневры пропадутъ даромъ, если сынъ ея заподозритъ, что у нея есть какіе-нибудь виды на него. Нужно признаться также, что леди Лофтонъ нѣсколько охладѣла къ Люси Робартсъ. Она обласкала эту дѣвочку, а дѣвочка эта, казалось, не умѣла цѣнить ея ласкъ; сверхъ того, лордъ Лофтонъ часто разговаривалъ съ Люси, что, разумѣется, было совершенно лишнее, а Люси привыкла отвѣчать ему совершенно развязно и свободно, и давно перестала величать его сухимъ и неблагозвучнымъ именемъ милорда.

Такимъ образомъ прошли святки, а за тѣмъ и январь. Большую часть этого мѣсяца лордъ Лофтонъ провелъ не въ Фремлей; но впрочемъ онъ не выѣзжалъ изъ графства, а много охотился и гостилъ у своихъ знакомыхъ. Двѣ или три ночи онъ провелъ въ Чальдджикотсъ, а одну—страшно признаться—въ Гадеромъ-Касслѣ. Объ этомъ онъ ничего не сказалъ леди Лофтонъ: «зачѣмъ ее огорчать?» молвилъ онъ Марку. Но леди Лофтонъ знала объ этомъ, хотя ни слова не сказала ему, и была огорчена до глубины души.

«Лишь бы только онъ женился на Гризельдѣ, говорила она себѣ, а бы перестала трепетать за него.»

Но теперь мы должны на время возвратиться къ Марку Робартсу и его маленькому векселю. Какъ уже было сказано, первое, что пришло ему въ голову по прочтеніи завѣщанія отца, было занять деньги у брата своего, Джона. Джонъ въ то время былъ въ Экзетерѣ, и на возвратномъ пути долженъ былъ провести одну ночь у брата. Маркъ хотѣлъ дорогой переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, хотя и чувствовалъ, что не легко ему будетъ признаться въ своемъ безразсудствѣ младшему брату, привыкшему смотрѣть на него, важнаго пастора, даже съ большимъ почтеніемъ чѣмъ того требовала разница лѣтъ между ними.

Тѣмъ не менѣе онъ разказалъ Джону въ чемъ дѣло, и разказалъ совершенно понапрасну, какъ успѣлъ онъ убѣдиться не доѣзжая еще до Фремлея. Братъ его тотчасъ же объявилъ, что готовъ дать ему взаймы хотъ восемьсотъ фунтовъ. Что касается остальныхъ двѣсти фунтовъ, онъ, Джонъ, признавался, что былъ бы радъ тотчасъ же имѣть ихъ въ рукахъ. Что касается процентовъ, о нихъ и рѣчи не могло быть. Получать проценты съ брата,—слышанное лѣто дѣло? Впрочемъ, если Маркъ непременно хотѣлъ этого, то онъ согласенъ и на это, хотя это было ему очень непріятно. Онъ совершенно полагался на Марка, и готовъ былъ сдѣлать все, чего ему хотѣлось.

Все это было прекрасно, и Маркъ говорилъ себѣ, что возвратитъ

деньги брату въ самое короткое время. Но тутъ возникъ вопросъ, какимъ образомъ получить эти деньги? Онъ, Маркъ, былъ душеприкащикомъ или однимъ изъ душеприкащиковъ по завѣщанію отца, и поэтому, безъ сомнѣнія, могъ добраться до нихъ; но братъ его не былъ еще совершеннолѣтнимъ; до совершеннолѣтія нужно было ждать еще пять мѣсяцевъ; и поэтому нельзя еще было законнымъ образомъ передать ему его часть наслѣдства.

«Какая досада!» сказалъ помощникъ секретаря, думая быть-можетъ въ эту минуту болѣе о своемъ собственномъ желаніи имѣть деньги въ карманѣ чѣмъ о нуждахъ брата. Марку было досадно не менѣе чѣмъ Джону, но дѣлать было нечего. Ему нужно было узнать теперь, чего могъ онъ ожидать отъ банкировъ.

Недѣли двѣ по возвращеніи своемъ въ Фремлей, онъ отправился въ Барчестеръ къ нѣкому мистеру Форресту, знакомому банкиру; и попросивъ его не выдавать его тайны, разказалъ ему какимъ образомъ онъ запутался. Сперва онъ хотѣлъ скрыть имя Соверби, но скоро убѣдился, что-напрасно объ этомъ хлопочеть.

— Вы говорите, конечно, о Соверби, сказалъ мистеръ Форрестъ.—Я знаю, что вы близки съ нимъ, а всѣ его друзья рано или поздно проходятъ черезъ это.

Марку показалось, что мистеръ Форрестъ слишкомъ легко относится обо всемъ этомъ дѣлу.

— Мнѣ будетъ невозможно уплатить этотъ вексель въ срокъ, сказалъ онъ.

— Разумѣется, нѣтъ, возразилъ мистеръ Форрестъ.—Заплатить разомъ четырехста фунтовъ никогда не можетъ быть очень удобно. Никто и не станеть ожидать, что вы это сдѣлаете.

— Но я полагаю, что мнѣ придется это сдѣлать рано или поздно...

— Да, смотря по тому... Это будетъ зависѣть отчасти отъ того, какъ вы устроитесь съ мистеромъ Соверби, и отчасти отъ того, въ какія руки попадетъ вашъ вексель. Онъ подписанъ вами, и тѣ, у кого онъ въ рукахъ, будутъ ждать терпѣливо, пока проценты будутъ уплачиваться, а также комиссіи по возобновленію. Но, конечно, кому-нибудь да придется же когда-нибудь отвѣчать за него.

Мистеръ Форрестъ выразилъ свое убѣжденіе, что вексель не находится въ Барчестерѣ. Онъ полагалъ, что мистеръ Соверби не хотѣлъ явить его въ какомъ-нибудь барчестерскомъ банкѣ. Вексель, вѣроятно, находился въ Лондонѣ, но безъ всякаго сомнѣнія онъ будетъ присланъ въ Барчестеръ для платежа. «Если онъ попадется въ мои руки,» сказалъ мистеръ Форрестъ, «я не стану торопиться, и дамъ вамъ время устроиться съ Соверби и возобновить вексель. Я полагаю, что онъ возьметъ на себя сопряженныя съ этимъ издержки.»

Выходя изъ банка, Маркъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Мистеръ Форрестъ, казалось, нашелъ это дѣло такъ мало важнымъ, что было позволительно ему, Марку, неслишкомъ тревожиться о немъ. «Не зачѣмъ, размышлялъ онъ, возвращаясь домой, не зачѣмъ говорить Фанни объ этомъ дѣлѣ до истеченія этихъ трехъ мѣсяцевъ. А тогда вѣтъ я какъ-нибудь улажу же это дѣло съ Соверби.» И, вслѣдствіе всего этого, духъ его былъ спокойнѣе въ продолженіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ чѣмъ во время первыхъ двухъ.

Чувство, внушаемое векселями, которымъ вскорѣ долженъ выйти срокъ, недочетами, неуплаченными счетами и всякими другими денежными дразгами, очень тягостно въ началѣ; но удивительно, какъ человѣкъ скоро свыкается съ этимъ чувствомъ. Время, которое въ началѣ могло бы совершенно сокрушить плеча человѣка, дѣлается вслѣдствіе привычки не только сноснымъ, но даже удобнымъ и почти пріятнымъ для плечъ. Закоренбый должникъ выступаетъ бодрѣ, и волненія, сопряженныя съ его положеніемъ, доставляютъ ему даже нѣкотораго рода наслажденіе. Возьмемъ для примѣра хоть самого мистера Соверби; лицо у него всегда было сіяющее и ясное. Глядя на него, невольнo приходило въ голову, что раззореніе вовсе не такое бѣдствіе, какъ кажется. Вотъ и Маркъ Робартсъ теперь уже совершенно спокойно начиналъ думать о своемъ векселѣ. Какъ хорошо умѣютъ банкиры устраивать эти дѣла! Уплатить вексель?—нѣтъ; этого никто не требуетъ отъ васъ! Притомъ мистеръ Соверби, безъ сомнѣнія, былъ очень пріятный человѣкъ. Для Марка еще далеко былъ нерѣшенъ вопросъ, не слишкомъ ли строгъ лордъ Ловтонъ въ своихъ сужденіяхъ о Соверби. Еслибъ этотъ господинъ встрѣтилъ въ эту минуту своего духовнаго друга, ему бы ничего не стоило заставить его приложить свое имя къ другому векселю въ четыреста фунтовъ

Можно почти сказать, что въ этихъ затрудненіяхъ и волненіяхъ есть нѣчто, похожее на то, что мы находимъ въ винѣ. Но наступаетъ наконецъ время, когда человѣкъ отрезвляется и когда ему ничего не остается кромѣ раззоренія и горькихъ сожалѣній. Что можетъ быть тягостнѣе и горьче существованія стараго, истасканнаго *romé*, прошедшаго черезъ весь этотъ длинный путь долговъ и разнородныхъ векселей,—или если позволено мнѣ будетъ вещи называть по имени,—черезъ всѣ эти обманы и плутии,—который, раззоривъ всѣхъ близкихъ себѣ, обобравъ всякого, кто имѣлъ глупость довѣриться ему, кончаетъ жизнь въ нищетѣ, оставленный всѣми, не находя поддержки ни въ себѣ, ни въ другихъ. Ахъ, еслибы человѣкъ, подписывая свой первый, ма-

ленькій вексель, и слыша добродушныя увѣренія, что ничего не значить возобновить его, могъ припомнить себѣ все это!

Трехмѣсячный срокъ былъ на исходѣ, когда случай опять свелъ Робартса съ его другомъ Соверби. Маркъ разъ или два ѣздилъ съ лордомъ Лофтономъ на мѣсто сбора охотниковъ, и быть-можетъ дѣлалъ съ ними поле-другое. Да не подумаетъ читатель, чтобъ онъ предался охотѣ, какъ предаются ей иныя духовныя лица, — а достойно замѣчанія то, что когда духовныя особы предаются охотѣ, въ нихъ всегда оказываются особенныя къ ней способности, какъ-будто въ охотѣ есть нѣчто сродное съ обычными занятіями пастыря душъ. Такая мысль была бы несправедливостью относительно нашего викарія. Но когда лордъ Лофтонъ спрашивалъ у него что можетъ быть дурнаго въ томъ, что онъ спокойно будетъ ѣхать по дорогѣ и издали слѣдить за гончими, — онъ рѣшительно не зналъ, какой на это дать удовлетворительный отвѣтъ. Сказать, что онъ можетъ лучше употребить свое время дома, въ духовныхъ занятіяхъ, было бы совершенно глупо: ему самому и другимъ было извѣстно, что духовныя его занятія не могутъ отнять у него и половины его времени. Такимъ образомъ онъ мало-помалу привыкъ слѣдить за охотой, поддерживая этимъ свои знакомства въ графствѣ, и встрѣчая лорда Домбелло, мистера Грина Уокера, Гарольда Смита, и подобныхъ грѣшниковъ. Въ одинъ-то изъ такихъ случаевъ, на исходѣ трехъ мѣсяцевъ, онъ встрѣтилъ также и мистера Соверби.

— Послушайте, Соверби, сказалъ онъ, — мнѣ нужно съ вами переговорить. Что вы предпримете теперь съ этимъ векселемъ?

— Векселемъ, векселемъ! Какимъ векселемъ? Которымъ векселемъ? Дались же людямъ эти векселя! Ни о чемъ другомъ не говорить и не думать съ утра до вечера.

— Или вы не помните, что я подписалъ для васъ вексель въ чотыреста фунтовъ?

— Будто подписали? Ахъ неопытный молодой человекъ!

Марку все это показалось очень страннымъ. Неужели же надъ головой мистера Соверби висѣло столько векселей, что происшествіе въ спальнѣ Гадеромъ-Кассля совершенно исчезло изъ его памяти? Да онъ же еще и смѣется надъ нимъ.

— Можетъ-быть, сказалъ Маркъ нѣсколько обиженнымъ тономъ. — Но тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно было бы знать, какъ устроится это дѣло.

— У васъ рѣшительно нѣтъ совѣсти, Маркъ. Не стыдно ли вамъ приставать ко мнѣ и отвлекать меня отъ охоты. Одни пасторы способны на такую жестокость. Но дайте мнѣ подумать... Чотыреста фунтовъ... Да, знаю; вексель этотъ у Тозера.

— А что станетъ дѣлать съ нимъ Тозеръ?

— Что онъ станетъ дѣлать? Конечно, будетъ стараться выжать изъ него какъ можно больше денегъ; съ той ли съ другой ли стороны, но онъ непремѣнно такъ поступить.

— Не представитъ ли мнѣ его Тозеръ двадцатаго?

— О, Боже мой, нѣтъ! Клянусь душой, Маркъ, невинность ваша очаровательна. Придетъ ли въ голову кому тотчасъ же проглотить мышъ, попавшуюся въ его когти? Но, шутки въ сторону, вамъ нечего объ этомъ тревожиться. Быть-можетъ вы никогда больше не услышите объ этомъ векселѣ; или, что, конечно, вѣроятнѣе, мнѣ придется прислать его вамъ для возобновленія. Вамъ не о чемъ хлопотать, я все это устрою.

— Вы только устройте такъ, чтобы на насъ не вздумалъ кто-нибудь напасть съ требованіемъ денегъ.

— Этого-то вамъ во всякомъ случаѣ нечего бояться... Ату, ату его!... Вѣдь ушла бестія!... Поскачемъ скорѣе, да бросимъ думать объ этомъ Тозерѣ. «Довлѣтъ днѣви злоба его.»

Членъ парламента и пасторъ поскакали за собаками.

Послѣ этого разговора Маркъ возвратился домой съ какимъ-то неяснымъ чувствомъ, что вексель ничего не значить. Тозеръ уладитъ какъ-нибудь это дѣло; но пока, во всякомъ случаѣ, не зачѣмъ говорить о немъ женѣ.

21-го февраля онъ однако получилъ письмо, доказавшее ему, что вексель эготъ, и все относящееся къ нему, не было одною шуткой. Оно было отъ мистера Соверби. Джентльменъ этотъ писалъ изъ Чальдикотса, но на письмѣ не было видно барчестерскаго штемпеля, и Марку показалось, что оно было отправлено изъ Лондона. Мистеръ Соверби предлагалъ ему возобновить вексель,— то-есть не возобновить старый, а написать новый. Для большей ясности мы приведемъ это письмо вполнѣ.

«Чальдикотсъ, 20-го февраля 185—.

«Любезный Маркъ!

« Не знайся съ ростовщиками, они опутаютъ тебя своими сѣтями и доведутъ тебя до гибели? » Если этого изреченія нѣтъ въ притчахъ Саломона, то ему слѣдовало бы находиться тамъ. Тозеръ подаетъ знакъ, что онъ не спитъ и не намѣренъ дремать. Такъ какъ мы оба съ вами не въ состояніи уплатить въ эту минуту извѣстный намъ вексель въ четыреста фунтовъ, то намъ приходится возобновить его, и заплатить Тозеру проценты, за ком-

миссію и доставить ему всякіе другіе, слѣдующіе и неслѣдующіе ему доходы; однимъ словомъ, Тозерь свое дѣло знаетъ.

• Чтобы покрыть эти и разныя другіе, сопряженныя съ ними, мелкіе расходы, я далъ ему новый вексель на 500 фунтовъ, срокомъ до 23-го мая нынѣшняго года. До тѣхъ поръ, надѣюсь, случится нѣчто, что измѣнитъ обстоятельства вашего обѣднѣвшаго друга. Кстати, я еще не разказалъ вамъ, какъ она уѣхала съ Грешамами, изъ Гадеромъ-Кассля, на другой день послѣ вашего отъѣзда. Никакія силы не были бы въ состояніи удержать ее; герцогъ всячески убѣждалъ ее остаться, но вотще. Она спѣшила на свиданіе съ какимъ-то старымъ докторомъ, и я на время былъ преданъ забвенію. Но я имѣю причины думать, что дѣло мое идетъ успѣшно.

• Поспѣшите подписать вексель и переслать его ко мнѣ; если онъ послѣ завтра не будетъ въ рукахъ у Тозера, скрѣпленный нашими подписями, онъ, то-есть Тозерь, можетъ надѣлать вамъ непріятностей и непременно надѣлаетъ. Онъ—неблагодарная бестія; вотъ уже скоро восемь лѣтъ онъ живетъ мною, и не стыдится всячески прижимать меня. Я очень желаю избавить васъ отъ издержекъ и непріятностей, сопровождающихъ переписку съ юристами; если мы не поторопимся этимъ дѣломъ, то оно можетъ попасть въ газеты.

• Адресуйте вексель на мое имя въ Лондонъ. Я къ тому времени буду тамъ.

• До свиданія, другъ мой. Славно мы намереніи поохотились въ Коболдсъ-Эшесъ. Желалъ бы я купить вашу гнѣдую лошадь. Я готовъ дать за нее сто тридцать фунтовъ.

• Преданный вамъ

• Н. Соверби. »

Прочитавъ это письмо, Маркъ взглянулъ на столъ и на полъ, чтобы посмотрѣть не выпалъ ли изъ конверта старый вексель; но нѣтъ, въ немъ ничего не было кромѣ новаго векселя. Онъ перечиталъ письмо и убѣдился, что въ немъ и помину не было о старомъ вексели и о томъ, что съ нимъ случилось.

Маркъ, конечно не имѣлъ понятія о такого рода дѣлахъ. Быть-можетъ уже черезъ то самое, что онъ подпишетъ новый вексель, старый станетъ недействителенъ; именно изъ самаго молчанія Соверби объ этомъ предметѣ можно было заключить, что дѣло это такое извѣстное, что онъ не считалъ за нужное объяснять его. Но все же Маркъ не могъ понять, почему бы этому слѣдовало такъ быть.

Но что жь было ему дѣлать? Намекъ на юристовъ и газеты, сдѣланный вѣроятно съ тѣмъ чтобы запугать его, подѣйствоваль. Къ тому же онъ былъ ошеломленъ дерзостью Соверби, который требоваль его подписи на вексель въ пятьсотъ, вмѣсто четырехсотъ фунтовъ,—для покрытія разныхъ мелкихъ расходовъ, какъ добродушно писалъ Соверби.

Но тѣмъ не менѣе онъ подписалъ вексель, и послалъ его къ мистеру Соверби. Что жь было ему дѣлать?

Безразсудный! Человѣкъ, какъ бы ни ошибался, всегда можетъ исправиться и поступить потомъ хорошо. Но первая ошибка увлекаетъ человѣка въ такія затрудненія, и затрудненія эти растутъ съ такою страшною быстротой, что могутъ совершенно подавить его и задушить въ своихъ сѣтяхъ.

Онъ бережно прибралъ письмо Соверби и даже заперъ его на ключъ, чтобъ оно какъ-нибудь не попало въ женѣ. Священнику никакъ бы не слѣдовало получать такія письма. Онъ сознаваль это ясно. Но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сберечь это письмо. И вотъ опять, на нѣсколько часовъ, дѣло это наполнило его душу мучительною тревогой.

ГЛАВА XIII.

Леди Лофтонъ очень обрадовалась, узнавши, что сынъ ея отказался отъ охоты въ Лестерширѣ, чтобы провести зиму въ Фремлеѣ. Ей казалось это и вполне приличнымъ и благовиднымъ, и крайне пріятнымъ и удобнымъ. Англійскому лорду подобаеть охотиться въ томъ графствѣ, гдѣ у него помѣстья, въ тѣхъ поляхъ, которыя составляютъ его собственность; ему подобаеть принимать должныя почести отъ своихъ вассаловъ; ему подобаеть спать подъ своею собственною кровлей; ему слѣдуетъ также — такъ думала леди Лофтонъ—влюбиться въ молодую особу, избранную его матерью.

А къ тому же такъ пріятно видѣть его у себя! Леди Лофтонъ была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны *скучать* въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. У ней было такъ много обязанностей и она такъ близко принимала ихъ къ сердцу, что была не доступна для скуки или апатіи. Однако, въ домѣ все-таки было веселіе при Лудовикѣ. Его присутствіе давало поводъ къ разнымъ маленькимъ развлечениямъ, которыхъ она ни за что не стала бы искать для самой себя, но которыми все-таки при случаѣ не прочь была попользоваться. Она становилась моложе и живѣе, когда онъ пріѣзжалъ; больше

думала о будущемъ и менѣе о прошломъ. Она могла смотрѣть на него по цѣлымъ часамъ, и уже въ одномъ этомъ находила счастье. Къ тому же, онъ былъ съ нею такъ милъ и ласковъ; подшучивалъ надъ ея маленькими старомодными предразсудками такимъ тономъ, который казался самою лучшею музыкой для ея ушей; такъ нѣжно улыбался ей, напоминая ей улыбки, нѣкогда такъ радовавшія ея душу, когда онъ еще весь принадлежалъ ей, лежа въ своей маленькой постелькѣ, у ея кресла. Онъ былъ ласковъ и внимателенъ къ ней, онъ велъ себя добрѣйшимъ изъ сыновей, по крайней мѣрѣ пока находился у ней на глазахъ.

Если мы прибавимъ къ этому невольное опасеніе леди Лотонъ, что вдали отъ ней сынъ ея можетъ подвергаться всякимъ опасностямъ, то насъ не должна удивлять ея радость видѣть его у себя въ Фремле-Кортѣ.

Она почти ни однимъ словомъ не напомнила ему о тѣхъ пяти тысячахъ фунтовъ, которые она заплатила за него. Часто, размышляя ночью въ постели, она говорила себѣ, что нельзя было бы лучше употребить эти деньги, если только онѣ послужили къ тому, чтобы возвратить его въ родимое гнѣздо. Онъ поблагодарилъ ее съ обычнымъ прямотушіемъ, обѣщая выплатить всю сумму въ теченіи слѣдующаго года, и неимовѣрно утѣшилъ сердце матери, откровенно радуясь, что не пришлось продать помѣстья.

— Мнѣ тяжело было бы разстаться съ каждою десятиною земли, сказалъ онъ.

— Конечно, Лудовикъ; родовое имѣнье не должно уменьшиться въ вашихъ рукахъ. Только благодаря такому взгляду на вещи, англійская аристократія и англійское дворянство могутъ служить опорой своему отечеству. Я безъ ужаса не могу видѣть какъ земли переходятъ изъ рукъ въ руки.

— Ну нѣтъ, мнѣ кажется не худо, чтобы были и продажныя земли; вѣдь надобно же милліонерамъ куда-нибудь дѣвать свои деньги.

— Боже упаси, чтобы ваши помѣстья попали въ ихъ руки!—И вдова внутренно молила Господа охранить имѣнія сына отъ милліонеровъ, какъ отъ нечестивыхъ враговъ.

— Да, конечно; мнѣ, признаться, не пріятно было бы видѣть какого-нибудь разбогатѣвшаго портнаго-жида хозяиномъ въ Лотонѣ, сказалъ молодой лордъ.

— Боже упаси, опять воскликнула вдова.

Все это, какъ я уже сказалъ, было очень утѣшительно. Леди Лотонъ видѣла ясно изъ подобныхъ рѣчей сына, что еще нѣтъ большой бѣды: онъ, повидимому, не былъ ничѣмъ озабоченъ, и говорилъ о своихъ помѣстьяхъ тономъ самымъ непринужденнымъ.

Однако и теперь, въ эти свѣтлыя минуты, маленькія облачка помрачали счастье леди Лофтонъ.

Отчего Лудовикъ такъ медлителенъ въ отношеніи къ Гривельдъ Грантли? Отчего въ послѣднее время онъ такъ часто сталъ заглядывать въ пасторскій домъ?

А эта ужасная поѣздка въ Гадеромъ-Кассль!

Что именно происходило въ Гадеромъ-Кассль, леди Лофтонъ не могла узнать. Мы же не связаны такою тонкою деликатностью, мы не такъ боимся нескромныхъ разспросовъ, и можемъ все узнать и все повѣрить читателю. Впервыхъ, охота съ вестъ-барсетширскими гончими вышла пренеудачная; оказалось, что лисицъ почти совсѣмъ нѣтъ въ цѣломъ краю. За этимъ послѣдовалъ довольно скучный обѣдъ съ герцогомъ. Соверби былъ тамъ, и послѣ обѣда они съ лордомъ Лофтономъ играли въ бильярдъ. Соверби выигралъ гиней двѣ; этимъ и ограничивалось все зло, причиненное достопамятною поѣздкой.

Гораздо опаснѣе могли быть его частыя посѣщенія пасторскаго дома.

Правда, леди Лофтонъ не считала возможнымъ, чтобы ея сынъ когда-нибудь влюбился въ Люси Робартсъ. Люси не казалась ей достаточно привлекательною для оправданія подобныхъ опасеній. Но онъ можетъ вскружить ей голову своею болтовней; эта дѣвочка можетъ вообразить себѣ всякій вздоръ, и, наконецъ, могутъ пойти разные толки. Отчего онъ такъ зачастилъ къ пастору, съ тѣхъ поръ какъ у него поселилась Люси?

Вслѣдствіе этого, миледи не знала какъ приглашать къ себѣ Робартсовъ. До сихъ поръ она приглашала ихъ очень часто, и леди Лофтонъ была рада какъ можно чаще видѣть своихъ сосѣдей. Теперь же она не знала какъ ей быть. Она не могла, конечно, пригласить пастора и его жену безъ Люси; а когда Люси была тутъ, Лудовикъ почти цѣлый вечеръ разговаривалъ или игралъ въ шахматы съ нею. Это не мало тревожило леди Лофтонъ.

А Люси все это принимала такъ равнодушно, такъ спокойно. Сперва, когда она только-что пріѣхала въ Фремлей, она была такъ застѣнчива, такъ молчалива, она, казалось, такъ была поражена и запугана величіемъ Фремле-Корта, что леди Лофтонъ не могла ей отказать въ сочувствіи и старалась пріободрить ее. Она должна была умѣрять блескъ своего величія, чтобы не ослѣпить непривычныхъ очей бѣдной Люси. Теперь же все измѣнилось. Люси могла по цѣлымъ часамъ слушать молодого лорда, и вовсе не жмурилась.

При такомъ положеніи дѣлъ, леди Лофтонъ придумала два способа помочь бѣдѣ: она поговорить либо съ сыномъ, либо съ Фанни Робартсъ, и тонкимъ образомъ все уладить. Но

сперва ей нужно было обдумать хорошенько, къ кому именно обратиться.

Невозможно быть разсудительнѣе Лудовика, повторяла она себѣ. Но съ другой стороны, врядъ ли бы Лудовикъ могъ хорошенько выкинуть въ такого рода дѣло; къ тому же, у него была особая повадка, которую онъ явно наследовалъ отъ отца—повадка закусывать удила лишь только мелькнетъ въ немъ подозрѣніе, что кто-нибудь вмѣшивается въ его дѣла. Направляйте его потихоньку, не натягивая уздечки, и вы почти всегда доведете его туда, куда хотите; но только затроньте его за живое—онъ взорвется на дыбы, и пропало все дѣло! И такъ, сообразивъ все это, леди Лофтонъ рѣшила, что ея второй планъ будетъ лучше и вѣрнѣе. Я не сомнѣваюсь, что леди Лофтонъ была права на этотъ разъ.

Однажды, подъ вечеръ, она зავвала къ себѣ Фанни, усадила ее въ покойное кресло, настоятельно попросила снять шляпку, и вообще показала своимъ обращеніемъ, что считаетъ предстоящую бесѣду дѣломъ весьма важнымъ.

— Фанни, сказала она,—мнѣ необходимо поговорить съ вами серьезно, хотя мнѣ придется затронуть предметъ довольно щекотливый.

Фанни посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Надѣюсь, что не случилось ничего непріятнаго, проговорила она.

— Нѣтъ, моя милая, ничего еще не случилось... я надѣюсь и даже могу сказать, увѣрена въ томъ. Но все же лучше остерегаться.

— Да, конечно, промолвила Фанни, предвидя что-нибудь не совсемъ пріятное, что-нибудь такое, въ чемъ ей нельзя будетъ согласиться съ миледи. Не мудрено, что тревожныя мысли мистриссъ Робартсъ тотчасъ же обратились къ мужу. И точно, леди Лофтонъ имѣла кой-что сказать ей и на его счетъ, но только она отложила это до болѣе удобной минуты. Она находила, что священнику вовсе непрілично ѣздить на охоту; но объ этомъ она намѣревалась поговорить нѣсколько дней спустя.

— Вы знаете, Фанни, что мы всѣ очень полюбили вашу невестку Люси.

Однихъ этихъ словъ было достаточно, чтобъ открыть все мистриссъ Робартсъ; теперь она уже напередъ знала все, о чемъ должна быть далѣе рѣчь.

— Мнѣ нечего вамъ и говорить это, продолжала леди,—мы это довольно ясно показывали.

— Да, конечно, вы были добры какъ всегда.

— И не подумайте, чтобъ я теперь была недовольна....

— Надѣюсь, что нѣтъ причины для неудовольствія, промолви-

ла Фанни самымъ смиреннымъ тономъ, какъ бы извиняясь передъ старою леди. Фанни одержала одну значительную побѣду надъ леди Лофтонъ, и теперь, съ благоразумнымъ великодушіемъ, готова была съ своей стороны дѣлать уступки. Она знала, что можетъ-быть ей скоро опять придется вступить въ борьбу.

— Конечно, конечно, я и не хочу никого винить. Но отчего бы намъ съ вами не поговорить откровенно обо всемъ, Фанни, въ предупрежденіе всякихъ возможныхъ неприяностей?

— Дѣло идетъ о Люси?

— Да, милая, о Люси. Она отличная, милая дѣвушка; ея воспитаніе дѣлаетъ честь ея отцу....

— Она такое утѣшеніе для насъ, леди Лофтонъ...

— Да, я въ томъ увѣрена: вамъ должно быть такъ пріятно имѣть ее подлѣ себя; но... однако.....

И леди Лофтонъ невольно замаялась; не смотря на все свое краснорѣчіе и на обычную величавость, она въ эту минуту не знала хорошенько какими словами выразить свою мысль.

— Я не знаю, что бы мы стали дѣлать безъ нея, сказала Фанни, продолжая разговоръ, чтобы вывести леди Лофтонъ изъ затрудненія.

— Но вотъ въ чемъ дѣло: она и лордъ Лофтонъ слишкомъ часто бывають вмѣстѣ, слишкомъ исключительно разговаривають другъ съ другомъ. Люси можетъ придать слишкомъ много важности болтовнѣ Лудовика, а Лудовикъ можетъ.....

Но не такъ-то легко было сказать что Лудовикъ могъ сдѣлать или подумать. Однако, леди Лофтонъ продолжала:

— Я увѣрена, что вы поймете меня, Фанни: у васъ столько такта и благоразумія. Люси умна, занимательна какъ нельзя больше, а Лудовикъ, какъ почти всѣ молодые люди, не знаетъ, можетъ-быть, что его вниманіемъ можно придать больше значенія чѣмъ самъ онъ придаетъ....

— Вы не думаете же, что Люси въ него влюблена?

— О! нѣтъ, конечно, я ничего подобнаго не предполагаю. Еслибъ я думала, что дѣло можетъ дойти до этого, я бы тотчасъ же попросила васъ какъ-нибудь удалить ее. Я увѣрена, что она не до такой степени безразсудна.

— Мнѣ вообще кажется, что между ними ровно ничего нѣтъ, леди Лофтонъ.

— Я сама такъ думаю, моя милая, и потому ни за что не рѣшусь и намекнуть объ этомъ лорду Лофтону. Я не хочу, чтобы онъ могъ подозрѣвать Люси въ такомъ безразсудствѣ. Но все же, можетъ-быть, лучше будетъ, если вы скажете ей нѣсколько словъ. Въ такихъ дѣлахъ, знаете, лишняя предосторожность не можетъ повредить.

— Да что же мнѣ сказать ей?

— Вы только ей объясните, что всякая дѣвушка, которая часто разговариваетъ съ однимъ и тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, подаетъ поводъ къ толкамъ, къ замѣчаніямъ; стануть говорить, что она хочетъ завлечь лорда Лофтона. Не думайте, ради Бога, чтобы я подозрѣвала ее; я слишкомъ хорошаго о ней мнѣнія; я знаю, какое отличное получила она воспитаніе, какія твердыя у нея правила. Но непременно пойдутъ сплетни и пересуды. Вы это должны понимать, Фанни, не хуже меня.

Фанни не могла не задать себѣ внутренно вопроса: почему отличное воспитаніе и твердыя правила непременно должны воспретить Люси Робартсъ полюбить лорда Лофтона; но, конечно, она не сообщила старой леди своихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Ей никогда до сихъ поръ не приходила въ голову возможность брака между лордомъ Лофтономъ и Люси Робартсъ, и она не имѣла ни малѣйшаго желанія сближать молодыхъ людей.

Въ этомъ отношеніи она могла вполне согласиться съ леди Лофтонъ, хотя и не видѣла надобности въ постороннемъ вмѣшательствѣ. Однако она тотчасъ же изъявила готовность поговорить съ Люси.

— Мнѣ кажется, что Люси ничего подобнаго и въ голову не приходило, сказала мистриссъ Робартсъ.

— Очень можетъ-быть, очень вѣроятно. Но молодыя дѣвушки иногда позволяютъ себѣ влюбиться незамѣтно, а потомъ считаютъ себя оскорбленными именно потому, что имъ ничего въ голову не приходило.

— Я предостерегу ее, если вы этого желаете, леди Лофтонъ.

— Именно, моя милая; этого только я и хотѣла. Предостерегите ее, больше ничего и не нужно. Она милая, хорошая, умная дѣвушка; грустно было бы, если бы что-нибудь прервало наши пріятныя сношенія.

Мистриссъ Робартсъ въ точности поняла смыслъ этого намека. Если Люси не перестанетъ такъ исключительно привлекать къ себѣ вниманіе лорда Лофтона, ей придется рѣже посѣщать Фремле-Кортъ.

Леди Лофтонъ готова была сдѣлать многое, очень многое для своихъ друзей Робартсовъ, но не могла же она пожертвовать для нихъ всею будущностью своего сына.

Этимъ и кончился разговоръ. Мистриссъ Робартсъ встала и простилась съ леди Лофтонъ, обѣщавъ поговорить съ Люси.

— Вы такъ хорошо умѣете все уладить, сказала леди, пожимая ей руку.—Я теперь совершенно спокойна, видя, что вы соглашаетесь со мной.

Нельзя сказать, чтобы мистриссъ Робартсъ вполне соглашалась съ миледи; но она не почла нужнымъ заявлять это.

Мистриссъ Робартсъ тотчасъ же направилась домой; когда она дошла до того мѣста, гдѣ дорога повертывается къ пасторскому дому, насупротивъ лавочки Поджена, она увидѣла лорда Лофтона, на лошади, и Люси, стоявшую подлѣ него. Былъ пятый часъ; уже начинало смеркаться, однако она могла замѣтить, что между ними шелъ оживленный разговоръ. Лицо лорда Лофтона было обращено къ ней; онъ нагнулся къ Люси. Она стояла подлѣ него и смотрѣла ему въ лицо, опираясь одною рукою на шею лошади. Мистриссъ Робартсъ, глядя на нихъ, не могла не сознаться, что безпокойство леди Лофтонъ было не совсѣмъ лишено основанія.

Но, съ другой стороны, манеры Люси, когда къ ней подошла мистриссъ Робартсъ, должны были разсѣять всякія такого рода опасенія. Она осталась на прежнемъ мѣстѣ, не отдернула руки, не обнаружила ни малѣйшаго смущенія; когда къ ней подошла невѣстка, она встрѣтила ее спокойною улыбкой.

— Лордъ Лофтонъ уговариваетъ меня учиться ѣздить верхомъ, сказала она.

— Ъздить верхомъ! повторила Фанни, не зная, что отвѣчать на подобное предложеніе.

— Да, сказалъ онъ, — эта лошадь пришлась бы ей отлично: она тиха какъ овечка; вчера ее пробовалъ конюхъ Грегоріи, обернувъ ноги простыней, въ родѣ дамскаго шлейфа; я нарочно усадилъ его на дамское сѣдло.

— Я думаю, что Грегоріи лучше сумѣетъ распорядиться ею чѣмъ Люси.

— Лошадь бѣжала маленькою рысцою, какъ будто бы цѣлый вѣкъ ходила подлѣ дамскимъ сѣдломъ; ротъ у нея нѣжный какъ бархатъ, она даже слишкомъ слабоузда.

— Это должно-быть значить почти то же, что нѣжное сердце у человѣка?

— Именно; съ обоими нужно обращаться умѣючи; оно можетъ-быть не такъ легко, но за то и стоить труда.

— Но вы знаете, что этого умѣнія нѣтъ у меня, сказала Люси.

— Что касается до лошади, то вы выучитесь въ нѣсколько дней, и я надѣюсь, что вы согласитесь попробовать. Уговорите ее, мистриссъ Робартсъ.

— Да у Люси нѣтъ амазонки, сказала мистриссъ Робартсъ, прибѣгая къ обычному въ такихъ случаяхъ предлогу.

— Юстинія вѣрно оставила здѣсь свою. Я знаю, что она всегда оставляетъ здѣсь верховое платье, чтобъ имѣть его подлѣ руки, когда прѣзжаетъ сюда.

— Люси не рѣшится такъ распорядиться вещами леди Мередитъ, договорила Фанни, почти испуганная этимъ предложеніемъ.

— Разумѣется, объ этомъ нечего и говорить, Фанни, сказала

Люси довольно серьёзнымъ тономъ.—Вопервыхъ, я не захочу взять лошадь лорда Лофтона; вовторыхъ, я не захочу взять платья леди Мередитъ; втретьихъ, я слишкомъ труслива для верховой ѣзды; а наконецъ, это невозможно и по тысячѣ другихъ причинъ.

— Пустяки, сказалъ лордъ Лофтонъ.

— Точно, пустяки, но кто же какъ не лордъ Лофтонъ виновать въ томъ, что мы говоримъ пустяки? возразила Люси смѣясь.— Однако становится холодно, не правда ли, Фанни? Итакъ, мы съ вами простимся.

И объ дамы, пожавъ ему руку, отправились домой.

Мистриссъ Робартсъ всего больше удивлялась совершенному спокойствію и хладнокровію, которое обнаруживала Люси. Съ другой стороны, она не могла не замѣтить, что лордъ Лофтону огорчилъ ее отказъ. Люси же говорила твердымъ и положительнымъ тономъ, какъ будто бы рѣшилась разомъ прекратить этотъ разговоръ.

Онѣ молча дошли до воротъ. Тутъ Люси сказала смѣясь:

— Можете вы представить себѣ, какова бы я была на этой огромной лошади! Желала бы я знать, что сказала бы леди Лофтонъ, еслибъ увидѣла меня на ней, и благороднаго лорда, дающаго мнѣ уроки верховой ѣзды?

— Ей бы это не совсѣмъ понравилось, сказала Фанни.

— Не понравилось бы вовсе, я это знаю. Но я не намѣрена причинить ей такое огорченіе. Мнѣ иногда кажется, что она недовольна даже тѣмъ, что лордъ Лофтонъ разговариваетъ со мною.

— Ей непріятно, когда онъ съ вами любезничаетъ, Люси.

Мистриссъ Робартсъ сказала это довольно серьёзно, между тѣмъ какъ Люси говорила полу-шутливымъ тономъ. Но лишь только Фанни выговорила слово *любезничаетъ*, какъ она уже раскаялась въ немъ; она почувствовала, что выраженіе это не совсѣмъ справедливо. Она хотѣла только объяснить золоткѣ, что именно не нравилось леди Лофтонъ, а совершенно невольно сказала вещь непріятную для Люси.

— Любезничаетъ, Фанни! повторила Люси, останавливаясь и пристально взглянувъ на свою спутницу:—хотите вы этимъ сказать, что я кокетничаю съ лордомъ Лофтономъ?

— Я этого не говорила.

— Или что позволяю за собою ухаживать?

— Я не хотѣла сказать вамъ непріятности, Люси.

— Что же вы хотѣли сказать, Фанни?

— Да только это: леди Лофтонъ было бы непріятно, еслибъ онъ сталъ оказывать вамъ слишкомъ явное вниманіе, и еслибы вы позволяли это—вотъ въ родѣ этихъ уроковъ верховой ѣзды; вы хорошо сдѣлали, что отказались

— Конечно, я отказалась; конечно, я и не думала соглашаться. Развѣзжать на его лошадахъ! Чтѣ я сдѣлала, Фанни, что вы могли подумать такую вещь?

— Вы ничего не сдѣлали, милая Люси.

— Такъ отчего же вы завели со мной такой разговоръ?

— Оттого, что мнѣ хотѣлось предостеречь васъ. Вы знаете, Люси, чтѣ я васъ ни въ чемъ не виню; но вообще слишкомъ большая короткость между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкой — дѣло опасное.

Онѣ молча дошли до дверей дома. Люси остановилась у порога.

— Фанни, сказала она, — пройдемся еще разъ по саду, если вы не устали.

— Нѣтъ, я не устала.

— Мнѣ лучше сразу понять въ чемъ дѣло.

И онѣ опять удалились отъ дома.

— Скажите мнѣ откровенно, находите вы, что въ моихъ отношеніяхъ къ лорду Лофтону было что-нибудь предосудительное?

— Я думаю, что онѣ не прочь ухаживать за вами.

— И леди Лофтонъ поручила вамъ сдѣлать мнѣ выговоръ за это?

Бѣдная мистрисъ Робартсъ не знала чтѣ отвѣчать. Она цѣнила и любила обѣихъ особъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, и столько же боялась оскорбить одну, какъ и другую. Главнымъ ея желаніемъ было уладить все къ общему удовольствію и удалить поводъ ко всякому недоброжелательству. Однако, она не могла не отвѣчать откровенно на такой прямой вопросъ.

— Она не поручала мнѣ никакихъ выговоръ, Люси.

— Ну, хорошо; она просила васъ прочесть мнѣ наставленіе, поговорить со мной, не такъ ли? Во всякомъ случаѣ, сказать мнѣ что-нибудь такое, чтѣ удалило бы меня отъ лорда Лофтона?

— Только предостеречь васъ, милая Люси; вы бы не сердились на леди Лофтонъ, еслибы слышали чтѣ она говорила.

— Ну да, предостеречь меня. Какъ пріятно для дѣвушки, когда ее предостерегаютъ, чтобъ она не влюбилась въ молодого человѣка, особливо когда онѣ богатъ и знатенъ, и такъ далѣе!

— Никто и не думалъ обвинять васъ въ чемъ бы то ни было, Люси.

— Обвинять меня — нѣтъ! Не знаю, можно ли было бы винить меня даже тогда, еслибы я точно въ него влюбилась. Любопытно знать, предостерегали ль Гризельду Грантли противъ него? Присутствіе молодого лорда великая опасность, противъ нея слѣдуетъ предостеречь всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ разомъ. Зачѣмъ не привяжутъ къ нему ярлыка съ надписью: *опасно*?

Потомъ опять настало молчаніе; мистриссъ Робартсъ чувствовала, что ей нечего больше прибавлять.

— Право, на страшномъ лордѣ Лофтонѣ слѣдовало бы написать: «смертельный ядъ», да раскрасить его какимъ-нибудь особымъ цвѣтомъ, чтобы кто нечаянно не отравился.

— Ну, на счетъ этой стеклянки вы теперь въ безопасности, сказала Фанни смѣясь, — васъ достаточно предупредили.

— Да, но не поздно ли? Что толку разсуждать, когда ужъ не воротитъ: вѣдь я такъ долго упивалась этимъ страшнымъ ядомъ. А я-то, бѣдная, принимала его за самый невинный порошокъ, годный развѣ отъ загара. Нѣтъ ли какого-нибудь противоядія?

Мистриссъ Робартсъ не совсѣмъ могла понять расположеніе духа своей золовки; она нѣсколько затруднилась отвѣтомъ.

— Кажется, большаго вреда еще нѣтъ, Люси, ни съ той, ни съ другой стороны.

— Ахъ! вы не знаете, Фанни. Но вотъ, если я умру, — а я, право, умру, — леди Лофтонъ страшно будетъ мучить совѣсть. Зачѣмъ она вовремя не привязала къ нему ярлыка?

Потомъ онѣ вошли въ домъ, и каждая отправилась къ себѣ въ комнату.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было понять расположеніе духа Люси, тѣмъ болѣе что она сама себѣ не отдавала хорошенько въ немъ отчета. Ей было очень тяжело подвергнуться такого рода замѣчаніямъ по поводу лорда Лофтона. Она чувствовала, что пришелъ конецъ пріятнымъ вечерамъ въ Фремле-Кортѣ, и что она уже не можетъ говорить съ *нимъ* по прежнему свободно и безъ смущенія.

Прежде, до сближенія съ нимъ, ее какъ-то холодомъ обдало въ замкѣ; теперь она опять почувствуетъ этотъ холодъ, ей постоянно будетъ неловко въ гостиной леди Лофтонъ.

Но, съ другой стороны, она неволью задавала себѣ вопросъ: не была ли леди Лофтонъ права до нѣкоторой степени? У нея достало бодрости и присутствія духа, чтобы все обратить въ шутку въ разговорѣ съ невесткой; но въ душѣ своей она не могла не сознать, что дѣло это для нея вовсе не шуточное. Лордъ Лофтонъ нето чтобы выказывалъ ей любовь, но въ послѣднее время онъ говорилъ съ ней такимъ тономъ, который не вполне соответствовалъ тѣмъ спокойно-дружескимъ отношеніямъ, о которыхъ она мечтала прежде, думая, что они вполне удовлетворяютъ ее. Не права ли была Фанни, сказавъ, что такого рода дружескія отношенія между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкой опасны?

Да, Люси, очень опасны. Люси внутренно въ этомъ созналась въ тотъ вечеръ, ложась спать; и, лежа въ постели съ мокрыми отъ слезъ глазами, она должна была сознаться также, что, дѣйствительно,

арлыкъ появился слишкомъ поздно, что ее предостерегли тогда, когда она уже приняла ядъ. Гдѣ найти лѣкарство? вотъ все, о чемъ оставалось ей думать теперь. Однако, на другое утро, она могла казаться совершенно спокойною, и когда Маркъ ушелъ послѣ завтрака, она могла опять подшучивать вмѣстѣ съ Фанни надъ леди Лофтонъ и ея стклянкой съ ядомъ.

ГЛАВА XIV.

На леди Лофтонъ лежала еще другая забота, именно—прегрѣшенія выбраннаго ею пастора. Она выбрала его, и вовсе не была намѣрена отъ него отступиться, несмотря на всѣ его прегрѣшенія противъ своего сана. Вообще она не такая была женщина, чтобы легко отступиться отъ чего бы то ни было, тѣмъ болѣе отъ своего *protégé*. Одно то, что она выбрала его, было самымъ сильнымъ аргументомъ въ его пользу.

Тѣмъ не менѣе, его прегрѣшенія принимали въ ея глазахъ огромные размѣры, и она рѣшительно не знала что дѣлать. Она не рѣшалась прочесть наставленіе лично ему самому. Если она это сдѣлаетъ, а онъ ее попроситъ заниматься своими дѣлами, въ чужія же не вмѣшиваться (хотя бы не въ этихъ самыхъ словахъ), то въ приходѣ произойдетъ разъединеніе, расколъ; а это чуть ли не будетъ хуже всего. Все дѣло ея жизни будетъ испорчено, всѣ пути для ея энергіи будутъ заграждены, если она станетъ въ непріязненные отношенія къ священнику, которому порученъ ея приходъ.

Но что ей было дѣлать? Въ началѣ зимы онъ ѣздилъ въ Чальдикотсъ и въ Гадеромъ-Кассль, въ сообществѣ игроковъ, вигговъ, безбожниковъ, кутиль, приверженцевъ епископа Проуди. Это она простила ему; а вотъ теперь, въ немъ возгорѣлась страсть къ охотѣ, вовсе не приличная его сану. Конечно, Фанни увѣряетъ, что онъ только случайно присутствовалъ при охотѣ, объѣзжая свой приходъ. Да Фанни можетъ и не знать всего; она, какъ жена, даже должна вслѣдствіи извинять мужа. Но леди Лофтонъ не такъ-то легко обмануть. Она очень хорошо знаетъ, въ какой части графства находится Коббольдсъ-Эшесъ. Это мѣсто вовсе не принадлежитъ къ Фремлейскому приходу, ни даже къ сосѣднему; напротивъ, это мѣсто находится въ западной части графства, на полупути въ Чальдикотсъ; она слышала и про то знаменитое полеваніе, когда пали двѣ лошади, а имя пастора Робартса прославилось на вѣки между барсетширскими охотниками. Леди Лофтонъ до точности знала все, что происходило въ ея графствѣ.

Она знала все это, и молчала до сихъ поръ, но тѣмъ болѣе сокрушалась она во глубинѣ своего сердца. Высказанное горе уже только вполовину горе, и когда можешь съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, то все надѣешься, что эти совѣты принесутъ пользу.

Леди Лофтонъ не разъ говорила сыну, какъ ей жаль, что мистеръ Робартсъ сталъ ѣздить на охоту. «Всѣ на свѣтѣ согласны съ тѣмъ, что это не прилично для священника,» говорила она печально. Но сынъ вовсе не былъ расположенъ утѣшать ее. «Да вѣдь онъ собственно не охотится, говорилъ онъ, не такъ охотится, какъ я, напримѣръ. Да еслибъ и такъ, я въ томъ не вижу никакой бѣды. Всякому человѣку нужно маленькое развлеченіе, будь онъ даже архіепископъ.»

— У него довольно развлеченія дома, отвѣчала леди Лофтонъ:— что же дѣлаетъ его жена или его сестра?

Впрочемъ она тотчасъ же раскаялась въ этомъ намекѣ на Люси.

Лордъ Лофтонъ вовсе не хотѣлъ придти на помощь матери, онъ не хотѣлъ даже косвеннымъ образомъ отклонять викарія, и каждый разъ предлагалъ ему мѣсто въ своей каретѣ, когда отправлялся на охоту. Лордъ Лофтонъ и Маркъ были товарищами съ дѣтства, и лордъ зналъ, что Марку точно такъ же весело, какъ и ему, проѣхать за лисцами. Да и что же тутъ предосудительнаго?

Леди Лофтонъ не знала, можетъ-быть, что самый сильный союзникъ ея—совѣсть самого Марка. Не разъ онъ крѣпко призадумывался надъ собой, и давалъ себѣ слово не быть пасторомъ-охотникомъ. Да и конечно, что бы случилось со всѣми его блестящими надеждами на будущее повышеніе, еслибъ онъ позволилъ себѣ оступиться и унизиться? Когда онъ обдумывалъ правила и обязанности священнической дѣятельности и внутренно начертывалъ планъ собственной жизни, онъ не имѣлъ намѣренія облекаться въ строгій аскетизмъ. Онъ не считалъ нужнымъ гремѣть противъ танцевъ и картъ, противъ театровъ и романовъ; онъ принималъ свѣтъ такимъ, каковъ онъ на дѣлѣ, стараясь только своимъ ученіемъ и примѣромъ помогать постепенному его улучшенію, постепенному распространенію въ немъ христіанскихъ началъ; онъ не вѣрилъ въ возможность внезапныхъ и рѣзкихъ переворотовъ. Онъ зналъ, что, какъ ни грозны будутъ его проповѣди, какъ ни строга будетъ его собственная жизнь, удовольствія міра сего не потеряютъ цѣны въ глазахъ его слушателей; но онъ думалъ также, что смиренный духъ, тепло-вѣрующее сердце, бодрое лицо и твердая рука могутъ научить этихъ людей быть веселыми безъ разврата, быть небожними, не умирая для всего мірскаго.

Таковы были его убѣжденія, его намѣренія; можетъ-быть, иной.

священникъ обвинить ихъ въ недостатокъ серьезности, но мы такого мнѣнія, что въ нихъ была доля мудрости, — и доля безразсудства также, конечно, какъ свидѣтельствовали тѣ безпокойства, въ которыя они привели его.

«Я не хочу осуждать вслухъ то, чего въ душѣ не считаю дурнымъ,» говорилъ онъ себѣ, и такимъ образомъ рѣшилъ, что ему не слѣдуетъ избѣгать общества сосѣднихъ помѣщиковъ-охотниковъ. А потомъ, будучи по природѣ своей подверженъ влиянію окружающей среды, онъ увѣрилъ себя мало-по-малу, что и для него самого не можетъ быть предосудительно то, чего онъ не осуждалъ въ другихъ.

Однако совѣсть подчасъ упрекала его, и онъ не разъ обѣщалъ себѣ впредь отказаться отъ охоты. Къ тому же, когда онъ возвращался съ такихъ поѣздокъ, ему больно было встрѣчать печальный взглядъ своей Фанни. Она ничего не говорила ему, она никогда не спрашивала язвительнымъ тономъ, доволенъ ли онъ своею охотой, очень ли ему было весело въ этотъ день; но она не могла встрѣчать его разказовъ съ обычнымъ живымъ сочувствіемъ, съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ она принимала все что касалось ея мужа.

Потомъ, подъ конецъ зимы, онъ еще сдѣлалъ глупость. Онъ почти согласился купить у Соверби дорогую лошадь — лошадь вовсе ему не нужную, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была завлечь его въ дальнѣйшія безразсудства. Человѣкъ, добывшій себѣ хорошую лошадь, не захочетъ, чтобы она даромъ ѣла овесъ въ конюшнѣ. Если она годится въ упряжь, хозяинъ непременно захочетъ завести себѣ джигъ; если она лошадь верховая, счастливый обладатель будетъ мечтать о сворѣ собакъ.

— Маркъ, сказалъ ему разъ Соверби, — мой конь что-то черезчуръ горячъ, я съ нимъ почти не справлюсь; вы молоды и сильны, помѣняйтесь-ка на нынѣшній день.

Маркъ согласился, и пришелъ въ восторгъ отъ доставшейся ему лошади.

— Лошадь великолѣпная, сказалъ онъ Соверби.

— Да, для человѣка вашего склада, но мнѣ она не подѣсилу; я ужъ не такой молодецъ, какимъ былъ прежде. А лошадь точно отличная, особенно для охоты.

Не могу сказать въ точности, какимъ образомъ рѣчь зашла о цѣнѣ великолѣпной лошади, но дѣло въ томъ, что мистеръ Соверби объявилъ пастору, что онъ готовъ ее уступить за сто тридцать фунтовъ.

— Я, признаться, очень бы желалъ, чтобы вы взяли ее, сказалъ Соверби, — меня бы это отчасти избавило отъ большой заботы.

Маркъ посмотрѣлъ на него съ непритворнымъ изумленіемъ; онъ не могъ сразу понять, что онъ хочетъ сказать этимъ.

— Вы знаете, я сильно боюсь, чтобы вамъ не пришлось рано или поздно уплачивать по этому дьявольскому векселю (Маркъ поморщился, должно-быть его благочестивыя уши оскорбились беззаконными словами), и мнѣ пріятно было бы думать, что вы уже получили отъ меня взачетъ долга кой-что.

— Такъ вы полагаете, что мнѣ придется уплатить всѣ восемьсотъ фунтовъ?

— О нѣтъ, конечно! Но что-нибудь вамъ, вѣроятно, придется заплатить; итакъ, если вы возьмете Денди за сто тридцать фунтовъ, вы уже будете имѣть въ виду эту сумму, когда явится къ вамъ Тозеръ. Право, цѣна шуточная за такую лошадь; да и уплатою вамъ нечего будетъ торопиться.

Маркъ сперва объявилъ спокойно и рѣшительно, что лошадь ему не нужна; но потомъ ему мелькнула мысль, что если уже суждено ему заплатить часть долговъ мистера Соверби, то все же лучше хоть что-нибудь съ него получить; если онъ возьметъ лошадь, то во всякомъ случаѣ онъ можетъ продать ее за хорошую цѣну. Ему не приходило въ голову, что онъ черезъ это дастъ мистеру Соверби право говорить, что Маркъ получилъ отъ него значительную часть цѣнности векселя, и вообще позволить ему еще больше впутать его въ свои денежные дѣла. Мистеръ Соверби хорошо понималъ все это; онъ зналъ, что это дастъ ему возможность сочинить какую-нибудь правдоподобную исторію, какъ въ тотъ разъ, когда у него было дѣло съ лордомъ Лестономъ.

— Такъ что же, берете вы Денди? спросилъ опять Соверби.

— Да право, не знаю что вамъ сказать, отвѣчалъ пасторъ: — на что онъ мнѣ теперь, когда уже прошла пора охоты?

— Именно, мой милый другъ: да и мнѣ-то онъ не нуженъ теперь. Еслибы мы были въ началѣ октября, а не въ началѣ марта, онъ стоилъ бы двѣсти тридцать фунтовъ вмѣсто ста; черезъ шесть мѣсяцевъ вы можете взять двойную цѣну за эту лошадь. Посмотрите, какія стати.

Маркъ сталъ осматривать лошадь съ аккуратностью знатока; приподнялъ поочередно всѣ четыре ноги, ощупалъ копыта, вымѣрилъ рукою длину нижнихъ суставовъ; заглянулъ въ глаза, въ зубы, принялъ въ соображеніе ширину груди, крестца, форму реберъ, изгибъ спины, силу дыханія. Потомъ онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, чтобъ окинуть взглядомъ общій складъ коня.

— Онъ, кажется, на ноги слабъ, сказалъ пасторъ, подумавъ.

— О, нѣтъ! это здѣсь грунтъ не ровный. Проведите его подалее, Бобъ; вотъ такъ; теперь хорошо.

— У него есть свои недостатки, сказалъ Маркъ:—копыта не

совсѣмъ мнѣ нравятся. Впрочемъ, должно признаться, красивая лошадь.

— Еще бы! Еслибъ она была совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, я бы не отдалъ ея за сто тридцать фунтовъ. Да гдѣ же вы видѣли лошадь безъ малѣйшаго недостатка?

— Да вотъ, напримѣръ, ваша кобыла, Мистриссъ Гампъ.

— И она не была совершенство. Впервыхъ, она плохо ѣла. Впрочемъ, конечно, трудно встрѣтить что-нибудь лучше Мистриссъ Гампъ.

Разговоръ о лошадяхъ еще долго шелъ между двумя знатоками, при чемъ мистеръ Соверби все больше терялъ изъ виду священный санъ своего собесѣдника, да и Маркъ, казалось, часто забывалъ о своемъ священномъ санѣ. Или итѣть, онъ не совсѣмъ забывалъ о немъ, но воспоминаніе о немъ въ послѣднее время постоянно сопровождалось другими мучительными мыслями.

На самомъ сѣверѣ восточнаго отдѣла Барсетшира, находится Гоггельстокскій приходъ, который также граничитъ съ западнымъ округомъ. Было бы можетъ-быть не худо приложить здѣсь географическую карту Барсетшира, для объясненія всѣхъ этихъ мѣстностей. Фремлей также находится въ сѣверной части графства, но на самомъ югѣ большаго тракта желѣзныхъ дорогъ, не много ниже сворачивающаго къ Барчестеру. Ближайшая къ Фремле-Корту станція, Сильвербриджъ, принадлежитъ уже къ западному округу графства. Гоггельстокъ лежитъ къ сѣверу отъ желѣзной дороги (которая однако пересѣкаетъ часть прихода) и примыкаетъ къ Фремлею, хотя церкви находятся на разстояніи, по крайней мѣрѣ, семи миль одна отъ другой. Барсетширъ—вообще веселый и лѣсный край, съ цвѣтущими лугами, съ большими древесными изгородами и дорогами, окаймленными широкою полосой свѣжей, зеленой травы. Таковъ общій видъ графства; но къ сѣверу видъ страны измѣняется; она становится мрачна и однообразна; большія поля, какъ будто еще только вновь разбиты на участки, раздѣлены низенькими искусственными изгородами; видны слѣды человѣческаго труда, но нигдѣ не встрѣтишь обычной красоты и живописности англійской сельской жизни. Въ Гоггельстокѣ, за исключеніемъ пасторскаго дома, однѣ только хижины рабочихъ, да и это жилище не многимъ разнится отъ окружающихъ. Домъ некрасивый, неуклюжій и тѣсный; садъ, окружающій его, подъ ладъ цѣлому краю, болѣе разчитанъ для пользы чѣмъ для украшенія; въ немъ насажена капуста, а не деревья; въ немъ растетъ картофель отличнаго сорта, но не видно ни цвѣтовъ, ни даже тѣни кустарника. Вообще весь Гоггельстокскій приходъ слѣдовало бы присоединить къ сосѣднему графству, которое

вовсе не такъ привлекательно, какъ Барсетширъ, что вѣроятно извѣстно большинству моихъ читателей.

Мистеръ Кролей, имя котораго мы уже упоминали вскользь, былъ гогельстокскимъ пасторомъ. Что именно въ первобытныхъ времена служило основаніемъ распредѣленію возмездія, получаемаго нашими приходскими священниками, теперь врядъ ли возьмется рѣшить самый глубокій знатокъ средневѣковыхъ церковныхъ архивовъ. Что священники получали свою плату изъ десятины общаго приходскаго сбора, и что часть этой десятины шла на разныя другія благочестивыя дѣла, какъ-то: исправленія церковныхъ зданій, пріюты, и такъ далѣе, объ этомъ каждый изъ насъ имѣетъ смутное понятіе. Точно также намъ извѣстно, что *ректоръ*, будучи важнымъ лицомъ, получалъ всю десятину сполна, за вычетомъ упомянутыхъ богоугодныхъ издержекъ, что *викарій* былъ чей-то намѣстникъ, и поэтому пользовался лишь только маленькою частью десятины, будучи самъ человѣкъ маленький.

Но трудно себѣ представить, чтобы такимъ образомъ, даже въ средніе вѣка, можно было установить хотя приблизительную соразмѣрность между трудомъ и платой. Достаточно ясно, что въ наше время этой соразмѣрности не существуетъ.

И какой бы поднялся крикъ между духовенствомъ англиканской церкви, даже въ нашъ вѣкъ нововведеній, еслибы какому-нибудь смѣлому прогрессисту вздумалось предложить болѣе разумное распредѣленіе платы и труда! Пусть тѣ, которые знаютъ нашихъ священниковъ, и жили съ ними, и любятъ ихъ, представить себѣ такой переворотъ! Какъ? священники будутъ получать свои доходы, не по выгодамъ и удобствамъ каждаго отдѣльнаго прихода, выпавшаго на ихъ долю (вслѣдствіе ли ихъ личныхъ достоинствъ, или протекціи), а сообразно съ дѣломъ, которое отъ нихъ требуется? О, Доддингтонъ! О, Стангопъ! подумайте объ этомъ, если такая святотатственная мысль можетъ закрасться въ ваши благочестивыя души! Слыхано ли, чтобы труды духовенства были вознаграждаемы по ихъ количеству и качеству!

Однако, какъ ни горестна эта мысль, можно положительно предсказать, что надъ духовенствомъ виситъ такой переворотъ. Многіе члены нашего духовенства точно такимъ образомъ смотрятъ на этотъ предметъ. Теперешнее распредѣленіе приходскихъ сборовъ дорого нашему сердцу, какъ учрежденіе, освященное временемъ, англійское по преимуществу, джентльменское и живописное. Мы бы желали держаться его какъ можно долѣе, но не можемъ не сознаться, что тутъ нами руководитъ чувство, а не разумъ. Весьма пріятно быть окружену древними, джентльменскими и живо-

писанными учреждениями, но иногда встрѣчается надобность еще въ кое-чемъ кромѣ этого.

Какъ утѣшительно было также, что одинъ епископъ получалъ пятнадцать тысячъ въ годъ, а другой съ такого же округа не болѣе четырехъ; что какой-нибудь сановникъ церкви могъ въ одинъ годъ получить двадцать тысячъ фунтовъ, между тѣмъ какъ его преемнику доставалось всего пять!

Это имѣло какой-то поэтически-феодалный отпечатокъ, и многимъ сгрустнулось, когда отмѣнили этотъ порядокъ вещей. Пусть говорятъ что хотятъ; для меня епископъ съ определеннымъ жалованьемъ, безъ земли, теряетъ много своего величія. Приятно было думать, что есть въ Англии два или три декана, которые получаютъ до трехъ тысячъ въ годъ, и что старый докторъ Поррлъ владѣлъ тремя церковными сѣдалищами, изъ которыхъ одно было золотое, а другія два серебряныя съ позолотой! Въдѣ отраднa эта мысль для преданнаго сына господствующей церкви! Золотое сѣдалище!

Но епископовъ лишили всего этого блеска, и величіе декановъ стало приходить въ упадокъ. Нашъ разчетливый вѣкъ требуетъ, чтобы гучныя церковныя земли были разбиты на множество крошечныхъ частей, чтобы было чѣмъ жить трудящимся священникамъ, и на части такія крошечныя, что священнику часто вовсе нечѣмъ жить. А цвѣтушіе ректоры и викаріи, съ своею богатою десятиной, также скоро должны исчезнуть. Стангопу и Доддингтону остается волею или неволею помириться съ утратой свѣтскихъ преимуществъ. Въ другихъ званіяхъ и ремеслахъ людямъ платятъ за работу. Пусть будетъ такъ и съ духовенствомъ. Таковъ будетъ рано или поздно приговоръ какого-нибудь безчувственнаго, сухоразчетливаго парламента.

Я на этотъ предметъ имѣю въ головѣ своей проектъ, о которомъ впрочемъ не намѣренъ говорить здѣсь, не надѣясь, чтобы кто-нибудь сталъ меня слушать. Вообще, я только потому себѣ позволилъ это отступленіе, что меня навело на него положеніе мистера Кролея, который получалъ всего сто тридцать фунтовъ въ годъ, имѣя на рукахъ весь Гоггельстокскій приходъ. А приходъ этотъ обширенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ двѣ большія деревни, населенныя преимущественно кирпичниками, а кирпичники народъ весьма безпокойный, особливо для ревностнаго пастора, который не желаетъ, чтобы ихъ безсмертныя души отправились прямо къ чорту. Въ Гоггельстокѣ дѣла довольно для двухъ человекъ, а между тѣмъ весь доходъ, назначенный священнику, ограничивается этими жалкими ста тридцатью фунтами.

Мистеръ Кролей былъ тотъ самый священникъ, о которомъ мистеръ Робертсъ сказалъ, что онъ едвали не считаетъ грѣхомъ пере-

ступить за предѣлы своего прихода. Конечно, Маркъ Робартсъ хотѣлъ этимъ поднять на смѣхъ своего собрата; но нѣтъ сомнѣнія, что мистеръ Кролей точно былъ человѣкъ строгій и точный до рѣзкости, человѣкъ болящійся только Бога да своей совѣсти. Мы должны здѣсь сказать слова два о мистерѣ Кролей и его предыдущей жизни.

Ему было теперь лѣтъ подъ сорокъ, но только въ послѣдніе четыре года занималъ онъ настоящее свое мѣсто въ Гоггельстокѣ. Первые десять лѣтъ своего священническаго поприща онъ провель кураторомъ въ какомъ-то дикомъ, мрачномъ, холодномъ углу, въ сѣверной части Кориваллиса. Тяжелую пришлось ему нести борьбу, трудна была его жизнь среди обязанностей плохо вознаграждаемыхъ и часто превышавшихъ его силы, среди бѣдности, заботъ, болѣзни, долговъ и тяжкихъ утратъ. Мистеръ Кролей женился почти тотчасъ же по вступленіи въ духовное званіе, и нѣсколько дѣтей родилось въ этомъ холодномъ, неудобномъ коривалльскомъ коттеджѣ. Онъ женился на дѣвушкѣ, образованной и нѣжно воспитанной, но не одаренной земнымъ богатствомъ. Они оба рѣшились выдержать вмѣстѣ жизненную борьбу: пренебrecь свѣтомъ и свѣтскими условіями, ища опоры въ одномъ Богѣ, да во взаимной любви. Они готовы были отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, отъ приличной одежды и нѣжной пищи. Вѣдь другія, живущія своимъ рукодѣльемъ, издерживали не болѣе того, что онъ могъ получить какъ курать; большая часть ихъ не имѣла даже и того. Такъ будутъ жить и они, скромно и бѣдно, работая, если не руками, такъ духомъ.

Такъ и зажили они; вся ихъ прислуга состояла изъ босоногой четырнадцатилѣтней дѣвочки, помогавшей имъ въ хозяйствѣ; первое время они не унывали, и дѣла ихъ шли успѣшно. Но человѣкъ, который походилъ на свѣтъ джентльменомъ, едва ли пойметъ какъ трудно переимѣнить общественное положеніе и стать на низшую ступень въ общественномъ порядкѣ; и еще менѣе пойметъ, какъ тяжело возложить эту жертву на любимую жену. Есть тысяча бездѣлицъ, которыя человѣкъ, въ своей философіи, готовъ назвать пустыми и презрѣнными, но лишеніе которыхъ подвергнетъ его философію самому горькому испытанію. Пусть самый неприхотливый изъ моихъ читателей припомнитъ, какъ напримѣръ, вставая поутру, надѣваетъ онъ свой халатъ, и пусть сознается, какъ было бы ему тяжело потерпѣть и въ этомъ какое-нибудь лишеніе.

Потомъ пошли дѣти. Жена ремесленника воспитываетъ своихъ дѣтей, и часто дѣтей здоровыхъ и сильныхъ, съ гораздо-меньшими средствами и удобствами чѣмъ тѣ, которыми располагала мистриссъ Кролей; но у нея едва хватало на это силъ. Не то

чтобъ она унывала или падала духомъ; она была изъ болѣе-крѣпикаго металла чѣмъ ея мужъ; она еще держалась, когда онъ уже изнемогалъ.

А бывали такія минуты, когда онъ изнемогалъ, изнемогалъ совсѣмъ—душою и тѣломъ. Тогда онъ начиналъ жаловаться съ горечью, говоря, что слишкомъ трудна его доля, что онъ падаетъ подъ своимъ бременемъ, что Господь покинулъ его. И онъ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ сидѣлъ у себя, не выходя за порогъ коттеджа, не видя никого, кромѣ своего семейства. Эти дни были ужасны и для него и для нея. Онъ сидѣлъ неумытый, небритый, подпершись рукой, въ старомъ своемъ халатѣ, не говоря ни съ кѣмъ, почти не принимая пищи, смаясь молиться, часто смаясь вотще. Потомъ онъ вскакивалъ со стула, и въ припадкѣ отчаянія громко зывалъ къ Всевышнему, чтобъ Онъ положилъ конецъ его мукѣ.

Въ такія минуты она никогда не покидала его. Одно время у нихъ было четверо дѣтей, и хотя вся забота о нихъ, всѣ попеченія нравственныя и физическія тяготѣли надъ нею, она не прерывала своихъ усилій утѣшить и поддержать мужа. Наконецъ онъ падалъ на колѣни, и горячая молитва облегчала его истерзанную душу; и подкрѣпившись сномъ, онъ опять принимался за свое дѣло.

Но она никогда не предавалась отчаянію, ни разу не позволила себѣ ослабѣть. Когда-то она была хороша собою; но давно исчезли слѣды этой красоты, давно стерся нѣжный румянецъ съ ея щекъ. Черты сдѣлались рѣзки, лицо осунулось; она стала худа до того, что кости почти высовывались изъ ея щекъ, локти заострились, пальцы стали похожи на пальцы скелета. Глаза ея не утратили своей живости, но они стали какъ-то неестественно блестящи, несоразмѣрно велики для ея испитаго лица. Темныя кудри, которыя она когда-то любила зачесывать назадъ, какъ бы хвалясь тѣмъ, что пренебрегаетъ показывать ихъ, теперь висѣли въ беспорядкѣ по ея плечамъ. Теперь ей мало было дѣла до того, видать ли ихъ, или нѣтъ.

Будетъ ли онъ въ состояніи взойти на свою кафедру, будетъ ли ему чѣмъ прокормить четырехъ малютокъ, чѣмъ защитить ихъ отъ холода—вотъ что теперь поглощало ея мысли.

А тамъ двое изъ нихъ умерли; она стояла возлѣ него, пока онъ зарывалъ ихъ въ холодную, замерзшую землю, боясь, что онъ падаетъ безъ чувствъ среди печальной работы. Онъ не хотѣлъ просить помощи ни у кого—такъ по крайней мѣрѣ онъ говорилъ себѣ, поддерживая въ душѣ послѣдній остатокъ гордости.

Двое мальчиковъ умерли, но ихъ болѣзнь была продолжительна; пошли долги. Уже давно, въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ,

они мало-по-малу запутывались въ долги. Кто можетъ видѣть своихъ дѣтей голодными и не брать предлагаемаго хлѣба? Кто можетъ видѣть жену въ самой горькой нуждѣ, и не искать помощи, когда помощь возможна? Итакъ, ихъ опутали долги; жестокіе кредиторы приставали къ нимъ изъ-за какой-нибудь бездѣльной суммы,—бездѣльной въ глазахъ свѣта, но далеко превышавшей ихъ средства. И опять онъ заперся въ свою одинокую каморку, стыдась и свѣта, и самого себя.

Но неужели у такого человѣка не было друзей? могутъ спросить. У такихъ людей, я полагаю, друзей бываетъ немного. Впрочемъ онъ не былъ оставленъ всѣми. Почти каждый годъ посѣщалъ его, въ его корнвалльскомъ куратствѣ, другой священникъ, бывшій товарищъ его по школѣ, и, сколько могъ, пособлялъ бѣдному курату и его женѣ. Этотъ другъ поселился на недѣлю у какого-нибудь сосѣдняго фермера, и хотя онъ иногда заставлялъ мистера Кролея близкимъ къ отчаянію, онъ почти всегда умѣлъ сколько-нибудь ободрить его и утѣшить. Впрочемъ, благотѣльное вліяніе тутъ было обоюдно. Мистеръ Кролей, хотя подчасъ и ослабѣвалъ въ собственномъ дѣлѣ, былъ всегда силенъ и бодръ, когда дѣло шло о другихъ, и этою бодростію былъ часто полезенъ своему другу, котораго онъ любилъ всею душой. Отъ этого друга и денежная была бы помощь—небольшая конечно, потому что въ то время и самъ онъ не принадлежалъ къ богатымъ и сильнымъ міра сего,—но все достаточная для скромныхъ нуждъ мистера Кролея, еслибы только онъ соглашался ее принять. Но уговорить его на это было не такъ-то легко. Отъ денегъ онъ отказывался наотрѣзъ; отъ времени до времени, при помощи жены, удавалось безъ его вѣдома заплатить какой-нибудь должокъ; при случаѣ посылались башмачки для Китти... пока Китти не перестала нуждаться въ башмачкахъ; иногда мистриссъ Кролей находила въ своемъ опустѣломъ сундукѣ кусокъ сукна для Гарри и Франка, изъ котораго бѣдная труженица шила платья обоимъ мальчикамъ; только одному изъ нихъ пришлось носить эти платья—на то была воля Господня.

Такъ жили мистеръ и мистриссъ Кролей въ своемъ корнвалльскомъ куратствѣ, въ постоянной борьбѣ съ житейскими заботами. Тому, кто держится мнѣнія, что за честный трудъ слѣдуетъ честная плата, покажется жестокимъ, чтобы человѣкъ работалъ много и получалъ такъ мало. Иные скажутъ конечно, что онъ самъ виноватъ, женившись слишкомъ рано. Но вопросъ остается: не слѣдуетъ ли за всякій трудъ соразмѣрное вознагражденіе? Этотъ человѣкъ трудился безъ устали, и задача его была самая тяжкая, какая только можетъ достаться человѣку; а между тѣмъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, получалъ онъ не болѣе семидесяти

фунтовъ въ годъ. Кто рѣшится сказать, чтобъ эта плата была соразмѣрна съ его трудомъ, будь этотъ человекъ женатъ или холостъ? А между тѣмъ, столько есть людей, которые рады были бы жертвовать въ пользу духовенства, еслибы только знали, какъ распорядиться своими деньгами. Но это вопросъ многосложный, какъ уже сказалъ Маркъ Робартсъ въ разговорѣ съ миссъ Данстель.

Таковъ былъ мистеръ Кролей въ своемъ корнвалльскомъ куратствѣ.

ГЛАВА XV.

Но вотъ скромный другъ мистера Кролея внезапно пошелъ въ гору. Мистеръ Эребинъ—такъ звали его, прежде чѣмъ онъ переименовался въ доктора Эребина—долго былъ простымъ товарищемъ лазаревской коллегіи. Наконецъ онъ получилъ мѣсто викарія сентъ-эвольдскаго; едва успѣлъ онъ вступить въ свою новую должность, какъ женился на молодой вдовѣ Больдъ, которая принесла ему въ приданое порядочный капиталъ въ деньгахъ и землѣ, а въ отягощеніе не принесла ничего кромѣ одного крошечнаго ребенка.

Онъ еще былъ женихомъ, когда его произвели въ деканы барчестерскіе—прошпешствіе, записанное въ лѣтописяхъ епархіи и графства.

Теперь, ставъ богатъ, новый деканъ успѣлъ уплатить долги своего пріятеля, при помощи одного камельфордскаго законника—всего-то вышло не болѣе какихъ-нибудь ста фунтовъ. Потомъ, года полтора спустя, представилась вакансія въ Гоггельстокскомъ приходѣ, и деканъ могъ предложить ее мистеру Кролею. Доходъ здѣсь состоялъ всего изъ ста-тридцати фунтовъ, но и это было вдвое противъ того, что получалъ онъ въ Корнвалльсѣ; къ тому же въ Гоггельстокѣ былъ домъ для священника. Бѣдная мистриссъ Кролей, когда дошла до нея эта вѣсть, подумала, что оканчивались для нея испытанія бѣдности. И, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны были казаться сто-тридцать фунтовъ людямъ, которые въ продолженіи десяти лѣтъ проживали около семидесяти?

Итакъ, они оставили свой мрачный, холодный уголь, и поселились въ другомъ краю, также холодномъ и печальномъ, но не до такой степени мрачномъ, какъ прежній. Они устроились кой-какъ, и опять началась ихъ борьба противъ ожесточенія человѣческаго и козней дьявола. Я сказалъ, что мистеръ Кролей былъ человекъ суровый, непривѣтный; дѣйствительно, онъ былъ таковъ.

Надобно быть сдѣлану изъ самаго чистаго металла, чтобы не ожесточиться отъ постояннаго и незаслуженнаго несчастія. На мистера Кролея горе подѣйствовало столько, что оставило на немъ примѣтные, неизгладимые слѣды. Онъ не нуждался въ обществѣ, считая даже грѣхомъ обращать на него вниманіе. Онъ вѣрилъ, что всѣ эти испытанія ниспосланы ему Господомъ, и окончательно должны послужить къ его же благу, но тѣмъ не менѣе они сдѣлали его угрюмымъ, молчаливымъ, даже жесткимъ. У него всегда было на сердцѣ чувство, что онъ и его близкіе страдаютъ несправедливо и слишкомъ часто, можетъ-быть, утѣшалъ себя мыслью, что вѣчность вознаградитъ его за эту несправедливость въ здѣшней жизни — послѣдняя приманка, на которую дьяволъ ловитъ души, избѣжавшія всѣхъ другихъ его западней.

Фремлейское помѣстье никакою частью своею не входило въ черту Гоггельстокскаго прихода; однако леди Лофтонъ употребила всѣ старанія, чтобы чѣмъ-нибудь услужить новопріѣзжимъ. Гоггельстокъ не имѣлъ своей леди Лофтонъ; Провидѣніе отказало ему даже въ какомъ бы то ни было покровителѣ, въ видѣ лорда или леди, или хоть бы простаго сквайра. Гоггельстокскіе фермеры были народъ грубый и необразованный, нисколько не приближавшійся къ разряду фермеровъ-джентльменовъ; леди Лофтонъ знала все это, и услышавъ кой-что о семействѣ Кролея, отъ мистриссъ Эребинъ, жены декана, подумала, какъ говорится, масла въ свои лампы, чтобы свѣтъ отъ нихъ распространялся шире и сколько-нибудь проникалъ въ это забытое, покинутое домохозяйство.

Что касается мистриссъ Кролей, то леди Лофтонъ никакъ не могла бы сказать, что участіе ея и ласка были отвергнуты. Мистриссъ Кролей съ благодарностію принимала доказательства ея доброты: подъ ея рукою она снова узнала нѣкоторыя удобства жизни. Отъ приглашеній въ Фремле-Кортъ она отказалась сразу. Она знала, что мистеръ Кролей о томъ и слышать не захочетъ. Она отвѣчала, что не чувствуетъ себя способною пройти черезъ эту церемонію, прибавивъ, что они съ мужемъ не могутъ даже рѣшиться принять приглашеніе стараго друга, декана, настоятельно просившаго ихъ къ себѣ. Но тѣмъ не менѣе леди Лофтонъ была большимъ утѣшеніемъ для нея; бѣдная женщина чувствовала, какъ хорошо было имѣть въ сосѣдствѣ леди Лофтонъ на случай нужды.

Относительно мистера Кролея задача была не такъ легка, но и здѣсь леди Лофтонъ не совсѣмъ осталась безъ успѣха. Она разсуждала съ нимъ о его приходѣ и о своемъ собственномъ;

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Нашъ языкъ и что такое свистуны.

Библиотека политическихъ и экономическихъ наукъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Соч. Бруно Гильдебранда.

Пер. М. П. Щепкина. В. ЗАОЧНАГО.

Стихотворенія А. С. Хомякова. М. Н. ЛОНГИНОВА.

Солдатская бесѣда. М.

КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Невскомъ Преспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,

въ Москвѣ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкою во все мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 3 пфеннига.

Печататьъ позволяется.

Апрѣля 11-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511000

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

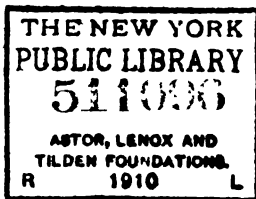
- I.—АДМИНИСТРАТИВНЫЯ ПРЕОБРАЗОВА-
НІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ПЕРВАЯ СЛУЖ-
БА В. Н. ТАТИЩЕВА. В. А. ПОПОВА.
- ✓ II.—ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРО-
ВИЧА БЕСТУЖЕВА къ Н. А. и К. А. Поле-
вымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ,
съ предисловіемъ. К. А. ПОЛЕВАГО.
- III.—ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I, во Карлейлю. А. В. ДРУЖИНИНА.
- ✓ IV.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза
Диккенса. Гл. XIV—XIX.
- ✓ V.—ЧУЖОЕ ИМЯ, романъ въ 3-хъ частяхъ,
часть третья, гл. I—III. Н. Д. АХШАРУМОВА.
- VI.—ОЧЕРКЪ НАЛОГОВЪ НА СПИРТОВЫЕ
НАПИТКИ въ нѣкоторыхъ государствахъ за-
падной Европы. (Окончаніе.) А. Н. КУЛОМЗИНА.
- VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
Добрая память. Я. К. ГРОГА.
-Опять обѣщанья. М. П. РОЗЕНГЕЙМА.
Лѣвой-правой Д. Д. МИНАЕВА.
Excelsior (Изъ Longfellow). В. С. Д. КОСТОМАРОВА.
- VIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.
(См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Фремлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.
Гл. XII—XIX.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

АДМИНИСТРАТИВНЫЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

И

ПЕРВАЯ СЛУЖБА В. Н. ТАТИЦЕВА

Въ 1711 году, послѣ неудачной прутской кампаніи, Петръ встрѣтился съ Лейбницемъ, нарочно пріѣхавшимъ въ Торгау для свиданія, и выслушалъ его совѣты о необходимости распространить въ Россіи полезныя науки и искусства. Сознавая, что война мѣшаетъ Петру предаться вполне столь благому намѣренію, Лейбницъ просилъ, однакожь, не откладывать исполненіе его въ даль и дѣятельно заняться устройствомъ школъ, библіотекъ, музеевъ, кабинетовъ, обсерваторій, ученыхъ обществъ и университетовъ. Въ послѣдствіи, познакомившись еще болѣе съ царемъ и его приближенными, узнавъ отъ нихъ о характерѣ государственнаго управленія, какое существовало тогда въ Россіи, Лейбницъ понялъ еще не меньшую потребность административныхъ реформъ и представилъ Петру проектъ объ устройствѣ коллегій. Главныя положенія этого проекта состояли въ слѣдующемъ:

1) Донынѣ опытъ достаточно показалъ, что государства и страны не иначе могутъ быть приводимы въ лучшее состояніе, какъ только посредствомъ учрежденія коллегій.

2) Такія коллегіи весьма справедливо могутъ быть подѣлены на главныя и второстепенныя.

3) Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую; и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности и тѣсной гармоніи, то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія.

4) Но какъ часы различаются тѣмъ, что одни требуютъ болѣе, другіе менѣе колесъ; такъ точно различаются между собою и государства, и трудно опредѣлять непремѣнное число коллегій.

5) Для государства его царскаго величества можно сначала счесть необходимыми слѣдующія девять коллегій: политическую (*etats-collegium*), военную, финансовую, полицейскую, юстицъ-коллегію, коммерцъ-коллегію, ревизіонъ-коллегію, духовную и ученую.

6) Для каждой изъ этихъ коллегій необходимо особое описаніе и притомъ а) того, что касается членовъ каждой коллегіи, б) что должно быть предметомъ ихъ занятій, в) какую пользу получить изъ того его царское величество и страна его.

Къ проекту своему Лейбницъ приложилъ планъ только одной ученой коллегіи, но въ послѣдствіи представилъ общія соображенія о порядкѣ и экономіи финансовъ, причемъ, говоря о причинахъ дурнаго состоянія государственныхъ доходовъ, упоминалъ уже о камеръ-коллегіи, бергъ-коллегіи и мануфактуръ-канцеляріи; наконецъ онъ составилъ еще инструкцію для конфискаціонной канцеляріи. Мысли, планы, проекты Лейбница не должны были остаться безъ вліянія на Петра: совѣты германскаго мыслителя должны были найти сочувствіе въ преобразователѣ Россіи уже и потому, что они не были новостію для Петра, отвѣчали его собственнымъ намѣреніямъ. Съ другой стороны, если Лейбницу трудно было сойтись съ Карломъ XII, во время ихъ свиданія въ Альтранштадтѣ, потому что между космополитомъ-философомъ, какимъ былъ первый, и молчаливымъ, упрямымъ кондотьеромъ, какимъ былъ шведскій король, не могло быть никакой точки соприкосновенія, то къ русскому царю привлекали мысль Лейбница тотъ духъ реформы, которымъ проникнуты были всѣ дѣйствія Петра, и то страстное, безпокойное стремленіе, съ какимъ онъ хотѣлъ добиться лучшаго. Въ послѣднемъ свойствѣ чело-

вѣческой субстанціи Лейбницъ всегда находилъ источникъ совершенствованія и счастья людей. Unruhe, говорилъ онъ своимъ любимымъ языкомъ сравненій, есть нѣмецкое названіе часоваго маятника. Административныя реформы Петра предупредили до нѣкоторой степени совѣты Лейбница. Еще въ началѣ 1711 года, приступая къ войнѣ съ Турціей, онъ учредилъ сенатъ, обязанностію котораго между прочимъ было: «судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія; то жъ и ябедникамъ да послѣдуетъ; смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные, отставить; денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артерією войны;» заботиться о торговлѣ и другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства.

Сенату приданы были фискалы, должность которыхъ состояла въ томъ, чтобы «надъ всѣми дѣлами надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинить, то долженъ фискаль позвать его предъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать.» Но, при такомъ устройствѣ сената, положительная дѣятельность его не могла быть успѣшна по причинѣ обширности ея программы, а одна отрицательная, инквизиціонная дѣятельность фискаловъ была недостаточна для истребленія зла. Необходимы были болѣе подробныя, частныя преобразованія, и Петръ сознавалъ эту потребность. Самыми рѣшительными въ этомъ отношеніи годами были 1717 и 1718.

Посѣтивъ въ іюнѣ 1717 года Сорбонну, Петръ выдалъ свою задушевную тайну при видѣ статуи кардинала Ришелье, съ именемъ котораго соединялась для современниковъ слава величайшаго государственнаго человѣка новой Европы. Обнявъ со слезами на глазахъ монументъ, взволнованный царь сказалъ: «Великій человѣкъ! я отдалъ бы половину моего царства гению, подобному тебѣ, чтобъ онъ помогъ мнѣ управить другою.» Правда, Петръ не былъ одинокъ и у себя дома, но, по выразительному изреченію Посошкова, если онъ самъ-десять тянулъ на гору, то милліоны тащили подъ гору; даже между этими десятью не всѣ одинаково смотрѣли на самый характеръ преобразованій. Вѣрно лишь одно, что потребность реформы по части государственнаго управленія сознавалась лучшими людьми даже той партіи, которая не вполне одоб-

рѣла перемѣну обычаевъ и нравовъ въ общественной и частной жизни. Такъ В. Н. Татищевъ сохранилъ изъ воспоминаній молодости извѣстный разговоръ царя съ знаменитымъ своею правдивостію княземъ Яковомъ Долгоруковымъ: «Въ 1717 году, будучи его величество на пиру за столомъ со многими знатными, разговаривалъ о дѣлахъ отца своего, бывшихъ въ Польшѣ, и о препятствіи великомъ отъ Никона патриарха; тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ сталъ дѣла отца его уничтожать, а его выхвалять, изъясняя тѣмъ, что у отца его Морозовъ и другіе были великіе министры, которые болѣе нежели онъ дѣлали. Государь такъ тѣмъ огорчился, что, вставъ отъ стола, сказалъ: ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемерною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу; и пришедъ ко князю Долгорукову, ставъ у него застоломъ, говорилъ: ты меня больше всѣхъ бранишь и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ рассужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю, нынѣ же тебя спрошу, и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемерно правду скажешь. Оной отвѣтствовалъ: государь, изволь сѣсть, а я подумаю. И какъ государь подлѣ него сѣлъ, то не долго по повадкѣ великіе свои усы разглаживая и думая, на что всѣ смотрѣли и слышать желали, такъ началъ: Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить, для того что дѣла разныя; въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей три: первое, внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семь отецъ твой болѣе времени свободнаго имѣлъ, а тебѣ еще и думать времени о томъ не достало. Итакъ отецъ твой болѣе нежели ты сдѣлалъ; но когда и ты о семь прилежати будешь, то можетъ превзойдешь, и пора тебѣ о томъ думать. Другое: военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился и пользу великую государству принесъ, тебѣ устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь показавъ, да по немъ несмысленные всѣ его учрежденія раззорили, что ты почитай все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ: однакожь, я, много думая о томъ, еще не знаю, кого болѣе похвалить; но конецъ войны твоей прямо покажетъ. Третье: въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными ты далеко ббльшую пользу

государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ, надѣюсь, за право примешь.»

«*Пора тебѣ о томъ думать,*» говорил Долгоруковъ Петру о внутреннемъ управленіи Россіей, и въ его словахъ лишь повторялась мысль, уже знакомая и преобразователю, и русскому обществу, и вотъ среди событій, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи личныхъ отношеній Петра, положено было прочное основаніе давно задуманныхъ реформъ по части государственнаго управленія. 1718 годъ видѣлъ и начало этихъ нововведеній, и былъ свидѣтелемъ смерти царевича Алексѣя Петровича и Карла XII, съ паденіемъ которыхъ шире и свободнѣе становилось поле, выбранное Петромъ для своей дѣятельности.

Въ томъ же году Петръ долженъ былъ преслѣдовать тѣ страшныя злоупотребленія, которыя издавна вкрались въ государственное управленіе, подрывая правосудіе, поставленное Долгоруковымъ въ числѣ первыхъ обязанностей государей. Давнее зло, отчасти родившееся изъ системы кормленія, когда судъ и управленіе считались не столько обязанностію правителя, сколько частною собственностію его, дававшую средство кормиться, отчасти поддерживаемое самими нравами общества, воспитаннаго старинною администраціей въ мысли о законности посуловъ, подарковъ, поминокъ, гостинцевъ и тому подобныхъ поборовъ, было такъ сильно, что не сдавалось ни передъ какими угрозами и наказаніями. Еще въ 1714 году Петръ издалъ указъ, которымъ объявлялъ всенародно: «Понеже многія лихоимства умножились, между которыми и *подряды вымышлены* и прочія тому подобныя дѣла, которыя уже наружу вышли, о чемъ многіе, яко бы оправдая себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія; и дабы впредъ плутамъ (которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены, великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оныя ни имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа собираемыхъ денегъ брать, торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслами... А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ,

всего имѣнія лишень, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей извержень, или и смертію казненъ будетъ.» Тогда же учрежденная комиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Владиміровича Долгорукова, открыла взяточничество и казнокрадство, которое дозволяли себѣ многіе комиссары, завѣдывавшіе снабженіемъ войска провіантомъ, судьи, секретари и дьяки разныхъ приказовъ, слѣдователи по рекрутскимъ наборамъ, кабацкіе и таможенные подьячіе, помѣщики и купчины, занимавшіеся подрядами, съ ихъ прикащиками, одинъ монастырскій казначей и пономарь; князь Меншиковъ, графъ Апраксинъ были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Денежные штрафы, лишеніе чиновъ и имѣнія, ссылка въ Сибирь, торговая и смертная казнь были наказаніемъ для многихъ изъ виновныхъ: Меншиковъ и Апраксинъ вышли оправданными изъ-подъ слѣдствія, но президентъ адмиралтейства Кикинъ, извѣстный потомъ по своему участію въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, и московскій вице-губернаторъ Ершовъ не ушли отъ наказанія, и Татищевъ, составляя въ послѣдствіи примѣчанія къ *Судебнику* Грознаго, замѣтилъ, что въ 1714 году «многимъ знатнымъ по ихъ неистовствамъ наказанія чинены.» Несмотря на то, злоупотребленія, открытыя въ 1718 году, не уступали прежнимъ ни по своему значенію, ни по именамъ обвиненныхъ лицъ. Еще Петръ не вернулся изъ своего путешествія во Францію, какъ до него дошли слухи о враждѣ между сенаторами, о медленномъ исполненіи его повелѣній; онъ узналъ также, что въ амстердамскомъ банкѣ хранятся большія суммы денегъ Меншикова и другихъ вельможъ, приобретенныя не совсѣмъ чистыми средствами. Желая убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, онъ неожиданно захватилъ Соловьева, бывшаго повѣреннымъ у Меншикова, и, разсмотрѣвъ его книги по счетамъ съ банкомъ, нашелъ нужнымъ отослать его въ Петербургъ подъ надзоромъ Нарышкина, и въ сопровожденіи двадцати пяти прусскихъ гвардейцевъ. Едва Петръ успѣлъ пріѣхать въ Россію, гдѣ долгое его отсутствіе и бѣгство царевича въ Вѣну отозвались уже недовольствомъ во многихъ людяхъ всякихъ состояній, какъ официальные доносы фискаловъ и жалобы частныхъ лицъ дали знать еще о злоупотребленіяхъ судей и правителей. Если тайной канцеляріи предстояло много дѣлъ по суздальскому, кикинскому и царевичеву розыскамъ; то не мало печальныхъ открытій долженъ былъ сдѣлать судъ надъ лихоимцами, составленный изъ низ-

шихъ военныхъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ генерала Вейде. Иностранцы, жившіе тогда въ Москвѣ, говорили: этотъ городъ кажется злосчастливымъ; приходится быть или обвинителемъ, или обвиненнымъ. Въ тотъ же самый день, какъ казнены были послѣдніе изъ важнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ царевича, Петръ собралъ сенатъ и объявилъ, что, наказавъ оскорбителей величества, приступитъ къ наказанію пивницъ народа, корыстолюбцевъ, обогащающихся достояніемъ царя и его подданныхъ. Князю Меншикову, братьямъ Апраксинымъ, сибирскому губернатору, князю Гагарину, вѣрно было явиться передъ судьями и отвѣчать на обвиненія доносителей. Подъ стражу отдано было болѣе двухъ сотъ обвиненныхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Суммы, которыми виновные во взяткахъ должны были поплатиться царю, могли составить, какъ носились тогда слухи, нѣсколько милліоновъ рублей. Приговоръ суда для знатныхъ преступниковъ состоялъ въ лишеніи чиновъ и отличій. Но Петръ еще разъ, ко всеобщему удивленію современниковъ, простилъ Меншикова и Апраксиныхъ; самая страшная казнь постигла сибирскаго губернатора. Окончивъ это слѣдствіе, Петръ повторилъ своимъ сотрудникамъ мысль Долгорукова: «Я не думаю, говорилъ онъ, чтобы между вами, изъ людей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ гражданскихъ дѣлахъ, нашелся кто-нибудь не знающій, что двѣ и самыя главныя обязанности государя, которому Богъ опредѣлилъ управлять царствами и народами,—защитеніе своего государства отъ внѣшнихъ враговъ, водя лично войска въ битву, и сохраненіе между подданными внутренняго мира, являя скорое и доброе правосудіе всѣмъ, и наказывая зло въ лицахъ знатныхъ такъ же, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ.»

Потребности государственныя привели Петра къ внѣшней войнѣ; событія приготовили ей благоприятный исходъ. Тѣ же потребности указывали на важность внутреннихъ реформъ; жизнь давно ставила это на степень вопроса, требующаго безотлагательнаго рѣшенія. Но одними карательными мѣрами нельзя было достигъ слабой цѣли; чтобы перевоспитать административные и общественные нравы, нужны были и лучшія средства и болѣе времени нежели имѣлъ Петръ. Оставалось идти путемъ положительнаго законодательства и правительственныхъ реформъ. А между тѣмъ попытка составить новый сводъ законовъ, который бы, имѣя въ своемъ основаніи Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, давалъ и общія

рѣшенія на вопросы, возникшіе вслѣдствіе новой жизни, не удалась. Сперва этимъ дѣломъ занимались бояре, окольные и думные люди, потомъ съ 1714 года сенатъ; но новое уложеніе не двигалось впередъ. Напрасно брали въ руководство шведское уложеніе, а для помѣстныхъ дѣлъ права лифляндскія и эстляндскія, и потомъ датское уложеніе; напрасно Посошковъ, въ минуту черезчуръ практическаго увлеченія правиломъ: брать отовсюду, лишь бы было хорошо да пригодно, совѣтовалъ позаимствоваться не только изъ нѣмецкихъ уставовъ, но и изъ турецкаго судебника,—другая, болѣе счастливая мысль его, о народномъ многосовѣтіи въ вопросахъ законодательныхъ, не была примѣнена къ дѣлу, и труды комиссіи остались безуспѣшными. Значеніемъ дѣйствующаго законодательства пользовались только отдѣльные уставы да частныя узаконенія. Гораздо легче и доступнѣе были преобразованія въ системѣ государственнаго управленія: здѣсь возможно было перенесеніе извнѣ административныхъ формъ, которыя рано или поздно могли проникнуться содержаніемъ, взятымъ изъ русской жизни; гораздо труднѣе было заимствовать самыя элементы чуждаго намъ быта. Петръ такъ и сдѣлалъ. Приказное управленіе, основанное на личномъ началѣ,—господствующая форма въ административной жизни XVII столѣтія,—было замѣнено формой коллегіальной; тутъ не было коренной перемѣны самыхъ принциповъ, изъ которыхъ сложилась политическая жизнь Россіи въ послѣдніе вѣка передъ Петромъ: и приказы, и коллегіи были органами все той же государственной власти, какъ и въ прежнее время. Но коллегіи имѣли то практическое преимущество предъ приказами, что, по словамъ духовнаго регламента, «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели однимъ лицомъ; вяще ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ; въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителя необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію; въ коллегіумѣ такомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду; коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію.» Наконецъ между коллегіями Петра существовало болѣе правильное раздѣленіе занятій по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія нежели между многочисленными приказами его предшественниковъ; и въ то же время межъ ними было болѣе

внутренней связи чѣмъ между послѣдними; самыя отношенія ихъ къ сенату отличались большею опредѣленною нежели отношенія приказовъ къ боярской думѣ. Въ числѣ коллегій, учрежденныхъ Петромъ, была бергъ-и мануфактуръ-коллегія, которая управляла «рудокопными заводами и всѣми прочими ремеслами и рукодѣльями и заводами оныхъ и размноженіемъ, притомъ же и артиллерію;» потомъ горное дѣло и артиллерія были отдѣлены отъ мануфактуръ, и бергъ-коллегія получила самостоятельное существованіе. Такое заботливое вниманіе, обращенное на устройство фабрикъ и заводовъ по всѣмъ частямъ промышленности, удовлетворяло самымъ пламеннымъ ожиданіямъ передовыхъ людей XVII столѣтія, постоянно жаловавшихся на бѣдность Россіи, и кромѣ того одной изъ существенныхъ потребностей своего времени: увеличеніе государственныхъ расходовъ, быстро поднявшихся вслѣдствіе новыхъ нуждъ, заставило Петра обратить вниманіе на развитіе производительныхъ силъ страны. Перенесеніе въ Россію горнаго искусства было однимъ изъ слѣдствій этихъ заботъ. «Наше Россійское государство,» говорилъ Петръ въ указѣ 10 декабря 1719 года, опредѣлявшемъ кругъ занятій бергъ-коллегіи, «спредъ многими иными землями произобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить;... сему пренебреженію главнѣйшая причина была, частію, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ и какъ оныя въ пользу государственную произвести—не разумѣли, частію же издивенія и трудовъ къ оному приложить отважиться не хотѣли, опасаяся, дабы нѣкогда тѣ заведенные рудокопные заводы, егда въ нихъ добрая прибыль будетъ, отъ нихъ заводчиковъ отняты бѣ не были.» Въ этомъ случаѣ Петръ опять сходилъ съ практическимъ Лейбницемъ, который отъ занятій философіей, юриспруденціей, исторіей и математикой, перешелъ, во время своего пребыванія во Франціи, къ знакомству съ фабричною промышленностію; а во время службы у герцога брауншвейгъ-люнебургскаго Іоганна Фридриха—къ основательному изученію горнаго дѣла. Живя въ Парижѣ, Лейбницъ писалъ Гоббесу: «Я замѣтилъ, что здѣсь фабрики и мануфактуры въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, не мѣшало бы намъ кое-что позаимствовать у нихъ. Чтѣ касается меня, я здѣсь постоянно трусь между фабрикантами и, признаюсь, многому у нихъ научился;» а

отправляясь въ Целлерфельдъ, увѣдомлялъ: «вчера я отправился въ рудники Гарца. Вы можете спросить: какое дѣло мнѣ, государственному человѣку, до рудниковъ? но я давно уже убѣдился, что государственное хозяйство едва ли не самая главная отрасль политическихъ наукъ. Германіи придется испытать горькую участь отъ незнанія этого дѣла и равнодушія къ нему.»

Первому русскому историку также суждено было посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни теоретическому и практическому изученію горнаго искусства, и въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе обстановленъ, а потому и сдѣлалъ болѣе нежели знаменитый современникъ его Ломоносовъ. 9 марта 1720 года Татищевъ посланъ былъ на Уралъ для приведенія въ лучшее состояніе уже существовавшихъ тамъ заводовъ и открытія новыхъ. Законодательная часть по горному дѣлу осталась въ рукахъ бергъ-коллегіи; ей долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и трудахъ Татищевъ, на долю котораго выпала самая тяжелая сторона дѣла. Но если онъ могъ быть хорошимъ артиллеристомъ, то это еще не ручалось за его опытность въ разыскиваніи рудъ и успѣшномъ устройствѣ заводовъ. Кромѣ того, въ самомъ мѣстѣ своей дѣятельности, онъ долженъ былъ встрѣтить не мало затрудненій. Недавно устроенные заводы были запущены отчасти по малому знакомству съ производствомъ горнаго дѣла ихъ прежнихъ управителей, а всего болѣе по недостатку рукъ; кромѣ того частные заводчики, какъ напримѣръ Демидовъ, лично смотрѣвшіе за своими рудокопами, подрывали казенные заводы, переманивая съ нихъ къ себѣ лучшихъ рабочихъ. Татищевъ пріѣхалъ въ Кунгуръ 31 іюля, а уже отъ 12 и 14 декабря посланы были къ нему изъ бергъ-коллегіи указы о разыскиваніи мѣдной руды въ окрестностяхъ кунгурскихъ, о недозволеніи Демидову, подъ штрафомъ, копать мѣдную руду близъ Уткинской слободы, равно и принимать шведскихъ плѣнныхъ, русскихъ мастеровыхъ и крестьянъ, бѣгающихъ съ Уктусскаго завода. Обязывая казенные заводы, Татищевъ побывалъ и въ Невьянскомъ заводѣ Демидова. Эта поѣздка была причиною ссоры между ними. Горячій ревнитель казенныхъ выгодъ, Татищевъ не могъ видѣть равнодушно, съ какимъ усердіемъ пользовался богатый рудопромышленникъ всякими льготами, данными Петромъ заводчикамъ вообще. Кромѣ свободы отъ службы, отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, кромѣ привилегій по торговлѣ и суду, заводчики пользовались при Петрѣ правомъ не выдавать бѣглыхъ людей ихъ владѣльцамъ, и напро-

тивъ отыскивать своихъ бѣглецовъ, правомъ покупать крестьянъ къ заводамъ и получать приписныхъ по указу государя, правомъ рубить дѣса. Правителямъ губерній и провинцій вѣльно было во всей строгости соблюдать эти привилегіи и оказывать всякую помощь заводчикамъ, дабы и другіе, видя такую государеву милость, всякихъ чиновъ и народовъ люди, съ вѣщшею охотою и безопасно въ компаніи вступали. Кромѣ того Демидовъ, лично знакомый Петру и оказавшій ему большія услуги при началѣ шведской войны, пользовался особеннымъ расположеніемъ царя. И въ то же время, какъ мы уже видѣли, Демидовъ позволялъ себѣ дѣйствовать въ ущербъ казеннымъ заводамъ, вопреки строгимъ запрещеніямъ бергъ-коллегіи. Татищевъ не могъ допустить этого, но въ исходѣ 1721 года былъ позванъ въ Москву, по доносу Демидова.

Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ уже въ Петербургѣ; а въ мартѣ Петръ назначилъ главнымъ начальникомъ сибирскихъ горныхъ заводовъ генерала де-Геннина, одного изъ отличнѣйшихъ знатоковъ горнаго дѣла въ свое время, ему же поручено было изслѣдовать ссору Татищева съ Демидовымъ. Де-Геннинъ принадлежалъ къ числу сотрудниковъ Петра, которые, идя по пути, указанному имъ преобразователемъ, усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей принесли огромную пользу государству. Нассау-зигенскій уроженецъ, пріѣхавшій въ Россію по личному приглашенію царя въ 1698 году, онъ поступилъ въ службу простымъ фейерверкеромъ съ 67 рублями въ годъ, училъ русскихъ дворянъ артиллеріи, во время войны съ Шведами дослужился до чина подполковника, въ 1712 году строилъ петербургскій литейный дворъ, въ исходѣ слѣдующаго года сдѣланъ былъ олонецкимъ комендантомъ и начальникомъ петровскихъ, повѣнецкихъ и кончезерскихъ заводовъ, строилъ тамъ суда, лилъ пушки, ядра, заготовлялъ оружіе, якоря и балласть для балтійскаго флота, и наконецъ открылъ знаменитыя олонецкія марціальныя воды. Въ управленіи своемъ онъ не ограничивался только обязанностями, предписанными офиціальною инструкціей: такъ въ 1716 году онъ открылъ въ Олонцѣ школу, гдѣ бѣдные дворяне учились ариметикѣ, геометріи, рисованію, артиллеріи и инженерному дѣлу. Къ числу отличительныхъ чертъ его характера принадлежала нелюбовь къ приказнымъ и подъячимъ; а между тѣмъ, когда въ 1717 году разосланы были повсюду фискалы, на олонецкіе заводы явился тамошній же житель Петръ Ижоринъ, дьячковъ сынъ и гуляка, не хотѣвшій

прежде учиться въ открытой де-Геннинномъ школѣ и отосланный за то, по царскому указу, скованнымъ въ Петербургъ. Теперь онъ сталъ мстить прежнему начальнику своему; Геннинъ жаловался Апраксину: «помилосердствуй, оборони меня отъ такихъ воровъ,—ведѣль бы государь другого фискала прислать, кого хочеть, ежели мнѣ не вѣрить.» Вскорѣ по учрежденіи бергъ-коллегіи, отправленъ онъ былъ Петромъ въ Пруссію, Саксонію, Голландію, Францію и Англію для обозрѣнія тамошнихъ горныхъ заводовъ, составленія моделей и плановъ; въ апрѣлѣ 1720 года вернулся де-Геннинъ изъ своего путешествія и писалъ изъ Риги графу Апраксину: «истинно данной мнѣ комиссіи невозможно было скоро вершить и мастеровъ сыскать и собрать; и ежели бы его королевское величество прусское въ томъ дѣлѣ не радѣтельно помогало, то всей комиссіи никоею мѣрою невозможно бы мнѣ было учинить.» Кромѣ управленія петрозаводскими и олонецкими рудниками, Петръ поручилъ въ это время де-Геннину и устройство сестрорѣцкихъ заводовъ; но, получивъ доносъ Демидова, послалъ его на мѣсто Татищева, которому также ведѣно было ѣхать вмѣстѣ съ нимъ для очной ставки съ Демидовымъ.

Но отпуская Татищева для слѣдствія въ Сибирь, Петръ и самъ разспрашивалъ его въ верховномъ судѣ о ссорѣ съ Демидовымъ, особенно по обвиненію во взяткахъ. Татищевъ, на запросъ о нихъ, отвѣчалъ словами апостола Павла: «дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу.» Петръ, въ глазахъ котораго взяточничество постоянно было самымъ больнымъ вопросомъ времени, потребовалъ объясненія; Татищевъ говорилъ, что лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности. «Въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я, и ничего не взявъ, противу закона дѣлаю,—повиненъ; а если изо мзды къ законопреступленію присовокупится лихоимство,—и долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно дѣлаю и отъ праваго возблагодаренія прииму, ничѣмъ осужденъ быть не могу. Если мзду за трудъ причтешь во мздоимство, то конечно болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ, ибо я долженъ за получаемое жалованье работать только до полудни, въ которое мнѣ конечно времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не доставитъ; а послѣ обѣда трудиться моею должности нѣтъ. Когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день-

это-дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшиться по регистрамъ порядкомъ; и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытку понести, что купечеству не рѣдко случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, и ночью потружусь; игры, карты, собаки и бесѣды или прчія увеселенія оставляю, и несмотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ просителямъ пользу принесу, и за взятую изду отъ Бога и вашего величества по правдѣ сужденъ быть не могу». Слова Татищева были полнымъ объясненіемъ тогдашней судейской практики, въ основѣ которой даже для лучшихъ людей эпохи лежало не нравственное сознание исполняемаго долга, а формальныя обязанности службы. Въ его словахъ указано было и одно изъ побужденій, заставлявшихъ смотрѣть на подарки, какъ на вознагражденіе за трудъ, потраченный для частнаго дѣла въ необязательное по закону время; этимъ побужденіемъ было крайне-ограниченное жалованье отъ казны. Петръ былъ знакомъ изъ жизни съ послѣднимъ обстоятельствомъ: еще въ 1713 году, по челобитью подъячихъ секретнаго стола сенатской канцеляріи, говорившихъ, что «жалованьемъ пропитаться имъ съ домашними своими невозможно, отъ чего пришли въ великое оскудѣніе и въ нищету, кромѣ помянутаго жалованья прибѣтка имъ нѣтъ никакого, и чтобъ за непрестанную ихъ безкорыстную заботу къ окладамъ ихъ государева жалованья прибавить», онъ самъ, вмѣсто жалованья имъ, опредѣлилъ вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземскія и строгановскія дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ. Теперь, выслушавъ объясненіе Татищева, онъ только замѣтилъ: «сіе все правда, и для совѣстныхъ судей невинно, токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ добродетельнымъ принужденнаго не было; и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить.» Однакожъ Петръ разстался съ Татищевымъ безъ гнѣва; даже, отправляясь въ персидскій походъ, взялъ у него муромскую лѣтопись, изобиловавшую баснями.

Прежде чѣмъ повхаты на Уралъ, де-Геннинъ дважды просилъ

у Петра подробной инструкціи для себя, указовъ губернаторамъ и воеводамъ объ исполненіи всѣхъ требованій его по заводскимъ дѣламъ, указовъ о томъ же сенату, бергъ-коллегіи и графу Брюсу, искусныхъ помощниковъ, мастеровъ, прибавки жалованья всѣмъ служащимъ на заводахъ и денегъ на чрезвычайные расходы; а Демидову повелѣнія, чтобъ онъ, въ случаѣ надобности на казенныхъ заводахъ въ мастерахъ или припасахъ, удовлетворялъ просьбы де-Геннина, и не подговаривалъ бы лучшихъ мастеровъ переходить къ себѣ. Требования де-Геннина были исполнены. 22 іюля большимъ караваномъ отправился онъ вмѣстѣ съ Татищевымъ изъ Москвы, и 2 октября прибылъ въ Кунгуръ. Въ декабрѣ, взявъ съ собой бергмейстера Бліэра, директора Украинцова и плавильнаго мастера Циммермана, де-Геннинъ поѣхалъ къ Демидову для разбора его ссоры съ Татищевымъ.

«Демидова старые и новые заводы осматрѣлъ, писалъ онъ отъ 17 декабря графу Апраксину, которые въ хорошемъ весьма порядкѣ и въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ построены... А на государевы сожалительно смотрѣть, что оныя здѣсь заранѣе въ доброй порядокъ не произведены; понеже удивительно, какъ здѣсь Богъ опредѣлилъ таковы мѣста, что рѣкъ, рудъ, лѣсовъ, гдѣ быть заводамъ, довольно и работники дешевы, также и харчъ не дорогъ; но оныя весьма нынѣ въ худомъ порядкѣ: первое, въ неудобномъ мѣстѣ построены и за умаленіемъ воды много прогулу бываетъ; второе, припасовъ мало; третіе, мастера самые бездѣльные и необученные.» О ссорѣ же Демидова съ Татищевымъ увѣдомлялъ, что на вопросъ: какия ему отъ Татищева обиды и въ дѣлахъ помѣшательство или остановка была?—Демидовъ говорилъ: я де буду съ нимъ Татищевымъ мириться, а взять мнѣ съ него нечего. «И на то я ему сказалъ: такой мировой челобитной принимать не буду, и мирить ихъ не мое дѣло, понеже посланъ я для розыску, и велѣно учинить не маня никого; и его величество хочетъ вѣдать, праведно ль ты о томъ доносишь. Но онъ о той жалобѣ на письмѣ дать не хотѣлъ и говорилъ: я де писать не могу и какъ писать—не знаю, и не ябедникъ.» Тогда де-Геннинъ, чтобы склонить Демидова къ изложенію на бумагѣ своихъ жалобъ на управление Татищева, послалъ къ нему Украинцова съ товарищи уговорить его не въ сердцѣ, но христіанскою любовію; а если жъ о томъ письменно не подастъ, то всякій будетъ думать, что виноватъ онъ, а не Татищевъ. Демидовъ подалъ доношеніе, въ которомъ жаловался на Татищева и его комиссара Бурцева только въ учиненіи за-

ставъ, отъ которыхъ Демидову въ непривозѣ хлѣба на заводахъ была превеликая нужда, и въ отнятіи нѣкоторой части его пристани (курьинской) на рѣкѣ Чусовой; «а другія ему обиды были ль, также и о прочемъ Татищева дѣлъ письменно мнѣ онъ не показалъ.» Де-Геннинъ, желая разъяснить дѣло согласно съ инструкціей, рѣшился этотъ процессъ слѣдовать розыскомъ: «только одному розыску, говорилъ онъ, вскорѣ окончиться не надѣюсь, понеже свидѣтели, которыми надлежитъ розыскивать, живутъ въ дальности, и не знаю гдѣ ихъ будетъ сыскать. Я истинно злобы ни на котораго изъ нихъ не имѣю и буду слѣдовать прямою дорогою, какъ намъ Богъ повелѣлъ, учиня присягу. Впрочемъ, въ заводскихъ дѣлахъ чтобъ остановки не учинилось, вспоможеніе чинить Демидову я радъ, ежели онъ самъ желаетъ, только въ томъ, чтобъ его императорскаго величества интересу было не противно, и о томъ я ему говорилъ любезно, не требуя съ него подарковъ.» Подробности этого розыска неизвѣстны; но о результатѣ его можно судить по письмамъ къ де-Геннину государева секретаря Алексѣя Макарова и самого Демидова. Первый говоритъ: «Письмо ваше отъ 5 февраля (1723 г.), съ уктусскихъ заводовъ, писанное до его императорскаго величества, исправно дошло, купно и съ выпискою изъ розыскаго дѣла между капитаномъ Татищевымъ и Демидовымъ, которую выписку его величество на сихъ дняхъ слушать намѣренъ. И надѣюсь, какъ о томъ дѣлѣ, такъ и объ опредѣленіи онаго капитана Татищева къ надсмотрѣнію и исправленію тамошнихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ вскорѣ резолюція отъ его императорскаго величества учинена будетъ. А между тѣмъ капитана Татищева извольте къ тому дѣлу опредѣлить, ежели нынѣ нужда того требуетъ, и онъ въ помянутомъ дѣлѣ совершенно правъ.» А Демидовъ писалъ де-Геннину: «Да паси тебе Богъ за истинную твою, государь, правду, за чтò даждь Боже вашему превосходительству быть генераль-обернаторомъ въ Сибири.» Самъ Татищевъ говоритъ о своей тяжбѣ такъ: «сіе слѣдствіе съ вышнемъ судъ въ присутствіи его величества рѣшено и я оправданъ, и доправлено мнѣ съ него Демидова 6.000 рублей.»

Татищевъ остался служить при де-Геннинѣ, получая жалованья и на фуражъ 348 рублей въ годъ. Оканчивая старые заводы, Геннинъ построилъ нѣсколько новыхъ: Верхнеуктусскій, Сысертскій, Синачичинскій, Лялинскій, Ягошихинскій, Пыскорскій. Постройка послѣдняго поручена была имъ Татищеву.

Число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ, служившихъ тогда на Уралѣ, значительно возрасло сравнительно съ прежнимъ временемъ; тутъ были: Саксонцы Блюэръ, Георги, Ваплеръ, Готфридъ Генель, Берентъ, Куперцъ, Циммерманъ, бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ, жившій постоянно въ Соликамскѣ съ саксонскими штейгерами: Дангомъ, Корсомъ, Дрибелемъ, Беэромъ, Дервелемъ; Голландецъ Томасъ Миллеръ, двое Кейзеровъ изъ Ганновера, три артиллериста—капитанъ Берглингъ, прѣхавшій еще съ Татищевымъ изъ Казани, капралы Клеопинъ и Гордѣевъ съ олонецкихъ заводовъ, не мало мастеровъ и учениковъ изъ Русскихъ; былъ тутъ и Ѳеодоръ Эвердаковъ, сосланный послѣ розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, и теперь прощенный Петромъ по просьбѣ де-Геннина и принятый въ службу къ нему. Главною заботой де-Геннина было расширеніе Екатеринбургa, гдѣ онъ отстроилъ конторы, госпиталь, нѣсколько фабрикъ и школу. Въ отстроенный такимъ образомъ Екатеринбургъ де-Геннинъ перенесъ изъ Тобольска главное управленіе сибирскими горными заводами, переименовавъ его въ *оберъ-бергъ-амтъ*. Для опредѣленія обязанностей служившихъ при немъ, людей, Геннинъ составилъ наказъ горнымъ чиновникамъ. Чего онъ требовалъ отъ подчиненныхъ, можно видѣть изъ послѣднихъ словъ наказа заводскому комиссару Неклюдову: «сверхъ всего требуетъ отъ васъ польза государственная вѣрности, радвнія, прилежности и безстрастныхъ поступковъ, за которое имѣете ожидать милостиваго награжденія, за противно же учиненныя сему коварства, лѣность, злость и собственную корысть, ничто иное, аки жестокое истязаніе, лишеніе имѣнія, чести или весьма живота.»

Впрочемъ, при обилии руды въ Уральскихъ горахъ, которое обнаружилось тотчасъ же, лишь только принялись за дѣло съ знаніемъ его, число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ постоянно оказывалось недостаточнымъ. Изъ дѣятельной переписки де-Геннина съ Петромъ можно получить ясное понятіе о тогдашнемъ состояніи горнаго дѣла на Уралѣ и о тѣхъ трудахъ, которые приходились на долю де-Геннина и его помощниковъ. «И хотя я въ трудахъ разорвуся, писалъ онъ царю, однако заводы новые желѣзные и мѣдные не могу скоро строить и умножить. Остановка истинно не отъ меня: то ты повѣрь мнѣ; но остановка есть, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, и вездѣ самъ, для дальняго разстоянія, быть и указать не могу; а плотники здѣсь не такіе,

как олонецкіе, но пачкуны.» Последнее выраженіе было любимымъ словомъ де-Геннина, когда онъ говорилъ о прежнихъ рудоискателяхъ: пачкунами называлъ онъ и Демидова съ сыномъ въ письмѣ къ Апраксину. Въ донесеніяхъ Петру говорилъ, что «въ старинные годы не знали что олецъ, понеже выбирали только тонкіе слои богатую руду, а которые слои надъ тою богатою рудою, за незнаніемъ бросали; а всѣхъ слоевъ, едину Богу свѣдущу, на сколько лѣтъ будетъ..... и за такое Божіе милосердіе благодарить весьма должны и работать будетъ весело.» Видя успѣшную дѣятельность де-Геннина, стали обращаться къ нему за совѣтами и Демидовы, и Строгановы. «Строгановы, видя нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они, какъ Танталусъ весь въ золотѣ, и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны, и нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и указалъ имъ какъ плавить и строить. Також на ихъ коштъ заводъ отмежевать, и при Яйвѣ три мѣста рудныхъ: то я съ радостію радѣю и сдѣлаю, а ваши мѣста не отдамъ, понеже надобно прежде твой убытокъ, во что заводы стали, возвратить, также и что бергъ-коллегія беретъ жалованья, и они могутъ, ежели охотники, также довольно руды добывать: кромѣ твоего богатаго мѣста, другихъ такихъ мѣстъ довольно.» Болѣе всего жаловался де-Геннинъ Петру на плохое состояніе соляныхъ промысловъ: «Ты не вѣришь, какой напрасный расходъ дровамъ здѣсь отъ соляныхъ промышленниковъ, и они такъ дѣлаютъ, какъ дѣды и отцы ихъ дѣлали, и думаютъ, что на свѣтѣ много мастера лучше нѣтъ, какъ ихъ, и оттого дрова дорожатся и далеко становятся, и соль они по той цѣнѣ безъ разворенія поставить не могутъ, для того—волочатъ ихъ за выдачей денежной, когда соль продается, тогда бываетъ платежъ, и то лоскутами.» Часто просилъ де-Геннинъ Петра понудить бергъ-коллегію, чтобъ она штейгеровъ побольше прислала для сыску и копанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ; просилъ также выслать на заводы офицеровъ изъ Шведовъ, «а то здѣсь у заводовъ, прибавлялъ онъ, другихъ нѣтъ, кромѣ поротыхъ ноздрей, изъ которыхъ есть и дѣльные; однако непристойно такихъ людей подъ командой имѣть.» Кромѣ того Киргизъ-Кайсаки, Татары и Башкирцы грабили и жгли пограничныя селенія и заводы. «Хотя оные Казаки и Башкирцы тебѣ ничто, объяснялъ де-Геннинъ Петру, однако пакости могутъ сдѣлать; а во внутренней Сибири почитай все ноздри пороты,

и на нихъ нечего надѣяться и съ ними обороняться. Понимай Богъ держать Сибирь подъ своимъ храненіемъ, что рубежи Казаки и Башкирцы не всё разорили! Того ради извольте губернатору хорошую инструкцію дать, какъ рубежь хранить, и дать ему офицеровъ добрыхъ, для того что здѣсь выбрана дрянная ученія ильтъ.» Де-Геннинъ понималъ также, что хорошее состояніе горнозаводства на Уралѣ вполнѣ зависитъ отъ общаго управленія Сибирью. Это золотое дно Россіи, какъ называли Сибирь въ прошломъ столѣтіи, раскрывшее со временъ Петра богатства своей природы, было управляемо не лучше чѣмъ въ XVII вѣкѣ. Если тогда, при всякой смѣнѣ воеводъ въ сибирскихъ городахъ, каждый новый воевода долженъ былъ говорить жителямъ по государеву наказу, что прежніе правители, дѣяки и приказные дѣлали ими многія обиды, и продажи, и тѣсноты самовольствомъ, и нужды ихъ не рассматривали, и управы между ними прямой не чинили, а брали съ нихъ посуды и поминки, то и теперь, несмотря на страшную казнь сибирскаго губернатора Гагарина въ 1721 году, административные безпорядки въ Сибири нисколько не уменьшились. Получивъ большое вспоможеніе отъ Черкасскаго при построеніи Екатѣринбурга, де-Геннинъ писалъ Петру о немъ лично не безъ похвалъ, но дурно отзывался объ общемъ управленіи краемъ: «Я отъ сердца сожалею, что ты самъ здѣсь не бывалъ, и о здѣшнихъ сибирскихъ состояніяхъ обстоятельно не знаешь. Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человекъ добрый, да не смѣлъ, а способниковъ добрыхъ мало имѣеть, а особенно въ судебныхъ и въ земскихъ дѣлахъ; отчего дѣла его не споры, и частію болѣе народу отягчительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему ильщичи смѣлости и судей добрыхъ людей, надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта, и для купечества совѣтника отъ коммерцъ, а отъ камеръ-коллегии добраго камерира, такожъ секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно; а ежели ему не быть, то не худо бы такимъ добрымъ людямъ быть, какъ Матюшкинъ или Ушаковъ; и такъ видна злая пакость, крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городѣхъ отъ земскихъ управителей, которые посланы отъ камерирства, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія; а купечество и весьма разорилось, такъ что уже едва посадкаго капиталиста сыскать можно, отъ чего и пошлины уменьшились.» Де-Геннинъ указывалъ при этомъ и на одну изъ

коренныхъ причинъ зла: «Ты, государь! не жалѣй здѣсь управителямъ дать довольное жалованье, для того что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякъ хочеть, и хотя бѣ и добрый человекъ, не имѣя пропитанія, принужденъ несправедливымъ питаться, и сперва возьметъ только для нужды, а потомъ и въ богатство; и такъ у тебя много пропадаетъ, а людямъ разореніе, да и тѣ, собравъ, такожь не толстѣютъ.» Трудность получать даже положенное жалованье, происшедшее оттуда безденежье со всеми его послѣдствіями среди края, суроваго и скуднаго по природѣ, малонаселеннаго и удаленнаго отъ центровъ болѣе удобной жизни, де-Геннинъ испыталъ на себѣ и на своихъ подчиненныхъ: «Изъ начала бытія моего въ службѣ вашего величества, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, никогда я жалованья безъ злобы и спора, а фуража и весьма лѣтъ съ десять получить не могъ, которое, хотя и всегда не безъ тягости было, однакожь въ Петербургѣ для нужды до жалованья занять можно, здѣсь же не у кого; а наживать приносами не хочу: и хотя нужда мнѣ пришла, на росписки вашихъ денегъ брать, я опасенъ; фуражъ, который мнѣ велѣно взять по твоему указу на Москвѣ на прошлый годъ, а за скоростію отъѣзда моего сюда выходить тамо не могъ, надѣясь на вашу высокую милость, взялъ здѣсь, потому что оное мнѣ весьма надлежитъ, а нынѣ жалованья и фуража на сей годъ брать мнѣ бергъ-коллегія воспрещаетъ, и который фуражъ взять на прошлый годъ, велятъ мнѣ платить и впредь ждать указа. Токмо имъ рассуждать о моемъ богатствѣ, сидя въ палатахъ, легко; а мнѣ, и не имѣя постороннихъ доходовъ, да жалованья не получа, на что хлѣбъ купить не знаю: или они думаютъ, что здѣсь безъ жалованья повоеводски жить можно? токмо этого дѣлать не умѣю. Покорно прошу ваше величество, дабы приказали о дачѣ моего и подчиненныхъ моихъ служителей жалованья и фуража указъ учинить; а ежели вы не пожалуете, то мнѣ и въ годъ не дожидаться, или и весьма оное пропадетъ, какъ уже много мнѣ случалось; а подчиненнымъ горнымъ и заводскимъ, ежели вскорѣ указа не получу, велю жалованье дать, а нищенствовать или красть допустить не хочу.» Увѣдомляя о томъ же Макарова, де-Геннинъ говорилъ: «ты самъ знаешь, что здѣсь нажить не хочу, а занять не у кого; безъ хлѣба же жить, по-татарски, не привыкъ.» Въ то же время, будучи связанъ обязательствомъ содержать горныхъ чиновниковъ на при-

быльнныя деньги съ заводовъ, и мало полагаюсь на благоразуміе бергъ-коллегія, де-Геннинъ составилъ штатъ екатеринбургскаго оберъ-бергъ-амта, для того чтобы «бергъ-коллегія не ускорила подать свой, сочиня по представленію Михаэлиса, который безъ потребности много чиновъ написалъ, и по оному можетъ больше въ расходѣ на жалованье, нежели въ приходѣ прибыли быть.»

Заступаясь за своихъ и штрафуя межъ ними бездѣльниковъ торговою казнію, разбойниковъ отсылая въ Уѣу для слѣдствія, а иныхъ за убійства, грабежи и раззоренія сель вѣшая живыхъ за ребра и колесуя, стало-быть не принадлежа къ разряду Черкасскыхъ, де-Геннинъ не выносилъ, однакожь ябеды и криковъ: *слово и дѣло государево!* изъ-за которыхъ бѣлая часть сибирскаго населенія жила въ постоянномъ страхѣ, а не рѣдко лучшіе люди были увозимы подъ карауломъ въ тайную канцелярію для страшныхъ розысковъ. Такъ въ ноябрѣ 1723 года онъ писалъ начальнику преображенскаго приказа, ближнему стольнику, князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому: «Хотя сіе дѣло не касается до моей комиссіи, которая мнѣ вручена; но присяжная должность меня понуждаетъ, также и кровь не терпитъ, чтобы вамъ, моему государю, не объявить, что я здѣсь вижу и слышу, что въ Сибири такая худоба явилась. Нѣкоторый командиръ, сіе жь государево дѣло хотя желаніе и есть управить съ грозой и порядочно (а нынѣ всякъ съ великимъ страхомъ живетъ), не смѣетъ никого и за вину наказать, опасается, чтобъ на его не кричали каторжные и иные бездѣльники, которыхъ надлежитъ наказать за ихъ вину,—*слово и дѣло государево*, чтобъ имъ отъ висѣлицы или отъ кнута отбыть, и какъ бы имъ сбѣжать. И сіе слово они такъ нынѣ употребляютъ вмѣсто пресердечнаго лѣкарства отъ висѣлицы и кнута, какъ уже многіе образцы нынѣшняго года были; въ томъ числѣ иной доноситель сбѣжалъ. И хотя на добрыхъ людей отъ такихъ бездѣльниковъ слово и дѣло государево донесено и, по правдивому вашему суду, кто правъ, скоро освобождается, и тѣмъ неправдивымъ доносителямъ потачки отъ васъ нѣтъ; однако изволь благоразсудить, какая волокита имъ, и страхъ, и безчестье, и раззореніе, и приказы справить сколько тысячъ рублей въ одинъ годъ, изъ Сибири до Москвы, денегъ издержано въ переводахъ и мірскихъ подводахъ или наймахъ, и сколько доносителей есть изъ Сибири, которые правду доно-

слии? Сколько отъ той волокиты тѣмъ командирамъ, на которыхъ напрасно донесено, или малое дѣло, и сколько о государевыхъ дѣлахъ въ управленіи остановки учинилось!... Еще объявляю, что такъ нынѣ шута употребляютъ бездѣльники слово и дѣло государево на кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенской? и уже добрые люди опасаются и въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ.»

Не ограничиваясь подобными просьбами и указаниями Петру и его приближеннымъ на печальное состояніе Сибири и Уральскаго края, который тогда принадлежалъ къ ней, де-Геннинъ требовалъ въ то же время отъ князя Козловскаго, товарища тобольскаго губернатора, прекращенія злоупотребленій, чинимыхъ мѣстными правителями городскому и сельскому населенію. «По письмамъ моимъ объявлено вамъ о здѣшнихъ не порядкахъ, говорилъ де-Геннинъ, увѣдывая тобольскаго начальника, и хотя всѣмъ извѣстенъ экземпль, которой учиненъ князю Гагарину, однако здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники, а именно отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы собираются и народу обиды чинятся; также и судебные комиссары, которые по слободамъ дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и доношенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знатно, что потачка такимъ ворами отъ надворныхъ судей; также о учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ и отъ прочихъ разсмотрѣнія и резолюціи вы не чините, и такихъ бездѣльниковъ не арестуете, отъ чего и большія пакости дѣлаются. А камериръ Барютинъ своимъ подчиненнымъ, также надворные суды и магистратъ своимъ же подчиненнымъ потакаютъ, и того ради я вамъ объявляю по своей присяжной должности, чтобъ вы, яко командиръ на мѣстѣ губернаторскомъ, бездѣльниковъ сковавъ, держали, и по челобитнымъ и доношеніямъ безволочитно слѣдовали, дабы бѣдный народъ не вовсе разодрлся, и могли бѣ свои подати платить на содержаніе флота и арміи. А ежели вы думаете, что вы такой силы и власти не имѣете, то мнѣ письменно извольте отвѣтствовать, чтобы послѣ не отговариваться. Я не могъ оставить, чтобы вамъ письменно не объявить, дабы на мнѣ послѣ не спросилось, понеже мнѣ многіе и словесно доносили; также бы и на васъ оныя потачки не разыскались.»

Таково было состояніе администраціи въ той странѣ, къ которой принадлежали уральскіе заводы. Старинныя привычки наши себѣ въ этомъ случаѣ противодействіе въ новыхъ людяхъ, явившихся сюда съ спеціальною цѣлю разработки рудниковъ и встрѣтившихъ помѣху своему дѣлу отъ неудобствительнаго состоянія областнаго управленія краемъ. Не менѣе препятствій находили они и со стороны коллегіи, къ вѣдомству которой относилось горное дѣло. Мало довѣрія внушали къ себѣ губернаторъ съ его товарищами, небольшимъ сочувствіемъ пользовалась отъ своихъ подчиненныхъ и бергъ-коллегія. Приходилось дѣйствовать помимо мѣстнаго начальства и собственнаго вѣдомства, требовать отъ нихъ содѣйствія черезъ самого государя, отбиваться отъ притязаній коллегіи и безпрестанно напоминать Петру о своихъ крайнихъ нуждахъ: «Пожалуй, послушай меня, повторялъ Геннинъ въ своихъ письмахъ къ преобразователю, и не рѣши въ горныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, а положишься на меня: я тебѣ желаю добра, а не себѣ, и хочу прежде всѣхъ убытки тебѣ возвратить, чтѣвъ двадцать пять лѣтъ издержано на горное дѣло и во чтѣ заводское все строеніе стало, которое я строилъ, и чтѣ бергъ-коллегія беретъ жалованья... коли положить сіе дѣло на бергъ-коллегію разсмотрѣть, они истинно здѣшняго дѣла не знаютъ каково, и никто кромѣ самовидца и, кто трудится здѣсь. Я нынѣ на истинномъ пути въ горныхъ дѣлахъ, и дай мнѣ волю... Пожалуй, государь, не изволь на меня гнѣваться, что я тебѣ дерзновенно сіе пишу: воистинну отъ всего моего сердца и крови вамъ въ правду сіе доношу и желаю тебѣ добраго; а чтѣ мое тебѣ радѣніе, коли доброе дѣло перемѣшается и передѣляется?»

Донесенія де-Геннина Петру были довольно часты, нерѣдко онъ отправлялъ ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ служившихъ при немъ чиновниковъ. Въ концѣ 1723 года поѣхалъ съ его докладами Татищевъ, и въ іюнѣ слѣдующаго года сенатскимъ указомъ велѣно было штатсъ-конторѣ выдавать ежегодно надлежащую сумму на жалованье и на заводское всякое отправленіе по обстоятельнымъ вѣдомостямъ, которыя должны быть составляемы за четыре мѣсяца до начала года, дабы за дальностію въ пересылкахъ не происходило въ заводскихъ дѣлахъ остановки; Кунгуръ снова приписать къ Соликамской провинціи вмѣсто Вятской, отъ которой онъ отстоялъ на 600 верстъ; воеводѣ соликамскому, князю Вадбольскому, за то, чтѣ многія

противности кажетъ и тѣмъ вредъ размноженію заводовъ наносить, не быть воеводой, а вмѣсто его перевести изъ Тобольска князя Козловскаго; другіе пункты касались пользованіи лѣсами для заводовъ, учрежденія ординарной почты изъ Сибири, земскихъ комиссаровъ въ приписныхъ къ заводамъ слободахъ и проч.

Получивъ отъ сената удовлетворительное рѣшеніе пунктовъ, представленныхъ Геннымъ, Татищевъ не остановился на этомъ и въ сентябрѣ подалъ отъ себя въ бергъ-коллегію вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ: «потребно, говорилъ онъ въ своей вѣдомости, послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную изду государству воздать могли.» Бергъ-коллегія донесла о томъ сенату 21 сентября, а сенатъ послалъ 30-го указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобы спросили русскаго посланника въ Стокгольмѣ, Бестужева, возможно ли то сдѣлать. Швеція въ то время славилась искусствомъ своихъ рудокоповъ наравнѣ съ Саксоніей, точно такъ же какъ Англія, Голландія, Венеція и Испанія, извѣстны были Петру по успѣхамъ въ морскомъ дѣлѣ. Не дожидаясь отвѣта Бестужева, Петръ произвелъ Татищева въ полковники, сдѣлалъ его бергъ-совѣтникомъ, и, переговоривъ съ шведскимъ посланникомъ, далъ 1-го октября указъ сенату послать въ Швецію бергъ-коллегіи совѣтника Татищева «для призыву мастеровъ потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ, ему жъ выбрать изъ школъ адмиралтейской и артиллерійской 22 человека, и, по полученіи отъ него изъ Швеціи о приѣмѣ ихъ извѣстія, отправить оныхъ безъ замедленія; а о вспоможеніи ему потребности къ министру Бестужеву послать указъ съ подтвержденіемъ, чтобъ у сената (шведскаго) требовалъ о позволеніи принять къ мастерствамъ учениковъ, и для проѣзда до Швеціи дать ему пась изъ иностранной коллегіи.»

Кромѣ секретныхъ дѣлъ, миссія Татищева состояла изъ трехъ порученій: личнаго осмотра шведскихъ заводовъ, приглашенія шведскихъ горныхъ мастеровъ на службу въ Россію и помѣщенія русскихъ учениковъ на лучшіе заводы, для знакомства съ горнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, бергъ-коллегія обещала выдать ему самому по 4½ червонца въ сутки, а учениковъ выслать въ посылдствіи, на-

значивъ для нихъ содержанія особенную сумму; кромѣ того Бестужевъ долженъ былъ оказывать всякую помощь Татищеву. Но скорая смерть Петра значительно измѣнила положеніе дѣлъ. Самъ Татищевъ по пріѣздѣ въ Стокгольмъ заболѣлъ. Оказалось также, что забыли испросить у шведскаго правительства позволенія на вызовъ въ Россію горныхъ мастеровъ, что подлинное согласіе шведскаго сената на пріѣздъ русскихъ учениковъ не было такимъ подлиннымъ, какъ говорилъ Бестужевъ: надо было еще разъ хлопотать объ обоихъ пунктахъ; причиной тому была переменна царствующаго лица на русскомъ престолѣ, и на первыхъ порахъ о Татищевѣ забыли. Бестужеву не присылали изъ Петербурга повторительнаго указа о сношеніяхъ съ шведскими министрами по поводу комиссіи, порученной Татищеву; и вотъ послѣдній долженъ былъ въ началѣ марта жаловаться бергъ-коллегіи: «говорилъ-де онъ обрѣтающемуся въ Стокгольмѣ російскому посланнику Бестужеву, дабы онъ о вспомоствованіи ему въ принятіи въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей подалъ тамъ меморіалъ, и оной Бестужевъ ему сказалъ и тамошнимъ министрамъ отвѣтствовалъ, что указу о томъ не имѣть.» Бергъ-коллегія, получивъ донесеніе Татищева, снеслась съ сенатомъ, и по ея приговору и по указу императрицы, велѣно было коллегіи иностранныхъ дѣлъ подтвердить Бестужеву указы Петра. Въ то же время посланъ былъ ему рескриптъ отъ имени Екатерины: «Нашъ любезновѣрный! Изъ приложенной при семъ копій съ промеморіи бергъ-коллегіи нашей усмотришь ты, о чемъ на тебя жалобу приносятъ обрѣтающійся нынѣ въ Швеціи оной бергъ-коллегіи совѣтникъ Татищевъ. Мы же не уповаемъ, чтобы ты такъ поступилъ, какъ онъ доноситъ; ибо тебѣ, по отправленному съ нимъ Татищевымъ нашему указу, повелѣно во врученной ему комиссіи надлежащее вспоможеніе чинить, еже тебѣ симъ накіи подтверждается.» Бестужевъ отвѣчалъ 7-го мая: «и сіе его Татищева на меня доношеніе весьма неправдиво есть, въ чемъ ссылаюсь на шведскихъ министровъ, что я имъ такъ не отвѣтствовалъ, какъ онъ доносилъ, но объявлялъ, что я указъ имѣю—ему Татищеву всякое въ дѣлѣ его вспоможеніе показывать, а богѣ о семъ г. баронъ Цедеркрейцъ, когда въ С.-Петербургъ прибудеть, засвидѣтельствовать можетъ; и тотчасъ по прибытіи его Татищева сюда всякое ему въ его комиссіи вспоможеніе чинить, а съ нимъ къ здѣшнимъ министрамъ, графу Горну, барону Цедергельму

и барону Гепкину ѣздилъ, и, имъ представляя, требовали о позволеніи россійскихъ учениковъ ко обученію разныхъ мастерствъ на заводы принимать, и о позволеніи къ принятію въ Швецію горныхъ мастеровыхъ людей, яко и осматриванію ему Татищеву горныхъ дѣлъ. И тако, что до принятія на заводы россійскихъ учениковъ надлежить, и на то уже давно позволеніе дано. А между тѣмъ онъ, Татищевъ, занемогъ и два мѣсяца съ двора не выѣзжалъ, и по облегченіи своемъ тотчасъ на горные заводы для осматриванія оныхъ поѣхалъ, гдѣ ему по представленію моему всякое удовольство и учтивость и все то, чего онъ желалъ, показано было. Что же надлежить до поданія меморіала о принятіи въ Швецію горныхъ мастеровыхъ людей, и о томъ онъ, Татищевъ, только по возвращеніи своемъ съ горныхъ заводовъ, которому отъ сего числа двѣ недѣли, говорилъ мнѣ, что онъ тамъ съ горными мастеровыми людьми договаривался, и хотя у нѣкоторыхъ склонность есть въ службу итти, однакожь говорятъ, что безъ королевскаго указа того учинить не смѣютъ, того для просилъ меня, дабы я о томъ меморіалъ подалъ, что я ему и обѣщалъ, и требовалъ отъ него, Татищева, чтобы онъ о всемъ своемъ желаніи мнѣ на письмѣ сообщалъ, дабы я по тому меморіалъ сочинить и подать могъ, которое онъ мнѣ только вчерашняго дня отдалъ; и тако я къ будущему понедѣльнику, въ которой день чужестранныя дѣла въ сенатѣ представляются, меморіалъ изготова подамъ, и что мнѣ на то въ резолюцію учинено будетъ в. и. в-ству всеподданнѣйше доносить буду, яко и берграту Татищеву сообщеніе учиню.» Однако изъ промеморіи о рудокопныхъ дѣлахъ, которую Бестужевъ подалъ 10-го мая его к. в-ству и потомъ сообщилъ въ копіи въ Петербургъ, видно, что препятствія, встрѣченныя Татищевымъ въ исполненіи его коммисіи, не могли быть устранены безъ особенныхъ распоряженій шведскаго правительства, которыхъ онъ и добивался: несмотря на сенатскій указъ обучить Русскихъ всѣмъ искусствамъ и ухваткамъ, относящимся до горнаго дѣла, «нынѣ явилось, говорить промеморіа, что рудокопные управители тотъ указъ зѣло прекрачаютъ и оной въ нужнѣйшія дѣла безъ спеціального указа толковать не хотятъ, а особливо въ слѣдующихъ наинужнѣйшихъ пунктахъ: въ строеніи бергверковъ и въ содержаніи онаго, пухать и очищать, въ ростованіи, доспѣвать и очищать, коперъ ковать, искусство въ учрежденіи и содержаніи

бергверковъ, маркшейдеры и прочіе до того касающіяся ухватки;» несмотря на то, что нашлись охотники ѣхать въ русскую службу, о которыхъ «рудокопные управители разсуждаютъ, что рудокопныя дѣла и безъ оныхъ людей со всякою исправностію повсдены быть могли бы, однакоже за учиненнымъ въ томъ запрещеніемъ того предпріяти не дерзають»; и хотя императрица «изъ любви ко всякимъ мастерскимъ искусствамъ чертежи бергверковъ изъ многихъ земель получила, и желаетъ оныя чрезъ славныя въ Европѣ шведскіе бергверки въ совершенство привести, но безъ королевскаго указу рудокопные управители такіе чертежи сообщить не могутъ.» Въ отвѣтъ на эту промеморію Бестужевъ получилъ только обѣщаніе графа Горна, что желанія Татищева «по возможности будутъ удовлетворять.» болѣе положительнаго отвѣта онъ не могъ сообщить въ Петербургъ, а вѣиунъ и самъ былъ отозванъ изъ Стокгольма: на его мѣсто назначенъ былъ флота капитанъ, графъ Николай Головинъ.

Шведское правительство, какъ и въ XVII вѣкѣ, неохотно передавало русскимъ людямъ знанія и средства, которыя могли бы служить для увеличенія матеріальныхъ силъ Россіи; Татищевъ долженъ былъ испытать это на себѣ: приходилось дѣйствовать секретно деньгами. А тутъ еще бергъ-коллегія, которой онъ былъ совѣтникомъ, не очень беспокоилась объ удовлетвореніи вовремя всѣхъ его требованій. Посѣтивъ Салбергскіе серебряные заводы, Австафорскіе мѣдныя, Бервфорсъ, гдѣ дѣлаютъ мѣдъ зеленою, Столгеймскіе, Чевельскіе, Фалунскіе мѣдныя и желѣзные, и увѣдомляя бергъ-коллегію о своихъ договорахъ съ тамошними бергмейстерами и маркшейдерами, онъ просилъ разрѣшенія на подарки имъ за призрѣніе надъ учениками, просилъ выслать, въ числѣ послѣднихъ, такихъ людей, которые бъ начало въ знаменованіи и механикѣ имѣли, или начало физики и математики знали, просилъ денегъ на чертежи заводскихъ строеній. «Хотя я здѣшнія строенія, писалъ онъ, прилежно осматриваю, и могу сказать, каждодневно смотрю, не могу всего высмотрѣть, ибо такое множество презрядныхъ хитростныхъ и великихъ машинъ, что невозможно въ три или четыре мѣсяца внятно описать. Представляя всѣмъ своимъ расходамъ подробные счета, онъ каждый разъ напоминалъ коллегіи о деньгахъ. Но, не получая обстоятельнаго рѣшенія ни на единое изъ своихъ донесеній и не желая безпутно жить въ Швеціи, обратился къ старому начальнику своему, дѣ-

тельному де-Геннину. Написавъ ему въ Пермь, Татищевъ скоро узналъ, что де-Геннинъ въ Петербургѣ, и «онимъ порадовался, ибо во вспоможеніи мнѣ для пользы государственной, говорить онъ въ письмѣ своемъ, великую на васъ надежду имѣю, и прошу, дабы вы изволили въ коллегіи напамтовать, чтобъ не медлили рѣшеніемъ на мои доношенія. Напредъ сего я о управителяхъ писалъ, но отвѣди не имѣю, и за тѣмъ желающимъ ѣхать принужденъ отказывать противъ моей должности. Я здѣсь у славныхъ механиковъ Полгейма, Дура и Нильсона такія искусныя и весьма государству полезныя машины видѣлъ, что дивиться міру надобно; потому я представлялъ, дабы прислать челоуѣка искуснаго въ механикѣ, а особливо токаря Андрея Константинова (т.-е. Нартова, извѣстнаго любимца Петрова), или изъ артиллерійскихъ офицеровъ, ежели прилежнаго къ механикѣ знаете, и съ нимъ искусныхъ кузнецовъ и столяровъ, дабы оныя могли основательно понять, и сами такія сдѣлавъ здѣсь, къ великой корысти государственной въ Россіи употребить. Оныхъ за множествомъ не упоминаю, только весьма обнадеживаю, что великая польза государству быть можетъ; ежелибъ я имѣлъ деньги оныя купить, воистинно для пользы отечества и славы нашей государыни императрицы, которая для пользы отечества трудъ свой паче всѣхъ подданныхъ полагаетъ,—не жалѣлъ бы всего отеческаго имѣнія положить, ежелибъ возможность токмо имѣлъ.» Получивъ отвѣтъ де-Геннина, который между прочимъ совѣтовалъ ему постараться мастеровъ принять и машины внятно осмотрѣть, Татищевъ писалъ: «колько могу, о томъ стараюсь, токмо мастеровъ здѣсь достать трудно явнымъ лицомъ; ибо издавна онымъ выѣздъ запрещенъ, и хотя бъ чрезъ постороннихъ людей учинить уповалъ, но не безъ довольныхъ подарковъ, какъ вы извѣстны: что такихъ дѣлъ трубкою табака не сдѣлаешь, а особливо здѣсь, гдѣ деньги паче лучшаго оратора желаніе и требованіе внушить могутъ; и безъ того едва что возможно ли сдѣлать. Машины внятно смотрю, и надѣюсь нѣкоторыя упомянуть, однакожъ: для оныхъ великихъ искусствъ, не вѣря себѣ всего упамтовать, договорился съ здѣшнимъ славнымъ оберъ-маркшейдеромъ Гейслеромъ чертежъ ямы фалунской на 25 листахъ, да чертежи всѣхъ машинъ въ планѣ и профилѣ перспективически на 10 листахъ большой александрійской бумаги, т. е. imperial-paper, за 100 червонныхъ сдѣлать, которое французскій посланникъ за одинъ чертежъ токмо дать не жалѣлъ; но мнѣ коллегія за-

претина, такожъ подарки давать приняли за непотребное; и сямъ не токмо охоту, но и возможность къ полезной отечеству услугъ оставили въ сумнѣніи, для котораго ничего учинить не могу.» У Татищева была еще мысль съѣздить въ Саксонію, чтобы самому обстоятельнѣе видѣть разность между тамошнимъ и шведскимъ горнымъ искусствомъ, «а не слышанію только увѣряться.» Онъ писалъ о томъ и въ бергъ-коллегію и де-Геннину: «О потребности мнѣ ѣхать въ Саксонію, представляю въ прикладъ здѣшнее учрежденіе авскультантовъ при коллегіи, которые короннымъ иждивеніемъ въ прочія государства для науки ѣздятъ, чрезъ что здѣсь много людей искусныхъ въ горныхъ дѣлахъ обрѣтается; и суще не упоминая всѣхъ членовъ коллежскихъ безъ изыятія, здѣсь (т.-е. въ Фалунѣ) совѣтникъ Полгеймъ, ассесоръ, который здѣшній заводъ подъ властію имѣеть, оберъ-маркшейдеръ Гейслеръ, и другіе многіе ѣздили по всей Европѣ, нѣкоторые въ Азію, Африку и Америку, куда нынѣ еще таковыхъ отправили... Какъ вижу, что здѣсь каждый горный начальникъ 3 или 4 года на коронномъ иждивеніи въ разныхъ государствахъ по заводамъ ѣздилъ, и непрестанно четыре человека ѣздятъ, какъ скоро одинъ прибудеть, то паки иного пошлютъ, а пріѣхавшаго опредѣляютъ къ заводамъ, и тако искусства умножаются и корысть государственная растеть. И ежели такъ малое и противъ Россіи убогое государство такое прилежаніе о наукахъ имѣеть и денегъ на то полагать съ сужденіемъ не жалѣеть, то намъ сугубо надобно прилежать. О деньгахъ же на проѣздъ, не требую болѣе 300 червонныхъ.» Съѣздить въ Саксонію Татищеву не удалось, но онъ былъ въ Копенгагенѣ, гдѣ, равно какъ и въ Швеціи, имѣлъ случай «со многими учеными разговаривать и потребныя для исторіи и географіи книги достать.» Вообще онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на тѣ жертвы, которыя приносились въ Швеціи съ научными цѣлями. «Шведскій король Карлъ XI всея Швеціи по предѣламъ достаточно правильныя ландкарты сочинить велѣлъ, какъ я такія въ ихъ инженерной конторѣ хранимы видѣлъ,» говорить онъ въ своей исторіи. «Да сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали, но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видимъ, что статьи государственныя на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить не малое награжденіе учинили.»

Наконецъ въ октябрѣ 1725 года присланы были изъ Россіи ученики къ Татищеву для отдачи ихъ на заводы. По

надлежащемъ исполненіи этой послѣдней комиссіи, ему приказывали возвратиться въ отечество, сдавъ присмотръ за ученіемъ посланнику Головину. Но лишь къ январю слѣдующаго года удалось Татищеву распределить присланныхъ по разнымъ занятіямъ, одѣть ихъ приличнымъ образомъ, устроить содержаніе и присмотръ за ними; все это обошлось въ 2184 рубля. По окончаніи всего онъ обратился къ Головину, съ просьбою принять отъ него комиссію по документамъ, снабдить деньгами на возвратный путь въ Россію и для уплаты нѣкоторыхъ долговъ собственныхъ Татищева и по комиссіи. Недостатокъ денегъ онъ объяснялъ тѣмъ, что коллегія, несмотря на его частыя просьбы, вмѣсто денегъ присылала одни отказы съ гнѣвомъ, какъ бы не вѣря его показаніямъ и считая его расходы самовольною и бездѣльною прихотью. Въ случаѣ, если бы правительство отказалось заплатить Головину ту сумму, которую просилъ у него Татищевъ, послѣдній обезпечивалъ уплату ея всѣмъ своимъ имѣніемъ. Но Головинъ не соглашался не только на это, но еще болѣе на принатіе самой комиссіи: онъ нашелъ бездну затрудненій при своей посольской обязанности брать еще новую. Особенно смущали его хлопоты, которыя были неизбѣжны съ поѣздками на заводы, съ присмотромъ за успѣхами и поведеніемъ учениковъ. Онъ уже зналъ по опыту, какъ жили русскіе, учившіеся тогда за границей. При русскомъ посольствѣ въ Стокгольмѣ еще прежде были два ученика для шведскаго языка; но одинъ изъ нихъ, Семень Мальцовъ, бѣжалъ невѣдомо куда; а другой, Ѳедоръ Нѣмчиновъ, къ наукѣ никакой охоты и прилежанія не показывалъ, наиболѣе употреблялъ себя къ гульбѣ и пьянству и другимъ непотребностямъ, и униманія въ томъ не слушалъ, за чтѣ и отданъ былъ въ курьеры (согласно указу 1723 года іюля 26). Ученики Татищева уже начинали жаловаться на скудость получаемаго ими содержанія, а иные хотѣли искать пропитанія инымъ способомъ, уйдти и записаться въ солдаты. Донося въ Петербургъ о такихъ препятствіяхъ къ принатію на себя комиссіи Татищева, Головинъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ для того немедленную высылку 2600 рублей,—суммы, которая была необходима, по словамъ Татищева, для окончательнаго разчета по всѣмъ контрактамъ и для его собственного отъѣзда. Высланы ли были эти деньги, неизвѣстно; но 22 апрѣля 1726 года Головину послали изъ Петербурга рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Симъ тебѣ повелѣваемъ вышеупомянутую

у совѣтника Татищева въ Швеціи комиссію принять и надѣ обрѣтающимися тамо російскими учениками въ ихъ обученіи и въ прочемъ имѣть надлежащее надзираніе,» а въ іюль Татищевъ былъ уже въ Россіи и подалъ въ бергъ-коллегію отчетъ о своей поѣздкѣ, гдѣ объяснялъ между прочимъ, что въ русскую службу принялъ только одного поручика Рефа, «понеже того чинить ему корона Шведская не допустила и мастерамъ къ нему тайно для такихъ договоровъ приходитъ воспретила; также купоросному и сѣрному и угольному мастерству отдать учениковъ не достало, однакожь угольному и непотребно, понеже не лучше нашего.» Ученики, оставленные имъ въ Швеціи, возвратились уже въ 1728 году и нѣкоторые изъ нихъ посланы были на Уралъ къ де-Геннину.

Татищева сначала, при Екатеринѣ I, хотѣли также назначить въ помощники де-Геннина; но въ царствованіе Петра II, указомъ 1727 года сентября 18, ему велѣно было вѣдать монетную контору вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ Алексѣемъ Плещеевымъ и статскимъ совѣтникомъ Платономъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Монетная служба требовала переѣзда изъ Петербурга въ Москву, куда въ началѣ слѣдующаго года переселился и дворъ, переведены были всѣ коллегіи, отъ которыхъ въ Петербургѣ оставлены только конторы, а отъ бергъ-коллегіи одинъ бергмейстеръ. Странническая дѣятельность, исполненная то военной тревоги, то дальнихъ переѣздовъ, борьбы съ различными лишениями и столкновеній съ людьми, прерывалась для Татищева на нѣкоторое время.

Непродолжителенъ впрочемъ былъ этотъ періодъ жизни Татищева въ старой и новой столицахъ Россіи. Послѣ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе Анны Іоанновны на престолъ, когда онъ составилъ отъ имени дворянства «произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе о правленіи государственномъ,» произнесъ предъ императрицей первую рѣчь въ знаменитый день паденія верховниковъ, и исполнилъ должность оберъ-церемоніймейстера во время коронаціи, причемъ его обошли наградами,—Татищевъ посланъ былъ опять для управленія горными заводами.

Въ тѣ девять лѣтъ (1724—1733), которыя Татищевъ провель въ Швеціи, Москвѣ и Петербургѣ, горное дѣло, благодаря знаніямъ и дѣятельности де-Геннина, льготамъ и богатству, которыми располагали Демидовы и Строгановы, развилось въ значительной степени. Рудоискатели перешли черту

прежняго горнаго округа: Соликамскъ и Кунгуръ на западъ, Верхотурье и Екатеринбургъ на востокъ, перестали быть крайними предѣлами горнозаводской промышленности. Съ одной стороны сдѣланы были успѣшныя попытки разрабатывать руду въ Алтайскихъ горахъ, съ другой явились заводы близъ Ватки и Казани; наконецъ промышленники пробовали идти далѣе на югъ отъ Екатеринбурга, загадывать въ земли Башкирцевъ, и, несмотря на противодействие со стороны послѣднихъ, богатства средняго Урала болѣе и болѣе разоблачались передъ Русскими. Екатеринбургъ, построенный на удачно-выбранной мѣстности, служившей водораздѣломъ обской и камской системъ, сдѣлался вполне центромъ горнаго управленія. Отъ егo оберъ-бергъ-амта зависѣли все сибирскіе, уральскіе и пермскіе заводы, ихъ управители, мастерские люди и приписные крестьяне. Всѣхъ заводовъ къ 1734 году считалось: казенныхъ—одиннадцать, Демидовыхъ—четырнадцать, въ томъ числѣ Кольвано-Воскресенскій, на которомъ добывалось серебро, одинъ Строгановыхъ; одинъ Осокиныхъ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, одинъ Турчаниновыхъ, въ Соликамскомъ, одинъ Тряпицына, въ Вятскомъ, и Соралинскій въ Казанскомъ. Увеличилось и самое населеніе края вновь переселенными въ него крестьянами и бѣжавшими изъ сосѣднихъ губерній людьми всякаго состоянія. Горы, какъ цѣль розысканій, потеряли свое прежнее значеніе преградъ между землями, прилегавшими къ нимъ; рѣки, издавна служившія почти единственными путями сообщенія, покрылись пристанями, къ которымъ свозилось металлическое богатство, и еще тѣснѣе связали Сибирь съ Россіей. Общій характеръ края сталъ знакомѣе его рабочему люду. Правда, рудоскатели мало обращали вниманія на природу, среди которой кипѣла ихъ дѣятельность. Они знали только, что горный кражъ, идущій изнутри Башкиріи, до самаго Верхотурья состоитъ изъ горъ не очень дикихъ, прикрытыхъ черноземомъ, хорошими травами и лѣсомъ; что кражъ, уходившій на сѣверъ отъ Верхотурья, гдѣ замѣтнѣе другихъ вершинъ были Косвинскій и Павдинскій камни, состоялъ изъ горъ чрезъ мѣру высокихъ, голыхъ и дикихъ, отчасти поросшихъ мхомъ, отчасти малымъ лѣсомъ; что все рѣки, бѣгущія изъ Каменнаго Пояса въ полуденную сторону, прошли въ Сибирь, а текуція на полночь, ушли въ Русь; что въ первыхъ нѣтъ ни раковъ, ни форели, а во вторыхъ и тѣ, и другія водятся. Но за то они хорошо знали мѣста, гдѣ находились руд-

ныя гнѣзда, знали средства добывать и плавить руду. Кромѣ мѣди и желѣза, средній Уралъ давалъ известковый камень, который примѣшивали въ желѣзную руду для лучшей плавки изъ нея чугуна, и еще твердый камень, который употребляли на горны, доменные и плавильныя печи; близь Екатеринбурга находили желтоватый и черноватый топазъ, черный мраморъ съ бѣлыми жилками, черный хрусталь съ краснымъ, лазоревымъ и желтымъ отливами, камень наждакъ, кровавикъ и каменную кудель; пробовали искать мамонтовыя и слоновьи кости, «курюзыя натураліи и разныя антиквитеты». Вообще горныя работы на всемъ пространствѣ, гдѣ открыты были рудники и при нихъ заводы, шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ административная часть; счетная сторона дѣла была еще слабѣе, нежели административная; а это послѣднее обстоятельство было одною изъ причинъ удаленія де-Геннина отъ управленія сибирскими заводами. Увлекаясь своими специальными занятіями, онъ не любилъ никакого административнаго стѣсненія, шло ли оно отъ коллегіи, отъ воеводъ, или отъ счетнаго контроля. Привыкнувъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Петромъ Великимъ, у котораго просилъ себѣ воли въ горномъ дѣлѣ, де-Геннинъ не могъ потомъ помириться съ мыслию о подчиненности какой-нибудь коллегіи или конторѣ, члены которой, живя вдали отъ горнаго края, смотрѣли лишь на результаты заводской дѣятельности и ничего не хотѣли знать о препятствіяхъ, неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ для всякой промышленности. А между тѣмъ очень немногіе изъ казенныхъ заводовъ могли покрывать издержки, которыхъ стоило ихъ построеніе и содержаніе. Петръ Великій умѣлъ въ этомъ случаѣ выжидать благихъ результатовъ; но такъ дѣйствовали его преемники. Уже при Екатеринѣ I явилась мысль отдать казенныя заводы въ компанію; де-Геннинъ былъ противъ этой мысли, представлялъ сенату о причинахъ случавшейся иногда остановки работъ на заводахъ, приписывая ее то умаленію водъ, то сухому, жаркому дѣту, то недостатку рабочихъ рукъ. При каждой переменѣ правительства, онъ спѣшилъ въ Петербургъ и получалъ всемиловѣйшій указъ объ исправленіи и приведеніи въ вѣщшее состояніе казенныхъ заводовъ; но средства у него оставались тѣ же, или правильнѣе, даже убавились со смертію Петра: право принимать бѣглыхъ на заводы было значительно ограничено; съ приписныхъ крестьянъ наравнѣ съ другими стали брать рекрутъ; наконецъ винный откупъ

проникъ въ земли горнаго вѣдомства, построилъ кабаки, которые отнимали у рабочихъ не мало времени. «Черезъ 28 лѣтъ при заводахъ кабаковъ не было, говорилось въ промеморіи тобольской губернской канцеляріи, посланной въ оберъ-бергъ-амтъ въ августъ 1731 года; а по вступленіи въ откупъ кабаковъ, Андрей Трекъ, екатеринбургскій обыватель, поставилъ кабаки. И отъ всегдашняго пьянства мастеровые люди въ совершенное безуміе приходятъ, и мастерства добраго лишаются, и дѣлать желѣза мягкаго противъ указныхъ сортовъ пьянство не допускаетъ; а на пристаняхъ, отъ поставки кабаковъ, во время отпуска струговаго съ желѣзомъ, не безъ поврежденія бываетъ, для того что работники, напившись пьяные, а паче струговые сплащики, отъ быстроты рѣки Чусовой, въ пьянствѣ стругá съ желѣзомъ разбиваютъ и между собой великія драки у пьяныхъ бываютъ, что другъ друга до смерти убиваютъ.» Несмотря однакожъ на всѣ затрудненія, казенные заводы дали къ 1726 году прибыли 113.808 руб. 63 коп., къ 1731 году 91.286 руб.; а для большаго увеличенія государственныхъ доходовъ, въ октябрѣ 1731 года, мануфактуръ и бергъ-коллегія были соединены съ коммерцъ-коллегіей, въ видѣ особыхъ экспедицій; отъ прежняго раздѣленія ихъ, сказано въ указѣ, никакой пользы не находилось, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и излишнихъ переписокъ. Въ декабрѣ того же года назначенъ былъ въ канцелярію заводскихъ дѣлъ секретарь, вскорѣ сдѣланный ассессоромъ, Вильгельмъ Шульцъ, съ обязанностію «особливо смотрѣть надъ тѣми, которые у тамошняго приходу и расходу, дабы они свои приходныя и расходныя книги держали порядочно, дабы безъ великаго затрудненія всегда сочтены, и какъ приходъ, такъ и расходъ всегда явентъ быть могъ;» но въ октябрѣ слѣдующаго года Шульцъ умеръ. Де-Геннинъ велѣлъ всѣ канцелярскія дѣла въ оберъ-бергъ-амтъ рѣшить и подписываться подъ рѣшеніями надзирателю лѣсныхъ дѣлъ, прапорщику Назарову; тогда подсекретарь Феоктистъ Кузнецовъ билъ де-Геннину челомъ, что прапорщику Назарову, «за неискусствомъ въ письмѣ и за непонятіемъ въ приказномъ дѣлѣ, у того дѣла быть невозможно, ибо онъ писать и читать не довольно умѣетъ, и оттого въ дѣлахъ чинится продолженіе и остановка; а другихъ членовъ въ оберъ-бергъ-амтъ никого нѣтъ, и затѣмъ канцелярскія, а паче что счетныя и юстиція дѣла рѣшеніями остановились, а оныя спрашиваются

по указамъ съ принужденіемъ.» Де-Геннинъ опредѣлялъ на мѣсто Шульца гиттенфервальтера Константина Гордѣева, который слѣдовалъ тогда спорное о земляхъ дѣло между баронами Строгановыми и дворяниномъ Демидовымъ: «а рѣшить ему горныя и заводскія дѣла съ вѣдома моего, писалъ де-Геннинъ, юстиція же и счетныя мимо меня, какъ надлежитъ по указамъ.» А между тѣмъ сенатъ рѣшилъ посылать въ оберъ-бергъ-амтъ для порядковъ по одному совѣтнику изъ горной экспедиціи государственной коммерцъ-коллегіи, съ перемѣною черезъ два года. При этомъ совѣтникъ, въ качествѣ презуса, присутственными членами были: одинъ оберъ-бергмейстеръ и одинъ оберъ-цегентнеръ; для пристрастнаго въ дѣлахъ и произведенія въ члены на упалыя мѣста находился гиттенфервальтеръ; для разбора ссоръ между частными заводчиками, при межеваніи рудниковъ и лѣсовъ, и для посылокъ по казеннымъ заводамъ, когда нужда потребуетъ, служилъ бергешворень.

Для лучшаго порядка въ счетахъ, сенатъ велѣлъ коммерцъ-коллегіи послать въ Екатеринбургъ двухъ или трехъ искусныхъ бухгалтеровъ, съ тѣмъ чтобъ они научили и другихъ бухгалтерскому дѣлу; къ нимъ присоединены были и подъячіе изъ коллегіи. Апелляція на неправильное рѣшеніе оберъ-бергъ-амта во всякихъ истцовыхъ, татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ могла быть подаваема сибирскому губернатору, такъ какъ въ подобныхъ же дѣлахъ подчинены губернаторамъ воеводы. Всѣ эти распоряженія мало поправляли дѣло; притомъ же оберъ-бергъ-амтъ никогда не видалъ въ полномъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ. Наконецъ въ маѣ 1733 года составлена была комиссія для разсмотрѣнія, какимъ образомъ къ лучшему интересу быть можетъ: на казенномъ ли коштѣ содержать горные заводы, или отдать ихъ партикулярнымъ людямъ, и то одному, или многимъ, и на какихъ кондиціяхъ? Членами этой комиссіи назначены были: тайный совѣтникъ графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, статскій совѣтникъ Онисимъ Масловъ, бергъ-совѣтникъ Томиловъ, служившій по горной части около тридцати лѣтъ и извѣстный своими путешествіями на Кавказъ, пріятель Байера и Миллера, полковникъ артиллеріи Гарберъ.

Труды членовъ этой комиссіи неизвѣстны; но должно думать, что мнѣніе ихъ не было за отдачу горныхъ заводовъ въ аренду частнымъ промышленникамъ, потому что, вмѣсто

передачи ихъ въ аренду, 17 марта 1734 года состоялся указъ, которымъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ горныхъ заводовъ въ Сибири и Перми В. Н. Татищевъ; съ нимъ посланъ былъ для совѣта и общаго правленія совѣтникъ экипажной конторы Андрей Хрущовъ. Кромѣ того изъ другихъ актовъ видно, что управленіе заводами и ихъ населеніемъ раздѣляли съ Татищевымъ: премьеръ-майоръ Михаилъ Миклашевскій, майоръ Угрюмовъ, ассессоръ Игнатій Рудаковскій, бергмейстеръ Никифоръ Клеопинъ, главный казначей Константинъ Гордѣевъ, заводскіе комиссары Тимофей Бурцовъ и Яковъ Бекетовъ, полицеймейстеръ поручикъ Алексій Зубовъ, главный межевщикъ Игнатій Юдинъ и земскій судья Степанъ Неѣловъ. Словомъ, это была цѣлая бергъ-коллегія, перенесенная на самое мѣсто горной промышленности, но съ президентомъ, имѣвшимъ нѣсколько распространенную власть; такъ, онъ имѣлъ право производить въ чины до поручика. Подробная инструкція въ 22 пунктахъ, сообщенная Татищеву спустя шесть дней по его назначеніи, уполномочивала его на перестройку старыхъ заводовъ, закрытіе ихъ по недостатку земель или рабочихъ рукъ, перенесеніе въ другое мѣсто, разверстку между ними приписныхъ деревень. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ товарищами по управленію; а въ дѣлахъ важныхъ или сомнительныхъ—призывать къ совѣщанію частныхъ промышленниковъ и прикащиковъ; и только въ дѣлахъ крайне сомнительныхъ или опасныхъ долженъ былъ сноситься съ кабинетъ-министрами и сенатомъ. Въ обстоятельствахъ, касающихся губернскаго управленія, каковы: открытіе новыхъ рудниковъ близъ владѣній степныхъ народовъ, учрежденіе новыхъ крѣпостей, торговъ или путей сообщенія, предписывалось сноситься съ сибирскимъ и казанскимъ воеводами, и приводить въ исполненіе общее рѣшеніе, не списываясь съ центральнымъ правительствомъ, за исключеніемъ сомнительныхъ и опасныхъ случаевъ. Указано было также возстановить канцелярскій порядокъ въ горныхъ дѣлахъ, сокращая по возможности излишнюю переписку, а главное—вести правильные и ясные счета приходамъ и расходамъ: съ этою цѣлю позволено было взять въ Москвѣ изъ сената секретаря и бухгалтера, знающихъ свое дѣло. Сообщены были Татищеву разные проекты, присланные въ послѣдніе годы отъ де-Геннина, его требованія отъ коммерцъ-коллегіи, ландкарты, чертежи; о но

какъ послѣдніе оказались очень неудовлетворительными, то и велѣно сдѣлать обстоятельное-географическое описаніе всего горнаго края, для чего подчинены были Татищеву всѣ геодезисты, находившіеся тогда въ Сибири, да изъ сената приданы еще два геодезиста и шесть учениковъ изъ адмиралтейской и артиллерійской школъ. Изъ частныхъ вопросовъ, касавшихся горныхъ заводовъ и быта промышленниковъ, инструкція обращала особенное вниманіе Татищева, между прочимъ, на очень важный вопросъ о сравнительныхъ выгодахъ обязательнаго и вольнаго труда: «хотя къ заводамъ (казеннымъ) многія слободы для работъ приписаны, говорилось въ четырнадцатомъ пунктѣ инструкціи, однакожь видно, что Демидовъ предъ оными ни четвертой части людей не имѣетъ, желѣза же вдвое противъ нашихъ заводовъ отпускаетъ, а слышно, что наиболѣе онъ вольными работниками и гораздо дешевле всѣ работы исправляетъ; того ради разсмотрѣть вамъ въ распорядкѣ расположенныхъ на приписныхъ крестьянъ работъ и въ заплатѣ за оныя, дабы они надъ потребность отягчены не были; а чтобъ имъ для дальнихъ проѣздовъ излишняго за работы не платить и тѣмъ на сдѣланные товары цѣны не возвышать, стараться вамъ, чтобъ нѣкоторыя работы на заводахъ, обрѣтающихся въ тобольскихъ и верхотурскихъ слободахъ, исправлять вольнымъ наймомъ.» Велѣно было также разсмотрѣть, не выгоднѣе ли жестыяныя, проволочныя, стальные и т. п. фабрики, заведенныя въ Екатеринбургѣ собственно для обученія мастеровыхъ, отдать частнымъ людямъ въ аренду; не полезно ли для удержанія при заводахъ надѣлать проживающихъ тамъ чиновниковъ вотчинами изъ дворцовыхъ деревень, съ обязательствомъ остаться и съ дѣтьми вѣчно въ горной службѣ? Приглашеніе новыхъ промышленниковъ, открытіе рудниковъ въ Башкиріи, Томскомъ, Кузнецкомъ, Нерчинскомъ, Иркутскомъ и другихъ дальнихъ уѣздахъ, помощь совѣтомъ и дѣломъ частнымъ заводчикамъ, оборона ихъ отъ обидъ, судъ и расправа въ случаѣ распрей между ними, надзоръ за откупомъ, кабаками и шинками, присмотръ за тѣмъ, чтобъ отъ горныхъ заводовъ солянымъ промысламъ ни въ коемъ обстоятельствѣ утѣсненія не было, составленіе горнозаводскаго устава и болѣе точное опредѣленіе пошлинъ, платимыхъ частными промышленниками въ казну,—вотъ тѣ задачи, на которыя указывала инструкція Татищеву, какъ на требовавшія неотложнаго вниманія его съ первыхъ же дней по вступле-

ніи въ должность. Но еще прежде своего отъѣзда изъ Москвы, Татищевъ просилъ разрѣшенія, чтобъ аппелляцію на неправыя рѣшенія особаго судьи, опредѣленнаго при горныхъ заводахъ отъ губерній, можно было подавать въ оберъ-бергъ-амтѣ, а не въ Тобольскѣ; потому что «оное заводамъ вредительно: многіе управители, мастера и работники принуждены 700 верстѣ ѣздить и по челобитію въ малыхъ дѣлахъ на долгое время отъ заводовъ отлучаться; а по мнѣнію его, той аппелляціи надлежитъ быть въ оберъ-бергъ-амтѣ, и только по великимъ дѣламъ посылать къ губернаторамъ.» Представлялъ также о томъ, чтобъ ирбитскую ярмарку (съ 6 января по 20) оставить на ея мѣстѣ, а въ Екатеринбургѣ открыть новую, назначивъ для нея двѣ недѣли въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Сенатъ согласился съ обоими представленіями Татищева.

Въ началѣ октября Татищевъ принялъ отъ де-Геннина управленіе заводами и отправился въ объѣздъ для осмотра ихъ, велѣвъ съѣхаться къ 1 декабря въ Екатеринбургъ всѣмъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ, для составленія горнаго устава; но только 12 декабря открылось первое засѣданіе. Секретарь Иванъ Зоринъ прочелъ рѣчь, написанную на этотъ случай Татищевымъ. Въ ней кратко излагалась исторія горнаго производства въ Россіи и потомъ причины, вызвавшія необходимость въ новомъ уставѣ: пока изъ частныхъ промышленниковъ былъ одинъ Демидовъ, такъ и законовъ на распри не требовалось, а теперь, «частію отъ проклятыхъ зависти и ненависти, или незнанія законовъ Божескаго и естественнаго, распри умножились, а къ тому и законамъ вскорѣ требуемымъ быть чаемо.» Затѣмъ, Татищевъ обращался къ своимъ сотрудникамъ съ просьбою трудиться для общаго дѣла со всякимъ прилежаніемъ, вести записки разнымъ судебнымъ случаямъ изъ заводскаго быта и объявлять въ общемъ собраніи свое мнѣніе о нихъ. Онъ убѣдительно просилъ подавать мнѣнія безъ всякаго пристрастія, предложенныя доказывать и защищать свободно, возраженія и замѣчанія на нихъ не принимать себѣ въ обиду, не почитать за страхъ, и не отступать отъ своего праваго мнѣнія изъ почтенія къ спорящему: «всякъ имѣетъ волю свое мнѣніе объявить, колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлялъ, и при томъ остаться, доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое переимѣнитъ; а же вамъ всѣмъ, сказано было въ заключеніи рѣчи, по моей

должности и по крайнему разумѣнію служить и монимъ совѣтомъ помогать желаю.»

Горнозаводскій уставъ имѣлъ въ виду отчетливое опредѣленіе обязанностей и предѣловъ власти членовъ оберъ-бергъ-амта или, какъ Татищевъ переименовалъ его, канцеляріи главнаго правленія сибирскихъ горныхъ заводовъ. Во многихъ своихъ статьяхъ горный уставъ былъ только развитіемъ тѣхъ двадцати пунктовъ, которые вошли въ инструкцію, данную Татищеву, и указовъ, полученныхъ имъ изъ кабинета министровъ и сената, уже по прѣводѣ на мѣсто управленія; въ другихъ статьяхъ уставъ представлялъ извлеченія, сдѣланныя изъ регламентовъ и законовъ Петра, иногда съ перемѣнами, какихъ требовало примѣненіе ихъ къ горному дѣлу; и наконецъ немногія статьи заимствованы изъ горныхъ уставовъ другихъ государствъ. Кромѣ того, ссылаясь на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, на новоуказныя статьи, на воинскій и морской уставы Петра, на его наказы нѣкоторымъ чиновникамъ, управлявшимъ отдѣльными частями, уставъ Татищева указываетъ, какъ на общій источникъ всякаго законодательства, на законъ естественный, для познанія котораго рекомендуетъ Пуфендорфа *Право естественное и народное*, Гуго Гроція *Право войны и мира*. А если «случатся обстоятельства такія, которымъ никакъ законъ точно не согласуетъ и рѣшить по законамъ учиненнымъ не можно, законъ же вновь устанавливать, кромѣ насъ (говорится отъ имени императрицы), никто власти не имѣеть,» то и главному правителю заводовъ никакого закона и устава вновь сочинить и за дѣйствительный употреблять не надлежитъ; и такимъ законамъ «безъ нашего утвержденія» никто повиноваться не долженъ. Словесные приказы накрѣпко запрещались, развѣ въ дѣлахъ малыхъ, требовавшихъ скорого рѣшенія и не представлявшихъ никакого «сумнительства»; да и тѣ слѣдовало вносить въ дневальную книгу за подписью отдавашаго приказъ. Въ случаѣ различныхъ толкованій, или неясности, или неудовлетворительности закона, спорнаго вопроса не рѣшать; но, созвавъ всѣхъ способныхъ къ разсужденію помощниковъ, нѣсколько ближнихъ по мѣсту своего жительства промышленниковъ и ихъ лучшихъ прикащиковъ не меньше двѣнадцати человекъ, составить на основаніи общаго мнѣнія новый законъ и послать его для разсмотрѣнія и утвержденія въ сенатъ. Вообще Татищевъ, получившій полную мочь и силу въ управленіи горными заводами,

старался, согласно съ инструкціей, ввести въ уставъ самое широкое участіе въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ остальныхъ членовъ главнаго правленія; и потому въ статьѣ о подачѣ голосовъ прямо было указано на слабую сторону коллегіальнаго начала въ русскихъ учрежденіяхъ того времени: «какъ въ нѣкоторыхъ тому подобныхъ собранныхъ правленіяхъ не весьма уставу слѣдуютъ, яко главные, прежде выслушанія нижнихъ голосовъ, свое мнѣніе объявляютъ, для котораго иногда нижніе за почтеніе, изъ маности или за страхъ, истинное свое мнѣніе и сущую надлежащность не объявляють и оному неправильно согласуютъ и послѣдуютъ; а потомъ, когда къ суду позваны бывають, тѣмъ отговариваются, что не они большіе, другіе же коварно при даваніи голосовъ весьма молчатъ, и когда протоколъ къ закрѣпѣ придетъ, тогда, показывая себя, начинаютъ спорить и новые доводы показывать, чрезъ что въ дѣлахъ токмо дѣлають продолженіе; нѣкоторые же по закрѣпѣ въ нѣсколько дерзають противу порядка изъ домовъ своихъ протесты присылать или протоколисту отдають, ища токмо другихъ невинно опорочить; того ради еще симъ накрѣпко подтверждается, чтобъ по уставу поступали.» Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей главнаго начальника горный уставъ полагалъ объѣзды заводовъ дальнихъ, однажды въ годъ, а ближнихъ такъ часто, какъ сила и возможность допустить; по призыву частныхъ промышленниковъ, онъ долженъ былъ ѣздить на ихъ заводы, для осмотра, совѣтовъ и всякой помощи, на счетъ просителя: во время такихъ поѣздокъ надо было вести обстоятельныя ежедневныя записки о всѣхъ приказахъ, дѣлахъ, и обо всемъ видѣнномъ, достойномъ памяти. Совѣтникъ и ассессоры, существенная обязанность которыхъ состояла въ управленіи канцеляріей главнаго правленія, также должны были дѣлать ежегодныя объѣзды заводовъ. Судныя занятія раздѣлялъ съ главнымъ начальникомъ земскій судья заводовъ, должность и власть котораго опредѣлены были уставомъ съ замѣчательными для исторіи русскаго права и судопроизводства подробностями. Земскому судѣ принадлежалъ судъ надъ всѣми жителями заводовъ и приписныхъ къ нимъ слободъ въ дѣлахъ персональныхъ и земскихъ, то-есть въ долгахъ, брани, увѣчьѣ, грабежѣ и юму подобныхъ распряхъ; разборъ дѣлъ, возникавшихъ изъ одностороннихъ свойствъ горнаго производства, относился къ обязанностямъ главнаго судьи, котораго присылали въ пра-

вление изъ числа совѣтниковъ юстицъ-коллегія: такъ при Та-тищевѣ это званіе носилъ князь Шаховской, до крайности радѣвшій о своей должности, какъ видно изъ челобитной находившагося тогда на заводахъ капитана Калачова, который приносилъ жалобу на совѣтника въ безвинномъ разореніи своемъ и просился оттого домой. Горный уставъ, зная жестокія привычки тогдашнихъ слѣдователей, старался ограничить власть судей относительно пытки и казни: «хотя въ Уложеніи и процесѣхъ воинскаго суда о пыткѣ и казни, сказано въ 6-й стат. IV гл. устава, чтобъ напрасно крови не проливать и безъ довольнаго обвиненія къ пыткѣ не приводить—въ пыткѣ, хотя кто и въ подозрѣніе впалъ, по состоянію дѣла и человѣка, умѣренно и благоразсудно поступать, наипаче же въ лишеніи чести и живота какъ себя отъ продерзости и бѣды охранять, довольно внятно и обстоятельно написано; однакожь съ немалымъ сожалѣніемъ принуждены мы слышать и изъ дѣлъ видѣть, что нѣкоторые судьи, забывъ страхъ Божій и вѣчную души своей погибель и презрѣвъ законы, многократно по злобѣ или кому дружа, а наипаче проклятымъ лихоимствомъ прельстятся или кто глупымъ и неразсуднымъ свирѣпствомъ преисполняясь, людей не надлежаще на пытки осуждаютъ и безъ всякой надлежащей причины неумѣренно и понѣкодаку разъ пытаются, взявъ токмо изъ Уложенія, гдѣ написано: «въ перемѣнныхъ рѣчахъ и въ дѣлахъ великихъ, а паче въ несовершенной повинности, пытать трижды;» нѣкоторые же, звѣрски въ томъ поступаая, до смерти пытаются и на смерть или къ лишенію чести, безъ всякаго къ тому надлежащаго доказательства, осуждаютъ, за чтѣ нѣкоторые судьи, по обстоятельству дѣлъ, лишеніемъ имѣнія, чести и другими тяжкими наказаніями наказаны: того ради оному (земскому) судѣ, безъ извѣстія главнаго заводскаго правленія и общаго согласія, никакого человѣка не пытать... Къ смерти же осуждать въ канцеляріи главнаго правленія присутствіемъ всѣхъ членовъ, которыхъ имѣеть быть къ тому не меньше семи персонъ, и сіе разумѣется о подлости, а шляхетства и заслужившихъ знатные ранги не пытать и чести не лишать; съ сущими же ворами, а наипаче съ ссыльными, которые, ежели *хотя въ молжѣ* воровствѣ обвинятся, въ истязаніи и наказаніи поступаютъ по законамъ безъ всякаго послабленія.» Обязанность главнаго начальника смотрѣть за доходами и расходами заводскими возложена на главного казначея. Собственно ихъ надзору принадле-

жали: подушные деньги, собираемые по окладамъ съ приписанныхъ къ заводамъ слободъ, за продажные при заводахъ припасы, десятинный сборъ съ частныхъ промышленниковъ, пошлины съ горныхъ судовъ, съ векселей и т. п.; ясачные же, раскольническіе, таможенные, кабацкіе, мельничные, банные, откупные и оброчные за земли и воды, крѣпостные съ земскихъ судовъ доходы, печатные и тому подобныя пошлины, словомъ все, что не отъ заводовъ приходитъ, подлежало вѣдѣнію губернскаго управленія: земскій судья долженъ былъ всѣмъ этимъ приходамъ вести описи, имѣть, въ случаѣ займовъ изъ этихъ денегъ для заводовъ, счета съ губерніей. Главнымъ доходомъ горнаго вѣдомства, кромѣ добычи металловъ и продажи подвѣленныхъ изъ нихъ вещей, былъ десятинный сборъ съ заводовъ частныхъ промышленниковъ. Не удивительно, что ему въ уставѣ посвящено было нѣсколько статей. Въ объясненіи генеральныхъ причинъ его сказано, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ собирается десятина съ добываемой на частныхъ заводахъ руды, въ Богеміи же и Саксоніи по пяти со ста; кромѣ того вездѣ взимаются особенныя пошлины въ казну съ плавильныхъ заводовъ, платится тридцать-вторая часть вотчинникамъ, на чьей землѣ копаются руда; берется пошлина съ покупки лѣсовъ, на церковь и богадѣльни отдѣляется также своя часть; горные начальники и управители, получая жалованье отъ казны, пользуются извѣстною платой и отъ частныхъ заводчиковъ. Въ Россіи же такихъ тягостей не было: земли, лѣса и уголья отводились даромъ, приписывались крестьяне; горные начальники довольствовались казеннымъ жалованьемъ и получили лишь небольшія акциденціи отъ суда и рѣшеній по добротнымъ просьбамъ; школы и богадѣльни содержались также отъ казны, кромѣ того давались увольнительные годы отъ десятины. Несмотря на то, промышленники старались не вносить въ казну и той небольшой части пошлинъ, которая оставалась за всѣми этими льготами, вслѣдствіе чего уставъ Татищева подробно опредѣлялъ подати, какія надо платить съ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, свинцовыхъ и минеральныхъ заводовъ, съ ручныхъ доменъ и ремеслъ, съ продажи металловъ и пр.

Вообще горнозаводскій уставъ Татищева, какъ первая поодѣлка въ этомъ родѣ, былъ удовлетворителенъ вдвойнѣ: онъ отличался знаніемъ тогдашнихъ административныхъ порядковъ

и не ставилъ спеціальную цѣль горныхъ занятій въ подчиненныя отношенія къ регламентарной системѣ; до нѣкоторой степени былъ внимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края и временному состоянію его населенія. Несмотря на то, въ немъ была одна черта, которая повредила ему въ глазахъ правителей, окружавшихъ императрицу. Развивая элементъ полномочія, какимъ надѣяла главнаго начальника горныхъ заводовъ отчасти самая инструкція, данная Татищеву изъ сената, преобразовывая оберъ-бергъ-амтъ въ канцелярію главнаго правителя, съ коллегіальнымъ характеромъ, уставъ дѣйствовалъ болѣе въ духѣ петровской эпохи, нежели бироновской; а давая просторъ мѣстнымъ условіямъ, еще стремился замѣнить нѣмецкую терминологию горныхъ чиновъ и работъ русскими названіями. Это была очень понятная слабость со стороны самого Татищева, хотя собственно горное дѣло нисколько не выигрывало отъ того: «усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ Саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, яко же и снасти, по-нѣмецки называли, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли, Татищевъ, какъ онъ самъ говоритъ, сожалѣя, чтобы слава и честь отечества, а его трудъ тѣми именами нѣмецкими утѣшенны не были, ибо по онымъ Нѣмцы могли себѣ не надлежаще въ размноженіи заводовъ честь привлекать, еще же изъ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, а дѣла во упущеніе, яко полномочный, всѣ такіа званія отставилъ, а велѣлъ писать русскими.» О переименованія горныхъ чиновъ на русскій языкъ, онъ представилъ въ кабинетъ; представленіе его уже было апробовано императрицей, но герцогъ курляндскій «такъ сіе за зло принялъ, что не однажды говаривалъ, якобы Татищевъ главный злодѣй Нѣмецъ», и уставъ, сочиненный подъ редакціей Татищева, остался безъ утвержденія.

Не останавливаясь на исполненіи того пункта инструкціи, въ которомъ говорилось объ уставѣ, Татищевъ занялся и остальными. Заботясь о распространеніи предѣловъ горной промышленности, объ умноженіи заводовъ, объ увеличеніи населенія ихъ, Татищевъ не разъ представлялъ въ кабинетъ министровъ о томъ, что «въ Сибири и тамошнихъ мѣстахъ» въ разныхъ городахъ, къ строенію заводовъ въ удобныхъ мѣстахъ обрѣтено рудъ множество, и ежели заводы заводя-
то можно хотя тридцать построить, и утѣшенія отъ того

будеть», но что и безъ того число рабочихъ рукъ даже на существующихъ заводахъ очень недостаточно, что слѣдовательно надо вызывать для устройства новыхъ заводовъ охотниковъ особливими указами. Чтобъ устранить великій недостатокъ въ людяхъ, Татищевъ совѣтовалъ не пренебрегать поротыми ноздрями, какъ это дѣлалъ де-Геннинъ, и просилъ всѣхъ опредѣляемыхъ въ ссылку посылать отовсюду, изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, изъ губерній и провинцій, въ которыхъ будутъ колодники, на сибирскіе казенные заводы въ работу; сенатъ, по сообщенію кабинетъ-министровъ, удовлетворилъ эти требованія Татищева.

На частные заводы, которыхъ считалось тогда двадцать шесть, Татищевъ, согласно съ инструкціей, послалъ двѣнадцать шихтмейстеровъ, давъ имъ наказъ въ одиннадцати статьяхъ. Но богатые промышленники, дворяне Демидовы и бароны Строгановы, смотрѣли не очень дружелюбно на распоряженія Татищева, касавшіяся ихъ заводовъ. Они считали такіа распоряженія произвольными, и били на нихъ челомъ въ Петербургъ. Кабинетъ-министры рѣшили: такъ такъ опредѣленные въ шихтмейстеры сами ариеметики не знаютъ, и къ содержанію бухгалтерскихъ книгъ не обыкновенны; то ихъ отставить, ограничиваясь подтвержденіемъ частнымъ заводчикамъ, чтобъ они счетныя книги содержали порядочно и правильно. Счетныя книги важны были для опредѣленія десятинаго сбора; для составленія ихъ необходимы были люди, знакомые съ бухгалтерскимъ дѣломъ: соглашаясь на просьбы Демидовыхъ и Строгановыхъ удалить съ ихъ заводовъ казенныхъ шихтмейстеровъ, кабинетъ рекомендовалъ имъ посылать своихъ людей для обученія въ екатеринбургскую школу. Но Татищевъ и самъ о томъ думалъ: онъ заставлялъ обывательскихъ дѣтей, съ заводовъ частныхъ промышленниковъ, учиться въ школахъ отъ 6 до 12 лѣтъ. Заводчики говорили, что дѣти такого возраста уже отправляютъ у нихъ многія работы при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ, обучаются мастерству и послѣ отцовъ заводское мастерство на себя перенимаютъ; кабинетъ отвѣчалъ приказаніемъ не принуждать къ ученью неволею, учить письму и чтенію на партикулярныхъ заводахъ, а въ казенную школу брать только желающихъ знакомиться и съ прочими науками. Всѣ эти распоряженія не устраняли однакожъ возможности другихъ столкновеній между Татищевымъ и частными промышленниками: инструкція дала ему

право широкаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, и Татищевъ не пренебрегалъ этимъ правомъ. Такъ однажды онъ взялъ съ заводовъ Демидова на казенные двухъ иностранцевъ, плавильныхъ и рудоискательныхъ штейгеровъ, которыхъ тотъ съискалъ и нанялъ для себя въ Петербургѣ; кабинетъ велѣлъ возвратитъ ихъ Демидову. Татищевъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ даже отношенія заводчиковъ къ ихъ мастерамъ, не хотѣлъ выдать послѣднихъ на всю волю первымъ, и усердно слѣдилъ за бытомъ приписанныхъ къ заводамъ; ему не нравился обычай промышленниковъ не платить жалованья больнымъ рабочимъ и за прогульные дни; кабинетъ, по жалобѣ Демидова, опредѣлялъ: «когда отъ мастеровыхъ людей о томъ жалобы не происходятъ, то въ оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волѣ съ оными мастерами людьми поступать какъ они сами съ ними согласятся.» Несмотря на то, взаимныя столкновения и неудовольствія не прекращались, и въ началѣ 1736 года Сароны Строгановы и дворянинъ Акиней Демидовъ подали въ одно время новую жалобу на Татищева въ разныхъ нападкахъ на нихъ. Нападки эти, по словамъ челобитчиковъ, состояли въ томъ, что «Татищевъ грозитъ прикащикамъ Строгановыхъ внутьемъ и приметывается розысками за то, будто они запрещаютъ крестьянамъ Зырянской и Лезвинской волостей прискивать руду; велитъ прокладывать дороги, и сквозь лѣса просѣкать, и по дорогамъ черезъ рѣчки мосты мостить, а черезъ оныя перелазы содержать, въ чемъ до сего времени никакой нужды не бывало, ибо лѣтомъ водою, а зимою льдомъ свободный проѣздъ имѣется; у Демидова забираетъ много припасовъ и матеріаловъ къ строенію казенныхъ заводовъ, требуетъ анбаровъ для складки казеннаго желѣза, и въ то же время запрещаетъ ему рыть въ Точильной горѣ жерновый камень.» Императрица приказала, вождствие такихъ нападковъ отъ Татищева, впредь прикащиковъ и крестьянъ Демидова и Строгановыхъ не вѣдать ему, а вѣдать ихъ по горнымъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегіи, а по солянымъ въ соляной конторѣ. Лишь однажды Татищевъ не поссорился съ частными промышленниками, именно когда вопросъ зашелъ о раскольникахъ, сбѣжавшихся изъ разныхъ мѣстъ въ горнозаводскій край и болѣе всего селившихся въ земляхъ Демидова. Привлечъ ихъ особенно усилился съ 1727 года, до котораго, по словамъ донесенія сибирской губернской канцеляріи въ раскольникую контору, при

заводахъ раскольниковъ не было. Но Татищевъ насчиталъ ихъ въ 1735 году уже до 1250 душъ мужескаго пола и 611 женскаго, съ которыхъ и положилъ взыскать по указамъ раскольниковій платежъ въ 2540 рублей. Когда пришло отъ него представленіе о томъ въ кабинетъ, то послѣдній опредѣлялъ: «раскольниковъ, живущихъ въ селахъ Черноисточинскаго Демидова завода, монаховъ и монахинь развестъ подъ карауломъ по разнымъ монастырямъ внутрь Сибири, въ каждый монастырь челоуѣка по два или по три, и содержать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ особливыхъ кельяхъ въ мірскомъ, а не въ монашескомъ платьѣ, и увѣщевать, и которые обратятся, постригать вновь, а далѣе церкви за монастыри ихъ не выпускать, а не обратившихся употреблять въ работу въ тѣхъ монастыряхъ; а бѣльцовъ со всякими ихъ пожитками, а именно: посадскихъ, дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ крестьянъ, вывести изъ дѣсовъ и поселить при заводахъ для заводскихъ работъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бѣ они сообщенія съ правотѣрными и свою ересь распространять случая не имѣли.» Жившихъ на заводахъ до указа велѣно было также оставить при горныхъ работахъ. Въ октябрѣ слѣдующаго года Татищевъ опять доносилъ, что число раскольниковъ еще болѣе увеличилось, особенно на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ, гдѣ едва ли не всѣ прикащики, да и сами промышленники нѣкоторые—раскольники; что на казенныхъ фабрикахъ жестяной, проволоочной, укладной, стальной, также всѣ торгующіе харчами и прочими потребностями были Олончане, Тулане и Керженцы; что у Демидова въ дѣсу есть пустыня, гдѣ скрывается корень суевѣрія. Но сносясь объ искорененіи раскола съ кабинетомъ и сибирскимъ архіереемъ, Татищевъ понималъ, какой подрывъ горному промыслу могло сдѣлать черезчуръ усердное преслѣдованіе и неумѣстная высылка раскольниковъ; а потому, оставаяя ихъ жить на Уралѣ, онъ просилъ только искуснаго священника, который бы могъ «ученіемъ отъ суевѣрія отвратить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію вкореняться не допускать.» Но тѣхъ раскольниковъ, которыхъ велѣно было держать въ тюремныхъ острогахъ екатеринбургскаго вѣдомства подъ крѣпкимъ карауломъ, выводя ихъ оттуда на самыя тяжкія работы, пока не обратятся, Татищевъ разоудалъ по монастырямъ Тобольской епархіи, безъ согласія даже архіерея; сосланные разбѣжались изъ

монастырей, и въ 1737 году пріѣзжалъ изъ Москвы въ Тобольскъ для слѣдствія статскій совѣтникъ Григорій Батуричь. Неизвѣстно, что заставило Татищева рѣшиться на такой поступокъ, хотя его точно такъ же не трудно понять, какъ и защиту мастеровыхъ въ ихъ разчетахъ съ заводчиками, или на поминаніе въ горномъ уставѣ земскому суду о неупотребленіи во зло пытки и казни.

Что касается бѣглыхъ вообще, то инструкція, данная Татищеву, приказывала крестьянъ, о которыхъ будутъ бить челомъ помѣщики, отдавать послѣднимъ по освидѣтельствованіи ихъ крѣпостей; на основаніи такого приказа, Татищевъ отдавалъ всѣхъ, которые пришли на заводы послѣ подушной переписи. Гораздо труднѣе было удовлетворить требованія помѣщиковъ относительно крестьянъ, явившихся на Уралъ и приписавшихся къ заводамъ еще до переписи: отдать ихъ прежнимъ владѣльцами или тѣмъ, кто билъ челомъ объ отдачѣ, значило лишить заводы значительной части населенія; къ тому же давнее позволеніе Петра удерживать бѣглыхъ при заводахъ освящало ихъ принадлежность горному вѣдомству, несмотря на позднѣйшія отмѣны петровскаго указа. Татищевъ не зналъ сперва, какъ поступать въ этихъ случаяхъ; но челобитчики сами пошли на сдѣлку: они стали брать съ бѣжавшихъ своихъ крестьянъ по 50 рублей за дворъ; а которые сами заплатятъ той суммы не могли, тѣхъ они продавали заводчикамъ за малую цѣну. На казенные же заводы вѣдно было указомъ 1722 года покупать за 50 рублей только тѣхъ, которые какому-нибудь ремеслу обучались, а что надо было платить за крестьянъ и простыхъ работниковъ, о томъ не упоминалось. На запросъ Татищева, кабинетъ просилъ подробной вѣдомости о числѣ такихъ приписныхъ людей, съ обозначеніемъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; Татищевъ, не вдаваясь въ дальнѣйшую переписку, отвѣчалъ просто, что пришлыхъ помѣщичьихъ крестьянъ всѣхъ выслать, а сколько именно, не упомянуть; при заводахъ же осталось самое малое число, да и то все дворцовые и монастырскіе крестьяне и раскольники. Кабинетъ повторилъ и на это свой запросъ о присылкѣ вѣдомости; но Татищевъ не отвѣчалъ, быть-можетъ надѣясь на утвержденіе императрицей горнаго устава, гдѣ вопросъ о бѣглыхъ былъ рассмотрѣнъ подробно. Гораздо успѣшнѣе рѣшенъ былъ имъ вопросъ о дачѣ шляхетству, находившемуся въ горной службѣ, вотчинъ изъ дворцовыхъ деревень, приписанныхъ къ заво-

дамъ: для этой цѣли онъ указалъ на дворцовыя деревни Осинскаго уѣзда. Кромѣ того онъ заботился о проведеніи дорогъ, о снятіи топографическихъ картъ, объ устройствѣ городовъ, селеній и форпостовъ: для всѣхъ этихъ работъ онъ требовалъ чрезъ кабинетъ архитектора изъ академіи наукъ, десять чловѣкъ, знающихъ ариметику и геометрію, изъ адмиралтейской школы, и семь кадетъ для шихтмейстерской должности. Онъ поднялъ старый вопросъ о почтѣ между Сибирью и Казанью: писалъ въ объ губернскаія канцеляріи, чтобъ учредили еженедѣльную почту, и вмѣстѣ съ сибирскимъ губернаторомъ представлялъ о томъ въ началѣ 1735 года: «а нынѣ, говорилось въ представленіи, непрестанно курьеры посылаются, и денегъ исходить вдвое нежели на почтѣ, къ тому жъ и крестьяне весьма скучаютъ, что курьеры лошадей портятъ, и для того отъ дорогъ бѣгутъ.»

При всей кратковременности своей, пребываніе Татищева на Уралѣ принесло несомнѣнную пользу горному промыслу. Дѣятельность его, нѣсколько стѣсняемая съ административной стороны, пользовалась большею свободою относительно открытія рудниковъ, устройства заводовъ, распоряженія техническими работами: тутъ Татищевъ былъ неутомимъ. Екатеринбургъ, средоточіе всего управленія, отъ котораго зависѣли начальства даурское, томское и кузнецкое, верхотурское, пермское, кунгурское и другія, сталъ большимъ городомъ съ особымъ посадомъ для купечества, имѣвшаго свою ратушу, выборныхъ бурмистровъ и совѣтныхъ мужей. По уставу Татищева, при окончаніи года, каждый совѣтникъ ратуши долженъ былъ вмѣсто себя представить двухъ или одного изъ тутошнихъ посадскихъ, между которыми дѣлалъ выборъ уже главный начальникъ всѣхъ заводовъ. Школа, устроенная еще де-Геннинымъ, гдѣ учили чтенію и письму русскому, ариметикѣ и геометріи, закону Божію и гражданскому, языкамъ нѣмецкому и латинскому, перестала быть единственною; подобныя же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, Татищевъ старался открыть и при всѣхъ казенныхъ заводахъ; бѣднымъ ученикамъ давалось достаточное пропитаніе, обучившимся оказывалось преимущество предъ остальными, «дабы, на то взирая, другіе охотнѣе о наукахъ прилежали.» Развѣдки новыхъ рудниковъ шли все дальше отъ Екатеринбурга; производились измѣреніе и опися земель и лѣсовъ по Турѣ, Селенгѣ и другимъ рѣкамъ, въ Уфимской провинціи; вновь строились форпосты по

границамъ съ степными безпокойными народами, въ селеніяхъ воздвигались церкви. Число заводовъ увеличилось; нѣкоторые изъ нихъ строились въ 600 и болѣе верстахъ отъ Екатеринбурга, и Татищевъ пріѣзжалъ каждый разъ самъ для осмотра мѣста, назначеннаго подъ новый заводъ. По его штату, въ 1737 году считалось всѣхъ заводовъ болѣе 40, да предположено было вновь устроить 36, изъ которыхъ 15 открыты въ царствованіе Елизаветы Петровны, а остальные только при Екатеринѣ II. Штатъ подробно опредѣлялъ, сколько на каждый заводъ должно быть доставляемо ежегодно руды изъ близъ-лежавшихъ рудниковъ, сколько добыто изъ нея чистаго металла, сколько израсходовано лѣсу, угля и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для горнаго дѣла. Для новыхъ заводовъ понадобилось увеличить число пристаней по Чусовой и ея притокамъ, гдѣ строились однолѣтнія и двухлѣтнія коломенки, на которыхъ возили желѣзо и чугуны въ разные города и заводы. Но полезная дѣятельность Татищева была внезапно прервана рукою всемогущаго тогда Бирона. Татищевъ вздумалъ однажды, посредствомъ новой отправки за границу уральскихъ мастеровыхъ, усилить техническую сторону горнаго дѣла на ввѣренныхъ ему заводахъ, и назначилъ для этой цѣли гинтмейстера Улиха съ нѣсколькими учениками; но получалъ отказъ изъ кабинета. Посланные были возвращены на Уралъ, ибо, говорилось въ указѣ, «принадлежащіе къ заводамъ мастера изъ Саксоніи особые выписаны будутъ, при которыхъ и оныя ученики обучаться могутъ.» На самомъ же дѣлѣ, причина отказа была иная. Биронъ въ это время вызывалъ изъ Саксоніи оберъ-берггауптмана барона Шемберга для горнаго управленія въ Россіи; Шембергъ, съ набранными имъ мастерами, отправился изъ Саксоніи 4 марта 1736 года, а 4 сентября обнародованъ былъ указъ объ учрежденіи генераль-бергъ-директоріума съ правами прежней бергъ-коллегии, но съ характеромъ бюрократическимъ и непосредственною зависимоścią отъ повелѣній императрицы. Подъ громкою фирмой новаго учрежденія и подъ именемъ вызваннаго имъ изъ Саксоніи ученаго барона, курляндскій герцогъ думалъ стать въ такія же отношенія къ горнымъ промысламъ, въ какихъ потомъ при Елизаветѣ Петровнѣ стояли графы Шуваловы къ откупной монополіи и рыбнымъ промысламъ Бѣлаго моря. Татищеву вѣрно было находиться подъ вѣдомствомъ Шемберга; его горнозаводскій уставъ не получалъ утвержденія; а 30 ок-

тября генераль-бергъ-директоръ разослалъ по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и воеводствамъ, 17 пунктовъ «о присылкѣ нео всѣхъ мѣстъ описанія имѣющимися въ оныхъ горахъ и являющихся къ рудокопному строенію знакахъ и способностяхъ.» Изъ этихъ вопросовъ, назначенныхъ «къ приращенію горныхъ и рудокопныхъ заводовъ», можно видѣть, какъ свысока смотрѣлъ ученый баронъ на тогдашнее состояніе горнаго промысла въ Россіи: онъ и не подозрѣвалъ сколько уже затрачено было капиталовъ на это дѣло, начиная съ царствованія Петра Великаго, сколько рукъ трудилось надъ добываніемъ металла на одномъ Уралѣ, сколько знающихъ людей управляло этими работами. Вопросы Шемберга предполагали младенческое состояніе горнаго искусства у насъ; повидимому, ему неизвѣстно было, что только на одномъ Екатеринбургскомъ казенномъ заводѣ съ 1724 по 1737 годъ добыто было 1.906.900 пудъ $5\frac{1}{4}$ ф. чугуна, 2.210.422 пуда 5 ф. желѣза полосоваго, 62.549 пудъ $36\frac{2}{3}$ ф. колотаго, 235.565 пудъ $17\frac{1}{4}$ ф. плуцильнаго, 32.855 п. $5\frac{1}{4}$ ф. дощатаго, 70.267 п. $38\frac{1}{2}$ ф. укладу, 29.318 п. 12 ф. стали; что въ Нерчинскихъ горахъ добыто было съ 1704 года не менѣе 160 пудовъ серебра; казался, онъ ничего не зналъ о тѣхъ новыхъ заводахъ, которые предполагалъ устроить Татищевъ по присланному имъ въ кабинетъ штату. Притомъ въ пунктахъ Шемберга говорилось болѣе объ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, удоляхъ, равнинахъ, парахъ, туманахъ, колодезяхъ, ключахъ, росѣ, инеѣ, снѣгѣ, восхожденіи и захожденіи солнца, дикихъ звѣряхъ и тому подобныхъ статистическихъ данныхъ для изученія разныхъ мѣстностей Россіи, нежели о рудникахъ. На этихъ вопросахъ и остановилась правительственная дѣятельность Шемберга; вскорѣ онъ принялся за болѣе-выгодную сторону, взявъ на себя въ компаніи олонецкіе заводы и лапландскіе рудники, за которые потомъ жестоко заплатился въ первый же годъ царствованія Елизаветы Петровны... Кромѣ того, вслѣдствіе безпрестанныхъ представленій и меморіаловъ генераль-бергъ-директора, по ходатайству Бирона, опять учреждена была коммиссія для разрѣшенія вопроса: какъ выгоднѣе содержать горные заводы, казною или частными людьми? Членами этой коммиссіи назначены были: баронъ Шафировъ, оберъ-штабмейстеръ князь Куракинъ, графы Головкинъ и Мусянь-Пушкинъ. Коммиссія рѣшила, что полезнѣе казенные, какъ старые, такъ и новые заводы отдать охочимъ людямъ

въ компаніи; кабинетъ-министры и Шембергъ исключили изъ этого опредѣленія сибирскіе желѣзные и лапландскіе мѣдные; 3 марта 1739 года изданъ былъ бергъ-регламентъ, въ которомъ объявлялось, что «казенные заводы, для многихъ личностей и излишнихъ иждивеній, не толь прибыточны и государству полезны, какъ оныя, которые на иждивеніи партикулярныхъ людей содержатся; ибо партикулярные люди, имѣя заводы и фабрики въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы стараніе прилагаютъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ тѣ заводы и фабрики распространять, и на заводахъ заводятъ разныя фабрики и дѣлаютъ всякія вещи ко употребленію домашнему, отъ чего тѣ фабрики въ государствѣ размножаются и въ лучшее состояніе приходятъ.» Но не эту справедливую мысль имѣлъ въ виду курляндскій герцогъ, а собственныя выгоды; не она была причиною удаленія Татищева отъ управленія горными заводами въ Сибири. Татищевъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что Биронъ и Шембергъ, забравъ въ свои руки казенные заводы, ежегодно удерживали у себя до 200.000 рублей изъ доходовъ съ нихъ. Разумѣется, при такой обстановкѣ Татищеву трудно было ужиться съ планами Бирона и распоряженіями Шемберга, и еще въ маѣ 1737 года его перевели, въ чинѣ тайнаго совѣтника, изъ Екатеринбурга въ оренбургскую экспедицію для устройства Башкирскаго края, оставивъ за нимъ право пристражноты и за горными заводами, которое, безъ сомнѣнія, прекратилось само собой съ изданіемъ бергъ-регламента, хотя онъ никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе, вслѣдствіе скорой смерти Анны Іоанновны.

Такая мытарства испытало горное дѣло у насъ со временъ Петра и учрежденной имъ бергъ-коллегии до воцаренія его дочери. Эти невзгоды отражались и на управленіи, и на самыхъ горныхъ заводахъ, и на людяхъ занимавшихся ими. Туго принимались на русской почвѣ коллегии Петра; не безъ препятствій шло впередъ развитіе столь важнаго источника государственнаго богатства, какъ горное дѣло. Лейбницъ подалъ мысль о первыхъ; Биронъ чуть не убилъ послѣдняго.

Н. Поповъ.

ПИСЬМА

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЕСТУЖЕВА

къ Н. А. и К. А. Полевымъ,

ПИСАННЫЯ ВЪ 1831—1837 ГОДАХЪ.¹

XVIII.

Дербентъ. № 1. 4 января 1833 г.

Любезный и достойный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Повѣрите ли, что я минутъ десять смѣялся отъ души замѣчанію вашему о черномъ галстукѣ: смѣшно мнѣ было, что я такъ отсталъ отъ моднаго свѣта и сдѣлалъ подобную ошибку², еще смѣшнѣй, что это дало поводъ къ перепискѣ. Благо-словляю васъ обѣими руками не только на такія, но и на всякія поправки... былъ бы мой смыслъ въ рѣчи, а за мелочами я не гонюсь. Иногда даже могу ошибиться памятью, нерѣдко

¹ Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

² Въ одной изъ своихъ статей онъ выставилъ, какъ верхъ свѣтскаго неприличія, явиться на вечеръ въ черномъ галстукѣ; я замѣтилъ ему въ письмѣ, что, уже нѣсколько лѣтъ, въ черныхъ галстукахъ являются на вечера всѣ порядочные люди, а въ бѣлыхъ—одни лакеи. *Ж. П.*

опискою, и потому, по дружбѣ, вашъ долгъ не пускать меня на улицу нечесаного. Въ предыдущемъ письмѣ, немногія ваши спорныя слова зацѣпили меня крючками, и, можетъ-быть, я буду отвѣчать на нихъ печатно, какъ дополненіе къ первой статьѣ. Не худо, если вы въ немногихъ словахъ изложите ваши противорѣчія. Вопросъ о романтизмѣ далеко не рѣшенъ въ самой Франціи, хотя Гюго и вздумалось сказать, что «жалкія слова: романтизмъ и классицизмъ, упали въ забвеніе, наравнѣ съ глюкизмомъ и пиччинизмомъ.» Въ зернѣ пороху заключалась уже вся система паровыхъ и воздушныхъ машинъ, ибо дымъ его есть и паръ и газъ вмѣстѣ; но сколько вѣковъ протекло, покуда не угадали въ природѣ силы расширяемости, стрѣляя каждый день изъ ружей! Едва ль не то же и съ романтизмомъ было; но *изобрѣтеніе* (не созданіе, замѣтите) его полагаю я въ эрѣ христіанства. Арабы и Скандинавы дали только грань ему; первообразъ возникъ именно крестомъ. Я только объ имени романтизма разумѣлъ, говоря о случайности—не объ идеѣ, не о сущности, ибо не менѣе другихъ убѣжденъ въ различіи классицизма отъ романтизма. Я думаю только, что послѣдній—ровесникъ уму человѣческому, хотя онъ и рѣдко проявлялся въ древности: идея можетъ *быть* и вовсе не проявляясь, ибо иное дѣло бытіе, иное дѣйствіе. Впрочемъ, дождавшись положительныхъ возраженій, я поговорю объ этомъ пошире.

Сейчасъ получилъ съ почты письмо ваше отъ 13 декабря: очень радъ, что статья моя нравится вамъ обоимъ; я, признаюсь, не ждалъ этого, ибо, впервыхъ, торопился, а вторыхъ, журнальные сапожки жмутъ мнѣ ноги. Знаю впрочемъ, что вы мнѣ льстите, сами того не замѣчая, а голосъ свѣта, который расхватываетъ Загоскина и не покупаетъ Вельтмана, правду сказать, для меня мыльный пузырь. Кстати о Вельтманѣ: подробности у него необычайно хороши, поэзія истинно въ русскомъ духѣ, но я уже сказалъ: повторенія одного и того же рога носія мнѣ не нравятся! Конечно, оно могло быть во всѣ времена, но къ чему поднимать одѣяло столько разъ съ ложа стариковъ нашихъ? Я не нахожу ничего забавнаго въ этомъ фатализмѣ подсунутыхъ женъ и глупыхъ дѣтей. И потомъ, онъ стрѣляетъ все не ядромъ, а картечью, у эпизодовъ его мало между собою связи. Правда, всѣ они живчики, всѣ оригинальны, всѣ истинны—это уже не маскарадъ, но еще базаръ Смирны. Противъ старины онъ сдѣлалъ

ошибку, опрокинувъ на нее всю Грановитую палату: ни у самого великаго князя не было тогда и въ сотую долю сокровищъ противъ матери Ивы Одельковича, а *Кашей* хоть сказка, но цѣль ея знакомство съ стариною, знакомство на чистоту. И чѣмъ бы проиграла повѣсть, еслибы все пышное передать Лазарю? Вы видите, что друзей сужу я строже чѣмъ другихъ,—про себя и говорить нечего: хоть сейчасъ подмахну приговоръ голову рубить своимъ чадамъ, не хуже Брута. Правду сказать, есть маленькая разница между своей кровью и своими чернилами!

Скажите, что за лицо Брамбеусъ, отъ котораго вся фамилія *Сверной Пчелы* въ домашнемъ своемъ журналѣ катается съ восторга? То, что читалъ я, такъ старо и подсмѣжно!.. Развѣ не размахался ли онъ въ книгѣ своей? Пожалуста, пришлите. Неужели Сенковскій попалъ въ геніи, въ равно-Байроновцы и равно-Гётевцы (какъ говоритъ Фита)? Ей-ей, мы живемъ въ вѣкъ чудесъ... Не вѣрите? Спросите Ф. Б., В-ра, Б-ш-а¹; жаль только, что я имъ обоимъ не вѣрю самъ. Первый очень милъ, когда примется за государственное хозяйство: видно, что остзейскій картофель уродился у него въ головѣ самсоть. Онъ теперь хозяйничаетъ съ Гречемъ на русскомъ Парнасѣ, какъ на своей пивоварнѣ, и мурлычитъ на лежанкѣ, словно заслуженный котъ-Муръ. Отрывокъ Загоскина *Аскольдовой Могилы* — ниже презрѣнія. Перебивать французское тряпье въ Двѣпрѣ, отбивать у другихъ честь разныхъ нелѣпостей, исказить святую старицу, для того чтобъ она уложилась въ золотую табатерку—скажите, достойно ли это вѣка и писателя?... И это-то нашъ первый романистъ! Гдѣ жъ вкусъ на Руси, гдѣ общее мнѣніе?... Вы говорите, что я пощадилъ ихъ черезчуръ (романистовъ, то-есть)—это правда крещеная, но я сдѣлалъ это потому, что самъ пишу; скажутъ, пожалуй, будто я мощу себѣ дорогу по чужимъ хребтамъ, что я завистливъ.

На счетъ Филантропа я не переменялъ мыслей ни на мигъ, и видѣлъ его точно такимъ же сперва, какъ теперь. Еще въ 1820 году имѣлъ я съ нимъ рѣзкія схватки, и потому не дивлюсь никакимъ прижимкамъ, это въ порядкѣ вещей. Васъ я не виню нисколько, и покуда у меня есть рубль въ кар-

¹ Здѣсь означеніе именъ не всѣми буквами принадлежитъ самому Бестужеву. К. П.

манѣ, я не забочусь ни о чемъ. Кстати замѣчу, что уже не въ первый получаю ваши письма взрѣзанныя, безъ церемоній: почта здѣсь очень *откровенна*.

Болѣзнь Николая Алексѣевича огорчаетъ меня. И почему вы не удержите его отъ излишества трудовъ? Отъ страстей же нѣтъ лѣкарства. Не всякая природа такъ сильна, какъ моя, и можетъ выдерживать плавку золота подобно капеллѣ. Впрочемъ, можно сжечь и алмазъ, не только желѣзо, а судьба знаетъ химию.

Какъ водится, поздравляю съ новымъ годомъ, хоть я не знаю для чего и мнѣ и вамъ дѣленіе времени,—по крайней мѣрѣ мнѣ, безнадежному скитальцу? Желаю русской публикѣ болѣе справедливости, и увѣренъ, что это сбудется, и полезные труды брата вашего оцѣнятся и вѣкомъ и вѣками.

Я нездоровъ. Морозъ у насъ сильный, и вообразите, что у меня мерзнуть руки на письмѣ—такъ холодна моя хата, хоть дровъ жгу безъ милости... А вы еще требуете отъ меня цвѣтовъ поэзіи!...

Будьте счастливы; поцѣлуйте руку у супруги вашей, благословите за меня вашу малютку, и крѣпко, крѣпко обнимите брата.

Александръ Бестужевъ.

XIX.

Января 25 дня 1833 года, г. Дербентъ.

Милостивый государь
Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Полагаясь на испытанную доброту вашу, безпокою васъ новымъ порученіемъ; я увѣренъ, что вы охотно исполните оное, ибо оно есть дѣло вѣры.

Начальнику моему, г-ну подполковнику Васильеву, угодно вымѣнять на деньги, пожертвованныя благочестіемъ солдатъ, храмовой образъ Святаго Побѣдоносца Георгія, и на сей предметъ при семь прилагается 300 рублей ассигнаціями. Описание же величины и вида онаго усмотрите при концѣ письма. Несомнительно, что выборъ вашъ будетъ хорошъ; остается лишь просить ускорить высылкою, ибо желательно, чтобы въ день, въ честь Св. Георгія празднуемый, образъ его лежалъ

уже на налоѣ. Если нѣтъ такой мѣры, или близкой къ означенной мѣрѣ, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу заказать нарочно; а такъ какъ это дѣло казенное, то не постыжтесь приложить отъ мастера или купца росписку и счетъ за пересылку, адресуя все на имя командира Грузинскаго линейнаго № 10 батальйона, Якова Евтѣевича Васильева, г-на подполковника, въ Дербентѣ.

Если не достанетъ посылаемыхъ денегъ, то прошу васъ, въ ожиданіи присылки изъ батальйона, записать на меня; если же останутся, то при образѣ переслать обратно. Сими вы много обяжете и меня, и сослуживцевъ моихъ. Съ истиннымъ уваженіемъ пребываю вашъ, милостивый государь, покорный слуга Александръ Бестужевъ. (За симъ слѣдуетъ подробное описаніе образа и разныхъ принадлежностей къ нему, также наставленіе какъ уложить и переслать его.)

XX.

Дербентъ, 26 января 1833.

Я соскучилъ, добрый мой другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, такъ давно не получая отъ васъ писемъ. Я вижу съ вами только въ *Телеграфѣ* послѣднее время; хорошо, что и тамъ вы во фракѣ, что и тамъ вы нараспашку. Я съ большимъ наслажденіемъ читалъ статью о Державинѣ, я съ большимъ огорченіемъ оглядѣлся кругомъ, прочитавши ее... гдѣ онъ, гдѣ преемникъ гевія, гдѣ хранитель огня Весты? Я готовъ, право, схватить Пушкина за воротъ, поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ ли, какъ болонгѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ ли поманаться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней,—тельцу, котораго зовутъ Нѣмцы маммонъ, а мы, простаки, свѣтъ? Ужели правда и для тебя, что

Бывало, бѣсъ когда захочетъ
 Поймать на уду мудреца,
 Трудится до поту лица,
 Въ пухъ раззорить его хлопочеть.
 Теперь насталъ свѣтлѣ вѣкъ,
 Сталъ крѣпокъ бѣдный человекъ—
 Рѣшенье новое задачъ

Нашелъ лукавый ангелъ тьмы:
 На деньги очень падки мы,
 И въ наше время'наипаче
 Бѣсъ губить—дѣлая богаче.

Но богаче ли онъ или хотеть только стать богаче? или, какъ онъ самъ говорилъ:

Я влюбленъ, я очарованъ,
 Я совсѣмъ огоньчарованъ?

Таинственный сонникъ, отвѣчай! или я отвѣчу за тебя: ты во сто разъ лучшее существо нежели самъ вѣришь, и въ тысячу разъ лучшее нежели кажешься.

Я не устаю перечитывать *Peau de Chagrin*; я люблю пытать себя съ Бальзакомъ... Мнѣ кажется, я бичую себя какъ спартанскій отрокъ, чтобы не морщиться отъ ранъ послѣ. Какая глубина, какая истина мыслей, и каждая изъ нихъ какъ обвинитель-свѣточъ озаряетъ углы и цѣпи свѣтской инквизиціи, инквизиціи съ золочеными карнизамн, въ хрусталѣ и блестяхъ и румянахъ!

Я колеблюсь теперь, писать ли романъ, писать ли трагедію, а сюжетъ есть богатый, гдѣ я каждой силѣ изъ разрывающихъ свѣтъ могу дать по представителю, каждому чувству—по поступку. Можете представить, какъ это будетъ далеко, блѣдно, но главное, то-есть страсти, сохраню я во всей силѣ. Я, какъ Шенье у гильйотины, могу сказать, удара себя по лбу: *тутъ что-то есть*, но это еще связано, темно, или, лучше сказать, такъ ярко, что умъ ослѣпленъ и ничего не различаетъ. Подождемъ: авось это чувство не похоже на самоувѣренность Б. Федорова. Однимъ, по несчастію, сходенъ я съ нимъ: это до-кукою вамъ! Порученій, порученій—такъ что голова кругомъ пойдетъ!.. Но Адамъ Смитъ сказалъ, что раздѣлъ работъ есть основа экономіи. Простите до будущей.

Николай Алексѣевича прижимаю къ сердцу, которое, право, лучше всего меня и въ перьяхъ и въ латахъ. Счастія...

Александръ Бестужевъ.

XXI.

Дербентъ, 2 февраля 1833 г.

Добрый и почтенный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Грустно и досадно слышать, что письма мои пропадаютъ, и это даетъ поводъ къ тревожащимъ васъ слухамъ, или, что еще хуже, къ мысли, будто я забывчивъ къ людямъ, столь меня любящимъ, которыми такъ одолженъ я! Признаюсь, это отбиваетъ охоту писать что-либо дѣльное въ письмахъ, кромѣ здравствуйте и прощайте. Утрата письма отъ человѣка мыслящаго къ мыслящему есть вырванная страница изъ книги, которой не возродитъ ни случай, ни память; это отбитый носъ у греческой статуи: онъ не обогатитъ варвара, который его отбилъ, а бѣдной статуѣ не приклеитъ носа никакая ринопластика.

Странная вещь, что меня ежегодно приносятъ въ жертву Кази-Муллѣ! Участіе это или желаніе? Ежели послѣднее, то скажите господамъ вѣстовщикамъ, что они рано меня отпѣли; что я переживу многихъ литературныхъ дѣтей ихъ, и скончаюсь, положи голову не иначе какъ на написанный мною романъ, и завернувшись въ печатный саванъ критики; а такъ какъ все это случится не скоро, то пусть они позволяютъ дожить мнѣ въ покоѣ года два-три; пусть не шевелятъ моихъ живыхъ костей, въ живой моей могилѣ.

Прошу прислать мнѣ *Кащел*. Странная случайность: я самъ хотѣлъ избрать его предметомъ романа, но Иванъ Петровичъ отговорилъ меня. Желаю видѣть, ту ли идею осуществилъ Вельтманъ. Сожмите руку его, если случится повстрѣчать.

Скажу вамъ пріятную для литературы новость: Александръ Корниловичъ—рядовой въ графскомъ полку. Ему бы, правда, надо было быть, какъ вначалѣ, подлѣ меня, а то завязки ему такъ же мало знакомы, какъ женскія подвязки. За то ужъ для подробностей его взять; притомъ онъ завзятый полиглоттъ и оригиналъ, какихъ мало.

Кстати объ оригиналахъ: меня просилъ письмомъ капитанъ Бартеневъ познакомить его съ вами, онъ ѣдетъ въ Москву. Это не просьба, а услуга вамъ; вы же и безъ меня съ печатной стороны его знаете по домашнему—полюбите за сердце; онъ

точно этого стоить. Вы прелюбопытные отъ него услышите разказы; вы, конечно, угадаете въ немъ типъ военнаго антикварія ¹.

Я кашляю, но не худѣю: видно, смертныя вѣсти въ прокъ мнѣ. Съ 1 февраля принялся за романъ; канва въ головѣ натянута: надобно изузорить ее получше. Когда кончу часть, пришло на судъ вашъ, а въ ожиданіи, доставлю, вѣроятно, отрывки для *Телеграфа*. Ждите, но не кляните.

Я васъ задушилъ на прошлыхъ почтахъ порученіями, но для моего воскресенія вы вѣрно не поскучите ими. Денегъ возьмите у Абдуллы ². Если не дошла къ вамъ просьба о женскихъ шведскихъ полудюжинѣ перчатокъ — поклонъ въ поясъ. Супругѣ вашей цѣлую ручку, и по-квakerски сжимаю руку Николая Алексѣевича. Vale. Вашъ Александръ Б.

PS. Я даже не былъ въ Гимри: меня вспомнили, когда нужны стали реляціи; но я довольно чувствую себѣ цѣну, не просилъ должнаго участія въ походѣ, и не опишу чего не видалъ.

XXII.

23 февраля 1833. Дербентъ.

Любезный, добрый мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ—здравіа!

Что вамъ некогда писать, а мнѣ писать нечего—это не рѣдкость; дѣло въ томъ, что въ первомъ мы не властны, а второе можно замѣнить пустяками, и вотъ почему берусь за перо. Мнѣ грустно, когда долго къ вамъ не пишу; второе грустнѣй, если отъ васъ не получаю писемъ.

Съ каждымъ днемъ опытности, горькій опытъ болѣе и болѣе отвращаетъ меня отъ людей. Признаюсь, я мало довѣрчивъ, но люди едва ль стоятъ и этого малаго. Не говорю о прежнемъ; умолчу о здѣшнихъ моихъ разочарованіяхъ; вотъ моя іереміада о моихъ повѣстяхъ.

Я поручилъ сестрѣ издать повѣсти. Сестра у меня, надо сказать, кропотунья, но рѣдкаго самоотверженія. женщина: она

¹ *Военный Антикварій*—извѣстное сочиненіе А. Бестужева.

² Письмо, гдѣ писалъ Б. объ Абдуллѣ, потеряно, также какъ и нѣкоторыя другія письма его ко мнѣ и къ моему брату. Я совершенно забылъ подробности объ Абдуллѣ. К. П.

въ бѣдѣ нашей была для насъ провидѣніемъ... Вызвался быть издателемъ нѣкто А., человекъ, кажется, добрый. Вели болѣе полугода—кончаютъ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что цѣна будетъ 25 р. за экз., что, за вычетомъ 20 процентовъ, составило бы 48 т. Говорить, что покупаютъ все вдругъ, что дадутъ деньги впередъ, словомъ—золотыя горы; просить довѣренности на продажу; я посылаю ее. Молчаніе два мѣсяца. Наконецъ получаю письмо отъ сестры, въ которомъ она жалуется на Г. и на издателя, что они не дали ей ни въ чемъ отчета и запродали изданіе невыгодно, не давая ей ручательства въ выручкѣ, что именно сказано было въ условіи. Она предъявляетъ свою довѣренность и разрываетъ условіе съ хриstopродавцами. Какъ она распоряжается, не знаю хорошенько, но увѣренъ, что будетъ если не болѣе денегъ, то вѣрнѣе продажа. Издатели сердятся и мстятъ на книгѣ. Вотъ уже три мѣсяца какъ книга готова, а они не извѣстили о готовности, ни о выходѣ, и этимъ много замедлили продажу въ провинціи и повредили оной вездѣ. Не ищу я похвалы—не для нихъ издавалъ я изношенныя повѣсти,—мнѣ нужны деньги, а ихъ у меня между рукъ обрѣзываютъ. Обѣщали навѣрное издать подъ собственнымъ именемъ, увѣряли, что это уже позволено, и потомъ молчокъ... Потомъ сбавили цѣну, и по совѣту Г. сбыли было изданіе за 33.600 р., и теперь уже трудно будетъ взять болѣе. Монополія не позволяетъ—терпи. Но это еще не все. Смирдинъ черезъ Н. И. закабалилъ меня въ годъ за пять тысячъ, моего журналъ несостоялся, и Н. И. извѣщаетъ меня лишь теперь объ этомъ, предлагая попрежнему сотрудничать за 1500 въ годъ. Я отказался, и теперь вольный казакъ.

Прошу васъ, при извѣстіи о книгѣ, бросить словцо о молчаніи *С. О. и Сѣверной Пчелы*. Воейковъ насмѣшилъ меня до слезъ своею галиматѣей. Его похвала хуже брани.

Что скажу про себя? Я кашляю, я желченъ. Муцины и женщины меня бѣсятъ наперегонки. Не повѣрите, какъ глубоко трогаетъ меня всякая низость—не за себя, за человечество: тогда плачу и досажую. Я краснѣю, что ношу Адамовъ мундиръ.

Но вы еще остались у меня чисты, вы останетесь навсегда таковы... По крайней мѣрѣ на счетъ вашихъ я надѣюсь быть несомнѣннымъ.

Скажите откровенно и безъ крохъ мыслей: можете ли вы давать мнѣ по 100 р. за листъ? Мнѣ предлагаютъ болѣе, но я

хочу имѣть дѣло съ людьми, а не съ людьми. Если это тяжело для васъ—одно слово, и все по старому. Я дѣлаю это потому, что надежды мои не оправдались и въ половину, что Богъ вѣсть, когда будутъ у меня деньги за изданіе. Во всякомъ случаѣ скоро пришлю отрывокъ изъ моего романа; до тѣхъ поръ, прощайте! Обнимите брата и моего брата.

Александръ Бестужевъ.

XXIII.

9 марта 1833 г., г. Дербентъ.

Насилу-то вы отозвались, любезнѣйшій Ксенофонтъ Александровичъ... очень радъ; а то вы, считая меня мертвымъ, мертвы были для меня. Прошу впередъ не вѣрить много слухамъ, и до тѣхъ поръ не прерывать переписки, покуда я самъ не явлюсь къ вамъ тѣню, извѣститъ, что я отправился *ad patres*. И въ самомъ дѣлѣ, чтò за бѣда, что вы пришлете письмо, когда меня не станетъ? Добрые пріятели положить его на мою могилу, и оно будетъ лучшимъ памятникомъ для меня, лучшимъ утѣшеніемъ моей скитальческой тѣни. Сочно письмо ваше, въ немъ такъ много новаго, такъ много сладкаго, но прочь отравы лести, хоть невольной, но тѣмъ не менѣе вредной!.. Какъ могли вы, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, клеветать такъ на Европу, на живыхъ прозаиковъ, постави меня чуть не выше ихъ! Сохрани меня Богъ, чтобъ я когда-нибудь это подумалъ и этому повѣрилъ... Я съ жаромъ читаю Гюго (не говорю съ завистью), съ жаромъ удивленія и безсильнаго соревнованія... И сколько еще другихъ именъ между имъ и мною, между мной и славой, между славой и природой!.. О, сколько высокихъ, блестящихъ ступеней остается мнѣ, чтобы только выйти изъ посредственности, не говорю достигнуть совершенства!.. Надобно летѣть, парить, чтобы сблизиться съ этимъ солнцемъ, а у меня восковыя крылья, а у меня сердце на чугунной цѣпи, а у меня руки прибиты гвоздями судьбы неумолимой, неутолимой. О, еслибы вы знали, какъ жестоко гонить меня злоба людская—вы бы не похвалы сыпали на меня, а со мной пролили бы слезы... мнѣ бы было легче. Не даромъ, но долей похожъ я на Байрона. Чего не клеветали на него? въ чемъ его не подозревали? То и со мною. Самыя несчастія мои для иныхъ кажутся преступ-

лениями. Чисто мое сердце, но голова моя очернена опалой и клеветой! Да будет! «Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ,» сказалъ Спаситель.

Я просилъ васъ о Шекспирѣ—не присылайте его; я уже получилъ прекрасное изданіе въ одномъ томѣ.

Недѣли черезъ двѣ получите отрывокъ изъ романа. Я, признаться, думаю, что его не поймутъ и потому не оцѣнятъ; но неужели я долженъ ходить на четверенькахъ, чтобъ овцы могли видѣть мое лицо? Если два-три человѣка скажутъ: «это не худо», я заплаченъ. Пускай себѣ Фаддей пишетъ для людей-ровесниковъ—надобно подумать, что у насъ подъ бокомъ Европа, а подъ носомъ потомство. Да, чувствую я много, но это чувство больше сожигаетъ меня чѣмъ пламенѣетъ сквозь... Вы правду сказали: надо торопиться! Не надолго данъ мнѣ даръ слова... я не жилецъ на землѣ; но что жъ дѣлать, когда, кажется, все согласилось, чтобы мѣшать изліанію невысказанныхъ истинъ моихъ!

Поцѣлуйте руку у супруги вашей за вашего Александра.

Получилъ 300 рублей. Очень благодаренъ. Иванъ Петровичъ благодаритъ за поминъ и свидѣтельствуетъ свое уваженіе.

XXIV.

9 марта.

Николай Алексѣевичъ.

Вы съ братомъ для меня созвѣздіе Кастора и Поллукса: у меня отходить сердце, когда вздумаю о васъ двоихъ; и всякій разъ при этомъ возникаетъ въ груди моей желаніе жить подлѣ васъ, въ тиши, въ глуши... сдѣлаться именно *homme lettré*—два часа въ день съ вами, остальное съ собой, съ книгами, съ природой. Признаюсь, такая жизнь есть одинъ изъ воздушныхъ замковъ моихъ, и сколько онъ ни мало-блестящъ—увы! почти нисколько не исполнимъ... Не только башенъ Кремля, столь горячо любимыхъ мною,—не видать мнѣ и снѣговъ родины, снѣговъ, за горсть коихъ отдалъ бы я весь виноградъ Кавказа, всѣ розы Адербиджана—у нихъ одни шипы для изгнанника.

Я очень грустенъ теперь, очень ¹; я плачу надъ перомъ, а я рѣдко плачу! Впрочемъ, я радъ этому: слезы точатъ и источаютъ тоску, а у меня она жерновомъ лежала на сердцѣ. Последній разъ я плакалъ съ мѣсяцъ назадъ, читая разказъ Чернаго Доктора ²... Когда онъ падъ на колѣни и молился, я вспомнилъ, что самъ я молился точно такъ же и, читая вслухъ, въ одномъ домѣ зарыдалъ и упалъ на книгу,—я не могъ преодолѣть воспоминаніе: оно встало передо мной со всею жизнію и со всею смертію!

Повѣсть ваша *Блаженство безумія*—предѣль. Я бился объ закладъ, что она ваша, и выигралъ. Жаръ сердца расплавилъ слогъ вашъ, не всегда столь развязный, какъ теперь. Жду съ нетерпѣніемъ конца.

Давно ли, часто ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ; я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нѣтъ судьбы! Я сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа, встрѣтя его повозку: мнѣ сказали, что онъ у Бориса Чилева, моего стараго однокашника; спѣшу, приѣзжаю—гдѣ онъ?.. Сейчасъ лишь уѣхалъ, и, какъ нарочно, ему дали провожатаго по новой окольной дорогѣ, такъ что онъ со мной и не встрѣтился!.. Я рвалъ на себѣ волосы съ досады,—сколько вещей я бы ему высказалъ, сколько узналъ бы отъ него, и случай развелъ насъ, на долгіе, можетъ-быть на безконечные годы. Скажите ему отъ меня: ты надежда Руси—не измѣни ей, не измѣни своему вѣку; не топи въ лужѣ таланта своего; не спи на лаврахъ: у лавровъ для генія есть свои шипы—шипы вдохновительные, подстрекающіе; лавры лишь для одной посредственности мягки какъ маки.

Не знаю почему, треть моихъ повѣстей не напечатана: *Два вечера на бивакахъ, Изгнанныкъ, Романъ и Оля, Разказъ пльиннаго офицера, Дагестанскія письма*, и кой-что еще. Не купятъ ли въ Москвѣ ихъ для печати (но въ одномъ форматѣ съ пятью первыми); потолкуйте съ книгопродавцами. Туда я бы прислалъ конецъ къ *Водамъ* и *Фрегатъ Надежду*. C'est en passant.

Будьте счастливы. Вашъ Александръ Бестужевъ.

¹ Незадолго, 23 февраля, печально застрѣлилась въ его квартирѣ дѣвица Ольга Нестерцова. Это несчастіе и пагубныя для Бестужева послѣдствія его подробно описаны въ письмѣ къ Павлу Бестужеву, напечатанномъ въ *Отеч. Зап.* 1860 г. Май, стр. 161. К. II.

² Сочиненіе Альфреда де-Виньи. К. II.

XXV.

16 марта 1833.

Писалъ къ вамъ недѣлю назадъ; пишу и теперь. Въ этотъ разъ строки мои будутъ сама проза—нѣтъ въ головѣ ни мысли для передачи... такъ всѣ онѣ черны и не общежительны. Въ увеличеніе скуки прилагаю по порученію 125 р. асс. для покупки медицинскихъ книгъ: прикажите кому-нибудь исполнить это. Я уже не смѣю и извиняться въ моей назойливости, но погодите, это скоро кончится. Дербентъ для меня передняя ада—такъ преслѣдуетъ меня въ немъ глупость, то-есть злоба людская. Къ тому же, Ивану Петровичу вышла отставка, и онъ уѣдетъ—я останусь на жертву скукъ, чтобы не сказать чего-либо болѣе. Въ это время я ничѣмъ не могъ заняться: боленъ тѣломъ, душой еще болѣе. Извините, могу лишь пожелать вамъ счастья, котораго не предвижу для себя. Провидѣніе, кажется, испытываетъ меня и тяжко...

Обнимите брата Николая Алексѣевича, поцѣлуйте руку за меня у супруги вашей, пусть цвѣтетъ здоровьемъ ваша малютка.

Вашъ душой Александръ Бестужевъ.

Дербентъ.

XXVI.

Дербентъ, 1833 г. апрѣля 5 дня.

Христосъ воскресел!

Съ тѣхъ поръ какъ дышу я подлуннымъ воздухомъ, не встрѣчалъ такъ печально свѣтлый день Пасхи, какъ нынѣшній. Большой говѣлъ я, но, причастясь въ четвергъ, я былъ сломенъ болѣзнію новою, такъ что еслибы не сильный приѣмъ каломеля, я былъ въ готовности отправиться *ad patres*. Теперь оправляюсь, но еще блѣденъ, худъ, грустенъ. Письмо ваше было единственное яичко, которымъ я разговѣлся. Дивлюсь, что вы жалуетесь на молчаніе мое: мнѣ кажется, что писемъ моихъ къ вамъ никакъ нельзя назвать *редкими*.

Случается, что по двѣ почты сряду пишу къ вамъ, и никогда лѣнь моя не старѣется далѣе трехъ недѣль. Чудеса въ рѣшетѣ наша почта: она, кажется, какъ страусъ, глотаетъ даже бумагу—и нѣтъ на нее ни суда, ни расправы. Между прочимъ, получили ли вы отъ 16 января посланные 1800 р. для покупки коляски и пр., потомъ 25 р., потомъ 120 р.? Насчетъ коляски я уже писалъ, чтобъ ее отправить въ Астрахань; оттуда легко найти случай. Эту обязанность должно возложить на Татарина, коему было вложено письмо; отъ него жъ взять и недостающихъ денегъ. Если жъ онъ уклонится по мусульманской совѣсти, то немедленно дошлются деньги отседѣ. Ш—въ душевно благодарить васъ за то, что взяли на себя хлопоты покупки для него коляски; онъ благороднѣйшій человекъ, какихъ только я знаю, и одолженіе ваше не упадетъ на камень. Про меня и говорить нечего—васъ я считаю не иначе какъ братомъ, и братомъ не нынѣшняго свѣта. Такъ какъ вы имѣете теперь 200 экз. *Повѣстей* и *Разказовъ* моихъ, то, если угодно, можете уплатить себѣ изъ вырученныхъ денегъ то, чтѣ я причитаюсь вамъ долженъ (сколько это?), или, если угодно дождаться до свѣтлыхъ часовъ, я уплачу статьями. За прежній долгъ по прежней цѣнѣ, а далѣе посмотримъ. Вы не ошиблись, что на меня нашелъ черный духъ—и черный день, прибавлю я. Современемъ напишу почему и какъ. Скажу одно: я игралище судьбы—азиатскій фатализмъ въ Азій не заблужденіе, а сущность. Впрочемъ, какъ бы ни шипѣла низкая злоба, моя невинность броня моему сердцу. Сталь привлекаетъ молнію, но молнія сама безсильна разрушить сталь.

Благодарю за *Страника*; онъ однакожь очень худоцавъ. *Письмъ Игорю* переведена слишкомъ вольно, и напѣвъ его однообразенъ что-то. *Бололомъ*—добромъ, а не по холмамъ. *Сулица—копые*; зачѣмъ же онъ перевелъ: побросали пращи? Конина, какъ онъ хочетъ, *конская*; у Нестора, который говорить иногда комонь, есть, что *конина* голова (въ станѣ Святослава) продавалась по гривнѣ. — Отчего *таковины*—наѣкомыя, не вижу.—«Нѣ рози нося имъ хоботы пашутъ» для меня все еще загадка. Охоботья у насъ Новгородцевъ называются обломки колосьевъ въ молоченомъ хлѣбѣ. Вѣроятно, что это конецъ, хвостъ, но почему «рози нося» и пр.? Имъ даны роги; хвосты землю пашутъ?—Во многихъ мѣстахъ выраженіе обезсилено другою картиной. «А злата и сребра ни мало того потрепать» — прелестно, живописно; но пере-

воду: «намъ не бречать ужь», и невѣрнѣнъ, и повторяетъ сказанное выше.

Сужденіе ваше обо мнѣ пристрастно. Пожалуста забудьте, писавши о сочиненіяхъ, что вы любите сочинителя. Впрочемъ, для насъ «скоро настаетъ потомство», оно разсудитъ и провѣетъ сужденія. Дай Богъ, чтобъ я не былъ волной между волнами, чтобы мое вдохновеніе не было вѣтеръ минометный. . . О, еслибы судьба дала мнѣ хоть одинъ не отравленный людскою злобою годъ, чтобъ я могъ попробовать крылья свои не спутанныя въ цѣпи! А то, едва я попынулся было на дѣльную вещь (романъ), судьба одѣла меня грозвою тучей. Я не имѣю ясности духа вылить на бумагу, что кипитъ въ душѣ, но это пройдетъ, и я пришло къ вамъ отрывокъ, въ коемъ изображу поэта, гибнущаго отъ чумы. . . поэта, который сознаетъ свой даръ и видитъ смерть, готовую поглотить его невысказанныя поэмы, его исполинскія грезы, его причудливыя видѣнія горячки. Пусть не поймутъ меня, но я буду смѣлъ въ этихъ безумствахъ.

Братнее объятіе Николаю Алексѣвичу; супругъ вашей мыслию цѣлую ручку, дочери—мое изгнанническое благословеніе.

Неизмѣнный вашъ Александръ Бестужевъ.

XXVII.

Дербентъ. 1833 года мая 18 дня.

Не безпечность, еще менѣе гнѣвъ виной, любезный другъ Николай Алексѣвичъ, что я рѣже пишу къ вамъ. Я боюсь возмутить душу вашу, помѣшать вашимъ занятіямъ. Какое мнѣ дѣло, что вы не пишете часто, если и въ рѣдкихъ письмахъ я узнаю васъ и нахожу тѣмъ же? Между душой и душой путь слово; но когда онѣ летаютъ другъ къ другу въ гости, не все ль равно, часты или рѣдки станціи? Оставимъ эти разчеты ползунамъ, и людямъ, которые везутъ жизнь на долгихъ. Я смѣю думать, судьба оставила въ нашихъ крыльяхъ еще столько перьевъ, что хоть душою можемъ мы пролетаться, когда и какъ вздумаемъ. Терпѣть я не могу шапочныхъ переписокъ, хоть очень не рѣдко, по необходимости, долженъ бываю писать и къ друзьямъ, будучи, что называется, не въ духѣ. За неволю пи-

шутся пустяки, ихъ выводить перо, гусиное, давно вырван-
ное изъ крыла перо,—голова или сердце въ нѣтчикахъ.

Напрасно вы отпѣваете себя какъ домашняго человѣка, или просто какъ человѣка, хоть побожитесь—не повѣрю, и въ доказа-
тельство приведу ваши же письма. Въ трупѣ живутъ лишь черви,
на кладбищѣ мелькаютъ лишь блудящіе огоньки—цвѣты и огонь
признакъ здравія и жизни. Я не постигаю вашего разщепле-
нія бытія, грѣшный человѣкъ, или, признательнѣе сказать, ему
не вѣрю. Можетъ ли умереть Николай, когда Полевой живъ за
сотню? можетъ ли жизнь быть переплетена со смертью? Или
то или другое должно уступить—зараза или цѣльба должна
овладѣть спорнымъ существомъ непремѣнно; а, благодаря
Бога, не видать, чтобы вы чахли умомъ, и сами говорите, что
крѣпки тѣломъ. Вы называете это отсутствіе желаній для
себя болѣзнію, чарою, не знаю чѣмъ еще, а я вижу въ этомъ
средство Провидѣнія заставить васъ быть полезнымъ для дру-
гихъ. Изъ иного судьба выжимаетъ поэзію, такъ что она брыз-
жетъ изъ поръ бѣдныя съ кровью и слезами; другихъ она
купаетъ въ винѣ и въ маслѣ, и творенія ихъ текутъ какъ эи-
міамъ, какъ токайское, съ розоваго ложа. Для того нужна узда,
для другаго шпора. Меня, чтобы пробудить изъ глубокаго сна, сто-
итъ только назвать по имени; другой просыпается лишь при
звукѣ золота. Козловъ сталъ стихотворцемъ, когда пересталъ
быть человѣкомъ (я разумѣю тѣлесно); другаго, напротивъ,
малѣйшая бодь выбиваетъ изъ петель. Конечно, для нашего
брата очень невыгодно, что судьба мнетъ насъ будто волын-
ку для извлеченія звуковъ; но помиримся съ ней за доброе
намѣреніе и примемъ въ уплату убѣжденіе совѣсти, что наши
страданія полезны человѣчеству, и то, что вамъ кажется пи-
санымъ отъ боли, для забытія, становится наслажденіемъ
для другихъ, лѣкарствомъ душевнымъ для многихъ. Впрочемъ,
всему есть мѣра, а вы черезчуръ предались идеѣ отлуче-
нія, разъединенія человѣка дѣльнаго отъ человѣка мірскаго,
вы дали ей осѣдлать себя, да еще и глаза завязать. Это вред-
но и для здоровья и для сочиненія. Память надобно питать
новинками, чтобъ она не истощилась; а отчуждаясь отъ свѣ-
та, въ коемъ живемъ, мы мало-по-малу становимся чужды и
для него. Вы скажете: «я живу въ старинѣ», но глядѣть на
нее надобно сквозь современный умъ, говорить о ней язы-
комъ, понятнымъ ровесникамъ нашимъ. Возможемъ ли оживить
мертвыхъ, если сами будемъ мертвы для живыхъ? Да, уеди-

неніе необходимо для выраженія того, что въ насъ, но кипѣніе жизни, но пылъ страстей, но треніе отношеній необходимо, чтобы наполнить насъ. Хороши краски кабинета, но краски природы лучше. Моя палитра—синь моря, радуга неба, льдины горъ, мракъ тучи. Колдунъ—воспоминаніе; но живая природа—Богъ. Она свѣжитъ, она вдыхаетъ, она сама разстиляется слогомъ. Но неужели природа только въ волнахъ, въ горахъ, въ зелени? Ужели человекъ не часть ея? Потереться порой между румянами и шумихой, подслушать лепетъ и говоръ толпы, рассмотреть въ микроскопъ какую-нибудь страсть-букашку, хоть не такъ приятно, какъ видъ заходящаго солнца или пѣснь дубравы, но едва ли не болѣе поучительно. Какъ вы ни вертитесь, человекъ созданъ для общества: платите же ему дань мелкою монетой; но какъ бы ни мела была она, общество вамъ сдать за это. Гулять также нужно въ лѣсу, какъ и въ залахъ. Охотиться можно въ обществѣ столь же удачно, какъ въ полѣ. Сохрани васъ Богъ жить въ болотѣ; но чтобы написать болото, какъ Рюисдаль, надобно взглядѣться въ него. Жалки мнѣ были всегда люди, но болѣе забавны чѣмъ жалки, и признаюсь, мнѣ бы страхъ хотѣлось иногда на мигъ промелькнуть сквозь всѣ круги общества. Вообразите себѣ мое положеніе: я не могу жить ни съ старинной, ни съ новизной русскою, я долженъ угадывать все-на-все! Мудрено ли ошибиться? Впрочемъ, одинъ другому не пропись—я созданъ такъ, вы иначе. И напрасно жалуется на то: вы наполняете бездну, чтобы не утонуть въ ней, а я съ горя кидаюсь въ нее очертя голову. Бездѣйствіе мое доказываетъ мнѣ, что я не призванъ ни на что важное. За гениемъ слѣдъ кипучей дѣятельности.

Вы правы, что для Руси невозможны еще гени: она не выдержитъ ихъ; вотъ вамъ вмѣстѣ и разгадка моего успѣха. Со-знаюсь, что я считаю себя выше Загоскина и Булгарина; но и эта высь по плечу ребенку. Чувствую, что я не недостойнъ достоинства человека со всѣми моими слабостями, но знаю себѣ цѣну, и какъ писатель, знаю и свѣтъ, который цѣнить меня. Сегодня въ модѣ Подолинскій, завтра Марлинскій, послѣ-завтра какой-нибудь Небылинскій, и вотъ почему меня мало радуетъ ходячесть моя. Не вините крѣпко меня за Бальзака: я человекъ, который иногда можетъ заслушаться сказкой, плѣниться игрушкой, точно такъ же какъ сказать или сдѣлать дурчачество. Вотъ почему и Бальзакъ увлекъ меня своей *Шапре-*

новою кожей. Тамъ есть сильныя вещи, есть мысли, если не чувства глубокія. Выдумка стара, но форма ея у Бальзака яркая, чудная, и потому онъ мастеръ выражаться. За то въ повѣстяхъ его я, признаюсь, нашелъ только одинъ силуэтъ ростовщика, рѣзкимъ перстомъ наброшенный. Въ Нодье я средо ничего не находилъ и не постигаю дешевизны похвалъ французской публики: она со всякимъ краснописцемъ носится будто съ писаною торбой. Передъ Гюго я ниць.... это уже не даръ, а гений во весь ростъ. Да, Гюго на плечахъ своихъ выноситъ въ гору всю французскую словесность, и топчетъ въ грязь все остальное и всѣхъ насъ писаекъ. Но Гюго видѣтъ только въ *Notre-Dame* (говоря о романахъ). Его *Han d'Islande*—смѣлая, но неудачная попытка ввести бойню въ будуары. *Бюль-Жарналь* — золотая посредственность. И замѣьте, что Гюго любитъ повторять свои лица и свои основныя идеи вездѣ. Ганъ, Оби, Квазимодо — уроды въ нравственномъ и физическомъ родахъ.... потому саможертвованіе въ *Бюль*, въ *Германн*, въ *Маріонъ де-Лормъ*.... Это правда, что онъ какъ по лѣстницѣ идетъ выше и выше по этимъ характерамъ; но Шекспиръ, человекъ болѣе гениальный, этого не дѣлалъ, а намъ, менѣе даровитымъ, на это нельзя и покуситься. Надобна адская роскошь Байрона въ приправахъ, чтобы разнообразить вырванное изъ человекъ сердце, которымъ кормить онъ читателя. *Кромвель* холоденъ и растянутъ: изъ него можно вырывать куски какъ изъ арбуза, но цѣликомъ—нѣтъ. *Маріона* прелестна: это Гець для времени Ришелье. Полагаю, что *Борджія* достойна своей славы, и жажду прочесть ее. Кстати, *Послѣдній день осужденнаго*—ужасная прелесть!.. Это вдохнуто темницей, писано слезами, печатано гильйотинной. Пускай жмутся крашенныя губы и табачные носы, читая эту книгу... пускай подсмѣиваются надъ нею кромѣшныя журналисты—имъ больно даже и слышать объ этомъ, каково же выносить это!.. О, Дантовъ адъ—гостинная передъ ужасомъ судилищъ и темницъ, и какъ хладнокровно населяемъ мы тѣ и другія! какъ счастлива Россія, что у ней нѣтъ причинъ къ подобной книгѣ!

Клятву перечитываю для послѣдняго тома, только что полученнаго; кончивъ, скажу свое мнѣніе,—не приговоръ, ибо человекъ не по чину произноситъ приговоры. До тѣхъ поръ скажу лишь, что я въ ней находилъ *Русь*, что я здоровался съ земляками, и не разъ пробивала меня слеза.

Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я

берегу, какъ святыню, кольцо, выкопанное изъ земли, утучненной сею битвой. Оно вездѣ со мной; мнѣ подарилъ его С. Нечаевъ. О своемъ романѣ ни слова. Враждебныя обстоятельства мѣшаютъ мнѣ жить, не только писать.

Не дивитесь, что я знаю морскую технику ¹: я морякъ въ молодости и съ младенчества. Море было моя страсть, корабль пристрастiе, и хотя я не служилъ во флотъ, но конечно не поддамся лихому моряку, даже въ мелочахъ кораблестроенiя. Было время, что я жаждалъ флотской службы, и со всѣмъ тѣмъ предпочелъ коня кораблю: съ перваго скорѣе соскочишь. Воспитанiе мое было очень поэтическое. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ меня художника и артиллериста. Я выросъ между алебастровыми богами и героями, а потомъ, между химическими аппаратами и моделями горнаго корпуса. Лѣто скитался я по Балтикѣ съ старшимъ братомъ. Судьба сдѣлала изъ меня кавалериста, я, не знаю, призванiе ли—сочинителя. Но это требуетъ рамъ пошире: гдѣ-нибудь я опишу мое ребячество и мою бурную юность. Но гдѣ довольно черной краски, чтобъ описать настоящее? Тотъ, который ни одной строчкой своею не красилъ порока, который сердцемъ служилъ всегда добродѣтели, подозрѣваемъ, благодаря личностямъ, Богъ вѣсть въ чемъ. Но объ этомъ послѣ. Листъ конченъ, но мое *vale* стоитъ въ началѣ разговора. Будьте счастливы и дома, и въ свѣтѣ, и въ трудахъ своихъ, до скорого свиданiя мечтой. Вашъ, весь вашъ

Александръ Бестужевъ.

XXVIII.

18 мая.

Я бы скорѣе усталъ благодарить, чѣмъ вы одолжать меня, любезный Ксенофонтъ Алексѣевичъ! Совѣстно принять и нѣтъ средства отказаться отъ предложенiя, столь дружески сдѣланнаго. Tar auf Tar! Дай только Богъ вамъ терпѣнiя при изданiи

¹ Читая *Фрегатъ Надежду* и *Лейтенанта Блѣзори*, Н. А. Полевой удивлялся, какимъ образомъ Бестужевъ, кавалеристъ, зналъ всѣ подробности корабля и службы на немъ. Вѣроятно, онъ писалъ ему объ этомъ. К. П.

моихъ пустяговъ ¹. Дѣлайте какъ и что заблагоразсудите. Довѣренность получите сегодня же. *Вечеръ на кавказскихъ водахъ* отдайте попозднѣе, хочу докончить. Какъ вы думаете: вмѣстятъ ли *Гуда* и *Пользку въ Ревель*? Если не рассудите, то выньте для печати разказъ майора Крона и Гедсона Б. Располагайте и карнайте все какъ угодно,—я издаю не для славы. Скоро пришлю поправки, какія помню, ибо не храню старыхъ журналовъ. Съ Богомъ! Заглавіе то же самое; начало съ 6-й части; форматъ и шрифтъ подобныя Гречевскимъ. О Ливоніи *что-то* не видѣлъ въ печати, но когда-то началъ, не помню что такое, вздорецъ, но не конченный; онъ пропалъ у меня между многими другими бумагами. Пришлите хоть строчку, я узнаю, мое или нѣтъ.

Пушкинъ имѣлъ зародышъ аристократіи давнымъ-давно: онъ мнѣ не разъ писалъ, что предокъ его «Нѣмецъ честенъ,» выѣхалъ изъ за-моря; съ другой стороны онъ забирается въ Ганнибалы, хоть и проданные за полъ-аршина фризу. Это очень забавно въ нашъ вѣкъ. Братецъ вашъ пишетъ, что И. П. мой ангель-хранитель, что онъ не дѣлитъ его со мной. Навѣрно, И. П. похвасталъ что-нибудь! Онъ точно любить меня, но сдѣлать многого онъ не могъ для меня ничѣмъ, и одолженія наши были взаимны. Онъ добрый малый и очень не глупый, но онъ любить парадъ даже въ чувствахъ... Въ немъ осталась гвардейская привычка выказать больше чѣмъ въ состоятельности ². Впрочемъ, я очень благодаренъ за его дружбу, но рекомендую болѣе Михаила Корсакова: онъ вѣтренѣе снаружи, но крѣпче внутри. Можетъ, вы съ нимъ познакомитесь. Они оба ѣдутъ въ Русь черезъ три дни, а я, бѣдняга, остаюсь одинъ съ врагами.

Вашъ Александръ.

Желаніе ваше на счетъ *Клятвы* исполню сопъ амого. Это не даръ, а дань, или лучше сказать *долгъ* словесности ³.

¹ Вслѣдствіе вызова его въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, я предложилъ ему довѣрить мнѣ изданіе сочиненій его, не вошедшихъ въ первые пять томовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ. *К. П.*

² Говорится о временахъ давнопрошедшихъ...

³ Я писалъ ему, что онъ сдѣлалъ бы одолженіе и публикѣ и автору *Клятвы при Гробѣ Господнемъ*, еслибы развилъ подробно свои мысли объ этомъ сочиненіи, которое такъ правилось ему. Слѣдствіемъ была извѣстная его блистательная критическая статья. *К. П.*

XXIX.

15 июня 1833. Дербентъ.

Отправляясь съ однимъ полковникомъ въ Табасаранскія горы, можетъ-статься на мѣсяцъ, спѣшу увѣдомить васъ, много-любимый Ксенофонтъ Алексѣевичъ, о полученіи посылки съ книгами, счетовъ и вѣсти о коляскѣ. Я не знаю ужъ какъ васъ благодарить, не знаю какою краской краснѣть, что тѣмъ, кого уважаю всѣхъ болѣе, дѣлаю всѣхъ менѣе. Но ежели Богъ дастъ жизни, вы увидите, что я умѣю цѣнить дружбу. Я уже дважды писалъ къ вамъ, чтобы вы взяли должныя мною деньги изъ вырученныхъ за книги мои, и если вы сего не сдѣлали изъ ложнаго стыда, по-дѣломъ вамъ. Въ дѣлахъ денежныхъ надобенъ счетъ и уплата. Въ этомъ отношеніи я не люблю поэтическихъ вольностей. Итакъ если за вторую сотню не посылали къ сестрѣ, удержите ихъ и сквитайте рублей тысячу. 500 я по приѣздѣ къ вамъ отправлю. Теперь ни полушки, ни минуты лишней. Сестру увѣдомьте о моей волѣ, впрочемъ я къ ней о семъ писалъ. Вы не даромъ дивитесь, зачѣмъ она не высылаетъ мнѣ денегъ; но съ одной стороны, привычка къ экономіи убѣждаетъ ее, что холостой человѣкъ не можетъ тратить такую кучу денегъ, какъ я дѣлаю; съ другой, всѣ мои страховыя письма воротились, вмѣстѣ съ распоряженіями весьма нужными, ко мнѣ. Адресъ былъ къ матушкѣ, а она въ это время случилась въ деревнѣ, и вотъ я, благодаря излишней осторожности, долженъ платить за письма, которыми я надѣялся уплатиться. Если же вы ото-слали всѣ деньги за 200 экземпляровъ, то, когда это будетъ вамъ не тяжело, возьмите еще 100 отъ сестры. Но прошу брать за комиссію. За чтѣ вы будете дарить вамъ слѣдующее? Это безгрѣшный и должный барышъ. Притомъ же вы теряете проценты, употребляя свои деньги на мои покупки. Во всякомъ случаѣ, еслибы даже меня не стало, мои родные уплатятъ за меня. Я еще въ состояніи уплатить столько, тѣмъ болѣе, что вы мой единственный заимодавецъ.

Ж. уѣхалъ; будетъ на горячихъ и подъ осень явится домой. Предупреждаю васъ, что онъ очень добрый малый. Духи возьму я. Не помню, поставлены ли они были въ мой счетъ.

Если нѣтъ, вставьте и при случаѣ такъ увѣдомьте его. Онъ мнѣ долженъ, и потому это не присвоеніе.

У насъ были жары удушающіе доселѣ, и я радъ освѣжиться въ ледникахъ горскихъ. Чтò за прелесть тотъ край!.. Я былъ тамъ, но въ этòтъ разъ врѣжусь далѣе, подъ видомъ Татарина. Я говорю довольно хорошо, чтобъ обмануть Лезгинъ. За смѣлостью же дѣло не станеть. Духомъ я гораздо покойнѣе. Благороднѣйшіе высшіе начальники умѣютъ отличить клевету отъ истины, и сдѣлали это въ отношеніи меня. При баронѣ Розенѣ, я увѣренъ, на Кавказѣ не житье мерзавцамъ. Это свѣтлый умъ и свѣтлая душа.

Ну, итакъ до будущаго случая. Супругъ вашей благодаренъ сверхъ сердца за классиковъ италіанскихъ. Теперь нуженъ лексиконъ портативъ и сокращенная грамматика. Обнимите брата нашего Николая. Да Провидѣніе хранить всю вашу семью. Сердцемъ вашъ

Александръ Бестужевъ.

Конь ржетъ и пышетъ у воротъ; какъ жаль, что не съ вами разопыю стремянную чару!

(Къ этому времени относятся два слѣдующіе за симъ клочка, принадлежащіе къ затеряннымъ письмамъ Бестужева. Изъ нихъ второй важенъ тѣмъ, что объясняетъ письмо о вдовѣ Нестерцовой. (См. далѣе.) Замѣчательно, что въ одномъ письмѣ ко мнѣ (также потерянномъ) Бестужевъ подробно описывалъ, какъ въ квартирѣ его застрѣлилась дѣвушка, и какія горькія слѣдствія для него произошли отъ того, но не называлъ этой дѣвушки. Въ письмѣ о вдовѣ Нестерцовой нѣтъ и намека, что онъ за смерть ея дочери вмѣнялъ себѣ въ обязанность быть благотворителемъ несчастной старушки. Видно, это была такая струна въ его сердцѣ, которой онъ не хотѣлъ коснуться даже въ дружескомъ письмѣ, и выдумалъ конечно небывалый заемъ денегъ у Нестерцовой.)

XXX.

Мнѣ чрезвычайно совѣстно, что я чрезъ другихъ забрался въ такіе долги, и еслибъ это случилось не съ вами, мнѣ бы это было очень тягостно.

Увѣдомьте пожалуйста, получили ли вы довѣренность на изданіе? Она была послана съ книгами *Le Roy*. Жаль, что я не имѣю здѣсь *C. O.*, въ коемъ помѣщены были не тиснутыя піесы—ошибокъ куча. Велите переписать и прислать ко мнѣ военный разказъ объ Овечкинѣ и Щербинѣ: онъ помѣщенъ въ *Беспѣдъ у большаго литератора*, въ *Сѣв. Пчелъ* 1825 года, въ

юль. Я написалъ его со словъ и невѣрно, но теперь повѣрилъ все на мѣсть—надобно поправить. Не забудьте тоже карманный итальянскій словарь. О коляскѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, но вѣроятно, что на сихъ дняхъ должна прибыть. Прочія посылки всѣ получены, и дамы не нахвалятся, а о благодарности супругѣ вашей и говорить нечего. Собираются писать къ ней сами. Жары у насъ несносны. Поля сгорѣли. Въ городѣ свирѣпствуетъ оспа, и смертность необычайная, но это такія явленія, что они не мѣшаютъ мнѣ спать ни одною минутой. Жизнь здѣсь, безъ гиперболы,—копѣйка. Обнимите брата нашего Николая и примите къ сердцу мое братнее объятіе. (Безъ означенія числа.)

Вашъ Александръ.

XXXI.

Еще слово: я занималъ здѣсь у одной вдовы унтеръ-офицера Нестерцова деньги. При отъѣздѣ ея въ Россію, я не могъ выплатить всего и остался ей должнымъ 600 рублей. Для сего я далъ ей письмо, которое она, по пріѣздѣ домой (не знаю куда), пошлетъ къ вамъ. По сему письму, дружбы ради, прошу васъ послать ей сначала 300 рублей, а потомъ въ маѣ 1834 года еще 300, но не иначе какъ получивъ ея росписку въ полученіи первыхъ и при ней вторую записку моей руки. Не знаю, какъ идутъ у меня деньги и куда? живу я вовсе не роскошно. Впрочемъ у меня есть братья, и потомъ всѣ несчастливцы мои братья, и потомъ я не умѣю отказать, иногда безъ разчету даже. Это ужъ и не добродѣтель, а просто слабость... Да вы сами таковы!

Faites le, de grace!

(Безъ означенія числа.)

XXXII.

Милостивый Государь, Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Надѣясь на испытанную дружбу вашу, прошу исполнить неизмѣнно и безъ медленія слѣдующую просьбу.

Бывъ въ Дербентѣ, взялъ я занимательно у вдовы унтеръ-офицерши Матрены Лазаревны Нестерцовой денегъ ассигнаціями шестьсотъ рублей, а какъ при отъѣздѣ ея уплатить оныхъ я не могъ, то прошу васъ по сему письму уплатить

сказанные 600 рублей въ два срока, въ каждый по триста рублей: первый срокъ въ январь 1834 года, второй въ мѣз того жь года. Деньги сіи вы возьмете или изъ моихъ, какъ я увѣдомлялъ васъ, или, паче чаянія, если таковыхъ не будетъ, то запишите на меня, и еслибъ даже я въ это время умеръ, то истребуйте отъ сестры моей Елены Александровны, для которой всѣ моя завѣты священны. Вы по сему письму вышлете 300 рублей по приложенному адресу; но для второй отсылки обождете увѣдомленія отъ вдовы Нестерцовой о полученіи, при коемъ приложить она записку мою на вторую половину, то-есть еще на 300 р. О полной уплатѣ не оставьте вы меня увѣдомить. А впредь, если случатся отъ Нестерцовой какія письма ко мнѣ, то прошу васъ препровождать ко мнѣ какъ можно скорѣе. Я принимаю въ положеніи ея семейства душевное участіе, и зная, какъ любите вы меня, не сомнѣваюсь, что вы исполните сіе порученіе, какъ и всѣ другія, коими вы меня обязали. О подробностяхъ буду писать къ вамъ особенно.

Съ уваженіемъ есмь вашъ душою

Александръ Бестужевъ.

Юля 1 дня 1833.

Г. Дербентъ.

Адресъ: Матренѣ Лазаревнѣ Нестерцовой, въ городѣ... вдовѣ унтеръ-офицера, въ улицѣ... въ домѣ...

Въ полученіи попросить росписки.

Вторая записка за мою подписью будетъ послана, равно какъ и сіе письмо отъ Нестерцовой, вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о полученіи первыхъ 300 рублей. Послѣ сего, въ мѣз 1834 года, вы вышлете и остальные, съ истребованіемъ росписки.

(На оборотѣ сего письма каракулями написано: Письмо на адреси пишитя утаганрохъ нанма николая аликсевича трусава на новой базарь.)

XXXIII.

5 октября 1833 года. Дербентъ.

Любезнѣйшій, добрѣйшій Ксенофонтъ Алексѣевичъ!

Не знаю право, на что похожа моя критика; промолчавъ такъ долго, я будто сорвался съ цѣпи, и оттого что поведѣ издали рѣчь свою, долженъ былъ урѣзывать многое: рамы

тѣснить меня!.. Притомъ, еслибы вы знали, какъ пишу я!.. Урву минуту сегодня, полчаса завтра. Служба, и что еще хуже, несносные поствѣтители, которые терзаютъ меня изъ-за рюмки водки, изъ-за чашки чаю, изъ того, что имъ нечего дѣлать, истребляютъ меня; угаръ отъ ихъ глупости остается надолго, въѣдается даже въ платье, а скрыться отъ нихъ не имѣю удобства. Счастливыцы вы! встаете утромъ и говорите: сегодня я сдѣлаю то-то, пойду туда-то, и это исполняется; а я часто прерванъ въ самомъ разгулѣ, и потомъ бѣгаю за потеряннымъ мигомъ, связывая порванные узлы! Мудрено ль послѣ этого, что рубцы у меня видны вездѣ? Не хочу, впрочемъ, гладить ихъ, пусть читаютъ мой бытъ въ каждой строчкѣ: жизнь слишкомъ коротка, чтобъ ее отдавать за мнѣніе какого-нибудь Надеждина. Окончаніе получите непременно черезъ недѣлю, но подстриженное поневолѣ. О стихіяхъ русскаго романа напишу особую статью. Отсылаю вамъ 4 части *Жаргала* и *Кромселя*, оба мнѣ не нравятся.

У насъ покуда тихо, и горцы у себя шумятъ противъ насъ, но еще не набѣгаютъ.

Что дѣлается у васъ въ словесномъ мірѣ? Смирдинъ и компанія объявили журналъ? Хорошъ долженъ быть онъ, когда главнымъ достоинствомъ его, по ихъ собственнымъ словамъ, будетъ знаніе въ книжной торговлѣ! До презрѣнія жалка мнѣ словесность наша, когда она въ такой молодости продажна! Что жъ будетъ она далѣе? Писать, имѣя цѣлью четвертакъ!..¹ Мудрено ли, что ихъ творенія и не стоить болѣе. Руссо чуть не умиралъ съ голоду; Сервантесъ кормился пайкомъ солдатскимъ; но они писали не для того, чтобы жить до смерти, а жить по смерти. У насъ же, эти ремесленники умѣютъ изъ всего высокаго, благороднаго вылить копейки; умѣютъ захватить въ свои руки и похвалы и ободренія, изъ которыхъ они дѣлаютъ торговлю, и бѣда тому, кто захочетъ обойтись безъ ихъ пріязни, получаемой напрокатъ: они подорвутъ его, если не въ мнѣніи публики, то въ продажѣ публикѣ. Товарищество Смирдина сдѣлало все, что могло, чтобы замедлить мой повѣсти, разсердясь на сестру мою за разорваніе съ ними контракта. Я смѣюсь этому и рѣшительно отказался хоть строчкой помогать имъ. Довольно, что за годъ

¹ Надобно сознаться, что въ немъ былъ даръ предвѣдѣнія! К. II.

они сыграли со мной штучку, извѣстивъ уже въ мартѣ о неосостояніи новаго журнала и выманивъ тѣмъ за безцѣнокъ повѣсть. Обжегся я на многихъ, и между прочими, всѣхъ болѣе на А., издатель повѣстей, который взялъ слишкомъ три тысячи и ни гугу. Полно объ этомъ вадорѣ. До будущей почты.

Вашъ Александръ.

(Изъ слѣдовавшихъ за симъ и потерянныхъ писемъ Бестужева Сохранился одинъ листокъ, принадлежавшій, какъ видно изъ означенія числа внизу его къ письму отъ 2 ноября. Въ немъ любопытны подробности касательно языка. Этотъ листокъ начинается окончаніемъ предыдущей фразы: такъ и печатаемъ его здѣсь.)

XXXIV.

... вамъ. Это для меня всего пріятнѣе, и стало-быть всего впереди.

Въ *Пользѣдкѣ* помню только одну ошибку, — въ Гедеонѣ Б—вѣ; напечатано: *и верхи латъ разбитыхъ*, надо быть *исверни*. Въ *Разказѣ Офицера* поставьте: земля *Устовъ*, вмѣсто *Эстовъ*. Такъ зовутъ Тавдинцы *Асетовъ*. Многое бы надо поправить, да нѣтъ подъ рукой. Ошибки въ первыхъ пяти томахъ пришлю для припечатки къ 6-му. Покуда баста о чепухѣ.

Прочелъ я 4-й томъ *Исторіи*, очень хорошъ. Ясно, горячо, ново. Перечитаю, скажу болѣе. Отъ *Кащеля* ждалъ я больше рыси, гораздо больше, и ожиданіе мое осѣклось. Подробности его точно прелесть; царь *Омутъ* хоть взять у простаго народа, но чудо какъ мило поэтизированъ. За то что за мысль повторять дурней въ трехъ поколѣніяхъ, и все одни и тѣ же похождения роковыхъ роговъ, — какъ это холодить насъ къ его разказу! И потомъ, что за страсть коверкать языкъ по старинному!... Произвольное толкованіе его словъ тоже слишкомъ неосновательно. Объ этомъ напишу особо. Новгородское нарѣчіе мнѣ знакомо, татарскій языкъ тоже, и потому я могу судить о спорныхъ словахъ съ большею основательностію. Слова *овкачь* не нашелъ еще, но спрашу у Лезгинъ. *Алама* слова нѣтъ; есть *алата*, именно русская гривна, и я думаю, что это ошибка: приняли *т* за *м*. Присылайте ко мнѣ о такихъ вещахъ запросы, я пороюсь въ горахъ и можетъ отыщу что-нибудь скорѣе чѣмъ тѣ, которые не знаютъ до

сихъ поръ, что *саадакъ* — *лукъ*, а не *туль*, вездѣ, отъ Камчатки до Ганга. Будьте счастливы. Поцѣлуйте за меня ручку у супруги вашей, обнимите нашего брата.

Вашъ Александръ.

2 ноября.

Кто такой Брамбеусъ? не Шевыревъ ли?

XXXV.

¹ Обнимите за меня Николая Алексѣевича, любезный Ксенофонтъ, обнимите крѣпко, крѣпко: это за его *Живописца!* Да, я, какъ женщина, безотчетно говорю: *прелесть*, но я отчетно чувствую эту прелесть. Какой я бездушникъ былъ, когда сказалъ, что слогъ былъ виной неуспѣха *Клятвы*, слогъ! Нѣтъ, черствыя души читателей... Но все-таки я изумляюсь: языкъ въ *Клятвѣ* и языкъ въ *Блаженствѣ Безумія*, особенно въ *Живописцѣ*, двѣ разныя вещи, это писалъ другой человекъ; зачѣмъ же не всегда онъ пишетъ такимъ слогомъ, зачѣмъ? И я, я это спрашиваю! — я, который двухъ часовъ не бывалъ ровень! Я плакалъ, я заставлялъ рыдать, когда читалъ эту повѣсть... я ужаснулся *дакъ*², когда прочелъ *другому* (?). Да, я чувствую, что я могъ натурально выразить Аркадія, особенно ревность его; я глубоко бывалъ растерзанъ ею, и не разъ, а этотъ Прометей!.. О! знаете ли, что сегодня ночью (это не сказка) я видѣлъ во снѣ надъ собой этого огромнаго орла: онъ пахалъ холодомъ съ широкихъ крыльевъ въ сердце мое; я хотѣлъ бѣжать и не могъ... и потомъ я видѣлъ землю великановъ, бродилъ между ними, съ опасеніемъ, но безъ страха; они говорили со мной, но я не понималъ ихъ языка... Кровь моя была взволнована чтеніемъ; да, я чувствую, что авторъ такой повѣсти можетъ быть утѣшенъ, внушивъ человекъ мыслящему столько мыслей, столько

¹ Это письмо напечатано въ *Отеч. Запискахъ* 1860 г. (іюнь), вмѣстѣ съ письмами Бестужева къ его брату, и отнесено къ 1834 году явно несправедливо: Б. упоминаетъ о журнальныхъ статьяхъ, дошедшихъ до него конечно не черезъ полгода; сверхъ того, онъ упоминаетъ о приложенномъ къ письму отвѣтѣ на выходку С..., а этотъ отвѣтъ сохранился у меня въ подлинникѣ и означенъ 9-мъ ноября 1833 года, какъ можно видѣть здѣсь же, дагѣе. *К. II.*

² Такъ напечатано въ *Отеч. Зап.* Но вѣроятно, должно читать *самъ*.

ощущеній! Не завидую, ей-Богу не завидую Николаю; но досада *есть* на себя. Впрочемъ, могу ли я писать вполнѣ, оглядываясь на всѣ стороны? Я уже одичалъ, я уже не сумѣю ладить съ цензурою, торговаться съ нею!

Мысли мои кипятъ; не могу писать складно; въ головѣ нѣтъ *autoclave*. При томъ я взбѣшенъ на....; онъ грабитъ меня съ А—вымъ пополамъ, вопреки 20-ти писемъ отдаетъ тому деньги, а тотъ беретъ и даже писать не хочетъ. Какъ невообразимо гадки люди, за горсть гривенниковъ они продадутъ и честь и совѣсть.... Не повѣрите, какъ мнѣ прискорбно видѣть въ людяхъ *такія* низости; я бываю надолго убитъ разочарованіемъ, и не эгоизмъ, не вредъ себѣ огорчаетъ меня, но черты грязи на сынѣ небесъ.

Прилагаю мой отвѣтъ на выходку С. Мерзавецъ! Какъ смѣлъ онъ играть мною? Или думалъ, не извѣстя меня даже о своемъ изданіи, купить мое слово или мое молчаніе деньгами! Деньгами? когда я за двусмысленность не купилъ бы даже и свободы, перваго, единственнаго блага и желанія души моей...

Я физически не боленъ, но душой и не выльчивался, сдѣлатель тому моя критика; досадно, что послалъ ее, лишняго много, нужнаго мало... Вижу; но пусть все-таки въ ней почитаютъ человѣка, если не вскрышку искусства. Будь чтѣ будетъ. Я опять къ вамъ съ канюченьемъ, прошу, исполните эти вздорныя порученія. Посылаю 100 р. Не извиняюсь, зная васъ. До слѣдующей почты. Вашъ душой

Алекс. Бестужевъ.

(Къ этому письму принадлежитъ слѣдующій протестъ, писанный рукою Бестужева:)

Милостивый государь,

Съ изумленіемъ начиталъ я въ -мъ номерѣ *Свѣ. Пчелы*, въ исчисленія гг. сотрудниковъ вновь издаваться имѣющаго г. Смирдинымъ журнала *Библиотека для Чтенія*, мое имя. Хотя я считаю себя не болѣе какъ червячкомъ въ печатномъ мірѣ, но все-таки не хочу, чтобы меня вздѣвали г-да спекуляторы на уду для приманки подписчиковъ, безъ моего спроса и согласія. А потому покорнѣйше прошу васъ припечатать въ *Телеграфѣ* извѣстіе, что я не только не буду, но и не хочу быть сотрудникомъ г-на Смирдина; что въ журналѣ, имъ издаваемомъ, ни

теперь, ни впредь не будет моей ни строчки; что не только изъ сочиненій моихъ, но изъ моего имени даже не продавалъ и не общалъ я ему ни буквы. О поступкѣ же г-на Смирдина, нарушающемъ не только личность, но и собственность писателя, предоставляю судить всей добросовѣстной публикѣ. O tempo, o mores!

Съ уваженіемъ, и проч.

Александръ Марлинскій.

9 ноября 1833 г.
Дагестанъ.

XXXVI.

Почтенный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

И безъ письма вашего отъ 14 января угадывалъ я, въ какую тяжкую борьбу вступили вы съ людьми и обстоятельствами, принимаясь за журналъ. Кровавымъ потокомъ смазывается рычагъ, двигающій впередъ народы, но подвигъ двигателей не остается незамѣтнымъ или незамѣченнымъ въ безднѣ потомства. Работайте. Я тѣмъ болѣе цѣню терпѣніе ваше, что самъ несколько къ нему не способенъ, и чувствую, каково для челоука выносить подлѣйшія прижимки... Говорю по опыту, ибо однажды чуть не прибилъ Кр., выведенный изъ себя его вандальствомъ.

Письмо это прервано было полученіемъ отъ васъ книгъ и пелеринки для Шн. и помады. Письма при этомъ не получилъ; книги размокли въ какомъ-нибудь горномъ потоке, и это къ добру Брамбеуса: авось онъ не будетъ такъ сухъ, какъ я его представляю себѣ. Еще получилъ я диковинку-письмо, и отъ кого вы думаете? отъ Фаддея! Оправданіе Г. и См., обвиненіе сестры Елены (которую несчастіе точно сдѣлало черезчуръ подозрительною), и наконецъ, разумѣется, выходки противъ васъ и предвѣщаніе, что вы меня обманете, обсчитаете, и Богъ вѣсть что. Я не сомнѣваюсь, что Б. любитъ меня, ибо я ничего не сдѣлалъ такого противъ него, за что бы онъ имѣлъ право меня разлюбить; но что онъ любитъ болѣе всего деньги, и въ этомъ трудно усомниться. Впрочемъ, я не потерялъ къ нему пріязни; въ основѣ онъ добрый малый; но худые примѣры и совѣты увлекли его характеръ-самокатъ. Не постигаю отчего они такъ клеветаютъ на васъ? Врагомъ по литературѣ поз-

волено быть, но личность есть вещь святая, и смѣшивать частную жизнь съ публичнымъ изданіемъ есть низость ¹.

Письма адресуйте покуда въ Тифлисъ, Павлу Алекс. Бестужеву, артиллеріи поручику. Въ канцеляріи начальника артиллеріи. Онъ или доставить ихъ мнѣ или сохранить до моего пріѣзда.

Здоровье мое плохо.

Насчетъ Ахалцыха скажу одно: я буду тамъ прилежиѣе, и конечно *Телеграфъ* мнѣ скажетъ за то спасибо. Кстати (или бишь не кстати) о моей статьѣ: попытайте перевести на французскій языкъ мнѣніе о романтизмѣ безъ исключеній и безъ имени, и пошлите въ журналъ французскій, въ Петербургъ издаваемый. Въ близости государя цензура гораздо умнѣе, и не вычеркнетъ, я думаю, евангельскихъ истинъ.

Смирдинъ платитъ мнѣ 5 тысячъ въ годъ за 12 листовъ. Таиса Максимовна очень благодаритъ супругу вашу за вкусъ ея убора, а я за то, что вы меня, своего должника, такъ скоро и мило удовлетворяете. Чувствую это.

Братца Николая обнимаю. Вашъ

Александръ.

21 февр. 1834.

(Вотъ окончаніе еще одного потеряннаго письма. Оно, несомнѣнно, относится къ началу 1834 года, потому что на одной страницѣ сохранившагося листка его означены поправки къ разбору *Клятвы при Гробѣ Господнемъ*, а на другой страницѣ слѣдующее:

Приписка къ № 2.

...внимательны, чтобъ я какъ-нибудь не высвободилъ руки изъ пеленокъ. На зло однакожь имъ, я пью рѣдко рюмку водки передъ обѣдомъ и едва ли стаканъ вина въ день, а про поведеніе мое могутъ узнать они изъ кондуитовъ, въ которыхъ самая враждебная мнѣ рука не могла, со всѣмъ желаніемъ и возможностью вредить, набрызнуть ни одного пятнушка. Досадно, право, что я, въ словъ котораго еще не сомнѣвался никто, кто лично знаетъ меня, долженъ оправдываться!... Но я далеко,

¹ Здѣсь могу повторить замѣчаніе мое о непостижимой вѣтрености или способности увлекаться до противорѣчія себѣ, которая была несчастнымъ свойствомъ Бестужева. Въ одно время, объ одномъ и томъ же лицѣ—два разныя мнѣнія! К. П.

но я изгнанникъ, а люди такъ охотно вѣрятъ злomu! Кого здѣсь нѣтъ, тотъ вѣчно виноватъ, а кто здѣсь, тотъ еще виноватѣе.

Но смѣшны мнѣ люди.

Обнимите за меня брата Николая.

Valete. Вашъ Александръ.

(При посылкѣ статьи брата его Павла Александровича, которая уже не могла быть напечатана въ *М. Телеграфъ*, прекращенномъ въ началѣ апрѣля 1834 г.)

К. А.

XXXVII.

Посылаю статью моего брата Павла; это первая попытка чловѣка, который никогда еще не писалъ, но думалъ иногда очень порядочно. Напечатайте, если найдете достойнымъ. Это даже нужно, ибо возраженіе справедливо. Я кое-что поправилъ—доправьте. Не имѣю ни мига писать къ вамъ особо. Выѣзжаю черезъ пять дней. Пишите въ Ахалцыхъ, и постарайтесь переменить адресъ газетъ и журналовъ туда же. Обнимаю васъ обоихъ.

Вашъ Александръ.

22 марта 1834. Дерб.

XXXVIII.

3 мая 1834. Тифлисъ.

Предпоследнее письмо ваше получилъ я въ дорогѣ, и оно очень меня порадовало, — точно я друга встрѣтилъ въ пустынѣ; но последнее, съ вѣстью о кончинѣ *Телеграфа*, весьма огорчало меня, еще болѣе какъ Русскаго, нежели какъ вашего друга, почтенный Ксенофонтъ Алексѣевичъ! Впрочемъ, хотя этотъ ударъ будетъ вреденъ кошелю вашему, едва ли не будетъ онъ полезенъ разстроенному здорovью Николая Алексѣевича. Я всегда предпочитаю саблю—милѣ. Медія неудовольствія труднѣе переносить, чѣмъ сильное огорченіе. Кончено — и съ Богомъ принимайтесь за ваши мирныя занятія, и старайтесь торговлею заправить изысканія отъ литературной войны. Не стану подбирать въ несносныя утѣшенія измочаленныхъ пословицъ или старопечатныхъ оразъ; утѣшеніе ваше въ собственномъ сознаніи.

Я выѣхалъ изъ Дербента 3 апрѣля, при расцвѣтающей природѣ; но изъ Кубы, поворотивъ въ горы, опять въѣхалъ въ зиму, кой-гдѣ съ начатками весны. Дорога была трудна, но такъ прелестна, что я помнить ее буду какъ самую сладостную прогулку объ руку съ природою. Этого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Да и какъ написать, въ самомъ дѣлѣ, чувство? ибо тогда я весь былъ чувство, умъ и душа, душа и тѣло. Эти горы въ дѣвственномъ покрывалѣ зимы, эти рѣки, вздутыя тающими снѣгами, эти бури весны, эти дожди, разсыпающіеся зеленью и цвѣтами, п свѣжесть горъ, и дыханіе луговъ, и небосклонъ, обрамленный радугою хребтовъ и облаковъ... О, какая кисть подобна персту Божию? Тамъ, только тамъ можно забыть, что въ насъ подлѣ сердца есть желчь, что около насъ горе. Надъ головой кружились орлы и коршуны, но въ головѣ ни одна хищная мысль не смѣла шевельнуть крыломъ: вся жизнь прошедая и будущая сливалась въ какую-то сладкую дрему; миръ совершался въ груди моей безъ отношеній къ человѣку, безъ отношеній къ самому себѣ: я не шарилъ въ небѣ, какъ метафизикъ, не рылся въ землѣ, какъ рудокопъ, я былъ радъ, что далекъ отъ людей, отъ ихъ исторіи, спящей во прахѣ, отъ ихъ страстишекъ, достойныхъ праха... Я жилъ, не чувствуя жизни. Говоръ ручьевъ и листьевъ наводилъ на меня мечты безъ мыслей, усталость дарила сонъ безъ грезъ. Но кратки промежутки жизненной лихорадки! Сердце мое сжалось, приближаясь къ Тифлису, и оно не обмануло меня. Я нашелъ брата Павла въ постелѣ долгой болѣзни, худого, измученнаго. Онъ получилъ отставку и ѣдетъ на воды; дай Богъ, чтобъ онъ стали для него живою водою, чтобъ онъ на днѣ ихъ нашелъ утраченную молодость и здоровье! Отправивъ его, пушусь самъ въ Ахалцыхъ, — и что меня ждетъ тамъ? Добро ли, худо ли? Да будетъ: судьба моя въ волѣ Бога и царя. Вы сомнѣвались, какъ я приму ваше мнѣніе на счетъ цѣны, назначенной Смирдинымъ, или лучше сказать Смирдину? Какъ вамъ не грѣхъ! Не есть ли другъ наша совѣсть, не есть ли совѣсть лучший другъ? Пускай каждое письмо ваше будетъ монологомъ правды, и будьте увѣрены, что онъ будетъ выслушанъ, какъ будто бы я самъ говорилъ самому себѣ. Жизнь слишкомъ коротка, чтобъ ее тратить на комплименты даже съ незнакомыми а въ дружбѣ пропускъ искренности есть нарушеніе ея *sine qua non*.

Тифлисскій воздухъ душень не только физически: у меня,

здѣсь живучи, жерновъ на мозгу и на сердцѣ. Съ виду прелестный городъ, шумень, разнообразенъ, разнонароденъ, но торговля въ Азін значитъ обманъ, а Тифлисъ населенъ торговцами.

Писавши ко мнѣ, ограничьтесь пожалуйста одною словесностью: въ нашемъ положеніи иногда отвѣчать приходится не только за то, что самъ пишешь, но что и къ намъ пишутъ, и хотя ни я, ни вы, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ не оскорбляли общественной нравственности, но самую невинную шутку могутъ перетолковать злые умы въ худую сторону. Благодаря Бога, этого еще не случилось со мной ни разу и вѣроятно не случится никогда; однакожь лучше толковать о *Маземъ* Булгарина и *Тассѣ* Кукольника, чѣмъ о цензурѣ. Я ничего не могъ писать въ это время: въ Кавказскихъ горахъ, послѣ дня пути, думаешь только какъ бы просушиться да заснуть, а не растирать тушь и чинить перья.

Прощайте до слѣдующей почты, право, нѣтъ времени! Надавали мнѣ порученій на покупки, — надо исполнить. Вамъ кланяется Вышеславцевъ; онъ только что заходилъ; я въ первый разъ видѣлъ его сегодня.

Брата Николая Алексѣевича обнимите за меня и долго и крѣпко, чтобъ онъ за три тысячи верстъ почувствовалъ біеніе дружнаго сердца.

Счастія! — Вашъ Александръ Бестужевъ.

Съ сего времени пишите въ Ахалцыхъ, въ 4-й Груз. лин. батальйонъ.

Рекомендую вамъ вручителя сей записки, юнкера Нарышкина, какъ моего пріятеля. Онъ лично разкажетъ вамъ все, что вы пожелаете знать обо мнѣ, мой добрый Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Вашъ душою Александръ Бестужевъ.

1834. 12 мая.

Г. Тифлисъ.

XXXIX.

Не помню хорошенько какого вздору написалъ я къ вамъ, любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, изъ Тифлиса. И не мудрено. Вѣсть о паденіи *Телеграфа* перетасовала всѣ мои понятія. Но что сказано, — сказано, что сдѣлано, — сдѣлано; преда-

дать живущее живущему, самъ себя не вытаскивъ изъ бѣдота даже за волосы.

22-го мая покинулъ я за собой Тифлисъ, пустой для меня, ибо я проводилъ, за три дни, брата на воды. Это будетъ чудный городъ современнѣе, это одинъ слѣдъ побѣдной стѣны Европы въ Азіи, только одинъ! Другіе города Закавказья насколько не глядятъ Русью; да и въ Тифлисѣ одинъ стѣны европейскія, все прочее неотмываемая Азія. Со всемъ тѣмъ, я люблю тифлисскіе вечера и ночи: это ни съ чѣмъ несравнимо! И какъ пѣвительно! По кровлямъ какъ тѣни пляшутъ Армяны черноома подъ звуки бубновъ; вездѣ вѣютъ бѣлыя чадры и розовые кушаки, вездѣ говоръ и пѣсни, и порой несется удивляющая толпа всадниковъ по улицамъ, обрызгивая искрами облака летящей вѣлѣды ихъ пыли. Въ синевѣ плаваютъ золотыя мѣсяцы и осыпаютъ жемчугомъ вершины окрестныхъ горъ, наводятъ черноту на башни, надъ ними возникающія, а между тѣмъ Кура плещетъ, вьются и буйно катитъ мутныя волны свои мимо скалъ береговъ подъ смѣлую арку моста. Да, я по цѣлымъ часамъ ставалъ на этомъ мосту, любясь какъ утекаетъ вода, прислушиваясь какъ засыпаетъ шумный городъ, убаюканный пѣснью рѣки, подъ ароматическимъ дыханіемъ, наносимымъ изъ садовъ, или слианнымъ съ быстринною! О, прелестенъ Востокъ, прелестенъ май Востока! Дики, но увлекательны бесѣды Азіятцевъ въ садахъ ихъ; за то всякъ ли можетъ оцѣнить это? Едва ли двое изъ тысячи. Не сбросивъ съ себя европейства у воротъ карантина, не закруживъ мысли обаяніемъ природы, не понимая языка пѣсень, вы будете мертвецъ среди кипѣнія жизни. Я не былъ имъ. Плавная природа моя на время переливается во всѣ формы, принимаетъ цвѣтъ окружающихъ ее предметовъ; забываетъ мысль и думу на груди природы, какъ забываетъ иногда тѣло и міръ на газовыхъ крыльяхъ думы. Люди, впрочемъ, гадки въ Тифлисѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Азіи: тамъ все торгуетъ собою и другими.

Наконецъ братъ уѣхалъ, и я за нимъ снялся и полетѣлъ какъ гусь противъ теченія рѣки; пробѣжалъ сквозь Гори и вѣхалъ въ ущеліе Борджомское, которое долженъ былъ погибать по гребню, висящему надъ бушующею Курой, которая зашла, размыла, сорвала нижнюю дорогу и опрокинула мосты. Еслибы для меня было еще что-нибудь ужасное на свѣтѣ, я бы сказалъ, что эта дорога почти страшна; но за то какъ она прелестна! что

за дикіе, грозныя виды, что за разнообразіе видов! Вѣроятно, вы будете читать ущеліе Борджомское въ двухъ коніяхъ, ибо я встрѣтился тамъ съ описателемъ Горн, который обѣщаетъ быть не дурнымъ писателемъ. Главное, что мнѣ занимало такъ—это геологія. Борджомъ есть рѣдкій урокъ ея, и я пріѣхалъ въ Амазыхъ съ полными карманами облепленъ ба-зальтомъ и напыленныхъ шунгитомъ.

Климатъ здѣсь руссоій; окрестности наги, но горы красятъ все. Крѣпость — куча развалинъ. Скука, я думаю, не съестъ мена здѣсь, я буду страдать ее перомъ; но самому почти нечего боть: мясо крѣпче башень, и готовить его не умѣютъ вовсе. Есть добрые люди между кучами ослетниковъ; но начальники мои благородные люди, и съ этой стороны я покоенъ. Что дальше дастъ Богъ—аськаю; окрестность задернута туманомъ.

Вы просили не урѣзать письмами; но въ пути могъ ли я исполнить это? Подумайте и не вините мена. Самому от-традно отвѣсть душу словомъ искренности, да не всегда-то можно, чего кочется.

Обвините крѣпко брата Николая. Теперь занять устрой-ствомъ своей норки,—ни кола, ни стола, а въ Азіи это не бездѣлица; кончивъ, напишу и къ нему посланіе. Будьте счастливы дома, если нѣтъ счастья въ свѣтѣ.

Вашъ душой Александръ Бестужевъ.

1834, Мая 31 дня.

Ахалцыхъ.

Я служу въ 1-мъ Груз. лин. батальонѣ.

XL.

Достойный и любезный другъ, Коенофомъ Алексѣевичъ!

Да, намъ должно давать другъ другу знанія жизни письмами, потому что печатная струя *Телерафа* весела. Впрочемъ, какъ вы извѣщаете и какъ я надѣюсь, дѣятельность ваша возьметъ вольке другую стезю на пользу отечества, но не оскудѣетъ новое. Я—другое дѣло; я такъ далеко отъ всякъ возможностей чѣтъ-либо стать полезнымъ, отъ всѣхъ подстреканій даже стать невѣрнымъ, что ость за перо для мена теперь—барщина. Еслибы теперь еще ведао Жумбевская мода, я бы могъ сказать про себя:

Душой увалъ, умомъ погасъ...

но только сказать, а не доказать. Изрядка шевелится что-то въ душѣ моей, и порой если не стрѣляетъ, то срываетъ съ полки въ умѣ; дремлю я, но еще живу, живу съ природою, которая здѣсь не прелестна, за то своеобразна, своеобразна, дика. Я только что возвратился съ Аббаст-Туманскихъ горячихъ водъ, гдѣ провелъ восемь дней, карабкался на базальты, бродя по сосновымъ дебрямъ, купаюсь въ стѣнныхъ ключахъ. Трудно, невозможно себя вообразить, не видя здѣшнихъ горъ, что это за картина, она ничего не имѣетъ схожаго съ пластовыми горами; это пирамиды елевидныя, это стѣны, взброшенные въ воздухъ, это кристаллы, перетасованные какъ колода картъ, это застывшія волны камня, изорванныя, измученныя, столпеныя въ жерлъ, вздутыя volcanoмъ. Здѣсь уже нѣтъ новыхъ породъ кромѣ огневииковъ, здѣсь вся окрестность лютая, а не осадочная. Какое богатое поле для геологовъ! Мои карманы разговариваютъ между собой бряканьемъ камней, уверяютъ, что могутъ свести съ ума С.-Петербургское Минералогическое Общество—недалека дорога, правда!... А все-таки я могъ бы закинуть въ мозгъ ученыхъ камешка два-три, и, право, не раскусить они ихъ; наши геологи умѣютъ только раскладывать, а не разлагать ископаемыя.

Завтра, для того чтобъ закалить свое тѣло, ѣду на кислыя воды, сказываютъ, очень полезныя, оживляющія. Давай Богъ, чтобъ онѣ оживили мой духъ, какъ и его оболочку. Заботы купанья, и потомъ отдыхъ или завѣтная прогулка, не даютъ досуга заняться письмомъ; за то я безъ усталости читаю Байрона и кой-какія французскія книги новой школы. Не знаю, читали ли вы *Les Intimes*.... Это все случается въ свѣтъ; но не постигаю, что за мысль выставить женщину, которая просто мерзка! Это убиваетъ интересъ въ желткѣ, да притомъ Mr. Granger простъ непозволительнымъ образомъ.

Сенковскій зазнался не путемъ. *Телескопъ* не съ того конца почалъ его: ему должно было доказать, что русская словесность и не думаетъ вертѣться отъ того, что онъ дуэтъ въ нее въ два свистка; ему надобно было доказать его ничтожность и наглое самохвальство. Ему предрекаютъ, что онъ *мешается*—я говорю, что онъ ужъ *мешался*, ибо ворованнаго станетъ ненадолго... У него есть смѣлость, есть манера, недостаетъ бездѣлны—души, и другой бездѣлны—философій. Его опредѣленіе романтизма—жалость и шалость вмѣстѣ. Общипайте его (я могу на свой пай показать, откуда онъ взялъ

своихъ шутокъ и выраженій), и вы найдете, что оригинальнаго у него только безстыдство да нелѣпость.

Статью брата пошлите куда угодно. Только тамъ, гдѣ сказано о крестѣ Андреевой горы, прибавьте: «А теперешній мраморный крестъ водружень г-мъ Кохановымъ, бывшимъ приставомъ горскихъ народовъ, не упомяну въ которомъ году.»

Нынешнюю осень, по всей вѣроятности, проведу я въ бою, и если выйду живъ и цѣлъ, то вы можете предречь мнѣ долгія лѣта. Обнимите за меня брата Николая и пожелайте литературныхъ успѣховъ. Благословите моимъ словомъ вашего новаго пришельца въ мѣръ; я всегда завидую новому поколѣнію: оно увидитъ гораздо болѣе хорошаго, чѣмъ намъ удалось видѣть. Будьте счастливы.

Душой вашъ Александръ Бестужевъ.

1834 27 іюля.

Ахалцыхъ.

XLl.

1834. 2 августа. Ахалцыхъ.

Когда вы перестанете церемониться со мной, добрый мой другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ? Неужели вы думаете, что я цѣню *Морехода Никитина* во что-нибудь? Сохрани Господь! Мнѣ надобно было что-нибудь написать для *Библіотеки для Читанія*, и я написалъ во вкусъ этой Библіотеки. Вѣрите ли, рука не подымается писать для такого товарищества; но что дѣлать? я запроженъ въ свое слово, и мямлю, мямлю, прости Господи, безъ складу по складамъ. Впрочемъ, послалъ имъ недавно четыре кавкаскихъ очерка, которыми вы (если ихъ не исковеркаютъ въ столицѣ) будете довольны, потому что въ нихъ просвѣчиваетъ душа.

Когда положите деньги въ ломбардъ, сколько Богъ дастъ выручить, то возьмите билетъ на имя неизвѣтнаго и отдайте его брату Павлу, который осенью съ горячихъ водъ у васъ будетъ. Онъ вамъ дастъ довѣріе получать проценты и пересылать ему. Или сдѣлайтесь какъ лучше: я вамъ даю полномочіе на счетъ пера и кошелька. Вѣрно, я самъ лучше бы не сумѣлъ для себя работать, какъ вы вчужѣ для меня хлопочете. Простите выраженіе: *счужь*, — оно-то чужое сердцу и уму моимъ.

Пошлите экземпляръ Гречу, Фаддею, Ястребцеву, Вельману; три экземпляра сестрамъ, и въ Россіи никому болѣе. Кто меня забылъ, тѣхъ я не обязанъ помнить. Въ Тифлисѣ: барону Григорію Владиміровичу Розену; генералу Владиміру Дмитріевичу Вальховскому (первому въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, для уровня съ первыми ¹); ко мнѣ одинъ или много два; Шнитникову одинъ, и только. Для добраго моего командира, прямо на его имя (майору Василію Григорьевичу Зеничу, ахалцыхскому коменданту), поскорѣе пришлите *Басни Крылова* и *Сочиненія Державина* (последнихъ изданій). Это типъ русскаго боеваго штабъ-офицера, съ прекраснымъ сердцемъ и со всѣми привычками палатки. Служилъ вѣкъ, изуродованъ, и ни копѣйки за душой. Можете представить, что мы не ссоримся. При посылкѣ Зеничу книгъ, вложите туда же *Турецкую Грамматику*, Сенковского. Посмотримъ, чтѣ это такое? Денегъ мнѣ до ноября не посылайте. Оставьте около 1000 расходныхъ, не болѣе; все прочее въ прокъ. Брату Павлу нужно будетъ рублей 300 при проѣздѣ, но если понадобится болѣе, то болѣе. Для кого же я и собираю какъ не для братьевъ? Ставьте на мой счетъ все, чтѣ посылаете ко мнѣ и къ Ш—мъ. Я напередъ одобряю всѣ ваши распоряженія, и благодарилъ бы, еслибъ между нами нужны были не чувства, а слова.

Я ждалъ разрѣшенія на бой, который будетъ кровавъ и на каждомъ шагу, въ Ахбазіи,—еще нѣтъ отвѣта, но вѣроятно будетъ вождельннаго содержанія.

Желаю полнаго успѣха въ разгадкѣ борьбы Наполеона съ Русью, она именно стала границею между *личностію* и *общественностію*. «Со мной кончился рядъ людей, которые могли занимать всю сцену», гдѣ-то сказала самъ Н.—«Теперь будутъ владычествовать массы.» Я не люблю Наполеона. Онъ слишкомъ думалъ о роля своей и слишкомъ мало о долгѣ. Сынъ прошлаго вѣка, онъ не могъ понять новаго, и упалъ въ жалкую толпу подражателей; но въ Россію влекла его необходимость, а не ослабленіе. Условіе *быть* для него было *завоевывать*, онъ могъ плавать только по крови, и не утонуть, а погрязъ въ ней. Впрочемъ, пускай кто хочетъ вѣрить ему, будто изъ жалости онъ не надѣлъ красную шапку—молодцу хотѣлось непременно остаться деспотомъ. Когда-нибудь поговорю объ этомъ пообширнѣе; теперь спѣшу. У меня есть кой-какія за-

¹ Томами, посланными изъ Петербурга. К. П.

мѣтки объ этой ужасной и утѣшительной драмѣ—о войнѣ за правоту. Брата Николая обнимаю дружески, и надѣюсь, что, переживъ свой нравственный климатерическій годъ, онъ выйдетъ какъ фарфоръ изъ обжига—звонокъ и крѣпокъ и красивъ. Поцѣлуйте за меня ручку у вашей супруги, а своихъ малютокъ по три раза, въ чело. Дай Богъ вамъ всего здоровья, а счастье найдете въ себѣ. И здоровъ и силенъ, безъ увеличений, какъ атлетъ, да и надо, правду сказать, имѣть медвѣжьи ребра, чтобъ идти съ голыми кулаками на судьбу. Изучаю геологію окрестностей, и что-нибудь напишу о томъ. Valetе!

Вашъ Александръ Бестужевъ.

Для вѣрности прилагаю 5 р. асс. Пришлите мнѣ на нихъ сургучу и почтовой бумаги.

XLII.

Не имѣю ни времени, ни надобности, любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, писать къ вамъ болѣе трехъ строкъ — вы видите передъ собой моего двойника; онъ передастъ вамъ и мои объятія, и обо мнѣ вѣсти. Если, какъ я надѣюсь, вы при деньгахъ, дайте ему сколько будетъ нужно. Чѣмъ очистили, положите въ ломбардъ, и билеты вручите Павлу, такъ чтобъ онъ могъ получать съ нихъ проценты. Мнѣ, въ декабрѣ, пришлите 1.000 рублей, а все остальное въ прокъ. Обнимите Николая Алексѣевича и будьте счастливы. Я здоровъ и вду драться.

Вашъ Александръ.

Ставрополь, 26 августа 1834 г.

По сю сторону Кавказа.

XLIII

Лагерь на рѣкѣ Абени, въ землѣ Шапсуговъ, 2 октября, 1834 года.

Пишу къ вамъ усталый отъ двухдневной суражировки, то есть боя, потому что намъ каждый клочъ сѣна и сучокъ дерева, даже пригоршня мутной воды стоить многихъ трудовъ и не рѣдко многихъ людей. Да, любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, я живу теперь воезій дѣйствительности, и, безъ

преувеличеній, дышу дымомъ пороха и пожаровъ. Почти каждый день, а часто и ночь, сажусь я на коня и джигитую безъ устали, на пистолетный выстрѣлъ передъ непріателями. Идутъ ли стрѣлки занимать лѣсъ, ауль, рѣку, я кидаюсь впередъ; скачутъ ли казаки за всадниками, я несусь туда. Мнѣ любо, мнѣ весело, когда пули свищутъ мимо. Забава мнѣ стрѣляться съ закубанскими наѣздниками, а Закубанцы, чортъ меня возьми, такіе удалцы, что я готовъ бы расцѣловать много! Вообразите, что они стоятъ подъ картечью и кидаются въ шашки на пѣшую цѣпь,—предельно что за народъ! Надо самому презирать опасность во всѣхъ видахъ, чтобъ оцѣнить это мужество въ дикарѣ. Они достойные враги, и я долгомъ считаю не уступать имъ ни въ чемъ. У меня даже въ числѣ ихъ есть знакомцы, которые не стрѣляютъ ни въ кого кромѣ меня, выхавъ поодаль; это родъ поединка безъ условій. Быстрота ихъ движеній и ихъ коней невообразима. Дней десять назадъ, въ цѣпи, въ лѣсу, рядомъ со мной убиты майоръ Ивановъ и капитанъ Филоновъ, прекрасные люди; сегодня въ наѣздникахъ, подлѣ меня на шагъ, раненъ флигель-адъютантъ Безобразовъ, одинъ изъ четырехъ джигитовъ отряда, изъ коихъ три другіе князь Долгорукій, капитанъ Языковъ и вашъ покорнѣйшій, по крайней мѣрѣ всегда вмѣстѣ и о-бокъ другъ друга рыскающіе повсюду, гдѣ только свенетъ пуля. Вѣрьте, любезнѣйшій К. А., что въ опасности пропасть наслажденія, и если Богъ дастъ живу вернуться изъ ущедія, ведущаго въ Гиленджикъ, я опишу вамъ чувство это, ибо я дерусь совершенно безъ цѣли, безъ долга даже, безкорыстно и непринужденно. Г. Вельяминовъ отличный генералъ и отличный человекъ; надѣмся, что пройдемъ до Чернаго моря и вернемся къ ноябрю къ крѣпости, здѣсь строящейся. Но это чувствительное путешествіе дорого будетъ стоить намъ, ибо горцы пригетовились, подѣлали завалы, перекопали дорогу и истребили кругомъ весь фуражъ, да и собрались тысячами встрѣтить насъ по-молодецки въ лѣсахъ и бврагахъ; тутъ-то будетъ разгулъ душъ и шашкѣ! Напишите, можете ли вы къ веснѣ доставить мнѣ оружіе, какое я назначу, ибо здѣсь десять разъ въ день моя жизнь можетъ зависѣть отъ мѣткаго и исправнаго оружія.

Письма адресуйте въ Ставрополь, г. старшему адъютанту Петру Аполлоновичу Коханову, для доставленія А. А. Б. въ отрядъ.

Ну, прощайте однакожъ, я не спалъ двѣ ночи и не шилъ

воды два дни, ибо мы ночевали у пересохшаго болота. Это послѣдній разъ, что я пишу до возврата, ибо за нами останется море враговъ. Если Богъ не судить пожить до новаго года, не поминайте лихомъ, да вамъ и не за что, правда: я много любилъ васъ. Обнимите брата Николая. Какое вамъ показался мой Павелъ, по сердцу ли?

Счастія возможнаго на землѣ!

Вашъ душою А. Бестужевъ.

XLIV.

Ставрополь, 20 ноября 1834 года.

Почтенный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ.

Это былъ дождь писемъ, извѣстій, новостей, когда я пришелъ на Кубань послѣ экспедиціи къ Черному морю! Послѣ писемъ отъ родныхъ, я первыми вскрылъ ваши: они уже были очень старыхъ чиселъ, потому что кружили Богъ вѣсть гдѣ, но все-таки свѣжи для сердца. Очень радъ, что мой Поль сошелся съ вами. Бѣдный Поль! Онъ не былъ молодъ, онъ не имѣлъ ни одной радости, ни одной слабости юности; опытъ слишкомъ рано сожегъ или заморозилъ цвѣтъ его души. Желчь играда въ немъ прежде крови.... Не правда ли, что это ужасно? Не знаю, что будетъ съ нимъ, разочарованнымъ безъ очарованія, въ свѣтъ? Худо, если запоздалый часъ любви найдетъ на него худо, если онъ не найдетъ его никогда. Тяжело любить безъ вѣры, тяжело жить безъ любви, а онъ на перекресткѣ теперь двухъ этихъ неизбежностей.

Ну-съ, мы кончили свой истинно-замѣчательный и трудный походъ сквозь непреступныя ущелія, черезъ хребты, до Чернаго моря, заливъ ихъ своею и вражескою кровью. Я пересталъ вѣрить, чтобы свинецъ могъ коснуться меня, и свистъ пуль для меня сталъ то же что свистъ вѣтра, даже менѣе, потому что отъ вѣтра я иногда отворачиваю лицо, а пули не производятъ никакого впечатлѣнія, и знаете ли? этого жаль мнѣ. Сначала, по крайней мѣрѣ, мнѣ было пріятно, что онѣ пролетали мимо; потомъ мнѣ была пріятна ихъ дикая пѣсня, теперь мнѣ все равно, есть она или нѣтъ.... Такъ мало-помалу терпимъ мы всѣ наслажденія привычкою, такъ прискучиваютъ наконецъ и опасности битвы, когда онѣ перестаютъ

зажигать кровь. Впрочемъ, я не совѣмъ еще заснулъ, и кликъ схватки манить меня, какъ голосъ любимой женщины, онъ бросаетъ меня въ огонь и въ бѣшенство самоубиенія. Послѣ восторга любви я не знаю высшаго восторга для тѣлеснаго человѣка какъ побѣда, потому что къ чувству силы примѣшано тутъ чувство славы.

Нежданно встрѣтилъ я Николая Ивановича въ Ставрополѣ, многое узналъ о васъ обоихъ. Скажите откровенно, каковы денежные обстоятельства Н. А. — ча? Говорять, запрещеніе журнала и даже участія въ журналахъ очень его разстроили. Если это правда, больно душѣ. Научите, чѣмъ могу я помочь ему. Это не комплименты.

Глазная боль принудила меня прѣхать полѣчиться сюда на время. Жаль, что не могъ пробѣжать присланныхъ вами книгъ. (У повѣстей Бальзака нѣтъ 1-й части.) Вы однакожь адресуйте попрежнему къ П. А. Коханову. Шнитниковы пишутъ, что вещи ими получены, и благодарятъ васъ. Для меня покуда ничего не нужно. За всѣ распоряженія по изданію, пожатіе руки. Билеты отошлите къ матушкѣ моей. Смардину продалъ я остальные 3 тома за 10 тысячъ, но съ условіемъ, чтобы не продавать ихъ, покуда вы не извѣстите его объ окончаніи продажи вашихъ. Не читалъ еще ихъ, окитаются по Закавказью. Ожидаю счета и вещей, купленныхъ и проданныхъ экземпляровъ, чтобы могъ видѣть, какова будетъ надежда на выручку. Въ этотъ годъ я истратилъ кучу денегъ и для брата, и для переѣздовъ, и для похода—и не жалѣю ихъ. Я столько купилъ новыхъ ощущеній и свѣдѣній!

Въ политическомъ отношеніи начальники довольны мною, а я начальниками. Я всегда служилъ такъ, что не имѣлъ нужды въ снисхожденіи для изобрѣтенія похвалъ своей храбрости, но здѣсь я имѣлъ болѣе случаевъ оказать ее. Остальное въ рукѣ Бога, ибо сердце царей въ рукѣ Его. Вы прочтете сначала въ *Сѣверной Пчелы* краткое извѣстіе о походѣ въ Гиленджикъ, а потомъ я напечатаю денникъ свой гдѣ-нибудь. Братцу Николаю Алексѣевичу кланяется старый его знакомый, полковникъ Чайковскій, комендантъ Гиленджика, у котораго я нашлъ гостепримство. Онъ теперь назначенъ въ Пятигорскъ; это не малая радость и ему и жемъ его, достойной и милой женщиной. Прошу поцѣловать за меня ручку у вашей супруги и щечки у вашихъ дѣтей. Будьте счастливы.

Вашъ душой Александръ Бестужевъ.

XLV.

3 января 1835 года, Ставрополь.

Дорогой мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ, начинаю съ того, что вручитель этихъ строкъ мой добрый пріятель Николай Викторовичъ Шимановскій, человекъ, который не только желаетъ, но и дѣлаетъ мнѣ много добра. Онъ разкажетъ вамъ о моемъ забвѣдномъ быту въ Ставрополь, о моихъ отношеніяхъ къ начальству, объ участи послѣднихъ моихъ описаній похода къ Черному морю. Онъ не политикъ, но истинно благородный человекъ: это къ свѣдѣнію.

Благодарю васъ за присылку портрета ¹, но его такъ охалили всѣ знатоки и насчетъ несходства и насчетъ живописи, что я вынулъ его изъ рамокъ; совѣтую сдѣлать то же съ подареннымъ мною оригиналомъ. У Н. В.—ча увидите вы миниатюрный портретъ мой—онъ въ десять разъ сходнѣе, но все еще не схвачено моею обычной, доброй мины, даже нѣсколько насмѣшливой. Портретъ этотъ останется у васъ до прибытія въ Москву брата Павла. Прошу поставить въ счетъ рамки для копій и за копировку ихъ (NB портретовъ), ибо такихъ фантазій можетъ у меня быть много, а я и то не знаю, какъ и чѣмъ заслужилъ я братское ваше расположеніе и тысячи одолженій.

¹ Рѣчь о портретѣ самого Бестужева. Онъ прислалъ ко мнѣ еще изъ Дербента свой жеманный портретъ, съ просьбой оставить у себя оригиналъ, снявъ съ него нѣсколько копій, изъ которыхъ одну просилъ онъ прислать ему, а остальные назначилъ сестрѣ и братьямъ своимъ. Зналъ хорошаго портретиста въ Петербургѣ, я отправилъ оригиналъ туда, и когда копіи были готовы, расслалъ ихъ по назначенію. Эти копіи были лучше оригинальнаго портрета, который хранится у меня, и про который самъ Бестужевъ писалъ мнѣ, что онъ писанъ не мастеромъ, хотя и добрымъ пріятелемъ его. Жаль, что не сохранилось письмо, полученное мною съ портретомъ. Бестужевъ писалъ между прочимъ, что портретъ вообще сходенъ, но что въ немъ не схвачено выраженіе глазъ, и онъ не можетъ прислать такое предмета, котораго почта не принимаетъ для пересылки. По полученіи копій, какъ видите, онъ уже не находилъ и сходства въ своемъ портретѣ. Находящійся у меня оригиналъ этого портрета былъ скопированъ для изданія *Сто литераторовъ*, но очень неудачно. К. Н.

Если будете при деньгахъ, прошу вручить Шим—му 300 рублей, я просилъ его купить для меня разныхъ вещей.

Здоровье мое хорошо... на взглядъ я еще молодецъ, въ борьбѣ силенъ; но въ воображеніи—листопадъ, въ душѣ—зима. По крайней мѣрѣ такъ кажется мнѣ, покуда что-нибудь не расшевелитъ меня. Десять лѣтъ ужъ почти я подъ пилою судьбы; а это не шутка, другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ! Впрочемъ, самое худое-то, что она обляпала меня какою-то апатіей и лѣнью. Впрочемъ, она не сгладила угловъ моего нрава; зерно грани то же, что и прежде.

Повѣсти брата Н. А. читалъ или перечиталъ со страстію. Какъ онъ умѣетъ вытребовать изъ моихъ глазъ слезы! не могу постычь. Обнимите его за меня!

Счастія на новый годъ!

Душою вашъ Александръ Бестужевъ.

XLVI

Il faut que je vous conte, mon chér Xénophon, comme quoi, il m'est arrivé, deux ou trois jours d'ici, un accident bien singulier. Je venais d'écrire un article, dans lequel je tachais de développer l'idée, que le talent d'un poète est son existence, qu'en le divulguant il use sa propre vie; qu'il éparpille son cœur au vent se livrant à la pénible tâche de transmettre aux autres ce qu'il sent lui-même... enfin la chose trottait de plus bel, quand le sommeil m'a surpris en baillement flagrant. L'ouvrage fût interrompu à demi-mot. Cette idée manquée de devenir mon arrêt de mort.

Je me couche à 11 heures sans ressentir autre chose qu'une douleur sourde et vague à la tête et qui n'avait d'ailleurs rien d'alarmant. Je m'endors paisible, tout en ruminant mon sujet. Tout d'un coup je me réveille en sursaut, comme si j'étais frappé de la foudre; je sens ma tête tourbillonner, mon cœur battre à se rompre, le sang sourdre au travers de mon cerveau en jets de flamme, et siffler et bourdonner aux oreilles. Ma terreur s'échappe en cris de détresse—j'étouffe — je cours à la galerie me rafraichir—en vain! le cœur bondissait avec une rapidité incroyable, comme une roue échappée du ressort; la tête menaçait de se rompre en éclats, et le crue de la chose c'était que mes idées étaient toute-lucides, que je me sentais mourir sans secours et sans consolation—que je voyais la mort s'approcher à tire-d'ailes, grinçant les dents et écar-

tant ses serres de vautour pour me saisir.—C'est alors que j'ai gagné la conviction intime, que la crainte n'est autre chose que l'engorgement de l'aorte, sentiment purement physique dont je pourrais suivre le progrès au fur et à mesure d'après le flux du sang vers les parties nobles. Il faut avouer pourtant que ce sentiment est terrifiant et donne des trances indicibles, d'autant plus que la raison et la bonne volonté n'y servent de rien, domptées, écrasées par la matière palpitante. Sur ces entrefaites arrive, a la fin de fins, Kohonoff, qui loge tout-auprès. L'accès rabat un peu de sa violence — je respire. Pas possible d'envoyer chercher le docteur par la nuit et le temps affreux; je me résigne. Mais dans la nuit j'avais encore essayé 4 coups semblables au premier, mais avec mains d'intensité.

Le matin on m'a saigné à blanc. Mais les maux de tête continuent, et je crois qu'il faudrait recourir aux sangsues. Pour surcroît du bonheur, la réplétion me cause un mal des dents cuisant et opiniâtre. Voilà comme on passe, ou dégringole plus-tot, de l'état de la santé le mieux senti à l'état de dépérissement le plus menaçant. Oui, mon cher ami, pourquoi se cacher la vérité? la voie du sang une fois élargie laisse un passage libre à cet élément (tout de flamme chez moi) à tout-jamais—et qui est ce qui me répondra de l'avenir, qui me dira, ou bien, qui me persuadera que mon coeur et mon cerveau résisteront longtemps aux chocs réitérés?... Oh, que non, par Dieu! Tout cela était préparé de longue main. Les passions allaient à la sape, les persecutions et les coups du sort travaillaient d'accord — et voila la mort en personne qui s'avise de me battre en brèche. Soit! Mais si je péris à l'improviste et dans peu—je ressens un profond regret d'avoir si peu fait pour le monde—au moins le seul regret qui est valable. D'ailleurs, il n'y a de mal sans profit: j'ai frisé l'heure de la mort pour mieux apprendre à évaluer celle de la vie, et de ne pas compter le temps aussi paresseux que moi-même.

Un mot d'apologue sur ma question des affaires pécuniaires de votre frère. C'était véritablement N. J. R-ff qui m'en a parlé—et je me suis empressé d'aller au devant, car je sais très-bien qu'une dizaine de millés roubles, interjetée à propos, pourrait servir parfois à faire faire surnager une modique fortune. Il ne s'agissait que d'un jeu de commerce. Nicolas m'aurait pris aujourd'hui telle somme et l'aurait payé un mois après. Qu'est ce qu'il y a d'étrange, dites un peu?—Je suis véritablement charmé, que cette nouvelle était dénuée de fondement—mais riche ou pauvre, soyez sûr, que vous me

trouverez toujours digne de votre amitié. Voilà tout—et qu'il n'en soit plus mention !

Le compte-rendu par vous envoyé, quant à l'édition, m'a démontré votre obligeante amitié dans toute sa splendeur. Je ne m'attendais guère à gagner tant d'argent — et, grâce à vous, j'en ai tant et plus. Veuillez bien, ces fonds réalisés, de placer 16.500 r. dans la caisse de Сохранной казны на имя неизвестнаго. Et pour couper court à toute balance—de s'indemniser de restant, net. Такъ чтобы съ новаго года я не считался вашъ должникъ ни копейки.

(Тутъ начать какой-то расчетъ, но потому все перечеркнуто; такъ что нельзя разобрать.) Но такъ какъ вы пишете и изъ счета видно, что до сихъ уже поръ по векселямъ чистой прибыли (кромя экземпляровъ) 17.799 р. 84 к. Mais mes yeux se troublent—au diable les comptes! ça me noircit le coeur. Je vous prie seulement, pour régler nos comptes à venir, de placer à leur tête les transports, escompte faite, et ne me bombarder davantage des débits et crédits—je n'y entends rien et j'ai trop de confiance en vous. C'est dit.

J'avais l'intention de vous parler sur beaucoup de choses, mais la tête me tourne et la plume échappe de la main... Ne vous étonner pas de ce barbouillage en français — mes maladies s'exhalent toujours en langues étrangères, et puis ça sert pour dérouiller tant soit peu mon français, que je parle très rarement. Vous m'enverrez les 1000 r. promis incontinent. Des petites emplettes sont ci-jointes. Mille vœux pour votre bonheur—et que bien vous en fasse, cher Xénophon! Je crois fort et ferme en justice divine même ici-bas.

A tantôt,

tout dévoué Alexandre Bestougeff.

15 de Janvier 1835.

Stawropol.

XLVII.

12 марта 1835. Ставрополь.

Вотъ и изъ-за кубанскаго похода съ Зассомъ возвратился я цѣлъ и здоровъ, дорогой мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Получилъ въ этотъ промежутокъ два письма отъ васъ. Не знаю,

Съ боку написано: L'excédant de 16.500 servira comme somme flottante à couvrir les dépenses à venir.

право, какими чернилами писать мою всецвѣтную къ вамъ признательность за всѣ нравственныя и вещественныя обо мнѣ попеченія. Сюртукъ получилъ — немножко широкъ въ талии; но какъ мода требуетъ распашки, такъ это бѣда не великая. Сапоги расколотилъ, и чудо пришились. За все, про все, челобитье! О деньгахъ не безпокойтесь, ибо я имѣю кредитъ и не дожидъ еще до послѣдней сотни. Я и безъ того разумѣлъ присылку ихъ при уплатѣ отъ книжниковъ и фарисеевъ. Непремѣннымъ условіемъ требую, чтобы вы изъ первой полочки сквитались со мной, причтя къ долгу и процентъ; вы платили ихъ тратясь, за чтò же я не буду ихъ уплачивать? Я же самъ знаю, что за бумагу необходимо нужно было дать не мало задатка. Теперь скажу о себѣ: въ походѣ, въ усталости, въ трудахъ—здоровъ я; но чуть залежусь въ берлогѣ — опять ночныя трепетанія сердца. Впрочемъ, какъ вы замѣчаете, это острая болѣзнь, но едва ли дастъ она мнѣ большіе промежутки. Кровь въ здоровомъ тѣлѣ необходимо должна вырабатываться и количество ея расти, а съ нимъ расти и вѣроятности новыхъ припадковъ. Прибѣгнуть же къ частымъ кровопусканіямъ не хочу я, во первыхъ, чтобы не дать крови привычки шалить періодически, а вовторыхъ, всѣмъ извѣстно, что частыя кровопусканія, возбуждая производительность крови, причиняютъ поднокровіе на счетъ прочаго организма, и это обыкновенно кончается или непомѣрною толстотой, или, напротивъ, чахлостію. Лучшее леченіе діета, и я съ новаго года не пью ни капли водки, и рѣдко рюмку вина въ цѣлый день. Избѣгаю мясъ, ищу кислаго; я слишкомъ въ послѣднее время оводотворился: меня надо окислить. Во всемъ этомъ убѣждаетъ меня не академическая, а рациональная медицина.

Два набѣга за Кубань, въ горныя ущелія Кавказа, были очень для меня занимательны. Воровской образъ этой войны, доселѣ мнѣ худо знакомой—ночныя, невѣроятно быстрые переходы въ своей и вражеской землѣ; дневки въ балкахъ безъ говора, безъ дыма днемъ, безъ искры ночью—особыя ухватки, чтобы скрыть походъ свой, и наконецъ—вторженіе ночью въ непроходимыя доселѣ разсѣлины, чтобы угнать стада или взять аулы — все это было такъ ново, такъ дико, такъ живо, что я очень радъ случаю еще съ Зассомъ отвѣдать боя. Дрались мы два раза и горячо; угнали тысячь десять барановъ изъ неприступныхъ мѣстъ, взяли аулъ въ сердцѣ горъ. За то, чтò вытерпѣли холоду, голоду, бессонницы! Я дивился неутомимости казаковъ и

трезвости коней: мы ходили двѣ недѣли, не имѣя корму кромѣ подсѣжной отавы.

Забавны очень показались ваши восторженные мнѣнія о Засѣ. Онъ храбрый, дѣльный, умный человекъ; онъ усмирилъ Закубанье и силой и хитростью, не щадя ни своей, ни вражеской крови, несмотря на средства—то картечью, то тайною пулей—и лучше его на мѣсто, имъ занимаемое, не только найти—выдумать нельзя, но онъ честолюбивъ до мелочности, бредитъ эполетами и крестами, хотъ этого и не выказывается, и въ рѣчахъ себя не забудетъ. Со всѣмъ тѣмъ, онъ самое занимательное, оригинальное лицо, начиная съ его усастой физиономіи, до разбитой пулями походки и чудной манеры выражаться. Съ привыч.... (Окончательный листокъ этого письма утратился.)

XLVIII.

Любезнѣйшій Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Здоровье мое все еще плохо; раны не закрыты, солитеръ не выгнанъ; но чтобъ избавиться пятигорской скуки, прерываю едва начатое лѣченіе ваннами и спѣшу на кислыя, чтобы тамъ хотъ сколько-нибудь закалить себя для бивуакъ отъ наважденія цитманова декокта. Изъ Нарзана прямо за Кубань; не дай Богъ и недругу такого курса.

Тысячу получилъ отъ васъ давно, да не было духу приняться за перо. Порадуйтесь со мной монаршей милости: я произведенъ въ унтеръ-офицеры!

Если удастся до 1-го сентября пробраться за Кубань, то не беспокойтесь, что три мѣсяца не будете имѣть отъ меня вѣстей: не будетъ сообщенія съ Русью. Обнимите Николая Алексѣевича и будьте здоровы сами. *Абратесь* и 6-й томъ *Исторіи Русскаго Народа* получены. Жаль, что послѣдняя, кажется, не полна. Еще разъ vale!

Сердцемъ вашъ Александръ Бестужевъ.

Пять горъ.

19 августа 1835.

P. S. Прищите мнѣ для зимы енотовый не дорогой, но добрый однакожь мѣхъ. У насъ вьюги не хуже вашихъ, а воды расположили меня сильно къ простудѣ. Крышка оливковаго цвѣта безъ откладнаго воротника, на купеческій ладъ. О доставкѣ увѣдомлю.

XLIX.

Закубанье, 1 сент. 1835.

Еще раз до прерванія сношеній съ Русью спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ, любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Я думаю, что письмо, въ которомъ я извѣщалъ васъ о полученіи 1000 р., давно достигло своего адреса, но не лишнимъ считаю однакожь повторить это. Здоровье мое примѣтно поправляется, и елибы не здѣшнія воды, чрезвычайно изобильныя селитрой, желудокъ мой скоро пришелъ бы на прежнюю статью. Отъ солитера привезъ кучу лѣкарствъ съ собою, и если выдастся дня два порожнихъ, хочу его выгнать. На водахъ я былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы выдержать сильныя средства. Теперь сходимъ въ Абинь, центръ нашихъ дѣйствій, а тамъ пустимся въ горы, ко вновь-заложенному укрѣпленію Св. Николая, и будемъ въ послѣдствіи очищать около него ущелія и прокладывать новую дорогу. Не знаю, что будетъ впередъ, но до сихъ поръ Шапсуги дерутся не по прошлогоднему. Посмотримъ, осенью не прибавятъ ли рыси, потому что, кончивъ полевая работы, они охотнѣе собираются, а собравшись, храбрѣе становятся.

Нозаго у насъ на Кубани нѣтъ, да и быть не можетъ, кромѣ самыхъ вседневныхъ вѣстей о намѣреніяхъ Черкесъ на прорывы, которыя большею частію оказываются ложны. Изъ Россіи вѣсти колеблющія сердца приходятъ на костыляхъ инвалида. Самъ я не сочиняю даже повѣстей. И никогда менѣе къ тому не имѣлъ охоты какъ теперь, хотя никогда бы не написалъ я лучше какъ теперь. Долго, долго пройдетъ, покуда я рѣшусь что-нибудь создать, еще долѣе—зидать.

Послѣ пятимѣсячной болѣзни, которая меня держала въ пеленахъ, въ люлкѣ, я опять подъ летучею палаткой, сплю подъ грохотомъ барабановъ и ржаньемъ коней. Не повѣрите, какъ бьется грудь, заслышавъ знакомый топотъ своего георгіевскаго бѣгуна. Сердце рвется въ поле...

Повеселись, мой острый мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!

Будьте здоровы и счастливы, достойный Ксенофонтъ Алексѣевичъ; сожмите руку братца Николая Алексѣевича, и не забывайте вашего

Александра Бестужева.

Ольгинскій tête-de-bout.

L.

Ивановка, въ Черноморіи, штабъ-квартира Генгискаго пѣхотнаго полка. 8 ноября 1835.

И вотъ я цѣль и живъ опять воротился на русскую сторону Кубани; на русскую только по географіи, но не по духу народа, не по видамъ земли, ни по чему въ свѣтѣ. Печальная сторона, плоская сторона, любезный Ксенофонтъ Алексѣевичъ, наше Черноморье!.. И въ ней-то осужденъ я скитаться, какъ Овидій между Крымцами. Да, грустно было Чайльдъ-Гарольду покидать Англію, не оставя въ ней ничего, о чемъ бы стоило поплакать; но каково ступить на край земли, въ которой должно жить безъ всякаго радостнаго чувства, хотя невообразимые труды и трудности закубанской экспедиціи могли бы вдохнуть страсть къ самой дрянной лачужкѣ съ трубою,—до того мы были промочены проливнями, длившимися три недѣли безъ усталі! И между тѣмъ я бы такъ же равнодушно остался у бивачнаго дыма, какъ теперь сижу подъ кровлей хаты. Тамъ по крайней мѣрѣ есть разнообразіе опасностей, заботъ самыхъ неудовольствій, между тѣмъ какъ здѣсь одна перспектива скуки, вѣчной и неизмѣнной, непроходимый океанъ грязи, не просыхающій даже лѣтомъ, и, что хуже всего, никакихъ средствъ къ жизни, не говорю душою, но самымъ тѣломъ.

Сенковскій писалъ ко мнѣ и признавался, что онъ передѣлывать долженъ всѣ статьи, къ нему присылаемыя: до того онъ дурны и безхарактерны въ оригиналѣ. Я отвѣчалъ ему, что съ этимъ можно дать ходъ журналу—никогда словесности, и что никто не скажетъ ему за то спасибо, потому что это портитъ вкусъ публики единообразіемъ и характеръ сочинителей, отступающихъ за деньги отъ своей индивидуальности, отъ своего самолюбія; что это обращаетъ словесность въ фабрику. Впрочемъ, онъ, кажется, и не заботится о ней, а употребляетъ ее лишь средствомъ для поддержанія журнала.

Давно уже не имѣлъ отъ васъ извѣстій, добрый другъ мой

здоровы ли? счастливы ли? что дѣлаете, что пишете вы? Про меня не спрашивайте: я положительно не имѣлъ времени выспаться, не только что-нибудь прочесть, и до того разучился писать, что двухъ строкъ связать не могу. Имѣю охоту кой-чѣмъ заняться, но сколько пройдетъ времени, покуда у меня въ грязной хатѣ настелютъ полъ, покуда разживусь я столомъ и стуломъ! Вы, горожане, постигнуть не можете, какимъ неудобствамъ подверженъ военный Кавказецъ! Какъ дорого ему обходится малѣйшая бездѣлка, и сколько здоровья унести у него недостатокъ всѣхъ удобствъ!.. Отъ дыма я потерялъ почти глаза, не говорю уже о безпрестанной мокротѣ, о зноѣ и холодѣ. Все это сносишь твердо, но все это отзывается въ костяхъ, въ желудкѣ, въ головѣ, можетъ-быть въ самомъ мозгу: это писемцо можетъ служить послѣдному доказательствомъ.

Увѣдомьте, сдѣлайте одолженіе, объ остальныхъ экземплярахъ палатки, и если можете уже реализовать итогъ, то, положивъ его въ сохранныю казну, отошлите билетъ сестрѣ моей Еленѣ Александровнѣ, а мнѣ счетъ кредиту и дебету. Да если будутъ лишки, рублей 500 пришлите ко мнѣ. Я скоро буду на мели. Обнимите брата Николая Алексѣевича и будьте счастливы сами... До другаго дни—у меня падаетъ перо отъ усталости.

А. Бестужевъ.

LI.

Теперь вы неминуемо имѣете уже обо мнѣ свѣдѣнія, любимый Ксенофонтъ Алексѣевичъ: я писалъ въ тотъ же день къ вамъ, какъ вы ко мнѣ, отъ 8 ноября. Письмо ваше много меня порадовало: я давно ни отъ кого изъ родной Руси не получаю писемъ. Этому виной конечно адресъ къ П. А. К., который вовсе неожиданно гуляетъ теперь по Москвѣ бѣлокаменной. Онъ очень хорошій человекъ. Скажу хоть вкратцѣ о себѣ. При производствѣ въ унтеръ-офицеры я переведенъ въ 3-й Черноморскій батальионъ, въ кр. Гиленджикъ, на берегу Чернаго моря, въ неприятельской землѣ Натухайцевъ. Крѣпость эта имѣетъ весьма медленное и невѣрное сообщеніе съ Россіей, и то моремъ. Лишена всѣхъ средствъ къ жизни, ибо кромѣ гарнизона нѣтъ души въ ней. Климатъ средней руки; впрочемъ, Черноморье здѣшнее еще хуже. Вы видите, что радостей мнѣ

тамъ ждаты нечего: за то, вѣроятно, тамъ менѣе сплетней, и я нисколько скучать не стану. Я *все съ собою* ношу, хотя горько покидать полкъ, къ которому привыкъ, на неизвѣстное. Лихорадка точить меня понемногу, и не даетъ средства отправиться черезъ Анапу къ мѣсту своего назначенія; а мнѣ бы ужъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Близость горъ и моря не послѣдняя отрада—я такъ люблю море и горы!

Не знаю, хороши или нѣтъ послѣдніе очерки, по крайней мѣрѣ они писаны отъ души: вотъ все ихъ достоинство, и достоинство только личное. Вамъ я не слишкомъ вѣрю въ похвалахъ: вы переносите на мои строки любовь къ моей душѣ. Теперь посылаю еще отрывки изъ журнала убитаго, и если вы не будете плакать, ихъ читая,—или вы или я безъ сердца. Впрочемъ, надобно пожелать къ этому, чтобъ они напечатаны были вполнѣ и безъ такихъ нестерпимыхъ ошибокъ, какъ мои всѣ статьи въ *Библии для Чтенія*. Вообразите, что тамъ есть мѣсто, гдѣ мое: *быть ровней съ знатью*, напечатано: *съ злостью*; *продаютъ, продаютъ*—повторили только первое слово, и куча другихъ, во все не имѣющихъ смысла. Корректуря меня щадить менѣе чѣмъ цензура.

Шуба и мушкетонъ получены въ Екатеринодарѣ; я ихъ еще не видалъ, но благодарю впередъ. За книги—тоже; посылаю за ними. Письма адресуйте: въ Екатеринодаръ, въ Черноморіи, въ штабъ 20-й пѣхотной дивизіи. Обнимите брата Никола Алексѣевича отъ сердца. Нынѣшній годъ, какъ человекъ уже чиновный, я имѣлъ болѣе случая отличиться съ пользою. Пули меня рѣшительно не берутъ, хотя вся одежда изстрѣляна и конь раненъ. Богъ великъ! Здравія и веселья души!

Вашъ Александръ Бестужевъ.

С. Ивановка, 15 дек. 1835 г.

Карлгофу статью обещаю, но скоро прислать ее не могу. Что за картинки! ихъ надо печатать на сердцѣ.

(На особомъ листочкѣ):

Сейчасъ получилъ посылки. Шуба немного узка въ плечахъ, впрочемъ, я продамъ ее за свою цѣну, ибо долженъ бросить половину своихъ вещей. Никто не повѣритъ, какъ раззоряютъ меня эти переводы и переѣзды!—Мушкетонъ предель, но слишкомъ тяжелъ для носки: вышла милая игрушка. Поблагодарите Радожицкаго, но онъ самъ вѣроятно знаетъ,

какъ бѣдны наши Кавказцы для такихъ дорогихъ мастеровъ какъ Пороховъ. Впрочемъ, стану заманивать на заказы ¹. Книги начну сосать на берегу Чернаго моря.

ЛII.

Гиленджикъ, 13 апрѣля 1836 г.

Дорогой Ксенофонтъ Алексѣевич!

Пишу съ берега Чернаго моря, которое бушуетъ теперь не по вешнему. Перѣздъ мой изъ древней Пантикапеи сюда, былъ слишкомъ счастливъ: ни одной бури, ни одной встрѣчи съ черкесскими галерами... Предосадно, право! Впрочемъ, обѣщаютъ эту потѣху впереди. Контрабандистовъ турецкихъ умножилось очень, и чтобъ уничтожить ихъ суда, необходимо сдѣлать высадку на берега, а въ такомъ случаѣ, я, конечно, не упущу этой *partie de plaisir*.

Видѣлъ музей керченскихъ древностей: очень любопытныя вещи. Спускался въ разрытые курганы, въ катакомбы, напудрился прахомъ древности самой классической, самой грецкой—не удивитесь же, если (чего Боже сохрани!) замѣтите въ моемъ будущемъ слогъ эллинизма и поползновеніе къ хріямъ и сценекдохамъ.

¹ Для поясненія подробности о мушкетонѣ, должно сказать, что Бестужевъ писалъ мнѣ о немъ, и когда я отвѣчалъ ему, что имѣю возможность заказать какое онъ хочетъ оружіе въ Тулѣ, подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла, онъ прислалъ подробное описаніе мушкетона, съ рисунками, размѣрами, съ упоминаніемъ о всѣхъ малѣйшихъ частяхъ его, потому что онъ былъ до педантизма аккуратенъ въ положительныхъ предметахъ. Имѣя предварительно согласіе моего стараго знакомаго И. Т. Радожицкаго (нынѣ генералъ-майоръ въ отставкѣ), бывшаго тогда однимъ изъ главныхъ лицъ при Тульскомъ оружейномъ заводѣ, я послалъ къ нему описаніе и рисунокъ мушкетона, съ просьбою сдѣлать для *Бестужева* что только можно лучше, не затрудняясь въ цѣвѣ. Дѣйствительно, сдѣлано было оружіе образцовое, драгоценное по своимъ достоинствамъ, изящное наружною, и посылая его ко мнѣ, г. Радожицкій писалъ, что мастеръ (Пороховъ) дѣлалъ его на славу, въ надеждѣ имѣть заказы съ Кавказа, ибо тамъ нельзя достать ничего подобнаго. Но, какъ видимъ, Бестужевъ призналъ мушкетонъ и тяжелымъ для стрѣльбы одною рукою (какъ онъ желалъ), и слишкомъ дорогимъ. Не знаю, употреблялъ ли онъ его въ послѣдствіи. Помню, что въ Москвѣ знатоки дивились искусству мастера и удобству этого оружія. И могло ли быть иначе, когда оно дѣлалось подъ надзоромъ г-на Радожицкаго, желавшаго одолжить Бестужева? Цѣны не помню, но она была умѣренна по достоинству оружія. *К. П.*

Но какъ бы то ни было, я въ Гиленджикѣ. Я видѣлъ его послѣ долгаго похода въ первый разъ, и потому въ первый разъ онъ показался мнѣ лучше нежели я нашелъ его теперь. Куча землянокъ, душныхъ въ жаръ, грязныхъ въ дождь, сырыхъ и темныхъ во всякое время,—вотъ гнѣздо, въ которомъ придется мнѣ несть орлиныя яйца. Общества, разумѣется, никакого; но какъ я этимъ не избалованъ, то мало о томъ и забочусь. Дѣло въ томъ, что здѣсь нечего ѣсть, въ самомъ точномъ значеніи слова. Бить быковъ, которыхъ очень здѣсь мало, глѣтомъ нельзя, портится мясо, а куры дороже чѣмъ въ Москвѣ не-вѣсты. Питаются поневолѣ солониной, да изрѣдка рыбой; но какъ послѣдняя въ здѣшнемъ климатѣ вѣрный проводникъ лихорадокъ, ѣсть ее опасно. Сообщеніи мирныхъ съ Черкесами нѣтъ и быть не можетъ. Съ мыслию и съ надеждою получать газеты и письма простился я еще въ Черноморіи; итакъ одна отрада въ трубкѣ и въ думѣ, впрочемъ, и это не бездѣлица! Я такъ всегда бываю твердъ въ испытаніяхъ, насылаемыхъ на меня судьбой, что конечно не упаду ни духомъ, ни тѣломъ отъ лишеній всѣхъ родовъ, не паду, на зло скорбуѣ и лихорадкамъ, которыя жнутъ здѣсь солдатъ безпощадно. Поэтому потрудитесь сказать тѣмъ, которые вздумаютъ отпѣвать меня заранѣе, къ къ это уже не разъ было, чтобъ они не сипли даромъ. Они еще не такъ сладко поютъ, чтобы заманить въ могилу. Обнимите любезнаго Николая Алексѣевича,—что онъ и какъ онъ? Правда ли, будто готовить два романа? Давайте намъ ихъ поскорѣе... Что до меня, я всегда охотнѣе былъ на веденіе романовъ, чѣмъ на ихъ сочиненіе. Та бѣда, что ни на то, ни на другое давно не было мнѣ возможности.

Давно жду, любезный Ксенофонтъ Алексѣевичъ, обѣщаннаго разчета. Деньги, приходящіеся за три послѣднія части *П.* и *Р.*, назначилъ я сибирскимъ братьямъ въ помощь, процентами, кромѣ кой-какихъ другихъ, и потому мнѣ хотѣлось бы реализовать и округлить ихъ. Письма, до извѣщенія, и книги можете адресовать въ Керчь, его высокоблагородію Демьяну Васильевичу Карейшѣ, «просить переслать въ Гиленджикъ, такому-то». Это вѣрнѣе и скорѣе, ибо транспорты ходятъ только туда, очень рѣдко въ Анапу. Впрочемъ, если писали въ Екатеринодаръ, и оттуда хоть черезъ три мѣсяца получить не отчаяваюсь.

Дай Богъ вамъ здоровья и радостей.

Вашъ душевно Алекс. Бестужевъ.

LIII.

Керчь, іюня 19-го дня.

Вѣроятно вы уже знаете и дѣлите со мной радость о моемъ производствѣ, любезные друзья, Николай и Ксенофонтъ Алексѣевичи!... Милость царя была мнѣ тѣмъ болѣе драгоценна, чѣмъ менѣе ожиданна, и вообразите, что эта вѣсть, неслыханнымъ для Гиленджика чудомъ, перелетѣла сюда въ 19-й день, когда по три мѣсяца обыкновенный ходъ корреспонденціи! Къ счастью, что я былъ истощенъ лихорадкой, иначе, внезапная радость навѣрно бы меня убила, я думалъ, что у меня лопнетъ аорта, когда прочелъ въ *Инвалидѣ* свое имя. Правда, при этомъ я переведенъ въ ужасный климатъ Абхазіи, но теперь, какъ офицеръ имѣя права, служба будетъ не такъ отяготительна, и—Богъ великъ! Неужели я погибну, не взглянувъ на родину? Здоровье мое, убитое лихорадкой и грустью, послѣ перелома въ моей судьбѣ поправляется, но очень медленно. Книгъ мнѣ не шлите, ибо я не знаю, куда заброситъ меня судьба: я, какъ вѣчный Жидъ, осужденъ, кажется, скитаться по бѣлу свѣту, sans trêve ni repit. Пишите ко мнѣ въ Керчь, Демьяну Васильевичу Карейшѣ. Я туда пріѣхалъ обмундироваться и сажусь въ карантинъ. Мнѣ бы необходимы воды, да отпустить ли, не вѣдаю, а пора уже поздняя. Однимъ словомъ, что со мной будетъ, не знаю, но съ судьбой вполнину мирюсь, эпюлеты важный перевѣсъ, хотя бы они были и аплике. Все, что нужно для обмундировки, выписываю изъ Одессы, и потому покуда никакихъ игрушекъ не надо. Письмо ваше отъ 10-го апрѣля получилъ въ одинъ часъ съ *Инвалидомъ*. Сомнѣвался ли я когда-нибудь въ томъ, что вы блюли мои выгоды? Грѣхъ вамъ объ этомъ говорить. Я хотѣлъ счета, а не уплаты, ее я считалъ въ своемъ карманѣ, хотя она была у васъ, но для соображеній мнѣ необходимы были счеты. Ихъ еще не получалъ.

Вы должны были получить одно мое письмо черезъ Севастополь, писанное на фрегатѣ *Бургасъ*, послѣ поѣздки въ Сухумъ-Кале и Мингрелію. Да, или нѣтъ? Я часто хожу теперь по морю, и все мое младенчество обновляется мнѣ, когда рыщу по валамъ Чернаго моря. Еслибы не болѣзнь и не

смертная тоска въ гниломъ Гиленчикѣ, я бы могъ написать что-нибудь, но не имѣю покоя ни въ нравственномъ, ни въ вещественномъ мірахъ. Надо, чтобъ это все устоялось, а на полетъ писать не могу.

Обнимите брата, поцѣлуйте ручку у своей супруги, и все это за меня. Само собой разумѣется, вы помолитесь Богуи безъ просьбы за многолюбящаго васъ Александра Бестужева. Вскрываю письмо, чтобы просить васъ прислать сюда 300 р. денегъ. Я здѣсь задолжаю, и потому это будетъ не лишнее. Условіе: если вы при деньгахъ.

(На особомъ листкѣ, такъ же какъ и письмо, исколотомъ въ карантинѣ:)

Есть на берегу Чернаго моря, въ Абхазіи, впадина между огромныхъ горъ. Туда не залетаетъ вѣтеръ; жаръ тамъ отъ раскаленныхъ скалъ нестерпимъ, и, къ довершенію удовольствій, ручей пересыхаетъ и превращается въ зловонную лужу. Въ этомъ ущелии построена крѣпостишка, въ которую враги бьютъ со всѣхъ высотъ въ окошки; гдѣ лихорадки свирѣпствуютъ до того, что полтора комплекта въ годъ умираетъ изъ гарнизона, а остальные не иначе выходятъ оттуда, какъ съ смертоносными обструкціями или водяною. Тамъ стоитъ 5-й Черноморскій батальонъ, который не иначе можетъ сообщаться съ другими мѣстами какъ моремъ, и, не имѣя пяди земли для выгоновъ, круглый годъ питается гнилою солониной. Однимъ словомъ, имя *Гагры*, въ самой гибельной для Русскихъ Грузіи, однозначаче со смертнымъ приговоромъ!

Мнѣ опять хуже, лихорадка съ разными варіаціями возвращается вновь и вновь. Я похожъ на тѣнь, и только по боли чувствую, что я тѣло. Не знаю, что будетъ изъ меня, если не оправаясь поѣду въ 5-й батальонъ.

19-го. Здоровье получше. Море меня поправило.

LIV.

6-го августа 1836.

Я уже начинаю беспокоиться, любезнѣйшій Ксенофонтъ Алексѣевичъ, не получая такъ долго отъ васъ никакого извѣстія. Я все боленъ лихорадкой: она меня покинетъ, порой, на недѣлю, и вдругъ опять возвращается. Такъ она меня высушила, что можно вставить въ фонарь, вмѣсто стекла. Я пи-

сая вамъ и черезъ Севастополь, и черезъ Керчь, нѣтъ какъ нѣтъ отвѣта. Неужели хлопоты по изданію *Ломоносова* вась такъ поработили? *Ломоносовъ* долженъ быть хорошая и новая полоса (gail) для хода нашей словесности: я сужу по отрывкамъ, напечатаннымъ въ *Библіотекъ для Чтенія*. Русскихъ книгъ, кромѣ *Библіотеки*, сюда не доходитъ, да кажется, что и нѣтъ ничего достойнаго чтенія. *Современникъ* выѣхалъ на ристалище, но, видно, послѣ водяной: ему не устоять противъ золотаго чекана. Намѣреніе благое, а исполненіе плохое. Спасибо и за протестъ: c'est un merite comme un autre. Скажите, справедливъ ли слухъ, будто брата вашего наименовали должностнымъ исторіографомъ? Эти слухи разсѣяны были въ Одессѣ и приняты за вѣрное. Если правда, утѣшительно это для всѣхъ любящихъ русскую исторію и самого историка.

Quand on parle de loup, on en voit la queue: я прерванъ полученіемъ вашего письма съ 300 р. асс. За участіе не благодарятъ, и потому я поговорю лишь о дѣлѣ. О процентахъ, пожалуста, не говорите мнѣ и впередъ: я друзьямъ не отдаю въ ростъ ничего, потому что и никому не отдаю въ ростъ ни денегъ, ни одолженій. Офицерскихъ вещей мнѣ уже не надо, ибо я обмундировался вполнѣ. О Гаграхъ я писалъ къ вамъ подробно, видно, вы не получили моего письма съ этимъ описаніемъ: это просто гробъ. Здоровье все плохо. Кто вамъ вперилъ райскія мысли о Крымѣ? Это невидали (?), которые съ роду не знали другихъ горъ, кромѣ Валдайскихъ. Въ сравненіи съ восточнымъ берегомъ, южный просто дрянъ, въ отношеніи къ величію природы. Но на южномъ велики труды Воронцова: тутъ человѣкъ оживилъ и побѣдилъ природу. Средина и оконечности Крыма почти степь, нагая, бѣдная, безлѣсная, безводная. Впрочемъ, я говорю то, что знаю по описанію другихъ. *Ломоносовъ* еще не взять съ почты; когда съѣмъ его, то скажу какое произведетъ онъ на меня впечатлѣніе.

Принявъ нѣсколько ваннъ въ морѣ, я ѣду въ отрядъ для полученія бумагъ, а оттолѣ берегомъ черезъ Тифлисъ къ мѣсту моего назначенія.

Пишите по послѣднему адресу, какъ-нибудь и когда-нибудь я получу ваши строки. У супруги вашей цѣлую ручку три раза; братцу Николаю Алексѣвичу братское объятіе. Счастія и успѣха. Сердцемъ вашъ

Александръ Бестужевъ.

LV.

Любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Съ 1-го сентября я пріѣхалъ опять на восточный берегъ Чернаго моря, изъ Керчи, гдѣ проболѣлъ все лѣто. Теперь лучше, и движеніе возстановляетъ понемногу силы. Пришелъ съ отрядомъ на Кубань, откуда и пишу къ вамъ немногія строки, ибо торопятъ къ отправленію почты. Дня черезъ два выступаемъ внизъ по лѣвому берегу Кубани и пройдемъ съ мечомъ и огнемъ до Анапы; оттуда другимъ путемъ назадъ. Это съѣстъ мѣсяца два времени, и какъ мы будемъ все это время плывучимъ островомъ, безъ сообщеній съ твердою землею, то не дивитесь, что долго не будете имѣть отъ меня вѣстей. Богъ, который вынесъ меня изъ столькихъ бѣдъ, накроетъ щитомъ и впередъ. Впрочемъ, Его святая воля, я долженъ царю своею кровью. *Ломоносова* пробѣжалъ, но не вчитался еще въ него; дайте устояться впечатлѣніямъ. Скоро мнѣ нужна будетъ, или, лучше сказать, необходима будетъ сумма значительная, и потому постарайтесь очистить счета по изданію съ сестрой моею Еленой Александровной.

Даю вамъ комиссію: купите, пожалуйста, мнѣ бобровый оенцерскій воротникъ для шинели, безъ лацкановъ, рублей около ста цѣной, и вышлите по прежнему въ Керчь. Брата Николая Алексѣевича обнимите за меня, и поблагодарите за участіе жену вашу. Фаддей недавно ко мнѣ опять писалъ, распостригъ всѣхъ въ-пухъ; досталось на долю и братцу вашему; самъ приобѣдился ужасъ, чуть не святъ!

Будьте счастливы и успѣшны во всемъ. Сердцемъ вашъ
Александръ Бестужевъ.

20 сентября 1836.

Ольгинское укрѣпленіе на Кубани.

LVI.

Въ первый разъ съ давняго нашего знакомства сажусь за перо съ непріятнымъ чувствомъ, почтенный Ксенофонтъ Алексѣевичъ! Вотъ уже четыре мѣсяца, что я не получаю отъ васъ ни строчки, и потому очень бы желалъ положи-

тельно знать искренній отвѣтъ вашъ. Неужели проклятое золото лишить меня и вашего дружества, какъ оно не разъ дѣлило меня со многими, которыхъ считалъ я друзьями? Неужели цѣлый мой вѣкъ суждено мнѣ разочаровываться на счетъ всего и всѣхъ? Не могу, по крайней мѣрѣ не хочу вѣрить этому, и какъ ни трудно истолковать мнѣ столь долгое молчаніе ваше на многіе мои письма и адреса, я все-таки хватаюсь за соломинку, прежде чѣмъ погрузиться въ море сомнѣній. Графъ Воронцовъ, принявъ живое участіе въ судьбѣ моей, просилъ государя императора о переводѣ меня въ статскую службу въ Крымъ, по разстроенному моему здоровью; я съ своей стороны писалъ письмо къ графу Бенкендорфу, гдѣ излагалъ свое горестное состояніе въ подробности. Согласія не послѣдовало. Меня перевели только изъ Гагръ въ Кутансъ, куда я съ новаго года и ѣду. Климать тамъ — отечество лихорадокъ.

Новый адресъ ко мнѣ, на первый случай, *изъ Тифлиса, poste-voe* (то-есть *poste restante*). Я ждалъ боброваго воротника въ Керчь, и вотъ новый годъ на дворѣ, а его нѣтъ. Если не посылали, то и не высылайте: онъ пріѣдетъ уже лѣтомъ въ Грузію.

Будьте счастливы, обнимите братца и не забудьте вашего

А. Бестужева.

19 декабря 1836 г.

Тамань.

LVII.

Тифлисъ. 1837 г. февр. 12 ч.

Я прочелъ письмо ваше, любезный другъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, съ укоромъ въ сердцѣ. Да, я сознаю себя противъ васъ много виноватымъ; я отъ души прошу у васъ извиненія въ моей опрометчивой подозрительности, и увѣренъ, что, вникнувъ въ мое колючее положеніе, вы не сохраните на душѣ ко мнѣ гнѣва. Многое относилъ я на счетъ почты, но никогда еще она не была такъ немилостива, какъ въ послѣднюю осень, и я, не получая ни отъ кого изъ родныхъ и друзей извѣстій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, вышелъ изъ себя, и былъ увлеченъ волною желчи. Я очень вспыльчивъ: отъ этого порока не могъ я отдѣлаться съ самаго дѣтства, хотя и много работалъ надъ исправленіемъ себя, но за то никто скорѣе

меня не признается въ своихъ ошибкахъ, и я очень радъ буду, если эти строки заставятъ васъ простить одну изъ нихъ. Несчастіе возвращаетъ умъ, истощая на его питаніе сердце: жалкая, но почти неизбежная истина! Бѣда еще больше, если къ раздражительности физической присоединится раздражительность гордости, а это мой случай. Правда, она поддерживаетъ духъ, но разъединяетъ его отъ другихъ, то принимая живое участіе за сожалѣніе, то истолковывая молчаніе или минутное охлажденіе какъ измѣну. Прошу васъ объ одномъ: вѣрить, что и въ самой вспышкѣ противъ васъ, я и не думалъ о деньгахъ. Хоть бы вы еще десять лѣтъ не были въ состояніи ихъ выплатить, я бы не поморщился, деньги можно нажать сто разъ въ жизни, а потерянныхъ друзей не воротить. Это мое вѣчное правило. Дѣло въ томъ, что я постичь не могъ вашей безответности, и промежутокъ четырехъ или пяти мѣсяцевъ меня озадачилъ. *A l'impossible nul n'est tenu, me disais-je, mais pourquoi ne pas le dire à un ami? Ce n'était donc pas le manque de redevance, mais le manque, de confiance qui m'a mis hors des gonds.* Но это дѣло минувшее въ полномъ значеніи слова.

Я проѣхалъ очень быстро черезъ Кавказъ, по глубокому снѣгу и въ метель, такъ что, безъ фигуръ, не видалъ опасности, хотя она была сверху и снизу. Скоро ѣду въ свой Кутаисъ, въ Имеретію, и съ раннею весной опять въ огонь боя, и въ жаръ климата. Начальствомъ здѣшнимъ былъ принятъ очень милостиво, и готовъ заслужить это по́томъ и кровью. Чтò со мной будетъ далѣе, увѣдомлю. Покуда, адресъ мой все въ Тифлисѣ.

Обнимите за меня братца. Правда ли, что онъ переселяется въ Петербургъ, какъ мнѣ писалъ братъ? Чтò наша словесность. Разгадайте, кто такой Рахманный, этотъ противъ своей матушки юной словесности оцетинившійся ученикъ Сенковского? Въ немъ есть что-то игривое, хоть оно и заемное. Будьте счастливы, и любите по старому

вашего Александра Бестужева.

LVIII.

12 мая 1837 г. Въ сердцѣ Цебельды.

Посреди горъ Кавказскихъ, на бивуакахъ, не забываю я своихъ далекихъ друзей, а вы, любезный Кеенофонтъ Алексѣевичъ, въ Москвѣ забыли если не меня, то писать ко мнѣ. Я ужь и не помню какъ давно не имѣлъ отъ васъ извѣстій.

Вотъ уже три недѣли, какъ я шляюсь по новому для меня краю Мингреліи, Абхазіи, и новому для Русскихъ вообще краю Цебелы. Виды—прелесть, но люди гадость, разбойники и не воины. Бѣдны, какъ нельзя болѣе въ краю, роскошномъ дарами природы. Мы пришли сюда освободить кучу плѣнниковъ русскихъ, похищенныхъ или бѣжавшихъ, и ставшихъ рабами туземцевъ. Понемногу ихъ выдаютъ безъ бою. И странно и жалко взглянуть на этихъ мучениковъ, такъ они оборваны, грязны, истощены голодомъ и работой! Иные провели тутъ до 35 лѣтъ, женились, вывели дѣтей на новыя униженія.

Около 1-го іюня, мы двинемся за Гагры, тамъ народъ боевой и природа ужасна трудностями; надо будетъ по отвѣснымъ скаламъ пробивать дорогу подъ пулями враговъ, подъ градомъ каменьевъ и стрѣлъ, но что невозможно Русскимъ? Государя ждутъ въ концѣ сентября: онъ увидитъ свое храброе войско на завоеванномъ мысѣ Арелларѣ, притонѣ налетовъ черкесскихъ и турецкихъ контрабандистовъ; потомъ ступить на землю въ Поті, объѣдетъ границы Турціи и Персіи, и черезъ Тифлисъ и Пятигорскъ возвратится въ Россію. Мы всѣ ждемъ царя-батюшку съ любовью и нетерпѣніемъ.

Давно ничего не читаю,—вы видите, какую жизнь веду я, и теперь пишу на колѣнѣ, на чистомъ воздухѣ, потому что въ эти чертовскія мѣста безъ дорогъ вышли безъ палатокъ, на легкихъ. О письмѣ нечего и думать. Не знаю ничего гибельнѣе для занятій умственныхъ, какъ военная служба: она не только отнимаетъ настоящее время, но истребляетъ всякую привычку къ занятіямъ въ будущемъ, и лѣнь, эта дочь пословицы: «отъ дѣла не бѣгай, а дѣла не дѣлай», задушаетъ даже мысль въ головѣ. И такую-то жизнь осужденъ я вести въ теченіе 20 лѣтъ. Чувствую, что я бы могъ быть хорошимъ генераломъ при

обыкновенномъ теченіи дѣлъ моихъ; но къ чему служить моя опытность и храбрость теперь? Къ тому, чтобы ходить въ стрѣлковой цѣпи наравнѣ съ прапорщикомъ только что изъ корпуса, и быть подстрѣленнымъ въ какой-нибудь дрянной перестрѣлкѣ, въ забытомъ углу лѣса¹?. Дестная перспектива!

Что чахоточная словесность наша? что ея поклонники и работники? Мнѣ все и всѣ надобны! Я гляжу на Божьи горы, на голубое небо по цѣлымъ часамъ, и нахожу, что невысказанная поэзія этого слаще и чище для меня, чѣмъ все, что я не досказываю самъ или не допонимаю въ другихъ. Трудно говорить на языкѣ, котораго не понимаешь, или не понимаютъ хорошенько, зачѣмъ же трудиться, когда вмѣсто благодарности за это тебя же гоняютъ? Я устаю.

Обнимите за меня брата Николая. Я праздновалъ 9 мая какъ свой полковой праздникъ, здѣсь, среди горъ, и со слезой выпилъ заздравную чашу за моихъ Николаевъ! Будьте счастливы! Адресъ мой въ Тифлисъ. Оттуда пришлютъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, къ которому я прикомандированъ.

Сердцемъ вашъ Алекс. Бестужевъ.

Два литературные протеста, принадлежащіе къ разнымъ годамъ писемъ Бестужева.

I.

Съ удивленіемъ началъ я въ 53 номерѣ *Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду* отрывокъ изъ моей повѣсти: *Андрей, князь Перелаславскій*, напечатанный съ подписью г-на Петрова, изъ Енисейска. Не имѣя чести знать г-на Петрова, не только передавать ему право печатать подъ своимъ именемъ чужіе стихи, съ прибавкою поправокъ, пропусковъ и ошибокъ всѣхъ родовъ, я полагаю, что эта выходка принадлежитъ вполнѣ г-ну Воейкову, ибо онъ сдѣлался славенъ своими литературными заѣздами въ чужую собственность. Для сего прошу васъ перепечатать, если будетъ можно, сіе стихотвореніе съ имѣющимся у васъ списка, а о поступкѣ г-на издателя *Литератур-*

¹ Какъ горестно осуществилось это предчувствіе, черезъ немного дней послѣ того какъ онъ писалъ ко мнѣ это послѣднее свое письмо! *К. П.*

ныя прибавленій къ Русскому Инвалиду, упомянуть нѣсколькими словами. Не потому желаю сей гласности, чтобъ я высоко цѣнилъ слабое свое произведеніе, но во избѣжаніе впредь подобныхъ похищеній. Не довольно того, что уже двѣ главы оной повѣсти напечатаны безъ моего позволенія и противъ моей воли,—теперь находятся люди, которые подписываютъ подъ отрывками изъ нея свое имя.

А. Б.

Дербентъ. 15 августа 1831 года.
Въ Московскій Телеграфъ.

II.

Г. Воейковъ рѣшился, кажется, не только обкрадывать меня, но перепродавать моихъ чадъ подъ чужимъ именемъ въ рекруты. Въ 54-мъ № его *Прибавленій*, напримѣръ, эпиграфъ, взятый изъ моего отрывка перевода *Оптимиста*, напечатаннаго въ 18...мъ году въ *Сынъ Отечества*, и потомъ имъ же перепечатаннаго въ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ* подъ литерами А. Б., теперь является съ подписью: Дуинъ-Борковскій. За молвите слово за меня. Это неслыханная дерзость. Вѣроятно, были и другія воровства, да не случилось видѣть: только для смѣха заглядываешь въ этотъ доскутный рядъ.

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I

ПО КАРЛЕЙЛЮ

(History of Frederic the great by Th. Carlyle, vol. 1—5.)

I.

«Это великолѣпно, это удивительно, но это не война!» сказалъ генералъ Винуа, глядя на гусарскую бригаду лорда Кардигана, возвращавшуюся послѣ сумасбродной атаки на русскую артиллерию подъ Балаклавой. Это удивительно, это блистательно, художественно, но это не исторія! хочется сказать и намъ послѣ прочтенія послѣднихъ вышедшихъ томовъ Карлейлевой *Жизни Фридриха Великаго*. Пять томовъ послѣдней Карлейлевой книги, какъ безъ сомнѣнія извѣстно читателю, по заглавію обвѣщаютъ намъ жизнь Фридриха Великаго, но на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ только апоэеозъ, невозможнѣйшій изъ апоэеозовъ, апоэеозъ короля Фридриха Вильгельма I. Самому даровитому историку трудно быть прозорливѣе цѣлаго свѣта, и настоящіе успѣхи науки все болѣе и болѣе опровергаютъ тѣ эксцентрическія воззрѣнія на историческія личности, къ которымъ Карлейль, на горе себѣ, слишкомъ склоненъ. Каждый человекъ, уважающій науку, въ-

рующій въ прогрессъ и сочувствующій мирному развитію гражданственности, не въ состояніи оставить безъ протеста историческіе взгляды знаменитаго писателя; но, даже въ самыя горячія минуты своего протеста, онъ никогда не позабудетъ о томъ дивномъ талантѣ, съ которымъ Карлейль излагаетъ идеи, вызывающія это противорѣчіе. Дѣйствительно, два послѣдніе тома *Исторіи Фридриха Великаго*, принятые какъ историческій романъ, или какъ голосъ адвоката, страстно убѣжденнаго въ правотѣ имъ защищаемаго подсудимаго, стоѣтъ звать ся чудомъ искусства. Затронулъ ли Карлейля такъ незнакомый ему, холодный пріемъ публикою первыхъ томовъ его *Исторіи*, увлекся ли онъ оригинальною стороною данныхъ, имъ объясняемыхъ, зашевелилась ли въ его душѣ старая идея всей жизни «о поклоненіи героямъ», но, во всякомъ случаѣ, четвертаго и пятаго томовъ *Исторіи Фридриха* невозможно ставить рядомъ съ первыми томами. Запутанное изложеніе смѣняется сжатымъ разказомъ, туманная фантазмагорія—образами живыхъ лицъ, утомительная эксцентрическая фразеологія цѣлыми эпизодами, исполненными грозы, страсти и прелести. Всякая мысль о неискренности увлеченія и о заранѣе-придуманнхъ софізмахъ исчезаетъ. Передъ такою *задушевностью ошибки*, передъ такою страстностью въ историческихъ симпатіяхъ, недостойнымъ подозрѣніямъ нѣтъ мѣста. «Не смѣйтесь надъ человѣкомъ, кидającymся на позолоченый грошъ, говоритъ самъ Карлейль въ одномъ изъ прежнихъ этюдовъ: въ этомъ грошѣ онъ поклоняется благородному металлу, и не его вина если червонецъ его воображенія оказывается дрянною монетою!» Апостолъ Фридриха Вильгельма I привелъ намъ на память эту тираду. Не раздѣляя взглядовъ историка, на всякое его доказательство припоминая по десяти несомнѣнныхъ опроверженій, мы все-таки не можемъ вполне осудить защитника самой неудобозащищаемой личности за все осмнадцатое столѣтіе. Только убѣжденіе всей жизни и пламенная страсть могутъ внушить страницы, передъ которыми меркнетъ художественное изложеніе самого Маколея. Только они могутъ заставить читателя, наперекоръ всѣмъ его идеямъ, уронить слезу при чтеніи разказа о послѣднихъ дняхъ и минутахъ существа, имъ описаннаго за сумазброднаго тирана! Въ словахъ нашихъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Слезы душили насъ при чтеніи послѣднихъ главъ пятаго тома, для которыхъ, въ художественномъ отношеніи, не прищемъ достаточно восторжен-

наго названія. Всѣ предсмертныя огорченія, предчувствія, причуды, вспышки и странности главнаго лица, помимо голоса исторіи, помимо общаго приговора, поэтическимъ ураганомъ волнуютъ душу читателя. Этотъ послѣдній объѣздъ Пруссіи, это горькое убѣжденіе въ измѣнѣ дорогихъ людей, это гордое предвидѣніе мстителя въ когда-то угнетаемомъ сынѣ, эта борьба съ долгою болѣзнію, эти минуты ревности къ наследнику престола, эти эксцентрическія бесѣды съ духовникомъ и ночныя безпокойныя прогулки по пустыннымъ заламъ Потсдамскаго замка,—такая трогательная, такая грандіозная драма, до какой рѣдко возвышались даже первоклассные художники, какъ Маколей и Прескоттъ. У Вальтеръ-Скотта, въ зенитѣ его волшебнаго дарованія, можно найти нѣчто подобное, хотя отчасти въ другомъ родѣ. Мы говоримъ про его Іакова I, такъ презрѣннаго для историка, и такъ обворожительнаго для всякаго, кто когда-либо раскрывалъ книгу абботсфордскаго чародѣя.

Послѣ всего нами сказаннаго, совершенно выясняется невозможность говорить о послѣднемъ трудѣ Карлейля въ его общемъ значеніи. Сторона историческая и сторона художественная поперецать одна другой до такой степени, что сліянія между ними быть не можетъ. Читатель, когда-нибудь изучавшій разбираемаго автора, можетъ-быть не посѣтуетъ на такія колебанія и даже признаетъ ихъ законность, но для лицъ, мало знакомыхъ съ Карлейлемъ, колебанія эти покажутся нестерпимыми. Карлейль у насъ извѣстенъ не многимъ, и извѣстенъ лишь съ своей геніяльной стороны, а въ русскомъ переводѣ появлялись только его мелкіе этюды, въ которыхъ онъ неподражаемъ. По принятой рутинѣ, во всякой статьѣ объ этой огромной, но еще не выясненной личности, русскій читатель будетъ искать или полнаго подтвержденія прежнихъ похвалъ или рѣзкаго имъ противорѣчія: все другое покажется ему уклончивостью, неяснымъ понятіемъ предпринятой задачи. Имѣя это въ виду, мы намѣрены, не избѣгая противорѣчій въ отзывахъ, однако же сгруппировать ихъ такъ, чтобы выводъ происходилъ самъ собою. Поэтому прежде всего мы будемъ говорить о Карлейлѣ какъ объ историкѣ и мыслителѣ, а потомъ уже, высказавъ весь запасъ должныхъ замѣчаній, перейдемъ въ ту область, гдѣ нашъ авторъ не имѣетъ ни сверстниковъ, ни соперниковъ, гдѣ всякое не симпатическое о немъ слово будетъ простымъ

свидѣтельствомъ отсутствія всякаго художественнаго такта въ цѣнителѣ.

Историко-философскія воззрѣнія Т. Карлейля у насъ довольно извѣстны, хотя никто еще изъ русскихъ писателей не представлялъ ихъ въ возможно-последовательномъ разказѣ. Они перелетѣли къ намъ какъ перелетаетъ изъ края въ край все оригинальное, причудливое и питающее собою тысячи плагиаристовъ. Одна идея забрела въ модный романъ и дала ему субстанціальность, другая приютилась въ ежедневной газетѣ, третья мелькнула въ предисловіи къ ученому сочиненію, слѣдующая за тѣмъ принесла славу рецензенту, повидимому самому враждебному теоріямъ Карлейля. Самъ знаменитый эксцентрикъ никогда не высказывалъ своихъ теорій съ особенною последовательностію, часто противорѣчилъ имъ въ подробностяхъ и даже путалъ читателя страннымъ ихъ изложеніемъ, скрываясь за своихъ фантастическихъ друзей (профессора Зауэртейга и доктора Тейфельсдрека), чуть требовалось провести мысль уже слишкомъ причудливую. Наибольшей серіозности надо искать въ книгѣ Карлейля *Сарторъ Резартусъ*, въ его фантазмагорической исторіи французской революціи, въ лекціяхъ о поклоненіи героизму (Hero-Worship), наконецъ въ только-что начавшейся *Исторіи Фридриха Великаго*. Мы знаемъ, что сводъ, представляемый нами читателю, будетъ весьма неполонъ, потому что задача трудна и ей мѣшаютъ нѣкоторыя обстоятельства, не зависящія ни отъ редакціи журнала печатающаго, ни отъ пера, пишущаго эти строки.

Нашъ міръ, говоритъ Карлейль, есть мѣсто горькаго труда и безконечной борьбы съ житейскою неправдой,—одни дураки и корыстные слуги своего чрева усиливаются представить его какою-то ареной тихаго преуспѣянія и земныхъ радостей, хотя бы предстоящихъ и будущимъ поколѣніямъ. Человѣкъ—не чтò иное какъ жалкое, хилое, грязное созданіе, животное, погрязшее въ тинѣ себялюбія, обмана, нравственной вялости. Хаосъ окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, онъ вышелъ изъ хаоса и постоянно стремится къ нему, все-таки питая безсознательный ужасъ къ хаосу. Для собственнаго успокоенія и нѣкотораго противодѣйствія ужасамъ и лжи, его окружившимъ, человѣкъ силится увѣрить себя и другихъ, что разумъ его необыкновенно ясенъ, что дѣятельность его плодотворна подобно солнцу, что родники чего-то великаго ключомъ бьютъ въ груди человѣка, что его цѣль въ жизни—работать весьма не-

много, болтать чрезвычайно много и пожинать [всякаго рода радости. Такое самообольщеніе чистый вздоръ. Разумъ человѣка не ясенъ и шатокъ, на одного плодотворнаго дѣятеля въ средѣ людской приходится тысячи, милліоны слугителей мрака; поступательное движеніе человѣчества, которымъ мы гордимся, есть можетъ-быть безпокойные повороты большаго въ своей постели, повороты большаго, указанные еще Дантомъ. Родники великихъ помысловъ въ груди человѣка—одно самообольщеніе; радости, къ которымъ предназначенъ смертный,—яблоки съ береговъ Мертваго Моря, внутри которыхъ не сладкій сокъ, а какая-то смрадная пыль и ничего болѣе ¹. Изображенія эти не очень лестны, но горько ошибется тотъ, кто, основываясь на нихъ, почтетъ себя въ правѣ презирать и позорить человѣка. Или намъ противенъ ребенокъ, безпомощно потерявшійся въ лѣсу, между болотъ, проваловъ и блудящихъ огней, или мы не чувствуемъ жалости къ ночной бабочкѣ, опалившей свои крылья у свѣчки? Но не изъ одного состраданія скорбимъ мы о человѣкѣ. Есть въ немъ и лучшее начало, есть для него идея, которой онъ неукоснительно служить, даже въ самыя злыя эпохи своего неразумія. Идея эта—безсознательное поклоненіе силѣ правды, поклоненіе, вложенное въ человѣка его Создателемъ. Какъ утопающій простираетъ свои измученныя руки ко всякому подобію опоры, такъ человѣческое общество, погруженное въ свою родную пучину лжи и анархіи, судорожно тянется ко всему, что обѣщаетъ ему спасеніе отъ того и другаго. И на благо человѣка, для спасенія нашихъ обществъ, Провидѣніе время отъ времени выдвигаетъ впередъ людей, сосредоточившихъ въ себѣ начало силы и правды. Эти люди—герои, анти-анархи по своему призванію, вожди человѣчества, руководители его среди безотрадной пустыни. Иные изъ этихъ героевъ—цари и властители, другіе—частные люди, мыслители, третьи—мученики за правду. Имена ихъ извѣстны всякому: это Одинъ, это Карлъ Великій, Лютеръ, Оливеръ Кромвелль, это Магометъ, изъ харама создавшій религію и царства, это Гете, водворившій гармонію въ милліонахъ смутныхъ умовъ цѣлаго поколѣнія, это Самуилъ Джонсонъ, внесшій честность и чистоту въ развратное общество его времени, до конца боравшійся съ нуждою, ложью, ду-

¹ Не ругаемся напрасно, растутъ ли у Мертваго моря подобныя яблоки; но у Карлава, какъ извѣстно, своя натуральная цюкорія.

хотъ тьмы, и оставшіеся побѣдителями. Героевъ и *амаррическихъ* начало въ человѣчій великій не по одной омерзительнѣйшей дѣйствіи; при самой огромной жизненной дѣйствительности можно быть героемъ, какъ былъ герой какой-нибудь Вальтеръ-Скоттъ, убившій себя работою для того чтобы расплатиться съ кредиторами, которымъ поручился за своего друга, или докторъ Франсіа, положившій всѣ свои душевныя силы на то чтобы водворить порядокъ въ безобразной расклублякѣ, въ никому неизвѣстномъ уголкѣ Южной Америки ¹. Великою стезею свѣта ознаменовывается появленіе каждаго героя въ нашемъ обществѣ; чтить этихъ героевъ долгъ всякаго отдѣльнаго человѣка, прославлять и истолковывать ихъ дѣянія — долгъ историка, разумѣющаго свое назначеніе. Но до сихъ поръ никогда историки не выполняли и не выполняютъ своего призванія: холодно проходятъ они, въ своемъ глупомъ величіи, мимо людей, бывшихъ истинными вождями человѣчества, а прилѣпляются къ какимъ-нибудь лже-героевъ въ красивомъ нарядѣ, съ преогромною саблей на боку, или съ безплодною фразой въ устахъ, или анархическими стремленіями въ сердцѣ. Историкамъ, старымъ и современнымъ, нужны болѣе всего безплодныя боины людей въ сраженіяхъ, массы безумнаго народа, волнующіяся туда и сюда въ анархической горячкѣ, государственныя потрясенія и хаосъ съ ними неразлучный. Они служатъ призракамъ, поклоняются дыму и праху и словамъ, оставляя безъ вниманія истинную сущность вещей и яркую стезю свѣта, проведенную въ здышнемъ хаосѣ дѣятельностию героевъ, ведущихъ человѣчество. Истинный историкъ обязанъ противодействовать лже-историкамъ всеми средствами, и отриваясь жи въ исторіи, подобно Діогену, всюду искать одного *человѣка*.

Не слѣдуетъ заключать изъ всего вышесказаннаго, чтобы жизнь всякаго истиннаго вождя человѣчества должна заключаться въ полной свободѣ ломать свѣтъ по произволу и совершать свой благотворный путь посреди раболѣпныхъ заявленій восторга со стороны покорнаго человѣчества. Героевъ душевный *обязательствъ*, и горе вождю великихъ способностей, уклоняющемуся отъ выполненія обязательствъ своихъ передъ слабыми се-

¹ Слава доктора Франсіа, превознесеннаго нашимъ авторомъ, еще подлежитъ большому сомнѣнію; по многимъ свидѣтельствамъ, то былъ *человѣкъ жестокой и капризный, хотя хороший администраторъ*.

братіями. Горе ему, если онъ обратитъ ихъ повинновеніе въ орудіе своихъ корыстныхъ цѣлей; горе ему, если онъ отступитъ отъ необходимости принять мученическій вѣнецъ за свои убѣжденія; горе ему, если онъ посмотритъ на жизнь какъ на источникъ радостей или на поле для своего возвышенія! Герой настоящій—всегда труженикъ. Онъ долженъ быть похожъ на того индѣйскаго брамина, который увѣрялъ, что *носитъ въ животѣ достаточно пламени для сожженія всѣхъ грѣховъ чело-вѣчества*. Его высшее званіе—*слуга людей*. Онъ первый рабочий на подневномъ трудѣ своихъ согражданъ, первый мститель за неправду, первый восторженный цѣнитель всего благаго. Если герой—царь, то ему нѣтъ покоя, пока хоть одинъ изъ его подданныхъ голодаетъ; если онъ мыслитель, ему нѣтъ отдыха, покуда хоть одна ложь считается не ложью. Изъ этого ясно, что дѣятельность его не терпитъ остановокъ, что онъ вѣчно стремится къ недостижимому идеалу. Если онъ разъ уклонился отъ избраннаго пути, онъ уже согрѣшилъ, если онъ разъ поставилъ свое личное я превыше интересовъ общихъ, онъ уже не герой, а служитель мрака. Измѣнивъ героическому призванію, онъ примыкаетъ къ безчисленной когортѣ *псевдо-героевъ*, которымъ къ сожалѣнію чело-вѣкъ всегда готовъ поклоняться, но которыхъ должно казнить и изобличать перо каждаго историка.

Псевдогероизмъ и бѣдствія, имъ поражаемая, неисчислимы. Отъ Лудовика XIV, сказавшаго *l'état, c'est moi*, и раззорившаго родину для потѣхи своего властолюбія и сластолюбія, до демагоговъ французской революціи, влекшихъ за собою пьяныя толпы народа на всякое неистовство, всѣ ступени преобладанія надъ людьми наполнены группами ложныхъ героевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ французскіе писатели конца XVIII столѣтія, имѣютъ еще свое значеніе, какъ разрушители зла, не ими причиненнаго; но идеи положительной правды и анти-анархическаго принципа вы въ нихъ не отыщете. Бѣльшая ихъ часть—представители своеволія и мрака, волканы извергающіе грязь, палачи посланные Промысломъ, но все-таки палачи, то-есть созданія, отъ прикосновенія которыхъ порядочный чело-вѣкъ отстраняется съ негодованіемъ. Менѣе чудовищны, но не менѣе вредны псевдо-герои, ставящіе слово выше дѣла, призракъ выше дѣйствительности, честолюбіе выше чело-вѣколюбія. Таковы вообще ораторы, бюрократы и хитроумные политики, дипломаты и газетчики; *звска-*

тели народныхъ страстей и проводники бесплодно-завоевательныхъ плановъ. Дѣятельность многихъ псевдо-героевъ вредна только въ отношеніи къ жизни частныхъ людей, нравы которыхъ растлѣваются чрезъ вліяніе ложнаго вождя, ими избраннаго; но когда псевдо-герой, то-есть представитель лжи, ведетъ за собой цѣлое общество, — безпредѣльны гибельныя послѣдствія, имъ причиняемая. Цѣлыя государства повергаются въ океанъ всякой неправды, въ пучину призраковъ и преступленія, а за тяжкою болѣзнію политическаго организма слѣдуетъ или окончательное его разложеніе или кровавые катаклизмы съ полнымъ разгаромъ анархіи. Ложь никогда не остается безъ наказанія, и общество, покоряющееся лжи, должно вѣдать, что за годами гнилаго спокойствія, вѣрнѣе смерти, неизбѣжно, неминуемо, слѣдуютъ года тяжкихъ переворотовъ.

Здѣсь мы остановимся. Общій сводъ главнѣйшихъ положеній Карлейля приведенъ нами съ достаточною полнотою, хотя безъ мастерства въ изложеніи, которое дало этому писателю европейскую славу. Теперь мы можемъ оглянуться назадъ и произвести безпристрастную оцѣнку идеямъ, сейчасъ высказаннымъ. Въ частностяхъ своихъ онѣ имѣютъ несомнѣнную цѣну, какъ противодѣйствіе утопіямъ и моральной распущенности нашего поколѣнія, но взятыя въ сложности, какъ путеводная нить для историка, онѣ ведутъ къ пагубнымъ заблужденіямъ. Только личный характеръ Карлейля, съ его безукоризненною честностью, да еще то обстоятельство, что его теоріи появились въ свободной Великобританіи, устраняютъ предположеніе въ дурныхъ побужденіяхъ со стороны создателя теоріи. Явись она въ современной Франціи, вся Европа признала бы ее апологіей цезаризма, корыстнымъ восхваленіемъ существующихъ золь и поводомъ къ злу дальнѣйшему. *Patrie* и *Constitutionnel*, какъ политическіе органы, Касаньякъ и Лагерроньеръ, какъ публицисты, не могли бы дозволить себѣ большаго преклоненія передъ владычествомъ силы, большихъ одобреній власти, ничѣмъ не гарантирующей общество, большаго презрѣнія къ политической инициативѣ управляемыхъ личностей, большихъ насмѣшекъ надъ либеральными стремленіями общества. При всей своей эксцентричности и самостоятельности многихъ подробностей, доктрина Карлейля далеко не новость; главные ея основанія находятся въ трудахъ Гёббеса, за много лѣтъ назадъ проповѣдывавшаго, что нормальное стремленіе человеческихъ обществъ есть стремле-

ніе къ распрѣ и анархіи, отъ которыхъ единственное спасеніе—неограниченный произволъ людей, стоящихъ во главѣ государства.

Прославляя произволъ въ мірѣ политическомъ, историческая доктрина Карлейля поощряетъ необузданный произволъ и въ воззрѣніяхъ каждаго историческаго писателя. При полномъ презрѣніи къ выводамъ предшествовавшихъ мыслителей, при разладѣ съ каждымъ научнымъ авторитетомъ (разладѣ, возведенномъ въ принципъ и требуемомъ во что бы ни стало), и Карлейль, и всякій писатель, усвоившій себѣ его теоріи, какъ бы обязываются быть проникательнѣе всего свѣта, всѣхъ представителей науки, а ргіогі уже заклейменныхъ именами лжецовъ и слугителей мрака. Всякое историческое обобщеніе для нихъ не пособіе, а преграда, которую слѣдуетъ разрушить. По ихъ понятіямъ, историкъ долженъ забывать все сдѣланное другими ранѣе его. Томы Прескотта, Мотлея и Маколея, историковъ, зараженныхъ теоріей призраковъ,—ничто передъ малѣйшимъ анекдотцемъ изъ-подъ пера современника, передъ частнымъ письмомъ, передъ запыленной хроникой, кидящими неживый свѣтъ на изучаемыя событія. Но тутъ-то и оказывается ясно, къ какому произволу ведутъ такіа теоріи, особенно въ столь смутномъ дѣлѣ, какъ характеристика героевъ и псевдо-героевъ. Гдѣ критеріумъ для оцѣнки первыхъ и послѣднихъ? Нѣтъ изверга, у котораго бы не было поклонниковъ, нѣтъ великаго человѣка, котораго бы не хулили; если для насъ анекдотецъ и письмо неизвѣстнаго современника дороже оцѣнки общей выведенной изъ соображенія всѣхъ данныхъ, то наша отвѣтственность становится ужасна. Въ прославленіе Марата отыщутся нѣсколько задушевныхъ, искреннѣйшихъ свидѣтелей; про Фридриха Великаго, его враги оставили намъ свѣдѣнія, отъ которыхъ волоса дыбомъ становятся. Шахъ-Надиръ, передъ взъездомъ котораго въ покоренный городъ по улицамъ становились пирамиды отрубленныхъ головъ, какъ пріятное украшеніе, былъ совершеннымъ анти-анархистомъ; очень вѣроятно, что его подданные были проникнуты духомъ повинovenія, и что иные поэты прославляли его отъ чистаго сердца; но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы подданнымъ шаха было хорошо жить, и что они не имѣли бы основаній предпочесть своего слугителя мрака такому анти-анархисту. Последняя книга Карлейля даже всѣхъ другихъ его сочиненій показываетъ, до

какого производа способенъ доходить онъ въ своихъ оцѣнкахъ. Совершая свой апогеозъ короля Фридриха I, нашъ авторъ нѣсколько разъ касается личности Петра Великаго, и почти всегда касается ея въ жесткихъ, насмѣшливыхъ, самыхъ не симпатическихъ выраженіяхъ. Петръ Великій, какъ понимаютъ его все историки Россіи и Европы, есть по преимуществу герой Карлейля, вѣчный врагъ хаоса, первый рабочій на тронѣ, вожатый человечества, анти-анархистъ и все что хотите. Сумрачныя стороны характера Петра и крутыя мѣры въ исполненіи его реформъ не могли бы, кажется, поперечить удивленію Карлейля, весьма синсходительнаго не только къ Фридриху I, при которомъ тысячи солдатъ умирали подъ палкою, но даже къ мусульманскимъ фанатикамъ-завоевателямъ. На основахъ какихъ же данныхъ нашъ историкъ рѣшается унижать Петра, за которымъ предшествовавшіе авторитеты науки (сыны мрака и призраковъ) утвердили прозвище Великаго? На основаніи шутливыхъ записокъ маркиграфини Байрейтской, нѣсколькихъ придворныхъ анекдотцевъ и одного архискандалознаго разказа, источникъ котораго даже не обозначенъ съ ясностію! Если въ такія крайности можетъ впадать историкъ съ геніяльными способностями, то чего же можно ожидать отъ настоящихъ и будущихъ адептовъ его исторической доктрины?

О томъ, на сколько идеи Карлейля перечатъ всему что намъ дорого въ мірѣ прогресса и гражданственности, на сколько онъ содержитъ въ себѣ благотворной правды, и на сколько убійственной лжи, — говорить мы считаемъ лишнимъ. Желающимъ поближе ознакомиться съ этою стороною дѣла, мы советуемъ заглянуть въ *Эдмбургское Обзорніе* и другіе англійскіе журналы 1859 и 1860 годовъ. Тамъ они найдутъ рядъ рецензій крайне-строгихъ, не нуждающихся въ дополненіяхъ, которымъ наконецъ и предѣлы этиуда нашего полагаютъ препятствіе. Итакъ, вмѣсто того чтобы продолжать дальнѣйшее обсужденіе историческихъ теорій Карлейля, постараемся указать на нихъ воплощеніе въ его послѣдней книгѣ, и потому, покончивъ съ областью исторіи, обратимся къ области историческаго романа, въ которой, какъ мы уже сказали, Карлейль не имѣетъ себѣ равнаго.

II.

Про русскаго писателя Кайданова говорили, что въ его исторіи всякій государь, восходя на тронъ, застаётъ свое царство въ прегнусномъ видѣ, и, умирая, оставляетъ его на вершинѣ благополучія, что однакоже не мѣшаетъ преемнику того же царя найти государство опять въ гнусномъ видѣ и опять-таки возвести его на вершину величія. Хотя почтенный г. Кайдановъ по всей вѣроятности ничего не слышалъ о доктринѣ поклоненія героямъ (Hero-Worship), и хотя талантъ его относится къ дарованію Карлейля какъ капля прѣсной воды къ соленому океану, но между его наивною манерой и крайностями герое-поклонниковъ имѣется нѣчто общее. При безвѣрїи въ инстинкты самой жизни, при стремленіи видѣть во всякомъ человѣческомъ обществѣ царство лжи и анархїи, историку поневолѣ приходится хвататься за отдѣльныя выдающіяся личности и повременамъ восклицать вмѣстѣ съ Байрономъ: «героя мнѣ нужно, героя, во что бы ни стало!» Задача Карлейля, въ его послѣдней книгѣ, усложняется еще тѣмъ, что историкъ открыто заявляетъ свое презрѣніе къ цѣлому столѣтію, въ теченіи котораго имѣеть происходить все имъ разказываемое. «XVIII столѣтіе, говоритъ нашъ историкъ, для меня не очень любезно, о томъ всѣ знаютъ. Нечего о немъ и говорить, и помнить его нечего безъ особенной надобности. Жалкое, мотоватое, злостно-банкротское столѣтіе, напоследокъ дошедшее до того, что въ карманѣ его не осталось *настоящаго* гроша, между тѣмъ какъ лавочники и поставщики отказались принимать его ложъ и лицемѣріе въ уплату вмѣсто денегъ... Для меня во всемъ этомъ столѣтіи нѣтъ ничего великаго, кромѣ этого великаго, всеобщаго самоубійства, нареченнаго французскою революціей, самоубійства, которымъ столѣтіе заключило свою недостойную жизнь, запаливъ огнемъ и себя, и свое старое жилище, рассыпавшись въ пламени и вулканическихъ взрывахъ по весьма памяtnому и замѣчательному способу. И людьми было бѣдно это полоумное, сомнамбулистическое столѣтіе, говоритъ мой другъ Зауэртейгъ; все небольшое количество *дѣла*, имѣ одѣ-

ланнаго, олицетворено въ Фридрихѣ, все малое количество мысли, имъ придуманное, зовется Вольтеромъ. Въ этихъ двухъ людяхъ, за неимѣніемъ лучшихъ, проявились намъ два оригинальныхъ челоѡка за все столѣтіе... Все остальное, поистинѣ, должно исчезнуть и пропасть, потому что все остальное—тогда эфемерныхъ явленій, ѣдоковъ своего времени, глашатаевъ довольно сносной болтовни съ чужаго голоса... ¹»

Повидимому задача очень проста и никакого вышеупомянутого нами ея усложненія быть не можетъ. Фридрихъ Великій признается однимъ изъ двухъ, довольно плохихъ, но единственныхъ героевъ крайне-плохаго столѣтія. Ни Вашингтонъ, ни Петръ Великій, ни лордъ Чатамъ, ни артиллерійскій поручикъ Бонапартъ, ни другіе дѣятели ѡка, даже въ свое время воспѣтые Карлейлемъ, не удостоены подобнаго признанія. Стало-быть, особеннаго обилія героевъ намъ бояться нечего. Но тутъ-то и совершается историческій фокусъ, напоминающій собою государства Кайданова, постоянно достающіеся властителямъ въ прегнусномъ видѣ и возводимыя ими на верхъ величія. Разказывая намъ о судьбахъ до-фридриховой Пруссіи, а потомъ о дѣтствѣ и юношествѣ Фридриха Великаго, Карлейль совершенно неожиданно открываетъ, что храбрые люди жили до Агамемнона, что до появленія въ свѣтъ единственнаго героя Пруссіи, существовало въ этомъ небольшомъ уголкѣ Европы другое созданіе со всѣми признаками героизма, съ душой поэтической, ищущею риемическаго смысла въ жизненной неурядицѣ, съ понятіями, пригодными для вождей челоѡчества, существо, отмѣченное перстомъ Создателя, но непонятое и оклеветанное безумными историками. «То былъ дикій челоѡкъ, но челоѡкъ настоящій, правдивый какъ старыя скалы и съ страшнымъ волканическимъ огнемъ души въ придачу. Въ него вложена божественная идея дѣйствительности, призраки и ложь для него ненавистиѣ чѣмъ для кого-либо... Правосудный челоѡкъ, неспособный кого-нибудь обидѣть напрасно, правосудный челоѡкъ, говорю я, да еще правдивый и безстрашный... Онъ былъ король, исполненный произвола. Но большая доля его *arbitrium* и неограни-

¹ Въ томъ числѣ Петръ Великій, Мальборо, Карлъ II, Вашингтонъ, лордъ Чатамъ и Фоксъ, основательно замѣчаетъ *Эдинбургское Обзоріе* да еще Шиллеръ, Гете, Мирабо, Лессингъ и Джонсонъ, которыхъ самъ же Карлейль звалъ вождями челоѡчества!

ченной воли совпадала съ произволомъ Воли Предвѣчной... За исключеніемъ Самуила Джонсона, не было въ ту эпоху чело-
вѣка по правдивости равнаго королю Фридриху Вильгель-
му I. То былъ чело-вѣкъ полный раздражительной, нѣжной
чувствительности, хотя онъ былъ грубъ и космать кожей...
Я признаюсь, для меня велика цѣна такого существа въ та-
кую скорбную эпоху...»

Такими-то чертами обозначается передъ нами отецъ
Фридриха Великаго, самый невозможнѣйшій изъ всѣхъ ге-
роевъ Карлейля. До послѣдней страницы пятаго тома, конча-
ющейся, какъ извѣстно, восшествіемъ на престолъ настоя-
щаго героя повѣсти,—и самъ герой и все его окружающее,
неумолимо приносится въ жертву полубогу, вызванному изъ
мрака эксцентрическимъ историкомъ. Начавъ свое дѣло съ
нѣкоторымъ колебаніемъ, Карлейль весь отдается ему съ пол-
ною и безмѣрною страстью. Чело-вѣкъ, защищающій свою
жизнь противъ несправедливаго приговора, не станетъ защищать
ее съ большею горячностью, чѣмъ Карлейль защищаетъ своего
идола. Всѣ средства, отъ днѣирамба, горящаго поэтическимъ
пламенемъ, до мизернѣйшей казуистики придворнаго хвали-
теля, пущены въ дѣло. Всѣ историки противоположнаго мнѣ-
нія обруганы съ ожесточеніемъ, всѣ архивы анекдотовъ и спле-
тень перевернуты вверхъ дномъ для открытія какой-нибудь
похвальной черты въ королѣ, за которымъ потомство утвер-
дило не добрую славу. Самыя вопіющія дѣла разказаны не-
брежно, смягчены шуткою, отнесены или къ болѣзни, или
къ «поэтической сторонѣ» права, или къ вѣроломству окру-
жающихъ; въ замѣнъ того, при разказѣ о какомъ-нибудь, хотя
бы незначительномъ, но выдающемъ хорошій свѣтъ на героя
событіи (а въ томъ, что отецъ Фридриха Великаго, въ про-
межуткахъ пьянства и неразумія бывалъ честнымъ чело-вѣ-
комъ, ни одинъ историкъ не сомнѣвался), Карлейль истинно
одушевляется, и благодаря своему огромному дарованію, набра-
сываетъ страницы не только удивительныя по изложенію, но
неодолимо увлекающія читателя въ міръ исторической не-
правды, такъ вдохновенно изображенной.

Здѣсь не мѣсто въ подробности опровергать выводы Кар-
лейля о значеніи короля Фридриха Вильгельма. Предѣлы статьи
понууждаютъ насъ остановиться лишь на нѣсколькихъ пунк-
тахъ процесса, самыхъ важнѣйшихъ. Первый пунктъ, по на-
шему мнѣнію, заключается въ томъ, основательны ли взгляды

Карлейля на своего героя, какъ король и администратор; второй же въ томъ, основателемъ ли взгляды Карлейля на Фридриха изъ на отца и семьянина. Мы знаемъ хорошо, что, даже потѣнчивъ съ этими пунктами, мы далеко не исчерпаемъ данныхъ, представленныхъ намъ знаменитымъ историкомъ, но надѣмся, что возможно-ясное изложеніе хотя двухъ опорныхъ вопросовъ можетъ до нѣкоторой степени полегчать тяжбу, поднятую современными врагомъ историкомъ противъ заключенія всѣхъ его писателей-предшественниковъ.

Имя короля Фридриха Вильгельма I до сей поры не безъ уваженія произносится въ Пруссіи, и сами историки, которыхъ Карлейль клеймитъ такъ нещадно ¹, вовсе не вывѣяютъ себя въ обязанность позорить его передъ потомствомъ болѣе нежели онъ самъ того заслуживаетъ. Гибельные слѣды тяжкаго гнета совѣтъ изгладились; въ памяти народной живетъ лишь образъ сердитаго чудака, не воевавшего въ ту пору, когда вся Европа рвалась, и не мотавшаго денегъ въ періодъ общаго мотовства и банкротства. Прусакъ простолюдинъ поинитъ, что этотъ сердитый и не трезвый чудакъ родилъ великаго Фрица, а изъ дурныхъ дѣлъ чудака хранить онъ въ своей памяти лишь нещадные рекрутскіе наборы, да звѣрекое обращеніе съ тѣмъ же самымъ великимъ Фрицомъ. Остальное забыто. Историки, ненавидящие Карлейлю, болѣе памятливы на доброе. Они говорятъ, что старый король подготовилъ сыну хорошую армію, украсилъ Берлинъ, хотя съ жестокими притѣсненіями для его жителей, поселилъ на своихъ земляхъ 20.000 протестантовъ, гонимыхъ въ Тиролю, и возвысилъ политическое значеніе Прусскаго государства. Таковы несомнѣныя заслуги короля Фридриха I какъ администратора. Но

¹ Безпредѣльное презрѣніе, выражаемое Карлейлемъ по поводу прусскихъ историковъ, касавшихся времени Фридриха Великаго, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зоветъ ихъ «жалкими неграми, лишенными своего господина, темно-хаотическими болтунами; ихъ книги не что иное, какъ груды напечатанной чепухи и горы негоднаго хлама.» Оно едва ли такъ. Труды Ранке хорошо извѣстны. Бухгольцъ тяжелый для чтенія, полонъ добросовѣстности, а *Исторія Пруссіи* Фойгта заслуживаетъ особенной похвалы. Что до жизни Фридриха Великаго, то мы сомнѣваемся, чтобы можно было кому-нибудь найти болѣе дѣльныхъ и обработанныхъ матеріаловъ по этой части. Назовемъ труды Ранке, Ферстера и Фезе, да сочиненія самого Фридриха Вильгельма, превосходно изданныя докторомъ Прейсомъ. (*Эдилбур.* *Обозр.*, окт. 1859 г.)

Карлейль ими не довольствуется. Карлейлевъ Фридрихъ I создалъ Пруссію изъ хаоса. Съ помощію вулканическаго огня правды, въ немъ заключеннаго, онъ истребилъ злыя сѣмена злаго вѣка въ своемъ государствѣ. Изъ песчаныхъ пустынь создалъ онъ плодоносныя области, изъ толпы сыновъ мрака—ревностныхъ исполнителей на свои свѣтлыя предначертанія. Его фронтовое безуміе и страсть къ гренадерамъ высокаго роста были признаками души поэтической и пророческой: онъ зналъ, что сыну его понадобится много военной силы. Подъ черствою оболочкой онъ заключалъ всѣ способности героя и вождя человечества. Его деспотическія наклонности и презрѣніе ко всему, что походило на науку, имѣли корнемъ ненависть къ празднословію, къ призракамъ, къ фразамъ, не переходящимъ въ область фактовъ. Оттого онъ по сію пору ненавистенъ политическимъ празднословамъ, историкамъ, исполненнымъ духа партіи ¹. Всякій ударъ злобы попадаетъ въ особу Фридриха Вильгельма I, потому что эта грандіозная фигура, какъ гигантъ между пигмеями, высится надъ всѣмъ столѣтіемъ, всегдашнею цѣлью для стрѣлъ злонамѣренности.

Выводъ остроуменъ и смѣлъ,—но вся исторія Пруссіи есть одно опроверженіе этого вывода. Не безъ намѣренія Карлейль пытается всѣми силами поколебать довѣріе читателя къ историкамъ, своимъ предшественникамъ по избранной темѣ. Эти историки, отъ Ранке до Маколея, отъ Фезе до лорда Довера, всѣ говорятъ одно и то же. По ихъ свидѣтельству, Пруссіа XVII и XVIII столѣтій никогда не была хаосомъ. При вступленіи на престолъ Фридриха I, край не нуждался ни въ какихъ анти-анархистахъ и суровыхъ вождяхъ съ вулканическимъ пламенемъ въ сердцѣ. Прусскія области, еще не получившія въ политическомъ отношеніи значенія, въ послѣдствіи выпавшаго на ихъ долю, все-таки были заселены народомъ спокойнымъ, достаточнымъ, промышленнымъ, трудолюбивымъ, вѣстнымъ по всей Германіи за его честность. Прусская администрація и духъ порядка экономіи, въ ней, развитый, существовали задолго до Фридриха I. Никакая пучина мрака не грозила Пруссіи, ни отъ какой пагубной доли спастись ее не было на-

¹ Тутъ Карлейль имѣетъ въ виду знаменитый этюдъ Маколея о Фридрихѣ Великомъ, послѣдній изъ этюдовъ великаго историка въ *Эдмбургскомъ Обозрѣніи*.

добности. Если уже необходимо нужно искать основателя Пруссіи, то основателемъ этимъ окажется не Фридрихъ I, а дѣдъ его Фридрихъ Вильгельмъ (такъ называемый *великій курфирсть*). Онъ сплотилъ, расширилъ и укрѣпилъ свои разрозненные области, очистилъ Померанію отъ Шведовъ, доставилъ своему государству голосъ въ совѣтахъ сильныхъ государствъ, далъ первые успѣхи его оружію и довелъ свое войско до той цифры (30.000), которая оказывалась необходимою для обезпеченія добытыхъ успѣховъ. И курфирсть Фридрихъ Вильгельмъ не выводилъ Пруссіи изъ хаоса, но надо сознаться, что онъ, имѣя отъ роду двадцать лѣтъ, принялъ свое государство въ довольно-незавидномъ состояніи, послѣ моровой язвы, неурожаевъ, послѣ войнъ и съ новыми войнами впереди. Со всѣмъ этимъ зломъ курфирсть справился какъ слѣдуетъ честному и умному государю, безъ волканическаго огня въ груди, но съ свѣтлою головой. При немъ развилось народное благосостояніе, города отстроились, онъ пріютилъ тысячи Французовъ, пострадавшихъ отъ Нантскаго эдикта, неусыпно покровительствовалъ земледѣлію и промышленности, и хотя, по суевѣрію своему, тратилъ большія суммы на дѣланіе золота, но въ частной своей жизни былъ скорѣе бережливъ чѣмъ расточителенъ. Сынъ его Фридрихъ, первый король Пруссіи, не имѣлъ достоинствъ отца и расшаталъ финансы края черезъ слишкомъ большое рвеніе жить на королевскій манеръ, но ничего анархическаго онъ не внесъ въ жизнь своей родины и, умирая, оставилъ ее въ полной безопасности отъ всякаго хаоса, морей лжи и тому подобныхъ феноменовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, подкрѣпленныхъ тысячею самыхъ уважительныхъ свидѣтельствъ, потребность въ такомъ волканическомъ героѣ, каковъ король Фридрихъ Вильгельмъ I, оказывается совершенно излишнею, а героическія дѣла косматаго исполина во многомъ кажутся не подвигами спасителя человѣковъ, а причудами необузданнаго сумасброда. Воинъ, стремительно несущійся въ бой, въ моментъ тяжкаго сраженія, возбуждаетъ въ насъ симпатію, но если человѣкъ понесется во весь опоръ, давя людей и махая саблею, для того чтобы купить фунтъ чая въ магазинѣ, мы не обидимся, коли полиція остановитъ и арестуетъ его. Фридрихъ Вильгельмъ I топталъ людей, не изъявлявшихъ ни малѣйшаго ему неповиновенія и на смерть муштровалъ государство, не проявлявшее ни малѣйшихъ анархическихъ тенденцій.

Онъ сократилъ расходы, размноженные его предшественникомъ, уменьшилъ дворцовую пышность, и это было очень хорошо; но онъ довелъ скарედность до того, что члены его семейства вставали голодными изъ-за обѣда, а въ этомъ для Пруссiи особеннаго блага не оказывалось. Частная жизнь его поражала простотою, но ежедневное пьянство и возмутительная невоздержность на чужихъ обѣдахъ ¹ доказываютъ, что простота эта не могла зваться очень идиллическою. Какъ администраторъ, король былъ трудолюбивъ и строгъ, но это еще не давало ему права вѣшать чиновниковъ за растрату казенныхъ денегъ и колотить изъ своихъ рукъ всякаго человѣка, почему-либо ему не полюбившагося. Вообще на драку онъ былъ скоръ до крайности, что мы еще увидимъ, говоря о раздорахъ въ семействѣ королевскомъ. Король Фридрихъ билъ иногда кулаками, а чаще палкою,—судей, генераловъ, солдатъ, придворныхъ служителей, женщинъ и гражданъ. На ученьи онъ избилъ офицера, который послѣ оскорбленiя вынулъ пистолеть и застрѣлился передъ фронтомъ. Отъ пьянства онъ бывалъ часто боленъ, и въ запискахъ современниковъ отъ времени до времени встрѣчается фраза: «королю гораздо лучше, сегодня утромъ онъ прибилъ пажа въ своей комнатѣ.» Судьи уголовной палаты приговорили къ большому наказанiю, за грабежъ, одного солдата, особенно любезнаго государю; король потребовалъ къ себѣ судей, билъ ихъ своеручно, и двоимъ изъ нихъ *вышибъ зубы!*

Разъ, на берлинской улицѣ, какой-то прохожiй, завидѣвъ короля издали, пустился бѣжать отъ него что было силы. Фридрихъ велѣлъ поймать его немедленно. «Зачѣмъ ты бѣжалъ отъ меня, бездѣльникъ?» былъ первый вопросъ потерявшемуся трусу. «Я испугался, ваше величество.» Король принялся бить его палкою, приговаривая: «ты долженъ любить меня, любить, любить, а не пугаться, бездѣльникъ!» Ни заслуги, ни лѣта, ни близость ко двору не спасали отъ побоевъ. «Въ этой несчастной странѣ, пишетъ Мантейфель, на всякаго подданнаго глядятъ какъ на раба по рожденiю.» Любимецъ короля, генералъ Грумковъ, пишетъ то же: «когда-то милосердый Господь укажетъ мнѣ дверь для спасенiя изъ этой проклятой галеры!»

¹ Sa Majesté dina hier chez moi, пишетъ Грумковъ, mangea comme un Ioup, soupa de même, se soula, et s'en alla à minuit.

Доходы государства не тратились на пышность; чиновники при всей своей сѣверно-германской умѣренности, почти умирали съ голоду отъ недостаточнаго содержанія; но прусскому народу тѣмъ не менѣе приходилось весьма тяжко. Его изнуряли налоги, неизбежные на содержаніе *восьмидесятитысячной арміи*, арміи неслыханныхъ размѣровъ, если взять во вниманіе бѣдное населеніе тогдашней Пруссіи (невступно 3.000.000 жителей). Но тяжелѣе всѣхъ повинностей была военная повинность натурою. Вербовка людей производилась съ безумнымъ насиліемъ, вслѣдствіе котораго цѣлыя селенія спасались за границу, и король растерялъ гораздо большее число подданныхъ нежели приобрѣлъ чрезъ знаменитую зальцбургскую эмиграцію¹. Партии вербовщиковъ вторгались въ церкви, захватывали людей на рынкахъ и сельскихъ праздникахъ, а очень часто ихъ подвиги заканчивались рѣшительнымъ побоемъ.

Въ школахъ, по краснымъ воротникамъ, можно было распознать дѣтей, купленныхъ правительствомъ у несчастныхъ родителей, для помѣщенія въ военную службу по совершеннолѣтіи. Государи небольшихъ германскихъ областей, сопредѣльныхъ Пруссіи, не отличались особливою гуманностію, но иные изъ нихъ положительно воспрещали на своей землѣ вербовку прусскаго войска, что вело къ безчисленнымъ претензіямъ и ссорамъ. Умалчиваемъ о трехтысячномъ полкѣ потсдамскихъ гренадеровъ; комическіе, но чаще безчеловѣчные факты, къ нему относящіеся, описаны въ учебникахъ, собраніяхъ анекдотовъ и въ романахъ; ихъ знаетъ каждый, и достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

Само собою разумѣется, что огромная Фридрихова армія, собранная посредствомъ насилія и по размѣрамъ своимъ несообразная съ доходами государства, могла держаться въ порядкѣ лишь помощію дисциплины самой безчеловѣчной. Денежныя средства не позволяли довольствоваться ея съ изобиліемъ и ублажать наградами: оставались жестокость наказаній и вѣчный трудъ, не дававшій солдату одуматься. Гибельная, не совсѣмъ еще отжившая идея о томъ, что солдата надо ежеминутно *занимать* для поддержанія въ немъ повиновенія, рождена системой Фридриха Вильгельма I. Смертная казнь, шпиц-

¹ Не надо забывать, что зальцбургскимъ эмигрантамъ, въ числѣ другихъ льготъ, была дана *свобода отъ военной службы на долгое время*.

рутены, отрѣзаніе ушей и носа были не мертвымъ закономъ въ его арміи. Каждое ученіе сопровождалось страшными истязаніями людей, а ученія происходили съ утра до вечера. Списки больныхъ, умершихъ и дезертировъ по полкамъ, сохранившіеся до нашего времени, въ этомъ отношеніи говорятъ краснорѣчивѣе всѣхъ описаній. Чтобы положить хотя нѣкоторый предѣлъ побѣгамъ изъ рядовъ, король постановилъ, чтобы жители въ мѣстахъ расположенія каждаго полка отвѣчали за дезертировъ, но и эта мѣра не принесла ожидаемыхъ послѣдствій. Въ полкахъ происходили мятежи, солдаты стрѣляли по генераламъ и полковымъ командирамъ; одинъ разъ, въ потсдамскихъ любимыхъ войскахъ, состоялся заговоръ, зачинщики котораго побуждали своихъ товарищей поджечь городъ и во время пожара дезертировать дѣльными массами.

Перейдемъ теперь къ свидѣтельству современниковъ и историковъ нашего времени о семейной жизни короля Фридриха. О томъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ I морилъ свое семейство голодомъ и содержалъ его какъ истинный скряга, извѣстно всѣмъ историкамъ. Грубыя слова, оскорбленія всякаго рода, обязательное присутствіе на вахтпарадахъ и маневрахъ въ дождь и зной, наконецъ вѣчныя ругательства и побои, весьма жестокіе, были удѣломъ супруги и дѣтей Карлейлева героя. Рассказывать о томъ, какъ Фридрихъ Вильгельмъ билъ свою дочь, принцессу Вильгельмину, какъ онъ нѣсколько разъ хотѣлъ умертвить своими руками наследнаго принца, мы не станемъ: все это давно извѣстно и стоять внѣ всякаго опроверженія. Одно, нѣсколько комическое обстоятельство можетъ быть приведено здѣсь, болѣе въ видахъ смягченія: король имѣлъ свой довольно снисходительный взглядъ на кулакъ, палку и оплеуху. Онъ тщеславился чистотой своей супружеской жизни и отчасти былъ правъ, хотя и его черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ брака постигло искушеніе: ему понравилась дѣвица Палневицъ, фрейлина королевы. Не считая себя способнымъ на словесныя нѣжности, Фридрихъ Вильгельмъ поймалъ хорошенькую дѣвушку гдѣ-то на лѣстницѣ и *voulait commencer le roman par la fin*¹, за чтѣ получилъ такой ударъ кулакомъ по лицу, что кровь хлынула у него изъ рта и носа. Послѣ того фрейлина Палневицъ не подвергалась никакимъ преслѣдова-

¹ Слова маркграфини Байрейтской.

нiамъ, что несомнѣнно показываетъ мягкое воззрѣнiе короля на рукопашную расправу.

Въ знаменитыхъ бѣдствiяхъ наслѣднаго принца, въ его процессѣ, заточенiи и тиранствахъ, надъ нимъ совершенныхъ, всего яснѣе изображается король Фридрихъ какъ семьянинъ. Кто не знаетъ этой кровавой исторiи, въ свое время волновавшей всю образованную Европу? *Полягать* поведение короля въ этомъ дѣлѣ возможно и должно, но для *оправданiя* его не достанетъ силъ человѣческихъ. Масса неопровержимыхъ свидѣтельствъ даетъ намъ понятiе о невыносимыхъ оскорбленiяхъ и побояхъ, вслѣдствiе которыхъ наслѣдный принцъ рѣшился бѣжать изъ Пруссiи; другiя, столь же ясныя свѣдѣнiя снимаютъ съ угнетеннаго юноши даже тѣнь подозрѣнiя въ томъ, что онъ замышлялъ побѣгъ съ какою-нибудь вредною политическою цѣлю. Безумное насилiе надъ членами военнаго суда, бесплодное увеличенiе мукъ заточенiя, казнь поручика Катте передъ глазами принца, обидное недоверiе къ личности сына, спустя долгiе года послѣ процесса—все это засвидѣтельствовано, утверждено, вошло въ исторiю. Самъ Карлейль не опровергаетъ ни одного возмутительнаго факта по этой части, а позволяетъ себѣ лишь смягчать нѣкоторыя подробности и пытается свалить часть вины на людей, вкравшихся къ королю въ довѣренность (барона Грумкова и Секендорфа). Этотъ послѣднiй маневръ замѣченъ и отраженъ лучшими англiйскими критиками, которые говорятъ очень справедливо, что, даже въ случаѣ полной основательности Карлейлевыхъ доводовъ, на короля Фридриха Вильгельма I, сверхъ обвиненiй въ жестокости, падетъ обвиненiе въ самомъ презрѣнномъ неразумiи. Весь берлинскiй дворъ считалъ Грумкова и Секендорфа бездѣльниками, и быть куклою въ рукахъ самыхъ извѣстныхъ бездѣльниковъ небольшая находка для человѣка съ вулканическою правдивостью.

Изъ всѣхъ людей, когда-либо писавшихъ о распрѣ короля Фридриха съ наслѣднымъ принцемъ, безъ сомнѣнiя, одинъ лишь Карлейль симпатизируетъ первому, и потому намъ кажется удивительнымъ, что знаменитый историкъ, усиленно хватаясь за все средства защитить своего героя, упустилъ изъ виду одно соображенiе, способное конечно не оправдать, но осмыслить распрю короля съ сыномъ, имѣющую безъ него видъ безумнѣйшаго, сатанинскаго варварства. Соображенiе это, съ ясностью сказывающееся каждому внимательному чита-

телю исторіи и современныхъ матеріаловъ, заключается въ томъ, что, терзая и преслѣдуя сына, король Фридрихъ Вильгельмъ терзалъ и преслѣдовалъ ненавистныя идеи новаго, враждебнаго ему поколѣнія. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, мы примѣтимъ, что весь ходъ дѣла озарится для насъ яркимъ свѣтомъ, а многіе факты, до тѣхъ поръ казавшіеся проявленіями сумасбродства, сгруппируются въ разумной послѣдовательности. Король Фридрихъ Вильгельмъ I какъ самый ретроградный и зазорный изъ представителей отживавшаго свѣта, и сынъ его, передовое лицо между новыми людьми XVIII столѣтія, были антагонистами по закону судьбы. Еслибы наследный принцъ открыто заявилъ свои идеи и тенденціи — лишеніе престола было бы его неминуемымъ удѣломъ. Онъ зналъ это и не шелъ на вѣрную гибель; но король тѣмъ не менѣе провидѣлъ въ немъ противника, и самая скрытая борьба, никогда не угасая, горѣла между единокровными. Тутъ становятся понятны и гоненіе на флейту, и *штербекиттель* ¹, и варварское наказаніе бѣдной дѣвушки, съ которою принцъ занимался музыкою. Въ сынѣ своемъ, сидящемъ за книгою, король стараго покроя видѣлъ протестъ юношей и даже принцевъ новаго поколѣнія противъ гоненія на науку; въ пристрастїи къ французскому вертопрашеству герой произвола угадывалъ пристрастіе къ идеямъ, начинавшимъ бродить по свѣту и съ особенною силою утверждавшимся во Франціи. Цѣлая политическая драма читается между строками другой драмы, совершавшейся въ Потсдамѣ, на Рейнѣ, въ Кюстринѣ, даже въ замкѣ Рейнсбергѣ. И не надо забывать, что полного примиренія между двумя представителями разныхъ поколѣній никогда не совершилось. За нѣсколько дней до смерти, король пришелъ въ бѣшенство, увидя, что, при входѣ наследнаго принца въ его комнату, придворные почтительно встали. За два года до своего восшествія на престолъ, будущій Фридрихъ Великій пишетъ къ своему другу де-Калеа: «лучше бы мнѣ питаться подаяніемъ, нежели переносить то, что я здѣсь непрерывно переносу.... Я принужденъ смотрѣть на отца какъ на злѣйшаго врага, который наблюдаетъ за мной, выжидая своей минуты для смертнаго удара (*coup de jarnac*) ².» Кар-

¹ Такъ называлъ наследный принцъ неудобную военную форму.

² Смотри также переписку Фридриха съ сестрой за 1739 годъ и начало слѣдующаго.

лейль пытается увѣрить насъ, что задолго до смерти короля отецъ и сынъ примирились; онъ указываетъ на то, какъ наследный принцъ рыдалъ надъ трупомъ родителя, и какъ почтительно говоритъ онъ о немъ во всѣхъ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ. Что сыновнее чувство по временамъ беретъ верхъ надъ злѣйшими политическими страстями, въ томъ сомнѣваться нечего. Что Фридрихъ Великій, переживъ первую свою юность, ничего не писалъ и не говорилъ худаго о своемъ отцѣ, объясняется отчасти его извѣстною снисходительностью къ врагамъ прошлаго времени ¹, а еще болѣе этикетомъ и условіями эпохи. Фридрихъ Великій не стѣснялъ книгопечатанія, но онъ считалъ непозволительнымъ трогать особъ своего семейства въ историческомъ сочиненіи. На этикетныхъ и полицейскихъ стѣсненіяхъ печати трудно основывать историческіе доводы.

Намъ остается перейти къ главной цѣли нашего этюда, — характеристикѣ короля Фридриха Вельгельма I по Карлейлю. Послѣ того, что высказано въ настоящихъ главахъ, дальнѣйшія замѣчанія бесполезны; мы позволимъ себѣ лишь малое количество примѣчаній въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ художникъ преднамѣренно измѣняетъ факты или что-либо особенно важное изъ нихъ скрываетъ. Затѣмъ мы прощаемся съ историкомъ и привѣтствуемъ художника-чародѣя, передъ дѣломъ котораго остается только изумляться.

III.

Въ 1713 г., умеръ первый изъ королей Пруссіи, Фридрихъ, отличавшійся неразчетливою пышностью. Онъ всю жизнь стремился къ тому, чтобы сдѣлать свой дворъ нѣкоторымъ подобіемъ версальскаго, и потративъ не мало денегъ, до нѣкоторой степени достигъ своей цѣли. Ему наследовалъ человекъ, не любившій мотовства, на Версаль глядѣвшій безо всякаго уваженія, и Французъ называвшій не иначе какъ «*Blitz-Franzosen*» съ прибавленіемъ иныхъ крѣпкихъ словечекъ. День похоронъ стараго короля былъ днемъ катаклизма для его прусскихъ версальцевъ. Проводивъ

¹ «Въ моемъ королевствѣ спокойно живутъ люди, когда-то меня приговорившіе къ смерти,» говаривалъ Фридрихъ Великій.

отца до могилы, Фридрихъ Вильгельмъ съ омерзѣніемъ сбросилъ обильно-кудрый французскій парикъ, заперся въ своей комнатѣ, потребовалъ къ себѣ сановныхъ особъ съ золотыми жезлами и въ золотыхъ кафтанахъ, взглянулъ на нихъ сурово и сообщилъ, что въ ихъ дальнѣйшихъ услугахъ надобности не предвидится. Придворная сводочъ тутъ же была убавлена до того, что въ дворцовыхъ комнатахъ осталось лишь восемь лакеевъ съ жалованьемъ по два талера въ мѣсяцъ; на конюшняхъ, пышныхъ какъ дворецъ, сохранено было для домашняго обихода около тридцати лошадей настоящихъ, — а не фантастическихъ лошадей, объясняетъ намъ историкъ, лошадей, которыхъ овесъ лежалъ на-лицо передъ ихъ мордами, а не расходился по разнымъ шталмейстерскимъ карманамъ. Затѣмъ послѣдовало сокращеніе пенсіонныхъ листовъ, административныхъ смѣтъ и прочаго. Триста тысячъ талеровъ замѣнились пятьюдесятью тысячами, и король собственноручно вычеркивалъ лишніе расходы объемомъ въ *полталера*. «Хорошее и благотворное дѣло, замѣчаетъ Карлейль ¹, благотворное не по одному денежному результату. Сбереженные деньги значать кое-что, пожалуй ничего не значать, но *сумма истребленной лжи*—кто ее измѣритъ? Мы говоримъ не о лжи слова, а о лжи рукъ, сердца, головы, върнѣйшемъ признакъ поклоненія дьяволу, о той лжи, которая тихо, какъ гниль, забирается въ сердце государствъ и даже находитъ себѣ дураковъ-хвалителей. Вотъ эту-то ложь истреблять обязанъ всякій человѣкъ, и особенно всякій властитель челоѣковъ. О безумной скаредности новаго короля много говорили сановники и короли Европы, покачивая париками, но Фридрихъ Вильгельмъ I, не смущаясь ихъ неодобреніемъ, неуклонно обдѣлывалъ Пруссію по своему образу и подобию, обдѣлывалъ ее въ такое трудящееся, разчетливое, строгое и спартанское государство, какимъ еще никогда не правили короли того времени. Европейскимъ болтунамъ было на чтѣ полюбоваться по этой части. Фридрихъ Вильгельмъ могъ назваться дикимъ сыномъ природы посреди поддруманеннаго міра, королемъ изъ медвѣжьей породы, котораго странная внѣшность памятна до нашей поры, но котораго внутренняя цѣна до нашей поры остается въ бе-

¹ Объемъ статьи не позволяетъ намъ дѣлать обширныхъ переводовъ изъ подлинника; въ разказѣ нашемъ мы лишь стараемся отчасти сохранять яркую, эксцентрическую манеру автора.

звѣстности. Да и какъ было чопорнымъ владыкамъ XVIII столѣтія не смѣяться! Замѣтки, письменныя инструкціи, резолюціи скарднаго короля цѣлы до нашего времени; онѣ грубы, безграмотны, словно набросаны медвѣжьей лапой, но свѣтятся въ нихъ человѣческой смыслъ и глубокая ненависть ко всему что похоже на ложь, мыльный пузырь, безплодный хаосъ и чепуху нравственную.»

Станный и неподрумяненный король, въ группѣ сіяющихъ вертопраховъ вертопрашнаго столѣтія, король отчасти похожій на дикаго человѣка,—кто не слыхалъ про его причуды, кто не повторилъ голословныхъ противъ него обвиненій? Но кто же съ любовью указалъ на его ненависть къ праздности, на его пламенное преслѣдованіе всякаго злоупотребленія, на хозяйственное мастерство, съ какимъ онъ хозяйничалъ въ Пруссіи, обогащая ее съ каждымъ годомъ? Странно прозвучать слова наши въ республикѣ литературной, но мы имѣемъ сильное искушеніе назвать Фридриха Вильгельма гениемъ, гениемъ по части народнаго хозяйства, не по части сочиненія трехтомныхъ романовъ. Гений не очень многословный, надо признаться. Гений не очень красивый, говорятъ его портреты; коротенькій, плотный человѣкъ, необыкновенно твердо стоящій на ногахъ, съ хорошо-развитымъ лбомъ, сѣрыми глазами, маленькимъ носомъ, въ видѣ картофелины, большимъ ртомъ и широкими скулами, въ синемъ мундирѣ съ красными обшлагами, въ штублетяхъ, съ толстою бамбуковою палкой. Передъ нами лицо вспыльчиваго труженника, простодушнаго и потому отчасти способнаго быть водимымъ за носъ, лицо загорѣлое, въ молодости цвѣтшее здоровьемъ, но подъ старость дѣлавшееся и желтымъ, и краснымъ, и синимъ, особенно при порывахъ гнѣва. Врожденная любовь къ порядку высказывалась въ опрятности короля, доходившей до странностей. Какъ мусульманинъ, онъ мылся по шести разъ въ день, въ комнатахъ терпѣть не могъ шелка, шерсти, бархата, всего что удерживаетъ пыль; любимую его мебелью были деревянныя стулья, на полу онъ не могъ видѣть ковра, на креслѣ — мягкой подушки. Ълъ и пилъ онъ много, но не до излишества, ѡлъ и пилъ какъ рабочій фермеръ или охотникъ ¹, пренебрегая французскими поварами и

¹ Говоря о жизни короля во время его распри съ сыномъ, Карлейль однако сознается, что въ это время Фридрихъ Вильгельмъ пилъ не-

издѣваясь надъ ними. Любимыми его блюдами были ветчина и зелень; труднымъ оказывалось французскому повару придумать что-нибудь для такого человѣка. Страшенъ казался этотъ дикій король медвѣжьей породы всякому празднующему, всякой нервной дамѣ, всякому переливателю изъ пустаго въ порожнее, всякому человѣку безъ надобности гуляющему внѣ дома, любующемуся природой. Скорѣ онъ былъ на жесткое слово и на дѣятельность съ помощью бамбуковой палки. «Ты кто такой? Гляди мнѣ прямо въ глаза! Зачѣмъ ты шляешься безъ дѣла? Домой, бездѣльникъ, и садись за работу!» Тутъ слѣдовалъ ударъ палкой по головѣ и по чему придется. Нельзя сказать, чтобы большинство людей стремилось къ королю нашему съ изліяніями вѣроподданническихъ восторговъ; напротивъ, это большинство чаще удирало со всѣхъ ногъ, завидя издалека красное лицо повелителя и трость, на которую опирался повелитель. Чтѣ же дѣлать? Фридрихъ Вильгельмъ смутно сознавалъ, что королемъ онъ сдѣланъ не для ношенія душистаго парика и не для лягушечьяго передразниванія версальскихъ быковъ, которые сами по себѣ не принадлежатъ къ числу полезныхъ животныхъ. Французскій парикъ и все, чему символомъ служилъ французскій парикъ, было ненавистно сердцу Фририха Вильгельма I, до конца его жизни.

Войскомъ своимъ нашъ король занимался болѣе всего остальнаго, хорошо понимая впервыхъ, что ему или его наследникамъ придется отстаивать богатую Пруссію отъ промотавшейся Европы, а вовторыхъ, что въ смутную годину политической путаницы восемьдесятъ тысячъ здоровыхъ дѣтинъ, съ ружьями на плечѣ, представляютъ твердый фактъ, не подлежащій колебаніямъ. Войско было точно доведено до совершенства, и между этимъ войскомъ, какъ мелодическая строфа, которую поэтъ холить и гладить предпочтительно передъ всѣми, красовался трехбатальонный полкъ потсдамскихъ лейбъ-гренадеровъ, истинныхъ гигантовъ, сыновъ Анака, когда-то потрясавшихъ грудь земли своими тяжелыми стопами. Кто не знаетъ этихъ великановъ, въ рядахъ которыхъ рисуется жиденькая фигура майора Фрица, наследнаго принца, будущаго Фридриха Великаго? Кто не слыхалъ про

умѣренно, и старается оправдать его горестнымъ состояніемъ души. Но всѣ замѣтки современниковъ ясно говорятъ, что невоздержность короля была постоянною невоздержностью.

потсдамскихъ гренадеровъ, кто не глядѣлъ на ихъ портреты, красующіеся въ Берлинѣ, и списанные по повелѣнію короля изъ медвѣжьей породы? Вотъ они на-лицо: *Джемсъ Киркманъ*, изъ Ирландіи, котораго завербованіе стоило 1200 фунтовъ стерлинговъ, человѣкъ огромный по росту, но уродливый по фізіономіи. Вотъ *Редивановъ изъ Москвы*, угрюмый дѣтина, изъ числа сотни великановъ, ежегодно присылаемыхъ царемъ Петромъ въ потсдамскую гвардію. Вотъ Прусакъ *Гоманъ*, до того огромный, что король Августъ Саксонскій, при своемъ исполинскомъ ростѣ, не могъ дотянуться рукою до его маковки. Вотъ еще одинъ ирландскій великанъ *Макдоль*, когда-то съ успѣхомъ показывавшій себя на родныхъ ярмаркахъ... Странная фаланга, до сей поры возбуждающая насмѣшки свѣта, точно такъ же, какъ возбуждала ихъ она во времена короля Фридриха Вильгельма Перваго. Но король Фридрихъ Вильгельмъ не обращалъ вниманія ни на насмѣшки свѣта, ни на протесты сосѣднихъ государей, у которыхъ его вербовщики добывали великановъ, то съ помощью хитрости, то силою, то побуждая высокихъ солдатъ дезертировать въ Пруссію. На зло всѣмъ осужденіямъ, король продолжалъ вербовки и фунтовыя занятія. И въ военномъ смыслѣ, и въ другомъ смыслѣ, болѣе глубокомъ, нашего короля стоить назвать *учебнымъ Сержантомъ* прусской націи. По правдѣ говоря, весь Гогенцоллернскій домъ имѣлъ сержантское призваніе, и въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ, подданные, имъ управляемые, выдерживали фунтовую школу, не совсѣмъ легкую. Но Фридрихъ Вильгельмъ, болѣе чѣмъ кто-либо, провелъ фунтовой элементъ по всему прусскому народу, сдѣлавъ изъ своего владѣнія одну сомкнутую фалангу, вышколенную въ совершенствѣ, внимательную ко всякому слову команды. Такова была роль, завѣщанная ему всѣми гогенцоллернскими предшественниками, и надо признаться, роль, не лишенная своего значенія.

Чтобъ ясно оцѣнить точку зрѣнія, съ которой спартакскій король глядѣлъ на дѣла внутреннія и внѣшнія, разкажемъ хотя два случая изъ его дѣятельности въ самый зрѣлый періодъ царствованія. Первый случай мы назовемъ печальною исторіей совѣтника Шлубгута, исторія эта не длинна, хотя и поучительна. Въ 1731 году кенигсбергское управленіе государственныхъ доменовъ (Kriegs und Domänen-Kammer) стало вести дѣла свои не совсѣмъ исправно, а совѣтникъ Шлубгутъ, дворянинъ родомъ, былъ заподозрѣнъ королемъ въ присвоеніи

тридцати тысячъ талеровъ, изъ которыхъ одна часть была назначена на святое дѣло пособія зальцбургскимъ эмигрантамъ (объ эмигрантахъ этихъ мы еще поговоримъ подробнѣе). Берлинская уголовная коллегія, разсмотрѣвъ дѣло, постановила рѣшеніе не совсѣмъ согласное со вкусами короля медвѣжьей породы. «Шлугутъ виновать, это несомнѣнно, но у него есть деньги, помѣстья. Онъ можетъ выплатить украденную сумму, а въ видахъ полезнаго наставленія, можно заарядить его въ тюрьму года на три.»—«Въ тюрьму года на три? урчить его величество.—Пополнить украденную сумму? А! по вашему грабежъ въ такомъ дѣлѣ искупается пополненіемъ украденныхъ денегъ?» И не подписавъ сентенціи, король оставляетъ дѣло до первой своей поѣздки въ кенигсбергское сосѣдство. Шлугутъ, мирно проводя время въ не очень-строгомъ заключеніи, даже не помышляетъ о томъ, что для него готовится!

И вотъ его величество въ Кенигсбергѣ. Можно себя представить, какой суровый вахтпарадъ заданъ былъ камерѣ государственныхъ имуществъ! Шлугутъ, потребованный королемъ въ особую комнату, вошелъ туда съ порядочною долей самоувѣренности, не вѣшая головы и не теряясь. «Крайне огорченъ случившимся, самъ не знаю, какъ оно сдѣлалось, готовъ пополнить растроченныя деньги, всѣ до копѣйки, постоянно разчитываю ихъ пополнить!»—«Пополнить, бездѣльникъ! Последняго солдата вѣшаютъ за воровство, отчего же не вдернуть на висѣлицу и тебя, мерзавецъ? Знаешь ли ты это, ты, сановникъ, уличенный въ грабительство?» Шлугутъ отвѣчаетъ тономъ оскорбленнаго достоинства. «Es ist nicht Manier, не принято у насъ вѣшать благородныхъ людей. Я выплачу недостающія деньги!»—«Ты благородный человекъ, разражается король во весь голосъ.—Ты заплатишь деньги, тобой украденныя? Не надо мнѣ воровскихъ денегъ! Въ крѣпость этого бездѣльника!» И Шлугутъ отведенъ въ крѣпость, и сидитъ въ ней съ печальнымъ духомъ, и слышитъ, что на площади, рядомъ съ камерой государственныхъ имуществъ, плотники стучать топорами, и цѣлую ночь надъ чѣмъ-то работаютъ. И на утро, глядя въ самыя окна камеры, высится на площади огромная висѣлица, и Шлугутъ кончаетъ на ней свое жизненное поприще, а висѣлица все остается на площади, покуда наконецъ послѣ долгихъ просьбъ, со стороны сановниковъ камеры, снять ее разрѣшено его величествомъ! И не

одинъ Шлубгутъ погибъ жертвою своихъ прегрѣшеній, но другой чиновникъ кенисбергскихъ доменовъ, нѣкто *Гессе* также былъ повѣшенъ въ Берлинѣ, повѣшенъ чуть ли не понапрасну, потому что, вслѣдствіе старости и дурной памяти, самъ запуталъ свои отчеты. Все это довольно ужасно и *радамантично*, но что же дѣлать съ жизнію? Только на жесткихъ основаніяхъ правды создаются царства, а безъ этихъ каменныхъ основъ, не исполнить человечеству ничего святаго и прочнаго на свѣтѣ ¹!

Исторія зальцбургскихъ эмигрантовъ, о которыхъ мы вскользь упомянули, будетъ второю и, какъ кажется, болѣе утѣшительною иллюстраціей дѣяній нашего коронованнаго спартанца. Зальцбургскій край Тироля, такъ извѣстный всякому любителю очаровательныхъ пейзажей, издавна былъ пріютомъ честныхъ, трудолюбивыхъ протестантовъ, которые хотя и состояли подъ управленіемъ католическихъ зальцбургскихъ архіепископовъ, но поведеніемъ своимъ не подавали ни малѣйшаго предлога къ притѣсненіямъ. Трудно было найти сыновъ Адама, болѣе безвредныхъ и кроткихъ, чѣмъ эти тирольскіе диссентеры въ ихъ шляпахъ съ широкими полями; жизнь ихъ мирно протекала въ уединенныхъ долинахъ любимой ими родины, до тѣхъ поръ покуда на архіепископское сѣдалище не взмогся въ 1727 году нѣкій новый архіепископъ, графъ Фирмианъ, по своему свѣтскому титулу, и нелѣпый Торквемада,—Торквемада нѣмецкій, по своимъ духовнымъ качествамъ.

Только что принявъ управленіе краемъ, нашъ рыцарь католицизма взялся за Зальцбургцевъ по своему: пейя, судебныя преслѣдованія, понужденія, заточеніе по тюрьмамъ, весь

¹ Пропускаемъ дополненіе къ исторіи Шлубгута. Уголовный судъ, такъ къ нему снисходительный, вскорѣ приговорилъ къ смертной казни одного гвардейскаго гренадера, за большую покражу со взломомъ замковъ. Король потребовалъ къ себѣ судей, припомнилъ имъ ихъ недавнее пристрастіе, а потомъ сталъ бить ихъ палкой, а гренадера приговорилъ къ легкому наказанію. Карлейль восхищается всѣмъ эпизодомъ, и дѣйствительно разказываетъ его неподобно, сваливая всю вину на генерала графа Денгофа, скрывшаго отъ короля всю мѣру вины гренадера. Но если король билъ судей палкою по головѣ, не ознакомясь съ процессомъ, и довѣряясь лишь отзыву Денгофа, то что же выйдетъ изъ его *радамантической* способности вникать во всякое дѣло? Если же онъ выгородилъ гренадера, зная объемъ его вины, то что думать о *радамантической* справедливости его величества?

ларчикъ папистской Пандоры, опрокинулся на кроткихъ чтецовъ Библіи въ нѣмецкомъ переводѣ. Мирные Зальцбургцы, снимающіе свои шляпы съ широкими полями, чуть ли не передъ всякимъ прохожимъ, оказались очень упорными по части нѣмецкой Библіи. «Не можемъ оставить ее, ваше преподобіе, не смѣемъ, не должны оставить! Лучше продать наше имущество и покинуть родину, какъ сказано въ вестфальскомъ трактатѣ!»—«Вы еще смѣете ссылаться на трактаты, вы хотите оставить Зальцбургъ! возопилъ святой повелитель: вы проповѣдуете бунтъ, открытое неповиновеніе власти, вотъ я васъ!» И тутъ же, по его требованію, отъ императора присланы нѣсколько австрійскихъ полковъ, для укрощенія зальцбургскихъ буяновъ: всему міру извѣстно, что австрійскіе полки издавна имѣютъ добрую славу по этой части. Шумъ сталъ хуже и хуже, раззоряемые Зальцбургцы послали депутатовъ на сеймъ, жаловались евангелическому корпусу, все попустому. Не видя для себя никакого спасенія въ статьяхъ вестфальскаго трактата и симпатіи въ сановникахъ, украшенныхъ огромными париками, Зальцбургцы подождали до 1730 года, и отправили въ Берлинъ двухъ депутатовъ, прося заступничества у короля Фридриха Вильгельма, уже одинъ разъ не безъ успѣха вступавшагося за протестантовъ въ Гейдельбергъ.

Депутаты пришли въ Берлинъ, то были молчаливые, солидные люди, въ извѣстныхъ намъ шляпахъ, въ башмакахъ съ толстѣйшими подошвами. Король принялъ ихъ немедленно. «Настоящіе вы протестанты? спросилъ онъ прежде всего.—Вы не мистическіе фанатики, не буяны, какъ увѣряетъ достопочтенный Фирмианъ? Я къ вамъ приставлю двухъ надежныхъ пасторовъ, они васъ проэкзамнуютъ какъ слѣдуетъ!» Отзывъ пасторовъ оказался вполне удовлетворителенъ. «Теперь ступайте домой, скажите своимъ, что помощь будетъ. Маршъ!» И не теряя минуты, король пишетъ къ императору, къ членамъ евангелическаго корпуса, готовитъ деньги въ казначействѣ, приказываетъ отдѣлить пустопорожнія земли около Тильзита и Мемеля, построить на нихъ дома, подпахать поля, учредить комиссіи для приѣма и сопровожденія эмигрантовъ. Зальцбургскій народъ просіялъ духомъ; родина намъ мила, но Спаситель сказалъ, что блаженны люди, оставляющіе все земное для Спасителя! Тысячи лучшихъ людей поднялись, собра-

лись въ дорогу, просятъ лишь небольшого срока, для продажи имущества... Но графъ Фирмианъ дѣлаетъ свое дѣло.

— А, вы эмигрируете? говоритъ графъ Фирмианъ Зальцбургцамъ Императоръ разрѣшилъ вамъ переселяться на земли короля прусскаго? Чтò же, убирайтесь живѣе, бѣгите сейчасъ же, хоть къ самому сатанѣ, вонъ изъ моихъ владѣній! «Ваше преподобіе, а наше имущество, наши стада и пожитки?» — «Молите Бога, чтобъ еще кожа ваша цѣла осталась. Вонъ отсюда, говорю я вамъ!» И вотъ слишкомъ девятьсотъ вроткихъ людей, разворенныхъ вконецъ, бѣгутъ изъ родной земли, томятся въ баварскихъ городахъ, питаются подаянїемъ. Король Вильгельмъ, извѣщенный новремя, раздражается громовою угрозою. «А, вы жмете моихъ протестантовъ въ Тироль! Вотъ я задамъ гонку вашимъ единовѣрцамъ въ Гальберштадтъ и Минденъ! Почтенные католическіе джентльмены двухъ названныхъ городовъ нашего королевства, церкви ваши запираются, на доходы ваши кладется секветръ, затѣмъ я еще кое-что для васъ готовлю, если вы не замолите своихъ покровителей гдѣ слѣдуетъ!» Прижатые католики подняли такой воуль, что архіепископу Фирмиану велѣно было опомниться. Условія переселенія измѣнены, Зальцбургцамъ даны срокъ и льготы, Гальберштадтъ и Минденъ успокоились, и католики, и протестанты вздохнули спокойнѣе.

И вотъ, раннею весною 1732 года, начинается переселеніе зальцбургскихъ эмигрантовъ въ Пруссїю. Эпизодъ можетъ-быть самый гуманнѣйшій и трогательнѣйшій во всей новѣйшей исторїи. «Идите ко мнѣ, говоритъ Фридрихъ Вильгельмъ, идите на мою землю, честные голяки, возлюбившіе Спасителя болѣе своей родины. Я человекъ небогатый, и денегъ бросать не умѣю; путь вашъ не будетъ усыпанъ розами, но всѣ разумныя мѣры приняты. Земли вамъ отведены, начало вашему хозяйству положено, на первые года вы свободны отъ военной службы, (увы!) даже въ моей потсдамской гвардіи, комиссары назначены по всѣмъ городамъ, гдѣ вы проходить будете, ко всѣмъ сосѣдямъ о васъ мною писано; безъ надзора и средствъ къ жизни я васъ не брошу. Вотъ вамъ по четыре гроша въ день на мушину, по три на женщину, по два на ребенка, деньги эти до васъ дойдутъ, въ томъ я самъ порукою. Поднимайтесь съ Богомъ, въ Берлинъ увидимся!

И поднялись бѣдные Зальцбургцы: не торопясь, продали все громоздкое, захватили съ собою остальную часть имущества,

раздѣлились на партіи въ триста, въ пятьсотъ, въ тысячу человекъ, снесшись съ прусскими властями, и двинулись по разнымъ, имъ указаннымъ направленіямъ. По всей протестантской Германіи разгорѣлось чувство любви къ этимъ кроткимъ, притѣсненнымъ странникамъ, возлюбившимъ Спасителя болѣе роднаго дома и родной земли съ ея чудными красотами. Случалось имъ проходить протестантскій городъ, жители его выходили на встрѣчу странникамъ, брали ихъ въ свои дома, кормили, ласкали, снабжали деньгами, и провожали потомъ далеко за заставу. Въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, протестанты соединялись и брали на себя встрѣчу путниковъ; въ немногихъ мѣстахъ, чисто-католическихъ, уже ихъ ждали прусскіе агенты или комитеты отъ разныхъ конгрегацій, съ деньгами и припасами. Колокола звонили, въ церквахъ, происходили сборы для путниковъ, марграфъ Байрейтскій въ своемъ дворцѣ давалъ имъ обѣды, знатныя дамы высылали свои кареты за городъ и подвозили усталыхъ женщинъ, простой народъ отдавалъ послѣднее, крестьянки приносили свой гульденъ, оставленный про черный день, и плакали, восклицая; «мы не можемъ ничего дать болѣе». Въ иныхъ мѣстахъ плачь ихъ доходилъ до того, что прусскіе комиссары (народъ крайне несентиментальный) долгомъ считали утѣшить плачущихъ: «не горюйте, запасовъ довольно, скоро черезъ вашъ городъ пройдетъ другая партія, поберегите для нея что можете.» И до сихъ поръ, послѣ самаго бурнаго столѣтія, вса протестантская Германія еще не забыла шествія зальцбургскихъ эмигрантовъ, этого высокаго, братскаго шествія, рядомъ съ которымъ стыдно поставить любое изъ такъ-называемыхъ *славныхъ дѣлъ*, такъ любимыхъ близорукими и слѣпыми историками!

На прусской землѣ переселенцамъ стало еще теплѣе чѣмъ на земляхъ сопредѣльныхъ Пруссіи; по распоряженію короля, каждой партіи, кромѣ комиссаровъ, сопутствовали — врачъ, пасторъ, и нѣсколько особыхъ проводниковъ. Бóльшая часть этихъ должностей, благодаря общему настроенію умовъ, исполнялась безвозмездно, обстоятельство любезное для короля и его разчетливости! Тридцатаго апрѣля 32 года, въ четыре часа пополудни, первая партія зальцбургскихъ переселенцевъ, числомъ въ девятьсотъ человекъ; показалась передъ Бранденбургскими воротами прусской столицы. У воротъ этихъ, впереди воннственной, туго затянутой свиты, впереди народа пол-

наго радостными привѣтами для странниковъ, стоялъ пузатый коротенькій человекъ, въ синемъ мундирѣ, бѣломъ небольшою парикъ, и камзолѣ соломеннаго цвѣта, человекъ съ краснымъ, даже сине-краснымъ лицомъ, съ пронизательнымъ взглядомъ, суровыми жестами. Вотъ онъ, вашъ защитникъ и новый хозяинъ, бѣдные, утомленные пѣшеходы! Любезностей вы отъ него не дождетесь. Нечего заживаться въ Берлинѣ, сходите въ церковь, у кого нѣтъ Библии, тому я велю отпустить, нечего разѣвать рты и плакать, отдыхайте, впереди еще большая дорога, на любезности есть у меня королева Соня! И точно, королева Соня (Софія-Доротея) ласкаетъ переселенцевъ, приглашаетъ ихъ на ужинъ, приказываетъ снять портретъ съ одной миловидной Тирольки, а берлинскій beau-monde начинаетъ вводить въ моду тирольскія шляпки.

За первую партію подходитъ другая, третья, четвертая, пятая; всего въ два года тысячь двадцать обоего пола. Иныя партіи огибають Берлинъ, иныхъ изъ Штетина отправляютъ по морю, но всѣмъ одно назначеніе—окрестности Тильзита и Мемеля, край довольно безплодный, но уже подготовленный какъ слѣдуетъ. Дома уже сложены, скотъ запасенъ, даже куры и утки доставлены съ разныхъ концовъ Пруссіи, и ждутъ новыхъ владѣльцевъ. Семьи эмигрантовъ, связанныхъ родствомъ или дружбою, поселены вмѣстѣ или въ недалекомъ сосѣдствѣ. Все готово, все устроено, и скоро, скоро процвѣли, зазеленѣли поля, до той поры считавшіяся пустыней. Много прелестнаго, разумно идиллическаго начала въ исторіи зальцбургскихъ переселенцевъ, но читатель не долженъ себѣ представлять однако, что она шла какъ заведенные часы, безъ толчковъ и нестройностей, обычныхъ во всякомъ житейскомъ дѣлѣ. Совѣтникъ Шлугутъ «болтавшій ногами въ пустомъ пространствѣ», служить тому живымъ доказательствомъ. Говорили въ Европѣ, что эмигранты всѣ завербованы въ прусскую армію, что ихъ перерѣзали и утопили дорогой, но мало-помалу правда взяла свое, и когда въ 1738 году, зальцбургская эмиграція торжественно назначила день благодаренія Господу, за помощь, имъ оказанную, положеніе переселенцевъ уже могло назваться блестящимъ. Вся издержка по ихъ пути и водворенію обошлась Фридриху Вильгельму крайне дорого (милліонъ *тогдашнихъ* талеровъ), но съ помощью своей такъ воспѣтой историками скардености, король кое-какъ пополнялъ расходы, а милліонъ талеровъ, положенныхъ имъ въ «великій

банкъ природы» принесъ хорошіе плоды, какихъ напримѣръ никогда не принесутъ сто милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не такъ давно еще положенныхъ гдѣ-то подъ Балаклавой, въ извѣстный банкъ газетныхъ разглагольствованій!

IV.

За нѣсколько страницъ назадъ, толкуя о полкѣ потсдамскихъ великановъ, примѣтили мы въ ихъ рядахъ маленькаго, худенькаго майора лѣтъ осмнадцати, съ прекраснѣйшими голубыми глазами, съ миной разсѣянною и чѣмъ-то недовольною. Майоръ этотъ—живое исключеніе изъ правилъ прусскаго воинства, въ которомъ капитаны имѣютъ лѣтъ по шестидесяти. Это наслѣдный принцъ короля Фридриха Вильгельма и будущій король Фридрихъ Великій. Тяжкая школа предназначена юношѣ съ чудными голубыми глазами, школа горькая, кровавая и все-таки необходимая для тѣхъ, кого судьба предназначаетъ въ вожди роду человѣческому. Много слезъ прольетъ онъ, много мукъ испытаетъ онъ до той поры, покуда его внутренній человѣкъ не закалится въ горнилѣ страданія, покуда все легкое, французское и призрачное не слетитъ съ его личности, и покуда Господь не скажетъ ему: «теперь ты готовъ на дѣло, иди и повелѣвай милліонами!»

Мы предполагаемъ, что нашимъ читателямъ хорошо знакома исторія молодости Фридриха Великаго, а потому и намѣрены коснуться ея лишь на столько, на сколько оно совмѣстно съ цѣлю эпизода нашего. Карлейль идетъ прямо противъ всѣхъ предшествующихъ ему историковъ героя Пруссіи; по его свидѣтельству, ихъ отзывы объ антипатіи короля къ ребенку Фрицу, о гоненіяхъ, возведенныхъ въ систему и начатыхъ надъ мальчикомъ-принцомъ, грѣшатъ явнымъ пристрастіемъ. Фридрихъ Вильгельмъ I былъ отцомъ взыскательнымъ, не ласковымъ, но никакъ не предубѣжденнымъ и не жестокимъ. Если онъ былъ неумѣренно строгъ къ невиннымъ грѣшкамъ Фрица, къ его олеитъ, къ его французскимъ книгамъ, къ его разсѣянности передъ фронтомъ, то были и другія причины неудовольствій, основанныя на дѣйствительныхъ грѣхахъ наслѣднаго принца. Дрезденская поѣздка (1728 г.) и тлетворный примѣръ Августа, вѣнчаннаго развратника, были пагубны для

юноши, едва вышедшаго изъ дѣтства ¹. Здоровье его пострадало, дурные слухи заходили по Берлину. Года два послѣ увеселеній Дрездена, молодой принцъ велъ жизнь чрезвычайно безпутную въ сообществѣ молодыхъ офицеровъ Катте, Кейта и другихъ, имъ подобныхъ. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что за эти годы свѣтлая, молодая душа будущаго героя сидѣла въ грязи, какъ сидитъ въ ней молодой носорогъ, высунувшій лишь кончикъ морды, съ грязнымъ неприятнымъ урчанiемъ. Въ эту пору отцовскiя неудовольствiя короля Фридриха Вильгельма превратились въ открытое отвращенiе, выразившееся, какъ всегда у медвѣжьяго сорта людей, вспыльчивостiю, грозой, пароксизмами горя, бѣшенства и отчаянiя...

И намъ ли за то обвинять отца, и намъ ли говорить, что безпутство юности иногда бываетъ полезно? Юный носорогъ вырвался изъ своей грязной ванны, но увы! не безъ страшныхъ, вѣчныхъ слѣдовъ на сіяющихъ частяхъ своего духа, не безъ пятенъ ржавчины на своей благородной стали! На подобный случай нашъ другъ Зауэртейгъ уже сказалъ свое слово: «Безплодно и безбожно сжигать въ безумiи, безъ цѣли, лучшіе небесные ароматы нашего существованiя, дѣлать мѣсто непотребства изъ «святая святыхъ» души нашей! Придетъ пора, и мы опять поймемъ, сколько силы скрыто въ жизни чистой и цѣломудренной, сколько божественности таится въ непорочномъ румянцѣ юноши, и какъ непреложенъ законъ, повелѣвающій хранить чистоту, непреложенъ не для однѣхъ женщинъ! Придетъ пора, когда мы узнаемъ все это, а если сказанной порѣ не суждено опять къ намъ вернуться, то и многое не вернется къ намъ изъ того, что прежде считалось великимъ и героическимъ!»

Грустны и обильны худыми послѣдствiями заблужденiя Фридриховой молодости, но они одни, питая отцовскую ненависть, еще не могли бы довести до тѣхъ катастрофъ, которыя въ свое время повергали Европу въ ужасъ. Мы уже знаемъ короля Фридриха Вильгельма на столько, чтобы понять возможность водить за носъ этого дикаго, суроваго, но въ глубинѣ души довѣрчивѣйшаго властелина изъ медвѣжьей по-

¹ Карлейль сводитъ года не совсѣмъ ловко. Дѣйствительно, наследный принцъ велъ не совсѣмъ чистую жизнь въ 1728 году и слѣдующихъ, но гоненiя отца со всякими оскорбленiями и побоями начались задолго прежде.

роды. И нашлись люди, посланные адомъ, чернокнижники, проклятые вожаки, которые не только продѣли кольцо въ носъ честному медвѣдю, но повели его за собой, муча его, раздражая, доводя до послѣднихъ граней бѣшенства и безумія. Люди эти были прусскій генераль баронъ Грумковъ и австрійскій посланникъ фельдцейхмейстеръ Секендорфъ. Въ этихъ двухъ мерзавцахъ, обреченныхъ проклятію, таится корень бѣдствій королевскаго дома, неистовствамъ самого Фридриха Вильгельма, наконецъ всей ужасающей распрѣ, едва не доведшей Фрица до гроба, едва не покрывшей Пруссіи бѣдствіями и развалинами. Двое черныхъ волхвовъ (black artists), совершили дѣло, отъ котораго до сихъ поръ историческое значеніе честнѣйшаго изъ королей подвергается общему поруганію. Какая же сила увлекла волхвовъ на дѣло мрака, какими путями они совершили это дѣло? А главное, для кого изъ людей, проживающихъ въ мірѣ, такое преступленіе могло быть нужнымъ, даже необходимымъ?

На тронѣ германской имперіи, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, сидѣлъ императоръ Карлъ VI, котораго Карлейль для краткости называетъ просто Кайзеромъ, а иногда для живописности слога «Кайзеромъ, гонящимся затѣнами.» По обычаю императоровъ германскихъ, а въ послѣдствіи и австрійскихъ, вышеупомянутый Кайзеръ постоянно находился въ затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, по временамъ доходившихъ до безвыходно отчаяннаго положенія. Живая противоположность королю Фридриху Вильгельму, который прежде всего думалъ о дѣлахъ Пруссіи, Кайзеръ слишкомъ много помышлялъ о чужихъ державахъ, совершенно оставляя дѣла областей собственныхъ. Голосъ его гремѣлъ во всякомъ европейскомъ спорѣ, ко всякому международному процессу неминуемо примазывались Кайзеровы претензіи, что, какъ всякій можетъ сообразить самъ, было весьма скверно при тощемъ кошелькѣ и плохой арміи. Вѣчныя распри съ Франціей, ссоры съ Испаніей, жалобы на Англію и Голландію, вмѣшательство въ дѣла отдѣльныхъ князей Германіи, всякій согласится, что при такой страсти охотиться за политическими призраками, никакой кошелекъ и никакая армія не выдержатъ! Хорошій союзникъ, конечно, могъ бы пособить горю; но на свою бѣду, Кайзеръ имѣлъ союзниковъ столько же, сколько денегъ въ казначействѣ, то-есть весьма мало. Ему не было счастья на друзей, ибо отъ друзей своихъ онъ имѣлъ

обыкновеніе требовать весьма многого, безсовѣстно надувая ихъ каждый разъ когда приходилось разчитываться за оказанныя услуги. Когда-то и Фридрихъ Вильгельмъ былъ очень расположенъ къ Кайзеру, когда-то его феодалная душа готова была заложить себя самое для прихоти германскаго повелителя, но времена переѣнились: Кайзеръ огорчилъ короля въ дѣлѣ гейдельбергскихъ протестантовъ, прогналъ его вербовщиковъ изъ своихъ владѣній, не признавъ притязаній его по когда-то знаменитому Юлихъ-и Бергскому участку. Совѣты Англіи (Фридрихъ Вильгельмъ былъ женатъ на дочери короля Георга I) и ея блестящія обѣщанія наконецъ отторгли отъ Кайзера послѣдняго человѣка, котораго онъ могъ бы себѣ сохранить съ самымъ малымъ пожертвованіемъ. По ганноверскому трактату (заключенному 1725 г.), Франція, Англія и Пруссія, въ видахъ сохраненія политическаго равновѣсія, заключили союзъ, на случай новыхъ неразумій Кайзера, а сближеніе между Пруссіей и Англіей, начатое такъ блистательно, имѣло всѣ вѣроятности сдѣлаться еще тѣснѣйшимъ. Уже давно, между родственными домами Англіи и Пруссіи, между королевой Софіей-Доротеей и принцессой, въ послѣдствіи королевой Каролиной, происходили разговоры такого рода: «У васъ есть принцъ Фрицъ, котораго лучше звать Фредомъ (такъ какъ ему предназначено быть королемъ Англіи), и у насъ есть Фрицъ,—будущій властелинъ Пруссіи. У насъ есть бойкая, хорошенькая дѣвочка Вильгельмина, и у васъ есть милая блондиночка Амелія (Эмилиа по англійскому произношенію.) Почему бы Эмилии не выйти за Фрица, а Фреду не обвѣнчаться съ Вильгельминой?» Сначала объ этомъ говорили лишь дамы, за дамами начали толковать вѣнчаные старики, потомъ заговорила Европа, къ огорченію покинутого всѣми Кайзера, къ увеселенію любителей европейскаго равновѣсія. Планъ дѣйствительно былъ не дуренъ, хотя, смѣемъ сказать, политическое равновѣсіе не много выигрываетъ отъ плановъ людей, чрезмѣру имъ озабоченныхъ. Лучшій рецептъ для политическаго равновѣсія и лучшее занятіе для монарховъ, имъ озабоченныхъ, совпадаютъ между собою. Пусть эти монархи хорошенько занимаются своимъ народомъ и краемъ, да ведутъ своихъ подданныхъ впередъ, въ земномъ и небесномъ отношеніи, нисколько не думая притомъ о политическомъ равновѣсіи. Вслѣдствіе такого новаго способа веденія дѣлъ, и запутанныя дѣла по сосѣдству сами устроятся по закону тяготъ.

нія, и политическое равновѣсіе придетъ само собой, безъ всякихъ вызововъ и приглашеній.

Не такъ, къ сожалѣнію, разсуждали современники Фридриха Вильгельма, и особенно Кайзеръ, никогда не считавшій нужнымъ помышленія о своихъ земляхъ и подданныхъ. Какое тутъ равновѣсіе, думаетъ Кайзеръ, когда послѣдній король, которымъ я до сей поры помыкалъ безнаказанно, выдаетъ свою дочь за коварнаго Британца, женить сына на Англичанкѣ и изъявляетъ готовность, при первой моей ссорѣ съ сосѣдомъ, ввалиться въ мои области, имѣя при себѣ восемьдесятъ тысячъ угрюмыхъ великановъ? Дѣло выходитъ худое и требующее новыхъ услугъ отъ Фридрихова любимца, генерала фонъ-Грумкова, давно продававшегося Австріи и давно уже продающаго ей своего государя. Не теряя времени, Кайзеръ шлетъ къ фонъ-Грумкову привѣтъ и такого рода извѣщеніе: «Дорогой Грумковъ, пришла пора великаго испытанія усердію вашему. Вы давно получаете отъ насъ тайной стипендіи 5000 гульденовъ, мы ее платили исправно, и вы шпионили удовлетворительно, но теперь мы за деньгами не стоимъ, гроза у насъ надъ головой. Во чтѣ бы ни стало, надо отторгнуть вашего коронованнаго медвѣдя отъ ганноверскаго трактата, во чтѣ бы ни стало, надо разрушить двойной бракъ, условленный съ британскимъ дворомъ. Пособите и требуйте чего хотите: на такое благое дѣло деньги у насъ всегда найдутся.» Грумковъ, подъ наружностію стараго простаго солдата, скрывающій душу тончайшаго бездѣльника, откровенно передаетъ свои затрудненія. «Отъ всего сердца радъ служить свѣтлому Кайзеру, душой цѣню его благодѣянія и стипендіи, но долгъ честнаго челоуѣка повелѣваетъ мнѣ быть откровеннымъ. Одному челоуѣку не справиться съ нашимъ вѣнчанымъ медвѣдемъ, тутъ нуженъ товарищъ, опытный и знакомый до тонкости съ намѣреніями вашего величества. Вдвоемъ какъ-нибудь справимся, хотя, надо признаться, дѣло рискованное.»

За опытнымъ Австрійцемъ остановки нѣтъ; челоуѣкъ приисканъ и отправленъ въ дорогу; фонъ-Грумковъ ждетъ его и готовитъ политическое представленіе, первый актъ котораго происходитъ въ Берлинѣ, 11 мая 1726 года. Театръ представляетъ *табачный парламентъ*, то-есть особую комнату въ берлинскомъ дворцѣ, гдѣ король, послѣ трудового дня, имѣетъ обыкновеніе курить и пить рейнвейнъ посреди лицъ, пользующихся его особеннымъ расположеніемъ. Комната просторна

и проста, съ большимъ столомъ по срединѣ, на столѣ трубки и табакъ, по угламъ, на другихъ столикахъ, холодныя кушанья бутылки съ рейнвейномъ и пивомъ. Табачное собраніе въ полномъ составѣ: вотъ честный, закаленный воинъ, фельдмаршалъ принцъ Ангальтъ-Дессау, изобрѣтатель желѣзнаго шомпола, съ лицомъ пороховаго цвѣта, драбантъ по виду напоминающій бульдога, но по сердцу простодушный агнецъ; вотъ Грумковъ, уже намъ знакомый; вотъ берлинскій градоначальникъ Дершау, насильно заставлявшій всякаго сколько-нибудь достаточнаго горожанина строить дома, на отведенныхъ мѣстахъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія; вотъ Гинкель, голландскій посланникъ; вотъ Пельницъ, Одиссей, много странствовавшій по свѣту, вотъ и наследный принцъ, явившійся противъ воли, не употребляющій ни рейнвейна, ни пива, и трубки не курящій: дрянной Французишка, вертопрахъ! думаетъ про кронпринца его величество. Солнце садится, вечеръ теплый, всѣ окна отворены настежь, глазамъ открывается просторная площадь передъ замкомъ. Король сидитъ у окна и курить, глядя на площадь, а на площади стоитъ какой-то коренастый старикъ военнаго вида, стоитъ и разглядываетъ дворецъ, очевидно иностранецъ. «Это чтò за человекъ на площади?» спрашиваетъ Фридрихъ Вильгельмъ у Грумкова. Грумковъ, подстроившій всю сцену, глядится и отвѣчаетъ: «Фельдцейхмейстеръ Секендорфъ, ваше величество. Я видѣлся съ нимъ сегодня, а ѣдетъ онъ въ Данію зачѣмъ-то, и торопится.»— «Какъ? графъ фонъ-Секендорфъ, котораго я видалъ подъ Нитральзундомъ? Чтò же онъ ко мнѣ не заходитъ?»— «Ваше величество, онъ и то замѣшкался, чтобы поглядѣть на парадъ послѣ завтра: быть въ Пруссіи и не видать войска... сами знаете не по силамъ старому солдату. Вотъ почему онъ и ко двору не представился.»— «Ко двору! представляться! чепуха, *Narrenpossen!*» и король высовывается изъ окна, машетъ рукой Секендорфу. И Секендорфъ, представляясь смущеннымъ, входитъ въ собраніе, и кланяется всѣмъ и глядитъ на наследнаго принца, не подозрѣвающаго, что въ комнату вошелъ его злѣйшій врагъ, будущій отравитель лучшихъ годовъ его юности!

Любители старыхъ гравюръ видали портреты графа Секендорфа. Не красиво лицо стараго архи-интригана, лицо каменное, не проницаемое, лживое, изрытое морщинами съ парю злыхъ глазъ и выдавшимся впередъ подбородкомъ. Но королю

Фридриху Вильгельму оно напомнило военныя тревоги и bivаки подъ огнемъ батарей штральзундскихъ. «Добро пожаловать, герръ фельдцейхмейстеръ! не думалъ я, что вы станете обѣгать боевыхъ товарищей. Берите трубку, садитесь, разказывайте, что новаго?» А разказывать новости и поддѣлываться къ людямъ, графъ Секендорфъ великій мастеръ. Поболтавъ одинъ вечеръ съ прусскимъ королемъ, онъ уже запустилъ лапы въ его сердце; побывавъ на извѣстномъ парадѣ, онъ довершилъ свою побѣду. Еще одинъ визитъ на обратномъ пути изъ Даніи, и король рѣшительно не имѣетъ силы разстаться съ Секендорфомъ. «Что же, кротко замѣчаетъ фонт-Грумковъ: если вашему величеству такъ тяжело отпустить отъ себя графа, императоръ, вѣроятно, не затруднится дать ему мѣсто своего уполномоченнаго въ Берлинѣ!» Предположеніе Грумкова возбудило великую радость, и императоръ внялъ желанію Фридриха Вильгельма, и графъ Секендорфъ отправленъ въ Вѣну съ ближайшею почтой: «фонт-Грумковъ служить очень честно (dient ehrlich), къ его пенсіи полезно сдѣлать прибавку, или подарить ему одновременно тысячь сорокъ гульденовъ!» Грумковъ получаетъ и прибавку и одновременный подарокъ, Секендорфъ утверждаетъ въ новой должности, король Фридрихъ Вильгельмъ радуется: медвѣдь подставилъ свой носъ, и желѣзное кольцо продѣто. Скоро кольцо это окажется кольцомъ изъ разкаленнаго металла, и долго, долго будетъ мучиться вѣнчаннй звѣрь, и доходить до изступленія, въ рукахъ своихъ вожаковъ, посланныхъ адомъ!

Ибо не надо забывать, что цѣлыя семь лѣтъ съ мая 1726 г.; въ Европѣ бѣсновался и выдѣлывалъ дикіе скачки не нашъ честный спартаецъ Фридрихъ Вильгельмъ, а какая-то бѣснующаяся, горькая фигура, только по рутинѣ могущая зваться этимъ именемъ, но въ самомъ дѣлѣ представлявшая собой Секендорфа-Грумкова. Эти два артиста-чернокожника изловили царственнаго дикаго медвѣдя, окружили веревкой его пасть и заставили его плясать, то пугая, то терзая его, наслаждаясь сами и веселя недоумѣвающую Европу его коверканьемъ! Вся вселенная глядѣла на эту возмутительную комедію, раздражаясь злымъ хохотомъ по поводу Фридриха Вильгельма; но не знали смѣявшіеся зрители, что тутъ была и трагическая сторона, никому не примѣтная, полная слезъ для бѣднаго короля, требовавшая немедленной петли для его мучителей. Да, еслибы кто-нибудь исправно и тщательно по-

вѣсилъ Грумкова и Секендорфа послѣ первой пляски медвѣдя, многое въ свѣтѣ пошло бы иначе, и трудъ историка во многомъ бы облегчился.

Горькія и страшныя семь дѣтъ! Катастрофа идетъ за катастрофой, раздражаясь и уступая мѣсто новымъ бѣдствіямъ. Сначала секретный трактатъ вустергаузенскій, отдавшій короля отъ его новыхъ союзниковъ, съ пышными обѣщаніями отъ Кайзера, конечно, не осуществившимися. Потомъ шпионство и доносы, внесенные въ домъ государя, доносы на наследнаго принца, принцессу Вильгельмину и королеву, поддерживавшую предполагаемый двойной бракъ всѣми дозволенными и недозволенными средствами. Затѣмъ распрѣ съ британскимъ дворомъ, напрасныя усилія британскаго посланника раскрыть всю бездну измѣны, опутавшей Фридриха-Вильгельма, усилія, самыя законныя, основанныя на явныхъ доказательствахъ предательства, но увы! усилія оставшіяся совершенно безплодными. Увидавъ свою силу въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, убѣдившись, что даже перехваченныя депешы предателей не въ силахъ раскрыть глаза вѣнчанному медвѣдю, вожаки его начинаютъ дѣйствовать, ничѣмъ не стѣняясь. Доносчики и шпионы превращаются въ смѣлыхъ обличителей. «Не довѣряйте наследному принцу, ваше величество. Онъ Французъ, Англичанинъ, музыкантъ-вольнодумецъ, все чтó угодно, но онъ не Прусакъ и не вѣрноподанный. Онъ ведетъ тайную переписку съ врагами вашими, онъ желаетъ вашей смерти, онъ влюбленъ въ свою англійскую принцессу. Онъ ненавидитъ коренныхъ союзниковъ вашихъ и ищетъ заступничества Англій. У него есть какіе-то потаенные планы, у принцессы Вильгельмины тоже. Не спускайте съ нихъ глазъ, ваше величество!» А при отношеніяхъ короля и наследнаго принца, «не спускать глазъ съ Фрица» значить вести съ нимъ нещадную войну: такъ несходны отецъ и сынъ между собой, такъ много повода къ распрѣ во всякой ихъ встрѣчѣ. Пересчитывать ли эти побои и ругательства передъ цѣлымъ дворомъ, эти вторженія въ комнаты Фрица во время музыкальныхъ занятій, эти бѣшеные выговоры передъ фронтомъ, эти оскорбительныя подозрѣнія, всѣ эти проявленія неистоваго безумія? Кто не знаетъ всего этого? Кто не знаетъ, что на послѣдокъ жизнь въ Берлинѣ стала невыносима наследному принцу, что онъ задумалъ бѣжать изъ Пруссіи, что сообщниками его плана были поручики Кейтъ и Катте, что планъ

былъ разрушенъ старыми генералами, приставленными къ принцу въ видѣ жандармовъ, что вся исторія произошла въ августѣ 1703 г., во время поѣздки короля и сына въ Аншпахъ, гдѣ вторая дочь Фридриха Вильгельма жила съ мужемъ? Достаточно указать на событія и провести передъ читателемъ рядъ картинъ, относящихся къ этому періоду исторіи будущаго Фридриха Великаго. Вотъ первая встрѣча сына съ отцомъ послѣ несчастной попытки побѣга: король кидается на Фрица, какъ бѣшенный, зоветъ его проклятымъ дезертиромъ, бьетъ по лицу рукоятію трости. Вотъ семейная сцена въ Берлинѣ, гдѣ Вильгельмина успѣла уже подмѣнить бумаги, ее компрометировавшія: Фридрихъ Вильгельмъ сбиваетъ принцессу съ ногъ ударомъ кулака, топчетъ ее ногами и кричитъ королевы: «твой мерзавецъ-сынъ дошелъ до того, къ чему стремился, его уже нѣтъ на свѣтѣ, я съ нимъ *покончила!*» Вотъ наслѣдный принцъ передъ военнымъ судомъ и слѣдователями: юноша не упалъ духомъ, выслушавъ намекъ фонъ-Грумкова о пыткѣ, онъ гордо отвѣчаетъ: «такія рѣчи достойны палача, любящаго свое дѣло, но я не намѣренъ тратить словъ передъ бездѣльникомъ, тебѣ подобнымъ.» Вотъ наслѣдный принцъ въ Кюстринской крѣпости, за рѣшетчатымъ окномъ, «простите меня, мой добрый Катте», кричитъ онъ сообщнику своего замысла, котораго, по особому королевскому приказу, ведутъ казнить передъ его глазами. Катте отвѣчаетъ: «сладко умереть за моего любезнаго принца», кладетъ голову на плаху, а несчастный, замученный Фрицъ, падаетъ въ обморокъ передъ кровавымъ трупомъ своего друга!

Послѣ безчеловѣчнаго кюстринскаго эпизода дѣло наслѣднаго принца не могло идти хуже. Король не желалъ смерти сына, а если Кайзеру оказывалось выгоднымъ все происшедшее въ домѣ прусскаго государя, за то Грумковъ почувствовалъ, что двигаться далѣе по кровавому пути не безопасно для его собственной шеи. Температура атмосферы отчасти смягчается. Наслѣдный принцъ выпущенъ изъ крѣпости, ему дана служба по гражданской части, вдалекѣ отъ двора, но это послѣднее обстоятельство его не очень огорчаетъ, какъ всякій можетъ догадаться. Фрицъ живетъ въ Кюстринѣ, бѣдно, невесело, но трудолюбиво и спокойно, онъ вникаетъ въ дѣла по управленію государственными доменами, слѣдитъ за земледѣліемъ и сборомъ податей, передъ его зоркимъ глазомъ проходитъ та черновая, будничная народная дѣятельность, кото-

рой бы ему никогда не пришлось изучить, веселясь въ Потсдамѣ или маршируя съ гвардейскими гренадерами. Если въ душѣ его накопилось много горечи, то въ ней же нашли мѣсто качества, пригодныя для вожда человѣковъ: стоицизмъ передъ жизненною невзгодой, способность мириться съ непривлекательною дѣйствительностію, умѣнье быть вѣчно насторожѣ, способность къ построению зданій изъ матеріала, находящагося подъ рукою. Свѣтъ полонъ зла, но другаго свѣта на лицо нѣтъ,—люди мерзки и полны предательства, но ихъ должно вести впередъ и двигать на великое дѣло. Грумковъ—мой палачъ и бездѣльникъ, но я покорю себѣ этого палача, проникну въ его замыслы, и сдѣлаю то, что онъ преклонится передо мною и станетъ служить моимъ цѣлямъ. Горькая и тяжелая школа повторяется еще разъ, но обойди ее нѣтъ возможности, и эта школа будетъ нами пройдена!

Мы однако забыли Кайзера и махивелическаго его представителя Секендорфа. Дѣло, ими затѣянное, удалось свыше ожиданія. Пруссія отвлечена отъ опаснаго союза, отношенія ея къ Англіи самыя плохія, двойной бракъ разлетѣлся дымомъ—Вильгельмина уже выдана за маркграфа Байрейтскаго, кронпринцу прінскана невѣста самая ничтожная въ политическомъ, да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И Грумковъ получилъ не мало денегъ, и Секендорфу предстоятъ самыя высокія должности по службѣ, но что же получить Пруссія за свою преданность политикѣ императора, какими дарами наградить императоръ вѣнчаннаго медвѣдя, столько лѣтъ бѣсновашагося изъ-за его выгоды? Время разчета приближается, но Кайзеръ молчитъ, и Секендорфъ, сулившій золотыя горы бѣдному Фридриху Вильгельму, сталъ что-то скупъ даже на обѣщанія. Затишье наступило въ Европѣ, Кайзеру уже не такъ нужна Пруссія, изъ-за чего же ея избалмошный властитель такъ пристаеетъ къ намъ съ претензіями на Юлихъ и Бергъ, которыхъ мы никогда положительно не обѣщали? Фридрихъ-Вильгельмъ чувствуетъ, что дѣло идетъ какъ-то вяло: знаю я этихъ политиковъ,—думаетъ онъ,—чѣмъ переписываться и дѣлать намеки, лучше я самъ съѣзжу и повидаюсь съ Кайзеромъ, онъ же теперь кстатѣ ѣдетъ изъ Карльсбада. Кайзеръ очень радъ, посылаетъ церемоніймейстеровъ для совѣщанія объ этикетныхъ вопросахъ—послѣ долгихъ мизерныхъ переговоровъ, возмутившихъ душу у короля спартанца, властители съѣзжаются въ деревнѣ Кладрунъ и потомъ проводятъ нѣсколько дней въ Прагѣ. Свиданіе, не взи-

рая на объѣды, любезности и сладкія увѣренія, кончилось печально для короля прусскаго. Обеспеченіе Юлиха и Берга, пишеть Фридрихъ Великій въ своихъ запискахъ, формально обѣщанное Секендорфомъ отъ имени императора, пошло прахомъ, а король ясно увидѣлъ, что изъ всѣхъ европейскихъ дворовъ вѣнскій дворъ оказывался ему самымъ враждебнымъ. Поѣздка къ императору напомнила собою поѣздку Солона къ Крезу, и король вернулся въ Берлинъ, богатый лишь собственными добродѣтелями. Свиданіе погасило всю дружбу между двумя дворами. Король оставилъ Прагу, полный глубокаго презрѣнія къ плутовству и мелочамъ императорскаго двора, а министры императора безъ уваженія глядѣли на государя, нисколько не интересовавшагося этикетомъ и церемоніями. Его претензіи на Юлихъ и Бергъ показались имъ слишкомъ честолюбивыми, на нихъ же онъ глядѣлъ какъ на стадо плутовъ, безнаказанно нарушившихъ данное обѣщаніе.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свиданіе съ Кайзеромъ наполовину раскрыло глаза несчастному, обманутому Фридриху-Вильгельму ¹, но онъ все еще на что-то разчитывалъ и чего-то ждалъ отъ Вѣны, когда, въ декабрь 1732 года послѣдовало событіе, поразившее его какъ громомъ. Кайзеръ сблизился съ Англіей, по вѣнскому трактату, на случай предполагавшейся войны съ Французами,—сблизился и, по своему обычаю соваться въ чужія дѣла, очень озаботился вопросомъ: для чего его два вѣрнѣйшихъ союзника Прусакъ и Британецъ до сихъ поръ неласково смотрятъ другъ на друга? Англійскій дипломатъ сэръ-Томасъ Робинзонъ, устроитель и отецъ вѣнскаго трактата, пустилъ въ ходъ ту мысль, что брачный союзъ между кронпринцемъ прусскимъ и его британскою принцессой теперь не только возможенъ, но даже крайне полезенъ для Европы. Кайзеръ ухватился за эту идею такъ, что сами Англичане стали пятиться: Робинзону изъ Сентъ-Джемса строго предписано слѣдить за дѣломъ, въ него не вмѣшиваясь. Чудаки Англичане, думаетъ Кайзеръ, церемонятся, и еще съ кѣмъ? съ моимъ слугой, съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

¹ Карлейль видимо налегаетъ на феодальную преданность Фридриха-Вильгельма Перваго къ особѣ германскаго императора, но какъ согласить эту преданность съ первыми годами царствованія прусскаго короля и наконецъ съ ганноверскимъ трактатомъ, про который мы сейчасъ говорили?

Затѣмъ Кайзеръ предписываетъ Секендорфу обдѣлать всю негоцію, сбыть куда-нибудь нареченную невѣсту кронпринца, переговорить съ его прусскимъ величествомъ.

При всей своей наглости, Секендорфъ ужаснулся; наскоро отписалъ къ принцу Евгению (передававшему желаніе Кайзера), не ругаясь за послѣдствія и требуя срока. Повтореніе стараго приказа было ему отвѣтомъ. Секендорфъ увидался съ королемъ, изложилъ ему все, что требовалось, выдвинулъ впередъ Юлихъ и Бергъ съ положительнымъ ручательствомъ въ ихъ обезпеченіи. Король слушалъ, мѣняясь въ лицѣ, съ ужасомъ созерцая всю мерзость болота, въ которое его ввергли. «Какъ? отъ меня... отъ меня... отъ меня требуютъ, чтобы я измѣнилъ своему слову передъ цѣлымъ міромъ? Меня ворочали туда и сюда по волѣ императора; мнѣ представляли пагубнымъ и вреднымъ тотъ самый бракъ, за который теперь стоятъ открыто? О Кайзеръ, Кайзеръ Святой Римской имперіи, и это твоя плата за мою преданность? Въ угоду тебѣ я едва не погубилъ Фрица и Вильгельмину, я растерзалъ сердце Сони¹ и мое собственное, я едва не покрылъ земли гибелью и обломками! И вотъ награда за мою преданность. О Кайзеръ, Кайзеры!» Такъ думаетъ нашъ честный, хотя далеко не дальновидный вѣнценосецъ медвѣжьей породы, такъ стоитъ онъ полный тоски передъ бездной, наконецъ извѣданною и измѣренною. Но всякій читатель, знающій Фридриха-Вильгельма, можетъ догадаться, что однѣми подобными мыслями дѣло не кончилось. Какими словами встрѣтилъ онъ безчестное предложеніе дипломата Секендорфа, того никто не знаетъ: подобные разговоры не происходятъ при свидѣтеляхъ. Но вотъ разказецъ Грумкова, справедливость котораго не подлежитъ сомнѣнію. Сцена происходитъ въ табачномъ парламентѣ.

«Мы сидѣли и спокойно бесѣдовали въ Красной комнатѣ: я, Шверинъ, Дершау, Буденброкъ, Роховъ и Флансъ, когда король потребовалъ насъ въ маленькую комнату, выслалъ людей и сталъ кричать, пристально на меня глядя:—Нѣтъ, я не перенесу этого! Мое сердце разрывается, продолжалъ онъ понѣмечки,—я оскорбленъ, оскорбленъ жестоко! Меня увлекать на мошенническое дѣло, меня! меня! Этого никогда не будетъ, говорю я! Проклятыя интриги, чтобы чортъ ихъ побралъ!»

¹ Соня (Phœekin) такъ зоветъ Карлейль королеву Софію-Доротею.

«Я возразилъ, что не понимаю причины его гнѣва.

«— Меня склонять къ нарушенію королевскаго слова! Меня, меня дѣлать бездѣльникомъ! кричалъ король самъ себя не помня.—Я окруженъ мерзавцами, которые меня предають и губятъ. Это вѣрно, но я не потерплю этого; я сдѣлаю дѣло, которое изумитъ ихъ!» И онъ продолжалъ неистовствовать, кричать и ругаться... «Вотъ плоды вашего прекраснаго предложенія: смѣло говорю вамъ, что ничего худшаго произойти не могло.» Хотя я успокаивалъ короля всѣми возможными доводами, онъ былъ похожъ на сумасшедшаго и не переставалъ говорить: «Я окруженъ предателями. Могъ ли ожидать я этого отъ людей мнѣ извѣстныхъ и близкихъ? Я не забуду этого, я не перенесу этого, я умру отъ горя, мое сердце растерзано!» Все время онъ былъ въ какомъ-то судорожномъ состояніи. «До свиданія, у меня страшно болитъ голова (и есть отчего), Грумковъ.»

И не лгалъ честный король-спартавецъ,—и время шло, но воспоминаніе о предательствѣ и оскорбленіи все живѣе и живѣе грызло его сердце. «Я не переживу этого,» говаривалъ онъ не разъ самымъ дорогимъ изъ своихъ приближенныхъ. «Я пораженъ ударомъ кинжала въ сердце. Сердце мое растерзано и я долженъ умереть. И вотъ онъ, вотъ человекъ,» гордо прибавлялъ король, указывая на наследнаго принца, «вотъ человекъ, который отомститъ за меня!»

Da steht Einer, der mich rächen wird! Ты не ошибся, страдалецъ-король медвѣжьей породы. Твой Фрицъ отомститъ кому слѣдуетъ, и за тебя, и за свою собственную тяжкую молодость!

V.

Годы прошли, но король не умеръ: люди не умирають отъ растерзаннаго сердца, тѣмъ болѣе люди съ примѣсью спартавскаго и медвѣжьяго элемента. Старая рана болитъ, и болитъ сильнѣй съ каждымъ годомъ, но она не мѣшаетъ ни работѣ, ни вахтпарадамъ, ни періодическимъ объѣздамъ разныхъ областей Пруссіи. Однако люди опытные предсказываютъ, что Фридриху-Вильгельму жить не долго—характеръ его во многомъ измѣнился, въ семьѣ своей онъ сдѣлался кротокъ, на смотрахъ

бранится менѣе, иногда даже, — неслыханное дѣло! — сквозь пальцы смотреть на неловко поворачивающуюся колонну или на офицера, плохо марширующаго передъ взводомъ! «Передъ смертью короли всегда мѣняются характеромъ,» замѣчаютъ придворные болтуны, «вотъ и сегодня онъ отдѣлилъ часть доменовъ на доходы наследному принцу въ Рейнсбергѣ. Старыя времена прошли, большая перемяна близится!» Въ самомъ дѣлѣ, относительно кронпринца, своего будущаго мстителя, Фридрихъ Вильгельмъ сталъ уже не прежнимъ человѣкомъ. Потухли послѣдніе угли костра зажженнаго предателями, отецъ и сынъ выучились цѣнить другъ друга, и хотя не кидаются другъ другу въ объятія при всякомъ свиданіи, но связь ихъ тѣмъ не менѣе крѣпнеть со всякимъ годомъ ¹. Сначала идутъ проявленія взаимнаго довѣрія, потомъ обоюдныя уступки, потомъ даже ласки, да, несомнѣнныя ласки, урчащаго, комически играющаго медвѣдя! Плохо мое здоровье, Фрицхенъ, съѣзди и погляди, каково живутъ Зальцбургцы на новомъ мѣстѣ. Осмотри такой-то полкъ, дорогою. Обревизуй такую-то камеру государственныхъ имуществъ, дошли до насъ слухи, что тамъ кто-то проворовался.» Каждое порученіе выполнено кронпринцемъ въ совершенствѣ, вмѣстѣ съ сжатымъ, полнымъ смысла и дѣла донесеніемъ онъ шлетъ отцу нѣсколькихъ великановъ-рекрутъ для потсдамской гвардіи. «Въ этомъ *парнль* (Kerl) много толку, объявляетъ король старымъ генераламъ въ табачной коллегіи — да, мейне герренъ, вы еще не знаете, что *сидитъ* въ моемъ Фрицѣ!» Принцу давно уже разрѣшено жить своимъ дворомъ, въ извѣстномъ замкѣ Рейнсбергѣ, давать музыкальные вечера, принимать у себя какихъ угодно Французовъ ², имѣть у себя цѣлый оркестръ и такъ далѣе. Самъ король наблюдалъ за постройкой и украшениями Рейнсберга, посылалъ туда своего лучшаго живописца и садовника, самъ просматривалъ счета, и платилъ по нимъ безпрекословно, требуя только, чтобы все было прочно, солидно, строено не на вѣтеръ. «Посылаю тебѣ, Фрицъ, лебедей для твоего озера. Вотъ тебѣ для прибавки къ твоимъ доходамъ тракененскій участокъ (семь фермъ и большой конскій заводъ), талеровъ тысячь по двѣнадцати ежегодно.

¹ Вспомнимъ письма кронпринца къ де-Кама, о которыхъ уже упоминалось, и замѣтки маркграфини Вильгельмины.

² А между тѣмъ переписка кронпринца съ Вольтеромъ происходитъ *секретно!*

Я знаю, что скоро умру, можетъ-быть это мой послѣдній подарокъ Фрицу!» Даже въ минуты болѣзни и хандры, Фрицъ и мысль о Фрицѣ, когда-то доводившіе короля до бѣшенства, уже являются въ нѣжно трогательномъ, причудливомъ свѣтѣ. «Худо мнѣ,» урчитъ его величество, «силы падаютъ, все надоѣло. Пора отказаться отъ престола, Фрицъ не осрамить ни меня, ни Пруссіи, это вѣрно. Мнѣ пора на отдыхъ, да и много ли мнѣ надобно? Ферма около Потсдама, 8000 талеровъ годового дохода, хорошій огородъ—одна дочь станетъ штопать бѣлье, другая смотрѣть за кухней!» Чудная, розовая идиллія работы его спартанскаго величества, надо сознаться! Любопытно подумать, надолго ли нашъ спартанецъ могъ бы жить въ своей фермѣ, безъ саженныхъ гвардейцевъ, безъ табачнаго парламента, безъ бамбуковой палки и безъ возможности изрѣдка упражняться этою палкой на какомъ-нибудь лѣнтяѣ-прохожемъ?

Первая и опасная болѣзнь (не упоминая мучительныхъ, но не важныхъ недуговъ, происходившихъ отъ подагры и увывъ отъ невоздержности) посѣтила короля Фридриха-Вильгельма въ исходѣ 1734 года. Всѣ признаки водянки показались и развились до такой степени, что нашъ герой счелъ нужнымъ составить церемоніаль своихъ похоронъ, привести въ порядокъ всѣ государственныя дѣла особенной важности и объявить своему извѣстному другу принцу Дессау (изобрѣтателю желѣзнаго шомпола): «Я совсѣмъ готовъ расстаться съ здѣшнимъ міромъ—это обща я наша доля: одинъ корабль идетъ тише, другой быстрее, но всѣ сойдутся въ одной гавани. Пусть будетъ такъ, какъ повелѣлъ Всевышній и Старшій!» Такъ говоритъ вѣнчанный спартанецъ въ минуты торжественнаго настроенія, но мы его настолько знаемъ и любимъ, что не можемъ предполагать въ немъ вѣнчоторжественное настроеніе. И слабостями своими дорогъ намъ этотъ честный труженикъ, служитель правды на свѣтѣ, и самая медвѣжья качества намъ милы въ этомъ огорченномъ, больномъ, благородномъ медвѣдѣ! Фридрихъ-Вильгельмъ борется съ недугомъ, какъ всю жизнь боролся онъ съ зломъ житейскимъ, не безъ причудъ и брани, не безъ шума и медвѣжьихъ продѣлокъ! Вчера онъ построилъ у своей постели двѣсти потсдамскихъ великановъ и задалъ имъ ротное ученье, съ маршировкой и ружейными приѣмами. Полъ затрепалъ, когда эта фантастическая рота зашагала учебнымъ шагомъ. На слѣдующій день «табачная коллегія» призвана въ комнату больнаго къ ужасу медиковъ: на сценѣ крѣпкій табакъ, и пиво, и разго-

воръ, и вредное утомленіе. Второго октября—изволилъ жестоко выругать докторовъ, запретилъ называть себя больнымъ, пить въ постель, пить пиво, никого не слушается. Октября пятого — чувствуетъ себя лучше, изволилъ сказать своему лакею-арапу: «смотрите вы всѣ, молитесь исправно, можетъ-быть я и не умру на этотъ разъ!» Трогательныя, хотя иногда шутивыя подробности, такъ живо изображающія челѣвѣка и короля, по-челѣвѣчески колеблющагося передъ неизбѣжнымъ, усиленно шагающаго по сыпучимъ, смертоноснымъ пескамъ, которыхъ не минуетъ ни одинъ изъ земнородныхъ! Желѣзная натура спартанца наконецъ переломила болѣзнь, но силы его были ослаблены и продолжали медленно слабѣть до послѣдняго роковаго періода и до послѣдней, предсмертной болѣзни.

Въ іюлѣ 1739 года король Фридрихъ-Вильгельмъ, вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ, поѣхали для военныхъ смотровъ къ сторонѣ Кенигсберга и далѣе. Это было чудное, король не жаловался на здоровье, но все время былъ какъ-то задумчивъ и кротче обыкновеннаго. Смотры шли хорошо, колонія зальцбургскихъ эмигрантовъ, посѣщенные по пути, оказались въ блистательномъ состояніи; у самаго холоднаго драбанта изъ всей свиты глаза разбѣгались при видѣ тучныхъ луговъ, богатыхъ посѣвовъ, деревень, утомившихъ въ зелени, трудолюбиваго и богатаго населенія на томъ мѣстѣ, которое еще такъ недавно глядѣло пустынею. На возвратномъ пути къ Данцигу у короля на ногѣ раскрылся нарѣзъ, за пять лѣтъ навадъ сдѣланный докторами для выпуска воды или чего-то въ этомъ родѣ. Наскоро послали какого-то полковаго хирурга; тотъ наскоро залѣчилъ рану, прибавивъ, что все дѣло не стѣбитъ никакого вниманія. Путешествіе продолжалось, и король чувствовалъ себя какъ слѣдуетъ за исключеніемъ уже упомянутой нами кротости въ характерѣ, кидавшейся въ глаза всѣмъ окружающимъ.

Въ городкѣ Бельгардѣ, на пути къ Берлину, произошелъ *послѣдній провинціальный смотръ*, на которомъ пришлось присутствовать нашему Фридриху-Вильгельму, послѣдній смотръ, который своею волнующею душою простотой, сознаемъ откровенно, помрачаетъ послѣдній смотръ Наполеона I, съ риторическими тирадами, цѣлованіемъ знамени и пролітіемъ слезъ. На открытомъ лугу ждалъ короля драгунскій полкъ фонъ-Шлатена, полкъ несмѣнно хорошій, но на этотъ день поло-

жительно оказавшійся никуда негоднымъ. Самый неопытный глазъ ясно видѣлъ, что никогда еще ни одинъ полкъ прусской кавалеріи не маневрировалъ такъ северно. Офицеры словно чего-то испугались, люди спутались, беспорядокъ начался необычайный. Король поглядѣлъ и смиренно отъѣхалъ въ сторону, сказавъ: «пусть офицеры соберутся съ духомъ—постройтесь снова, я опять приѣду». Сдѣлавъ большой кругъ, Фридрихъ-Вильгельмъ снова подъѣхалъ къ фронту—опять пошла безтолковая путаница. Король опять съѣхалъ на дорогу, не сказавъ ни слова, полкъ снова построился, и снова ничего порядочнаго не вышло. Исторія повторилась третій разъ, съ тѣмъ же результатомъ. Всѣ ждали грома, молніи, доннерветтеровъ, арестовъ, криковъ на все поле. Но ни криковъ, ни взысканій не было. Король сказалъ нѣсколько замѣчаній, нѣсколько неодобрительныхъ словъ, пригласилъ къ обѣду старшихъ генераловъ и полковаго командира фонъ-Платена, нахмурился, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ задумчивости.

Вечеромъ онъ былъ сердитъ и грустенъ, говорилъ, что надо торопиться въ Берлинъ, а поутру всталъ рано, торопился почтальйономъ, и глядѣлъ на часы съ нетерпѣніемъ. Опредѣливъ свою свиту, онъ сдѣлалъ около двухъ сотъ миль и къ десяти часамъ вечера поспѣлъ въ свою столицу. Никто его не ждалъ, его комнаты во дворцѣ были заперты. Королева съ дѣтьми находилась въ Монбизу на балѣ.

Ни медики, ни друзья, ни родные не подозрѣвали и не нашли въ королѣ никакой физической перемены: хандра, худое расположеніе духа—эти слова повидимому достаточно объяснили его положеніе. Только спустя десять мѣсяцевъ стало понятно, что король нашъ въ это время медленно входилъ въ область тѣней, и что ему не суждено было болѣе производить смотры и объѣзжать Пруссію, что трогательная исторія съ драгунами фонъ-Платена была послѣднимъ эпизодомъ изъ его честной сержантской дѣятельности!..

Остатокъ лѣта Фридрихъ-Вильгельмъ провелъ тоскливо и сумрачно, переѣзжая изъ Берлина въ Потсдамъ, изъ Потсдама въ Вустергаузенъ, нигдѣ не находя мѣста и все торопясь куда-то. Въ началѣ ноября онъ окончательно переѣхалъ въ Берлинъ, захворалъ, снова нѣсколько поправился, задумалъ искать развлеченій, поѣхалъ на большой вечеръ къ генералу Шуденбургу и вернулся оттуда домой въ лихорадкѣ. То былъ послѣдній выѣздъ короля въ гости; съ Шуденбургова вечера

онъ могъ только переходить съ постели на кресло съ колесами, и съ кресла на постель. Даже государственными дѣлами ему позволяли заниматься лишь два часа въ сутки—тяжкая необходимость для вѣчнаго труженика, съ добавкой бессоницы и предсмертной скуки! Чѣмъ наполнить страшные двадцать два часа бездѣйствія? Старые генералы сидятъ и курятъ крѣпкій табакъ у постели страдальца, дѣти и королева Соня развлекаютъ его въ теченіи дня, но подходит долгая, зимняя, безсонная ночь и комната больного пустуетъ. Нѣтъ силъ лежать сложа руки! Король рисуетъ, стругаетъ, точитъ табатерки, токарный станокъ придвинутъ къ его постели, подъ рукой лежатъ точильные снаряды, молотки, банки съ клеемъ, а поздно ночью иной запоздалый прохожій, пробираясь по дворцовой эспланадѣ, видитъ мерцаніе огня въ окнахъ, слышитъ стукъ молотка въ королевскихъ покояхъ. Не безъ грустнаго, симпатическаго раздумья прислушивается добрый Берлинецъ къ этому стуку: *Hm, Weh, Ihre Majestät, ach Gott*; блѣдная смерть толкаетъ ногою и въ дверь короля и въ двери обитателя лачуги. Наслѣдный принцъ часто прѣзжаетъ изъ Рейнсберга, ведетъ себя какъ добрый сынъ и добрый человекъ въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Прочь отъ меня нечестивыя мысли! думаетъ онъ, и силится увѣрить себя, что опасность еще далека, что можетъ быть чаша пройдетъ мимо. Бѣдному папашѣ очень тяжело, будемъ же чаще при немъ, возьмемъ на себя часть его заботъ!

Что не всегда нашъ царственный медвѣдь кротокъ въ своей болѣзни, разказы Пельница о томъ свидѣлствуютъ. Одинъ разъ вечеромъ, около половины апрѣля, табачная коллегія, въ довольно обширномъ составѣ, сидѣла вокругъ его величества, бесѣда шла очень живо, самъ король говорил охотно и не дремалъ во время разговора. Вдругъ входитъ наследный принцъ, прямо изъ Рейнсберга, прѣхавшій неожиданно. При видѣ его, вся компанія генераловъ, Шверинъ, Дершау и прочіе, разомъ встали съ почтительнымъ поклономъ. По правиламъ табачнаго парламента, члены его не встанутъ ни передъ кѣмъ, а члены вскочили! Странно подѣйствовалъ этотъ промахъ на сердце больного. Гм! восходящее солнце! думаетъ онъ. А! вы нарушаете правила и регламенты, въ пользу восходящаго солнца! Но я еще не умеръ пока, это вы узнаете. Король дергаетъ звонокъ въ страшномъ гнѣвѣ, приказываетъ вбѣжавшимъ слугамъ выкатить себя на креслѣ изъ комнаты.

Эй, Гакке, сюда! кричитъ онъ сердитымъ голосомъ, не слушая извиненій и протестацій.

Флигель-адъютантъ Гакке слѣдуетъ за королемъ и тотчасъ же возвращается съ такимъ приказомъ: сейчасъ же вонъ изъ дворца, всѣ вонъ, и не возвращаться ни подъ какимъ видомъ! Почтительная депутація табачныхъ членовъ отправлена къ его величеству, онъ ее обругалъ и выгналъ. На слѣдующее утро Пельницъ, по обыкновенію подходитъ къ кабинету государя, но дорогу ему заграждаетъ жандармъ съ рѣзкимъ лозунгомъ: нѣтъ впуска! И нѣсколько дней прошло въ раздорѣ, пока дѣла парламента устроились, не безъ униженныхъ извиненій съ его стороны, не безъ вспыльчивыхъ рѣчей съ королевскаго ложа...

Съ весной, Фридриха-Вильгельма перевезли въ Потсдамъ; публика говорила, что кризисъ болѣзни миновался, но самъ больной не раздѣлялъ этого убѣжденія. Прощай, мой Берлинъ, сказалъ онъ выѣзжая, я знаю, что умру въ Потсдамѣ. Майскіе цвѣты поздно пришли въ это лѣто, суровая зима 1740 года не хотѣла уступать свое царство, погода, измѣнчивая и холодная, была тяжела для больного. По случаю долгой зимы, хлѣбъ вздорожалъ въ Пруссіи, королю докладывали, что полезно было бы пустить въ ходъ обильные запасы хлѣба, заготовленнаго казной на подобные случаи. Но больной медлил рѣшеніемъ: надо самому этимъ заняться, говорилъ онъ сурово, я хочу распорядиться самъ, чтобы меня не обманули.

Дальше и дальше движается нашъ честный, много потрудившійся властитель людей по сыпучимъ пескамъ своей горькой, предсмертной дороги; во дворецъ потребовано двое потсдамскихъ пасторовъ, а изъ Берлина выписанъ преподобный герръ Роловъ, главный проповѣдникъ, — извѣстный по всему городу своею строгою, благочестивою жизнью. Правдивый и кроткій духовникъ этотъ Роловъ, — кроткій, но безстрашный въ своей правдивости, неизмѣнный служитель слова Божьяго, человекъ неспособный ни на ложь, ни на приторныя утѣшенія. Съ Роловымъ король бесѣдуетъ часто, иногда сердясь и вспыхивая, и выражаясь довольно жестко. Фридрихъ-Вильгельмъ твердо вѣритъ въ Бога и загробную жизнь, отчасти сознаетъ, что ему придется сбросить съ себя королевское величіе и стать передъ Господомъ въ одномъ ряду съ послѣднимъ голымъ нищимъ. Но все-таки заключенія Ролова на этотъ счетъ не такъ поощрительны какъ король до сей поры ду-

малъ, а споры о духовныхъ дѣлахъ, споры, имѣющіе весь видъ исповѣди, происходятъ посреди табачной коллегіи, передъ генералами, покуривающими крѣпкій кнастеръ. «Что вы глядите на постороннихъ? сердито вѣщаетъ Фридрихъ-Вильгельмъ Ролову; для чего намъ толковать наединѣ? Я не скрываюсь ни передъ кѣмъ, здѣсь сидѣли мои друзья и честные люди. Говорю вамъ, что я свято хранилъ чистоту брака, несмотря на всѣ мерзкіе примѣры, никогда не бралъ и не желалъ чужаго, вѣрилъ слову Библіи, почиталъ служителей Бога, исполнялъ заповѣди Его по крайнему своему разумнію. Чего жъ вы виляете и качаете головой, чего вамъ еще надо?» Но Роловъ продолжаетъ качать головою съ прибавленіемъ словъ, кроткихъ, но не одобрительныхъ.—«Что же? по вашему я дѣлалъ зло, стоялъ за неправду, что ли?»—А баронъ Шлубгутъ, ваше величество? баронъ Шлубгутъ; повѣщенный въ Кенигсбергъ, безъ суда повѣщенный?—«Что же Шлубгутъ? суда точно не было, да развѣ онъ не стоилъ быть повѣщеннымъ? Воръ, грабитель общественныхъ денегъ, осмѣливавшійся говорить: я ихъ пополню! мерзавецъ, сказавшій мнѣ въ лицо: *Es ist nicht Manier*, не принято вѣшать благородныхъ людей!» Роловъ опять качаетъ головою: — Гнѣвное дѣло, ваше величество; дѣло сходное съ тиранскимъ самоуправствомъ. Въ такихъ дѣлахъ одно покаяніе помогаетъ, глубокое, искреннее покаяніе.

«Ну, нѣтъ ли еще чего тамъ у васъ? Говорите, все лучше теперь чѣмъ послѣ.»—Угнетеніе подданныхъ, ваше величество, насильственные мѣры, принужденіе гражданъ строить дома въ Берлинѣ. «Угнетеніе! насильственные мѣры! Граждане? или тутъ не ихъ собственная выгода, выгода города, выгода края? Мнѣ-то какая радость была ихъ принуждать къ постройкамъ? Въдъ ты распоряжался этимъ, Дершау?» Генераль Дершау, слишкомъ извѣстный невыносимыми прижимками по строительной части, вынимаетъ изо рта трубку и съ безстыдствомъ отвѣчаетъ: не было никакихъ притѣсненій, все совершилось кротко и законно. Роловъ опять качаетъ головою: цѣлому городу извѣстно противное, герръ генераль.—Пусть назначать слѣдствіе, я отвѣчу во всемъ и на все представлю доказательства! вспльчиво возражаетъ Дершау. Роловъ строже прежняго качаетъ головой.—Гмъ!.. Прощаете ли вы врагамъ вашимъ, ваше величество? безъ этого и самимъ вамъ нѣтъ надежды на прощеніе! «Брр... прощать врагамъ... нечего дѣлать! Соня, поди сюда. Когда я умру, напиши твоему брату

(трудно его простить, трудно) напиши ему, что я умеръ прощая его и находясь съ нимъ въ мирѣ.»—Лучше его величеству написать теперь же, замѣчаетъ Роловъ. «Нѣтъ, не теперь же. Когда я умру, не раньше. Это будетъ вѣрнѣе,» возражаетъ суровый сынъ природы: Да, мой читатель, въ эти торжественныя минуты находится передъ нами нескладный п урчащій представитель человѣчества, нескладный, но полный мужества, простоты и искренности, человѣкъ какихъ рѣдко встрѣтишь въ нашу пору между дѣтьми Адама, коронованными и некоронованными. Въ заключеніе бесѣды, сейчасъ описанной, Фридрихъ-Вильгельмъ говоритъ Ролову, все еще хмурясь: «благодарю васъ: вы не чинились со мною, такъ и надо. Вы исполняете свой долгъ, какъ честный человѣкъ и какъ христіанинъ!»¹

Хуже, хуже, со всякимъ днемъ хуже его величеству; докторъ Эллеръ, его пользующій, уже отправилъ особую эстафету въ замокъ Рейнсбергъ. Кронпринцъ знаетъ, что папаша можетъ-быть снова вспылить за частыя посѣщенія, но сердце его полно тоскою; сыновняя грусть и предчувствіе близкой потери не даютъ покоя Фрицу. Онъ гонитъ лошадей, приѣзжаетъ въ Потсдамъ и видитъ невдалекѣ отъ дворца какое-то собраніе народа... сердце замерло, дыханіе сперлось, неужели мы опоздали?.. Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ, папаша не только живъ, но даже выѣхалъ изъ дворца въ садъ на своемъ креслѣ; это около него собралась свита и кучка домашнихъ; онъ шумитъ, заботливо толкуетъ съ окружающими и отдаетъ какія-то приказанія. Дѣло идетъ о постройкѣ домика Англичанину Филиппу, артисту по лошадиной части, честному и грубому слугѣ, неразъ говорившему жесткія рѣчи въ лицо государю, но поставившему его конюшни въ блистательное состояніе. Необходимо наградить Филиппа передъ смертью, построить ему на красивомъ мѣстѣ чистый и уютный домикъ. И вотъ архитекторы бѣгаютъ, подрядчики представляютъ счеты, предчувствуя, что всякая лишняя копѣйка бу-

¹ Не находимъ въ себѣ силы ослаблять противорѣчащими замѣтками этотъ разказъ о послѣднихъ дняхъ короля, разказъ до такой чарующей степени полный слезъ, юмора и поэзіи. Отсылаемъ читателя къ статьѣ Маколя, къ сочиненію лорда Довера и къ запискамъ современниковъ Фридриха-Вильгельма Перваго.

детъ вычеркнута его величествомъ, не безъ брани и крѣпкихъ словечекъ..

При видѣ наследнаго принца, король широко раздвинулъ руки, Фрицъ склонилъ колѣна и упалъ ему на грудь, слезы потокомъ хлынули у обоихъ. Vater! Vater! Фрицъ, добрый мой Фрицхенъ! Присутствующіе едва удерживались отъ рыданій, самъ суровый кентавръ Филиппъ ткнулъ кулакомъ въ свои покраснѣвшіе глаза. По всей вѣроятности, сильное ощущеніе повредило старому королю, онъ ослабѣлъ и не могъ уже шумѣть на архитекторовъ; его ввели въ замокъ и положили на постель, гдѣ онъ продиктовалъ министру Бодену инструкцію относительно своихъ похоронъ, наивную, длинную, нескладную инструкцію, сохранившуюся до сихъ поръ въ прусскихъ архивахъ.

Похоронить себя Фридрихъ-Вильгельмъ приказываетъ въ мундирѣ своего любимаго полка, потсдамскаго гренадерскаго. Этотъ же полкъ великановъ пойдетъ за гробомъ, выстрѣлитъ вверхъ тремя залпами (да чтобъ залпы производились ровно, безъ дроби!). Будетъ столько-то пушечныхъ салютовъ. Вообще чтобъ вся церемонія шла чинно и пристойно, да стоила недорого. На угощеніе отпустить три бочки вина лучшаго въ моемъ погребѣ! Гробъ, давно уже заказанный и готовый, принесенъ на смотръ его величеству; король внимательно осматриваетъ его и сверху и съ боковъ, а потомъ одобряетъ такими словами: ну, тутъ мнѣ будетъ покойно. На похоронахъ полковая музыка должна играть гимнъ: *О, голова полная кровавыми ранами*, гимнъ особенно любимый его величествомъ. Такъ распоряжается нашъ истинный сынъ природы, нѣмой и бессознательный поэтъ, какимъ я всегда его понималъ и описывалъ. И всякій шагъ правдивъ въ этомъ нѣмомъ поэтѣ, и велико его значеніе, хотя оно и кажется отчасти страннымъ въ наше дрянное, полное фразами, хныкающее время.

Слѣдующіе за тѣмъ три дня, отъ субботы до понедѣльника, Фридрихъ-Вильгельмъ провелъ въ долгихъ бесѣдахъ съ сыномъ, наединѣ, не позволяя никому заглядывать въ свою комнату во время этихъ разговоровъ, видимо его изнурявшихъ. Но изнуреніе оказывалось лишь физическимъ изнуреніемъ: духъ спартаца былъ ясенъ, и нѣсколько разъ, когда, по окончаніи бесѣды, кронпринцъ удалялся на минуту, нашъ старшій повелитель людей говорилъ подходившимъ къ постели генераламъ: счастливъ я, оставляя такого сына за собою! И взгляды вѣнчаннаго

медвѣдя былъ свѣтеть въ эти минуты. Въ понедѣльникъ ему стало хуже, остатокъ дня онъ провелъ, шепча молитвы, вздыхая и говоря присутствовавшимъ: помолитесь за меня, *betet, betet*. Нѣсколько разъ произнесъ онъ изъ глубины души: Господи, не суди строгимъ судомъ раба твоего, ибо передъ лицомъ твоимъ какой человѣкъ сочтетъ себя правымъ! Дикій сынъ природы глядитъ въ лицо жизни и смерти, вѣчности и Суду Божію; намъ ли удивляться, что великими кажутся ему эти вещи? Иногда отпускаетъ онъ, по привычкѣ, одну изъ обычныхъ причудъ своихъ въ старомъ родѣ: въ любимомъ его псалмѣ (*для чего роптать и смущаться*) чтець прочелъ съ особеннымъ удареніемъ *нагъ я пришелъ въ свѣтъ и нагимъ его оставлю*: услыхавъ эти слова, король перебилъ съ живостью; неправда, неправда, не нагимъ, а въ моемъ мундирѣ. Вспомнивши, что придворнымъ лакеямъ въ эту пору года отпускается новая ливрея, больной велѣлъ имъ явиться къ нему въ новомъ платьѣ, и осмотрѣлъ какъ оно сшито, приговаривая: все суета, суета суеты! Въ тотъ же день король потребовалъ себѣ небольшое зеркало и поглядѣлся въ него, сказавши: однако я не такъ еще похудѣлъ, какъ мнѣ казалось!.....

Наступила ночь 31 мая, послѣдняя ночь для честнаго героя нашего. Долгая безсонная тяжкая ночь, кто найдетъ въ себѣ силы на тебѣ остановиться, передать тоску, молитвы, и замиранія страдальца? Около часа пополуночи послали за священникомъ Кохиусомъ, добрымъ и чувствительнымъ человекомъ, немного падкимъ на слезы. Кохиусъ нашелъ государя въ тоскѣ, безпокойствѣ, но полнаго христіанскихъ помышлений. Память моя ослабѣла, говоритъ Фридрихъ-Вильгельмъ, — я не могу молиться, я позабылъ всѣ мои молитвы. Не въ словахъ молитва, но въ помыслахъ и въ душѣ нашей, отвѣчаетъ Кохиусъ, и начинаетъ бесѣдовать съ королемъ, молиться съ нимъ вмѣстѣ. Молитва однакоже кончается тѣмъ, что Кохиусъ зарыдалъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Къ четыремъ часамъ Фридрихъ-Вильгельмъ снова всталъ съ постели; ему захотѣлось поглядѣть на младшаго своего сына Фердинанда, управлявшагося отъ золотухи. Прощай, мой маленький Фердинандъ, прощай, мой бѣдный ребенокъ! Тоска больнаго усиливается, изъ комнаты дятати-Фердинанда велитъ онъ везти свое кресло въ спальню королевы. Вставай, Соня, вѣрная моя Соня, вставай и пособи мнѣ какъ можешь! Сегодня я умру, намъ надо быть вмѣстѣ сегодня. Добрая жена не заставила себя ждать, поскорѣе встала,

одѣлась, и глотая слезы, заняла свое мѣсто около больнаго. Несмотря на раннюю пору, сановникамъ королевства вѣдно собратся въ дворцовый залъ; Фридрихъ-Вильгельмъ объявляетъ имъ слабымъ голосомъ, что отрекается отъ престола въ пользу добраго сына своего Фридриха, что представители иностранныхъ дворовъ должны быть о томъ извѣщены въ наискорѣйшемъ времени, и что онъ, бывший король, проситъ сановниковъ служить его сыну такъ, какъ они когда-то ему служили. Церемонія кончена скоро, министръ замѣчаетъ, что для довершенія ея нужно составить протоколъ или актъ за достодолжными подписями... Увы! акта составлять было нѣкогда да и надобность въ немъ скоро миновалась! Барабанный бой раздался на дворцовой площадкѣ, подъ окнами комнаты больнаго. Фридрихъ-Вильгельмъ приказываетъ себя подкатить къ окну, ему знакомъ глухой звукъ барабана въ этотъ часъ утра: потедамскіе гренадеры идутъ смѣнять дворцовый караулъ; въ послѣдній разъ, передъ глазами царственного сержанта двигается линія такъ любезныхъ ему великановъ... Вахтпарадъ кончился, караулы промаршировали и ушли, а изъ королевскихъ конюшенъ, по приказу его величества, стали выводить лошадей; берейторы садятся верхомъ и мѣрною рысью ѣздятъ по площадкѣ. «Идите сюда, мои добрые и вѣрнѣйшіе сподвижники, члены табачнаго парламента, старшій изъ друзей моихъ, принцъ Ангальтъ-Дессау, Гакке, лучшій изъ моихъ флигель-адъютантовъ, станьте тутъ у окна, выберите себѣ по лучшей лошади, это будетъ отъ меня вамъ послѣдній подарокъ.» Ангальтъ-Дессау, молча, нахмуривши свое загорѣлое лицо пороховаго цвѣта, наудачу показываетъ пальцомъ на первую проводимую лошадь. И выбралъ ты самую скверную, говоритъ ему Фридрихъ-Вильгельмъ, бери лучше вонъ ту что сзади, за нее ужъ я самъ ручаюсь! Суровый Дессауэръ кланяется въ молчаніи, лицомъ своимъ онъ выдѣлываетъ какія-то престранныя штуки, стиснувъ зубы, чувствуя, что стбитъ раскрыть ротъ—и рыданій не сдержитъ! «Ну! ну! дружище, замѣчаетъ Фридрихъ-Вильгельмъ фельд-маршалу, нечего плакать, отъ этого долга ни одинъ человекъ еще не отдѣлывался!»

Происходятъ еще какія-то формальности по церемоніи отреченія, но ихъ прерываетъ обморокъ короля. На постели своей онъ снова опомнился; спартанская натура не уступаетъ поля сраженія безъ битвы. Кохиусъ читаетъ молятвы. Фридрихъ-Вильгельмъ приподнимается съ подушекъ, въ своемъ ночномъ

колпакъ и какой-то синей мантии, глядитъ вокругъ себя, и приказываетъ Кохиусу не читать такъ громко! «Молитесь за меня, молитесь за меня всѣ, на одного Спасителя возлагаю я мою вѣру! Эй, Пиччь! вдругъ обращается король къ полковому доктору гвардейскихъ гренадеровъ.—Пиччь, пощупай пульсъ, долго ли это все будетъ тянуться?»—Ахъ, не долго, ваше величество.—«Нечего тутъ ахать, а почему ты знаешь что не долго?»—Пульсъ остановился, ваше величество. «Вздорь! выражаетъ умирающій, поднявъ руку;—еслибъ пульсъ остановился, могъ ли бы я шевелить пальцами?» Пиччь отвѣчаетъ однимъ унылымъ взглядомъ: «Герръ Іезу, герръ Іезу, въ рукѣ твоей жизнь моя, въ рукѣ твоей моя кончина, въ жизни и смерти ты мое спасеніе.» То были послѣднія слова, сказанныя на нашей землѣ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Онъ опять впалъ въ безчувствіе. Докторъ Эллеръ подалъ кронпринцу знакъ, что королеву пора увести изъ комнаты. Едва мать и сынъ переступили порогъ, обморокъ перешелъ въ смерть, и король Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ долгой трудовой жизни, заснулъ и отлетѣлъ туда, гдѣ спали его собратія, первородные сыны Тора.

Мы кончили нашъ этюдъ и предоставляемъ самому читателю сдѣлать изъ него свой окончательный выводъ. Пускай, безъ всякаго вмѣшательства нашего рѣшаетъ самъ читатель. Къ историческимъ или къ романическимъ героямъ долженъ быть отнесенъ Карлейлевъ король Фридрихъ-Вильгельмъ Первый, и станетъ ли онъ въ одну семью съ Вильгельмомъ Оранскимъ Маколея и Кортесомъ Прескотта, или его мѣсто въ исторической области, съ королемъ Лиромъ Шекспира, съ Іаковомъ Вторымъ абботсфордскаго волшебника?

А. Дружининъ.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ¹

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА-ДИККЕНСА.

XIV.

Какое горькое чувство — стыдиться своего дома! Может-быть, въ самомъ стыдѣ скрывается черная неблагодарность, и наказаніе за него есть совершенно заслуженное воздаяніе; но только это очень горькое чувство, я могу вамъ засвидѣтельствовать это.

Домъ, благодаря характеру моеѣ сестры, не былъ для меня очень пріятнымъ мѣстомъ. Но Джо освятилъ его, и я въ него вѣрилъ. Я вѣрилъ, что наша парадная гостиная была самымъ изящнымъ салономъ; я вѣрилъ, что передняя дверь была таинственнымъ входомъ въ храмъ великолѣпія, котораго торжественное открытіе праздновалось жертвоприношеніемъ жареныхъ курицъ; я вѣрилъ, что кухня была приличный, хотя непышный покой; я вѣрилъ, что кузница была блистательною дорогою къ славѣ и независимости: теперь все это казалось мнѣ грубымъ, простымъ, и никакъ бы я не хотѣлъ, чтобы миссъ Гевисамъ и Эстелла видѣли мой домъ.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № № 2 и 3.

Насколько я былъ самъ причиною этого неблагодарнаго состоянія моей души, насколько были въ томъ виноваты миссъ Гевিশамъ и моя сестра, теперь не интересно знать ни для меня, ни для кого другаго. Во мнѣ произошла перемѣна, и дѣло было сдѣлано. Хорошо ли это или дурно, простительно ли или не простительно, но дѣло было сдѣлано.

Въ прежнее время мнѣ казалось, что когда я засучу рукава моей рубашки и поступаю ученикомъ на кузницу Джо, то я буду и счастливъ и возвышенъ; теперь эта мечта осуществилась, и я чувствовалъ только, что я былъ весь перепачканъ кузнечнымъ углемъ, и на сердцѣ у меня была страшная тяжесть, въ сравненіи съ которою наковальня была легче пуха. Въ моей позднѣйшей жизни бывали случаи (я полагаю, это бывало со многими), когда я чувствовалъ, будто тяжелая завѣса закрывала отъ меня навсегда весь интересъ и романъ жизни, оставляя мнѣ одно томительное страданіе. Никогда эта завѣса еще не падала передо мною такъ тяжело и безотрадно, какъ теперь, когда путь моей жизни пролегалъ черезъ кузницу Джо.

Я припоминаю, въ позднѣйшее время моего ученія, часто я, бывало, стоялъ на кладбищѣ по вечерамъ въ воскресенье, когда ночь наступала, и сравнивалъ мою будущность съ открывавшеюся передо мною перспективой болота, и находилъ между тѣмъ и другимъ большое сходство: какъ плоски были и та и другая, какъ низки были онѣ! Обѣ скрывали неизвѣстный путь, завѣшанный темнымъ туманомъ, который сливался съ безграничнымъ моремъ. Мнѣ было одинаково безотрадно какъ въ первый день моего ученія, такъ и въ позднѣйшее время; но я доволенъ однимъ, по крайней мѣрѣ: Джо ни разу не слышалъ отъ меня ни малѣйшаго ропота, пока ученіе мое продолжалось. Вотъ единственное обстоятельство, въ связи съ этимъ ученіемъ, которое я съ удовольствіемъ вспоминаю про себя.

Но и здѣсь, я долженъ прибавить, вся заслуга оставалась на сторонѣ Джо. Я не бѣжалъ, не записался въ солдаты, не сдѣлался матросомъ, не потому что я былъ вѣренъ, но потому что Джо былъ вѣренъ. Я работалъ съ порядочною ревностью, противъ всякаго желанія, не потому чтобы я сознавалъ добродѣтель трудолюбія, но потому, что Джо глубоко сознавалъ ее. Невозможно опредѣлить, какъ широко разливается въ мірѣ вліяніе милаго, честнаго, исполняющаго свою обязанность человѣка; но очень возможно признать, какъ это влія-

ніе затрогиваетъ васъ, при встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ; и я хорошо знаю, что каждая искра добра, которое проявлялось во мнѣ во время моего ученія, происходила етъ скромно-довольнаго Джо, а не отъ меня, недовольнаго и безпокойно-честолюбиваго.

Кто могъ сказать, чего я хотѣлъ? Могъ ли бы я самъ это сказать, когда я и самъ этого не зналъ? Я особенно страшился одного, что въ какую-нибудь несчастную минуту, когда я выпачкаюсь болѣе обыкновеннаго, я подыму мои глаза и вдругъ увижу, что Эстелла смотритъ на меня въ окошко кухни. Меня преслѣдовалъ страхъ, что рано или поздно, она поймаетъ меня, когда мое лицо и руки будутъ всё въ сажѣ, когда я буду занятъ самою грубою работой, и она станетъ радоваться моему стыду и презирать меня. Часто въ сумеркахъ, бывало, когда я двигалъ мѣхи для Джо, и мы пѣвали «старый Климъ», при одномъ воспоминаніи, какъ пѣвали мы эту пѣсню у миссъ Гевিশамъ, мнѣ представлялось въ пламени лицо Эстеллы, съ ея красивыми волосами, развѣвавшимися отъ вѣтра, и глазами, презрительно на меня смотрѣвшими,—часто, говорю я, въ такое время, я поглядывалъ на окна, совершенно почернѣвшія отъ мрака ночи, и мнѣ воображалось, вотъ сейчасъ только отодвинулось ея лицо, и наконецъ-то она пришла.

Послѣ этого, когда мы сходились къ ужину, кухня и ужинъ поражали меня еще болѣе своею бѣдностію, и мое неблагодажное сердце еще болѣе наполнялось чувствомъ стыда.

XV.

Я слишкомъ выросъ для классной комнаты бабки мистера Воесла, и мое воспитаніе, подъ руководствомъ этой нелѣпой наставницы, кончилось. Биди однакоже успѣла передать мнѣ все, что она знала, начиная отъ маленькаго преись-куранта и оканчивая комическою пѣсенкой, которую она когда-то купила за полпенни. Хотя въ этомъ литературномъ произведеніи только слѣдующія первыя строчки еще имѣли какой-нибудь смыслъ:

Ну былъ я и въ Лондонѣ, господа,
 Ту рулъ лу рулъ,
 Ту рулъ лу рулъ.
 Какъ же тамъ меня обдули, господа,
 Ту рулъ лу рулъ,
 Ту рулъ лу рулъ.

Но, увлекаясь желаніемъ просвѣщенія, я выучилъ наизусть съ необыкновенною важностью это сочиненіе, и не припомню даже, чтобъ я сомнѣвался въ его достоинствѣ; я только находилъ и нахожу до сихъ поръ, что пригѣва: *tu ruus*, было гораздо болѣе чѣмъ поэзіи. Томимый жаждою познанія, я предложилъ также мистеру Вопслю удѣлить мнѣ вѣсколько крохъ умственной пищи, на что онъ любезно согласился. Вышло однакоже, что ему нуженъ былъ только драматическій маннегенъ, котораго бы онъ могъ обнимать, закалывать, бросать въ тысячу различныхъ положеній и потомъ стонать и рыдать надъ нимъ—и я скоро отказался отъ такого курса воспитанія. Но мистеръ Вопсль успѣлъ не разъ отколотить меня въ своемъ поэтическомъ восторгѣ.

Всѣ мои свѣдѣнія я старался передать Джо. Это показаніе съ моей стороны такъ многозначительно, что, по совѣсти, я не могу оставить его здѣсь безъ объясненія. Мнѣ хотѣлось сдѣлать, чтобы Джо не былъ такой простакъ, такой невѣжда, чтобъ онъ былъ болѣе достоинъ моего сообщества, и чтобъ Эстелла могла менѣе презирать его.

Старая батарея на болотѣ была мѣстомъ нашихъ занятій; сломанная аспидная доска и кусочекъ грифеля были для насъ единственными учебными пособіями, къ которымъ Джо всегда прибавлялъ еще трубку табаку. Джо все забывалъ отъ одного воскресенья до другаго, и не приобрѣлъ подъ моимъ руководствомъ никакихъ свѣдѣній. Но онъ курилъ свою трубку на батарее съ видомъ болѣе разумнымъ нежели гдѣ-нибудь, даже съ ученымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сознавалъ свои огромные успѣхи. Милый, милый, я увѣренъ, онъ это думалъ про себя.

Спокойно и пріятно бывало тамъ; паруса на рѣкѣ мелькали мимо земляной насыпи; иногда во время отлива, казалось, будто они принадлежали кораблямъ, затопленнымъ въ водѣ и какъ будто все еще плывшимъ на днѣ. Каждый разъ, при видѣ кораблей съ распущенными бѣлыми парусами, подымавшихся надъ поверхностью моря, мнѣ приходили на мысль, не знаю почему, миссъ Гевишамъ и Эстелла; и каждый разъ, какъ лучъ свѣта искоса падалъ длинною полосой на облако, парусъ, или на зеленую мураву берега или на поверхность воды, я думалъ о томъ же. Миссъ Гевишамъ и Эстелла, чудный домъ и чудная жизнь ихъ были непремѣнно, почему-то, въ связи со всѣмъ, что казалось живописнымъ.

Въ одно воскресенъе, Джо, наслаждаясь своею трубкой, объявилъ, что ему рѣшительно ничего не идетъ въ голову; я отступился отъ него на этотъ день и легъ на насыпь, опершись подбородкомъ на руку и высматривая вездѣ кругомъ на небѣ и на водѣ слѣды миссъ Гевишамъ и Эстедды. Наконецъ я рѣшился высказать мысль, которая давно уже была у меня въ головѣ.

— Джо, сказалъ я, — какъ вы думаете, не сходить ли мнѣ къ миссъ Гевишамъ?

— Пожалуй, Пипъ, отвѣчалъ Джо въ раздумьи. — Только зачѣмъ?

— Зачѣмъ, Джо? А зачѣмъ вообще ходять къ людямъ?

— Да, есть такія посѣщенія, сказалъ Джо, — о которыхъ можно сдѣлать этотъ вопросъ, Пипъ! Но теперь, въ разсужденіе посѣщенія миссъ Гевишамъ, она можетъ подумать, что тебѣ нужно что-нибудь, что ты ожидаешь чего-нибудь отъ нея.

— Чтѣ же вы думаете, Джо, развѣ я не могу сказать, что мнѣ ничего не нужно?

— Можешь, старый дружище, сказалъ Джо. — И она, можетъ-статься, повѣритъ, а можетъ-быть и нѣтъ.

Джо чувствовалъ то же самое, чтѣ и я, и остановился тутъ, заткнувшись трубкой, чтобы не ослабить довода повтореніемъ.

— Видишь, Пипъ, началъ снова Джо, миновавъ опасный пунктъ: — миссъ Гевишамъ для тебя сдѣлала доброе дѣло. И когда миссъ Гевишамъ сдѣлала его для тебя, она вѣкнула меня назадъ, чтобы сказать мнѣ: это все, не ждите болѣе.

— Да, Джо, я слышалъ.

— Все, повторилъ Джо, особенно выразительно.

— Да, Джо, я говорю вамъ, я это слышалъ.

— То-есть понимай такъ, Пипъ, она могла тутъ разумѣть, что уже этимъ все покончено, я на сѣверъ, вы на югъ, и дѣло съ концомъ.

Я также объ этомъ думалъ, и мнѣ было небольшое утѣшеніе знать, что и онъ думалъ то же самое, потому что теперь это казалось болѣе вѣроятнымъ.

— Но, Джо.

— Да, старый дружище.

— Вотъ уже почти годъ моего времени прошелъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я записанъ въ ученики, я ни разу не побла-

годарилъ миссъ Гевишамъ, ни спросилъ про нее, не показавъ ничѣмъ, что я ее помню.

— Это правда, Пипъ, и худо будетъ если ты ей не сварганишь четырехъ подковъ, которыя, я полагаю впрочемъ, едва ли будутъ пріятнымъ подаркомъ; копытъ не имѣется.

— Я не про то говорю, Джо; мнѣ и въ голову не приходило дѣлать ей подарокъ.

Но мысль о подаркѣ уже пришла въ голову Джо, и такъ легко онъ съ нею не разстанется.

— Или даже пожалуй, сказалъ онъ, — я помогу тебѣ отковать ей новую цѣпь для парадной двери, или хоть наприимѣръ, дюжинъ двѣнадцать остроголовыхъ винтовъ для всякаго употребленія, или какую-нибудь легонькую вещицу, въ родѣ вилки для поджариванія шренковъ, она ихъ вѣрно кушаетъ; или наконецъ, таганчикъ, если ей придетъ охота поджарить салакушку или селедку.

— Я вовсе и не думаю, Джо, про подарки, замѣтилъ я.

— Ну, сказалъ Джо, не оставляя прежней матеріи, какъ будто я особенно ее навязывалъ ему: — еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы этого не сдѣлалъ. Нѣтъ, я бы этого не сдѣлалъ. Ну на чтѣ ей цѣпь? Дверь у ней всегда на цѣпи. Для вилки ты долженъ приняться за мѣдную работу, въ которой ты не отличишься. И самый необыкновенный работникъ не покажетъ себя въ таганѣ: таганъ все-таки таганъ, сказалъ Джо, стараюсь произвести на меня впечатлѣніе и желая вывести меня изъ самаго упорнаго заблужденія: — ужь чтѣ ты тамъ себѣ ни держи въ головѣ, а все выйдетъ таганъ.

— Мой милый Джо, закричалъ я въ отчаяніи, схвативъ его за сюртукъ: — перестаньте, сдѣлайте милость. Я и не думалъ никогда дѣлать какой-нибудь подарокъ миссъ Гевишамъ.

— Нѣтъ, Пипъ, подтвердилъ Джо, какъ будто онъ все время убѣждалъ меня: — то-то я и говорю тебѣ, Пипъ, что вся правда.

— Такъ Джо; но я хотѣлъ вамъ сказать только: дѣла у насъ теперь немного, такъ не отпустите ли вы меня завтра погулять на подния; я думаю отправиться въ городъ и зайти къ миссъ Эст... Гевишамъ.

— Зовутъ ее, сказалъ Джо преважно, — не Эст-Эвишамъ, Пипъ; развѣ, пожалуй, ее перекрестили.

— Знаю, знаю, Джо; это я такъ обмолвился. Ну чтѣ вы на это скажете, Джо?

Джо думалъ, что если, по моему, это было хорошо, то я

онъ находить это хорошимъ. Но онъ замѣтилъ въ видѣ особеннаго условія, что если меня примутъ холодно и не попросятъ повторить моего посѣщенія, которое не имѣло никакой другой цѣли, кромѣ изъявленія моей благодарности за сдѣланную милость, то втораго посѣщенія уже не дѣлать. Эти условія я общался исполнить.

Джо держалъ работника на жалованьи, которому прозвище было Орликъ. Онъ увѣрялъ, будто его крещеное имя было Додьджъ: очевидная неглѣпца; но это былъ малый съ необыкновенно-упрямымъ характеромъ, и, я полагаю, онъ называлъ себя такъ, чтобы поглумиться надъ простотою нашей деревни. Это былъ широкоплечій, смуглый человѣкъ, очень сильный, который никогда не торопился, но всегда ходилъ лѣнливо и переваливаясь. Онъ даже, повидимому, никогда не приходилъ нарочно на работу, но тащился-себѣ такъ, какъ будто онъ невзначай попалъ на кузницу; и уходилъ ли онъ обѣдать къ «Веселымъ Лодочникамъ», уходилъ ли онъ къ себѣ на ночь, всегда онъ тащился словно Каинъ или вѣчный Жидъ, какъ будто у него не было ни малѣйшей мысли о томъ, куда онъ шелъ, ни также никакого намѣренія возвратиться. Онъ жилъ у шляэнаго сторожа на болотѣ, и въ рабочіе дни, бывало, тащится-себѣ изъ своего договища, запустивъ руки въ карманъ и нацѣпивъ на шею узелокъ съ обѣдомъ, который болтался у него на спинѣ. По воскресеньямъ, онъ лежалъ цѣлый день на шляэзахъ, или стоялъ прислонившись къ скирдамъ или гумнамъ. Ходилъ онъ всегда въ перевалку, понутивъ голову и устремивъ глаза въ землю, и если кто-нибудь обращался къ нему, то онъ подымалъ ихъ съ полунедовольнымъ, полуудивленнымъ видомъ, какъ будто у него въ головѣ была только одна мысль о томъ, какъ грустно и какъ оскорбительно быть человѣкомъ не мыслящимъ.

Этотъ угрюмый работникъ не любилъ меня. Когда я былъ очень малъ и боязливъ, онъ говорилъ мнѣ, что дьяволъ жилъ въ черномъ углу кузницы, «и что онъ хорошо знакомъ съ нимъ, что каждая семь лѣтъ необходимо подтопляетъ горнъ живымъ мальчикомъ, и что скоро очередь дойдетъ до меня.» Когда я поступилъ въ ученье къ Джо, можетъ-быть его преслѣдывало подозрѣніе, что я замѣщу его, и онъ еще менѣе благоволилъ ко мнѣ. Онъ, конечно, ничего не дѣлалъ, ничего не говорилъ такого, что показывало бы открыто его неприязнь; но я замѣчалъ только, что онъ всегда

выбивалъ искры на мою сторону, и каждый разъ, когда я запы-
валъ «старый Климъ», онъ подтягивалъ не въ тактъ.

На слѣдующій день, Долджъ Орликъ былъ въ кузницѣ и
за работою, когда я напомнилъ Джо объ его обѣщаніи отпустить
меня на поддѣ; онъ въ эту минуту ни слова не сказалъ;
потому что Джо откачивалъ съ нимъ вмѣстѣ полосу раскален-
наго желѣза, а я былъ при мѣхахъ; но потомъ Орликъ сказалъ,
опиришись на свой молотъ:

— Ну, хозяинъ, конечно вы не намѣрены баловать только
одного изъ насъ. Если молодому Пипу праздникъ, такъ пусть
будетъ праздникъ и для стараго Орлика.

Я полагаю, ему было лѣтъ двадцать пять; на онъ всегда
говорилъ о себѣ, какъ о старомъ человѣкѣ.

— Что же вы станете дѣлать съ свободнымъ временемъ,
если я вамъ его дамъ? сказалъ Джо.

— Что я буду дѣлать? А что онъ будетъ дѣлать? Я
сумѣю провести его также какъ и онъ, сказалъ Орликъ.

— Пипъ пойдетъ въ городъ, сказалъ Джо.

— Ну что же? И Орликъ пойдетъ въ городъ, отвѣчалъ этотъ
баринъ:—и двое могутъ идти въ городъ. Дорога въ городъ
не про одного, а про всѣхъ.

— Не извольте у меня горячиться, сказалъ Джо.

— Буду себѣ горячиться, коли хочу, проворчалъ Орликъ. — Вишь
еще какое баловство, прогуливаться въ городъ! Ну, хозяинъ!
Баловство не у мѣста въ этой кузницѣ. Не будь бабой.

Хозяинъ отказался говорить объ этомъ предметѣ, пока
работникъ не перестанетъ горячиться. Орликъ полѣзъ въ горнъ,
вытащилъ оттуда раскаленную полосу желѣза, замахнулся ею
на меня, какъ будто желая пропороть мнѣ брюхо, потомъ
повернулъ ее вокругъ моей головы, положилъ ее на на-
ковальню и принялся ковать, словно, мнѣ казалось, эта полоса
былъ я, и искры, выметавшія изъ нея, моя клокочущая кровь.
Въ заключеніе, когда онъ доработался до поту и желѣзо осты-
ло, онъ опять оперся на молотъ и сказалъ:

— Ну, хозяинъ!

— Успокоились вы теперь? спросилъ Джо.

— А успокоился, сказалъ угрюмо старый Орликъ.

— Ну, сказалъ Джо, — работаете вы всегда исправно, не
хуже другихъ; пусть же будетъ праздникъ для всѣхъ.

Моя сестра молча стояла на дворѣ и слышала это. Она у

насъ безъ всякой совѣсти шпионила и подслушивала; она сейчасъ же заглянула въ окошко.

— Похоже на тебя, дурачина! сказала она Джо.—Отпускать гулять такихъ большихъ лѣвтяевъ въ рабочее время. Миллионеръ ты развѣ, чтобы даромъ бросать деньги? Хотѣла бы я быть его хозяиномъ!

— Дай вамъ волю, вы бы всякому съѣли на голову, возразилъ Орликъ съ неприятною улыбкой.

— Оставьте ее въ покоѣ, сказалъ Джо.

— Я бы сумѣла справиться со всеми болванами и мошенниками, отвѣчала сестра, начиная гѣтушиться.—Управлюсь я и съ вашимъ хозяиномъ, дубинноголовѣйшимъ царемъ всѣхъ дубинъ. Управлюсь и съ вами, подлѣйшимъ изъ мошенниковъ, какого поискать только отсюда до Франціи. Вотъ вамъ!

— Вы злая ворчунья, матушка Гарджери, пробормоталъ работникъ.—Если это даетъ право судить о мошенникахъ, такъ вы отличный судья.

— Говорю, оставьте ее въ покоѣ, сказалъ Джо.

— Что онъ тамъ бормочетъ? закричала сестра:—что онъ тамъ сказалъ? Пипъ, что это мнѣ сказалъ этотъ негодяй Орликъ? Какъ онъ назвалъ меня и еще при мужъ? О! О! О!

Каждое изъ этихъ восклицаній было воплемъ; и я долженъ замѣтить про мою сестру, что вспыльчивость для нея, какъ и для всѣхъ горячихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать, вовсе не была извиненіемъ; потому что она не сейчасъ же выходила изъ себя, но съ полнымъ сознаниемъ дѣлала необыкновенныя усилія, чтобы себя разъярить, и приходила постепенно въ совершенно-слѣпую ярость.—Какъ назвалъ онъ меня передъ этимъ низкимъ человѣкомъ, который клялся меня защищать. О! поддержите меня! О!

— А-а-а! пробормоталъ работникъ сквозь зубы:—поддержалъ бы я васъ, еслибы вы были моя жена. Поддержалъ бы я васъ подъ колодцемъ, пока бы горячка не остыла.

— Сколько разъ мнѣ говорить, чтобы вы ее оставили въ покоѣ? сказалъ Джо.

— О! послушайте только его! закричала моя сестра, всплескивая руками и ревя въ то же время: это была вторая степень.—Послушайте, какими именами онъ честитъ меня, этотъ Орликъ! И еще въ моемъ домѣ! Меня, замужнюю женщину! А мужъ стоитъ возлѣ! О! О!

Тутъ сестра моя, послѣ нѣсколькихъ криковъ и всплескиваний руками, принялась бить себя въ грудь и по колѣнамъ, стащила чепчикъ съ головы и начала рвать на себѣ волосы. Это была уже послѣдняя станція по дорогѣ къ бѣснованью. Она теперь была совершенною фуріей, и бросилась въ дверь, которую по счастью я заперъ за нею.

Что оставалось дѣлать бѣдному Джо, послѣ всѣхъ его замѣчаній, на которыя не обращалось никакого вниманія? Онъ долженъ былъ подойти къ своему работнику и спросить его, какъ онъ смѣлъ вмѣшиваться, и что онъ за судья между нимъ и мистриссъ Джо, и станетъ ли у него духу выйти на расправу? Старый Орликъ чувствовалъ, что выходить было нужно по обстоятельствамъ, и сейчасъ сталъ въ позицію. Не снимая даже своихъ обгорѣлыхъ фартуковъ, они вышли другъ на друга, какъ два великана. Но я не зналъ въ околоткѣ ни одного человѣка, который могъ бы устоять противъ Джо. Орликъ, какъ будто онъ былъ не крѣпче того блѣднаго молодого джентльмена, съ которымъ я дрался, скоро очутился на кучѣ угля и не торопился подняться. Потомъ Джо отперъ дверь, поднялъ мою сестру, которая повалилась у окна (полюбовавшись однакоже, я полагаю, на драку), потащилъ ее домой, и положивъ на постель, просилъ ее придти въ себя; но она продолжала барахтаться и запустила свои руки въ волосы Джо. Наконецъ наступила совершенная тишина, смѣняющая всякую бурю; и съ неопредѣленнымъ чувствомъ, которое во мнѣ всегда пробуждалось отъ подобнаго затишья, именно съ такимъ чувствомъ, какъ будто было воскресенье или какъ будто кто-нибудь умеръ, я отправился наверхъ одѣваться.

Когда я сошелъ внизъ, Джо и Орликъ спокойно подметали кузницу, и единственнымъ слѣдомъ суматохи была разбитая ноздря Орлика, которая вовсе не красила его. Добрая кружка пива появилась изъ «Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ», и они распивали ее поочередно, самымъ миролюбивымъ образомъ. Затишье оказывало успокоительное дѣйствіе на Джо, который проводилъ меня на дорогу и сказалъ на прощанье, въ видѣ добраго напутствія:

— Вотъ тебѣ она и жизнь, Пипъ.

Съ какими нелѣпыми ощущеніями (чувства важны во взросломъ человѣкѣ и смѣшны въ мальчикѣ), я отправился къ миссъ Гевишамъ; не интересно здѣсь знать, точно такъ же какъ не интересно знать, сколько разъ я прошелъ мимо калит-

ки, прежде нежели рѣшился позвонить, и казая борьба происходила внутри меня: безъ сомнѣнія, я ушелъ бы, не позвонивъ, еслибъ я могъ распорядиться моимъ временемъ и придти въ другой разъ.

Къ калиткѣ вышла миссъ Сара Покетъ, не Эстелла.

— Какъ? Вы опять здѣсь? сказала миссъ Покетъ.—Что вамъ нужно?

Я сказалъ, что я пришелъ только узнать, какъ въ своемъ здоровьѣ миссъ Гевишамъ; и Сара очевидно раздумывала не отправить ли меня. Но не желая принять на себя отвѣтственность, она впустила меня и вскорѣ вернулась съ приказомъ подняться наверхъ.

Все было, какъ и прежде, и миссъ Гевишамъ сидѣла одна.

— Ну, сказала она, вперивъ въ меня свои глаза,—надѣюсь, тебѣ ничего не нужно? Ты ничего не получишь.

— Мнѣ ничего не нужно, миссъ Гевишамъ. Я только хотѣлъ передать вамъ, что мое ученье подвигается впередъ и что я вамъ много благодаренъ.

— Ну! ну! сказала она съ прежнимъ нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ.—Заходи ко мнѣ иногда; приходи въ твое рожденіе. А! закричала она вдругъ повернувшись ко мнѣ со стуломъ:—ты ищешь Эстеллу? Э?

Я точно искалъ глазами Эстеллу, и пробормоталъ, что я надѣялся, она здорова.

— Она за границую, сказала миссъ Гевишамъ;—учится, чтобы сдѣлаться леди: далеко она теперь, и очень, очень похорошѣла; всѣ восхищаются ею. Чувствуешь ты, что потерялъ ее?

Она произнесла эти слова съ такимъ злобнымъ удовольствіемъ и залилась такимъ неприятнымъ хохотомъ, что я рѣшительно не нашелся что сказать. Она избавила меня отъ труда долго думать, простившись со мною. Сара, съ своею физиономіей въ видѣ орѣховой скорлупы, заперла мною калитку, и я чувствовалъ, я былъ болѣе чѣмъ когда-нибудь недоволенъ моимъ домомъ, моимъ ремесломъ, всѣмъ; и вотъ вся польза отъ этого посѣщенія

Шатаясь по большой улицѣ и посматривая на окна лавокъ съ тайною мыслью, что бы такое я тамъ купилъ, еслибъ я былъ джентльменъ, я наткнулся на мистера Вовсла, выходявшаго изъ книжной лавки. Мистеръ Вовслъ держалъ въ своей рукѣ трогательную трагедію: *Джорджъ Барнвелъ*; онъ промоталъ

на покупку ея сикспенсъ ¹, съ намѣреніемъ обрушить каждое слово ея на главу Пембльчука, къ которому онъ шелъ пить чай. Какъ только онъ меня завидѣлъ, ему показалось, что Провидѣніе нарочно послало ему лишняго слушателя, и онъ наложилъ на меня руку и потащилъ меня къ Пембльчуку. Я зналъ, дома мнѣ будетъ горько; ночи были темныя, дорога глухая, и всякій спутникъ былъ находка; поэтому я не сопротивился, и мы отправились къ Пембльчуку, какъ только зажглись фонари на улицѣ и освѣтились лавки.

Я никогда послѣ не видѣлъ представленія *Джорджа Барнсела*, и не знаю какъ долго оно обыкновенно продолжается; но очень хорошо знаю, что въ этотъ вечеръ оно протянулось до половины десятаго; и что когда мистеръ Вопсль очутился въ Ньюгетѣ ², я думалъ, онъ никогда уже не дойдетъ до эшафота; онъ двигался все медленнѣе и медленнѣе, приближаясь къ концу своего преступнаго поприща. Мнѣ казалось, онъ не имѣлъ никакого права жаловаться, что онъ былъ сорванъ во цвѣтѣ лѣтъ; мнѣ казалось, что онъ совсѣмъ перезрѣлъ къ концу пьесы. Но оставя утомительную длинноту и скуку въ сторонѣ, особенно кололо меня приложеніе всей этой завязки къ моей невинной личности. Когда Барнсель началъ сбиваться съ пути, увѣряю васъ, оправданія вертѣлись у меня на языкѣ: такъ тяжело ложился на меня грозный взглядъ мистера Пембльчука. Вопсль также старался всѣми силами представить меня въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Слабодушный злодѣй, я погубилъ моего дядю, не имѣя на своей сторонѣ ни одного обстоятельства, которое бы сколько-нибудь меня извиняло. Мильвудъ опровергалъ и уничтожалъ меня при каждомъ случаѣ; самая любовь дочери моего хозяина была рѣшительнымъ безумствомъ, и мое слабодушное поведеніе въ роковое утро совершенно соответствовало общей ничтожности моего характера. Даже когда наконецъ меня повѣсили, и Вопсль закрылъ книгу, Пембльчукъ, уставя на меня свои глаза и покачивая головою, сказалъ: «берегись у меня, мальчикъ, берегись,» какъ будто въ этомъ никто не сомнѣвался, что я имѣлъ непремѣнное намѣреніе убить моихъ ближнихъ родственниковъ, если только одинъ изъ нихъ сдѣлается моимъ благодѣтелемъ.

¹ Мелкая монета въ 15 к. с.

² Тюрьма въ Лондонѣ, передъ которою казнятъ преступниковъ.

Ночь была темная, когда чтеніе кончилось, и мы отправились вмѣстѣ съ мистеромъ Вопслемъ. За городомъ лежалъ тяжелый туманъ. Фонарь у заставы представлялся свѣтлымъ пятномъ, и лучи его казались твердою массой на туманѣ. Мы говорили между собою, что туманъ подымался съ извѣстной части болота, отъ перемѣны вѣтра, какъ вдругъ наткнулись на человѣка, стоявшаго подъ навѣсомъ заставнаго домика.

— Эй! сказали мы въ одинъ голосъ, остановившись.—Орликъ?

— А! отвѣчалъ онъ, переваливаясь.—Я остановился на минутку, поджидаю попутчиковъ.

— Поздненько вы, замѣтилъ я.

Орликъ очень естественно отвѣтилъ:

— Ну да и вы поздненько.

— Мы провели, мистеръ Орликъ, сказалъ мистеръ Вопсль, увлеченный своимъ чтеніемъ,—артистическій вечеръ.

Старый Орликъ заворчалъ, какъ будто ему нечего было сказать на это, и мы пошли всѣ вмѣстѣ.

Я спросилъ, въ какой части города онъ проводилъ свой праздникъ.

— Да такъ по всему городу, сказалъ онъ.—Я шелъ за вами. Хоть я васъ и не видалъ, а я былъ вѣрно возлѣ васъ. Да кстати, пушки опять палятъ.

— Съ плашкотовъ? спросилъ я.

— Да, пташки вылетѣли изъ кѣтокъ. Пушки стрѣляютъ съ самыхъ сумерекъ. Вотъ сейчасъ вы услышите.

Въ самомъ дѣлѣ, мы едва прошли нѣсколько шаговъ, какъ раздался хорошо-понятный мнѣ выстрѣлъ, заглушаемый густымъ туманомъ, и пронесся раскатами вдоль по рѣкѣ, какъ бы въ слѣдъ бѣглецамъ.

— Славная ночь для утека, сказалъ Орликъ.—Не легко подцѣпить за крыло тюремную пташку въ сегодняшній вечеръ.

Эта матерія была только мнѣ одному близка, и я раздумывалъ о ней молча. Мистеръ Вопсль, подобно несчастному дяди въ трагедіи, принялся размышлять вслухъ. Орликъ, запустивъ руки въ карманъ, тащился рядкомъ со мною. Было темно, сыро, грязно, и мы дружно мѣсили грязь. По временамъ стрѣляла сигнальная пушка, и выстрѣлы сердито разносились раскатами вдоль по рѣкѣ. Я совершенно былъ погруженъ въ мою думу. Мистеръ Вопсль читалъ всевозможные предсмертные монологи. Орликъ иногда мурлыкалъ про себя:

Бейте, бейте други въ ладъ,
Старый Климъ,
Чтобъ ясный звенѣлъ булатъ,
Старый Климъ.

Я думалъ, что онъ былъ выпивши, но онъ не былъ пьянъ.

Такимъ образомъ мы пришли въ деревню. Дорога привела насъ къ «Тремъ Веселымъ Лодочникамъ», и мы замѣтили въ кабачкѣ, къ нашему удивленію, потому что уже было болѣе одиннадцати часовъ, необыкновенное движеніе; дверь была отперта; мистеръ Воепсъ зашелъ туда спросить что случилось (подозрѣвая, что поймали колодника), и выбѣжалъ къ намъ съ большою поспѣшностію.

— У васъ въ домѣ что-то не совсѣмъ ладно, Пипъ, сказалъ онъ.—Побѣжимъ!

— Что такое? спрашивалъ я, не отставая отъ него. Орякъ былъ возлѣ меня.

— Я не совсѣмъ хорошо понималъ. Кто-то ворвался въ домъ, когда Джо вышелъ со двора. Думаютъ, что каторжники.

Мы бѣжали слишкомъ скоро, разговаривать было некогда, и остановились только войдя въ нашу кухню. Она была полна народу; цѣлая деревня собралась сюда; здѣсь былъ докторъ, Джо и группа женщинъ; всѣ они были на полу посреди кухни. Народъ, стоявшій безъ дѣла, разступился, увидя меня, и такимъ образомъ я замѣтилъ мою сестру: она лежала неподвижно, безъ чувствъ, на голыхъ доскахъ, куда повалилъ ее кто-то страшнымъ ударомъ по затылку, когда она стояла, обратившись къ огню лицомъ, которому уже болѣе не суждено было хмуриться и пѣтушиться

XIV.

Голова моя была полна *Джорджемъ Барнеломъ*, и сначала я былъ расположенъ вѣрить, что я непременно долженъ быть замѣшанъ въ этомъ нападеніи на мою сестру, или по крайней мѣрѣ, что я навлекалъ на себя болѣе законное подозрѣніе нежели другіе, какъ ея ближайшій родственникъ, обязанный ей. Но на слѣдующее утро, когда я началъ размышлять, при дневномъ свѣтѣ объ этомъ дѣлѣ, и прислушался, какъ о немъ раз-

суждали другіе, я сталъ смотрѣть на него и самъ иначе, съ болѣе благоразумной точки зрѣнія.

Джо былъ у «Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ» отъ четверти девятаго до трехъ четвертей десятаго, и курилъ тамъ трубку. Пока онъ оставался тамъ, мою сестру видѣли у дверей кухни, и она обвинялась нѣсколькими словами съ фермерскимъ рабочимъ, возвращавшимся домой. Человѣкъ этотъ не могъ положительно сказать, въ какое время онъ видѣлъ ее (бѣдный, онъ страшно перепугался при допросѣ), но только это было прежде девяти часовъ. Когда Джо вернулся домой, было безъ пяти минутъ десять часовъ; онъ нашелъ ее на полу и сейчасъ же бросился за помощью. Огонь тогда въ каминѣ еще не потушалъ и свѣчка не слишкомъ нагорѣла, хотя она была потушена.

Изъ дому ничего не было взято, и въ кухнѣ не было особеннаго безпорядка; только была погашена свѣчка, на столѣ, который находился между дверью и моею сестрой, именно позади ее, когда она стояла передъ огнемъ и, по всей вѣроятности, получила ударъ; да нѣсколько вещей были сдвинуты, вѣроятно, ею же, при паденіи, и кровь оставалась на полу. Но на самомъ мѣстѣ нашли важный обвинительный пунктъ. Ударъ, полученный ею, былъ нанесенъ по головѣ и по спинѣ какимъ-то тяжелымъ и тупымъ орудіемъ; послѣ этихъ ударовъ, когда она лежала уже ничкомъ, въ нее было брошено еще чѣмъ-то тяжелымъ. А на полу возлѣ нея, когда Джо ее поднималъ, нашли желѣзо каторжника, распиленное пополамъ.

Джо, разглядывая это желѣзо глазомъ кузнеца, объявилъ, что оно давно было распилено. Сдѣлали запросъ на плашкоть, откуда прислали людей для осмотра желѣза, и они подтвердили мнѣніе Джо. Они не рѣшились положительно сказать, когда пропало это желѣзо съ плашкота, которому оно очевидно принадлежало; но выдавали за вѣрное, что его не носилъ ни одинъ изъ двухъ каторжниковъ, бѣжавшихъ прошедшую ночь. Кромѣ того, одинъ изъ нихъ уже былъ пойманъ, и былъ съ желѣзомъ на ногѣ.

Изъ того, что я зналъ, я вывелъ мое собственное заключеніе. Я былъ увѣренъ, что желѣзо принадлежало *моему* каторжнику; это было то самое желѣзо, которое онъ распилывалъ на болотѣ; но внутренно я не подозревалъ, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ него такое употребленіе. Я думалъ, что, или Орликъ или незнакомецъ, показывав-

шій мнѣ напилокъ, нашелъ его и воспользовался имъ для этого страшнаго дѣла.

Теперь, что касается до Орлика, то онъ дѣйствительно ходилъ въ городъ, какъ онъ сказалъ намъ, когда мы встрѣтились съ нимъ у шоссеиной заставы; его видѣли въ городѣ весь вечеръ; онъ заходилъ во многіе кабаки, былъ въ компаніи съ разными людьми и потомъ воротился вмѣстѣ со мною и мистеромъ Воецлемъ. Въ улику ему нечего было сказать, кромѣ послѣдней ссоры; но моя сестра ссорилась и бранилась тысячи разъ съ нимъ, да и со всѣми ее окружавшими. Теперь взять незнакомца: еслибъ онъ пришелъ за своими двумя банковыми билетами, то спорить и драться тутъ было не за что, потому что сестра моя была готова возвратить ему ихъ. Кромѣ того не было никакихъ слѣдовъ ссоры; врагъ подошелъ такъ тихо и внезапно, что она повалилась, вѣроятно, не успѣвши оглянуться.

Страшно было подумать, что я подготовилъ орудіе, хотя и безъ намѣренія; но эта мысль преслѣдовала меня; я страдалъ несказанно, думая и передумывая, не передать ли Джо все какъ было. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ потомъ, каждый день я порѣшалъ отрицательно этотъ вопросъ, и на слѣдующее же утро открывалъ внутри себя новое преніе о томъ же. Въ заключеніи борьба приходила къ слѣдующему: теперь это былъ уже такой давнишній секретъ, онъ такъ укоренился во мнѣ, что я не могъ его вырвать. Кромѣ того я боялся, что эта тайна, которая привела къ такимъ послѣдствіямъ, отдалить отъ меня Джо, если онъ ей повѣритъ: еще я боялся также, что онъ не дастъ ей никакой вѣры, но поставитъ ее, какъ чудовищное изобрѣтеніе, на ряду съ баснословными собаками и телячьими котлетами. Однакоже я медлилъ, колеблясь между правдою и неправдою, и рѣшился открыть все, если найду только удобный случай, чтобы помочь найти преступника.

Полицейскіе и сыщики изъ Лондона,—это случилось уже въ ближайшее къ намъ время, когда исчезла краснокафтанная полиція,—оставались у насъ въ домѣ недѣли двѣ и дѣлали то же самое, что они обыкновенно дѣлаютъ, какъ я читалъ и слышалъ про нихъ въ подобныхъ случаяхъ. Они допрашивали, очевидно не тѣхъ людей, нападали на ложныя догадки и съ ослинымъ упрямствомъ старались перекроить обстоятельства по этимъ догадкамъ, вмѣсто того чтобы напротивъ вывести догадки изъ обстоятельствъ. Они стояли также у входа къ «Веселымъ

Лодочникамъ», бросая на всѣхъ лукавые и таинственные взгляды, которые возбуждали удивленіе цѣлаго околотка, и осушали свои стаканы, съ такимъ таинственнымъ видомъ, что это право стоило поймки виновнаго, котораго они однакоже не поймали.

Долго послѣ того, какъ разсѣялись эти власти, сестра моя хворала и не вставала съ постели. Зрѣніе ея было повреждено такъ, что всѣ предметы множились у нее въ глазахъ, и она хватала воображаемыя чашки и рюмки вмѣсто настоящихъ; слухъ ея былъ также пораженъ, равно какъ и память; рѣчь сдѣлалась совершенно не понятна. Когда наконецъ она достаточно поправилась, такъ что мы могли снести ее внизъ, аспидная доска постоянно была при ней, и она писала свои желанія, которыя не могла передать на словахъ. Такъ какъ она не отличалась особенно точнымъ правописаніемъ, да и вообще не была мастерица писать, а Джо былъ куда какой плохой чтець, то между ними выходили самыя странныя недоразумѣнія, и меня обыкновенно призывали разрѣшать ихъ. Часто подавали мы ей леденца вмѣсто лѣкарства; чаю, когда слѣдовало позвать Джо, или ветчины вмѣсто ветошки. Это еще были самыя незначительныя промахи.

Характеръ ея однако очень поправился, и она стала терпѣлива. Паралитическое дрожаніе всѣхъ членовъ вскорѣ сдѣлалось ея нормальнымъ состояніемъ; она, бывало, схватится руками за голову и останется въ этомъ положеніи цѣлую недѣлю, словно помѣшанная. Мы долго не могли найти для нея хорошей сидѣлки, но случилось кстати одно обстоятельство, которое выручило насъ изъ этого затрудненія. Бабка мистера Вопсла побѣдила наконецъ укоренившуюся привычку жить; и Биди сдѣлалась членомъ нашего семейства.

Биди пришла къ намъ съ своимъ сундучкомъ, заключавшимъ все ея достояніе, и сдѣлалась отрадою нашей семьи. Но болѣе всего она была отрадой для Джо. Бѣдный малый былъ очень огорченъ постояннымъ созерцаніемъ увѣчья своей жены, и часто, бывало, ухаживая за нею по вечерамъ, онъ говаривалъ мнѣ съ слезами на своихъ голубыхъ глазахъ: «Такая она была красивая женщина, Пипъ!» Биди разомъ принялась мастерски ухаживать за нею, какъ будто она изучала ея привычки съ самаго дѣтства. Джо теперь могъ быть покойнѣе и на-

ходилъ иногда время зайти къ «Веселымъ Лодочникамъ», что для него было пріятнымъ развлеченіемъ. Замѣчательно, что всѣ полицейскіе подозрѣвали болѣе или менѣе Джо (хотя онъ этого никогда не зналъ), всѣ считали его хитрѣйшимъ малымъ, какаго когда-либо встрѣчали.

Первымъ подвигомъ Биди, по вступленіи ея въ новую должность, было разрѣшеніе одной трудности, съ которою я никакъ не могъ совладать.

. Вотъ что это было такое: сестра моя уже нѣсколько разъ рисовала на аспидной доскѣ какую-то каракулю, которая была довольно похожа на изуродованное Г, и потомъ всячески старалась обратить на этотъ кабалистическій знакъ мое вниманіе, какъ будто она чего-то особенно желала. Напрасно я приносилъ ей всевозможные предметы, начинавшіеся буквой Г, отъ горбушки до голика. Наконецъ мнѣ пришло въ голову, что этотъ знакъ былъ похожъ на молотокъ; съ радостію я прокричалъ это слово на ухо моей сестрѣ, и она начала стучать по столу, совершенно подтверждая мою догадку. Я принесъ въ комнату всѣ наши молотки одинъ за другимъ, но только безъ наковальни; потомъ я подумалъ о костылѣ, форма его была почти такая же, и я принесъ изъ деревни костыль и показалъ его сестрѣ съ полною увѣренностію. Но она такъ замотала головой, когда я его представилъ ей, что мы всѣ испугались, какъ бы она не свернула себѣ шею, при слабости и разстроенномъ состояніи своего здоровья.

Сестра моя замѣтила, что Биди легко понимала ее, и этотъ таинственный знакъ снова показался на аспидной доскѣ. Биди посмотрѣла на него въ раздумьѣ, выслушала мое объясненіе, въ раздумьѣ посмотрѣла на мою сестру, на Джо (который всегда означался на аспидной доскѣ начальною буквою своего имени), и потомъ побѣжала въ кузницу въ сопровожденіи Джо и меня.

— Разумѣется, закричала Биди съ радостнымъ лицомъ. — Развѣ вы не видите? Это про него она спрашиваетъ.

Про Орлика, безъ всякаго сомнѣнія! Она забыла его имя и означала его молотомъ. Мы сказали ему, что онъ нуженъ намъ въ кухню, и онъ медленно положилъ свой молотъ, отеръ лобъ рукой, потомъ вытеръ его еще разъ фартукомъ и потащился, подогнувъ колѣно, своею обыкновенною неповоротливою походкою, которая отличала его.

Признаюсь, я ожидалъ, что моя сестра явится обвинительницей,

и совершенно обманула въ моихъ ожиданіяхъ. Она обнаружила особенное желаніе быть съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, радовалась, что наконецъ-то его позвала и показывала знаками, чтобы ему дали чего-нибудь выпить. Она слѣдила за его физиономіей, какъ будто хотѣла увѣриться, что онъ былъ доволенъ этимъ приемомъ, обнаруживала всячески желаніе расположить его къ себѣ, и во всѣхъ ея дѣйствіяхъ было замѣтно смиренное подлещиваніе, которое отличаетъ, мнѣ случалось видѣть, обращеніе ребенка съ суровымъ учителемъ. Послѣ этого рѣдкій день проходилъ, чтобы она не рисовала молотка на аспидной доскѣ, и Орликъ входилъ переваливаясь, и становился упрямо передъ нею, какъ будто онъ понималъ такъ же мало, какъ и я, что могло это значить?

XV.

Я снова вошелъ въ обыкновенную колею ученической жизни, и не переступалъ за предѣлы деревни и болота; единственнымъ перерывомъ этого однообразнаго теченія были дни моего рожденія и посѣщеніе въ эти дни миссъ Гевишамъ. Миссъ Сара Покетъ обыкновенно встрѣчала меня у каютки; я постоянно находилъ миссъ Гевишамъ въ томъ же положеніи, какъ я оставилъ ее; она точно также, и почти въ тѣхъ самыхъ словахъ, относилась объ Эстеллѣ. Свиданіе продолжалось нѣсколько минутъ; она давала мнѣ гинею когда я уходилъ, и приказывала мнѣ опять придти въ будущемъ году въ день моего рожденія. Я могу упомянуть здѣсь разъ навсегда, что это сдѣлалось ежегоднымъ обыкновеніемъ. Я пробовалъ было въ первый разъ отказаться отъ гинеи, но она спросила меня сердито: «не ожидалъ ли я болѣе?» и послѣ этого я принужденъ былъ взять ее.

Старый мрачный домъ не мѣнялся, точно такъ же какъ и желтый свѣтъ въ завѣшенной комнатѣ, точно такъ же какъ и поблекшій призракъ въ креслѣ у туалета; я чувствовалъ, какъ будто съ остановившимися часами остановилось самое время въ этомъ таинственномъ покоѣ; между тѣмъ какъ я и всѣ предметы внѣ его развивались и старѣли, онъ одинъ пребывалъ безъ движенія. Дневной свѣтъ никогда не проникалъ въ него, какъ мнѣ казалось и помнилось, еще болѣе чѣмъ въ самой дѣйствительности. Онъ сбивалъ меня съ толку, и подѣ

его вліяніемъ я продолжалъ внутренно ненавидѣть мое ремесло и стыдиться моего дома.

Незамѣтно, я сталъ, однакоже сознавать, большую перемену въ Биди. Башмаки ея не сваливались съ ногъ, волосы ея были приглажены и руки всегда были чисты. Она не была красавица, она была простая дѣвочка и никакъ не могла сравниться съ Эстеллой; но она была пріятна, свѣжа и кроткаго нрава. Прошелъ годъ съ небольшимъ, какъ она поселилась у насъ; она только что сняла трауръ, и разъ вечеромъ я замѣтилъ, что у нея были необыкновенно задумчивые глаза,—глаза премилые и предобрые.

Я замѣтилъ это, отвѣдя мои собственные глаза отъ работы, надъ которою я корпѣлъ; я дѣлалъ выписки изъ какой-то книги, стараясь въ одно и то же время образовать мой умъ и мою руку, и видя, что Биди смотрѣла чѣмъ я занимался. Я положилъ перо; Биди также остановилась надъ своею работою, не покидая ее однакоже совсѣмъ.

— Биди, сказалъ я,—какъ это вы такъ во всемъ успѣваете? Или я очень глупъ, или вы ужь очень умны?

— Въ чемъ это я успѣваю? Я не понимаю, отвѣчала Биди, улыбаясь.

Она управляла всѣмъ нашимъ хозяйствомъ и распорядилась удивительно; но не это я разумѣлъ, нѣтъ, не это; а то, о чемъ я думалъ, мнѣ казалось, по этой самой причинѣ, еще болѣе поразительнымъ.

— Какъ вы успѣваете, Биди, сказалъ я,—выучиваться, всему чему я учусь и не отставать отъ меня?

Я начиналъ гордиться моими знаніями, потому что я трагилъ на нихъ гинеи, получаемыя мною въ подарокъ въ день моего рожденія, и откладывалъ для того же назначенія большую часть моихъ карманныхъ денегъ, хотя теперь я не сомнѣваюсь, что скудный запасъ моихъ свѣдѣній былъ купленъ тогда очень дорогою цѣной.

— Я могла бы спросить васъ также, сказала Биди,—какъ вы успѣваете?

— Нѣтъ, потому что когда я прихожу изъ кузницы вечеромъ, вслкій видитъ какъ я принимаюсь за ученье, а вы нѣтъ никогда не занимаетесь, Биди.

— Я полагаю, оно пристасть ко мнѣ какъ кашель, сказала Биди спокойно, и принялась снова за шитье.

Преслѣдуя ту же мысль и прислонившись къ спинкѣ деревян-

наго стула, я смотрѣлъ, какъ Биди шила, склонивъ голову на сторону. Она начинала казаться мнѣ необыкновенною дѣвочкою. Я припомнилъ теперь, что ей также хорошо были знакомы всѣ термины въ нашемъ ремеслѣ и названія различныхъ работъ и различныхъ инструментовъ. Короче, все что зналъ я, то знала и Биди. По теоріи она была такой же кузнецъ, какъ и я, если еще не лучше.

— Вы изъ такихъ людей, Биди, сказалъ я,—которые не пропускаютъ ничего на свѣтъ. Пока вы не жили съ нами, вамъ не было случая узнать кузнечное дѣло, а вотъ посмотрите теперь, какъ вы наторѣли!

Биди посмотрѣла на меня съ минутой, и потомъ обратилась къ своему шатю.

— А вѣдь я была вашею первою учительницею, не такъ ли? сказала она, продолжая шить.

— Биди! воскликнулъ я въ удивленіи: — о чемъ это вы плачете?

— Я не плачу, сказала Биди, смотря на меня и смѣясь:— что это вамъ пришло въ голову?

Мнѣ это пришло въ голову, когда я увидѣлъ блестящую слезу, которая капнула на ея работу. Я сидѣлъ и молча припоминалъ, какая она была замарашка, пока бабка мистера Вопера не успѣла наконецъ побѣдить привычку жить, съ которою такъ охотно разстались бы многіе. Я припомнилъ безотрадныя обстоятельства, окружавшія ее въ жалкой лавчонкѣ, и жалкую вечернюю школу, жалкую немощную старуху, которую она бывала принуждена безпрестанно таскать и успокаивать. Я думалъ о томъ, что въ это несчастное время въ Биди таились способности, которыя теперь развивались; я вспомнилъ, что я обратился къ ней, при моей первой тревогѣ и неудовольствіи. Биди сидѣла спокойно и шила, не роняя болѣе слезъ. Смотра на нее, пока эти мысли занимали меня, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть я недостаточно былъ благодаренъ Биди. Я былъ съ нею слишкомъ скрытенъ, когда я могъ бы почтить ее (въ моихъ размышленіяхъ я употребилъ другое слово) моею довѣренностью.

— Да, Биди, замѣтилъ я, кончивъ мои размышленія,—вы были моею первою учительницею; и въ то время, не ожидали мы, что будемъ сидѣть вмѣстѣ въ этой кухнѣ.

— А, бѣдняжка! отвѣчала Биди. Она какъ будто забыла о са-

мой себѣ, отнеся мое замѣчаніе къ моей сестрѣ, и принялась за нею сейчасъ же ухаживать.—Это грустная правда!

— Ну! сказалъ я:—мы будемъ почаще толковать съ вами. Я буду всегда совѣтоваться съ вами. Пойдемъ-те гулять на болото въ будущее воскресенье, Биди; мы потолкуемъ тамъ на свободѣ.

Моя сестра никогда не оставалась одна, но Джо охотно согласился смотреть за нею въ это воскресенье, и мы съ Биди отправились вмѣстѣ. Это было лѣтомъ, погода стояла чудная. Когда мы миновали деревню, церковь, кладбище, и вышли на болото, паруса карабелей заблѣли передъ нами, и я началъ по обыкновенію мысленно соединять миссъ Гевисамъ и Эстелу съ окружающимъ видомъ. Мы подошли къ самой рѣкѣ и сѣли на берегу; вода плескала у нашихъ ногъ, еще сильнѣе обнаруживая тишину и спокойствіе своимъ плескомъ, и я рѣшилъ, что тутъ было настоящее мѣсто и время во всемъ довѣриться Биди.

— Биди, сказалъ я, обязавъ ее прежде хранить тайну, —я хочу быть джентльменомъ.

— О, я бы этого не захотѣла, еслибъ была на вашемъ мѣстѣ! отвѣчала она.—Что въ этомъ за особенное счастье!

— Биди, сказалъ я съ нѣкоторою суровостью, —я имѣю свои причины желать сдѣлаться джентльменомъ.

— Вы знаете лучше, Пипъ; но не думаете ли вы сами, что вы счастливѣе въ вашемъ состояніи?

— Биди! воскликнулъ я нетерпѣливо:—я не вижу никакого счастья въ моемъ положеніи, мнѣ постыда моя жизнь, мнѣ отвратительно мое ремесло; я не могу привыкнутьъ къ нему. Будьте разсудительны.

— Развѣ я не разсудительна? сказала Биди, спокойно подымая свои брови.—Пипъ, я только желала вамъ добра и спокойствія.

— Ну такъ поймите же развѣ навсегда, что я не могу быть спокойнѣе, что я буду несчастенъ, Биди, да! если не вырвусь изъ этой жизни.

— Это жаль, сказала Биди, покачивая головою съ печальнымъ видомъ.

Я также часто думалъ, что это жаль, и во внутренней борьбѣ съ собою я почти готовъ былъ проливать горькія слезы досады. Биди высказала мое собственное чувство. Я сказалъ ей, что она была права; я очень хорошо зналъ, что жаль, но пособить было невозможно.

— Еслибъ я только могъ успокоиться, сказалъ я Биди, срывая траву, какъ нѣкогда я вырывалъ мои чувства вмѣстѣ съ ключьями волосъ, или вышибалъ ихъ изъ себя стуча ногами въ стѣну пивоварни. — Еслибъ я только могъ успокоиться и полюбить кузницу хоть въ половину такъ, какъ я любилъ ее прежде, когда я былъ маленькій, о! я знаю это было бы гораздо лучше для меня. Намъ всѣмъ нечего было бы тогда желать. Я могъ бы сдѣлаться партнеромъ Джо, когда кончится срокъ моего ученья; я могъ бы также ухаживать за вами, и мы бы совсѣмъ другими людьми сидѣли на этомъ самомъ берегу по воскресеньямъ. Вѣдь я бы годился для васъ, не такъ ли, Биди?

Биди вздохнула, смотря на корабли, плывшіе мимо, и отвѣчала.

— Да, я не слишкомъ разборчива.

Отвѣтъ этотъ не былъ очень лестенъ для меня; но, я зналъ, она не думала меня оскорбить.

— Вмѣсто этого, сказалъ я, вырывая новый клочокъ травы и принимаясь жевать нѣсколько былиннокъ, — посмотрите, что за жизнь я маячу. Я не доволенъ, не спокоенъ; для меня пожалуй ничего бы не значило, что я простой, грубый мужикъ, если бы мнѣ никто этого не сказалъ.

Биди вдругъ повернула свое лицо ко мнѣ и посмотрѣла на меня гораздо пристальнѣе нежели она слѣдила прежде за плывшими кораблями.

— Это не справедливо, да и не совсѣмъ вѣжливо, замѣтила она, обращая опять свои глаза на корабли.—Кто это сказалъ?

Я смѣшался, потому что эти слова сорвались у меня съ языка, а я не сообразилъ еще какъ повести рѣчь. Отступать однако же было теперь поздно, и я отвѣчалъ:

— Молодая красивая барышня у миссъ Гевисамъ; лучше ее нѣтъ, никогда не было и не будетъ; я страшно въ нее влюбленъ, и для ней-то я хочу быть джентльменомъ.

Сдѣлавъ такое безумное признаніе, я принялся бросать сорванную траву въ рѣку, какъ будто я намѣревался послѣдовать за нею.

— Такъ вы хотите сдѣлаться джентльменомъ, чтобы досадить ей или чтобы жениться на ней, спросила Биди спокойно, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не знаю, отвѣчалъ я угрюмо.

— Потому, если вы хотите только досадить ей, про-

должала Биди, — то я полагаю... но вы знаете лучше меня.. лучше и благороднѣе было бы не обращать вниманія на ея слова. Если же вы хотите добиться ея, то я думаю.... но опять таки вы лучше меня знаете, что она этого не стоить.

Именно это самое я думалъ не разъ. Это именно было мнѣ ясно въ эту минуту. Но какъ же было мнѣ, бѣдному деревенскому ослѣпленному мальчишкѣ, выпутаться изъ этой несостоятельности, въ которую каждый день впадаютъ люди получше и поуменѣе?

— Все это можетъ быть очень справедливо, сказалъ я Биди,—только я въ нее страшно влюбленъ.

Дойдя до этого пункта, я уткнулъ лицо въ землю, запустилъ объ руки въ волосы и принялся ихъ рвать, все время чувствуя, что съ моей стороны это было самымъ неумѣстнымъ и неприличнымъ безуміемъ, за которое слѣдовало бы мнѣ самому, собственными же руками, сорвать свою башку и разбить о камни, въ наказаніе за то, что она была на плечахъ такого идиота.

Биди была благоразумнѣйшая дѣвочка въ мірѣ и не пробовала болѣе убѣждать меня. Она положила свою руку на мою руку,—и прикосновеніе ея руки, хотя и огрубѣвшей отъ работы, было очень приятно,—и высвободила ихъ потихоньку изъ моихъ волосъ. Потомъ она нѣжно потрепала меня по плечу, а я плакалъ, уткнувъ мое лицо въ рукавъ, точно такъ какъ, я это дѣлалъ въ нашей кухнѣ, неопредѣленно сознавая, что былъ кѣмъ-то или всѣми очень обиженъ.

— Я рада одному, сказала Биди,—что вы довѣрились мнѣ, Пипъ, и рада еще тому, что вы можете положиться на меня; я сохраню вашу тайну. Еслибы вашъ первый учитель,—такой жадный учитель, что еще самъ нуждается въ ученьи, — могъ теперь поучить васъ, то онъ, кажется, зналъ бы какой задать вамъ урокъ. Но урокъ этотъ трудно выучить, да и потомъ вы обогнали вашего учителя; теперь ужъ это бесполезно.

Спокойно вздохнувъ обо мнѣ, Биди встала и сказала приятнымъ и свѣжимъ голосомъ:

— Пойдемъ мы еще далѣе гулять или вернемся домой?

— Биди, закричалъ я вставая и цѣлуя ее,—я буду всегда все вамъ говорить.

— Пока не сдѣлаетесь джентльменомъ, сказала Биди.

— Вы знаете, что я не буду джентльменомъ, и потому

всегда. Впрочемъ что мнѣ говорить вамъ? Вы знаете все, что я знаю; я вамъ, помните, уже говорилъ это какъ-то вечеромъ.

— А! сказала Биди, почти шепотомъ, поглядывая на ко-
рабли; потомъ повторила прежнимъ пріятнымъ голосомъ:—
Будемъ еще гулять или ужь вернуться домой?

Я сказалъ Биди, что мы еще пойдёмъ погулять, и мы отпра-
вились далѣе; лѣтній полдень постепенно переходилъ въ лѣт-
ній вечеръ; погода стояла чудная. Я начиналъ размыш-
лять, не было ли мое положеніе, при настоящихъ обстоя-
тельствахъ, естественнѣе чѣмъ то, когда я игралъ въ ни-
щіе, при вечернемъ освѣщеніи среди дня, въ комнатѣ
съ остановившимися часами, презираемый Эстеллой. Я ду-
малъ, что для меня было бы очень хорошо, еслибъ я могъ
выбить ее изъ головы, со всѣми прочими воспоминаніями и
фантазіями, приняться съ усердіемъ за работу, и не от-
ставать отъ своего дѣла. Я спрашивалъ себя, не сдѣлала ли бы
меня Эстелла несчастнымъ теперь, еслибъ она была со мною
вмѣсто Биди? Я принужденъ былъ согласиться, что я зналъ
это навѣрное, и сказалъ себѣ: Пипъ, какой же ты дуракъ!

Мы много говорили гуляя, и все, что ни говорила Биди,
было совершенно справедливо. Биди не была капризна, не
мѣнялась по днямъ. Ей было бы горько, а ужь никакъ не
было бы пріятно огорчать меня; она скорѣе нанесла бы
себѣ ударъ въ сердце нежели мнѣ. Какъ же это я не лю-
билъ ея болѣе чѣмъ Эстеллу?

— Биди, сказалъ я, когда мы возвращались домой,—я бы
хотѣлъ, чтобы вы наставили меня на истинный путь.

— Я бы также хотѣла, сказала Биди,—да не знаю какъ.

— Еслибъ я только могъ влюбиться въ васъ... вы не сер-
дитесь, что я такъ откровенно говорю съ давнишнею зна-
комой?

— О, Боже сохрани, нѣтъ! сказала Биди.

— Еслибъ я могъ только заставить себя влюбиться въ васъ,
такъ это было бы хорошо для меня.

— Но вѣдь вы этого никогда не сдѣаете, сказала Биди.

Въ этотъ вечеръ мнѣ представлялось это болѣе вѣроятнымъ
нежели я полагалъ нѣсколько часовъ тому назадъ. А поэтому
я замѣтилъ ей, что я въ этомъ еще не такъ увѣренъ. Но
Биди сказала, что она была совершенно увѣрена, и сказала это
рѣшительно. Внутренно я думалъ, что она была справедлива;
но мнѣ не нравилось, что она была такъ положительна.

Когда мы подошли къ кладбищу, намъ пришлось перейти черезъ валъ, и потомъ перелезть черезъ плетень, возлѣ шляза. Вдругъ передъ нами очутился старый Орликъ, выскочившій незамѣтно изъ камыша или изъ канавы, или спрыгнувшій съ шляза.

— Гей! замычалъ онъ:—куда эте вы идете вдвоемъ?

— Куда? домой!

— Хорошо же, сказалъ онъ,—будь я проклять, если я не провожу васъ до дому.

Биди была очень противъ этого, и сказала мнѣ шепотомъ:

— Не давайте ему идти съ нами; я не люблю его.

Я тоже его не жаловалъ и сказалъ ему, что мы очень ему благодарны, но что въ проводахъ его мы не нуждаемся. Онъ выслушалъ это съ громкимъ хохотомъ и отсталъ отъ насъ, слѣдуя за нами однакоже въ нѣкоторомъ разстояніи.

Любопытствуя узнать, не подозрѣвала ли Биди, что онъ былъ виновенъ въ томъ разбойническомъ нападеніи, котораго не могла объяснить моя сестра, я спросилъ ее, за что она его не любила.

— О! отвѣчала она, поглядывая на него въ полуоборотъ, изъ-за плеча,—потому что, я... я боюсь, онъ любитъ меня.

— Развѣ онъ говорилъ вамъ когда-нибудь, что онъ васъ любитъ? спросилъ я съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Биди, поглядывая опять изъ-за плеча,—онъ мнѣ этого никогда не говорилъ; но... но онъ пляшетъ передо мною всегда какъ только поймаетъ мой взглядъ.

Хотя это былъ очень новый и совершенно особенный способъ выраженія любви, но я не сомнѣвался, что онъ былъ понятъ вѣрно. Со стороны Орлика было дерзостью ялюбиться въ нее, и даже личнымъ оскорбленіемъ для меня.

— Но вамъ вѣдь это все равно, сказала Биди спокойно.

— Конечно, все равно; только мнѣ это не нравится. Я этого не одобряю.

— И я также, сказала Биди,—хотя для васъ это все равно.

— Совершенно такъ, отвѣчалъ я,—но я долженъ вамъ сказать, Биди, что я былъ бы худаго мнѣнія о васъ, еслибы вы дали ему поводъ плясать передъ собою.

Послѣ этого вечера, я слѣдилъ за Орликомъ, и всякой разъ, когда представлялся ему благопріятный случай поплясать передъ Биди, я становился передъ нимъ и мѣшалъ этой демонстраціи. Благодаря капризу моей сестры, привязавшейся къ

нему, онъ совершенно утвердился въ нашемъ кругу; не то я постарался бы, чтобъ ему отказали. Онъ совершенно позналъ мои добрыя намѣренія и вполнѣ сочувствовалъ имъ, какъ я узналъ потомъ.

И теперь, какъ будто въ моей головѣ мало еще было сумбура, я усложнилъ его во сто тысячъ разъ: находили на меня минуты, когда я бывалъ вполнѣ увѣренъ, что Биди несравненно лучше Эстеллы, и что простая, честная, рабочая жизнь, для которой я родился, не имѣла въ себѣ ничего постыднаго, но что я могъ въ ней уважать себя и быть счастливымъ. Въ эти минуты я положительно рѣшалъ, что мое пренебреженіе къ милому старому Джо и его кузницѣ миновало, и что я сдѣлаюсь его партнеромъ и буду ухаживать за Биди. Но вдругъ проклятое воспоминаніе о прежнихъ часахъ, проведенныхъ у миссъ Гевишамъ, падало на меня какъ бомба и совершенно разносило мои мысли. Разсѣянные мысли собираются нескоро, и часто, прежде нежели я успѣвалъ ихъ собрать, безумная мечта, что миссъ Гевишамъ устроитъ мою судьбу, когда кончится срокъ моего ученя, разметывала ихъ еще шире во всевозможныхъ направленіяхъ.

Еслибы дали моему сроку спокойно кончиться, то, полагаю, мои волненія не кончились бы съ нимъ. Онъ однако не самъ собою кончился; обстоятельства, которыя я опишу сейчасъ, привели его къ неожиданному, преждевременному заключенію.

XVI.

Это было на четвертый годъ моего ученя, въ субботу вечеромъ. Порядочная группа народу собралась около огня у «Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ» и внимательно слушала, какъ мистеръ Вопсль читалъ въ слухъ газету. Я также принадлежалъ къ этой группѣ.

Совершенно было убійство, о которомъ въ то время всѣ говорили, и мистеръ Вопсль, выражаясь фигурно, купался въ крови по самую маковку. Онъ пожиралъ каждый отвратительный эпитетъ, украшавшій описаніе; онъ олицетворялъ каждого свидѣтеля, допрошеннаго при слѣдствіи. Слабо стоналъ онъ: «все кончено», подобно несчастной жертвѣ;

страшно ревѣлъ онъ, какъ убійца: «доконаю тебя.» Онъ передалъ докторское показаніе, рѣшительно передразнивая нашего деревенскаго врача, и шепелявилъ и дрожалъ, какъ старый караульный при шоссейной заставѣ, слышавшій ударъ, совершенно будто человекъ разбитый параличемъ, такъ что мы начинали сомнѣваться въ здоровомъ умѣ этого свидѣтеля. Слѣдственный приставъ являлся, въ лицѣ мистера Вопеля, Тимономъ Аенискимъ, сторожъ—Коріоланомъ. Онъ всецѣло наслаждался, и мы все тоже наслаждались и чувствовали себя въ полнѣйшемъ комфортахъ. Въ состояніи этого благодушія мы дошли до приговора, что то было смертоубійство, намѣренно совершенное.

Тогда только я замѣтилъ незнакомаго джентльмена, который стоялъ опершись на спинку дивана и смотрѣлъ на насъ. На лицѣ его выражалось глубокое презрѣніе; онъ кусалъ указательный палецъ, глядя на нашу группу.

— Ну, сказалъ незнакомецъ мистеру Вопелю, когда чтеніе кончилось,—я не сомнѣваюсь, вы порѣшили дѣло къ вашему полному удовольствію?

Мы все вздрогнули и оглянулись какъ будто то былъ самъ убійца. Онъ посмотрѣлъ на всехъ хладнокровно, саркастически улыбаясь.

— Конечно, обвиняемый виновенъ? сказалъ онъ:—ну говорите же прямо.

— Сэръ, отвѣтилъ мистеръ Вопель,—хотя я не имѣю чести знать васъ; но не задумываясь долго, скажу, что онъ виновенъ.

Мы все осмѣлились подтвердить это рѣшеніе одобрительнымъ ропотомъ.

— Я знаю, что вы такъ думаете, сказалъ незнакомецъ,—я это напередъ зналъ. Я вамъ такъ и сказалъ. Но я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ. Знаете ли вы или нѣтъ, что законы англійскіе предполагаютъ каждаго обвиняемаго невиновнымъ, пока не будетъ доказано — слышите ли? пока не будетъ доказано, что онъ виновенъ?

— Сэръ, началъ было мистеръ Вопель,—какъ Англичанинъ самъ, я....

— Не извольте, сказалъ незнакомецъ, кусая свой палецъ,—уклоняться отъ моего вопроса. Знаете ли вы, или нѣтъ? Одно изъ двухъ?

Онъ стоялъ, повернувъ свою голову и весь корпусъ на одну сторону, въ видѣ придиричиваго вопросительнаго знака, и

указывая пальцемъ на мистера Вопсля, какъ будто хотѣлъ имъ заклеить его.

— Что же? сказалъ онъ:—знаете вы, или нѣтъ?

— Конечно я знаю, отвѣчалъ мистеръ Вопсль.

— Конечно вы знаете. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было не отвѣтить этого съ перваго раза? Теперь я вамъ одѣлаю другой вопросъ, продолжалъ онъ, совершенно забывая въ свои руки мистера Вопсля, какъ будто онъ имѣлъ на это право.— Знаете ли вы, что ни одинъ изъ этихъ свидѣтелей не былъ приведенъ къ перекрестному допросу? ¹

Мистеръ Вопсль опять было началъ:

— Я могу только сказать...

Но незнакомецъ остановилъ его.

— Какъ? вы не хотите отвѣчать на вопросъ простымъ да или нѣтъ? Я еще разъ спрошу васъ.—Вытянувъ снова свой палецъ на него, онъ продолжалъ:—Слушайте, знаете ли вы или не знаете, что ни одинъ изъ этихъ свидѣтелей еще не былъ приведенъ къ перекрестному допросу? Ну же, отъ васъ требуется одно слово: да или нѣтъ?

Мистеръ Вопсль медлилъ, и тѣмъ очень терялъ въ нашемъ мнѣннн.

— Хорошо, сказалъ незнакомецъ,—я вамъ помогу. Хотя, говоря по правдѣ, вы не заслуживаете помощи, но я все-таки помогу вамъ. Посмотрите на эту бумагу, которую вы держите въ рукахъ: что это такое?

— Что это такое? повторилъ мистеръ Вопсль, глядя на газету, совершенно растерянный.

— Это та самая печальная газета, продолжалъ незнакомецъ, съ необыкновенно-саркастическимъ и недовѣрчивымъ видомъ,— которую вы сейчасъ читали?

— Безъ всякаго сомнѣннн.

— Безъ всякаго сомнѣннн! Теперь загляните въ эту газету и скажите мнѣ, не передаетъ ли она положительно, что обвиняемый, по совѣту своихъ адвокатовъ, откладываетъ свою защиту до будущаго времени.

— Я сейчасъ это прочелъ, сказалъ мистеръ Вопсль, какъ бы оправдываясь.

— Дѣло не въ томъ, что вы читали сэръ; я спрашиваю васъ

¹ Cross examination, допросъ, который дѣлается свидѣтелямъ адвокатами противной стороны.

не про то, что вы читали. Вы можете пожалуй читать *Отче нашъ* на выворотъ, если у васъ есть охота; можетъ-быть вы такъ это и дѣлали до нынѣшняго дня. Загляните въ газету. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій, не на верхъ столбца; вы знаете очень хорошо, что это внизу, въ самомъ низу.

Мы всѣ начинали сомнѣваться въ добросовѣстности мистера Вопсля.

— Ну, нашли вы?

— Здѣсь оно, сказалъ мистеръ Вопсль.

— Теперь прослѣдите вашимъ глазомъ все это мѣсто, и скажите мнѣ, не утверждается ли здѣсь положительно, что обвиняемый, по совѣту своихъ судей, отлагаетъ свою защиту до будущаго времени? Ну, понимаете ли вы такъ это мѣсто?

Мистеръ Вопсль отвѣчалъ, что тутъ именно этихъ словъ нѣтъ.

— Этихъ именно словъ! повторилъ джентльменъ презрительно.—Но смыслъ-то каковъ?

— Да, смыслъ таковъ, сказалъ мистеръ Вопсль.

— Да, повторилъ незнакомецъ, оглядывая кругомъ всю компанію и протянувъ правую руку къ свидѣтелю Вопсли.—Теперь, я спрошу васъ, что вы скажете про совѣсть человѣка, который, прочтя это, объявляетъ виновнымъ своего ближняго, не выслушавъ его и потомъ спокойно идетъ себѣ спать.

Мы всѣ начинали подозрѣвать, что мистеръ Вопсль былъ вовсе не такой человѣкъ, какимъ мы его считали до сихъ поръ, и что наконецъ мы раскусили его.

— И припомните, этотъ самый человѣкъ, продолжалъ джентльменъ, тяжело опуская свой палецъ на мистера Вопсля,—этотъ самый человѣкъ можетъ быть призванъ въ судъ присяжнымъ по этому же дѣлу, и послѣ такого предосудительнаго поступка, онъ спокойно вернется въ нѣдра своего семейства, спокойно склонитъ свою голову на подушку, между тѣмъ какъ онъ торжественно и добровольно клялся, что будетъ судить по правдѣ-истинѣ между нашимъ государемъ королемъ и обвиняемымъ, и дать справедливый приговоръ согласно съ показаніями, и да поможетъ ему Богъ! ¹

Мы всѣ были глубоко убѣждены, что мистеръ Вопсль зашелъ слишкомъ далеко и что ему слѣдовало остановиться на своемъ преступномъ поприщѣ, пока еще было время.

¹ Офиціальная форма присяги.

Незнакомецъ, съ видомъ неоспоримаго авторитета, показывавшимъ, что онъ зналъ о каждомъ изъ насъ какую-нибудь тайну, которая совершенно уничтожила бы репутацію каждаго, еслибъ онъ только открылъ ее, оставилъ свое прежнее мѣсто и подошелъ къ огню. Онъ остановился тутъ, запустивъ лѣвую руку въ карманъ и кусая указательный палецъ правой руки.

— Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ, сказалъ онъ, оглядывая всѣхъ насъ, а мы всѣ дрожали передъ нимъ,—я имѣю поводъ думать, что между вами находится кузнецъ, по имени Джозефъ или Джо Гарджерри. Который это изъ васъ?

— Вотъ онъ на лицо, сказалъ Джо.

Незнакомый джентльменъ поманилъ его къ себѣ, и Джо подошелъ.

— У васъ есть ученикъ, продолжалъ незнакомецъ,—по прованью Шипъ? Здѣсь онъ?

— Я здѣсь, закричалъ я.

Незнакомецъ не узналъ меня, но я призналъ въ немъ джентльмена, котораго я встрѣтилъ на лѣстницѣ въ мое второе посѣщеніе миссъ Гевишамъ. Его наружность была такъ замѣчательна, что я не могъ забыть ее. Я узналъ его сейчасъ же какъ только увидѣлъ, и теперь, смотря на него, когда онъ положилъ руку мнѣ на плечо, я свѣрялъ всѣ подробности его наружности съ моими прежними впечатлѣніями: его большую голову, смуглый цвѣтъ его лица, его впалые глаза, его густыя черныя брови, его массивную часовую цѣпочку, черныя пятна на его подбородкѣ и щекахъ, и даже запахъ душистаго мыла отъ его огромной руки.

— Я бы хотѣлъ побесѣдовать наединѣ съ вами обоими, сказалъ онъ, пристально оглядѣвъ меня,—это не возьметъ много времени. Можетъ-быть, лучше будетъ отправиться намъ на вашу квартиру. Я не хотѣлъ бы сообщать вамъ мое дѣло здѣсь; но потомъ вы можете передать его вашимъ друзьямъ, если хотите; это до меня не касается.

Посреди недоумѣвающего молчанія мы вышли изъ «Веселыхъ Лодочниковъ», и шли въ недоумѣвающимъ молчаніи домой. Незнакомецъ дорогою поглядывалъ по временамъ на меня и кусывалъ свой палецъ. Подходя къ дому, Джо забѣжалъ впередъ, чтобъ отпереть парадную дверь, какъ было прилично въ такомъ торжественномъ случаѣ. Наше совѣщаніе происходило въ парадной гостиной, освѣщенной одною свѣчой.

Оно началось тѣмъ, что незнакомый джентльменъ сѣлъ за

столъ, придвинулъ къ себѣ свѣчку и принялся пересматривать записки въ своей памятной книжкѣ. Потомъ онъ закрылъ книжку, отодвинулъ немного въ сторону свѣчку, пристально посмотрѣвъ, то съ одного ея боку, то съ другаго, чтобы распознать въ темнотѣ меня и Джо.

— Мое имя, сказалъ онъ, — Джагерсъ: я стряпчій въ Лондонѣ; я довольно хорошо извѣстенъ. У меня до васъ дѣло необыкновенное, и я начинаю съ того, что не я его придумалъ. Еслибы спросили моего совѣта, то я не былъ бы здѣсь. Но моего совѣта не спрашивали, и потому вы меня здѣсь видите. Я дѣйствую теперь какъ довѣренное лицо другаго; ни боже, ни менѣе.

Находя, что ему не хорошо было видно съ своего мѣста, онъ всталъ, закинулъ ногу черезъ спинку стула и оперся на нее, поставивъ такимъ образомъ одну ногу на стулъ, между тѣмъ какъ другая нога оставалась на полу.

— Ну, Джозефъ Гарджери, я являюсь къ вамъ съ предложениемъ, чтобы вы уволили этого молодого человѣка, вашего ученика. Вы не воспротивитесь уничтожить его обязательный актъ, по его просьбѣ, ради его добра? Вы ничего не потребуете за это?

— Упаси Богъ, чтобы я помѣшалъ счастію Пипа и чтобы я сталъ чего-нибудь требовать! сказалъ Джо, паяя глаза.

— Упаси Богъ—выраженіе благочестивое, но оно здѣсь не у мѣста, отвѣчалъ мистеръ Джагерсъ.—Васъ спрашиваютъ, не потребуете ли вы чего-нибудь?

— А мой отвѣтъ, сказалъ Джо сурово,—нѣтъ.

Мнѣ показалось, что мистеръ Джагерсъ взглянулъ на Джо такимъ взглядомъ, какъ будто онъ считалъ его страшнымъ болваномъ за его безкорыстіе. Но удивленіе и любопытство, занимавшія у меня духъ, до того сбили меня съ толку, что я не могъ вполне убѣдиться въ этомъ.

— Очень хорошо, сказалъ мистеръ Джагерсъ.—Помните же ваши слова, и смотрите у меня, не отказываться отъ нихъ.

— Кто же отказывается отъ своихъ словъ? отвѣчалъ Джо.

— Я говорю такъ вообще. Держите вы ообаку?

— Да, держу.

— Ну такъ зарубите себѣ на память: Бахвалъ добрый песъ, а Держи-не-Выпускай еще лучше. Зарубите себѣ это на память, повторилъ мистеръ Джагерсъ, прищуривая глаза и кивая головой Джо, какъ будто онъ извинялъ его въ чемъ-

нибудъ.—Теперь я обращаюсь къ этому молодому малому, и долженъ сообщить ему, что его ожидаетъ впереди блистательная карьера.

Мы съ Джо равинули ротъ, и посмотрѣли другъ на друга.

— Мнѣ поручено сообщить ему, сказалъ мистеръ Джагерсъ, вытягивая на меня свой палець,—что ему достанется хорошее состояніе. Теперешній владѣлецъ этого состоянія желаетъ, чтобъ онъ былъ сейчасъ взять отсюда, изъ настоящей сѣеры его жизни, и воспитанъ какъ джентльменъ, однимъ словомъ какъ молодой человекъ, у котораго большія ожиданія.

Моя мечта наконецъ осуществилась; строгая дѣйствительность превзошла самую дикую фантазію: миссъ Гевисамъ, значить, была намѣрена устроить мою судьбу самымъ великолѣпнымъ образомъ.

— Теперь, мистеръ Пипъ, продолжалъ стряпчій,—все остальное, что еще мнѣ нужно сказать, относится собственно къ вамъ. Вы должны прежде всего знать,—особа, по порученію которой я дѣйствую, требуетъ, чтобы вы навсегда удержали имя Пипъ. Я полагаю, вы не станете противиться, если ваши великолѣпныя ожиданія будутъ сопряжены съ такимъ легкимъ условіемъ. Но если вы не согласны, то сейчасъ же должны объявить объ этомъ.

Сердце мое билось такъ быстро, въ ушахъ моихъ раздавался такой звонъ, что я едва могъ пробормотать мое согласіе.

— Полагаю такъ. Вовторыхъ, вы должны знать, мистеръ Пипъ, что имя вашего щедраго благодѣтеля должно остаться въ глубокой тайнѣ, пока онъ самъ не захочетъ открыть его. Я уполномоченъ объявить вамъ, что это лицо намѣрено вамъ само открыть его изустно. Когда будетъ исполнено это намѣреніе, я не могу сказать, да и никто не можетъ этого сказать. Можетъ-быть это случится спустя много лѣтъ. Теперь вы должны знать, что вамъ положительно запрещается дѣлать какіе бы то ни было розыски и разспросы съ этою цѣлію или дѣлать какіе-нибудь намеки даже самыя отдаленныя, въ сношеніяхъ со мною, на кого бы то ни было, какъ на лицо, вамъ благодѣтельствующее. Если зародится въ сердцѣ вашемъ подозрѣніе, держите его про себя. Причины этого запрещенія не могутъ интересовать васъ. Это могутъ быть необыкновенно важныя побудительныя причины, или опять это можетъ быть простой капризъ. Вамъ до этого нѣтъ дѣла. Вамъ предлагается условіе, и особа, по порученію которой я дѣй-

ствую и за которую я иначе не отвѣчаю, требуетъ, чтобы вы его приняли и исполнили. Эта особа готовитъ вамъ блистательную будущность, которая остается тайною между этою особою и мною. Опять таки условіе не очень трудное. Но если вы не согласны; скажите сейчасъ же. Говорите.

Я опять насилу пробормоталъ, что я согласенъ.

— Полагаю такъ. Теперь, мистеръ Пипъ, я кончилъ дѣло.

Хотя онъ называлъ меня мистеромъ Пипъ и становился обходительнѣе со мной; но онъ не могъ еще сбросить съ себя видъ придирчиваго подозрѣнія и все еще иногда прищуривалъ глаза, и говоря вытягивалъ на меня свой палецъ, какъ будто желая выразить, что онъ знаетъ многое не въ мою пользу.

— Мы теперь переходимъ къ подробностямъ дѣла. Вы должны знать, что хотя до сихъ поръ я говорилъ только объ ожиданіяхъ, ожиданія эти уже близки къ осуществленію. Мнѣ передана уже значительная сумма, совершенно достаточная для приличнаго воспитанія и содержанія, и я прошу васъ считать меня вашимъ опекуномъ.

Я было хотѣлъ благодарить его.

— О! прервалъ онъ меня: я говорю вамъ прямо, мнѣ уже заплачено за всѣ мои услуги, иначе я не былъ бы здѣсь. Вы должны быть лучше воспитаны, согласно съ переменною въ вашемъ положеніи, и вы конечно понимаете всю важность и необходимость воспользоваться не медля представляющимися выгодами.

Я сказалъ, что я давно желалъ этого.

— Дѣло не въ томъ, чего вы желали прежде, мистеръ Пипъ, возразилъ онъ,—довольно того, если вы желаете этого теперь. Долженъ ли я понять, что вы сейчасъ хотите поступить подъ руководство хорошаго наставника? Не такъ ли?

Я пробормоталъ:—да.

— Хорошо. Теперь я долженъ спросить васъ о вашихъ желаніяхъ. Хотя я считаю это неблагоприятнымъ, замѣйте мои слова, но мнѣ это приказано. Имѣете вы въ виду какого-нибудь наставника, котораго бы вы предпочитали всякому другому?

Я не знавалъ другихъ наставниковъ, кромѣ Биди и бабки мистера Вовсла, и далъ поэтому отрицательный отвѣтъ.

— Я знаю одного наставника, который, мнѣ кажется, годится для этой цѣли, сказалъ мистеръ Джагерсъ.—Замѣйте, я его

не рекомендую, потому что я никогда никого не рекомендую. Джентльменъ, про котораго я говорю, мистеръ Матью Покетъ.

А! я сейчасъ припомнилъ это имя. Родственникъ миссъ Гевишамъ, Матью, о которомъ разговаривали мистеръ и мистриссъ Камилла, Матью, котораго мѣсто было въ головахъ миссъ Гевишамъ, когда положить трупъ ея, въ вѣнчальномъ платьѣ, на свадебномъ столѣ.

— Вамъ извѣстно это имя? сказалъ мистеръ Джагерсъ, лукаво поглядывая на меня и прищуривая свои глаза, въ ожиданіи моего отвѣта.

Я отвѣчалъ, что я слышалъ это имя.

— О! сказалъ онъ,—вы слышали это имя. Но вопросъ въ томъ, что вы о немъ скажете?

Я сказалъ или по крайней мѣрѣ старался сказать, что я очень обязанъ мистеру Джагерсу за его рекомендацію.

— Нѣтъ, мой юный другъ! прервалъ онъ меня, медленно покачивая своею большою головою.—Вы забываете!

Не догадываясь въ чемъ дѣло, я было-опять началъ, что я ему очень обязанъ за его рекомендацію.

— Нѣтъ, мой юный другъ, прервалъ онъ, качая головою, хмура брови и улыбаясь въ одно и то же время,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, все это очень хорошо, только это не ходитъ; вы слишкомъ еще молоды, и не поймаете меня. Слово рекомендація здѣсь не кстати, мистеръ Пипъ. Пойщите другаго слова.

Я поправился и сказалъ, что я ему очень благодаренъ, что онъ назвалъ мнѣ мистера Матью Покета.

— Вотъ это болѣе похоже на дѣло, воскликнулъ мистеръ Джагерсъ.

— И, прибавилъ я,—я охотно испытаю искусство этого джентльмена.

— Хорошо. Вамъ лучше будетъ испытать его въ его же собственномъ домѣ. Я это устрою для васъ, а прежде вы можете видѣть его сына, который живетъ въ Лондонѣ. Когда вы приѣдете въ Лондонъ?

Я сказалъ, взглянувъ на Джо, который стоялъ неподвижно, что я готовъ ѣхать сейчасъ же.

— Впервыхъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—вамъ нужно новое платье, и это платье не должна быть одежда работника. Скажемъ черезъ недѣлю. Вамъ нужны будутъ деньги. Оставьте вамъ двадцать гиней?

Онъ вынулъ кошелекъ съ величайшимъ хладнокровіемъ,

отсчиталъ мнѣ на столѣ двадцать гиней, и придвинулъ къ ко мнѣ. Тутъ онъ въ первый разъ снялъ свою ногу со стула. Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, отсчитавъ мнѣ гиней, и потомъ принялся раскачивать свой кошелекъ, держа его между пальцами и посматривая на Джо.

— Ну, Джозефъ Гарджери? У васъ словно языкъ отнялся отъ удвленія?

— Да, сказалъ Джо рѣшительно.

— Вы помните, мы уговорились, что для себя вы ничего не требуете?

— Да, таковъ былъ уговоръ, сказалъ Джо, — и уговоръ этотъ остается; я никакъ не отступлю отъ него.

— Ну, а что, сказалъ мистеръ Джагерсъ, помахивая своимъ кошелькомъ, — ну, а что, если мнѣ поручено сдѣлать вамъ подарокъ въ видѣ вознагражденія?

— Вознагражденія, за что? спросилъ Джо.

— За то, что вы лишаетесь его услугъ.

Джо съ женскою нѣжностію положилъ мнѣ на плечо свою руку. Часто поелѣ онъ представлялся мнѣ паровымъ молотомъ, который расплющитъ вамъ въ лепешку желѣзо, но едва тронетъ яичную скорлупку.

— Я увольняю Пипа отъ его службы, сказалъ Джо, — съ такою душевною радостію, что никакими словами не описать. Неужели вы думаете, деньги могутъ вознаградить меня за потерю этого мальчика, который всегда былъ для меня лучшимъ другомъ!

О добрый, милый Джо, котораго я готовъ былъ сейчасъ же оставить, къ которому я былъ такъ благодаренъ! Я какъ теперь вижу тебя съ твоею сильною, мускулистою рукою, прикрывавшею глаза, съ твоею широкою грудью, подымавшеюся отъ волненія, съ твоимъ голосомъ, прерывавшимся отъ избытка чувства. О милый, добрый, вѣрный, нѣжный Джо! Я чувствую и теперь на моемъ плечѣ трепетанье твоей руки, исполненное любви, чувствую такъ торжественно, какъ будто трепеть крыла ангела.

Но въ то время я утѣшалъ Джо. Я совершенно растерялся въ лабиринтѣ моего будущаго счастья, я не могъ вернуться на тѣ тропинки, которыя мы вмѣстѣ съ нимъ протоптали. Я просилъ Джо утѣшиться, потому что мы всегда были (какъ онъ самъ сказалъ) лучшими друзьями, и (прибавилъ я)

всегда останемся такими. Джо ковырялъ кулакомъ свои глаза, но не сказалъ ни слова.

Мистеръ Джагерсъ смотрѣлъ на это такъ, какъ будто онъ видѣлъ въ Джо деревенскаго дурачка, а во мнѣ его няньку. Когда это кончилось, онъ сказалъ, взвѣсивая на рукѣ своей кошелькъ, которымъ онъ уже болѣе не помахивалъ:

— Ну, Джозефъ Гарджери, предупреждаю васъ, что это уже послѣдній случай; я не люблю полумѣръ. Если вы хотите принять подарокъ, который мнѣ поручено сдѣлать вамъ, говорите, и вы получите его; если, напротивъ, вы хотите сказать...

Здѣсь, къ величайшему его удивленію, Джо остановилъ его, и завертѣлся передъ нимъ, явно вызывая его на кулачную расправу.

— Позвольте мнѣ сказать, кричалъ Джо,—что если вы волили пожаловать въ мой домъ для того только чтобы подзадоривать меня, такъ милости прошу, становитесь, говорю я съ позволенія вашего, становитесь, если въ васъ душа человѣческая; съ вашего позволенія, говорю я вамъ, я становитесь; я не отступлю и постою за себя.

Я оттащилъ Джо; онъ разомъ успокоился и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ, весьма вѣжливымъ тономъ, для свѣдѣнія тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, что онъ никому не позволитъ подзадоривать себя въ своемъ домѣ. Мистеръ Джагерсъ всталъ со стула, при демонстраціи Джо, и попытался къ двери. Не обнаруживая ни малѣйшаго желанія выступить на единоборство, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими замѣчаніями, на прощанье:

— Ну, мистеръ Пипъ, такъ какъ вы готовитесь быть джентльменомъ, то чѣмъ скорѣе вы отсюда отправитесь, тѣмъ лучше. Пусть же это будетъ ровно черезъ недѣлю, а между тѣмъ вы получите отъ меня мой печатный адресъ. Вы можете взять наемную карету въ конторѣ, гдѣ пристають въ Лондонѣ почтовые дилижансы, и прямо пріѣхать ко мнѣ. Замѣьте, я не высказываю никакого мнѣнія о моемъ порученіи; мнѣ заплатили, и я его исполняю. Поймите же это. Поймите!

Онъ вытянулъ палецъ на насъ обоихъ, и казалось, готовъ былъ продолжать; но, повидимому, онъ сталъ считать Джо чело-вѣкомъ опаснымъ, и ушелъ.

Мнѣ пришла одна вещь въ голову, и я побѣжалъ за нимъ, когда онъ возвращался къ «Веселымъ Лодочникамъ», гдѣ онъ оставилъ наемную карету.

— Извините меня, мистеръ Джагерсъ.

— Гей! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—что такое?

— Я хочу быть совершенно правъ передъ вами, мистеръ Джагерсъ, и во всемъ держаться вашихъ указаній, и потому я счелъ за лучшее спросить васъ. Вы не запретите мнѣ проститься съ моими знакомыми здѣсь по сосѣдству, передъ моимъ отъѣздомъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, взглянувъ на меня, какъ будто онъ меня не понималъ.

— Говоря здѣсь, я разумѣю не только деревню, но и городъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я этого нисколько не запрещаю.

Я поблагодарилъ его и побѣжалъ назадъ домой; я нашелъ тамъ, что Джо заперъ уже парадную дверь, вышелъ изъ парадной гостиной и ушелъ въ кухню передъ отнемъ, положивъ руки на колѣни и пристально смотря на горѣвшія уголья. Я также сѣлъ передъ огнемъ и началъ смотрѣть на уголья, долгое время не говоря ни слова.

Сестра моя была въ своемъ покойномъ креслѣ, въ своемъ углу; Биди сидѣла съ своимъ шитьемъ у огня; Джо сидѣлъ возлѣ Биди; а я сидѣлъ возлѣ Джо, въ углу, противъ моей сестры; чѣмъ болѣе длилось это молчаніе, тѣмъ менѣе я чувствовала себя въ силахъ говорить.

Наконецъ я сказала:

— Джо, говорили вы объ этомъ Биди?

— Нѣтъ, Пипъ, отвѣчалъ Джо, продолжая смотрѣть на огонь и держа свои колѣни, какъ будто онъ опасался, что они убѣгутъ.—Разкажи самъ, Пипъ.

— Я бы лучше хотѣлъ, чтобы вы рассказали, Джо.

— Пипъ теперь сдѣлался богатымъ джентльменомъ, сказалъ Джо,—и дай Богъ ему счастья.

Биди выпустила работу изъ рукъ и взглянула на меня. Джо крѣпко держалъ свои колѣни и также смотрѣлъ на меня. Я смотрѣлъ на обоихъ. Послѣ короткаго молчанія, они оба принялись поздравлять меня; но въ этихъ поздравленіяхъ отзывалось горе, и они были мнѣ непріятны.

Я внушилъ Биди и, при ея посредствѣ, Джо, что они обязаны ничего не знать и ничего не говорить о моемъ невѣстномъ благодѣлѣ. Я замѣтилъ, что современемъ все откроется, но пока объ этомъ ни слова не должно быть сказано, кромѣ только того, что мой таинственный покровитель готовитъ мнѣ блистательную будущность. Биди задумчиво кивнула

головой на огонь, снова принявшись за работу, и сказала, что она строго исполнить это условіе. Джо, все еще придерживая свои колѣни, сказалъ:

— Да, да, я также не проговорюсь, Пипъ.

Потомъ они снова поздравили меня, такъ много дивясь моему неожиданному счастью, что мнѣ это ужъ не понравилось.

Биди дѣлала потомъ всевозможныя усилія, чтобы сообщить моей сестрѣ о случившемся. Какъ я полагаю, всѣ эти усилія не привели ни къ чему. Она смѣялась, кивала головой, даже повторила за Биди слова: «Пипъ» и «богатство». Но я сомнѣваюсь, чтобы въ нихъ было болѣе смысла нежели въ крикахъ на выборахъ; умъ ея находился въ самомъ печальномъ состояніи.

Я никогда бы не повѣрилъ, не испыталъ этого; но по мѣрѣ того, какъ прежняя веселость возвращалась къ Джо и Биди, я становился мрачнѣе; конечно, я не могъ сѣтовать на мою судьбу; но можетъ-быть я сѣтовалъ на себя, не подозревая этого.

Какъ бы то ни было, я сидѣлъ опершись локтемъ на колѣно и положивъ лицо на руку, и смотрѣлъ на огонь, между тѣмъ какъ Джо и Биди толковали о моемъ отъѣздѣ, о томъ, что они будутъ дѣлать безъ меня, и тому подобное; и каждый разъ какъ я замѣчалъ, что который-нибудь изъ нихъ смотрѣлъ на меня, какъ ни были ласковы эти взгляды—а они часто поглядывали на меня, особенно Биди—меня это оскорбляло, какъ будто они не довѣряли мнѣ. А Богъ свидѣтель, что они не показывали этого ни словомъ, ни знакомъ.

Въ эти минуты я вставалъ и выглядывалъ за дверь. Дверь нашей кухни отворялась прямо на дворъ, и въ лѣтніе вечера оставалась открытою. Самыя звѣзды, на которыя я обращалъ тогда мои глаза, чуть ли не казались мнѣ въ то время очень смиренными, жалкими звѣздами; потому что они свѣтили на деревенскіе предметы, до сихъ поръ окружавшіе мою жизнь.

— Сегодня суббота, сказалъ я, когда мы сѣли за ужинъ, состоявшій изъ хлѣба съ сыромъ и пива.—Еще пять дней, и наступитъ канунъ великаго дня! Они скоро пройдутъ.

— Да, Пипъ, замѣтилъ Джо, и голосъ его печально отдавался въ кружкѣ съ пивомъ.—Скоро пройдутъ.

— Скоро, скоро пройдутъ, сказала Биди.

— Вотъ что, Джо, когда я пойду въ городъ, въ понедѣльникъ, влѣзать себѣ платье, я скажу портному, что ирину къ нему примѣрить его, или пусть онъ пришлетъ его къ мистеру Пемблчуку. Право такъ неприятно, когда стануть всѣ пальцы глаза.

— Можетъ быть мистеръ и мистриссъ Гебль захотѣли бы на тебя взглянуть, Пипъ, въ барскомъ платьѣ, сказала Джо, тщательно разрѣзывая свой ломечъ хлѣба съ сыромъ на ладонѣ, и поглядывая на мой не тронутый ужинъ, какъ будто онъ припоминалъ прежнее время, когда мы обыкновенно ерзанивали наши ломти.—Да и Вополою также это было бы приятно. А для «Веселыхъ Лодочниковъ» это былъ бы настоящий праздникъ.

— Именно этого-то я и не хочу, Джо. Они изъ этого сдѣлаютъ такую исторію, такую мужицкую, грубую исторію, что я не въ состояніи буду выдержать.

— Ну, чтожь, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Джо:—если не въ состояніи будешь выдержать себя...

Биди спросила меня, держа тарелку моей сестры:

— А подумали ли вы о томъ, когда вы покажетесь мистеру Гарджеру, вашей сестрѣ и мнѣ? Намъ-то вы покажетесь, не правда ли?

— Биди, отвѣчалъ я довольно рѣзко,—вы такъ скоры, что за вами, право, трудно угонаться.

— Она всегда была воструха, замѣтила Джо.

— Еслибы вы подождали минуту, Биди, то вы бы услышали отъ меня, что я принесу мое платье въ узелкѣ вечеромъ, по всей вѣроятности, наканунѣ моего отъѣзда.

Биди не сказала ни слова болѣе. Великодушно извиняя ее, я вскорѣ дружески простился съ нею и Джо, и пошелъ опять. Когда я поднялся въ мою комнатку, я сѣлъ и оглянулъ ее кругомъ какъ жалкій чужанъ, съ которымъ я скоро разстанусь навсегда, чтобы перенестись въ сферу гораздо вышнюю. Она была, однако же, украшена такими свѣжими, юными воспоминаніями, и даже въ эту самую минуту, я чувствовалъ, внутри меня происходило то же самое смутное раздвоеніе мыслей и желаній между этою комнатою и великолѣпными палатами, меня ожидавшими, которое такъ часто разрывало меня между кузницею и домою миссъ Гевшамъ, между Биди и Эстеллою.

Солнце ярко сіяло цѣлый день надъ кровлею моего чердака, и въ комнатѣ было жарко. Я открылъ окошко. Джо медленно

вышелъ тихонько изъ боковой двери, и прошелся раза два по двору. Биди также вышла и принесла ему трубку. Онъ никогда не курилъ такъ поздно; видно было, что онъ нуждался въ утѣшеніи.

Онъ остановился у дверей, прямо подо мною, покуривая свою трубку; Биди стала также тутъ, спокойно разговаривая съ нимъ. Я зналъ, что они разговаривали про меня; потому что, я слышалъ, часто упоминалось мое имя. Я не хотѣлъ болѣе слушать, еслибы даже и могъ; отошелъ отъ окна и сѣлъ на моемъ единственномъ стулѣ у постели, грустно чувствуя, что эта первая ночь моего счастья вышла для меня самою печальною ночью.

Взглянувъ еще разъ на открытое окно, я замѣтилъ легкіе клубы дыма, подымавшіеся къ верху отъ трубки Джо; я представилъ себѣ, что это было благословеніе Джо, которое онъ давалъ мнѣ, не парадно стоя передо мною, а распространяя его въ воздухъ. Я потушилъ свѣчку и взобрался на постель; теперь это не была уже прежняя спокойная постель, и уже не суждено мнѣ было спать въ ней прежнимъ непробуднымъ сномъ.

XIX.

Наступившее утро произвело большое различіе въ ходѣ моей жизни; оно такъ освѣтило ее, что она показалась мнѣ совершенно иною. Меня тревожило только то одно, что до дня моего отъезда еще оставалось цѣлыхъ шесть дней; я не могъ успокоить моихъ опасеній, что въ этотъ промежутокъ случится что-нибудь съ Лондономъ, и что когда я прѣйду туда, онъ или придетъ въ сильный упадокъ или совершенно исчезнетъ съ лица земли.

Джо и Биди были очень ласковы, когда я съ ними говорилъ о предстоявшей разлукѣ, но они упоминали объ этомъ предметѣ только когда я самъ заговаривалъ о немъ. После завтрака, Джо досталъ условіе моего ученичества изъ-подъ пресса, находившагося въ парадной гостиной, и мы положили его въ огонь. Я почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

Подъ вліяніемъ новости моего освобожденія, я отправился съ Джо въ церковь и думалъ тамъ, что священникъ не сталъ

бы такъ проповѣдывать про богатаго человѣка и небесное царство, еслибъ ему было все извѣстно.

Послѣ нашего ранняго обѣда я пошелъ бродить одинъ, намѣреваясь обойти болото и проститься съ нимъ навсегда; проходя мимо церкви, я опять почувствовалъ (какъ это было со мною и по утру во время службы) необыкновенное состраданіе къ несчастнымъ созданіямъ, которымъ суждено было всю жизнь, каждое воскресенье, ходить въ эту церковь, и наконецъ занять мѣсто между ея зелеными могилками. Я далъ себѣ обѣщаніе непременно что-нибудь сдѣлать для нихъ современемъ, и составилъ общій планъ, какимъ образомъ каждому въ деревнѣ дать хорошій обѣдъ, состоящій изъ ростбифа и пломъ-пудинга, съ кружкою пива и ведромъ моего благоволенія.

Если прежде я вспоминалъ часто со стыдомъ про мою встрѣчу съ бѣглымъ каторжникомъ, котораго я когда-то увидѣлъ здѣсь между могилами; то каковы могли быть мои чувства въ это воскресенье, когда эта мѣстность напомнила мнѣ жалкую оборванную тварь, дрожавшую отъ холода и еще въ колодкѣ; меня успокоивало одно обстоятельство, что это случилось очень давно, что онъ вѣроятно былъ сосланъ куда-нибудь далеко, что онъ для меня умеръ, и пожалуй даже дѣйствительно умеръ.

Не буду я болѣе видѣть этихъ низменныхъ, помойныхъ луговъ, этихъ насыпей и шлюзовъ, этого скота, пасущагося здѣсь, хотя теперь скотина оказывала мнѣ болѣе уваженія и повертывалась, чтобы поглядѣть подолѣе на счастливица съ такими великолѣпными ожиданіями... Простите, скучные знакомцы моего дѣтства! Отнынѣ я предназначенъ судьбою для Лондона и для величія: не для кузницы и не для вась! Я отправился съ восторгомъ къ старой батарее, прислѣлъ тамъ, чтобъ обдумать вопросъ, не готова ли меня миссъ Гевишамъ для Эстеллы, и заснулъ.

Когда я проснулся, я увидѣлъ къ величайшему моему удивленію, что Джо сидѣлъ возлѣ меня и курилъ свою трубку. Онъ привѣтствовалъ меня веселою улыбкою, когда я раскрылъ глаза, и сказалъ:

— Такъ какъ это въ послѣдній разъ, Пипъ, то мнѣ пришло на мысль пойдти за тобой.

— Я очень радъ этому, Джо.

— Благодарю, Пипъ.

— Вы можете быть увѣрены, милый Джо, продолжалъ я, пожавъ ему руку,—что я никогда васъ не забуду.

— Нѣтъ, нѣтъ, Пипъ, сказалъ Джо, успокоивающимъ тономъ.—Я въ этомъ увѣренъ, да, да, старый дружище! Нужно было только хорошенько повернуть все это въ головѣ, чтобы въ этомъ увѣриться; ну, а времени потребовалось таки порядочно, чтобы повернуть въ головѣ такую штуку; словно молотомъ она меня хватила; не правда ли?

Не зная почему, только мнѣ было не совсѣмъ пріятно, что Джо такъ былъ увѣренъ во мнѣ. Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ онъ обнаружилъ нѣкоторое вниманіе, еслибы сказалъ напримѣръ: «это дѣлаетъ тебѣ честь, Пипъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Поэтому я не сдѣлалъ никакого замѣчанія на первыя слова Джо, и сказалъ только, что дѣйствительно вѣсть пришла неожиданно, но что я всегда хотѣлъ быть джентльменомъ и часто думалъ, какъ я стану дѣйствовать, когда имъ сдѣлаюсь.

— Право? сказалъ Джо.—Удивительно!

— Очень жаль теперь, Джо, сказалъ я,—что вы не успѣли болѣе во время нашихъ уроковъ здѣсь. Не правда ли?

— Ну, я не знаю, отвѣтилъ Джо.—Я такой тупой, я только мастеръ въ моемъ дѣлѣ. Мнѣ было всегда жаль, что я такая тупица, и теперь я объ этомъ жалю не болѣе чѣмъ годъ тому назадъ,—понимаешь?

У меня въ головѣ было, что когда я получу мое состояніе и буду имѣть возможность что-нибудь сдѣлать для Джо, оно было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ онъ болѣе подготовился къ ожидавшему его возвышенію въ обществѣ. Онъ, однако же, совершенно не понималъ чего я хотѣлъ, и я рѣшился поговорить объ этомъ съ Биди.

Итакъ, когда мы воротились домой и напились чаю, я отвелъ Биди въ нашъ маленькій садикъ, и объявивъ ей въ общихъ выраженіяхъ, чтобъ ее пріободрить, что я никогда ея не забуду, сказалъ, что у меня до нея есть просьба.

— Я хочу васъ просить, Биди, сказалъ я,—не упускайте случая помогать Джо понемножку.

— Какъ это помогать ему? спросила Биди, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Послушайте: Джо, добрый, милый малый; право, я думаю, что добрѣе души, на этомъ свѣтѣ не было, но онъ

отсталъ во многомъ. Въ своемъ образованіи, напримѣръ, Биди, въ манерахъ.

Хотя, говоря это, я смотрѣлъ на Биди; и хотя она также широко раскрыла свои глаза, только она на меня не глядѣла.

— А, въ манерахъ! Такъ у него не хороши манеры? спросила Биди, срывая листокъ черной смородины.

— Моя любезная Биди, онъ очень хороши здѣсь...

— О, здѣсь онъ очень хороши? перервала меня Биди, пристально смотря на листокъ въ своей рукѣ.

— Выслушайте меня. Если я перенесу Джо въ высшій кругъ, какъ я надѣюсь это сдѣлать, когда получу мое состояніе, то онъ ему не сдѣлаютъ чести.

— И вы думаете, онъ этого не знаетъ? спросила Биди.

Это былъ очень неприятный вопросъ, именно потому что онъ мнѣ ни разу не пришелъ въ голову; и я сказалъ отрывисто:

— Биди, что вы хотите сказать?

Биди истерла листокъ между пальцами—и съ тѣхъ поръ запахъ черной смородины всегда напоминалъ мнѣ этотъ вечеръ въ нашемъ саду—и сказала:

— Развѣ никогда вы не подумали, что онъ можетъ быть гордъ?

— Гордъ! повторилъ я съ презрительнымъ выраженіемъ.

— О! есть разная гордость, сказала Биди, глядя мнѣ прямо въ глаза и покачивая головою,—гордость гордости рознь...

— Ну, что же вы остановились? сказалъ я.

— Гордость гордости рознь, сказала снова Биди.—У него можетъ быть такая гордость, что онъ не позволитъ кому-нибудь оторвать себя отъ мѣста, которое онъ способенъ занимать и занимать съ достоинствомъ. Да, сказать вамъ правду, я думаю, онъ таковъ, хотя можетъ быть я говорю это слишкомъ самоувѣренно, потому что вы должны знать его гораздо лучше чѣмъ я.

— Ну, Биди, сказалъ я, — мнѣ очень жаль видѣть въ васъ это. Я не ожидалъ встрѣтить въ васъ это. Вы завидуете, Биди; въ васъ говорить теперь зависть. Вы не довольны моимъ возвышеніемъ, не радуетесь моему счастью и показываете это теперь.

— Если у васъ достаетъ духу такъ думать, отвѣчала Биди,—ну и говорите такъ. Да, такъ и говорите, если у васъ достаетъ духу такъ думать.

— Лучше ужъ скажите, Биди, отвѣчалъ я добродѣтельнымъ

и возвысившись въ тонѣ, — если у васъ достаетъ духу такъ думать, и не взваливайте на меня вины. Жаль мнѣ это видѣть въ васъ; это... это дурная сторона человѣческаго сердца. Я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы поправляли милого Джо, при каждомъ удобномъ случаѣ, когда я увижу. Но послѣ этого я ничего не прощу у васъ. Очевъ, очень мнѣ жаль видѣть въ васъ это, Биди, повторилъ я. — Это... это худая сторона человѣческаго сердца.

— Браните ли вы меня или хвалите, отвѣчала бѣдная Биди, — но вы все равно можете на меня положиться, что я постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ. И что бы вы тамъ обо мнѣ ни думали, это не измѣнитъ моихъ воспоминаній о васъ. Но джентльменъ не долженъ быть несправедливъ, сказала Биди, отворачивая отъ меня свою голову.

Я опять повторилъ съ горячностью, что это была худая сторона человѣческаго сердца (въ послѣдствіи я имѣлъ поводъ убѣдиться, что это заключеніе было справедливо, хотя, пожалуй, приложеніе его теперь было неумѣстно), и я ушелъ по дорожкѣ прочь отъ Биди; Биди вернулась домой, и я вышелъ изъ сада погулять съ скуки до ужина, опять чувствуя въ моемъ сердцѣ, что и второй вечеръ моего блистательнаго счастья проходилъ для меня такъ же грустно и печально, какъ и первый.

На утро опять охватило открывавшуюся передо мною карьеру; я опять сталъ великодушенъ къ Биди, и мы не говорили съ ней объ этомъ предметѣ. Одѣвшись въ лучшее какое было у меня платье, я отправился ранимъ-ранехонько въ городъ, чтобы поспѣть къ тому времени, какъ отперлась лавка, я явился къ портному Трабу, который завтракалъ въ гостиницѣ, за магазиномъ, и не считая нужнымъ выходить ко мнѣ, позвалъ меня къ себѣ.

— Ну, сказалъ мистеръ Трабъ полудружескимъ тономъ, — какъ ваше здоровье, и что могу я для васъ сдѣлать?

Мистеръ Трабъ разрѣзалъ свою горячую булку на три ломтя, словно три пуховика, и принялся подсовывать между нами куски масла, словно онъ пекъ явалъ ихъ фланелевымъ одяломъ. Это былъ старый зажиточный холостякъ; его открытое окошко выходило въ хорошенкій садикъ и обильный огородъ; въ стѣнѣ, вонѣ камня, былъ вѣдланъ добрый желѣзный дарецъ, въ которомъ, я не сомнѣвался, лежали груды его благосостоянія, завязанныя въ мѣшки.

— Мистеръ Трабъ, сказалъ я,—хотя мнѣ и неприятно начинать такъ, потому что это будетъ похоже на хвастовство; но я долженъ вамъ сказать, что мнѣ достается хорошее состояніе.

Странная перемена произошла сейчасъ же въ мистеръ Трабъ. Онъ забылъ свою булку и масло, вскочилъ съ своего стула и принялся вытирать пальцы о скатерть, восклицая:

— Господи помилуй!

— Я ѣду въ Лондонъ, къ моему опекуну, сказалъ я, вынимая какъ бы случайно нѣсколько гиней изъ моего кармана и поглядывая на нихъ;—мнѣ нужно модное платье. Я намѣренъ заплатить за него, прибавилъ я, опасаясь, что онъ мнѣ его не сдѣлаетъ,—чистыми денежками.

— Мой любезный сэръ, сказалъ мистеръ Трабъ, почтительно сгибаясь передо мною, раскрывая свои руки и прикасаясь къ моимъ локтямъ,—вы оскорбляете меня, говоря это. Могу ли я осмѣлиться поздравить васъ? Сдѣлайте одолженіе, извольте пожаловать въ магазинъ.

Мальчишка мистера Траба былъ извѣстенъ своею дерзостію въ цѣломъ околоткѣ. Когда я вошелъ, онъ подметалъ магазинъ, и чтобы потѣшить себя, онъ подбросилъ весь соръ мнѣ подъ ноги; онъ продолжалъ еще мести, когда я вернулся въ лавку съ мистеромъ Трабомъ, и стучалъ щеткою о всевозможные углы и препятствія, чтобы выразить (какъ я понималъ) свое совершенное равенство съ любымъ кузнецомъ.

— Тише тамъ, произнесъ мистеръ Трабъ необыкновенно сурово,—осторожнѣе, не то я поподчую кое-чѣмъ. Сдѣлайте одолженіе, сэръ, извольте присѣсть. Теперь извольте посмотреть, сказалъ онъ, снимая съ полки штуку сукна и распуская его на прилавкѣ, чтобы показать лицо,—это добрый товаръ, я вамъ его рекомендую; это именно для васъ; дѣйствительно это высшій сортъ. Но вы увидите еще другія. Эй, подать мнѣ номеръ четвертый! прибавилъ онъ, обращаясь къ мальчишкѣ и опасаясь, что этотъ негодяй задѣнетъ меня щеткой или оскорбить какою-нибудь фамильярностію.

Мистеръ Трабъ не свелъ своего суроваго взгляда съ мальчишки, пока тотъ не положилъ на прилавокъ номеръ четвертый и не отошелъ на почтительное разстояніе. Потомъ онъ приказалъ ему принести номеръ пятый и номеръ восьмой.

— Да прошу вести себя скромнѣе, чтобы не каяться потомъ всю жизнь. Негодный мальчикъ!

Мистеръ Трабъ наклонился надъ номеромъ четвертымъ и почтительно рекомендовалъ мнѣ его какъ легкую матерію для лѣта, которая особенно пользуется славой между нобльменами и джентльменами; эта матерія принесетъ и ему, мистеру Трабу, особенную честь, если ее будетъ носить его именитый землякъ, если только ему дозволено назвать меня своимъ землякомъ.

— Принесете ли вы мнѣ, бродяга, номера пятый и восьмой, сказалъ послѣ того мистеръ Трабъ мальчишкѣ, — или я васъ вышвырну изъ лавки и достану ихъ самъ.

Я выбралъ сукно для платья, при помощи совѣтовъ мистера Траба и, возвратился въ гостиную, чтобы снять мѣрку. Хотя у мистера Траба уже была моя мѣрка и хотя онъ былъ прежде совершенно ею доволенъ; но онъ мнѣ сказалъ, что теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, она не можетъ годиться. Мистеръ Трабъ вымѣрлялъ и вычислялъ меня въ гостиной, какъ будто я былъ цѣлое помѣстье, а онъ землемѣръ, и трудился такъ старательно, что, мнѣ казалось, никакой заказъ не могъ бы вознаградить его за всѣ труды. Когда онъ кончилъ, и мы условились, чтобы платье было прислано къ мистеру Пембльчуку, въ четвергъ вечеромъ, онъ сказалъ, положивъ руку на ручку замка.

— Я знаю, сэръ, мы не можемъ ожидать, чтобы лондонскій джентльменъ взялъ подъ свое покровительство нашу деревенскую работу; но если вы удостоите меня какъ вашего земляка когда-нибудь заказомъ, то я вмѣню это себѣ въ особенную честь. Дверь!

Последнее слово было обращено къ мальчишкѣ, который вовсе не понималъ, что оно значило. Но я замѣтилъ, какъ онъ весь съежился передо мною, когда хозяинъ его самъ выпроводилъ меня, и мой первый опытъ страшной силы денегъ показалъ мнѣ, что она согнула шею мальчишки Траба.

Послѣ этого достопамятнаго событія я отправился къ шляпочнику, сапожнику и въ магазинъ бѣлья; я чувствовалъ, что я былъ похожъ на ту собаку въ сказкѣ про бабушку Гебардъ, которая требовала для своего костюма содѣйствія такого множества промышленниковъ. Я зашелъ также въ контору дилижансовъ и взялъ себѣ мѣсто на субботу. Я не находилъ нужнымъ объяснять всѣмъ, что мнѣ достается хорошее состояніе; но каждый, разъ когда я замѣчалъ объ этомъ, магазинщики переставали глазѣть въ окошко, на большую улицу, и сосредоточивали на мнѣ все свое вниманіе. Заказавъ все

что мнѣ было нужно, я направилъ мои шаги къ мистеру Пемблчуку. Подходя къ лавкѣ этого джентльмена, я увидалъ его у входа.

Онъ ожидалъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ. Онъ въ это утро рано выѣзжалъ и былъ на кузницѣ, гдѣ сообщили ему новость. Онъ приготовилъ для меня завтракъ въ гостиной, гдѣ еще недавно происходило чтеніе *Барисела*, и приказалъ посторониться своему прикащику, когда проходила моя священная особа.

— Мой любезный другъ, сказалъ мистеръ Пемблчукъ, взявъ меня за обѣ руки, когда мы расположились вдвоемъ за завтракомъ.—Радуюсь отъ души вашему счастью. Оно заслужено, совершенно заслужено!

Вотъ это значило по моему попасть въ настоящее дѣло, и я находилъ, что онъ выражался очень толково.

— И какъ подумаю, сказалъ мистеръ Пемблчукъ, посопѣвъ нѣсколько минутъ отъ удивленія,—что я былъ накиненою причиною этого, какое нахожу я себѣ въ этомъ чувствѣ великодушное воздаяніе!..

Я попросилъ мистера Пемблчука не забывать, что обѣ этомъ не слѣдуетъ говорить, ни даже намекать на это.

— Мой любезный, юный другъ, сказалъ мистеръ Пемблчукъ,—если вы только позволите мнѣ называть себя такъ...

Я пробормоталъ: «конечно», и мистеръ Пемблчукъ взявъ меня за обѣ руки и сообщилъ своему жилету особенное движеніе, которымъ обнаруживалось его внутреннее волненіе.

— Мой любезный, юный другъ, подожитесь на меня; въ нашемъ отсутствіи я все сдѣлаю, чтобы подѣйствовать на Джозефа и представить ему всю важность этого дѣла. Джозефъ! сказалъ онъ тономъ сострадательнаго воззванія:—Джозефъ, Джозефъ!!—Послѣ этого онъ покачалъ головою и погучалъ по ней, какъ будто выражая этимъ недостаточность Джозефа по этой части.

— Но, мой любезный, юный другъ, сказалъ мистеръ Пемблчукъ,—вы должно-быть голодны, устали: присядьте. Вотъ цыпленокъ прямо отъ «Кабана», вотъ языкъ прямо отъ «Кабана», вотъ еще одна или двѣ штучки прямо отъ «Кабана»; я надеюсь, вы не погнушаетесь этою скромною трапезою.—Итакъ сказалъ мистеръ Пемблчукъ, подымаясь опять съ своего стула; на который онъ только что присѣлъ,—я вижу его передъ собою; его, съ

къмъ такъ часто забавлялся я во дни его счастливаго дѣтства? Могу ли, могу ли я?...

Это *могу ли* выражало, позволю ли я ему пожать мою руку? Я великодушно согласился: онъ жаль мнѣ горячо руку и потомъ опять сѣлъ на стулъ.

— Вотъ вино, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, — выпьемъ во славу фортуны! И да выбираетъ она своихъ любимцевъ всегда съ такимъ благоразуміемъ! Нѣтъ, не могу, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, подымаясь опять съ своего мѣста, — не могу видѣть передъ собою его, не могу пить за здоровье его, и не спросить снова — могу ли, могу ли я?...

Я сказалъ ему, что онъ могъ, и онъ сжалъ опять руку, осушилъ свою рюмку и опрокинулъ ее. Я сдѣлалъ то же самое; и еслибы я самъ перевернулся, то вино не могло бы сильнѣе броситься мнѣ въ голову.

Мистеръ Пемблѣчукъ положилъ мнѣ на тарелку крылышко съ печенкою и лучшей кусокъ языка (теперь это уже не были неизвѣстныя части свинины, которыми начиняла меня бывало сестра,) и, говоря сравнительно, совершенно забывалъ себя. — А! цыпленокъ, цыпленокъ, какъ мало ты думалъ, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, взывая къ жареной курицѣ, безжизненно лежавшей на блюдѣ, — когда ты не успѣлъ еще опериться, какая честь готовилась для тебя! Ты мало себя воображалъ, что будешь служить пищею, подъ этимъ смиреннымъ кровомъ, для одного... Назовите это слабостью, если хотите, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, вставая опять, — но могу ли? *могу ли я?*...

Излишне было бы теперь повторять, что онъ можетъ, и онъ сейчасъ же исполнилъ свое желаніе. Удивляюсь право, какъ онъ, пожимая мнѣ руку, ни разу не обрѣзлся о мой ножикъ.

— А ваша сестра, началъ онъ снова, поѣвъ довольно пристально, — вѣдь она выкормила васъ рукою! Жаль подумать, что она не въ состояніи понять теперь всей этой чести. Могу ли?

Я видѣлъ, что онъ опять наступалъ на меня, и разомъ остановилъ его.

— Выпьемте за ея здоровье, сказалъ я.

— А, сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, развалившись на своемъ стулѣ, какъ будто онъ совершенно обезсилѣлъ отъ удивленія. — По этой чертѣ узнаемъ ихъ, сэръ! (Я не знаю, къ кому относилось это *сэръ*, только, конечно, не ко мнѣ, а здѣсь не было третьяго собесѣдника.) По этой чертѣ узнаемъ благороднаго че-

ловѣка, сэръ! Онъ всегда извиняетъ другихъ, онъ всегда добръ къ другимъ. Пожалуй, сказалъ халуй Пембльчукъ, поспѣшно ставя свою нетронутую рюмку и подымаясь снова со стула,—обыкновеннымъ людямъ это покажется повтореніемъ, но могу ли я?

Совершивъ церемонію, онъ сѣлъ опять на свое мѣсто и выпилъ за здоровье моей сестры.

— Мы не должны быть слѣпы, сказалъ мистеръ Пембльчукъ,—къ ея недостаткамъ; но будемъ надѣяться, что у нея были добрыя намѣренія.

Я замѣчалъ теперь, что лицо его покраснѣло; что касается до меня, то я чувствовалъ будто мое лицо было вымочено въ винъ: такъ оно горѣло.

Я сказалъ Пембльчуку, что я приказалъ прислать мое новое платье къ нему на домъ, и онъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ такого отличія. Я ему объявилъ, по какой причинѣ я не желалъ показаться въ немъ въ деревнѣ, и онъ восхвалялъ меня до небесъ. Только онъ одинъ, замѣтилъ онъ, былъ достоинъ моего довѣрія, и прибавилъ еще разъ свое нескончаемое: *могу ли я?* Потомъ онъ спросилъ меня съ нѣжностію, помню ли я наши дѣтскія забавы съ табличкой умноженія, и какъ мы вмѣстѣ ходили, для совершенія акта моей записи въ ученики, и какъ онъ всегда былъ моимъ любимцемъ и избраннымъ моимъ другомъ? Еслибъ я выпилъ вдесятеро болѣе вина, то и тогда я не забылъ бы, что мы съ нимъ никогда не были въ подобныхъ отношеніяхъ, и въ моемъ сердцѣ отвергъ бы всякое объ этомъ помышленіе. Несмотря на это однакожь, я помню, я начиналъ тогда мало-по-малу убѣждаться, что я очень ошибаюсь въ немъ и что онъ былъ толковый, практической, добродушный малый.

Постепенно онъ до того со мною разоткровенничался, что сталъ даже спрашивать моего совѣта о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Онъ замѣтилъ, что теперь открывался превосходный случай забрать въ руки всю хлѣбную и сѣменную торговлю, какого еще случая никогда не открывалось прежде. Нужно только положить побольше капитала и составишь себѣ огромное состояніе, только капитала побольше. Теперь ему (Пембльчуку) представлялось, что еслибы залучить этотъ капиталъ въ торговлю, при помощи спящаго партнера, спящаго партнера, которому было бы рѣшительно нечего дѣлать, только посмотреть въ счетныя книги когда заблагоразсудится, да два раза въ годъ явиться за барышами и отгрести себѣ въ карманъ про-

центовъ пятьдесятъ; то это, ему казалось, могло бы быть хорошимъ началомъ для молодаго человѣка съ умомъ, при большомъ состояніи, и заслуживало бы его вниманія. Но что я думалъ объ этомъ? Онъ очень цѣнилъ мое мнѣніе. Что я думалъ? Мое мнѣніе было: повремените не много. Обширность и точность этого взгляда такъ его поразила; что онъ уже болѣе не спрашивалъ, можетъ ли онъ мнѣ сжать руку, но сказалъ, что онъ долженъ ее сжать, и дѣйствительно сжалъ.

Мы выпили все вино; и мистеръ Пемблчукъ нѣсколько разъ общался мнѣ, что онъ выправитъ Джозефа и будетъ моимъ вѣрнымъ и постояннымъ слугою. Онъ также открылъ мнѣ въ первый разъ въ моей жизни,—и конечно это была тайна удивительно сохраненная,—что онъ всегда говорилъ про меня: «этотъ мальчикъ не просто такъ себѣ мальчикъ, и вспомните мое слово, судьба готовить ему необыкновенное счастье.» Съ слезливою улыбкой онъ сказалъ, что ему такъ странно объ этомъ подумать теперь. Я сказалъ то же. Наконецъ я вышелъ на воздухъ, съ неяснымъ сознаниемъ, что солнце свѣтило какъ то необыкновенно, и въ просонкахъ дошелъ до заставы, совершенно не узнавая дороги.

Тутъ меня пробудилъ изъ забытья голосъ мистера Пемблчука, который кликалъ меня на улицѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ, и дѣлалъ мнѣ знаки, чтобъ я остановился. Я остановился, и онъ подбѣжалъ ко мнѣ задыхаясь.

— Нѣтъ, мой любезный другъ, сказалъ онъ, собравшись наконецъ съ духомъ.—Нѣтъ, если только это отъ меня зависитъ... этого случая я не пропущу... Могу ли, какъ старый другъ, желающій всего лучшаго? *Могу ли я?*

Онъ сжалъ мнѣ руку въ сотый по крайней мѣрѣ разъ, и съ необыкновеннымъ негодованіемъ крикнулъ молодому извозчику дать мнѣ дорогу. Потомъ онъ благословилъ меня и долго стоялъ, махая мнѣ рукою, пока я не скрылся изъ его глазъ на поворотѣ. Тутъ я повернулъ въ поле и задалъ отличную высылку подъ изгородью; прежде чѣмъ пустился домой.

Мнѣ приходилось брать съ собою въ Лондонъ не много поклажи, потому что лишь очень малая часть изъ моего прежняго скуднаго достоянія соотвѣтствовала моему новому положенію. Но я началъ укладываться въ тотъ же вечеръ, и изъ опасенія не потерять ни одной минуты, уложилъ всѣ вещи, которыя могли мнѣ понадобится завтра поутру.

Такъ прошли вторникъ, среда и четвергъ, и въ пятницу по-

утру я отправился къ мистеру Пемблчуку, чтобы надѣть мое новое платье и одѣлать визитъ къ миссъ Гевингамъ. Мистеръ Пемблчуку уступилъ мнѣ свою собственную комнату для одѣвья, и украсилъ ее по этому случаю множествомъ чистыхъ полотенецъ. Конечно, мое платье не отвѣдало моихъ ожиданій, какъ вѣроятно это случилось со всеми новыми платьями, которыхъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали ихъ будущіе владѣльцы, рѣдко остававшіеся ими вполне довольны. Но пронесивъ его на себѣ съ полчаса, и простоявъ въ немъ во всевозможныхъ позиціяхъ передъ маленькимъ зеркаломъ мистера Пемблчука, которое, несмотря на всѣ мои старанія, рѣшительно отказывалось отражать мои ноги, я почувствовала будто оно сидитъ на мнѣ лучше. Это былъ базарный день въ ближайшемъ городѣ, и мистера Пемблчука не было дома. Я не сказала ему, когда именно я намѣревалась уѣхать, и по всей вѣроятности мнѣ не было суждено еще разъ пожать ему руку на прощаньи. Я именно и хотѣлъ этого, и отправился въ мое новое одѣвья, страшно конфузясь прикащика, мимо котораго мнѣ нужно было пройти, и подозрѣвая, что я былъ похожъ на Джо въ его праздничномъ платьѣ.

Я пошелъ обходомъ, заднею дорогою, къ миссъ Гевингамъ и позвонилъ въ колокольчикъ принужденнымъ образомъ, потому что рукъ моей было очень недовко въ перчаткѣ съ длинными пальцами. Сара Покетъ вышла къ калиткѣ и рѣшительно отшатнулась назадъ, увидя меня; ея орѣховая физиономія намѣшилась, и изъ коричневой одѣлалась зелено-желтою.

— Это вы, сказала она.—Ахъ, Боже мой! Что вамъ нужно?

— Я ѣду въ Лондонъ, миссъ Покетъ, сказалъ я,—и хочу проститься съ миссъ Гевингамъ.

Меня не ожидали, потому что она заперла меня на дворѣ и отправилась спросить, примутъ ли меня. Вскорѣ она возвратилась и повела меня, не сводя съ меня глазъ.

Миссъ Гевингамъ, опираясь на костыль, прохаживалась въ комнату, гдѣ стоялъ накрытый длинный столъ. Комната была освѣщена, какъ прежде; когда я вошелъ, миссъ Гевингамъ остановилась и обернулась ко мнѣ. Она въ эту минуту находилась прямо противъ сгнившаго свадебнаго кудача.

— Не уходите, Сара, сказала она,—ну, Пипъ?

— Завтра я ѣду въ Лондонъ, миссъ Гевингамъ (я былъ очень остороженъ въ моихъ словахъ), и думаю, вы не станете гнѣваться, если я приду проститься съ вами.

— Какой вы франтъ, Пипъ! сказала она, черта вокругъ меня костылемъ своимъ, какъ будто она была волшебница, которая совершила мое превращеніе и теперь надѣяла меня послѣднимъ даромъ.

— Мнѣ неожиданно привалило счастье, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ, миссъ Гевишамъ, пробормоталъ я,—и за него я очень благодаренъ, миссъ Гевишамъ!

— Да, да! сказала она смотря съ усладою на ошалѣвшую отъ зависти Сару,—я видѣла мистера Джагерса, я слышала объ этомъ, Пипъ; такъ вы ѣдете завтра?

— Да, миссъ Гевишамъ.

— И вы усыновлены богатымъ человекомъ?

— Да, миссъ Гевишамъ.

— Не знаете, какъ его имя?

— Нѣтъ, миссъ Гевишамъ.

— И мистеръ Джагерсъ сдѣланъ вашимъ опекуномъ?

— Да, миссъ Гевишамъ.

Она смаковала каждый вопросъ и каждый отвѣтъ: такъ сильно наслаждалась она завистливымъ недоумѣніемъ Сары Покетъ.

— Ну, продолжала она,—передъ вами открывается карьера много обещающая. Ведите себя хорошо, заслужите ее, и слѣдуйте наставленіямъ мистера Джагерса.—Она взглянула на меня, потомъ взглянула на Сару, и физиономія Сары искривилась въ жестокую улыбку.—Прощайте, Пипъ! Вы знаете, что вы навсегда удержите имя Пипа.

— Да, миссъ Гевишамъ.

— Прощайте же, Пипъ.

Она протянула мнѣ руку, я сталъ на колѣно и приложилъ ее къ губамъ. Я не подумалъ, какъ мнѣ проститься съ нею, и это вышло у меня совершенно естественнымъ движеніемъ. Она съ торжествомъ посмотрѣла на Сару Покетъ своими змѣиными глазами, и такъ я оставилъ мою фею-волшебницу, обѣими руками опершуся на костыль, посреди мрачно освѣщенной комнаты, возлѣ сгнившаго свадебнаго кулича, злѣвшаннаго паутиню.

Сара Покетъ выпроводила меня. Она до сихъ поръ не могла придти въ себя и была совсѣмъ растеряна.

Я сказалъ ей:

— Прощайте, миссъ Покетъ; но она только пялила на меня глаза и довидимому не понимала что я говорилъ.

Выйдя изъ дому, я полетѣлъ назадъ къ Пемблѣчуку, снялъ

мое новое платье, завязавъ его въ узелокъ, и отправился домой въ моемъ старомъ платьѣ, въ которомъ, по правдѣ сказать, мнѣ было гораздо свободнѣе и легче, хотя я и несъ узелъ.

И вотъ скоро прошли шесть дней, которымъ, мнѣ казалось прежде, и конца не будетъ, и завтра глядѣло мнѣ прямо въ глаза. Съ каждымъ вечеромъ я начиналъ все болѣе и болѣе дорожить обществомъ Джо и Биди. Въ этотъ послѣдній вечеръ, для ихъ удовольствія, я надѣлъ мое новое платье и просидѣлъ во всемъ великолѣпїи до самаго того времени, когда мы расходились спать. У насъ по этому случаю былъ горячій ужинъ, состоявшій изъ неизбежной курицы, которую мы запивали флипомъ¹. Намъ всемъ было очень горько и никто, не притворялся веселымъ.

Я долженъ былъ оставить нашу деревню въ пять часовъ утра и нести мой маленькій чемоданъ, и я сказалъ Джо, что хотѣлъ идти одинъ. Я очень, очень опасаясь, что это желаніе явилось у меня потому, что я сознавалъ внутренно, какой контрастъ будетъ между мною и Джо, когда мы вмѣстѣ придемъ въ контору дилижансовъ. Я стараюсь увѣрить себя, что въ этомъ распоряженіи не было ничего подобнаго. Но когда я пришелъ въ мою комнатку, въ тотъ послѣдній вечеръ, я чувствовалъ, что это было такъ, и мнѣ хотѣлось сойти внизъ и попросить Джо идти вмѣстѣ завтра. Однакожь я этого не сдѣлалъ.

Всю ночь мнѣ грезилась въ моемъ безпокойномъ снѣ дилижансы, которые ѣхали во всевозможныя мѣста, только не въ Лондонъ, и въ которые были впряжены то собаки, то кошки, то свиньи, то люди, но никакъ не лошади. Различныя воображаемыя неудачи на дорогѣ преслѣдовали меня до разсвѣта, когда меня разбудило наконецъ пѣніе птицъ. Я всталъ, одѣлся, сѣлъ у окошка, чтобы взглянуть въ него въ послѣдній разъ, и заснулъ.

Биди поднялась рано и хлопотала, чтобы приготовить мнѣ завтракъ. Я не проспалъ и часу, когда меня разбудилъ запахъ дыма, подымавшагося изъ трубы, и проснулся, пораженный страшною мыслью, что уже было далеко за поддень. Но послѣ этого долго еще, пока звенѣли чашки и когда уже все было готово, я не могъ собраться съ духомъ, чтобы сойти внизъ. Я оставался въ моей комнатѣ, и то отпиралъ, то запиралъ мой

¹ Напитокъ приготовляемый изъ пива, яиць и различныхъ приностей.

чемоданъ по нѣскольку разъ, пока Биди не кликнула меня, говоря, что уже было поздно.

Это былъ спѣшный завтракъ, безъ всякаго удовольствія. Я вскочилъ изъ-за стола и сказалъ торопливо, какъ будто мнѣ сейчасъ только пришло въ голову:

— Ну, я полагаю, пора отправиться! и потомъ я поцѣловалъ мою сестру, которая смѣялась, кивала головою и тряслась въ креслѣ, поцѣловалъ Биди и обнялъ Джо; послѣ этого я взялъ мой маленькій чемоданъ и отправился. Мнѣ послышался шумъ позади меня, я оглянулся и увидѣлъ: Джо бросала одинъ старый башмакъ вслѣдъ мнѣ, а Биди бросала другой такой-же башмакъ¹. Я остановился, помахалъ имъ шляпою, Джо махалъ мнѣ своею сильною рукой, крича сильнымъ голосомъ «ура!» и Биди закрыла лицо передникомъ.

Я шелъ скорымъ шагомъ, думая, что мнѣ было идти легче нежели я предполагалъ, и какой былъ бы срамъ, еслибы бросили старый башмакъ вслѣдъ за дилижансомъ, въ виду всей улицы. Я посвистывалъ, вовсе не думая про разставанье. Но деревня была такъ спокойна и тиха; легкіе туманы торжественно подымались, какъ бы открывая передо мною новый міръ, о которомъ до сихъ поръ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; въ одно мгновеніе, рыданія задушили меня, и я заидся слезами. Это было у верстоваго столба, на концѣ деревни; я положилъ на него мою руку и сказалъ. «прости, мой милый, милый другъ!»

Богъ свидѣтель, мы не должны стыдиться нашихъ слезъ; онѣ падаютъ благотворнымъ дождемъ на ослѣпляющую земную пыль, которая застилаетъ наше сердце. Я сталъ гораздо лучше, когда я поплакалъ, сталъ кротче, сознательнѣе въ моей неблагодарности, болѣе сожалѣлъ о ней чѣмъ прежде. Еслибъ я прежде поплакалъ, то Джо былъ бы со мною.

Я былъ до того побѣжденъ этими слезами, которыя нѣсколько разъ у меня прорывались, пока я шелъ, что когда я сидѣлъ уже на имперьялѣ дилижанса, и мы выѣхали за городъ, я передумывалъ, не сойти ли мнѣ при первой перемѣнѣ лошадей и не вернуться ли назадъ, чтобы провести еще другой вечеръ дома и получше проститься съ друзьями. Мы перемѣнили лошадей, я еще не рѣшился, и утѣшалъ себя, что еще при слѣдующей перемѣнѣ могу сойти и вернуться. И

¹ Обыкновенное напутствіе въ Англии, выражающее добрыя желанія провожающихъ.

думывая объ этомъ, я признавалъ вдругъ въ какомъ-нибудь прохожемъ моего Джо, который шелъ будто бы намъ на встрѣчу. Какимъ образомъ онъ могъ попасть сюда!

Нѣсколько разъ мы перемѣнили лошадей; теперь уже было поздно и далеко возвращаться. Я продолжалъ мое путешествіе. И туманы совершенно поднялись; и новый міръ открылся передо мною.

*(И здѣсь первая станція по дорогѣ къ большимъ ожида-
ніямъ Пина.)*

(Продолженіе до слѣд. №).

ЧУЖОЕ ИМЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Сосѣди.

Гвардіи-капитанъ Павелъ Петровичъ Левель, по смерти тетки своей Варвары Павловны Глѣбовой, взялъ отпускъ на годъ и уѣхалъ изъ Петербурга.хлопотъ у него было много. Онъ долженъ былъ осмотрѣть и принять въ свои руки съ полдюжины новыхъ помѣстій, разбросанныхъ тамъ и сямъ, по разнымъ губерніямъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Изъ нихъ одно только онъ нашель, относительно, въ недурномъ положеніи. Это было — Сорокино, вотчина его тетки, имѣніе въ 600 душъ, З*** губерніи, верстахъ въ десяти отъ губернскаго города З*** 5400 десятинъ земли, строевой лѣсъ, рѣка и славный, дѣдовскій, каменный, двухъэтажный домъ. Онъ помнилъ Сорокино еще съ дѣтскихъ лѣтъ, гостилъ тамъ не разъ и любилъ его болѣе чѣмъ свое, родовое имѣніе, Троицкое. Въ Сорокинѣ надѣялся онъ поселиться когда-нибудь окончательно и, женившись, устроиться на просторѣ. Все остальное, доставшееся ему отъ тетки, не обѣщало ни прибыли, ни

удобствъ, а одни только хлопоты, безконечную переписку, разъѣзды да ссоры со старостами или съ мошенниками управляющими, которыхъ пришлось бы мѣнять каждый годъ. Имѣя это въ виду, онъ рѣшился продать всю мелочь при первомъ удобномъ случаѣ и деньги пустить цѣликомъ на улучшение старыхъ своихъ любимцевъ, села Сорокина и села Троицкаго. Въ послѣднемъ онъ не былъ еще, когда такое рѣшеніе было принято. Онъ воображалъ себѣ это имѣніе точно въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его при жизни отца, лѣтъ десять тому назадъ; но его ожиданія были обмануты самымъ жестокимъ образомъ. Приѣхавъ туда въ іюнѣ, безъ предварительнаго увѣдомленія, онъ засталъ совершенный хаосъ. Скотъ тощій, ничтожный; половина полей не запахана, рожь жиденькая, въ овсѣ бродятъ лошади; народъ оборванный, блѣдный; крестьянскія избы сгнили и покосились, на многихъ крыши проваливаются, въ другихъ ужь давно не живутъ. Барскій домъ тоже въ развалинахъ. Въ комнатахъ пыль, паутина, мерзость; печи осыпались, въ рѣдкомъ окошкѣ всѣ стекла цѣлыя, на дверяхъ нѣтъ замковъ, другія не затворяются, мебель стоитъ безъ чахловъ, ободранная, въ саду бурьянъ по плечо, частоколь тутъ разобранъ, а тамъ повалился, лежитъ на землѣ. Какія-то двѣ коровы, привязанныя подъ яблонями, жевали траву. Подъ самымъ балкономъ свинья съ поросятами хрюкала, роясь въ кустахъ. Прикащикъ, бывший лакей и любимецъ его отца, явился къ нему небритый, нечесаный, съ опухлыми, заспанными глазами, тускло-выглядывающими сквозь жиръ, въ засаленномъ нанковомъ сюртукѣ, не сходившемся на двѣ послѣднія пуговицы, съ босыми ногами, наскоро воткнутыми въ стоптанныя туфли. Левель съ трудомъ узналъ въ немъ стараго своего знакомаго Никиту, который лѣтъ десять тому назадъ былъ ловкій, проворный малый, носилъ ливрею, крахмаленное бѣлье и смотрѣлъ такимъ джентльменомъ.

— Никита! Ты ли это? спросилъ капитанъ, посматривая на него съ удивленіемъ.

— Я, сударь, отвѣчалъ тотъ, украдкой посплывъ пальцы и приглаживая виски.

— Ну что, братецъ, какъ поживаешь? Что дѣти, жена?

— Ничего, сударь, милостивъ Богъ, поменьку живемъ.

— Что это у васъ тутъ... такъ какъ-то грязно, запущено все? продолжалъ капитанъ, печально посматривая кругомъ.

Никита замаялся и оробѣлъ. Онъ стоялъ молча, опустивъ глаза въ землю, какъ воръ, захваченный на дѣлѣ. Левель началъ было разспрашивать о хозяйствѣ; но тотъ, запинаясь, понесъ какую-то околесную, въ которой нельзя было разобрать ничего, какъ только то, что все въ волѣ Божіей и что Господь-Богъ милостивъ, дастъ Богъ все поправится, если Господу будетъ угодно. Левель не слушалъ его. Онъ ломалъ голову надъ однимъ любопытнымъ вопросомъ, что имѣніе сильно запущено и прикащикъ его надувалъ; въ этомъ онъ убѣдился теперь совершенно. Но доходъ высылался ему довольно исправно лѣтъ восемь... откуда шли деньги? Вопросъ этотъ объяснился не прежде какъ нѣсколько дней спустя. Объѣзжая имѣніе, онъ напрасно искалъ въ немъ знакомыхъ, старинныхъ, сосновыхъ лѣсовъ, когда-то извѣстныхъ въ цѣломъ уѣздѣ. Голые пни, да подростки, да изрѣдка можжевеловый кустъ торчали печально на мѣстѣ высокихъ, столѣтнихъ деревьевъ. Въ тотъ же день, онъ узналъ стороною всю исторію. Лѣсъ давно уже продавался на срубъ, и жида увозили его по Двинѣ въ Лифляндію. Остальное легко угадать. Выручка вся, или большею частію, отсылалась къ нему въ Петербургъ, подъ видомъ дохода; а деньги за проданный хлѣбъ и другія статьи оставались въ карманѣ Никиты.

Левель былъ такъ огорченъ и такъ озабоченъ, что все удовольствіе, которое онъ себѣ обѣщалъ, возвращаясь въ родное село послѣ столькихъ годовъ отсутствія, испорчено было ему совершенно. Онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ прожить въ Троицкомъ лѣто и осень, исподволь наблюдая за ходомъ дѣлъ и мало-помалу входя въ хозяйство... но гдѣ теперь жить и надъ чѣмъ наблюдать?.. Въ домѣ едва отыскались двѣ комнаты, въ которыхъ, послѣ большой починки и переборки, была какая-нибудь возможность жить чисто. Въ хозяйствѣ онъ былъ не свѣдущъ, и взять самому, немедленно, въ свои руки всю сложную машину управления, казалось самонадѣянно; а какъ иначе поступить—онъ не зналъ. Кругомъ ни души, на которую онъ могъ бы положиться хоть на волосъ. Никита доказанный плутъ. Онъ рѣшился его смѣнить; но имѣя еще и другое въ виду, отложилъ до удобнаго времени, а потребовалъ только счетовъ. Пачка грязныхъ тетрадей была ему подана. Онъ провѣрилъ года и тотчасъ же заперъ тетради подъ ключъ, сказавъ, что заглянетъ когда-нибудь. Послѣ этого между ними ни слова болѣе не было сказано. Никита не зналъ чтó и

думать. Сначала, онъ былъ встревоженъ и ждалъ страшной бури; но день за днемъ проходилъ, а бури и слѣду нѣтъ. Баринъ пріѣхалъ точно какъ въ гости; ни о чемъ не заботится, ничего не спрашиваетъ. Купилъ себѣ въ городѣ лошадь и ѣздитъ верхомъ куда-то. Недавно разказывали, въ Верехинѣ былъ; со старымъ разбойникомъ Никаноромъ цѣлые два часа разговаривалъ. Вечоръ, слухи ходятъ, въ Заборки ѣздитъ, у Карпа сидѣлъ цѣлый часъ, а съ нимъ, съ прикащикомъ, ни полслова. «Что за диковина?» думалъ Никита. «Хоть бы выругалъ, либо прибилъ, али острастку какую задалъ,—такъ нѣтъ, и слова сердитаго отъ него еще не слыхалъ!.. Глянетъ-те мимоходомъ словно на пса прохожаго, прости Господи! и хотъ бы бровью повелъ, хотъ бы пальцомъ пошевельнулъ! Бѣсъ его вѣдаетъ, чтò у него на умѣ!..»

Никита тревожился и боялся сначала; но видя, что время проходить, и все попрежнему тихо и баринъ по прежнему ни гугу, мало-по-малу сталъ успокоиваться; но все еще сильно дивился.

«Олухъ какой-то!» ворчалъ онъ разъ, дома, при Марѣѣ, своей женѣ. «Господь его знаетъ чтò это за человѣкъ! По немъ хотъ трава не рости!.. Оно, разумѣется, въ гвардіи, царю служить... ему нашимъ дѣломъ, гляди, и рукъ-то марать не приходится. Ему чтò? Ему Троицкое тѣбу! Наплевать!.. Отъ отца денегъ осталось вдоволь; есть на что въ Питерѣ погулять и безъ нашихъ грошей.... А нравомъ-то вишь и не въ батюшку. Тотъ какъ прикрикнетъ бывало, такъ ужъ и жди, что арапникомъ на конюшнѣ поподчуютъ; а этотъ какъ Божій ягненокъ... себя не умѣетъ беречь, самъ подъ ножъ лѣзетъ... ну а нашему брату какое дѣло?.. Нашему брату пальца въ ротъ не клади; по той причинѣ нашъ братъ прикащикъ—злодѣй, себѣ на умѣ!..»

Но онъ ошибся жестоко. Подъ вечеръ, въ тотъ самый день, когда это было говорено, баринъ явился къ нему въ избу не ожиданно. Съ нимъ вмѣстѣ вошли становой и двое сотскихъ.

— Что, Марѣа дома? спросилъ капитанъ.

— Никакъ нѣтъ, сударь, вышла коровку доить, отвѣчалъ тотъ, замѣтно встревоженный.

— А дѣти гдѣ?

— Побѣжали за матерью, Павелъ Петровичъ.

— Ну, оно кстати, потому что мнѣ надо съ тобой о дѣлѣ

поговорить. Слажи, едѣлай милость, Никита, куда дѣвался нашъ лѣсъ?

Тотъ поблѣднѣлъ и затрясся. Онъ понялъ теперь, какой оборотъ принимаютъ дѣла, и отчего баринъ ни слова о нихъ не спрашивалъ прежде, и зачѣмъ становой тутъ, и сотскіе: все вдругъ стало ясно.

— Батюшка! Павелъ Петровичъ! не погубите! завопилъ онъ, падая въ ноги.

Левель пожалъ плечами.

— Встань, братецъ; стыдись; ты не баба..... Встань сію минуту!

Никита всталъ.

— Я не желаю твоей гибели, продолжалъ капитанъ спокойно. — Покуда я самъ съ тобой говорю, дѣло можно еще поправить, если ты этого хочешь... Отвѣчай на вопросъ, а тамъ послѣ посмотримъ. Куда ты дѣвался нашъ лѣсъ?

— Батюшка! Павелъ Петровичъ! простите! Не досмотрѣлъ; двилскіе купцы, воры проклятые, вырубили!

— А ты сколько отъ нихъ получилъ за свой недосмотръ!

— Ни гроша, Павелъ Петровичъ; Господомъ Богомъ клянусь! Чтобъ у меня руки отсохли! Да чтобъ меня громомъ убило! Да чтобъ мнѣ на мѣстѣ тутъ провалиться, если я барскою копѣйкой поживился!

Левель слушалъ презрительно.

— Ну, если такъ, то намъ болѣе не о чемъ говорить. Мое дѣло кончено... Прошу васъ распорядитесь, сказалъ онъ пришедшему съ нимъ становому. Тотъ живо распорядился. Книжки понятыхъ; нѣсколько ящичковъ въ комнаты было отперто и осмотрѣно; письменный столъ и комодъ запечатаны. Никиту заперли подъ замокъ, въ другую избу и къ окошку представили сторожа. На другой день, къ обѣду, пріѣхалъ исправникъ съ писцомъ. Нѣсколько мужиковъ изъ окрестностей собрано было еще съ утра, пригласили священника и слѣдствіе началось. Оно было наряжено изъ Торопца, по поводу жалобы, поданной отъ помѣщика въ судъ, на мошенническую порубку лѣсовъ въ имѣніи, свѣдома и съ участіемъ его крѣпостнаго прикащика. Слѣдствіе продолжалось недолго. Такъ вѣрно и такъ старательно собраны были все данныя, на которыхъ основана жалоба, съ подробными указаніями лицъ, мѣстностей, времени и т. д., что ни одной минуты не было потеряно даромъ. Къ ночи все кончилось, и Никита, закованный, отвезенъ въ острогъ. Дѣло, конечно, не обошлось безъ тяжелыхъ сценъ. Въ

продолженіи слѣдствія, Марса ходила къ Павлу Петровичу раза три. Въ первый разъ, онъ принималъ ее довольно ласково; самъ поднималъ съ полу, когда она бросилась передъ нимъ на колѣна, и долго, внимательно успокаивалъ; но потомъ не велѣлъ пу- скать. Когда увозили мужа, она съ груднымъ ребенкомъ кину- лась подъ ноги лошадамъ; ихъ въ ту же минуту остановили; несчастная женщина лежала безъ памяти на землѣ. Левель ве- лѣлъ ее отнести и тутъ же послалъ за докторомъ въ городъ. Все это вмѣстѣ растроило его очень замѣтно, но не смягчило ни на волосъ. День или два, онъ ходилъ озабоченный, мрачный; потомъ приказалъ заложить лошадей и поѣхалъ къ сосѣдямъ. Бѣольшая часть ихъ были едва знакомы ему по именамъ; дру- гихъ онъ помнилъ въ лицо, какъ старыхъ пріятелей своего отца. У этихъ онъ не былъ еще съ пріѣзда; а между тѣмъ ему нужно было увидѣть кого-нибудь, чтобы разспросить, по- совѣтоваться о разныхъ вещахъ. Разъѣзды шли медленно, какъ это бываетъ обыкновенно въ деревнѣ. Жара, дороги тяжелыя, разстоянія длинныя; въ каждомъ мѣстѣ надо по крайней мѣрѣ хоть лошадей покормить; а тутъ обѣдъ или ночь застаютъ васъ въ гостяхъ. Послѣ обѣда, обычай требуетъ посидѣть, от-дохнуть; а ночью хозяева угрожаютъ мостами, оврагами, пере-правами и выѣздъ откладывается до слѣдующаго утра. Но по утрамъ нельзя же уѣхать безъ чаю; а разстояніе отъ чая до обѣда, въ деревнѣ, бываетъ нерѣдко короче чѣмъ разстояніе между двумя сосѣдами. Левель сначала спѣшилъ, отговаривался; но потомъ убѣдясь, что поспѣшность не служитъ рѣшительно ни къ чему, предоставилъ все случаю. На четвертый день, онъ пріѣхалъ въ полдень, къ одному изъ извѣстныхъ торопец-кихъ старожилонъ, старому другу его отца, Кирсанову.

Василій Михайловичъ Кирсановъ былъ старый драгунскій по-ручникъ въ отставкѣ, толстякъ, лѣтъ 50, съ парой длинныхъ-предлинныхъ усовъ на широкомъ, татарскомъ лицѣ, большой хлѣбосоль, гастрономъ и отличный хозяинъ. Онъ засталъ его на балконѣ, въ бухарскомъ халатѣ, въ туфляхъ, съ длин-нымъ черешневымъ чубукомъ и съ номеромъ *Инвалида* въ рукахъ. Василій Михайлычъ не вдругъ узналъ Левеля. Прапор-щикъ, котораго онъ видѣлъ лѣтъ десять тому назадъ въ го-стяхъ у отца, розовый, тоненькій мальчикъ съ дѣтскою улыб-кой на дѣтскомъ лицѣ, съ мягкими бѣлокурыми усиками и съ дѣвственными эполетами на плечахъ, явился теперь передъ нимъ въ полной силѣ и цвѣтѣ лѣтъ, статнымъ мушкетеромъ, сто-

личнымъ бариномъ, львомъ, съ увѣренностію во взглядъ, съ опредѣленнымъ, строгимъ покроемъ лица. Въ сѣрыхъ глазахъ свѣтилась зрѣлая мысль; рѣчь, поступь и обращеніе носили печать спокойной твердости, развитога вкуса и свѣтскаго опыта.

— Василій Михайлычъ!.. Не узнаете?... Левель, вашъ старшій сосѣдъ...

— Ба! Ха, ха, ха!.. Павелъ Петровичъ! воскликнулъ Кирсановъ, обнявъ и цѣлуя его по-русски, въ обѣ щеки.—Простите.... совсѣмъ ослѣпъ, хоть очки надѣвай!... Вотъ, батюшка, что значать года! И зналъ, что вы здѣсь, и ждалъ и самъ собирался, а тутъ гляжу цѣлый часъ, точно въ жизнь свою не видалъ.... Ну, правду сказать, и вы-то вѣдь какъ перемѣнились! Теперь, какъ присмотришься, конечно узнаешь; какъ не узнать! Но десять лѣтъ, сударь мой, десять лѣтъ!.. Васъ они еще въ гору везли; а меня ужъ подъ гору. Старъ сталъ... Эй! Кто тамъ? Авдотья! Анисимъ!.. Скорѣй бѣги къ барынѣ, скажи гости есть; да не сказывай кто; посмотримъ, узнаетъ ли.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ барыня выбѣжала сама на балконъ.

— Павелъ Петровичъ! сказала она, всплеснувъ руками.—Вотъ дорогой гости!

Легкая краска вспыхнула на лицѣ капитана при встрѣчѣ со старою своею пріятельницею Клеопатрою Ивановной. Онъ ловко раскланялся и поцѣловалъ у ней руку.

Клеопатра Ивановна была худенькая брюнетка лѣтъ подъ сорокъ, одна изъ тѣхъ барынь времени онаго, которыя знали Бальзака почти наизусть и вѣрили въ мудрость его какъ въ Евангеліе, всегда одѣвались старательно, были вѣчно чувствительны и вѣчно не въ мѣру надушены. Она подурнѣла и постарѣла жестоко съ тѣхъ поръ, какъ Левель ухаживалъ за ней въ отпуску; почти одна только рамка прошедшаго сохранилась; но и самая эта рамка носила еще на себѣ печать женской граціи. Лицо еще было довольно свѣжо; глаза еще молоды, руки еще нѣжны и красивы.

Всѣ трое, какъ часто случается въ деревенскомъ быту, искренно рады были увидѣть другъ друга. Сосѣда приняли какъ роднаго. Отличный обѣдъ былъ заказанъ; бутылка съ завѣтнымъ виномъ откупорена; завтракъ поданъ немедленно на балконъ. Начались разговоры, разспросы. Старое вызвано было на сцену и весело перебрано все до ниточки. Мало-по-малу, дѣло дошло и до новаго. Левель описывалъ рѣзкими красками страш-

ный хаосъ, въ какомъ онъ нашелъ свое Троицкое. Исторія о порубкѣ лѣсовъ и о слѣдствіи къ этому времени была ужъ извѣстна сосѣдямъ. Онъ повторилъ ее въ самыхъ короткихъ словахъ.

— Многимъ здѣсь кажется это жестоко, прибавилъ онъ. — То-есть мнѣ этого не говорятъ прямо, но по разнымъ намекамъ легко догадаться, что мнѣ не сочувствуютъ. А между тѣмъ, какъ, по ихъ мнѣнію, я долженъ былъ поступить? Не могъ же я самъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ и расправляться по собственному усмотрѣнію? Законъ, не спорю, можетъ быть слишкомъ строгъ; но каковъ бы онъ ни былъ, онъ все-таки легче и благороднѣе произвола.

Клеопатра Ивановна слушала одобрительно, несовсѣмъ понимая въ чемъ дѣло. Кирсановъ пожалъ плечами.

— Знаете что? сказалъ онъ.—Плюньте вы на ихъ толки!... Знаю я эти сострадательныя сердца и что у нихъ за совѣсти!... Вора подъ судъ отдать, это жестоко; а спросите какъ у нихъ честный мужикъ живетъ? Вотъ что-съ!... Я, Павелъ Петровичъ, человѣкъ стараго вѣка и всѣхъ вашихъ тонкостей, философіи этой на счетъ произвола, закона и прочаго разбирать не берусь; ну, а Никиту знаю; случалось съ нимъ дѣло имѣть и я вамъ скажу такого мошенника здѣсь не найдешь. Еслибъ его повѣсили, да я бъ и тогда сказалъ: по дѣломъ. Подумайте-ка, лѣсъ лѣсомъ; да кромѣ лѣсу-то, вѣдь онъ у васъ мужиковъ разорилъ!

Левель потупилъ глаза.

— Въ этомъ я самъ виноватъ прежде всѣхъ, замѣтилъ онъ тихо.

— Вы? спросилъ старый сосѣдъ съ удивленіемъ.

— Да, я дурно исполнилъ свою обязанность. Со смерти отца, десять лѣтъ, ни разу сюда не заглянулъ..... положился на человѣка, котораго я не зналъ.....

— Хмъ! да, ошибка довольно обыкновенная. Хозяйство, ба-тюшка, это такая вещь, въ которой, собственно говоря, ни на кого нельзя положиться вполне, а ужъ если кому доверяешь по крайней необходимости, то надо знать человѣка какъ собственные пять пальцевъ. Не то, что Никита вашъ, эта шельма отъявленная, а другой и порядочный человѣкъ безъ всякаго умысла можетъ напакостить: потому что тутъ мало одной простой честности, и даже простаго умѣнья мало; а надо дѣло

любить; свой, кровный интерес надо чтобы въ дѣлѣ былъ; вотъ что-съ.

Левель вздохнулъ.

— Ну, какъ же, надолго вы къ намъ? спросила Кирсанова.

— Не знаю, Клеопатра Ивановна. Думалъ до осени здѣсь пробыть; а теперь Богъ знаетъ..... Троицкое меня совсѣмъ съ толку сбило. Отпускъ на годъ взялъ, то-есть до будущаго февраля, и выходитъ, что самое дорогое время, весна, пропала. Еслибы знать, пріѣхалъ бы, разумѣется, ранѣе.

— Ну, съ весной или безъ весны, въ одинъ годъ все уже недалеко уѣдешь, замѣтилъ Кирсановъ.

— Вотъ видите ли, Василий Михайлычъ, продолжалъ Левель;— это вы говорите, вы, опытный, старый хозяинъ. Чтò жь мнѣ то послѣ этого дѣлать? Вѣдь я новичокъ!.. Мнѣ вѣдь учиться надо еще по крайней мѣрѣ года два!

— Ну, выучимъ. Мы отъ васъ вѣдь не за тридевять земель. Поживите-ка съ нами подолье, посмотрите, какого мы сдѣлаемъ изъ васъ хозяина!

— А служба, Василий Михайлычъ?

— Э! Велика важности! Службу можно и побочку..... Чего вамъ отъ службы искать? Вы и безъ этого обезпечены..... Добро бы еще походъ былъ въ виду, отличіе, дѣло какое, ну, спору нѣтъ, лестно, заманчиво въ ваши года... А то вѣдь манежъ-то, я чай, ужъ и вамъ надоѣлъ?..... Вы скоро въ полковники?

— Жду каждый годъ.

— Ну а тамъ какъ? За толстыми эполетами опять гонка? Или тогда забастуете?

Капитанъ усмѣхнулся.

— Полноте! Клеопатра Ивановна пожалуй подумаетъ, что мнѣ до сихъ поръ двадцать лѣтъ.

Сосѣдка расхохоталась.

— Вотъ ужъ никакъ! отвѣчала она.—Вотъ ужъ никакъ. Скорѣе подумаю, что вамъ сорокъ. Въ двадцать, *savez-vous bien, mon ami?* въ двадцать жизнь такъ еще хороша, такъ полна, что честолюбію нѣтъ въ ней мѣста. Честолюбіе—это ребячество старыхъ дѣтей.

— Какъ? и вы тоже? Вотъ чтò значить давно не видать друзей! Прежде вы были обо мнѣ лучшаго мнѣнія, Клеопатра Ивановна.

— Докажите, что вы его заслужили, останьтесь здѣсь съ

нами. Смотрите какъ здѣсь хорошо! Какая трава! Какой воздухъ!.... А это? прибавила она, указывая рукою на озеро, которое сверкало вдали, за еловою рощей,—вы такъ любили все это когда-то.

— Люблю и теперь, Клеопатра Ивановна, отвѣчалъ онъ, пожавъ ея руку,—я можетъ-быть болѣе чѣмъ когда-нибудь.... Знаете, я вамъ что скажу? Я думаю объ отставкѣ не въ первый разъ и серьезнѣе чѣмъ вы полагаете.

— Браво! воскликнули въ одинъ голосъ сосѣди.—Вотъ это мило! Это любезно!

— Выходите скорѣй и селитесь здѣсь. Будемъ вмѣстѣ хозяйничать! сказала она.

— Женить васъ, выберемъ васъ въ предводители! сказалъ мужъ.

— О! еслибы все дѣлалось такъ же скоро какъ говорится, отвѣчалъ капитанъ,—какъ хорошо было бы на свѣтѣ жить!.... Но дѣло идетъ медленно, ползетъ какъ улитка и много хлопотъ еще впереди.... Вотъ хоть теперь, начиная съ того, что мнѣ управляющій нуженъ. Не знаете ли, Василій Михайлычъ кого-нибудь тутъ, по близости, надежнаго, свѣдущаго человѣка, у котораго я могъ бы поучиться и на рукахъ у котораго могъ бы оставить Троицкое съ спокойною совѣстію?

Кирсановъ задумался.

— Мудреную задали вы мнѣ задачу, отвѣчалъ онъ.—Здѣсь не Курляндія. Такихъ людей, что особо этимъ занятіемъ промышляютъ, совсѣмъ нѣтъ, потому, арендаторство не дозволено. А если и есть у кого человѣкъ, то такого какъ кладъ берегутъ. Вотъ у Полбина управитель, хохоль, золотой человѣкъ, устроилъ имѣніе въ 500 душъ словно ферму какую-нибудь образцовую, копѣйки не пропадаетъ, клочка земли не найдешь, который бы что-нибудь не давалъ..... Да вѣдь этакій мѣста не бросить... Онъ у Полбиныхъ шестой годъ, обжился, свой домъ выстроилъ и получаетъ по 1000 въ годъ, да съ дохода процентъ....

— Послушай, душечка, перебила Кирсанова;—а этотъ Высоцкій, помнишь, что жилъ у Нащокиныхъ?

— Высоцкій? мальчишка! дуракъ! Онъ только пыль въ глаза пускать мастеръ; да мастеръ еще за дѣвками волочиться, а дѣла не смыслить.

— А что, Нащокины здѣсь теперь? спросилъ Левель.

— Нѣтъ; они теперь рѣдко бывають здѣсь. Дочь выросла,

замужь пора отдавать; лѣто и зиму въ Москвѣ... Здѣсь, батюшка, старыхъ жильцевъ теперь мало кого найдешь. Въ послѣдніе годы, много у насъ народу побывало... Кто раззорился, имѣніе продано съ молотка, а кто померъ. Елецкій продалъ свое Орѣхино въ Жгутовѣ, Лукиныхъ нѣтъ... какой-то Рязанскій помещикъ наследовалъ.

Услышавъ эту фамилію, Левель, который смотрѣлъ на Клеопатру Ивановну, оглянулся.

— Какіхъ это Лукиныхъ? Я не помню, сказалъ онъ.

— Да это не въ вашу сторону. Это туда къ Городнѣ, за Ручьямище верстъ восемь... Алексѣя Михайлыча Лукина вы у насъ никогда не видали?

-- Нѣтъ.

— Душечка, помнишь у нихъ управляющій былъ, какой-то съдой старичокъ, изъ военныхъ.... Покойникъ Лукинъ его очень хвалилъ, перебила опять Кирсанова.

— А, помню..... какъ бишь его, позвольте..... Уз... Усовъ.... да, точно Усовъ, Иванъ Кузмичъ..... Хмъ! этотъ пожалуй бы вамъ пригодился. Липочка, надо бы справиться у кого-нибудь... у Засѣцкихъ, или у Веригиныхъ. Веригина, кажется, знаетъ его..... Павелъ Петровичъ, вы помните Лизавету Ивановну Веригину?

— Помню немножко, отвѣчалъ Левель.

— Ну, батюшка, я вамъ скажу, какая у ней теперь дочка выросла! Вотъ съзидите посмотрѣть!... Дѣвка такая, я вамъ скажу, что просто.....

Старый драгунъ приложилъ концы пальцевъ къ губамъ и, медленно отнимая ихъ, чмокнулъ.

— Василій Михайлычъ! Да полно тебѣ! смѣясь сказала жена.—Смотри, совсѣмъ съдъ сталъ, пора бы кажется поумнѣть.

— Молчи, Липочка, вы бабы, этихъ вещей не понимаете..... Знаешь? Не будь я женатъ, да меня бы отъ нихъ, изъ Ручьевъ, никакими коврижками не выманили! Потому что, я вамъ доложу, сударь, я въ этихъ вещахъ знаю толкъ.... Дѣвка породистая..... всѣ статьи.....

— Василій Михайлычъ! Да посовѣстись хоть при мнѣ! говорила Кирсанова, пытаясь зажать ему ротъ рукой.

— Эхъ, матушка, отвѣчалъ онъ смѣясь.—Да чтѣ ты игуменья что ли, что при тебѣ о скоромномъ нельзя ужъ и слова сказать?..... Жаль, безъ приданого, продолжалъ онъ, опять обращаясь къ сосѣду,—а то бы ужъ я вамъ посваталъ. Таковую у васъ въ

Петербургъ не скоро найдешь! Цвѣтокъ! сударь мой, совершенный цвѣтокъ!

— И, какой вздоръ! перебила жена.—Ужь будто я Марья Васильевну не видала?.. Дѣвушка добрая, милая, спору нѣтъ; но дика такъ, что просто смѣшно!.. Краснѣетъ на каждомъ шагу, вся до плечъ; въ обществѣ слова не смѣетъ сказать... Собою она, можетъ-быть, была бы и не дурна, еслибъ не эти волосы рыжіе, рыжіе какъ огонь!.. просто жалость!

— Ну ужь пошла полоскаты! сказалъ онъ, махнувъ рукой.

Въ эту минуту двери отворены были съ шумомъ, и кудрявая, быстроглазая, загорѣлая дѣвочка, лѣтъ семи, выбѣжала на балконъ въ припрыжку; но, вдругъ, увидѣвъ чужое лицо, смѣшалась и сдѣлала форменный книженсъ.

— Папаша, шепнула она отцу, — тамъ Осипъ пришелъ, письмо какое-то изъ Торопца принесъ.

Бросивъ косвенный взглядъ на гостя, она собиралась уже дать тягу, но отецъ подозвалъ ее.

— Вотъ какая у насъ обновка! сказалъ онъ, глядя ребенка по головѣ.—Это не та, которую вы знаете; это Оля; вы еще не видали ея... Какъ видите, батюшка, времени не теряемъ; а вы что тамъ, въ Петербургъ, воду толчете?.. Пора бы и вамъ завести такихъ.

Клеопатра Ивановна усмѣхнулась, потупивъ глаза.

— Поглядите на эту дѣвочку хорошенько, продолжалъ онъ.—Что вы думаете: она скромная, тихенькая? Нѣтъ, сударь, она передъ вами только конфузится; а это, я вамъ доложу, такой чортъ, такая сорви-голова!.. Лазитъ по деревьямъ, какъ кошка, царапается, кусается!.. Вчера за утятами бѣгала въ воду, весь подолъ вымочила!..

— Папаша, пустите! оставьте! Какъ вамъ нестыдно глупости говорить? шептала дѣвочка, вырываясь.—Пойдемте къ Осипу, Осипъ васъ ждетъ...

— Ну, ну, пойдѣмъ къ Осипу.

Онъ взялъ ее на руки и ушелъ, а Кирсанова съ Левелемъ пошли въ садъ.

— Помните эту скамейку? сказала она, останавливаясь подъ навѣсомъ кудрявыхъ липъ, у маленькой, старой доски на двухъ столбикахъ, на которыхъ едва замѣтны были слѣды когда-то зеленой краски.

— Помню, отвѣчалъ капитанъ, улыбаясь.

— Сядемте... Вамъ пріятно припомнить старое?

Левель взялъ руку, которую она протянула, и молча поцѣловалъ.

— Cher ami! продолжала она.—Вы были еще ребенокъ тогда, но какой милый ребенокъ! Вы пробовали ваши крылышки возлѣ меня... Это былъ первый вашъ опытъ... и я любовалась вами, сначала шутя, а тамъ чуть сама не влюбилась какъ дура.

— Чуть! повторилъ онъ, смѣясь.

— Да; это было такъ мило, наивно, и я вамъ скажу, прибавила она шепотомъ,—такъ соблазнительно!.. Счастье, что отпускъ вашъ кончился прежде чѣмъ мы успѣли надѣлать глупостей!.. Не правда ли?

— Богъ знаетъ, правда ли, Клеопатра Ивановна... Мнѣ кажется, что для васъ, по крайней мѣрѣ, опасности не было... Вы шутили со мной, вотъ и все.

— Вы думаете? сказала она, вздохнувъ.—О! какъ же вы плохо знаете женское сердце!.. А между тѣмъ сколько случаевъ изучить его вы имѣли, конечно, съ тѣхъ поръ!.. Признайтесь, сколькоимъ вы повторяли потомъ то, что здѣсь мнѣ было говорено.

— Ни одной.

— О! никогда не повѣрю! сказала она, грозя ему пальцемъ.— Можетъ ли быть, чтобы вы никого не любили съ тѣхъ поръ; вы имѣете столько, чтобы быть любимымъ?

Левель опять усмѣхнулся.

— Я не намѣренъ вамъ лгать, Клеопатра Ивановна, отвѣчалъ онъ.—Я любилъ потомъ разъ или два, но это было со-всѣмъ не то; это было другое чувство.

— Сильнѣе, конечно, и продолжительнѣе?

— Да, можетъ-быть... то-есть не то, чтобы сильнѣе, а положительнѣе, потому что оно было взаимно.

— Взаимно! Вотъ какъ вы понимали меня, неблагодарный Поль! сказала она, печально покачивая головой, на которой мѣстами просвѣчивалъ уже сѣдой волосъ.

Левель съ досадой крутилъ свои золотистые, щегольскіе усы.

«Опоздала, мой другъ!» думалъ онъ.—Если я ошибался, Клеопатра Ивановна, то въ этомъ вы сами немножко виноваты, сказалъ онъ вслухъ.

— О! что ужъ объ этомъ теперь говорить?.. Я знаю, вамъ скучно; вы можетъ-быть внутренно надо мною смѣтаетесь!..

— Клеопатра Ивановна, Богъ съ вами! Чтò это вы говорите?

— Чтò жь, еслибъ и такъ? Бѣда небольшая... Я знаю, что я немножко смѣшна... Но я такъ добра, я готова вамъ все простить, все!.. Я такъ рада, что вижу васъ возлѣ себя!.. Дайте на васъ посмотрѣть... Какъ вы похорошѣли!.. А я-то, Поль, я!..

Двѣ слезки, послѣдній прощальный привѣтъ увядшей молодости, блеснули у ней на глазахъ.

— Вы, Клеопатра Ивановна... началъ - онъ необдуманно и остановился, не зная чтò ей сказать. «Эхъ, чортъ бы побралъ всю эту чувствительность!» думалъ онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, поглядывая на милую руину прошедшей любви и стараясь усиленно воскресить хоть искру того, чтò горѣло когда-то такъ жарко.—Вы меньше перемѣнились чѣмъ я, договорилъ онъ въ полголоса.

Клеопатра Ивановна недоувѣрчиво посмотрѣла ему въ глаза. Она не могла понять неумышленного сарказма, который безъ злобы сорвался съ его языка.

— *Est-ce vrai? Est-ce possible?.. Dix ans!.. Oh! dites, dites que je ne suis pas encore vieille!* восклицала она умоляющимъ голосомъ.—О! еслибы вы знали женское сердце! Еслибы вы знали, сколько въ немъ жизни, и какъ оно помнитъ старое!.. А ваше, Поль? *Hélas!* Ваше давно остыло!

Бѣднаго Левеля бросило въ потъ. Онъ украдкой заглядывалъ въ разныя стороны съ тайною надеждой, что кто-нибудь придетъ выручить его изъ этой пытки... Но густая аллея дремала въ полуденной тишинѣ и ничего не видать было сквозь зеленую чащу вѣтвей, ничего не слышать; только кузнечикъ звенѣлъ гдѣ-то близко въ травѣ, да сѣрая пчелка жужжала надъ самымъ ухомъ его въ высокихъ кустахъ жасмина.

Онъ съ трудомъ заставилъ себя произнести какую-то битую фразу вѣжливости. Клеопатра Ивановна встала, рукой утирая глаза, и взяла его подъ руку.

— Пойдемте, шепнула она.—Простите, что я насакала вамъ столько глупостей... Не судите меня слишкомъ строго... Вы знаете, женщины слабы; но за то онѣ, право, умѣютъ любить лучше васъ, и за это имъ можно простить кое-что; можно простить очень много, мой другъ.

Столько искренней доброты звучало въ ея словахъ, что Левель былъ тронутъ. Не зная чтò дать ей въ замѣнъ, онъ сдѣлалъ геройское усиліе надъ собой и сталъ говорить о прошед-

шесть открыто, подробно. Больше, кажется, ничего не требовала отъ него Клеопатра Ивановна; по крайней мѣрѣ она была совершенно довольна. Она забылась, повеселѣла, помолодѣла лѣтъ на десять, слушая его съ жадностію. Глаза блестяи, станъ выпрямился, румянецъ пылалъ на щекахъ.

— Повторите это еще! просила она.—А помните это?.. А тамъ-то? Тогда-то?.. А въ роцѣ, при свѣтѣ луны?.. А на лодкѣ? на лодкѣ? помните?..

— Матушка, что съ тобой? Да ты смотришь моложе дочери! сказала мужъ, когда они оба вернулись въ комнату.—Хитъ! Я пари держу, это все капитанъ! Охъ ужъ мнѣ этотъ капитанъ! Не усмотришь; наставитъ онъ мнѣ когда-нибудь...

— Полно, старый! Стыдись! Посмотри-ка при комъ говоришь! перебила она въ полголоса.—Леночка, viens ici, mon amie, продолжала она, обращаясь къ хорошенькой дѣвочкѣ, лѣтъ четырнадцати, застѣнчиво отошедшей въ сторону.—Павелъ Петровичъ, вы помните Леночку? Леночка, помнишь ты Павла Петровича?.. Жаль, что такъ еще молода! шепнула она гостю на ухо; взоръ честной свахи договорилъ остальное.

День прошелъ весело. Левеля, разумеется, не пустили домой. При первомъ намекѣ о лошадяхъ, ему наотрѣвъ объявили, что онъ арестованъ дня на три, по крайней мѣрѣ. Позже вечеромъ, передъ чаемъ, только что спала жара, старый драгунъ велѣлъ осѣдлатъ лошадей, и они поскакали осматривать рожъ, сѣнокосъ, яровыя поля и другіе предметы хозяйственныхъ попеченій. Лѣтъ десять тому назадъ, Левель смотрѣлъ на нихъ безъ вниманія, но теперь они вдругъ получили въ его глазахъ очень живой интересъ. Отъ чая до ужина, Клеопатра Ивановна грустно вздыхала, слушая прозаическій, скучный и, какъ казалось ей, нескончаемый разговоръ, завязавшійся между мужемъ и гостемъ.

«О, какъ онъ измѣнился! какъ онъ измѣнился!» шептала она про себя, дожась спать.

За ужиномъ, Левель напомнилъ объ управляющемъ.

— Будьте спокойны, устроимъ, сказалъ Кирсановъ.—Я написалъ ужъ къ Веригиной. Завтра, чуть свѣтъ, верховой отвезетъ, и къ обѣду вернется съ отвѣтомъ.

На другой день отвѣтъ былъ дѣйствительно полученъ.

«Милостивый государь, Василій Михайловичъ, писала четкимъ стариннымъ почеркомъ Лизавета Ивановна.—Получила письмо ваше съ Митькой. Митька упарилъ лошадь, но за это

не взыскивайте, ибо сама ужь порядкомъ намылила ему голову. Я, слава Богу, здорова; Маша моя только похвариваетъ. На прошлой недѣлѣ болѣли зубы, а теперь, благодареніе Господу, ничего. Касательно того предмета, о коемъ вы просите, мой почтеннѣйшій, хотѣла сперва писать, да раздумала. Лучше сама къ вамъ прїѣду на дняхъ, какъ только съ Жгутовскимъ управителемъ увидаюсь.

«Душевно преданная вамъ

Лизавета Веригина.

«Павлу Петровичу отъ меня поклонъ. Въ какихъ хлопотахъ, про то слышала и что непріятности имѣлъ съ прикащикомъ—тоже.»

Дня два спустя, Веригина, у которой нашъ старый знакомый Иванъ Кузмичъ провелъ наканунѣ весь вечеръ, съ утра начала уговаривать дочь ѣхать съ нею къ Кирсановымъ. Маша была въ тревогѣ. Она не любила ѣздить къ богатымъ сосѣдямъ, потому что, вопервыхъ, нарядъ у нея былъ очень плохъ. Это важное обстоятельство, вмѣстѣ съ природною дикостью, дѣлало ее въ непривычномъ кругу до такой степени робкою и застѣнчивою, что визитъ къ какой-нибудь Клеопатрѣ Ивановнѣ казался ей пыткой. Сидѣть въ гостиной прямо насупротивъ Клеопатры Ивановны, у которой всѣ платья, капоты, чепцы, корсеты и шляпки и проч. выписываются готовые изъ столицы, и ловить какой-нибудь косвенно-брошенный, снисходительно-любопытный взглядъ, или молча краснѣть, выслушивая толстыя шутки Василія Михайловича, все это было и такъ уже для нея тяжело; а тутъ еще гость, какой-то гвардеецъ изъ Петербурга, который конечно жилъ тамъ въ самомъ высшемъ кругу и привыкъ видѣть бойкихъ, отлично-воспитанныхъ, нарядно-одѣтыхъ, блестящихъ дѣвицъ. Какими глазами посмотреть онъ на нее и что онъ подумаетъ, если въ отвѣтъ на шутовское слово, она ему скажетъ какой-нибудь вздоръ не въ-попадъ, или можетъ-быть даже совсѣмъ ничего не найдетъ сказать, потому что ей тонъ этотъ незнакомъ; она не видала людей... да къ тому же я мысли у ней не тѣмъ заняты; на сердцѣ тоска... потеря тяжелая, невозвратная!.. Давно ли узнала она въ Торопцѣ объ этомъ несчастномъ случаѣ? давно ли послѣдняя тѣнь надежды увидѣть *«но когда-нибудь,*

исчезла для ней навсегда? Чтò у нея теперь впереди? Какая будущность?.. Чтò общаго у нея теперь со всѣми этими веселыми, довольными, счастливыми людьми? Они никогда не поймутъ ее!.. Какъ могутъ они понять, когда они ничего не знаютъ?.. Отъ нихъ и ждать невозможно участія; но есть одинъ человекъ, ея мать... мать могла бы, кажется, отгадать, что теперь ей совсѣмъ не до выѣздовъ. А какъ настойчиво она ее уговариваетъ!

— Маменька, душечка, поѣзжайте къ Кирсановымъ безъ меня.

— Да какъ же я, Маша, тебя-то оставлю одну?

— Чтò жь, развѣ я маленькая? Мнѣ, слава Богу, двадцатый годъ, и шалостей я давно никакихъ не дѣлаю... Можете на меня положиться немножко.

— Да я, Маша, не шалостей опасуюсь. Мнѣ жаль тебя, мой дружокъ. Чтò ты будешь тутъ дѣлать одна? Ты и то въ последнее время глаза всѣ повыплакала... Поѣдемъ, дружочекъ: ты любишь кататься; смотри, погода какая стоитъ отличная: тихо какъ, ясно, тепло!.. А въ Незвановкѣ, у Кирсановыхъ, ягодъ какая пропасть! Митька третьяго дня сказывалъ, цвѣты, говоритъ, какіе въ саду! Вечеромъ запахъ такой отъ жасминовъ... Поѣдемъ, другъ мой.

— Маменька, подождите по крайней мѣрѣ съ недѣлю; у нихъ теперь гости.

— И, что тамъ за гости! Всего-то одинъ человекъ, да и того я мальчишкой еще знавала... Павлуша Левель!.. Эка, подумаешь, страхъ какой... эка невидаль! Да онъ тебя, помнишь, на дрожкахъ каталъ, когда тебѣ было лѣтъ десять? Помнишь, красивый такой, молодой такой, тоненькій офицерикъ?

— Нѣтъ, я не помню.

Маша стояла отворотившись и терла глаза.

— И чтò тебѣ такъ гостей бояться? Что они тебя грызть что ли станутъ?.. Вѣдь это не хорошо, мой другъ!.. Ты теперь взрослая дѣвушка, надо учиться съ людьми жить. Надо хоть исподволь привыкать, потому что не весь же вѣкъ съ матерью... Я теперь такъ слаба стала, часто хвораю; чтò съ тобой будетъ, если я вдругъ умру?.. Гдѣ же тебѣ тутъ одной хозяйничать?.. Маша, не плачь, мой ангелъ; чтò дѣлать? На все Божья воля!.. Жалко оно; разумѣется, да вѣдь не цѣлый же вѣкъ жалѣть!.. Маша, Машенька! Поди сюда, мой дружокъ, сдѣлай мнѣ радость... потѣшь ты меня на старости, по-

ѣдемъ хоть разъ въ это лѣто; поѣдемъ теперь.... Подумай, ну чѣмъ же Иванъ-то Кузмичъ виноватъ передъ нами? За что мы счастье его упустили изъ рукъ?.. Теперь благо есть такой случай хорошій, теперь-то и надо спѣшить, а то вѣдь пожалуй другаго найдутъ; а онъ останется у Баркова... А ты слыжала, что онъ вечеръ говорилъ, какія онъ неприятности терпитъ отъ этого ябедника?

— Да въ чемъ же я къ нимъ поѣду, маменька?.. Мое новое гри-де-ленъ...

— Гри-де-ленъ здѣсь, мой другъ. Я вчера послала Аеоньку въ городъ за сахаромъ, онъ привезъ.

Это былъ ловкій ходъ, на который старушка разчитывала. Новое платье для Маши было такая радость!.. Она какъ-то вдругъ ожила, повеселѣла.

— Гдѣ же оно? спросила дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы.

— Въ спальной, дружокъ. Поди-ка надѣнь, а я велю лошадей закладывать.

Маша, ни слова не говоря, уѣжала. Часа четыре спустя, передъ самымъ обѣдомъ, старая, неуклюжая, крытая линейка Лизаветы Ивановны, скрыпя и гремя всѣми членами, подкатила къ балкону въ Незвановкѣ. Въ линейкѣ сидѣла горничная съ узломъ, картонками, зонтиками, въ одномъ отдѣленіи, а въ другомъ—Лизавета Ивановна съ Машей. Маша была въ тревожномъ, нервическомъ состояніи духа. Какъ рекрутъ, который выходитъ на смотръ передъ строгимъ, взыскательнымъ командиромъ, она робѣла, мало увѣренная въ себя; боялась Василія Михайловича, боялась Кирсановой, но страшнѣе всего остальнаго казался ей гость. «Какой-нибудь петербургскій насмѣшникъ и критиканъ, думала она, который станетъ нарочно говорить ей всякій вздоръ, чтобы сконфузить ее какъ можно сильнѣе, или начнетъ коварно расхваливать ея бѣдный нарядъ: полинявшую шляпку съ измятыми лентами, маленькія, сморщенные перчатки, старательно-вычищенные хлѣбомъ и зашитыя въ разныхъ мѣстахъ; ветхій зонтикъ съ надломанною ручкой...» Съ сильнымъ біеніемъ сердца, спрыгнула она съ линейки и взошла вслѣдъ за матерью на балконъ. «Вотъ, вотъ сейчасъ начнется мученіе», ожидала она; но на дѣлѣ, какъ часто бываетъ, когда торопливая мысль чертитъ намъ его заранѣе въ самомъ преувеличенномъ видѣ, все сошло съ рукъ гораздо благополучнѣе чѣмъ она полагала. Впервыхъ, ихъ приняли дружески, запросто, какъ самыхъ котороткихъ знако-

мыхъ. Клеопатра Ивановна не сдѣлала ей ни малѣйшаго замѣчанія о костюмѣ. Василій Михайловичъ, противъ всякаго ожиданія, велъ себя такъ прилично, что всего только разъ зѣставилъ ее покраснѣть, а гость оказался совсѣмъ не такой, какого она боялась встрѣтить; совершенно другой человѣкъ... Скромный такой, серьезный, и вовсе не злой, не насмѣшникъ, вотъ ужъ нисколько! Напротивъ, онъ даже сначала какъ будто совсѣмъ и вниманія на нее не обратилъ. До обѣда и за обѣдомъ, почти ни слова ей не сказалъ, и очень хорошо сдѣлалъ, конечно, потому что какое ей дѣло до этого офицера? Богъ съ нимъ! Она совсѣмъ не желаетъ, она очень рада, что онъ оставляетъ ее въ покоѣ; да, рада, конечно, но... Марья Васильевна была женщина, и потому, разумѣется, радость подобнаго рода была у ней не безъ примѣси маленькой, едва ощутительной, дѣтской досады... такъ, Богу извѣстно, на чтѣ... Столичные гости всѣ такъ спѣсивы, но этотъ былъ не спѣсивъ; онъ все время сидѣлъ съ ея матерью и былъ съ нею такъ внимателенъ, такъ любезенъ, говорилъ съ нею такъ много о старыхъ годахъ, о покойномъ его отцѣ, о сосѣдяхъ, хозяйствѣ; потомъ объ Иванѣ Кузьмичѣ... Дѣло Ивана Кузьмича, кажется, идетъ на ладъ. Дай Богъ ему счастья!.. На новомъ мѣстѣ ему будетъ лучше, будетъ можетъ-быть очень хорошо. Левель человѣкъ добрый и маменька говоритъ, очень богатъ... можетъ жалованье ему дать хорошее... «Богаты!..» она тяжело вздохнула. «Невольно позавидуешь богатству, если подумаешь, какъ много зависитъ отъ денегъ!.. Какъ хорошо быть богатымъ!.. Сколько можно счастливыхъ сдѣлать!.. Сколько горя предотвратитъ!..»

Марья Васильевна задумалась, облокотясь на калитку, въ тѣни кленовыхъ деревьевъ и липъ. Двѣ дѣвочки, дочери Клеопатры Ивановны, утѣшившія ее въ садъ, разбѣжались куда-то, оставивъ ее одну. Сонная тишина лежала вокругъ на всемъ. Деревья, цвѣты дремали возлѣ нея; надъ головой дремали высокія облака; вдали дремало лазурное зеркало озера. Лѣсъ, поле, дорога, терявшаяся за рощей, дремали. Малѣйшій звукъ слышенъ былъ явственно съ другаго конца села. Двѣ бабы полоскали бѣлье въ пруду, гдѣ-то по ту сторону балкона. Ихъ не было видно, но она слышала явственно плескъ воды и ихъ разговоръ. Утки квакали гдѣ-то недалеко. Теплая струйка воздуха въ листьяхъ шелестѣла едва ощутительно. На дворѣ ни души, на балконѣ—тоже. Чтѣ-то дѣлается тамъ

въ домъ?.. Василій Михайловичъ вѣрно легъ отдохнуть послѣ обѣда. Ея мать и хозяйка, въ спальнѣ, толкуютъ о чемъ-нибудь, лежа съ закрытыми ставнями... А петербургскій гость?.. Неужли и онъ тоже легъ спать?..

Мѣрный шагъ послышался со стороны балкона... Кто-то идетъ... Она выглянула сквозь вѣтви кустовъ и тотчасъ же спряталась... Это онъ; его видно, но онъ еще не замѣтилъ ее. Онъ идетъ такъ задумчиво, важно, заложивъ руки за спину... идетъ прямо сюда... Можетъ-быть не замѣтитъ ея, пройдетъ мимо. Она отодвинулась быстро въ кусты, но трескъ сухой вѣтки ей измѣнилъ. Левель замѣтилъ, остановился въ какомъ-то раздумьѣ, потомъ подошелъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ. Особеннаго желанія начинать разговоръ въ немъ не было, но сконфуженная фигурка рыженькой деревенской барышни, которую онъ поймалъ одну и которая вѣрно мечтала, затронула его любопытство слегка. Фигурка эта была дѣйствительно живописна въ ту пору.

Зеленый отливъ въ волосахъ отъ массы кленовыхъ листьевъ, въ тѣни которыхъ она была почти спрятана, и пугливо сверкающій взоръ и какое-то острое, дико - оригинальное выраженіе въ чертахъ лица, нерѣдко встрѣчающееся у рыжихъ, давали ей видъ русалки, застигнутой невзначай, среди бѣлаго дня, на опушкѣ дремучаго лѣса.

« Ну, думалъ Левель, взглянувъ на нея съ любопытствомъ и усмѣхаясь неволью, еслибы не приличія, какъ бы проворно шмыгнула ты прочь! »

Марья Васильевна думала почти то же; она сожалѣла, что равнше не догадалась дать тягу.

— Васъ здѣсь оставили одну? спросилъ онъ, опираясь съ другой стороны на калитку.

— Нѣтъ, отвѣчала она застѣнчиво. — Дѣти были сейчасъ тутъ. Они бѣгаютъ тамъ, у бесѣдки.

— А вы чтò здѣсь дѣлаете?

— Я?.. ничего.

— Вамъ скучно?

— Нѣтъ.

— Я понимаю, продолжалъ онъ. — Какъ деревенская жительница, вы вѣрно успѣли уже привыкнуть къ уединенію?

— Да-съ.

Онъ усмѣхнулся. Ея наивные да и нѣтъ подстрекнули его

любопытство. Ему захотѣлось узнать: можно ли отъ нея добыть что-нибудь кромѣ этого, и что именно?

— А впрочемъ, продолжалъ онъ;—въ деревнѣ, лѣтомъ, въ такую погоду, въ саду, полное уединеніе едва ли возможно. Такъ много жизни кругомъ!.. Трава, деревья, вода и земля и воздухъ: все кипитъ жизнью. Но вы это знаете лучше меня конечно, потому что вы чаще имѣли досугъ наблюдать и прислушиваться ко всѣмъ голосамъ, которые и теперь слышны вокругъ насъ.

Опять тоже *да-съ*, робкое, нерѣшительное, сказанное въ полголоса, и Левель опять усмѣхнулся.

— Бьюсь объ закладъ, продолжалъ онъ, — что я перебилъ какой-нибудь очень занимательный разговоръ, который шелъ у васъ съ какою-нибудь маленькою пріятельницею или пріателемъ, съ птичкою на верху или вонъ съ этою пчелкой, что тутъ воздѣ жужжить... и что вы за это сердиты.

— О, нѣтъ, отвѣчала она простодушно.—Съ такими пріятелями не очень разговоришься... Вонъ, въ роцѣ, желна кричить... Она вѣчно кричитъ одно и то же.

— А вы желали бы услышать что-нибудь новое?

— Отъ желны? спросила она, усмѣхаясь.

— Отъ кого-нибудь, все равно.

— Нѣтъ, я не жду новаго.

— Но желаете, можетъ-быть?

— И не желаю.

— Что жъ такъ?

Она посмотрѣла пугливо, застѣнчиво, какъ будто сама дивясь своей смѣлости, дивясь, какимъ образомъ она впуталась въ такой разговоръ... Но надо было сказать что-нибудь.

— Такъ, отвѣчала она въ полголоса, потупивъ глаза.—Я не привыкла къ новому; я боюсь... Новое часто бываетъ не хорошо.

Левелю очень понравился этотъ отвѣтъ. Кромѣ его простодушія, въ немъ было что-то успокоительное, слышенъ былъ тотъ инстинктивный консерватизмъ женскаго сердца, который, въ семейномъ кругу, служить залогомъ тихаго счастья.

— Здѣсь душно, пойдемте къ озеру; это всего поворсты, сказалъ онъ, отворяя калитку.

Нерѣшительный взоръ былъ отвѣтомъ на его приглашеніе.

— Дождь пойдетъ, сказала она, поглядывая на верхъ. Сѣрыя тучки дѣйствительно были видны съ юго-запада; но никакихъ особенно близкихъ признаковъ не было еще на небѣ.

— Дождь *не* пойдетъ, съ усмѣшкою отвѣчалъ Левель.

Она оглянулась.

— Дѣти одни въ саду, отвѣчала она.—Матильда Федоровна осталась въ комнатѣ.

— Нѣтъ, вонъ она къ нимъ идетъ. Онъ указалъ ей на гувернантку, лиловый зонтикъ которой мелькалъ дѣйствительно на другомъ концѣ сада. Не зная что болѣе возразить, она вышла черезъ калитку на дворъ и пошла съ нимъ.

Дорогою, разговаривая или, лучше сказать, допрашивая свою спутницу, капитанъ имѣлъ случай взглянуть въ ея лицо, на которое за обѣдомъ и прежде не обратилъ никакого особеннаго вниманія. Оно не имѣло твердо установившагося, однообразнаго выраженія, а мѣнялось довольно часто и неожиданно. Исполненное души, когда разговоръ его оживлялъ или улыбка на немъ играла, въ иныя минуты оно вдругъ теряло свое одушевленное выраженіе, и какая-то мертвая тѣнь, что-то убитое, безнадежное появлялось въ его чертахъ. Левель, недолго задумываясь, отнесъ это все на счетъ угнетающаго вліянія скуки и тѣснаго, бѣднаго существованія мелкопомѣстной барышни. «Не мудро, думалъ онъ. Чѣмъ моложе сердце, чѣмъ сильнѣе кипитъ въ немъ потребность жить, тѣмъ скорѣе застой неестественнаго бездѣйствія успѣетъ оставить тяжелый слѣдъ.» Онъ началъ разспрашивать, и догадки его оправдались... Круглый годъ одна съ матерью; въ гости ѣздитъ разъ въ мѣсяцъ, любитъ очень читать, да читать почти нечего. Жалость его взяла... Вслѣдъ за ней мелькнула самолюбивая мысль. «При такой обстановкѣ и при этихъ условіяхъ, думалъ онъ, знакомство со мной, мой разговоръ и мое вниманіе должны имѣть цѣну въ ея глазахъ и цѣну не малую. Она дика и застѣнчива, недостатокъ увѣренности въ себѣ мѣшаетъ ей высказаться свободно, но безъ сомнѣнія она очень рада...» Левель былъ правъ, но ему и въ голову не могло придти, сколько горькихъ воспоминаній примѣшивалось у ней къ очень естественному удовольствію молодой дѣвушки, послѣ долгаго одиночества, вдругъ очутившейся объ руку съ ловкимъ гвардейцемъ и свѣтски-образованнымъ человѣкомъ. Къ

было лестно его вниманіе; а онъ, угадывая это, сталъ вдвое любезнѣе и мало-по-малу успѣлъ разогнать застѣнчивость своей спутницы. Она стала немножко довѣрчивѣе, смѣлѣе и перестала выглядывать искоса, какъ одичалый котенокъ, котораго гладятъ по шерсти, но который собирается улизнуть.

Прогулка ихъ кончилась раньше чѣмъ можно было ожидать. Не успѣли они дойти до озера, какъ солнце спряталось и нѣсколько крупныхъ капель упало на землю. Они повернули назадъ и пошли скорымъ шагомъ.

— Вотъ видите! говорила она съ тайнымъ страхомъ, и съ дѣтскою досадою поглядывая на свое гри-де-ленъ...—Вотъ видите! кто былъ правъ?

— Э! чѣдъ за бѣда, эгоистически отвѣчалъ капитанъ.—Успѣемъ еще дойти...

Но дойти не успѣли. Крупный ливень догналъ ихъ у самыхъ воротъ. Подобравъ платье, она пустилась бѣгомъ черезъ дворъ.

— Ха, ха, ха! брала! брависсима! кричалъ ей навстрѣчу Василій Михайловичъ:—бѣглецы-то! смотрите-ка, бѣглецы!... Вотъ подбѣломъ! Вотъ хотѣли отъ насъ уйдти, а Богъ-то и наказалъ!.. Ахъ, вы бѣдняжка моя! Да вы совсѣмъ вымокли! сказалъ онъ, встрѣчая ее съ протянутыми руками, на первой ступенькѣ балкона.

Маша проворно шмыгнула мимо и скрылась въ дверяхъ.

Поздно вечеромъ, въ этотъ день, Клеопатра Ивановна съ Левелемъ шли по стемнѣвшимъ аллеямъ сада.

— Ну что? Какъ вамъ нравится эта дикарка? спросила Кирсанова съ чуть замѣтнѣмъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Такъ, ничего, отвѣчалъ капитанъ.

— Хорошая дѣвушка! продолжала Кирсанова на распѣвъ:— скромная, добрая... и прекрасная дочь... Одно только жаль: воспитана какъ чумачка и рѣшительно не умѣетъ жить!.. Конечно, нельзя винить въ этомъ мать, потому что онѣ бѣдны, не имѣютъ рѣшительно ничего кромѣ той деревушки, въ которой живутъ... Вы знаете, у нихъ всего тридцать душъ... Но у другихъ, при всей бѣдности и при самомъ смѣшномъ воспитаніи, бываетъ это природное... се је не sais quoi... этотъ какой-то тактъ, грація, которыхъ у ней рѣшительно нѣтъ.

— Вы находите? спросилъ капитанъ.

— О! безъ сомнѣнія!.. А вы не замѣтили? Вотъ мужчины! Allez donc! Это съ перваго взгляда бросается въ глаза... Знаете, я думаю иногда, еслибы Марья Васильевна какимъ-

нибудь чудомъ вышла замужъ за свѣтскаго человѣка, какую жалкую роль играла бы она у него въ домѣ!.. Дѣвушка, которая рѣшительно не умѣетъ держать себя въ обществѣ, боится людей, не умѣетъ ни обойтись, ни принять, ни занять... Знаете какая выйдетъ изъ нея жена? Выйдетъ, что называется, *une femme vertueuse*. Сroyez-moi, mon ami, это самыя скучныя женщины... Онѣ отличныя няньки въ дѣтской, отличныя ключницы и, если хотите, довольно сносны наединѣ, но ихъ не вытащить въ общество, потому что въ обществѣ имъ недовко, въ обществѣ онѣ пассъ.

— Жаль! сказалъ капитанъ.

— О! въ самомъ дѣлѣ? Вамъ жаль? спросила Кирсанова, заглядывая ему въ глаза и поднимая свои густыя, темныя брови къ верху какъ два вопросительные знака.

— Да, если все, что вы говорите, правда.

— Monsieur!

— То-есть я хочу сказать, если вы не ошиблись, Клеопатра Ивановна. Потому что не всѣ добродѣтельныя женщины страдаютъ врожденною робостью въ обществѣ или врожденною антипатіей къ обществу. Чаще всего эта робость и антипатія происходятъ отъ внѣшнихъ, стѣсняющихъ обстоятельствъ; отъ бѣдности напимѣръ, отъ стыда быть одѣтою много хуже другихъ, быть затертою на задній планъ и т. д. Но попробуйте измѣнить обстановку, и Сандрильйона вдругъ вырастетъ передъ вами царицей бала.

— О! только не эта, могу васъ увѣрить; эта нигдѣ царицей не будетъ и никакого принца не породитъ... Конечно, если только самъ принцъ не слѣпъ. Но что я говорю? Вѣдь всѣ вы, мужчины, немножко слѣпы. Знаете, еслибы вы имѣли наши глаза, вы бы съ перваго взгляда на женщину могли предсказать, будетъ ли она когда-нибудь играть роль въ обществѣ или останется вѣчно насѣдкой, мокрою курицей, способною только высиживать дома цыплятъ.

Она говорила долго и краснорѣчиво; но что бы она сказала, еслибы могла заглянуть въ душу своего пріятеля и увидѣть, какой результатъ имѣли ея слова. Результатъ этотъ, незначительный самъ по себѣ, тѣмъ не менѣе удивилъ бы ее не мало; потому что онъ былъ совершенно противенъ тому, чего, казалось бы, слѣдовало ожидать. Деревенская барышня не потеряла нисколько въ его глазахъ; напротивъ, образъ ея очертился какъ будто яснѣе въ его головѣ и сталъ привлекательнѣе, милѣе.

Впечатлѣніе вѣзлось глубже; кой-какія догадки были оправданы, кой-какія сомнѣнія уничтожены. Желаніе сблизиться, познакомиться покороче, заговорило рѣшительнѣе чѣмъ прежде. Свѣтскія женщины, въ кругу которыхъ Левель провелъ десять лѣтъ, надобно ему до нельзя. Онъ зналъ наизусть ихъ привычки, манеры, ихъ вкусы и взгляды на жизнь. Онъ изучилъ хорошо ихъ шумную сферу, и по характеру не сочувствуя этой сферѣ, смотрѣлъ совершенно въ другую сторону. Сердце и мысль искали чего-нибудь новаго, свѣжаго. Уединенная, тихая жизнь, просторъ и свобода манили его на другую дорогу, на которой все встрѣчное получало какой-то новый смыслъ, измѣнялось другимъ масштабомъ, цѣнилось другою цѣной. Этого Клеопатра Ивановна, безъ сомнѣнія, не могла знать; да еслибъ и знала, то не могла бы понять. Всѣ вкусы ея, надежды, желанія, все это рвалось изъ Незвановки куда-нибудь въ Петербургъ, въ Москву, туда, откуда наряды ея выписывались, откуда летѣли по почтѣ романы, и письма, и сплетни... Тамъ для нея была жизнь, настоящая жизнь; а деревня—изгнаніе. Чтобъ *онъ*, ея *cher ami*, ея старый поклонникъ и обожатель, *онъ* свѣтскій, богатый и все еще молодой человѣкъ, чтобъ *онъ* могъ серьезно бѣжать изъ столицы куда-нибудь въ глушь, она не могла себѣ это представить. Чтобъ ему могла нравиться домосѣдка, дикарка, уѣздная барышня, изъ которой никакъ нельзя сдѣлать модную даму... *fi donc! pas si bête!*... Она знаетъ его немножко!.. Она головой отвѣчаетъ, что онъ не такъ простъ.

Гости жили въ Незвановкѣ еще день или два, послѣ чего Левель уѣхалъ въ городъ, по разнымъ дѣламъ, а Лизавета Ивановна съ Машей въ Ручьи. Прощаясь, онъ обѣщалъ навѣстить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ, а Веригина обѣщала, какъ только увидитъ его у себя, тотчасъ дать знать о томъ Усову, съ которымъ, послѣ всего слышаннаго отъ старушки, Левель желалъ увидѣться, чтобы лично поговорить.

Все это устроилось очень скоро, и съ первой же встрѣчи дѣло пошло на ладъ. Добрый, прямой старикъ такъ понравился капитану, что онъ, не задумываясь, предложилъ ему перейти управителемъ въ Троицкое. «Чтокасается до условій, прибавилъ Левель, то они совершенно зависятъ отъ васъ; назначайте ихъ сами; я вамъ обѣщаю, что я ихъ приму.»

Иванъ Кузмичъ, разумѣется, былъ не прочь. Несмотря на свой кроткій нравъ, онъ не ладилъ съ Барковымъ, и это

тянулось ужь очень давно, еще съ осени. Только что новый помѣщикъ остался полнымъ хозяиномъ Жгутова, какъ въ имѣніи началась ломка со всѣхъ концовъ. Старый порядокъ, обычай, съ которыми народъ сжился и къ которому былъ привязанъ, цѣнились ни въ грошъ. Барковъ ихъ и знать не хотѣлъ. У него все заранѣе было высчитано по пальцамъ и расписано по графамъ. Хозяйство должно было двигаться какъ машина, въ которой живой человекъ исчезалъ, становился простымъ колесомъ или цифрой: отъ него ожидали такой же точности, такого же неуклоннаго, равномернаго результата. Все это камнемъ легло на шею бѣднаго старика управляющаго. Не говоря ужь о множествѣ лишнихъ хлопотъ, ему приходилось разыгрывать роль совершенно ему несвойственную. Онъ долженъ былъ требовать того, чего прежде не требовалъ никогда, объяснять чего самъ не понималъ, взыскивать самъ не зная за чтò. Народъ громко ропталъ. Къ веснѣ, пять или шесть человекъ изъ лучшихъ работниковъ оказались въ бѣгахъ. Это слегка озадачило господина Баркова, но не могло образумить его вполнѣ. Въмѣсто того чтобъ отпустить хоть немножко поводья, онъ началъ затагивать ихъ еще туже, сталъ взыскательнѣе, настойчивѣе. Всѣ прошлыя неудачи приписаны были нерадѣнію или упрямству Усова. Непріятности пошла каждый день. Раза два или три, дѣло дошло до того, что бѣдный Иванъ Кузмичъ готовъ былъ все бросить и напрямикъ говорилъ объ этомъ Баркову; но тотъ, не имѣя въ виду постоянно жить въ Жгутовѣ и боясь потерять человека испытанной честности, не рѣшался его отпустить. Все это Усовъ разказывалъ очень подробно, на свой манеръ.

— Ахъ, матушка Лизавета Ивановна! говорилъ онъ въ Ручьяхъ, при Левелѣ и при Марьѣ Васильевнѣ.—Еслибы вы видѣли, что у насъ тамъ творится!... Все сердце переболѣло за нашихъ бѣднягъ-мужиковъ! Расправа идетъ каждый день, а чтò толку?.. Вѣрите, матушка, вотъ двадцать четвертый годъ въ Жгутовѣ, а такого несчастнаго года еще не видалъ! Ужь что-то изъ этого выйдетъ изо всего?... Богъ вѣсть!...—Онъ печально махнулъ рукой.—Не думалъ покойникъ Алексѣй Михайловичъ какъ все повернется по смерти его!... Чай не лежитъ ему теперь въ могилкѣ!...

— У Алексѣя Михайловича не осталось дѣтей? спросилъ Левель.

— Былъ, сударь, одинъ сынокъ.

— А какъ его звали?

— Звали его Григоріемъ Алексѣвичемъ... Добрый былъ баринъ! Да вишь доля то ему выпала несчастливая.

— Какая же это?

Иванъ Кузмичъ поднялъ глаза на Лизавету Ивановну и помолчавъ, отвѣчалъ не охотно:

— Случай такой былъ, сударь. Все въ Божьей волѣ, не вѣдаешь дня, ниже часу въ онъ же Господь посѣтитъ... Ъхалъ отсель въ Питеръ, да недалеко уѣхалъ. Почитай что за самими за Великими, лошади понесли. Опрокинули онъ его что ли тамъ, либо ударили, либо подъ колесо попалъ, кто ихъ вѣдаетъ, только на мѣстѣ духъ вонъ; такъ, мертваго съ полу и подняли...

Левель задумался. Догадка, только что зарождавшаяся, въ его головѣ была сбита съ толку на первомъ шагу. «Пустое! подумалъ онъ самъ про себя. Такъ, просто, случайное сходство именъ.»

— Царство небесное! продолжалъ старичокъ вполголоса, тихо крестясь.—Золотая душа была!... При немъ бы не такъ пошло. Мужички бы не плакались. Самъ бы скорѣе куска не доѣлъ; а рабочій народъ былъ бы сытъ!

Лизавета Ивановна взглянула украдкой на дочь. Маша сидѣла смиренхонько съ какою-то женскою работою въ рукахъ; но руки не шевелились; взоръ неподвижно уставленъ былъ на шитье; ни мысли, ни чувства въ лицѣ: черты его будто замерли. Печать холоднаго отчаянія лежала на нихъ какъ ледтаргическій сонъ. Взглянувъ на нее, посторонній не понялъ бы ничего; но мать понимала. Ей было время понять. Зимомъ, въ длинные вечера, Маша частенько сидѣла при ней съ шитьемъ, такая же тихая, неподвижная, и смотрѣла точь-въ-точь какъ теперь.

III. Суженный.

Въ исходъ юля, Иванъ Кузмичъ Усовъ, послѣ нѣсколькихъ объясненій съ Барковымъ, который старался его удержать, успѣлъ наконецъ отвязаться отъ этого человѣка и перебраться въ Троицкое. Съ прїѣздомъ его, село оживилось. Левель, имѣя такого помощника подъ рукой, принялся за хозяйство смѣлѣе,

усерднѣе, и въ короткое время успѣлъ привести полевые работы въ довольно-исправный видъ. Сдѣлано было что можно, чтобы нагнать упущенное: у сосѣдей закуплены были лошади, скотъ и наняты лишнія руки. Кромѣ того, барскій домъ отдѣлывался весь заново. Изъ города вызвали плотниковъ, печниковъ, столяровъ, маляровъ и проч. Изъ Петербурга выписывалась мебель, обои, матерія для гардинъ, изразцы для печей, заслонки, ручки замковъ, дверной и оконный приборъ. Не почтѣ пріѣхало уже нѣсколько ящиковъ съ книгами. Шубы, бѣлье и платье, посуда, бронза, фарфоръ, зеркала, рояль — вѣхали съ транспортомъ, и ихъ ждали въ самый короткій срокъ. По всему было ясно, что Левель собирается жить въ деревнѣ какъ слѣдуетъ, бариномъ. Сосѣди обрадовались и осыпали его приглашеніями; но онъ отговаривался. Онъ былъ такъ занятъ въ послѣднее время, что рѣдко куда выѣзжалъ. У Кирсановыхъ былъ всего раза два, у Веригиныхъ тоже. Но въ послѣдствіи когда главныя хлопоты по хозяйству успѣли сойти съ рукъ, Левель явился опять въ Ручьяхъ, пробылъ тамъ цѣлый день, и недѣлю спустя повторилъ свое посѣщеніе. Дизавета Ивановна не знала какъ Бога благодарить. Она ожила. Капитанъ сталъ въ глазахъ ея ангеломъ-утѣшителемъ, ниспосланнымъ съ вѣстью надежды и мира. Соображая возможность пристроить за нимъ свою Машу, она чуть не плакала отъ восторга. Маша на первыхъ порахъ, тоже замѣтно повеселѣла; но потомъ, когда гость началъ ѣздить къ нимъ чаще чѣмъ обѣ онѣ ожидали, стала вдругъ какъ-то странно задумчива и дика.

«Что съ вами?» спрашивалъ Левель, стараясь себя объяснить эту быструю перемену; но Маша не отвѣчала ему положительно на вопросъ, и это его удивляло. Онъ ломалъ себя голову, припоминая: не сдѣлалъ ли онъ чего, не сказалъ ли чего, что могло подать поводъ къ неудовольствію; да только нѣтъ, кажется ничего. Послѣ перваго ихъ знакомства въ Незвановкѣ онъ былъ принятъ въ Ручьяхъ очень ласково и успѣлъ подружиться; но сближеніе ихъ шло такъ ровно и гладко, что споткнуться на этомъ пути казалось рѣшительно невозможно. Все, что онъ зналъ о ней и что видѣлъ въ ней, нравилось, привлекало; но влеченіе это не имѣло въ себѣ того опьяняющаго, наркотическаго аромата, который служитъ предвѣстникомъ страстной любви. Въ немъ не было ни томленія, ни порыва... о! нѣтъ! не было ничего похожаго съ его стороны... но съ *ея?*... думалъ онъ, и догадка довольно самолюбивая мелькнула въ его

головѣ... Влюбилась въ него можетъ-быть?... И боится, чтобъ онъ не замѣтилъ?... Бѣдняжка! Думаетъ о своемъ положеніи, о неравенствѣ, объ отсутствіи всякихъ надеждъ... Какъ вѣроятно и вмѣстѣ какъ мило! какъ соблазнительно!... Но къ чему это поведетъ?... Завлекать ее безъ всякой цѣли онъ не намѣренъ. Это такъ низко, что онъ никогда не рѣшится... Разочаровать? Или такъ просто бросить?... Жалко! Но если ни то, ни другое, то что жъ наконецъ? Что можетъ изъ этого выйдти?... Мысль о серьезной развязкѣ явилась ему въ первый разъ, въ отчетливой, явственной формѣ. Чтѣ жъ? думалъ онъ. Дѣло совсѣмъ не такъ глупо, чтобъ о немъ и подумать не стоило. Марья Васильевна имѣетъ всѣ качества, какія нужны для хорошей жены. Она развита на столько, что разница въ умственномъ отношеніи не грозитъ стать помѣхой къ взаимному пониманію; а между тѣмъ не на столько, чтобъ это развитіе могло породить въ ней какія-нибудь заносчивыя претензіи на мысленную самостоятельность. Она дика и застѣнчива, бѣдна и неизбалована, не слишкомъ ловка, не бойка, не находчива... Тѣмъ лучше! Все это служить порукой усидчивости, привязанности къ домашнему кругу, къ сферѣ домашняго мира и уединенія. Наконецъ она такъ чиста и добра и такъ простодушно довѣрчива, что должна вся отдаться, должна привязаться всѣмъ сердцемъ, на вѣкъ, къ тому, кто первый успѣетъ съ нею сблизиться и протянетъ ей руку на вѣчный союзъ; особенно если этотъ первый... (тутъ слѣдовалъ рядъ самолюбивыхъ сравненій между имъ, гвардіи капитаномъ, великодушнымъ помѣщикомъ, львомъ, и молодыми туземцами, которыхъ ему случалось видѣть)... А въ томъ, что онъ первый, Левель нисколько не сомнѣвался. Ея лицо дышало такою невинностью, она была такъ застѣнчива, такъ робка—и такъ молода наконецъ, что когда же ей было?... Она и до сихъ поръ почти ребенокъ!... Далѣе, старый драгунъ былъ правъ; она не красавица, но свѣжа и мила, такъ мила, что...—Эй! кто тамъ? Карпъ! Федоръ! закладывать лошадей! Я ѣду сейчасъ въ Ручьи... ступай, торопи, чтобы все было живо готово; да возьми вонъ тамъ книги отложены, заверни и свяжи; я везу ихъ съ собою...

Книги назначены были, разумѣется, Марьѣ Васильевнѣ, были обѣщаны ей давно и выписаны для нея нарочно, и на первыхъ порахъ, занимали ее воображеніе почти столько же, если не болѣе чѣмъ онъ самъ. Левель ей нравился. Наружность, манеры и разговоръ его нравились, а вниманіе къ ней, очень

двухъ выразенное въ первые дни ихъ знакомства, не могло не быть лестно. Она не привыкла видѣть вокругъ себя ловкихъ, блестящихъ поклонниковъ и принимать ихъ любезность какъ дань. Воспитанная въ глуши, стыдливая, робкая, мало-увѣренная въ себя, она благодарна была отъ чистаго сердца за всякую ласку со стороны человѣка чужаго. Все это занимало ее довольно сильно и заставляло смотрѣть съ удовольствіемъ на его посѣщенія. Она очень не прочь была сблизиться съ петербургскимъ гостемъ и пока еще не было причинъ думать, чтобъ это сближеніе имѣло какую-нибудь дальнѣйшую цѣль съ его стороны, клонилось къ какой-нибудь перемѣнѣ ея судьбы, Маша была спокойна. Но при первомъ наемѣ матери, при первой догадкѣ о смыслѣ этихъ учащенныхъ посѣщеній, сердце ея возмутилось. Она была сильно, глубоко встревожена...

— Маша! Что съ тобой, матушка? Что у тебя вѣрно зубы опять болятъ? спросила у ней Лизавета Ивановна, вечеромъ, когда Левель, сидѣвшій въ Ручьяхъ цѣлый день, уѣхалъ домой.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала вполголоса дочь, протирая глаза рукой.

— Что жъ это ты сегодня такая кислая? Съ Павломъ Петровичемъ такъ невесело, точно какъ нехотя говорила? Что у васъ тамъ? Поссорились, что ли?

— Нѣтъ, маменька, мы не ссорились.

— Что, онъ тебѣ книжки привезъ?

— Да, привезъ.

— Вотъ видишь, мой другъ, какой онъ добрый! Какъ онъ о тебѣ думаетъ!... Надо цѣнить это, Маша; надо быть благодарною.... Христосъ ведетъ даже и злыхъ, ненавидящихъ насъ любить; колыми паче такихъ какъ онъ, милыхъ, добрыхъ людей....

Маша молчала, потупивъ глаза.

— И что за диво такое! Понять не могу. Добро бы въ первый разъ встрѣтились, а то въ Александровъ день будетъ два мѣсяца, что знакомы. И вмѣстѣ гуляли и говорили, и все шло такъ ладно, а тутъ, глядь, словно черная кошка межъ васъ пробѣжала!... Ты и прошедшій разъ съ нимъ какъ-то такъ непривѣтливо обошлась, а сегодня ужъ просто смотрѣть даже больно!... Что тебѣ въ немъ не понравилось что-нибудь? Или замѣтила что, скажи-ка?... Наврали тамъ что-нибудь въ дѣвичьей про него?

— Нѣтъ, ничего.

— А коли ничего, такъ что жь мнѣ прикажешь думать?.. Чтò за капризъ такой, съ чего губы дуешь?... Да ну не плачь, полно!... Эхъ, Маша, пошла опять!... Еслибы ты знала, какъ мнѣ это больно, мой другъ... Маша! Маша! Дружочекъ!... Она обняла и прижала ее къ себѣ.

— Маша, ты выслушай, ты пойми. Вѣдь онъ сюда ѣздить конечно не для меня. Вѣдь это все счастье твое.... Помнишь на Святкахъ гадали? Бубновый король выходилъ.... Подумай, мой другъ, за что жь намъ его отъ дому отгаживать?... Добро бы мизерный, старый какой-нибудь, или такъ себѣ, ни туда, ни сюда, а то вѣдь во всемъ увѣздѣ первѣйшій женихъ. Богатъ, уменъ, молодъ и статный такой, красивый.... иль нѣтъ? Можетъ-статься не приглянулся? Скажи мнѣ по правдѣ, Маша, чтò онъ тебѣ нравится?

— Нравится, отвѣчала она чуть внятно.

— Ну что жь, зачѣмъ дѣло стало? Обошлась бы съ нимъ ласково; показала бь ему какъ-нибудь, что онъ милъ. Неужто такую взрослою дѣвкѣ, какъ ты, всему учить надо? Сама могла бы смекнуть какъ узелъ завязывается.... Ты любишь его?

— Нѣтъ, не люблю.

— Какъ же такъ? Сперва *нравится*, а потомъ *не люблю!* Дуришь ты, Маша, ей Богу, дуришь!

— Маменька, я не могу вамъ всего разказать, чтò я чувствую, отвѣчала ей дочь сквозь слезы.—Языкъ не ворочается.

— Это еще чтò? Чтò за секреты такіе? Ты думаешь, я ничего не знаю? Не такъ-то ужь я глупа, чтобы, видя тебя на глазахъ каждый день, не знать ничего.... Я, мой дружокъ, о тебѣ да о счастьѣ твоемъ только и помышляю. Ты думаешь весело было мнѣ смотрѣть, какъ ты хныкала цѣлую зиму? Эхъ, Маша! Каждая слезка твоя у меня, вотъ тутъ, въ десять разъ отвывается. А ты обо мнѣ думаешь ли когда? Тебѣ мой покой дорогъ ли?

Маша взглянула на мать и начала цѣловать у ней руки.

— Да ну, полно; я вѣрю, я знаю, я только такъ спросила... ты выслушай, чтò я тебѣ скажу. Ты знаешь, я прежде не противъ была.... я *того*.... *того*.... любила его какъ сына, и если бы онъ былъ живъ, я бы не стала тебѣ другаго навязывать. Ну, чтò бы тамъ Богъ ни послалъ впереди, я бы оставила тебя ждать.... Но, чтò дѣлать, дружочекъ? Творцу не угодно было до этого допустить. Онъ иначе рассудилъ. Онъ послалъ и ему,

и всёми намъ другую судьбу. Надо же намъ быть покорными; не надо роптать. Ропотъ на Бога есть смертный грѣхъ.... Подумай, не вѣкъ же тебѣ сидѣть въ дѣвкахъ. Надо дѣлать какъ умные люди дѣлаютъ, а умные люди отъ этого не бѣгутъ, потому—бракъ святое, хорошее дѣло.

Марья Васильевна слушала въ сильномъ волненіи.

— Я не хочу замужъ. Я хочу съ вами жить, сказала она отрывисто.

— Со мной? А если я завтра умру, тогда съ кѣмъ?

Дочка вскочила вся блѣдная; взоръ ея дико сверкнулъ.

— Я пойду въ монастырь.

— Чтò ты, съ ума сошла? Въ двадцать лѣтъ?... Маша, полно дурить! Садись, слушай.... Отчего тебѣ за него не пойдти?

— За кого это?

— Да за Павла Петровича?

— Павелъ Петровичъ на мнѣ не женится. У меня нѣтъ приданаго.

— Вотъ, очень нужно ему приданое! У него своихъ денегъ не перечесть.... Въ пяти губерніяхъ села!... Душъ тысячи полторы наберется.

— Я вамъ говорю, онъ не женится... Съ чего вы это взяли?... Чтò, онъ вамъ сказалъ развѣ что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ; но онъ ѣздитъ сюда для тебя и, какъ кажется, очень тебя полюбилъ.

— Онъ — такъ.... шутить. Что ему до меня? Да и мнѣ чтò?... Пусть онъ меня въ покоѣ оставитъ. Я ему не пара и я его не люблю.

— Да за что же его не любить? Умный такой, хорошій!...

— Нельзя же всѣхъ умныхъ любить!

— Но ты сама говорила, что онъ тебѣ нравится.

— Да, нравится. Ну такъ что жъ? Ну и пусть себя нравится. Мало ли кто кому нравится, да изъ этого ничего не выходитъ. Я его не люблю, я васъ больше люблю; наше село, нашъ домъ больше люблю; не хочу никуда прочь! Хочу съ вами жить!...

— Маша, мой другъ, вѣдь Троицкое не за горами.

— Онъ не станетъ жить въ Троицкомъ. Онъ увезетъ меня въ Петербургъ, къ чужимъ людямъ, которыхъ я не люблю и которые меня не будутъ любить; будутъ смѣяться надо мной.... Онъ самъ будетъ смѣяться.... разлюбить, забросить.... а васъ тамъ не будетъ; я буду одна! Буду плакать съ утра до вечера!...

— Эка вздору-то, вздору-то въ головѣ! Отцы небесные! Дѣвка совсѣмъ съ ума спятила!... Маша! Да полно вертѣться какъ угорѣлая. Присядь сюда, выслушай до конца.... Я мать твоя; я тебя воспитала, любила. Неужли, ты думаешь, я тебѣ зла хочу? Еслибъ я думала, что изъ этого худо выйдетъ, что ты съ нимъ не будешь жить счастливо, неужли я стала бы тебя уговаривать?... Мнѣ не деньги, не села его нужны; Богъ съ ними! Мнѣ твой покой дороже всего на свѣтѣ!... Чего ты боишься такъ Петербурга, чужихъ людей? Не захочешь жить тамъ, будешь здѣсь жить. Я тебѣ это говорю, я это знаю. Онъ самъ собирается выйти въ отставку и поселиться здѣсь въ Троицкомъ.... Что головой-то качаешь? Не вѣришь?... Ну, можешь сама у него спросить. Дѣло не къ спѣху. Не подъ вѣнецъ везуть! Не съ ножомъ къ горлу дѣвуть: скажи да или мѣжь, сейчасъ, сразу!... Успѣешь сама еще обо всемъ хорошенько подумать. Успѣешь узнать его лучше чѣмъ знаешь теперь, и если потомъ не захочешь, если ужъ онъ тебѣ вовсе не милъ будетъ, я тебя не неволю. Я только прошу: не дурачься, не дѣлай глупостей попустому. Обидѣть хорошаго человѣка ни за чтѣ ни про чтѣ, испортить все дѣло не долго; да только чтобы послѣ самой не жалѣть!...

Долго еще ворчала старушка, раскладывая пасьянсъ; а дочь слушала, прислоняясь къ ея плечу, и думала крѣпкую думу. У ней не было ясно-сознанной, твердо-опредѣленной воли; да едва ли и быть могло. Проживъ отшельницей первые годы молодости, она не имѣла почти никакого понятія ни о томъ, чтѣ ее ожидаетъ, въ случаѣ если желанія ея матеря сбудутся, ни о томъ, чтѣ она потеряетъ въ случаѣ если они разрѣшатся ничѣмъ. Левель ей нравился, и она не желала его огорчить, не желала съ нимъ вовсе разстаться. Напротивъ, ей очень хотѣлось, чтобы онъ у нихъ былъ также часто и чтобы все оставалось попрежнему, но не далѣе этого. Все чтѣ лежало за этой чертой или предвидѣлось какъ возможное впереди: предложеніе, бракъ, вѣчная связь съ человѣкомъ, котораго она такъ недавно еще узнала, все это казалось ей странно, пугало ее.... пугало и вмѣстѣ интересовало; дразнило ея любопытство, льстило ея самолюбію; а между тѣмъ въ сердцѣ тревога, горе, тоска Прoшедшаго жаль; такъ жаль, что и разказать невозможно. Такъ, какъ она любила разъ одного, такъ она уже не въ силахъ любить другаго; а между тѣмъ отъ нея будутъ ждать любви.... Прoшедшаго не воротишь, конечно; но и забыть его невозмо-

жно. Помириться съ своей потерей, самой приложить свое слово и дѣло къ тому приговору судьбы, который такъ страшно ее оскорбилъ, на это у ней не хватало духу.... Теперь? Такъ скоро?... Слезы еще не успѣли просохнуть у ней на глазахъ; а отъ нея уже ждуть, чтобъ она, вся какъ есть, отдалась другому! Это безсовѣстно, оскорбительно для живаго и мертваго! Это обманъ! Потому что сказать ему, какъ я любила другаго, какъ я люблю его до сихъ поръ?... Ни за что!... Какое право имѣеть онъ знать? Никто не имѣеть права... Это мое сокровище, моя тайна, которую я берегу какъ святыню! Я сгорю отъ стыда.... языкъ не повернется во рту.... Одна мать знаетъ объ этомъ; но мать сама видѣла и сама поняла; я ей ни слова объ этомъ не говорила, да она и не требовала.... Какое же право имѣеть она требовать?... Онъ!.. Маша вдругъ вспыхнула и закрыла руками лицо. На этомъ вопросѣ, она поймала себя въ маленькой, мысленной неустойкѣ. Чтобы сдѣлать его, надо было представить себя на минуту женой или по крайней мѣрѣ невѣстой Левеля, и она это сдѣлала безсознательно, совершенно невольно. Она допустила возможность!... Она?... О! Какъ низко! Какъ подло съ ея стороны!.. Неужели она сдается, измѣнить когда-нибудь?... Нѣтъ, прочь эта гадкая мысль! Никогда! Никогда! И вотъ она твердо рѣшилась, дала себѣ слово, первый разъ что увидится съ нимъ, обойдется съ нимъ такъ холодно.... или нѣтъ, это не хорошо. Зачѣмъ обижать человѣка? Онъ развѣ въ чемъ-нибудь виноватъ? Лучше просто ему сказать, такъ, какъ-нибудь къ слову приплестъ, дать понять, намекнуть мимоходомъ, что она не намѣрена выходить замужъ ни за кого.... и что тотъ, кто бы вздумалъ надѣяться.... тотъ.... Ну, тотъ бы просто ошибся, жестоко ошибся!.. Воображаю какъ онъ удивится. Онъ станетъ навѣрно спрашивать, захочетъ узнать отчего.... А я?... Чтѣя буду ему отвѣчать? Я умру со стыда!..

Долго она ломала голову, обдумывая и придумывая; а между тѣмъ, день за днемъ уходилъ. Прошла недѣля. Она ожидала его во вторникъ; но онъ не пріѣхалъ во вторникъ.... Ух! Слава Богу! Она такъ боялась.... Руки у ней тряслись, лихорадка ее колотила все утро при мысли о томъ какъ сойдетъ съ рукъ ея объясненіе. Прошелъ еще день, еще два дня, и три и четыре; а все его нѣтъ. Маша изъ силъ выбилась отъ волненія и тревоги. Мало-по-малу усталость взяла свое. Чего ждать? Чего беспокоиться? Онъ и не думаетъ обо мнѣ; а я тутъ какъ

на угольяхъ.... Смѣшно!... Съ чего это въ голову мнѣ пришло? Да и маменькѣ тоже!... Мы обѣ встревожились попустому.

Левель, тѣмъ временемъ, самъ былъ не слишкомъ спокоенъ. Робость, волненіе и задумчивость, которыя онъ замѣтилъ въ послѣдній разъ, утвердили его окончательно въ томъ убѣжденіи, что онъ любимъ.... Странно! думалъ онъ. Какъ это вдругъ повернуло къ серіозному! Мѣсяца два тому назадъ, мѣсяца даже, кто могъ предвидѣть? Кто могъ предсказать?... И теперь какъ звать чѣмъ это кончится?... Надѣ рѣшиться на что-нибудь вовремя, а то случай пожалуй захватитъ врасплохъ. Но рѣшиться такъ, сразу,—не будетъ ли опрометчиво? Не съѣздитъ ли еще разъ сперва, такъ, посмотрѣть, убѣдиться, взвѣснить?... Два раза онъ ужъ совсѣмъ готовъ былъ ѣхать въ Ручьи; разъ даже дрожки были заложены; но каждый разъ что-то удерживало, что-то шептало, что онъ стоитъ наканунѣ серіознаго, важнаго шага въ жизни. Вотъ случай воспользоваться всѣмъ опытомъ свѣтской жизни, ввести всѣ резервы въ дѣло. Вотъ когда нужно собрать всю силу разсудка, всю твердость характера и ясно, спокойно поставить вопросъ, спокойно его разрѣшить. Но.... что за чорты! Чгд это значить? Только что сберется онъ съ мыслями, какъ это лицо, этотъ станъ, гололъ ворвутся насильно въ верховный совѣтъ и все перепутаютъ!... Ужъ не влюбился ли онъ, чего Боже упаси?... Нѣтъ, это вадоръ! Это такъ, глупое сердце шалить. Нельзя же его заставить совсѣмъ молчать.... Да, сердце вмѣшалось въ игру и съ привычнымъ лукавствомъ гнетъ потихоньку, изъ-подъ руки, въ свою сторону. Но онъ бывалый игрокъ; онъ видитъ всѣ плутни насквозь и не позволяетъ себя провести.

Левель думалъ, думалъ и наконецъ поѣхалъ таки въ Ручьи. Старушка встрѣтила его выговоромъ: зачѣмъ не былъ у нихъ такъ долго? А онъ его ждали. Маша ждала каждый день. Она все книжки ваши читаетъ. Она, бѣдная, нездорова была эти дни, да и теперь еще не совсѣмъ поправилась.

Мама долго не появлялась; наконецъ вышла. Она показалась ему блѣднѣе обыкновеннаго. Въ глазахъ какая-то томность, усталость. Рука, которую она протянула, была холодна какъ ледъ. Когда онъ пожалъ ее, легкая дрожь пробѣжала по ней отъ ладони къ плечу.

Разговоръ не клеился; но Лизавета Ивановна была умная мать. Она понимала роль третьяго, который желаетъ, чтобы дѣ-

до пошло на ладъ, и выбравъ удобный предлогъ, ушла по хоз-
зяйству куда-то; а Левель и Маша остались вдвоемъ.

— Маменька говорила, что вы не совсѣмъ здоровы? спросилъ онъ послѣ короткаго промежутка молчанія.

— Да, у меня голова болѣла всѣ эти дни.

— Только-то? Знаете, глядя на васъ, можно подумать, что вы серьезно больны.

— Развѣ я такъ измѣнилась?

— Да; вы блѣдны, но дѣло не въ томъ: я говорю о пере-
мѣнѣ другаго рода. Въ первое время нашего знакомства, вы бы-
ли доступныѣе, веселѣе; а теперь.... Впрочемъ это не въ пер-
вый разъ.... Помните, съ мѣсяцъ тому назадъ, я у васъ спра-
шивалъ о причинѣ вашей задумчивости?.. Но вы не хотѣли
сказать....

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза. Она опустила ихъ и закрыла
руками лицо.

— Марья Васильевна! чтѣ съ вами? ради Бога, скажите мнѣ
откровенно... или, можетъ-быть, эти вопросы не нравятся
вамъ? Можетъ-быть, я не долженъ ихъ дѣлать? Въ такомъ
случаѣ, одно слово, и я молчу.

— Извините меня, прошептала она чуть внятно.—Я нездо-
рова... сама не знаю чтѣ со мной дѣлается.

— Скажите, по крайней мѣрѣ... Я... простите, что я говорю
о себѣ такъ некстати. Но меня огорчаетъ мысль, что можетъ-
быть я невольно, какимъ-нибудь косвеннымъ, неизвѣстнымъ
мнѣ образомъ, подалъ поводъ къ неудовольствію... сказалъ или
сдѣлалъ что-нибудь непріятное?

— Ахъ, нѣтъ! Павелъ Петровичъ, отвѣчала она вся вспых-
нувъ.—Вы въ этомъ невиноваты.

«Неправда!» подумалъ Левель, и въ сердцѣ его эхо ликую-
щаго самолюбія повторило: *неправда*.

— Послушайте, началъ онъ, подвигаясь къ ней ближе.—Я
вѣрю, что вы не считаете меня виноватымъ; но я могъ повре-
дить вамъ безъ умысла, непримѣтно для васъ... Вы жили
здѣсь, какъ отшельница вдвоемъ съ вашею матушкой. Въ
стѣнахъ этого домика, ваши дни проходили какъ въ кельѣ.
Шумъ большихъ городовъ, отголоски житейскаго моря, кар-
тины его суеты и блеска, его волненій и бурь не смущали
вашъ сонъ. Скажите: мои рассказы о петербургской жизни
можетъ-быть были поводомъ къ ссорѣ съ міромъ действительности,
васъ окружающей, къ стремленію за черту ея;

потому что конечно, въ ваши года, того блѣднаго наслажденія жизнию, которое можетъ доставить разказъ, для сердца мало. Оно требуетъ болѣе положительной пищи, требуетъ можетъ быть того, чего ни мой разговоръ, ни книги не могутъ вамъ дать?..

Она вздохнула.

— Марья Васильевна!... Онъ подвинулся еще ближе и тихо, почтительно взялъ ее за руку.—Помните первую нашу встрѣчу въ Незвановкѣ и тѣ слова, которыя вы мнѣ сказали въ саду, у калитки? Вы сказали, что вы не ждете и не желаете новаго; что вы не привыкли къ нему и боитесь его, потому что оно часто бываетъ нехорошо... Признайтесь же мнѣ откровенно, какъ другу... съ тѣхъ поръ, вашъ взглядъ на *новое*, то-есть на всякую переиъну въ жизни, не измѣнился ли?

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала она вздохнувъ.—То, что вы говорили о Петербургѣ и свѣтской жизни было конечно ново для меня и очень интересно, но признаюсь, не дало мнѣ охоты самой испытать эту жизнь. Напротивъ, вы еще болѣе оправдали мой страхъ... Я не желала бы жить между такими людьми. Я люблю мою келью, какъ вы ее называете, и эту тихую жизнь, которую мы здѣсь ведемъ. Какъ ни скучна она бываетъ подчасъ, но право, мнѣ кажется, я никогда не рѣшилась бы ее промѣнять на тотъ рынокъ, который вы мнѣ описали.

— Какъ! неужли вы не думаете никогда объ удовольствіи провести вечеръ въ театрѣ или гдѣ-нибудь на большомъ, веселомъ балѣ?

Она задумалась.

— Хорошій театръ я бы желала увидѣть, отвѣчала она.—Но балы... вы сами мнѣ говорили, что балы въ Петербургѣ не веселы. Да еслибъ и были веселы, знаете, Павелъ Петровичъ, я вамъ признаюсь... большой, шумный балъ меня какъ-то пугаетъ... Мнѣ, кажется, было бы такъ неловко и странно увидѣть себя вдругъ среди большого собранія... у меня голова пошла бы кругомъ... къ тому же, страшно даже подумать, какъ все это было бы тяжело для маменьки въ ея лѣта.

— Но развѣ вы думаете весь вѣкъ провести возлѣ маменьки? Когда-нибудь можетъ придти пора, что вы должны будете ее оставить.

— Я не желала бы этого, ни для нея, ни для себя.

— Но можетъ-быть она желала бы этого для васъ.

Маша застѣнчиво опустила глаза и не отвѣчала ни слова. Оба молчали съ минуту.

— Я понимаю вашу привязанность къ сельскому, тихому образу жизни, продолжалъ Левель,—и сочувствую вамъ вполне. Но неужли вы хотите, чтобъ эта жизнь не имѣла движенія, чтобы все въ ней дремало, не обновляясь, не измѣняясь, въ томъ видѣ, какой все имѣетъ теперь? Знаете, Марья Васильевна, еслибъ вы сами стали меня увѣрять, я бы вамъ не повѣрилъ. Я бы подумалъ скорѣе, что вы ошибаетесь, сами себя обманываете... Вы такъ молоды! Можетъ ли быть, чтобы въ ваши года, уединенная жизнь, вдвоемъ съ вашею матушкой или съ кѣмъ-нибудь изъ родныхъ, была единственною цѣлью всѣхъ вашихъ мечтаній, надеждъ? Неужли вамъ и въ голову никогда не приходила мысль о возможности полюбить кого-нибудь другимъ чувствомъ и быть любимой взаимно, выйти замужъ, увидѣть новыя лица въ вашемъ семейномъ кругу?

Говоря это, Левель смотрѣлъ ей въ лицо и не могъ не замѣтить, какое глубокое впечатлѣнiе производили его слова. Она отворачивалась, слезы навертывались у ней на глазахъ. Раза два она подняла голову, какъ будто собираясь ему отвѣчать, но онъ ждалъ напрасно. Отвѣта не было, она закрывала руками лицо, руки дрожали. Жалость его взяла: всѣ совѣты благоразумія, вся привычная осторожность готовы были умолкнуть при видѣ нѣмыхъ страданій этого молодого, нѣжнаго существа, при мысли о мнимой причинѣ ихъ.

— Марья Васильевна, выслушайте! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Маша вскочила съ явнымъ намѣреніемъ уйти, но онъ удержалъ ее за руки.—Останьтесь, я васъ прошу. Одну минуту... Выслушайте! просилъ онъ.—Скажите, а въ вашихъ глазахъ несносный, навязчивый человекъ? Я не стою довѣрія?

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала она.—Но за что вы меня такъ мучите?.. Вы видите, я нездорова, разстроена... Ради Бога! Не обращайтесь вниманія, не спрашивайте!.. Я не могу вамъ сказать всего!

— Не хотите?

— *Не могу!* повторила она рѣшительнѣе и громче. Нота отчаянія слышна была въ ея голосѣ.

— Марья Васильевна! Неужли надо много и долго говорить, чтобы сдѣлать понятными очень простыя вещи, такія вещи,

которыя часто бываютъ ясны и безъ словъ?.. Неужли вы не видите что привлекаетъ меня сюда такъ часто, и какого рода надежды даютъ мнѣ право ждать съ вашей стороны отвѣта болѣе откровеннаго?.. Я готовъ сказать болѣе, если хотите... но... хотите ли вы? Она была внѣ себя. Голова у нея кружилась.

— Не теперя!.. Ради самого Бога! когда-нибудь... послѣ!..

— Вы не любите меня?

Маша хотѣла сказать что-то, но нервы ея не выдержали. Она отвернулась и зарыдала: Левель былъ такъ пораженъ, что пустилъ ея руки, и въ ту же минуту она исчезла изъ комнаты.

Въ этотъ день, между ними, не сказано было ни слова болѣе. Онъ былъ озадаченъ, взволнованъ; она такъ разстроена, что не вышла къ обѣду. Тотчасъ послѣ обѣда, Левель уѣхалъ домой и думалъ, думалъ усиленно цѣлый вечеръ. Слезы его удавили и тронули, но убѣжденіе, что онъ крѣпко любимъ, одву минуту, казалось готовое пошатнуться, скоро оправилось отъ толчка и осталось во всей своей силѣ. Впрочемъ, онъ не приписывалъ этому факту особенной важности. Что нужды, еслибъ и любила робко, безъ увлеченія? Времени много еще впереди. Страсть послѣ успѣвъ придетъ, думалъ онъ. Она совершенный ребенокъ. У ней еще нѣтъ ничего сложившагося, опредѣленнаго. Сердце у ней какъ воскъ. Онъ можетъ дать ему какую угодно форму, направить куда ему вздумается; можетъ съ ума свести отъ любви, если захочетъ, но такой глупости онъ не сдѣлаетъ... Ему нужна кроткая, преданная жена, а не бѣшеная любовница... По правдѣ сказать, онъ думалъ гораздо болѣе о себѣ, чѣмъ о ней. Онъ старательно взвѣшивалъ сдѣланный шагъ и обдумывалъ всѣ возможныя его послѣдствія во всѣ стороны. Онъ зашелъ далеко, но не такъ еще, чтобъ нельзя было свернуть въ сторону и пройти мимо. Правда, еслибъ она отвѣчала *да*, дѣла могли бы прийти къ развязкѣ ранѣе чѣмъ онъ полагалъ, потому что нельзя не сознаться, онъ былъ увлеченъ, поступилъ необдуманно, опрометчиво... но судьба ему покровительствуетъ. Она дастъ ему срокъ подумать еще разъ, прежде чѣмъ онъ окончательно выберетъ путь.

Срокъ этотъ длился. А въ Ручьяхъ между тѣмъ шли печальные дни. Въ тотъ же вечеръ, Лизавета Ивановна узнала все, что ей нужно было узнать, въ качествѣ доброй, заботли-

вой матери. Въ одномъ Маша призналась ей съ перваго слова, остальное она угадала. Пошли выговоры, упреки, слезы.

— Чего еще ждешь? говорила старушка, раскладывая свой пасьянсъ.—Что думаешь? женихи-то, какъ жаворонки, будутъ къ тебѣ каждый годъ прилетать? Станутъ упрашивать, кланяться: Марья Васильевна! будьте милостивы! выберите! осчастливьте!.. Или думаешь, онъ станетъ ждать? Не станётъ; я тебѣ говорю. Я это дѣло знаю, какъ оно у нихъ дѣлается. Плюнетъ, да и найдетъ себѣ какую-нибудь другую, умнѣ тебя... А ты тутъ сиди у моря, да погоды жди. Досидишься до той поры, что въ старыя дѣвки запишутъ... Весело будетъ! нечего горорить! И ужь мнѣ-то какъ весело! Мнѣ-то какъ!..—Старушка утерла слезы и понюхала табаку.—Ты меня въ гробъ сведешь, Маша!..

И какъ будто нарочно, чтобы доказать возможность этой печальной развязки, Лизавета Ивановна, дня черезъ два, захворала.

Маша была перепугана въ высшей степени. Она плакала и молилась по цѣлымъ часамъ. Страхъ, что мать ея вдругъ умретъ и что она будетъ ея убійца, что у ней на душѣ останется вѣчный упрекъ, сталъ преслѣдовать ее неотступно. Ночью и днемъ, во снѣ, наяву, черныя мысли закрадывались къ ней въ душу и не давали ей ни минуты покоя. Кончина, гробъ, похороны мерещились ей, и потомъ она одна въ домѣ, одна съ своею совѣстью, да съ своею невозвратною потерей... Бѣдняжка такъ похудѣла и такъ измѣнилась въ послѣдніе дни, что старый Иванъ Кузьмичъ, который, узнавъ о болѣзни Лизаветы Ивановны, пріѣхалъ ихъ навѣстить, увидѣвъ ее, просто ахнулъ.

— Матушка Марья Васильевна! Что съ вами?.. Что вы, здоровы ли?

— Ничего, Иванъ Кузьмичъ; я такъ... худо спала... и она, отвернувшись, стала тереть глаза.

— Павелъ Петровичъ вамъ кланяется, продолжалъ тотъ.

— А?.. Благодарю васъ, Иванъ Кузьмичъ... Ну что онъ... что вы окончили теперь перестройки? спросила она разсѣянно.

— Кончили, сударыня, кончили нынче совѣтъ; и ужь какъ у насъ хорошо теперь стало, просто сказать нельзя!.. Барскій-то домъ какъ игрушечка! Мебель вся новая; бронза, обои; парк—парке, блеститъ словно зеркало! Словно какъ во дворцѣ

какомъ, такъ разукрашено!.. Пусто только, я Павлу Петровичу говорю. Что жь, говорю, ваше высокоблагородіе, хоть бы гостей теперъ пригласили на новоселье. Пусть бы хоть кто похвалилъ насъ за наши труды... А онъ и рукой махнулъ. Такой нынче, Богъ съ нимъ, сталъ скучный, печальный. Ходитъ по комнатамъ, заложивъ руки за спину, да все думаетъ, думаетъ крѣпко о чемъ-то. Слова другой разъ отъ нихъ не услышишь весь день. Я ему говорю: скучновато у насъ, сударь, осенью, не то что у васъ въ Питерѣ. Вамъ не въ привычку деревня. Поѣхали бы хоть въ гости къ кому-нибудь. Вотъ онъ и поѣхалъ въ Незвановку.

— Въ Незвановку? повторила Маша.

— Да-съ, къ Василью Михайловичу да къ Клеопатрѣ Ивановнѣ.

— А Павелъ Петровичъ знаетъ, что маменька нездорова?

— Какъ же, сударыня. Я имъ сказывала. Онъ какъ узналъ, сейчасъ хотѣлъ ѣхать въ Ручьи, да потомъ, ужъ не знаю, чтó тамъ у нихъ, дѣло что ли какое на умъ пришло или другая помѣха, только раздумалъ. Вы побъжайте, говорить, скажите, что я васъ просилъ о здоровьѣ узнать и что я кланяюсь... очень кланяюсь... Книжки прислалъ вамъ, сударыня.

— Ахъ, Иванъ Кузьмичъ, мнѣ теперъ не до книжекъ... впрочемъ, скажите Павлу Петровичу, что я его очень благодарю.

Вечеромъ, когда Усовъ уѣхалъ, она пошла къ себѣ въ комнату и долго молилась въ слезахъ передъ образомъ Божіей Матери; потомъ встала, отерла слезы и вышла въ столовую, гдѣ Лизавета Ивановна, сильно-уставшая послѣ вечерняго разговора съ гостемъ, дремала въ большихъ, старомодныхъ креслахъ, закутанная и обложенная подушками. На маленькомъ столикѣ, возлѣ, лежали ея очки, табатерка, платокъ, стояла свѣча съ абажуромъ и банка съ лѣкарствомъ. Маша подкралась и долго стояла съ любовью, склоняя свою молодую голову надъ блѣднымъ лицомъ больной. Несмотря на всю разницу лѣтъ, ихъ лица въ эту минуту особенно имѣли какое-то сходство. Такая же блѣдность и то же спокойствіе, насильственно-вынужденное усталостію, и притомъ двѣ или три родственныя черты. У дочери, несмотря на горячій, почти золотой цвѣтъ волосъ, были точно такія же брови, почти столь же темныя и не менѣе явственно-обозначенныя, и рѣсницы такія же длинныя, и легкая, нѣжная, едва оттѣненная складка между бровями, у Маши въ иную минуту совсѣмъ непримѣт-

ная, а въ другую—неуловимо-мѣнявшая свой изгибъ, теперь была неподвижна и шла по такому же направленію, какое имѣла единственная морщинка на лбу Лизаветы Ивановны, и придавала ей тотъ же задумчиво-озабоченный, вопросительный видъ.

— Маша! шепнула больная, открывъ глаза.—Ты давно здѣсь?..
Который часъ?

— Сейчасъ било десять.

— Поди-ка ложись, мой другъ; пора тебѣ спать.

— А вы, маменька?

— Я уже выспалась и теперь не скоро засну. Пошли ко мнѣ Таньку, а сама иди съ Богомъ.

— Я посижу лучше съ вами... Мнѣ тоже не хочется спать...
Мнѣ хотѣлось бы съ вами поговорить...

Лизавета Ивановна посмотрѣла на нее пристально.

— О чемъ это? спросила она съ тревожнымъ взоромъ.

— Такъ... я объ этомъ... Я много думала въ эти дни и рѣшилась... исполнить ваше желаніе. Я согласна, я сдѣлаю то, чего вы хотите.

Больная вздрогнула.

— Что это? Что ты сдѣлаешь? Что..

— Я выйду за Павла Петровича, если онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе.

Лизавета Ивановна вспыхнула, и глаза у ней заблестали.

— Маша, ангелъ мой! сказала она, вдругъ поднявшись съ подушки и протягивая къ ней объ руки.—Богъ тебя награди, какую радость ты сдѣлала для меня сегодня! А я-то, я-то ужъ я не думала...

Старушка взяла ее за голову и, прижавши къ себѣ, начала горячо цѣловать. Слезы ручьями текли у ней по лицу, которое вдругъ покрылось румянцемъ.

Онѣ сидѣли до поздней ночи вдвоемъ и говорили безъ умолку. На другой день, поутру, призвали попа и отслужили молебень. Больная по этому случаю встала; ей было гораздо лучше. Маша не отходила отъ нея цѣлый день. Она не могла насмотрѣться на мать, которая стала ей вдвое дороже съ тѣхъ поръ, какъ она принесла ей такую жертву. Самая жертва казалась не такъ уже тяжела. Она думала о томъ, какой добрый этотъ Павелъ Петровичъ и какъ это благородно съ его стороны выдать дѣвушку безъ приданого, не выдавшую свѣта, неловкую, неизвѣстную деревенскую барышню, тогда какъ онъ могъ, раз-

умѣется, выбрать между самыми знатными и блестящими. Вѣрно онъ очень ее полюбилъ, иначе какъ могъ бы онъ ее предпочесть? И потомъ она думала: какъ убраны комнаты въ Троицкомъ? Вѣрно ужь очень хорошо... И какое она сошьетъ себѣ платье къ вѣнцу? Конечно такое, чтобы Клеопатра Ивановна не стала критиковать... Клеопатра Ивановна вѣрно будетъ у ней посаженная мать... Маша думала и порой усмѣхалась приятно; но внутри, подъ этою усмѣшкой, сердце щемило, щемило безъ отдыха; а когда становилось не въ мочь, она убѣгала къ себѣ за ширмы и, спрятавъ лицо въ подушку, плакала потихоньку.

Покуда дѣла принимали такой оборотъ въ Ручьяхъ, Левель гостилъ у Кирсановыхъ. Василий Михайлычъ и Клеопатра Ивановна успѣли уже давно провѣдать о частыхъ его повѣздахъ въ Ручьи. Первый не могъ себѣ представить, чтобы изъ этого вышло что-нибудь. Такъ,—думалъ,—донъ-жуанить отъ скуки какъ всѣ петербургскіе; хочеть потѣшиться на дешевую;—и онъ положилъ сперва посмѣяться надъ нимъ хорошенько, а послѣ усовестить.

— Чтò вы Онѣгина тутъ хотите разыгрывать, капитанъ? говорилъ онъ ему при женѣ.—Барышень нашихъ съ ума сводить собираетесь?... Смотрите, сами не попадитесь на удочку! А ужь какъ бы я этого желалъ! То-то бы славно! То-то была бы потѣха! Хо, хо! Сударь мой, хо, хо, хо!

Но капитанъ былъ тертый, обстрѣлянный человекъ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушивалъ онъ всѣ шутки, намеки, предостереженія, и только посмѣивался порой, да покручивалъ свои щегольскіе усы.

— Не доймешь! жаловался Василий Михайлычъ, ужь послѣ его отъѣзда, женѣ.—Шельма этакая! Того и гляди бѣдъ надѣлаетъ!... Жаль мнѣ бѣдняжку Марью Васильевну!

Клеопатра Ивановна усмѣхнулась довольно кисло. Съ женскимъ инстинктомъ, угадывая гораздо вѣрнѣе чѣмъ мужъ, она успѣла наединѣ допросить своего старого обожателя и доби-лась до полупризнанія.

— Вы часто бываете у Веригиныхъ? спросила она съ усмѣшкой, смотря ему прямо въ глаза.

— Да, отвѣчалъ капитанъ. — По здѣшнему, будетъ пожалуй и часто; но я не привыкъ мѣрить время по-деревенски. Я вѣзжу къ нимъ такъ, какъ вѣдилъ бы въ Петербургъ ко всякимъ знакомымъ.

— Однакоже, чаще чѣмъ къ намъ?

— Можетъ-быть; я не считалаъ.

— Скажите мнѣ правду: вамъ очень нравится Марья Васильевна?

— Да, нравится.

— Очень?

Онъ усмѣхнулся.

— Положимъ, что я сказалъ бы *очень*; къ чему это васъ поведеть?

— Къ тому чтобы пожелать вамъ успѣха.

— Въ чемъ?

— О! Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ надо это сказать? Вы сами не знаете?—и она опять пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— Признайтесь ужъ лучше теперь, продолжала она.—Это по крайней мѣрѣ зачтется въ заслугу. А то послѣ, когда всѣ будутъ знать, съ какими глазами вы мнѣ объявите? Ну, попросту, прямо: вы женитесь?

Капитанъ засмѣялся.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— А я знаю.

— Если вы знаете больше меня, то я съ вами не стану спорить.

— Да ну, полноте! Признавайтесь скорѣй!

— Не въ чемъ, Клеопатра Ивановна.

— Вы лжете?

— Если вы мнѣ не вѣрите, когда я говорю *лгать*, то вы и *да* моему не повѣрите. Что жъ изъ того, что я скажу *да*; развѣ я не могу точно также солгать?

— Можете; но зачѣмъ? Скажите мнѣ лучше правду.

— Ну, хорошо; положимъ, что я собираюсь жениться и положимъ, что это правда. Чтò бы вы сказали?

Клеопатра Ивановна закусила губы.

— Я бы васъ поздравила, отвѣчала она.

— Только то? А я думала, что вы мнѣ хотите дать добрый совѣтъ.

— Я не люблю давать совѣтовъ тому, кто ихъ не спрашиваетъ..... А впрочемъ, прибавила она усмѣхаясь,—женитесь; я вамъ совѣтую; но женитесь подумавши.

— *Все, что ни дѣлаешь, дѣлай подумавши и старайся предвидѣть конецъ*; не такъ ли? спросилъ онъ шутя.

— Вотъ именно такъ.

— Благодарю васъ за этотъ совѣтъ; онъ какъ нельзя лучше идетъ къ дѣлу. Но, вотъ видите ли, тутъ есть другого рода вопросъ. Жениться я собираюсь, это вы уже знаете; но спрашивается *на комъ?*

— На Марьѣ Васильевнѣ, разумѣется, отвѣчала она смѣясь.

— Вы мнѣ совѣтуете?

— Я ничего не совѣтую; это ужь ваше дѣло. Я думала, что вы ужь рѣшились.

— Я хочу знать ваше мнѣніе.

— На что оно вамъ, если вы ужь рѣшились?

— Но если я не рѣшился?

— Въ такомъ случаѣ, совѣтую вамъ подумать и хорошенько подумать. Марья Васильевна дѣвушка очень милая; *но.....* и она начала опять сызнава объяснять ему то, о чемъ разъ у нихъ былъ уже разговоръ.

Левель выслушалъ все терпѣливо, внимательно, и когда она кончила, очень почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Знаете, Клеопатра Ивановна, отвѣчалъ онъ:—я, можетъ-статься, рискую потерять сильно въ вашихъ глазахъ; но я долженъ сказать вамъ правду..... Именно такую-то женщину мнѣ и нужно.

— Какъ такъ? она широко открыла глаза.

— Не удивляйтесь, послушайте. Вы сами со мной согласитесь сейчасъ..... Онъ объяснилъ ей въ короткихъ словахъ какъ надоѣла ему столица и служба и что онъ хочетъ выйти въ отставку и какой образъ жизни намѣренъ вести съ этихъ поръ. А между тѣмъ, я не монахъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь, и не чувствую въ себѣ ни малѣйшей способности жить монахомъ. Пустыя комнаты, полное одиночество наводятъ на меня страшный сплинъ. Мнѣ нужна женщина, другъ, которая жила бы со мной и любила меня и заботилась обо мнѣ. Рѣшите же сами теперь: умно ли я сдѣлаю, если возьму такую, которая будетъ имѣть, пожалуй, сто тысячъ достоинствъ, будетъ умна и мила и ловка, и прекрасно воспитана; но будетъ скучать со мною въ деревнѣ? А? Какъ вы думаете, Клеопатра Ивановна?

Клеопатра Ивановна усмѣхнулась довольно кисло. «Фи! Какой онъ сталъ нынче! Вотъ ужь не ожидала! подумала она про себя.»

— Да! Разумѣется! отвѣчала она нараспѣвъ. — Но я не берусь совѣтовать; потому что я вижу вы знаете лучше меня, что вамъ нужно. А я, повѣрьте Польша, я желаю вамъ счастья

отъ всей души и буду любить вашу будущую жену, кто бы она ни была.

Возвратясь въ село, Левель позвалъ себѣ Усова и долго разспрашивалъ; но тотъ могъ сообщить только то, что самъ видѣлъ. Лизавета Ивановна нездорова, лежитъ; болѣзнь прежняя: въ лѣвомъ боку и подъ сердцемъ колетъ.

— Ну, а Марья Васильевна?

— Марья Васильевна приказала кланяться и за книжки благодарить.

— Здорова?

— Да Богъ ее знаетъ, сударь. Говорить, что здорова; а на здоровую не похожа. Ходитъ какъ тѣнь; такая печальная, блѣдная.

Левель задумался. Вы когда возвратились?

— Вчера вечеромъ, Павелъ Петровичъ.

— Прикажете, пожалуста, Карпу, чтобы завтра, чуть-свѣтъ, съѣздилъ въ Ручьи верхомъ. Я отправлю записку.

Записка была на имя Марьи Васильевны. Она содержала просьбу увѣдомить о здоровьѣ и короткое объясненіе, что онъ самъ не прѣхалъ, потому что боялся стѣснить и ее, и больную. Къ обѣду былъ присланъ отвѣтъ. Маша писала, что маменькѣ лучше, благодарила и *очень, очень* просила прѣхать скорѣй.

Дня черезъ два они были обручены, и вѣсть объ этомъ событіи разнеслась очень быстро между сосѣдями. Многіе были удивлены, другіе даже взволнованы.

— Новости! Новости! Новость! говорилъ одинъ изъ послѣднихъ, помѣщикъ М*, возвратясь изъ Торопца въ свое село. Тотъ, къ кому обращались его слова, вскочилъ, полагая, что рѣчь идетъ о войнѣ или по крайней мѣрѣ о какомъ-нибудь важномъ извѣстіи изъ столицы.

— Что такое? спросилъ онъ встревоженнымъ голосомъ.

М* наклонился почти къ самому уху его, точно какъ будто собирался открыть секретъ, и вдругъ закричалъ во все горло:

— Веригиной дочка, Марья Васильевна, рыжая, выходитъ замужъ за Павла Петровича Левеля!... Гвардеецъ! Дѣя тысяча душъ! Въ декабрѣ свадьба! Послѣ вѣнца, молодой увозитъ жену на праздники въ Петербургъ? Передъ отъѣздомъ пиръ задрутъ! Шампанское будемъ пить за здоровье! Уррра!

III. На новыхъ мѣстахъ.

Все сбылось какъ по писанному. Свадьба была отпразднована въ декабрь, и помѣщикъ М* пилъ шампанское за здоровье молодыхъ, и молодые уѣхали въ Петербургъ и прѣехали назадъ въ Троицкое: Левель въ отставкѣ, съ чиномъ полковника, Маша съ доброю надеждой на повышение въ чинъ болѣе скромный конечно, но тѣмъ не менѣе интересный. Онъ привезъ съ собой повара, да дюжины двѣ новыхъ книгъ; она—няньку съ отличными аттестатами, да цѣлый обозъ модныхъ тряпокъ и платья, да два или три романа, недавно вышедшихъ въ свѣтъ. Въ Троицкомъ все было приготовлено къ ихъ прѣезду, и новая жизнь, на новомъ мѣстѣ, съ новыми воспоминаніями позди, съ новыми надеждами и заботами впереди, потекла для нихъ также, какъ часто течетъ для многихъ; то-есть въ ней не было ничего непредвидѣннаго или ярко-оригинальнаго. Новое, мало-по-малу обнашиваясь, становилось обыденнымъ, старымъ; привычка протаптывала во всемъ колею, по которой телѣга катилась мягко, мѣстами легонько подпрыгивая, но чаще безъ всякихъ препятствій, безъ всякихъ скачковъ, совершая свой будничныи путь. Въ ноябрѣ, ровно годъ спустя послѣ того какъ они были помолвлены, Марья Васильевнѣ Богъ далъ сына. Это новое пріобрѣтеніе встрѣчено было ею съ восторгомъ. Всѣ пробѣлы, оставшіеся въ душѣ отъ утраты двичьихъ надеждъ, пополнены были, *tant bien que mal*, новымъ, богатымъ источникомъ радостей. Она привязалась къ ребенку съ увлеченіемъ необузданной страсти; сама кормила его и целовала и ревновала ко всемъ, даже къ собственной матери, тоже влюбленной безъ памяти въ своего внука Васю; а такъ какъ старушка Веригина, въ первое время послѣ его рожденія, поселилась почти безвыѣздно въ Троицкомъ, то это маленькое существо, между своими обожательницами, скоро стало предметомъ самаго фанатическаго, самаго неистоваго идолопоклонства, какое только возможно себѣ представить. Нянькѣ не позволяли почти и дотронуться до него. Объ женщинахъ, съ утра до глубокой ночи, только и говорили, только и думали что о немъ, шили на него, совѣтовались о немъ,

лѣчили его вдвоемъ отъ разныхъ мнимыхъ болѣзней. Все остальное пошло въ отставку или отодвинулось на второй планъ. Новое чувство, въ избыткѣ своемъ отражаясь на всей обстановкѣ, казалось, должно было сблизить Марью Васильевну съ мужемъ еще тѣснѣе чѣмъ прежде; но на повѣрку вышло не совсѣмъ такъ. Правда, когда она думала о немъ, онъ ей казался милѣе чѣмъ прежде, но за то она теперь думала о немъ далеко не такъ часто какъ прежде, и вообще, онъ утратилъ въ глазахъ ея свой непосредственный смыслъ; сталъ отцомъ ея Васи впервыхъ, а мужемъ уже потомъ. Притомъ же она и видѣла его теперь не такъ часто какъ прежде. Онъ слишкомъ былъ занятъ другими предметами, чтобы принимать какое-нибудь дѣятельное участіе въ уходѣ за сыномъ. Получивъ отъ жены, въ свое время, съ избыткомъ, всю мѣру естественныхъ наслажденій, какую способна доставить дѣвичья свѣжесть и красота, несогрѣтая страстнымъ влеченіемъ, онъ мало-по-малу дошелъ до той степени нравственного и физическаго спокойствія, которая достается въ удѣлъ счастливымъ мужьямъ послѣ перваго періода ихъ брачной жизни. Въ такомъ состояніи, ничто уже не мѣшало ему отдаться любимымъ своимъ занятіямъ, и онъ отдался имъ вполнѣ. Устройство имѣнія стало главнымъ предметомъ его заботъ. Ему посвятилъ онъ почти исключительно лѣто и осень; а съ наступленіемъ зимней поры, книги явились на сцену. Теорія заняла мѣсто практики и она-то была его настоящею сферой. Онъ углубился въ нее съ увлеченіемъ, вдался, что называется, по уши и первое время былъ совершенно счастливъ. Маша то же была, или по крайней мѣрѣ ей казалось, что она счастлива. Каждый имѣлъ свою сферу, въ которой царилъ полновластно и двѣ эти сферы, не сталкиваясь ни въ чемъ, уживались въ тѣснѣйшемъ сосѣдствѣ такъ мирно, какъ еслибы между ними лежали моря и горы и степи неизмѣримыя. Все шло какъ по маслу. Сходились за чаемъ, къ обѣду, да кромѣ того, раза два въ день, она заходила къ нему въ кабинетъ такъ, посмотрѣть что онъ дѣлаетъ и похвастать какимъ-нибудь новымъ успѣхомъ Васи... «Душка! Смѣется!.. Зубокъ прорѣзался!.. О! какой ангелъ! Пойдемъ посмотрѣть...» и они отправлялись въ дѣтскую.

Такимъ образомъ прошло года два, Маша опять была тяжела, а сынокъ ея уже бѣгалъ и говорилъ. Около этого времени, первыя тучки начали появляться на ихъ горизонтѣ. Онѣ набѣгали съ различныхъ концовъ. Началось съ того, что старушка

Веригина стала похварывать. Съ самой весны, ей было то хуже, то лучше, то сызнава хуже. Она не могла уже ѣздить такъ часто, какъ прежде, къ своимъ, а въ Ручьяхъ, безъ дѣтей, скучала. Къ осени, Марья Васильевна уговорила ее поселиться совсѣмъ у ней въ Троицкомъ, съ тѣмъ, что хозяйство въ Ручьяхъ Павелъ Петровичъ возьметъ въ свои руки. Маша надѣялась, что при ней, не спуская глазъ съ внука, старушка поправится наконецъ совершенно; и точно, въ первое время, Лизавета Ивановна почувствовала себя гораздо бодрѣе; ходила, смѣялась, шутила, играла съ ребенкомъ по прежнему; но все это продолжалось какой-нибудь мѣсяць, не долѣе.

Въ одно дождливое и холодное осеннее утро, выходя изъ приходской церкви, гдѣ было такъ тѣсно и жарко, что многіе едва выстояли, она простудилась и къ вечеру вдругъ почувствовала себя очень дурно. Докторъ, за которымъ сейчасъ же послали въ городъ, увидѣвъ ее на другой день поутру, сомнительно покачалъ головою... Черезъ недѣлю ея не стало. Она умерла на рукахъ дочери, въ послѣдніе дни не отходившей отъ нея ни на шагъ. Ее схоронили въ оградѣ приходской церкви, въ полуверстѣ отъ Ручьевъ. Сѣзядъ былъ большой. Многіе знали Лизавету Ивановну и любили за неподдѣльную ея доброту, за ровный, живой, уживчивый и веселый нравъ. Для Маши, потеря эта была невыразимо печальна и тяжела. Ей были дороги воспоминанія дѣтства и первой молодости и дорогъ былъ человекъ, который одинъ оставался живымъ свидѣтелемъ этого времени. Всѣ лица, ее окружавшія, какъ бы она ни любила ихъ, были новыя лица и не помнили ничего, не сочувствовали ей ни въ чемъ, что касалось до прошлаго, потому что не знали этого прошлаго. Со смертію матери оборвалась послѣдняя нить живой связи съ тѣмъ, что когда то было такъ мило, такъ дорого, что заставляло дѣвичье сердце биться такъ сладко. Правда, у ней оставался братъ; но его увезли ребенкомъ въ корпусъ и съ тѣхъ поръ она его видѣла только мелькомъ два раза. Онъ не жилъ съ ней въ одномъ домѣ всю жизнь, не дѣлилъ съ нею радости и горя.

Въ слезахъ и въ тоскѣ по этой потерѣ застало ее событіе совершенно другаго рода. У ней родилась дочь. Разстроенная, измученная, въ такую минуту, когда женщинѣ нужны всѣ силы, чтобы вынести раздвоеніе своего существа, Марья Васильевна захворала, и эта болѣзнь, усиленная душевными страданіями, оставила на ея организмѣ слѣды неизгладимые. Въ

краткомъ характерѣ стали являться проблески раздражительности почти безотчетной, вслѣдъ за которыми наступали длинныя періоды тоски и упадка духа безъ всякой замѣтной причины. Предчувствія страха смущали ее порой и при этомъ, какъ часто бываетъ, когда болѣзненное броженіе души съ его химическими продуктами начинаетъ брать верхъ надъ положительнымъ содержаніемъ жизни, она сдѣлалась равнодушнѣе къ внѣшней своей обстановкѣ. Съ появленіемъ дочери, первый пылъ материнской любви остылъ. Привязанность, раздѣленная на два предмета, стала спокойнѣе и, если можно такъ выразиться, экономнѣе прежняго. Но спокойствіе это было непрочное. Самый ничтожный случай, малѣйшій признакъ какой-нибудь самой обыкновенной дѣтской болѣзни, или даже малѣйшій предлогъ опасаться чего бы то ни было въ этомъ родѣ, выводили ее изъ себя.

Перемена эта давно замѣчена была мужемъ и очень его беспокоила. Онъ столько же любилъ жену, сколько миръ и спокойствіе въ домѣ. Здоровье Марьи Васильевны было дорого ему и само по себѣ и какъ залогъ семейнаго счастья въ будущемъ; а потому онъ, съ своей стороны, принималъ всѣ мѣры, какія при ихъ образѣ жизни можно было принять, чтобы поправить дѣло. Онъ нѣсколько разъ совѣтовался съ докторомъ. Докторъ былъ полковой и ѣздилъ къ нимъ изъ Торопца, гдѣ въ ту пору находилась какая-то штабъ-квартира. Онъ не былъ извѣстенъ учеными знаніями; но былъ опытный, пожилой человекъ и хорошій практикъ. Говоря свое мнѣніе о причинахъ, поддерживающихъ разстройство, онъ нѣсколько разъ намекалъ на тотъ образъ жизни, который они ведутъ, и наконецъ объяснился прямо.

— Здѣсь глухо, говорилъ онъ.—Поѣхали бы вы въ городъ куда-нибудь; тамъ все это какъ рукой бы сняло... Марья Васильевна барыня молодая; ей надо бы поразсвѣтаться, поплакать.

— Жена не любитъ этого, отвѣчалъ Левель сухо; но докторъ былъ того мнѣнія, что надо попробовать, можетъ-быть и полюбить, и что во всякомъ случаѣ нечего спрашивать у больного любить или не любить лѣкарство, если ты думаешь, что оно должно пользу сдѣлать.

Левель задумался. Ему не по сердцу пришелся совѣтъ. Чтобы исполнить его, надо было разстаться на долго или съ семействомъ или съ деревней. И то и другое было бы очень

тяжело, разстроило бы все его планы, все то спокойствие духа, къ которому онъ такъ привыкъ. Еслибъ еще это было действительно нужно, онъ бы ни слова не сказалъ; но Осипъ Ивановичъ конечно преувеличиваетъ. Онъ совершенно не знаетъ Машу. Это не институтка, которая видитъ во снѣ дворцы, да набережныя, да кареты четверкой, гулянья, театры, кавалергардовъ верхомъ. Это лѣсной цвѣтокъ; ей свѣжій воздухъ нуженъ. Если ее увезти отсюда куда-нибудь (въ Петербургъ, разумѣется, больше куда же?), она тамъ зачахнетъ. Сначала понравится (какъ это ужъ было разъ), а мѣсяца черезъ два станеть плакать, скучать... Такъ думалъ Левадь, и все понеченія его о здоровьи жены вѣроятно окончились бы какой-нибудь лавро-вишневой водой или желѣзными каплями, да нѣсколькими лишними выѣздами къ сосѣдямъ, да двумя или тремя приглашеніями къ себѣ въ Троицкое (потому что давать балы Маша сама не захочетъ); но деспотическая судьба повернула все это по своему.

У него, какъ извѣстно, было другое село, Сорокино. Сорокино было богаче и лучше Троицаго, въ которомъ онъ не имѣлъ намѣренія жить постоянно до тѣхъ поръ покуда не былъ женатъ. Но женитьба и то положеніе, въ которомъ засталъ онъ вотчину по пріѣздѣ, заставили его измѣнить совершенно свой планъ. Невозможно было и думать разлучить Машу съ матерью или требовать отъ старушки, чтобъ она навсегда оставила свою родину и кружокъ своихъ старыхъ друзей. Къ тому же, Троицкое было запущено. Надо было заняться устройствомъ крестьянъ, раззоренныхъ до тла и поставить хозяйство на твердую ногу. Такимъ образомъ, волей или не волей, онъ долженъ былъ поселиться въ Троицкомъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго. Но три года всего прошло, а Лизаветы Ивановны уже не было между ними. Съ другой стороны, хозяйственные его затѣи все какъ то не клеились. Имѣніе, правда, давало доходъ; но этимъ онъ былъ обязанъ вполнѣ своему управляющему; а собственныя его недоспѣлыя книжныя свѣдѣнія и проекты различныхъ нововведеній, отъ которыхъ онъ ждалъ такъ много, до сихъ поръ не имѣли еще никакого успѣха и не принесли ему ни копейки. Сначала, это его удивляло. Онъ не могъ себѣ объяснить отчего то, что дѣлалъ Иванъ Куамичъ, и что очевидно противорѣчило самымъ простымъ, доказаннымъ истинамъ европейской науки, удавалось почти всегда и давало хотя очень скромный, но все-таки

положительный результат; а то, что онъ самъ исполнял, и что, по вѣрнѣйшимъ расчетамъ, должно было непремѣнно имѣть успѣхъ, отмѣчено было чистою убылью на страницахъ его счетной книги. Онъ ѣздилъ къ Кирсанову и къ другимъ знатокамъ, спрашивалъ, спорилъ до слезъ. Доспорившись и додумавшись до того, что въ мозгу начинало ходить колесо, онъ бросалъ все съ досадою на руки Усова и принимался опять за книги.

Но Левель, какъ мы уже знаемъ отчасти, былъ не изъ тѣхъ людей, слабая мысль которыхъ тонетъ безвыходно въ кашѣ неразрѣшимыхъ сомнѣній. Разнаго рода догадки приходили ему на умъ, когда онъ доискивался причины своихъ неудачъ. Послѣ долгихъ, значительныхъ колебаній, онъ остановился на двухъ, самыхъ правдоподобныхъ. Во первыхъ, всѣ опыты, дѣланные имъ по хозяйству, до сей поры, не имѣли объема цѣльной, послѣдовательной реформы. Это были не болѣе какъ урывки, въ которыхъ случаю предоставленъ былъ слишкомъ большой просторъ, а закону, напротивъ, почти не на чемъ было себя обнаружить. Можетъ-быть, думалъ онъ, еслибъ онъ былъ не такъ остороженъ и не боялся дать дѣлу крутой оборотъ, результатъ оказался бы ближе къ тому, чего слѣдовало желать.

Съ другой стороны, думалъ онъ, систематическая обработка земли стоитъ дорого, несравненно дороже чѣмъ старый, рутинный приѣмъ, который можетъ быть только тѣмъ и беретъ, что дешево. Но, тутъ начиналась другая его догадка или, вѣрнѣе сказать, второй вопросъ, стоитъ ли эта почва тѣхъ денегъ и попеченій и времени и труда, которые надо въ нее уложить, чтобы дѣйствовать по всѣмъ правиламъ? Дастъ ли она, можетъ ли дать когда-нибудь, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, тѣ выгоды, которыя обѣщаетъ наука, которая, можетъ-быть, имѣла въ виду другой порядокъ вещей и другіе факты?... Василій Михайлычъ доказывалъ ему цифрами, что не дастъ; но Левель долго не вѣрилъ и спорилъ и дѣлалъ новые опыты и терпѣлъ новыя неудачи, пока наконецъ сильное подозрѣніе не утвердилось въ его головѣ, что здѣсь ничего не сдѣлаешь.

По мѣрѣ того, какъ оно утверждалось, Сорокино съ его благодатной землей и зажиточнымъ, сытымъ народомъ, начинало сильнѣе его привлекать. Большихъ препятствій къ переселенію теперь уже не было. Хлопоты, сопряженные съ перевозомъ, пугали его немножко. Сосѣдство съ губернскимъ го-

родомъ и почти неизбежный рядъ новыхъ знакомствъ пугали гораздо сильнѣе. Но что дѣлать? думалъ онъ. Все на свѣтъ имѣеть дурную и хорошую сторону. Здоровье жены требуетъ перемѣны, разсѣянія; вотъ случай доставить ей все это самымъ короткимъ путемъ, не перевертывая ихъ тихаго образа жизни вверхъ дномъ и не рискуя ничѣмъ, не стѣсняя себя ни въ чемъ; потому что въ Сорокинѣ отъ нихъ совершенно будетъ зависѣть какъ жить. Если Машѣ понравится общество, можно будетъ купить домъ въ городѣ и прїѣзжать туда иногда; а какъ только наскучитъ, тотчасъ назадъ въ село. А въ Троицкомъ, здѣсь, останется Усовъ. Иванъ Кузмичъ лучше управится безъ него, потому что онъ только мѣшаетъ ему своими затѣями.

Обдумавъ свой планъ, Левель открылъ его Марьѣ Васильевнѣ. Сначала, это немножко ее встревожило; но она согласилась безъ всякаго возраженія. Троицкое, послѣ потери, которую она въ немъ вытерпѣла, опостылѣло ей; а въ Ручьяхъ, кромѣ старой мебели, да грустныхъ воспоминаній, не оставалось почти ничего. Что касается до сосѣдей, то между ними она не имѣла такихъ друзей, разлука съ которыми могла бы назваться большимъ лишеніемъ.

Только что переѣздъ окончательно былъ рѣшенъ, какъ начались сборы. Левель послалъ указъ старому камердинеру своей тетки Гордѣю Семеновичу или, какъ его запросто называли, *Семенычу*, который хозяйничалъ у него въ Сорокинѣ. Указъ состоялъ въ томъ, чтобы заготовить все нужное въ ожиданіи скорого ихъ прїѣзда и нанять для нихъ помѣщеніе въ городѣ, гдѣ онъ намѣренъ былъ поселиться съ женою на время, пока большая, старый домъ въ селѣ приведенъ будетъ въ должный порядокъ подъ личнымъ его надзоромъ. Все, сколько-нибудь удобоперевозимое, отправлено было съ обозомъ. Въ мартѣ, великимъ постомъ, послѣ прощальнаго обѣда, на которомъ помѣщикъ М* еще разъ пилъ шампанское, Левель, со всѣмъ семействомъ, оставилъ Троицкое. Молебень и панихида за упокой души Лизаветы Ивановны отслушаны были еще наканунѣ, въ Ручьяхъ. Маша, рыдая, простилась со всѣми дворовыми своей матери. Одна дѣвушка изъ Ручьевъ и нѣсколько человѣкъ изъ Троицкаго, по собственной волѣ, отправились съ господами. И Иванъ Кузмичъ провожалъ ихъ до города.

Въ 3* путешественники гостили долѣе чѣмъ въ строгомъ смыслѣ было необходимо; потому что ихъ домъ готовъ былъ скоро; но Левель, боясь, чтобы новое мѣсто не сдѣлало непри-

итнаго впечатлѣнія на жану, и желаніе представитъ его въ полномъ блескѣ, выждалъ пока деревья одѣнутся зеленью и тогда уже, въ одно ясное майское утро, отвезъ Машу съ дѣтьми въ село. Всѣ домашнія принадлежности, вся посуда, бѣлье, всѣ вещи ея до послѣдней мелочи, отправлены были наканунѣ и разложены по мѣстамъ. Гордый Семенычъ, съдой, важный съ виду старикъ, въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ галстукѣ, встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ съ хлѣбомъ-солью и приложился къ рукѣ Марьи Васильевны. Когда они вошли въ комнаты, трудно было себѣ представить, чтобъ это былъ первый пріѣздъ: до такой степени все кругомъ имѣло жилой привѣтливый видъ. На кухнѣ ужъ стряпали; столъ былъ накрытъ въ столовой и завтракъ стоялъ на столѣ; но имъ было не до завтрака. У Маши щеки горѣли отъ удовольствія. Держа за руку сына, который спѣшилъ за нею приплясывая, она бѣгала съ нимъ сама какъ ребенокъ изъ комнаты въ комнату, останавливаясь безпрестанно то тутъ, то тамъ и осматриваясь вокругъ съ любопытствомъ. Помѣщеніе было барское въ полномъ смыслѣ этого слова. Лучшія комнаты находились вверху, во второмъ этажѣ, одна сторона котораго выходила окошками въ садъ. Нѣсколько оконъ было отворено и теплое дыханіе воздуха, пропитаннаго ароматомъ черемухи въ полномъ цвѣту, поднималось къ нимъ снизу. Садъ былъ густой, старинный. Онъ обхватываетъ барскій домъ съ двухъ сторонъ. Сквозь вѣтви его столѣтнихъ липъ, мелькали древняя колокольня и крестъ на приходской церкви. Садъ и домъ стояли на высотѣ, которая справа кончалась оврагомъ. Въ оврагѣ, шумѣлъ ручей. Плотно и мельница видны были недалеко, съ другой стороны, изъ угловыхъ окошекъ дома. За мельницей лѣсъ; влѣво отъ лѣса поля и холмы, между которыми, въ отдаленіи, синѣла, мѣстами сверкая какъ серебро, одна изъ нашихъ большихъ, судоходныхъ рѣкъ. Съ балкона въ гостиной, на горизонтѣ, видна была свѣтлая точка, которая медленно двигалась.

— Что это? спросила она, заслоня глаза рукой, чтобы лучше видѣть.

— Парусъ, отвѣчалъ Левель.—Это идетъ барка съ хлѣбомъ. Маша была въ восторгѣ.

Осмотрѣвъ комнаты въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ, они вышли въ садъ, но Марья Васильевна такъ устала, что не могла обійти его весь. Они сѣли въ аллеѣ, на деревянной скамейкѣ. Кругомъ пахло черемухой; сквозъ вѣтви кусковъ пестрѣ-

ли куртины, густо-усаженные цвѣтами. Ребенокъ, котораго отецъ взялъ на руки, утомленный дорогою и новыми впечатлѣніями, скоро притихъ и заснулъ. Левель взглянулъ на жену. Румянецъ погасъ у нея на лицѣ; оно показалось ему блѣднѣе обыкновеннаго. Тонкія голубыя жилки просвѣчивали сквозь кожу на подбородкѣ и на вискахъ.

— Ахъ, Маша! Какая ты стала старуха! сказалъ онъ, задумчиво покачавъ головой.—Надо мнѣ чаще съ тобою гулять; а то ты совсѣмъ отвыкнешь двигаться... Ты очень устала?... Покажи пульсъ. И взявъ ее за руку, онъ вынулъ свой англійскій, золотой хронометръ съ секундною стрѣлкою.

— Ничего, отвѣчала она смѣясь.—Здѣсь это скоро пройдетъ. Здѣсь воздухъ такой чудесный!... такъ хорошо!... Въ городѣ, у Натальи Дмитриевны, я уставала гораздо хуже.

— Признайся; тебѣ не понравился городъ?

Она усмѣхнулась и покачала головой.

— Ну, если такъ, то мы и ѣздить туда не будемъ. А жаль!... Я, признаюсь, разчитывалъ на близкое сосѣдство съ Э** и на кругъ губернатора или предводителя... Не для себя конечно; но мнѣ ихъ хоть вовсе не будь. Но тебѣ не мѣшало бы видѣть людей почаще.

— Какой вздоръ! Это все вы съ Осипомъ Ивановичемъ выдумали. Развѣ людей можно видѣть только въ гостиной у предводителя или на вечерахъ у Натальи Дмитриевны?... Люди вездѣ есть.

— Не то, мой другъ. Какъ ты не хочешь понять, что тебѣ нужны не просто людскія лица—это конечно, ты можешь видѣть и здѣсь на барщинѣ—а люди, съ которыми ты могла бы сблизиться, люди разныхъ характеровъ, которые заинтересовали бы тебя хоть сколько-нибудь, расшевелили бы хоть немножко, а то ты иной разъ совсѣмъ засыпаешь.

— И на тебя навожу сонъ?... Признайся-ка лучше, Павелъ Петровичъ, тебѣ со мной скучно бываетъ подъ часъ? Самъ хочешь видѣть людей.

— Я?... Какой вздоръ! Я насмотрѣлся на нихъ въ свое время, досыта, до тошноты.

— Ну, ну, полно прикидываться! Я знаю.... Мнѣ Клеопатра Ивановна рассказывала про тебя кое-что.

Левель пожалъ плечами.

— Что жъ? продолжала она.—Здѣсь есть конечно сосѣди, ко-

торые помнить твою покойную тетушку. Мы найдемъ между ними знакомыхъ.

— Съ которыми ты опять не сойдешься?

Проблескъ порывчатаго раздраженія мелькнулъ у ней на лицѣ.

— Павелъ Петровичъ, ты говоришь точно какъ будто бы я виновата, что мнѣ не понравилась губернаторша.... Скажи пожалуйста, а тебѣ она нравится?

— Да такъ себѣ, не особенно.

— Ну, вотъ видишь ли!

Они замолчали.

— Эхъ, жаль! сказала Левель задумчиво, двѣ или три минуты спустя.

— О чемъ ты жалѣешь?

— Жаль, что на мѣстѣ Натальи Дмитриевны нѣтъ моей старой знакомой!

— Какой это?

— А помнишь? Мы часто о ней говорили.

— Маевской?

— Да, Софьи Осиповны.... Она бы понравилась тебѣ, я увѣренъ. Она именно изъ такихъ, съ какими тебѣ не мѣшало бы встрѣтиться и сойтись.

— Она все еще въ Сольскѣ?

— Да, въ Сольскѣ; теперь недалеко онъ насъ.

— Это къ ней ты писалъ передъ самымъ отъездомъ изъ Троицкаго?

— Да, къ ней, и просилъ отвѣчать сюда. Постой я тебѣ покажу когда-нибудь ея письма.... Кстати, въ послѣднемъ, она тебѣ кланяется.

— Надѣюсь, ты тоже ей кланялся отъ меня?

— Конечно.

— Павелъ Петровичъ, сказала она помолчавъ:—надо бы попросить священника. Я хочу комнаты освятить.

— Я ужъ велѣлъ позвать. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

— Пойдемъ.

Такъ началась ихъ новая жизнь въ Сорокинѣ. За исключеніемъ мѣста, она впрочемъ мало чѣмъ отличалась отъ той, которую они вели въ Троицкомъ. Въ первую пору дѣта, они гуляли довольно часто по живописнымъ окрестностямъ ихъ села, то пѣшкомъ, то съ дѣтьми, въ экипажѣ, да изрѣдка выѣзжали къ сосѣдямъ; но дома все шло по старому. Тѣ же всепоглощаю-

щія, неусыпная, материнскія пощечины съ ея стороны, а съ его—тѣ же заботы о сельскомъ хозяйствѣ и то же усердное, но бесплодное ухаживанье за нѣсколькими науками въ перебивку; ухаживанье, въ которомъ тайлось болѣе школьнаго любопытства и мечтательной склонности, чѣмъ серьезной любви. И по прежнему ихъ дороги шли рядомъ, не сталкиваясь, не сливаясь въ одну. Онъ очень любилъ дѣтей, но не нянчился съ ними и не мѣшался въ ихъ воспитаніе, собираясь заняться этимъ въ послѣдствіи, когда они подростутъ. Ее нисколько не занимала наука, съ которой кокетничалъ мужъ. Они любили другъ друга дѣйствительно, но эта привязанность была изъ такихъ, которыя очень нѣжны только съ пылу, въ медовый мѣсяцъ, а потомъ охлаждаются быстро и доходятъ до степени ежедневной привычки, или простаго, естественнаго расположенія обладателя къ своей собственности, облагоустроеннаго уваженіемъ, благодарностью и сознаніемъ долга, но неспособнаго играть важную роль въ жизни сердца. Подобнаго рода привязанность часто сплетается между женою и мужемъ, и у ней есть разумныя основанія. Предметъ ея дорогъ намъ вовсе не потому, чтобы мы предпочли его всѣмъ другимъ, какъ нѣчто отличное отъ всѣхъ другихъ, и избрали свободно. О! нѣтъ; ошибка или расчетъ или сдѣлка съ своею судьбой, уступка желѣзной необходимости, свели насъ случайно и могли бы свести также точно съ другимъ, и тогда тотъ, другой сталъ бы дорогъ не меньше его. Но жребій упалъ на А, и вотъ А, на котораго мы можетъ-быть и вниманія бы не обратили, еслибъ онъ не былъ нашъ А, и еслибы возлѣ него стоялъ какой-нибудь Б, который намъ больше по вкусу,—этотъ А понемногу въѣдается въ нашу жизнь, какъ растенія въ почву чужой земли, и пускаетъ въ ней корни, которые вырвать, послѣ извѣстнаго времени, становится трудно, почти невозможно, не изорвавъ самой жизни въ клочки. Самъ А, непосредственно, можетъ-быть чуждъ для нашего сердца, но въ этомъ намъ больно сознаться сначала; мы стараемся замаскировать это чѣмъ-нибудь, и для этого сочиняемъ себѣ утѣшительный мифъ, который, подъ именемъ тихой привязанности, становится дорогъ для насъ и мало-по-малу овладѣваетъ правами дѣйствительности. Все это естественно. Есть ли какая-нибудь возможность, безъ положительной антипатіи, не полюбить наконецъ въ самомъ дѣлѣ то, чѣмъ лѣтъ пять или шесть мы старались увѣрить себя каждый день, что мы любимъ? Придетъ

наконецъ пора, когда это стараніе станетъ лишнимъ. Да, наконецъ мы полюбимъ дѣйствительно, но во всякомъ случаѣ мы сдѣлаемъ лучше, если не станемъ заглядывать слишкомъ глубоко въ эту любовь и цовѣрять ея метрику. Иначе мы можемъ открыть, что она родилась отъ ошибки или отъ принужденія и что права ея не имѣютъ прошедшаго, или, лучше сказать, что у ней есть одно только право—*дасмести*. Но это право разумно. Оно ограждаетъ семейный покой, если не сплошь, то достаточно часто, чтобъ оправдать свое собственное существованіе. Жертва всегда тяжела, но тотъ, кому мы приносимъ ее, хотя бы и не для него самого, а ради другихъ или ради приличія, долга, ради простаго, разсчитливаго стремленія къ покою, тотъ *à la longue* становится милъ, и такимъ образомъ жертва становится легче и легче, до тѣхъ поръ пока ея вѣсь не станетъ совсемъ нечувствителенъ.... Такою-то жертвою Марья Васильевна принесла неоспоримо мужу. А онъ принесъ ли ей что-нибудь? Онъ думалъ, что да, и былъ по своему правъ. Жениться на бѣдной дѣвушкѣ для полковника изъ хорошей фамиліи съ полутора-тысячью душъ, который легко могъ оставить блестящую партію, развѣ это не жертва? Связать себя въ тридцать лѣтъ, когда онъ могъ смѣло еще подождать лѣтъ пять, развѣ это не жертва? Конечно, въ общемъ онъ слѣдовалъ своимъ вкусамъ и убѣжденіямъ; но частности и подробности могли бы устроиться иначе, шире, свободнѣе, и надо правду сказать—теплѣе. Жена, на примѣръ, могла бы быть больше довольна тѣмъ, что онъ дѣлаетъ для нея, и порѣже хандрить. Онъ могъ бы для ней быть милѣе дѣтей, но этого не было; Вася и Лиза занимали ее несравненно сильнѣе чѣмъ ихъ отецъ. Она могла бы хоть сколько-нибудь интересоваться его занятіями, могла бъ не звать, когда онъ ей станетъ разсказывать о посѣвахъ или о новой машинѣ, которую онъ выписываетъ изъ Англій, могла бы спросить иногда хоть что-нибудь о тѣхъ книгахъ, которыя онъ читаетъ. Но этого нѣтъ, думалъ онъ, и нельзя обвинять ее слишкомъ строго за то, чего нѣтъ. Всякій любитъ по своему. У одного все высказывается, всякій моментъ и оттѣнокъ чувства выходитъ наружу, а у другаго все скрыто, таится подъ спудомъ.... Будь это иначе, конечно и все остальное было бы иначе, а этого онъ не желалъ. Такимъ образомъ, разбирая свое положеніе, онъ легчесен приходилъ къ тому выводу, что онъ долженъ быть имъ доволенъ, а между тѣмъ не былъ. Чего-то недоставало: онъ это чувство-

валъ, но чего? онъ не зналъ. Все недостатки и пробѣлы, въ которыхъ онъ могъ себѣ дать отчетъ, казались такъ мелки въ сравненіи съ массой яркихъ, положительныхъ благъ, которыми онъ владѣлъ безспорно. Все главное и существенное казалось въ рукахъ, достигнуто, обезпечено навсегда, а между тѣмъ, мало-по-малу, какая-то тѣнь начинала ложиться на все. Откуда она? онъ не зналъ, но онъ сталъ мрачнѣе, задумчивѣе; уединенная прогулка въ лѣсу не освѣжала его какъ прежде; пакетъ съ новыми книгами изъ Петербурга яной разъ по цѣлымъ днямъ лежалъ нераспечатанный у него на столѣ... Чтò это? Старость чтò ли? Нѣтъ, рано еще старѣть: 36 лѣтъ, силы въ полномъ цвѣтѣ, ни одного волоса съ головы не убыло, а между тѣмъ жизнь не заманиваетъ впередъ и не ласкаетъ надеждами какъ бывало. А иногда, случится, чувство какого-то грустнаго одиночества давить сердце, и въ такія минуты чудится, точно какъ будто вся жизнь людская шумною рѣкой течетъ гдѣ-то тамъ въ сторонѣ, а онъ отчужденъ отъ всего, бесполезенъ, не нуженъ, забыть и ему ничего не нужно, и все какъ-то постыле, утратило свою старую цѣну.... а въ головѣ между тѣмъ мысли бродятъ, бродятъ безъ отдыха, и содержаніе ихъ не всегда положительно: наука, хозяйство, семья не всегда служатъ вѣрною точкой опоры; другіе мотивы, таинственные и мрачные, замѣшиваются иногда безсознательно въ общій потокъ. Сомнѣнія и загадки, на которыя осязаемый міръ не даетъ намъ прямого отвѣта, появляются иногда непрощенныя и преслѣдуютъ неотвязчиво....

Левель всегда имѣлъ положительно-религіозное настроеніе; теперь онъ сталъ набоженъ. Дѣдъ его былъ Прусакъ, протестантъ, но онъ самъ и отецъ воспитаны въ русской вѣрѣ, обрядамъ которой онъ преданъ былъ съ дѣтства. Преданность эта, долго задержанная влияніемъ общества, его окружавшаго, и пестрыми впечатлѣніями той жизни, которую онъ велъ въ свѣтѣ, въ деревнѣ, въ уединеніи, съ каждымъ годомъ стала высказываться замѣтнѣе и сильнѣе. Посты, въ домѣ его, стали соблюдаться строже; по воскресеньямъ и въ праздники его можно было почти всегда видѣть въ церкви; на столѣ, кромѣ нѣмецкой Библии, наслѣдованной отъ дѣда, появились другія, русскія книги духовнаго содержанія. Словомъ, Левель сталъ набожный человекъ, и набожность его была довольно искренняя, но, какъ часто случается, съ примѣсью мистицизма. Эта послѣдняя черта немножко противорѣчила, разумѣется, его

склонности къ положительнымъ отраслямъ знанія, но это ей не мѣшало существовать. Знакомство съ чистою математикою и съ новѣйшими открытіями въ сферѣ наукъ естественныхъ не мѣшало ему вѣрить въ таинственное могущество чиселъ, въ двойное предназначеніе и въ нѣкоторыя другія, тому подобныя мысленныя колодки. Здѣсь, наконецъ, была одна сторона, въ которой характеръ его встрѣчался съ характеромъ Марьи Васильевны. И она была набожна, и у ней набожность была въ тѣсной связи съ очень-чувствительною долей суевѣрія, съ той только разницею, что у ней, какъ у женщины, мистицизмъ не былъ явственно-формулированъ и сознательно приведенъ въ систему какъ у него. Тѣмъ не менѣе, въ этой сферѣ они сходились другъ съ другомъ ближе, и въ области непонятнаго понимали другъ друга лучше нежели въ чемъ-нибудь остальномъ. Единственныя книги, которыя они читали иногда вдвоемъ, были духовно-мистическія, въ родѣ *Томы Кемпійскаго*, или учено-мистическія, въ родѣ Лафатера, или мистико-поэтическія, въ родѣ *Уединенія* Циммермана. До чисто-ученыхъ вещей она не дотрогивалась, а онъ не любилъ романовъ. Но оба любили письма и этотъ вкусъ, скоро по переѣздѣ въ Сорокино, нашелъ себѣ пищу.

Разъ, это было въ іюнѣ, въ сумерки. Самоваръ стоялъ на столѣ, и Марья Васильевна стояла передъ нимъ, какъ жрица передъ жертвенникомъ домашняго идола, готовая, въ должномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ должныхъ обрядовъ, приступить къ совершенію жертвы. Но Левеля еще не было. Онъ только что воротился изъ города и говорилъ у себя въ кабинетѣ съ прикащикомъ о дѣлахъ. Прошло минутъ пять; зажженные свѣчи поданы были на столъ; наконецъ онъ явился.

— Настасья Дмитріевна тебѣ кланяется, сказалъ онъ садясь.

— Ты былъ у нея?

— Нѣтъ, встрѣтилъ у предводительши.

— О! онъ стало быть помирились?

— Да, помирились; но, кажется, не надолго.

— И мужья были?

— Какже! Играли даже въ бостонъ.... Съ мужской стороны ничего не замѣтно: политики! Но ихъ барыни, сквозь всѣ офіціальныя ласки, глядятъ другъ на друга такими глазами и закалываютъ другъ другу такія булавки, что просто потѣха.

Марья Васильевна усмѣхнулась.

— Что жь, партія ровная, сказала она.

— Ну, не советъмъ. Булавка у предводительши подлиннѣе, и надо полюбоваться съ какою обворожительною улыбкой она вонзаетъ ее до самой головки.

Онъ началъ пить чай.

— А письмо отъ кого? спросила она минуту спустя.

— Отъ Софьи Осиповны. Она пишетъ здѣсь много чего о тебѣ, почти двѣ страницы. На вотъ, не хочешь ли прочитать?

И онъ подаль ей бойкимъ, небрежнымъ почеркомъ исписанный листъ бумаги. Марья Васильевна заглянула въ него съ любопытствомъ.

— Можно все читать? спросила она, пробѣгая глазами начало.

— Чтò за вопросъ! разумѣется все.

«Поцѣлуйте за меня вашу милую женушку очень крѣпко (писала Софи по-французски), чего, къ сожалѣнiю, я не могу сдѣлать сама за триста верстъ. Мы начинаемъ однако сближаться мало-по-малу; причина, какъ я полагаю, что я начинаю *ее* любить очень сильно, потому что я это почувствовала сейчасъ, какъ только узнала, что вы рѣшились бросить ваше противное старое гнѣздо на другомъ концѣ свѣта. Прежде, когда вы жили еще тамъ безъ надежды когда-нибудь выбраться, и я получила извѣстiе о вашей женитьбѣ, я ничего еще къ *ней* не чувствовала, ненавидѣла даже *ее* немножко изъ маленькой *кузинной* ревности; но теперь я люблю *ее* почти столько же какъ и васъ, и это даетъ надежду, что со временемъ, когда мы съ *нею* встрѣтимся, я полюблю *ее* больше чѣмъ васъ, потому что *она*, я увѣрена, заслуживаетъ этого больше чѣмъ вы, человекъ въ сущности все-таки неблагодарный, какъ всѣ мужчины. Чтò такое эти двѣ рѣдкiя странички, которыя вы имѣли безстыдство адресовать мнѣ послѣднiй разъ, точно какъ будтобы вы не нашли ничего интереснаго сообщить?... Если вы такъ же коротки и скупы на слова съ *вашей*.... (да скажите же мнѣ наконецъ ея христіанское имя! Вы все *ее* называете *вашей* женой, какъ будто у ней ничего и нѣтъ кромѣ этого!...) я говорю, если вы съ *нею* ведете себя точно такъ же, то я не завидую *ея* супружескому счастью.... бѣдняжка! *Она* должна часто скучать.... *N'est ce pas, Madame?*...

« Скажите-ка, Поль, что жъ мы съ вами цѣлый вѣкъ будемъ перекидываться письмами, тогда какъ теперь остается всего какихъ-нибудь тридцать часовъ ѣзды, чтобы свидѣться

послѣ пяти лѣтъ разлуки?... Этого было бы достаточно, чтобъ отчаяться въ дружбѣ! Но я не люблю отчаяваться. Я лучше люблю вѣрить, что если гора нейдетъ къ Магомету, то Магометъ долженъ идти къ горѣ. Остается только спросить: кто изъ насъ двухъ находится въ непріятномъ положеніи горы, которая не можетъ сдвинуться съ мѣста? Ужъ конечно не вы.... Пусть ужъ такъ и быть лѣтомъ, когда васъ удерживаютъ заботы о вашемъ имѣніи; но зимой, ради Бога! что вы зимой-то будете у себя дѣлать?... Будьте же *bon enfant*, приѣзжайте къ намъ въ гости (*avec Madame et avec vos bambins bien entendu*). Мы найдемъ для васъ тутъ квартиру, цѣлый домъ съ мебелью и со всѣмъ готовымъ.... А! Что вы на это скажете? и что думаетъ.... милая незнакомка, съ которой очень желала бы познакомиться? Идетъ, что ли? Подъ! милый! скажите *da!*

«Мой мужъ и *Hélène* просятъ напомнить вамъ о себѣ. Мужъ все по прежнему заваленъ дѣлами, которыя не оставлять ему ни минуты свободной.... *Hélène* наконецъ невѣста. Она выходитъ замужъ за одного Сысоева, очень почтеннаго и очень порядочнаго человѣка съ хорошими средствами. Онъ статскій совѣтникъ, въ отставкѣ, и имѣетъ желѣзные заводы гдѣ-то возлѣ Сибири, не помню именно гдѣ. Послѣ свадьбы, они уѣзжаютъ въ чужіе края; *mais si vous tenez à les voir, vous aurez encore tout le temps.*»

«*Adieu!* Отвѣчайте скорѣй; а если вы слишкомъ лѣнивы, чтобы торопиться, то поручите вашей женѣ. Нѣсколько строкъ отъ нея сдѣлали бы очень большое удовольствіе любящей васъ кузинѣ Софѣ.»

«*P. S.* Нашъ найденышъ, или, лучше сказать, нашъ блудный сынъ, Алексѣевъ, тоже вамъ кланяется. Онъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при Федорѣ Леонтьевичѣ. Онъ немножко остепенился въ сравненіи съ прежнимъ и занялъ службой; но надо правду сказать, несмотря на всѣ наши старанія, мы не успѣли еще сдѣлать его ручнымъ совершенно и отучить отъ прежнихъ, цыганскихъ наклонностей.... Вчера я у него спросила не хочетъ ли онъ вамъ передать что-нибудь? Онъ отвѣчалъ: *спросите не скучно ли ему съ раю?* Прошу извиненія у милой кузины за эту глупость.»

Маша впиалась въ письмо, которое повидимому ей очень нравилось, потому что она усмѣхалась, читая его про себя, и не хотѣла отдать сейчасъ.

— Оставь, я послѣ еще разъ прочту, говорила она.

— Пожалуй, возьми хоть совѣтъ. Я радъ, что оно тебѣ нравится. Оно можетъ дать тебѣ нѣкоторый образчикъ моей кузины, не во всемъ, разумѣется, и далеко не полный. Еслибы ты увидѣла автора, ты бы съ ней не разсталась, такъ она умѣетъ привязать къ себѣ всякаго.

— Да, она должна быть очень милая женщина.

— Не хочешь ли ты къ ней написать нѣсколько строкъ? Она тебѣ навѣрно отвѣтитъ.... Это будетъ оригинально; переписка между пріятельницами, никогда не видавшими въ глаза другъ друга!

Маша замаялась.

— Я право не знаю.... я не умѣю писать такъ хорошо....

— Попробуй.

Она усмѣхнулась, кивнувъ головой.

— Кто такой этотъ Алексѣевъ, про котораго она тутъ пишетъ?

— А! это ея большой пріятель, съ которымъ мы всѣ знакомы были коротко въ Петербургѣ.... большой чудакъ.... славный малый....

— Но отчего она называетъ его *найденнымъ*?

Левель расхохотался.

— А оттого, что мы вмѣстѣ отыскивали его въ Петербургѣ.... Она познакомилась съ нимъ, или какъ она сама говорить, *открыла* его на станціи.

Маша задумалась. Какая-то тѣнь промелькнула у ней на лицѣ.

— Какой странный вопросъ онъ дѣлаетъ! сказала она минуту спустя.

— Хмъ, ты не знаешь, это совершенно во вкусъ Григорія Алексѣича.

Чайникъ дрогнулъ у ней въ рукахъ такъ, что она едва не уронила его; но Левель сидѣлъ, уставивъ глаза въ стаканъ, и ничего не видалъ.

— Она зоветъ къ себѣ въ гости, продолжалъ онъ.

— Что жь, поѣзжай, отвѣчала она задумчиво.

— А ты?

— Я развѣ могу, мой другъ?... Съ дѣтьми... опять цѣлое путешествіе!... опять хлопоты, сборы!...

— Конечно. Но еслибъ я былъ увѣренъ, что тебѣ будетъ весело въ Сольскѣ, я бы не пожалѣлъ хлопотъ.

— Къ тому же зимой! продолжала она.— Дѣти простудятся... захвораютъ въ дорогѣ!.. Лиза особенно, крошечка такая! совсѣмъ переязбнетъ!..

— Отчего? Привезли же ихъ сюда въ мартѣ, когда еще снѣгъ не таялъ. И ни одинъ даже насморку не схватилъ; а ѣхали почти десять дней. Пойми, ты мой другъ, наконецъ, что дѣтямъ опасенъ не свѣжій воздухъ, а скорѣй эта баня, да все это кутанье, къ которымъ вы ихъ приучаете въ комнатѣ. Если ребенка воспитывать какъ больного, то онъ и будетъ больной.

Когда Левель начиналъ говорить о подобныхъ предметахъ, его не скоро можно было остановить. Онъ не имѣлъ большаго желанія ѣхать въ Сольскъ, былъ бы радъ можетъ-быть, есдвѣ даже она положительно отказалась, но онъ былъ теоретикъ въ душѣ и какъ всѣ теоретики ратовалъ за принципъ, часто совсѣмъ и не думая о его приложеніи къ дѣлу.

У Марьи Васильевны все это шло совершенно другимъ порядкомъ. Ей очень хотѣлось бы съѣздить въ Сольскъ и увидѣть кузину, которая пишетъ такія письма; но это, какъ всякая новость, волновало ее, наводя безотчетный страхъ, который искалъ себѣ оправданія, и такимъ образомъ она прежде всего хваталась за разнаго рода причины и доказательства, почему ей нельзя и не слѣдуетъ ѣхать въ Сольскъ. Тутъ, разумѣется, съ перваго взгляда бросались въ глаза безпокояства и хлопоты... шутка сказать! цѣлое путешествіе!.. придется наряды заказывать новые!.. а главное дѣти!.. простудятся, переязбнутъ бѣдняжки!.. Дѣти у нѣжныхъ матушекъ составляютъ послѣднее слово. Это ихъ *ultima ratio*, доказательство, послѣ котораго уже нечего говорить. На все остальное, *tant bien que mal*, позволяется еще возражать; но разъ сказано: *дѣти!*.. значить теперь *молчи!*.. Впрочемъ, до зимней поры оставалось еще очень долго, а потому и серіознаго разговора о путешествіи не было.

На другой день поутру, Маша вынула изъ бюро хорошенькую тетрадку почтовой бумаги и усѣлась писать... конечно не въ первый разъ. У ней, какъ у всякой молодой женщины, были свои пріятельницы, съ которыми она вела постоянную переписку. Но съ ними, садясь за письмо, она не имѣла привычки задумываться, а строчила, что въ голову попадетъ, въ полной увѣренности, что все имъ покажется хорошо... На этотъ разъ вышло иначе. Надо имѣть извѣстную долю находчивости и самоувѣренности, чтобы начать разговоръ съ чело-

вѣкомъ совсѣмъ незнакомымъ и вести его связано. Часто это приводитъ въ немалое затрудненіе даже и свѣтскихъ людей. Но въ разговорѣ лицомъ къ лицу, есть еще средства выйти изъ этого затрудненія. Вы скажете слова два, и можете даже не кончить фразы, какъ вамъ ужь отвѣтить на нихъ что-нибудь, что дастъ вамъ мотивъ, за который вы можете уцѣпиться. Или можете просто спросить что-нибудь, или выждать, чтобы васъ спросили, и потомъ сказать *да* или *нѣтъ*, что можетъ дать поводъ къ спору, въ которомъ, если противникъ горячъ, то онъ васъ избавитъ совсѣмъ отъ труда говорить... Въ письмѣ объ этихъ удобствахъ и думать нечего. Разговоръ идетъ весь на вашъ собственный счетъ, и вы должны въ немъ играть обѣ роли. Если сдѣлаете вопросъ, то извольте ужь сами и отвѣчать на него. Если начнете длинную фразу, изъ которой вамъ трудно выпутаться, и вы начинаете чувствовать, что вы вязнете въ относительныхъ мѣстоименіяхъ, никто не докончитъ, не перебежитъ, не выручитъ васъ изъ бѣды. Остановились, извольте поставить точку и начинайте съ новой строки, а всякій по опыту знаетъ, какъ быстро издерживается запасъ интересныхъ мотивовъ, если начнешь перескакивать такимъ образомъ слишкомъ часто.

Все это Марья Васильевна чувствовала, сѣда съ перомъ въ рукахъ надъ бѣлымъ листомъ бумаги. Перо нѣсколько разъ обмакивалось, но успѣвало засохнуть, прежде чѣмъ что-нибудь изъ него выходило. Потомъ вышелъ вздоръ. Два пальца съ досады запачканы были чернилами, а листокъ съ началомъ письма изорванъ на мелкіе лоскутки, которые она гнѣвно швырнула въ окошко, но легкая струйка воздуха подхватила ихъ на лету и вернула назадъ, на столъ и на голову и на платье Маши. Это ее опять разсердило, а тутъ, какъ нарочно, дѣти вбѣжали въ комнату, хоромъ испрашивая какое-то маленькое отступленіе отъ ежедневнаго ихъ устава. Надѣливъ обоихъ извѣстнымъ числомъ поцѣлуевъ, наименьшимъ, какое только было возможно, она отпустила ихъ съ нянькою въ садъ и готова была уже бросить письмо, какъ вдругъ счастливая мысль пришла въ голову. Тотчасъ, она обмакнула опять перо и начала такимъ образомъ:

Сорокино. 13-го июля.

«Милая кузина Софья Осиповна! Давно собираюсь писать къ вамъ, но дѣти мѣшаютъ мнѣ безпрестанно...»

Ну, это не дурно. Такъ можно начать. Только что жь далѣе?..

Что жъ изъ того, что дѣти мѣшаютъ?.. Но Марья Васильевна была хитрая женщина. Подумавъ не много, она нашла чюдъ, и съ этой минуты письмо у нея пошло на ладъ. Оно продолжалось такъ:

«...Дѣти это такіе деспоты! Они владѣютъ мною неограниченно. Всѣ мысли мои, все время принадлежитъ двумъ маленькимъ существамъ, которыя до такой степени держатъ вашу кузину въ своихъ рученкахъ, что она не имѣетъ возможности даже и жаловаться. Она слишкомъ щедро вознаграждена за потерянную свободу, чтобы жалѣть о ней, а все же нельзя иногда не пожалѣть. Когда я прочла ваше милое письмо къ Полю, я очень жалѣла, что не могу располагать собою, какъ вздумается. Еслибы дѣти, думала я, были также удобоперевозимы, какъ тѣ дорогія вещицы, которыя можно закатать въ вату и спрятать въ коробку на нѣсколько дней, съ какимъ удовольствіемъ я бы приняла ваше любезное приглашеніе и пріѣхала къ вамъ зимой! Но...» Тутъ слѣдовало подробное описаніе, какъ несносно дѣти ведутъ себя въ путешествіи и какимъ страшнымъ опасностямъ подвергаются, если везти ихъ зимой. Затѣмъ набросанъ былъ сельскій ландшафтъ, изображавшій Сорокино во всей его красотѣ. Оврагъ, ручей, мельница, все это описано съ должнымъ эффектомъ, не забыть былъ и парусъ, мелькающій вдаль. Письмо оканчивалось самымъ наивнымъ образомъ. Маша доказывала, что горѣ несравненно удобнѣе сдвинуться съ мѣста и пріѣхать къ приятелю ея Магомету, чѣмъ Магомету съ женой и дѣтьми подниматься зимою на гору. Въ заключеніе, она звала Софью Осиповну къ себѣ. «Что-то мнѣ говорить, прибавила она, — что мы очень любимъ другъ друга.» Въ постскриптѣ сказано было, что мужъ собирается написать большое письмо, въ которомъ будетъ доказывать, что онъ не лѣнивъ.

И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, Левель отправилъ къ своей кузинѣ письмо, наполненное очень серьезными размышленіями на вопросъ: *не скучно ли вамъ съ раю?* Кромѣ этого содержанія, въ немъ сказано было въ самыхъ короткихъ словахъ почти то же, что въ предыдущемъ. Левель не могъ понять, чѣмъ мѣшаетъ кузинѣ или кузинамъ пріѣхать къ нему теперь же въ Сорокино? *Марья Васильевна* была бы такъ рада... Она боится везти дѣтей въ зимній холодъ и проч..

Началась переписка, въ которой, по временамъ, принимала участіе и Елена Осиповна, но главную роль играла Софья съ

Марьей Васильевной. Трудно сказать, как сошлись бы эти двѣ женщины, еслибы случай ихъ свелъ безъ предисловія, лицомъ къ лицу, но за глаза онѣ очень понравились другъ другу, и это высказывалось, съ разнаго рода варьяціями, почти въ каждомъ письмѣ. Богу извѣстно на чемъ опиралась эта заочная дружба. Онѣ знали другъ друга столько же, сколько китайская богдыханша знаетъ британскую королеву, или наоборотъ. Женское любопытство, конечно, было отчасти замѣшано, но вѣрнѣе всего ихъ сближала любовь къ искусству, если такъ можно назвать непостижимую страсть вести переписку о чемъ ни попало и съ кѣмъ ни попало, доходящую у иныхъ до неистовства, страсть, въ которой не рѣдко бываетъ замѣшана доза литературнаго самолюбія и литературной потребности почесать себѣ голову, самъ не знаешь за чѣмъ: такъ, просто въ мозгу зудить.

Изъ отвѣтовъ Маевой, cousin и кузина ея узнали съ прискорбіемъ, что ей невозможно пріѣхать теперь. Hélène выходить замужъ и онѣ живутъ вмѣстѣ послѣдній годъ, а Hélène привезти съ собой тоже нельзя. Она шьетъ приданое. Къ тому же monsieur Сысоевъ (женихъ), который живетъ у нихъ въ городѣ по какому-то дѣлу, низачто не согласенъ ее отпустить.

Все это было хотя и правда, но правда неполная. Были еще причины, о которыхъ она не могла говорить. Софи, какъ извѣстно, имѣла друга, съ которымъ въ шесть лѣтъ она сближалась очень тѣсно. Другъ этотъ нуженъ былъ мужу ея на каждомъ шагѣ. Несмотря на свои молодые лѣта, онъ скоро успѣлъ изучить сложную машину высшей администраціи со всѣми ея кудрявыми, фантастическими формальностями и щепетильными мелочами. Онъ понималъ ее хорошо и внесъ въ нее свѣжую, свѣтлую мысль. Федоръ Леонтьевичъ въ первое время подсмѣивался надъ нимъ снисходительно; но въ послѣдствіи началъ выслушивать его замѣчанія очень внимательно; а потомъ, когда опытъ ему доказалъ какимъ вѣрнымъ чутьемъ и и практическимъ тактомъ одаренъ отъ природы его *protégé*, самъ началъ требовать у него совѣта на каждомъ шагѣ. Результатъ превзошелъ ожиданія. Самыя трудныя, самыя щекотливыя стороны управленія, то, что особенно выставлялось ему на видъ изъ столицы какъ запущенное и за что два предѣстника его, послѣ тысячи непріятностей, полетѣли долой, все, все это начало помаленьку двигаться, такъ себѣ, безъ большихъ

затрудненій, и наконецъ пошло просто, легко. Не было сдѣлано подвиговъ всеобъемлющей, коренной реформы, невозможной въ отдельной сферѣ. Старое зло и старые безпорядки не были вытравлены до тла; но въ шесть лѣтъ, подвѣдомственная ему губернія, до сихъ поръ состоявшая на дурномъ счету, стала въ ряду не многихъ, на которыя въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ указывали съ веселымъ лицомъ, какъ на образчикъ возможной исправности. Вслѣдствіе этого, Ѳеодоръ Леонтьевичъ получилъ орденъ, аренду и чинъ, а состоящій при немъ чиновникъ по особымъ порученіямъ Алексѣевъ (иначе Лукинъ) изъ кандидатовъ махнулъ за отличіе въ чинъ надворнаго совѣтника, да кромѣ того имѣлъ денежныя награды почти каждый годъ. Онъ сталъ правою рукой губернатора... Къ сожалѣнію, нравственная его карьера, на зло неусыпнымъ стараніямъ Софіи Осиповны, не соответствовала успѣхамъ служебнымъ. Правда, онъ часто былъ занятъ дѣломъ и потому велъ себя не много степеннѣе прежняго; но карты все еще не были брошены, также какъ не были брошены и другія подобнаго рода потѣхи. Въ Сольскѣ его любили; но это ему не помѣшало въ теченіи шести лѣтъ имѣть нѣсколько крупныхъ ссоръ, большею частію изъ-за женщинъ. Одна изъ нихъ кончилась дурно, такъ дурно, что чуть не испортила всей его службы. Это было два года спустя по прибытіи его въ Сольскъ. Какой-то помѣщикъ, записной волокита и мотъ, который ухаживалъ за актрисой бродячей комической труппы, столкнувшись съ нимъ, разъ поутру, въ гостяхъ у этой особы, не вытерпѣлъ дерзкой шутки и вызвалъ его на дуэль. Лукинъ принялъ вызовъ шутя и шутя растянулъ своего непріятеля на барьерѣ. Къ счастью, рана была не опасна, а свидѣтели скромные люди и оба пріятеля Лукина. Дѣло замаяли, но это стоило очень большихъ хлопотъ Ѳеодору Леонтьевичу и Софіи; послѣдней стоило даже слезъ. Лукинъ предсказывалъ правду. Роль добраго ангела не досталась ей даромъ. Она заплатила за эту роскошь дорого, гораздо дороже чѣмъ думала. Не говоря ужъ о сплетняхъ, къ которымъ давали поводъ ихъ близкія отношенія и отголосокъ которыхъ порой долеталъ даже и до нея, ни о мелкихъ интрижкахъ и разныхъ другихъ подобныхъ грѣхахъ, изъ-за которыхъ они часто ссорились, однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ источниковъ безконечныхъ тревогъ, а подѣ часть и большихъ непріятностей, были финансовыя его обстоятельства. Деньги, захваченныя имъ въ дорогѣ и такъ

счастливо сбереженные нить въ Петербургѣ, давно были вынуты по частямъ и давно перестали быть капиталомъ. Они, говоря коммерческимъ языкомъ, пущены были въ оборотъ, то-есть проиграны или истрачены до послѣдней копейки разъ десять и столько же разъ возвращались въ его карманъ, то съ крупными недочетами, то съ избыткомъ. Бывали минуты, когда онъ сидѣлъ безъ гроша, запутанный по уши въ долгъ, осаждаемый кредиторами, и тогда, потихоньку отъ мужа, съ большими предосторожностями, она закладывала свои дорогія вещицы, сережки, жемчугъ, часы, серебро и проч. При первомъ выигрышѣ, или при первой наградѣ, все это ей возвращалось конечно и даже съ избыткомъ. Подарки, книги, нарочно выписанныя для ней изъ столицы, фарфоръ и цвѣты и всякая всячина шли какъ приливъ за отливомъ, широкою, обратною волной; но доставляли ей мало радости; потому что служили въ ея глазахъ доказательствомъ той же цыганской, безпутной черты въ характерѣ этого человѣка, противъ которой она боролась такъ долго и такъ безуспѣшно. Хлопотъ было много и горя и страху не мало; но труднѣе всего для Софи было справиться съ собственнымъ чувствомъ. Она не могла быть увѣрена, ни на мигъ, ни въ продолжительности, ни въ нераздѣльности своей власти надъ сердцемъ этого человѣка, и это сводило ее съ ума. Вспышки гнѣва и ревности доводили ее иногда до того, что она въ состояніи была забыть всякую осторожность. Въ гостяхъ, на балѣ, на улицѣ, въ кабинетѣ у мужа, бывали минуты когда она не владела собой. Правда, онъ зналъ наизусть всѣ примѣты подобныхъ бурь и, предвидя ихъ приближеніе, заблаговременно принималъ свои мѣры. Власть, которую онъ имѣлъ надъ этою женщиной, похожа была на колдовство. Двумя словами онъ могъ ее вывести изъ себя; двумя словами могъ успокоить. Бывали, однако, минуты, когда эта власть висѣла на волоскѣ, и тогда онъ сгибалъ свою шею, просилъ прощенія, клялся въ покорности... Это были минуты ея торжества, минуты, въ которыя она дѣйствительно была счастлива... Но онъ приходили рѣдко и пролетали быстро, и за ними опять шли сомнѣнія, ревность, догадки, упреки и проч. Засыпая, она не могла быть увѣрена въ завтрашнемъ днѣ. Надо было слѣдить, замѣчать, смотрѣть въ оба...

Послѣ этого можно понять, отчего она не рѣшилась уѣхать изъ Сольска. Она боялась оставить его безъ присмотра. Ему нужна была нянька на каждомъ шагу; нуженъ былъ глазъ,

который стерегъ бы его ежедневно, а то онъ совсѣмъ отобьется отъ рукъ!.. Такъ думала бѣдная Софья Осиповна; но этого она не рѣшилась бы высказать никому. Она должна была прятаться и лукавить на каждомъ шагу, лгать каждый день и мужу и постороннимъ, всѣмъ кромѣ его, да сестры... и всей ея смѣлости, всей ея ловкости только что доставало на эту нужду... «Да, точно,» думала она иногда; «онъ правъ былъ когда говорилъ, что дѣло сестры милосердія не дается намъ даромъ!.. Но онъ всегда правъ, а я всегда виновата!..» и слезы досады, мѣшаясь съ слезами любви, туманили ея свѣтлыя очи... Чтѣ дѣлать, сударыня! Пословица говоритъ: любишь кататься, люби и санки возить. Даромъ нельзя жить на свѣтѣ. Жизнь дѣло смѣшаное, и въ этой смѣси, чего, чего не отвѣдаешь! Вы можетъ-быть думаете, что ему легче вашего? О! какъ жестоко вы ошибаетесь!.. Еслибы вы знали, чтѣ дѣлается у него на сердцѣ подь-часъ, и чтѣ онъ скрываетъ отъ всѣхъ, даже отъ васъ; при всей вашей смѣлости, при всей готовности жертвовать для этого человѣка всѣмъ, вы можетъ-быть не рѣшились бы съ нимъ помѣняться!..

Они жили близко, на одной улицѣ, почти въ двухъ шагахъ другъ отъ друга и видѣлись каждый день. Свобода губернскихъ нравовъ и служебныя отношенія къ мужу давали ему на это право.

Разъ; это было въ іюлѣ, вечеромъ. Гости, сидѣвшіе у нея, только что разошлись. Ѳеодоръ Леонтьевичъ отправился спать. Только что онъ ушелъ, какъ ушла и Елена Осиповна.

Замѣтивъ, что онъ посмотрѣлъ на часы, она взяла его за руки и, ласкаясь, упрасивала остаться... «Куда, панъ?.. Поймай, я покажу тебѣ кое-что.» Она вынула только что полученное утромъ письмо. «Угадай отъ кого?» сказала она.

Онъ былъ не въ духѣ. «Не все ли равно?» отвѣчалъ онъ, заглядывая на первую страницу. Отмѣтка съ числомъ и мѣстомъ, написана была явственно на верху.

... А! Знаю! Вѣрно отъ Ле... Онъ не кончилъ. Почеркъ привлекъ все вниманіе его.

— Чтѣ ты такъ смотришь? Это пишетъ ко мнѣ въ первый разъ жена Поля. Слушай... и она начала читать, иногда останавливаясь и дѣлая разнаго рода юмористическія комментаріи. Лукинъ слушалъ ни слова не говоря, но часто заглядывалъ черезъ плечо Софьи Осиповны, на страницы письма, которое она держала въ рукахъ. Онъ чувствовалъ что-то, въ чемъ онъ

не могъ себѣ дать отчета. Въ почеркѣ, въ тонѣ рѣчей, ему чудились странныя черты сходства. Только что дѣло дошло до послѣдней страницы, какъ онъ заглянулъ на подпись.

— На комъ женатъ Левель? спросилъ онъ, когда Софи дочитала.

Странно сказать, этотъ вопросъ сдѣланъ былъ имъ въ первый разъ. Онъ давно зналъ, что Левель женился и гдѣ; но до сихъ поръ это нисколько не интересовало его, не заставляло ни разу задуматься.

— На комъ? повторила она.—Я сама у него это спрашивала и на дняхъ жду отвѣта.

Отвѣтъ пришелъ скоро. «*Марья Васильевна* была бы такъ рада...» и проч., писалъ Левель. Дукинъ вдругъ почувствовалъ, что вся кровь его хлынула къ сердцу. Съ минуту, онъ не въ силахъ былъ выговорить ни слова.

— Онъ не пишетъ фамиліи?

— Нѣтъ, отвѣчала Софи.

Вслѣдствіе этого недостатка, новый запросъ былъ посланъ. Софи и не спрашивала, на что ему эта фамилія? Какъ женщина, она понимала безцѣльное, безкорыстное любопытство во всей его чистотѣ. Но любопытство Григорія Алексѣевича было другого рода. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать истину. Правда, имя и почеркъ не оставляли почти никакого сомнѣнія; но ему не хотѣлось вѣрить; такъ странно казалось ему допустить, что это не сонъ, не пустыя догадки, что Маша дѣйствительно замужемъ, имѣетъ дѣтей и живетъ недалеко отъ нихъ. Мысли путались въ головѣ, когда онъ старался себѣ объяснить: какимъ образомъ это могло случиться и что изъ этого можетъ выйти?.. Куда ведетъ это все, наконецъ? спрашивалъ онъ себя... Какую новую шутку готовить ему судьба?.. Чего ей нужно на этотъ разъ?.. Развѣ мало она надъ нимъ насмѣялась?.. Развѣ все, что она ни послала ему, не былъ горькій обманъ, ловушка, предательски-разставленная на пути, чтобы вѣрнѣе его погубить?.. Какой-то зарокъ лежитъ надъ нимъ съ самаго дня рожденія. Любовь и ненависть окружавшихъ его людей, нѣжныя побужденія его сердца и полныя злобы порывы его, удача и промахъ, отвага и осторожность—все одинаково обращалось ему во вредъ. Каждый шагъ его въ жизни, волей или неволей, съ вѣдома или безъ вѣдома его, былъ ошибка, былъ ложь! Онъ родился отъ крѣпостной, а воспитанъ былъ дворяниномъ. Отецъ, стараясь вывести въ люди, запуталъ его и

себя. Онъ принять былъ въ школу по фальшивому документу; и въ школѣ три года учился юриспруденціи, а между тѣмъ, первый плутъ, съ которымъ ему довелось имѣть дѣло, надулъ, обморочилъ его, какъ ребенка!.. О! еслибъ зналъ онъ тогда, вмѣсто римскаго права, да всей школьной ветоши, которыми набивали ему голову, хоть малую долю того, чтò онъ знаетъ теперь!.. онъ бы не сдѣлалъ такого дурачества... Онъ бы не отдалъ Жгутова такъ легко и плюнулъ бы въ рожу Баркову въ отвѣтъ на его предложеніе дать векселя... Онъ бы не пощадилъ ни живаго, ни мертваго, защищая свои права... Но что толку жалѣть о томъ, чего не воротить? Ложь была вся его жизнь и ложью осталась. Да, его жизнь была ложь. Всякій шагъ велъ совсѣмъ не туда, куда долженъ былъ привести, а навыворотъ, въ совершенно другую сторону... Онъ шелъ навстрѣчу къ женщинѣ, которую одну въ своей жизни любилъ всею душой, но только-что встрѣтился съ ней, только-что подалъ ей руку, какъ долженъ былъ бросить... И онъ бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, безъ задней мысли, отказываясь отъ счастья увидѣть ее когда-нибудь... Но чтò пользы бѣжать? Отъ судьбы не уйдешь!.. Вотъ, она сводитъ ихъ снова, какъ будто въ насмѣшку, нарочно, чтобъ его подразнить... Маша чужая жена! Жена Левеля, съ которымъ онъ былъ когда-то довольно близко!.. О! какъ онъ вдругъ возненавидѣлъ этого человѣка!.. и вмѣстѣ какъ живо онъ вспомнилъ ее! Какъ вспыхнула снова любовь!.. Чтò бы онъ далъ, чтобъ увидѣть ее теперь же, сію же минуту; провести съ ней хоть день, хоть часочекъ, хоть четверть часа!.. Хоть бы только взглянуть на нее еще разъ... услышать еще разъ звукъ ея голоса... да обнять еще разъ, крѣпко, крѣпко!

Въ августѣ, Софья Осиповна получила опять письмо, которое было показано Лукину. Оно уничтожило послѣднюю тѣнь сомнѣнія... Нѣсколько дней спустя, между нимъ и Софьей былъ одинъ незначительный разговоръ, имѣвшій однако послѣдствія. Она сожалѣла, что Левеля и его семейства нѣтъ здѣсь между ними. Ей казалось, что это было бы интересное приращеніе къ небольшому кружку ихъ пріятелей. Официальная дружба губернскихъ дамъ и политическая любезность мужчинъ такъ наскучили ей!..

— Но они не пріѣдутъ сюда, *ses vilains paresseux!* заключила она съ досадою.

— Съѣзди къ нимъ, сказалъ ей Лукинъ.

Она заглянула проворно ему въ глаза, какъ будто желая прочесть его заднюю мысль.

— Нѣтъ, отвѣчала она, покачавъ головою.—Что за визиты за триста верстъ!.. Я бы хотѣла, чтобъ они были тутъ, или чтобы мы были тамъ... Что это за городъ ихъ З**, ты не знаешь?

— Знаю немножко по слухамъ. Городъ такой же, какъ Сольскъ, и какъ всѣ наши русскіе города, съ очень рѣдкими исключеніями, то-есть похожъ на большую деревню, а не на городъ.

— Кто тамъ губернаторъ?

Лукинъ назвалъ ей одно извѣстное имя, прибавивъ, что скоро, по всей вѣроятности, будетъ смѣненъ, потому что дѣла идутъ скверно и имъ недовольны со всѣхъ сторонъ.

— Кого же назначать на его мѣсто?

— Не знаю.

— Можетъ-быть наеъ?

— Легко можетъ быть.

— Что жь, Федоръ Леонтычъ будетъ доволенъ?

Лукинъ усмѣхнулся.—Едва ли, отвѣчалъ онъ.

— Почему жь нѣтъ?

Онъ задумался.—Очень сердиться конечно не будетъ, потому что бѣда небольшая. Къ тому же, оно, разумѣется, лестно. Выборъ на мѣсто другаго, у котораго дѣла идутъ дурно, можно считать знакомъ довѣрія и стало-быть шагомъ впередъ... Да только хлопотъ слишкомъ много. Здѣсь мы устроились, обжились, привели все въ порядокъ и дѣло идетъ полегоньку, само собой. А тамъ пришлось бы все сызнова начинать.

— Ну и начнете сызнова, что за бѣда? перебила она усмѣхаясь.—Знаешь, я бы желала, чтобъ наеъ назначили въ З**.

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но сдѣлалъ видъ, какъ будто бы не рѣшается и покачалъ головой.

— Что?.. а?.. Тебѣ не хочется?.. Отчего жь такъ?.. Лѣнь заниматься, э?

— Ну да, лѣнь заниматься, отвѣчалъ онъ.

— А! вотъ что!., какой же ты сталъ старыи! лѣнтяй какой, фи!.. Ну, а другихъ причинъ нѣтъ? спросила она, вдругъ поднимая глаза и смотря ему прямо въ лицо. Лукинъ замаялся, или можетъ-быть ей только такъ показалось.—Общество новое, отвѣчалъ онъ отрывисто, нервнительно... все незнакомые люди... Богъ знаетъ какъ сойдемся... О** (продолжалъ онъ,

спѣша поправиться и называя по имени З**скаго губернатора)... О** въ ссорѣ съ губернаторомъ, прокуроромъ и съ предводителемъ, а кто виноватъ, неизвѣстно. Можетъ-быть и не онъ.

Софи молчала, кусая губы. Замѣтно было, что она недовольна чѣмъ-то, что ее что-то мучить, волнуется, но это былъ мигъ.

— Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? спросила она, минутой спустя совершенно спокойно и весело.

— У Штенгеля, отвѣчалъ онъ смѣясь... (Штенгель былъ стряпчій изъ правовѣдовъ и холостой человѣкъ).

Она усмѣхнулась и сдѣлала жестъ рукой: направо и лѣво, съ комически вопросительнымъ взоромъ. Лукинъ кивнулъ головой утвердительно, а она усмѣхнулась опять и пожала плечами.

Но только что онъ ушелъ, какъ горничная Дуняша, бойкая дѣвочка, знакомая съ цѣлымъ городомъ, позвана была къ Софѣ Осиповнѣ и получила отъ госпожи секретное, сложное и мудреное порученіе. Ей приказано было узнать немедленно имена всѣхъ, кто былъ вчера ввечеру, въ гостяхъ, въ трехъ мѣстахъ: у стряпчаго Штенгеля, у вице-губернатора Шапошникова и у председателя уголовной палаты Весеньина. Шапошниковъ и Весеньинъ были женатые люди и имѣли хорошенькихъ женъ, за которыми волочился весь городъ.

Къ чему повелъ эти справки, намъ неизвѣстно, но около этой поры, желаніе Софи Осиповны сблизиться съ жителями Сорокина стало сильнѣе, опредѣленнѣе и стало высказываться то въ письмахъ, то въ разговорахъ съ Федоромъ Леонтьевичемъ. Городъ З**, котораго она никогда не видала, Богъ знаетъ почему, сталъ вдругъ лучше, красивѣе Сольска, и общество тамъ веселѣе, и жизнь дешевле, и климатъ пріятнѣе, и еслибы имъ туда перейти, это было бы славно во всѣхъ отношеніяхъ.

— Чтѣ это сдѣлалось съ Софѣей?.. Право не понимаю, говорилъ Лукину губернаторъ.— Дался ей этотъ несчастный З**!.. И чтѣ она тамъ нашла?.. Никогда не видала, не знаетъ. А я этотъ городъ знаю. Такая же дрянь, какъ и здѣсь... рѣшительно ничего особеннаго!

— Ей пишутъ часто оттуда Левель съ женой. Зовутъ къ себѣ въ гости, смѣясь отвѣчалъ Лукинъ.

— Ну чтѣ жъ, что зовутъ?.. Ну и поѣхала бы просто въ

гости на мѣсяцъ, на два тамъ, какъ ей вздумается. Такъ нѣтъ, забѣла Богъ знаетъ чтò! Брось тутъ все, бѣй тревогу изъ пустяковъ! хлопочи, чтобы туда назначили... Нѣтъ, матушка, говорю, сама хлопочи если хочешь, а мнѣ и здѣсь хорошо... Ну, хорошо, говорить, я напишу въ Петербургъ, къ Лидіи Павловнѣ... Богъ знаетъ что за вздоръ!.. Уговорите вы ее пожалуйста, чтобъ она пустяковъ не дѣлала.

— Да я говорилъ.

— Ну чтò жь она?

— А что жь, ничего. Софья Осиповна говоритъ, что она васъ въ это дѣло не станетъ вмѣшивать, что это ея дѣло, и что если она напишетъ Лидіи Павловнѣ о своемъ желаніи, то что изъ этого никакихъ неприяностей выйдти не можетъ, потому что это не просьба, а просто намекъ, который далѣе Лидіи Павловны не поидеть и потому не можетъ имѣть оиціальнаго смысла.

— Ну, а вы какъ думаете объ этомъ?

— Я думаю, ваше превосходительство, что на дипломатическія способности Софьи Осиповны можете положиться. Вдвоемъ съ Лидіей Павловной онѣ насъ какъ разъ переведутъ отсюда, такъ что мы съ вами и не услышимъ.

— Да нѣтъ, не то!.. Вы все шутите... Я говорю: чтò вы думаете? Какъ это будетъ, если насъ не на шутку туда качнуть?.. Чтò, это очень глупо выйдеть, или такъ себѣ, ничего?

— Да чтò жь, ваше превосходительство, бѣда не Богъ знаетъ еще какъ велика... Не все ли равно, гдѣ лямку тянуть? хлопотно, разумѣется, да если хотите быть на виду, то на хлопоты нечего такъ скупиться. Все имѣеть хорошую сторону, говорилъ одинъ разсудительный человѣкъ, схоронившій жену... Какъ починимъ съ вами еще губерніи двѣ или три, такъ насъ будутъ помнить. Для человѣка какъ вы, котораго не бабушка съ тетушкой тянуть впередъ, а который самъ, грудью беретъ... это единственный путь въ генераль-губернаторы.

Федоръ Леонтьевичъ весело улыбнулся.

— Ну, пусть себѣ тамъ вертитъ, какъ ей вздумается, сказалъ онъ махнувъ рукой.—Съ бабами не столкуешься!.. Вы только напомните ей пожалуйста, чтобъ она... того... осторожнѣе... чтобы меня тутъ не впутывала.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, покорно благодарю! Я

не берусь за это дѣло... Я, напротивъ, буду просить Софью Осиповну, чтобъ она оставила насъ тутъ, въ Сольскѣ.

— Да что жь вамъ-то? Изъ чего тутъ тревожиться? Ну, переведутъ, такъ переведутъ. Справимся какъ-нибудь.

Лукинъ усмѣхнулся.

— Вамъ хорошо говорить: *справимся!* А я знаю что это значить... Черная-то работа вся на мою долю пойдетъ!

— Ну, ну! какая тамъ черная работа!.. Теперь не-что шесть лѣтъ тому назадъ. Теперь, слава Богу, мы васъ поставили на ноги. А помните, какъ я съ вами бился, когда мы сюда изъ Петербурга прѣехали?.. Помните: отношенія не умѣли написать? хе! хе! хе!

Губернаторъ, значительно постарѣвшій въ последнее время, разразился маленькимъ, старческимъ хохотомъ.

— Федоръ Леонтьичъ, припомните, вѣдь вы тридцать лѣтъ служили, а я тогда только что начиналъ...

— Да, знаю, знаю... Ну, что говорить! Вы послѣ того большіе успѣхи сдѣлали, и такъ скоро!.. Я удивляюсь вашимъ способностямъ... и т. д.

Подобнаго рода разговоры случались у нихъ не разъ въ послѣдній годъ ихъ пребыванія въ Сольскѣ. Мы говоримъ *последній*, потому что событіе, о которомъ шла рѣчь, не замедлило совершиться. Послѣ праздникоу, въ январѣ, Марья Васильевна получила предлинное письмо отъ кузины съ приятнымъ извѣстіемъ.

... «Мы увидимся наконецъ и скоро, писала Софя. Третьяго дня, мужъ получилъ бумагу изъ Петербурга о назначеніи его губернаторомъ въ З** на мѣсто вашего стараго колпака, который уволенъ по собственному желанію. Мы увѣжаемъ отсюда въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая... *Quelle joie, chère Marie!* Я прыгала третьяго дня, какъ институтка, по стульямъ и по диванамъ, не зная куда дѣваться отъ радости; а ночью, вчера, мнѣ снилось разъ пять, что я къ вамъ вхожу и цѣлую васъ крѣпко, крѣпко!.. О! какъ насучилъ мнѣ этотъ Сольскъ и какъ я рада вырваться наконецъ изъ этого глупаго города!..» и такъ далѣе, а въ постскриптѣ написано было: «Вчера получила письмо отъ сестры, изъ Парижа. Она васъ обихъ цѣлуетъ и проч... Григорій Алексѣевичъ просилъ передать поклонъ Полю. Онъ не слишкомъ доволенъ перемѣщеніемъ, *mais il a ses raisons à lui.*»

Н. АХШАРУМОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКЪ НАЛОГОВЪ

НА

СПИРТОВЫЕ НАПИТКИ

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ¹

IV.

Въ настоящее время лишь одинъ историческій интересъ представляетъ та форма налога на производство спиртовыхъ напитковъ, по которой налогъ взимается съ емкости перегоннаго куба за каждую перегонку, причемъ полагается извѣстный срокъ времени для производства одной перегонки; въ этомъ случаѣ налогъ обезпечивается тѣмъ, что правительственный чиновникъ запираетъ на ключъ крышку куба на все время, пока онъ бываетъ въ бездѣйствіи. «Процедура при взиманіи этого налога», говоритъ знаменитый профессоръ Рау ², «легче и удобнѣе, чѣмъ при взиманіи налога съ емкости квасильныхъ чановъ, однако эта форма налога тѣмъ оказалась несостоятельною, что многіе богатые и искусные ви-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

² *Grundsätze der Finanzwissenschaft* von Rau. 4 Ausgabe. 1860, стр. 234.

нокуры, вводя улучшенія въ свое производство, успѣвають въ данное закономъ для совершенія перегонки время совершать нѣсколько перегонокъ и тѣмъ причиняютъ казнѣ значительный убытокъ.» Вообще при настоящемъ положеніи техники въ этомъ производствѣ, прибавляетъ ученый профессоръ, «невозможно положительно опредѣлить продолжительность каждой перегонки.»

Послѣдствія этой формы налога были вполне испытаны въ Шотландіи¹, гдѣ она введена была въ 1786 году. Такъ какъ всѣ перегонные кубы были одной величины, то и думали, что разчитавъ вѣрно количество спирта, который можно было добыть въ каждомъ изъ кубовъ, можно будетъ легко контролировать все производство и предупреждать контрабанду. На этомъ основаніи, налогъ на каждый изъ кубовъ былъ опредѣленъ въ 30 шилл. на каждый галлонъ его емкости. До тѣхъ поръ перегонные кубы были, въ отношеніи къ ихъ ширинѣ, весьма глубоки, такъ что среднимъ числомъ требовалось для каждой перегонки около недѣли. Но съ введеніемъ новой формы налога, двумъ искуснымъ винокурамъ Джону и Вильяму Слиго въ Лейтѣ (портовой городъ Эдинбурга) удалось уменьшеніемъ глубины куба и увеличеніемъ его ширины подвергнуть дѣйствию огня гораздо значительнѣйшую поверхность и совершать перегонку въ гораздо скорѣйшій срокъ времени. Около года они держали свое изобрѣтеніе въ секретѣ, но оно было такъ важно, что остальные винокуры вскорѣ провѣдали о немъ и примѣнили его къ своему производству. Вслѣдствіе этого, правительство въ 1788 году возвысило налогъ съ 30 шилл. до 3 ф. ст., въ 1793 до 9 ф. ст., въ 1795 до 18 ф. ст., а въ 1797 до громадной суммы 54 ф. ст., съ каждаго галлона вмѣстимости перегонныхъ кубовъ. Въ комиссія, учрежденной палатою общинъ въ 1798 году, было доказано, что винокуры среднимъ числомъ производятъ одну перегонку каждыя 8 минутъ, и это было принято за норму; но искусство винокуровъ и здѣсь еще успѣло перегнать принятую правительствомъ величину, и въ послѣднее время, до уничтоженія этого способа взиманія налога, совершали *перегонку въ 3 минуты*, что составляетъ увеличеніе быстроты производства противъ 1786 года въ 2880 разъ.

¹ Mac Culloch *Treatise on Taxation*. 1852 стр., 151.

Въ Пруссіи въ 1819 году закономъ 8 февраля, организовавшимъ всю систему косвенныхъ налоговъ этой страны, введена была та же форма налога, причемъ старались избѣгнуть невыгодъ ея, доказанныхъ опытомъ Великобританіи. Главнѣйшія основанія налога и средства къ его взиманію изъяснены были въ самомъ законѣ и послѣдовавшихъ за нимъ циркулярахъ и рескриптахъ.

Съ каждой кварты ¹ вина, содержащаго 50% чистаго алкоголя по спиртометру Траллеса, положено было взимать 1 грошъ и 3 пфеннига; было принято правиломъ, что вино, выкуренное въ 24 часа и содержащее 50% алкоголя, относится къ емкости перегоннаго куба какъ 1: 4 и, на этомъ основаніи, положено взимать за каждыя сутки по 1 грошу и 3 пф. съ каждыя 4 кварть емкости перегоннаго куба. Въ винокурняхъ, производящихъ быстрѣе принятой нормы, положено было возвысить сообразно тому и налогъ съ перегоннаго куба; однако лишь тогда, когда производится на $\frac{1}{4}$ болѣе положеннаго количества. Если въ винокурняхъ въ тотъ же срокъ и при той же емкости перегонныхъ кубовъ производится менѣе обыкновенной пропорціи, то налогъ могъ быть пониженъ до $\frac{2}{4}$, $\frac{1}{4}$ и даже до $\frac{1}{4}$ принятой нормы. Заводчикъ долженъ былъ уплачивать налогъ за каждыя сутки впередъ; но могъ уплатить его и за нѣсколько сутокъ впередъ; заводчику, объявлявшему свое намѣреніе употреблять свой кубъ непрерывно въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, то-есть 30 дней, дозволялось внести налогъ лишь въ послѣдній день. Винокурнямъ же, принадлежащимъ къ сельско-хозяйственнымъ предпріятіямъ, и выкуривающимъ вино по опредѣленной правительствомъ пропорціи, не болѣе 330 кварть ежедневно, для уплаты налога давался 12-ти часовой срокъ. Весь винокуренный заводъ и всѣ употребляемые на немъ аппараты отданы были подъ надзоръ акцизнаго управленія, и перегонные кубы, во время ихъ бездѣйствія, вѣдно было брать въ распоряженіе акцизнаго начальства или, запечатавъ, сдѣлать ихъ употребленіе на время невозможнымъ. Заводчику выдавалась книжка съ описаніемъ его завода, въ которую онъ долженъ былъ записывать начало каждой своей операціи;

¹ Прусское ведро, имѣющее 60 квартъ, = 5.500 русск. ведрамъ = 68 литрамъ = 15,120 галлонамъ, а талеръ тогда раздѣлялся на 24 гроша (gute Groschen), грошъ на 12 пфенниговъ.

чиновники, посѣщая заводъ, повѣряли эту книжку каждыя 4 мѣсяца и перемѣняли ее на новую. ¹

Принявъ извѣстную норму, прусскій законъ однако хотѣлъ обложить винокуровъ, производящихъ быстрѣе этой нормальной быстроты и выкуривающихъ, изъ данной емкости куба, болѣе определенной закономъ пропорціи спирта, соотвѣтствующимъ количествомъ налога, и напротивъ, [защитить винокуровъ, не имѣвшихъ достаточно усовершенствованныхъ аппаратовъ; ибо ясно какой огромный убытокъ должны были понести послѣдніе и самая казна, еслибы тому или другому заводчику удалось, вмѣсто законной кварты, выкуривать значительно, можетъ-быть вчетверо, болѣе и уплачивать такимъ образомъ налогъ лишь за половину или даже за четверть производимаго имъ количества. Но ясно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что для достиженія полного уравниенія прусское акцизное управленіе должно было устроить столь же постоянный и строгій контроль за производствомъ и дѣйствіями каждаго винокура, какой въ настоящее время учрежденъ въ Великобританіи, причѣмъ уничтожилась бы единственная выгода введенной тогда въ Пруссіи системы,—простота и несложность контроля; притомъ строгій и сложный контроль по своей дороговизнѣ совершенно былъ несовмѣстенъ съ незначительною цифрой налога, равнявшагося 1 грошу 3 пфенн. съ кварты водки въ 50° Траллесова спиртометра. Потому, безъ строгихъ контрольныхъ мѣръ, положенія закона не могли быть приведены въ исполненіе. Такимъ образомъ форма налога на емкость перегонныхъ кубовъ и въ Пруссіи оказалась несостоятельною. Возникло всеобщее желаніе всѣхъ заводчиковъ производить какъ возможно быстро и вводить новые перегонные аппараты. «Выдумывали плоскіе кубы», говорятъ знаменитый прусскій статистикъ Дитерици ², «стали изобрѣтать усовершенствованные аппараты, каковы аппараты Писториуса и Дорна, при которыхъ можно было съ болѣшимъ сбереженіемъ времени производить спиртъ прямо изъ затора; стали усиливать жаръ при перегонкѣ и т. д.» Тѣмъ больше были убытки казны,

¹ *Die Preussischen indirecten Steuern* von Friedrich Schimmelpfennig, 1858, 3-te Ausgabe, стр. 112—135.— Gesetz wegen Besteuerung des inländischen Branntweins, Braumalzes, Weinmostes u. s. w. vom 8. Febr. 1819 § 2—14 u. Ordnung dazu.

² Dieterici *Statistische Uebersicht* für 18⁵¹/₅₆ стр. 295.

«потому, говорить другой не менѣ известныи статистикъ и финансистъ Гофманъ ¹, что трудно было услѣдить за постоянными улучшениями въ производствѣ;» также невыгодно было это и для небольшихъ сельско-хозяйственныхъ винокуренъ, которыя не имѣли средствъ достигнуть даже и закономъ предписанной пропорціи и для которыхъ быстрота производства была вовсе не совмѣстна съ цѣлью ихъ, винокурения — готовить мало-по-малу кормъ для скота.» Всѣ выгоды, сдѣлавшіяся возможными для винокура, продолжаетъ Дитерици, «достались главнымъ образомъ на долю городскихъ, большихъ и промышленныхъ, винокуренъ, уже безъ того имѣющихъ на своей сторонѣ множество выгодъ. Большой заводчикъ уже тѣмъ выигрываетъ, что, заведя большой выгодный аппаратъ, онъ значительно уменьшаетъ издержки производства въ сравненіи съ количествомъ и качествомъ фабrikата, занимается исключительно однимъ винокурениемъ, главною для него задачею является производство возможно быстрое, не стѣсняемое ни количествомъ сыраго матеріала, ни временемъ. Онъ покупаетъ хлѣбъ или картофель на базарѣ и всегда можетъ закупить любое количество его или имѣть запасъ. Онъ можетъ курить во всякое время; при легкости сбыта, для него всѣ дни и всѣ времена года равны между собою; работники его только одно это дѣло и знаютъ. Наоборотъ, въ сельско-хозяйственныхъ винокурняхъ все зависитъ отъ общихъ обстоятельствъ и условій хозяйства; объемъ винокурения условливается здѣсь, въ значительной степени, количествомъ добытыхъ въ собственныхъ поляхъ продуктовъ; для производства выбирается время, свободное отъ другихъ занятій, располагается оно такъ, какъ удобно для добыванія барды, которою прокармливается скоть.» Опытъ показываетъ, что невыгоды эти вознаграждаются для сельско-хозяйственныхъ винокуренъ выгодами, доставляемыми заводчикамъ отъ улучшеннаго удобренія и отъ увеличенной производительности полей. Но въ натурѣ налога на перегонные кубы лежало особенное свойство, увеличивавшее невыгоды маленькихъ винокуренъ: онъ поставляетъ самое существованіе винокуренъ въ зависимость отъ быстрого производства и отъ постоянного его ускоренія, что

¹ Hoffmann. *Die Lehre von den Steuern* 1840. стр. 297.

невозможно для сельско-хозяйственныхъ винокурень, ибо, при опредѣленномъ количествѣ рогатаго скота, потребленію барды невозможно посвятить за производствомъ ея. Вотъ почему, по словамъ Гофманна, изъ этого порядка произошла необходимость для винокуровъ употреблять такіе капиталы и съ такимъ вниманіемъ предаваться своему дѣлу, что извлекать полныя выгоды изъ винокурения можно было лишь на заводахъ необыкновенныхъ размѣровъ. Еслибы правительство стало строго держаться предписаній закона, то тѣмъ самымъ повело бы къ паденію всѣхъ мелкихъ винокурень; еслибы оно стало, напротивъ того, допускать облегченія, то открылось бы широкое поприще для всякаго рода злоупотребленій и контрабандной торговли спиртомъ. Послѣ 18-мѣсячнаго опыта Пруссія отказалась отъ этой формы налога, и распоряженіемъ отъ 1 декабря 1820 года она была замѣнена, сперва въ видѣ опыта для выкурки мучныхъ веществъ, *налогомъ съ емкости квасильныхъ чановъ* (Maischbattigsteuer); а указомъ 10 января 1824 и для выкурки прочихъ не мучныхъ веществъ, вмѣсто прежней формы налога, введенъ налогъ съ количества выкуриваемаго сыраго матеріала. Эту *третью форму налога на производство спиртовыхъ напитковъ* мы для краткости назовемъ, по общепринятому обычаю, прусскою.

V.

Уже во французской системѣ мы видѣли, что измѣреніе квасильныхъ чановъ играетъ нѣкоторую роль въ числѣ контрольныхъ мѣръ, но тамъ оно лишь служитъ для вѣрнѣйшаго расчета количества проданнаго заводчикомъ спирта. Въ Пруссіи емкость квасильныхъ чановъ послужила основаніемъ для взиманія налога со спирта, при самомъ производствѣ его. Удивительное упрощеніе, вѣрность и дешевизна контроля были послѣдствіями этой системы, которая дала возможность ввести одинъ уравнительный, общій налогъ, не стѣснительный въ то же время и для усовершенствованія и распространенія винокурения.

По словамъ регулатива отъ 1 декабря 1820 года, новый налогъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, или равняться преж-

нему или быть ниже его, ни въ какомъ случаѣ не превосходя его своею тяжестью; сдѣланъ былъ расчетъ, произведены опыты, и оказалось, что при обыкновенномъ способѣ производства, изъ 100 квартъ бражки, уже готовой, добывается до 5 квартъ спирта 50° крѣпости, по спиртометру Траллеса; что при этомъ въ квасильныхъ чанахъ до $\frac{1}{2}$ ихъ вмѣстимости оставляется пустою для броженія; что, при образованіи затора, къ сухому веществу прибавляютъ воды до 8 разъ его вѣса; что для броженія затора требуется отъ 2 до 3 дней, и что, принимая въ основаніе прежній налогъ одного гроша 3 ф. на кварту 50°-наго спирта, придется тою же суммой, то-есть однимъ грошемъ и 3-мя феннигами, обложить до 20 квартъ + $\frac{1}{2}$, (для облегченія вмѣсто $\frac{1}{2}$) то-есть + $2\frac{6}{7}$ кв., слѣдовательно всего до $22\frac{6}{7}$ квартъ, а для полного облегченія производства, до 25 квартъ затора при каждой отдѣльной выкуркѣ. Полагая слѣдовательно, что добываніе спирта не превышаетъ четырехпроцентной пропорціи количества затора (бражки) ¹, назначили налогъ въ 1 грошъ на 20 квартъ затора. Вотъ основанія, которыя были приняты прусскимъ правительствомъ при измѣненіи формы налога.

Для контроля надъ взиманіемъ налога прибѣгли къ нѣкоторымъ, не очень стѣснительнымъ, мѣрамъ, отчасти уже существовавшимъ и прежде. При устройствѣ завода или при началѣ производства на заводѣ, уже существующемъ, заводчикъ долженъ до тавить въ акцизное управленіе полное описаніе своего завода, планъ его, на которомъ должны быть означены всѣ сосуды и утварь, ихъ взаимное положеніе и вмѣстимость. Акцизное управленіе повѣряетъ доставленные планъ и описаніе на мѣстѣ, вымѣриваетъ всѣ сосуды, клеймитъ ихъ, снабжаетъ нумерами, подписываетъ на нихъ масляными красками ихъ вмѣстимость и, взявъ съ описанія и плана завода копию, подписываетъ ее и выставляетъ на видномъ мѣстѣ на самомъ заводѣ для руководства надсмотрщикамъ. За восемь, по крайней мѣрѣ, дней до начала перваго производства, заводчикъ долженъ представить *смѣту всего своего производства* на цѣлый мѣсяць впередъ и потомъ, во все время производства, черезъ каждый мѣсяць представлять такую же смѣту за каждый новый мѣсяць впередъ. Эта смѣта (Betriebsplan)

¹ Schinmelfennig стр. 215 и слѣд.

должна содержать роспись занятіямъ на каждый день мѣсяца; въ ней должны быть обозначены дни, когда на заводѣ начинаютъ наполнять заторные и квасильные чаны и т. д. Притомъ, изъ всѣхъ квасильныхъ чановъ, находящихся на заводѣ, каждый долженъ быть употребляемъ лишь по очереди; всѣ не могутъ быть заняты въ одно и то же время; перегонка затора, заключавшагося въ томъ или другомъ чанѣ, не можетъ быть произведена раньше третьяго или четвертаго дня. О каждомъ измѣненіи въ производствѣ заводчикъ объявляетъ особо и, лишь получивъ на то разрѣшеніе, примѣняетъ его въ своемъ заводѣ. Квасильные чаны вмѣстимостью менѣе 300 квартъ не допускаются, и въ одинъ день не можетъ быть приготовляемо менѣе 900 квартъ затора; наполненіе квасильныхъ чановъ не дозволяется производить иначе какъ отъ 6 часовъ утра до 10 вечера, отъ октября до марта, и отъ 4 часовъ до 10 въ остальное время года. Самая смѣта производства оставляется въ акцизномъ управленіи, а подписанная послѣднимъ копія вывѣшивается въ заводѣ. Каждые два или три дня, по крайней мѣрѣ, акцизный чиновникъ долженъ посѣщать заводъ и удостовѣряться, согласно ли съ вывѣшенной смѣтою производится работа, и записываетъ въ приложенную къ ней тетрадь все имъ найденное на заводѣ, то-есть, что находилось въ томъ или другомъ сосудѣ, какіе сосуды были пусты и т. д. Въ концѣ мѣсяца всѣ замѣчанія акцизныхъ надзирателей повѣряются инспекторомъ, подробно разсматривающимъ возвращаемыя, въ концѣ мѣсяца, съ заводовъ смѣты и тетради. Особенности правила опредѣляютъ измѣненіе и употребленіе не только всѣхъ главныхъ, но и второстепенныхъ сосудовъ и аппаратовъ. Квасильные чаны, находящіеся на время безъ употребленія, должны всегда быть поставлены криво; если они находятся безъ употребленія болѣе трехъ дней, то акцизный надзиратель можетъ запереть ихъ или сдѣлать невозможнымъ ихъ употребленіе безъ его вѣдома, припечатавъ своею печатью на днѣ доскутъ бумаги и надписавъ на бумагѣ своею рукою число и мѣсяцъ; также могутъ быть запираемы чиновникомъ и перегонные кубы на все время, пока они будутъ находиться безъ употребленія.

Эта новая система была приведена въ исполненіе съ такимъ успѣхомъ и имѣла столь благоприятные результаты, что уже 10 января 1824 г. она была окончательно признана удовлетворитель-

ною, и прежняя форма налога, оставшаяся еще для заводовъ, выкуривающихъ спиртъ изъ веществъ не мучныхъ и не имѣющихъ нужды въ броженіи въ квасильныхъ чанахъ, была замѣнена налогомъ на сырой матеріалъ.

Однако же новая форма налога уже успѣла оказать свое вліяніе на производство тѣмъ, что задала изобрѣтательности заводчиковъ новую задачу. Прежняя форма налога побуждала ихъ производить изъ *даннаго количества затора или сыраго матеріала возможно большее количество спирта возможно скорѣйшимъ путемъ*; теперь задача состояла въ томъ, чтобы изъ *затора, занимающаго возможно меньше мѣста*, добывать возможно больше чистаго спирта или алькоголя. Такимъ образомъ уже къ 1824 году вмѣсто того, чтобы къ веществу, служащему для затора, прибавлять до 800% воды, стали разбавлять его лишь количествомъ около 500 или 600% воды, старались образовать болѣе густой заторъ, и вмѣсто того одна кварта спирта добывалась изъ гораздо меньшаго количества затора тѣмъ прежде. Потому, закономъ 10 января 1824 г. прежній налогъ одного гроша трехъ фѣенн., или, по новой монетной системѣ, одного зильбергроша $6\frac{1}{4}$ фѣенн.,¹ долженъ былъ впредь взиматься уже не съ каждыя 25 кварта емкости квасильныхъ чановъ, а съ каждыя 20 кварта, что составляетъ возвышеніе налога на 20%. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія небольшихъ и притомъ сельско-хозяйственныхъ винокурень, выкуривающихъ въ день не болѣе 900 кварта затора, и находящихся въ дѣйствіи лишь отъ 1 ноября до 1 мая, предполагалось взимать съ нихъ лишь по одному грошу 4 фѣенн. съ каждыя 20 кварта затора.

До 1824 года для винокурень, выкуривающихъ спиртъ изъ не мучныхъ веществъ, существовала еще старая форма налога съ емкости перегонныхъ кубовъ. Теперь она была замѣнена налогомъ на количество выкуриваемаго матеріала: съ cadaго прусскаго ведра виноградныхъ выжимокъ, ягодъ или плодовъ по 4 зильбергроша, а съ cadaго ведра винограднаго вина, фруктоваго вина или винныхъ дрожжей по 8 зильбергрошей. Для этихъ винокурень опредѣлены были правила, подобныя тѣмъ, какія установлены были для винокурень, выкуривающихъ

¹ Прежде талеръ раздѣлялся на 24 гроша, теперь на 30 *новыхъ* или *зильберъ-грошей*.

спиртъ изъ мучныхъ веществъ; они должны представлять ежемѣсячныя деклараціи и не могутъ объявлять менѣе 15 прусскихъ ведеръ, для веществъ перваго рода, обложенныхъ 4 грошами съ ведра; въ случаѣ выкурки веществъ, обложенныхъ по 8 грошей, заводчикамъ не дозволяется производить менѣе 7 ведеръ въ мѣсяцъ; если же они выкуриваютъ не болѣе *этого количества въ годъ*, то вся выкурка должна быть произведена въ одинъ мѣсяцъ, и заводъ вслѣдъ затѣмъ закрывается и запирается на ключъ акцизнымъ начальствомъ. Самая выкурка должна производиться по опредѣленнымъ правиламъ, и для каждаго акта назначенъ извѣстный срокъ; также опредѣлены извѣстныя правила для наблюденія за количествомъ находящагося у заводчика въ запасѣ и дѣйствительно имъ выкуриваемаго матеріала ¹.

Между тѣмъ, прусская система налога продолжала оказывать свое вліяніе на технику винокуренія, которое съ удивительною быстротою стало обгонять повышеніе налога. Уже въ 1838 году правительство должно было вновь повысить налогъ, принявъ въ основаніе, что одна кварта 50° спирта производится уже не изъ 20 квартъ затора, а лишь изъ 15³/₄ квартъ, а для небольшихъ заводовъ изъ 18³/₄ квартъ, и потому, вмѣсто прежнихъ 1 зильберг. 6³/₄ пфенн. съ 20 квартъ затора, положено взимать по 2 зильберггроша съ 20 квартъ затора, то-есть по 1 зильберг. 6³/₄ пфенн. съ каждыхъ 15³/₄ квартъ и по 1 зильберггр. 8 пфенн. съ 20 квартъ на небольшихъ сельско-хозяйственныхъ винокурняхъ. Увеличеніе количества добываемаго спирта изъ даннаго количества затора зависѣло отчасти оттого, что, при болѣе густомъ заторѣ, въ него стало входить болѣе выкуриваемаго вещества, но въ значительной степени зависѣло оно и отъ употребленія усовершенствованныхъ аппаратовъ, дававшихъ возможность изъ даннаго количества затора добывать гораздо большее количество спирта чѣмъ прежде. Дитерици, въ своихъ статистическихъ обзорѣніяхъ за 1841¹/₄ года, говоритъ (стр. 321), что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1842 году добывалось на винокурняхъ *среднимъ числомъ изъ 8 квартъ затора 1¹/₄ кварта спирта въ 50° крѣпости* Траллесова спиртометра; цифра, да-

¹ Schimmelpfennig *die ind. Steuern*, стр. 277 и слѣд. Морица Моля Рапортъ р. 54 и слѣд.

деко оставившая за собою данныя, послужившія основаніемъ измѣненія налога въ 1838 году.

Это заставило правительство прибѣгнуть къ новому измѣненію въ раскладкѣ налога. Въ 1854 году положено взимать съ 20 квартъ емкости заторныхъ чановъ по 2 зильбергр. 6 пфенн. до 1 августа 1855 года, а за тѣмъ 3 гроша на большихъ винокурняхъ, на малыхъ же винокурняхъ—до 1 августа 1855 года по 2 гр. 3 пф., а съ 1 августа 1855 года по 2 гр. 6 пф.

Несмотря однако на всѣ эти измѣненія, налогъ, по словамъ статистика Редена ¹, въ дѣйствительности, вмѣсто 1 зильбергр. 6¹/₄ пфенн. на кварту спирта 50 градусной крѣпости, не превышаетъ въ восточной Пруссіи 8 пфенн., въ западной Пруссіи 9 пф., въ Помераніи 10 пф., въ остальныхъ провинціяхъ Пруссіи среднимъ числомъ 8 пфенниговъ, лишь въ Вестфаліи онъ доходитъ до 1 зильбергр. 1¹/₂ пфенн.

Въ тѣсной связи съ періодическими измѣненіями въ раскладкѣ налога на спиртовые напитки въ Пруссіи находится и самая доходность его для правительственной казны. Въ 1820 году доходность его не превышала 3.897.957 талеровъ и не увеличивалась почти до 1824 года, когда вслѣдствіе измѣненія въ раскладкѣ налога онъ далъ до 5.113.000 тал. Потомъ доходъ увеличивался мало-по-малу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и дошелъ до 5.400.000 тал. въ 1832 году; затѣмъ сталъ снова упадать, и въ послѣдней половинѣ 30-хъ годовъ не превышалъ 5.000.000 тал. Законъ 1838 года далъ ему новый толчокъ: онъ дошелъ въ 1838 же году до 5.600.000 тал. и, быстро возвышаясь, въ 1841 году до 6.400.000 тал. Но когда техника начала быстро совершенствоваться производство, доходъ правительства вновь сталъ постепенно понижаться и въ 18³⁰/₃₀ годахъ дошелъ среднимъ числомъ до 4.700.000 тал. Законъ 1854 года опять возвысилъ его на прежнюю высоту, а въ 1858 году онъ равнялся уже почти 7.000.000 талеровъ, и безъ сомнѣнія могъ бы превзойти эту сумму, еслибы поражалъ все количество производимаго спирта, и еслибы правительство не уменьшало само своихъ доходовъ, допуская искусственное покровительство небольшимъ сельско-хозяйственнымъ винокурнямъ.

¹ *Allgemeine Finanz-Statistik* von Fr. v. Reden. 14 Heft. Preussen, стр. 106.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что винокурение приноситъ большую пользу сельскому хозяйству, давая его производеніямъ форму, болѣе удобную для перевоза и сохраненія, доставляя сбытъ значительной части этихъ производеній и выгодный кормъ скоту; потому нельзя, если не огибаемся, одобрить англійскую форму налога на продукты винокурения, какъ въ значительной мѣрѣ стѣсняющую его и сосредоточивающую его въ немногихъ громаднѣхъ заводахъ. Но столь же неестественнымъ представляется намъ и искусственное поощреніе маленькихъ заводовъ, находящихся въ связи съ сельско-хозяйственными предпріятіями, въ ущербъ большимъ городскимъ винокурнямъ, въ особенности же въ томъ видѣ, въ какомъ это поощреніе существуетъ въ Пруссіи. Эти такъ-называемыя сельско-хозяйственныя небольшія винокурни, находящіяся въ ходу отъ 1 ноября до 1 мая и выкуривающія не болѣе 900 кварть затора въ день, могутъ по разчету Гофманна и Моля¹ выкурить ежегодно до 48.000 кварть спирта каждая, для чего потребуется около 445 шефелей (до 106 четвертей) ржи, что предполагаетъ уже довольно значительное хозяйство. Притомъ это право винокурения, не подвергнутое никакимъ стѣсненіямъ въ городахъ, въ селахъ и деревняхъ подлежитъ допотопнымъ ограниченіямъ. Оно предоставлено лишь извѣстному числу дворянскихъ имѣній, и вновь пріобрѣтать это право могутъ имѣнія цѣнностію не ниже 15.000 т.; всѣ же такъ-называемыя крестьянскія земли совершенно исключены отъ этого права. Мало того, даже самый сбытъ этихъ винокурень обезпеченъ тѣмъ, что къ каждой изъ нихъ приписано извѣстное число кабаковъ, которые обязаны покупать на ней потребное для нихъ количество спирта и водки,—вопіющая несправедливость относительно потребителей. Эту водку заводчикъ навязываетъ своимъ работникамъ; нерѣдко за доставку картофеля, потребнаго для винокурения, уплачивается небольшимъ хлѣбопашцамъ не деньгами, а водкой; понятно, сколько вреда всему населенію приносятъ эти мелкіе монополисты. Но еще болѣе убытка терпитъ отъ нихъ казна: она уступаетъ этимъ заведеніямъ около $\frac{1}{6}$ налога, уже безъ того не высокаго; постоянное

¹ Hoffmann *Lehre von den Steuern* стр. 279. Moritz Mohl *Das Württembergische Brand-Wein-Steuer-Gesetz. Commissions-Bericht.* 1852. стр. 51.

увеличеніе ихъ числа отбиваетъ сбытъ у городскихъ большихъ и среднихъ винокурень; надзоръ за ними стоить казнѣ весьма дорого; притомъ строгое соблюденіе формальностей контроля повлекло бы за собою большія хлопоты, между тѣмъ какъ снисхожденія, дѣлаемыя этого рода заводамъ, ведутъ нерѣдко къ умноженію злоупотребленій и къ контрабандѣ со стороны не всегда добросовѣстнаго заводчика.

Вліяніе этого страннаго покровительства на все винокурение мы яснѣ всего увидимъ изъ слѣдующаго ряда цифръ, заимствованныхъ нами изъ статистическихъ обзорѣній Диетрици ¹:

Въ Пруссіи было винокурень:

	Въ городахъ.	Въвъ городовъ.	Всего.	Приносящихъ казнѣ доходовъ на
Въ 1831 году. . .	4.420	9.399	13.819	5.248.579 тал.
— 1836 —	3.605	9.956	13.561	5.198.729 —
— 1841 —	2.459	8.677	11.136	6.477.255 —
— 1846 —	1.667	6.172	7.839	4.470.094 —
— 1848 —	1.720	7.227	8.947	5.353.439 —
— 1852 —	1.476	6.026	7.502	4.609.710 —

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ число городскихъ винокурень уменьшилось мало-по-малу, уменьшеніе не городскихъ было далеко не такъ значительно, число же привилегированныхъ винокурень прибавлялось въ значительной степени:

Въ 1831 г. мелк. дерев. винок. было 1.691 и платили онѣ 350.000 тал. нал.
— 1841 — — — — — 3.036 — — 432.330 — —

Слѣдовательно на каждую изъ этихъ винокурень приходится налога на $\frac{1}{3}$ меньше, чѣмъ въ 1831 году. Какъ незначительны нѣкоторыя изъ этихъ винокурень, видно изъ того, что въ 1831 году изъ числа 1691 винокурни 1221 приносили казнѣ, среднимъ числомъ, не болѣе 270 тал. въ годъ, а 467 винокурень каждая не болѣе 40 талеровъ.

Въ особенности пострадали отъ привилегіи маленькихъ винокурень всѣ среднія, приносящія казнѣ меньше 5.000 тал. налога, но не пользующіяся уменьшеніемъ налога и которыя однако, по незначительности своей, не могутъ воспользоваться преимуществами дешеваго и улучшеннаго производства, по-

¹ Statist. Uebersichten von Dieterici für 18^{31/36} стр. 302. 18^{36/46} стр. 354 и 356. Schimmelpfennig стр. 39.

добно большимъ ¹: такъ между 1838 и 1851 годами число большихъ винокурень возросло въ Пруссіи отъ 78 до 101, то-есть на 42%, число маленькихъ винокурень увеличилось на 9%, число же среднихъ упало съ 5.575 до 1.945, то-есть на 33%; до 3.632 винокурень исчезли въ эти 12 лѣтъ ².

Несмотря на недостатки, указанные нами, прусская система имѣетъ, какъ мы видѣли, огромныя преимущества передъ рассмотрѣнными нами прежде системами: своею простотой она даетъ возможность взимать безъ затрудненія и большихъ расходовъ налогъ, не превышающій 75 коп. сер. на русское ведро; не направляя винокурения на ложный путь, вредный для самаго качества продукта, подобно налогу на емкость перегонныхъ кубовъ, не стѣсняя его, подобно англійской системѣ, множествомъ контрольных мѣръ и не сосредоточивая его, въ ущербъ земледѣлю, въ немногихъ рукахъ, она однако оставляетъ производству широкое поле для усовершенствованій и, на нѣкоторое время, даетъ заводчикамъ возможность воспользоваться всѣми, происходящими отъ такого усовершенствованія, выгодами. Между тѣмъ, она и правительству даетъ возможность слѣдить за этими усовершенствованіями и мало-помалу, сообразно имъ, перемѣнять и самую раскладку налога. Наконецъ вся дальнѣйшая торговля спиртовыми напитками свободна въ Пруссіи отъ стѣсненій и контроля (конечно, кромѣ пріобрѣтенія права на продажу напитковъ посредствомъ уплаты промысловаго налога); лишь отпускъ съ завода нѣсколько контролируется правительственными чиновниками, но количество этого отпуска не служитъ основаніемъ при взиманіи налога; дальнѣйшая судьба напитковъ, ихъ переходъ изъ рукъ въ руки, не занимаютъ акцизное управленіе, чтò, безъ сомнѣнія, значительно удешевляетъ стоимость взиманія налога. Последнее, то-есть взиманіе, производится посредствомъ весьма правильно организованнаго управленія, общаго для всѣхъ косвенныхъ налоговъ и обезпечивается штрафами за незаконное винокурение, заключающимися во взиманіи слѣдующаго налога

¹ Reden. стр. 300.

² Въ 1852 изъ общаго числа 7.502 винок. до 2077 выкурили 3.288.030 пфенней жита; 4040—16.295.541 картофеля; 1385 винокурень занимались выкуркою не мучныхъ веществъ; эти послѣднія винокурни, ничтожныя по своему размѣру, приносятъ весьма незначительный доходъ казнѣ, такъ что на каждую приходится не болѣе 17 талеровъ налога.

въ 4, 8 и 16 разъ и во временномъ или совершенномъ запрещеніи винокурения виновному; нарушение же предписанныхъ правилъ, со стороны винокуровъ, наказывается штрафами отъ одного до 100 талеровъ.

Всѣ эти преимущества прусской системы были причиною, что она была принята почти во всей Германіи и въ нѣкоторыхъ не германскихъ государствахъ западной Европы, и вездѣ съ равнымъ успѣхомъ.

Въ Бельгіи въ 1833 году опредѣлено было взимать до 80 сантимовъ съ каждаго гектолитра емкости квасильныхъ чановъ, за каждые 24 часа рабочаго времени. Налогъ былъ уменьшенъ на 15% для винокурень, имѣющихъ лишь одинъ перегонный кубъ, вмѣщающій не болѣе 5 гектолитровъ, если хозяева держать на каждые $1\frac{1}{2}$ гектол. емкости квасильныхъ чановъ по 1 рогатой скотинѣ и обрабатываютъ не менѣе 1 гектара земли. Налогъ на спиртовые напитки внутренняго приготовления доставилъ Бельгіи въ 1855—57 годахъ до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ годоваго дохода (взималось $1\frac{1}{2}$ франка съ гектолитра квасильныхъ чановъ; въ настоящее время, по случаю уничтоженія октруа, этотъ налогъ повышенъ до 2 ф. 45 сант.)

Саксонское королевство и другія, такъ-называемыя саксонскія и тюрингенскія государства средней Германіи, составили съ Пруссіею въ 1833 же году общій союзъ и ввели у себя прусскую систему косвенныхъ налоговъ, такъ что съ этого года весь доходъ съ общаго налога во всѣхъ этихъ государствахъ соединяется въ одну общую кассу и уже потомъ дѣлится между ними, смотря по числу населенія каждаго изъ нихъ.

Ганноверъ и Ольденбургъ тоже приняли въ 1835 году прусскую систему и образовали также союзъ для общаго взиманія податей и налоговъ. Въ исторіи налога на спиртовые напитки въ Ганноверѣ замѣчательнымъ образомъ повторяются тѣ же явленія и тѣ же послѣдствія ихъ, которыя мы видѣли въ Пруссіи. Въ 1817 году въ Ганноверѣ былъ введенъ налогъ съ емкости перегонныхъ кубовъ; величина налога видоизмѣнялась, смотря по устройству винокуренныхъ аппаратовъ; это не помѣшало развитію злоупотребленій и несостоятельности налога для казны. Въ 1833 году былъ введенъ налогъ на квасильные чаны, а въ 1835 году эта форма была принята окончательно, причѣмъ въ основаніе взято отношеніе спирта къ коли-

честву затора какъ 1: 24. Нѣкоторыя льготы были даны такъ-называемымъ хозяйственнымъ винокурнямъ. Дѣйствіе новой формы налога на правительственный доходъ было самое благоприятное: доходъ, не превышавшій, среднимъ числомъ, въ 18⁴⁷/₅₀ годахъ 325.000 талер., разомъ поднялся до 500.000 тал.; но уже въ 40-хъ годахъ онъ, вслѣдствіе улучшеній въ производствѣ, началъ быстро падать; это заставило правительство принять въ 1849 году новое основаніе для раскладки налога, и положено было, что количество спирта къ количеству затора относится какъ 1: 16, отношеніе весьма благоприятное для винокуровъ, потому что уже въ 18⁴¹/₅₀ годахъ это отношеніе равнялось въ посредственныхъ винокурняхъ 1: 10, а въ хорошихъ 1: 8. Несмотря на то, доходъ правительства отъ налога на спиртовые напитки, упавшій передъ 1849 годомъ до 350.000 тал., быстро возросъ уже въ 18⁴⁹/₅₀ году до 580.000 тал.¹, а въ 18⁵²/₅₀ году вновь не превышаетъ 540.000 тал., слѣдовательно опять началъ понижаться отъ успѣховъ въ технику производства.

Австрія приняла въ 1835 году прусскую же систему для своего налога на фабрикацію спирта, какъ для мучныхъ, такъ и для немучныхъ веществъ, но къ счастью, она не переняла у Пруссіи ея покровительственныхъ мѣръ, упомянутыхъ нами выше. Впрочемъ до 1849 года въ Венгріи этотъ налогъ вообще не существовалъ, а въ остальныхъ частяхъ Австріи его величина была различна. Въ 1835 году было положено взимать съ австрійскаго ведра емкости квасильныхъ чановъ для мучныхъ веществъ и съ зернистыхъ плодовъ (яблоки, груши) по 9 крейцеровъ, а въ Галиціи по 6 крейцеровъ, съ остальныхъ же плодовъ по 13 кр. съ ведра, а въ Галиціи по 9 крейц. При этомъ въ основаніе бралось, что съ каждаго ведра затора или плодовъ выходитъ до 2 или 3 маасовъ спирта². Между тѣмъ, въ дѣйствительности получалось съ мучныхъ веществъ и зернистыхъ плодовъ до 3¹/₂ и 4, а съ остальныхъ плодовъ до 4¹/₂ и 5 маасовъ спирта. Вотъ почему въ 1849 году налогъ былъ повышенъ съ мучныхъ веществъ, къ которымъ причисляются картофель, земляныя груши и нѣкоторыя сорта свеклы, и съ зернистыхъ плодовъ до 10 крейцеровъ, съ

¹ Lehzen. *Hannover's Staatshaushalt* 1853 стр. 382. v. I. Reden. fünftes Heft стр. 762.

² Австрійское ведро содержитъ 40 маасовъ и равняется 56, литрамъ или 3 ведр. 6.8466 круж. рус.

прочихъ плодовъ до 15 крейц. ¹, а съ сахарнаго сыропа до 3 гульденовъ съ австрійскаго ведра выкурённаго изъ него спирта. Новый законъ былъ распространёнъ и на Венгрію, и различіе между Галиціей и остальными частями Австріи было уничтожено. Въ 1853 году налогъ былъ еще повышенъ до 14 крейц. съ австрійскаго ведра затора и до 21 крейц. сыраго матеріала.

Несмотря на несуществованіе особыхъ привилегій для сельско-хозяйственныхъ винокурень, мы видимъ однако, что при описываемой нами формѣ налога, онѣ могли вполне соперничать съ большими винокурнями. Всего было въ Австріи винокурень

Въ 1841 году.	16.502
— 1842 —	14.817
— 1847 —	20.537
— 1848 —	18.867

Изъ этого числа было:

Въ 1841 г.	$\left. \begin{array}{l} \text{большихъ вино-} \\ \text{курень съ сабрит-} \\ \text{ныхъ производствъ.} \end{array} \right\}$	61	средн.	3.005	сельско-хозяйствен- ныхъ, въ которыхъ винокурение было не главнымъ занятіемъ за- водчика,	13.436
— 1842 —		68	—	2.895		11.854
— 1847 —		107	—	2.043		18.387
— 1848 —		111	—	1.926		16.930

Мы видимъ, что въ 7 лѣтъ число большихъ винокурень удвоилось; число среднихъ значительно уменьшилось, ибо онѣ не могли слѣдовать за улучшеніями въ первыхъ; число же сельско-хозяйственныхъ даже увеличилось, несмотря на то, что онѣ не пользовались никакими льготами относительно налога; это доказываетъ, что выгоды, получаемыя ими отъ добыванія дешеваго корма, отъ улучшенія хозяйства и т. д., вполне вознаграждаютъ потери отъ несовершенства техническихъ приѣмовъ. Какъ быстро улучшалось въ Австріи производство, подъ вліяніемъ новой системы налога, мы можемъ видѣть изъ того, что въ 1841 году было въ ея винокурняхъ въ употребленіи до 2.049 улучшенныхъ перегонныхъ аппаратовъ (Шторіуса, Галля, Дорна, Шварца, Касперовскаго), въ 1847 году ихъ было до 2.804; въ 1849 году до 3.000. Между тѣмъ, тѣ же улучшенія должны были оказать свое всегданнее вліяніе на доходъ

¹ Эти величины равняются 1 зб. гр. 4 пѣenni. и 2 зилб. гр. съ 20 кварть прусской мѣры затора, слѣдовательно значительно ниже прусскаго налога.

казны, ибо они вели къ тому, что требуемое для потребленія страны количество спирта добывалось изъ гораздо меньшаго количества затора чѣмъ прежде, а этииъ причинялся убытокъ казнѣ, взимающей налогъ съ количества выкуриваемаго затора. Такъ, въ 1841 году затора и сыраго матеріала было обложено налогомъ до 28.077.858 австрійскихъ ведеръ (эймеровъ), а

въ 1842	лишь	26.898.306	эймеровъ
въ 1848	—	15.623.451	—
въ 1849	—	14.082.617	—

между тѣмъ какъ количество добываемаго за эти года спирта постоянно увеличивалось, а не уменьшалось.

Доходъ казны, равнявшійся въ 1841 году 3.900.000 гульденовъ, не можетъ быть въ точности опредѣленъ, по неполнотѣ австрійскихъ финансовыхъ отчетовъ, но по даннымъ, которые сообщены Тенгоборскимъ и Реденомъ, можно судить, что въ 1857 году получалось до 27,500.000 гульденовъ налоговъ на напитки вообще, а по показаніямъ Рау въ 1856 г. одни спиртовые напитки доставили казнѣ до 9.393.336 гульденовъ. Что до высоты самого налога на спиртъ, то разчитывая выходъ вина отъ 3,75 до 4,75 маасовъ съ эймера затора, получимъ, что съ эймера 50° крѣпости взимается до 1 гульд. 46 кр. и до 2 гульд. 6 кр., что даетъ на русское ведро отъ 29 до 35 коп. сер. ¹.

VI.

Слѣдующая таблица покажетъ, для разсмотрѣнныхъ нами государствъ, значеніе налога на спиртовые напитки, въ общемъ бюджетѣ государственныхъ расходовъ и доходовъ, и сравнительную тяжесть самого налога.

(*) Объ австрійскомъ налогѣ смотри: Докладъ Морнца Моля, стр. 64. Редена *Статистика финансовая*, 11-ая тетрадь, 157. *Tafeln zur Statistik der Oestr. Monarchie für 1842*. Wien 1846. *Uebersichts Tafeln der Oestr. Monarchie 1850*, стр. 31, 32.—Тенгоборски. *Finances d'Autriche 1843*. t. II, pag. 50.

	Число жителей в милл. омахъ.	Сумма всѣхъ доходовъ государства.	Сумма доходовъ съ спиртовыхъ напитковъ.	Сумма доходовъ съ спиртовыхъ напитковъ въ рубль и серебр.		Отношеніе дохода съ спиртовыхъ напитковъ къ общему доходу государства въ проц.	На русское вино приходящаяся часть налога.		Года.
				Руб. Кол.	Серебр.		Р. Кол.	Серебр.	
Въ Великобританіи.	30	64.000.000 ф. ст.	12.200.000 £.	77.680.000	2 59	19 ⁰ / ₁₀	6	49 ⁵ / ₅	1859—60
— Франціи.	36	1.900.000.000 фран.	48.000.090 \$.	12.000.000	—	2 ¹ / ₂ %	1	50	1856
— Пруссіи.	17.7	418.000.000 тал.	7.000.000	6.440.000	—	6 ¹ / ₂ %	—	75	1858
— Ганноверъ.	1.8	19.400.000 тал.	540.000	496.800	—	27 ⁵ / ₅ %	—	—	1859
— Австріи.	35	273.000.000 гул.	9.300.000	6.045.000	—	17 ¹ / ₅ %	—	—	1856
— Бельгіи.	4.5	139.000.000 фран.	11.600.000 \$.	2.900.000	—	64 ¹ / ₆ %	—	—	1857

* Эта цифра составлена слѣдующимъ образомъ: 9.700.000 фун. стр. съ напитковъ внутреннего производства 2.500.000 — — — — — 12.200.000 фун. стр.

Этотъ разчетъ не включаетъ въ себѣ сбора съ лиценцій, т. е. за право производства и распродажи напитковъ, взимаемыхъ не во всѣхъ государствахъ и падающихъ въ видѣ промыслового, т. е. прамата налога.

* Эта цифра составлена изъ слѣдующихъ:
 съ общаго налога на потребление. 93.800.000 франковъ
 налога взимаемаго при ввозѣ въ города. 2.500.000 —
 при розничной продажѣ. 14.300.000 —
 въ Парижѣ. 5.000.000 —
 съ привозныхъ напитковъ. 2.400.000 —
 — — — — — 48.000.000 —

* Эта сумма составлена изъ слѣдующихъ:
 съ напитковъ въ внутренняго производства 6.500.000 франковъ.
 привозныхъ. 5.100.000 —
 — — — — — 11.600.000 —

* Принимаемая при переводѣ въ действительную стоимость монетныхъ единицъ различныхъ государствъ valeur intrinsèque фунтъ стерл. = 6 р. 40 коп. сереб.
 франкъ = 25 — — — — —
 талеръ = 92 — — — — —
 гульденъ австрійскій = 65 — — — — —

Мы старались вкратцѣ разсмотрѣть формы налога на спиртовые напитки въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государствахъ Европы и указать на недостатки и достоинства каждой формы въ отдѣльности.

Практическіе результаты и условія, при которыхъ возможно существованіе той или другой формы налога, имѣютъ особенно живой интересъ въ виду готовящейся реформы питейныхъ сборовъ въ Россіи и недавно обнаруженнаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, постановленнаго въ 26 день октября 1860 года о введеніи въ Россіи съ 1-го января 1863 года, то-есть со времени окончанія нынѣ существующихъ питейныхъ откуповъ, одной общей, чисто акцизной, системы питейныхъ сборовъ.

Изъ этого мнѣнія государственнаго совѣта видно, что въ основаніе нашей будущей системы акцизныхъ сборовъ принята англійская система съ нѣкоторыми измѣненіями; именно: для каждаго рода продуктовъ, употребляемыхъ для винокуренія, устанавливается постоянная норма выходовъ вина; но если вслѣдствіе введенныхъ на заводѣ усовершенствованій въ производствѣ винокуренія, выходъ вина оказался бы болѣе, то за излишекъ противъ нормальнаго исчисленія взимается акцизъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Между тѣмъ, въ Англійи нормы для выхода вина не опредѣляются и не дѣлается никакого облегченія. Этою переменною хотѣли, вѣроятно, устранить то неудобство англійской системы, что она не только не даетъ заводчику никакого побужденія къ усовершенствованію своего производства, но и своими строгими правилами постоянно стѣсняетъ его въ нововведеніяхъ. Результаты трудовъ Высочайше утвержденной комиссіи о питейномъ акцизѣ еще не извѣстны въ публикѣ, и потому трудно догадываться въ какой формѣ будетъ утверждена новая система; но сколько извѣстно намъ, при опредѣленіи нормы выхода вина, принято во вниманіе низкое состояніе и неусовершенствованные способы нашего винокуренія; слѣдовательно эта норма очень низка, что будетъ служить значительною преміей заводчику, имѣющему возможность ввести у себя усовершенствованные способы. Что къ преобразованіямъ своихъ винокуренъ вскорѣ приступать всѣ заводчики, это не трудно предвидѣть, и здѣсь возникаетъ вопросъ: на сколько правительству возможно будетъ услѣдить за этими усовершенствованіями, и на сколько конкуренція большихъ винокуренъ, снабженныхъ капиталами для перестройки и улуч-

шеній, оставить свободы небольшимъ сельско-хозяйственнымъ винокурнямъ, въ пользу которыхъ принята низкая норма выхода вина. Мы не хотѣли бы предрѣшать вопроса, но намъ кажется яснымъ, что вскорѣ по введеніи предполагаемой системы, если только не желать совершеннаго уничтоженія мелкихъ винокурень, необходимо будетъ или перейти къ другой болѣе простой формѣ взиманія налога, или усилить контроль и ограничить премію; въ послѣднемъ случаѣ казна не избѣжитъ огромнаго и для насъ въ Россіи самаго важнаго недостатка англійской системы: мы разумѣемъ *сложность и строгость контроля*. Мы старались показать выше, что взиманіе налога по англійской системѣ возможно лишь при самомъ строгомъ и неослабномъ надзорѣ за винокурнями, а это потребуетъ у насъ громадныхъ издержекъ акцизнаго управленія. Далѣе при этой формѣ налога правительство должно имѣть возможность разчитывать на добросовѣстныхъ, вполнѣ знакомыхъ съ дѣломъ чиновниковъ испытанной честности. Вспомнимъ одно: и Англія пришла не разомъ ко всемъ строгимъ контрольнымъ мѣрамъ, которыя въ настоящее время ограждаютъ казенный интересъ. Настоящая форма акциза на спиртъ существовала въ Англіи гораздо ранѣе нынѣшнихъ положеній объ немъ, но англійское правительство должно было горькимъ опытомъ убѣдиться, что, безъ этихъ строгихъ мѣръ, введенная имъ форма акциза не могла принести казнѣ дохода, сколько-нибудь соответствующаго стоимости управленія. Мы выше приводили нѣсколько данныхъ, касавшихся числа судебныхъ преслѣдованій по корчемству въ тѣ времена; было время въ 20 годахъ, когда бѣльшая часть кабаковъ Шотландіи покупали водку открытымъ образомъ, лишь для вида, по нѣскольку ведеръ въ годъ, а всѣ свои запасы получали тайнымъ путемъ. При нашихъ пространствахъ, при малонаселенности Россіи, какимъ образомъ будетъ возможно услѣдить за тайнымъ производствомъ и продажей, и даже за тайнымъ отпускомъ спирта съ заводовъ, подлежащихъ контролю? Стоитъ открыть любую изъ синихъ книгъ (blue books), изданныхъ въ Англіи десятками томовъ объ акцизѣ, чтобы прочесть самыя интересныя свѣдѣнія о способахъ, придуманныхъ винокурами, въ различные времена, для тайной выкурки спирта; чтобы найти подробное описаніе трубъ, устраиваемыхъ ими изъ разныхъ сосудовъ, и которыя вели брагу или спиртъ иногда за нѣсколько десятковъ и сотъ сажень. Мы видѣли также, какую огромную и произвольную власть должно государство отда-

вать въ руки каждаго акцизнаго надзирателя, подъ присмотромъ котораго находится заводъ; сколько тутъ поводовъ можетъ найти недобросовѣстный чиновникъ для притѣсненій и злоупотребленій? Въ Англіи винокуренный заводчикъ имѣеть много средствъ защитить себя; высшее акцизное начальство всегда близко подъ рукою, а также и безпристрастный полицейскій судъ мирового судьи (которыхъ въ одной Англіи до 10.000); имѣющаго всегда власть надъ всякимъ, даже и надъ административнымъ чиновникомъ, предлагающаго законъ безъ излишнихъ формальностей, не имѣющаго ни присутственныхъ дней, ни мѣстъ присутствія, а дающаго судъ всегда и вездѣ; апелляцію на этотъ судъ можно всегда легко и удобно принести въ общее собраніе мировыхъ судей мѣстнаго графства, не отлучаясь далеко отъ своего дома; наконецъ всякой несправедливости, всякому злоупотребленію обиженный можетъ безпрепятственно давать полную огласку и навлечь на виновнаго гласное осужденіе, послѣ котораго нахожденіе на службѣ для послѣдняго уже невозможно. Согласится ли наше правительство, или будетъ ли оно въ состояніи въ соответствующихъ съ англійскими размѣрами учредить и у насъ такое же акцизное управление? Въ Англіи, на каждый акцизный округъ приходится $11\frac{3}{4}$ квадратныхъ географическихъ миль и въ главѣ такого округа находится начальникъ (collector), получающій до 3000 р. сер. жалованья; по такой пропорціи пришлось бы учредить въ одной Европейской Россіи до 9126 округовъ, а жалованье однихъ окружныхъ начальниковъ стоило бы казнѣ около $27\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей сереб.; но если бы даже удесятерить пространство такихъ округовъ, то на жалованье 913 окружнымъ начальникамъ пришлось бы употребить безъ малаго 3 милліона руб. сер. Сколько же потребуется на учрежденіе пѣшихъ и конныхъ надзирателей, и на уплату имъ до 500 и 600 руб. сер. каждому жалованья? Скажутъ, можно устроить заставы въ городахъ и на дорогахъ для наблюденія за движеніемъ спиртовыхъ напитковъ; но вспомнимъ, что во Франціи на пространство, равномъ Архангельской губерніи, пришлось для этого учредить армию въ 8000 сборщиковъ и разъѣздныхъ надзирателей.

Съ другой стороны, къ чему можетъ повести англійская система акциза? Въ Англіи, она повела къ сосредоточенію всего винокуреннаго производства, громаднаго по размѣрамъ, въ немногихъ заводахъ дѣйствительно гигантскихъ. Между тѣмъ,

въ 26 великороссійскихъ губерніяхъ, несмотря на стѣсненія, которыя откупная система питейныхъ сборовъ причиняетъ всему производству, состоитъ въ настоящее время 723 винокуренныхъ завода съ общею силой въ 112.800.000 ведръ; изъ нихъ 264 завода имѣютъ силы отъ 5.000 до 25.000 ведръ каждый. Въ 16 же привилегированныхъ губерніяхъ числится 4.437 винокуренныхъ заводовъ съ общею силой въ 50.058.388 ведръ; изъ нихъ до 3.142 имѣютъ силы отъ 800 до 20.000 ведръ каждый; почти половина всего числа заводовъ въ привилегированныхъ губерніяхъ имѣютъ силу, не превышающую 10.000 ведръ въ годъ.

Всѣ эти цифры представляютъ важные интересы промышленные, которыми нельзя пренебрегать, и капиталы, которыхъ перемѣщеніе въ другое производство не такъ удобно. Отъ уничтоженія откупной системы ожидали и ожидаютъ до сихъ поръ облегченія для всего винокуреннаго производства; ожидаютъ, что винокурение, сдѣлавшись доступнымъ сельскимъ хозяевамъ въ небольшихъ размѣрахъ, будетъ значительно содѣйствовать развитію нашего земледѣлія, составляющаго главнѣйшій источникъ нашего богатства. При суровомъ климатѣ, при невозможности извлечь изъ обработки земли достаточное количество корма для содержанія количества рогатаго скота, потребнаго, при улучшенныхъ системахъ полеводства, — для насъ будетъ имѣть огромное значеніе возможность съ выгодой прокармливать скоть остатками отъ винокурения и пивоварения. Вотъ почему и желательно, чтобъ эти два производства получили у насъ свое естественное, и по возможности, безпрепятственное развитіе. Что мелкіе заводы, связанные съ сельскимъ хозяйствомъ, могутъ, при прусской системѣ акцизнаго сбора, безъ покровительства со стороны казны и безъ ущерба ея доходу, съ успѣхомъ конкурировать съ большими, это доказываетъ намъ примѣръ Австріи. Если злоупотребленія возможны, при ослабленіи надзора за подобными заводами, при прусской системѣ, столь простой и удобной, то что же будетъ когда для разчета акциза не будетъ другаго основанія, кромѣ опредѣленнаго *minimum* выхода вина, когда нужно будетъ разчитывать и слѣдить за каждымъ ведромъ, выходящимъ съ завода? Всякое исключеніе изъ общаго правила, всякое облегченіе отъ общихъ контрольных мѣръ, терпимое на малыхъ заводахъ, поведетъ лишь къ злоупотребленіямъ, можетъ лишь причинить безпорядки.

Вотъ основанія, которыя приводятъ насъ къ убѣжденію, что примѣненіе у насъ англійской системы налога на спиртовые напитки не можетъ имѣть удачныхъ результатовъ; что оно поведетъ къ притѣсненіямъ заводчиковъ, со стороны акцизныхъ чиновниковъ, посредствомъ незаконныхъ требованій, и къ стачкѣ недобросовѣстныхъ заводчиковъ съ чиновниками въ ущербъ казнѣ; что оно повредитъ наконецъ и самому сельскому хозяйству, для котораго такъ важно освобожденіе винокурения отъ излишнихъ стѣсненій. Вблизи насъ мы видимъ другую систему, весьма простую въ своихъ основаніяхъ, не требующую постоянного и ежеминутнаго контроля и представляющую въ различныхъ странахъ, въ которыхъ она была принята, весьма удовлетворительные результаты. Постоянный контроль за винокуренными заводами у насъ, при огромныхъ нашихъ пространствахъ, долго еще не будетъ возможенъ; для насъ нуженъ прежде всего *вѣрный доходъ*, имѣющій твердое основаніе, *удобно собираемый, безъ сложной администраціи*, и *удобно контролируемый* на самихъ заводахъ. Такіе результаты, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ имѣть у насъ *налогъ на емкость квасильныхъ чановъ на винокурняхъ*, контролируемый *объявленіями заводчиковъ* объ употребляемыхъ ими аппаратахъ и о ходѣ производства, *объявленіями*, которыя легко могутъ быть повѣряемы акцизными чиновниками, при повсемѣстномъ учрежденіи *надежныхъ и образованныхъ мировыхъ судей съ судебно-полицейскою властью для огражденія, какъ интересовъ казны, такъ и интересовъ заводчиковъ, а также и для огражденія публичной нравственности отъ слишкомъ большаго распространенія шинковъ и питейныхъ домовъ*, и при назначеніи возможно *честныхъ и добросовѣстныхъ акцизныхъ чиновниковъ*, получающихъ за свои труды хорошее, вполне удовлетворительное вознагражденіе.

Въ противномъ случаѣ уничтоженіе откуповъ, отъ которыхъ у насъ ожидаютъ столько полезныхъ результатовъ, поведетъ лишь къ замѣнѣ однихъ злоупотребленій другими, къ убыткамъ казны и не дастъ даже винокуренной промышленности законнаго и полезнаго для страны развитія.

А. Кудомзинъ.

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ.

Вѣкъ правды, намъ твердятъ, насталь, и вотъ предъ нами
Стоять отжившіе и требуютъ суда.

Да воздастся же нельстивыми устами
И мертвымъ, какъ живымъ, заслуженная мзда.
Позоръ невѣжеству и горечь укоризны
Всѣмъ, кто во мглѣ ковалъ оковы на умы,
Кто ложью засѣвалъ поля своей отчизны
И будущимъ вѣкамъ готовилъ жатву тмы !
Но доброй памятью и чистою хвалою
Мы отъ души того признательно почитимъ,
Кто честно велъ борьбу съ неправдой вѣковою
И освѣщаль пути согражданамъ своимъ.
Кто въ обществѣ еще младенческомъ и новомъ
Будилъ живую мысль иль дѣломъ иль перомъ,
Того мы не казимъ враждебно-жесткимъ словомъ,
Но просвѣтителемъ народа назовемъ.
И не смѣшаемъ мы со славою правдивой,
Добытой подвигомъ всей жизни трудовой,
Минутной славы той, и суетной и лживой,
Которою успѣхъ вѣнчается порой.
И не пристанемъ мы къ толпѣ слѣпой и шумной,
Когда, въ ребяческомъ забвеніи она
Пятнаетъ весело худой своей безумной
Не даромъ чтимыя въ народѣ имена.

Вы, судьи строгіе достойныхъ доброй славы
На пользу общую трудившихся отцовъ!
Чѣмъ вызванъ противъ нихъ вашъ приговоръ неправый,
За что для нихъ всегда укоръ у васъ готовъ?
Вы въ прошломъ ничего не видите святаго
И для всего, что въ немъ блистало и цвѣло,
Вы носите въ устахъ презрительное слово,
И недостойно васъ все то, что отжило!
И благородный трудъ, и лучшія стремленья,
И жизнь, прожитую для чести и добра,

Все рады вы попать ногой безъ сожалѣнья,
 Все зачеркнуть однимъ движеніемъ пера.
 Въ дѣлахъ минувшаго никто для васъ не славенъ:
 И Петръ Великій малъ, и жалокъ Карамзинъ,
 И пошлы и смѣшны Жуковский и Державинъ;
 Послѣдній же изъ васъ предъ нами исполнитъ.
 Скажите же, за что всѣ васъ имъ упреки,
 Вы, настоящаго надменные сыны!
 Повѣдайте намъ, чѣмъ вы сами такъ высоки
 И ваши подвиги какіе свершены?...

Но что за гулъ вдали? Не радостныя ль клики,
 Какъ будто шумное какое торжество?
 То вся Германія свершаетъ пиръ великій
 Во славу дивнаго поэта своего!
 И въ пирѣ томъ слились какъ братья всѣ народы
 Во знаменье, что нѣтъ различія племенъ
 Въ отчизнѣ красоты и творческой свободы,
 Что жертвенникъ искусствъ для всѣхъ равно священъ.
 Да служить намъ ихъ пиръ примѣромъ и урокомъ!
 Народъ разумный чтитъ избранныхъ своихъ;
 Вѣнчанныхъ имъ вождей въ прекрасномъ и высокомъ
 Онъ цѣнитъ и хранитъ съ любовью память ихъ.
 Народу русскому да будутъ тѣмъ дороже,
 Тѣмъ выше имена родныхъ его свѣтилъ,
 Чѣмъ ими онъ бѣднѣй, чѣмъ онъ въ судьбахъ моложе.
 Онъ храму свѣта лишь начало положилъ:
 Ужели жъ станетъ онъ, въ огвѣгъ безразсудной,
 Святаго зданія основы разрушать?
 Да продолжаетъ онъ степенно подвигъ трудный:
 Цѣль юныхъ, бодрыхъ силъ да будетъ создавать,
 Иль безъ слѣда въ вѣкахъ онъ исчезнутъ сами.
 Богатъ наслѣдемъ лѣтъ, да не глумится внукъ
 Надъ неуспѣвшими всего свершить отцами
 И имъ вны проститъ во имя ихъ заслугъ,
 И если иногда смутится ихъ ошибкой,
 Въ нихъ камня за нее не броситъ онъ какъ врагъ,
 Но снисходительно разумною улыбкой
 Онъ встрѣтитъ ихъ порой колеблющійся шагъ.

Я. Гротъ.

1859 въ октябрѣ.

Опять обѣщанья,
Опять вы сулите;
«Терпѣнье, терпѣнье»
Вы мнѣ говорите.

«Прошло, миновало
Тяжелое прежде,
Не бойся, спокойно
Отдайся надеждѣ.»

Извѣрилось сердце,
Изныло глубоко,
Заря занялася;
Но солнце далеко.

Такъ радуга вѣдро
Сулить намъ порою;
Но старая туча
Виситъ за горою.

Измѣнится вѣтеръ,
А съ вѣтромъ и туча
Надвинется снова
Темна и могуча.

Извѣдалъ обманъ я
На опытъ горькомъ;
Мнѣ надобно солнце,
Не вѣрю я зорькамъ.

М. П. Розенгеймъ.

ЛЪВОЙ-ПРАВОЙ!..

Свѣжъ, завить, причесанъ гладко,
Въ парикъ съ двойнымъ проборомъ,
Улыбается такъ сладко,
Мало занятъ разговоромъ.
Въ чистыхъ, дѣвственныхъ перчаткахъ,
И въ услугахъ безконеченъ,
Онъ начальствомъ въ беспорядкахъ
Никогда не былъ замѣченъ.
Съ нимъ молчанье неразлучно,
Но зато, какъ воинъ бравый,
Онъ, гдѣ нужно—крикнетъ звучно:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Кавалеромъ бывши дамскимъ,
Чуждъ онъ моднаго трезвона,
И объѣдаетъ съ шампанскимъ
Постоянно у Донона;
Свѣта высшаго скиталець,
Знаетъ точно онъ науку,
Что подать кому — гдѣ палець,
Гдѣ два-три, а гдѣ всю руку.
На бильярдѣ, кію вѣрный,
Подвизается со славой,
Ходитъ съ выправкой примѣрной —
Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Трудъ считая лишней ношей,
Изо всей литературы
Объ одной онъ Ригольбоши
Перечитывалъ брошюры.
Аплодируя Ристори,
Больше читилъ онъ Леотара,
И чуждался въ шумномъ спорѣ
Полемическаго жара,—
И въ прогрессѣ и въ наукѣ,
Передъ гласностью лукавой
Умывалъ всегда онъ руки —
Лѣвой-правой, лѣвой-правой!..

Былъ всегда онъ скромно веселъ,
И—поклонникъ всѣхъ балетовъ—
Въ бенефисъ бралъ пару креселъ:
Для себя и для букетовъ.
Надъ ковромъ его кровати,
Съ увлеченіемъ поэта,
Муравьевой и Розатти
Два повѣшено портрета.
Онъ гордился безконечно
Межъ актрисъ почетной славой,
Но принципъ его сердечный —
Лѣвой-правой, лѣвой-правой...
Безъ душевныхъ бурь и ломки
Онъ судьбой своей утѣшень;
Подъ надзоромъ экономки
Сонъ его всегда безгрѣшень.
Подъ атласнымъ одѣяломъ
Грезить онъ — сны ясны, тихи —
О невѣстѣ съ капиталомъ,
О стотысячной купчихѣ.
Лишь порой, въ просонкахъ, громко,
Крикнетъ въ позѣ величавой,
Такъ что вздрогнетъ экономка:
— Лѣвой-правой, лѣвой-правой...

Д. МИНАЕВЪ.

1861.

EXCELSIOR!

(Изъ Longfellow.)

Тѣнь ночи спустилась на горы и доль —
Въ деревню альпійскую юноша шелъ:
Какое-то знамя держалъ онъ въ рукѣ,
Съ девизомъ на звучномъ, чужомъ языкѣ: —

Excelsior!

Въ глубокую думу онъ былъ погруженъ,
Сверкали глаза, какъ мечи изъ ноженъ;
Не звуки роговъ по горамъ раздались,
Звучалъ непонятный и странный девизъ: —

Excelsior!

Въ снѣгу по колѣна онъ входитъ въ село —
Тамъ въ избахъ счастливыхъ уютно, свѣтло:
Гора жъ ледяная какъ призракъ стоитъ...
Какъ вопль непонятное слово звучитъ: —

Excelsior!

«Останься!» — сказалъ ему горецъ — «глубокъ
И темень, и страшенъ въ ущелья потокъ;
Повисъ надъ долиной гремучій обвалъ...»
Но юноша внятно ему отвѣчалъ: —

Excelsior!

Вотъ дѣва ему говоритъ: «не ходи,
Ты здѣсь отдохнешь у меня на груди...»
Закапали слезы изъ синихъ очей,
Но тихо, вздыхая, отвѣтилъ онъ ей: —

Excelsior!

«Напрасно идешь ты въ ущелья одинъ,
Опасенъ тамъ путь между сосенъ и льдинъ.»
Старикъ-поселянинъ кричалъ ему вслѣдъ.
Далеко, съ вершины, раздался отвѣтъ: —

Excelsior!

Когда лучъ разсвѣта скользнулъ по горамъ,
Сзывая монаховъ въ заоблачный храмъ,
Раздался въ обители набожный звонъ,
Въ удушливомъ воздухѣ слышался стонъ: —

Excelsior!

Съ собакой на поиски посланъ монахъ —
И къ вечеру путникъ былъ найденъ въ снѣгахъ.
Онъ знамя держалъ въ посинѣлой рукѣ,
Съ девизомъ на звучномъ, чужомъ языкѣ:

Excelsior!

Тамъ въ сумерки юноша очи смежилъ —
И, мертвый, живаго прекраснѣе былъ.
А съ неба какъ будто скатилась звѣзда —
Такъ громко въ выси прозвучало тогда:

Excelsior!

Всев. Костомаровъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

Изъ науки о человѣческомъ духѣ. П. Юркевича *Труды Кіевской духовной Академіи*. 1860. книжка четвертая.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ нашего журнала мы упомянули, при случаѣ, о статьѣ г. Юркевича, напечатанной въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, и обѣщали ближе познакомить съ нею нашихъ читателей. Имя г. Юркевича, преподающаго въ Кіевской академіи философію, встрѣтилось намъ здѣсь впервые, подъ статьєю, которая по своему объему (195 страницъ) могла быть издана особою книжкой, а по достоинству своего содержанія принадлежитъ къ лучшему, что когда-либо было писано у насъ по предмету философіи. Въ лицѣ г. Юркевича, мы привѣтствуемъ появленіе, въ нашей литературѣ, мыслителя съ истиннымъ призваніемъ, самостоятельнаго и вполне знакомаго съ задачами и способами своей науки. Направленіе его мысли свободно отъ односторонности и школьной исключительности, какъ и слѣдуетъ въ наше время которое обладаетъ опытами столькихъ вѣковъ и результатами столькихъ развитій человѣческаго мышленія. Намъ особенно пріятно то, что онъ въ полной мѣрѣ цѣнитъ требованія научнаго метода относительно тѣхъ предметовъ, которые принадлежатъ къ философскому вѣдѣнію. До сихъ поръ къ философскому вѣдѣнію относились главнымъ образомъ тѣ системы, которыя были поражаемы творчествомъ мысли: философія была поэзіей, діалектикой, созерцаніемъ; только теперь соглашается она быть наукой въ самомъ скромномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Было время, когда все на свѣтѣ заключалось въ философіи. Лишь въ новѣйшее время, изъ этого всеобщаго единства мало-по-малу выдѣлились особыя области, особыя науки, которыя заботятся не о томъ, чтобы сохранить единство, а напротивъ о томъ, чтобы какъ можно болѣе обособиться, какъ можно рѣзче отдѣлиться, какъ можно рѣшительнѣе специализироваться. Индуктивный методъ, который такъ блистательно выработался и созрѣлъ въ естественныхъ наукахъ, привелъ здѣсь къ богатымъ и плодотворнымъ результатамъ. Но если механика, физика, химія, физиологія, есте-

ственная исторія, существовавшая прежде только въ туманѣ «-лософской энциклопедіи, приобрѣли отдѣльное существованіе, то также приобрѣтаеть его и наука о духѣ человѣческомъ. Вопросъ пока состоитъ не въ томъ, что такое духъ человѣческій, въ чемъ заключается его существо, а въ томъ безчисленномъ разнообразіи явленій, которыя относятся къ области человѣческаго духа, и къ которымъ принадлежатъ между прочимъ и механика, и физика, и химія, а равно и тѣ системы мышленія, которыя готовы отрицать всякое духовное начало. Сомнѣніе и вѣрованіе, скептицизмъ и догматизмъ, матеріализмъ и идеализмъ, въ равной мѣрѣ принадлежатъ къ одной и той же безконечной области человѣческаго духа. Эта область, исполненная нестоицимаго обилія явленій, начиная отъ самыхъ индивидуальныхъ ощущеній, чувствованій, желаній, движеній мысли, непосредственно знакомыхъ каждому изъ собственного опыта, до самыхъ громаднѣхъ проявленій, обнимающихъ цѣлыя поколѣнія, цѣлыя общества, цѣлое человѣчество,—представляетъ особый порядокъ фактовъ, котораго не касается и не можетъ касаться ни одна изъ наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ явленія внѣшняго опыта, не можетъ, потому что каждая изъ нихъ заботится только о томъ, чтобы знать свой предметъ и не выходить изъ своихъ спеціальныхъ предѣловъ. Химія перестанетъ быть химіей, если вздумаетъ рѣшать вопросы механики, и обѣ онѣ потеряютъ свой предметъ, если вздумаютъ наблюдать за какимъ-нибудь нравственнымъ развитіемъ или изучать законы той умственной дѣятельности, изъ которой вышли онѣ сами какъ ея продуктъ. Если физикъ или химикъ можетъ имѣть ясное понятіе, напримѣръ, о тѣхъ логическихъ способахъ, какимъ слѣдуетъ мысль въ изученіи его предмета, то онъ знаетъ о нихъ не потому, что онъ физикъ или химикъ, не изъ тѣхъ данныхъ, которыя почерпаются изъ физическаго или химическаго опыта, но изъ другихъ источниковъ, изъ наблюденія надъ умственною дѣятельностью, изъ психологическаго опыта, принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи. Физикъ или химикъ могутъ знать объ этихъ процессахъ точно такъ же, какъ могутъ знать объ Александрѣ Македонскомъ или о Карлѣ Великомъ, но изъ другихъ источниковъ, а никакъ не вслѣдствіе своихъ физическихъ или химическихъ наблюденій. Вся тайна умственнаго прогресса въ последнее время состоитъ именно въ спецификаціи знанія. Только то знаніе считается знаніемъ, которое имѣетъ опредѣленный предметъ и относится непосредственно къ нему; напротивъ, всякая попытка судить объ одномъ предметѣ съ точки зрѣнія другаго, переносить понятія изъ одной сферы въ другую, рѣшать вопросы не на основаніи спеціальныхъ, относящихся къ этимъ вопросамъ

данныхъ, а на основаніи другой спеціальной, все это является признакомъ или невѣжества, или умственной незрѣлости, и во всякомъ случаѣ изгоняется изъ области науки. Нельзя рѣшать спеціальнѣйшій вопросъ одной науки, основываясь на аналогіяхъ, представляемыхъ другою, хотя эти аналогіи и могутъ пригодиться въ послѣдствіи, именно тогда, когда дѣло выяснится изъ своихъ собственныхъ источниковъ. Этого мало: было бы нелѣпостью выводить законы свѣта изъ наблюденій надъ законами звука, и наоборотъ; очевидно, какъ дважды два четыре, что законы свѣта всего естественнѣе и прямѣе выводить изъ явленій самого свѣта. Если правило это совершенно очевидно по отношенію къ понятіямъ, принадлежащихъ къ одному порядку знанія; то тѣмъ паче нѣбѣтъ оно смылу относительно областей совершенно разнородныхъ, относительно понятій, которыя образуются изъ данныхъ, совершенно между собою несоизмѣримыхъ. Вся естественныя науки, относящаяся къ внѣшней природѣ, отъ механики до физиологій, представляя собою самыя сложныя и разнообразныя операціи умственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе сводятся къ одному и тому же субстрату, къ одному и тому же порядку явленій, именно къ внѣшнему опыту. Первоначальныя элементы, отъ которыхъ отправляются эти науки, суть данныя нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и какимъ бы многообразнымъ и обширнымъ комбинаціямъ ни подвергались представленія, почерпнутыя изъ этого источника, какъ бы ни перерабатывались ихъ элементы въ умственныхъ процессахъ, и какъ бы высоко ни восходили эти процессы, основными элементами всѣхъ этихъ комбинацій остаются все-таки первоначальныя впечатлѣнія нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Основные элементы всего этого богатаго вѣдѣнія суть нечто иное какъ ощущенія зрѣнія, слуха, осязанія и т. д. Мы знаемъ, что есть явленія, которыя можно только слышать, есть другія, которыя можно только видѣть, есть такія, которыя доступны вообще для осязанія и т. д.; но мы не можемъ также не знать, что есть еще и такія явленія, которыя открываются собственнымъ непосредственнымъ чувствомъ, тѣ явленія, которыя такъ сказать сами себя чувствуютъ и извѣстны намъ изъ нихъ самихъ. Впечатлѣніе, производимое на меня чѣмъ-либо со стороны, есть фактъ моей жизни, мое ощущеніе, которое остается постороннимъ и внѣшнимъ для той силы, вещи, сущности,—назовите какъ хотите,—однимъ словомъ для того, что произвело на меня впечатлѣніе. Изъ моего ощущенія я прежде всего узнаю свое собственное состояніе и лишь посредственно то, что было его виною. Горькій вкусъ, зеленый цвѣтъ, это мои ощущенія, причиненныя произведеннымъ на меня дѣйствіемъ; горькій вкусъ, зеленый

цвѣтъ — явленія внѣшняго опыта, внѣшняго по отношенію къ тому предмету, который обозначается для насъ этимъ качествомъ. Видимыя, слышимыя, осязаемыя нами качества вещей суть не что иное, какъ наши собственныя ощущенія, которыми мы означаемъ вещи внѣшнимъ для нихъ образомъ. Но съ другой стороны эти акты, которые зовемъ мы нашими ощущеніями, извѣстны намъ изъ нихъ самихъ, хотя мы можемъ и не имѣть о нихъ надлежащаго понятія. Мы непосредственно знаемъ, что такое видѣть, слышать, что такое ощущать горькое, сладкое, теплое и т. п.; эти акты, совершаясь въ насъ, открываются намъ сами собою. Они, а вмѣстѣ съ ними и миллионы другихъ, происходящихъ въ насъ дѣйствій, составляютъ основу внутренняго опыта, — внутренняго потому, что они чувствуются или сознаются нами изъ нихъ самихъ, а не посредствомъ внѣшнихъ для нихъ знаковъ. Цѣлая бездна лежитъ между двумя этими опытами, внутреннимъ и внѣшнимъ; данныя этихъ двухъ опытовъ совершенно несоизмѣрны между собою; представленія, которыя вырабатываются изъ данныхъ внѣшняго опыта, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми представленіями и понятіями, которыя вырабатываются изъ данныхъ внутренняго чувства. Въ какихъ отношеніяхъ находятся эти два міра, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ намъ посредствомъ внѣшнихъ признаковъ, а другой изъ непосредственнаго чувства, изъ самоощущенія, съ какимъ онъ раскрывается въ насъ самихъ, — составляютъ ли эти два міра одно и то же цѣльное бытіе, только различными путями познаваемое, или же это два бытія, столько же разнородныя, сколько разнородны и наши представленія о нихъ, — вопросъ метафизическій, котораго не касаются естественныя науки, потому что каждая изъ нихъ занята лишь предметомъ своего спеціальнаго вѣдѣнія. Допустимъ однако, — и это весьма вѣроятно, — что сущность всѣхъ вещей одна и та же, что весь міръ есть одна цѣльная непрерывная система бытія; тѣмъ не менѣе въ нашихъ понятіяхъ есть непобѣдимый дуализмъ: одинъ родъ понятій относится къ внѣшнему опыту, другой къ опыту внутреннему, и для того чтобы разрѣшить этотъ дуализмъ въ нашихъ понятіяхъ, мысль должна вступить въ область умозрѣнія. Въ этой области умозрѣнія совершалось много удивительныхъ развитій, и эти развитія имѣютъ свой интересъ; но они не должны мѣшать свободному существованію отдѣльныхъ отраслей знанія которыя овладѣваютъ матеріаломъ опыта. Въ ряду этихъ отдѣльныхъ знаній должна быть и наука, основанная на данныхъ внутренняго опыта или на собственныхъ показаніяхъ познаваемаго. Наука эта должна имѣть во всѣхъ отношеніяхъ характеръ и значеніе науки естествоиспытательной. Она должна основываться на опытѣ и только на опытѣ; методъ ея долженъ быть тотъ са

мый, которому прочія науки обязаны всѣмъ своимъ успѣхомъ; но она въ то же самое время должна поставить себя въ полную независимость отъ нихъ и строго отличаться свойствомъ тѣхъ данныхъ, которыя подлежатъ ея испытанію. Для своихъ цѣлей она не можетъ заимствовать понятія изъ другихъ естественныхъ наукъ; напротивъ, она должна вырабатывать свои собственныя понятія; она не можетъ объяснять подлежащія ей явленія законами, выведенными изъ другихъ данныхъ, но должна сама найти законы изъ своихъ собственныхъ данныхъ; она не можетъ подлагать подъ свои формулы матеріалы, заимствованные изъ чуждыхъ ей опытовъ, но должна имѣть въ виду лишь тотъ матеріалъ, который данъ ей въ ея собственномъ опытѣ. Она была бы самою ненужною, самою праздною, самою тунелодною вещью на свѣтѣ, еслибы стала побираться по чужимъ дворамъ, оставляя свое поле впустѣ. Но потребность такой науки могла явиться не скоро; въ ряду естественныхъ наукъ, она могла явиться лишь послѣднею, когда всѣ методы опытнаго знанія окончательно выработались на матеріалѣ, относительно, болѣе легкомъ и доступномъ. Наука этой принадлежитъ будущее; но матеріалъ для нея заготовлялся уже издавна. Ближайшее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи труды англійскихъ мыслителей. Критика Канта, прямо примыкавшая къ Юму, и послужившая началомъ для развитія метафизическихъ системъ германской философіи, обозначила въ то же время точный принципъ опытнаго вѣдѣнія, какъ по отношенію къ даннымъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и по отношенію къ даннымъ внутренняго чувства. Элементы психологіи, какъ естественной науки, встрѣчаемъ мы въ трудахъ Гербарта и Бенеке, изъ которыхъ первый примыкаетъ къ Кантовой критикѣ и старается внести математическій анализъ въ разработку психологическаго матеріала, другой тѣснѣе примыкаетъ къ англійскимъ мыслителямъ и идетъ болѣе осторожнымъ путемъ индуктивнаго метода. Главная задача психологіи, какъ естественной науки, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть самыя простыя элементы психологическаго опыта, общіе законы и главныя формаціи. Наука эта не пользуется еще общою извѣстностью, и не имѣетъ такого распространенія какъ другія естественныя науки; но сдѣланнаго достаточно для заявленія той великой области вѣдѣнія, для которой психологія служить только азбукой.

Въ послѣднее время, при сильномъ развитіи естественныхъ наукъ, неволью образовался перевѣсъ на сторонѣ тѣхъ понятій, которыя выработаны изъ элементовъ внѣшняго опыта, и неволью развилось стремленіе переносить ихъ въ чуждую имъ область. Умъ такъ привыкъ къ этимъ понятіямъ, онъ такъ легко владѣетъ ими, что ему кажется лишь только то яснымъ, что онъ видитъ

сквозь эти понятія. Психологическій міръ ближе намъ чѣмъ что-нибудь другое; мы въ немъ вращаемся, мы въ немъ живемъ безвыходно; его явленія въ безчисленномъ множествѣ и въ нестойчивомъ разнообразіи повторяются для насъ ежеминутно. Все на свѣтѣ, что мы только знаемъ, съ чѣмъ соприкасаемся, можетъ имѣть психическое значеніе и быть предметомъ психологическаго вѣдѣнія. Но тѣмъ не менѣе понятія внѣшняго, матеріальнаго,— понятія, которыя сами не что иное какъ фактъ психологическій, могутъ получить и получаютъ такой перевѣсъ, что затрудняютъ образованіе другихъ понятій, и вслѣдствіе того, все, что не подходитъ подъ нихъ, отрицается нами или кажется намъ чѣмъ-то не реальнымъ, не дѣйствительнымъ.

Отсюда-то возникаетъ та смута понятій, которая зовется матеріализмомъ. Матеріализмъ основанъ на недоразумѣніи; въ немъ есть доля истины и доля лжи,—и ложь такъ смѣшана въ немъ съ истиной, что одна непрерывно уступаетъ мѣсто другой. Матеріалистическія ученія обыкновенно отправляются отъ того, что отрицаютъ всякую метафизику, все самобытное, все находящееся внѣ нашихъ чувствъ, и признаютъ за единственную реальность только то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, или лучше то, что представляется посредствомъ понятій извѣстнаго порядка, о которомъ говорили мы выше.

Замѣтимъ кстати, что все въ нашихъ воззрѣніяхъ зависитъ отъ понятій. Обыкновенно думаютъ, что какъ скоро мы откроемъ глаза, то будемъ видѣть непосредственно самыя вещи, что актъ зрѣнія, равно какъ и всякаго другаго ощущенія, которымъ мы познаемъ что-нибудь, есть самое простое дѣло, которое совершается внѣ всякой логики, и въ которомъ не участвуетъ никакое понятіе. Напротивъ, понятіе есть главная сила во всякомъ познающемъ актѣ нашихъ чувствъ. Если глазъ нашъ что-нибудь опредѣленно видитъ, то лишь потому, что изъ него смотритъ понятіе, и все получаетъ свое значеніе именно оттого, какое это понятіе. Что содержится въ понятіи, то глазъ нашъ видитъ въ предметѣ; безъ посредства понятій зрѣніе наше было бы лишь хаосомъ впечатлѣній, а не органомъ познанія.

Итакъ все, что не подходитъ подъ понятія, выработанныя изъ внѣшняго опыта, матеріализмъ либо оставляетъ въ совершенной тѣни, либо объясняетъ этими же понятіями, которыя прилагаются ко внѣшнему опыту. Явленія внутренняго опыта, которыхъ отрицать невозможно, потому что они представляются въ безчисленномъ множествѣ всѣмъ и каждому, матеріализмъ признаетъ за что-то не существенное. Говоря старыми схоластическими терминами, онъ въ матеріалѣ внѣшняго опыта видитъ *субстанцію*, а въ явленіяхъ внутренняго—лишь простой *акциденцѣ*. Или, въ первомъ онъ видитъ при-

чину, а во второмъ—дѣйствіе, то-есть изъ перваго непосредственно выводитъ второе. Напримеръ, изъ нерва, какъ онъ данъ во внѣшнемъ опытѣ, какъ представляется онъ намъ внѣшнимъ образомъ, матеріализмъ прямо выводитъ ощущеніе, какъ дѣйствіе изъ причины. Но нервъ, *поскольку онъ данъ намъ во внѣшнемъ опытѣ*, есть самъ не иное что какъ продуктъ нашего ощущенія; нервъ, какъ нѣчто видимое, осязаемое и т. д., есть явленіе, условленное нашими впечатлѣніями, нашими представленіями, наконецъ, нашими понятіями, дѣломъ многосложнымъ процессомъ психической дѣятельности. Нервъ матеріализма не есть что-либо перво-бытное, само по себѣ существующее, внѣ нашего ощущенія находящееся; это было бы противъ условій матеріализма, ибо матеріализмъ не хочетъ знать ничего подобнаго, и знаетъ только то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ, какъ нѣчто видимое, осязаемое и т. д., слѣдовательно какъ продуктъ, въ известной степени, нашего собственнаго ощущенія. Нелѣпость очевидная, ибо причина предшествуетъ тому, что въ известной мѣрѣ условлено ею. Чтобы выйти изъ этой нелѣпости, остается прибѣгнуть къ метафизикѣ и допустить кромѣ нерва-феномена, нервъ какъ нѣчто само по себѣ существующее, какъ нѣчто внѣ нашихъ чувствъ пребывающее, какъ начало въ нѣкоторомъ смыслѣ психическое. Но такое допущеніе само собою уничтожаетъ отличительное значеніе матеріализма. Въмѣсто чего-то непонятнаго, нелѣпаго, мы получаемъ по крайней мѣрѣ нѣчто вразумительное, но мы получаемъ метафизику въ то время, какъ намъ хотѣли всунуть въ руки нѣчто осязаемое. Все недоразумѣніе въ томъ, что матеріализмъ становится дѣломъ понятнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ сознательно или безсознательно прибѣгаетъ къ помощи того, въ отрицаніи чего должно состоять характеристическое отличіе матеріализма. Между естественными науками и матеріализмомъ есть огромная разница. Физиологія, изучая человѣческой организмъ, на основаніи своихъ данныхъ, и не допуская никакихъ другихъ началъ для объясненія, кромѣ тѣхъ, которыя она почерпаетъ непосредственно изъ нихъ, остается въ своемъ полномъ правѣ; чѣмъ вѣрнѣе она своимъ началамъ, чѣмъ она строже и исключительнѣе въ своихъ объясненіяхъ, тѣмъ лучше и тѣмъ плодотворнѣе вырабатываемыя ею познанія. Пусть она дѣйствуетъ и ножомъ, и микроскопомъ, и химическими реакціями, не останавливаясь ни передъ какимъ *убѣжищемъ невѣдѣнія*, какую бы фирму оно ни носило, будетъ ли то жизненная сила, или душа, или разумъ и т. п.; все это для физиологіи пока одни слова; настоящее же дѣло ея состоитъ въ разработкѣ даннаго ей матеріала, въ богатствѣ и равнообразіи опытовъ и, на основаніи ихъ, въ точномъ опредѣленіи замѣчаемыхъ ею отношеній и за-

коновъ; пусть она изучаетъ и описываетъ тѣ органы, тѣ отправленія, тѣ процессы, которые мы называемъ тѣлесными, въ отличіе отъ душевныхъ; пусть она, не стѣсняясь, локализируетъ умственные и нравственные способности человѣка, въ различныхъ частяхъ мозга, показывая, какъ, съ поврежденіемъ той или другой части его, разстраивается та или другая дѣятельность человѣка. Все это очень хорошо, но все это хорошо до тѣхъ поръ, пока остается въ скромныхъ предѣлахъ эмпирической науки, ограничивающейся явленіями и не мечтающей о сущности вещей; но матеріализмъ, который иногда закрадывается въ естественныя науки, есть метафизика, и притомъ плохая, есть умозрѣніе, и притомъ кривое.

Гдѣ рубка, тамъ летать щепки; гдѣ горячо и живо идетъ работа, тамъ возникаютъ и односторонности и ошибки, которыя не мѣшаютъ однако дѣлу подвигаться впередъ. Въ горячей работѣ часто некогда бываетъ осмотрѣться вокругъ, подвергнуть должной критикѣ свою мысль, и мы часто видимъ людей, заслуживающихъ полного уваженія, дѣльныхъ ученыхъ и испытателей, открывающихъ въ своей наукѣ новыя горизонты, съ смутными понятіями о собственномъ дѣлѣ, съ теоріями, не выдерживающими никакой критики; но нелѣпости, въ которыя они впадаютъ, поучительны и интересны. Эти нелѣпости—въ то же время факты, образующіеся изъ извѣстныхъ условій и любопытныя для психологическаго наблюденія. Фохту, Молешотту, позволительно до нѣкоторой степени не отдавать себѣ должнаго отчета въ собственной точкѣ зрѣнія: занятые дѣломъ, которое въ ихъ рукахъ плодотворно и полезно, они не находятъ въ своемъ умѣ ни времени, ни мѣста анализировать свои понятія. Но весьма жаль видѣть людей, которые были бы способны къ чему-нибудь лучшему, но которые вчужѣ нахватываютъ отовсюду все, что только есть односторонняго, фальшиваго и нелѣпзаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и мысли. Кто не помнить изъ временъ своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что плѣняетъ ихъ своею рѣзкостью? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то нелѣпо въ литературѣ.

Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появившимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологій, ни физиологій, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества; точно такъ же какъ у насъ нѣтъ ни политическихъ наукъ, ни полити-

ческой жизни, но за то появляются корреспонденціи о *говорилахъ*, весьма похожія по своему грубому цинизму на донесенія нашихъ старинныхъ Русаковъ, взвавшихъ за границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ простодушной наивности, а взамиѣ того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неповиннаго, но вообразившаго себѣ, что онъ все испыталъ, все извѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта, и во всемъ видитъ суету суетствій.

Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 *Современника*, за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ, и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и ясвеннѣе. Въ своей полемикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судить ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что общааетъ объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. «Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*, говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много открытій въ области душевной жизни, подарила намъ такими точными анализами явленій человеческого духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философію опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу.»

Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнія логики и науки, г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, повторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическій тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенія дѣла, и переходитъ къ концу въ безпощадный, но вполне мотивированный приговоръ.

Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что

напечатана въ изданіи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколь можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первымъ отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вкратцѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ; и чтобы не утомлять читателей, не привыкшихъ къ развитію подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.

Сказавъ нѣсколько вступительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

«Психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріалъ, котораго вы ни гдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физиологіи и даже механической физики, потому что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ первѣе всего въ измѣненіяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношеніи она пользуется результатами физиологіи, сравниваетъ явленія физиологическія съ душевными, и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой матеріалъ изъ области физиологіи, то справедливо сказать, что и физиологія получаетъ свой матеріалъ изъ психологіи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно вліяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ повѣдутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ этотъ матеріалъ изъ области только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самовозрѣніи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого матеріала. Такъ, напримѣръ, оптика, развитая математически, изъясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только психологъ, наблюдающій внутренне, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенія опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстояніи и т. д. Также точно для акустики, которая развита математически, ухо есть только тѣлесный снарядъ, приходящій въ правильныя сотрясенія, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенія этого снаряда, бой барабана или музыкальную мелодію, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это

ясное и понятное раздѣленіе между предметами, извѣстными изъ опыта внутренняго, и предметами, извѣстными изъ опыта вѣшняго, совершенно выпущено изъ виду сочинителемъ разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о матеріалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенія вопросовъ нравственныхъ. «Физиологія, говоритъ сочинитель—

—раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе.»

«Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатоміи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущеній, слѣдовательно систему представленій и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говоритъ, что ощущеніе есть предметъ, такъ же данный для вѣшняго физиологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д.

«Такимъ образомъ, онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физиологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физиологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ, почему онъ признаетъ за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, напримѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физиологія своими средствами вѣшняго наблюденія изъясняетъ натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для вѣшняго наблюденія. «Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель— которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о вѣшной природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ остраниена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физиологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натурѣ въ немъ нѣтъ.»

«Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что для его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изъясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ

«Философія видитъ то, что видятъ медицина, физиологія, химія.» Какая же надобность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ доказательствамъ медицины, химіи и физиологіи, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія прибавляетъ, что, еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой природы нѣтъ въ немъ.» Итакъ, вотъ для чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ человеческого организма,—прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удастся понять этотъ выводъ естествознанія, что въ человѣкѣ не видно никакого дуализма. По всему замѣтно, что сочинитель не соединяетъ никакого опредѣленнаго понятія съ словами: *нравственныхъ науки и философія*; и этого надобно было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущеніе, слѣдовательно представленіе и системы человѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ физиологическихъ предметовъ, данныхъ для вѣдущаго опыта, какъ будто представленія и мысли существуютъ для глаза, который видитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обнюхиваетъ ихъ, и т. д.

«Послѣ этого ничего нѣтъ страннаго, если сочинитель выдаетъ за научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ, напримѣръ онъ пишетъ:

«Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то-есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишиться ихъ чего-нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человеческого организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить.»

«Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ какъ точная наука, чтобы повторять то, чтó извѣстно всякому простому и не ученому смыслу? Чтó скажетъ естествоиспытатель, если онъ услышитъ объ этихъ великихъ открытіяхъ строгаго психологическаго анализа, именно, что голодъ заставляетъ человѣка воровать, особенно же, что человѣкъ имѣетъ потребность дышать, ѣсть и пить?»

«Между тѣмъ главная мысль, которая служитъ для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о человѣкѣ, имѣетъ свой особенный интересъ. «Принципомъ философскаго воззрѣнія на человеческую жизнь, говоритъ онъ, со всѣми ея феноменами служитъ выработанная есте-

ственными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка.» Говоримъ, что эта мысль имѣетъ своей особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о человѣкѣ отъ представленій общаго смысла.

«Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ; то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій* какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ; то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣетъ первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка, и вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соотвѣтствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. Итакъ если сочинитель говоритъ, что «наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка»; то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

«Извѣстно, что послѣ устраненія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами—тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ—душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физиологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устраненъ наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ? Нашъ сочинитель, повидимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологіи наравнѣ съ системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, напугало его, и онъ уже не могъ выяснитъ себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

«Кажется ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, за-

паха, вкуса, не имѣть ни тяжести, ни температуры; и такъ физиологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то-есть предметы вѣшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя: научнаго, послѣдовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Физиологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для вѣшняго опыта, то-есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говоритъ: «мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ». Разберите это выраженіе. Когда вѣшній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то, будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ физиологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ приходитъ въ движеніе по поводу вѣшняго впечатлѣнія. Но что «извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе», этого мы вовсе не знаемъ изъ физиологическаго опыта, потому что и эти «извѣстные нервы» представляютъ для вѣшняго физиологическаго опыта только движеніе, которое никогда не превращается на глазахъ наблюдающаго физиолога въ ощущеніе, представленіе и мысль. Или, какъ мы сказали выше, здѣсь физиологія получаетъ свой матеріалъ отъ психологін. Только сравнивая опыты физиологическіе и психологическіе, мы убѣждаемся, что видѣніе такихъ-то и такихъ цвѣтовъ, слышаніе такихъ-то и такихъ тоновъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движеній зрительнаго и слуховаго нервовъ.

«Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попробуйте провести въ мышленіи и построить въ воззрѣніи, какимъ это образомъ пространственное движеніе нерва, которое при всѣхъ усложненіяхъ должно бы, повидимому, оставаться пространственнымъ движеніемъ нерва, превращается въ непространственное ощущеніе, или въ желаніе. Положимъ, что вы слышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры *необходимо* измѣняется и его объемъ: что сказали бы объ васъ, еслибы вы превратили это отношеніе *необходимой* связи въ отношеніе *тождества* и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла, объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А между тѣмъ ученіе нынѣшнихъ физиологовъ о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ

ихъ *начинается*. Еслибы насъ спросили, какимъ образомъ температура *начинается* быть объемомъ; то намъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не *начинаетъ* быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое безъ объема не мыслимо. Такимъ же образомъ и на вопросъ: какъ движеніе нерва *начинается* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ не *начинаетъ* быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому, — объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая не мыслима безъ ощущеній, чувствъ и стремленій. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рожать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ-либо другимъ, кромѣ движенія.

«Странно и однакоже справедливо, что сочинитель, такъ много говорившій въ своихъ статьяхъ о естественныхъ наукахъ, не имѣетъ яснаго представленія о ихъ методѣ и о ихъ предметѣ. Если философія противопоставляется точнымъ науки, то подъ этими послѣдними разумѣются въ такомъ случаѣ науки опытные, слѣдовательно занимающіяся явлениями и не касающіяся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психологія и требуетъ признать только это феноменальное, или гносеологическое различіе, по которому ея предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Только на этомъ предположеніи возможна точная наука о душѣ, т.-е. о душѣ, какъ опредѣленномъ явленіи, подлежащемъ нашему наблюденію. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросъ о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли онѣ простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія,—покалку оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей,—всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукою. Въ настоящее время, однакоже, химія и физиологія нерѣдко берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ о сверхчувственной основѣ вещей, какъ будто эту сверхчувственную основу можно увидѣть въ химической лабораторіи или въ анатомическомъ театрѣ. Такъ, если физиологія говоритъ намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій, то этимъ она не выражаетъ, что душевныя явленія должны представиться намъ въ научномъ опытѣ нервными процессами, или что нервные процессы должны представиться намъ въ научномъ опытѣ душевными явленіями: *нѣтъ*, разности, опытно данныя, между представленіями и нервными

процессами остаются такими же на концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явлений матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ сочинитель такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: «принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма». Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философією, тому извѣстно, что это понятіе и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства человѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые физиологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ человѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то внутреннее и дѣйствительное единство, какого они, какъ матеріальныя частицы, не могутъ имѣть сами по себѣ. Но извѣстно, какъ надобно думать объ этой жизненной силѣ, которую нельзя ни разложить никакимъ анализомъ, ни подвести подъ математическія пропорціи: какъ простое, какъ абсолютное, оно не можетъ идти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы метафизика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

«Замѣчательнымъ образомъ сходятся при вопросѣ о единствѣ человѣческаго организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физиологія и химія разлагаютъ это единство на множество матеріальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ единство человѣческаго организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣчто являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется *намъ* какъ единство? Отчего капли дождя представляются *намъ* какъ радуга, а не какъ капли дождя? Отчего матеріальныя частицы, не имѣющія между собою внутреннего единства и сочетающіяся по общимъ физическимъ законамъ, представляются *намъ* какъ единство, какъ цѣлость, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ зри-

теля, отъ свойствъ души, которая переводитъ каждое явленіе на свой языкъ и налагаетъ на него снѣтетическія формы, свойственныя ея воззрѣнію и пониманію. Когда говорятъ о *явленіи*, то это слово или не имѣетъ смысла, или оно означаетъ, что предметное событіе видоизмѣнилось формами выдающаго и понимающаго субъекта. Кто, напримѣръ, объясняетъ представленіе и мышленіе изъ нервнаго процесса, тотъ или не выясняетъ себѣ, что значить явленіе, или же признаетъ нервы и ихъ движенія *вещію въ себѣ*, бытіемъ метафизическимъ и сверхчувственнымъ: потому что въ противномъ случаѣ онъ согласился бы, что нервный процессъ есть феноменъ, то-есть, что его способъ явленія уже условленъ формою представленія, которое онъ еще только хочетъ произвести изъ него.

«Нашъ сочинитель, по видимому, незнакомъ съ этими предварительными задачами критической философіи и неясно представляетъ себѣ задачу естествознанія. Обѣ науки признаютъ данное для непосредственнаго воззрѣнія явленіемъ: изъ этого общаго пункта они отправляются—одна въ глубину внѣшняго міра, другая въ глубину міра внутренняго. Первая разлагаетъ мнимыя единства и сущности на отношенія, послѣдняя показываетъ тѣ формы воззрѣнія и представленія, по силѣ которыхъ эти отношенія дѣлаются феноменальными единствами, феноменальными сущностями (*substantia-phaenomenon*, по Канту). Мы должны прибавить, что это критическое и скептическое направленіе философія принимаетъ въ началѣ, чтобы тѣмъ яснѣе опредѣлить характеръ не феноменальнаго, подлиннаго бытія. Такъ, напримѣръ, она дѣйствительно учитъ о единствѣ человѣческаго организма, но находитъ это единство только въ *идеѣ цѣли*, а не какъ нѣчто данное въ физическихъ элементахъ.

«Вмѣсто того чтобы увѣрять насъ, что естественныя науки выработали идею единства человѣческаго организма, сочинитель, по всей справедливости, долженъ бы сказать: метафизика матеріализма учитъ, что человѣческое существо слагается единственно изъ частей матеріальныхъ по общимъ физическимъ законамъ, и что его феноменальное единство, его цѣлесообразное строеніе есть произведеніе не мысли, не идеи, а этихъ же матеріальныхъ частицъ. Такимъ образомъ онъ, по крайней мѣрѣ, поставилъ бы себя въ опредѣленное отношеніе къ философіи, отрицая то внутреннее, идеальное единство организма, которое онъ хотѣлъ бы замѣнить какимъ-то невозможнымъ физическимъ единствомъ. Между тѣмъ, дѣйствительно, между современнымъ естествознаніемъ и матеріализмомъ существуетъ это глубокое различіе, что естествознаніе изъясняетъ человѣческій организмъ изъ матеріальныхъ основаній, а матеріализмъ изъ этихъ основаній изъясняетъ все *существо* чловѣка, *всего* чловѣка. Мы не будемъ показывать здѣсь, на сколько основательна эта метафизика; потому что прежнія наши замѣчанія о явленіи и его условіяхъ въ формахъ понимающаго субъекта

возвращаются здѣсь еще съ большимъ правомъ. Но мы прослѣдимъ гнѳеологическую теорію сочинителя, потому что она и сама по себѣ имѣетъ интересъ и повидимому служить основаніемъ изложеннаго выше ученія о всецѣлой матеріальности человѣческаго существа.

«Сказать, что кромѣ реальной природы человѣкъ не имѣетъ ни какой другой природы, сочинитель доказываетъ это положеніе такимъ образомъ:

-Еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа обнаруживалась бы непремѣнно въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его природѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ. Убѣдительность этого доказательства равняется убѣдительности тѣхъ основаній, по которымъ, напримѣръ, вы, читатель, увѣрены, что, напримѣръ, въ эту минуту, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете во первыхъ потому, что не видите его глазами, не слышите его рыканія.. Есть у васъ и второе ручательство за то: ручательствомъ служить тотъ самый фактъ, что вы живы .. Дано обстоятельство, въ которомъ существованіе извѣстнаго элемента въ извѣстномъ предметѣ имѣло бы извѣстный результатъ: этого результата нѣтъ, потому и нѣтъ этого элемента.-

Сила этого доказательства основана на логическомъ началѣ: если нѣтъ слѣдствія, то нѣтъ и причины; если нѣтъ явленія, то нѣтъ и основанія. Но теперь, точно ли нѣтъ такихъ явленій, которыя указываютъ на другую природу въ человѣкѣ, этимъ вопросомъ сочинитель не занимается: онъ выдаетъ за аксіому, что эта другая природа «не обнаруживается ни въ чемъ». Итакъ на этомъ пунктѣ, который составляетъ сущность всей теоріи сочинителя, мы не можемъ ничего сказать противъ него: вѣровать можно во все, еще легче можно говорить обо всемъ по доброму произволу. За то мы можемъ указать основаніе, почему онъ увѣренъ непосредственно и не считаетъ нужнымъ доказывать, что эта другая природа «не обнаруживается ни въ чемъ». Льва нѣтъ въ вашей комнатѣ; объ этомъ вы знаете потому, что «не видите его глазами, не слышите его рыканія». Итакъ главное это: вы не видите, вы не слышите; все чтѣ является, все чтѣ обнаруживается, должно являться, обнаруживаться для глаза, для уха, вообще для внѣшняго наблюденія.

«Странно при этомъ то, что сочинитель не понимаетъ тѣхъ передовыхъ людей, которымъ онъ хочетъ слѣдовать. Эти ученые не отвергаютъ фактовъ, данныхъ во внутреннемъ опытѣ, но они доказываютъ, что эти психическія факты только *въ явленіи*, только какъ *феномены*, имѣютъ характеръ душевныхъ явленій, а въ сущности они суть отдаленное развитіе матеріальнаго начала: это—цвѣты, которые на взглядъ человѣка не имѣютъ никакого сходства съ своимъ корнемъ. Такой ходъ мыслей имѣетъ, по крайней мѣрѣ, формальную правильность. Нашъ сочинитель замѣняетъ этотъ научный приѣмъ увѣреніемъ, что другая природа въ человѣкѣ «не обнаруживается ни въ чемъ», потому что этихъ

обнаруженій нельзя ни видѣть, ни слышать. Повторяемъ, материализмъ не отвергаетъ общечеловѣческихъ опытовъ, а только даетъ имъ не-большое значеніе въ системѣ науки: онъ представляется, какъ критика содержания внутреннего чувства и поэтому не можетъ оставаться безъ вліянія на развитіе и успѣхи психологій. Здѣсь мы можемъ, по крайней мѣрѣ, спрашивать: справедлива ли эта критика, точно ли явленія внутреннего опыта представляются духовными только въ субъективномомъ нашемъ пониманіи, а сами въ себѣ суть явленія органической жизни? Если, какъ мы сказали, эти послѣднія не даны для насъ внѣ формъ видящаго ихъ и понимающаго ихъ субъекта, то гдѣ же тотъ другой субъектъ, въ воззрѣніи и пониманіи котораго самыя формы видящаго и понимающаго субъекта становятся субъективными? Если явленія возможны только для другой зритель, то гдѣ этотъ другой зритель въ области самонаблюденія и самовоззрѣнія? Нашъ сочинитель обошелъ всѣ эти затрудненія простымъ предположеніемъ, что явленіе, или обнаруженіе возможно только *внѣшнее*; а дѣйствительно такимъ внѣшнимъ образомъ другая натура въ челоѣкѣ не обнаруживаетъ себя.

«Другая часть этой гносеологической теории стоитъ въ связи съ убѣжденіемъ сочинителя, что нравственныя науки, вступившія нынѣ въ область точныхъ знаній, получили возможность различать то, что имъ извѣстно, отъ того, что еще неизвѣстно имъ. Какъ астрономъ очень хорошо знаетъ, что ему извѣстно и что ему неизвѣстно, какъ химикъ очень ясно отличаетъ вопросы рѣшенные отъ нерѣшенныхъ, такъ и психологія, разрабатываемая нынѣ по методу точныхъ наукъ, ясно обозначаетъ кругъ своихъ познаній отъ всего непознаннаго и гипотетическаго. Мало этого, какъ астрономъ и химикъ, такъ и психологъ, на основаніи настоящихъ своихъ познаній, можетъ опредѣлять, чего онъ не встрѣтитъ при своихъ будущихъ открытіяхъ: «мы, говорить, сочинитель, не можемъ сказать, чѣмъ окажется неизвѣстное намъ; но мы уже знаемъ, чѣмъ оно не оказывается». Сочинитель изясняетъ этотъ методъ отрицательныхъ умозаключеній въ примѣрахъ.

— При нынѣшнемъ развитіи географіи мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи... но можно уже и теперь съ достовѣрностію сказать, какихъ вещей и какихъ явленій въ нихъ не будетъ найдено. Подъ полюсами, напримѣръ, не найдется жаркаго климата и роскошной растительности. Этотъ отрицательный выводъ несомнѣненъ; потому что, еслибы подъ полюсами средняя температура была высока, или хотя умѣренна, не таково было бы состояніе сѣверной Сибири, сѣверной части англійскихъ владѣній въ Америкѣ, морей сосѣднихъ съ полюсами. Въ центральной Африкѣ также не найдется полярнаго холода; потому что, еслибы центральная часть африканскаго материка имѣла климатъ холодный, не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиріи, верхняго Египта и другихъ земель, окружающихъ центръ Африки. Какія именно рѣки найдутся въ центральной Африкѣ, или Австраліи, мы этого не знаемъ, но навѣрное можно сказать,

что, если найдутся тамъ рѣки, то теченіе ихъ будетъ сверху внизъ, а не связь вверхъ.»

«Последнее заключеніе есть положительное, а не отрицательное, какъ думаетъ сочинитель: но также и первыя заключенія имѣютъ совершенно положительный характеръ. Подъ полюсами климатъ холодный, потому что «иначе не таково было бы состояніе сѣверной Сибири», и проч. Въ центральной Африкѣ долженъ быть климатъ теплый, потому что иначе «не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиря», и проч. Здѣсь мы имѣемъ не прямое доказательство положительной мысли, которое основано на причинной связи явленій. Но тотъ положительный выводъ, который говоритъ, что рѣки въ центральной Африкѣ или Австраліи, если онѣ есть, текутъ внизъ, а не вверхъ, основанъ на законѣ тождества. Если въ Африкѣ есть рѣки, то онѣ текутъ внизъ; это значитъ: если тамъ найдутся рѣки, то онѣ будутъ рѣки. Мы продолжимъ эти примѣры: если во внутренности Австраліи есть люди, то они имѣютъ желудки,—эти желудки не питаются никотиномъ или стрихниномъ,—эти желудки не сочиняютъ поэмъ, не говорятъ глупостей, но заняты единственно пищевареніемъ. Другими словами, начало тождества не есть органъ для пріобрѣтенія познаній, какъ это должно быть извѣстно всякому, кто знакомъ съ логикой: а между тѣмъ въ этомъ началѣ сочинитель видитъ методу открытій, на которую онъ такъ много полагается при разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ. «Эти отрицательные выводы, говоритъ онъ, не шутя, — имѣютъ большую важность во всѣхъ наукахъ. Но въ особенности они важны въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что уничтожаемая ими ошибки имѣли особенную практическую гибельность.»»

«Сочинитель попытался формулировать свою теорію знанія такъ, чтобъ она и въ самомъ дѣлѣ могла дѣлать открытія или увеличивать наши познанія: но онъ далъ такую формулу этой теоріи, которой нельзя понять по началамъ обыкновенной логики. Вотъ эта формула! «*А* тѣсно связано съ *X*; *A* есть *B*; изъ этого слѣдуетъ, что *X* не можетъ быть ни *C*, ни *D*, ни *E*.» По этой-то формулѣ мы должны дѣлать «отрицательные выводы», которые «въ особенности важны въ нравственныхъ наукахъ». Попытайтесь же сдѣлать эти выводы, кто можетъ. *A* тѣсно связано съ *X*, съ неизвѣстнымъ, съ тѣмъ, о чемъ я ничего не знаю, что, слѣдовательно, поставять въ связи съ *A* было бы нелѣпо, потому что это значило бы, что *A* есть нѣчто извѣстное и знакомое, а иначе само *A*, какъ субъектъ, имѣющій предикатомъ нѣчто извѣстное, потеряло бы всякій смыслъ. Но если и допустимъ эту общую посылку, о которой ничего не знаетъ логика отъ Аристотеля до Гегеля, все же изъ ея связи со второю посылкой, которая говоритъ, что *A* есть *B*, не слѣдуетъ, что *X*, съ которымъ тѣсно связано *A*, не можетъ быть ни *C*, ни *D*, ни *E*. Его связь съ *A*, которое есть *B*, не мѣшаетъ ему быть въ связи съ другими субъектами, которые суть *C*, *D*, *E*, и такъ въ безконечность.

«И съ такою логикой сочинитель взялся рѣшать вопросы величайшей важности! Именно, имѣя въ виду эту бессмысленную формулу, онъ говоритъ: «мы знаемъ, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе; изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, ощущеніе: питаніе и ощущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другаго.» Жаль, что сочинитель не попытался развить качества ощущенія изъ рассмотрѣнія качествъ питанія: это былъ бы новый источникъ психологическихъ открытій, о которомъ ничего не знаютъ обыкновенные психологи, каковы напримѣръ, Гербартъ и Бенеке, заслужившіе почему-то удивленіе Нѣмцевъ. Эти психологи думаютъ со всѣмъ міромъ, что качества ощущенія мы познаемъ только внутренно и притомъ непосредственно, безъ силлогизмовъ, безъ выводовъ, а что послѣдующіе опыты жизни и особенно опыты физиологическіе открываютъ намъ тѣ состоявія организма, или въ частныхъ случаяхъ состоявія желудка и его питанія, которыми условливаются эти, непосредственно и внутренно познаваемые, качества ощущеній, или, по выраженію сочинителя, характеръ ихъ. Но и послѣ такого познанія условій, качество ощущеній остается такимъ же, какимъ оно было прежде. Итакъ мы сознаемъ, что не понимаемъ какимъ образомъ, зная въ чемъ состоитъ питаніе, мы изъ этого уже знаемъ приблизительно въ чемъ состоитъ ощущеніе.

«Мы еще не кончили съ ученіемъ сочинителя о единствѣ человѣческаго организма:

«При единствѣ природы, говоритъ онъ, мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различныя ряда явленій: явленія такъ-называемаго матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣсть, ходитъ) и явленія такъ-называемаго нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ)... Не противорѣчатъ ли ихъ различіе единству природы человѣка, показываемому естественными науками? Естественныя науки опять отвѣчаютъ, что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій. . Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другаго безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія... Соединеніе разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей.»

«Кто утверждаетъ, что между различными качествами предмета «нѣтъ никакого логическаго отношенія», то-есть, нѣтъ никакой мыслимой и постигаемой связи, тотъ не имѣетъ уже основанія изъяснять происхожденіе одного качества изъ другаго, напримѣръ, происхожденіе ощущенія изъ дѣятельности нерва. Природа должна предстать его взору какъ *mysterium magnum* мистиковъ, гдѣ нѣтъ ни причины, ни дѣйствія, ни основанія, ни слѣдствія, ни предыдущаго, ни послѣдующаго, ни сходнаго, ни различнаго, ни единства, ни множества. Впрочемъ мы увидимъ, что сочинитель говоритъ истину, только ясно не сознаетъ,

что это за истина и какое значеніе имѣетъ она для естествознанія. Онъ продолжаетъ:

«Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь... по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи, или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи. Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ—льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, равнѣвается на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: *количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.*»

«Философія освободила человѣческое сознаніе отъ миеологическаго тумана, которымъ оно было окружено въ началѣ своего развитія, и поставила его лицомъ къ лицу съ подлинною, закономѣрно развивающеюся дѣйствительностью. Теперь мы подвергаемся опасности, что въ области естествознанія, или по крайней мѣрѣ во имя его, можетъ образоваться новая миеологія, которая будетъ тѣмъ пагубнѣе, что легко можетъ принять форму факта, или дѣйствительнаго событія. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣе ли это, когда намъ говорятъ, что въ вещахъ количественное различіе переходитъ въ качественное? Это превращеніе количества въ качество, величины въ свойство такъ же непостижимо, какъ превращенія, о которыхъ говоритъ Овидій. Легко сказать: количественное различіе переходитъ въ качественное, какъ будто количество имѣетъ само въ себѣ возможность и потребность превращаться въ качество. Спросите математика, который хорошо знакомъ съ количественными отношеніями и съ количественными различіями, подмѣчалъ ли онъ это мистическое превращеніе количествъ въ качество, величины въ свойство, количественныхъ разностей въ качественныя? Когда онъ увеличивалъ число въ пропорціи геометрической въ безконечность, получили ли послѣдніе члены этой пропорціи другое качество, отличное отъ того, какое они имѣли въ началѣ? А между тѣмъ лучшее основаніе матеріализма лежитъ въ этомъ ученіи, что въ вещахъ количественное различіе превращается въ качественное: потому что, какъ само собою видно, при этомъ предположеніи можно утверждать, что количественныя разности въ движеніяхъ нерва переходятъ въ разности качественныя, то-есть въ ощущенія. Обратимся къ исторіи философіи: что она скажетъ объ этомъ предметѣ, который имѣетъ такіе интересы для матеріализма?»

«Философы, которые впервые замѣтили фактъ всецѣлой несоизмѣримости между различными качествами предмета, дѣйствительно признавали, что между этими качествами «нѣтъ никакого логическаго отношенія», или что одно изъ нихъ не можетъ быть достаточною причи-

ною другаго, и слѣдовательно логическій переходъ между ними не возможенъ. Но поэтому попытка изяснять ощущеніе, представленіе и мышленіе изъ дѣятельности нервовъ не могли и родится въ ихъ послѣдовательномъ мышленіи. Они добросовѣстно признали, что отношеніе между дѣятельностью нерва и явленіемъ ощущенія, такъ же, какъ и вообще отношеніе во внѣшней природѣ между качествами, изъ которыхъ одно, повидимому, происходитъ изъ другаго, неизяснимо изъ закона причинности; потому что въ этихъ случаяхъ въ дѣйствіи, въ результатъ, получается нѣчто такое, чего вовсе нѣтъ въ причинѣ. Нашъ сочинитель говоритъ: «изъ соединенія въ извѣстной пропорціи водорода и кислорода образуется вода, имѣющая множество такихъ качествъ, которыхъ не было замѣтно ни въ кислородѣ, ни въ водородѣ». Откуда же эти явленія, которыхъ не было въ причинѣ? Не есть ли это чудо или безусловное творчество, которое одно можетъ полагать то, чего нѣтъ въ причинѣ? Такъ и думали философы, о которыхъ говоримъ мы, именно, Декартъ, Гейлинкъ и Мальбраншъ. Въ дѣйствіи можетъ существовать только то, что дано въ его причинѣ: всякій излишекъ содержанія, являющагося въ дѣйствіи, такъ какъ онъ не можетъ произойти изъ ничего, есть чудо, которое нужно изяснять изъ непрестаннаго творчества Божія. Вотъ почему Декартъ отождествлялъ Божіе промышленіе о мірѣ съ Божественнымъ творчествомъ. Вотъ почему Гейлинкъ и Мальбраншъ учили, что Богъ есть единственная, ближайшая и непосредственная причина всѣхъ измѣненій въ природѣ и духѣ, и что такъ-называемыя физическія причины явленій суть вымыслъ языческой философіи. Всѣ эти теоріи по крайней мѣрѣ объясняютъ хотя что-нибудь. Онѣ основаны на убѣжденіи, совершенно вѣрномъ, что выраженія, каковы: количественное различіе переходитъ въ качественное, или въ химическомъ явленіи есть то, чего нѣтъ въ его причинахъ, не имѣютъ никакого разумнаго смысла, что они понятны для *привычекъ* воображенія, а не для логическаго разсудка; потому что для этого послѣдняго правило: *ex nihilo nihil fit* не имѣетъ никакихъ ограниченій при изясненіи міра явленій. Но всѣ эти теоріи только умозаключали о причинѣ разсматриваемаго здѣсь явленія, а не указывали ее въ области опыта.

«Давидъ Юмъ, противникъ теоретическихъ предположеній, посмотрѣлъ на это же самое явленіе съ точки зрѣнія строго эмпирической. Такъ-называемая причинная связь между явленіями есть понятіе вымышленное воображеніемъ; ни въ какомъ опытѣ мы не находимъ этой причинной связи: качества въ вещахъ слѣдуютъ одно *послѣ* другаго, или существуютъ одно *подлѣ* другаго, — это мы наблюдаемъ въ нашихъ опытахъ. Но мы нигдѣ не наблюдаемъ, чтобъ они слѣдовали одно *изъ* другаго, мы не видимъ, чтобъ одно явленіе имѣло съ другимъ связь *необходимую* и поэтому логически-опредѣлимую. Эти явленія стоятъ предъ нашимъ взоромъ какъ особенные, въ себѣ замкнутые міры,

между которыми не находимъ мы «никакого логическаго отношенія», и которыхъ связь остается для насъ невысказанною, непостижимою. Существуетъ ли какая-нибудь *мысленная* связь между плотностью тѣла, его фигурою, цвѣтомъ, запахомъ, его движеніемъ и т. д.? Существуетъ ли какая-нибудь *мысленная* связь между блескомъ огня и его теплою? Какой опытъ укажетъ вамъ мостъ, по которому ваша мысль могла бы *логически* переходить отъ одного изъ этихъ качествъ къ другому? Всѣ эти соединенія качествъ только кажутся намъ понятными, потому что чувства наши *во всякое время* свидѣтельствуютъ намъ о ихъ присутствіи въ одномъ и томъ же предметѣ: но чувства и слѣдовательно опыты и говорятъ только о связи пространственной и временной, а не о внутренней и необходимой. Что за дѣятельностью нерва слѣдуетъ ощущеніе, это такъ же для насъ непонятно и не мыслимо, какъ было бы непонятно и не мыслимо, еслибы природа, по какому-то капризу, подставила въ этомъ случаѣ на мѣсто нервовъ шелковые шнуры или шерстяныя веревки: и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы наблюдали бы, что за дѣятельностью, за движеніемъ шнурковъ, или веревокъ, слѣдуетъ ощущеніе; но *необходимость* этой связи оставалась бы для насъ такъ же непонятною, какъ она не понятна и при настоящемъ устройствѣ нашей организаціи. Когда вы говорите, что огонь грѣетъ, вы выражаете *причинную* связь между явленіями, которая опытъ представляетъ вамъ только въ связи послѣдовательной. Частые опыты этого рода родили въ вашемъ воображеніи ассоціацію представленій, вслѣдствіе которой, какъ только вы увидите огонь, въ вашей головѣ само собою вынырываетъ представленіе теплоты, которое во всѣхъ вашихъ опытахъ слѣдовало за представленіемъ огня: вы *привыкаете* представлять одно изъ явленій невольно, какъ только какой-нибудь случай вызвалъ въ васъ другое представленіе, которое въ вашихъ опытахъ предшествовало первому. Вы *привыкаете* мыслить огонь не иначе какъ съ теплою, то есть, въ вашей субъективной *привычкѣ* эти два представленія соединяются *необходимо*: послѣ этого вы и воображаете, будто и самый огонь *необходимо* связанъ съ теплою. Но объ этомъ опытъ не сказалъ вамъ ни слова: потому что въ опытѣ вы наблюдали только *мысленную*, всегда повторяющуюся связь этихъ явленій во времени, которая вовсе не то, что связь ихъ *необходимая*. Эта послѣдняя говоритъ не только то, что огонь грѣетъ, но что это иначе и быть не можетъ. Итакъ, если причинная связь между явленіями есть вымыселъ нашего воображенія, то мы не имѣемъ никакого достовернаго знанія о мірѣ явленій: науки опытыя, науки точныя не могутъ дать намъ никакихъ всеобщихъ и необходимыхъ положеній; они никогда не открываютъ, что явленіе не только такъ *есть*, но такъ и *должно* быть и иначе быть не можетъ.

«Нашъ сочинитель не имѣетъ такой счастливой послѣдовательности, какою отличался Юмъ: онъ увѣряетъ насъ, что между качествами

предмета «вѣтъ никакого логическаго отношенія», слѣдовательно, вѣтъ и отношенія причинной зависимости, и однакоже хотѣлъ бы изъяснять явленія ощущенія изъ дѣятельности нервовъ, какъ дѣйствія изъ ихъ причины; такъ же хотѣлъ бы изъ характера питанія понять характеръ ощущенія. Съ другой стороны онъ подмѣтилъ, что въ явленіяхъ «количественное различіе переходитъ въ качественное различіе». Если мы спросимъ его, почему такъ поступаетъ природа, то онъ послѣдовательно долженъ бы отвѣчать: «ни по чему, ровно ни по чему, а такъ просто, по капризу; количество, какъ количество, не имѣетъ ни внутренней возможности, ни надобности переходить или *превращаться* въ качество». Отъ этого отвѣта онъ могъ бы уклониться только тогда, еслибы онъ солидно спросилъ: *кто* именно, *какой дѣлатель* превращаетъ количество въ качество? Только этотъ вопросъ крайне разрушительнъ для матеріализма, который особенно нуждается въ этомъ чудѣ, чтобы количественныя различія такъ, сами-по-себѣ, превращались въ различія качественныя.

«Этотъ мнимый законъ природы, на которомъ, какъ мы сказали, по преимуществу опирается теорія матеріализма, разъясненъ съ математическою отчетливостію философіей Канта. Все дѣло въ томъ, что вы при истолкованіи явленій забываете зрителя, на котораго дѣйствуютъ явленія, забываете этотъ духъ, который принимаетъ явленія въ формы ему одному свойственныя. Природа не обладаетъ такою волшебною силой, чтобы превращать количества въ качества. Сотрясеніе струны не превращается въ звуки струны: вы простымъ глазомъ можете видѣть, что оно остается сотрясеніемъ. Когда экипажъ движется по мостовой и издаетъ стукъ, то, вѣроятно, его движеніе не переходитъ въ этотъ стукъ, вѣроятно, экипажъ движется все впередъ и впередъ. Еслибы количество этихъ движеній превращалось въ качество звуковъ, то глухой, но имѣющій здоровые глаза, не могъ бы видѣть движенія скрипучихъ березъ, стучащихъ экипажей, и т. д.; онъ долженъ бы оказываться слѣпымъ на всѣ эти случаи, въ которыхъ движеніе переходитъ въ звукъ.

«...Очевидно, чтобы волнообразное движеніе воздуха превратилось въ звукъ, вибрація эира — въ свѣтъ, нужно *ощущающее* существо, въ которомъ собственно совершается это превращеніе количественныхъ движеній въ качества звука и свѣта. Такимъ же образомъ, чтобы движеніе пера превратилось въ ощущеніе, опять нуженъ ощущающій субъектъ, котораго натура рождаетъ *качества* ощущеній по поводу этихъ *количественныхъ* движеній. Кто говоритъ, что «нѣкоторымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе», тотъ утверждаетъ такую же нелѣпость, какъ еслибы мы сказали: «нѣкоторымъ волнамъ воздуха принадлежитъ звукъ; нѣкоторымъ вибраціямъ эира принадлежитъ свѣтъ». Словомъ, количественное различіе превращается въ качественное не въ самомъ предметѣ, а въ *отношеніяхъ* предмета къ ощу-

щающему субъекту. Явленіе потому и есть явленіе, что оно есть продуктъ сложный; именно, его факторы даны съ одной стороны въ предметъ наблюдаемомъ, а съ другой въ формахъ воззрѣнія и представленія наблюдающаго духа. Поэтому крайне странно изъяснять качества этого духа изъ внѣшнихъ явленій, которыя сами, покуда они суть явленія, условлены этими качествами. Превращеніе количественныхъ разностей въ качественныя вовсе не изъясняетъ того, какимъ образомъ движеніе нерва превращается въ ощущеніе; напротивъ оно само изъясняется только изъ природы и формы нашихъ ощущеній и представленій: въ этихъ формахъ воззрѣнія и представленія, количество *никакимъ образомъ* не превратится въ качество; оно только будетъ большее или меньшее количество, скорѣйшее или медленнѣйшее движеніе; чтобы перейти ему изъ этого математическаго элемента въ качества теплоты, цвѣта, звука и т. д., необходимъ чувствующій и представляющій субъектъ, въ средѣ котораго совершается это превращеніе.....

«Торжество естествознанія состоитъ въ томъ, что по даннымъ явленіямъ въ предметъ оно опредѣляетъ *изъ начала логическихъ* его будущія состоянія и будущія измѣненія. Это знаніе будущаго было бы не возможно, еслибы въ предметъ не было логическаго перехода отъ одного изъ его состояній къ другому. Бездна, которая отдѣляетъ въ предметъ одно качество отъ другаго, лежитъ не въ самомъ предметѣ, а въ насъ, въ формахъ вашего чувственнаго воззрѣнія. Между свѣтомъ и звукомъ, между краскою и тономъ нѣтъ ничего сходнаго, разстояніе между этими качествами безконечное. Но причиною этого ваше ухо и вашъ глазъ, которые такъ оригинально отвѣчаютъ на внѣшнія впечатлѣнія, а не самыя вещи, производящія эти впечатлѣнія. Количественныя разности, происходящія въ вещахъ, которыя рождаютъ въ нашей душѣ эти ощущенія, суть разности соизмѣримыя, подходящія подъ общій законъ и стоящія между собою въ логическихъ отношеніяхъ сходства и противоположности, цѣлаго и частей, общаго и частнаго, основанія и слѣдствія, и т. д. Итакъ вообще природа имѣетъ логику, какъ и духъ имѣетъ ее, и именно въ явленіяхъ природы открывается *умъ математическій*: Богъ создалъ ее мѣрою, числомъ и вѣсомъ. Съ этой опредѣленной стороны она и изслѣдывается естественными науками. Но чтобы понять міръ явленій въ его полнотѣ и его глубочайшей истинѣ, вы должны взять еще въ разчетъ *умъ самосознанный*, который открывается уже не въ матеріи, а въ духѣ. Такъ вы получите философское знаніе о мірѣ явленій, которое будетъ отлично отъ знанія наукъ естественныхъ. Если вообще, какъ мы видѣли, духъ переводитъ явленія природы на свой особенный языкъ, то съ другой стороны самосознанный умъ его выправляетъ и истолковываетъ чувственныя воззрѣнія сообразно съ высшими интересами истины, или, какъ говорятъ, сообразно съ своими метафизическими предположеніями

о существѣ міра явленій. Кажущимся пробѣламъ и перерывамъ въ развитіи явленій природы онъ противопоставляетъ начало *непрерывности* развитія, и только отъ этого мы можемъ подчинять внѣшнія явленія законамъ математическимъ. Непokoйный и неудержимый потокъ явленій онъ задерживаетъ и смыкаетъ понятіями субстанціи, вещи, причины, основанія, и т. д. Но такъ же мы видѣли, что свѣтъ принадлежитъ не атомамъ, какъ такимъ, а ихъ отношенію къ духу; звукъ принадлежитъ не дрожащему тѣлу, какъ такому, а его взаимодействию съ духомъ; всѣ качества природы, которыя даютъ ей прелесть и красоту живаго гармоническаго созданія, не составляютъ привилегіи мертвой и не мыслящей матеріи, они существуютъ въ точкѣ встрѣчи матеріи и духа. Итакъ, если нѣкоторые философы учили, что человѣческій духъ есть *смыслъ* природы, то это предположеніе не имѣетъ въ себѣ ничего, противнаго общезвѣстнымъ опытамъ. Въ химической лабораторіи вы встрѣтите такіе матеріальные элементы, которые нигдѣ не существуютъ отрѣшенно и сами по себѣ, безъ опредѣленнаго сочетанія съ другими элементами. Когда вы говорите о матеріи, какъ она есть сама въ себѣ, то вы дѣлаете такое же отвлеченіе, существующее только въ абстрактной мысли. Уже древніе философы приходили къ убѣжденію, что такая чистая матерія, отрѣшенная отъ идеальныхъ опредѣленій, которыхъ содержаніе мы знаемъ только изъ глубины нашего духа, есть ничто, небытіе (*μη ὄν*). Если Аристотель училъ, что видѣніе есть форма всего видимаго, мышленіе есть форма всего мыслимаго; то эти положенія, которыя всегда будутъ обозначать истинно-философскую точку зрѣнія на міръ явленій, можно коротко выразить такъ: духъ съ своими формами воззрѣнія и познанія есть начало, изъ котораго должно изъяснять внѣшнее, а не наоборотъ; смыслъ внѣшнихъ явленій можетъ быть разгаданъ только изъ открытій самосознанія, а не наоборотъ. На этомъ началѣ во всѣ времена стояла философія, и вотъ почему она не чувствовала нужды праздно повторять то, о чемъ и безъ нея знаютъ «медицина, физиологія и химія».

«Конечно метафизикѣ предлежать на этомъ пути затрудненія, которыя для многихъ кажутся непреодолимыми. Мы не будемъ касаться здѣсь этихъ затрудненій. Мы только хотѣли показать на основаніи опытовъ, что изъяснять духовное начало изъ матеріальнаго нельзя, потому что самое это матеріальное начало только во взаимодействіи съ духомъ есть таково, какимъ мы знаемъ его въ нашихъ опытахъ.

(До слѣд. №.)

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I.

Преданій связь давно забыта,
 Съ прошедшимъ справиться смѣшно,
 И память наглухо забита,
 Какъ въ домѣ лишнее окно.

Князь Вяземскій.

Въ С.-Петербургской академіи наукъ праздновался 2 го марта юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности князя Петра Андреевича Вяземскаго. По поводу этого праздника появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько статей, совершенно противорѣчащихъ одна другой. *С.-Петербургскія Вѣдомости* помѣстили въ своихъ столбцахъ похвальное слово юбиляру и торжеству, написанное графомъ Сологубомъ, который сочинилъ и стихи на этотъ случай, гдѣ переступилъ всякія границы похвалъ и увлекся до полной несправедливости къ современной литературѣ, преданной имъ закланію во славу прошлаго. *Современникъ* огнесся объ юбилей слегка и съ нѣкоторою ироніей. *Искра*, вѣрная своему призванію, не только осмѣяла праздникъ въ злыхъ и бойкихъ стихахъ, но допустила въ нихъ такія выходы противъ лица юбиляра, которыхъ желательно было бы не встрѣчать даже и въ сатирической газетѣ. Въ *Сѣверной Пчелѣ* явилась чрезвычайно хвалебная статья г. Греча и другая г. Θ. Толстаго, которая остается для насъ какою-то загадкою. Тутъ дѣло идетъ не столько о князѣ Вяземскомъ и его юбилей, сколько о лицѣ автора, который хотѣлъ говорить рѣчь, не сказалъ ея и напечаталъ мысли, долженствовавшія быть въ ней изложенными. Мысли эти сбивчивы и обличаютъ отсутствіе опредѣленности въ его взглядѣ. Видно, что автора тревожили разнородныя побужденія; онъ то желаетъ, чтобы на современную литературу имѣло вліяніе высшее общество, къ которому влекутъ его давнишнія симпатіи и съ которыми онъ какъ бы боится посориться, если выкажется преданнымъ ей; то какъ бы занскиваетъ благорасположенія этой же литературы, расточая ей похвалы, которыя однако парализируются другими его замѣчаніями и намеками. Статья эта произвела на всѣхъ, съ кѣмъ намъ случилось говорить о ней, очень непріятное дѣйствіе, именно потому что даетъ поводъ къ

мымъ разнообразнымъ и страннымъ толкованіямъ, въ основаніи которыхъ все-таки лежить убѣжденіе, что ее внушило чувство какого-то безпокойнаго, неугомоннаго самолюбія, задѣтаго за живое неизвѣстно чѣмъ и какъ. Другіе журналы и газеты, сколько намъ извѣстно, отозвались объ академическомъ праздникѣ шны вскользь, немного свысока, иные съ оттѣнкомъ враждебности. Въ *Нашемъ Времени* было сказано нѣсколько теплыхъ словъ о немъ и напечатаны превосходные стихи, написанные въ честь князя Вяземскаго Ф. И. Тютчевымъ, на которые, кажется, никто даже не потрудился обратить должнаго вниманія. Результатъ выходитъ тотъ, что отзывовъ холодныхъ и враждебныхъ гораздо больше чѣмъ похвальныхъ, и что до этихъ поръ не было сказано безпристрастнаго слова о талантѣ князя Вяземскаго, о его юбилеѣ; наконецъ, что журналистика наша прошла молчаніемъ лучшія литературныя заслуги князя Вяземскаго.

Начнемъ съ того, что характеръ юбилея дѣйствительно имѣлъ въ себѣ много такого, что не имѣетъ никакого литературнаго оттѣнка. Правда, что торжество происходило въ академіи, что члены ея были на лицо и привѣтствовали юбиляра. Но въ числѣ распорядителей былъ только одинъ литераторъ, нынѣ впрочемъ уже давно ничего не пишущій, князь Одоевскій. Письменныя распоряженія о звѣздахъ, лентахъ, бѣлыхъ жилетахъ и т. п. были странны и неумѣстны. Литераторовъ было очень мало. Но кто же виноватъ? Еслибы духъ партій, пристрастіе, исключительность и узкость нѣкоторыхъ воззрѣній, прославляющихъ себя широкими и прогрессивными, самодовольное ослѣпленіе, считающее все прошедшее и пережитое за ничто, а собственныя свои, часто сомнительныя и мнимыя заслуги, за единственно существующія; совершенное незнаніе того, что сдѣлано предшественниками, умышленное умолчаніе объ ихъ трудахъ; еслибы все это не занимало такого огромнаго мѣста въ нашемъ литературномъ мірѣ, и въ немъ сознавалось бы многое изъ того, что въ другихъ сложившихся обществахъ извѣстно каждому какъ дважды два и всѣми признано: то праздникъ, подобный юбилею князя Вяземскаго, не могъ бы принять такого характера. Инициатива его принадлежала бы литературѣ, хотя бы она и шла другимъ путемъ чѣмъ въ то время, когда онъ постоянно дѣйствовалъ въ первыхъ рядахъ ея. Но этого у насъ быть не могло. Такъ неужели же упрекать его сверстниковъ и пріятелей, захотѣвшихъ отпраздновать юбилей поэта, которымъ они долго восхищались, и пенять на то, что они дослужились до генераловъ, сдѣлались сенаторами и т. д.? Они догадались дать праздникъ, а вы нѣтъ; они и праздновали посвоему. Спросить: отчего же эти господа не пригласили къ участію всѣхъ литераторовъ, и ихъ на обѣдѣ

было не болѣе десяти? На это отвѣтимъ, во первыхъ, тѣмъ, что въ волѣ учредителей было приглашать кого угодно изъ тѣхъ, которые были бы по настоящему обязаны устроить праздникъ, но этого не сдѣлали. А во вторыхъ, скажите, положи руку на сердце, встрѣтило ли бы такое приглашеніе сочувствіе въ тѣхъ, которые теперь негодуютъ. Изъ сказаннаго нами сейчасъ объ увлеченіяхъ и пристрастіяхъ въ литературномъ мірѣ и изъ отзывовъ, появившихся недавно о юбилей князя Вяземскаго, не въ правѣ ли всякій заключить, что учредители праздника, такими приглашеніями, цѣли бы не достигли, а себя поставили бы въ чрезвычайно неловкое и непріятное положеніе? Что же касается до юбиляра, то нечего и говорить, что будучи самъ единственнымъ гостемъ на этомъ торжествѣ, онъ не можетъ отвѣчать ни за составъ присутствовавшего на немъ персонала, ни за какія-либо распоряженія по устройству.

Таковы были мысли, возбужденныя въ насъ юбилеемъ князя Вяземскаго и сужденіями о немъ. Казалось, что всѣ такіа сужденія и *pro* и *contra* достаточно уже высказались, со всевозможными оттѣнками, начиная отъ неумѣстныхъ, преувеличенныхъ до-нельзя восхваленій графа Соллогуба, и кончая достойными сожалѣнія выходками *Искры*, выходящими изъ всякихъ предѣловъ шутки и насмѣшки. Но дѣло не ограничилось злыми куплетами. *Сѣверная Пчела*, въ № 55 которой помѣщены были статья г. Греча, назвавшаго князя Вяземскаго гениальнымъ писателемъ, и длинный *résumé* г. О. Толстаго, котораго никакъ нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ юбиляру, *Сѣверная Пчела*, въ № 75, представила читателямъ фельетонъ, тракующій еще разъ о юбилей. Фельетонъ этотъ побудилъ и насъ взяться за перо и, подобно автору его, «высказать откровенное свое мнѣніе объ этомъ предметѣ».

Справедливо осуждая гиперболическіе возгласы графа Соллогуба, утверждавшаго напримѣръ, что всѣ желавшіе участвовать на юбилей князя Вяземскаго едва ли умѣстились бы на Адмиральтейской площади и т. п., *Пчела* впадаетъ въ другую крайность. Тонъ ея непріязненъ, рѣзокъ, исполненъ ироніи; враждебные намеки проглядываютъ изъ-за немногихъ саркастическихъ похвалъ; указанія поверхностны; приговоры односторонни и несправедливы. Статья начинается насмѣшками надъ шумихами, пущенными графомъ Соллогубомъ. Затѣмъ говорится о томъ, что сейчасъ повторили и мы, именно о томъ, что литераторы нисколько не думали о юбилей. Но если мы считаемъ такое явленіе печальнымъ и невозможнымъ въ обществѣ, сложившемся разумнѣе чѣмъ наше, то *Пчела* какъ будто гордится имъ и съ высоты величія объявляетъ, что юбилей князя Вяземскаго былъ чѣмъ-то недостойнымъ выи-

шанія со стороны *современныхъ дѣятелей русской мысли*. Странно! Положимъ, что эти дѣятели ушли впередъ отъ тѣхъ, въ числѣ которыхъ, на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, много лѣтъ дѣйствовалъ прежде князь Вяземскій. Но вѣдь эта русская мысль не родилась же съ вами, въ томъ видѣ, какъ теперь существуетъ. Неужели же тѣ, которые съ пользою служили ей когда-то, въ томъ или другомъ періодѣ ея развитія, не стоятъ уваженія своихъ преемниковъ и осуждены на задорныя насмѣшки со стороны ихъ? Неужели вы хотите, чтобы люди другаго времени, дѣйствовавшіе при иныхъ, гораздо неблагопріятнѣйшихъ общественныхъ и другихъ условіяхъ и все же сдѣлавшіе на своемъ вѣку хоть что-нибудь для общаго дѣла, являлись на современный намъ судъ не иначе какъ съ доказательствами, что дѣятельность ихъ совершенно согласна по духу и по всему прочему съ тѣмъ, что господствуетъ теперь? Такой ребячески-заносчивый и самодовольный взглядъ на вещи ведетъ прямо къ тѣмъ нелѣпымъ сужденіямъ, которыя высказываются у насъ, къ несчастію, о комъ угодно, о Державинѣ, о Карамзинѣ, о Жуковскомъ, даже о Пушкинѣ, и должны быть отнесены къ литературнымъ заблужденіямъ, возможнымъ лишь тамъ, гдѣ большинство знакомо съ литературою только изъ голословныхъ приговоровъ, изрекаемыхъ судьями, которые сами знаютъ ее только со временъ основанія *Отечественныхъ Записокъ* или много-много *Московскаго Телеграфа*. Радайтесь тому, что мысли теперь больше простора и употребляютъ ваше время и ваши способности на то, чтобы дать ей здоровую пищу и достойное поприще дѣятельности, какъ это дѣлавали предшественники ваши, а не на то, чтобы осыпать ихъ несправедливыми и бессильными укорами. Любуйтесь новыми успѣхами мысли и слова, но имѣйте добросовѣстность сознаться, что при всѣхъ выгодахъ нынѣшняго положенія для умственныхъ трудовъ ими вполнѣ пользуются немногіе, и что въ настоящее время нѣтъ ни одного даровитаго дѣятеля, принявшагося за дѣло, напримѣръ подобное дѣлу Карамзина, который при неблагопріятнѣйшихъ ученыхъ условіяхъ успѣлъ создать себѣ и своей эпохѣ такой памятникъ, какого послѣ не бывало и не предвидится даже до сихъ поръ. Это отсутствіе связи между различными эпохами и литературныхъ преданій, дѣлающихъ изученіе успѣховъ языка и умственного движенія обязательнымъ и привлекательнымъ, это легкомысліе, съ которымъ мы отказываемся отъ послѣдовательной и честной генеалогіи, завѣщанной намъ отцами, вотъ одна изъ причинъ нашихъ относительно малыхъ успѣховъ, на которые мы же не рѣдко жалуемся. Трудно напримѣръ бороться съ разнаго рода препятствіями и враждебными силами, когда мы сами за собой не чувствуемъ на

что опереться, и даемъ поводъ возражать на наши жалобы: «Да чего вы хотите? Вотъ ваши предвѣстники тоже жаловались, а вы теперь говорите, что они ничего не смыслили. Что же бы вышло, еслибъ ихъ тогда послушали? И про васъ тоже скажутъ лѣтъ черезъ двадцать. Такъ молчите же и не суйтесь не въ свое дѣло.»

Сѣверная Пчела повѣствуетъ подробно и иронически объ аристократическомъ происхожденіи князя Вяземскаго; она говоритъ, въ какомъ колѣнѣ онъ происходитъ отъ Рюрика, какими удѣлами владѣли его предки, какой у него гербъ, какія ленты и чины имѣли его отецъ и дѣдъ; упоминаетъ о знатномъ ирландскомъ родѣ, къ которому принадлежала его мать. Тутъ даже слегка упомянуто о томъ, что одинъ изъ предковъ его, князь Аѳанасій Ивановичъ, былъ знаменитымъ исполнителемъ вѣрскихъ казней Іоанна Грознаго, хотя на дѣлѣ оказывается, что этотъ прославленный сбирръ былъ правнукомъ внучатнаго брата того князя Вяземскаго, который былъ прямымъ родоначальникомъ князя Петра Андреевича въ семнадцатомъ колѣнѣ отъ Рюрика, а князь Петръ Андреевичъ, по показанію самой *Пчелы*, принадлежитъ уже къ двадцать пятому изъ этихъ колѣнъ. Заботливость истинно трогательная! Послѣ этого, казеннымъ слогомъ формулярнаго списка, говорится о служебномъ поприщѣ самого князя Вяземскаго, который теперь сенаторъ и пр.

Что же тутъ общаго съ литературными заслугами князя Вяземскаго? Или какіе тутъ поводы къ ироніи, которой трудно не замѣтить, читая статью *Пчелы*? Кажется, справедливѣе было бы выразить сочувствіе къ тому, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ осьмнадцатилѣтній юноша, обеспеченный состояніемъ, имѣвшій связи, родство, а слѣдовательно и протекцію, не прельстился однимъ мундиромъ, не предался исключительно разсѣваніямъ свѣта или честолюбивымъ замысламъ, а по призванію присоединился къ кружку лучшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени и сталъ заниматься литературою. Родословная и гербъ тутъ ничему не мѣшаютъ; кичиться ими такъ же безразсудно, какъ и презирать ихъ. Стыдиться ихъ никто не будетъ, кромѣ лицемѣра, который въ угоду модѣ станетъ носить то, что вездѣ уважается человекомъ, — память предковъ, а въ тайнѣ будетъ надменнѣе много отъявленнаго гордеца. Не лучше ли было бы, говоря о дебютахъ князя Вяземскаго въ литературѣ, помянуть добромъ хоть его семейство, его отца, не за александровскую ленту, но за то, что домъ его былъ однимъ изъ центровъ, куда сходились и гдѣ были своими даровитые писатели и ученые, гдѣ симпатіи къ ихъ занятіямъ привились къ молодому его сыну съ самыхъ раннихъ лѣтъ? Служебная карьера князя Вяземскаго не мѣшала его лите-

ратурнымъ занятіямъ, а было время, когда онъ, на досугъ отъ другихъ обстоятельствъ, надъ когорыми никто не властелинъ, исключительно предался имъ. Подумаешь, право, что теперь нѣтъ слушающихъ писателей.

Все это, кажется, было нужно автору статьи, чтобы сказать по «слухамъ», что князь Вяземскій отличается не только «благородствомъ души, живымъ умомъ», но и «взыщными великосвѣтскими манерами», что онъ «чрезвычайно пріятный собесѣдникъ», что «друзья его сановники и аристократы», а «всѣ его симпатіи въ великосвѣтскомъ кругу». Признаемся, что намъ очень удвѣляетъ это соединеніе отзывовъ о душѣ и умѣ человѣка, вещахъ весьма серьезныхъ, съ упоминаніемъ о его манерахъ, которыя могутъ быть или не быть великосвѣтскими. Что касается до дружескихъ связей князя Вяземскаго, мы не считаемъ себя въ правѣ доискиваться кто его друзья или родные, съ которыми онъ друженъ болѣе всего и поздравимъ его только съ тѣмъ, что онъ успѣлъ нажить себѣ друзей въ той сферѣ своей домашней и частной жизни, къ которой принадлежалъ по рожденію, какъ и всякій человѣкъ принадлежитъ къ какой-либо сферѣ. Но если дѣло пойдетъ о тѣхъ связяхъ князя Вяземскаго, которыя подлежатъ общему обсужденію, то нельзя не сказать, что они имѣютъ достоинство въ глазахъ не одного только великосвѣтскаго человѣка. Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Батюшковъ, Блудовъ, Уваровъ, Дашковъ, Крыловъ, Тургеневъ, Пушкинъ, Плетневъ, Гнѣдичъ, Козловъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Давыдовъ, Грибоѣдовъ, Тютчевъ, Хомяковъ, Одоевскій, вотъ наприимѣръ имена, которыя можно произносить съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Неужели же лучше было, еще въ старое время, испугаться возгласовъ противъ аристократіи, пущенными въ ходъ разными Фиглярными и Трапичинными, которые сыпали стрѣлы грошоваго остроумія на такъ-называемыхъ литературныхъ аристократовъ, то-есть на людей, чуждыхъ дрязгъ задняго двора литературы, и низойдти до ихъ общества, въ угоду большинству подобныхъ писателей и достойныхъ ихъ читателей? Вы говорите, что князь Вяземскій «съ такой высоты родоваго и личнаго своего значенія въ продолженіи 50 лѣтъ удостоивалъ русскую литературу своимъ участіемъ» и что «всѣ его симпатіи— въ великосвѣтскомъ кругу». Едва ли князь Вяземскій извѣстенъ болѣе въ Россіи въ качествѣ одного изъ потомковъ Рюрика, которыхъ такое множество пребываетъ весь вѣкъ въ совершенномъ ничтожествѣ, или какъ директоръ департамента, сенаторъ и пр., каковыхъ также не мало на Руси, чѣмъ какъ писатель, принадлежащій къ лучшимъ нашимъ писателямъ. Не фамиліи своей онъ обязанъ успѣхами такого рода. Хвостовъ

былъ графомъ, былъ племянникомъ Суворова, двоюроднымъ братомъ министра князя Горчакова и пр., а все-таки остался всю жизнь «притчей во языцѣхъ» литературы. Съ другой стороны многіе стихотворцы, печатавшіе свои стихи въ тѣхъ же журналахъ и альманахахъ, какъ и князь Вяземскій, а слѣдовательно имѣвшіе одинаковые съ нимъ способы приобрести извѣстность, все-таки остались на заднемъ планѣ, и немногіе теперь помнятъ имена: В. Панаева, Ободовскаго, Олина, Григорьева, Коншина, Зайцевскаго, Аладына, Глѣбовыхъ, Родзянки, Ѳедорова, Башилова, Бороздины и пр. и пр. Видно князь Вяземскій выходилъ изъ ряда, потому что имя его и тогда было очень извѣстно, и теперь не забыто. А что у него при талантѣ было громкое имя, такъ это случайность, о которой жалѣть ни ему, ни кому другому не подобаетъ, и о которой Пушкинъ сказалъ давно въ надписи къ его портрету (Соч. Пушкина, изд. Исакова, т. I, стр. 237):

- Судьба свои дары явить желала въ немъ.
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой:
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ извѣстной улыбкой -

Нѣтъ, князь Вяземскій не «удостоивалъ литературу своимъ участіемъ», хотя и это было уже не такъ дурно, какъ кажется, въ прежнее время; онъ занимался литературою по призванію и притомъ съ блестящимъ успѣхомъ, а репутаціи его не повредить ни забавныя гиперболы графа Сологуба, который забылъ мудрое изреченіе Талейрана: «pas trop de zèle», ни несправедливыя нареканія «сельтоновъ».

О томъ, что «симпатіи князя Вяземскаго всѣ въ великосвѣтскомъ кругу» также можно поспорить. Изъ названныхъ нами друзей его, большая часть точно принадлежала, какъ мы уже сказали, къ этому кругу, но къ той его сферѣ, гдѣ занимались не одними свѣтскими взорами, а слѣдили съ участіемъ за ходомъ просвѣщенія и предавались умственнымъ трудамъ. Впрочемъ и изъ нихъ напр. Баратынскій, Языковъ, Дельвигъ, вовсе не были свѣтскими людьми. Что же касается до другихъ, то не во гнѣвъ будь сказано многимъ, «современнымъ дѣателямъ русской мысли», имъ нечего и думать равняться образованіемъ съ Карамзинимъ, Жуковскимъ, Уваровымъ или Тургеневымъ. Мы знаемъ, что теперь образованныхъ людей числомъ гораздо болѣе чѣмъ прежде, что специалистовъ также болѣе, но позволимъ себѣ усомниться, чтобы многіе теперешніе писатели могли похвалиться такимъ множествомъ разнородныхъ познаній, какими обладали названные нами друзья князя Вяземскаго. Утверждая, что «всѣ

симпатіи его въ великосвѣтскомъ кругу», развѣ забыли вы кто поддержалъ въ началѣ *Московскій Телеграфъ*, основанный Полевымъ, котораго даже иные ученые мужи упрекали, не за великосвѣтскость, а за купеческое званіе и винный заводъ? Князь Вяземскій, который смотрѣлъ не на званіе Полеваго, а на его личность, возбуждавшую тогда сочувствіе къ себѣ, и на дѣло, имъ предпринятое и обѣщавшее быть полезнымъ. И онъ сталъ помогать ему въ этомъ дѣлѣ, способствовалъ его успѣху въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, бывшихъ лучшимъ временемъ *Телеграфа*, и покинулъ его только тогда, когда журналъ попалъ на другой путь, несогласный съ убѣжденіями князя Вяземскаго, за что и посыпалась на него въ тогдашней журналистикѣ брань, которая не могла оскорбить никого изъ честныхъ людей.

Далѣе *Стеерная Пчела* говоритъ, что князь Вяземскій «пятьдесятъ лѣтъ сочинялъ стихи, за что и почетнѣе былъ званіемъ члена Россійской академіи» и юбилеемъ. О заслугахъ его какъ академика и талантъ его какъ поэта мы будемъ говорить далѣе, а теперь перейдемъ ко взгляду *Пчелы* на участіе знатныхъ людей русскихъ въ занятіяхъ словесностію и на метаморфозу совершившуюся не такъ давно въ нашей литературѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ, говоритъ *Пчела*, на литераторовъ смотрѣли какъ на паразитовъ, годныхъ только для восхваленія своихъ милостивцевъ и на роли скомороховъ. Въ примѣръ приводится лицо Титыча изъ *Старыхъ городовъ*, повѣсти г. Печерскаго, лицо не писателя а домашняго пьянаго шута, жившаго въ деревнѣ богатаго князя и слагавшаго какія-то недѣльныя доморощенныя вирши. Потомъ говорится, разумѣется, о побояхъ, понесенныхъ Тредьяковскимъ, о травляхъ Сумарокова съ Ломоносовымъ и пр., при чемъ благоразумно умалчивается о письмѣ Ломоносова къ И. И. Шувалову, гдѣ разсердившійся за подобную попытку поэтъ говоритъ: «не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отнять.» (*Соч. Лом. Изд. Смирд. 1847, Т. I, стр. 687.*) Затѣмъ князю Потемкину ставится въ упрекъ его высокоумѣнное обращеніе съ пѣнтами. При этомъ не худо было бы упомянуть, что онъ обращался не лучше и съ князьями, и съ генералами, что слѣдовательно это было общее правило, истекавшее изъ духа времени, но что отношенія къ нему хотя бы напр. лирика и переводчика *Энеиды* В. П. Петрова были таковы, что дѣлаютъ честь Потемкину, умѣвшему отличать и цѣнить ученаго писателя.

Такое униженіе литераторовъ, говоритъ *Пчела*, стало нѣсколько улучшаться по слѣдующимъ обстоятельствамъ, которыя шире-

водятся ею изъ разныхъ эпохъ, совершенно ею переиутанныхъ, и вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, люди знатныхъ фамилій начинаютъ заниматься литературой. Вопервыхъ они узнали, что Державинъ получилъ отъ Екатерины подарокъ за *Феликсу* (это было въ 1783 году). Вотъ вторыхъ, *ослѣдъ за этими* являются комедіи самой Екатерины (изъ числа которыхъ, именно всѣ три, названныя въ *Пчеллѣ*, піесы напечатаны и играны на театрѣ еще въ 1772 году, когда Державина и въ поминѣ не было). Третьихъ, *послѣ всего этого* великосвѣтскіе люди русскіе принимаютъ въ соображеніе, что многіе французскіе графы и маркизы пишутъ стихи. (Причемъ не мѣшаетъ замѣтить, что Вольтеръ говоритъ о стихахъ, которые писалъ по французски и печаталъ молодой графъ А. П. Шуваловъ еще съ 1765 года, а въ 1774 году тотъ же графъ Шуваловъ сдѣлался очень извѣстенъ своею *Epître à Nilon* приписанною Вольтеру.) И вотъ начинаютъ писать: князь А. М. Бѣлосельскій, князья А. И. и А. П. Голицыны, князь Д. П. Горчаковъ, князь И. М. Долгорукій, князь Ѡ. А. Козловскій (между прочимъ погнбшій еще въ 1770 году въ сраженіи при Чесмѣ), графъ П. С. Потемкинъ (также между прочимъ переводившій Руссо и печатавшій свои переводы еще въ 1767 и 1768 годахъ, когда самъ не былъ еще графомъ, и когда родственникъ его еще не былъ въ смлѣ при дворѣ). Какая путаница, какія натяжки!

Все дѣло объяснить очень легко. Высшій классъ въ Россіи, послѣ реформы Петра сблизился до нѣкоторой степени съ европейскимъ образованіемъ. Старанія И. И. Шувалова и особенно основаніе Московскаго университета открыли дворянамъ возможность учиться, а выучившіеся чему-нибудь захотѣли распространять знанія. Сословныя же подраздѣленія стали мало-помалу сглаживаться подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣщенія. Такъ уже въ 1767 году, при университетѣ, подъ руководствомъ директора М. М. Хераскова, учреждается общество для перевода *Энциклопедіи*, и въ немъ участвуютъ вмѣстѣ съ профессорами университета П. Д. Веніаминовымъ, С. Г. Зыбелинымъ, П. И. Погорецкимъ, А. А. Барсовымъ, значительные сановники, какъ А. И. Бибиковъ, А. П. Мельгуновъ, Д. В. Волковъ, придворные какъ С. М. Кузьминъ, С. Ѡ. Стрекаловъ; С. Г. Домашневъ, А. А. Ржевскій, С. В. и А. В. Нарышкины, наконецъ молодые люди знатныхъ фамилій, недавніе питомцы университета, князь Ѡ. А. Козловскій, князь Н. Н. Трубецкой, графъ А. П. Шуваловъ. (См. *Соврем.* 1857, № 7, отд. 5, стр. 73—78.) Замѣтимъ также, что громкая фамилія не была еще признакомъ вельможества, которое давалось богатствомъ, чинами и значеніемъ, при дворѣ; многіе знатные роды или отрасли ихъ, сливались съ

среднимъ дворянствомъ. Такъ изъ названныхъ въ *Пчелѣ* лицъ только князь А. М. Бѣлосельскій былъ вельможей; прочіе же не были ни богаты, ни чиновны. Князь Д. П. Горчаковъ былъ не богатый коллежскій совѣтникъ, князь А. И. Голицынъ майоръ; князь И. М. Долгорукой получалъ нѣкоторое служебное значеніе только въ послѣдствіи, и принадлежалъ къ роду «захудалому», который не могъ долго поправиться послѣ ссылки и казни его дѣда; знаменитаго фаворита Петра II. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые придворные принялись писать изъ подражанія Екатерины, уговорившей княгиню Дашкову и другихъ заняться сочиненіемъ комедій, но это только одна случайная причина явленія, условія котораго коренились въ ходѣ и духѣ времени, не во гнѣвъ будь сказано автору статьи *Стеерной Пчелы*, отвергающему подобнаго рода объясненіе.

Взглядъ его на слѣдующую эпоху литературы также не совсѣмъ вѣренъ. Авторъ статьи говоритъ, что литераторы стали стремиться въ раззолоченныя палаты, куда ихъ уже зазывали и гдѣ ихъ лелѣли, расточая имъ лесть, хотя они были и не знатны породой. Онъ приводитъ въ примѣръ успѣховъ ихъ: Карамзина—въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны, Жуковского—во дворцѣ, Дмитріева и Шишкова—на мѣстахъ министровъ. Впервыхъ, одно изъ двухъ: или писателей зазывали, или они напращивались въ эти палаты. Конечно, образованныхъ, а тѣмъ болѣе пишущихъ людей было тогда не очень много, и всѣ они принадлежали къ одному избранному кругу общества, изъ котораго и выходили сановники, а въ числѣ ихъ были и лучшіе писатели. Не худо было бы отмѣтить, какъ вели себя эти люди, ставъ на виду, и пожелать, чтобы впредь подобныхъ имъ людей цѣнили все болѣе и болѣе. Карамзинъ, на котораго смѣютъ нападать разные борзописцы за то, что онъ не думалъ и не писалъ въ ихъ духъ, Карамзинъ былъ одаренъ гражданскою честностью и гражданскимъ мужествомъ, какихъ дай Богъ побольше на Руси. Онъ отказывался отъ должности министра, перомъ Тацита писалъ приговоръ Іоанну, не угождалъ ни одному временщику и смѣло подавалъ государю записки о разныхъ государственныхъ дѣлахъ первой важности, не взирая на то, что мысли его противорѣчили взглядамъ Александра. Благородство Жуковского вошло въ пословицу. Шишковъ ошибался, но былъ честнѣйшій изъ людей, твердый въ правилахъ и неспособный согнуться ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ, словомъ достойный другъ Мордвинова. Справьтесь, какая память живетъ въ министерствѣ юстиціи о Дмитріевѣ и теперь, черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ его отставки? Если Пушкинъ, по замѣчанію автора, хотѣлъ болѣе не ходить на свѣтскаго человѣка чѣмъ на писателя, то это ничего

не доказываетъ ни противъ литературы, ни противъ него. Байронъ поступалъ точно также, а англійская литература отъ того не страдаетъ и все-таки имъ гордится. Притомъ же какъ дѣлать окончательныя заключенія изъ словъ Пушкина, которыми онъ можетъ-быть говорилъ только въ минуты раздраженія противъ литературныхъ дразгъ, не желая, чтобъ его смѣшивали съ литературною чернью, представленною напримѣръ въ *Воспоминаніяхъ* г. Панаева, или же передъ такими людьми, съ которыми говорить иначе значило метать бисеръ и пр.?

Затѣмъ авторъ увѣряетъ, что въ то время «литература была забавой, потѣхой, отдыхомъ, невиннымъ занятіемъ въ часы досуга, но отнюдь не дѣломъ». Какъ? И вы говорите такъ о литературѣ, въ которой дѣйствовалъ Пушкинъ, котораго послѣднія предсмертныя строки были написаны о литературѣ и журналистикѣ? Дмитріевъ, который на смертномъ одрѣ говорилъ о началѣ литературной дѣятельности Карамзина? Объ эпохѣ, когда Гнѣдичъ началъ, при содѣйствіи Уварова и Оленина, и во время ученаго спора, поднятаго Капнистомъ, великій трудъ и совершилъ его съ такою честію, что въ другой литературѣ не нашли бы словъ для его прославленія? О времени, когда Карамзинъ писалъ свою исторію съ такимъ рвеніемъ, что одна смерть могла выхватить перо изъ его холодѣвшихъ рукъ? Вы вѣрно шутите, г. фельетонистъ. Но Богъ да избавить насъ отъ шутокъ тамъ, гдѣ есть мѣсто только чувству уваженія и признательности.

Вотъ каковы были представители этой литературы, о которой *Сверная Пчела* говоритъ, что «ее не волновали общественныя интересы; ей не предстояло борьбы; она безучастно относилась къ народу, не сочувствовала ему, думала по французски, не знала русскаго человѣка, пѣла свысока французскія свои пѣсни, а говорить по-просту, по-русски, считала чуть не преступленіемъ!» Дай Богъ всѣмъ намъ говорить по-русски такъ, какъ говорили они! А что касается до борьбы, интересовъ и пр., то у нихъ были своя забота. Всякому свой урокъ дается въ жизни, и честь тому, кто честно исполнилъ его. Расинъ не Мюссе, Шиллеръ не Гейне, а попробуйте умному Французу или Нѣмцу поговорить съ презрѣніемъ о Расинѣ или Шиллерѣ, онъ вѣроятно даже не почтетъ за нужное продолжать съ вами разговоръ.

Разительнымъ примѣромъ тому, какъ солидарны и преемственны всѣ литературныя явленія, какъ всегда настоящее обязано прошедшему и должно уважать его, можетъ послужить появленіе Гоголя, которое *Сверная Пчела* описываетъ по своему, и начинается съ него новый періодъ въ нашей литературѣ. Последнее справедливо, но странно говорить обо всемъ предшествующемъ какъ о какомъ-то призракѣ. Эпохи Державинская, Карамзинская,

Пушкинская, наконецъ новѣйшая всё отличаются другъ отъ друга, но всё необходимы, всё въ связи между собою. Не будь на свѣтѣ первой, не было бы и второй и т. д. Тутъ есть непрерывная цѣпь преданія, которую напрасно стараются разорвать. Гоголь явился, когда Пушкинъ освѣтилъ поэзію міръ дѣйствительности, послѣ того какъ она прошла періоды и торжественный, и сентиментальный, которые въ свое время были и естественны, и необходимы. Гоголь пошелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе чѣмъ Пушкинъ, начавъ съ той точки, гдѣ послѣдній остановился. А кто были первые цѣнители Гоголя? Кто ободрялъ и подкрѣплялъ его? Сами же вы говорите, что Пушкинъ. А мы прибавимъ, и всё друзья его: Жуковский, князь Вяземскій и ранѣе всѣхъ П. А. Плетневъ. Вліяніе таланта Гоголя на молодое поколѣніе было огромно, и пришла пора новой эпохи. Разнороднѣйшія обстоятельства создали другой строй, другія условія всему обществу, и всё лучшее люди его, а не одни литераторы, которые все-таки всегда съ нимъ въ живой связи, «перестали кланяться, перестали у великихъ міра сего искать покровительства, искать похвалъ и одобреній отъ людей великосвѣтскихъ» и пр. пр.

Такимъ-то образомъ дошли мы, по мнѣнію «Пчелы», до счастливаго времени, въ которое живемъ. Повидимому оно кажется ей столь блаженнымъ, что имѣетъ право глумиться надъ всѣмъ прошедшимъ и не признавать въ немъ почти ничего хорошаго. Дѣйствительно, чего мы не достигли, если послушать *Сверную Пчелу*? Литература взглянула на Русь прямо, увидѣла, что въ ней нѣтъ ни «Феба», ни «пастушекъ». Она «выразила свое сочувствіе къ мужику, не отвергнулась отъ него потому только, что отъ него не амброй пахнетъ, а подъ его дырявою пестрядинною рубахой нашла грудь, въ которой бьется прекрасное сердце, она предалась всѣмъ своими силами своей родинѣ, своему народу, своимъ бѣднымъ огрубѣвшимъ, но въ основѣ своей честнымъ добрымъ братьямъ, носящимъ вонючіе кафтаны, живущимъ въ курной избѣ, мерзнувшимъ зимою, палимымъ лѣтомъ на пашнѣ лучами солнца, не знающимъ вѣкъ своей мясной пищи и закипающимъ горе свое въ шумныхъ кабакахъ зеленымъ виномъ. Сорвавъ французскую перчатку, она протянула свою русскую, братскую руку заскорузлой отъ честнаго труда рукѣ мужика-лапотника; присматриваясь съ любовью къ русскому деревенскому міру, она увидѣла свою «родную семью», почувствовала себя на «родной почвѣ». Она презрѣла свои прежнія французскія увлеченія. Литература «смѣлою рукой бросила въ лицо свѣтскому обществу свое жесткое, суровое, правдивое слово». (А Лермонтова, великосвѣтскаго Лермон-

това, умершаго ранѣе даже появленія *Мертвыхъ Душъ*, забыли вы, г. авторъ?) Литераторы подвергли анализу прошлое и разрушили литературные кумиры (а новыхъ не воздвигли?). Люди прежняго поколѣнія разсердились и съ ними сохранили сношенія только тѣ, отъ которыхъ отвернулись «честные дѣатели современной литературы». (Кланяйтесь, гг. Гончаровъ, Писемскій, Щербина, Полонскій, Майковъ и немногіе другіе, бывшіе на юбилей одного изъ такихъ прокаженныхъ.) Наконецъ литераторы «перестали кланяться» и пр. (зри выше), посѣщать салоны, и пришлось большому свѣту «пробавляться людьми прежняго времени или иностранными литераторами, напр. Дюма (котораго между прочимъ честили и петербургскіе литераторы, между тѣмъ какъ въ Москвѣ этого шарлатана почти никто изъ литераторовъ даже не пустилъ къ себѣ). «Современные литераторы, будучи проникнуты духомъ народности, стремятся къ духовному единенію съ свѣжимъ, бодрымъ, юнымъ, роднымъ своимъ русскимъ народомъ» «Они отдѣлились отъ великосвѣтскихъ литераторовъ и вообще отъ великосвѣтскаго общества; имъ противна французская рѣчь на русскихъ устахъ, не умѣющихъ хорошо говорить на родномъ языкѣ.» Словомъ «современные дѣатели русской мысли» всѣ выходятъ Аристидами и Катонами, а время наше просто золотой вѣкъ всѣхъ добродѣтелей. Результатомъ же всего этого выходитъ у *Пчелы* слѣдующее: «Вотъ отъ чего на литературномъ юбилей князя Вяземскаго было литераторовъ всего одиннадцать.» Секретъ открытъ!

Однако, позвольте. Въ вашемъ хвалебномъ гимнѣ, проскочило невольнo нѣсколько словъ, наводящихъ насъ на размышленія, которыя какъ-то колеблютъ вѣру въ описанное вами эльдорадо. Вотъ эти предательскія слова, сказанныя вами послѣ заявленія, что современные литераторы перестали искать благорасположенія высшаго общества: «они стали искать популярности въ своемъ кругу и въ кругу массы читателей.»

Вотъ что правда, то правда. Только мы лучшаго мнѣнія о литературѣ чѣмъ вы. Мы увѣрены, что истинно даровитые и независимые писатели не станутъ *искать* популярности ни въ свѣтскомъ, ни въ литературномъ кругу, а тѣмъ менѣе въ массѣ читателей, т. е., между толпою, которая требуетъ лестн своихъ грубымъ инстинктамъ. Мы убѣждены, что такіе писатели пишутъ только то, что думаютъ, хотя бы это и не нравилось массѣ, передъ которою вы хотите заставить ихъ преклоняться, или литературнымъ ареопагамъ, дѣйствующимъ въ томъ же духѣ. Неужели поклоненіе какому-нибудь журнальному откушнику, какое вамъ вѣрно случилось видѣть, лучше поклоненія великолѣпному князю Тавриды? Вы прочли диссертацию о болѣзняхъ прошлаго вѣка и нечаянно

множествомъ указали на болѣзнь современную, которая ужь никакъ не лучше прежней.

Да, едва ли когда-нибудь была у насъ сильнѣе эта жажда пріобрѣтенія популярности въ массѣ, хотя бы и самыхъ «некомпетентныхъ» (употреблю ваше выраженіе) судей въ дѣлѣ оцѣнки произведеній ума и вкуса. Никогда еще не создавалось такого невидимаго, но осязательнаго литературнаго трибунала, судащаго не по вѣчнымъ законамъ истиннаго и прекраснаго, а по прихоти модныхъ идей вычитанныхъ, но не дочитанныхъ, усвоенныхъ на столько, на сколько нужно чтобы прослыть современнымъ и прогрессивнымъ. Передъ неумолимостію этого трибунала иногда останавливаются и лепечутъ не то что хотѣли бы сказать иные изъ такихъ людей, которые могли бы сами давать правильный ходъ этому мнимому общему мнѣнію. Дурное на свѣтѣ было, есть и будетъ всегда. Не хвалите же такъ громко свое время, сознайте за вашими предшественниками хоть то достоинство, что они не впадали въ такое ослѣпленіе насчетъ своего вѣка. Въ то время льстили сильнымъ міра сего, называя ихъ по имени и отчеству, льстили отъ своего лица. Теперь существуетъ лесть хуже и опаснѣе: лесть всему, призванному за современное, безъ разбора хорошо оно или дурно, лишь бы камертонъ данъ былъ изъ извѣстныхъ сферъ, которыя заступили мѣсто прежнихъ милостивцевъ. Теперь льстятъ часто не отъ себя, а коллективно, за всѣхъ, зная, что другимъ протестовать трудно, если не совсемъ невозможно. Ложь существуетъ на столько же какъ прежде, но измѣнила форму. Прежніе Ахалкины, Фіалкины и Чертополоховы, въ стихахъ и прозѣ, вздыхали надъ ручейкомъ и проливали слезы надъ цвѣточками, а на дѣлѣ, можетъ-быть, были по зубамъ слугъ и крестьянъ. Неужели мы такъ скоро освободились совершенно отъ такихъ противорѣчій? Неужели если множество торжественныхъ хваленій, множество унылыхъ мечтаній и пр., были не что иное какъ пустозвонныя фразы, не такими же фразами можно назвать великое множество изъ теперешнихъ возгласовъ обратствъ, о правдѣ и т. п? Не въ правѣ ли мы думать, что иной толкуетъ о любви къ народу и мужичку, восхваляя его насчетъ всѣхъ остальныхъ классовъ общества согласно господствующему направленію, и протягиваетъ ему братскую руку только на словахъ, а въ сущности думаетъ только о томъ, какъ бы половче запустить по старой привычкѣ эту руку за пазуху его пестрядинной рубашки, чтобы благодивнѣе стянуть съ несчастнаго такую же, если не большую лепту какъ бывало? Нельзя ли заподозрить, что иной голосъ, громко обличающій взятки и злоупотребленія, административныя и судеб-

ныя, получалъ всю силу своего негодованія отъ досады на то, что хозяинъ его былъ оставленъ за кое-какіе казусы того же рода, и теперь, пользуясь полу-гласностію, надѣется надуть публику и опять пристроиться подъ шумокъ куда-нибудь ловить въ мутной водичкѣ рыбку? При нынѣшнемъ потоцѣ обличеній и пр. трудно распознать всѣ голоса. Дай Богъ имъ раздаваться чаще и громче. Но позвольте же не вѣрить всякому на слово. Вы ничего хорошаго не находите въ прошедшемъ; дайте и другимъ право хоть не все находить хорошимъ въ настоящемъ и подозрѣвать въ немъ то, что естественно должно быть въ немъ дурнаго. А это дурное—еще новенькое и вѣрно не лучше стараго. Не будьте такъ исключительны; насъ, право, занимаютъ разказы о полицейскихъ злоупотребленіяхъ, о кривдахъ того или другаго суда, даже протестовъ противъ поступка г. Камня-Виногорова съ г-жою Толмачовой; но не предавайте насъ анаемъ, если мы признаемъ, что читаемъ съ удовольствіемъ стихи Ѳ. И. Тютчева или князя Вяземскаго.

Мы должны сдѣлать одну оговорку. Мы привели мнѣнія *Сверной Пчелы* и, кажется, имѣли право сказать, что авторъ «ельтона», повѣствующаго о судьбахъ русской литературы и о юбилеѣ князя Вяземскаго, рядомъ съ подробнымъ описаніемъ скандальнаго событія, которое называется концертомъ абиссинскаго маэстро Лазарева, уничтожаетъ всю нашу прежнюю литературу. Поэтому мы считаемъ сказаннымъ такъ, для красоты слога, то мѣсто въ концѣ его статьи, гдѣ онъ нѣсколько оговаривается и съ высоты своего величія удостоиваетъ сказать, что изъ писателей карамзинско-пушкинской эпохи «намъ не чужды» Крыловъ (его одного хвалитъ онъ и прежде), Карамзинъ, Грибоедовъ и Пушкинъ, потомъ рѣшается назвать еще Батюшкова и Лермонтова, а наконецъ и Жуковскаго. Въ заключеніе онъ говоритъ: «всѣ остальные намъ чужды; мы не ихъ преемники.» Конечно, это очень жаль...

Скажемъ еще, что мы совершенно согласны съ авторомъ насчетъ послѣднихъ его замѣчаній о неприличіи и преувеличеніи въ прозѣ и стихахъ графа Сологуба и повторимъ, что думаемъ, что г. Ѳ. Толстой сражался въ своей статьѣ-загадкѣ съ вѣтреными мельницами. Послѣ этого перейдемъ къ указанію заслугъ, которыя оказалъ князь Вяземскій какъ академикъ, и поговоримъ о достоинствахъ его какъ поэта.

Россійская Академія (нынѣ отдѣленіе русскаго языка и словесности при академіи наукъ) основана была въ 1783 году, по плану, похожему на планъ знаменитой Французской Академіи. Предметы такого рода учреждений: разработка отечествен-

наго языка, филологическія разысканія, занятія исторіею языка, опредѣленіе значенія лучшихъ писателей, установленіе твердыхъ правилъ для языка, разрѣшеніе вопросовъ въ спорѣхъ о нововведеніяхъ въ немъ, здравая критика литературныхъ трудовъ, раздача наградъ за нихъ, охраненіе правилъ хорошаго вкуса и т. п. Французская академія существуетъ съ 1635 года и была предметомъ безконечныхъ насмѣшекъ и эпиграммъ. Ее упрекали за то, что она мало занимается дѣломъ, принимаетъ иногда въ свои члены полуграмотныхъ знатныхъ господъ или не очень извѣстныхъ литераторовъ, между тѣмъ какъ многіе славные писатели не удостоиваются этой чести и пр. Дѣйствительно, членами ея не были люди, какъ Декартъ, Мальбраншъ, Паскаль, Мольеръ, Реньаръ, Ларошфуко, оба Руссо, Лесаажъ, Вовенаргъ, Дидеро, Бомарше, Мирабо, Курье, Б. Комстанъ, Беранже, Ламмене, Балзакъ и нѣкоторые другіе менѣе знаменитые, но очень извѣстные во Франціи авторы, какъ Ротру, Менажъ, Дюфрени, Данкуръ, Дюмарсе, Расинъ-сынъ, Пиронъ, Мильвуа. Съ другой стороны, въ прежнее время, въ число сорока ея членовъ точно бывали принимаемы нѣкоторые знатные господа, не имѣвшіе на то правъ, между прочимъ знаменитый волокита герцогъ Ришелье, который не умѣлъ грамотно написать двухъ строкъ. Но академію нельзя упрекнуть въ бездѣйствіи. Она напечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здравой критики, а главное трудами и засѣданіями своими распространяла постоянно въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ бессмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣчный заставить вѣрить публику всему, что придетъ ему въ голову говорить объ этихъ писателяхъ. Засѣданія академіи, приемы новыхъ членовъ и пр. составляютъ для всего Парижа ученые торжества, куда стремится поасть всякій образованный человѣкъ. Писатели, представляющіе на видъ полное равнодушіе къ тому, что не попали въ члены академіи, потихоньку хлопчуютъ, чтобы добиться этой чести. Общество французское на столько образовано, что считаетъ существованіе такого учрежденія не только совмѣстнымъ съ движеніемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжище для истиннаго вкуса, для независимаго голоса людей знающихъ и почтенныхъ, для охраненія вѣчныхъ законовъ прекраснаго отъ посягательствъ легкомыслія и невѣжества. Поэтому академія руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще менѣе популярностью того или другаго автора, но считаетъ условіемъ

для того классическое образованіе писателя, свойство его ученыхъ прие́мовъ, мастерство его владѣть языкомъ, его вкусъ и критическій даръ. Она приметъ въ члены скроиннаго наложивъзнаго толпѣ поэта Лапрада, и едвали скоро допуститъ въ свою среду напр. блестящаго, « популярнаго » бойкаго Теофила Готье. Мериме удостоился этой чести за три или четыре тома разказовъ, а самые плодотворные романисты никогда не будутъ академиками, такъ же какъ и зазорные публицисты, написавшіе много книгъ и брошюръ, какъ г. Гранье Кассаньякъ и тому подобные борзописцы, между тѣмъ какъ въ числѣ сорока *безсмертныхъ*, какъ ихъ называютъ, находится Саси, не писавшій ничего кромѣ статей въ *Journal des Debats*, но за то статей, обличающихъ основательнаго мыслителя и писателя. Викторъ Гюго, въ апогеѣ своей славы, не могъ сдѣлаться академикомъ до самаго 1841 года, потому что, несмотря на свое блестящее дарованіе, грѣшилъ часто противъ чистоты языка и здраваго вкуса, которые такъ уважаемы въ учрежденіи, гдѣ засѣдали тонкіе судьи ихъ, этому качеству преимущественно обязанные общимиъ почетомъ, ихъ окружавшимъ: Андріе, Фелець, Нодье, Сальванди и пр. Замѣтимъ впрочемъ, что въ настоящее время академія уже почти не заключаетъ въ своей средѣ людей, попавшихъ въ нее неизвѣстно почему, какъ это бывало. Въ ней засѣдаютъ, кромѣ поэтовъ стараго времени, Брифо, Лебрюна, Вьенне, историки, какъ Барантъ, Тьеръ, Гизо, Минье, публицисты и ораторы, какъ Дюпенъ, Ремюза, Ноаль, Монталамберъ, Беррие, Саси, Фаллу, Броглю, Лакордеръ; критики, какъ Вилльментъ, Кузень Сень-Маркъ-Жирарденъ, Сентъ Бѣвъ, Патенъ, Низаръ, Амперъ; романисты, какъ Винья, Мериме, Сандо, драматурги, какъ Вите, Легуве, Ампи, Понсаръ, Ожье, поэты какъ Ламартинъ, Понжервиль, В. Гюго, Лапрадъ, ученый Флурансъ и пр. Изъ этого видно, что теперь нападки на академію совершенно неосновательны, потому что составъ ея представляетъ блестящее собраніе лучшихъ писателей Франціи.

Россійская академія существенно отличается отъ французской слѣдующимиъ французская академія имѣетъ дѣло съ языкомъ, давно установившимся, гордящимся славными писателями, которые остаются до сихъ поръ превосходными образцами, родственными нынѣшнимъ литераторамъ, несмотря на своебытность послѣднихъ. Наша же академія доселѣ еще работаетъ надъ языкомъ новымъ, измѣняющимся, подверженнымъ вліянію многихъ родственныхъ нарѣчій и капризамъ всякаго пишущаго, вносящаго въ языкъ свои приемы, свои нововведенія въ словахъ, выраженіяхъ и оборотахъ. Несмотря на то она совершила нѣсколько

полезныхъ трудовъ, издавъ словарь русскій, областныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго языка, грамматику, разныя филологическія и другія изслѣдованія, наконецъ содѣйствуя постороннимъ работамъ по отраслямъ знаний, ей подлежащимъ. Въ числѣ первыхъ ея членовъ были между прочими Елагинъ, Херасковъ, Болтинъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Барсовъ, Львовъ, Княжнинъ. Въ послѣдствіи почти всѣ лучшіе писатели были ея членами, и если они не завоевали себѣ постоянного первенства въ ней, то это не была вина учрежденія.

При непрерывномъ измѣненіи вкуса и переворотахъ въ языкъ, у насъ была бы полезнѣе чѣмъ гдѣ-либо корпорація независимая, съ авторитетомъ въ дѣлѣ словесности. Она нисколько не стѣсняла бы доброй воли всякаго писать какъ ему угодно. Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя, центромъ, гдѣ публика знакомялась бы съ научными и литературными приѣмами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности. Наконецъ она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ сходились бы писатели разныхъ партій, которые теперь сидятъ по большей части безвыходно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они нечего не выдаютъ кромѣ своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ кромѣ своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими ихъ, да разныхъ литературныхъ сплетенъ. Но можно ли думать о томъ, когда фельетонисты завладѣваютъ вниманіемъ читателей, уничтожаютъ все чтѣ было до нихъ, и провозглашаютъ, что они знаютъ не хотятъ общества, то есть соединенія болѣе или менѣе образованныхъ людей, а ищутъ популярности между своею братіей и въ массахъ? У насъ въ литературѣ развита какал-то ненависть къ серьезнымъ литературнымъ корпораціямъ, не входящимъ въ фельетонныя сплетни и журнальныя войны. Точно будто нападающіе на нихъ боются за безраздѣльность своего вліянія и могущества въ этихъ массахъ. Въ этихъ журнальныхъ сферахъ не хотятъ или не могутъ понять, что ежедневная борьба литературы нисколько не мѣшаетъ занятіямъ, хотя и не имѣющимъ прямого отношенія къ практическимъ интересамъ общества, но полезнымъ для всякаго, кто захочетъ образовать свой разумъ, необходимый во всякой дѣятельности.

Изученіе исторіи языка и словесности имѣетъ однимъ изъ главныхъ своихъ предметовъ знакомство не только съ тѣмъ направленіемъ и способомъ выраженія мыслей, которые господствовали въ литературѣ въ ту или другую эпоху, но и съ постепеннымъ ходомъ измѣненія, которымъ подвергался языкъ у того или другаго писателя. Настоящее есть плодъ прошедшаго; не смѣйтесь

надъ языкомъ Елагина или Сумарокова; не пишите имъ, но-помните, что языкъ долженъ былъ пройти черезъ нихъ, чтобъ образовалъ изъ себя прозу Карамзина и стихъ Пушкина, которыми мы обязаны всѣмъ, что у насъ есть хорошаго. Поэтому важно изучать языкъ оригинальнѣйшихъ или ученѣйшихъ писателей, принадлежащихъ къ разнымъ, даже отдаленнымъ эпохамъ, тѣмъ болѣе что, проникнувъ въ ихъ тайну, вы сами овладѣете подобными же приемами, которые съ пользою приложите и теперь къ дѣлу. Для эстетическаго удовольствія вы не станете перечитывать напр. Кострова; но изучать языкъ писателя, который въ данную минуту приспособлялъ съ успѣхомъ обороты и геній латинскаго и греческаго языковъ къ русской рѣчи, которую онъ передавалъ Апулея и Гомера, перевода ихъ съ подлинниковъ, полезно для всякаго, кто занимается русскимъ словомъ. Пушкинъ не пренебрегалъ этимъ дѣломъ и былъ знатокомъ языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Дѣло это, которое составляетъ одну изъ обязанностей академическихъ, занимало многихъ изъ лучшихъ писателей нашихъ. Князь Вяземскій принадлежитъ къ ихъ числу; мало кто лучше его знакомъ съ нимъ, что доказывается разными его замѣчаніями, разсыпанными въ его журнальныхъ статьяхъ и другихъ сочиненіяхъ, имъ написанныхъ. Онъ и самъ много работалъ надъ языкомъ и пытался подчинять его требованіямъ и условіямъ, необходимымъ для точнаго воспроизведенія по-русски чужеземныхъ твореній, совершенно удаляющихся отъ склада нашего языка по слогу, оборотамъ и самому духу. Съ этою цѣлю перевелъ онъ романъ Бенжамена Константа *Адольфъ* (1830), котораго подлинникъ такъ же высоко цѣнится по глубинѣ своей идеи и мастерскому разказу, сколько признается своеобразнымъ по языку, самому безыскусственному, но передающему съ удивительною ясностію тончайшіе оттѣнки чувствъ самыхъ сложныхъ и мыслей самыхъ оригинальныхъ и отвлеченныхъ.

Столько же замѣчательнъ князь Вяземскій, какъ знатокъ исторіи русской литературы. Многія его замѣтки и статьи доказываютъ какъ близко знакомы ему литературныя тайны прошлаго времени, біографіи прежнихъ писателей, особенности ихъ характера, отношенія ихъ между собою и къ обществу, обстоятельства развитія ихъ талантовъ и пр. Безъ сомнѣнія, онъ тутъ прежде всего обязанъ тому кругу, въ которомъ онъ какъ бы воспитанъ и гдѣ хранились преданія о прошломъ, живою нитью связанныя съ людьми его поколѣнія. У насъ такъ мало записывали и собирали черты этого рода, что нельзя не считать заслугой подобнаго дѣла, въ высшей степени любопытнаго и полезнаго.

Превосходное знаніе языка и литературы, при короткомъ знакомствѣ съ литературами другихъ странъ, соединено въ князѣ Вяземскомъ съ замѣчательнымъ критическимъ даромъ, который развивался въ немъ постепенно. Послѣ статьи его о Державинѣ (1816), слѣдуетъ другая объ Озеровѣ (1817), этомъ замѣчательномъ поэтѣ, котораго мы теперь знать не хотимъ, потому что до насъ понаслышкѣ дошло извѣстіе, что планъ его *Эдипа* заимствованъ у Дюссиса, а совѣтъ въ *Дмитріи Донскомъ* напоминаетъ сцены изъ Вольтеровыхъ трагедій. Статья эта уже обширнѣе первой: взгляды въ ней глубже, характеристики опредѣленнѣе, эстетическія оцѣнки тоньше и вѣрнѣе. Третья статья о Дмитріевѣ (1822) уже мастерской этюдъ, гдѣ обрисованъ не только образъ поэта и челоуѣка, поминиѣ замѣчательнаго, хотя также презрѣннаго теперь невѣжествомъ, но и набросана картина его вѣка. Въ этой статьѣ разсыпаны щедро рукой остроумныя и глубокія замѣчанія о людяхъ, нравахъ и разныхъ литературныхъ предметахъ, замѣтки, которыя никогда не потеряютъ своей цѣны, сужденія о писателяхъ русскихъ и иностранныхъ, вѣрныя и оригинальныя. Если перенестись въ то время, когда писаны эти статьи, то нельзя не согласиться, что едва ли кто-нибудь написалъ тогда что-либо лучшее въ этомъ родѣ. Затѣмъ князь Вяземскій много содѣйствовалъ разъясненію публикѣ значенія Пушкина, и первый познакомилъ ее съ Мицкевичемъ. Поэтому нечего удивляться, что уже около сорока лѣтъ тому назадъ князь Вяземскій признанъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ писателей, и позволителенъ намекъ, будто репутаціей своею онъ обязанъ дружескимъ связямъ, и что она составлена на кредитъ.

Произведеніе, въ которомъ особенно выразился князь Вяземскій какъ мастеръ языка, какъ знатокъ исторіи литературы и общества, и какъ тонкій критикъ, есть книга его *Фонъ-Визинъ*, вышедшая въ 1848 году, вскорѣ послѣ того какъ появились оригинальныя статьи его о Явыковѣ и Гоголѣ. Эта книга, плодъ долготѣнныхъ трудовъ надъ изученіемъ одного изъ оригинальнѣйшихъ нашихъ писателей и блестящаго вѣка, въ которомъ онъ жилъ, уже одна вездѣ доставила бы автору громкую извѣстность. Это единственная превосходная монографія, которую можно поставить на ряду съ лучшими произведеніями такого рода, каковы Вилльмена, Ломени и т. п. Она заключаетъ въ себѣ полную характеристику Фонъ-Визина, вѣрную оцѣнку его литературнаго значенія, тонкую критику его произведеній во всѣхъ отношеніяхъ, живую картину современной ему литературы, общества, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, и двора Екатерины. Кажется, будто авторъ самъ жилъ среди этого двора, съ Дашковою. Паниными, и былъ въ

обществѣ Фонъ-Визина и другихъ писателей того времени. Что касается до языка, можно смѣло сказать, что у насъ нѣтъ книги, написанной лучше этой. Сжатость, сила и живописность слога поразительны; языкъ, чистый и свободный въ высочайшей степени, является постоянно послушнымъ и блестящимъ орудіемъ писателя, одинаково способнымъ, къ выраженію глубокомысленныхъ изслѣдованій или остроумныхъ замѣтокъ. Во всей книгѣ нѣтъ ни одной страницы, которая не была бы поистинѣ увлекательна. Когда она появилась, ее очень хвалили даже литературный противникъ князя Вяземскаго, Бѣлинскій, котораго приговоры до сихъ поръ считаютъ многіе непогрѣшимыми во всемъ и котораго фельетонистъ *Съверной Пчелы* признаетъ своимъ родоначальникомъ. Но видно и близкое потомство забывчиво. О *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго никто не почелъ за нужное вспомнить, говоря о его юбилеѣ.

Мы не предполагали дѣлать полный критическій разборъ сочиненій князя Вяземскаго, а хотѣли только указать на его заслуги, по незнанію ли, по намѣренію ли, пропущенныя въ разказахъ о его юбилеѣ. Недостатки его показаны другими въ увеличительное стекло; поэтому мы обращаемъ вниманіе только на его достоинства, которыя, конечно, сторицею искупаютъ эти недостатки. Мы исполнили свою задачу относительно академическихъ трудовъ князя Вяземскаго, о которомъ имѣютъ смѣлость печатать, что онъ «пятьдесятъ лѣтъ сочинялъ стихи, за что и удостоенъ былъ отъ Россійской Академіи званія члена». Теперь перейдемъ къ «сочиненнымъ» имъ стихамъ и посмотримъ: нѣтъ ли въ нихъ кое-какихъ достоинствъ? *Съверная Пчела*, чтобы судить о поэтическомъ дарованіи князя Вяземскаго, стала искать источниковъ, для узнанія какихъ-либо его стихотвореній, съ которыми очевидно не была знакома. Она прибѣгла для этого къ христоматіи Г. Галахова, книгѣ, какъ показываетъ само ея заглавіе, предназначенной для учениковъ. Смирненіе и прилежаніе похвальные. Авторъ фельетона *Пчелы* вычиталъ въ христоматіи превосходное стихотвореніе: «Смерть жатву жизни косить, косить» и умолчавъ о его достоинствахъ, извлекъ изъ него только отрицаніе всякой связи и солидарности своей съ поэтомъ. Затѣмъ онъ ни слова не говоритъ о достоинствахъ упоминаемаго имъ, однако, *Посланиа къ Жуковскому*, и подсмѣивается надъ четырьмя мелкими пьесами, составляющими вмѣстѣ не болѣе тридцати стиховъ, и которыми конечно авторъ не приписываетъ большаго значенія. Мы попробуемъ обратиться къ другимъ источникамъ, которые не худо бы знать тѣмъ, кто берется судить о достоинствахъ или недостаткахъ русскихъ писателей.

Первыми литературными опытами князя Вяземскаго были стихи. Первое его напечатанное стихотвореніе «*Посланіе къ въ деревню* (къ Жуковскому) появилось въ *Вѣстникѣ Европы* 1808 года (ч. 41, № 19, стр. 178.), когда поэту было всего семнадцатый годъ отъ роду (онъ родился 12 іюля 1792 года, въ Москвѣ). Эти стихи неопытнаго стихотворца были исправлены Жуковскимъ. Въ послѣдствіи князь Вяземскій, отвлеченный отечественною войною (онъ былъ между прочимъ въ сраженіи подъ Бородинымъ, гдѣ подъ нимъ убита лошадь) отъ мирныхъ литературныхъ занятій, не оставилъ ихъ однако, и славныя событія того времени внушили ему стихотворенія, принадлежащія къ лучшимъ въ этомъ родѣ: *Надпись къ бюсту Александра I, Русскій пльмикъ въ стѣнахъ Парижа, Польскій на взятіе Парижа* и пр. Но истинное его призваніе обнаружилось въ цѣломъ рядѣ сатирическихъ піесъ, эпиграммъ, піесень, куплетовъ, посланій и пр., который непрерывно слѣдовалъ въ теченіи многихъ лѣтъ и обратилъ на поэта общее вниманіе. «Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость!» Такъ характеризовалъ стихи его 1821 году Пушкинъ (*Соч. Пушкинъ*, изд. Исакова, т. IV, стр. 20.) Стихотворенія князя Вяземскаго отличались, кромѣ того, высокимъ чувствомъ благородства и негодованія къ лжи и пороку. Онъ имѣлъ право говорить (*Умыслие*, въ *Нов. Собр. образц. русск. соч. и перев. въ стихахъ*, вышедш. въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ, Ч. I, стр. 153):

Но слава не вотще мнѣ голосъ подала!
Она влохнула мнѣ свободную отвагу,
Святую ненависть къ безчестному зажгла
И чистую любовь къ изящному и благу.

Изъ этихъ піесъ особенно замѣчательны посланія: къ Жуковскому, къ Дмитріеву, къ Тургеневу, къ перу моему, къ Каченовскому и пр. Сатирическое перо его было опасно для чванства, подлости и глупости, и онъ говорилъ не безъ основанія, обращаясь къ нему (Тамъ же, ч. II, стр. 34.):

Обычай дурень твой; пропасть недолго съ нимъ;
Не разъ противъ меня ты подстрѣвало мщенье.
Рожденный сердцемъ добръ, я бѣ всѣми былъ любимъ,
Когда бѣ не ты меня вводило въ искушенье.

Такъ какъ эти піесы болѣе извѣстны чѣмъ другія, то мы и не дѣлаемъ изъ нихъ выписокъ, и лучше представимъ читателямъ другаго рода стихотворенія. Начнемъ съ піесы *Первый смѣхъ*, о которой вмѣстѣ съ *Эдой* упоминаетъ Пушкинъ въ *Опытихъ*: (Глава V, стр. 3.)

Согрѣтый вдохновенъ богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый свѣтъ
 И всѣ отгѣнки зимнихъ нѣтъ.
 Онь васъ плѣняетъ, а въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
 Прогулки тайныя въ саняхъ;
 Но я бороться не намѣренъ
 Ни съ нимъ покаяться, ни съ тобой,
 Пѣвецъ Финляндки молодой!

Вотъ это стихотвореніе князя Вяземскаго, написанное въ 1817 году (*Собр. нов. русск. стих. вышедш. въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ. Ч. I, стр. 223*):

Пусть нѣжный баювень полуденной природы,
 Гдѣ тѣнь душиствѣ, краснорѣчивѣй воды,
 Улыбку первую привѣтствуетъ весны!
 Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной страны,
 Привыкшій къ свисту буръ и реву непогоды,
 Привѣтствую душой и пѣснью первый свѣтъ.
 Съ какою радостью нетерпѣливымъ взглядомъ
 Волнующихся тучъ ловлю мятежный бѣтъ,
 Когда съ небесъ они на землю вѣютъ хладомъ!
 Вчера еще стоналъ надъ онѣмѣвшимъ садомъ
 Вѣтръ скучной осени, и влажные пары
 Стояли надъ челомъ угрюмыя горы,
 Иль мглой волнистою клубилися надъ боромъ.
 Ушные томное бродило тусклымъ взоромъ
 По рошамъ и лугамъ, пустыющимъ вокругъ.
 Кладбищемъ зрѣлся лѣсъ, кладбищемъ зрѣлся лугъ.
 Пугалище Дриадъ, пріютъ крикливыхъ врановъ,
 Вѣтвями голыми махая, древній дубъ
 Чернѣлъ въ лѣсу дустомъ, какъ обнаженный трупъ;
 И воды тусклымъ подъ пеленой тумановъ,
 Аремали мертвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ.
 Природа блѣдная, съ уныlostью въ чертахъ,
 Поражена была томленіемъ кончины.
 Сегодня новый видъ окрестность приняла,
 Какъ быстрымъ маніемъ чудеснаго жезла;
 Лазурью свѣтлою горятъ небесъ вершины;
 Блестящей скатертью подернулись долины
 И яркимъ бисеромъ усѣяны поля;
 На праздникъ зимы красуется земля
 И насъ привѣтствуетъ живительной улыбкой.
 Здѣсь свѣтъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;
 Тамъ темный изумрудъ подернувъ серебромъ,
 На[мрачной соснѣ онъ разрисовалъ узоры.
 Развѣялись пары и засверкали горы
 И солнца жаръ разыгралъ на небѣ голубомъ.

Волшебницей зимой весь міръ преобразовать;
 Цѣпями льдыстыми покорный прудъ окованъ
 И синимъ зеркаломъ сравнялся въ берегахъ.
 Забавы ожили; пренебрегая страхъ,
 Сбѣжались смѣльчаки съ брегговъ толпой игривой
 И, правднуя зимы ожидаемый возвратъ,
 По льду свѣтящему кружатся и скользятъ.
 Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ нетерпѣливой
 Допрашиваетъ слѣдъ добычи торопливой:
 На бѣгство робкаго нескромный свѣгъ довестъ;
 Съ неволи спущенный, за жертвой хищный пестъ
 Ввѣрнется стремглавъ предательному слѣду
 И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.
 Покинемъ, милый другъ, темницы мрачной кровъ!
 Красивый выходець кипящихъ табуновъ,
 Ревнуя на бѣгу съ крылатоногой ланью,
 Топоча хрупкій свѣгъ, насъ по полю помчить.
 Украшень твой нарядъ лѣсовъ сибирскихъ данью
 И соболь на тебѣ чернѣетъ и блестятъ.
 Презрѣвъ мороза гнѣвъ и щетныя угрозы,
 Румяныхъ щекъ твоихъ свѣжій агъютъ розы
 И лили свѣжій бѣвютъ на челъ.
 Какъ лучшая весна, какъ лучшей жизни младость,
 Ты улыбаешься утѣшенной землѣ.
 О пламенный восторгъ! Въ душѣ блеснула радость,
 Какъ искры аркія на снѣжномъ хрусталѣ.
 Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимной сладости!
 Кто въ тѣснотѣ саней, съ красавицей молодой,
 Ревнивыхъ не боясь, сидѣлъ рука съ рукой,
 Жалъ руку, нѣжную въ самомъ сопротивленіи
 И въ сердцѣ дѣвственномъ впервой любви сматовъ,
 И думу первую, и первый вздохъ зажегъ.
 Къ побѣдѣ чистыя любви пріявъ залогъ.
 Кто можетъ выразить счастливецовъ упоенье?
 Какъ вьюга легкая, ихъ окрѣпленный бѣгъ
 Брадами ровными прорѣзываетъ снѣгъ
 И яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,
 Сребристой пылію окидываетъ ихъ.
 Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ.
 По жизни такъ скользятъ горячность молодая
 И жить торопится, и чувствовать спѣшить!
 Напрасно прихотямъ ввѣрнется различнымъ:
 Вдалъ увлекаема желаньемъ безграничнымъ,
 Пристанница себѣ она нигдѣ не зреть.
 Счастливыя лѣта! Пора тоски сердечной!
 Но что я говорю? Вданный бѣглый день,
 Какъ сонъ обманчивый, какъ привидѣнья тѣнь,
 Мелькнувъ, уносишь ты, обманъ безчеловѣчной!
 И самая любовь, намъ измѣнивъ какъ ты,
 Приводитъ къ опыту безжалостнымъ урокомъ
 И, чувства истощивъ, на сердцѣ одинокомъ
 Намъ оставляетъ слѣдъ угаснувшей мечты.
 Но въ памяти души живутъ души утраты.

Воспоминаніе какъ чародѣй богатѣй,
 Изъ пепла хладнаго минувшее зоветъ
 И гласъ умолкшему и праху жизнь даетъ.
 Пусть на омытые луга росой денницы
 Красивая весна бросаетъ изъ кошницы
 Душистую лазурь и свѣжій блескъ цвѣтовъ;
 Пусть, растворяя лѣсъ очарованьемъ нѣжнымъ,
 Влечетъ любовниковъ—подъ кровомъ безмятежнымъ
 Предаться тихому волшебству сладкихъ сновъ!
 Не измѣню тебѣ воспоминаемъ тайнымъ,
 Весны роскошныя смиренная сестра!
 О сердца моего любимая пора!
 Съ тоскою прежнею, съ волненьемъ обычайнымъ,
 Клянусь платить тебѣ признательную дань,
 Всегда привѣтствовать тебя сердечной думой,
 О первенецъ зимы блестящій и угрюмой;
 Снѣгъ первый, нашихъ нивъ о дѣвственная ткань!

Представимъ теперь стихотвореніе нѣсколько позднѣйшаго времени, гдѣ поэтъ говоритъ о воспоминаніи, этомъ лучшимъ утѣшеніемъ жизни, смущенной бурями. Вотъ его піеса *Воспоминаніе* (*Невскій Альм. на 1826 годѣ*, стр. 85):

Пусть времени полетъ стремится
 И все съ собою уносить онъ,
 Въ душѣ тоскующей хранится
 Любви моей послѣдній сонъ.

День каждый падаетъ за мною,
 Какъ близкихъ бурь послыша свистъ,
 Угрюмой осени порою
 Валится съ дуба мертвый листъ.

Уже весны моей не стало,
 Уже полсердца отцвѣло,
 И на лицѣ печали жало
 Слѣды глубоко провело.

Но памяти волшебной силой
 Еще присутственъ прошлый часъ,
 И образъ незабвенно-милой
 Въ воображенья не угасъ.

Какъ въ день счастливыя первой встрѣчи,
 Небесный гость! Я зрю тебя,
 Мнѣ языкомъ любви, безъ рѣчи,
 Сказавшій тайну бытія.

Еще невыразимымъ взглядомъ
 Восторгами волнуешь грудь
 И по долині жизни рядомъ
 Со мной свершаешь тайный путь.

Глаза любуются прилежно
 Струями черными волосъ,
 Которые зефиръ небрежно
 По мраморной груди разнесъ

На головѣ твоей прелестной
 Изъ свѣтлыхъ яхонтовъ нарядъ;
 Въ одеждѣ синевы небесной
 Твой стройный станъ красиво сжать,
 Какъ мягкое, струисто злато,
 Роскошнаго Востока дань,
 Волнуясь, падаетъ богато
 На плечи брошенная ткань.

Вще я при тебѣ печальный,
 Тоской окованный, стою,
 И жадно голосъ твой прощальный
 Въ пустынномъ воздухѣ ловлю.

Все, что похитилъ жребій гнѣвный,
 Все, что не взвидѣлъ взоръ слѣпый
 Я перенесъ въ тайникъ душевный
 Отъ глазъ завистливой толпы.

Тамъ поклоненьемъ нераздѣльнымъ
 Боготворю любви кумиръ,
 И тамъ желаньямъ безпредѣльнымъ
 Открыть мечты безбрежный міръ.

Другъ вѣрный неизмѣнной думѣ,
 Вездѣ сопутствуешь ты мнѣ:
 Съ одной тобой—я въ свѣтскомъ шумѣ,
 Съ одной тобой наединѣ.

Во всѣхъ явленіяхъ природы
 Зрю отпечатокъ красоты,
 Твой образъ отражаютъ воды
 И въ чистомъ утрѣ свѣтишь ты!
 Роскошно пью твое дыханье
 Въ душистомъ вѣяннѣ цвѣтовъ,
 Твой голосъ слышенъ мнѣ въ шептаннѣ
 Перепорхнувшихъ вѣтерковъ.

Ты сострадательной рукою
 Стираешь слезы съ влажныхъ глазъ,
 Когда къ Незримому съ душою
 Я возношу молящій гласъ.

Когда какъ свѣткою горящей
 Небесъ обложится шатеръ,
 Въ звѣздѣхъ привѣтнѣ блестящей
 Тебя отыскиваетъ взоръ.

Когда слетаетъ тихій геній
 На ложе свѣжей тишины,
 Игрою таинственныхъ видѣній
 Ты очаровываешь сны.

Давно умолкнувшую радость
 Нашептываешь сердцу вновь,
 Надежды пробуждаешь сладость,
 Делѣя сирую любовь.

Годы прошли и душа поэта возмужала; поэтическія думы его стали строже и сосредоточеннѣе. Природа внушаетъ ему мысли

величественныя, и внушаетъ пѣсню *Море* (*Сверные Цепи*, на 1828 годъ, стр. 18):

Какъ станъ гордыхъ лебедей,
На синемъ морѣ волны блещутъ.
Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
По стройной прихоти своей.
Какъ упивается мой слухъ
Ихъ говоромъ необычайнымъ,
Какъ сладко дается духъ
Мечтамъ плѣнительнымъ и тайнымъ.

Такъ! Древности постигъ теперь
Я баснословную святыню:
О волны! Красоты богиню
Я признаю за вашу дочь!
Такъ, вѣрю: родилась она
Изъ вашей колыбели зыбкой
И пробудила міръ отъ сна
Своею свѣжею улыбкой.

Такъ вѣрю: здѣсь явилась ты,
Очаровательница міра!
Въ прохладѣ влажнаго сафира,
Въ стихіи свѣтлой чистоты.
Намъ чистымъ сердцемъ внушены
Прекрасныхъ танцествъ откровенья:
Изъ лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И въ наши строгія дѣта,
Дѣта существенности лютой,
При васъ однѣхъ, хотя минутой,
Вновь забывается мечта.
Не смѣли измѣнить вѣка
Вашъ образъ свѣтлый, вѣчно-юный,
Ни смертныхъ хищная рука,
Ни рока грознаго перуны.

Въ васъ нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
Слѣдовъ безумства и гордыни,
И вашей дѣвственной святости
Не опозорена лазурь.
Кровь ближнихъ не дымится въ ней;
На почвѣ, смертнымъ непослушной,
Нѣтъ мрачныхъ знаменій страстей,
Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

И если смертный возмутитъ
Вашъ миръ преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спѣшите смѣть мгновенный стыдъ.
Отринутой изъ чуждыхъ нѣдръ,
Онъ поглащаемъ шумной бездной:
Такъ пятна облачныя вѣтръ
Сметаешь гнѣвно съ сѣни звѣздной.

Людей и времени раба,
 Земля состарилась въ неволе:
 Шутя, ея играютъ долей
 Владыки, вѣки и судьба.
 Но вы все тѣ жь, что въ день чудесь,
 Какъ солнце первое въ васъ пало,
 О вы, неизблемыхъ небесъ
 Ненарушимое зеркало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣтлѣетъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачно-влажной красотѣ.
 Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
 Вершины волнъ горятъ игривыи
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Еще душѣ краснорѣчивыи.

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтятъ сны,
 Давно помершше въ туманѣ,
 Которые такъ ясно ранѣ
 Горѣли въ небѣ старины.
 Изъ волнъ, цѣлующихъ ее,
 Мнѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы:
 Въ нихъ слышно прежнее бытѣ,
 Какъ лѣтъ младенческихъ напѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлятъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга,
 Всѣ чувства межъ собой мирять.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразителенъ сей лепетъ:
 Онѣ пробудилъ въ душѣ моей
 Восторговъ тихихъ сладкій трепетъ.

Какъ звучно льнетъ зефиръ къ струнамъ,
 Играя арфою воздушной;
 Такъ и въ душѣ моей послушной
 Есть отзывъ пѣснямъ и мечтамъ.
 Волшебнo забываетъ умъ
 О настоящемъ, жизнь гнетущемъ,
 И въ сладострастїи стройныхъ думъ
 Я весь въ протекшемъ, весь въ грядущемъ.

Сюда, поэзиі жрецы!
 Сюда, существенности жертвы!
 Кумиры ваши здѣсь не мертвы
 И не померкли ихъ вѣнцы.
 Про васъ поэзиі хранитъ
 Свои преданья и повѣрья;
 И здѣсь, гдѣ море вамъ шумитъ, —
 Святѣйши свѣтлыя преддверья!

Пропустимъ нѣсколько лѣтъ и посмотримъ какъ въ зрѣлой порѣ
 поэтъ воспѣвалъ красоту, которой онѣ всегда былъ поклонни-

комъ. Для этого прочтемъ его *Разговоръ*, написанный въ 1832 году и посвященный графинѣ Е. М. Завадовской, которой очаровательная красота прославилась во всей Европѣ. (*Новоселье*, ч. I, стр. 497.)

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте мнѣ: я предъ собой лукавилъ,
Когда я васъ на споръ безумно вызывалъ;
Вашъ май, вашъ Петербургъ порочилъ и безславилъ,
И въ вашихъ небесахъ я солнце отрицалъ.

Во жи рѣчей моихъ глаза уликой были:
Я васъ обманывалъ, но могъ ли обмануть?
Взглянули бъ на меня, и первыя не вы ли
Къ тому, что мыслю я, легко нашли бы путь?

Я Петербургъ люблю, съ его красотою стройной,
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачною ночью, дня соперницей беззнойной,
И съ свѣжей зеленью молодыхъ его садовъ.

Я Петербургъ люблю, къ его пристрастенъ лѣту:
Какъ пышно свѣтится оно въ водахъ Невы!
Но болѣе всего, какъ не любить поэту
Прекрасной родины, гдѣ царствуете вы?

Природы сѣверной любуюся зеркаломъ,
Въ васъ любить онъ ея величье, тишину,
И жизнь, цвѣтущую подъ хладнымъ покрываломъ,
И зиму яркую, и кроткую весну.

Роскошенъ жаркій югъ, съ своимъ сіяньемъ знойнымъ
И чудно-знойными глазами женъ и дѣвъ,
Симъ чуткимъ зеркаломъ ихъ думамъ безпокойнымъ,
Въ которомъ такъ кипятъ любви восторгъ и гнѣвъ.

Обворожительны ихъ прелестей зазывы,
Ихъ нѣга, ихъ тоска, ихъ пламенный покой,
Ихъ бурныхъ прихотей нежданнныя порывы,
Какъ вспышки молніи изъ душевной тмы ночной.

Любовь бѣснуется подъ воспаленнымъ югомъ;
Не ангеломъ она святить тамъ жизни путь,—
Она горитъ въ крови отравой и недугомъ
И уязвляетъ въ кровь болѣзненную грудь.

Но сердцу русскому есть красота иная,
Сынъ сѣвера призналъ другой любви законъ:
Любовью чистою таинственно сгарая,
Кумиръ божественный лелѣеть свято онъ.

Красавицъ сѣверныхъ онъ любить безмятежность,
Чело ихъ, чуждое язвительныхъ страстей,
И свѣжесть ихъ лица, и плечъ ихъ бѣлоснѣжность,
И пламень голубой ихъ дѣвственныхъ очей.

Онъ любить этотъ взглядъ, въ которомъ нѣтъ обмана,
Улыбку свѣжихъ устъ, въ которыхъ лести нѣтъ,
Величье стройное ихъ царственнаго стана
И чистой прелести ненарушимый цвѣтъ.

Онъ любить ихъ рѣчей и ласкъ неторопливость,
И въ шумѣ свѣтскихъ игръ притѣвныя едва,
Но сердцу внятныя: чувствительности живость,
И чувствомъ звучныя, немногія слова.

Красавицъ съверныхъ царица молодая!
Чистѣйшей красоты высокой идеалъ!
Вамъ глазъ и сердца дань, вамъ лиры пѣснь живая
И лепетъ трепетный застѣвчивыхъ похвалъ!

Въ *pendant* къ этому стихотворенію, выпишемъ и другую прелестную піесу, *Бальтійское видѣніе*, которая написана въ Ревелѣ, въ томъ же періодѣ жизни поэта. (*Новоселье*, ч. II стр. 45.)

Мнѣ улыбнулась бальтійскихъ водъ царица
И сердце отъ ея улыбки разцвѣло,
Какъ въ утро майское, когда взойдетъ денница,
Взыграетъ сонныхъ водъ сафирное стекло.

Какъ лебедь царствуетъ на зеркалѣ спокойномъ
Залива тихаго, подобья небесамъ,
Младая, статная, она въ величьи стройномъ
Живописуется внимательнымъ глазамъ.

Какъ пѣна свѣжая волны сереброкипящей,
Прозрачной бѣлизной чаруетъ взоръ она;
Но озаренная звѣздой веселья, чаще
Оттѣнкой алою въ ней дышитъ бѣлизна.

Лазурью чистою, какъ небо голубое,
Въ безпечные глаза освѣщены;
Въ нихъ сердце свѣтится свободное, живое,
Какъ жизнь младенчества, какъ херувимовъ сны.

Въ нихъ нѣтъ минувшаго съ его печальной тѣнью,
Тоски о будущемъ, нѣтъ страха, нѣтъ страстей:
Лишь благодарность въ нихъ сияетъ къ Провидѣнью,
За жизнь, которая такъ миловидна въ ней.

Перейдемъ къ другой эпохѣ. Опытъ жизненный даетъ мыслямъ поэта иной строй; онъ умилется передъ молитвою, и видитъ въ соединеніи ея съ пѣснію и любовью свое призваніе (*Одесскій альманахъ* на 1840 годъ, стр. 448).

Любить. Молиться. Пѣть. Святое назначенье
Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,
Святаго таинства земное выраженье,
Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,
Преданье темное о томъ, что было яснымъ
И упованіе того, что будетъ вновь,
Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!
Счастливъ, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой
И пѣсни ввнутренней былъ арфою живой!

Въ то же время онъ воспѣваетъ красоты природы въ *Утра на Волгѣ*, на берегахъ которой онъ когда-то описалъ прекрасный вечеръ. Но теперь душой его владѣетъ другое чувство; онъ приходитъ отдыхать въ объятія этой природы, отъ которой долго былъ оторванъ тревогами и страстями жизни (*Утренняя зоря на 1841 годъ*, стр. 235).

Еще волнуются туманы,
Еще объята мглой рѣка,
Какъ безобразны великаны
По небу мчатся облака,
Ночью ризою земля еще одѣта,
Но въ легкомъ, чуткомъ полуснѣ
Ужъ ждетъ прекраснаго разсвѣта
Въ нетерпѣливой тишинѣ.

Вотъ утра свѣжій вѣтръ повѣялъ,
Расшевелилъ дремавшій лѣсъ,
И паръ съ лица земли разсѣялъ,
И растворилъ лазурь небесъ.
Какъ мысль Всевышняго, на пурпурномъ востокѣ
Златая искра занялась
И быстро въ огненномъ потокѣ
Лучами свѣта разлилась.

Природы пиръ, творенья радость,
Свѣтлѣетъ утро на землѣ:
Такъ, улыбаясь, блещетъ младость
На чистомъ дѣвственномъ челѣ.

Волнуются луга бродящими стадами
И звонко ожили древа
Сладкозвучащими хвалами
Крылатыхъ пѣвчихъ Божества.

Предупреждя разсвѣтъ денницы,
Рыбакъ на дерзости челнѣ,
Закинувъ легкія пловницы,
Скользить по трепетной волнѣ.

Напрасно сладкій сонъ его лелѣетъ вѣжды,
Онъ отъ одра уже бѣжить:
Весло его въ рукѣ надежды,
Корысть съ нимъ на кормѣ сидитъ.

Влекомый вѣтеркомъ прохладнымъ,
Онъ гонитъ быструю ладью
И сторожитъ вниманьемъ жаднымъ
Добычу тайную свою.

О радости! Счастливъ ловъ! На злачный берегъ влечется
Чешуйчатая дань зыбей
И плѣнница напрасно бьется
О сътъ, безжалостную въ ней.

Сынъ матери чадолюбивой,
Природы сынъ и вѣрный другъ,
Сбираетъ пахарь съ щедрой нивы
Плодъ годовыхъ своихъ заслугъ.

Устаива поля согбенными толпами:

Сверкают острые серпы,
И позлащенными холмами
Встают тяжелые снопы.

Все торжествуетъ дня рожденье,
И долгъ, и твердыя высота;
Повсюду стройное движенье,
Порядокъ, польза, красота.

Промчался жизни духъ надъ спящею землею!

Все пробудилось, расцвѣло;
Все блещетъ силой молодою,
Все звукъ и душу обрѣло.

Блгнецъ природы, рабъ пристрастья,
Постыдный данникъ суеты,
Дошныя зрѣль я безъ участья
Природы свѣтлой красоты.

Не для моихъ очей и лѣто разстигало

Ткань изумрудную въ лугахъ,
И алчной жатвѣ созрѣвало
Богатство осени въ поляхъ.

Не для меня ручьи шумѣли,
Благоухалъ зеленый лѣсъ
И дальнихъ горъ верхи синѣли,
Теряся въ брызгахъ небесъ.

Не для моихъ очей и утро облачалось

Въ златой и праздничной уборѣ
И небо звѣздное купалось
Въ струистомъ зеркалѣ озеръ,

Въ груди моей не отзывались
Созвучья неба и земли,
И чувства гладно пресмыкались
Во тмѣ, въ молчаньи и въ пыли.

Не здѣсь упала съ глазъ туманная завѣса:

Я красоту долины прозрѣлъ—
И шумъ краснорѣчный лѣса,
И ропотъ водъ уразумѣлъ.

Я твой, природа! Твой отнынѣ!

Отступника усынови!

Я подхожу къ твоей святынѣ
Съ сердечнымъ трепетомъ любви.

Повѣдай мнѣ свои святые откровенья,

Согрѣй меня и озари,
И тихимъ жаромъ умиленья
Мнѣ умъ и душу раствори.

Но скоро ли свободно сброшу
Ярмо, гнетущее меня,
Какъ труженникъ наемный вошу .
Бросаетъ на закатѣ дня?

Когда же къ пристани повеетъ вѣтръ попутный,

И радугу благословлю?
И вѣрный якорь жизни смутной
О брегъ надежный укрѣплю?

Въ твоихъ святилищахъ прохладныхъ
 О дай мнѣ, Волга, утолить
 Тоску страстей слѣзыхъ и жадныхъ,
 Дай жизнью новой мнѣ ожить!
 Ожить для радостей, для мудраго покоя.
 И безболѣзненные дни
 Дай уберечь отъ бурь и зноя
 Въ твоей затиши и тѣни.

Наконецъ въ душѣ поэта происходитъ окончательный переломъ. Безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его вполне отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость. Онъ предается свѣтлому религиозному чувству, проникается чистою вѣрою въ лучшую жизнь, находя однако и въ земномъ существованіи отраду въ убѣжденіи, что исполняетъ лучшее предназначеніе человѣка. (*Московский Сборникъ*, 1846, стр. 539.)

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшнень,
 И кто же не грѣшнень предъ Нимъ?
 Но тѣмъ я хоть мало утѣшнень,
 Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ.
 Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
 Что съ плачущимъ плачу и я.
 Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
 На каждую скорбь бытія.
 Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
 Что въ язвахъ созрѣла душа,
 Что жизнь мнѣ не блескомъ, не счастьемъ,
 А тайной тоской хороша;
 Что въ міръ и его обаянья
 Недолго вдаваться я могъ,
 Но всѣ его понялъ страданья
 И чувство для нихъ уберегъ;
 Что тайная есть мнѣ отрада
 Внезапно войти въ Божій домъ
 И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
 Съ молитвой поникнуть челомъ.
 Что дня не проходитъ и часу,
 Чтобъ внутреннимъ слухомъ не вягъ
 Я смерти призывному гласу
 И слухъ отъ него уклонялъ;
 Что въ самой житейской тревогѣ
 Сей голосъ не чуждъ для меня;
 И мыслью стою при порогѣ
 Последняго, страшнаго дня.

И вотъ поэтъ стремится въ страну, откуда просіялъ впервые свѣтъ той вѣры, которая служитъ лучшею отрадою скорбнымъ. Полюбуйтесь тѣмъ, какіе образы, мысли и звуки находятъ шести-

десятилѣтній поэтъ, посѣщая этотъ обаятельный край Востока, внушившій ему нѣсколько пѣсней, принадлежащихъ къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ нашей поэзіи. Вотъ его стихотвореніе *Палестина*. (*Изв. II Отд. Академіи Наукъ*, Т. VII, выпускъ I.)

Сводъ безоблачно синій
 Іудейскихъ небесъ,
 Безпредѣльность пустыни,
 Одинокихъ деревьевъ,
 Пальмы, маслины скудной
 Безпріютная тѣнь,
 Позолотою чудной
 Ярко блестящій день.

По степи рѣчки ясной
 Не бѣжать полоса,
 По дорогѣ безгласной
 Не слызть колеса.
 Только съ ношей своею
 (Что ему зной и трудъ?)
 Длинно вытянувъ шею
 Выступаетъ верблюдь.

Ладыя и телѣга
 Безпромышленныхъ странъ,
 Онъ идетъ до ночлега.
 Вслѣдъ за нимъ караванъ;
 Иль бурнусомъ обвитый,
 На верблюдь верхомъ,
 Бедуинъ саванитый,
 Знойно смуглый лицомъ.

Словно зыбью качаясь,
 Онъ торчитъ и плыветъ,
 На ходу подаваясь
 То назадъ, то впередъ.
 Иль промчѣтъ кобылица
 Шейха съ длиннымъ ружьемъ,
 И кружится, какъ птица,
 Подъ лехимъ сѣдокомъ.
 Помянувъ Магомета,
 Всадникъ, встрѣтѣся съ тобой,
 Къ сердцу знакомъ привѣта
 Прикоснется рукой.
 Поддевъ жаркій пылаетъ,
 Воздухъ словно огонь:
 Путникъ жаждой сгораетъ
 И томящійся конь.

У гробницы съ чалмою
 Кто-то вырылъ родникъ,
 Путникъ жадной душою
 Къ холодной влагѣ принякъ.
 Благодѣтель смиренный!
 Онъ тебя отъ души
 Помянутъ, освѣженный
 Въ опаленной глуши.

Вотъ подъ сѣнью палатокъ
 Быть пустынныхъ племень:
 Женскій складъ—отпечатокъ
 Первобытныхъ временъ.
 Вотъ библейскаго гѣка
 Вѣрный сколокъ: точь-въ-точь
 Молодая Ревекка,
 Вауилова дочь.

Голубой пеленою
 Стань красивый сокрытъ;
 Взоръ восточной завѣдою
 Подъ рѣсницей блеститъ.
 Величаво, спокойно
 Дѣва сходитъ къ ключу:
 Водоносъ держать стройно,
 Прижимая къ плечу.

Въ полѣ кактусъ иглистый
 Распускаетъ свой цвѣтъ.
 Въ дальней тмѣ—каменистый
 Аравійскій хребетъ.
 На вершинахъ суровыхъ
 Гаснетъ день средь зыбей
 То златыхъ, то лиловыхъ,
 То зеленыхъ огней.

Чудно блещутъ картины
 Яркихъ красокъ игрой.
 Свѣтлый край Палестины!
 Упоенный тобой,
 Предъ разсвѣтомъ, пустыней,
 Я несусь на конѣ
 Богомольцемъ къ святищу,
 Съ дѣтства рождественной мѣи.

Шейхъ съ летучимъ отрядомъ—
 Мой дозоръ боевой:
 Впередъ, сзади, рядомъ
 Вьется пестрый ихъ рой.
 Недовѣрчиво взгляды
 Озираютъ вокругъ:
 Хищный врагъ изъ засады:
 Не нагрянетъ ли вдругъ?

На пути, чуть пробитомъ
 Средь разорванныхъ скалъ,
 Конь мой чуткимъ копытомъ
 По обломкамъ ступалъ.
 Сонъ подъ звѣзднымъ наметомъ,
 Запылаи костры:
 Сонъ тревожитъ налетомъ
 Вой шакаловъ съ горы.

Эпопея священной
 Древній мѣръ здѣсь развертъ:
 Свитокъ сей неизмѣнной
 Начерталъ Божій перстъ.

На Израиль съ завітѣмъ
Здѣсь сошла Божья сѣнь:
Восіая здѣсь съ разсвѣтомъ
Человѣчества день.

Край святой Палестины,
Край чудесъ исконн!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внѣшній міръ, міръ подспудной,
Все, что было, что есть,
Все поэзіи чудной
Благодатная вѣсть.

И въ отвѣтъ на призыванье,
Жизнь, горь возлетѣвъ,
Жизнь—одно созерцанье
И молитвы напѣвъ.
Отблескъ свѣтлыхъ видѣній
На душѣ не угасъ:
Дни святыхъ впечатлѣній,
Позабуду ли васъ?

Съ тѣхъ поръ стихи князя Вяземскаго являются чаще чѣмъ въ послѣдніе годы до путешествія въ Палестину, и нельзя не сказать, что всякое новое его стихотвореніе до такой степени зрѣло и исполнено поэзіи, стихъ его такъ великолѣпно хорошъ, что никогда поэтъ не достигалъ до такого совершенства. Мы хотѣли бы привести для окончанія піесу *На церковное строеніе, или къ оомоисцу Ивану, или Остафьеву, или Киссименю, или Созданіе или что-нибудь другое въ этомъ родѣ*. Но чтобы доказать, что князя Вяземскаго нельзя обвинить въ безучастіи къ современнымъ вопросамъ, занимающимъ общество, мы выписываемъ его стихотвореніе: *У страха глаза велики*, которое доказываетъ, что онъ нисколько не потерялъ своей мѣткости и силы; конечно, оно стоитъ многихъ томовъ новѣйшихъ обличеній (*За-границей*, корректуры. листы изъ стихотв. Кн. П. А. В., стр. 41).

Вотъ люди,—и такихъ не мало—
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ.
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и живѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ:
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу пять и шесть.

У нихъ всегда какъ отъ угара, ●
 Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенить;
 Имъ свѣчка—заревъ пожара,
 Набатовъ—каждый звукъ звучить.

Предусмотрительность ихъ мучить,
 Но прозорливость ихъ смѣшна;
 Она въ быка лягушку пучить
 И муху жалуетъ въ слона.

Огонь ли дальній домъ затронетъ?
 У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
 И какъ, во дни потопа, товетъ
 Ихъ неповинная изба.

Кто заболѣетъ въ дальнемъ царствѣ,
 Хотя за тридевять земель,
 Они сидятъ ужъ на лѣкарствѣ
 И лечь готовятся въ постель.

Закрѣты ставни, чтобъ заразой
 Къ нимъ вѣшній воздухъ не проникъ,
 И смотритъ докторъ пучеглазой
 Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

Чтобъ оставаться невредимо,
 Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
 Имъ напередъ необходимо
 Себя зашить, запаковать.

Все озираясь слѣва, справа,
 На цыпкахъ выступаетъ трусь,
 Какъ будто подъ ногами лава
 Иль землю взбудоражилъ трусь.

Они готовы въ ослѣпленьи,
 Когда бъ ихъ страху волю дать,
 На карантинномъ положеньи
 Весь Божій міръ пересоздать.

Ихъ блажь себя дурманомъ кормить
 И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
 Кто такъ себя захлороформить,
 Чтобъ жизнь оцѣпнѣла въ немъ.

Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,
 Но грусти этотъ смѣхъ сродни;
 Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха,
 Какъ пугала торчатъ они.

Благоразумія личиной
 Свой малодушный умъ прикрывъ,
 Они ложатся тяжелой льдиной
 На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
 Развязкой горькой имъ грозя;
 На всѣ вопросы, всѣ призванья
 Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Нельзя! твердятъ сыны косятъня;
 Но въ человѣческой груди
 Къ чему жь сей лозунгъ Провидѣнья?
 -Трудись, надѣйся и гряди!»

Самонадѣянность насъ губить
 И мнительность, болѣзнь ума:
 Одна теряться въ тучахъ любить,
 Другой—что новость, то чума.

Мужъ благодушья, воли твердой,
 Равно умѣть пренебречь
 Пылъ опрометчивости гордой
 И робость, сей Дамокловъ мечъ.

Въ душѣ его благое пламя,
 Великихъ дѣлъ святой закалъ:
 Онъ высоко подѣмлетъ знамя,
 Которымъ путь свой указалъ.

Судебъ избранникомъ послушнымъ
 Идетъ онъ, вождь передовой,
 Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
 И съ трусостью, подъявшей вой

Оканчиваемъ свои выписки. Мы не считали нужнымъ много распространяться о приводимыхъ нами стихахъ и лучше желали, чтобы поэтъ говорилъ самъ за себя. Мы не выбирали, а выписывали почти наудачу и увѣрены, что читатели, даже мало знакомые съ стихотвореніями князя Вяземскаго, пожелаютъ теперь, чтобы скорѣе вышло изданіе его сочиненій, обѣщанное академіей. Мы полагаемъ, что напоминая о стихотвореніяхъ Вяземскаго и знакомя съ ними быть-можетъ многихъ, которымъ трудно отыскать ихъ по журналамъ и альманахамъ, мы только исполняемъ долгъ признательности къ нему за тѣ наслажденія, которыя онъ такъ много лѣтъ доставлялъ намъ своими произведеніями. Мы видѣли, что талантъ его созрѣвалъ, росъ и дошелъ до своего апогея въ то время, когда друзья его задумали праздновать его юбилей. Отъ души присоединяемъ мы къ желаніямъ г. Тютчева и сочувствуемъ всему, что сказано имъ въ его прекрасныхъ стихахъ на юбилей князя Вяземскаго, которые и выписываемъ въ заключеніе, желая наибольшаго ихъ распространенія, о чемъ никто еще не позаботился. Пусть читатели увидятъ характеристику поэта, сдѣланную другимъ поэтомъ, а не съ голоса враждебныхъ и проникнутыхъ духомъ партій фельетонныхъ отзывомъ. Вотъ стихи г. Тютчева. (*Наше Время*, 1861, № 8, стр. 141.)

У музы есть различныя пристрастья,
 Дары ея даются не равно;
 Стократъ она божественнѣ счастья,
 Но своенравна какъ оно.

Никыхъ она лишь на зарѣ лелѣветъ,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ,—
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣветъ,
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тѣмъ у ручья, на луговинѣ тайной,
Нежданная авляется порой,
Порадуется улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи нѣтъ второй...

Не то отъ ней присуждено вамъ было:
Васъ юношей настигнуть въ добрый часъ,
Она въ душѣ васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ васъ...

Досужая, она не мимоходомъ
О васъ пеклась, ласкала, берегла,
Учила васъ, и съ каждымъ новымъ годомъ
Любовь ея все крѣпла и росла.

И какъ старте пламенный напитокъ,
Все пламеннѣй, и чище, и сластѣй,
Такъ и на васъ даровъ ея избытокъ
Все съ каждымъ годомъ нисходилъ полнѣй.

И никогда такимъ виномъ какъ нынѣ
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ:
Давайте жъ, князь, подыместъ въ честь богинѣ
Вашъ полный пѣвнстый флягъ.

Потомъ мы всѣ, въ молитвенномъ молчаньи,
Священные поминки сотворимъ,
Мы сотворимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно дорогимъ.

Нѣтъ отъклика на голосъ ихъ зовущій,
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именивъ
Кому жъ они не близки, не присущи:
Жуковский, Пушкинъ, Карамзинъ?

Такъ, вѣрять мы: незримиыи гостями
Теперь они, повинувъ горній міръ,
Сочувственно витають между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За ними, князь, во имя музы вашей,
Подносимъ вамъ задравное вино,—
И долго, долго въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно.

Да, пусть долго, долго раздастся еще голосъ поэта! Много истинно-прекраснаго и вѣчно-юнаго надѣмся мы еще слышать отъ него, въ новое доказательство, что духовныя силы могутъ не падать, а расти съ годами. Намъ еще пріятнѣе видѣть въ немъ не преемника, удаляющагося съ поприща, а старшаго современника, который умѣетъ сочувствовать всѣмъ лучшимъ инте-

ресамъ жизни, своимъ вполне созрѣвшимъ умомъ глубоко понимать всѣ ея стороны, и этимъ словомъ, исполненнымъ свѣжести и энергіи, выражать смыслъ ея разнородныхъ явленій.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.

9 апрѣля 1861.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

*Письма Карамзина къ Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибо-
льдова къ Степану Никитичу Близичеву.* Изданіе Общества Любителей
Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ универси-
тетѣ. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена и секретаря Общества
М. Н. Лонгинова. Москва 1860 г.

Съ большимъ интересомъ прочли мы въ этой книгѣ 73 письма Карамзина, изъ которыхъ первое отъ 17 февраля 1813 г., а послѣднее отъ 22 апрѣля 1826 г., то-есть писано ровно за мѣсяць до кончины исторіографа. Слѣдовательно они объемлютъ послѣднія 13 лѣтъ его жизни. Хотя они и не содержатъ особенно важныхъ и новыхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, однакожь любопытны тѣмъ, что проводятъ передъ нами всю вторую половину его исторической дѣятельности. Сами по себѣ подробности, заключающіяся въ этихъ письмахъ, повидимому незначительны, но всѣ они вмѣстѣ служатъ къ составленію довольно полной характеристики даровитаго автора и изъ совокупности ихъ нельзя не вынести отраднаго впечатлѣнія. Мы здѣсь видимъ Карамзина безпрестанно за великимъ трудомъ его; несмотря на упадокъ силъ, на слабѣющее зрѣніе, на хворость свою, онъ неизмѣнно вѣренъ задачѣ своей жизни. Ни семейныя радости и заботы, ни наслажденіе природою, ни близость ко двору не могутъ отвлечь его отъ предпрятаго подвига. Онъ живетъ для своей идеи, не на словахъ, а на дѣлѣ; онъ осуществляетъ ее въ потѣ лица, принося ей въ жертву не только здоровье, но и цѣлыя годы жизни: нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы силы Карамзина не были истощены неумѣренною умственной работой, то онъ при своемъ сложеніи могъ бы прожить гораздо долѣе. Мы узнаемъ изъ этихъ писемъ радости и печали Карамзина: какъ нѣжный семьянинъ, онъ болѣе всего тревожится опасностями, которыя угрожаютъ его домашнему счастью: болѣзнию дѣтей, страданіями жены. Но у него есть и другія огорченія: это неизбѣжныя препятствія въ работѣ—то отсутствіе необходимыхъ пособій, то утомительное и убійственное для глазъ чтеніе корректуръ, которое

вѣсть съ тѣмъ лишаетъ его и отрады умственнаго труда, то житейскія тревоги и дрязги. Иногда Карамзинъ огорчается толками нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ критиковъ объ его *Исторіи*. Кто не знаетъ, что у него были враги и завистники, которые пытались затмить его славу? Онъ бы долженъ былъ предвидѣть, что всѣ эти толки нисколько не повредятъ ему и забудутся въ самое короткое время; но при мягкой натурѣ своей онъ не имѣлъ довольно твердости, чтобы равнодушно сносить усилія бездарности унижить его, а раздѣлялъ въ этомъ отношеніи слабость многихъ даровитыхъ людей. Известно, что и на Пушкина сильно дѣйствовала всякая журнальная брань, изъ чего видно, что талантъ не исключаетъ малодушія. Наконецъ Карамзина, въ послѣдніе годы его жизни, иногда сокрушали европейскія событія. О политическихъ его убѣжденіяхъ здѣсь разсуждать не мѣсто; можно не вполне раздѣлять ихъ, но нельзя не уважать его за то, что они были искренни и тверды. Впрочемъ, Карамзинъ въ самыхъ убѣжденіяхъ своихъ сохранялъ сознание человѣческой ограниченности, и, говоря о политическихъ дѣлахъ 1821 г., прибавлялъ: «Умъ не велитъ мнѣ ничего желать, а сердце желаетъ того, что кажется ему добрымъ, *хотя всѣ мы спяцы въ семъ мірѣ*» (№ 49). Карамзина радовала милость государя, но, что весьма рѣдко, онъ въ счастьи не измѣнилъ своему призванію, не утратилъ простоты сердца, не заразился ни спѣсью, ни ненасытною алчностью къ наградамъ и почестямъ, и не лицемерно былъ преданъ тѣмъ, которые ему благодѣтельствовали. При своемъ благородномъ образѣ мыслей и чистотѣ души, Карамзинъ не могъ не чувствовать глубокой благодарности къ императору Александру I, которому былъ обязанъ и возможностью посвятить себя исключительно русской исторіи, и всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Не забудемъ также, что Карамзинъ могъ бы сдѣлаться жертвою вражды и клеветы, если бы государь менѣе понималъ его и повѣрилъ доносамъ. Но дорожа царскою милостью, Карамзинъ тяготился наружными обязанностями, которыя дворская суета влечетъ за собою и въ исполненіи которыхъ многіе полагаютъ всю свою гордость и все свое счастье, заглушая въ себѣ всѣ высшія потребности души: напротивъ того, Карамзинъ умѣлъ освободиться отъ этихъ узъ. Такъ, онъ писалъ еще въ 1816 году изъ Царскаго Села: «Не могу изобразить вамъ, какъ мнѣ бываетъ тяжело и грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней (то-есть царско-сельской) жизни, и что мнѣ нравилось бы доживать вѣкъ свой въ уединеніи, съ вами, моими немногими друзьями московскими. Можетъ-быть я сдѣлалъ ошибку...» (№ 9). «Не пишу никакихъ связей, говоритъ онъ въ другой разъ: даж лажусь неучтивцемъ. Но, воля ихъ, не могу соблюдать всѣхъ

пристойностей свѣтскихъ» (№ 13). Въ день бракосочетанія великаго князя Николая Павловича, Карамзинъ остался въ Царскомъ и писалъ: «Я не могъ оставить жены, да и не мое дѣло быть въ толпѣ блестящей» (№ 18).

Любя по характеру и занятіямъ уединеніе, онъ въ послѣдніе годы становился все лѣнивѣе на выѣзды; а вслѣдствіе сидячей жизни и умственного напряженія впадалъ нерѣдко даже въ хандру. Но ничто не могло охладить и измѣнить его пылкаго отъ природы сердца, что онъ и самъ сознавалъ. Какою теплотою дышать всѣ эти письма къ А. О. Малиновскому, которому онъ однажды говорилъ: «Вы одинъ изъ немногихъ старинныхъ искреннихъ друзей моихъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ: я знаю, что вы меня любите, и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ самыхъ чувствительныхъ горестяхъ моей жизни» (№ 4). Безъ сомнѣнія, намъ не могутъ особенно нравиться въ этихъ письмахъ безпрестанно повторяющіяся изъявленія дружбы, заочныя привѣтствія и поклоны; но Карамзинъ и писалъ все это не для насъ. Въ сущности письма, гдѣ пишущій вовсе не думаетъ о постороннихъ чтателяхъ, ни современныхъ, ни будущихъ, гдѣ онъ совершенно на распахку, такія письма и представляютъ самый большой интересъ, потому что въ нихъ жизнь отражается безъ всякой прикрасы, а къ жизни такого человека, какъ Карамзинъ, Русскіе не могутъ быть равнодушны. Посреди всѣхъ ея впечатлѣній и отрывочныхъ слѣдовъ, оставшихся въ этихъ письмахъ, вездѣ неотлучно присутствуетъ одна идея, наполнявшая всю эту благородную жизнь: это *Исторія Государства Россійскаго*. По письмамъ къ Малиновскому, мы можемъ прослѣдить почти всю внутреннюю сторону работы надъ этою книгой: мы видимъ, какими эпохами Карамзинъ занимался съ особенною любовью (наприм: «Я теперь весь въ Годуновѣ, вотъ характеръ исторически-трагическій!» (№ 51); какъ смотрѣлъ онъ на многіе памятники, съ какимъ жаромъ и прилежаніемъ пользовался ими, какъ радовался, когда получалъ ихъ инѣгда послѣ долгаго ожиданія; наконецъ какое значеніе въ исторіи этого труда приобрѣлъ Малиновскій, который, какъ начальникъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, снабжалъ Карамзина многими важными актами: «Ваше дружеское содѣйствіе оживляетъ мою добрую волю въ исторической работѣ,» писалъ онъ въ концѣ 1822 г. (№ 61). Любопытно также, какъ историографъ черезъ него часто получалъ разныя пособія отъ Калайдовича.

Замѣствовавъ здѣсь нѣсколько данныхъ для характеристики Карамзина изъ писемъ его къ Малиновскому, мы еще далеко не исчерпали предмета; притомъ мы не останавливались на частностяхъ и не упомянули вовсе о многихъ чертахъ домашней жизни Карамзина, которыя можно узнать изъ этихъ писемъ, также о

нѣкоторыхъ подробностяхъ вѣншей исторіи его труда, относящихся напр. къ печатанію его, изданію и сбыту, а между тѣмъ и это все не лишено своего рода занимательности въ вопросѣ о такомъ важномъ дѣлѣ.

Недавно кто-то, разбирая эти письма въ *Современникѣ* (№ 3), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ, и о московскомъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, которое ихъ издало. Явленіе это не ново: въ нѣкоторой части нашего литературнаго міра принято за правило показывать презрѣніе ко всему, что не подходитъ подъ мѣрку извѣстныхъ воззрѣній и требованій. Сами по себѣ эти воззрѣнія и требованія насъ не удивляютъ, какъ естественный плодъ ближайшаго къ намъ прошедшаго; но изумительна близорукая исключительность, которая вѣдъ ихъ ничего не видитъ и не признаетъ. Неужели Карамзинъ и вся сію дѣятельность геряють всякаго значеніе и всякую цѣну въ литературѣ только отъ того, что онъ жилъ ранѣе насъ и не могъ принимать участія въ тѣхъ интересахъ, которые пробудились недавно? Ужели дѣйствительно одна настоящая минута и въ ней только извѣстныя одностороннія начала и стремленія имѣють право на вниманіе и сочувствіе человечества? Память Карамзина дорога всему, что есть въ Россіи образованнаго, и говорить о немъ съ грубымъ презрѣніемъ и насмѣшкою, не значитъ ли показывать большое неуваженіе къ публикѣ, давать разумѣть, что мы считаемъ ее невѣжественною и ничего несмыслящею?

Насъ удивило также, что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самыя незначительныя, могущія служить къ оправданію любимой точки зрѣнія, и забылъ тѣ, которые представляютъ историографа въ другомъ свѣтѣ, каковы нѣкоторые изъ выписанныхъ нами.

Мы совершенно согласны съ *Современникомъ*, то письма Грибоѣдова, напечатанныя вмѣстѣ съ Карамзинскими, гораздо занимательнѣе послѣднихъ. Но рецензентъ не далъ себѣ труда подумать о причинахъ разности между тѣми и другими. Карамзинъ переписывался въ старости; Грибоѣдовъ, когда писалъ свои письма, былъ молодымъ человѣкомъ, мечталъ, задумывался надъ задачами жизни, старался опредѣлить самого себя; составлялъ планы для будущаго. Карамзинъ велъ однообразную, кабинетную жизнь, весь жилъ въ своемъ трудѣ; Грибоѣдовъ былъ то тутъ, то тамъ, путешествовалъ, писалъ подъ вліаніемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Карамзинъ былъ скупъ на время, дорожилъ каждою минутой для своего громаднаго ума; у Грибоѣдова было много досуга, и потому его письма вообще длиннѣе писемъ Карамзина, которыя, по справедливому замѣчанію *Совре-*

Ленинскіа, часто могутъ быть скорѣй названы записками. Но кромѣ того, и оборотъ ума, и свойства таланта Грибоѣдова, и отношенія его къ Бѣгичеву должны были особенно благоприятствовать занимательности его писемъ. Изъ нихъ мы въ первый разъ знакомимся коротко съ интересною и высокою личностью Грибоѣдова. Рецензентъ *Современника* выписалъ изъ писемъ его нѣсколько дѣйствительно очень любопытныхъ мѣстъ; но замѣтилъ ли онъ слѣдующее? «На этомъ пепелищѣ (т.-е. остаткахъ прежней Кафы) господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсю турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло; ни одного участка древняго города невзрытаго, непоперекопаннаго. Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бранными остатками нашего бытія.» (№ 17).

Не тѣмъ ли самымъ духомъ разрушенія мы отличаемся и въ отношеніи къ своимъ невещественнымъ богатствамъ? Не такъ ли же разрушаемъ не только чужое, но и свое, какъ скоро оно изъ сегодняшняго сдѣлалось вчерашнимъ? Послѣднія изъ приведенныхъ строкъ будутъ еще знаменательнѣе съ измѣненіемъ въ нихъ только двухъ словъ: «Сами указываемъ будущимъ поколѣніямъ, которыя послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ настоящее племя, какъ имъ поступать съ бранными остатками нашего бытія.»

Этотъ самый духъ обнаруживается и въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ критиковъ такъ сильно, что снисхожденіе, оказанное на этотъ разъ Грибоѣдову, насъ поразило. Мы объясняемъ себѣ это только тѣмъ, что до него еще не дошла очередь: его пощадили сегодня, не значить, что онъ простоятъ завтра; сегодня *X* плюнулъ въ Карамзина, а завтра *U* броситъ грязью въ Грибоѣдова. Вѣдь добрались же ужъ и до Пушкина.

II.

Два слова объ Академіи Наукъ.

Безымянный рецензентъ писемъ Карамзина глумится и надъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ вообще вошло въ моду бранить публично разныя ученныя общества, особенно же Академію Наукъ. Источникъ этого осужденія добрый: хотять, чтобъ и ученые дѣйствовали къ благу народа, или, какъ нынѣ принято говорить, меньшихъ братій Прекрасно! Однако нельзя же всѣмъ вдругъ перейти къ одному

роду дѣятельности. Та же конечная цѣль достигается множествомъ разнообразныхъ путей. Трудиться вообще для образованія, для науки, для умственной пользы людей, не значитъ ли трудиться въ то же время, и для народа? Вѣдь благо народа зависитъ отъ множества очень сложныхъ средствъ и причинъ! Воскресныя школы—превосходное учрежденіе; но что было бы, еслибы вдругъ всѣ учебныя заведенія, отъ приходскаго училища до университета, обратились въ воскресныя школы? Народу нужны азбуки и дешевыя книжки особеннаго содержанія, но не значитъ, чтобъ изъ-за нихъ должны были остановиться всѣ изслѣдованія науки. Народу нужны также лапти, сѣрмяга и пестрядь: слѣдуетъ ли, что вся промышленная производительность должна обратиться на одни эти предметы и прекратить, напримѣръ, изготовленіе опойковыхъ сапоговъ, тонкихъ суконъ и полотень. Нація состоитъ не изъ одного такъ-называемаго простаго народа, а также изъ другихъ сословій. Иначе зачѣмъ бы издавать и журналы? Въ тотъ день, когда закроются ученныя общества, и журналамъ придется запереть свои конторы, тогда авось гг. журналисты, въ общей бѣдѣ, великодушно подадутъ руку бесполезнымъ академикамъ. Теперь Академія Наукъ подвергается безотчетнымъ нападеніямъ со стороны журналовъ, тогда какъ она честно, по крайнему разумію и сколько позволяютъ обстоятельства, исполняетъ свое дѣло. Вмѣсто бездоказательнаго осужденія, не лучше ли было бы удостоивать серіознаго разбора труды и изданія Академіи? Члены ея искренно желаютъ быть полезными обществу, и конечно, приняли бы къ соображенію всякое дѣльное мнѣніе. У Академіи есть два повременныя изданія, изъ которыхъ одно на русскомъ языкѣ. Отчего же журнальная критика никогда не остановится хотя на послѣднемъ? Мы увѣрены, что какъ редакторъ его, такъ и все отдѣленіе русскаго языка, были бы благодарны за всякое разумное слово объ *Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія*. Обыкновенно упрекаютъ Академію за то, что въ ней преобладаютъ Нѣмцы; однакожь, не берутъ въ соображеніе, что это обстоятельство, вытекающее изъ самой исторіи происхожденія Академіи, все болѣе и болѣе устраниается. Пусть сравнятъ число собственно русскіихъ академиковъ въ настоящее и въ прежнее время. Нынѣшній непремѣнный секретарь—также русскій, и въ годичномъ засѣданіи отчеты по всѣмъ отдѣленіямъ читаются уже по-русски, а не по-французски, какъ читались еще недавно отчеты по 1-му и 3-му отдѣленіямъ. Могутъ возразить, что это еще не такая важная побѣда; однакожь нельзя не согласиться, что все-таки и это шагъ впередъ. Постепенное уменьшеніе числа иностранныхъ ученыхъ въ Академіи будетъ въ связи съ успѣхами самаго нашего общества: стоить

только Русскимъ усилить свою ученую дѣятельность, и всякій разъ, когда будутъ налицо замѣчательные представители науки съ громкимъ русскимъ именемъ, едва ли Академія позволитъ себѣ, наперекоръ общественному мнѣнію, предпочтительно избирать сочленовъ между иностранцами. Если до сихъ поръ русскій элементъ не получилъ еще здѣсь всей подобающей ему силы; то въ этомъ виноваты, между прочимъ, и разныя обстоятельства въ организаціи Академіи, отъ членовъ ея не зависяція. Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что 2-е отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели 1-е физико-математическое и 3-е историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьи и многіе изъ нихъ получаютъ въ зданіяхъ Академіи казенныя квартиры. Члены отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиръ, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности то-есть за присутствіе въ засѣданіяхъ¹, да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія—имѣютъ право на скудный гонорарій. Изъ такого страннаго порядка вещей можно бы вывести только одно изъ слѣдующихъ двухъ заключеній: что въ члены этого отдѣленія избираются только Крезы, или что изъ отраслей знанія, входящихъ въ кругъ занятій Академіи, разработка русскаго языка для Россіи всего менѣе нужна.

При такой организаціи отдѣленія, члены его должны искать себѣ обезпеченія вѣвъ Академіи и, разумѣется, могутъ посвящать ей только часть своей дѣятельности. Между тѣмъ публика требуетъ отъ нихъ изданія словаря и другихъ обширныхъ трудовъ. Понятно, что исполненіе этихъ требованій возможно только въ границахъ объясненныхъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ русскій элементъ въ Академіи находится въ весьма невыгодномъ положеніи не только по отношенію къ преобладающему ея составу, но и потому, что главный представитель этого элемента—русскій языкъ, униженъ предъ другими отраслями вѣдѣнія, даже, напримѣръ, передъ языкомъ татарскимъ.

¹ Члены Россійской академіи съ самаго учрежденія ея по плану княгини Дашковой, получали за участіе въ каждомъ засѣданіи по жетону; при разчетѣ же въ извѣстные сроки выдавались деньги по числу предъявленныхъ жетоновъ; теперь просто производится плата за засѣданія. Подобный способъ вознагражденія академикомъ униженъ, потому что даетъ мѣсто предположенію, что безъ этой приманки они не стали бы и посѣщать засѣданій. Сообразно ли такое состояніе Россійской академіи съ характеромъ нашего времени и съ достоинствомъ высшаго ученаго учрежденія—объ этомъ, кажется, можетъ быть одно только мнѣніе.

Что касается до другого упрека Академіи, будто въ ней все дѣлается закрыто; то напомнимъ только, что какъ въ *Извѣстіяхъ*, такъ и въ *Bulletin*, постоянно печатаются извлечения изъ протоколовъ засѣданій, а въ концѣ года издаются отчеты по всѣмъ 3-мъ отдѣленіямъ. Если же подъ закрытостью Академіи разумютъ, что обыкновенныя засѣданія ея непубличны; то замѣтимъ, что такой порядокъ соблюдается и въ другихъ государствахъ, которыя далеко опередили насъ успѣхами гласности, и что, напримеръ, въ Берлинѣ и въ Парижѣ публика также только при особыхъ торжествахъ допускается въ засѣданія тамошнихъ академій.

Изъ всего сказаннаго легко сдѣлать тотъ выводъ, что при сужденіяхъ объ Академіи Наукъ необходимо брать въ соображеніе не только собственныя ея дѣйствія, но и условія, при которыхъ она дѣйствуетъ. Вообще, въ интересахъ истины, надо желать, чтобы въ такія сужденія входило болѣе объективнаго спокойствія, нежели субъективной желчи; чтобы сушь становилась, гдѣ нужно, на историческую точку зрѣнія и не смѣшивали безотчетно настоящаго съ прошедшимъ. Понятно, что крайность, представляемая нынѣшними нападеніями на Академію, вызвана другою крайностію—исключительнымъ господствомъ въ прежнее время иностраннаго элемента въ Академіи. Но такое незаконное преобладаніе и сопряженныя съ нимъ злоупотребленія принадлежатъ уже исторіи: Блаументросты и Шумахеры ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не возможны, и напрасно вдохновляются ихъ тѣнями для краснорѣчивыхъ диатрибъ противъ нынѣшней Академіи.

Я. Гротъ.

О РУКОВОДСТВАХЪ КЪ АРИΘМЕТИКЪ, ИЗДАННЫХЪ ВЪ 1860 ГОДУ.

Всякая наука, не только опытная, но и умозрительная, идетъ впередъ, и потому учебныя руководства, бывшія въ свое время удовлетворительными, оказываются потомъ недостаточными и требуютъ иногда весьма значительныхъ измѣненій. Если истинны науки неизмѣнны, то измѣняется способъ сообщенія ихъ ученикамъ. Дважды два всегда будетъ четыре, но способъ преподаванія ариѳметики, вслѣдствіе успѣховъ, сдѣланныхъ педагогіей

въ послѣдніа 50 лѣтъ, въ заграничныхъ школахъ совершенно измѣнился; германскими педагогами, Дистервегомъ и Гейзеромъ, Шольцемъ, Кранке, Грубе и др., придуманы новыя методы, значительно облегчающія для учениковъ изученіе этой науки. Цѣль новѣйшихъ методъ состоитъ въ томъ, чтобы не только знакомить ученика съ истинами науки, но и содѣйствовать, сколько возможно, самымъ изученіемъ ихъ, развитію умственныхъ способностей ученика. Для этого признано полезнымъ не сообщать учащимся никакихъ отвлеченностей, недоступныхъ ихъ пониманію, и избѣгать, по возможности, всякаго механизма въ дѣйствіяхъ. Въ нашихъ школахъ, большею частію, держатся еще старинной методы, которая считаетъ необходимымъ требовать отъ учениковъ опредѣленія разныхъ терминовъ науки и правилъ дѣйствій надъ числами, и иногда въ знаніи этихъ правилъ и въ умѣньи механически производить дѣйствія поставляетъ все знаніе ариѳметики. Впрочемъ, и лучшихъ наставниковъ нельзя обвинять въ пристрастіи къ методѣ, когда они связаны программой и руководствомъ, котораго обязаны придерживаться. До сихъ поръ у насъ не было руководства, составленнаго по какой-нибудь изъ новѣйшихъ методъ; между тѣмъ, при распространеніи нынѣ грамотности въ простонародьи и при всеобщемъ сознаніи недостаточности прежнихъ руководствъ нашихъ по ариѳметикѣ, потребность въ лучшемъ руководствѣ всѣми ощущается. Въ минувшемъ году появилось нѣсколько новыхъ сочиненій по этому предмету, и изъ нихъ нѣкоторыя, очевидно, имѣли цѣлю удовлетвореніе этой потребности.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ сочиненій, бросимъ взглядъ на состояніе преподаванія ариѳметики въ нашихъ школахъ въ настоящее время. Общепринятое у насъ руководство по этому предмету есть ариѳметика Буссе, составленная когда-то очень давно уже, и вышедшая послѣднимъ изданіемъ въ 1857 году. Разсмотримъ, въ какой степени руководство это соответствуетъ современнымъ требованіямъ науки.

Ариѳметика Буссе начинается съ опредѣленія единицы, числа и ариѳметики. Обычай начинать ариѳметику съ этихъ опредѣленій ведется у насъ издавна, со временъ знаменитаго Меморскаго и другихъ великихъ математиковъ стараго времени. Можетъ-быть, ученымъ составителямъ руководствъ представляется, что эти опредѣленія совершенно необходимы, и что они очень просты и удобопонятны; но это развѣ только потому, что они никогда не занимались первоначальнымъ обученіемъ; лучшими же педагогами признано, что опредѣленія подобнаго рода въ начальныхъ школахъ совершенно бесполезны, потому что способности ребенка развиваются не заучиваніемъ отвлечен-

ныхъ опредѣленій, а постепенными упражненіями въ рѣшеніи понятныхъ возрасту его практическихъ задачъ, и что весьма легко научить его ариметикѣ безъ всякаго заучиванія отвлеченностей. Да притомъ опредѣленія единицы и числа въ ариметикѣ Буссе вовсе не такъ безошибочно вѣрны, чтобы стоило заучивать ихъ не понимая. Единицей названа у него «извѣстная величина, или мѣра, принятая для измѣренія другихъ величинъ того же рода», а числомъ—«показаніе, сколько разъ въ какой-нибудь величинѣ содержится единица того же рода». Въ томъ же руководствѣ дальше слово единица вездѣ употребляется совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Напримѣръ, говорится, что, при сложеніи, единицы подписываются подъ единицами; тутъ подъ единицами разумѣются уже не величины, принятые для измѣренія, а цифры, стоящія на первомъ мѣстѣ съ правой стороны, или числа, которыя онѣ означаютъ. И вообще вездѣ дальше единицами называется первый разрядъ чиселъ, отъ 1 до 10, а не мѣры, принятые для измѣренія другихъ величинъ. Опредѣленіе числа также не точно. Напримѣръ, въ выраженіи «три дерева» — три есть число, хотя оно вовсе не показываетъ содержанія какой-нибудь мѣры въ трехъ деревьяхъ; эти деревья могутъ быть очень неравныя и ни одного изъ нихъ за единицу сравненія принять нельзя. Въ § 5 руководства понятія о единицѣ и числѣ совсѣмъ перепутались; тамъ говорится, что «если къ единицѣ будетъ прибавлена еще единица, то составитъ число два». Если единица есть извѣстная мѣра, то единица и единица составляютъ двѣ единицы, а не отвлеченное число два. Изъ этого видно, что тутъ единица принимается уже не какъ извѣстная мѣра, а какъ число 1, взятое отвлеченно; въ этомъ смыслѣ единица и единица дѣйствительно составляютъ число два. Въ этомъ же смыслѣ и вообще числа отъ 1 до 10 называются единицами, точно также какъ второй разрядъ чиселъ, составляющійся изъ одного десятка, называется десятками, третій—сотнями, и т. д.

Опредѣленія единицы и числа ведутъ къ тому, чтобъ опредѣлить потомъ, что такое ариметика. Но если ученикъ и понялъ, что такое число, все-таки онъ не пойметъ фразы: «разсмотрѣваніе свойствъ чиселъ и различныхъ дѣйствій надъ ними.» Онъ только выучитъ ее наизусть, не понимая. Какая же отъ этого польза? И неужели нельзя выучиться ариметикѣ, не зная опредѣленія, что такое ариметика? Во всемъ курсѣ ариметики въ этомъ опредѣленіи нигдѣ надобности не встрѣчается, а современемъ, когда умственные способности ученика разовьются, пусть онъ прочитаетъ тогда, что такое ариметика; тогда онъ будетъ въ состояніи понять это опредѣленіе, и прочитавъ его разъ, будетъ знать навсегда, не имѣя надобности заучивать его

наизусть. Въ самомъ концѣ руководства Буссе это опредѣленіе опять встрѣчается, съ гораздо-полнѣйшимъ объясненіемъ смысла его. Видно, что авторъ самъ чувствуетъ, гдѣ настоящее мѣсто этого опредѣленія, но не желая отступить отъ рутинны, счелъ необходимымъ помѣстить его и въ началѣ.

Послѣ изображенія и выговариванія чиселъ авторъ переходитъ къ четыремъ простымъ дѣйствіямъ. Прѣ каждымъ дѣйствіемъ есть непременно опредѣленіе этого дѣйствія, въ родѣ слѣдующаго: «сложеніе есть совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ чиселъ въ одно.» Авторъ полагаетъ, что если ученикъ не понимаетъ слова «сложеніе», то ужъ навѣрное пойметъ, если ему скажутъ, что это «совокупленіе». Не правда ли, что это очень ясно для ребенка—совокупленіе? Едва ли онъ когда-нибудь и слышалъ прежде такое словцо, развѣ если учился естественной исторіи, но тамъ оно употребляется совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

Въ изложеніи самыхъ дѣйствій слишкомъ замѣтно преобладаетъ механизмъ. Напримѣръ, чтобъ умѣть складывать, то-есть совокуплять большія числа, руководство говоритъ, что нужно «знать», то-есть, вѣроятно, выучить наизусть таблицу сложения однозначныхъ чиселъ по два. Такимъ образомъ и сложеніе и вычитаніе обращаются въ чистый механизмъ, тогда какъ для ученика гораздо полезнѣе было бы, еслибы, безъ заучиванья таблицъ, его упражняли въ сложеніи и вычитаніи чиселъ, начиная съ однозначныхъ, сперва по два, потомъ и больше, и заставляли бы дѣлать сложеніе и вычитаніе въ умѣ: такимъ образомъ постепенно онъ весьма легко пріучился бы складывать и вычитать и двузначныя и даже большія числа. Нѣтъ никакой надобности обременять память таблицами и обращать въ механическую работу то, что можетъ быть достигнуто однимъ соображеніемъ.

Правила для всѣхъ дѣйствій напечатаны курсивными буквами, какъ будто бы это вещь чрезвычайно важная, между тѣмъ какъ можно бы и вовсе не писать ихъ; они были объяснены ученику въ задачахъ, и если онъ понялъ ихъ, то нѣтъ надобности заставлять его заучивать ихъ наизусть, онъ и самъ разкажетъ ихъ. Выписываніе этихъ правилъ приноситъ величайшее зло въ томъ отношеніи, что есть наставники, воспитанные въ духѣ рутинны, которые въ знаніи этихъ правилъ поставляютъ все знаніе ариметики и непременно требуютъ буквального ихъ заучиванія. Если ученикъ умѣетъ производить дѣйствія и можетъ объяснить все, что онъ дѣлаетъ, то къ чему этотъ сводъ правилъ? Развѣ къ тому, чтобъ онъ не забылъ сказать, гдѣ нужно провести черту? А онъ и не долженъ бы говорить этого, потому что это только принятая форма, механизмъ, а не сущность дѣла; можно складывать числа и не проведя подъ ними черты. До-

волью того, если сказано ученику, что такъ будетъ удобнѣе, а считать проведеніе черты въ числѣ правилъ, необходимыхъ для производства дѣйствій, это педантамъ среднихъ вѣковъ.

Изложивъ способъ повѣрки сложенія посредствомъ вычитанія, руководство говоритъ, что этотъ способъ употребляется рѣдко, и что, вмѣсто того, лучше просто передѣлать сложеніе, начиная съ нижняго числа, если прежде было складываемо начиная съ верхняго. О первомъ способѣ послѣ этого не для чего было и говорить; онъ давно признанъ неудобнымъ и вовсе уже не употребляется.

Вторая часть (о дробяхъ) начинается съ того, что «всякое цѣлое можетъ быть раздѣлено на части». Потомъ прибавлено, что «такъ какъ подѣлъ отвлеченною единицей подразумѣвается всякое цѣлое, то изъ сего можно заключить, что и отвлеченная единица имѣетъ 2 половины, 3 трети и т. д.» Въ первой части единицей названа известная мѣра, принятая для измѣренія другихъ величинъ того же рода. Теперь единицей стало уже всякое цѣлое, то-есть и 2 есть единица и 3 есть единица, да еще не простая, а отвлеченная. И къ чему же ведетъ это мудрствованіе? Къ тому, чтобы доказать, что всякая вещь можетъ быть раздѣлена на двѣ части; это и безъ доказательства ясно.

Чтобы дать начинающему учиться дробямъ ясное понятіе объ относительной величинѣ дробей и объ замѣненіи величины ихъ отъ измѣненія числителей и знаменателей, необходимо объяснить это наглядно, на линіяхъ. Руководство отчасти соглашается съ этимъ, потому что на первой страницѣ второй части въ выноскѣ сказано, что желательно, чтобы отношенія между цѣлымъ и его частями были объяснены съ помощію линій; но это осталось только въ желаніи, а въ дѣйствительности не сдѣлано; притомъ туго нечего и объяснять на линіяхъ, что цѣлое можетъ быть раздѣлено на 2, 3, 4... частей; гораздо нужнѣе наглядное объясненіе напримѣръ въ § 64, гдѣ говорится: «очевидно, что части цѣлаго тѣмъ меньше, чѣмъ ихъ больше въ цѣломъ». Для начинающаго учиться дробямъ это вовсе не очевидно.

Опредѣленіе дроби: «часть, или совокупленіе нѣсколькихъ частей цѣлаго», невѣрно. Совокупленіе есть дѣйствіе; въ первой части оно названо было сложеніемъ, а дробь не сложеніе и вообще не дѣйствіе.

Обыкновенной дроби даны три названія: обыкновенная, простая и еще двучленная, хотя названіе двучленная нигдѣ больше въ руководствѣ не встрѣчается. Къ чему же расплывать термины безъ всякой надобности? Если автору хотѣлось непременно числителя и знаменателя дроби называть членами, то это можно бы и не называя дроби двучленною, да впрочемъ и въ названіи «члены» необходимости вовсе нѣтъ.

Статья о дѣлимости чиселъ написана вообще языкомъ довольно тяжелымъ; въ ней встрѣчается много выраженій, требующихъ непремѣнно объясненія со стороны преподавателя, чтобъ ученикъ понялъ, въ чемъ дѣло. Напримѣръ о признакахъ дѣлимости на 4 сказано, что сотни всегда дѣлятся на 4 безъ остатка, въ десяткахъ же съ единицами 4 заключается безъ остатка по условію. Ученику естественно придетъ мысль, что въ десяткахъ съ единицами 4 всегда содержится безъ остатка, потому что ничего не сказано о томъ, что если десятки съ единицами не дѣлятся безъ остатка на 4, то и все число не дѣлится. О признакахъ дѣлимости на 7 сказано, что они неудобны въ примѣненіи, а между тѣмъ все-таки о нихъ толкуется на трехъ страницахъ слишкомъ. Какая надобность знать ихъ, если скорѣе можно раздѣлить данное число на 7, чѣмъ узнать по признакамъ, дѣлится ли оно на это число безъ остатка?

Изложеніе дѣйствій надъ дробями не отличается тою простотою и ясностію, какая требуется отъ элементарнаго курса; нѣкоторыя доказательства могли бы быть гораздо проще, особенно еслибы было больше объясненій наглядныхъ. Статьи о непрерывныхъ дробяхъ и о видоизмѣненіяхъ краткой пропорціи могли бы быть вовсе исключены изъ руководства, а вмѣсто того гораздо полезнѣе было бы сказать побольше о среднемъ разностномъ числѣ, объяснить примѣрами, для чего оно употребляется; о немъ сказано слишкомъ сжато, между тѣмъ какъ употребленіе его часто встрѣчается на практикѣ, о чемъ необходимо дать ученику понятіе.

Изъ всего сказаннаго о руководствѣ Буссе слѣдуетъ вывести такое заключеніе: руководство это во многомъ еще придерживается старины, иногда само сознавая нелѣпость ея; выбросивъ изъ него многія бесполезныя опредѣленія и терміны, исключивъ все, что въ немъ есть излишняго, уничтоживъ крайности формализма и упростивъ изложеніе, можно бы сдѣлать изъ него руководство, отвѣчающее современнымъ требованіямъ науки. Изъ числа вышедшихъ въ 1860 году руководство къ ариметикѣ есть такія, которыя далеко отстали отъ руководства Буссе и въ методѣ и въ изложеніи, напримѣръ:

1) *Ариметика*, составленная А. Никулинымъ.

Эта ариметика представляетъ шагъ назадъ въ дѣлѣ преподаванія науки. Она начинается также съ опредѣленій, но они въ этой ариметикѣ гораздо темнѣе и отвлеченнѣе, нежели въ руководствѣ Буссе. Первое опредѣленіе: «Ариметика есть наука о числахъ», уже очень старо; прежде когда-то оно употреблялось, потомъ брошено было, какъ неудовлетворительное, г. Никулинъ опять вытаскивалъ его на свѣтъ. Безъ сомнѣнія, это опредѣленіе

сдѣлано для того, чтобъ ученикъ, начиная учиться ариѳметикѣ, узналъ прежде всего, что такое ариѳметика. Для того чтобъ дать ребенку ясное понятіе о вещи, для него совершенно новой, разумѣется, надо объяснить ему, что это за вещь, посредствомъ вещей, ему уже извѣстныхъ, а когда ученикъ не понимаетъ ни слова «наука», ни слова «число», то понятіе объ ариѳметикѣ нисколько не объяснится для него изъ опредѣленія г. Никулина. Ужь если опредѣлять понятіе объ ариѳметикѣ посредствомъ понятія о числѣ, то логически слѣдовало бы опредѣленіе понятія о числѣ помѣстить прежде опредѣленія ариѳметики. Точно также число названо собраніемъ единицъ, а единица опредѣляется послѣ числа. Поэтому *Ариѳметику* г. Никулина, кажется, слѣдуетъ читать съ конца, а не съ начала; тогда она будетъ понятнѣе. Впрочемъ, эти опредѣленія мало принесугъ пользы ученику, какъ бы онъ ихъ ни читалъ. «Единицей называется всякій предметъ, отдѣльно взятый.» На обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ ни одинъ предметъ единицей не называется, въ ариѳметикѣ также. Къ чему же морочить ученика? Дальше г. Никулинъ самъ говоритъ, что «цифра, поставленная на первомъ мѣстѣ съ правой стороны, означаетъ единицы перваго разряда.» Если въ эту фразу, вмѣсто слова единицы, вставить выраженіе, съ нимъ однозначачащее, то получимъ: «цифра, поставленная на первомъ мѣстѣ съ правой стороны, означаетъ предметы, отдѣльно взятые, перваго разряда». Это что-то не клеится. Значить, единица здѣсь ужъ не то; смыслъ этого слова измѣняется чуть не на каждой сграницѣ, а между тѣмъ на немъ все и основывается. Числомъ называется «собраніе единицъ, или частей единицы», а такъ какъ единица есть всякій предметъ, то число будетъ собраніе отдѣльныхъ предметовъ, или частей какого-нибудь предмета. Напримѣръ столъ, стулъ, книга, свѣча,—соберите все это вмѣстѣ, будетъ число; или ноги лошади, голова, хвостъ, туловище—все это вмѣстѣ составитъ число.

И все это предлагается, разумѣется, ученику для заучиванія на память, потому что онъ не пойметъ этихъ отвлеченностей; еслибъ онъ могъ понять ихъ, то бросилъ бы книгу послѣ первой страницы, какъ нелѣпость.

Послѣ этихъ глубокомысленныхъ опредѣленій слѣдуетъ глава о составленіи чиселъ, гдѣ Впрочемъ этого составленія вовсе нѣтъ. Сказано только, какъ составляются числа два, три и четыре, а потомъ прибавлено «и т. д.», то-есть ученикъ ужъ знаетъ, какъ пойдетъ дальше, его только надо было навести на путь. Нѣтъ ни слова о томъ, какъ составляются разряды чиселъ, что такое десятокъ, сотня, тысяча, и пр., между тѣмъ какъ въ слѣдующей главѣ эти названія употребляются уже какъ из-

вѣстныя ученику. Точно также глава объ изображеніи чиселъ знаками помѣщена какъ будто только для приличія; судя по содержанію ея, видно, что ученикъ долженъ прежде уже знать все, что въ ней должно бы заключаться; напримѣръ выписаны всѣ 10 цифръ, употребляемыхъ для изображенія чиселъ, но какое число какою именно цифрою изображается, не видно.

Изложеніе четырехъ простыхъ дѣйствій надъ цѣлыми числами отличается совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ объясненій и доказательствъ. Предлагаются только правила механическаго производства дѣйствій, по которымъ ученикъ можетъ выучиться машинально производить дѣйствія, не понимая, почему онъ дѣлаетъ что-нибудь такъ, а не иначе. Такой способъ преподаванія образуетъ не мыслящихъ людей, а автоматовъ. Это не ариметика, а сборникъ ариметическихъ правилъ. Тутъ вы найдете, напримѣръ, всѣ правила объ измѣненіи суммы, разности, произведенія и частнаго, но только одинъ голыя правила; не видно, откуда и какъ они выведены; даже ни одного примѣра, изъ котораго видно было бы, что они справедливы; ученикъ долженъ вѣрить книгѣ на слово и выучить эти правила, какъ поугай. Кромѣ правилъ, есть еще опредѣленія, также непонятныя для ученика, и иногда не вѣрныя, напримѣръ дробью названо «показаніе, сколько разъ повторилась извѣстная часть единицы въ величинѣ однороднаго съ нею предмета». По этому опредѣленію, число 1000, показывающее сколько разъ полсажени содержится въ веретѣ, есть дробь.

Въ *Ариметикѣ* г. Никулина есть много лишняго, между тѣмъ не достаетъ многихъ вещей, существенно полезныхъ, напримѣръ не сказано ни слова о сокращенномъ способѣ умноженія на 9, 99, 999, и т. д., объ умноженіи и дѣленіи на 10, 100, 1000 и т. д.

Итакъ *Ариметика* г. Никулина не представляетъ ничего новаго ни по методѣ, ни по способу изложенія; г. Никулинъ вполне возвратился къ старинной методѣ. Формализмъ, составляющій въ руководствѣ Буссе какъ бы большой членъ на здоровомъ тѣлѣ, въ *Ариметикѣ* г. Никулина наполняетъ все содержаніе ея; если отнять его, то въ остаткѣ ровно ничего не останется.

2) Въ 1860 же году издано *Руководство къ ариметикѣ для употребленія въ начальныхъ и сельскихъ училищахъ*, составленное Золотовымъ.

Въ предисловіи г. Золотовъ говоритъ, что руководство это составлено имъ почти исключительно по методѣ Грубе. Метода эта, какъ мы говорили прежде, есть одна изъ новѣйшихъ германскихъ методъ преподаванія ариметики, признавая въ настоящее время лучшую. Слѣдовательно, мысль г. Золотова познать наши начальныя школы съ этою методой заслуживаетъ

полнаго одобренія ; остается разсмотрѣть, вѣрно ли передана имъ самая метода, и какимъ языкомъ она изложена. Въ *Журналѣ для Воспитанія* 1859 и 1860 годовъ помѣщены были статьи г. Паульсона о методѣ Грубе, изданныя имъ въ концѣ минувшаго года отдѣльно, въ видѣ руководства. Въ предисловіи къ этому руководству подробно изложены основанія и планъ этой методы, слѣдовательно всякій, и не читавшій сочиненій Грубе въ подлинникѣ, можетъ судить поэтому, на сколько руководства гг. Паульсона и Золотова вѣрны методѣ нѣмецкаго педагога.

Руководство г. Золотова начинается съ опредѣленій: что такое число, что называется именованнымъ и отвлеченнымъ числомъ, что такое задача и рѣшеніе, а затѣмъ слѣдуютъ опредѣленія четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. Это первое отступленіе отъ методы Грубе, по которой въ курсѣ, предназначенномъ для начальныхъ школъ, не должно быть никакихъ отвлеченныхъ опредѣленій, непонятныхъ для учениковъ, допущено г-мъ Золотовымъ или изъ уваженія къ издревле-принятому обычаю начинать ариѳметику съ опредѣленій единицы и числа, или потому, что г. Золотовъ, можетъ быть, полагаетъ, что сдѣланныя имъ опредѣленія такъ просты и понятны, что ихъ нельзя причислить къ отвлеченностямъ. Посмотримъ, въ какой степени упомянутыя опредѣленія соответствуютъ этому послѣднему предположенію. «Подъ числомъ предметовъ, говоритъ г. Золотовъ, должно разумѣть количество предметовъ; каждый предметъ, взятый отдѣльно, называется единицей, изъ единицъ составляется число, которое можетъ уменьшаться и увеличиваться.» Опредѣленіе единицы здѣсь то же самое, какъ и въ *Ариѳметикѣ* г. Никулина. Мы уже говорили, что опредѣленіе это даетъ совсѣмъ не то понятіе объ единицѣ, какое присвоено этому слову въ ариѳметикѣ. Г. Золотовъ сейчасъ же затѣмъ самъ говоритъ, что изъ единицъ составляется число; изъ предметовъ вещественныхъ можно составить такой же предметъ, а число не есть предметъ, оно въ природѣ не существуетъ, оно есть понятіе о томъ, о сколькихъ предметахъ говорится. Число дѣйствительно составляется изъ единицъ, потому что единица тоже есть число, а не предметъ. «Число есть количество предметовъ» — опредѣленіе вовсе не логическое. Если понятія «число» и «количество» тождественны, то одно изъ нихъ нисколько не объясняетъ другаго. Опредѣленіе какого-нибудь понятія логически состоитъ въ томъ, чтобъ отнестн его въ кругъ другаго, болѣе общаго, родоваго понятія, и показать различіе его отъ другихъ, подчиненныхъ этому родовому, видовыхъ понятій, а не въ томъ, чтобы замѣнить одно понятіе другимъ, столько же общимъ и столько же отвлеченнымъ. Слѣдовательно опредѣленія единицы и числа, сдѣланныя г. Золотовымъ, вовсе

не такъ ясны, чтобы быть понятными дѣтямъ: одно изъ нихъ нѣсколько не объясняетъ опредѣляемаго предмета, а другое, буквально взятое, даетъ невѣрное о немъ понятіе. Опредѣленія ариѳметическихъ дѣйствій, когда ученикъ еще не знаетъ чисель, и когда поэтому дѣйствія не могутъ быть объяснены ему примѣрами, также будутъ непонятны для него. А пока ученикъ не въ состояніи понимать опредѣленій, лучше ему и не знать ихъ; въ послѣдствіи, когда способности его разовьются, онъ самъ составитъ себѣ эти опредѣленія, или прочитавъ ихъ тогда, пойметъ и усвоитъ себѣ навсегда.

Затѣмъ въ руководствѣ г. Золотова елѣдуетъ изученіе чисель отъ 1 до 1000. На послѣдовательномъ изученіи отдѣльныхъ чисель главнѣйше основывается метода Грубе; но по этой методѣ упражненія надъ каждымъ числомъ производятся постепенно, «идя путемъ естественнымъ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному», какъ говоритъ г. Золотовъ въ своемъ предисловіи, то-есть упражненія должны быть прежде надъ предметами извѣстными (видимыми), потомъ надъ числами именованными, и наконецъ уже надъ отвлеченными числами. Г. Золотовъ же въ своемъ руководствѣ поступаетъ совершенно наоборотъ: изученіе каждаго числа начинается у него устными упражненіями въ составленіи и разложеніи этого числа въ отвлеченномъ его видѣ, потомъ слѣдуютъ письменныя упражненія тоже надъ отвлеченнымъ числомъ, и наконецъ уже задачи, съ приложеніемъ къ предметамъ извѣстнымъ и къ именованнымъ числамъ. Такой порядокъ, очевидно, не есть «путь естественный». Ребенокъ гораздо легче пойметъ то, что если изъ двухъ копѣекъ онъ истратитъ одну, то у него останется одна копѣйка, нежели то, «какого числа половина есть единица». Слѣдовательно г. Золотовъ помѣстилъ труднѣйшее прежде легчайшаго. Какая же цѣль подобнаго измѣненія метода Грубе, по которой вездѣ легчайшее предшествуетъ труднѣйшему? Понятіе объ отвлеченныхъ числахъ выводится ученикомъ изъ упражненій надъ предметами, ему извѣстными, и надъ именованными числами, которыя понятнѣе дѣтскому уму, нежели отвлеченныя числа. Вообще въ начальной ариѳметикѣ всякія отвлеченности, такъ же какъ и правила, должны быть, по возможности, выведены самимъ ученикомъ, подъ руководствомъ учителя, изъ задаваемыхъ имъ для этого постепенныхъ упражненій надъ предметами, понятными возрасту ученика.

Отступленіе, сдѣланное г. Золотовымъ, отъ метода Грубе, именно въ томъ, что составляетъ главное основаніе и важнѣйшее достоинство ел, совершенно лишаетъ составленное имъ руководство той цѣны, которую оно могло бы имѣть, еслибъ онъ не вздумалъ измѣнить по своему эту методу.

Кромѣ того въ этомъ руководствѣ встрѣчаются и другіе не-

достаки, независимо отъ метода. Напримѣръ, при изученіи нумерации чиселъ было бы не только весьма полезно, но и необходимо въ руководствѣ, назначенномъ для начальныхъ школъ, познакомить учащихся съ употребленіемъ щетовъ. Не говоря уже, что употребленіе этого прибора встрѣчается почти каждому въ практической жизни, щетки могли бы быть очень хорошимъ пособіемъ къ наглядному изученію разрядовъ чиселъ и отношеній ихъ между собой.

Къ числу недостатковъ руководства г. Золотова слѣдуетъ отнести и множество встрѣчающихся въ немъ терминовъ, которые больше затемняютъ, нежели объясняютъ дѣло. Напримѣръ, на стр. 37 говорится: десять единицъ составляютъ «одинъ десятокъ, новое первое число, новую единицу». Ученикъ легко пойметъ, что десять единицъ составляютъ десятокъ, и что счетъ десятокъ слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и счетъ единицъ, названія же «новое первое число, новая единица», ничѣмъ не объясненные, останутся непонятны для него по своей отвлеченности. Числа отъ 1 до 10 называются, неизвестно для чего, не просто числами, а степенями чиселъ. Начиная съ стр. 80 повторяется еще новый терминъ: «единство». Напримѣръ «единства единицъ называются единствами перваго порядка, единства десятокъ—втораго», и т. д. Отчего же бы не сказать просто: единицы называются числами перваго порядка, десятки—числами втораго порядка, и т. д.? Точно также можно бы избѣжать терминовъ: двучленные, двузначныя, трехчленные, трехзначныя, многочленные и многозначныя, сказавъ вмѣсто того: состоящія изъ двухъ, трехъ или многихъ цифръ. Глава объ умноженіи начинается фразой, совершенно лишнею и притомъ избыточно начиненною этими терминами: «какъ множимое, такъ и множитель, то-есть оба произвидителя, могутъ быть одночленные, двучленные, трехчленные и многочленные или многозначные». Развѣ нельзя того же самого сказать и о числахъ при всѣхъ прочихъ арифметическихъ дѣйствіяхъ? Почему же это сказано именно только при умноженіи?

Объясненія нѣкоторыхъ правилъ при умноженіи и дѣленіи слишкомъ кратки и потому не ясны; мѣстами встрѣчаются промахи, довольно важные, напримѣръ говорится, что можно именованное числомножить на именованное (стр. 136). Но объѣтихъ промахахъ не стоить уже и говорить, когда книга оказывается недостаточною въ самомъ основаніи своемъ: цѣль автора была достигнута учебникъ по методу Грубе, или «почти исключительно», по крайней мѣрѣ, по этой методѣ, между тѣмъ методы этой въ руководствѣ его нѣтъ, или она до того измѣнена, что нельзя узнать ее, потому что измѣнены самыя основанія методы.

3) *Арифметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе; руко-*

водство для родителей и элементарныхъ учителей. Составилъ I. Паульсонъ.

Руководство это представляетъ вѣрное и отчетливое развитіе метода Грубе, общія основанія которой изложены въ книжкѣ его: *Leitfaden für das Rechnen in der Elementarschule*. Метода эта имѣетъ неоспоримыя преимущества передъ нашею старинною, методою преподаванія ариметики по простотѣ и строгой послѣдовательности въ переходѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Отъ ученика не требуется заучиванія никакихъ отмеченныхъ опредѣленій, ни терминовъ, ни правилъ; обученіе идетъ божьими, начиная съ самыхъ простѣйшихъ вещей, понятныхъ ребенку, и переходитъ къ ариметическимъ дѣйствіямъ тогда уже, когда ученикъ посредствомъ постепенныхъ и разнообразныхъ упражненій надъ числами незамѣтно ознакомится и съ самыми дѣйствіями надъ ними. Зная же самую сущность дѣйствій, ученикъ не будетъ уже смотрѣть на правила ихъ, какъ на нѣчто необходимое, а только какъ на принятую форму, которую усвоитъ себѣ весьма легко, потому что самъ пойметъ, что она удобна.

Ариметика г. Паульсона изложена языкомъ простымъ, общепонятнымъ. Встрѣчаются, правда, мѣстами выраженія не совсемъ русскія, напримѣръ: «подѣлитесь ими такъ, чтобы у каждаго изъ васъ было равно» (стр. 25); или: «имъ никакія затрудненія не представляются» (стр. 89); но такихъ мѣстъ не много. Есть и такія фразы, въ которыхъ не по языку, а по самому содержанию ихъ, слишкомъ замѣтенъ нѣмецкій элементъ; напримѣръ г. Паульсонъ предлагаетъ учителямъ, вмѣсто самыхъ обыкновенныхъ фразъ въ разговорахъ съ учениками, употреблять знаки, въ родѣ слѣдующихъ: указательный палецъ учителя, поднятый и согнутый въ полукругъ, значитъ: «объяснись объ этомъ обстоятельно» (стр. 17), и т. п. При серьезномъ, педантическомъ взглядѣ Нѣмцевъ на подобныя вещи, имъ это не кажется смѣшнымъ; у насъ же подобныя совѣты едва ли къмъ примутся. Впрочемъ, это мелочи, которыя всякій можетъ оставить безъ вниманія; достоинство метода отъ принатія или непринатія этихъ фарсовъ нисколько не потерпитъ.

4) Наконецъ въ 1860 году вышла еще третьимъ изданіемъ *Ариметика* Франца Симашко. Изданіе это, какъ сказано на главномъ листѣ, переделано и значительно дополнено. Но какъ, впрочемъ, въ отношеніи къ методѣ въ этой книгѣ ничего новаго не заключается, и восторговъ, судя по трудности языка и помѣщенію въ этой книгѣ многихъ отвлеченностей, совершенно ненужныхъ для учениковъ начальныхъ школъ, видно, что она написана не для подобныхъ школъ, то мы, по предмету этой статьи, не считаемъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе книги г. Симашко.

Руммель.

СТРАННОЕ НЕДОУМЬНІЕ.

Въ 4 выпускѣ 9 тома *Извѣстій Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности* помѣщена любопытная статья г. Погодина о Несторовомъ житіи преподобнаго Феодосія, какъ историческомъ источникѣ. Представляя, на основаніе этого памятника, характеристики самого Феодосія, великаго князя Изяслава и другихъ лицъ, выводя изъ него разныя историческія и хронологическія указанія, пробуя начертать по немъ картину тогдашнихъ нравовъ и общественнаго и внутренняго быта и всякій разъ заключенія свои подкрѣпляя неопровержимыми доказательствами¹, почтенный академикъ въ самомъ концѣ статьи постановляетъ слѣдующій вопросъ: «А когда Несторъ писалъ Лѣтопись, прежде или послѣ Житія?» И тутъ же отвѣчаетъ: «Я думаю прежде, ИБО въ Житіи онъ описалъ гораздо короче то, что описано въ лѣтописи подробно; видно, что онъ не хотѣлъ повторяться. А можно думать также, что въ Лѣтописи не хотѣлъ онъ повторять то, что уже было въ Житіи.» Другими словами, Лѣтопись, можетъ-быть, писана и послѣ. Странно, что-то такой «отвѣтъ»; но не въ этомъ еще главное недоумѣніе, а вотъ въ чемъ:

Почтенный академикъ говоритъ, между прочимъ, и о языкѣ *Житія Феодосіева*, разбираетъ его отдѣльныя формы и наиболѣе положительнымъ образомъ утверждаетъ, что языкъ Житія преподобнаго Феодосія языкъ *великороссійскій* (?), но нѣкоторыя слова и выраженія въ Житіи называетъ совершенно непонятными, а именно: *поны*; *порода*; *бѣдлица*; *камыкъ*. Между тѣмъ въ листахъ словаря церковно-славянскаго языка, г. Востокова, издаваемыхъ тѣмъ же вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, въ *Извѣстіяхъ* котораго напечатана и статья почтеннаго академика, находимъ довольно полное объясненіе этихъ словъ. *Поны* значить по крайней мѣрѣ, и форма эта встрѣчается въ *Остромъ Евангеліи*, въ *Изборникѣ 1076* и въ *Супрасльской рукописи XI в.*;—*порода* знач. рай (что, впрочемъ, ясно даже и безъ словаря), отъ греч. *παράδεισος*; въ породу — въ рай; форма эта встрѣчается у Григ. Богослова XI в., въ *Изборникѣ 1073*, у Иоанна Златоуста въ *Похвалѣ апостолу Павлу XVI в.*;—*бѣдлица* отъ *бѣдिति*, то-есть повуждать, просить, откуда наше русское *убѣждать*, встрѣчается въ *Обиходѣ Церковномъ XIII в.*, въ *Оглашеніи Кирилла Иерусалимскаго*, въ *Толковой псалтири* Феодорита, въ *Авостолѣ XIV в.*;—*камыкъ* значить камень и встрѣчается въ *Изборникѣ 1073*, у Исаян (гл. 34, ст. 9) по списку XV в. Такимъ образомъ, слова эти, которыхъ не понимаетъ г. Погодинъ, не только совершенно понятны, но и не составляютъ никакого ненормальнаго уклоненія. Мы никакъ не думаемъ, чтобы г. Погодинъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ и не понималъ приведенныхъ имъ формъ; тѣмъ менѣе можемъ мы думать, чтобы такую странную ошибку пропустили въ своемъ изданіи редакція *Извѣстій*. Что же однако должны мы подумать, и кто разъяснить это недоумѣніе?

¹ Въ описываемую эпоху, по выводу г. Погодина, были нищія; доказательство (Феодосій) *оцлше нищимъ*. Бояре имѣли особую одежду боярскую; доказательство: *облече въ одежду славную, свѣтлую, якоже е мяло (sic) бояромъ*. Служба (церковная) совершалась ежедневно; доказательство: *хожаше (Феодосій) въ церковь Божию по вся дни*, и т. п.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 3 *Русскаго Вѣстника* въ статьѣ г. Куломзина *Очеркъ маловаго на спиртовые напитки въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы* на стр. 346 сверху строка 19 напечатано «метровъ» вмѣсто «литровъ», и на стр. 367 «16 заторныхъ» вмѣсто «16 квасильныхъ чановъ».

посылала къ нему Марка Робартса, и мало-по-малу, до нѣкоторой степени, цивилизовала дикаря. И съ Робартсомъ онъ достаточно сблизился, если не подружился. Маркъ покорялся его авторитету въ вопросахъ богословскихъ или даже церковныхъ, выслушивалъ его терпѣливо, соглашался съ нимъ когда могъ, или съ мягкостію возражалъ ему. Робартсъ имѣлъ даръ со всѣми ладить. Итакъ, благодаря леди Лофтонъ, завязались довольно близкія сношенія между Фремлеемъ и Гоггельстокомъ, въ которыхъ участвовала и мистриссъ Робартсъ.

И вотъ теперь, когда леди Лофтонъ такъ затруднилась въ присканіи средства какъ бы подѣйствовать на своего неблагодарнаго пастора, ей вдругъ пришло на умъ обратиться къ мистеру Кролею. Она знала, что онъ согласится съ нею въ этомъ дѣлѣ, и не побоясь прямо высказать свое мнѣніе собрату. И такъ она послала за мистеромъ Кролеемъ.

Наружностію онъ представлялъ совершенную противоположность Марку Робартсу. Онъ былъ высокъ и худъ, слегка сутуловатъ, съ длинными, спутанными волосами; лобъ у него былъ высокій, лицо узкое, сѣрые глубоко ввалившіеся глаза, прямой правильный носъ, тонкія и выразительныя губы. Стояло только взглянуть на это лицо, чтобъ увидѣть въ его выраженіи обдуманность и мысль. И лѣтомъ, и зимою, онъ носилъ какой-то темно-сѣрый сюртукъ, застегнутый по горло, и доходившій почти до самыхъ пятъ.

Онъ не медля отправился на зовъ леди Лофтонъ, усѣвшись въ ея джигъ рядомъ съ лакеемъ, прѣхавшимъ за нимъ, съ которыми онъ во весь переѣздъ не перемолвилъ ни одного слова. Слуга, заглянувъ ему въ лицо, былъ пораженъ его угрюмымъ видомъ. Маркъ Робартсъ разговаривалъ бы съ нимъ всю дорогу отъ Гоггельстока до Фремле-Корта, завелъ бы рѣчь и о лошадахъ и объ урожаѣ, а можетъ-быть и о болѣе-возвышенныхъ предметахъ.

Леди Лофтонъ наконецъ раскрыла свою душу и повѣрила мистеру Кролею свое горе, прибавляя однако безпрестанно, что мистеръ Робартсъ отличный приходскій священникъ, — «такой пасторъ, какого я желала, говорила она, но онъ былъ именно такъ молодъ, мистеръ Кролей, когда получилъ этотъ приходъ, что не успѣлъ еще вполнѣ остепениться. Можетъ-быть, я столько же виновата какъ и онъ, что такъ рано поставила его въ такое положеніе.»

— Конечно, вы виноваты сами, замѣтилъ мистеръ Кролей, которому было, можетъ-быть, весьма естественно отозваться нѣсколько съ горечью по этому предмету.

— Разумѣется, поспѣшно продолжала мисседи, подавля малень-

кую досаду,—но теперь этого не помнишь. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что мистеръ Робартсъ будетъ вполне достоинъ своего сана, онъ человекъ съ сердцемъ и съ правилами; но я опасаясь, чтобъ онъ теперь не поддался искушеніямъ.

— Я слышалъ, что онъ охотится раза два-три въ недѣлю; асъ такъ говорить въ околоткѣ.

— Нѣтъ, мистеръ Кролей, не по три раза въ недѣлю; рѣдко болѣе одного раза, сколько я знаю. Да къ тому же, я полагаю, онъ задитъ на охоту больше для того, чтобъ быть съ лордомъ Лофтономъ.

— Я не вижу, чтобъ это сколько-нибудь измѣнило дѣло, сказалъ мистеръ Кролей.

— Это показываетъ по крайней мѣрѣ, что въ немъ не такъ сильно укоренилось это пристрастіе, которое я не могу не считать предосудительнымъ въ священникѣ.

— Оно предосудительно во всякомъ человекѣ, возразилъ мистеръ Кролей:—удовольствіе само-по-себѣ жестокое и ведущее къ праздности и разврату.

Леди Лофтонъ опять должна была сдѣлать надъ собою усиліе. Она призвала мистера Кролей, чтобы найти въ немъ себѣ помощь, и сознавала, что было бы неблагоразумно ссориться съ нимъ. Но ей не могло быть пріятно, что увеселенія ея сына называютъ праздными и развратными. Она всегда считала охоту самымъ пріличнымъ занятіемъ для сельскаго джентльмена; она уважала охоту какъ древнее учрежденіе Англіи, и барсетширская охота являлась ей чѣмъ-то священнымъ. Сердце у ней содрогалось всякій разъ, какъ она узнавала о похищеніи лисицъ, хотя безъ всякаго ропота допускала похищать съ ея двора видѣекъ. Каково же было ей слышать такой жесткій приговоръ изъ устъ мистера Кролея, когда она во все не намѣрена была спрашивать его мнѣнія по этому предмету. Тѣмъ не менѣе она скрыла свой гнѣвъ.

— Во всякомъ случаѣ, оно неприлично для священника, сказала она.—И какъ мнѣ извѣстно, что мистеръ Робартсъ очень дорожитъ вашимъ мнѣніемъ, то, я надѣюсь, вы ему посоветуете бросить эту забаву. Ему могло бы быть непріятно, еслибъ я лично вмѣшалась въ это дѣло.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ мистеръ Кролей.—Не дѣло женщины давать совѣты священнику въ подобномъ случаѣ, если только она не находится къ нему въ особенно-близкихъ отношеніяхъ, какъ мать, жена или сестра.

— Но знаете ли, живя въ одномъ приходѣ и будучи можетъ-быть...

«Главнымъ въ немъ лицомъ и первымъ по вліянію,» могла бы сказать леди Лофтонъ, еслибы вполне выразила свою мысль,

но она остановилась вовремя. Она уже рѣшила, что каково бы ни было ея вліяніе и значеніе въ приходѣ, не ей слѣдуетъ говорить съ мистеромъ Робартсомъ о его грѣховныхъ привычкахъ, и она не поддавалась невольному искушенію доказывать, что ей-то и слѣдуетъ съ нимъ говорить.

— Да, возразилъ мистеръ Кролей, — именно такъ. Все это ему даетъ право обратиться къ вамъ съ совѣтами и наставленіями, если онъ найдетъ что-нибудь предосудительное въ вашемъ образѣ жизни, но вовсе не оправдываетъ такого вмѣшательства съ вашей стороны.

Вынести это было ужъ черезчуръ трудно для леди Лофтонъ. Она прилагала всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь поправить чужія погрѣшности, въ то же время заботясь о томъ, чтобы не оскорбить грѣшника, не задѣть его самолюбія, а вотъ этотъ суровый помощникъ, призванный ею самою, почти обвиняетъ ее въ заносчивости и властолюбіи. Она сама нѣкоторымъ образомъ признала слабость своего положенія относительно своего приходскаго священника, обратась за помощью къ мистеру Кролею; но зачѣмъ же и попрекать ее этою слабостью?

— Хорошо, сэръ; надѣюсь, что мой образъ жизни не подастъ поводъ къ наставленіямъ; но это къ дѣлу не относится. Вотъ что я желаю знать: согласитесь ли вы поговорить съ мистеромъ Робартсомъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ онъ.

— Такъ я вамъ буду весьма благодарна. Но, прошу васъ, мистеръ Кролей, не забывайте, что мнѣ было бы крайне прискорбно еслибы вы обошлись съ нимъ слишкомъ жестко. Онъ отличный молодой человѣкъ, и...

— Леди Лофтонъ, если я возьмусь за это дѣло, то буду поступать по совѣсти и употреблять такія выраженія, какія мнѣ въ ту минуту вышутъ Всевышній. Смѣю надѣяться, что я не жесткій человѣкъ; но, вообще, я считаю болѣе чѣмъ бесполезнымъ высказывать истину не вполне.

— Конечно, конечно.

— Когда уши такъ изнѣжены, что не захотятъ выслушать правду, то почти всегда душа бываетъ такъ испорчена, что не захочетъ ею воспользоваться.

И мистеръ Кролей всталъ съ тѣмъ чтобы проститься.

Но леди Лофтонъ настояла на томъ чтобы онъ позавтракалъ съ нею. Онъ замаялся, и повидимому радъ былъ бы отказаться, но тутъ ужъ леди Лофтонъ поставила на своемъ. Можетъ-быть, она не способна давать совѣты пастору касательно исполненія его духовныхъ обязанностей; но въ дѣлѣ гостепрѣимства она знала какъ ей поступать. Она не хотѣла допустить, чтобы мистеръ

Кролей уѣхалъ домой, не откушавъ чего-нибудь, и достигла своей цѣли: самъ мистеръ Кролей когда дѣло дошло до холоднаго ростбѣна и горячаго картофеля, потерялъ всю свою величественность и сдѣлался смиренъ, покоренъ, почти робокъ. Леди Лофтонъ посовѣтовала ему выпить мадеры вмѣсто хереса, и онъ сразу согласился, да правду сказать, не слишкомъ-то замѣтилъ разницу. Потомъ, въ джигъ оказалась корзинка съ цвѣтною капустой для мистриссъ Кролей; онъ радъ былъ бы оставить ее, да не посмѣлъ. Ни слова не было сказано о томъ, что подъ капустой скрывалась банка мармалада для дѣтей: леди Лофтонъ знала, что банка дойдетъ до своего назначенія и безъ содѣйствія; Итакъ, мистеръ Кролей наконецъ вернулся домой въ «ремлекортскомъ джигъ».

Дня три-четыре спустя, онъ отправился къ Марку Робартсу. Онъ нарочно выбралъ субботу, узнавъ что въ этотъ день охоты не бываетъ, и вышелъ пораньше, чтобы навѣрное застать мистера Робартса. И точно, онъ не опоздалъ, потому что въ ту минуту какъ онъ показался у дверей, викарій съ женою и сестрой только что садлись за завтракъ.

— А, Кролей! воскликнулъ Маркъ прежде чѣмъ тотъ успѣлъ выговорить слово:—вотъ отлично!

Онъ усадилъ его въ кресло, а мистриссъ Робартсъ налила ему чаю и Люси передала ему тарелку съ приборомъ, прежде чѣмъ онъ могъ придумать какимъ образомъ объяснить свое неожиданное появленіе.

— Вы меня извините, если я васъ обезпокоилъ, пробормоталъ онъ.—Но мнѣ нужно поговорить съ вами о дѣлѣ.

— Съ удовольствіемъ, возразилъ Маркъ,—но ничѣмъ лучше нельзя приготовить къ дѣлу какъ добрымъ завтракомъ. Люси, передайте мистеру Кролею хлѣбъ съ масломъ. Яйца, Фанни? Гдѣ же яйца?

И Джонъ, въ ливреѣ, принесъ свѣжихъ яицъ.

— Вотъ теперь хорошо. Я всегда ѣмъ яйца горячія и вамъ совѣтую то же, Кролей.

На все это, мистеръ Кролей не отвѣчалъ ничего, и повидному чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Кто знаетъ можетъ-быть, въ его головѣ мелькнула мысль о разницѣ между этимъ завтракомъ и тѣмъ, который онъ оставилъ у себя на столѣ, можетъ-быть въ немъ шевельнулася вопросъ: кака я причина такой разницы? Но во всякомъ случаѣ, то была мысль мимолетная; другія дѣла занимали его умъ въ эту минуту. Когда кончился завтракъ, Маркъ попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Мистеръ Робартсъ, началъ Кролей, садясь на самый неудобный стулъ въ концѣ красиво-убраннаго письменнаго стола, ме-

жду тѣмъ какъ Маркъ расположился въ мягкомъ креслѣ у самага каминна,—меня привело сюда неприятное дѣло.

Марку тотчасъ же пришелъ на умъ вексель, данный мистеру Соверби; потомъ онъ вспомнилъ, какъ мало вѣроятности, чтобы Кролей былъ тутъ замѣшанъ.

— Но, какъ собрать по сану, какъ человекъ искренно васъ уважающій и желающій вамъ добра, я почелъ долгомъ это дѣло взять на себя.

— Какое же дѣло, Кролей?

— Мистеръ Робартсъ, люди говорятъ, что вашъ настоящееобразъ жизни не приличенъ поборнику свѣта Христова.

— Люди говорятъ! Какіе люди?

— Люди васъ окружающіе, ваши собственные сосѣди, тѣ, которые слѣдятъ за вашею жизнью и знаютъ всѣ ваши поступки; которые ищутъ въ васъ наставника и руководителя, а находятъ васъ въ сообществѣ конюховъ и псарей, въ вихрѣ самыхъ пустыхъ, самыхъ праздныхъ забавъ; которые ждутъ отъ васъ примѣра благочестивой жизни, и обмануты въ своемъ ожиданіи.

Мистеръ Кролей прямо приступилъ къ самому корню дѣла, и этимъ нѣсколько облегчилъ себѣ тягостную задачу; онъ не видѣлъ пользы въ длинныхъ приготовленіяхъ.

— И эти люди прислали васъ ко мнѣ?

— Никто не прислалъ меня и не могъ прислать. Я пришелъ высказать вамъ свое собственное мнѣніе, а не чье-либо другое. Но я упомянулъ о людяхъ васъ окружающихъ, потому что передъ ними главные ваши обязанности. Не почитаете ли вы обязанностью передъ ближними вести чистую, благочестивую жизнь, не почитаете ли вы это еще болѣе обязанностью передъ Отцомъ Небеснымъ? А теперь я осмѣлюсь спросить васъ, точно ли вы прилагаете всѣ старанія, чтобы вести такую жизнь?

И онъ остановился въ ожиданіи отвѣта.

Станный онъ былъ человекъ; такой смиренный и тихій, такой неловкій и робкій въ обыкновенныхъ дѣлахъ жизни, но безстрашный и непоколебимый, почти краснорѣчивый, лишь только касался того предмета, которому посвятилъ всю свою жизнь. Маркъ едва могъ выдержать взглядъ его впалыхъ, сѣрыхъ глазъ. И вотъ, онъ повторилъ свои послѣднія слова:

— Смѣю васъ спросить, мистеръ Робартсъ, употребляете вы всѣ старанія, чтобы вести такую жизнь, какая прилична священнику въ средѣ его прихожанъ?

И опять онъ остановился ожидая отвѣта.

— Немногіе изъ насъ, проговорилъ Маркъ тихимъ голосомъ,—могутъ утвердительно отвѣчать на такой вопросъ.

— Но думаете ли вы, что многимъ будетъ также трудно от-

вѣчать на него, какъ вамъ? Да положимъ, что такъ; неужели вы, человѣкъ молодой, энергическій, богато одаренный, захотите причислить себя къ этимъ многимъ? Захотите ли вы явиться отступникомъ, послѣ того какъ взяли на себя божественный крестъ нашего Спасителя? Скажите, что такъ, и я васъ тогчасъ же оставлю, потому что ошибся въ васъ.

Опять настало молчаніе, потомъ онъ продолжалъ:

— Говорите, братъ мой; откройте мнѣ свою душу, если возможно.

И вставъ съ мѣста, онъ подошелъ къ Марку и положилъ ему руку на плечо, съ любовью глядя на него.

Сперва Маркъ, потягиваясь въ своемъ креслѣ, хотѣлъ было намекнуть почтенному собрату, что лучше бы ему заниматься своими собственными дѣлами. Но вскорѣ у него исчезла изъ головы всякая подобная мысль. Онъ невольно приподнялся изъ своего лѣниваго, полулежащаго положенія, и оперевъ локтями на столъ; услышавъ послѣднія слова, онъ опустилъ голову и закрылъ лицо руками.

— Грустно такое паденіе, продолжалъ Кролей, — вдвойнѣ грустно, потому что подняться такъ трудно. Но не можетъ быть, чтобы вы согласились стать въ рядъ съ тѣми легкомысленными грѣшниками, которыхъ вы, по назначенію вашему, должны обращать на истинный путь. Вы предаетесь праздности и разгулу, вы спокойно развѣзжаете на охоту съ богохулителями и развратниками, а между тѣмъ вы стремитесь къ исполненію своего високаго призванія, такъ часто и такъ хорошо говорили объ обязанностяхъ служителя Христова; а между тѣмъ вы, въ гордости своей, можете разбирать самые тонкіе вопросы нашей вѣры, какъ будто бы самыхъ общихъ, простыхъ ея заповѣдей, не достаточно для вашей дѣятельности! Не можетъ быть, чтобы, во всѣхъ нашихъ горячихъ спорахъ, я имѣлъ дѣло съ лицемѣромъ!

— Нѣтъ, не съ лицемѣромъ, не съ лицемѣромъ, проговорилъ Маркъ, и въ голосъ его дрожали слезы.

— Такъ съ отступникомъ? Такъ ли я долженъ васъ называть? Нѣтъ, мистеръ Робартсъ, вы не отступникъ и не лицемѣръ, а человѣкъ, споткнувшійся во мракѣ и поранившій себя о камни. Пусть этотъ человѣкъ возьметъ въ руку свѣтильникъ, и осторожно пойдетъ между терній и камней, осторожно, но твердо и безбоязненно, съ христіанскимъ смиреніемъ, какъ должно всякому совершать свой путь въ этой юдоли слезъ.

И прежде чѣмъ Робартсъ могъ остановить его, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и, не проставъ съ прочими членами семейства, отправился домой какъ пришелъ, пѣшкомъ, по грязи, пройдя та-

кимъ образомъ въ это утро четырнадцать миль, чтобъ исполнить взятое имъ на себя порученіе.

Нѣсколько часовъ мистеръ Робартсъ не выходилъ изъ своего кабинета. Оставшись одинъ, онъ заперъ дверь на ключъ, и сѣлъ у стола, раздумывая о настоящей своей жизни. Около одиннадцати часовъ къ нему постучалась жена, не зная здѣсь ли еще гость; никто не видѣлъ какъ ушелъ мистеръ Кролей Но Маркъ веселымъ голосомъ попросилъ ее не прерывать его занятій.

Будемъ надѣяться, что его размышленія послужили ему въ пользу.

Будемъ надѣяться, что эти часы раздумья не препали для него даромъ.

ГЛАВА XVI.

Охотничій сезонъ приближался къ концу; великіе и сильныя барсеширскаго міра начинали подумывать о лондонскихъ увеселеніяхъ. Мысль объ этихъ увеселеніяхъ всегда несприятно дѣйствовала на леди Лофтонъ; она охотно проводила бы круглый годъ въ Фремле-Кортъ, еслибы, по разнымъ важнымъ причинамъ, не считала своею обязанностью ежегодно побывать въ столицѣ. Всѣ прежде-почившія леди Лофтонъ, и вдовствующія и замужнія, постоянно проводили сезонъ въ Лондонѣ, пока старость или болѣзнь совершенно не отнимали у нихъ силъ, а иногда даже и послѣ этого срока. Притомъ, она полагала, и можетъ быть довольно справедливо полагала, что она каждый годъ приноситъ съ собою въ деревню какіе-нибудь плоды подвижающейся цивилизаціи. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли бы иначе проникать во глубину селеній новыя фасоны женскихъ шляпокъ и лифовъ? Иные думаютъ, конечно, что новѣйшимъ фасонамъ и не слѣдуетъ распространяться дальше городовъ; но такіе люди еслибы они были вполне послѣдовательны, должны бы сожалѣть о времени, когда пахари раскрашивали себѣ лицо красною глиной, а поселанка одѣвалась въ овечьи шкуры.

По этимъ и по многимъ другимъ причинамъ, леди Лофтонъ постоянно отправлялась въ Лондонъ около середины апрѣля и оставалась тамъ до начала іюня; но для нея довольно тягостно тянулось это время. Въ Лондонѣ она не играла видной роли. Она никогда не добивалась такого рода величія, никогда не блистала въ качествѣ дамы-патронессы или законодательницы моды. Она просто скучала въ Лондонѣ, и не принимала участія въ городскихъ развлеченіяхъ и интересахъ. Самыя сча-

ставивъя минуты ея были тѣ, когда она получала извѣстія въ Фремлей, или писала туда, спрашивая новыхъ подробностей о мѣстныхъ событіяхъ.

Но на этотъ разъ ея поѣздка имѣла цѣль особенно близкую ея сердцу. У ней должна была гостить Гризельда Грантли, и она намѣревалась употребить всѣ старанія, чтобы сблизить ее съ сыномъ. Планъ кампаніи былъ слѣдующій: архидьяконъ и мистриссъ Грантли должны отправиться въ Лондонъ на одинъ мѣсяцъ, взявъ съ собою Гризельду; а потомъ, когда они вернутся къ себѣ въ Планстедъ, Гризельда поселится у леди Лофтонъ. Это распоряженіе не вполнѣ удовлетворяло леди Лофтонъ: она знала, что мистриссъ Грантли не такъ рѣшительно устранилась отъ клки Гартльтоповъ, какъ бы слѣдовало ожидать послѣ семейнаго трактата заключеннаго между ею и миледи. Но, съ другой стороны, мистриссъ Грантли могла извинить себя непростительною медленностью, съ которою лордъ Лофтонъ велъ свои дѣла относительно ея дочери, и необходимостью имѣть въ виду и другое прибѣжище, въ случаѣ неудачи съ этой стороны. Неужели до мистриссъ Грантли дошли слухи объ этой злополучной платонической дружбѣ между лордомъ Лофтономъ и Люси Робартсъ?

Подъ самый конецъ марта пришло письмо отъ мистриссъ Грантли, которое еще увеличило безпокойство леди Лофтонъ и ея желаніе перенестись поскорѣе на самый театръ войны, чтобы имѣть Гризельду Грантли въ собственныхъ своихъ рукахъ. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ извѣстій о Лондонѣ и лондонскомъ обществѣ, мистриссъ Грантли перешла къ семейнымъ дѣламъ.

«Не могу не сознаться,» писала она съ материнскою гордостью и материнскимъ смиреніемъ, «что Гризельда имѣетъ большой успѣхъ. Ее приглашаютъ безпрестанно, гораздо чаще чѣмъ я могу вывозить ее, а иногда и въ такіе дома, гдѣ я бы вовсе не желала бывать. Я не могла отказаться повезти ее на первый балъ къ леди Гартльтопъ, потому что во весь этотъ сезонъ ничего не будетъ подобнаго; конечно, когда она будетъ съ вами, милая леди Лофтонъ, объ этомъ домѣ и помину не можетъ быть. Я сама бы туда не поѣхала, *еслибы* дѣло касалось одной меня. Герцогъ конечно былъ тамъ, и я право удивляюсь, что леди Гартльтопъ не ведетъ себя осторожнѣе въ собственной своей гостиной. Очевидно, что лордъ Домбелло очень занятъ моею Гризельдой, гораздо болѣе даже чѣмъ я могла бы желать. Конечно, она такъ благоразумна, что не дастъ вскружить себѣ голову—но сколько молодыхъ дѣвушекъ могли бы увлечься вниманіями такого чело-вѣка! Вы знаете, что маркизъ уже очень слабъ, а говорятъ, что

съ тѣхъ поръ какъ возгорѣлась у него эта страсть къ постройкамъ, ланкаширское помѣстье приноситъ около двухъ сотъ тысячъ фунтовъ въ годъ! Я не думаю, чтобы лордъ Домбелло сказалъ что-нибудь особенное Гризельдѣ. Впрочемъ мы кажется, вообще свободны отъ какихъ бы то ни было обязательствъ. Но онъ всегда ищетъ случая танцевать съ ней, и я постоянно замѣчаю, какъ ему бываетъ не приятно и неловко, когда она встаетъ танцевать съ кѣмъ-нибудь другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ жалости смотрѣть на него, вчера на балѣ, у миссъ Данстемблѣ, когда Гризельда танцевала съ однимъ изъ нашихъ друзей. Но она была очень интересна въ этотъ вечеръ; рѣдко бывала она такъ оживлена.»

Все это, и многое тому подобное въ томъ же письмѣ, пробудило въ леди Лофтонъ желаніе поскорѣе перѣхать въ Лондонъ. Положительно вѣрно было то, что Гризельда Грантли не будетъ уже видѣть лживаго величія леди Гарльтопъ, когда будетъ выѣзжать въ свѣтъ подъ покровительствомъ леди Лофтонъ. И миледи удивлялась, какъ мистриссъ Грантли могла повезти свою дочь въ такой домъ.

Весь свѣтъ зналъ леди Гарльтопъ и ея отношенія къ герцогу Омниумъ. Извѣстно было, что только въ ея домѣ можно было постоянно встрѣчать его. По мнѣнію леди Лофтонъ, повезти туда молодую дѣвушку—все тоже что повезти ее въ Гадеромъ Кассль. Итакъ леди Лофтонъ нѣсколько досадовала на свою пріятельницу, мистриссъ Грантли. Но не подозрѣвала она, что письмо было написано именно съ тѣмъ, чтобы пробудить это чувство досады, именно съ цѣлью заставить миледи принять рѣшительныя мѣры. Надо сознаться, что въ такого рода дѣлѣ мистриссъ Грантли была искуснѣе леди Лофтонъ. Союзъ Лофтоно-Грантлійскій она считала лучшимъ для себя, потому что въ ея глазахъ деньги не составляли всего. Но если ему не суждено состояться союзъ Грантли-Гарльтопскій также имѣетъ свои выгоды. Какъ *pis-aller* онъ даже вовсе не дуренъ.

Отвѣтъ леди Лофтонъ былъ самый ласковый. Она душевно радовалась тому, что ея милая Гризельда веселится; намекала, что лордъ Домбелло извѣстенъ всему свѣту за дурака, а его мать за женщину вполне достойную своей репутаціи; поговоривъ она прибавляла, что обстоятельства заставляютъ ее пріѣхать въ Лондонъ четырьмя днями раньше чѣмъ она предполагала, и выражала надежду, что ея дорогая Гризельда тотчасъ же переселится къ ней. Лордъ Лофтонъ, писала она, хотя у него особая квартира, общалъ проводить съ нами все время, свободное отъ парламентскихъ занятій.

О леди Лофтонъ, леди Лофтонъ! Пришло ли вамъ въ голову,

когда вы писали эти послѣднія строки, желая ими сильнѣе подѣйствовать на вашу любезную пріятельницу, что вы, по просту сказать—солгали? Или вы забыли, какъ вы сказали вашему сыну самымъ нѣжнымъ, материнскимъ голосомъ: «Лудовикъ, я надѣюсь, что ты будешь почаще у насъ бывать въ Брутонъ-стритъ. Гризельда Грантли будетъ у меня гостить, и надо же намъ постараться, чтобы она не соскучилась; не правда ли?» А онъ развѣ не отвѣтилъ вамъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: «Конечно, мама» и тотчасъ же потомъ вышелъ изъ комнаты не въ самомъ любезномъ расположеніи духа? Развѣ былъ, хотя единымъ словомъ, упомянуто о парламентскихъ занятіяхъ? О леди Лофтонъ! Сознайтесь, что вы солгали вашему любезному другу!

Въ послѣднее время мы стали очень взыскательны къ нашимъ дѣтямъ относительно истины; страшно взыскательны, если принять въ соображеніе естественное отсутствіе нравственной твердости въ возрастѣ десяти, двѣнадцати или четырнадцати-лѣтнемъ. Но я не замѣчаю, чтобы мы, люди взрослые, въ такой же мѣрѣ требовали отъ самихъ себя правдивости. Боже унаси, чтобы я возставалъ противъ развиванія правдивости въ дѣтяхъ; я говорю только, что въ нихъ неправда извинительнѣе чѣмъ въ ихъ родителяхъ. Такого рода маленькій обманъ, какой позволила себѣ леди Лофтонъ, обыкновенно считается весьма позволительнымъ для взрослыхъ людей; но тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что она въ нѣкоторой мѣрѣ пожертвовала истиной для личныхъ своихъ видовъ. Предположимъ, что какой-нибудь мальчикъ написалъ изъ школы, что другой мальчикъ обѣщался пріѣхать къ нему погостить, между тѣмъ какъ тотъ и не думалъ давать такого обѣщанія; какому строгому порицанію подвергся бы бѣдняжка со стороны родныхъ и наставниковъ!

Вышеприведенный разговоръ между леди Лофтонъ и ея сыномъ—въ которомъ не было и помину о парламентскихъ занятіяхъ—происходилъ наканунѣ отъѣзда молодого лорда въ Лондонъ. Онъ на этотъ разъ, конечно, былъ не въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и не слишкомъ-то любезно отвѣчалъ матери. Онъ вышелъ изъ комнаты, лишь только мать завела рѣчь о миссъ Грантли; и въ этотъ же вечеръ, когда леди Лофтонъ, не совсѣмъ можетъ-быть кстати, сказала нѣсколько словъ о красотѣ Гризельды, онъ хладнокровно замѣтилъ, что отъ ней «Темза не загорится».

— Не загорится! повторила леди Лофтонъ обиженнымъ тономъ. — Да, я знаю этихъ барышень, отъ которыхъ, по вашему мнѣнію, Темза загорится; онѣ не знаютъ, что такое помолчать, онѣ будутъ болтать если не громко, такъ шепотомъ. Я ихъ тер-

пѣть не могу, да и тебѣ, я увѣрена, въ душѣ не могутъ онѣ нравиться.

— Ну, что касается до души, то это статья особая.

— Гривельда Грантли отлично воспитанная дѣвушка, мнѣ очень пріятно будетъ вывозить ее въ Лондонъ; я увѣрена, что и Юстинія будетъ рада съ нею выѣзжать.

— Именно, сказалъ лордъ Лофтонъ:—она придется какъ нельзя лучше для Юстиніи.

Это было ужъ чрезчуръ зло со стороны лорда Лофтона, и мать его тѣмъ болѣе огорчилась, что поняла изъ его словъ рѣшительное намѣреніе отказаться отъ Лофтоно-Грантлійскаго союзу. Она знала напередъ, что это случится непременно, если только онъ догадается о маленькомъ разговорѣ, составленномъ противъ него, а теперь онъ, кажется, о немъ догадался. А то, какимъ образомъ объяснить эту насмѣшку надъ сестрой и Гривельдой Грантли?

Намъ придется здѣсь прервать нить нашего разсказа и вернуться нѣсколько назадъ, чтобъ описать маленькую сцену въ Фремлетъ, которая объяснитъ досаду лорда Лофтона и его нетерпѣливые отвѣты матери. Эта сцена произошла спустя дней девять послѣ описаннаго нами разговора между Люси и мистриссъ Робартсъ, и, въ продолженіи этихъ десяти дней, Люси не позволила себѣ ни разу завлечься въ особенный разговоръ съ молодымъ лордомъ. Въ этотъ промежутокъ времени она одинъ разъ обѣдала въ Фремле-Кортѣ и провела тамъ вечеръ; лордъ Лофтонъ также заходилъ раза три въ домъ священника и отыскивалъ ея въ мѣстахъ, гдѣ она обыкновенно прогуливалась; но между ними ни разу не возобновились прежніе непринужденные разговоры, съ тѣхъ поръ какъ леди Лофтонъ намекнула мистриссъ Робартсъ на свои опасенія.

Лордъ Лофтонъ сильно скучалъ этою перемѣной. Сперва онъ считалъ ее чисто случайною и не искалъ ей никакого объясненія. Но, по мѣрѣ того какъ приближалось время его отъѣзда, ему стало казаться страннымъ, что онъ никогда уже не слышитъ голоса Люси иначе какъ въ отвѣтъ на какое-нибудь замѣчаніе его матери или мистриссъ Робартсъ. Тогда онъ рѣшился переговорить съ нею передъ отъѣздомъ и добиться причины внезапнаго охлажденія.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ разъ отправился въ домъ священника, передъ самымъ тѣмъ вечеромъ, когда мать раздражила его неумѣстными похвалами Гривельды Грантли. Онъ зналъ, что Робартса дома нѣтъ, а что мистриссъ Робартсъ въ эту самую минуту занята съ его матерью составленіемъ списка всѣхъ бѣдныхъ, на которыхъ слѣдуетъ обратить особое вни-

маніе въ отсутствіе леди Лофтонъ. Пользуясь этимъ, онъ прямо вошелъ въ садъ; равнодушнымъ голосомъ спросилъ у садовника, дома ли кто нибудь изъ дамъ, и остановилъ бѣдную Люси на самомъ порогѣ.

— Вы уходите или возвращаетесь, миссъ Робартсъ?

— Признаюсь, я собиралась уйти, отвѣчала Люси, и стала раздумывать какъ бы избѣгнуть продолжительнаго свиданія.

— Собирались уйти? Не знаю, могу ли я вамъ предложить...

— Не думаю, лордъ Лофтонъ.... я иду къ очень близкой нашей сосѣдкѣ, мистриссъ Подженсъ. Врядъ ли вы имѣете особую надобность видѣть мистриссъ Подженсъ или ея малютку.

— А вамъ непременно нужно видѣть ихъ?

— Да, особенно малютку. Малютка Подженсъ—славный чело-
вѣчекъ; ему всего два дня отъ роду.

И, съ этими словами, Люси сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы не желая продолжать разговоръ на порогѣ.

Онъ слегка нахмурился, замѣтивъ это, и внутренно рѣшился поставить на своемъ; неужели ему безмолвно уступить такой дѣвушкѣ какъ Люси? Онъ пришелъ сюда, чтобы съ нею переговорить и добиться этого разговора. Ихъ отношенія были достаточно коротки, чтобы дать ему право потребовать у нея объясненія.

— Миссъ Робартсъ, сказалъ онъ,—я завтра ѣду въ Лондонъ; мнѣ грустно было бы уѣхать не простясь съ вами.

— Прощайте, лордъ Лофтонъ, сказала она, глядя на него съ прежнею, живою, ласковою улыбкой.—Не забудьте, что вы мнѣ обѣщали провести въ парламентѣ законъ для охраненія монашъ цыпчатъ.

Онъ взялъ ея руку, но не одного этого ему хотѣлось.

— Мистриссъ Подженсъ и малютка вѣрно могутъ подождать минутъ десять. Я васъ не увижу въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а вы скупитесь удѣлить мнѣ времени для двухъ словъ.

— Ни даже для сотни словъ, если это можетъ быть вамъ пріятно, возразила она, и весело пошла съ нимъ въ гостиную.— Я не хотѣла задерживать васъ, потому что Фанни дома нѣтъ.

Она казалась гораздо спокойнѣе, гораздо непринужденнѣе его. Внутренно она дрожала при мысли о томъ, что онъ могъ сказать ей; но она пока не обнаруживала ни малѣйшаго волненія, удастся ли ей выслушать его съ такимъ же спокойнымъ видомъ?

Онъ хорошенько не зналъ, съ чего именно начать этотъ разговоръ, котораго онъ такъ настоятельно добивался. Онъ вовсе не рѣшилъ въ своемъ умѣ, что онъ любитъ Люси Робартсъ, или что, любя ее, онъ предложить ей свою руку; онъ въ этомъ

отношеніи не имѣлъ никакихъ намѣреній, ни дурныхъ ни хорошихъ; онъ, правду сказать, никогда и не размышлялъ объ этомъ. Онъ незамѣтно убѣдился, что она очень мила, что очень пріятно разговаривать съ нею, тогда какъ разговоръ съ Гризельдою Грантли и со многими другими знакомыми ему дѣвушками часто оказывался довольно тягостною задачей. Минуты, проведенныя съ Люси, всегда оставляли въ немъ пріятное впечатлѣніе; онъ самъ себя чувствовалъ какъ-то умнѣе въ ея обществѣ, съ ней какъ-то легче и лучше говорилось о предметахъ, стоящихъ разговора; и, такимъ образомъ, онъ мало-по-малу привязался къ Люси Робартсъ. Онъ никогда не задавалъ себѣ вопроса, была ли его привязанность платоническая или не платоническая; но въ послѣднее время онъ говорилъ ей такія вещи, которымъ любая молодая дѣвушка могла бы придать вовсе неплатоническій смыслъ. Онъ не падалъ къ ея ногамъ, не клялся, что сгораетъ отъ любви къ ней; но онъ пожималъ ея руку, какъ жмутъ руку только у любимой женщины; онъ говорилъ съ ней откровенно о себѣ, о своей матери, о сестрѣ, о друзьяхъ; онъ называлъ ее своимъ другомъ Люси.

Все это было отраднo ея душѣ, но также и опасно. Она часто повторяла себѣ, что ея чувство къ молодому лорду не что иное какъ простая, откровенная дружба, такая же, какую питаетъ къ нему ея братъ; она хотѣла пренебречь холодными насмѣшками свѣта надъ подобными отношеніями. Но теперь она сознала, что въ этихъ холодныхъ насмѣшкахъ есть доля истины, и рѣшилась положить конецъ слишкомъ большой короткости съ лордомъ Лофтономъ. Она дошла до этого заключенія, между тѣмъ какъ онъ еще не дошелъ ни до какого, и, въ такомъ настроеніи, онъ пришелъ къ ней съ цѣлю возобновить опасныя отношенія, которыя она имѣла благоразуміе прекратить.

— Такъ вы ѣдете завтра? сказала она, когда они вошли въ гостиную.

— Да, я отправляюсь съ раннимъ поѣздомъ, и Богъ знаетъ когда мы опять свидимся.

— Будущею зимой, я полагаю?

— Да, вѣроятно дня на два или на три. Не знаю, проведу ли я здѣсь другую зиму. Вообще, трудно человѣку сказать напередъ, куда его заброситъ судьба.

— Да, конечно; особенно такому человѣку, какъ вы. Вотъ я такъ принадлежу къ разряду неперелетныхъ.

— И очень жаль.

— Нисколько не благодарю васъ за это сожалѣніе; кочевая жизнь пойдетъ для молодыхъ дѣвушекъ.

— Не всё, должно-быть, такого мнѣнія. На бѣломъ свѣтѣ то и дѣло встрѣчаются одинокія и независимыя молодыя женщины.

— И вы вѣроятно не позволите ихъ?

— Нѣтъ, напротивъ; мнѣ нравится все, что выходитъ изъ общепринятой старообрядной колен. Я бы тотчасъ же сдѣлался отвлеченнымъ радикаломъ, еслибы не боялся привести въ отчаяніе мать.

— Это, конечно, было бы хуже всего, лордъ Лоттонъ.

— Вотъ отчего я такъ васъ полюбилъ, продолжалъ онъ: вы сами не держитесь общепринятой колен.

— Будто бы?

— Да, вы идете себѣ прямо передъ собой, собственнымъ своимъ шагомъ, а не дѣлаете зигзаговъ, слѣпо слѣдуя тропинкѣ, протоптанной вашею старою прабабушкой.

— А знаете ли, я сильно подозреваю, что прабабушкина тропинка самая вѣрная и лучшая? Я не слишкомъ еще удалась отъ нея, и намѣрена къ ней воротиться.

— Это невозможно! Цѣлый полкъ старухъ, вооруженныхъ своими предразсудками, не заставитъ васъ воротиться.

— Правда, лордъ Лоттонъ, но одна...—и она остановилась. Она не могла ему сказать, что одна любящая мать, тревожившаяся о своемъ единственномъ сынѣ, произвела этотъ переворотъ. Она не могла ему объяснить, что незамѣтное отступленіе отъ общепринятой коленъ уже разрушило ея душевный покой, и превратило ея счастливую, ясную жизнь въ постоянную, мучительную борьбу.

— Я знаю, что вы стараетесь воротиться назадъ, сказалъ онъ.— Неужели вы думаете, что я не вижу ничего? Люси, вспомните, что мы съ вами были друзья — мы не должны разстаться такъ. Моя мать женщина примѣрная; я говорю не шутя, примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ; и любовь ея ко мнѣ—совершенство материнской любви.

— Да, да, вы правы я такъ рада, что вы это сознаете.

— Мнѣ непростительно было бы не сознавать этого; но, тѣмъ не менѣе, я не могу допустить, чтобъ она мною руководила во всемъ; я не ребенокъ.

— Найдете ли вы, кто бы вамъ могъ лучше посовѣтовать?

— Однако, я долженъ самъ распоряжаться собою. Я не знаю, совершенно ли справедливы мои предположенія, но мнѣ кажется, что она причиною внезапнаго охлажденія между мною и вами. Скажите, не такъ ли?

— Она, не сказала мнѣ ни слова, проговорила Люси и лице ея покрылось яркимъ румянцемъ, но голосъ ея остался такъ же твердъ, манеры такъ же спокойны.

— Но вѣдь я не ошибся? Я знаю, что вы мнѣ скажете правду.

— Я вамъ ничего не могу сказать объ этомъ предметѣ, лордъ Лоутонъ. Мнѣ не слѣдуетъ говорить съ вами объ этомъ.

— А! понимаю, проговорилъ онъ, вставая съ мѣста и опираясь на каминь.— Она не хочетъ предоставить мнѣ выбирать собственныхъ моихъ друзей, собственной моею....

Но онъ не окончилъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите все это, лордъ Лоутонъ?

— Такъ, значить, я не имѣю права выбирать себѣ друзей, хотя бы они принадлежали къ лучшимъ и благороднѣйшимъ созданіямъ въ мірѣ. Люси, неужели между нами все кончено? Я знаю, что когда-то вы были хорошо расположены ко мнѣ.

Ей пришло на умъ, что съ его стороны не совсѣмъ великодушно такимъ образомъ выспрашивать ее и взваливать на нее всю тяжесть объясненія, которое сдѣлалось теперь неизбѣжнымъ. Однако нужно было отвѣчать прямо, и, съ Божіей помощію, она надѣялась найти въ себѣ силу сказать правду.

— Да, лордъ Лоутонъ, теперь, какъ и прежде, я къ вамъ хорошо расположена. Подъ этимъ словомъ вы разумѣете нѣчто болѣе чѣмъ обыкновенныя отношенія между дѣвушкой и мужчиной, не связанными родствомъ и знакомыми съ такими недавнихъ поръ какъ мы?

— Да, гораздо болѣе, отвѣчалъ онъ съ силой.

— Нѣчто короче этихъ отношеній?

— Да нѣчто ближе, и тѣснѣе, и теплѣе, нѣчто болѣе достойное двухъ человѣческихъ душъ, которыя одѣлили другъ друга!

— Такое расположеніе, теплѣе обыкновеннаго, а чувствовала къ вамъ, и должна была раскаться. Подождите. Вы меня заставили говорить, не прерывайте же меня теперь. Неужели вы въ душѣ не сознаете, что было бы лучше мнѣ не сворачивать съ тропинки, пробитой тѣми мудрыми прабабушками, о которыхъ вы только-что говорили? Но мнѣ весело было слѣдовать собственному влеченію. Мнѣ пріятно было то чувство независимости, съ которымъ я открыто признавала свою дружбу съ такимъ человѣкомъ какъ вы. Сама разница нашихъ положеній, вѣроятно, придавала ей нѣсколько прелесть.

— Пустяки!

— Чтожь дѣлать! Это правда, я это сознаю теперь. Но какъ посмотреть свѣтъ на такія отношенія?

— Свѣтъ!

— Да, свѣтъ. Я не въ силахъ, подобно вамъ, пренебрегать его сужденіями. Свѣтъ скажетъ, что я, сестра пастора, вздумала любить молодаго лорда, а молодой лордъ одурачилъ меня.

— Свѣтъ не можегъ этого сказать, съ жаромъ воскликнулъ лордъ Лофтонъ.

— Да, но онъ это скажетъ; вы не можете ему зажать ротъ, точно также какъ король Канугъ не могъ остановить волнъ. Благоразумное вѣшательство вашей матери спасло меня отъ подобнаго униженія; теперь я могу только просить васъ не испортить ея дѣла.

И она встала, какъ бы для того чтобы прямо отправиться къ мистриссъ Подженсъ и ея малюткѣ.

— Подождите, Люси! сказалъ онъ, становясь между ею и дверью.

— Вы не должны больше называть меня Люси, лордъ Лофтонъ:— я была безразсудна дозволивъ вамъ это въ первый разъ.

— Нѣтъ, клянусь небомъ, я добьюсь права называть васъ Люси въ глазахъ цѣлаго свѣта! Люси, милая, дорогая моя Люси, мой другъ, моя избранная, вотъ моя рука; нечего мнѣ и говорить, какъ давно принадлежитъ вамъ мое сердце.

Побѣда осталась на ея сторонѣ, и, безъ сомнѣнія, она почувствовала торжество. Не красота ея, а живой умъ, говорящія уста, привлекли его къ ней, и теперь онъ долженъ былъ сознаться, что ея власть надъ нимъ безгранична. Онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать, скорѣе чѣмъ разстаться съ ней. Она внутренно торжествовала; но ничто на ея лицѣ не обнаружало этого торжества.

Съ минуту она оставалась въ нерѣшимости, что ей дѣлать теперь. Онъ доведенъ до этого объясненія не любовью, а смущеніемъ. Она упрекнула его зломъ, которое онъ ей причинилъ; а онъ, въ порывѣ великодушія, захотѣлъ поправить это зло самою большою жертвой, какую только могъ принести. Но Люси Робартсъ не такая была дѣвушка, чтобы принять эту жертву.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку, чтобы ее обнять, но она отступила назадъ.

— Лордъ Лофтонъ! сказала она.—Когда вы будете хладнокровнѣе, вы сами поймете, что поступаете не хорошо. Для насъ обоихъ всего лучше теперь же разстаться.

— Нѣтъ, не лучше, а напротивъ хуже всего на свѣтѣ, пока мы совершенно не поняли другъ друга.

— Такъ поймите же, что я не могу быть вашою женою.

— Люси! вы хотите сказать, что не можете полюбить меня?

— Я не *хочу* васъ полюбить. Не наставляйте ради Бога, а то вамъ придется горько каяться въ своемъ безразсудствѣ.

— Но я буду настаивать, пока вы не примете моей любви; или пока не скажете мнѣ, положи руку на сердце, что никогда не можете полюбить меня.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу у васъ позволенія уйти.

Она остановилась, между тѣмъ какъ онъ тревожно расхаживалъ по комнатѣ.

— Лордъ Лофтонъ, прибавила она,—если вы меня оставите теперь, я вамъ обещаю забыть ваши неосторожныя слова, какъ будто бы вы никогда не произносили ихъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, кто ихъ узнаеть. Чѣмъ скорѣе они стануть извѣстны всему свѣту, тѣмъ лучше для меня, если только....

— Подумайте о вашей матери, лордъ Лофтонъ.

— Она не можетъ найти дочери лучше и милѣе васъ. Когда моя мать узнаеть васъ, она васъ полюбитъ точно также какъ я. Люси скажите мнѣ хоть одно утѣшительное слово.

— Я не хочу сказать слова, которое могло бы повредить вашей будущности. Мнѣ невозможно быть вашею женою.

— Хотите ли вы этимъ сказать, что не можете любить меня?

— Вы не имѣете права допрашивать меня, проговорила она, слегка нахмуривъ брови, и, отвернувшись отъ него, сѣла на диванъ.

— Нѣтъ, кланусь Богомъ, я не удовольствуюсь такимъ отказомъ, пока вы не положите руку на сердце и не скажете прямо что не можете меня любить.

— Зачѣмъ вы такъ мучаете меня, лордъ Лофтонъ?

— Зачѣмъ! Затѣмъ, что отъ этого зависитъ все счастье моей жизни; затѣмъ что мнѣ нужно узнать всю истину. Я васъ полюбилъ отъ глубины сердца; я долженъ знать, можно ли мнѣ надѣяться на отвѣтъ.

Она опять поднялась съ дивана и прямо взглянула ему въ глаза.

— Лордъ Лофтонъ, проговорила она, — я не могу васъ любить.

И, съ этими словами, она положила руку на сердце.

— Такъ помоги мнѣ Богъ! Все кончено для меня. Прощайте Люси.

И онъ протянулъ ей руку.

— Прощайте, милордъ; не сердитесь на меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—И не прибавляя ни слова, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и поспѣшилъ домой. Не мудрено, если онъ въ этотъ самый вечеръ еказалъ матери, что Гризельда Грантли годится въ подруги его сестрѣ. Онъ же въ такой подругѣ не нуждался.

Когда онъ ушелъ и совершенно скрылся изъ виду, Люси твердымъ шагомъ направилась къ себѣ въ комнату, заперла за собою дверь и бросилась на кровать. Зачѣмъ—ахъ! зачѣмъ сказала она неправду! Можетъ ли что-нибудь извинить такую ложь?

Развѣ это не ложь? Развѣ она не чувствуетъ, что любить его всею душою?

Но его мать! Но насмѣшки свѣта, который сталъ бы говорить, что она опутала и завлекла безразсуднаго молодого лорда! Могла ли она это перенести? Какъ ни была сильна ея любовь, она не могла пересилить ея гордость, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

Но какъ ей простить себѣ эту неправду?

ГЛАВА XVII.

Страшно подумать, какимъ опасностямъ легкомысліе мистриссъ Грантли подвергло Гризельду, въ короткій промежутокъ времени, предшествовавшій прїѣзду леди Лофтонъ. Эта почтенная дама приходила въ ужасъ неописанный всякій разъ, какъ до нея доходили слухи изъ Лондона. Не достаточно того, что Гризельду повезли на балъ къ леди Гартльтопъ: *Morning Post* открыто возвѣщалъ, что красота ея была замѣчена всѣми на одномъ изъ знаменитыхъ вечеровъ миссъ Данстеблъ, и что она составляла лучшее украшеніе *soirée* въ гостинной мистриссъ Проуди.

Леди Лофтонъ собственно ничего не могла сказать дурнаго о миссъ Данстеблъ. Она знала, что миссъ Данстеблъ знакома со многими весьма почтенными дамами, что она даже очень дружна съ ея близкими сосѣдями Грешамами, извѣстными консерваторами. Но зато у ней были и другія, менѣе почтенныя знакомства. По правдѣ сказать, она была въ короткихъ отношеніяхъ со всѣми, отъ герцога Омнїума до вдовствующей леди Гудигафферъ, представлявшей въ своемъ лицѣ совокупность всѣхъ добродѣтелей по крайней мѣрѣ за всю послѣднюю четверть столѣтія. Она была одинаково любезна и съ праведными и съ грѣшными; чувствовала себѣ какъ дома въ Экзетеръ - Галлѣ и, по словамъ свѣта, способствовала къ назначенію многихъ епископовъ, изъ приверженцевъ прежней церкви; но посѣщала точно также часто одного страшнаго прелата въ среднихъ графствахъ, котораго сильно подозрѣвали въ преступномъ пристрастіи къ епитрахильмъ и вечернимъ, и въ недостаткѣ исто-протестантской ненависти къ изустной исповѣди и посту по пятницамъ. Леди Лофтонъ, твердая въ своихъ правилахъ не одобряла всего этого, и говаривала по поводу миссъ Данстеблъ, что не возможно служить и Богу и маммону вмѣстѣ.

Но противъ мистриссъ Проуди она была гораздо болѣе вооружена. Припоминая, какая жестокая вражда раздѣляла дома

Проуди и Грантли въ Барсетширѣ, въ какія непріязненные отношенія стали другъ къ другу епископъ и архидіаконъ даже въ дѣлахъ церковныхъ; принимая въ соображеніе, что вслѣдствіе этой непріязни вся епархія раздѣлилась на двѣ партіи, между которыми безпрестанно происходили столкновения, и что въ этой борьбѣ леди Лофтонъ постоянно держалась стороны Грантли, и употребляла въ ея пользу все свое вліяніе,—припоминая все это, леди Лофтонъ не могла не изумиться, услышавъ, что Гривельду повезли на вечеръ къ мистриссъ Проуди. «Еслибы посовѣтовалась съ самимъ архидіакономъ, думала она про себя, онъ бы никакъ этого не допустилъ.» Но тутъ она ошибалась. Архидіаконъ никогда не виѣшивался въ свѣтскіе выѣзды дочери.

Вообще говоря, мнѣ кажется, что мистриссъ Грантли лучше понимала свѣтъ чѣмъ леди Лофтонъ. Во глубинѣ своего сердца, она ненавидѣла мистриссъ Проуди, то-есть, ненавидѣла такую ненавистью, какую только можетъ позволить себѣ благовоспитанная женщина-христіанка. Мистриссъ Грантли, разумѣется, прощала ей всѣ ея обиды и не питала къ ней злобы, и желала ей добра въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, какъ всему остальному человечеству. Но подъ этою кротостью и снисходительностью таилось какое-то чувство непріязни, которое люди неосторожные въ своихъ выраженіяхъ могли бы назвать ненавистью. Это-то чувство проявлялось цѣлый годъ въ Барсетширѣ, въ глазахъ всѣхъ и cadaго. Но тѣмъ не менѣе, мистриссъ Грантли въ Лондонѣ ѣздилла на вечера мистриссъ Проуди.

Въ это время мистриссъ Проуди считала себя вовсе не изъ послѣднихъ епископскихъ жень. Она начала сезонъ въ новомъ домѣ на Глостеръ-Плестъ, въ которомъ пріемныя комнаты, по крайней мѣрѣ ей, казались вполнѣ удовлетворительными. Тутъ у нея была парадная гостиная весьма величественныхъ размѣровъ; вторая гостиная, также довольно величественная, но къ сожалѣнію лишившаяся одного изъ своихъ угловъ — отъ столкновения съ сосѣднимъ домомъ; потомъ третья—не то гостиная, не то каморка, — въ которой мистриссъ Проуди любила сидѣть, чтобы доказывать всему свѣту, что *есть* третья гостиная;—вообще прекрасная афилада, какъ сама мистриссъ Проуди не рѣдко говорила женамъ разныхъ священниковъ изъ Барсетшира.

— Да, конечно, мистриссъ Проуди, прекрасная афилада! обыкновенно отвѣчали жены барсетширскихъ священниковъ.

Нѣкоторое время, мистриссъ Проуди затруднялъ вопросъ, какими родомъ празднествъ или увеселеній она могла бы себя прославить. О балахъ и ужинахъ, конечно, не могло быть рѣчи

Она не воспрепятствовала дочерямъ своимъ танцовать въ чужихъ домахъ — модный свѣтъ того требовалъ, да и дѣвицы вѣроятно умѣли настоять на своемъ, — но танцы у себя въ домѣ, подъ самою сѣнью епископскаго стихаря, она считала грѣхомъ и соблазномъ. Что же касается до ужиновъ, самаго легкаго способа собрать у себя многочисленное общество, то они обходятся страшно дорого.

— Неужели мы отправляемся къ своимъ друзьямъ и хорошимъ знакомымъ для того только, чтобы ѣсть и пить? говаривала мистриссъ Проуди супругамъ барсетширскыхъ насторковъ: — это избобляло бы такія чувственныя наклонности!

— Конечно, мистриссъ Проуди; это такъ вульгарно! отвѣчала эти дамы.

Но старшія изъ нихъ внутренно припоминали радушное гостепримство въ барсетширскомъ епископскомъ дворцѣ въ добрыя времена епископа Грантли — упокой Богъ его душу! И жена какого-то стараго викарія возразила съ большею откровенностью:

— Да, когда мы голодны, мистриссъ Проуди, у всѣхъ насъ такія чувственныя наклонности.

— Гораздо лучше, мистриссъ Атгилль, удовлетворять ихъ у себя дома, быстро отвѣчала мистриссъ Проуди.

Признаюсь, я не могу согласиться съ ея мнѣніемъ.

Но такъ-называемыя *conversations* не даютъ разыгратъ чувственнымъ наклонностямъ, и не увлекаютъ хозяевъ въ издержки, необходимыя для удовлетворенія чувственныхъ наклонностей. Конечно, мистриссъ Проуди сознавала, что названіе это не совсѣмъ новое, не совсѣмъ модное, даже отзвучающее отчасти *симмимъ чулкомъ*. Но въ немъ былъ какой-то оттенокъ спиритуализма, и, прибавимъ въ скобкахъ, *экономіи*, который сильно нравился ей.

Ея планъ состоялъ въ томъ, чтобы заставить людей разговаривать, если только они на это способны, или просто украшать собраніе своимъ присутствіемъ, если ужъ другаго отъ нихъ не добьешься; усаживать на диваны и въ кресла столько гостей, сколько допускало убранство ея величественной анфилады, не забывая двухъ стульевъ и обитой скамьи въ послѣдней, любимой ея комнаткѣ, а всѣмъ прочимъ предоставлять право стоять на собственныхъ ногахъ, или *группироваться*, какъ выражалась она. Потомъ четыре раза, въ продолженіи вечера, предполагалось разносить чай и пирожки на подчосахъ. Удивительно, какъ мало такимъ образомъ уничтожается пирожковъ, особенно если ихъ подать довольно скоро послѣ обѣда. Мужчины не ѣдятъ ихъ, а дамы, не имѣя передъ собой ни стола, ни тарелокъ, также принуждены отказаться. Мистриссъ Джонсъ знаетъ, что ей

невозможно держать въ рукахъ разсыпчатый кусокъ пирога, не подвергая своего лучшаго платья серіозной опасности. Когда мистриссъ Проуди, повѣривъ свои счетныя книги, пересматривала расходъ на свои вечера, она чувствовала въ душѣ, что точно благоую часть избрала.

Вечера съ чаемъ—выдумка не дурная, особливо если вы отбѣдаете пораньше, а потомъ васъ усадятъ вокругъ большаго стола съ самоваромъ посерединѣ. Позволю себѣ только замѣтить, что для мужчинъ не худо подавать большія чашки. При такихъ условіяхъ, и особливо съ приятными сосѣдомъ или сосѣдкой, распиваніе чая можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ препровожденій времени на званыхъ вечерахъ. Но я терпѣть не могу, когда чашки разносятся, развѣ только чай является пустымъ «форменнымъ» прибавленіемъ къ сытному обѣду.

Вообще этотъ обычай разносить, распространившись между нами, маленькими джентльменами, получающими какихъ нибудь фунтовъ восемьсотъ доходу, сталъ презловреднымъ и препозлымъ обычаемъ,—вдвойнѣ невыносимый, и какъ разрушеніе нашихъ единственныхъ удобствъ, и какъ пошлое обезьянничанье юдей съ огромными доходами. Герцогъ Омнիумъ и леди Гартлтопъ очень хорошо дѣлаютъ, что велѣть все разносить у себя за столомъ. Нѣкоторые мои пріатели, которымъ случается обѣдать въ этихъ домахъ, говорили мнѣ, что стаканы ихъ наполняются лишь только они успѣютъ ихъ осушить, что ростбифъ разносится съ немовѣрною быстротою, и вслѣдъ за нимъ безъ малѣйшаго промежутка подается картофель. Чего же лучше? Нѣтъ сомнѣнія, что эти звѣзды первой величины умѣютъ все устроить у себя какъ нельзя удобнѣе. Но мы, народъ о восьми стахъ фунтовъ доходу, не можемъ за ними тянуться. Или не извѣстно, что на нашихъ званыхъ обѣдахъ вся прислуга обыкновенно состоитъ изъ какой нибудь златовласой Филлиды да изъ сосѣдняго лавочника? А Филлида, несмотря на свое усердіе, и лавочникъ несмотря на свою расторопность, не успѣваютъ предупредить желанія двѣнадцати человекъ гостей, котрымъ какой-то мидо-персидскій законъ воспрещаетъ самимъ о себѣ позаботиться. Естественное, но грустное отсюда послѣдствіе то, что мы, люди о восьми стахъ фунтовъ, обѣдая другъ у друга, часто возвращаемся домой голодными. Филлида съ картофелемъ доходитъ до насъ уже тогда, когда баранина съедена или остыла такъ, что ее одолѣть невозможно; а нашъ Ганимедъ, зеленщикъ, хотя мы неволью любуемся его искусно завязаннымъ галстукомъ и безукоризненно бѣлыми перчатками, не успѣваетъ снабжать насъ хересомъ.

На дняхъ, за обѣдомъ, я сидѣлъ противъ дамы, которая очевид-

но нуждалась въ глоточкѣ крѣпительнаго напитка, но всѣмъ вѣроятіямъ необходимомъ для ея пищеваренія. Я рѣшился предложить ей, съ почтительнымъ поклономъ, выпить со мною вина. Но она только посмотрѣла на меня изумленнымъ взглядомъ; еслибъ я предложилъ ей пуститься со мной въ дикую индѣйскую пляску, въ чисто-индѣйскомъ костюмѣ—на ея лицѣ не могло бы выразиться больше недоумѣнія. А между тѣмъ она должна была бы помнить время, когда честнымъ христіанамъ и христіанкамъ дозволено было вмѣстѣ пить вино.

Да, прошло доброе времечко, когда я могъ кивнуть своему пріятелю каждый разъ какъ мнѣ хотѣлось осушить стаканъ, и могъ протянуть руку черезъ столъ каждый разъ, какъ мнѣ нуженъ былъ горячій картофель.

Мнѣ кажется, въ дѣлѣ гостепрѣимства можно бы положить общимъ правиломъ, что всякая необычная роскошь, которую мы себѣ позволяемъ, когда у насъ гости, должна быть рассчитана для блага этихъ гостей, а не для собственныхъ нашихъ выгодъ. Если, напримѣръ, мы подаемъ свой обѣдъ не такъ какъ у насъ водится побуднямъ, мы должны имѣть въ виду доставить черезъ это больше удобства и удовольствія нашимъ друзьямъ и знакомымъ. Но совершенно непозволительно всякое нововведеніе, изобрѣтенное въ ущербъ гостямъ, съ тѣмъ только чтобы доказать свою фашенабельность. Такъ, если я украшаю свой столъ и буфетъ, желая порадовать взглядъ гостей красивымъ и изящнымъ убранствомъ, я поступаю сообразно всѣмъ правиламъ истиннаго гостепрѣимства; но если моя цѣль уморить отъ зависти мистриссъ Джонсъ великолѣпіемъ моего серебра, то нельзя не согласиться, что я тутъ выказываю себя очень непорядочнымъ человѣкомъ. Многіе пожалуй допустятъ это вообще; но еслибы мы это самое правило постоянно имѣли на умѣ, еслибы мы стали прилагать его ко всѣмъ частнымъ случаямъ, но мы, люди о восьми стахъ фунтовъ, конечно нашли бы лучший способъ угощать своихъ друзей чѣмъ какое бы то ни было переставленіе блюдъ и посуды.

Намъ, кому такъ хорошо извѣстны условія лондоно-грантійскаго трактата, торжественно заключеннаго обѣими матерями, конечно трудно предположить, чтобы мистриссъ Грантли повезла дочь къ мистриссъ Проуди именно потому, что она тамъ должна была встрѣтиться съ лордомъ Домбелло. Съ другой стороны извѣстно, что высокія особы часто позволяютъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ заключеннаго договора, отступленія, которыя лица низшаго разряда почли бы не совсѣмъ согласными съ правилами чести; втакъ, почему не допустить возможность,

что супруга архидиакона не прочь была обезпечить себя на всякій случай?

Какъ бы то ни было, лордъ Домбелло присутствовалъ на *con-versatione* мистриссъ Прюди; случилось такъ, что Гризельда сѣла въ углу дивана, подлѣ котораго находилось пустое мѣсто, гдѣ молодой лордъ могъ *группироваться* по выраженію ховяйки.

Лордъ Домбелло, точно, занялъ вскорѣ это мѣсто.

— Славная погода, сказалъ онъ, опираясь на спинку дивана.

— Мы поутру ѣздили кататься, и намъ показалось довольно холодно, возразила Гризельда.

— Да, очень холодно, сказалъ лордъ Домбелло, поправляя свой бѣлый галстукъ и покручивая усы.

Послѣ этого, ни онъ, ни Гризельда не старались уже поддерживать разговоръ. Но онъ продолжалъ *группироваться*, какъ подобаеъ маркизу, къ неизъяснимому удовольствію мистриссъ Прюди.

— Какъ мило съ вашей стороны, лордъ Домбелло, сказала она, подходя къ нему и радушно пожимая ему руку, — какъ мило, что вы не пренебрегли моимъ скромнымъ вечеркомъ!

— Да я съ большимъ удовольствіемъ... проговорилъ маркизъ, — я, признаться, охотникъ до такихъ вечеровъ; знаете, такъ безъ всякихъ хлопотъ...

— Да, именно, въ этомъ-то ихъ прелесть; не правда ли? Такъ запросто, безъ хлопотъ, безъ пустыхъ притязаній. Я это всегда говорила. По моимъ понятіямъ, общество должно имѣть своею цѣлію способствовать обмѣну мыслей...

— Ну, да, конечно.

— А не для того, чтобъ ѣсть и пить вмѣстѣ, не такъ ли, лордъ Домбелло? А между тѣмъ опытъ едва ли не доказываетъ намъ, что удовлетвореніе этихъ грубыхъ, матеріальныхъ потребностей уже бываетъ достаточно для того, чтобы соединить общество.

— Я однако не прочь отъ хорошаго обѣда, замѣтилъ лордъ Домбелло.

— О, разумѣется, разумѣется! Я вовсе не изъ тѣхъ, которые встаютъ противъ удовлетворенія невинныхъ вкусовъ. Вещи пріятныя и созданы для того, чтобы мы наслаждались ими.

— Чтобъ умѣть угостить истинно-хорошимъ обѣдомъ, надобно кое-чему поучиться, проговорилъ лордъ Домбелло съ необычайнымъ оживленіемъ.

— Многому поучиться. Это своего рода искусство, и этого искусства я отнюдь не презираю. Но мы не можемъ ѣсть постоянно, не такъ ли?

— Не можемъ, подтвердилъ лордъ Домбелло, какъ бы сожалѣя о несовершенствѣ человѣческой природы.

Потомъ мистриссъ Проуди подошла къ мистриссъ Грантли. Обѣ дамы очень дружественно встрѣчались въ Лондонѣ, несмотря на междуусобную вражду, раздѣлявшую ихъ въ родномъ графствѣ. Однако опытный глазъ могъ бы удостовѣриться по манерамъ мистриссъ Проуди, что она знаетъ равницу между епископомъ и архидиакономъ.

— Я такъ рада васъ видѣть, сказала она.— Не безпокойтесь прошу васъ, я не могу сѣсть. Но отчего же не прѣхалъ архидиаконъ?

— Не могъ, право, не могъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Лондонѣ, онъ ни минуты не имѣетъ свободной.

— Вы не долго остаетесь здѣсь?

— Гораздо долѣе чѣмъ мы желали бы; могу васъ увѣрить, лондонская жизнь для меня совершенно невыносима.

— Что жъ дѣлать! Люди въ извѣстномъ положеніи должны покориться этому условію, сказала мистриссъ Проуди. — Вотъ, напримѣръ, епископъ, долженъ засѣдать въ парламентѣ.

— Да? протянула мистриссъ Грантли, какъ будто бы ей въ первый разъ приходилось слышать про эту архипастырскую обязанность.— Я очень рада, что отъ архидиакона это не требуется.

— О нѣтъ, конечно, серьезно возразила мистриссъ Проуди.— Какъ мила сегодня миссъ Грантли! Говорятъ, она имѣетъ успѣхъ въ свѣтѣ.

Конечно, эта послѣдняя фраза была довольно жестока для слуха матери. Весь свѣтъ призналъ Гривельду первою красавицей текущаго сезона; сама мистриссъ Грантли привыкла къ этой мысли. Маркизы и всякіе лорды оспаривали другъ у друга каждый ея взглядъ, каждую улыбку; въ газетахъ встрѣчались намеки на великолѣпный ея профиль. И вотъ, послѣ всего этого, ей говорятъ снисходительнымъ тономъ, что ея дочь, кажется, имѣетъ успѣхъ въ свѣтѣ! Такъ можно было бы выразиться про первое пошленькое смазливое личико!

— Ее конечно нельзя сравнивать въ этомъ отношеніи съ вашими дочерьми, спокойнымъ тономъ проговорила мистриссъ Грантли. Дѣло въ томъ, что ни одна изъ миссъ Проуди не славилась въ свѣтѣ своею красотой. Мать, конечно, поняла насмѣшку; но въ настоящую минуту она не захотѣла вступать въ открытую борьбу. Она только запомнила слова своей себе-сѣдницы, съ намѣреніемъ отплатить за нихъ съ избыткомъ по

возвращеніи въ Барчестеръ. Она никогда не забывала этого рода долговъ.

— А! вотъ, кажется, мистриссъ Данстеблъ! сказала миссъ Проуди, и направилась навстрѣчу къ дорогой гостьѣ.

— Такъ вотъ что называется *conversazione*? воскликнула миссъ Данстеблъ, своимъ обычнымъ несдержаннымъ голосомъ.— Это то, что называется бесѣдой, не правда ли, мистриссъ Проуди?

— Ха, ха, ха! миссъ Данстеблъ. Вы неподобны.

— Ну, конечно бесѣда! Да еще чай съ пирожнымъ? А когда мы устанемъ разговаривать, мы разѣдемся по домамъ, не такъ ли?

— Но вы не должны уставать скоро; я на васъ разчитываю по крайней мѣрѣ часа на три.

— О, я никогда не устаю разговаривать, это знаютъ всѣ. Какъ вы поживаете, епископъ? Вѣдь это *conversazione* отличная выдумка, не правда ли?

Епископъ улыбнулся, погиряя руки, и сказалъ, что точно, это приятное препровожденіе времени.

— Мистриссъ Проуди такъ отлично все умѣетъ устроить, сказала миссъ Данстеблъ.

— Да, да, сказалъ епископъ,—она умѣетъ принимать; по крайней мѣрѣ я надѣюсь. Но вы, миссъ Данстеблъ, вы, конечно, привыкли къ такому великолѣпію...

— Я! Помилуйте! Да я не навяжу всякое великолѣпіе! Я, конечно, должна жить какъ живутъ другіе. Я должна жить въ большомъ домѣ, должна держать трехъ лакеевъ, ростомъ въ косую сажень; я должна имѣть кучера съ огромнымъ парикомъ, и лошадей такихъ крупныхъ, что мнѣ страшно на нихъ ѣздить. Еслибъ я не слѣдовала общему обычаю, меня бы объявили сумашедшею и взяли бы подъ опеку. Впрочемъ, я врагъ всякой роскоши. Я сама хочу завести у себя *conversazione*. Надѣюсь, что мистриссъ Проуди не оставитъ меня своимъ со-вѣтами.

Епископъ опять сталъ погирать себѣ руки, и сказалъ, что жена его, конечно, почтетъ за честь, и т. д. Ему всегда бывало неловко съ миссъ Данстеблъ; онъ никогда не умѣлъ рѣшить, говорить ли она серьезно, или только шутить. Онъ отошелъ прочь, пробормотавъ какое-то извиненіе, а миссъ Данстеблъ внутренно смѣялась надъ его очевиднымъ замѣшательствомъ. Миссъ Данстеблъ была по природѣ добра, откровенна, великодушна; но она попала въ кругъ людей, совершенно не стоящихъ доброты, откровенности, великодушія, совершенно неспособныхъ ихъ оцѣнить. Она вмѣстѣ съ тѣмъ была умна, могла язвительно сострить

при случаѣ; вскорѣ она убѣдилась, что въ свѣтъ эти свойства важнѣе чѣмъ доброе сердце и прамодушіе. Такимъ образомъ, проходила ея жизнь, мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ; она не развивала, какъ могла бы, своихъ хорошихъ сторонъ, но въ глубинѣ ея души сохранялась теплая привязанность къ тѣмъ, кто точно стоялъ ея любви. И она сознавала внутренно, что не такую ведетъ жизнь, какую бы слѣдовало, что богатство, о которомъ она говорила съ такимъ презрѣніемъ, имѣетъ однако пагубное вліяніе, что оно заѣдаетъ ея здравый характеръ, не роскошью своею, а пустотою свѣтской жизни. Она чувствовала, что мало-по-малу она дѣлается дерзка, наситлива, заносчива; но чувствуя все это, и упрекая себя, она все-таки не имѣла силы измѣнить строй своей жизни.

Она тамъ заглядѣлась на черныя стороны человѣческой природы, что ихъ чернота наконецъ перестала поражать ее. Столько разворонныхъ негодаевъ добивались ея руки, столько разъ она встрѣчалась лицомъ къ лицу съ обманомъ и своекорыстіемъ, что перестала этимъ огорчаться, перестала на это негодовать. Она рѣшилась жить по своему, и по своему защищаться, надѣясь на свою твердую волю и на свой мѣткій умъ.

Было у нея нѣсколько друзей, которыхъ она любила искренно, передъ которыми она не боялась обнаруживать лучшія, сокровенныя стороны своей души. Съ ними она дѣлалась другою женщиной, вовсе не похожею на ту миссъ Данстеблъ, за которою такъ ухаживала мистриссъ Проуди, съ которою любезничалъ герцогъ Омніумъ, которую мистриссъ Гарольдъ Смитъ называла лучшимъ своимъ другомъ. Чтобы ей, между этими немногими избранными, встрѣтить одного истиннаго друга, готоваго раздѣлять съ ней и горе, и радость, готоваго ей помогать нести тяжелое, жизненное бремя! Но гдѣ же ей найти такого друга? Ей, съ ея ѣдкимъ умомъ, ея огромнымъ богатствомъ, ея громкимъ, рѣзкимъ голосомъ? Все въ ней должно было привлекать тѣхъ, къ которымъ она дорожить не могла; все должно было удалять отъ нея такого рода друга, съ которыми она бы согласилась на вѣки соединить свою судьбу.

Ей попалась на встрѣчу мистриссъ Гарольдъ Смитъ, которая заѣхала къ мистриссъ Проуди на четверть часа между прочими выѣздами, назначенными на этотъ вечеръ.

— Такъ васъ можно поздравить? радостно спросила миссъ Данстеблъ у своей пріятельницы.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, не поздравляйте; не то, по всѣмъ вѣроятіямъ, вамъ придется взять назадъ свои поздравленія, а это будетъ черезчуръ обидно.

— Но мнѣ говорили, что лордъ Брокъ вчера за нимъ посылалъ.

Лордъ Брокъ былъ въ то время первымъ министромъ.

— Точно, и Гарольдъ былъ у него нѣсколько разъ въ теченіи дня. Да онъ не умѣетъ закрыть глаза и растворить ротъ, дожидаясь чего Богъ пошлетъ, какъ слѣдуетъ благоразумному человеку. Онъ все хочетъ торговаться, а это, конечно, не можетъ понравиться никакому первому министру.

— Ну, не желала бы я быть въ его кожѣ, если ему придется вернуться домой и объявить, что дѣло разошлось!

— Ха! ха! ха! Конечно, я тутъ способна погорячиться. Да что жъ можемъ мы сдѣлать, мы, бѣдныя женщины? Если дѣло сладится, я вамъ непременно дамъ знать, душа моя.

Потомъ, мистриссъ Гарольдъ Смитъ, обойдя всѣ комнаты, велѣла подавать свою карету и поѣхала въ другое мѣсто.

— Какой прекрасный профиль! нѣсколько времени спустя говорила миссъ Данстеблъ хозяйкѣ дома.

Само собою разумѣется, что рѣчь шла о профилѣ миссъ Грантли.

— Да, прекрасныя черты, отвѣчала мистриссъ Проуди, — жаль только, что онѣ ровно ничего не выражаютъ.

— Но мужчины, кажется, находятъ въ нихъ достаточно выраженія.

— Трудно повѣрить. Въдъ она рѣшительно двухъ словъ не умѣетъ сказать. Вотъ уже цѣлый часъ сидитъ она рядомъ съ лордомъ Домбелло, и едва-едва раскрываетъ ротъ.

— Но, признайтесь, любезная мистриссъ Проуди, кто же въ состояніи разговориться съ лордомъ Домбелло?

Мистриссъ Проуди была убѣждена, что ея дочь Оливія отлично умѣла бы съ нимъ разговориться, еслибы только имѣла къ тому случай, но Оливія, конечно, дѣвушка отлично образованная.

Въ то время какъ обѣ дамы смотрѣли издали на молодую чету, лордъ Домбелло опять заговорилъ.

— Кажется, теперь можно ухвать, сказалъ онъ, обращаясь къ Гризельдѣ.

— Вы вѣрно приглашены еще куда-нибудь, сказала она.

— Да, именно, я думаю отправиться къ леди Клентельброксъ.

И онъ уѣхалъ. Этими и ограничился его разговоръ съ миссъ Грантли; но свѣтъ, увидя ихъ вмѣстѣ, рѣшилъ, что такое явное ухаживаніе должно повести къ какимъ-нибудь послѣдствіямъ; и мистриссъ Грантли, возвращаясь домой, задала себѣ вопросъ, благоразумно ли будетъ съ ея стороны пренебрегать такую блестящею партіей какъ глава именитой фамиліи Гартльтопъ? Осторожная маменька ни слова еще не проронила дочкѣ объ

этомъ предметѣ, но, не мудрено, что обстоятельства вскорѣ заставятъ ее переговорить съ ней объ этомъ.

Конечно, леди Лоттонъ пишетъ, что она намѣрена немедленно переѣхать въ Лондонъ, но что въ этомъ толку, если лордъ Лоттонъ не будетъ жить въ Брутонъ-Стритѣ?

ГЛАВА XVIII.

Около этого времени, передъ самымъ отъѣздомъ леди Лоттонъ, изъ Фремлея въ Лондонъ, Маркъ Робартсъ получилъ письмо, приглашавшее его также посѣтить столицу на нѣсколько дней, не для развлечения, а по важному дѣлу. Письмо это было отъ его неутомимаго друга, Соверби. «Любезный Робартсъ», гласило оно:

«Я только что узналъ о смерти бѣдняжки Борслема, барсет-ширскаго бенефицианта. Вы знаете, всё мы люди смертные; вѣроятно вамъ не разъ приходилось повторять это вашимъ фремлейскимъ прихожанамъ. Мѣсто въ капитулѣ должно быть занято, и почему бы самъ не получать его? Мѣсто хорошее, 600 фунтовъ въ годъ и домъ. Борслемъ получалъ фунтовъ до девяти сотъ, но теперь не тѣ времена. Не знаю также, дозволятъ ли, при теперешнихъ преобразованіяхъ, отдавать домъ внаймы. Прежде это допускали: я самъ помню, что мистриссъ Уиггинсъ, вдова фабриканта сальныхъ свѣчъ, проживала въ Стангоповскомъ домѣ.

«Гарольдъ Смитъ только что назначенъ лордомъ *малой сумки*¹, и я полагаю, что въ настоящую минуту ему стоитъ только слово сказать, чтобъ уладить все дѣло. Мнѣ онъ почти не можетъ отказать, и я съ нимъ поговорю, если вамъ угодно. Лучше всего пріѣхать вамъ самому; но отвѣчайте мнѣ «да» или *нѣтъ* по телеграфу.

«Если вы отвѣтите да, какъ я и надѣюсь, то постарайтесь пріѣхать сами. Меня вы найдете въ гостиницѣ «Путешественникъ» или въ парламентѣ. Мѣсто совершенно по васъ—хлопотъ вамъ не причинитъ никакихъ, а улучшить ваше положеніе, поможетъ вамъ сводить концы съ концами. Преданный вамъ Н. Соверби.

¹ *Petty Bag office*. Этимъ курioзнымъ титуломъ означается маленькое третестепенное присутственное мѣсто, въ вѣдомствѣ лорда-канцлера,—остатокъ давней старины. Судебные приказы, касавшіеся казны, складывались въ *сумку*, тогда какъ приказы, касавшіеся частныхъ лицъ, хранились въ плетенкѣ: отсюда канцелярія *малой сумки*. Никакой правительственный департаментъ не обозначается этимъ именемъ, и авторъ выбралъ его въ видахъ комическаго эффекта для обозначенія министерскаго мѣста мистера Гарольда Смита.

«Странное дѣло, я сейчасъ узналъ, что вашъ братъ будетъ служить частнымъ секретаремъ у новаго министра. Говорятъ, главная его должность будетъ состоять въ томъ, чтобы приказывать лакеямъ подавать карету моей сестрѣ. Я видѣлъ Гарольда только разъ послѣ того, какъ онъ принялъ свою должность; но сестра говоритъ, что онъ съ тѣхъ поръ выросъ на нѣсколько вершковъ.»

Безъ сомнѣнія, это было очень мило со стороны мистера Соверби; онъ повидимому сознавалъ, что обязанъ чѣмъ-нибудь вознаградить своего пріятеля за причиненное ему зло. Имъ точно руководило хорошее чувство. Трудно себѣ представить существо болѣе вѣтреное и безалаберное чѣмъ мистеръ Соверби. Онъ былъ способенъ разорвать своихъ друзей безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, точно также какъ онъ разорвалъ себя; все для него годилось, что только попадало ему подъ руку, но при всемъ томъ, онъ былъ человѣкъ добродушный; онъ готовъ былъ все поставить вверхъ дномъ, чтобы при случаѣ услужить пріятелю.

Онъ точно любилъ Марка Робартса, на сколько былъ способенъ любить кого бы то ни было изъ своихъ друзей. Онъ сознавалъ, что виноватъ передъ нимъ, и можетъ-быть предвидѣлъ, что со временемъ еще усугубитъ эту вину; онъ, конечно, не задумался бы это сдѣлать, еслибы того потребовали его собственныя выгоды. Но съ другой стороны, еслибы ему представилась возможность чѣмъ-нибудь отплатить пріятелю, онъ бы съ радостію за нее ухватился. Теперь именно насталъ такой случай, и онъ упросилъ сестру, не давать покоя новому администратору, пока онъ не дастъ обѣщанія употребить все свое вліаніе въ пользу Марка Робартса.

Маркъ тотчасъ же показалъ женѣ письмо Соверби. Какое счастье подумалъ онъ про себя, что въ немъ ни слова не говорится объ этихъ проклятыхъ дѣлахъ! Еслибы онъ лучше постигъ характеръ Соверби, онъ убѣдился бы, что этотъ почтенный джентльменъ никогда не упоминалъ о денежныхъ дѣлахъ безъ положительной необходимости.

— Я знаю, что тебѣ не нравится Соверби, сказалъ Маркъ, — но признайся, что это очень мило съ его стороны.

— Мнѣ не нравится не онъ, а то что я слышу объ немъ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать, Фанни? Почему бы въ самомъ дѣлѣ не принять мнѣ этого мѣста?

— Оно не помѣшало бы тебѣ заниматься своимъ приходомъ? спросила она.

— Нисколько; разстояніе такое незначительное. Я думалъ о томъ, чтобы распрощаться съ старикомъ Джонсомъ; но если я получу это мѣсто, мнѣ конечно нуженъ будетъ курагъ.

Жена не имѣла духу отговаривать отъ предлагаемаго мѣста, да и какъ я жена викарія рѣшилась бы подать мужу такого рода совѣтъ? Но въ душѣ она была не совсѣмъ спокойна. Она не довѣряла чальдикотскому злодѣю, даже когда онъ являлся съ такимъ богатымъ даромъ въ рукахъ. И что скажетъ леди Лофтонъ?

— Такъ ты думаешь, что тебѣ придется съѣздить въ Лондонъ, Маркъ?

— О, конечно! то-есть, если я рѣшусь воспользоваться содѣйствіемъ Гарольда Смита.

— Придется мнѣ воспользоваться, сказала Фанни, чувствуя можетъ-быть, что было бы напрасно надѣяться, что ея мужъ откажется отъ могучей протекціи.

— Мѣста въ капитулѣ, Фанни, не долго остаются свободными; они не ждутъ желающихъ. Какъ мнѣ оправдать себя передъ дѣтьми, если я откажусь отъ такого значительнаго прибавленія къ моимъ доходамъ?

И такимъ образомъ было рѣшено, что онъ немедленно поѣдетъ въ Сильвербриджъ и будетъ отвѣчать мистеру Соверби по телеграфу, а на другой же день самъ отправится въ Лондонъ.

— Но ты сперва долженъ поговорить съ леди Лофтонъ, сказала Фанни.

Маркъ охотно избѣгъ бы этого объясненія, еслибы могъ сдѣлать это приличнымъ образомъ; но онъ самъ чувствовать, что ухъать, не сказавъ ни слова леди Лофтонъ, будетъ и странно, и неблагоразумно. Да почему же ему и бояться признаться ей, что онъ надѣется получить мѣсто отъ настоящаго правительства? Что дурнаго сдѣлаться барчерстерскимъ бенефициантомъ? Сама леди Лофтонъ была чрезвычайно любезна со всеми членами капитула, особливо съ докторомъ Борслемомъ, худенькимъ человѣчкомъ, недавно заплатившимъ долгъ природѣ. Она всегда питала большое уваженіе къ капитулу, и первую причину ея недовольства епископомъ Проуди было то, что онъ позволялъ себѣ, или лучше сказать, позволялъ своей женѣ и своему капелану вмѣшиваться въ дѣла соборнаго духовенства. Разсудивъ все это, Маркъ Робартсъ старался утѣрить самого себя, что леди Лофтонъ искренно порадуется за него. Однако онъ не могъ вполнѣ убѣдить себя въ этомъ. Она, во всякомъ случаѣ, съ негодованіемъ отвергла бы дары чальдикотскаго злодѣя.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила она, когда викарій, нѣсколько затрудняясь, объяснилъ ей всѣ подробности сдѣланнаго ему предложенія.—Поздравляю васъ, мистеръ Робартсъ, съ вашимъ новымъ, могучимъ покровителемъ.

— Вы конечно согласитесь, леди Лофтонъ, это мѣсто такого рода, что я могу занимать его, не отвлекаясь нисколько отъ своихъ приходскихъ обязанностей, возразилъ онъ, рѣшась пропустить безъ вниманія намекъ на его друзей.

— Надѣюсь, что такъ. Конечно, вы еще такъ молоды, мистеръ Робертъ, а такія мѣста обыкновенно достаются уже пожилымъ, заслуженнымъ священникамъ...

— Вы однако не полагаете, что мнѣ слѣдовало бы отъ него отказаться?

— Мнѣ трудно сказать такъ, сразу, что бы я вамъ посоветовала, еслибы вы точно обратились ко мнѣ за совѣтомъ. Но вы, кажется, сами рѣшили этотъ вопросъ, такъ что мнѣ нѣтъ надобности обдумывать его. Какъ бы то ни было, желаю вамъ всякаго счастья и надѣюсь, что переменна послужитъ къ вашему благу, во всѣхъ отношеніяхъ.

— Вы знаете, леди Лофтонъ, что я мѣста еще не получилъ.

— Какъ? Я думала, что вамъ его предложили; вы, кажется, говорили, что новый министръ можетъ имъ располагать.

— О, нѣтъ! Я не знаю рѣшительно, на сколько простирается тутъ его вліяніе. Но мой корреспондентъ увѣряетъ...

— То-есть, мистеръ Соверби: зачѣмъ вы не хотите назвать его по имени?

— Мистеръ Соверби увѣряетъ, что мистеръ Смитъ согласится похлопотать обо мнѣ, и полагаетъ, что ему удастся это устроить.

— Безъ сомнѣнія! Мистеръ Соверби вмѣстѣ съ мистеромъ Гарольдомъ Смитомъ все могутъ устроить. Такіе именно люди и успѣваютъ въ наше время. Итакъ, поздравляю васъ, мистеръ Робертъ.

И она протянула ему руку въ доказательство своей искренности.

Маркъ пожалъ эту руку, но рѣшился ничего болѣе не говорить при теперешнемъ свиданіи. Онъ очень хорошо видѣлъ, что леди Лофтонъ не такъ радушна съ нимъ, какъ бывала прежде, и намѣренъ былъ рано или поздно объясниться съ нею на этотъ счетъ. Онъ хотѣлъ спросить у нея, почему она почти всегда встрѣчаетъ его насмѣшками, почему она такъ рѣдко пріѣтствуетъ его прежнею, добродушно-ласковою улыбкой, которую онъ такъ хорошо зналъ и такъ умѣлъ цѣнить. Онъ не сомнѣвался въ ея прямотѣ и откровенности. Онъ былъ увѣренъ, что она на его вопросъ будетъ отвѣчать безъ обиняковъ; онъ зналъ также, что если она помирится съ нимъ, то помирится отъ души. Но теперь онъ не могъ потребовать такого объясненія. Не далѣе какъ дня за два передъ тѣмъ, у него былъ мистеръ Кролей, и по всѣмъ вѣроятіямъ, его подослала леди

Лофтонъ. У него самого въ настоящую минуту не довольно чиста была совѣсть, чтобы рѣшиться на упреки другимъ. Когда ему удастся очистить ее, тогда онъ объяснится.

— Хотѣлось бы вамъ провести часть зимы въ Барчестерѣ? спросилъ Маркъ, въ этотъ же вечеръ, у жены и сестры.

— Слишкомъ много хлопотъ съ двумя дамами, отвѣчала жена, — намъ и здѣсь хорошо!

— Я всегда любила соборные города, замѣтила Люси, особенно внутри ограды.

— А въ Барчестерской оградѣ всѣ почти дома принадлежатъ капитулу, сказалъ Маркъ.

— Но если мы должны будемъ жить на два дома, всѣ доходи съ новаго мѣста уйдутъ незамѣтно, сказала благоразумная Фанни.

— Самое лучшее было бы отдавать домъ вънаймы на лето, сказала Люси.

— Но мое присутствіе необходимо во время засѣданій, и признаться, мнѣ было бы грустно оставлять Фремлей на цѣлую зиму; я бы ужъ никогда не видался съ Лофтономъ.

И онъ невольно вспомнилъ объ охотѣ, но тотчасъ же подумалъ опять объ очищеніи своей совѣсти.

— А я бы очень охотно уѣхала отсюда на зиму, сказала Люси, припоминая все, чѣмъ ознаменовалась для нея прошедшая зима.

— Но гдѣ же намъ взять денегъ, чтобъ убрать какой-нибудь изъ этихъ большихъ, старинныхъ домовъ? Прошу тебя, Маркъ, обдумай все хорошенько.

И Фанни ласково положила руку на плечо мужа. На этомъ и остановился разговоръ, и на другой же день Маркъ уѣхалъ въ Лондонъ.

Наконецъ увѣнчалось успѣхомъ примѣрное терпѣніе, съ которымъ Гарольдъ Смитъ въ продолженіи десяти лѣтъ выдерживалъ всѣ бури политической жизни. Бывшій лордъ мелочей вышелъ въ отставку въ припадкѣ досады, не будучи въ состояніи согласиться съ первымъ министромъ насчетъ индійской реформы, а на мѣсто его, послѣ нѣкоторыхъ передрагъ, поступилъ Гарольдъ Смитъ.

Говорили, будто бы мистеръ Гарольдъ Смитъ не совсѣмъ такой человекъ, какого бы могъ пожелать первый министръ, но первый министръ отчасти былъ связанъ обстоятельствами. Последнее важное назначеніе, сдѣланное имъ, было страшно не популярно до того даже, что онъ самъ, несмотря на несомнѣвную свою популярность, подвергся всеобщему порицанію Газета Юли-теръ спрашивала съ язвительною ироніей, неужели, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, пороки всякаго рода открываютъ доступъ въ ка-

бинегъ? Члены оппозиціи въ обѣихъ палатахъ, вооруженные безукоризненною нравственностью, гремяли противъ испорченности вѣка, съ добродѣтельнымъ негодованіемъ новыхъ Ювеналовъ; даже собственные друзья министра оплакивали его ошибку. При такихъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился на этотъ разъ выбрать человѣка, не возбуждающаго особенной вражды ни въ одной партіи.

Гарольдъ же Смитъ покуда еще не развелся съ женою; дѣла его покуда были не черезчуръ запутаны. Онъ не держалъ скаковыхъ лошадей; до лорда Брока даже дошло, что онъ въ провинціи читалъ публичныя лекціи о разныхъ популярныхъ предметахъ. Онъ давно уже засѣдалъ въ парламентѣ, и всегда готовъ былъ угостить палату потокомъ своего краснорѣчія. Притомъ, лордъ Брокъ сильно опасался, что все его министерство должно распастись въ самомъ непродолжительномъ времени. Самъ онъ пользовался нѣкоторою популярностію, но этой популярности не хватало на него купно съ его недавно-избраннымъ сподвижникомъ. При такомъ стеченіи обстоятельствъ, онъ рѣшился предложить Гарольду Смигу освободившееся мѣсто лорда Малой Сумки.

Сильно возгордился новый лордъ Малой Сумки. Въ продолженіи послѣднихъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, онъ и мистеръ Саппельгаусъ пророчили министерству неминуемую гибель. Невозможно было сносить этого постыднаго диктаторства, говаривалъ Гарольдъ Смитъ, и мистеръ Саппельгаусъ вполнѣ съ нимъ соглашался. Но теперь дѣла приняли иной оборотъ. Первый министръ показалъ свою мудрость, обратился за опорой туда именно, гдѣ слѣдовало искать опоры, и впустилъ новую кровь, новую силу въ жилы угасающаго министерства. Въ душѣ народа, въ самихъ палатахъ, должно было проснуться новое довѣріе. Что касается до мистера Саппельгауса, конечно, Гарольдъ Смитъ употребитъ всѣ старанія, чтобъ и его привлечь на сторону правительства. Но, наконецъ, главное дѣло не въ мистерѣ Саппельгаусѣ.

На другое же утро по прибытіи своему въ Лондонъ, викарій отправился въ Малую Сумку. Она находилась въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Доунингъ-Стритомъ и съ высшими правительственными богами; само зданіе не отличалось красотой, оно все скосялось на одинъ бокъ, фасадъ не соразмѣрно выдался впередъ, оно все почернѣло отъ дыма и грязи; но несмотря на то, что оно не могло похвастать ни архитектурными затѣями, ни ухищреніями комфорта, его общественное положеніе придавало ему важность, отражавшуюся и на всѣхъ чиновникахъ, наполнявшихъ канцелярію. Маркъ видѣлъ наканунѣ своего

друга Соверби, и они уговорились встрѣтиться въ это утро у новаго правительственнаго лица. Маркъ пришелъ поравьше, чтобы повидаться съ братомъ.

Когда его привели въ комнату молодого секретаря, Маркъ былъ пораженъ перемѣной, которую произвела въ его наружности перемѣна его оффиціальнаго значенія. Джекъ Робартсъ и прежде былъ красивый, статный молодецъ, съ веселымъ, добродушнымъ лицомъ, но манеры его не отличались изяществомъ, и одѣвался онъ небрежно, чтобы не сказать неопратно. Теперь же его нельзя было узнать. Щегольской фракъ сидѣлъ на немъ безукоризненно, волосы были тщательно причесаны, жилетъ и панталоны самой модной матеріи, даже зонтикъ, стоявшій въ углу, поражалъ щеголеватостью и аккуратностью.

— Я вижу, Джонъ, что ты сдѣлался важнымъ лицомъ, сказалъ старшій братъ.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ Джонъ,—знаю только, что у меня работы бездна.

— Какъ? Я думалъ, что твоя служба самая покойная.

— Да, вотъ какъ люди ошибаются! Оттого только, что мы, частные секретари, не исписываемъ огромныхъ листовъ бумаги, самымъ размахистымъ почеркомъ, по пятнадцати строчекъ на страницу, и по пяти словъ на строку, люди воображаютъ, что намъ дѣлать нечего. Вотъ, посмотри, прибавилъ онъ, разбросавъ передъ братомъ цѣлую дюжину небольшихъ записокъ,—право, Маркъ, нелегкое дѣло справляться со всѣми просителями. Я обязанъ написать каждому изъ этихъ господъ отвѣтъ, которымъ бы онъ остался доволенъ, а между тѣмъ я долженъ всѣмъ имъ отказать въ ихъ просьбахъ.

— Это, конечно, трудная задача.

— Еще бы! Но тутъ главное дѣло въ споровкѣ: нужно уметь придать отказу любезную форму. Я этимъ только и занимаюсь съ утра до вечера, и право, кажется, всѣ остаются довольны моими письмами.

— Должно-быть отказъ отъ тебя пріятнѣе чѣмъ согласіе отъ другаго человѣка....

— Я этого не говорю. Ужъ такая наша должность. Повѣришь ли? Я уже извелъ цѣлую дѣсть бумаги на то чтобы всѣмъ объявлять, что нѣтъ вакансій на мѣсто швейцара при нашемъ департаментѣ. Семь знатныхъ барынь добивались этой должности, каждая для любимаго своего лакея. Но вотъ... вотъ меня зовутъ.

Раздался звонокъ, и частный секретарь вскочилъ съ мѣста и быстрыми шагами пустился въ кабинетъ великаго сановника.

— Я уже доложилъ о тебѣ, сказалъ онъ:—Боггинсъ, проведите его преподобіе мистра Робартса къ лорду Малой Сумки.

Боггинсъ былъ именно тотъ швейцаръ, мѣста котораго такъ добивались супруги достопочтенныхъ перовъ. Онъ провелъ Марка въ сосѣдную комнату.

Если человѣкъ можетъ измѣниться отъ того, что онъ получилъ мѣсто приватнаго секретаря, какже ему не преобразиться, сдѣлавшись лордомъ Малой Сумки! Робартсъ едва, едва могъ повѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гарольдъ Смитъ, котораго мистриссъ Проуди такъ замучила на лекціи въ Барчестерѣ.

Тогда онъ былъ угрюмъ, раздражителенъ, не замѣчателенъ ничѣмъ. Теперь же онъ улыбался такою ласковою, покровительствующею улыбкой, стоя у своего офіціального очага! Онъ любилъ стоять такъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, сознавая свое величіе, чувствуя себя правительственнымъ лицомъ съ ногъ до головы. Соверби вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, но остановился нѣсколько позади, и отъ времени до времени подмигивалъ Марку черезъ плечо сановника.

— А, Робартсъ! Очень радъ васъ видѣть. Кстати, какъ странно, что вашъ братъ служить у меня секретаремъ!

Маркъ согласился, что это довольно странное стеченіе обстоятельствъ.

— Онъ славный малый. Онъ пойдетъ хорошо, если будетъ вести себя какъ слѣдуетъ.

— Я увѣренъ, что онъ пойдетъ хорошо, сказалъ Маркъ,

— Ну да, конечно; я самъ такъ думаю. Что же я могу для васъ сдѣлать, Робартсъ?

Тутъ виѣшался мистеръ Соверби, и объяснилъ, что самъ мистеръ Робартсъ ничего для себя просить не намѣренъ, но такъ какъ его друзья нашли свободное мѣсто въ барчестерскомъ капитулѣ приличествующимъ ему болѣе чѣмъ какому-либо другому священнику, то онъ согласится принять эту бенифецію по ходатайству человѣка, котораго онъ такъ искренно уважаетъ какъ новаго лорда Малой Сумки.

Правительственному лицу не совѣмъ понравилась эта рѣчь, ибо она лишала его удовольствія выслушать съ покровительственнымъ видомъ прошеніе Марка. Однако онъ отвѣчалъ очень милостиво, сказавъ, что не можетъ отвѣчать заранѣе, какъ лордъ Брокъ вздумаетъ распоряжаться свободнымъ бенифеціемъ въ Барчестерѣ. Онъ уже говорилъ съ его лордствомъ объ этомъ предметѣ, и имѣетъ причины думать, что его мнѣніе будетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ. Конечно, ему до сихъ поръ не дали положительнаго обѣщанія, но, насколько ему позволено судить, хо-

датайство его было успѣшно. Если такъ, то онъ съ искреннимъ удовольствіемъ поздравить мистера Робартса съ получениемъ мѣста, которое, конечно, онъ вполне заслужилъ своими дарованіями, своимъ извѣстнымъ благочестіемъ и христіанскими добродѣтелями.

Когда онъ кончилъ, мистеръ Соверби значительно подмигнулъ другу, и сказалъ, что, кажется, дѣло порѣшено.

— Нѣтъ, Натаніель, не совсѣмъ, возразилъ осторожный министръ.

— Все равно! отвѣчалъ Соверби. — Мы вѣдь знаемъ, что значать всѣ эти недомолвки. Должностныя лица, Маркъ, никогда ничего не обѣщаютъ навѣрное даже самимъ себѣ, хотя бы дѣло шло о бараньей ногѣ, которая жарится передъ огнемъ ихъ собственной кухни; въ наше время не худо будетъ попридержаться, не такъ ли Гарольдъ?

— Да, конечно, сказалъ Гарольдъ Смитъ, мудро качнувъ головой. Ну, кто еще тамъ, Робартсъ (это онъ сказалъ секретарю, пришедшему доложить ему о пріѣздѣ какихъ-то важныхъ особъ)?

— Хорошо. Извините, если я съ вами прошусь, у меня бездна дѣла. Будьте увѣрены, мистеръ Робартсъ, что я для васъ сдѣлаю все что могу; но, помните, что покуда я вамъ ничего не обѣщаю положительнаго....

— О, конечно, конечно! прервалъ Соверби. — Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго обѣщанія.

Потомъ, расхаживая по городу подъ руку съ Маркомъ Робартсомъ, онъ опять сталъ уговаривать его купить эту великолѣпную лошадь, которая цѣлый годъ даромъ стоитъ у него въ Чальдикотской конюшнѣ.

ГЛАВА XIX.

Мистеръ Соверби, чтобы доставить это хорошее мѣсто «ремлейскому» викарію, разчитывалъ и надѣялся не на одну свою короткость съ лордомъ Малой Сумки. Онъ чувствовалъ, что можно употребить средства болѣе сильныя, и потому обратился къ герцогу Омніуму не самъ лично, но черезъ мистера Фодергилла. Ни одинъ человѣкъ съ тактомъ не подумалъ бы въ такомъ дѣлѣ прямо обращаться къ герцогу. Еслибы рѣчь шла о женщинѣ, лошади или картинѣ, дѣло иное: герцогъ могъ быть тогда очень податливъ и любезенъ.

Но до него добрались через мистера Фодергила. Ему было внушено, не без хитрости, что имѣть въ рукахъ фремлейскаго курата, можетъ-быть очень выгодно, что приобрести его будетъ чувствительнымъ ударомъ для противнаго стана. Черезъ это герцогъ Омнiумъ добудетъ себѣ союзника въ соборномъ совѣтѣ. И притомъ всѣмъ было извѣстно, что мистеръ Робартсъ имѣетъ сильное вліяніе на лорда Лоттона. Настроенный такимъ образомъ, герцогъ сказалъ два слова лорду Броку, а два слова герцога Омнiума что-нибудь да значили, даже для перваго министра. Плодомъ всего этого было то, что Маркъ Робартсъ получилъ мѣсто, но узналъ онъ объ этомъ не прежде какъ чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи своемъ въ Фремлей.

Мистеръ Соверби не преминулъ упомянуть о стараніяхъ, необыкновенныхъ стараніяхъ, которыя герцогъ употребилъ для достиженія этой цѣли. «Я не помню, чтобъ онъ когда-либо рѣшался ходатайствовать, сказалъ мистеръ Соверби, и вы можете быть увѣрены, что онъ и теперь не сталъ бы хлопотать за васъ, еслибъ вы не съѣздили въ Гадеромъ-Кассль, когда онъ васъ приглашалъ. Скажу вамъ откровенно, Маркъ, хотя не мнѣ приходится хулить свое гнѣздо, но я увѣренъ, что слово герцога окажется дѣйствительнѣе цѣлаго потока краснорѣчія лорда Малой Сумки.» Маркъ, разумѣется, выразилъ ему свою благодарность и купилъ у него лошадь за сто тридцать фунтовъ. «Она стоить этихъ денегъ, говорилъ Соверби, я желаю вамъ сбыть ее только потому, что когда опять зашевелится Тозеръ вамъ придется заплатить чѣмъ-нибудь подобнымъ этому.» Марку не пришло въ голову спросить, почему онъ лошадь эту не продавалъ кому-нибудь другому, чтобъ имѣть средства расплатиться самъ. Но это не было бы удобно для мистера Соверби.

Маркъ зналъ, что лошадь хороша, и возвращаясь къ себѣ, съ нѣкоторою гордостью думалъ о новомъ своемъ приобрѣтеніи. Но что долженъ онъ былъ сказать о немъ своей женѣ, какъ оправдаться передъ ней? Съ другой стороны, почему бы ему и не купить себѣ лошадь, когда это приходится кстати? Онъ могъ позволить себѣ это, соображаясь съ общимъ итогомъ своихъ доходовъ. Но ему любопытно было знать, что скажетъ мистеръ Кролей, когда узнаетъ объ этой новой покупкѣ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ очень часто спрашивать себя, что скажутъ о немъ его друзья и сосѣди.

Онъ уже проводилъ второй день въ Лондонѣ, и собрался выѣхать на другое утро, чтобъ быть дома въ пятницу къ вечеру. Но въ этотъ самый вечеръ, довольно поздно, когда онъ уже собирався въ постель, его удивило неожиданное появленіе лорда

Лоттона въ кофейной гостиницы, гдѣ онъ стоялъ. Лицо лорда Лоттона было красно; онъ вошелъ поспѣшно и казался разсерженнымъ.

— Робартсъ, сказалъ онъ подходя къ своему другу, — знаешь ты что-нибудь объ этомъ человѣкѣ, Тозерѣ?

— Тозеръ, какой это Тозеръ? Соверби, кажется, говорилъ мнѣ о немъ.

— Должно полагать, что говорилъ. Если я не ошибаюсь, ты самъ писалъ мнѣ о немъ.

— Это очень возможно. Я помню, что Соверби упомянулъ объ этомъ человѣкѣ говоря о твоихъ дѣлахъ. Но къ чему ты меня спрашиваешь?

— Этотъ человѣкъ не только писалъ ко мнѣ, но даже вошелъ въ мою комнату пока я одѣвался къ обѣду, и имѣлъ дерзость сказать мнѣ, что если я не уплачу или не возобновлю какой-то подписанный мною вексель въ восемь сотъ фунтовъ, находящійся въ его рукахъ, онъ подастъ его ко взысканію.

— Но вѣдь ты уже покончилъ всѣ эти дѣла съ Соверби?

— Покончилъ, и не дешево мнѣ это обошлось. Чтобы заглушить это дѣло я, дуракъ, заплатилъ ему все, что вздумалось ему съ меня потребовать. Это просто мошенничество, и если это будетъ продолжаться, я оглашу это дѣло.

Робартсъ оглянулся, но по счастью въ комнату кромѣ ихъ никого не было. — Ты не хочешь, надѣюсь, сказать, что Соверби обманываетъ тебя? сказалъ онъ.

— Дѣло на это очень похоже, сказалъ лордъ Лоттонъ, — и объявляю тебѣ рѣшительно, что я не намѣренъ долѣе даваться на такіа продѣлки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я надѣлалъ не мало глупостей, благодаря этому человѣку. Но четыре тысячи фунтовъ должны были бы непременно покрыть то, что тогда прокутилъ. Съ тѣхъ поръ я заплатилъ уже втрое больше, и, клянусь душой! не стану больше платить прежде чѣмъ не приведу въ извѣстность все это дѣло.

— Но, Лоттонъ, я не понимаю. Что это за вексель? Ты говоришь, что онъ подписанъ тобою?

— Да, и я не откажусь отъ своей подписи, и если это нужно, уплачу его; но, если я это сдѣлаю, то не иначе какъ черезъ моего стряпчаго, который разберетъ все это дѣло.

— Но я думалъ, что всѣ эти векселя уплачены?

— Я предоставилъ Соверби собирать старые векселя, по мѣрѣ ихъ возобновленія, и теперь одинъ изъ нихъ, уже давно уплаченный мною, опять явился на свѣтъ.

Маркъ не могъ не вспомнить о двухъ подписанныхъ имъ до-

кументахъ, которые оба теперь вѣроятно находятся въ рукахъ Тозера или подобнаго ему лица; и оба они могли теперь быть предъявлены противъ него, одинъ за другимъ. Онъ вспомнилъ тогда, что Соверби говорилъ ему что-то о просроченномъ векселѣ, и о томъ, что придется купить его за какую то бездѣлицу; онъ напомнилъ объ этомъ лорду Лофгону.

— И ты называешь восемьсотъ фунтовъ бездѣлицей? Если такъ, признаюсь, я не согласенъ съ тобою.

— Они вѣроятно и не подумаютъ требовать съ тебя всю эту сумму.

— Но я говорю тебѣ, что они именно требуютъ ее сполна. Человѣкъ, явившійся ко мнѣ и выдающій себя за друга Тозера,—вѣроятно самъ Тозеръ,—покаялся мнѣ, что будетъ принужденъ дѣйствовать судебнымъ порядкомъ, если деньги не будутъ въ его рукахъ черезъ недѣлю, много двѣ. Когда я объявилъ ему, что это старый вексель, уже возобновленный, онъ объявилъ, что другъ его купилъ вексель по поминальной его цѣнѣ.

— Соверби говорилъ, что тебѣ вѣроятно придется заплатить десять фунтовъ, чтобы выкупить его. Я бы на твоемъ мѣстѣ предложилъ этому человѣку такую сдѣлку.

— Я не намѣренъ ничего предлагать этому человѣку; я все это дѣло предоставляю своему стряпчему, наказавъ ему не щадить никого, ни меня, ни другихъ. Я не позволю такому человѣку, какъ Соверби, выжимать изъ меня деньги, когда ему это вздумается.

— Но, Лофгонъ, ты какъ будто сердишься на меня.

— Нѣтъ, я не сержусь. Но я счелъ своимъ долгомъ открыть тебѣ глаза на счетъ этого человѣка. Въ послѣднее время всѣ мои дѣла съ нимъ шли черезъ тебя, и поэтому....

— Но ты самъ этого пожелалъ; взялся я за эти дѣла только для того чтобъ угодить тебѣ и ему. Ты не подозреваешь, надѣюсь, чтобъ я былъ при чемъ-нибудь въ этомъ дѣлѣ съ векселями.

— Совсѣмъ не то, но я знаю, что у тебя есть разныя дѣла съ Соверби.

— Итакъ, Лофгонъ, ты меня обвиняешь въ соучастіи въ дѣлахъ, которыя ты назвалъ мошенническими?

— Я знаю только то, что меня надували, и надуваютъ до сихъ поръ.

— Но ты не отвѣчаешь на мой вопросъ. Обвиняешь ли ты меня въ чемъ-нибудь? Если такъ, я согласенъ съ тобой, что ты долженъ обратиться къ твоему стряпчему.

— Я такъ и сдѣлаю.

— Очень хорошо. Но позволь мнѣ сказать тебѣ, что я не

встрѣчалъ человѣка менѣе тебя разсудительнаго, или такъ несправедливаго какъ ты. Единственно по твоей просьбѣ, и желая только быть полезнымъ тебѣ, я вступилъ съ Соверби въ переговоры о твоихъ дѣлахъ. По его желанію, вслѣдствіе твоей же просьбы, я сталъ нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между вами, писалъ къ тебѣ и передавалъ ему твои отвѣты. И вотъ чего я добился!

— Я ни въ чемъ не виню тебя, Робартсъ; но я знаю, что у тебя есть дѣла съ этимъ человѣкомъ. Ты самъ мнѣ это сказалъ.

— Да, по его просьбѣ, чтобы вывести его изъ затрудненія, я подписалъ за него одинъ вексель.

— Только одинъ?

— Одинъ, а потомъ тотъ же самый возобновленный, или не совсѣмъ тотъ же, но другой, замѣняющій его. Первый былъ въ четыреста, второй въ пятьсотъ фунтовъ.

— И тебѣ придется за оба поплатиться, и свѣтъ конечно скажетъ, что ты деньги эти заплатилъ за мѣсто члена барчестерскаго капитула.

Тяжело было снести это. Въ послѣднее время Маркъ слышалъ многое, что могло испугать и встревожить его, но ничего столь ужаснаго какъ это; ничего, что бы до такой степени поразило его, такъ ясно представило ему весь ужасъ его положенія. Онъ ничего не отвѣчалъ, и прислонившись спиною къ камню, смотрѣлъ не глядя ни на что. До этой минуты онъ не сводилъ глазъ съ лорда Лофтона, но теперь ему казалось, что все между ними кончено. Онъ не могъ болѣе разчитывать на дружбу лорда Лофтона и матеря его. Да и въ комъ могъ онъ теперь быть увѣренъ, кромѣ своей нѣжной, любящей женѣ, которой онъ готовилъ такую ужасную будущность?

Въ это мучительное мгновеніе разныя мысли быстро пробѣгали въ его головѣ. Онъ немедленно откажется отъ этого мѣста, о которомъ каждый имѣлъ право сказать, что онъ купилъ его. Онъ отправится къ Гарольду Смиту и рѣшительно скажетъ, что отказывается отъ мѣста. А потомъ онъ возвратится домой и во всемъ признается женѣ;—а также и леди Лофтонъ, если это еще могло быть сколько-нибудь полезно. Онъ устроится такъ, чтобъ имѣть возможность уплатить оба векселя, если они будутъ ему явлены, не разбирая справедливо ли это требованіе, не обвиняя никого, не пѣная даже на Соверби. Если это будетъ нужно, онъ половину своихъ доходовъ отдастъ въ распоряженіе мистера Фореста, банкира, пока все не будетъ уплачено. Онъ продастъ всѣ лошади свои, до послѣдней. Онъ разстанется съ своимъ лакеемъ; однимъ словомъ, онъ будетъ всачески ста-

раться, какъ слѣдуетъ мушнѣ, снова пріобрѣсти себѣ независимое положеніе и добиться уваженія окружающихъ его. Въ эту минуту онъ съ глубокимъ отвращеніемъ смотрѣлъ на положеніе, въ которое онъ привелъ себя, и на свое безразсудство, вовлекшее его въ такіа неприятности. Какъ могъ онъ согласить съ своими понятіями и совѣстью, что онъ теперь находится въ Лондонѣ съ Соверби и Гарольдомъ Смитомъ, и добивается мѣста, чрезъ посредничество человѣка, которому вовсе не слѣдовало бы имѣть голоса въ духовныхъ дѣлахъ, покупаетъ лошадей, хлопочетъ о просроченныхъ векселяхъ? Онъ чувствовалъ, что нѣтъ ему извиненія. Мистеръ Кролей былъ правъ, назвавъ его отступникомъ.

Лордъ Лофтонъ, который былъ очень разсерженъ во все время этого свиданія и гнѣвъ котораго возрасталъ по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, прошелся между тѣмъ два раза по комнатѣ; онъ нѣсколько успокоился, и ему теперь стало понятно, какъ слова его могли оскорбить Марка. Онъ пришелъ сюда съ намѣреніемъ излить свою злость на Соверби, и побудить Робартса довести до свѣдѣнія этого джентельмена, что если ему, лорду Лофтону, стануть еще докучать этимъ векселемъ, то онъ все это дѣло отдастъ въ руки своего адвоката; но, вмѣсто всего этого, онъ завелъ обвиненіе на самого Робартса. Ему уже давно было досадно то, что Робартсъ съ нѣкоторыхъ поръ, по случаю всѣхъ этихъ неприятныхъ денежныхъ дѣлъ, очень сблизился съ Соверби и какъ бы отсталъ отъ него. Онъ выразился гораздо сильнѣе, и сказалъ гораздо больше чѣмъ хотѣлъ.

— Что касается тебя лично, Маркъ, сказалъ онъ, возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Робартсъ, — я не желалъ сказать тебѣ ничего неприятнаго.

— Вы выразились достаточно ясно, лордъ Лофтонъ.

— Ты не можешь удивляться тому, что меня привелъ въ негодованіе этотъ безсовѣстный поступокъ.

— Вы могли бы, я полагаю, не смѣшивать въ своихъ мысляхъ тѣхъ, кто виновать передъ вами, если вы увѣрены въ ихъ винѣ, съ тѣми, которые дѣйствовали только по вашему желанію и въ угоду вамъ. Что я, какъ духовное лицо, сдѣлалъ очень дурно, принявъ какое бы то ни было участіе въ этихъ дѣлахъ, я сознаю вполне. Что какъ человѣкъ я сдѣлалъ непростительную глупость, поручившись за мистера Соверби, я также знаю очень хорошо: я заслужилъ, чтобы меня рѣзко упрекнули въ этомъ; но я не ожидалъ, что упреки эти услышу отъ васъ.

— Полно, Робартсъ, и безъ того у насъ обомхъ хлопотъ довольно. Вопросъ въ томъ, что намъ теперь дѣлать?

— Вы сказали, что намѣрены сдѣлать. Вы дѣло это предадите суду.

— Но не съ тѣмъ, чтобы запутать тебя.

— Запутать меня, лордъ Лофтонъ! Право, слушая васъ, можно подумать, что я распорядился вашими деньгами.

— Ты не хочешь меня пенять. Я думаю вовсе не о томъ. Но ты самъ знаешь, что если это проклятое дѣло пойдетъ судебнымъ порядкомъ, твои сдѣлки съ Соверби также стануть всѣмъ извѣстны.

— Мои сдѣлки съ Соверби будутъ состоять въ томъ, что мнѣ придется за него заплатить не малую сумму денегъ, которую онъ мнѣ, конечно, никогда не возвратитъ.

— Но что скажугъ о твоёмъ новомъ мѣстѣ?

— Послѣ того, что я слышалъ отъ васъ, лордъ Лофтонъ, я долженъ отказаться отъ него.

Въ эту минуту нѣсколько человекъ вошло въ комнату, и разговоръ между друзьями прекратился. Они нѣсколько минутъ молча стояли у камина. Робартсъ ждалъ, чтобы ушелъ лордъ Лофтонъ, а лордъ Лофтонъ еще не сказалъ того, что онъ именно хотѣлъ сказать и зачѣмъ приходилъ. Наконецъ онъ заговорилъ почти шепотомъ:—Я полагаю, что лучше всего будетъ попросить Соверби зайти ко мнѣ завтра утромъ; думаю, что и тебѣ не худо было бы видѣться съ нимъ у меня.

— Я не вижу никакой надобности въ этомъ, отвѣчалъ Робартсъ;— мнѣ и такъ по всей вѣроятности придется поплатиться за то, что я имѣлъ глупость вмѣшаться въ ваши дѣла, и я не намѣренъ вступаться еще болѣе.

— Я, конечно, не могу заставить тебя придти; но мнѣ кажется, что въ отношеніи къ Соверби этого требуетъ справедливость; а меня ты этимъ обяжешь.

Робартсъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, стараясь уяснить себѣ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Если дѣло это станеть гласнымъ, и имя его будетъ упомянуто въ связи съ разными, не совсѣмъ благовидными денежными сдѣлками, это конечно много повредитъ ему. Онъ зналъ теперь, по намекамъ, лорда Лофтона, какимъ образомъ свѣтъ станеть объяснять его участіе въ этомъ дѣлѣ. А жена его, какъ перенесетъ она этотъ срамъ?

— Я буду у тебя завтра утромъ, но только съ однимъ условіемъ, сказалъ онъ наконецъ.

— А именно?

— Съ тѣмъ, что ты дашь мнѣ слово, что не подозрѣваешь меня ни въ какомъ сообщничествѣ съ мистеромъ Соверби; не думай, что я имѣлъ какіе-нибудь виды, хлопоча о твоихъ дѣлахъ.

— Я никогда не думалъ и не подозрѣвалъ этого. Но я полагалъ, что онъ вовлекъ тебя въ разные неприятныя дѣла.

— И въ этомъ ты не ошибся; я поручился за него. Но ты могъ бы и долженъ бы знать, что я ни шиллинга не получалъ за это мое ручательство. Я старался одолжить челоуѣка, на котораго я сперва смотрѣлъ какъ на твоего друга, а потомъ какъ на своего. И вотъ къ чему меня привело это!

Лорду Лофтону наконецъ удалось успокоить его, и они усѣлись за одинъ изъ столовъ кофейной. Робартсъ обѣщался отложить свой отъѣздъ до субботы, чтобы на слѣдующій день встрѣтить мистера Соверби въ комнатахъ, занимаемыхъ лордомъ Лофтономъ въ Альбани. Какъ только онъ на это согласился, лордъ Лофтонъ простился съ нимъ и ушелъ.

Послѣ этого бѣдный Маркъ провелъ не очень спокойную ночь. Было ясно, что лордъ Лофтонъ подумалъ, а быть-можетъ думалъ и до сихъ поръ, что мѣсто въ Барчестерѣ было ему предложено въ вознагражденіе за нѣкоторыя денежные одолженія, оказанныя имъ челоуѣку, хлопотавшему за него. Можно ли было себѣ представить что-нибудь ужаснѣе? Впервыхъ, это было бы святокупство, къ тому же самое гнусное святокупство. Одна мысль объ этомъ наполняла душу Марка отвращеніемъ и ужасомъ. Быть-можетъ, лордъ Лофтонъ пересталъ теперь подозрѣвать; но то же самое могли подумать другіе, и ихъ подозрѣнія не возможно будетъ уничтожить; онъ зналъ, что для большей части людей открыть какую-нибудь погрѣшность въ духовномъ лицѣ—истинное наслажденіе. И притомъ эта лошадь, купленная имъ! Имѣлъ ли онъ право говорить, что сдѣлки его съ Соверби ровно ничего ему не доставили? Что ему было теперь дѣлать съ лошадью? Къ тому же онъ, въ послѣднее время, издерживалъ и продолжалъ издерживать больше денегъ чѣмъ позволяли его средства. Послѣднее его путешествіе въ Лондонъ казалось ему дѣломъ крайне безразсуднымъ теперь, когда ему приходилось отказаться отъ мѣста. И онъ сталъ нѣсколько колебаться въ первомъ своемъ рѣшеніи, что, конечно, было очень естественно въ его положеніи. Онъ повторялъ себѣ, что планъ новой жизни, составленный имъ въ первую минуту негодованія, возбужденнаго лордомъ Лофтономъ, обрекающій его на бѣдность, на насмѣшки, всякія неудобства, хорошъ, и что ему не остается другаго исхода. Но трудно отказаться отъ честолюбивыхъ надеждъ и идти на встрѣчу бѣдности, насмѣшкамъ и непріятностямъ.

На другое утро, однако, онъ бодро направился къ департаменту Малой Сумки, съ намѣреніемъ извѣстить Гарольда Смита о томъ, что онъ не желаетъ болѣе этого мѣста въ Барчестерѣ. Онъ засталъ своего брата, углубленнаго въ сочиненіе художественныхъ записокъ къ разнымъ высокороднымъ дамамъ на счетъ невозможности до-

ставить то или другое мѣсто для ихъ *protégés*; но самъ владыка сихъ мѣстъ не былъ на лицѣ. Онъ обыкновенно заходилъ въ канцелярію около четырехъ часовъ, когда начиналось засѣданіе палаты, но никогда не являлся туда поутру. Онъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ исправлялъ свою должность. Онъ, быть-можетъ, уносилъ съ собою работу на домъ, по всеѣмъ извѣстной привычкѣ очень ревностныхъ должностныхъ людей.

Маркъ подумалъ было откровенно поговорить съ братомъ и черезъ него передать Гарольду Смиту то, что хотѣлъ сказать ему. Но у него не хватило на это храбрости, или точнѣе его удержала отъ этого осторожность. Онъ говорилъ себѣ, что о своихъ дѣлахъ обязанъ разказать прежде всего женѣ. И поэтому, поболтавъ немного о постороннихъ предметахъ съ братомъ, онъ вскорѣ всталъ и ушелъ.

Онъ не зналъ, какъ убить время до того часа, когда ему слѣдовало отправиться къ лорду Лофтону; но наконецъ насталъ этотъ желанный часъ, и на всѣхъ колокольняхъ еще раздавался бой, когда онъ свернулъ съ Пикадилли на дворъ Альбани. Онъ еще не достигъ строенія, когда знакомый голосъ раздался почти у самого его уха.

— Вы акуратны какъ большіе часы барчестерской башни, говорилъ мистеръ Соверби.—Вотъ что значитъ спѣшить на свиданіе къ сильнымъ міра сего.

Онъ обернулся и машинально протянулъ ему руку, и, взглянувъ на него, подумалъ, что никогда не видалъ его такимъ бодрымъ, сияющимъ и веселымъ.

— Вы имѣли извѣстія о Лофтонѣ? сказалъ Маркъ весьма унылымъ голосомъ.

— Имѣлъ ли я извѣстія о немъ? Да, конечно, имѣлъ. И вотъ что я вамъ скажу, Маркъ,—и онъ заговорилъ почти шепотомъ пока они вмѣстѣ проходили по корридорамъ Альбани.—Лофтонъ—ребенокъ во всемъ, что касается денежныхъ дѣлъ, совершеннѣйшій ребенокъ. Онъ отличный, благороднѣйшій малый, но въ денежныхъ дѣлахъ онъ ничего не смыслитъ.

И съ этимъ они вошли въ комнаты молодого лорда.

Лицо лорда Лофтона также было уныло и мрачно, но это ни сколько не смутило Соверби, который, развязно и съ веселою улыбкой на устахъ, подошелъ къ нему.

— Здравствуйте Лофтонъ, какъ вы поживаете? сказалъ онъ.—Почтенный другъ мой, Тозерь, кажется, нѣсколько обезпокоилъ васъ?

Тогда лордъ Лофтонъ, съ лицомъ далеко невеселымъ, снова началъ свое повѣствованіе о мошенническихъ требованіяхъ То-

зера. Соверби не прерывалъ его, и выслушалъ его терпѣливо, совершенно терпѣливо, хотя лордъ Лофтонъ, все болѣе и болѣе горячившійся по мѣрѣ того какъ онъ исчислялъ притѣсненія, которымъ его подвергали, не преминулъ произнести кой-какія угрозы противъ мистера Соверби, какъ наканунѣ противъ Марка Робартса. Онъ говорилъ, что не намѣренъ заплатить ни одного шиллинга иначе, какъ черезъ своего стряпчаго; а что стряпчему своему онъ накажетъ не платить ничего прежде чѣмъ дѣло это не будетъ разсмотрѣно въ судѣ. Ему было все равно, какія будутъ отъ этого послѣдствія для него или для другихъ. Онъ рѣшился дѣло это сдѣлать гласнымъ, и завести процессъ.

— Что жь, заводите, коли на это у васъ есть охота, сказалъ Соверби.—Но дѣло-то все въ томъ, Лофтонъ, что вы задолжали, потому просрочили уплатой, а къ вамъ вслѣдствіе того и начали нѣсколько приставать.

— Я заплатилъ втрое больше чѣмъ былъ долженъ, сказалъ лордъ Лофтонъ, топнувъ ногой.

— Это вопросъ другой, и я не стану теперь углубляться въ него. Я полагалъ, что онъ уже теперь порѣшенъ и поконченъ людьми, которымъ вы сами на то дали полномочіе. Но позвольте мнѣ у васъ спросить одно: Какое имѣетъ Робартсъ отношеніе къ этому дѣлу? Что онъ сдѣлалъ.

— Я ничего не знаю. Дѣло это онъ улаживалъ съ вами.

— Ни чуть. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя трудъ явиться ко мнѣ съ порученіемъ отъ васъ, и передать вамъ мой отвѣтъ. Вотъ все его участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Но неужели вы думаете, что я хочу запутать его въ это дѣло?

— Я не думаю, чтобы вы кого бы то не было хотѣли запутать, но вы горячи, и съ вами ладить не легко. А что еще хуже, вы нѣсколько подозрительны. Я въ этомъ дѣлѣ хлопотаю изъ всѣхъ силъ, чтобы вывести васъ изъ затрудненія, и не могу сказать, чтобы услышалъ отъ васъ за это хоть одно спасибо.

— Развѣ вы не дали Тозеру вексель, тотъ вексель, который теперъ въ его рукахъ?

— Во первыхъ онъ не въ его рукахъ, а вовторыхъ я не давалъ ему. Такого рода документы переходятъ черезъ сотни рукъ прежде чѣмъ достанутся тому человѣку, который требуетъ уплаты.

— Кто же это намеренъ являлся ко мнѣ?

— То былъ, полагаю я, Томъ Тозеръ, братъ нашего Тозера.

— Ну такъ вексель находится у него; я своими глазами видѣлъ его.

— Позвольте, это очень вѣроятно. Я васъ извѣстилъ о томъ

что вамъ придется выкупить его. Они, конечно, такую вещь не отдадутъ даромъ.

— Вы говорили о десяти фунтахъ, замѣтилъ Маркъ.

— Десять, или двадцать, или около того. Но неужели вы предполагали, что человѣкъ этотъ станетъ требовать съ васъ такую сумму? Разумѣется, онъ начнетъ съ того, что потребуетъ полной уплаты. Вотъ онъ, этотъ вексель, лордъ Лофтонъ, — и Соверби, доставъ изъ кармана бумагу, передалъ ее черезъ столъ молодому лорду. — Я заплатилъ за него сегодня утромъ двадцать пять фунтовъ.

Лордъ Лофтонъ взялъ бумагу, и взглянулъ на нее. — Да, сказалъ онъ, — это тотъ самый вексель. Чтò мнѣ теперь съ нимъ дѣлать?

— А чтò хотите, сказалъ Соверби, — храните его въ домашнемъ вашемъ архивѣ, бросьте въ огонь, дѣлайте чтò вамъ угодно.

— И это послѣдній вексель? Другаго не можетъ быть предъявлено на меня?

— Вамъ лучше знать, какія вы подписывали бумаги. Я о другомъ не знаю. При послѣднемъ возобновленіи это былъ единственный извѣстный мнѣ вексель.

— И вы заплатили за него двадцать пять фунтовъ?

— Заплатилъ. Еслибы вы не подняли такой исторіи, и еслибы я не зналъ, что не принесъ я его сегодня, вы бы нашумѣли на весь домъ, а бы не заплатилъ за него больше пятнадцати или двадцати. Черезъ три, четыре дня, мнѣ бы его отдали за пятнадцать.

— Десять фунтовъ больше или меньше ничего не значатъ, и я, разумѣется, заплачу вамъ эти двадцать пять фунтовъ, сказалъ лордъ Лофтонъ, нѣсколько пристыженный.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Разумѣется, и говорить объ этомъ нечего; это мое дѣло, — и онъ сѣлъ къ столу, чтобы написать вексель на эти деньги.

— А теперь, Лофтонъ, позвольте мнѣ вамъ сказать нѣсколько словъ, сказалъ Соверби, становясь спиной къ камину и играя товою тростью, которую держалъ въ рукѣ. — Постарайтесь впередъ не придираться такъ жестоко къ своимъ ближнимъ, и быть свислительнѣе къ нимъ. Когда вы чѣмъ-нибудь раздосадованы, вы позволяете себѣ говорить вещи, которыя не каждый бы снесъ отъ васъ, хотя люди, знающіе васъ такъ хорошо какъ я и Робартсъ, могутъ разъ-другой и махнуть на нихъ рукою. Вы обвинили меня во всевозможныхъ злодѣяніяхъ....

— Чтò до этого касается, Соверби....

— Дайте мнѣ договорить. Вы сами знаете, что обвинили меня. Но я сомнѣваюсь, чтобы вамъ когда-либо пришло въ голову обвинить самихъ себя.

— Напрасно вы это думаете.

— Вы, конечно, сдѣлали дурно, вступивъ въ сношенія съ такими людьми, какъ Тозеръ. Я также сдѣлалъ очень дурно. Все это разумѣется само собой. Образцовые джентльмены не знаютъ съ Тозеромъ, и прекрасно дѣлаютъ. Но человѣку слѣдуетъ имѣть плечи сильныя, чтобы нести бремя, которое самъ же онъ навалилъ на нихъ. Не связывайтесь впередъ съ Тозеромъ, если можете, но если ужъ вступите въ сношенія съ нимъ, старайтесь, Бога ради, лучше владѣть собой.

— Все это прекрасно, Соверби, но вы знаете также хорошо какъ я....

— Знаю я, сказалъ искуситель рода человѣческаго, ссылаясь на Священное Писаніе, въ то время какъ онъ укладывалъ въ карманъ вексель на двадцать пять фунтовъ,—знаю я только то, что человѣкъ, сѣющій плевелы, не пожнетъ пшеницы, и напрасно сталъ бы этого ожидать. Я терпѣливъ, продолжалъ онъ, прямо глядя въ глаза лорду Лофтону,— и многое могу снести, то-есть если меня не доведутъ до крайности; но мнѣ кажется, что вы были очень не справедливы и жестоки къ Робартсу.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, Соверби. Мы съ лордомъ Лофтеномъ старые друзья.

— И можете, слѣдственно, не стѣсняться другъ съ другомъ. Ну и прекрасно. Теперь проповѣдь моя кончена. Милый мой савонникъ позвольте поздравить васъ. Я сейчасъ узналъ отъ Фодергила, что маленькое ваше дѣльце окончательно улажено.

Лицо Марка опять омрачилось. — Я полагаю, сказалъ онъ,— что мнѣ придется отказаться отъ этого мѣста.

— Отказаться! воскликнулъ Соверби, который послѣ всѣхъ своихъ усилій и хлопотъ по этому дѣлу былъ бы гораздо больше оскорбленъ такими колебаніями со стороны курата чѣмъ всѣмъ тѣмъ, что лордъ Лофтонъ и Маркъ могли бы наговорить ему обиднаго.

— Я думаю такъ, сказалъ Маркъ.

— Но почему?

Маркъ молча взглянулъ на лорда Лофтона.

— Нѣтъ надобности тебѣ отказываться отъ мѣста при теперешнихъ обстоятельствахъ, сказалъ лордъ Лофтонъ.

— А при какихъ бы это обстоятельствахъ можетъ быть надобность въ этомъ? спросилъ Соверби.—Герцогъ Омнiумъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить это мѣсто вамъ, какъ приход-

скому вастору въ его графствѣ, и ни на что бы не было похоже, еслибы вы теперь отказались.

Тогда Робартсъ откровенно изложилъ ему всѣ свои причины, объяснивъ въ точности, что лордъ Лофтонъ сказалъ ему на счетъ его дѣлъ съ ними, и обратилъ его вниманіе на то, какое нареканіе могло навлечь на него получение этого мѣста.

— Клянусь душой, это ни на что не похоже, сказалъ Соверби.

— Послушайте, Соверби, я наставленій слышать не желаю, сказала лордъ Лофтонъ.

— Я одну проповѣдь уже прочелъ, сказалъ онъ, чувствуя, что для него не выгодно доводить друга до крайности, — и не намеренъ начинать другую. Я скажу вамъ только одно, Робартсъ: сколько мнѣ извѣстно, Гарольдъ Смитъ не при чемъ въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ сказалъ, что онъ очень желаетъ, чтобы припадскій курать изъ его графства поступилъ въ капитулъ, и потомъ, по желанію лорда Брока, назвалъ васъ. Если при этихъ обстоятельствахъ вы станете отказываться отъ мѣста, я подумаю, что вы не въ своемъ умѣ. Что же касается векселя, подписаннаго вами, вамъ изъ-за него тревожиться нечего. Деньги будутъ готовы; но конечно, къ тому времени вы доставите мнѣ эти сто тридцать фунтовъ за...

Затѣмъ мистеръ Соверби распростился съ своими друзьями, одержавъ надъ ними полную побѣду. Расторопному, смилшенному человѣку лѣтъ пятидесяти не трудно одержать побѣду, когда собесѣдникамъ его нѣтъ и по тридцати лѣтъ.

По его уходѣ, Робартсъ не долго оставался въ Альбани; при прощаніи лордъ Лофтонъ еще разъ изъясилъ свои сожалѣнія о томъ, что произошло наканунѣ. Ему было немного стыдно.

— А мѣстоэто, конечно, тебѣ слѣдуетъ принять, сказалъ онъ. Такъ не менѣе онъ не пропустилъ безъ вниманія намекъ мистера Соверби на сто тридцать фунтовъ, слѣдующихъ за лошадь.

Робартсъ, возвращаясь къ себѣ въ отель, думалъ о томъ, что ему, конечно, слѣдуетъ принять предложенное мѣсто, и радовался тому, что ни слова не сказалъ объ этомъ дѣлѣ брату. Вообще ему стало гораздо легче на душѣ. Обѣщанія мистера Соверби на счетъ векселя были очень успокоительны, и, странно сказать, онъ совершенно вѣрилъ имъ. Соверби показалъ себя такимъ молодцомъ въ своей послѣдней стычкѣ съ ними, что лордъ Лофтонъ и Маркъ оба повѣрили бы теперь всякому его слову, къ чему они не всегда были склонны.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Изъ науки о человѣческомъ духѣ, П. Юркевича. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860. Книжка четвертая.

Изъ современныхъ записокъ. Князь П. А. Вяземскій. М. Н. ЛОНГИНОВА. Критическія замѣтки. I. Письма Карамзина къ А. Ф. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву. Изд. Общ. Люб. Росс. Слов. II. Два слова объ Академіи Наукъ. Я. К. ГРОТА.

О руководствахъ къ ариметикѣ, изданныхъ въ 1860 году. РУММЕЛЯ. Странное недоумѣніе. Н. Н.

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжномъ лавкѣ г. Базунова, на Невскіиъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москву.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкой въ всѣ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 шиллера 5 грошей 3 феннига.

Печатать дозволяется.

Мая 12-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

31

SEP 6 - 1945

